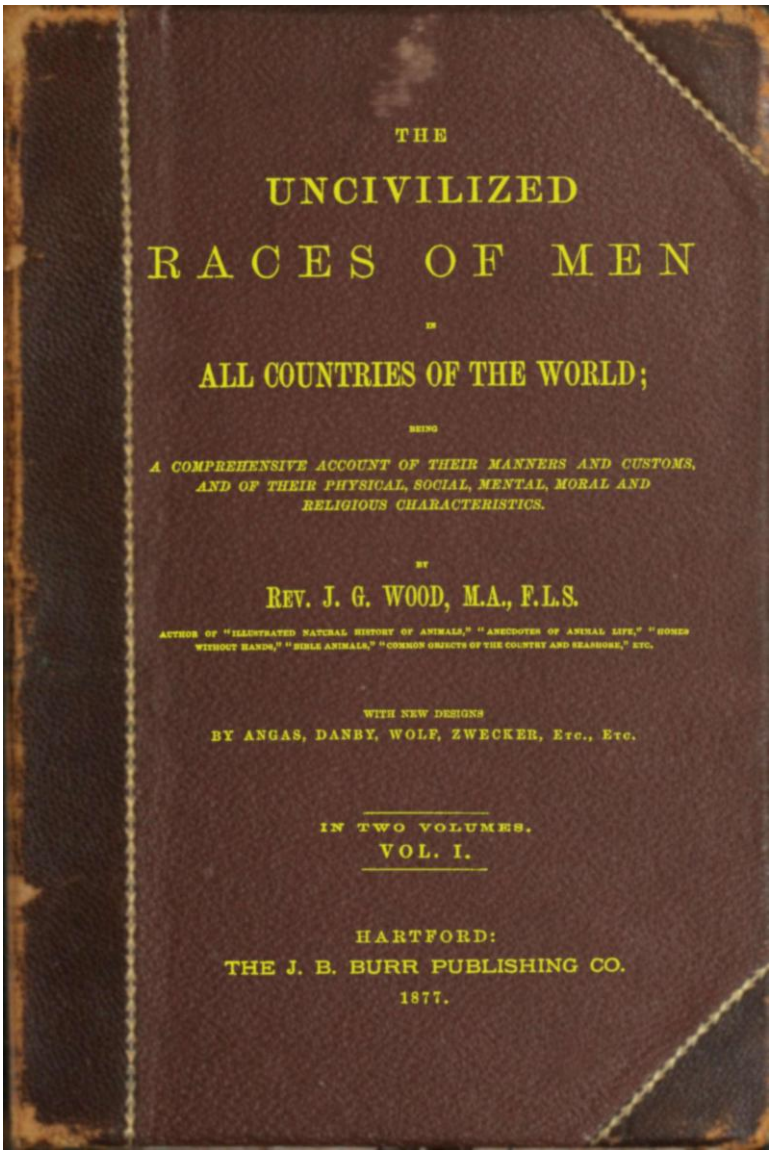
Нецивилизованные расы людей во всех странах мира; том 1 из 2. Представляет собой подробное описание их нравов и обычаев, а также их физических, социальных, умственных, моральных и религиозных особенностей

Дж. Г. Вуд



THE

UNCIVILIZED

RACES OF MEN

IN

ALL COUNTRIES OF THE WORLD;

BEING

A COMPREHENSIVE ACCOUNT OF THEIR MANNERS AND CUSTOMS, AND OF THEIR PHYSICAL, SOCIAL, MENTAL, MORAL AND RELIGIOUS CHARACTERISTICS.

BY

REV. J. G. WOOD, M.A., F.L.S.

AUTHOR OF "ILLUSTRATED NATURAL HISTORY OF ANIMALS," "ANECDOTES OF ANIMAL LIFE," "HOMES WITHOUT HANDS," "BIBLE ANIMALS," "COMMON OBJECTS OF THE COUNTRY AND SEASHORE," ETC.

WITH NEW DESIGNS
BY ANGAS, DANBY, WOLF, ZWECKER, Etc., Etc.

IN TWO VOLUMES.
VOL. I.

HARTFORD:
THE J. B. BURR PUBLISHING CO.
1877.

The Project Gutenberg eBook of The uncivilized races of men in all countries of the world; vol. 1 of 2.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Нецивилизованные расы людей во всех странах мира; т. 1 из 2

Автор: Дж. Г. Вуд

Дата выхода: 30 сентября 2022 [eBook #69073]

Язык: Английский

Оригинальное издание: United States: J. B. Burr Publishing Co, 1875

Кредиты: Брайан Коу, Гарри Ламе, Джуд Эйландер и группа онлайновой распределенной корректуры на сайте https://www.pgdp.net (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive).

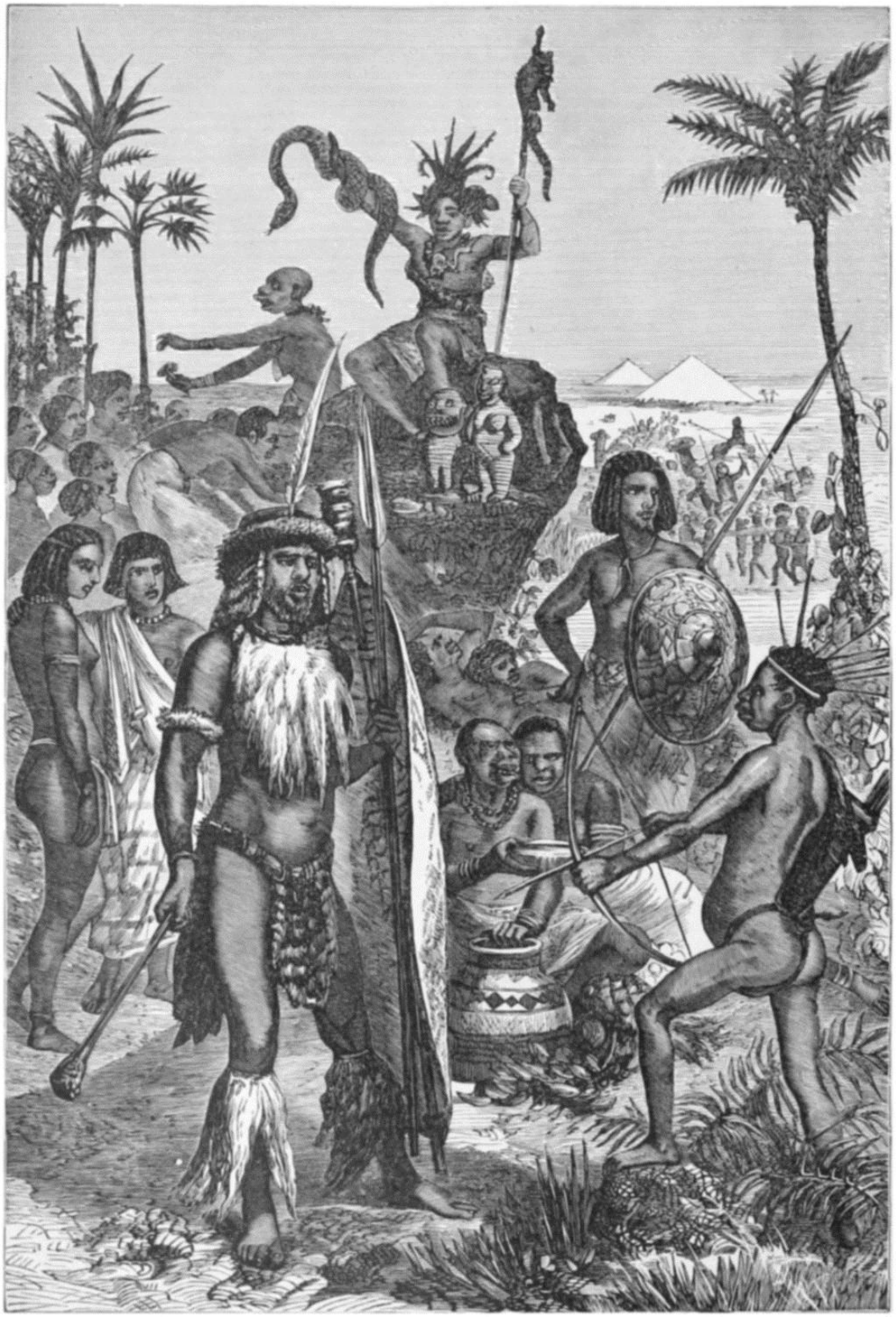
*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE UNCIVILIZED RACES OF MEN IN ALL COUNTRIES OF THE WORLD; VOL. 1 OF 2 ***

Примечания транскриптора

Это том I из II части данного труда, содержащий (после титульного листа) страницы 11-768, главы I-LXXV и иллюстрации № 1-211; том II содержит (после титульного листа) страницы 769-1481, главы LXXVI-CLXX и иллюстрации № 212-443. Для удобства пользования оглавление, список иллюстраций и указатель включены в оба тома. Гиперссылки даны только для внутренних ссылок на этот том.

Более подробную информацию о транскрипции и внесенных изменениях можно найти в Примечаниях транскриптора в конце данного текста.

Изображение обложки и транскрипция музыки были созданы для этого электронного текста и являются общественным достоянием.



(См. стр. ii.)

НЕЦИВИЛИЗОВАННЫЕ РАСЫ ЛЮДЕЙ ВО **ВСЕХ СТРАНАХ МИРА;** *ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ ОТЧЕТ ОБ ИХ НРАВАХ И ОБЫЧАЯХ, А ТАКЖЕ ИХ ФИЗИЧЕСКИХ, СОЦИАЛЬНЫХ, УМСТВЕННЫХ, МОРАЛЬНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК*.

BY Rev. J. G. WOOD, M.A., F.L.S.

АВТОР "ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ЖИВОТНЫХ", "АНЕКДОТОВ ИЗ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ", "ДОМОВ БЕЗ РУК", "БИБЛЕЙСКИХ ЖИВОТНЫХ", "ОБЫЧНЫХ ПРЕДМЕТОВ СТРАНЫ И МОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ" И ДР.

С НОВЫМИ РИСУНКАМИ
ANGAS, DANBY, WOLF, ZWECKER, Etc., Etc.

В ДВУХ ТОМАХ.
VOL. I.

HARTFORD:
THE J. B. BURR PUBLISHING CO.
1877.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эта работа, как сказано на титульном листе, представляет собой просто рассказ о нравах и обычаях нецивилизованных рас людей во всех частях света.

Многие путешественники приводили в своих книгах довольно беспорядочные рассказы о привычках и образе жизни различных народов, среди которых они путешествовали. Эти сведения, однако, распределены по огромному количеству книг, многие из которых очень скудны, многие очень дороги и большинство из них плохо упорядочены; поэтому моей задачей было собрать в одной работе и представить читателю в достаточно систематизированной и понятной форме разновидности характера, которые развиваются среди рас, еще не утративших своей индивидуальности под воздействием современной цивилизации. В выполнении этой задачи мне очень помогли многие путешественники, которые проявили добрый интерес к этой работе и оказали мне неоценимую помощь своим практическим опытом.

Гравюры, которыми богато иллюстрирована работа, были взяты из многих источников. В основном лица людей были срисованы с фотографий , а во многих случаях целые группы,

снятые фотографом, были перенесены на ксилографию, причем художник лишь немного изменил положение, чтобы избежать неприятной неподвижности, характерной для фотографических групп. Многие иллюстрации сделаны с зарисовок, сделанных путешественниками, которые любезно разрешили мне их использовать; здесь я должен выразить благодарность мистеру Т. Бейнсу, опытному художнику и путешественнику, который сделал множество зарисовок специально для этой работы и предоставил в мое распоряжение все свои дневники и портфолио. Я также должен выразить благодарность г-ну Дж. Б. Цвекеру, взявшему на себя трудную задачу живописно изобразить различные сцены жизни дикарей, описанные в работе, и привнесшему в это дело сердечную доброжелательность и широкое знание предмета, без чего работа потеряла бы большую часть своего духа. Рисунки оружия, орудий и утвари взяты с реальных образцов, большинство из которых находятся в моей собственной коллекции, сделанной в течение нескольких лет с явной целью проиллюстрировать эту работу.

Упомянуть все нецивилизованные племена просто невозможно, и я с неохотой вынужден был оставить без внимания многие интересные народы, которым я с удовольствием уделил бы больше места. Особенно это касается Африки, в связи с необычайным разнообразием туземных обычаев, которые преобладают в этой удивительной стране. Например, по одну сторону реки мы имеем народ, хорошо одетый, сытый, хорошо управляемый и сохранивший лишь немногие из старых дикарских обычаев. На другом берегу мы видим людей без одежды, правительства, манер и морали, погруженных так глубоко, как только может быть погружен человек во все убогие страдания дикарской жизни. Кроме того, главная особенность нецивилизованной Африки - это постоянные изменения, которым она подвержена. Некоторые племена воинственны и беспокойны, они постоянно прокладывают себе путь к морю из внутренних районов, неся с собой свои обычаи, образуя по пути поселения и неизменно добавляя к своим привычкам и суевериям привычки и суеверия тех племен, среди которых они поселились. Со временем они утрачивают навыки военного искусства, с помощью которого овладевали страной, и в свою очередь вытесняются другими, которые приносят с собой новые привычки и образ жизни. Таким образом, становится ясно, насколько полна происшествий жизнь в Африке, великом оплоте варварства, и насколько необходимо посвятить этому континенту значительную часть работы.

ПРЕДИСЛОВИЕ АМЕРИКАНСКИХ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Эта работа, почти три года проходящая через лондонский пресс, является одним из самых ценных вкладов в литературу нынешнего поколения. Преподобный доктор Вуд, один из самых популярных и выдающихся писателей Великобритании, задумав эту работу много лет назад и начав собирать такие предметы, утварь, оружие, портреты и т. д., которые иллюстрировали бы жизнь и обычаи нецивилизованных рас, был, несомненно, самым квалифицированным из всех ныне живущих писателей для такого начинания. Работа настолько дорогостоящая из-за сотен превосходных гравюр, что лишь немногие хотят или могут воспользоваться импортным изданием. Тем не менее, она настолько насыщена полезной информацией, настолько увлекательна разнообразием происшествий, портретов и нравов, настолько достойна места в каждой домашней библиотеке, что мы перепечатали ее, чтобы она была доступна множеству читателей в этой стране.

За исключением нескольких параграфов, которые американский редактор не счел необходимыми и которые в совокупности не превышают четырех страниц, текст двух королевских томов формата октаво объемом почти шестнадцать сотен страниц приводится без изменений. Ошибки, характерные первого издания, были исправлены. Благодаря использованию немного меньшего, но очень красивого и разборчивого шрифта, два тома объединены в один. Красота и ценность работы также значительно повышаются благодаря группировке гравюр и их объединению перекрестными ссылками с иллюстрируемыми ими письмами.

В одном другом и очень важном отношении это издание превосходит английское. Доктор Вуд дал слишком краткий и несовершенный рассказ о характере, обычаях и жизни североамериканских индейцев и диких племен арктических регионов. Поскольку работа издавалась ежемесячными частями оговоренного количества, он, возможно, был ограничен в пространстве и, соответственно, опустил главу об индейцах, которую обещал на предыдущей странице. Этот недостаток был восполнен американским редактором, который сделал рассказ о краснокожих более полным и добавил несколько прекрасных гравюр, иллюстрирующих их внешний вид и социальную жизнь. Рассказав об ахтах острова Ванкувер, автор пересекает пролив Беринга и совсем опускает интересные расы Сибири, переходя сразу из Америки в Южную Азию. Чтобы заполнить этот пробел и сделать работу полным "Кругосветным путешествием", тщательным обзором рас "во всех странах", которые представляют жизнь дикарей, мы добавили рассказ о малемутах, ингелетах и ко-юконах Аляски. Интересная глава о тунгусах, якутах, остяках и самоедах Сибири, взятая из "Полярного мира" д-ра Хартвига, также приведена. Полезность и ценность такой работы, как эта, значительно повышается благодаря подробному и полному указателю. В этом отношении английское издание очень несовершенно - его указатель занимает всего одну страницу. Мы приложили к работе более чем в десять раз более объемный указатель, который окажет неоценимую помощь читателю и студенту. Дополненная таким образом буквенной печатью и иллюстрациями, эта работа представляет собой полное и бесценное *резюме* нравов, обычаев и жизни нецивилизованных рас мира.

ПОЯСНЕНИЕ К ФРОНТИСПИСУ.

На фронтисписе дано живописное изображение африканского человечества. Здесь царят суеверия, а самой яркой фигурой является жрец-фетиш, у ног которого стоят идолы, а в руках он держит священную змею. Войну иллюстрируют вождь кафиров на переднем плане, босжесмен с луком и отравленными стрелами и вождь абиссинцев за его спиной. Обжорство негритянской расы иллюстрируют чувственные лица сидящих на корточках мужчин с кувшинами каши и фруктов. Изящество и красоту молодой женщины демонстрируют нубийская девушка и женщина из племени шуа за кафиром, а отвратительность старых женщин - негритянка со своим фетишем. Рабство иллюстрируется караваном рабов на среднем плане, а пирамиды говорят об интересе, который сотни веков сохранялся к Африке.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

		Стр.
1.	Живописное изображение африканских рас	Фронтиспис.
2.	Каффир с детства до старости	13

3. Старый советник с женами 13
4. Колыбель кафира 18
5. Молодой каффир вооружен 21
6. Каффирский почтальон 21
7. Незамужние каффирские девушки 25
8. Старые каффирские женщины 25
9. Каффирские украшения - ожерелья, пояса и т. д. 33
10. Кафирные иглы и ножны 33
11. Предметы костюма 33
12. Куклы, изображающие каффирское платье 33
13. Браслеты из копытца голубого бока 39
14. Фартук жены вождя 39
15. Нарукавники из слоновой кости 39
16. Ожерелья-бусы и зубы 39
17. Молодой каффир в полном облачении 43
18. Девушка в танцевальном платье 43
19. Каффирские украшения 49
20. Платье и украшения 49
21. Кафиры у себя дома 57
22. Интерьер каффирской хижины 63
23. Каффирский крааль 63
24. Каффирская доильная чаша 67
25. Каффирская пивная чаша 67
26. Ситечко для каффирского пива 67
27. Каффирская водопроводная труба 67
28. Женская корзина 67
29. Каффирский скот - тренировка рогов 73
30. Возвращение каффирского военного отряда 73
31. Шествие невесты 83
32. Кафир проходит мимо своей тещи 88
33. Жених на одобрении 97
34. Кафир в своей кузнице 97
35. Ложки для еды каши 103
36. Группа ассагаев 103
37. Стычка кафирских воинов 111
38. Мускулистая пропаганда 111
39. Гоза, каффирский вождь, в обычной одежде 117
40. Гоза в полном военном облачении, со своими советниками 117
41. Обзор Панды 121

42. Сцена охоты в Каффирленде 121
43. Приготовление слоновьей ноги 133
44. Каффирский званый ужин 145
45. Солдаты на берегу водоема 145
46. Каффирская арфа 155
47. Внешний вид каффирской хижины 155
48. Ложка, половник, шумовка 155
49. Каффирская водопроводная трубка 155
50. Каффирский птичник 155
51. Ожерелье из костей человеческих пальцев 167
52. Замечательная табакерка из тыквы 167
53. Трубка бедняка 167
54. Курение каффирских джентльменов 167
55. Школа пророка 174
56. Возвращение пророка 174
57. Старые каффирские пророки 177
58. Каффирская пророчица за работой 188
59. Неблагоприятное пророчество 188
60. Сохраненная голова 203
61. Голова вождя мундуруку 203
62. Погребение матери царя Чаки 203
63. Динган, каффирский монарх, у себя дома 209
64. Ссорящиеся каффирские женщины 209
65. Девушка-хоттентот 219
66. Женщина-готтентот 219
67. Молодой человек-готтентот 223
68. Хоттентот в полном облачении 223
69. Крааль хоттентотов 229
70. Карточная игра у хоттентотов 237
71. Босхесман, стреляющий в скот 237
72. Грейферная установка 247
73. Женщина и ребенок из Босьесмана 247
74. Спящие хоттентоты 247
75. Босхесманский колчан 247
76. Фронтлет девушки-готтентота 247
77. Ядовитый личинка 259
78. Портрет вождя Коранны 271
79. Намаки, стреляющие в бурю 271
80. Нож и головы ассагаев 281

81. Ножи бечуаны 281
82. Фартук из бечуаны 281
83. Украшение из зубов обезьяны 281
84. Парламент Бечуаны 287
85. Женщины-архитекторы среди бечуанов 287
86. Магические кости бечуанов 292
87. Спартанские обычаи у бечуанов 294
88. Испытание девушки среди бечуанов 294
89. План дома бечуанов 299
90. Похороны Бечуаны 302
91. Могила и памятник вождя Дамары 302
92. Воин Дамара с женой 308
93. Дамарская девушка отдыхает 308
94. Портрет девушки из Овамбо 317
95. Женщины Овамбо, молотящие кукурузу 317
96. Дома овамбо 329
97. Строительство домов в Макололо 329
98. Детские игры среди макололо 333
99. М'Бопо, вождь макололо, у себя дома 333
100. Копье бегемота 343
101. Последняя атака 343
102. Сцена катания на лодках по реке Бо-тлет-ле 351
103. Приветствие Батоки 351
104. Мужчины батоки 357
105. Пелеле, или губное кольцо, у манганджей 357
106. Ловушка для бегемота 363
107. Топоры баниаев 363
108. Маримба, или африканское пианино 371
109. Необычный головной убор женщин балонда 371
110. Жадность вагого 387
111. Архитектура уизи 387
112. Приветствие мужа среди уизи 391
113. Султан Укулима пьет помбе 391
114. Сцена сбора урожая среди Ваньямуэзи 397
115. Приветствие ватуси 397
116. Личная группа Руманики 404
117. Арест королевы 412
118. Прием посетителя вагандой 417
119. Маг из Уньоро за работой 417

120. Виновник Ваньоро в ботинке 423
121. Группа Гани и Мади 431
122. Удаление деревни мади 431
123. Группа племени кытч 437
124. Бойня Неам-Нам 437
125. Деревянные вожди доров 449
126. Скальповые замки Джиббаса 449
127. Браслеты джиббасов 449
128. Украшения джур 449
129. Женские ножи 449
130. Нуэрский шлем 449
131. Латукская победа 457
132. Охота фанатов на горилл 457
133. Усадьба в Бари 465
134. Погребальный танец латуков 465
135. Церемония М'паза 478
136. Рынок Обонго 478
137. Гигантский танец апоносов 486
138. Сцена рыбалки среди бакалайцев 486
139. Прощание Аширы 499
140. Приветствие Оленды вождю ишого 499
141. Танец камма 508
142. Прогулка Кенгуэсы (вождя племени камма) 508
143. Фетишист Камма, изгоняющий демона 517
144. Оланга пьет мбунду 517
145. Судьба шекианского мага 526
146. Коронация Мпонгве 526
147. Нападение на деревню мпонгве 537
148. Выторговывание жены у фанти 537
149. Первобытный ребенок в Дахоме 552
150. Фетиши, мужские и женские, у круменов 552
151. Дахоманские трубы из слоновой кости 558
152. Дахоманский военный барабан 558
153. Боевые ножи фанти 558
154. Фетишистская труба и барабан 558
155. Ашанти кабосер и солдаты 564
156. Наказание убийцы змей 564
157. "Колокол приходит" 569
158. Дахоманские амазонки 569

159. Обзор амазонок 576
160. Танец дахоманского короля 576
161. Жертвоприношение в корзине в Дахоме 583
162. Поклонение голове в Дахоме 595
163. Нападение на Абеокуту 595
164. Двор Алаке (короля эгбасов) 605
165. Мумбо Джамбо 605
166. Брак в Бубе 612
167. Мужчина и женщина из Канембу 612
168. День стирки в Абиссинии 617
169. Коронация в Конго 617
170. Казнь дзю-дзюцу 619
171. Женщины шуа 631
172. Туарики и Тиббу 631
173. Бегармские уланы 638
174. Вождь мусгу 638
175. Званый ужин в Абиссинии 643
176. Абиссинские головы 643
177. Царь Теодор и львы 652
178. Просители в судах 652
179. Сражение между абиссинцами и галласами 662
180. Интерьер абиссинского дома 662
181. Танец буйвола в Абиссинии 670
182. Лагерь бедуинов 670
183. Охота на бегемота 679
184. Путешественники и мираж 679
185. Путешествие по Мадагаскару 692
186. Австралийские мужчина и женщина 698
187. Женщина и старик из Нижнего Муррея 698
188. Охотник и его дневная провизия 707
189. Плащ из морской травы 707
190. Пчелиная охота 716
191. Австралиец готовит змею 716
192. Австралийские томагавки 722
193. Австралийские булавы 722
194. Австралийская пила 722
195. Долото для татуировки 722
196. Человек из Торресова пролива 722
197. Корзина - Южная Австралия 722

198. Наконечники австралийских копий 731
199. Метательные палки австралийцев 731
200. Бумеранги австралийцев 731
201. Копье кенгуру 739
202. Ловля баклана 739
203. Австралийские щиты 742
204. Танец кури 749
205. Танец палти, или короббори 749
206. Австралийский пир 759
207. Австралийские матери 759
208. Минтальта, человек из Науо 765
209. Юноша и мальчик из Южной Австралии 765
210. Хижина для лечения болезней 765
211. Гробница черепов 765
212. Гробница австралийского дерева 775
213. Дымящиеся тела убитых воинов 775
214. Резная шкатулка для перьев 775
215. Австралийские вдовы и их чепцы 781
216. Пещера с рисунками туземцев 781
217. Зимние хижины в Австралии 787
218. Летний лагерь 787
219. Новозеландец с детства до старости 794
220. Женщина и мальчик Новой Зеландии 803
221. Татуированный вождь и его жена 803
222. Женщины маори делают циновки 809
223. Танги 809
224. Паратене Майоха в своем государственном военном плаще 820
225. Дочь вождя 820
226. Хонги-хонги, вождь Ваипы 820
227. Маори готовятся к празднику 831
228. Хранилища вождей маори 831
229. Поварня каннибалов 835
230. Маори па 835
231. Украшения из зеленого нефрита 841
232. Оружие маори 841
233. Деревянные и костяные мераи 841
234. Военный танец маори 847
235. Те Оху, туземный священник 860
236. Тики в Рароера па 860

237. Тики из Уакапококо 860
238. Скорбь по умершему вождю 872
239. Гробница Э' Токи 872
240. Военный дом Рангихаэты 877
241. Интерьер паха или деревни 877
242. Весла маори 881
243. Зеленое нефритовое лезвие и долото 881
244. Обычное каменное лезвие 881
245. Маорийский токо-токо 881
246. Жители Новой Каледонии защищают свое побережье 893
247. Андаманцы готовят свинью 893
248. Сцена на Никобарских островах 903
249. Утанаты и их оружие 903
250. Люди-обезьяны из пролива Дурга 909
251. Каноэ Новой Гвинеи 909
252. Хижины Новой Гвинеи 916
253. Танец при свете факелов в Новой Гвинее 916
254. Послание посла 924
255. Каноэ на ветру 924
256. Презентация каноэ 937
257. Фиджийский пир 943
258. Судьба хвастуна 943
259. Фиджийский идол 949
260. Ораторская хлопушка 949
261. Фиджийское копье 949
262. Фиджийские булавы 949
263. Фиджийская свадьба 957
264. Фиджийцы украшают дома соломой 957
265. Буре, или храм, на Фиджи 963
266. Вид в гавани Макиры 963
267. Мужчина и женщина из Вате 973
268. Женщина и ребенок из Ваникоро 973
269. Дочь тонганского вождя 973
270. Погребение живого короля 980
271. Интерьер тонганского дома 980
272. Праздник кавы в Тонга 988
273. Тонганская плантация 991
274. Церемония иначи 991
275. Буксир-тау 999

276. Консультация со священником 999
277. День татуировки в Самоа 1012
278. Изготовление ткани самоанскими женщинами 1012
279. Самоанский клуб 1018
280. Доспехи самоанского воина 1018
281. Красивое весло жителей острова Херви 1018
282. Орнаментированное весло в увеличенном виде 1018
283. Копье жителей острова Херви 1018
284. Перчатки из акульего зуба 1025
285. Самоанские воины, бросающие вызов 1027
286. Ловля голубей самоанцами 1027
287. Сцена сражения на островах Херви 1035
288. Деревня на островах Кингсмилл 1035
289. Копье из акульего зуба 1041
290. Челюсть акулы 1041
291. Мечи жителей острова Кингсмилл 1041
292. Татуированные вожди Маркизских островов 1046
293. Рука маркесского вождя 1046
294. Шейное украшение 1046
295. Маркизский вождь в военной одежде 1046
296. Военный танец ниуанов 1054
297. Таитяне представляют ткань 1054
298. Одевание идолов жителями острова Общества 1067
299. Человеческие жертвоприношения у таитян 1077
300. Труп и главный скорбящий 1077
301. Тане, таитянский бог, возвращается домой 1084
302. Женщины и домашняя свинья на Сандвичевых островах 1084
303. Подвиг Камехамеха с копьями 1089
304. Гребцы в масках 1089
305. Плавание на серфе жителей Сандвичевых островов 1093
306. Шлем жителей Сандвичевых островов 1097
307. Идол из перьев жителей Сандвичевых островов 1097
308. Деревянный идол жителей Сандвичевых островов 1097
309. Островитяне Романцоффа, мужчина и женщина 1101
310. Дьякский воин и дусум 1101
311. Инвестиция рупака 1105
312. Воинский танец у жителей острова Пелеу 1105
313. Иллинойский пират и сагайский дяк 1113
314. Дьякские женщины 1113

315. Паранг-латок у даяков 1122
316. Сумпитаны у даяков 1122
317. Паранг-иланг у даяков 1122
318. Крис, или кинжал, у даяков 1129
319. Щиты даякских воинов 1129
320. Паранг с амулетами 1129
321. Дьякское копье 1129
322. Бой на каноэ у даяков 1139
323. Дьякская свадьба 1139
324. Дьякский пир 1147
325. Борнейский топор-адзе 1152
326. Дьякская деревня 1153
327. Дом дьяка 1153
328. Мужчина и женщина фуэги 1163
329. Патагонские мужчина и женщина 1163
330. Фуэгийское поселение 1169
331. Фуэгийцы меняют место жительства 1169
332. Арауканские стремена и шпора 1175
333. Арауканские лассо 1175
334. Патагонские боласы 1175
335. Испанская бита и патагонская фурнитура 1175
336. Патагонцы охотятся на дичь 1180
337. Патагонская деревня 1187
338. Патагонское захоронение 1187
339. Семья Мапуче 1201
340. Арауканский брак 1201
341. Мапуче медицина 1207
342. Похороны Мапуче 1207
343. Клуб макана 1212
344. Гвианские стрелы и трубка 1214
345. Индейцы Гран-Чако в движении 1218
346. Испытание "перчаток" 1218
347. Гвианские духовые ружья 1225
348. Стрела из гвианского духового ружья 1225
349. Гвианские крылатые стрелы 1225
350. Гвианская хлопковая корзина 1225
351. Гвианский колчан 1225
352. Гвианские стрелы, намотанные на палку 1225
353. Гвианские стрелы нанизаны 1225

354. Пернатые стрелы макоуши 1231
355. Блюдо из кассавы у макоуши 1231
356. Гвианское землетрясение 1231
357. Наконечники стрел макуши 1231
358. Стрела гвианской черепахи 1231
359. Гвианский колчан для наконечников стрел 1231
360. Перьевой фартук мундуруков 1231
361. Головные уборы макоуши 1238
362. Гвианские клубы 1238
363. Гвианская колыбель 1238
364. Дом варау 1244
365. Озерные жители Ориноко 1244
366. Гвианские типити и чаши 1249
367. Гвианские бутылки-близнецы 1249
368. Перьевой фартук карибов 1249
369. Фартук из бисера у гвианов 1249
370. Лопатка вараусов 1249
371. Танец макарри 1260
372. Борьба на щитах у вараусов 1260
373. Флейта из кости ягуара у карибов 1265
374. Погремушка гвианцев 1265
375. Мексиканские стремена 1265
376. Железные и каменные томагавки 1265
377. Индейский щит и булавы 1265
378. Манданский вождь Ма-ту-то-па с женой 1277
379. Вождь воронов 1284
380. Скальпирование американских индейцев 1284
381. Стрела с кремневым наконечником 1290
382. Каманчи верхом 1291
383. "Курящие" лошади 1291
384. Снежный башмак 1295
385. Сцена охоты на бизона 1299
386. Танец бизона 1299
387. Манданское испытание 1305
388. Последняя гонка 1305
389. Знахарь за работой 1311
390. Игра в мяч у чокто 1311
391. Индейские трубы 1315
392. И-э-чин-че-а в военном костюме 1318

393. Внук вождя племени черноногих 1318
394. Пшан-шоу, девушка из племени рикари 1318
395. Плоскоголовая женщина и ребенок 1319
396. Индейское каноэ 1322
397. Танец со снегоступами 1322
398. Танец под лекарство храбрецов 1322
399. Гонка на каноэ 1327
400. Жилища эскимосов 1327
401. Головка гарпуна эскимосов 1337
402. Погребение Черного Дрозда, вождя омаха 1341
403. Эскимосы, пронзающие моржа 1341
404. Каяк и управление им 1347
405. Вождение саней эскимосами 1347
406. Запястье у эскимосов 1353
407. Рыболовные крючки эскимосов 1353
408. Пернатые стрелы племени ахт 1356
409. Изобретательный рыболовный крючок ахтов 1357
410. Замечательные резные трубы ахтов 1357
411. Лук ахтов с острова Ванкувер 1357
412. Маска бобра из племени ахт 1357
413. Головной убор вождей племени ахт 1357
414. Украшенные весла ахтов 1357
415. Каноэ ахтов 1361
416. Ахтский танец 1367
417. Инициация пожирателя собак 1367
418. Брак с Соурой 1387
419. Жертвоприношение Мерии 1387
420. Лук и колчан индусов 1394
421. Хитроумная уловка разбойников из Бхила 1397
422. Гхорка, на которого напал тигр 1397
423. Ожерелье Гхорки 1403
424. Ожерелье племени гхоорка 1403
425. Оружие чакра или квоит 1403
426. Индийское оружие и доспехи 1403
427. Доспехи, инкрустированные золотом 1406
428. Китайский повторяющийся арбалет 1425
429. Взаимопомощь 1427
430. Нога и обувь китайской женщины 1428
431. Мандарин и жена 1437

432. Различные способы пыток 1437
433. Ротовой орган 1445
434. Образцы китайского искусства 1446
435. Обезглавливание китайского преступника 1451
436. Уличный певец баллад 1451
437. Японская дама в шторм 1454
438. Японская дама верхом на лошади 1455
439. Захват мужей-прогульщиков 1464
440. Подсвечник и кадильница 1465
441. Костюм японских доспехов 1469
442. Король Сиама С. С. П. М. Монгкут 1469
443. Портрет знаменитой сиамской актрисы 1469

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА I.

Гл. Страница.

КАФИРЫ ЮЖНОЙ АФРИКИ.

I. Интеллектуальный характер 11
II. Жизненный путь 17
III. Курс жизни - *завершение* 20
IV. Мужская одежда и украшения 28
V. Мужская одежда и украшения - *заключение* 36
VI. Женская одежда и украшения 48
VII. Архитектура 56
VIII. Скотоводство 66
IX. Брак 75
X. *Заключение* брака 82
XI. Война - наступательное оружие 92
XII. Война - оборонительное оружие 108
XIII. Охота 126
XIV. Сельское хозяйство 138
XV. Продовольствие 143
XVI. Социальные характеристики 159
XVII. Религия и суеверия 169
XVIII. Религия и суеверия - *продолжение* 180
XIX. Суеверия - *окончание* 192
XX. Похоронные обряды 200
XXI. Бытовая жизнь 206

ХОТТЕНТОТЫ.
XXII. Расы хоттентотов 217
XXIII. Брак, язык, развлечения 232
БОСДЖЕСМЕН, ИЛИ БУШМЕН.
XXIV. Внешний вид, социальная жизнь 242
XXV. Архитектура - Оружие 251
XXVI. Развлечения 262
РАЗЛИЧНЫЕ АФРИКАНСКИЕ РАСЫ.
XXVII. Коранны и намаки 269
XXVIII. Бечуаны 280
XXIX. Бечуаны - *завершение* 291
XXX. Племя дамара 304
XXXI. Овамбо, или овампо 315
XXXII. Племя макололо 324
XXXIII. Байе и макоба 337
XXXIV. Батока и Манганджа 348
XXXV. Баньяи и Бадема 361
XXXVI. Балондо, или балонда, и ангольцы 369
XXXVII. Вагого и Ваньямуэзи 384
XXXVIII. Карагу 399
XXXIX. Ватуси и ваганда 408
XL. Ваньоро 422
XLI. Гани, Мади, Оббо и Кытч 429
XLII. Племена Неам-Нам, Дор и Джур 440
XLIII. Племя латука 453
XLIV. Племена шир, бари, джибба, нуэр, динка и шиллук 461
XLV. Племена ишого, ашанго и обонго 475
XLVI. Апоно и апинги 484
XLVII. Бакалай 491
XLVIII. Ашира 496
XLIX. Камма или Комми 504
L. Шекиани и мпонгве 521
LI. Фанаты 529
LII. Поклонники - *завершение* 535
LIII. Крумены и фанти 544
LIV. Ашанти 554
LV. Дахоме 561
LVI. Дахоме - *продолжение* 573
LVII. Дахоме - *окончание* 581

LVIII. Эгбас 590
LIX. Бонни 600
LX. Человек-динго 607
LXI. Бубесы и конголезцы 610
LXII. Борну 620
LXIII. Шуа, Тиббу, Туарикс, Бегарми и Мусгуэс 628
LXIV. Абиссинцы 641
LXV. Абиссинцы - *продолжение* 649
LXVI. Абиссинцы - *окончание* 658
LXVII. Нубийцы и хамранские арабы 673
LXVIII. Бедуины, хассанийцы и малагасийцы 681
АВСТРАЛИЯ.
LXIX. Внешний вид и характер коренных жителей 694
LXX. Одежда и еда 703
LXXI. Оружие 719
LXXII. Оружие - *окончание* 727
LXXIII. Война - Амулеты 744
LXXIV. Бытовая жизнь 755
LXXV. От детства до отрочества 761

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА.

Чап. Стр.
LXXVI. Медицина-хирургия-утилизация мертвых 769
LXXVII. Жилища-каноэ 784
НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ.
LXXVIII. Общие замечания 792
LXXIX. Платье 800
LXXX. *Платье-завершение* 807
LXXXI. Домашняя жизнь 816
LXXXII. Еда и кулинария 826
LXXXIII. Война 838
LXXXIV. Каноэ 852
LXXXV. Религия 856
LXXXVI. Тапу 863
LXXXVII. Похоронные церемонии - архитектура 869
НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ.
LXXXVIII. Внешний вид - одежда - военные действия 883
АНДАМАНСКИЕ И НИКОБАРСКИЕ ОСТРОВА.

LXXXIX. Происхождение туземцев - Внешний вид - Характер - Образование 888
НОВАЯ ГВИНЕЯ.
XC. Папуасы и утанаты 898
XCI. Альфоэры или харафоры 905
ФИЛИППИНСКИЕ ОСТРОВА.
XCII. Аджиты или ахитасы 919
ФИДЖИ.
XCIII. Внешний вид - одежда 922
XCIV. Производства 929
XCV. Правительство и общественная жизнь 934
XCVI. Война и амуниция 948
XCVII. Религия - погребальные обряды 960
СОЛОМОНОВЫ ОСТРОВА И НОВЫЕ ГЕБРИДЫ.
XCVIII. Характер - одежда - обычаи 968
ТОНГА.
XCIX. Правительство - ранги 976
C. Война и церемонии 984
CI. Болезни-погребения-игры 997
САМОА, ИЛИ ОСТРОВ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ.
CII. Внешний вид-характер-одежда 1008
CIII. Война 1016
CIV. Развлечения, кареты, архитектура 1028
ОСТРОВА ГЕРВИ И КИНГСМИЛЛ.
KB. Внешний вид-Оружие-Правительство 1032
МАРКИЗСКИЕ ОСТРОВА.
CVI. Платье-музыка-война-погребение 1044
НИУЭ, ИЛИ ОСТРОВА ДИКАРЕЙ.
CVII. Происхождение-Костюм-Законы-Погребение 1052
ОСТРОВА ОБЩЕСТВА.
CVIII. Внешний вид - одежда - общественные обычаи 1057
CIX. Религия 1064
CX. История - Война - Похороны - Легенды 1072
СЭНДВИЧЕВЫЕ ОСТРОВА.
CXI. Климат-Одежда-Орнаменты-Женщины 1081
CXII. Война-спорт-религия 1088
КАРОЛИНСКИЙ АРХИПЕЛАГ.
CXIII. Платье-архитектура-амуниция-война 1100
БОРНЕО.
CXIV. Даяки, внешний вид и одежда 1110

CXV. Война 1119
CXVI. Война *окончена* 1128
CXVII. Общественная жизнь 1137
CXVIII. Архитектура, мануфактуры 1149
CXIX. Религия - Омены - Похороны 1157
ТЬЕРРА-ДЕЛЬ-ФУЭГО.
CXX. Внешний вид-Архитектура-Мануфактуры 1161
ПАТАГОНИЙЦЫ.
CXXI. Внешний вид-Оружие-Всадничество 1172
CXXII. Бытовая жизнь 1183
АРАУКАНЦЫ.
CXXIII. Платье-этикет-правительство 1190
CXXIV. Домашняя жизнь 1196
CXXV. Игры и общественные обычаи 1204
ГРАН-ЧАКО.
CXXVI. Внешний вид - Оружие - Характер 1211
МУНДУРУКУ.
CXXVII. Производство - Социальные обычаи 1215
ПЛЕМЕНА ГВИАНЫ.
CXXVIII. Оружие 1221
CXXIX. Оружие - *окончание* 1228
CXXX. Война - суеверие 1239
CXXXI. Архитектура - общественные обычаи 1245
CXXXII. Одежда - увеселения 1255
CXXXIII. Религия - погребение 1263
МЕКСИКА.
CXXXIV. История-Религия-Искусство 1271
СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙЦЫ.
CXXXV. Правительство-таможня 1273
CXXXVI. Война 1281
CXXXVII. Охотничьи забавы 1293
CXXXVIII. Религия-Суеверия 1301
CXXXIX. Общественная жизнь 1316
ESQUIMAUX.
CXL. Внешний вид - одежда - манеры 1333
CXLI. Охота-Религия-Погребение 1338
ОСТРОВ ВАНКУВЕР.
CXLII. Ахты и соседние племена 1354
CXLIII. Каноэ-праздники-танцы 1362

CXLIV. Архитектура-Религия-Утилизация мертвых 1369
АЛЯСКА.
CXLV. Малемуты-ингелы-ко-юконы 1374
СИБИРЬ.
CXLVI. Чукчи-Якуты-Тунгусы 1377
CXLVII. Самодийцы-остяки 1381
ИНДИЯ.
CXLVIII. Соуры и Кхонды 1385
CXLIX. Оружие 1395
CL. Жертвенная религия 1407
КЛИ. Индейцы по отношению к животным 1416
ТАРТАРИ.
CLII. Мантху-татары 1422
КИТАЙ.
CLIII. Внешний вид, одежда, еда 1426
CLIV. Военные действия 1433
CLV. Социальные характеристики 1441
ЯПОНИЯ.
CLVI. Платье-искусство-музыка 1449
CLVII. Разные обычаи 1458
СИАМ.
CLVIII. Правительство - одежда - религия 1467
ДРЕВНЯЯ ЕВРОПА.
CLIX. Швейцарские озерные жители 1473
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АФРИКА.
CLX. Маконде 1475
CLXI. Вайяу 1478
CLXII. Бабиса и Бабемба 1482
CLXIII. Маньюэма 1487
CLXIV. Маньюэма - *завершение* 1492
CLXV. Уньямвези 1496
CLXVI. Увинза и Уха 1500
CLXVII. Монбутту 1503
CLXVIII. Пигмеи 1508
CLXIX. Общая характеристика африканских племен 1511
CLXX. Африканская работорговля 1515
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ.
CLXXI. Кахьены 1520

ГЛАВА I.

ПЛЕМЕНА КАФФИРОВ, ИЛИ ЗИНГОВ, И ИХ ФИЗИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ - ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ - ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ИХ ПРИСУТСТВИЯ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ - ГЛАВНЫЕ ПЛЕМЕНА И ИХ МЕСТНОСТИ - ЗУЛУСЫ И ИХ ВНЕШНИЙ ВИД - ИХ ЦВЕТ ЛИЦА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КРАСОТЕ - ТОЧКИ СХОДСТВА И КОНТРАСТА МЕЖДУ КАФФИРАМИ И НЕГРАМИ - УМСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАФФИРА - ЕГО НЕЖЕЛАНИЕ ЗАБОТИТЬСЯ О БУДУЩЕМ, И ПРИЧИНЫ ЭТОГО - СПОРНЫЕ СПОСОБНОСТИ КАФФИРА - СОКРАТИЧЕСКИЙ СПОСОБ СПОРА - РОГА ДИЛЕММЫ - ЛЮБОВЬ КАФФИРА К СПОРУ - ЕГО УМСТВЕННАЯ ПОДГОТОВКА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ - ПАРФЯНСКИЙ СПОСОБ СПОРА - УСТУПЧИВЫЙ ХАРАКТЕР КАФФИРА - ЕГО ЧУВСТВО САМОУВАЖЕНИЯ - ЛЮБОВЬ К РОЗЫГРЫШУ - ЖЕНЩИНА И ДЫНЯ - ГОСТЕПРИИМСТВО КАФФИРОВ - ИХ ДОМАШНИЙ ХАРАКТЕР И ЛЮБОВЬ К ДЕТЯМ - ИХ НЕНАВИСТЬ К ОДИНОЧЕСТВУ.

На всей южной части великого африканского континента проживает удивительная и интересная раса людей. Хотя они разделены на многочисленные племена, различаются по внешнему виду, манерам и обычаям, они, очевидно, отлиты в одной форме и принадлежат к одной группе человеческой расы. Они смуглые, но не такие черные, как настоящие негры Запада. Их волосы хрустящие, короткие и завитые, но не такие шерстяные, как у негров; их губы, хотя и большие по сравнению с губами европейцев, маленькие по сравнению с губами негров. Форма лица прекрасно смоделирована, рост высокий, конечности прямые, лоб высокий, выражение лица умное; в целом эта группа человечества представляет собой столь же прекрасный пример человеческой формы, какой только можно найти на земле.

Дать название этой большой группе не так-то просто. В народе племена, входящие в нее, известны как каффиры; но этот термин теперь ограничивается племенами на юго-востоке континента, между морем и горной цепью Драакенсберг. Более того, название "кафиры" очень неуместно: это просто термин, который мусульманские расы применяют ко всем, кто не верит вместе с ними, и которым они обозначают и черных, и белых людей. Некоторые этнологи обозначают их общим названием чуаны - это слово является корнем хорошо известных бечуана, сечуана и других подобных названий; другие предпочитают слово банту, третьи - зингиан, и последнее слово, пожалуй, самое удачное.

Каким бы ни было название, очевидно, что они не являются аборигенами, а пришли на юг Африки из какой-то другой местности - вероятно, из более северных частей того же континента. Некоторые авторы утверждают, что каффирские или зингийские племена имеют азиатское происхождение, и предполагают, что в процессе миграции они смешались с неграми и стали обладателями вьющихся волос, толстых губ, темной кожи и других особенностей негритянской расы.

Кто мог быть истинными аборигенами Южной Африки, точно сказать нельзя, так как даже в недавние времена произошли большие изменения. В настоящее время Южная Африка практически европейская: белые люди, будь то голландцы или англичане, лишили владельцев земли и либо поселились на ней, либо низвели темнокожих жителей до уровня простых иждивенцев. Те, кого они вытеснили, сами стали интервентами, победив и изгнав племена хоттентотов , которых, в свою очередь, похоже, постигла та же участь, которую в пору своего величия они навлекли на других.

На сегодняшний день великая зингийская группа представляет собой наилучший тип жителей юга Африки, и поэтому мы начнем с племен каффиров.

Если читатель обратится к карте Африки, то увидит, что на юго-восточном побережье длинный горный хребет идет почти параллельно линии моря и простирается от широты 27° до 33°. Это линия Драакенсбергских гор, и вдоль полосы земли, которая находится между

этими горами и морем, живут настоящие племена каффиров. Есть и другие племена, принадлежащие к той же группе человечества, которые встречаются на западной стороне Драакенсберга и распространены по всей стране, от залива Делагоа на востоке до Оранжевой реки на западе. Эти племена знакомы читателям африканских путешествий под названиями бечуанас, байе, намакуа, овампо и т.д. Но, по общему согласию, название "каффир" теперь ограничивается теми племенами, которые населяют вышеупомянутую полосу страны.

Раньше в этом районе обитало значительное число племен, которые были достаточно самостоятельными и почти считались разными народами. Теперь, однако, эти племена практически сведены к пяти, а именно: аматонга на севере, за ними на юге следуют амасвази, амазулу, амапонда и амакоса. Здесь следует отметить, что приставка "ама", прилагаемая ко всем словам, является одной из форм, с помощью которой обозначается множественное число некоторых имен. Таким образом, мы можем говорить об одном Тонга, Свази, Зулу или Понда Каффир; но если мы хотим говорить о нескольких, мы образуем множественное число, добавляя к слову приставку "Ама".

Остальные племена, хотя в большинстве своем они все еще существуют и сохраняют древние названия, практически слились с теми, чьи имена были упомянуты.

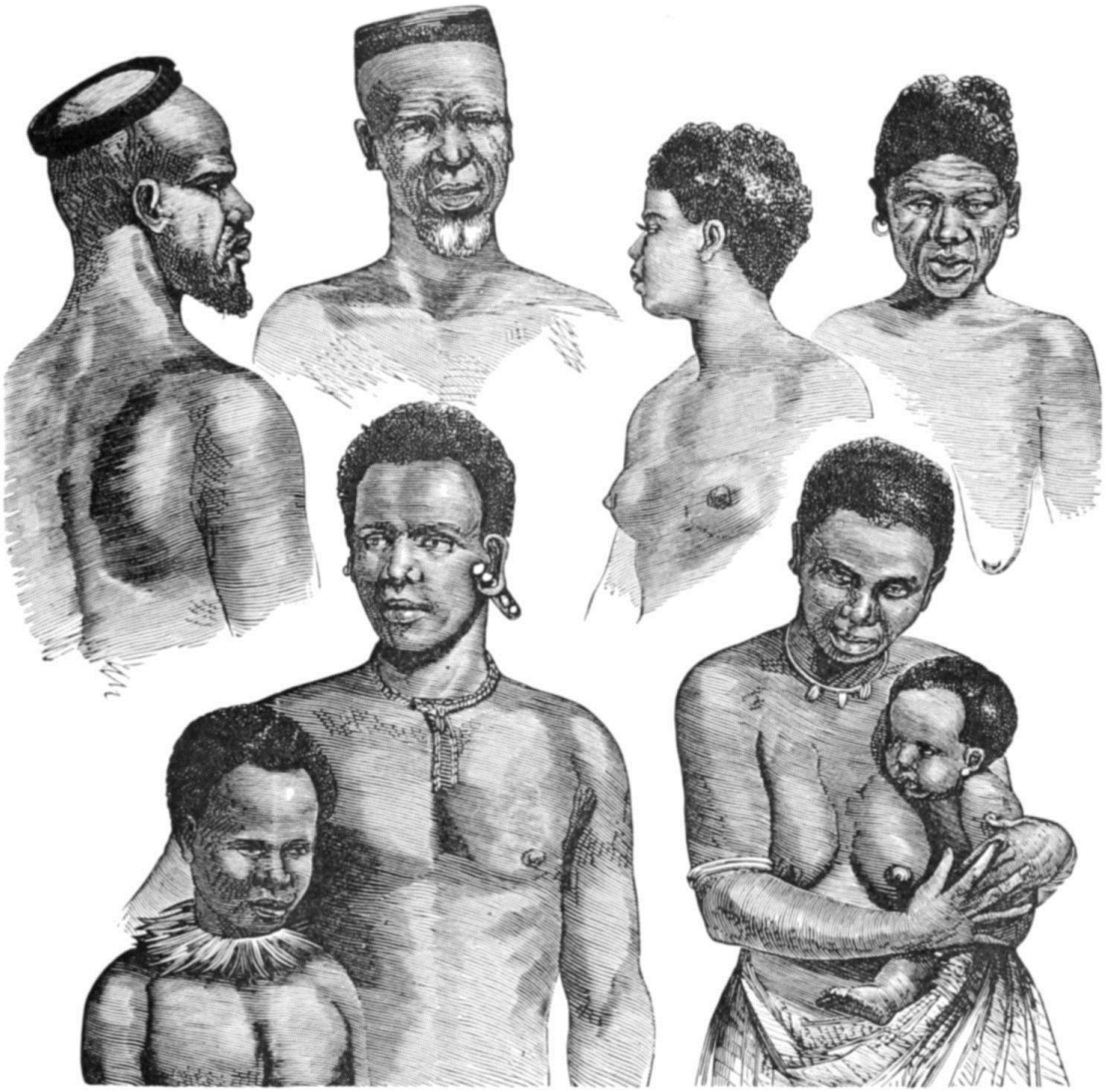
Из всех истинно каффирских племен главным является зулус, о котором и пойдет речь вначале. Хотя племя зулусов распространено на значительной территории, его штаб-квартира находится скорее на севере Наталя, и там можно найти лучшие образцы этой великолепной расы людей. Принадлежа, как и племена зулусов, к темнокожей части человечества, их кожа не обладает тем мертвенным, струйчатым черным цветом, который характерен для западных негров. Это более прозрачная кожа, слой красящего вещества не кажется таким толстым, а сквозь черноту проступает румяный оттенок крови. Каффиры считают ее совершенством человеческого цвета; а зулус, если его спросить, какой цвет кожи он считает самым лучшим, скажет, что она, *как и его собственная*, черная с небольшим количеством красного.

Некоторые темнокожие народы одобряют светлый цвет лица, а в некоторых частях света вожди настолько светлее простолюдинов, что, кажется, они почти принадлежат к разным расам. Каффир, однако, придерживается прямо противоположного мнения. Согласно его представлениям о человеческой красоте, чем чернее человек, тем красивее он считается, при условии, что в нем заметен некоторый оттенок красного. Они дошли до того, что, восхваляя своего короля, в чем они очень искусны, упоминают в качестве одного из его достоинств, что он предпочитает быть черным, хотя, будучи столь могущественным монархом, он мог бы быть белым, если бы захотел. Европейцы, прожившие сколько-нибудь долгое время среди каффирских племен, похоже, проникаются аналогичными идеями о превосходной красоте черного и красного цвета лица. Они привыкают к нему и воспринимают небольшие различия в людях, хотя неопытному глазу цвет кожи каждого человека кажется совершенно одинаковым. Когда они возвращаются в цивилизованное общество, то испытывают огромное презрение к бледному, безжизненному цвету лица европейцев, и проходит некоторое время, прежде чем они научатся смотреть на светлую кожу и светлые волосы с какой-либо степенью восхищения. Среди кафиров иногда встречаются примеры альбиносов, но они не отличаются приятной внешностью и не вызывают восхищения у своих более чернокожих и удачливых соотечественников. Темно-оливковый цвет кожи встречается довольно часто, но настоящий оттенок кожи - скорее черновато-шоколадный. Как и в случае с негритянской расой, новорожденный каффир почти так же бледен, как и европеец, а темный оттенок развивается постепенно.

Несмотря на свой темный оттенок, каффиры так же трепетно относятся к своему смуглому цвету лица, как и любая европейская красавица к своей более светлой коже; и гордость, с которой каффир, даже если он мужчина и опытный воин, относится к сияющей, прозрачной черной коже, имеет в себе нечто смехотворное для жителя Европы.

Волосы кафиров, независимо от того, принадлежат ли они мужчине или женщине, никогда не становятся длинными, а покрывают голову плотным покровом четких, шерстяных локонов, очень похожих на волосы настоящего негра. Губы всегда большие, рот широкий, а нос с очень широкими ноздрями. Эти особенности кафиров объединяют их с неграми, и время от времени случается, что у человека эти три черты выражены настолько сильно, что с первого взгляда его можно принять за негра. Однако более внимательный взгляд сразу же обнаружит высокий и интеллектуальный лоб, выдающийся вперед нос и высокие скулы, а также безымянный, но решительный оттенок лица, который выделяет их из всех других групп темнокожих уроженцев Африки. Высокие скулы являются очень заметной чертой в лицах готтентотов и босхесманов, но каффира ни на минуту нельзя принять ни за одного, ни за другого, так же как льва можно принять за пуму.

СТАРЫЙ СОВЕТНИК И ЕГО ЖЕНЫ.
(См. стр. 16.)



КАФФИР С ДЕТСТВА ДО СТАРОСТИ. *С фотографических портретов.*

Женатый мужчина.

Старый советник.

Незамужняя девушка.

Старая женщина.

Молодой парень.

Незамужний мужчина или "мальчик".

Молодая замужняя женщина и ребенок.

(См. стр. 12.)

Выражение лица кафиров, особенно в молодости, довольно приятное; как правило, в состоянии покоя оно отличается легкой простотой, причем это выражение наиболее сильно выражено у молодых людей обоих полов. Темные глаза живые и полные интеллекта, а черты лица пронизаны веселым добрым настроением. Как народ, они лишены заботы. Три основные причины заботы в более цивилизованных странах почти не влияют на кафиров. Одежда, которая ему совершенно необходима, имеет самое ничтожное описание, а в нашем понимании этого слова вообще не может быть признана одеждой. Небольшая хижина, выполняющая роль дома, построена из материалов, которые можно купить примерно за шиллинг, и для туземца не стоит ничего, кроме труда по вырезанию и переноске. Пища, которая составляет его единственную реальную заботу, добывается гораздо легче, чем у цивилизованных народов, поскольку сохранение дичи неизвестно на юге Африки, и любая птица или зверь становятся собственностью любого, кто решит взять на себя труд поймать их. Один из священников-миссионеров был сильно поражен этой абсолютной беспечностью, когда объяснял Писание некоторым сумрачным слушателям. Совет "не думать о завтрашнем дне" не произвел на них ни малейшего эффекта. Они никогда не думали о завтрашнем дне и не собирались этого делать, и скорее удивлялись, что кто-то мог быть настолько глуп, чтобы давать им такой ненужный совет.

Есть и другая причина такого беззаботного наслаждения текущим моментом, а именно инстинктивный фатализм, вытекающий из особой природы их правления. Власть над жизнью и смертью, которой наделены каффирские правители, осуществляется столь произвольно и безрассудно, что ни один каффир не чувствует ни малейшей безопасности за свою жизнь. Он прекрасно знает, что король может потребовать его жизнь в любой момент, и поэтому никогда не беспокоится о будущем, которое может для него не существовать.

Конечно, эти черты характера присущи кафирам только в их нормальном состоянии; ведь когда эти великолепные дикари попадают под защиту европейцев, вновь ощущаемая безопасность жизни дает свои естественные результаты, и они проявляют предусмотрительность, которая ничуть не портит белого человека. Например, парень будет верно служить целый год, чтобы по истечении этого срока получить корову. Если бы он был нанят под властью собственного короля, он настоял бы на предоплате и с честью выполнил бы свое задание, если бы король не приказал его казнить. Их фатализм, по сути, объясняется особой логичностью ума кафира и его решимостью довести аргумент до конца. Он признает тот факт, что его жизнь находится во власти каприза короля, и делает из этого неизбежный вывод, что он не может рассчитывать ни на что, кроме настоящего момента.

Высокий и задумчивый лоб кафира не скрывает его характера, ведь из всех диких рас кафир, пожалуй, самая интеллектуальная. В поступках он честен и прямолинеен, а с тем, кому он может доверять, его слова будут соответствовать его действиям. Но он любит спорить и обладает особой способностью к сократовскому способу аргументации, а именно: задавая ряд, казалось бы, неважных вопросов, он постепенно загоняет противника в угол и

заставляет его произнести свой собственный приговор. Если он подозревает другого в совершении преступления и допрашивает предполагаемого преступника перед советом, он не обвиняет его напрямую в преступлении, а проводит перекрестный допрос с мастерством, достойным любого европейского адвоката, причем на каждый вопрос можно ответить только одним способом и таким образом добиться последовательных признаний, каждое из которых представляет собой шаг в аргументации.

Забавный пример такого стиля аргументации приводит Флеминг. Несколько кафиров были уличены в поедании быка, и хозяин привел их в совет, требуя заплатить за быка. В свою защиту они заявили, что не убивали животное, а нашли его умирающим от раны, нанесенной другим волом, и поэтому посчитали его справедливой добычей. Когда их защита была закончена, старый каффир начал допрашивать предыдущего оратора и, как обычно, начал с вопроса, явно выходящего за рамки темы.

Q. "Как растет хвост у быка: вверх, вниз или вбок?"

A. "Вниз".

Q. "Рога у него растут вверх, вниз или в стороны?"

A. "Вверх".

Q. "Если вол загрызает другого, не опускает ли он голову и не загрызает ли вверх?"

A. "Да".

Q. "А может ли он загрызть вниз?"

A. "Нет".

Затем хитрый дознаватель заставил невольного свидетеля осмотреть рану, которая, как он утверждал, была нанесена рогом другого быка, и признать, что убитое животное было заколото, а не загрызено.

Миссионер мистер Гроут приводит пример тонкого ума, который отличает интеллигентных каффиров. Один из новообращенных пришел спросить, что ему делать, если он отправится в путешествие со своим народом. Прежде всего следует понять, что каффир не берет с собой в дорогу никакой провизии, зная, что в пути его ждет гостеприимство.

"Что мне делать, когда я отправляюсь в путь среди людей, а они предлагают мне еду, которая у них есть, возможно, плоть животного, зарезанного в честь призраков ушедших? Если я съем ее, они скажут: "Видите! Он верующий *в нашу* религию, он ест вместе с нами мясо, принесенное нашим богам". А если я не съем, то они скажут: "Вот видите! Он верит в существование и силу наших богов, иначе почему он не решается есть мясо, которое мы зарезали для них?"".

Спор - родная стихия кафира, и он не любит ничего лучше, чем сложные дебаты, в которых с обеих сторон много придирок. Приведенные выше примеры показывают, что каффир может разобраться в дилемме не хуже самых опытных логиков, и он мастерски владеет этим великим ключом спора, а именно - перекладыванием бремени доказательства на оппонента. Во всех своих спорах он скрупулезно вежлив, никогда не перебивает оппонента и терпеливо ждет своей очереди говорить. А когда дело полностью аргументировано и к нему пришли, он

всегда склоняется перед решением председательствующего и соглашается с приговором, даже если за это налагается наказание на него самого.

Воспитанный в такой школе, старый и влиятельный вождь, обязанный своим положением не только уму, но и воинской славе, становится самым грозным противником в споре, особенно когда речь идет о владении землей и границах, которые должны соблюдаться. Он полностью признает знаменитую аксиому о том, что язык был дан для того, чтобы скрывать мысли, и прибегает ко всем уловкам и софизмам, которые только может изобрести его тонкий ум. Он смешивает правду и ложь с такой изобретательностью, что их едва ли можно разделить. Он спокойно "задаст вопрос", а затем продолжит его так же спокойно, как если бы его аргументы были совершенно справедливыми. Он нападает или защищается, как ему удобнее, и часто, когда кажется, что он уступает пункт за пунктом, он делает внезапный выпад, становится в свою очередь нападающим и идет к победе по руинам аргументов своего оппонента.

На странице 13 читатель найдет портрет одного из советников Гозы, известного каффирского вождя, о котором мы еще узнаем. Посмотрите, какое у него лицо: широкий лоб изборожден морщинами раздумий, а черные глаза хитро поблескивают из-под глубоких бровей. Каким бы полуголым дикарем он ни был, человек, который вступит с ним в спор, не найдет себе противника, и, независимо от того, идет ли речь о религии или политике, он должен остерегаться, чтобы не оказаться внезапно побежденным именно тогда, когда он был наиболее уверен в победе. Маори из Новой Зеландии - несомненный мастер спора, и во многих моментах он очень похож на каффира. Но в состязании умов между вождем маори и советником зулусов последний почти наверняка окажется победителем.

Как правило, каффир не отличается мстительным характером и не страдает той чрезмерной щепетильностью, которая присуща некоторым расам человечества. Не то чтобы он был лишен чувства собственного достоинства. Напротив, каффир может быть одним из самых достойных представителей человечества, когда он этого хочет и когда ему это выгодно. Но он настолько уверен в себе, что, как истинный джентльмен, никогда не беспокоится об утверждении своего достоинства. Он настолько уверен в том, что ни одно настоящее нарушение уважения не может быть совершено преднамеренно, что каффир редко колеблется, чтобы сыграть шутку над другим - действие, которое было бы причиной мгновенного кровопролития среди малайцев. И при условии, что шутка будет умной, никто, кажется, не получит от нее большего удовольствия, чем жертва.

Один из жителей Каффирленда приводит несколько примеров склонности каффирцев к розыгрышам. Парень, состоящий у него на службе, серьезно рассказывал своим соотечественникам, что все, кто приходит в гости к англичанам, по этикету обязаны встать на колени и поцеловать землю на определенном расстоянии от дома. Туземцы, рожденные и воспитанные в системе этикета, не уступающей любому европейскому двору, безропотно повиновались, а парень стоял рядом, наблюдая за происходящим и получая огромное удовольствие от шутки. Через некоторое время трюк был раскрыт, и никто не оценил остроумие мальчика больше, чем те, кто попался в ловушку.

Другой анекдот, рассказанный тем же автором, кажется, будто он был пересажен с первоапрельской сцены в Англии. Женщина несла домой тыкву и, в соответствии с обычным способом переноски тяжестей в Африке, балансировала на голове. Озорной мальчишка поспешно подбежал к ней и с выражением ужаса на лице воскликнул: "У тебя что-то на голове!". Женщина, ошеломленная неожиданным заявлением, подумала, что ей на голову

села как минимум змея, и с криком убежала. Тыква упала вниз, мальчик подобрал ее и съел, прежде чем женщина оправилась от испуга.

Каффиры по сути своей гостеприимны. Отправляясь в путешествие, любой может зайти в крааль к чужаку, и его обязательно накормят и поселят, в соответствии с его рангом и положением. Белых людей принимают так же радушно, а в силу их белой кожи и предполагаемых знаний их всегда причисляют к вождям и обращаются с ними соответственно.

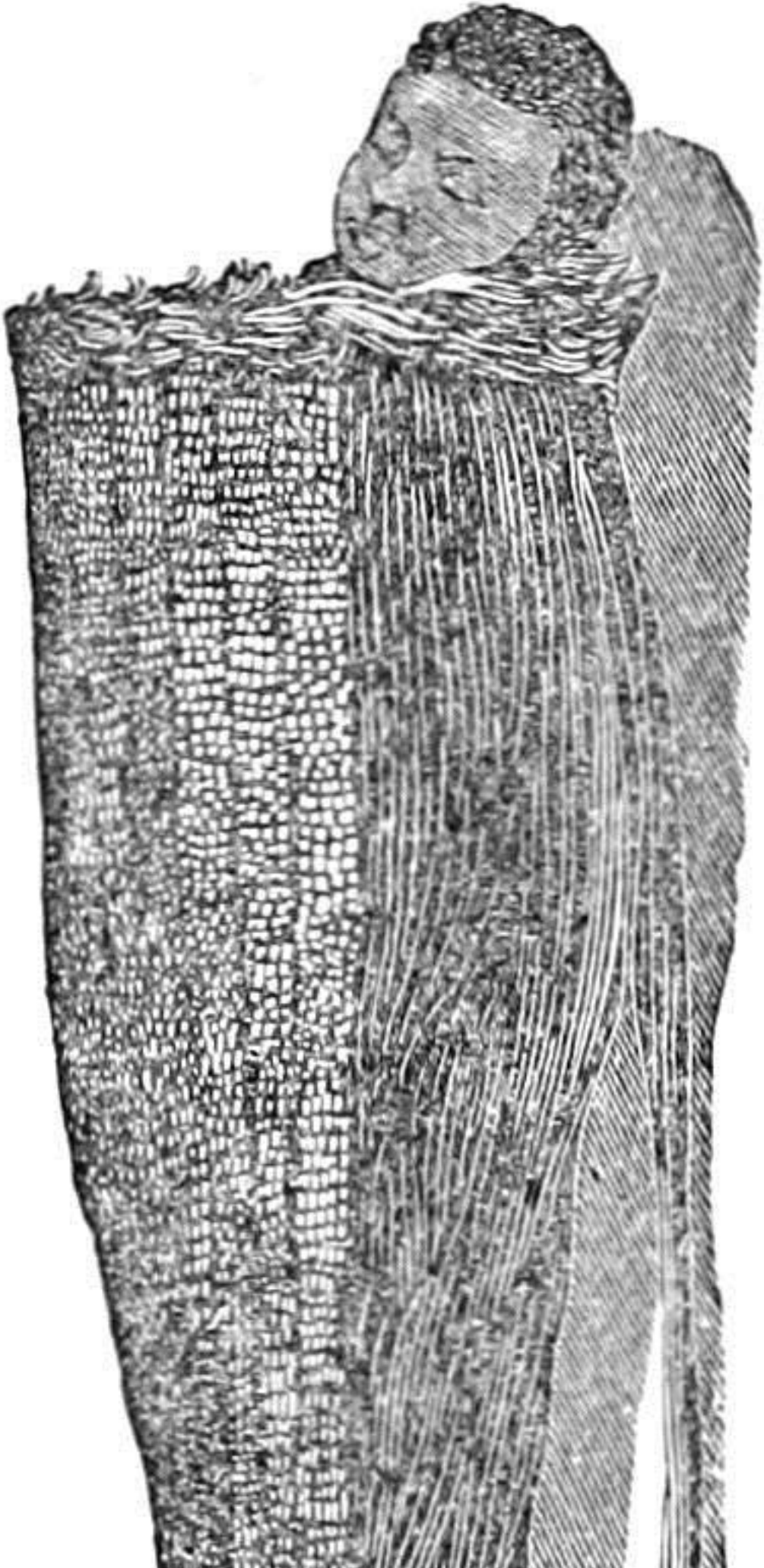
Каффиры - необычайно домашний народ, и, будучи полукочевниками, они с большой любовью держатся за свои простые хижины. Вождей и воинов с известной репутацией можно увидеть в их краалях, они кормят и ласкают своих детей с не меньшей нежностью, чем матери. В целом, каффир - существо социальное. Он не может жить один, есть один, курить один, нюхать один или даже готовить один, но всегда стремится стать частью какого-нибудь сборища, посвященного этой цели. День за днем мужчины собираются и беседуют друг с другом, часто обсуждая политические вопросы и тренируясь в той школе судебной аргументации, которая уже упоминалась.

ГЛАВА II.

ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ КАФФИРА - МЛАДЕНЧЕСТВО - ЦВЕТ НОВОРОЖДЕННОГО - ЗНАХАРЬ И ЕГО ОБЯЗАННОСТИ - КАФФИРСКАЯ ПРИВИВКА - НЕОБЫЧНОЕ ОБРАЩЕНИЕ С РЕБЕНКОМ - ПЕРВОЕ УКРАШЕНИЕ РЕБЕНКА - ЛЮБОПЫТНОЕ СУЕВЕРИЕ - МАТЬ И РЕБЕНОК - КОЛЫБЕЛЬ ИЗ КОЖИ - ОПИСАНИЕ КОЛЫБЕЛИ, ПРИНАДЛЕЖАЩЕЙ ЖЕНЕ ВОЖДЯ - ДОБРОТА РОДИТЕЛЕЙ К ДЕТЯМ ОБОИХ ПОЛОВ - БУДУЩЕЕ КАФФИРСКОЙ СЕМЬИ, И ОТСУТСТВИЕ БЕСПОКОЙСТВА - ДЕТОУБИЙСТВО ПОЧТИ НЕИЗВЕСТНО - ЦЕРЕМОНИЯ ВСТУПЛЕНИЯ В ОТРОЧЕСТВО - РАЗЛИЧНЫЕ ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ЕЕ ХАРАКТЕРА И ПРОИСХОЖДЕНИЯ - ПОПЫТКА ТЧАКИ ОТМЕНИТЬ ОБРЯД - ЛЮБОПЫТНАЯ ИДЕЯ КАФИРОВ И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ЦЕРЕМОНИИ - СТРАХ КАФИРОВ ПЕРЕД СЕДЫМИ ВОЛОСАМИ - ИММУНИТЕТЫ ПОСЛЕ ПРОХОЖДЕНИЯ ОБРЯДА - НОВОБРАНЦЫ ДЛЯ ПОЛКОВ И ИХ ЦЕННОСТЬ ДЛЯ КОРОЛЯ - ЦЕРЕМОНИЯ, ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ДЛЯ ОБОИХ ПОЛОВ.

Быстро пробежавшись по основным чертам характера кафиров, мы перейдем к более подробному описанию их жизни.

Когда младенец появляется на свет, он, как уже говорилось, имеет светлый оттенок и приобретает красно-черный оттенок своих родителей только по прошествии некоторого времени. То же самое происходит и с неграми Западной Африки. Почти сразу после рождения каффира вызывают "знахаря", который выполняет свои функции совсем не так, как "медики" в нашей стране. Он нисколько не беспокоится о матери, а посвящает всю свою заботу ребенку, которому он проводит операцию, похожую на вакцинацию, хотя и не с той же целью. Он делает небольшие надрезы на разных частях тела, втирает в них лекарство и уходит. На следующий день он возвращается, берет несчастного младенца, углубляет порезы и втирает в них еще больше лекарства. Затем многострадальное дитя моют и сушат, перемещая в дыму дровяного костра. Выдержав эту процедуру благодаря необыкновенному упорству, маленькое существо обильно покрывают красной краской, и гордая мать берет свою долю украшений. Краска обновляется так же быстро, как и стирается, и прекращается только через несколько месяцев.



КРЕСЛО.

"Однажды, - пишет мистер Шутер, - когда я увидел, как наносят эту краску, мать тщательно вымыла пухлого мальчика и сделала его чистым и ярким. Затем она взяла осколок фаянсового горшка, в котором была красная жидкость, и, обмакнув в нее пальцы, принялась мазать сына, пока он не превратился в самый гротескный объект, который мне когда-либо посчастливилось видеть. То, что осталось, слишком ценное, чтобы тратить его впустую, она перенесла на собственное лицо". Только после завершения всех этих абсурдных предварительных процедур ребенку разрешается принимать естественную пищу; и иногда случалось, что, когда "знахарь" задерживал свой приход, последствия для бедного маленького существа оказывались крайне плачевными. По прошествии нескольких дней мать продолжает работать как обычно, неся ребенка на спине, и, несмотря на нагрузку, она практически не меняет объем своих ежедневных дел. А если учесть, что вся тяжелая работа ложится на плечи женщин, то удивительно, что в сложившихся обстоятельствах им вообще удается выполнять какую-либо работу. Две главные задачи женщин - взрыхление земли тяжелым и неуклюжим инструментом, чем-то средним между киркой и мотыгой, и перемалывание дневного запаса кукурузы между двумя камнями, и любой из этих работ вполне достаточно для любого обычного рабочего, хотя бедной женщине приходится выполнять и то, и другое, и еще множество мелких дел. То, что им приходится выполнять всю эту работу, неся на спине тяжелого и растущего ребенка, действительно кажется женщинам очень тяжелым. Но они, никогда не знавшие другого положения вещей, принимают свою трудоемкую супружескую жизнь как нечто само собой разумеющееся.

Когда мать несет своего младенца в поле, она чаще всего прикрепляет его к спине с помощью широкой полосы мягкой кожи, которую она обматывает вокруг талии, чтобы оставить своего рода карман, в котором ребенок может лежать. В этой примитивной колыбели маленькое существо почивает в полном довольстве, и даже резкие движения, которым оно неизбежно подвергается, не нарушают его дремоты.

Жена вождя или богатого человека, однако, не удовлетворится простой полоской кожи в качестве колыбели, а приобретет колыбель с тщательно продуманным и декоративным убранством. На иллюстрации представлен замечательный образец южноафриканской колыбели, взятый из моей коллекции.

Она почти два фута в длину и один в ширину и сделана из шкуры антилопы с сохранившимися волосами. Первой заботой изготовителя было сконструировать мешок, узкий к низу, постепенно расширяющийся до нескольких дюймов от отверстия, когда он снова сужается. Такая форма очень эффективно предотвращает выпадение активного или беспокойного ребенка из колыбели. Волосатая сторона кожи повернута внутрь, так что у малыша есть мягкая и приятная колыбелька, в которой он может отдыхать. Чтобы придать ей такую форму, в спинке колыбели сделаны две "прорези", которые зашиты с той удивительной аккуратностью, которая характеризует мастерство каффирских племен. К отверстию колыбели прикреплены четыре длинные полоски той же кожи, с помощью которых мать может надежно привязать малыша к спине.

С точки зрения пользы, колыбель уже готова, но женщина не будет удовлетворена, если не добавит украшений. Хотя ее ранг - жены вождя - не освобождает ее от труда, она все равно может с удовольствием демонстрировать свое положение одеждой и вызывать зависть у своих менее удачливых товарищей в поле. Вся передняя часть колыбели покрыта бусинами, расположенными ровными рядами. В этом образце использованы только два цвета, а именно черный и белый. Черные бусины - из полированного стекла, а остальные - из цвета,

который известен как "белый мел" и пользуется большой популярностью у кафиров из-за контраста, который он создает с их смуглой кожей. Два центральных ряда - черные. Колыбель весит более двух фунтов, половина из которых, несомненно, приходится на обилие бусин, которыми она покрыта.

За исключением особых обстоятельств, каффирская мать - добрая и даже снисходительная к своим детям. Бывают, правда, и исключительные случаи, но в них, как правило, движущей силой является суеверие. Как и у многих других народов в разных частях света, несмотря на желаемое изобилие детей, близнецы не в фаворе; а когда они появляются на свет, одного из них приносят в жертву, в силу суеверного представления о том, что, если позволить обоим близнецам жить, с родителями случится что-то несчастливое.

По мере того как дети растут, становится заметна определенная разница в обращении с ними. У большинства диких народов к детям женского пола относятся сравнительно пренебрежительно и очень плохо, в то время как мужские особи считаются привилегированными и могут делать все, что им заблагорассудится, без упреков. Однако с кафирами дело обстоит иначе. Родители очень уважают своих сыновей как воинов будущего поколения, но также уважают и дочерей как источник богатства. Поэтому каждый отец рад новорожденному и приветствует его, независимо от пола: мальчиков - чтобы увеличить силу своего дома, девочек - чтобы увеличить поголовье скота. Он прекрасно знает, что, когда его девочка вырастет, он сможет купить для нее как минимум восемь коров, а если она приглянется богатому или влиятельному человеку, то ему посчастливится получить вдвое больше. А поскольку цена, которую платят отцу за девушку, во многом зависит от ее внешности и состояния, ей не дают испортиться из-за тяжелой работы или плохого обращения. Как правило, это происходит после замужества, и, поскольку жена не ждет ничего, кроме такого обращения, она и не мечтает жаловаться.

Каффир свободен от главных тревог, которые сопровождают большую семью в цивилизованных странах. Он не знает о тысяче искусственных потребностей, которые окружают цивилизованную жизнь, и ему не нужно бояться, что его потомство не сможет найти себе пропитание. Его не беспокоит и то, что они опустятся ниже того ранга, в котором родились. Не то чтобы в Кафирланде не было различий по рангу. Напротив, в мире найдется немного мест, где различия в рангах были бы лучше осознаны или более четко определены. Но любой человек может достичь ранга вождя, если он обладает умственными или физическими характеристиками, которые могут поднять его над уровнем тех, кто его окружает, и, как хорошо известно, некоторые из самых могущественных монархов, осуществлявших деспотическую власть на юге Африки, заслужили ранг, который они не могли унаследовать, и создали монархии там, где раньше страной управляли несколько независимых вождей. Эти моменты, возможно, оказывают определенное влияние на поведение кафиров как родителей, но, какими бы ни были мотивы, факт остается фактом: среди этой прекрасной расы дикарей нет и следа массового детоубийства, которое так ужасно распространено среди других народов и которое принято как социальный институт среди тех, кто считает себя одним из самых высокоцивилизованных представителей человечества.

Как и во многих других частях света, коренные жители Южной Африки проходят некую церемонию, которая знаменует их переход от детства к более зрелому возрасту. По поводу своеобразной церемонии, которую предписывают кафиры, ведутся довольно острые споры: одни утверждают, что она идентична обряду обрезания, практикуемому евреями, другие - что такого обычая не существует. Дело в том, что раньше он был повсеместным на юге Африки, пока этот странный деспот, Чака, не решил самовольно запретить его среди

многочисленных племен, которыми он управлял. Однако после его смерти этот обычай был постепенно введен вновь, поскольку мужчины племен считали, что те, кто не прошел обряд, слабее, чем могли бы быть, и более подвержены появлению седых волос. Теперь для кафиров хриплая голова отнюдь не является венцом славы, а рассматривается как признак слабости. Вождь ничего так не боится, как появления седых волос, зная, что различные подвожди и другие амбициозные люди, возвышающиеся вокруг него, готовы заметить любой признак слабости и сместить его с должности. Европейцы, посещающие престарелых вождей, почти всегда спрашивают, нет ли у них какого-нибудь средства, которое закрасит их седину в черный цвет. Таким образом, страх перед таким несчастьем в раннем возрасте вполне достаточен, чтобы заставить кафира прибегнуть к любому обычаю, который, как ему кажется, может его предотвратить.

После церемонии, которая проводится в тайне, и ее детали скрываются с нерушимой верностью, юношам разрешается три месяца неограниченной свободы: они не выполняют никакой работы, едят, спят, поют и танцуют, как им вздумается. Затем им разрешается носить оружие, и, хотя они все еще называются "мальчиками", их обучают как солдат и призывают в различные полки. Именно из этих полков вождь отбирает воинов, которых отправляет в самые смелые экспедиции. Им нечего терять и нечего приобретать, и, если они отличились, им может быть позволено носить "головное кольцо", гордый знак мужественности, и жениться на стольких женах, сколько они смогут оплатить. Мальчик", независимо от его возраста, не осмелится надеть головное кольцо без разрешения своего вождя, и нет более надежного способа получить разрешение, чем выдающееся поведение в поле, будь то в открытом бою или при краже скота у врага.

Необходимость пройти некий обряд при выходе из детства не ограничивается мужчинами, но и возлагается на девушек, которых инициаторы уводят в уединение, а через год после посвящения разрешают выйти замуж.

ГЛАВА III.

ЖИЗНЬ КАФИРА, ПРОДОЛЖЕНИЕ - ЮНОСТЬ - КРАСОТА ФОРМ У КАФИРОВ И ПРИЧИНЫ ЭТОГО - ЖИВЫЕ СТАТУИ - БЕНДЖАМИН ВЕСТ И АПОЛЛОН - ПЛЕЧИ КАФИРОВ - БЫСТРОТА НОГ СЧИТАЕТСЯ ПОЧЕТНОЙ - КАФИРСКИЙ ГОНЕЦ И ЕГО СПОСОБ ПЕРЕНОСКИ ПИСЬМА - ЕГО СНАРЯЖЕНИЕ В ДОРОГУ - ЛЕГКИЙ ПОХОДНЫЙ ОРДЕР - КАК ЕМУ ПЕРЕДАЮТ АДРЕС - БЫСТРОТА ЕГО ЗАДАНИЯ И МАЛОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ - ЕГО НОГИ И ИХ ПРИРОДА - ТОЛЩИНА ПОДОШВЫ, И ЕЕ ПРЕВОСХОДСТВО НАД БАШМАКОМ - АНЕКДОТ О БОЛЬНОМ МАЛЬЧИКЕ И ЕГО ВРАЧЕ - ФОРМА СТОПЫ - ЗДОРОВОЕ СОСТОЯНИЕ ТЕЛА КАФФИРА - АНЕКДОТ О РАНЕНОЙ ДЕВУШКЕ - БЫСТРОТА ЗАЖИВЛЕНИЯ РАН - МОЛОДЫЕ ЖЕНЩИНЫ И КРАСОТА ИХ ФОРМ - ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ - ТРУДНОСТЬ ФОТОГРАФИРОВАНИЯ КАФФИРА - МЕСТНОСТЬ, ЖИРНОСТЬ, НЕРВОЗНОСТЬ - НЕДОЛГОВЕЧНОСТЬ КРАСОТЫ - ЧЕРТЫ КАФФИРСКИХ ДЕВУШЕК - СТАРЫЕ КАФФИРСКИЕ ЖЕНЩИНЫ И ИХ ВНЕШНОСТЬ.

Когда юноши и девушки находятся в полном расцвете молодости, они представляют собой такие прекрасные образцы человечности, какие только можно увидеть. Их конечности никогда не подвергались искажающему влиянию одежды, а формы - абсурдному сжатию, которое до недавнего времени разрушало всю настоящую красоту в этой и соседних странах. Каждый мускул и сухожилие были в полном порядке, легкие дышали свежим воздухом, а активные привычки придали формам то округлое совершенство, которое не

встретишь иначе как у тех, кто пользовался подобными преимуществами. Мы все восхищаемся почти сверхчеловеческим величием человеческих форм, которые можно увидеть в античной скульптуре, и нам достаточно отправиться на юг Африки, чтобы увидеть похожие формы, но дышащие и движущиеся, не неподвижные изображения из мрамора, а живые статуи из бронзы. Эта классическая красота форм не свойственна югу Африки, она встречается во многих частях света, где жители ведут свободный, активный и умеренный образ жизни.

Мои читатели наверняка помнят известный анекдот о том, как художник Вест удивил критичных итальянцев своими замечаниями. Воспитанный в квакерской семье, он не был знаком с античным искусством, и когда он впервые посетил Рим, то был приглашен большим собранием критиков искусства посмотреть на Аполлона Бельведерского. Как только двери были открыты, он воскликнул, что статуя изображает молодого ирокезского воина, чем привел в негодование критиков, которые по глупости восприняли его восклицание как унижение статуи, а не как самую высокую и искреннюю похвалу. Дело было в том, что модели, с которых скульптор создавал свою статую, и молодые воины-мохауки, так хорошо знакомые Уэсту, получили схожее физическое воспитание и достигли схожей физической красоты. "Я часто видел их, - говорит Уэст, - стоящими в позе этого Аполлона и пристально следящими за стрелой, которую они только что выпустили из лука".

Действительно, самый придирчивый критик может найти только один недостаток в форме кафиров - небольшой недостаток в опущении плеча. Как раса, кафиры немного высокоплечи, хотя есть много примеров, когда наклон от шеи к руке точно соответствует канонам классического искусства.

Эти молодые парни отличаются удивительной быстротой ног, причем быстрота считается одной из главных характеристик выдающегося солдата. Они также обладают огромной выносливостью. Вы можете отправить кафира за шестьдесят или семьдесят миль с письмом, и он будет готовиться к старту так же спокойно, как если бы ему предстояло пройти всего три или четыре мили. Сначала он срезает палку длиной около трех футов, расщепляет ее конец и закрепляет письмо в расщелине, чтобы можно было нести послание, не повредив его жиром, которым обильно смазано все его лицо. После этого он заботится о запасе нюхательного табака, а если вдруг ему не хватит этой необходимой роскоши, то крыльям его ног добавит немного табака, который он сможет сделать из нюхательного табака на первом же привале.

(1.) МОЛОДОЙ КАФФИР ВООРУЖЕН.
(См. стр. 20.)

(2.) КАФФИРСКИЙ ПОЧТАЛЬОН.
(См. стр. 20.)

Взяв с собой ассагай или два, а может быть, и короткую палку с набалдашником на конце, называемую "керри", он пускается в путь на смеси бега и рыси и держит этот темп почти без остановки. Что касается провизии для путешествия, то ему не нужно беспокоиться об этом, так как он обязательно наткнется на какую-нибудь хижину или, возможно, деревню и будет уверен, что получит и еду, и кров. Он направляет свой курс почти интуитивно, не обращая внимания на проторенные пути, и прибывает к месту назначения с той же таинственной уверенностью, которая характеризует миграцию ласточки.

Адресовать письмо в Африке не так просто, как в Англии, и так же сложно дать указания, как найти тот или иной дом или деревню. Если вождь приезжает с визитом и просит хозяина ответить ему, он просто велит ему идти столько-то дней в таком-то направлении, затем повернуть на полдня в другую сторону, и так далее. Однако кафира вполне устраивают такие указания, и он обязательно достигнет своей цели.

Когда гонец доставит письмо, он присядет на корточки, возьмет табак или закурит - возможно, и то и другое - и будет терпеливо ждать ответа. Разумеется, его угостят прохладительными напитками, и, получив ответ, он вернется в том же темпе. Европейцы всегда удивляются, когда впервые видят, как молодой каффир берется доставить письмо на такое большое расстояние, и еще больше удивляются тому, что он проделывает этот путь за удивительно короткое время. Не меньше удивления они испытывают и тогда, когда узнают, что он считает себя очень хорошо вознагражденным шиллингом за свои труды. На самом деле путешествие почти не доставляет хлопот. Он все делает по-своему. В его коробке много нюхательного табака, есть табак, из которого можно сделать еще больше, перспектива встретить по дороге несколько соотечественников и насладиться беседой с ними, достоинство быть посланником от одного белого вождя к другому и уверенность в получении суммы денег, которая позволит ему украсить себя великолепным набором бус на следующем танце.

Несмотря на то что он босиком, он редко жалуется на боль. От постоянного использования подошвы его ног защищены утолщенной кожей, такой же неощутимой, как подошва любого сапога, и сочетающей в себе такую же прочность с идеальной эластичностью. Он спокойно ходит по острым камням и колючкам, о которые европеец разбился бы при первом же шаге, и имеет огромное преимущество в том, что у него есть пара подошв, которые никогда не изнашиваются, а становятся еще крепче от использования. Мистер Бейнс, африканский охотник, рассказывает о довольно смешном случае бесчувственности ног кафиров. Проходя мимо нескольких каффирских домов, он услышал жалобные крики и обнаружил, что одному мальчику делают медицинскую или хирургическую операцию, в зависимости от того, как это правильно назвать. Мальчик страдал от какого-то недуга, от которого знахарь прописал тщательное разминание горячим веществом. План, по которому осуществлялся этот процесс, был прост и гениален. Каффирец держал свою ногу над огнем, пока подошва не становилась совсем горячей. Затем мальчика крепко держали на земле, а мужчина топтал его раскаленной ногой и хорошенько разминал этим любопытным орудием медицины. Когда эта нога остывала, он нагревал другую, и так продолжалось до тех пор, пока операция не была завершена. Нагрев подошвы был настолько сильным, что бедный мальчик с трудом переносил боль и изо всех сил пытался освободиться, но оператор не испытывал никаких неудобств, подвергая его ногу такому испытанию. Ужасная "палка" восточных людей перестает быть страшной для каффирца, который переносит бастинадо сравнительно безнаказанно.

У этих людей стопа принимает правильную форму и размеры. Пальцы ног не сжимаются туфлями или сапогами и не приводятся в беспомощное состояние, слишком

распространенное в этой стране. Стопа, как у античной статуи, широка и полна в пальцах, каждый из которых выполняет свою функцию, как и пальцы руки, и каждый из которых в равной степени способен выполнять эту функцию. Поэтому походка кафира - само совершенство. Его нога не приподнята сзади и не опущена спереди сапогами на высоком каблуке, а игра голенища не ограничена кожаными связками. Чудесный свод стопы - один из самых удивительных механизмов в мире - может беспрепятственно выполнять свои функции, а каждая маленькая косточка, мышца и сухожилие играют свою роль, и никакую другую.

Постоянная активность кафиров, сочетающаяся с их умеренным образом жизни, поддерживает их здоровье и защищает от многих бед, которые постигают цивилизованного человека. Они свободны от многих мелких недугов, присущих высокой цивилизации, которые, будучи незначительными по отдельности, в совокупности значительно снижают счастье жизни. Более того, состояние их здоровья позволяет им пережить травмы, которые для любого обычного цивилизованного европейца были бы почти мгновенно смертельными. То, что этот сравнительный иммунитет обусловлен образом жизни, а не цветом кожи, - общеизвестный факт: европейцы, находясь в полном здравии, даже более выносливы, чем их темнокожие товарищи. Примечательный пример этого факта произошел во время кровавой схватки между голландскими колонистами и войсками Дингана в 1837 году. Кафиры вероломно напали на ничего не подозревающих голландцев, а затем вторглись в их деревни, изрубив всех жителей и разрушив жилища. У реки Голубой Кранц лежала куча трупов, среди которых нашли двух молодых девушек, еще подававших признаки жизни. Одна из них получила девятнадцать ударов ассагаем, а другая - двадцать один. Их извлекли из трупов, и они пережили свои страшные раны, достигнув женского возраста, хотя обе остались калеками на всю жизнь.

Однажды, когда я разговаривал с капитаном Бертоном и упоминал о многочисленных ранах, которые он получил, и о том, что они мало на него влияли, он сказал, что, когда человеческий организм приведен постоянными упражнениями и простой диетой в состояние идеального здоровья, простые раны на плоти почти не замечаются, а порез закрывается почти так же легко, как если бы он был сделан из индийского каучука. Моим читателям также может быть известно, что когда в этой стране мужчин тщательно готовят к любым физическим нагрузкам, будь то пешеходный туризм, гимнастика, гребля или призовой ринг, они с безразличием относятся к травмам, которые за несколько месяцев до этого повергли бы их в смятение, и восстанавливаются после них с удивительной быстротой.

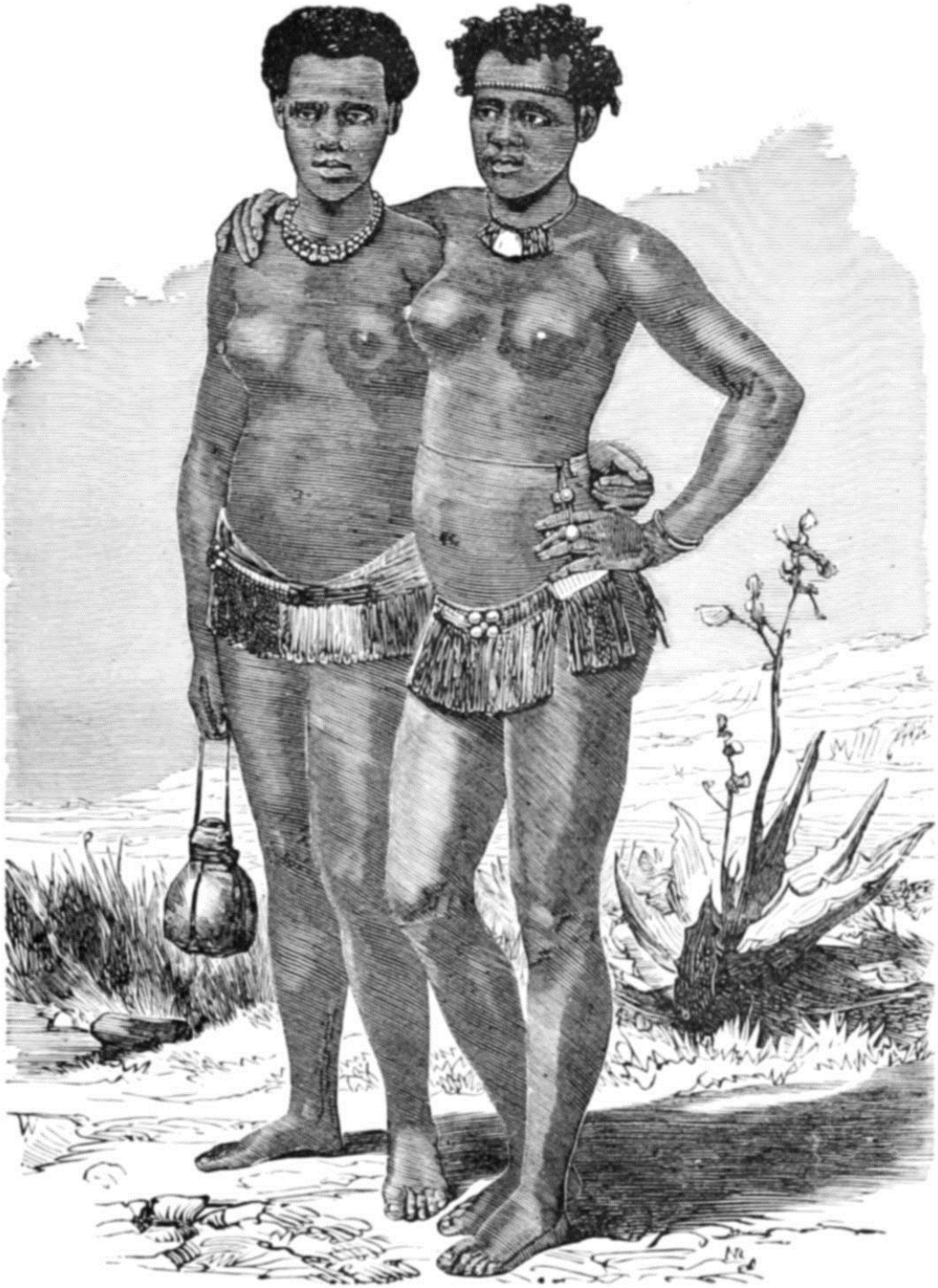
Молодые каффирские женщины отличаются красотой форм не меньше, чем мужчины, а весьма скромные наряды, которые они носят, позволяют выгодно продемонстрировать их фигуры. Некоторые из молодых каффирских девушек настолько совершенны в плане форм, что удовлетворили бы даже придирчивый вкус классического скульптора. Однако в них прослеживается та же тенденция к высоким плечам, о которой уже говорилось, и в некоторых случаях плечи расположены почти прямо по телу. В большинстве случаев, однако, плечи имеют должный изгиб, а весь бюст является абсолютным образцом совершенства - округлый, твердый и в то же время легкий, как тело пантеры.

Сейчас передо мной большая коллекция фотографий, на которых изображены каффирские девушки разных возрастов, и, несмотря на неизменную неподвижность фотографических портретов, они демонстрируют формы, которые могли бы послужить моделями для любого скульптора. Если бы их можно было сфотографировать только во время их обычных занятий, результат был бы наиболее художественным, но само знание того, что они не должны были двигать руками или ногами, заставило их принять позу, совершенно не соответствующую изящной бессознательности их обычных жестов.

Помимо уже упомянутой скованности, есть несколько моментов, которые делают действительно хороший фотографический портрет почти невозможным. Во-первых, солнечный свет настолько яркий, что тени превращаются в черные пятна, а яркие блики - в белые брызги без малейшей вторичной тени. Фотограф каффирской жизни не может поместить своих моделей в стеклянную комнату, хитроумно обставленную шторами и тонированными стеклами. Он должен взять камеру в деревню, сфотографировать жителей, когда они стоят или сидят на открытом воздухе, и заставить затемненную хижину работать в качестве проявочной палатки.

Правильная съемка портрета - дело чрезвычайно сложное. Кафиры натирают себя жиром, и чем больше они блестят, тем лучше одеты. Как известно любому фотографу, ничто так не озадачивает, как округлые и полированные поверхности под лучами солнца; и если бы только можно было оттереть жир с темных тел и лишить их блеска, у фотографа было бы больше шансов на успех. Но каффирские дамы, как старые, так и молодые, считают делом чести быть одетыми во все самое лучшее, когда снимают их портреты, и настаивают на том, чтобы нарядить себя именно так, как это наиболее губительно для фотографии. Они берут свежую смазку и натирают свое тело до блеска, как хорошо отполированный сапог; они надевают на себя все ожерелья, кушаки, браслеты и другие украшения, которые только могут найти, и только после того, как они будут удовлетворены своим внешним видом, они предстанут перед художником. Даже когда они это сделали, они беспокойны, любопытны и довольно нервны, и, скорее всего, будут двигать головой, как только снимут крышку объектива, или испугаются и убегут совсем. В случае с двумя девушками, изображенными на иллюстрации на странице 25, фотографу необычайно повезло. Обе девушки принадлежали к племени, которым командовал известный вождь Гоза, чей портрет будет приведен на одной из следующих страниц. Девушки одеты в обычные повседневные костюмы, а на самом деле, когда их портреты были сделаны, они работали горничными в доме европейского поселенца.

К сожалению, эта необычная красота форм очень преходяща; когда девушка достигает возраста, в котором английская девушка находится в полном совершенстве, каффирская девушка начинает стареть, и ее крепкие, стройные и изящные формы становятся дряблыми и бесформенными. В серии портретов, о которых уже говорилось, это постепенное ухудшение формы очень заметно; а в одном из примеров, где изображен ряд девушек, сидящих под сенью хижины, молодые девушки двадцати лет выглядят как женщины сорока лет.



(1.) НЕЗАМУЖНИЕ КАФФИРСКИЕ ДЕВУШКИ.
(См. стр. 21.)

(2.) СТАРЫЕ КАФФИРСКИЕ ЖЕНЩИНЫ.
(См. стр. 27.)

Главный недостаток красоты каффирской девушки заключается в ее лице, которое никогда не бывает красивым, согласно европейским представлениям на этот счет. В основном это приятное, добродушное лицо, но скулы слишком высокие, нос слишком широкий, а губы очень большие. Два уже представленных экземпляра - самые удачные в коллекции, и никто не может сказать, что их лица хоть в какой-то мере соответствуют их формам. Возможно, их короткие, хрустящие, жесткие, шерстяные волосы, так отличающиеся от шелковистых локонов европейских женщин, вызывают некоторое чувство неприязни; но даже если бы они были снабжены самой прекрасной и массивной головой, их никогда нельзя было бы назвать красивыми. Люди, конечно, привыкают к их своеобразному стилю, и иногда предпочитают дикую красоту каффирской девушки более утонченной, хотя и более тусклой, манере европейки. Тем не менее, немногие англичане сочтут себя польщенными, если их лица будут напоминать черты кафиров того же возраста, и это правило применимо как к женщинам, так и к мужчинам.

К сожалению, быстрота, с которой каффирские женщины портятся, делает их очень неприглядными объектами в том возрасте, в котором европейская женщина находится в расцвете сил. Среди цивилизованных народов возраст часто несет в себе очаровательную смесь величественности и простоты, которые в равной степени вызывают наше почтение и нашу любовь. Однако среди этого народа мы не находим в старости ничего, что могло бы компенсировать утраченную красоту молодости. Они не обладают тем неизъяснимым очарованием, которое так характерно для старости цивилизованной женщины, в них нет и следа той духовной красоты, которая, кажется, лежит в основе внешней формы и является даже более юной, чем сама молодость. Возможно, одной из причин такого различия является некультурное состояние ума; но, какова бы ни была причина, в молодости каффирская женщина - сильфида, а в старости - карга.

ГЛАВА IV.

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ - ОДЕЖДА МУЖЧИН - ОДЕЖДА ЗАВИСИТ ОТ СТРАНЫ - КОЖА - ГЛАВНЫЙ ПРЕДМЕТ ОДЕЖДЫ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ - МЕХЖИВОТНЫЕ - КАРОСС ИЛИ ПЛАЩ ИЗ ШКУРЫ СУРИКАТА - ДРУГОЙ ИЗ ШКУРЫ ШАКАЛА - ТУЗЕМНЫЙ ВКУС В ОДЕЖДЕ - ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИЗГОТОВИТЕЛИ КАРОССА - ИГЛА, ИСПОЛЬЗУЕМАЯ КАФИРАМИ - ЕЕ НЕУКЛЮЖАЯ ФОРМА И РАЗМЕРЫ - ЕЕ КОЖАНЫЕ НОЖНЫ - МОДНАЯ ИГЛА И ЕЕ ПОЯС ИЗ БИСЕРА - СО ВКУСОМ ПОДОБРАННЫЙ ЦВЕТ - НИТЬ ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ КАФИРАМИ - ОСОБЫЙ МАТЕРИАЛ И СПОСОБ ЕГО ПРИГОТОВЛЕНИЯ - КАК ШЬЮТ КАФИРЫ - ОБЫЧНАЯ ОДЕЖДА МУЖЧИНЫ - ФАРТУК ИЛИ "ХВОСТЫ" - ОБРАЗЕЦ В МОЕЙ КОЛЛЕКЦИИ - ЛАТУННЫЕ ПУГОВИЦЫ - "ИСИНЕНЕ" И "УМУЧА" - ПОРТРЕТ ГОЗЫ - ТУЧНОСТЬ ВОЖДЕЙ - ПОЛНОЕ ОДЕВАНИЕ И РАЗДЕВАНИЕ - КАФИРСКИЙ АИД...ДЕ-ЛАГЕРЬ.

Описав общий облик каффиров с детства до старости, перейдем к костюму, который они носят, и к украшениям, которыми они украшают свои смуглые лица. Материал, из которого шьется одежда, во многом зависит от особенностей страны. В некоторых частях света используется лен, в других - шелк, в третьих - хлопок. Однако на юге Африки, да и на большей части континента, одежда мужчин и женщин состоит из шкур и меха животных. Страна изобилует дичью, особенно из племени антилоп; антилопы, зебры и их родственники, хищные звери, племена обезьян и быков - все это дает огромный запас, из которого каффир может брать одежду и варьировать ее почти без ограничений.

Каффир - замечательный выделщик мехов. Он очень тщательно подходит к этому процессу и достигает результата, который не может превзойти даже лучший европейский меховщик со всеми его средствами и приспособлениями. Каффирские меха, даже те, что сделаны из жесткой и неподатливой шкуры быка, мягкие и податливые, как шелк; а если их намочить, они высохнут, не став жесткими и неподатливыми. Для больших и толстых шкур требуется особый процесс. Например, шкура коровы после высыхания становится твердой, как доска, и даже шкура льва после высыхания становится очень жесткой. Процесс подготовки таких шкур почти до абсурда прост и быстр, а эффективность его такова, что наши лучшие скорняки не могут производить такие изделия, как это делают кафиры.

Предположим, что из коровьей шкуры нужно сделать халат, каффир попросит двух или трех своих товарищей помочь ему. Все они садятся вокруг шкуры и очень тщательно скребут ее, пока не удалят все частицы жира, а также не уменьшат толщину. Затем они растягивают ее во всех направлениях, изо всех сил тянут друг к другу, обрабатывают колени и следят за тем, чтобы ни один дюйм не ушел без тщательных манипуляций. Конечно, они разговаривают, поют, курят и принимают табак во время выполнения этой работы, которая для них - труд любви. Если бы это было не так, они бы не стали его выполнять, а передали бы его своим женам. Когда они вымесили его столько, сколько посчитали нужным, они приступают к другой операции. Они берут восемь или десять игл, похожих на шампуры, и связывают их в пучок, каждому мужчине дается по одному такому пучку. Затем острия перпендикулярно прикладывают к коже, а связку вращают взад-вперед между руками. Этот процесс разрывает волокна кожи и делает ее более податливой, а также поднимает ворс, который в некоторых платьях настолько густой и тонкий, что напоминает плюш.

Иногда, когда иголок не хватает, длинные прямые колючки акации связывают вместе и используют аналогичным образом. Хотя они не так прочны, их естественные острия столь же

остры, как и искусственные, сделанные из железа, и выполняют свою работу столь же эффективно. Некоторые из моих читателей, возможно, помнят, что ворс на ткани создается по точно такому же принципу: колючие семена чертополоха закрепляются на цилиндрах и быстро вращаются по поверхности ткани, чтобы создать "ворс", скрывающий ход нитей. Эти колючки акации используются для самых разных целей и даже служат личному тщеславию, украшая волосы по торжественным случаям.

Теперь кожа готова для ингредиента, который образует суккеданум для танпита, и который делает свою работу за очень короткое время. Как читатель, возможно, знает, акация - одно из самых распространенных деревьев на юге Африки. Сок этого дерева имеет очень вяжущий характер и передает свои свойства коре, через которую он просачивается. Поэтому белые жители юга Африки привыкли использовать кору акации так же, как в Англии мы используем кору дуба, и обнаружили, что она производит аналогичный эффект на кожу, смоченную в крепком растворе коры акации в воде. Туземец, однако, не использует кору для этой цели и не практикует долгий и утомительный процесс дубления, который используется у нас. Дерево акации служит для него материалом, который отвечает всем целям дубильни и не требует и доли того времени, которое затрачивается на обычное дубление.

Деревья акации постоянно вырубаются для всевозможных целей. Твердая древесина используется в местной архитектуре, при изготовлении ограды вокруг крааля, столбов для повозок и во многих других подобных случаях. Корень и пень оставляют гнить в земле, и, благодаря особенностям климата и нападению насекомых, они вскоре сгнивают, и их можно растолочь пальцами в красновато-желтый порошок. Этот порошок обладает сильным вяжущим действием и используется кафирами для выделки мехов, причем наносится он путем тщательного растирания рукой. Затем добавляется немного жира, но не очень много, и он также тщательно втирается рукой.

Большой кароcс всегда носят меховой стороной внутрь, и есть способ его надевания, который считается очень модным. Если халат состоит из нескольких шкур, например, шакала или леопарда, то головы располагаются в ряд по верхнему краю. Когда каффир натягивает свой кароcс, он откидывает этот край, чтобы получилась своеобразная накидка, и надевает его таким образом, чтобы покрытые мехом головы падали в ряд на плечи.

Быстрота, с которой каффир готовит небольшую шкурку, действительно удивительна. Один из моих друзей путешествовал по югу Африки и увидел, как шакал скачет по дороге, высматривая пищу. Вскоре он уловил запах готовящегося стейка и направился прямо к повозке, думая только о еде и не обращая внимания на опасность. Один из кафиров, присматривавших за повозкой, увидел животное, поднял большой камень и стал ждать его прихода. Когда он приблизился к костру, кафир метнул камень с такой меткостью, что животное было опрокинуто и оглушено. Повозка отправилась в путь через полтора часа после этого, и кафира, убившего шакала, видели в выделанной шкуре этого животного. Шкура этого существа очень ценится для изготовления халатов и других подобных вещей, поскольку она толстая и мягкая, а насыщенные черные крапинки вдоль спины придают халату очень красивый вид.

Передо мной прекрасный образец кароса или плаща, сшитого из шкуры суриката, одного из южноафриканских ихневмонов. Это симпатичное существо, шерсть мягкая и густая, а общий цвет - рыжевато-бурый, у некоторых экземпляров пестрый, с темными крапинками вдоль спины и переходящий в серый на боках. Кароcс состоит из тридцати шести шкурок, которые сшиты вместе так аккуратно, как только может сшить любой меховщик. Сурикат, будучи

очень живучим, легко не сдается, и, соответственно, едва ли найдется шкура, которая не была бы пробита в одном или нескольких местах копьем, в некоторых случаях оставляя отверстия, через которые легко мог бы пройти палец человека. В одной шкуре имеется пять отверстий, два из которых значительного размера. Однако, если посмотреть на каросса с волосатой стороны, не видно ни одной дырки. С необыкновенным мастерством каффирский меховщик "пустил" круглые куски шкуры, снятой с другого животного, и сделал это так хорошо, что никто не заподозрил бы, что шкура была повреждена. Тщательность выбора цвета очень примечательна, ведь мех сурикатa чрезвычайно изменчив по цвету, и, должно быть, пришлось сравнить значительное количество шкурок, чтобы найти точно подходящую по оттенку.

Мантия, о которой идет речь, удивительно легкая, настолько легкая, что никто не подумает, что она способна давать много тепла, пока не попробует ее. Я всегда использую ее в поездках в холодную погоду, обнаружив, что она занимает гораздо меньше места, чем обычный железнодорожный коврик, что ее легче нести, и что она теплее и удобнее.

Хотя каждый каффир обладает определенными знаниями в выделке и пошиве кожи, есть и такие, кто значительно превосходит своих товарищей, и их в народе называют "каросcмейкерами". С первого взгляда легко определить, является ли одежда работой обычного кафира или каросcмейкера. Каросс, на который мы обратили внимание, представляет собой хороший пример обоих стилей, которые можно отличить на ощупь так же легко, как и на вид.

Когда каросcмейстер приступает к работе, он берет два куска меха, которые ему нужно соединить, и кладет их вместе ворсистой стороной внутрь, а края точно совпадают друг с другом. Затем он несколько раз проводит своей длинной иглой между двумя кусками, чтобы прижать волос вниз и не дать ему зацепиться за нить. Затем он проделывает несколько отверстий на одной линии друг с другом и пропускает через них волокно сухожилия, делая один зацеп за каждое отверстие, но оставляя нить свободной. Сделав два или три таких отверстия и пропустив в них нить, он последовательно затягивает их, чтобы получился своего рода замок, и работа не распустится, даже если ее неоднократно разрезать. Наконец, он затирает шов, и, если все сделано правильно, два края ложатся так же ровно, как если бы они были одним куском кожи.

В упомянутом выше каросе первоначальный изготовитель не принадлежал к числу профессиональных портных, но решил, что сможет сам выполнить все простые швейные работы. Соответственно, швы, соединяющие различные навыки, выполнены довольно грубо, просто пришиты поверх, и, как следствие, приподняты над уровнем шкур. Но различные заплатки, которые требовались для придания одежде целостности, требуют гораздо более тщательной работы, и поэтому эта часть работы была доверена одному из профессиональных каросcмейкеров. Разница в швах сразу бросается в глаза: швы, выполненные неумелым мастером, рельефные, грубые и жесткие, в то время как швы, выполненные профессионалом, совершенно плоские и выглядят точно так же, как хорошо знакомый нам замковый шов на швейных машинках.

Сейчас передо мной находится необычайно красивый образец кароса. Он сделан из шкуры серого шакала, и, хотя он не так привлекателен для европейского глаза, как если бы он был сделан из шкуры черношапочного шакала, по оценке кафиров, это гораздо более ценное изделие, поскольку серый вид встречается гораздо реже, чем черношапочный.

Человек, создавший этот каросс, может по праву носить звание художника. Его глубина составляет пять футов три дюйма, а ширина - почти шесть футов, поэтому при его изготовлении было использовано значительное количество шкур. Но шкуры были не просто расправлены, а затем сшиты вместе, поскольку производитель задумал очень смелый дизайн. Большинство людей знают, что у большинства животных, в том числе и у шакала, шкура наиболее темная вдоль спины, вдоль позвоночника проходит очень темная полоса, а на боках и под брюхом мех переходит в беловато-серый. Создатель кароса решил сформировать плащ по тому же принципу, чтобы он выглядел так, будто состоит из одной большой шкуры. Соответственно, он выбрал самые темные шкуры для центра кароса и расположил их так, чтобы по краям они сливались с серым цветом. Для этого он не просто положил более темные шкуры в центр, а светлые - к краям, а разрезал шкуры на продолговатые куски почти одинакового размера и сшил их между собой так аккуратно, что линии стыка стали совсем незаметны. Все головы расположены в ряд по верхним краям, и, будучи очень плоскими, могут быть перевернуты и образовывать подобие накидки, о чем уже говорилось. Нижний край кароса имеет очень красивый вид: серый цвет меха быстро переходит в черный, который образует широкую полосу глубиной около четырех дюймов. Она получается, если взять кожу лап, которая очень черная, и пришить ее к накидке мантии.

Конечно, каффир не знает, что такое перчатки, но бывают времена года, когда ему очень нужно прикрыть руки. Будучи созданием солнца, он не переносит холода; и в ту погоду, когда белые люди ходят в легчайшей одежде и ликуют от непривычной прохлады, каффир кутается в свой толстый каросс, трусит над огнем и совершенно парализован, как телесно, так и душевно, от холода. Поэтому он делает определенные дополнения к своему каросу, образуя таким образом своеобразное укрытие для рук. Примерно в двух футах от верха кароса и по внешним краям есть пара небольших крыльев или выступов, около фута в длину и восьми дюймов в ширину. Когда каффир надевает каросс, он складывает верхнюю часть вдвое, чтобы получилась накидка, выворачивает меховую сторону внутрь, берет по одному из этих крылышек каждой рукой, а затем оборачивает вокруг плеч. Таким образом, руки защищены от холода, а верхняя часть тела полностью закрыта. Спереди каросс спускается до колен, а по бокам и сзади он примерно на фут длиннее. Весь край кароса изнутри перевязан узкой полоской тонкой, но очень прочной мембраны, благодаря чему он меньше подвержен разрывам. Мембрану получают следующим образом. Шкуру какого-нибудь животного, обычно одной из антилоп, сворачивают и закапывают в землю до тех пор, пока не произойдет определенное гниение. Затем ее вынимают, и каффир расщепляет ее, вводя свой нож, а затем быстрым рывком сдирает мембрану. Если она не отделяется легко, шкурку кладут на землю и оставляют еще на день или два.

Этот прекрасный экземпляр был привезен из Южной Африки мистером Кристи, который постоянно использует его в качестве железнодорожного коврика и для других подобных целей уже около четырнадцати лет, и он все еще так же пригоден для использования. Должен заметить, что и этот, и мой каросс были сделаны бечуанами, а не зулусами: последнее племя всегда использовало для своих кароссов одну шкуру быка, выделанную до мягкости. Своеобразный способ манипулирования шкурой при ее выделке называется "брайинг", возможно, потому, что он имеет некоторое сходство с "брайингом" или растиранием вещества в ступке, в отличие от его толчения. Горсть шкуры берется в каждую руку и собирается так, чтобы образовалось две или три морщины на мясистой стороне. Затем морщины растирают друг о друга, совершая при этом своеобразные крутящие движения, которые почти идентичны тем, что совершает желудок зерноядных птиц.

Из подобных шкур каффир делает своеобразную сумку, в которую кладет трубку, табак и другие мелочи. Эта сумка, которую в народе называют ранцем, более справедливо заслуживает названия haversack, поскольку ее носят не на спине, а перекинув на бок. Он делается из шкуры какого-нибудь небольшого животного, например зайца или гиракса, и формируется очень простым способом. Когда кафир убивает животное, он сдирает с него шкуру, делая разрез не вдоль живота, как это принято, а от одной задней ноги к другой. Путем надавливаний и потягиваний ему удается снять шкуру, при этом он, конечно же, выворачивает ее наизнанку, как это происходит, когда таксидермист снимает шкуру со змеи или лягушки. Затем шкура "расчесывается" обычным способом, при этом меховая сторона оказывается внутри; когда эта операция завершена, рот, уши и веки зашиваются, а затем все переворачивается так, чтобы мех оказался снаружи. К двум задним ногам прикреплены ремни, чтобы владелец мог перекинуть сумку через плечо. Туземцы используют эти сумки для самых разных целей, некоторые из них довольно странные по нашим представлениям. Уже упоминалось, что трубка, табак и другие мелкие предметы, которые есть у кафира, хранятся в сумке. Если вдруг владелец обнаружит пчелиное гнездо, он опорожняет свой "ранец", выворачивает его наизнанку, хорошенько встряхивает, чтобы избавиться от клочков табака и других остатков каффирского кисета, а затем приступает к атаке на пчел. Когда ему удается добраться до сотов, он вынимает их из гнезда, кладет в мешок и уходит со своим призом, невзирая на то, в каком состоянии останется внутренность мешка.

Мастерство кафира в шитье меха становится еще более заметным, если принять во внимание особую иглу и нить, которые он использует. Игла ничуть не похожа на тонкие, изящные изделия, которыми пользуются европейские швеи. Во-первых, у нее нет ушка, а во-вторых, она больше похожа на шампур, чем на иглу. Если кто-нибудь из моих читателей, читающих классику, вспомнит о "стилусе", который древние использовали вместо пера, он будет иметь очень хорошее представление о каффирской игле.

Поскольку каффир любит носить свою иглу с собой, он делает ножны или футляр из кожи. Существует большое разнообразие таких футляров. Самые простые сделаны просто из полосок шкуры, свернутых вокруг иглы и сшитых по краям.

Самая декоративная игла, которую я видел, была привезена в Англию покойным Г. Джексоном, эсквайром, который любезно предоставил ее и остальную часть своей ценной коллекции в мое распоряжение. Эта игла изображена на рис. 1, в иллюстрации "Каффирские иглы", стр. 33. Она имеет обычную форму, хотя и гораздо крупнее большинства используемых; но именно на ножны и их украшения гордый владелец потратил все свои силы. Ножны сделаны из кожи, но вылеплены в виде любопытного узора, который можно легко имитировать. Сверните трубку из бумаги диаметром около трети дюйма. На расстоянии дюйма от конца плотно зажмите ее между большим и безымянным пальцами правой руки, пока она не станет плоской. Сохраняя захват, ущипните ее левой рукой чуть ниже пальца и большого пальца правой и под прямым углом к ним. Продолжайте в том же духе, пока не ущипнете его целиком. Затем, если мы предположим, что трубка сделана из сырой шкуры, тщательно смоченной водой, что в нее вставлена хорошо смазанная игла и что кожа тщательно обработана на игле так, чтобы получились ножны, украшенные уплощенными выступами под прямым углом друг к другу, мы увидим, как делаются ножны.

Сиринг из бусин, с помощью которого он вешается на шею, подобран с большим вкусом. Бледноватые бусины - белые с кольцами алого цвета, а другие - голубые с большими пятнами белого, и все это составляет очень художественный контраст с кожей носительницы. Но самым лучшим украшением этого футляра для игл является украшение, которое подвешивается к нему как раз у головки иглы . Это кусок носорожьего рога, вырезанный в

форме головы буйвола и части шеи - очень похоже, как если бы он предназначался для рукоятки печати. Мастерство, с которым художник - а он действительно заслуживает этого имени - манипулирует этой неподатливой субстанцией, поистине восхитительно. Размах рогов животного подчеркнут смелостью линий и свободой исполнения, чего вряд ли можно было бы ожидать от дикаря. То, что он сделает точное изображение животного, было достаточно вероятно, учитывая его знакомство с предметом, но то, что он сможет вырезать своим ассагайским лезвием столь художественный рисунок, вряд ли можно было от него ожидать.

Рядом с этой иглой висит другая, которую я ввел потому, что ножны, вместо того чтобы быть сделанными из кожи, представляют собой деревянную трубку, закрытую с одного конца и защищенную с обоих концов намотанной на нее веревкой из сыромятной шкуры.

Поскольку кафиры пользуются иглами такого рода, очевидно, что они не могут использовать нитки того же типа, что и мы, поскольку хлопчатобумажная нить не пролезет через кожу, и поэтому кафиры прибегают к помощи животного мира, чтобы получить нитки, а также одежду. Нить изготавливается из сухожилий различных животных, причем лучшая - из сухожилий, взятых из шеи жирафа. Один из таких пучков ниток сейчас находится передо мной , и это любопытный предмет - жесткий, угловатый, упругий, с непобедимой тенденцией запутываться среди других предметов коллекции. Мало кто из тех, кому я показываю ее впервые, поверит, что это нить, и в основном они будут думать, что я пытаюсь воспользоваться их невежеством.

Когда эта странная нить нужна для использования, ее замачивают в горячей воде, пока она не станет совсем мягкой, а затем бьют между двумя гладкими камнями. В результате этого процесса оно разделяется на нити, которые можно получить практически любой степени прочности и тонкости. Таким образом, из сухожилия получается нить удивительной прочности по сравнению с его диаметром, превосходящая в этом отношении даже гвианский шелк.

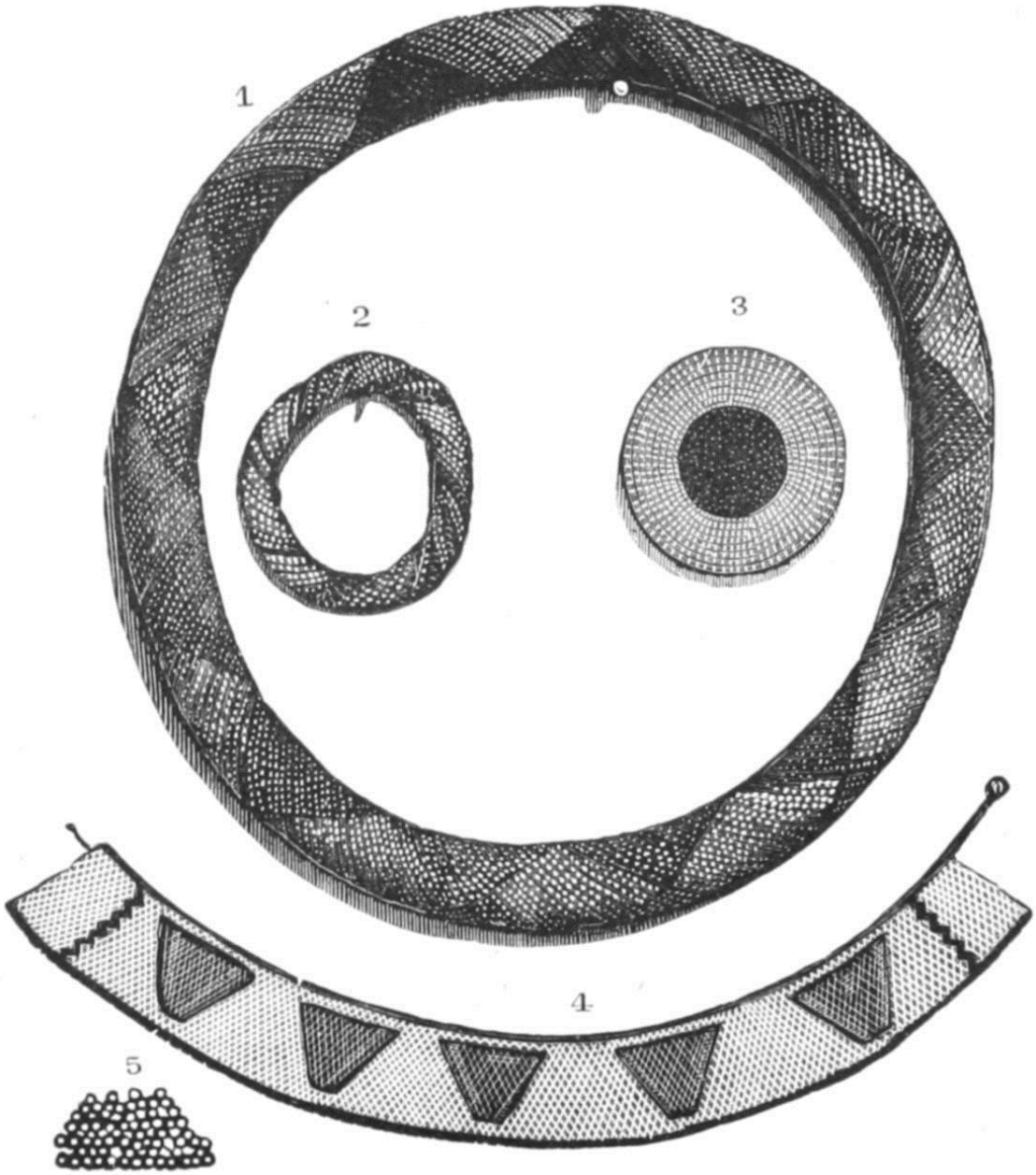
Когда каффир хочет шить, он готовит немного этой нити, садится на землю, берет иглу и проделывает два маленьких отверстия в краях одежды, над которой он работает. Затем он продевает нитку в сделанные отверстия и делает еще два отверстия напротив друг друга. По мере работы он продолжает туго затягивать стежки и, таким образом, справляется со своей работой со скоростью, которая, конечно, не устроила бы швею в этой стране, но очень хорошо подходит для Африки, где время не имеет ни малейшего значения. Поскольку он работает с мокрым сухожилием на мокрой шкуре, естественно, что в процессе высыхания швы становятся чрезвычайно прочными, стежки плотно притягиваются за счет сокращения сухожилия, а сокращение шкуры заставляет стежки глубоко проникать в ее собственную ткань и почти сливаться с ней. Поэтому, хотя работа выполняется очень медленно - одна наша швейная машина по скорости равна сотне кафиров или около того, - она делается с такой эффективностью, к которой не может приблизиться ни одна машина. В моей коллекции очень много примеров каффирского шитья, и в каждом случае прочность и добротность исполнения вызывают восхищение. Их меховое шитье действительно замечательно, так как они используют очень плотные стежки, очень тонкие нити и соединяют куски так идеально, что набор волосков не нарушается, и несколько кусков выглядят и ощущаются точно так же, как если бы они были одной шкурой.

Мы начнем рассказ о каффирской одежде с обычного мужского костюма. Пока каффир не достигнет зрелого возраста, он не беспокоится о такой излишней роскоши, как одежда. Он может носить бусы и украшения, но его не беспокоит одежда в нашем понимании этого

слова. Однако когда он становится мужчиной, на нем появляется своеобразный фартук, который можно увидеть на любой из иллюстраций каффирских мужчин. Это одеяние призвано изображать хвосты животных, и европейцы обычно называют его именно так. Таким образом, вместо того чтобы сказать, что мужчина надел платье или фартук, говорят, что он надел "хвосты". Примечательно, кстати, что эта форма одежды распространена на значительной части Африки и является общей для обоих полов, хотя детали выполняются по-разному. Основным является пояс вокруг талии, от которого отходят несколько ремешков, и мы находим эту характерную одежду вплоть до Египта. Действительно, шнурки или ремешки составляют значительную часть не только одежды кафира, но и его украшений, как мы увидим далее.

Мужской фартук называется "изинен" и, как принято считать, изготавливается из хвостов убитых леопардов, львов или буйволов и является трофеем храбрости владельца, а также признаком его вкуса в одежде. Такой костюм иногда, хотя и очень редко, можно увидеть; есть лишь несколько кафиров, которые убили достаточно свирепых зверей, чтобы сделать "исинэ" из их хвостов. У меня есть один, подаренный мне капитаном Дрейсоном, R.A., который купил его, вместе со многими другими предметами, после окончания каффирской войны. Он изображен на рис. 1 в иллюстрации "Костюм" на странице 33. Он сделан из полосок обезьяньей кожи, каждая шириной около полутора дюймов. Эти полоски были прорезаны наполовину с обеих сторон поочередно, а затем скручены так, чтобы получились мохнатые цилиндры, с волосами снаружи, и зафиксированы в таком положении до высыхания и придания им необходимой жесткости. Таких полосок четырнадцать, каждая длиной около четырнадцати дюймов, но та, что посередине, превышает остальные на дюйм или два.

Полоски или "хвосты" собираются вместе и крепко пришиваются к широкому поясу из того же материала, который так усыпан красными и белыми бусинами, что кожи не видно. Поперек пояса расположены два ряда конических латунных пуговиц, точно таких же, как те, что украшают куртку современного "пажа". Эти латунные пуговицы, кажется, очаровывают сердце кафира. Он не может иметь их слишком много, и его удовольствие и гордость - держать их отполированными до максимальной степени полировки, которую может выдержать латунь. У меня есть различные образцы одежды или украшений, ранее принадлежавших кафирам обоих полов, и почти в каждом случае, когда вещь была сделана очень тщательно, к ней прилагалась по крайней мере одна латунная пуговица.



КАФФИРСКИЕ УКРАШЕНИЯ.
(См. с. 36, 37, 46, 52.)

1
2

КАФФИРСКИЕ ИГЛЫ И НОЖНЫ.
(См. с. 31.)

ПРЕДМЕТЫ КАФФИРСКОГО КОСТЮМА.
(См. с. 32, 51.)

КУКЛЫ.
(См. с. 32, 52.)

Пока каффир стоит или сидит, "изинен" висит довольно изящно и напоминает зрителям шпорран или кожаный чехол, который является частью одежды горца. Но когда он бежит, особенно когда мчится на полной скорости, хвосты разлетаются во все стороны и производят самый смехотворный эффект, как будто вокруг талии человека привязали связку живых угрей или змей. Если кафиру лень возиться с изготовлением столь сложного набора "хвостов", он просто вырезает свой "изинен" из куска кожи. Пример такого фартука можно увидеть на иллюстрации "Куклы", 33-я страница, где изображена пара фигурок, каффир и его жена, сделанных туземцами из кожи. Здесь мужская фигура справа одета в исинэ, а на плечи накинут короткий кароcс, или плащ. Эти фигурки находятся в моей собственной коллекции и будут более подробно описаны, когда мы перейдем к одежде женщин кафиров.

Большинство мужчин носят дубликат этого фартука, который опускается позади и соответствует исинене; этот второй фартук называется "умуча" и чаще всего сделан из одного куска кожи. Однако его использование не является повсеместным, и действительно, находясь в своем краале или деревне, каффир не беспокоится ни об исинене, ни об умуче и считает себя вполне достаточно одетым, имея на шее ожерелье и табакерку.

Иллюстрация на странице 117 дает хорошее представление о том, как выглядит каффир в обычной одежде. Это портрет Гозы, известного вождя зулусов, чье имя было на слуху во время визита принца Альберта в Капскую провинцию. Он является одним из самых могущественных вождей племени зулусов и в любой момент может вызвать на поле боя пять

или шесть тысяч своих обученных и вооруженных воинов. Однако в обычной жизни его не отличить от самых простых подданных по одежде. Однако опытный глаз с первого взгляда определит его ранг, даже если он не будет одет во фрак. Он толст, а в Каффирленде никто, кроме вождей, не толстеет. На самом деле, никто, кроме вождей, не имеет такой возможности, потому что низшие люди вынуждены постоянно заниматься активной работой и питаться так нерегулярно, что у них нет возможности накапливать жир.

Но вождю ничего не остается делать, кроме как отдавать приказы, и если эти приказы в пределах человеческих возможностей, они будут выполнены. Однажды Чака приказал своим воинам поймать льва безоружными руками, и они это сделали, потеряв, конечно же, многих из них в этом подвиге. Вождь может есть говядину и кашу целыми днями, если захочет, а он чаще всего так и делает. Кроме того, он может пить столько пива, сколько пожелает, и всегда имеет под рукой большой сосуд, наполненный этим напитком. Панда, король зулусских племен, отличался тем, что был настолько толст, что едва мог передвигаться; но, поскольку читателю вскоре будет представлен портрет этого вдвойне великого монарха, больше о нем говорить не стоит.

Что касается Гозы, то он богатый человек, владеющий огромными стадами скота, а также большим количеством жен, которые, насколько можно судить по их портретам, не красивы в соответствии с европейскими представлениями о красоте, но каждая из них является представительницей значительного количества коров. Он безраздельно властвует над многими тысячами подданных и берет с них дань. Однако в обычных случаях он одевается как один из своих подданных, а его дом - всего лишь одна из обычных хижин, из которых состоит деревня. Когда же он хочет появиться официально, он меняет стиль одежды и предстает перед нами во всей пышности варварского великолепия. Кроме того, когда он смешивается с цивилизацией, он любит быть цивилизованным в одежде и появляется в костюме англичанина, в шелковой шляпе, алом пальто и сапогах, а в поездках его сопровождает адъютант, одетый в шляпу с белым плюмажем и больше ничего.

Портрет Гозы в полном военном облачении приведен в главе, посвященной каффирской войне.

ГЛАВА V.

УКРАШЕНИЯ, КОТОРЫЕ НОСЯТ КАФФИРСКИЕ МУЖЧИНЫ - БУСЫ, ПУГОВИЦЫ И НИТКИ - МОДНЫЕ ЦВЕТА БУС - ХОРОШИЙ ВКУС КАФФИРОВ - КАПРИЗЫ МОДЫ - МОЛОДЫЕ ВОИНЫ ГОЗЫ - ЛЮБОПЫТНОЕ УКРАШЕНИЕ ИЗ БУС - ПОЛУОЖЕРЕЛЬЕ - БРАСЛЕТ ИЗ БУС, И СПОСОБ ИЗГОТОВЛЕНИЯ - ДЕШЕВОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ - ДВА ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ОЖЕРЕЛЬЯ - УКРАШЕНИЯ ИЗ КОЖАНЫХ РЕМЕШКОВ - БЫЧЬИ ХВОСТЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В КАЧЕСТВЕ УКРАШЕНИЙ, И УКАЗЫВАЮЩИЕ НА БОГАТСТВО ИХ ВЛАДЕЛЬЦА - ЧЕРЕП, ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ ДЛЯ ПОДОБНОЙ ЦЕЛИ - МОЛОДОЙ КАФФИР В ПОЛНОМ НАРЯДЕ - ЛЮБОПЫТНЫЕ УКРАШЕНИЯ ГОЛОВЫ - ИСИКОКО, ИЛИ ГОЛОВНОЕ КОЛЬЦО - КАФФИРСКОЕ РЫЦАРСТВО - ЖИВОПИСНЫЙ ОБЛИК КАФФИРА - ГЛАЗ И НОЗДРЯ - КАФФИРСКИЕ ДУХИ И ИХ СТОЙКОСТЬ - ЧИСТОПЛОТНЫЕ ПРИВЫЧКИ КАФФИРА - УСЛОВИЯ МЕНЯЮТ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА - ДРУГОЙ СПОСОБ ВЫДЕЛКИ ШКУР - ОДЕЯЛО И КАРОСС - НАРУКАВНИКИ, БРАСЛЕТЫ, И БРАСЛЕТЫ - ПРОСТОЙ БРАСЛЕТ ИЗ ТРАВЫ - БРАСЛЕТЫ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ И СПОСОБ ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ - БРАСЛЕТЫ ИЗ БИСЕРА - МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ БРАСЛЕТЫ - ДРЕВНИЙ КОРОЛЕВСКИЙ БРАСЛЕТ ИЗ ЛАТУНИ -

ЖЕЛЕЗНЫЕ БРАСЛЕТЫ - НОВЫЙ МЕТАЛЛ - ЕГО ПРИНЯТИЕ ВОЖДЯМИ - НЕОБЫЧНОЕ СУЕВЕРИЕ И ОТКАЗ ОТ МЕТАЛЛА - СМЕРТЬ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯ.

Что касается украшений, которые носят каффирцы, то их можно свести к трем словам: бусы, пуговицы и струны, причем все три часто используются для изготовления одного украшения. Все бусы привозят из Европы, и мода на них так же велика, как и на ювелирные украшения у цивилизованных народов. Каффиры не хотят иметь ничего общего с бусами, которые не составляют хорошего контраста со смуглой кожей носителя, так что бусы, которые считались бы ценными даже в Англии, были бы полностью отвергнуты самым бедным каффиром. Темно-синие, например, крайне немодны, в то время как светло-лазурные пользуются большой популярностью. Больше всего ценятся те бусины, которые содержат белый и красный цвета; и если бы можно было сделать бусины, которые имели бы ослепительную белизну снега или огненный оттенок алой вербены, за них можно было бы получить почти любую цену в Каффирланде.

Капризность моды у кафиров так же велика, как и у европейцев, поэтому торговля бисером очень ненадежна: бусины, купленные по очень высокой цене в одном году, в следующем едва ли стоят своего груза. Тем не менее, есть одно правило, которым всегда можно руководствоваться тем, кто использует бусы в качестве средства обмена среди дикарей. Бусы всегда должны сильно контрастировать с цветом кожи. Средний цвет кожи кафиров - очень темный шоколад, и если предполагаемый торговец среди этих племен хочет провести успешную спекуляцию, ему лучше всего попросить нарисовать светскую фигурку цвета кафиров и попробовать, как бусы будут смотреться на ней. Бисер не может быть слишком блестящим для дикаря, и почти любые мелкие изделия, которые хорошо полируются и сверкают на солнце, найдут рынок.

Приобретя бусы либо путем обмена товарами, либо своим трудом, каффир приступает к украшению себя ими. На представленной мне фотографии, изображающей группу молодых воинов, принадлежащих к армии Гозы, у троих мужчин на шее висят нитки бус, которые, должно быть, весят несколько фунтов, а у другого - широкий пояс из бус, перекинутый через плечо, подобно поясу офицера легкой пехоты. Обычный способ их ношения - нанизать на шею, но изобретательный каффир придумывает и другие способы. Если у него есть очень крупные и белые бусы, он повязывает их вокруг лба, прямо над бровями, позволяя некоторым из них свисать над носом, а другим - по обе стороны от глаз. В "Каффирских украшениях" на странице 33, рис. 1, показан поясок, несколько похожий на только что упомянутый, хотя он и не сделан полностью из бисера. Его основой является огромное количество маленьких ниточек, уложенных рядом друг с другом и перевязанных через определенные промежутки лентами из разноцветного бисера, причем те, что расположены на концах, белые, а остальные - алые, розовые или зеленые. Его длина около восьми футов. Небольшой фрагмент приведен в увеличенном масштабе, чтобы показать способ строения. Остальные предметы относятся к женскому костюму и будут описаны далее.

Группа украшений, изображенная на странице 33, очень интересна и взята из образцов, любезно предоставленных мне покойным Г. Джексоном, эсквайром. Круглое изделие с темным центром (рис. 3) - первое, на которое мы обратим внимание. По форме он напоминает полый конус, или, скорее, малайскую шляпу, и сделан из кожи, искусно вылепленной и сшитой во влажном состоянии, а затем сохранившей свою форму до высыхания. Вся внутренняя часть так густо усыпана бисером, что кожа совершенно не видна. Бусины в центре красные, а остальные - белые. Это украшение носят на груди, и, судя по всему, оно должно быть очень неудобным. Если бы *внешняя сторона* была покрыта бисером, легко понять, что она очень удобно лежала бы на груди с покрытой бисером

вершиной, выступающей, как огромная сахарная пуговица. Но поскольку вершина должна лежать на груди, орнамент должен раскачиваться в неудобной манере.

Украшение в нижней части иллюстрации - это полуожерелье, очень востребованное среди кафиров. К каждому верхнему углу прикрепляется нитка, которая затем завязывается за шеей, так что ни одна из бусин не рассыпается при взгляде на человека сзади. Основа этого полуожерелья белая, а знаки на ней имеют разный цвет. Некоторые из них красные внутри и окаймлены желтым, в то время как у других эти цвета поменялись местами. По нижнему краю проходит узкая линия алых бусин. Ожерелье состоит из своеобразной сети, ячейками которой являются бусины, так что при движении тела свет просвечивает сквозь промежутки, что производит очень красивый эффект.

Браслет, также сделанный из бусин, показан на той же иллюстрации на рис. 2. Бусины нанизаны на нити, а затем скручены вместе так, чтобы получилась свободная веревка, очень похожая по конструкции на веревочное кольцо, которое так часто используют моряки, и известная в технике как "груммет". Нитки бусин имеют различную окраску и расположены с большим вкусом, так что, когда они скручены вместе, общий эффект получается очень хорошим.

Есть и более распространенный вид бисера, который называют "белым мелом". Их единственная ценность в том, что они хорошо контрастируют со смуглой кожей носителя. Тем не менее, есть много молодых людей, которые были бы только рады иметь даже такой простой набор бус, ведь бусы - это деньги в Каффирланде, и их не достать без труда. Однако какое-нибудь украшение у молодых людей обязательно будет, а если они не смогут достать бусы, то будут носить какое-нибудь другое украшение в качестве суккеданеума для них.

Одно из таких очень простых ожерелий есть в моей коллекции. Оно состоит всего лишь из гаек, которые владелец может использовать для ковыряния. В каждой гайке просверлено отверстие, чуть выше меньшего конца, так что они плотно прилегают друг к другу и смело выступают, не показывая нитку, на которую нанизаны. Они так плотно прилегают друг к другу, что, хотя ожерелье достаточно велико, чтобы его можно было надеть на голову, оно содержит более сотни орехов. Два ожерелья, представленные у подножия 39-й страницы, были выбраны потому, что они показывают, как туземный художник сначала сделал ожерелье из бусин и зубов, а затем имитировал его в металле. Под номером 1 представлен браслет, полностью состоящий из бусин и зубов. Сначала мастер подготовил шесть или семь очень тонких кожаных нитей и нанизал на них черные стеклянные бусины довольно маленького размера. Когда он сформировал ряды длиной около полутора дюймов, он поместил в каждую нить по одной бусине гораздо большего размера, причем белого цвета, испещренного ярко-синими пятнами. Далее следует еще полтора дюйма черных бусин, а затем - зубы. Это клыки леопарда и других кошачьих, расположенные группами от трех до пяти штук. В основании каждого из них просверливается довольно большое отверстие, через которое пропускаются все нити. Затем мастер переходит к черным бусинам, потом к белым, потом к зубным и так далее, пока не исчерпает все материалы и не закончит ожерелье.

Ожерелье № 2 имеет гораздо более амбициозный характер, и, независимо от того, делал ли его тот же мастер, оно показывает, что был реализован тот же принцип. Первое украшение принадлежало человеку, который был искусным охотником и носил зубы убитых леопардов как трофеи своей доблести и успеха. Он также носил шкуры, не упуская возможности показать, что он сделал. Но предположим, что каффир, имеющий некоторое представление о работе с металлом, увидел браслет и загорелся желанием обладать подобным. Зубы леопарда он, конечно, не мог заполучить, не убив животное, ведь никто, совершивший

подобный подвиг, не продаст другому трофей своей собственной доблести. Поэтому он попытался как можно лучше имитировать желанное украшение; и хотя он не обладал ни мастерством, ни смелостью охотника, он, во всяком случае, мог сделать ожерелье, которое по форме напоминало бы ожерелье его спутницы, было бы гораздо более эффектным и обладало бы значительной внутренней ценностью.

Поэтому он устроил свою кузницу и, как будет описано на одной из следующих страниц, изготовил бронзу, латунь или колокольный металл и отлил несколько маленьких цилиндров. Он придал им форму с помощью своего примитивного молота и сформировал из них весьма сносные имитации зубов леопарда. Теперь, получив материал для ожерелья, он начал его собирать. Сначала он нанизал ряды мелово-белых бусин, а затем латунный зуб. Следом за зубом идет большая прозрачная стеклянная бусина рубиново-красного цвета, украшенная белыми пятнами. Затем зуб, потом еще бусины и так далее, пока орнамент не будет завершен. Чтобы придать ожерелью реалистичность, он вырезал кусок кости, похожий на очень большой зуб, и нанизал его в центре украшения так, чтобы он падал на грудь.

Это действительно красивое изделие, и при использовании оно должно производить очень хороший эффект. Цвета подобраны с замечательным вкусом, ведь ничто не может смотреться на темной коже лучше, чем белый и рубиновый. Кроме того, металлические зубцы отполированы таким образом, что сверкают на солнце и ослепляют глаз на расстоянии нескольких футов. Оба ожерелья сделаны по образцам из коллекции полковника Лейна Фокса.

Примечательно, что хороший вкус к цвету, если не к материалу, кажется, присущ этой расе, несмотря на очень небольшое количество одежды, которую носят представители обоих полов. Когда они становятся частично цивилизованными, особенно если они обязаны миссионерам, они принимают часть обычного европейского костюма. У мужчин, чей гардероб обычно ограничивается рубашкой и брюками, мало возможностей для проявления вкуса в одежде; но женщины всегда ухитряются развить эту способность. Будь то яркие цвета платьев, которые они носят, или более трезвый оттенок платка, который они неизменно повязывают вокруг головы, им всегда удается найти сочетание цветов, которое гармонирует с их цветом лица.

Возможно, это и к счастью, ведь принятие европейского костюма, с художественной точки зрения, не улучшает внешность кафира, да и любого обладателя темной кожи; и любопытно, что чем лучше одежда, тем хуже она выглядит. Молодой каффир, на котором нет ничего, кроме нескольких пушинок меха, двигается свободной и прямой походкой и выглядит как один из благородных людей природы. Но стоит ему надеть костюм, принятый в цивилизованной Европе, как он теряет все остатки достоинства, и даже сама его походка изменяется в худшую сторону.

Столичный читатель может легко убедиться в подобной метаморфозе, посетив Хаммам или любое другое подобное заведение, где работают темнокожие служители. Занимаясь своим обычным делом, одетые лишь в одежду вокруг чресл, они выглядят как ожившие античные статуи, и невозможно не восхищаться изящным достоинством их жестов, когда они бесшумно передвигаются по комнате. Но стоит кому-нибудь из них выйти из комнаты и надеть обычное платье, как перемена становится полной и разочаровывающей, и едва ли можно поверить в идентичность столь разных на первый взгляд личностей. В давно минувшие времена, когда Шотландия все еще враждовала с Англией, государственные деятели последней проявили недюжинное знание человеческой натуры, запретив использование горской одежды и заставив горцев отказаться от живописного костюма,

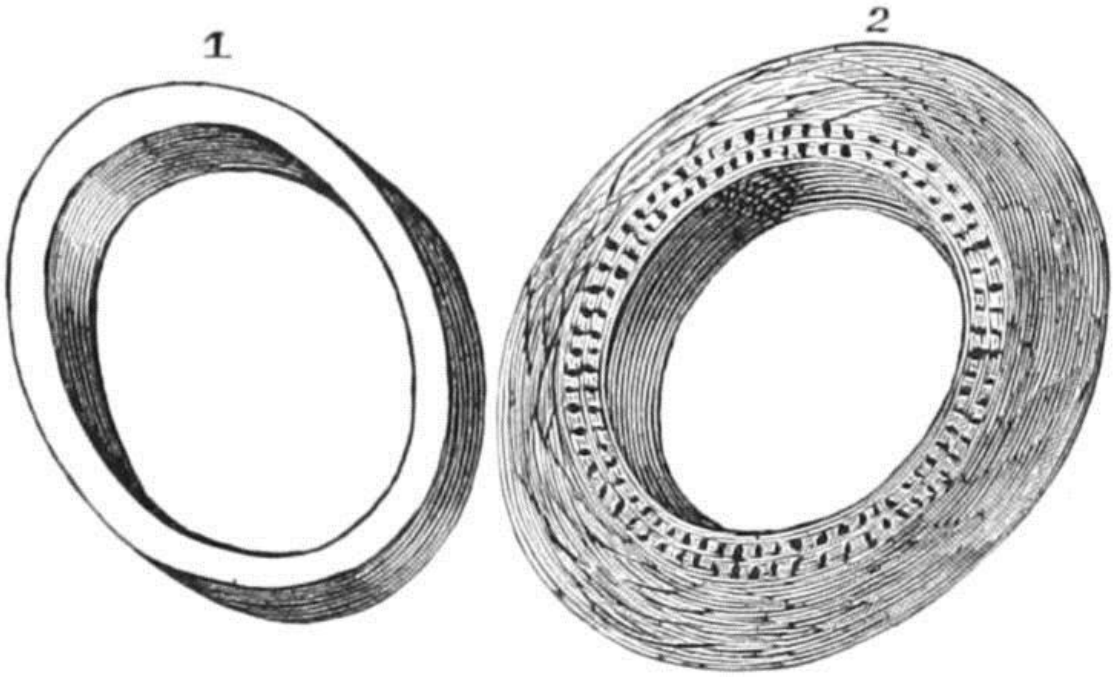
который, кажется, так хорошо гармонирует с дикими холмами их родной земли. Горец в своем килте и тартане был уже не тем человеком, что в костюме жителя низины, и он не мог испытывать ту же гордость за себя, что и в одежде горца и цветах своего клана.

Многие молодые люди, которые не могут позволить себе бусы, делают браслеты, ожерелья, нарукавники и браслеты из шкур животных. Разрезав шкуру на полоски, они скручивают их по спирали, превращая в полые веревки, у которых вся шерсть находится снаружи. Когда эти диковинные украшения сделаны из красиво окрашенных шкур, они производят очень хороший, хотя и варварский эффект. (Разрезав полоски по спирали, можно получить практически любую длину; в результате молодые люди иногда появляются с телом, ногами и руками, покрытыми этими мохнатыми веревками.

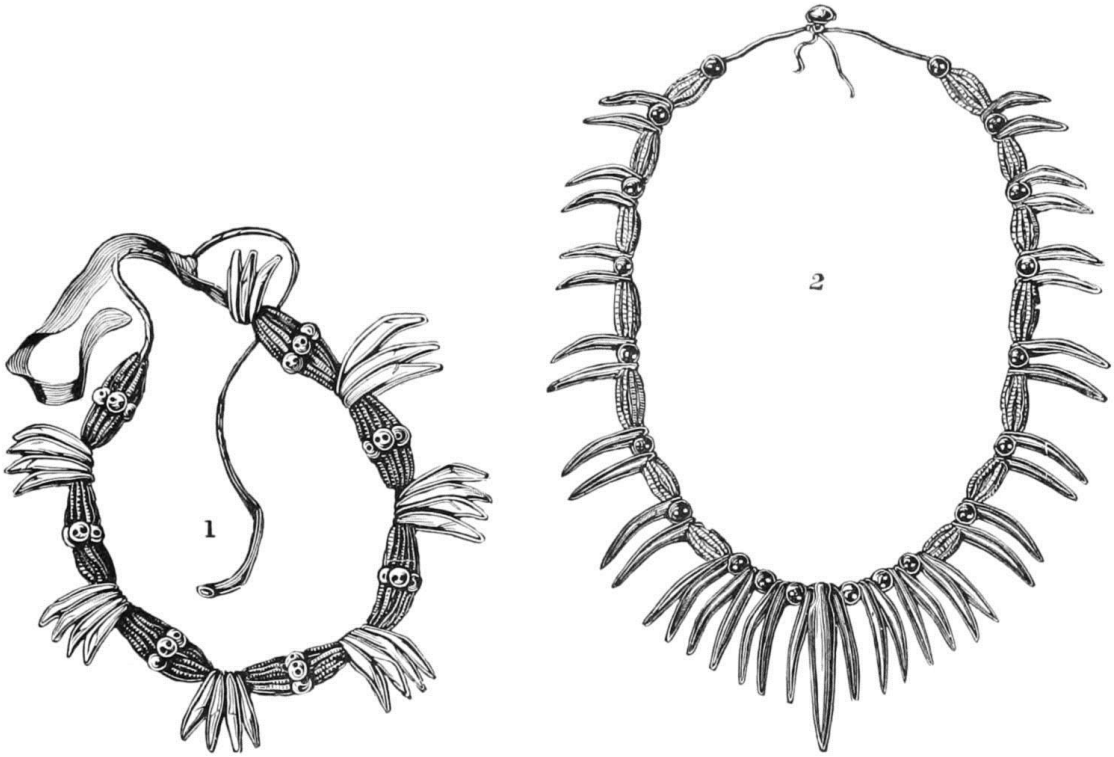
Еще одно украшение, которое очень нравится кафирам, - это бычий хвост. Знатный человек иногда носит большое количество таких хвостов. Некоторые из них он превращает в фартук, а другие располагает вокруг себя в самом причудливом стиле. Один он завязывает под каждым коленом, чтобы он приходился на голень. Другие он закрепит на кожаных петлях и свободно повесит на руки, как диковинный браслет, который носил Джанг Бахадур, когда был в Англии. Некоторые он разделит на множество полосок и сошьет их вместе так, чтобы получились пояса с бахромой, которые он повяжет вокруг талии или которыми обвяжет верхние части рук. Другие, опять же, будут прикреплены к лодыжкам, и украшенный таким образом мужчина вызывает зависть у тех, кому не так повезло.

БРАСЛЕТЫ.
(См. стр. 52.)

ФАРТУК ЖЕНЫ ВОЖДЯ.
(См. стр. 51.)



АМЛЕТЫ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ.
(См. стр. 46.)



ОЖЕРЕЛЬЯ - БУСЫ И ЗУБЦЫ.
(См. с. 37.)

Сам факт обладания таким украшением говорит о том, что его владелец должен быть богатым человеком и зарезать свой собственный скот. Вряд ли можно получить коровьи хвосты каким-либо другим способом, ведь владелец убитой коровы обязательно оставит хвост себе и не отдаст столь ценное украшение другому. По этой же причине, когда корова съедена, ее

хозяин прикрепляет череп снаружи своей хижины. Тогда каждый, кто проходит мимо, видит, что в этом жилище живет богатый человек. Даже когда хвосты продают европейцам, за них просят абсурдно высокую цену. Один из таких армтуфтов сейчас находится передо мной. С хвоста содрали кожу, оставив над хохолком волос ремешок длиной восемнадцать дюймов. Затем эта лента была разрезана на три полоски шириной в полдюйма, и полоски были свернуты по спирали, как уже было описано. Когда разрез доходит до самого конца хвоста, хохолок распускается, и поэтому выглядит вдвое больше, чем если бы его оставили нетронутым. Каждый из этих хохолков представляет собой корову, и очевидно, что обладание ими говорит о том, что владелец должен быть достаточно богат, чтобы не только иметь коров, но и иметь их так много, чтобы позволить себе их зарезать.

Иллюстрация на странице 43 изображает молодого и богатого кафира, который надел свой церемониальный наряд для того, чтобы нанести визит. При таких обстоятельствах каффир с особой тщательностью подбирает украшения и тратит часы на то, чтобы надеть их с максимальной выгодой. Среди мехов, используемых кафирами для этих целей, - мех ангорской козы, длинная мягкая шерсть которой прекрасно подходит для создания бахромы и подобных украшений. В головной убор добавляют перья различных птиц, и чем реже птица и чем ярче ее цвет, тем приятнее ее обладателю. Одно из украшений, которое иногда носят на голове, - это шарообразный хохолок диаметром в несколько дюймов, сформированный из перьев одного из видов варанов. Прекрасное оперение этой птицы с его изменчивыми оттенками зеленого и синего точно подходит для этой цели: в некоторых случаях носят два таких хохолка, один на лбу, другой на затылке. Орлиные перья широко используются среди кафиров, так как, несмотря на сравнительно простую окраску, их упругая и изящная форма позволяет создавать из них очень элегантные головные уборы. Страусиные перья также используются для этой цели, как и богато окрашенные перья лори; но большая амбиция каффирского красавца - заполучить перья павлина, которыми он удивительно тщеславен.

В таких случаях каффир надевает гораздо больше одежды, чем обычно; в дополнение к множеству бус, которые он старается разложить на своем лице, он повязывает на талии столько пучков и хвостов, что можно сказать, что он почти носит килт. Он носит с собой щит и связку копий, но не берет это оружие в дом хозяина, либо меняя его на имитацию копья из дерева, либо беря простую палку с набалдашником. Какое-то оружие должно быть у него в руках, иначе он будет чувствовать себя не в своей тарелке.

Когда "мальчик", наконец, получает разрешение вождя войти в почетный класс "мужчин", он с большой церемонией готовится к смене костюма, который указывает на его ранг. Изменения заключаются не столько в добавлении, сколько в вычитании, и касаются только головы. Все неженатые мужчины носят волосы целиком, а иногда потакают своему тщеславию, укладывая их по-разному; например, вытягивая их до конца и укрепляя жиром и блестящей пудрой, так что они напоминают парики, которые раньше носили епископы, но от которых благоразумно отказались. Если с волосами обращаются особенно тщательно, и они оказываются длиннее, чем обычно, эффект получается очень замечательный. У меня есть фотографический портрет молодого зулусского воина, чьи волосы настолько кустистые и вьющиеся, что их можно принять за волосы фиджийца; а поскольку, пытаясь сохранить совершенно неподвижную позу, он крепко стиснул зубы и широко раскрыл глаза, он выглядит так, словно все его волосы встали дыбом от удивления.

Однако, как бы он ни гордился своими волосами, как "мальчик", он гордится еще больше, когда получает разрешение от своего вождя отрезать их, и сразу же обращается к другу, который выступает в роли парикмахера. Друг берет свой лучший ассагай, оструживает его, запасается камедью, сухожилиями, угольным порошком и маслом и принимается за дело. В

первую очередь он делает овальное кольцо из сухожилий толщиной около полудюйма и надевает его на голову. Затем в него крепко вплетаются волосы и закрепляются камедью и древесным углем, пока волосы и кольцо не станут казаться единым целым. Затем на кольцо обильно наносят масло или жир, пока оно не заблестит, как лакированный кожаный сапог, и тогда кольцо готово. Затем друг-чиновник берет свой ассагай и бреет всю голову, снаружи и внутри кольца, чтобы оно оставалось единственным украшением его лысой головы.

Кольцо, или "исикоко", полезно для нескольких целей. Оно прекрасно подходит для прочной фиксации перьев, когда придворный украшает голову для церемонии или солдат для войны. Он служит и для более мирных целей, ведь именно в нем обычно носят ложку для нюхательного табака. Такой способ укладки волос имеет свои неудобства, ведь кольцо постоянно нужно чинить и поддерживать в порядке. Что касается самого "исикоко", то он слишком твердый, чтобы его можно было легко повредить; но по мере роста волос он поднимается над головой и, если им пренебречь в течение некоторого времени, поднимается на высоту двух дюймов или около того. Кроме того, выбритые части головы вскоре вновь покрываются волосами, и их снова нужно подвергать воздействию примитивной бритвы. Ни один человек не осмелится предстать перед своим вождем с небритой головой или с кольцом на голове; ведь если он так поступит, то, скорее всего, жизнью ответит за свое неуважение.

Почитание, с которым каффир относится к "исикоко", равнозначно тому, что восточный человек испытывает к своей бороде. Мистер Моффатт приводит любопытную иллюстрацию этого факта. Воин в звании "индуна", или мелкий вождь, предстал перед королем, грозным Моселекате, обвиненный в преступлении, наказанием за которое была смерть. Его привели к царю, лишив копья и щита. "Он склонил свою прекрасную упругую фигуру и преклонил колени перед судьей. Дело рассматривалось молча, что придавало сцене торжественность. Среди слушателей не было слышно ни шепота, а голоса членов совета были слышны только друг другу и ближайшим зрителям. В поведении пленника, стоявшего на коленях, было что-то достойное и благородное. Ни один мускул его лица не дрогнул, но яркий черный глаз свидетельствовал о напряженном интересе, который только и может породить колеблющееся равновесие между жизнью и смертью. Дело не требовало особого расследования; обвинения были четко обоснованы, и преступник признал свою вину. Но, увы, он знал, что это произошло в баре, где никто и никогда не слышал оживляющего сердце звука помилования, даже за малые по сравнению с ним проступки. Наступила пауза, во время которой в собрании воцарилась смертная тишина.

Наконец монарх заговорил и, обращаясь к узнику, сказал: "Ты мертвец; но сегодня я сделаю то, чего никогда не делал прежде. Я пощажу твою жизнь ради моего друга и отца", - указывая на место, где стоял я. Я знаю, что его сердце плачет от пролития крови; ради него я щажу твою жизнь. Он приехал из далекой страны, чтобы увидеть меня, и довел мое сердце до белого каления; но он говорит мне, что отнять жизнь - ужасная вещь, и ее уже никогда не исправить. Он умолял меня не вступать в войну и не губить жизнь. Я желаю ему, когда он снова вернется в свой дом, вернуться с таким же белым сердцем, какое он сделал моим. Я щажу тебя ради него, ибо я люблю его, и он спас жизни моих людей". Но, - продолжал король, - ты должен быть унижен на всю жизнь; ты не должен больше общаться с вельможами земли, не должен входить в города князей народа и никогда больше не участвовать в танцах сильных мира сего. Иди к полевым беднякам, и пусть твоими спутниками будут жители пустыни".

"Приговор был вынесен, и ожидалось, что помилованный склонится в благодарном поклоне перед Тем, на Кого он привык смотреть и Кого возносил в песнях, приличествующих лишь

Одному, Кому принадлежит всеобщее владычество и судьбы людей. Но нет! Сцепив руки на груди, он ответил: "О царь, не огорчай мое сердце! Я вызвал твое неудовольствие: пусть меня убьют, как воина. Я не могу жить с бедняками". И, подняв руку к кольцу, которое он носил на челе, он продолжал: "Как я могу жить среди псов короля и позорить эти знаки чести, которые я завоевал среди копий и щитов сильных мира сего? Нет, я не могу жить! Дай мне умереть, о Пезулу! Его просьба была удовлетворена, и ему связали руки над головой. Теперь мои усилия спасти ему жизнь были тщетны. Он отказался от предложенных условий, предпочтя умереть с почестями, завоеванными на острие копья, - почестями, которые не запятнал даже поступок, осудивший его, - в изгнании и нищете среди детей пустыни. Его повели вперед, по одному человеку с каждой стороны. Я следил за ним, пока он не достиг вершины высокого обрыва, с которого его сбросили в глубокую часть реки, где крокодилы, привыкшие к такой пище, зевали, чтобы сожрать его, прежде чем он достигнет дна".

Слово "исикоко", которым кафиры обозначают головное кольцо, с трудом произносится не европейскими губами, а европейским нёбом; ведь каждой букве *k* предшествует, а точнее, сопровождается любопытный клацающий звук, издаваемый задней частью языка и крышей рта. Этих "щелчков", как их называют, три, и они будут более подробно описаны, когда мы перейдем к теме каффирского языка.

Почти при любых обстоятельствах каффир представляет собой необычайно живописную фигуру - за исключением, пожалуй, тех случаев, когда он сидит на корточках на земле, подтянув колени к подбородку, - и ничто не может быть более благодарным для художественного глаза, чем вид нескольких этих великолепных дикарей в полном облачении всего их варварского великолепия. Их гордая и благородная осанка, их смуглые тела, украшенные бусами и другими блестящими украшениями, а также необыкновенная грация и ловкость, которые они демонстрируют, исполняя яростную имитацию боя, составляющую их военные танцы, - все это радует глаз художника. К сожалению, его нос страдает совсем по-другому. Кафиры всех возрастов и обоих полов упорно мажут себя жиром. В этой стране почти любая смазка быстро прогоркнет, но поскольку кафиры не придают особого значения тому, какую смазку они используют, при условии, что это *именно* смазка, они источают очень сильный и очень неприятный запах. Кафиры - очаровательные дикари, но всегда лучше держаться от них с наветренной стороны, во всяком случае, пока ноздри не привыкнут к их запаху. Этот своеобразный запах настолько же липкий, насколько и сильный, и даже после того, как каффир отбросит свое платье, любая его вещь будет благоухать почти так же сильно, как и ее владелец. Некоторое время назад, когда я осматривал прекрасную коллекцию орудий и одежды дикарей, на некоторых предметах одежды были наклеены бирки, которые никак не могли им принадлежать. Владелец сказал, что подозревает, что они африканские, и спросил моего мнения, которое было безоговорочно высказано, поскольку запах выдал их настоящую страну, как только они оказались в пределах досягаемости обоняния.

(1.) МОЛОДОЙ КАФФИР В ПОЛНОМ ОБЛАЧЕНИИ.
(См. стр. 41.)

(2.) ДЕВУШКА В ТАНЦЕВАЛЬНОМ ПЛАТЬЕ.
(См. стр. 53.)

Несколько лет назад я помогал вскрывать ряд ящиков и бочек, наполненных предметами из Каффирланда. Мы предусмотрительно открыли ящики в саду, и даже на свежем воздухе задача по их опустошению оказалась почти непосильной для наших непривычных чувств. Все предметы были подлинными экземплярами, не просто сделанными на продажу, как это часто бывает, а купленными у носителей и бережно убранными. Владелец коллекции отнесся к этому с юмором, поздравил нас с подготовкой к посещению Каффирленда и сказал, что если кто-то из нас хочет составить представление об атмосфере, царящей в каффирской хижине, где много людей, то достаточно залезть в пустую бочку, сесть на ее дно и накрыть крышкой. Несколько предметов одежды попали в мою коллекцию, но некоторое время их не удавалось внести в комнату. Даже после многократных стирок, вывешивания в саду и обливания дезодорирующей жидкостью они сохранили так много своего специфического запаха, что их подвергли другой процедуре, которая оказалась более успешной, а именно: тщательно вымыли, затем высушили, затем подвергли сильному нагреву, а затем высушили на открытом воздухе.

Этот чрезвычайно сильный запах является существенным недостатком для европейского охотника, когда его сопровождают каффирские помощники. Они бесценны как следопыты; их глаза, кажется, обладают телескопическими способностями; их уши открыты для звуков, которые их белый спутник совершенно не способен воспринимать, а их обонятельные нервы чувствительны к любым запахам, кроме тех, которые они сами так мощно выдыхают. Но дикие животные еще более чувствительны к запахам, чем их сумеречные преследователи, и популярно утверждение, что слон с подветренной стороны может учуять каффира на расстоянии мили. В этом отношении все одинаковы: и король, и его самый захудалый подданный пропитаны одной и той же нечистой субстанцией; разница лишь в том, что король может позволить себе больше жира и, следовательно, более пахуч, чем его подданный.

Тем не менее каффир ни в коем случае не является нечистоплотным человеком, а во многих вопросах настолько чист, что с презрением смотрит на европейца как на невоспитанного человека. Очень обильное смазывание лица жиром - обычай, который был бы просто отвратителен в нашем климате и при нашей манере одеваться, но который является почти необходимостью в таком климате, как на юге Африки, где туземцы подвергают почти все свое тело палящим лучам солнца. Даже в более северных частях Африки преобладает этот обычай, и англичане, прожившие там несколько лет, обнаружили, что их здоровье значительно улучшилось, если они последовали примеру туземцев. В Англии, например, нет ничего более нелепого, чем завершить утренний туалет, положив на голову большой кусок сливочного масла, но в Абиссинии ни один модный туземец не считает себя полностью одетым, пока не завершит свой костюм таким образом. Если не принимать во внимание разное воздействие солнца на черную и белую кожу, то пока европейцы, живущие на юге Африки, могут носить свою прохладную и легкую одежду, они могут обходиться без жира. Но если бы их внезапно лишили льняной или хлопчатобумажной одежды и заставили одеваться по моде кафиров, то, вероятно, не прошло бы и нескольких недель, как они с радостью прибегли бы к обычаю, которому туземцев научил многовековой опыт. Если бы практика смазывания тела жиром не приносила пользы, здравый смысл давно бы побудил кафиров отказаться от нее.

В этом, как и во всех других вопросах, мы не должны судить о других, полагая, что они находятся в одинаковых с нами условиях. Единственная надежда прийти к верному и непредвзятому суждению - мысленно поставить себя в те же условия, что и те, о ком мы говорим, и в соответствии с этим формировать свои выводы. Знание этого простого принципа является ключом к необыкновенному успеху, которым пользуются некоторые школьные учителя, в то время как другие, которые могут значительно превосходить их в простой эрудиции, не смогли заслужить ни уважения, ни любви своих учеников.

Мужчины, как и женщины, обычно носят плащи из шкур животных, которые называются кароссами. Практически любое животное подойдет для изготовления каросса, у которого есть способ сделать идеально эластичной самую жесткую и неподатливую шкуру. Процесс подготовки шкуры очень прост. Шкура крепится к земле огромным количеством колышков по краям, чтобы предотвратить ее неравномерную усадку, причем волосатая сторона находится рядом с землей. Шкуру леопарда, приколотую таким образом к земле, можно увидеть на иллюстрации каффирской хижины на странице 155. Художник, однако, допустил небольшую ошибку в эскизе, нарисовав шкуру так, как будто волосяной стороной вверх. Каффир всегда прикрепляет шкуру волосяной стороной вниз, отчасти потому, что еще влажная шкура прилипает к земле, а отчасти потому, что он хочет иметь возможность манипулировать шкурой, пока она не высохла. Этот способ укладки шкуры волосяной стороной вниз распространен по всему миру; и где бы вы ни жили - в Европе, Африке, Азии, Америке или Австралии, - первый процесс выделки шкуры почти полностью совпадает. Последующие процессы сильно отличаются в разных частях земного шара и даже в разных частях одной страны, как мы увидим на последующих страницах.

Пограничные кафиры, да и все те, кто общается с европейцами, уже поняли ценность одеял, и в большинстве случаев будут носить хорошее одеяло, предпочитая его лучшему каросу. Но для более старых воинов или в тех местах, куда не проникают европейские торговцы, кожа кароса все еще сохраняет свою ценность. Бык - это животное, которое чаще всего поставляет кароссам кожу, потому что он настолько велик, что туземцу не нужно прилагать много усилий для его пошива. Тем не менее, даже мелкие животные пользуются большим спросом, и каросы, сделанные из них, на взгляд европейца, гораздо красивее, чем те, что сделаны из цельных шкур. Конечно, больше всего туземцы ценят те, что сделаны из шкур хищных животных: кароcс из львиной шкуры практически не встречается, разве что на особе соболиной королевской крови. Шкура леопарда ценится очень высоко, и удачливый и доблестный убийца нескольких леопардов обязательно сделает из их шкур кароcс, а из хвостов - фартук; обе эти одежды слишком ценны, чтобы носить их иначе как по торжественным случаям.

Что касается различных украшений из перьев, странных головных уборов и других украшений, которыми любит украшать себя каффирский солдат, то мы найдем их описание в главе, посвященной каффирской войне. Однако есть один класс украшений, о котором следует упомянуть вкратце, а именно: кольца из различных материалов, которые кафиры надевают на запястья, руки и лодыжки. Иногда они сделаны из слоновой кости, часто из металла, иногда из шкуры, иногда из бисера, а иногда из травы. Последний браслет, пожалуй, самый простой из всех.

Мужчины, которым посчастливилось убить слона и которые были достаточно богаты, чтобы использовать часть бивней в своих целях, обычно отрезают по футу или около того от

основания каждого бивня для изготовления браслетов, одновременно являющихся трофеями их доблести и доказательствами их богатства. Читателю, вероятно, известно, что бивень слона, хотя и твердый и прочный в острие, мягкий у основания и представляет собой лишь оболочку из твердой слоновой кости, а внутренняя часть заполнена мягкой сосудистой субстанцией, благодаря которой бивень постоянно удлиняется и увеличивается в размерах. Действительно, настоящая слоновая кость находится только в той части бивня, которая выступает из головы; остальная часть, которая глубоко погружена в череп, состоит из мягкого вещества, заключенного в оболочку из слоновой кости.

Поэтому каффирскому охотнику достаточно легко отрезать часть основания бивня и удалить мягкое сосудистое вещество, заполняющее его, оставив трубку из слоновой кости, очень тонкую и неровную у основания и становящуюся толще к острию. Далее он разрезает эту трубку на несколько частей, чтобы получились кольца из слоновой кости шириной около двух-трех дюймов, сильно различающиеся по толщине материала. Те , которые сделаны из основания бивня и имеют большой диаметр и небольшую толщину, тщательно полируются и надеваются на руку выше локтя, а те, что меньше диаметром и толще, просто надеваются на руку и носятся как браслеты. Сейчас передо мной лежит фотографический портрет сына знаменитого вождя Макомо, который носит два таких кольца из слоновой кости, одно на левой руке, а другое на запястье. Ожерелье, состоящее из зубов и когтей леопарда, подтверждает его мастерство охотника, а об остальных предметах его одежды чем меньше сказано, тем лучше.

Пара таких нарукавников показана на иллюстрации на странице 39. Они срисованы с образцов, хранящихся в коллекции полковника Лейна Фокса. Первый из них очень прост. Он состоит всего лишь из куска шириной около двух дюймов, вырезанного из основания слоновьего бивня и умеренно отполированного. В нем нет ни малейшей попытки украсить его.

Второй экземпляр - пример гораздо более сложной конструкции. Он вырезан из более массивной части бивня и весит гораздо больше, чем его собрат. Вместо того чтобы иметь одинаковую толщину, он по форме напоминает квохт, или, скорее, пару квохтов, плоские стороны которых расположены вместе. Отверстие, через которое проходит рука, красиво закруглено и очень гладко отполировано, последнее обстоятельство, вероятно, вызвано трением руки владельца. Оно украшено двойным рядом отверстий, сделанных вокруг проема. Слоновая кость полируется с помощью мокрого шнура, который держат за оба конца и быстро тянут назад и вперед.

Если читатель обратится к странице 33, то увидит, что сбоку от конического нагрудного украшения, которое уже было описано, находится браслет из бусин. Он состоит из нескольких нитей бусин, среди которых преобладают белые, а на втором месте - красные. Нитки бус сначала укладывают рядом, а затем скручивают по спирали в свободную веревку, что очень эффектно подчеркивает их цвет. Металл иногда используется для той же цели, но не так часто, как упомянутые материалы. Мистер Гроут упоминает о любопытном образце одного из таких украшений, который был сделан из латуни. "Передо мной редкий антиквариат такого рода, королевский нарукавник ранних времен из страны зулусов. Говорят, что он был сделан во времена Сензангакона и перешел от него к Тчаке, затем к Дингану, потом к Умпанде (Панде), который подарил его одному из своих главных капитанов, который, вынужденный покинуть Зулуленд из-за восстания Кечвайо, взял его с собой и продал мне. Она сделана из латуни, весит около двух фунтов и несет на себе множество следов попыток кузнеца сделать что-то любопытное и хитроумное".

Латунная и железная проволока часто используется для изготовления нарукавников, и иногда встречаются довольно тяжелые украшения из последнего металла. Несколько лет назад с этими металлическими нарукавниками произошло любопытное обстоятельство. Однажды был обнаружен блестящий металлический порошок, который, как оказалось, можно переплавлять, как железо, и делать из него украшения. Вождям так понравился этот металл, который блестел сильнее железа, что они оставили его себе, а свои железные украшения раздали своим последователям. Спустя некоторое время по стране распространилась заразная болезнь, и несколько вождей умерли. Разумеется, это несчастье было приписано колдовству, как и любая смерть или болезнь среди каффирских вождей, и поиск преступника был поручен, как обычно, знахарям - странному сословию людей, которое будет полностью описано на одной из следующих страниц. После ряда безрезультатных догадок они пришли к выводу, что причина болезни кроется в новомодном металле, вытеснившем старое доброе железо прошлого. Вследствие этого вердикта несчастный, открывший металл, был предан смерти как соучастник, вожди вернулись к своим железным украшениям, а король издал указ, запрещающий использовать металл, причинивший столько вреда.

ГЛАВА VI.
ЖЕНСКОЕ ПЛАТЬЕ И УКРАШЕНИЯ.

КОГДА ВПЕРВЫЕ НАДЕВАЮТ ПЛАТЬЕ - КРАСКА И МАСЛО - ПЕРВАЯ ОДЕЖДА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ - ФАРТУКИ КАФФИРСКИХ ДЕВУШЕК - РАЗЛИЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ИЗ КОТОРЫХ ДЕЛАЮТ ФАРТУКИ - БИСЕР И КОЖА - СМЕНА ПЛАТЬЯ ПРИ ОБРУЧЕНИИ - ОДЕЖДА ЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЫ - КРАСНЫЙ ВЕРХНИЙ УЗЕЛ, И ОЦЕНКА, КОТОРОЙ ОН ПОЛЬЗУЕТСЯ - РЕВНОСТЬ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ - ЗАМЫСЛОВАТОЕ ПЛАТЬЕ - ОБЫЧНЫЙ ПЕРЕДНИК ЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЫ - БИСЕРНЫЙ ПЕРЕДНИК ЖЕНЫ ВОЖДЯ - ДИКОВИННЫЕ БРАСЛЕТЫ ИЗ МЕТАЛЛА - ИХ КАЖУЩЕЕСЯ НЕУДОБСТВО - БРАСЛЕТЫ ИЗ КОПЫТ АНТИЛОПЫ - КОСТЮМЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ТАНЦАХ - КОЛИЧЕСТВО БУСИН, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ПЛАТЬЕ - СТРАННОЕ ГОЛОВНОЕ УБРАНСТВО - ПОЯСА И ПОЛУПОЯСА КАФФИРСКИХ ЖЕНЩИНПОЯСА КАФФИРСКИХ ЖЕНЩИН - ОЖЕРЕЛЬЯ - ХОРОШИЙ ИНТЕРЕС И ПЛОХАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ - ПОДРАЖАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ МОДЕ - ЗАМЕНА НОСОВЫХ ПЛАТКОВ - АНЕКДОТ О СВАДЕБНОМ ТАНЦЕ - КАФФИРСКАЯ ГАЛАНТНОСТЬ - НЕОБЫЧНОЕ УКРАШЕНИЕ - КАФФИРСКИЕ КАСТАНЬЕТЫ - СЕРЬГИ РАЗНЫХ ВИДОВ.

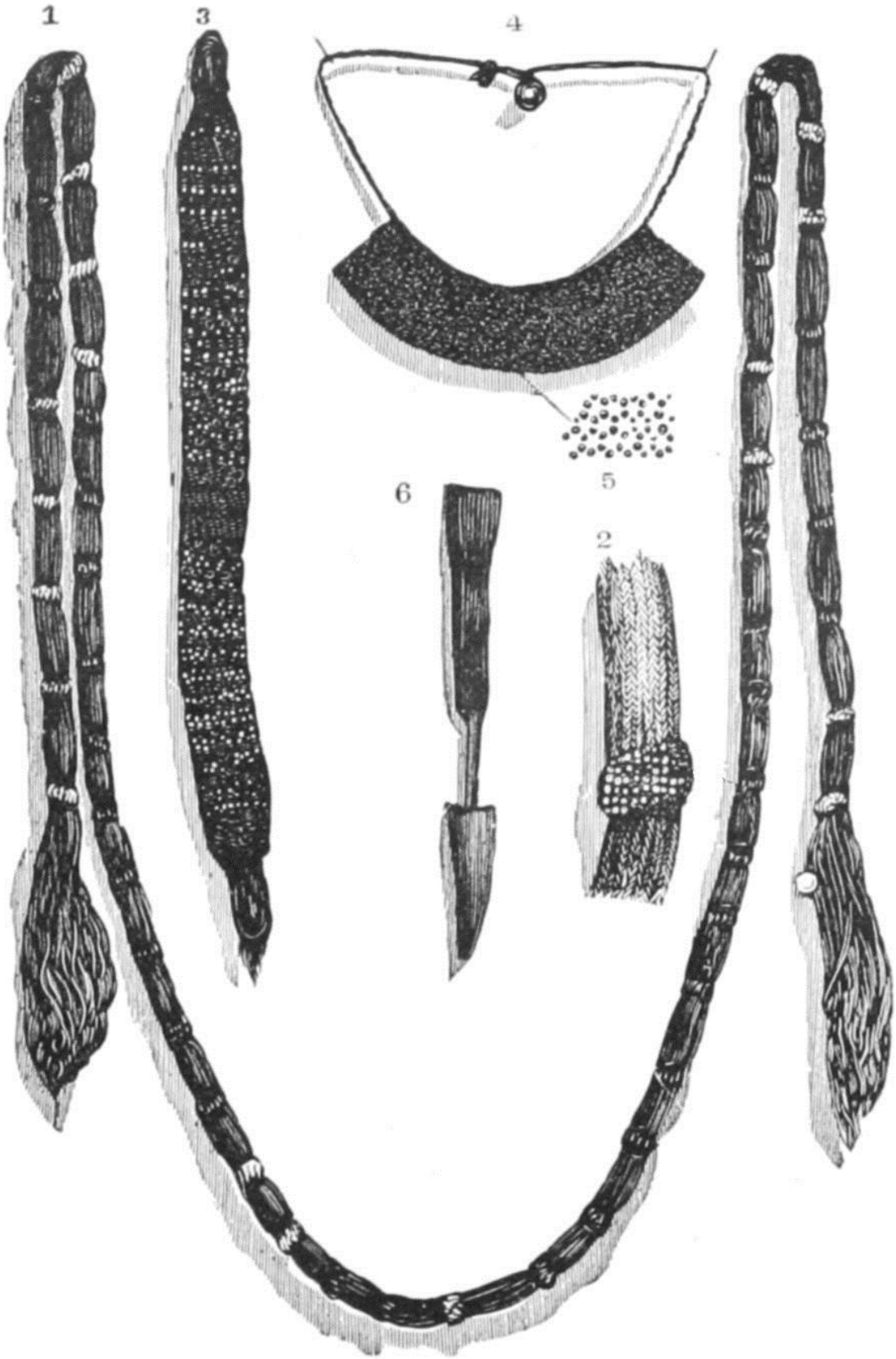
Поскольку в предыдущей главе были описаны одежда и украшения каффирских мужчин, предметом этой главы станут костюмы и украшения женщин.

Как по материалу, так и по общей форме между одеждой обоих полов существует значительное сходство, но женская одежда имеет определенный характер, который невозможно понять неправильно. Мы начнем с одежды, а затем перейдем к украшениям.

Как и мальчики, каффирские девочки в первые годы своей жизни не беспокоятся о какой-либо одежде, а бегают без всякого одеяния, за исключением масляного слоя, пластыря и, возможно, ожерелья, если родители достаточно богаты, чтобы позволить себе такую роскошь. Даже краска не по карману многим родителям, но масло - это необходимость, и ребенок любого пола считается прилично одетым и делает честь своим родителям, когда его тело блестит, как лакированная кожа.

Когда девочка приближается к тому возрасту, когда ее можно будет менять на коров, она надевает свою первую и единственную одежду, которую сохраняет в своей примитивной форме и почти примитивных размерах до тех пор, пока не найдет жениха, способного заплатить цену, требуемую ее родителями. Это одеяние - фартук, который изготавливается из различных материалов, в зависимости от средств владельца.

Самый простой и распространенный тип фартука представляет собой бахрому из узких кожаных полосок, каждая из которых имеет ширину около шестой части дюйма, а длину - пять или шесть дюймов. Большое количество этих полосок прикрепляется к кожаной лямке, так что получается своего рода гибкий фартук шириной около десяти или двенадцати дюймов. Как правило, восемь или десять полос с каждой стороны вдвое длиннее остальных. Примеры таких фартуков можно увидеть, обратившись к фигурам двух каффирских девушек на странице 25, и, поскольку их общий вид достаточно очевиден, больше о них говорить не нужно. Однако у меня есть несколько образцов фартуков, которые носили дочери богатых людей, а другие были одолжены мне мистером Х. Джексоном. Из них я сделала подборку, которая хорошо проиллюстрирует способы формирования этого платья, которые были в моде несколько лет назад.



КАФФИРСКИЕ УКРАШЕНИЯ.
(См. стр. 53, 54, 55).

ПЛАТЬЕ И УКРАШЕНИЯ.
(См. с. 48, 51, 55.)

Фартук, изображенный на рис. 4 в иллюстрации "Платье и украшения", стр. 49, является наиболее распространенным. Он сделан из очень тонких нитей, скрученных вместе в виде веревки, концы которой распущены, чтобы получилась густая бахрома, и, как уже было замечено, нити на каждом конце в два раза длиннее тех, что занимают середину. По верхнему краю фартука проходит широкий пояс из бисера, а ниже пояса свисают фестоны бус. Цвета довольно яркие - красный, желтый и белый, и почти все нити имеют одну большую белую бусину чуть выше ручки, которая не дает им слишком сильно распутываться. Лента, на которой он подвешен, также покрыта бисером, а застегивается она с помощью петли на одном конце и большой латунной пуговицы на другом. Эти фартуки фиксируются двумя веревками, одна из которых проходит вокруг талии, а другая - ниже бедер.

Еще один фартук можно увидеть сбоку на иллюстрации под названием "Платье и украшения" на странице 49, рис. 1. Это очень замысловатая вещь, выполненная по совершенно иному принципу. Она полностью состоит из бусин, причем нити, скрепляющие их, едва заметны. Чтобы показать, как хитроумно нанизаны бусины, часть фартука приведена отдельно. Цвет этих бусин - черный и белый, чередующиеся полосы, а два конца немного больше середины платья. Пояс, за который она подвешена, сделан из крупных круглых бусин, расположенных

рядами белого, синего и красного цветов, а два конца прикреплены к фартуку неизбежной латунной пуговицей, о которой так часто упоминалось.

В той же коллекции есть еще один фартук меньшего размера, предназначенный для девочки помладше. Он сделан по тому же принципу, но бусины расположены в смелом зигзагообразном узоре черного, алого и белого цветов, дополненном блеском полированных латунных пуговиц. Этот фартук изображен на рис. 4 "Каффирских украшений", стр. 49, и небольшая его часть дана в увеличенном масштабе, чтобы показать расположение бусин.

Когда каффирская девушка официально обручается, она меняет свое платье и, помимо маленького фартука, надевает кусок мягкой шкуры, доходящий до колен или чуть ниже их, и носит его до замужества, когда принимает необычайно некрасивое одеяние матроны. В племени зулусов она бреет почти всю голову на макушке, оставляя лишь небольшой пучок волос. Его собирают вместе с жиром, красной краской и другими подобными веществами, и он возвышается на макушке головы. После этого молодая жена вполне соответствует моде. Это, очевидно, женская замена "исикоко", которую носят мужчины. Замужние женщины так любят это довольно нелепое украшение, что оно стало предметом любопытного разбирательства, которое произошло несколько лет назад. Нойе, младшая жена туземца по имени Нонгу, внезапно обезобразилась и среди прочих несчастий потеряла маленький пучок рыжеватых волос. Сразу же возникло подозрение, что это яд, и виновницей стала одна из старших жен. Она предстала перед советом, и ей был устроен справедливый суд, длившийся пять часов. Следствие убедительно доказало, что у нее были яды и что она дала какое-то пагубное вещество молодой жене, к которой приревновала. Сила улик была столь велика, что она призналась в содеянном и заявила, что намеревалась заставить Нои отпасть пучок волос, чтобы муж испытал отвращение к внешности новой жены и вернулся к прежней верности себе. Ее приговорили к смерти - таково наказание для всех отравителей - и повели на казнь, к которой она, казалось, была совершенно готова и которую встретила с удивительной беспечностью, прощаясь со зрителями, когда проходила мимо них.

Любопытное уважение, с которым туземцы относятся к этому украшению, тем более примечательно, что его размер очень мал. Даже до бритья головы короткие, хрустящие волосы образуют очень скудное покрытие, а когда они удалены все, кроме этого маленького хохолка, оставшиеся едва ли покрыли бы голову детской шестипенсовой куклы.

Среди иллюстраций, приведенных на с. 39, показан удивительно сложный фартук, принадлежавший жене вождя, срисованный с образца из коллекции мистера Джексона. Он сделан из кожи, выделан и смягчен обычным способом, но снабжен карманом и игольницей. Чтобы показать этот карман, я вывел его на переднюю часть фартука, хотя в реальности он находится за ним. В кармане по-прежнему лежат несколько бусин и латунная пуговица. В нем также хранятся нитки. На внутренней стороне фартука подвешена одна из уже описанных игл, похожих на шампур, так что его обладательница снабжена всеми необходимыми для каффирской швеи приспособлениями.

Но главное достоинство фартука - украшение из бисера, которое очень эффектно смотрится на фоне темного красного дерева волос самого фартука. Это украшение выполнено в виде треугольного лоскута, совершенно отдельного от самого фартука, и крепится к нему только за нижний край и заостренный кончик. Бусины расположены в виде ромбов, причем внешний край каждого ромба выполнен из белого бисера, а остальные - из бисера разных цветов, с преобладанием красного.

На рис. 2 и 3 в разделе "Предметы костюма", с. 33, рядом с уже описанными мужскими "хвостами" представлены два хороших примера женских фартуков, оба взяты из образцов

моей коллекции. На рис. 3 представлен женский фартук из стрингов. Он сделан из бесконечного количества кожаных ремешков, скрепленных между собой способом, довольно сильно отличающимся от уже упомянутого. Вместо того чтобы закреплять верхние концы вдоль пояса, образуя бахрому, они сплетаются в довольно толстый пучок, около четырех дюймов в ширину и шире внизу, чем вверху. Во многих случаях эти ремешки украшены маленькими кусочками железа, латуни, олова или другого металла, обернутыми вокруг них; в некоторых случаях на ремешки нанизаны бусины. Такой фартук не мог принадлежать женщине высокого ранга, поскольку не имеет никаких украшений (кроме тщательной пропитки сильно пахнущей смазкой) и сделан из материалов, доступных каждому. Любые странные куски шкур, выброшенные в процессе пошива кафиров, могут быть разрезаны на узкие ремешки, используемые для этой цели, и для их изготовления не требуется большого мастерства, так как, несмотря на прочность, они являются работой довольно неуклюжей руки.

Совсем иначе обстоит дело с замечательным фартуком, изображенным на рис. 2 той же иллюстрации. Этот образец выполнен в довольно необычной манере. Основой фартука служит кусок той же кожи, которая обычно используется для подобных целей, но вместо того, чтобы быть мягкой и гибкой, она довольно твердая и жесткая, и ее нельзя согнуть без опасности расколоть. Бусины крепко пришиты к коже и расположены параллельными линиями, попеременно белые и сиреневые, несколько черных бусин были втиснуты изготовителем, видимо, за неимением бусин подходящего цвета. Даже пояс, на котором он держится, обильно усыпан бисером, так что в целом это удивительно хороший образец фартука, принадлежащего каффирской женщине высокого ранга.

Предмет, изображенный на рис. 4, - это головной убор, который будет описан, когда мы перейдем к каффирскому военному костюму.

Общее представление об одежде каффирской женщины можно получить, обратившись к иллюстрации "Куклы", стр. 33, изображающей каффира и его жену. Он одет в передник и короткий кросс, а она - в более просторную мантию и только что описанный тонго-апрон. Она также несет спальный коврик; он, конечно, не снисходит до того, чтобы нести что-либо. Ее лодыжки связаны кожаными веревками, которые уже были описаны, а завершает наряд цепочка или две бусины.

У молодых жен обычно есть еще одно украшение, которым они гордятся. Это кусок шкуры антилопы шириной около восемнадцати дюймов и длиной в ярд или даже больше. Его повязывают поперек верхней части груди, чтобы конец опускался до колен, и часто очень нарядно украшают. Внизу по центру этой кожи проходит полоса шириной около шести дюймов, лишенная волос, и на эту лишенную волос часть носительница застегивает все бусины и пуговицы, которые только можно оставить на других частях своего костюма. В одном из костюмов молодой жены зулуса нижняя часть этой полосы покрыта несколькими рядами латунных пуговиц, отполированных до блеска и сверкающих в лучах солнца. Однако этот элемент одежды исчезает среди пограничных кафиров, которые заменяют европейские ткани на кожаные одежды, которые они носили раньше и которые, несомненно, им больше идут. То же самое можно сказать и о многих других предметах одежды, которые, как и нравы и обычаи, претерпели столь полную модификацию в результате общения с европейцами, что каффира сегодняшнего дня едва ли можно признать тем же самым существом, что и каффира пятидесятилетней давности. Что касается хоттентотов, о которых мы вскоре расскажем, то они теперь отличаются от расы, описанной Ле Вайяном и более ранними путешественниками.

Замужние женщины также любят носить браслеты, или скорее перчатки, из полированного металла; иногда они состоят из одного куска, иногда из последовательных колец, а иногда из металла, намотанного по спирали от запястья вверх. Некоторые из этих украшений настолько тяжелы и громоздки, что сильно мешают движениям запястья; но в этой стране, как и в других, личные неудобства мало учитываются, когда речь идет об украшениях.

На иллюстрации в начале 39-й стр. показано несколько браслетов очень своеобразной моды, взятых с образцов из моей собственной коллекции. Они принадлежали одной из жен Гозы и были сняты с ее запястья покупателем. Они сделаны очень изобретательным способом из копыт крошечной африканской антилопы, голубого бока, и формируются следующим образом: нога антилопы отрезается, кожа разрезается продольно с обеих сторон до копыта, которое затем отделяется от кости, оставляя острые, роговые копыта прилегающими к коже. Поскольку кожа была разрезана таким образом, чтобы оставить плоскую ленту, прикрепленную к каждой стороне копыта, было достаточно легко сформировать браслет такой формы, как показано на рисунке.

Примечательным моментом в этих браслетах является их очень маленький размер, что свидетельствует о миниатюрности каффирской руки; хотя владелица этих браслетов была замужней женщиной, а значит, привыкла к работе, которая не была бы очень легкой даже для английского рабочего. Оба браслета показаны, а рядом с ними - еще один, сделанный из обычной веревки, такой, какими в Англии завязывают посылки. Что могло побудить жену такого могущественного вождя, как Гоза, носить столь жалкое украшение, я не могу себе представить, разве что, возможно, она купила его у одного из колдунов, который совершил над ним какой-то обряд и продал его как талисман. Кафиры обладают глубочайшей верой в талисманы и будут носить что угодно, каким бы заурядным оно ни было, если им даже покажется, что оно может обладать магической силой.

Если читатель обратится к "Каффирским украшениям" на странице 33, рис. 1, он увидит круглое украшение, сделанное из бисера. Это одно из самых дорогих украшений каффирской девушки, и оно такое, которое не может позволить себе ни один человек, не имеющий достатка. Он сделан очень изобретательно, чтобы сохранить свою форму, хотя его приходится носить вокруг талии , а значит, натягивать на плечи. Центр этого красивого пояса сделан из кожи, крепко сшитой вместе так, чтобы образовать цилиндрический круг, и обильно пропитан жиром, чтобы сделать его эластичным. На нем закреплены бусины, расположенные ровными спиральными рядами, так что пояс можно растягивать и изменять его форму, не нарушая расположения бусин. Создатель этого пояса расположил бусины таким образом, что они чередуются с зигзагами синего и желтого цветов, эффект от которых на темно-шоколадной коже будет очень выразительным.

Этот пояс можно увидеть на талии девушки, чье изображение приведено на странице 43. Предполагается, что эта девушка наряжена для танцев, и в таком случае она должна была надеть все имеющиеся у нее наряды. Ее шерстяные волосы украшены множеством перьев дикобраза, чередование черных и белых цветов которых производит очень хороший эффект. Однако перья дикобраза не так-то просто достать. Охота на дикобраза - занятие, принадлежащее другому полу, и совершенно недоступное для женщин.

Это животное - не самый приятный противник, и если его нору остановить и, наконец, загнать в бухту, он доставит преследователю немало хлопот, имея отвратительную привычку распускать все свои перья, а затем внезапно отступать в том направлении, где его меньше всего ждут. Голые ноги каффира не имеют никаких шансов против перьев дикобраза, а когда несколько дикобразов одновременно подвергаются нападению группы каффиров, сцена

выглядит крайне нелепо: каффиры прыгают, словно околдованные, а на самом деле пружинят в воздухе, чтобы избежать внезапных бросков дикобразов. Поэтому, если родитель или поклонник молодой женщины случайно не подарит ей перья, она вынуждена довольствоваться каким-нибудь другим украшением. Одним из довольно распространенных способов украшения является закрепление в волосах нескольких длинных прямых шипов мимозы, что позволяет защитить голову от воображаемых нападений так же эффективно, как и у ее более удачливой сестры. Энергия, которую эти девушки проявляют в танце, необычайна, и так и должно быть, ведь некоторые из них носят на себе почти пятьдесят фунтов бус, браслетов, браслетов, поясов и других украшений. Однако осознания своего великолепия достаточно, чтобы поддержать их, и они будут испытывать самые сильные нагрузки, демонстрируя свою активность в танце.

Что касается пояса, о котором только что шла речь, то мне хотелось узнать, могут ли его носить наши соотечественницы. Поэтому, приняв меры предосторожности и тщательно вымыв его жесткой щеткой, мылом и содой, я примерил его на молодую женщину и с удивлением обнаружил, что он без особых проблем встал на свое место, хотя его продвижению, конечно, мешала одежда, тогда как обнаженное и хорошо смазанное тело каффирской девушки позволяет поясу сразу же соскользнуть на руки и плечи.

Есть еще одно замечательное украшение молодых каффирских женщин, которое я называю полупоясом. Он плоский, обычно сделан из ниток и ремешков и украшен через определенные промежутки бусинами, расположенными в виде перекрестных лент. На каждом конце есть петля, через которую продевается шнурок, чтобы носительница могла закрепить его вокруг тела. Пояс достаточно длинный, чтобы обогнуть тело наполовину, и способ его ношения весьма примечателен. Вместо того, чтобы расположить весь пояс спереди, как это, естественно, можно было бы предположить, носителем он проходит вокруг одной стороны тела, так что один конец оказывается впереди, а другой - позади. Как бы ни был странен этот способ ношения, обычай универсален, и в каждой группе девушек или молодых женщин обязательно найдется несколько человек, носящих полупояс вокруг тела. Еще один такой пояс показан на иллюстрации "Каффирские украшения" на странице 49, рис. 3. Это не столь замысловатое изделие, и на нем всего несколько лент бусин, а не почти весь он усыпан ими.

Что касается ожерелий, которые носят каффирские женщины, то они, как правило, представляют собой не более чем нитки бус и не требуют особого внимания. Однако есть одно, которое настолько отличается от обычных ожерелий, что я попросил выгравировать его. Его можно увидеть на иллюстрации на странице 49, рис. 3, рядом с красивым бисерным фартуком, который уже был описан. Как видно из иллюстрации, он полностью состоит из бисера и украшен шестью треугольными придатками, также сделанными из бисера. Общий цвет бусин - белый, но внутренняя часть треугольных придатков - кобальтово-синяя, а более крупные бусины, расположенные на ожерелье по отдельности, сделаны из рубинового стекла. Когда это замечательное ожерелье надето на шею, треугольные лоскуты равномерно спадают на грудь и плечи и, контрастируя со смуглой кожей обладательницы, производят восхитительный эффект.

В последнее время из Европы в Африку были завезены два предмета одежды или, скорее, украшения, которые пользуются большим успехом у шоколадного цвета красавиц Кафирланда. Предприимчивые торговцы на юге Африки не открывают постоянных магазинов, как мы в Англии, а набивают повозку разными товарами и отправляются в путешествие в глубь страны, где обменивают свои товары на слоновьи бивни и зубы, рога, шкуры, страусиные перья и тому подобные товары. У них самый разнообразный ассортимент

товаров, и действуют они примерно так же, как те бродячие торговцы, которых у нас в народе называют "дешевые Джоны", с тем главным отличием, что их товар отнюдь не дешев, а продается с прибылью около 1000 процентов от первоначальных затрат. Это кажется довольно завышенным процентом, но следует помнить, что старая пословица о высоких процентах и плохом обеспечении справедлива как для этой, так и для других спекуляций. Может начаться война, торговца могут зарезать, его повозку ограбят, а волов конфискуют. Страшный ливень может унести его скот, он может погибнуть от голода, жажды или внезапного прилива воды, который может почти мгновенно превратить сухой овраг в бушующий поток, сметающий все на своем пути. Мода может измениться, и все его запасы окажутся бесполезными; или какой-нибудь "пророк" может вбить себе в голову, что шум колес его повозки предотвращает дождь. Кроме того, его нещадно обирают различные вожди, через чьи территории он проходит, и требуют непомерную дань, прежде чем пропустить его к следующему вождю, который будет обслуживать его точно так же. В целом, если путешествие будет удачным, торговец получит около пятидесяти или шестидесяти процентов чистой прибыли; но, поскольку путешествие часто бывает совершенно неудачным, это не слишком высокая ставка процента на его расходы.

Прежде всего, торговец возьмет с собой много табака - это ключ к сердцу кафира, старого или молодого, мужчины или женщины. Он возьмет оружие и боеприпасы для мужчин, а также спиртные напитки самого грубого и низкого сорта - более качественные и чистые вещи не нужны его соболиным клиентам. Разумеется, он везет бисер, пуговицы, одеяла и другие предметы роскоши, а также большие железные мотыги, которыми женщины обрабатывают землю, которые он может продать за одну шестую часть цены и которые вдвое качественнее мотыг, сделанных местными жителями. Один из этих смелых владельцев повозок решил купить несколько брутто латунных колец для занавесок самого большого размера и с удовлетворением обнаружил, что их охотно раскупают везде, куда бы он ни приехал. Туземцы сразу же поняли, что латунные кольца - это лучшие браслеты, чем те, которые можно сделать самим, и, соответственно, растащили свои дикарские сокровища, чтобы купить их.

Один из самых странных примеров превратности африканской торговли произошел несколько лет назад. В порт прибыло английское судно, большая часть груза которого состояла из прочной железной проволоки, почти вся она была куплена туземцами и тут же исчезла, никто не знал, что с ней стало. Вскоре тайна была раскрыта. Неожиданно появились каффирские красавицы в новых и модных нарядах. Некоторые из них бывали в городах, населенных европейцами, и видели некие "клетки", развешанные у магазинов драпировщиков. Они поинтересовались, для чего нужны эти необычные предметы, и им ответили, что это модный наряд европейских дам. Они тут же загорелись желанием обзавестись подобными костюмами, а когда прибыло судно с грузом проволоки, купили ее и увезли домой, чтобы подражать белым дамам. Разумеется, они не имели ни малейшего представления о необходимости какого-либо другого предмета одежды, поэтому не носили его, но ходили по улицам, гордясь своим модным видом.

Поскольку на танцоров навешано такое количество украшений, а также поскольку они напрягаются наиболее интенсивно, это приводит к вполне закономерному результату. Климат очень жаркий, и от упражнений танцовщице становится еще жарче, так что обильная смазка струится по лицу и телу, доставляя неудобства исполнительнице, которая, конечно, не привередлива в своих представлениях. Что касается носовых платков или чего-либо, приближающегося к представлению о них, то она находится в полном неведении: весь ее наряд состоит из маленького фартука, о котором говорилось выше, и неограниченного запаса бус. Но на случай непредвиденных обстоятельств она носит с собой инструмент,

очень похожий на древний "стригиль" и используемый практически для тех же целей. Иногда он сделан из кости, иногда из дерева, иногда из слоновой кости, а иногда из металла. Его форма может быть самой разной, но обычно он слегка углублен, как столярная выколотка, а края у него такие же острые, как у обычного канцелярского ножа. По сути, он очень похож на увеличенную ложку для костного мозга.

Образец более распространенного вида приведен на рис. 6 в разделе "Каффирские украшения" на стр. 49. Материал этого стригиля - железо, и он прикреплен к простому кожаному ремешку.

Иногда вместо стригиля используется довольно неожиданный предмет, о чем можно судить по следующему анекдоту, рассказанному мистером Г. Х. Мейсоном. Он отправился на свадьбу каффирского вождя, который собирался жениться на своей четырнадцатой жене, и увидел, что жених сидит посреди деревни, окруженный вереницей вооруженных воинов, а за ними - вереницей женщин с детьми.

"Едва мы заняли свою позицию возле Умдоди (мужа), как со дна прекрасной долины, расположенной неподалеку, донеслось низкое пронзительное пение, и я увидел длинную процессию девушек, медленно пробирающихся среди ярко-зеленых участков индийской кукурузы и массы цветущих кустарников, усыпанных гигантскими кактусами и огромными цветущими алоэ. По мере того как процессия приближалась к хижинам, они ускоряли шаг и возвышали голоса, пока не добрались до упомянутого скотоводческого стойбища, где стояли неподвижно и молча.

"Затем гонец от Умдоди велел им войти в крааль, и они тотчас же повиновались - по двое, причем впереди шел самый молодой, за ним следовали остальные, а завершали шествие брачные девушки (Intombies), тесно сгрудившиеся вокруг невесты - толстой, добродушной девушки, обмотанной с ног до головы черной глазурованной бязью и украшенной цветами, бусами и перьями. Оказавшись в краале, дамы выстроились в две линии, с невестой в центре, и завели оживленную песню; после этого со всех сторон крааля бросились вооруженные кафиры, бьющие в щиты и издающие демонические вопли, набрасываясь на улыбающихся девушек, которые вместе со стойкими воинами выделывали каперсы и громко пели, пока весь крааль не превратился в одну смятенную массу демонов, выкрикивающих хриплые военные песни и пронзительные любовные частушки. Через час танцы прекратились, и на стол подали джойлу (каффирское пиво), а прекрасная невеста стояла посреди кольца одна, на нее смотрели все, и она в свою очередь смотрела на всех, пока не подняла глаза на своего восхищенного господина. Тогда, не спеша продвигаясь вперед, она танцевала перед ним под крики зрителей, распевая во весь голос и размахивая огромным *разделочным ножом*, которым она соскребала крупные капли пота со своей разгоряченной головы, образовавшиеся в результате необычайно бурных упражнений".

Тот же наблюдательный писатель утверждает, что, сколько бы ни было нарядов на каффирской девушке, восхищаться ими считается вполне уместным с точки зрения обычной галантности. Когда он строил дом с помощью нескольких кафиров, он обнаружил, что его люди никогда не позволяли сумрачным девушкам проходить в пределах видимости, не отдав им честь, или стояли совершенно неподвижно, полностью на их пути, чтобы каждый мог взаимно осмотреть другого.

"Так часто случалось, что отряды девушек приходили из каффирских краалей с маисом, соломой, молоком, яйцами, дикими фруктами, сахарным тростником, картофелем и т. д. и т. п, И едва их пронзительная песня достигала ушей наших слуг, как они бросались с работы, как были, одни перемазанные грязью, другие забрызганные побелкой, а остальные

вооруженные лопатами, кирками, ведрами, кирпичными формочками и всем остальным, что попадалось им под руку в данный момент".

У каффирских женщин в моде любопытное украшение - ряд рельефных шрамов на запястьях и частично на руках. Эти шрамы делаются в детстве, а раны заполняются каким-то веществом, которое заставляет их возвышаться над уровнем кожи. Они полагают, что эти шрамы полезны, а также декоративны, и рассматривают их в свете амулетов. Этими шрамами иногда украшают и другие части конечностей, а в одном или двух случаях ими были покрыты не только конечности, но и все тело. Предполагается, что материал, которым заполняют раны, - это пепел змеи.

Во время своих танцев кафиры обоих полов любят как можно больше шуметь и помогают своим голосам с помощью некоторых механических приспособлений. Одно из самых простых состоит из множества сухих семян. По форме эти семена угловатые и очень напоминают обычный бразильский орех. Оболочка семени очень тонкая и твердая, а ядро сжимается в ней, чтобы дребезжать при каждом движении. В некоторых случаях ядро удаляется, и дребезжащий звук издается исключительно твердой оболочкой, ударяющейся друг о друга. Когда несколько таких семян нанизаны вместе на ноги или руки, они издают довольно громкий дребезжащий звук в соответствии с движениями танцоров и, по сути, являются каффирскими заменителями кастаньет. В некоторых районах Центральной Африки изготавливают любопытную имитацию этих природных кастаньет. Он состоит из тонкой железной скорлупы, точно напоминающей по форме орех, внутри которой находится маленький железный шарик, заменяющий сморщенное ядро.

Серьги носят как в Каффирландии, так и в других частях света, и они одинаково модны у обоих полов. Уши прокалывают в раннем возрасте, а отверстие расширяют, просовывая в него череду кусочков дерева, пока оно не станет достаточно большим, чтобы вместить табакерку, набалдашник из слоновой кости или подобное украшение.

Одну из таких табакерок с серьгами можно увидеть на иллюстрации "Платье", стр. 49, рис. 6. Она сделана из куска тростника длиной три дюйма, закрытого с одного конца и имеющего пробку, вставленную в другой. Первоначальный цвет тростника - ярко-желтый, с высоким естественным блеском, но кафиры не довольствуются его естественным состоянием и украшают его различными узорами черного цвета. Они получаются путем обугливания дерева раскаленным железом, и аккуратность и правдивость работы поражает, если принять во внимание грубость инструментов. На данном образце узор представляет собой чередование ромбов черного и желтого цвета. Такой способ украшения украшений и посуды очень распространен среди кафиров, и мы еще увидим его в дальнейшем. Однако табакерки - не единственные украшения, которые кафиры носят в ушах, поскольку едва ли найдется что-нибудь, что можно было бы показать и прикрепить к уху, но не носить там.

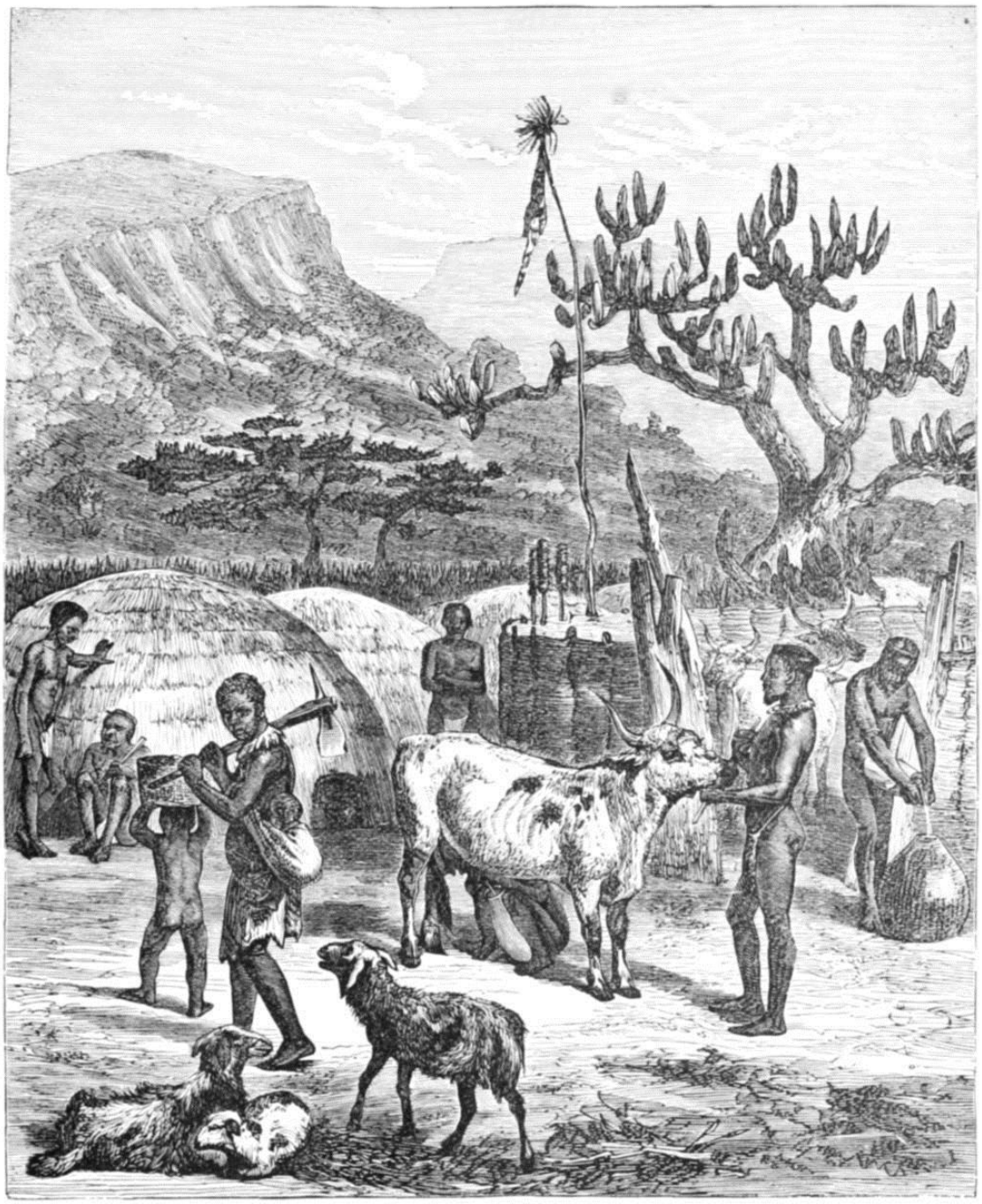
ГЛАВА VII.
АРХИТЕКТУРА.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ КАФФИРСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ - ПРЕОБЛАДАНИЕ КРУГЛОЙ ФОРМЫ - НЕСПОСОБНОСТЬ КАФФИРА ПРОВЕСТИ ПРЯМУЮ ЛИНИЮ - ОБЩАЯ ФОРМА КАФФИРСКОЙ ХИЖИНЫ - НЕДОВЕРЧИВОСТЬ НЕВЕЖЕСТВА - МЕТОД СТРОИТЕЛЬСТВА ДОМА - ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ ОТ ЗАТОПЛЕНИЯ - ЖЕНЩИНЫ-АРХИТЕКТОРЫ - СПОСОБ

ПЛАНИРОВАНИЯ ХИЖИНЫ - КАФФИРСКАЯ ПОКАЗНОСТЬ - ХРУПКОСТЬ ХИЖИНЫ - АНЕКДОТ О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ - РАЗЪЯРЕННЫЙ СЛОН, и домашняя трагедия - КАК ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ КРЫША - дым и сажа - ДВЕРЬ С УДАРОМ - КАК ОНА СДЕЛАНА - ШТОРКИ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ОТ ВЕТРА - ДЕКОРАЦИИ ДОМА ДИНГАНА - СРЕДНЯЯ МЕБЕЛЬ КАФФИРСКОЙ ХУТЫ - КРААЛЬ, ЕГО ПЛАН И ПРИНЦИПЫ СТРОИТЕЛЬСТВА - ЗНАНИЕ ФОРТИФИКАЦИИ - ГЛАВНЫЙ ОБЪЕКТ КРААЛЯ - ДВА СПОСОБА ИЗГОТОВЛЕНИЯ ОГРАДЫ - ABATTIS И CHEVAUX DE FRISE - РАЗМЕР КРААЛЯ - КОРОЛЕВСКИЙ ВОЕННЫЙ КРААЛЬ ИЛИ ГАРНИЗОННЫЙ ГОРОД - ПОСЕЩЕНИЕ ОДНОГО ИЗ КРААЛЕЙ ПАНДА - ГАРЕМ, ЕГО ОБИТАТЕЛИ И ОПЕКУНЫ.

Архитектура этих племен очень проста, и, хотя в разных местностях она несколько отличается, везде имеет схожие черты. При взгляде на любой образец каффирской архитектуры зрителя сразу же поражает одна особенность, а именно то, что все его здания имеют круглую форму. Примечательно, что каффир, похоже, не способен наметить прямую линию, и независимо от того, строит он хижину или возводит забор, ориентиром для него служит круг. Попытки кафира возвести квадратную хижину или даже построить забор по прямой линии оказываются смехотворно неудачными. С европейцами дело обстоит иначе. Поселенец, желающий построить забор, чтобы огородить свой сад, или крепость, в которой его дом и имущество могут оставаться в безопасности, неизменно строит по прямолинейному принципу и делает забор в форме квадрата. Он будет чувствовать себя скованным, если его заставят построить круглую ограду, в то время как кафирец будет в таком же замешательстве, если его обяжут возвести квадратное строение. Действительно, хотя европеец может, ценой некоторых хлопот, построить круглый дом, и его круг будет истинным, каффир потерпит полное фиаско, если попытается построить здание квадратной или продолговатой формы.

Один из моих друзей, много путешествовавший среди каффирских племен и побывавший в деревнях, жители которых никогда не видели европейских зданий, рассказывал мне, что туземцев едва ли можно заставить понять устройство европейского дома. Сама его форма озадачивала их, а двускатные концы и ребристая крыша казались им настолько странными, что не вызывали никакого доверия. Что касается различных этажей в доме, нескольких комнат на одном этаже и лестниц, ведущих из одной в другую, то они категорически отказывались верить, что что-то подобное может существовать, и считали, что их гость пытается развлечься за счет их легковерия. Они, правда, поверили в возможность существования собора Святого Павла из-за его куполообразной крыши, но их невозможно было убедить поверить в его размеры. Они отстаивали свою позицию с помощью аргументов, не довольствуясь лишь утверждениями. Главным аргументом была невозможность того, чтобы такое здание выдержало собственный вес. Единственными строительными материалами, с которыми они имели опыт, были столбы и палки, из которых были сделаны их собственные дома, и тростник, из которого они плели солому. Иногда очень роскошный хозяин дома штукатурил внутреннюю часть грязью, создавая тот особый стиль архитектуры, который в народе называют "плетень и дуб". Они никак не могли понять, что камень можно использовать для строительства жилых домов; вся система разрезания камня на прямоугольные куски и использование кирпича также были непостижимы для них. Раствор также был необъяснимой загадкой, так что в целом они решили дискредитировать сказки, рассказанные им белым человеком.



КАФИРЫ У СЕБЯ ДОМА.
(См. с. 70.)

Дом кафиров (см. с. 155) похож на преувеличенный пчелиный улей. Он точно такой же формы, сделан почти из тех же материалов и имеет маленькую арочную дверь, как у входа в улей, через которую человек едва может проползти на руках и коленях. Конструкция этих хижин очень проста. Рисуется круг диаметром около четырнадцати футов, и вокруг него втыкается несколько длинных гибких палок. Затем эти палки перегибаются вверху и связываются вместе, чтобы получился каркас, очень похожий на обычную проволочную мышеловку. Затем на палки укладывается тростниковая сетка, которая закрепляется параллельными шнурами. Эти петли сделаны из "обезьяньих тросов", или ползучих растений, которые тянутся от дерева к дереву, и имеют всевозможные размеры - от троса до

вьючной нити. Они скручиваются в такую веревочную форму, что многие отказываются верить, что они не были сделаны искусственно. Ряды плетения находятся на расстоянии около восемнадцати дюймов друг от друга. По форме хижина в точности напоминает известный снежный дом эскимосов.

Поскольку во влажный сезон дожди льют потоками, хижины были бы затоплены в течение нескольких месяцев, если бы не мера предосторожности, которую принимают туземцы, выкапывая вокруг каждой хижины траншею глубиной около восемнадцати дюймов или двух футов и такой же ширины. Эта траншея находится примерно в шести дюймах от стены хижины и служит для сохранения пола сухим. Читатель может вспомнить, что всех европейских солдат учат рыть траншею вокруг каждой хижины, пока они находятся под холстом, и пренебрежение этой мерой предосторожности непременно приведет к большим неудобствам и ухудшению здоровья.

Женщина обычно обозначает контур своей хижины очень простым способом. Она берет несколько гибких палок и крепко связывает их между собой кожаными шнурками или грубой и готовой веревкой, которую кафиры делают из камыша, разрывая его на полоски и наматывая их на ногу ладонью. Обычно соединяют три или даже четыре палки, чтобы добиться достаточной длины. Затем она глубоко втыкает один конец в землю, перегибает другой так, чтобы получилась арка, и также втыкает ее в землю. Эта арка становится ключом ко всему зданию, определяя его высоту и ширину. Другая арка устанавливается в землю под прямым углом к первой, и обе скрепляются между собой в верхней части, где они пересекаются, так что грубый остов хижины делается за очень короткое время.

На крыше хижины иногда можно увидеть черепа быков. Этот орнамент очень характерен для кафиров. Высокая ценность, которую он придает своим коровам, не сравнится с любовью самого закоренелого скряги к золоту. Но есть и другая черта каффирского ума, еще более сильная, чем скупость, - это хвастовство, для которого его скот становится второстепенным. Не желая убивать скот, который составляет его богатство и которым он дорожит едва ли меньше, чем собственной жизнью, он в определенных случаях зарежет одного и устроит пир для своих соседей, которые обязательно похвалят его в выражениях, соответствующих великолепию - то *есть* количеству - банкета. К нему почти наверняка обратятся как к отцу, и, возможно, некоторые из самых восторженных, будучи возбужденными говядиной, пивом и нюхательным табаком, на самом деле позовут его как вождя. Убийство быка, таким образом, является большим событием в жизни кафира и, несомненно, служит ступенькой к более высокому званию. Чтобы память о таком событии не угасла сразу после окончания банкета, гордый даритель берет череп убитого быка и кладет его на крышу своей хижины, где он остается как знак того, что хозяин жилища - человек состоятельный и смог выделить одного из своих быков для пиршества друзей.

Постройка уже закончена, отверстие, служащее дверью, вырезано с одной стороны, его края защищены плетеными ветками, и каффир не желает лучшего дома. Хотя в нем нет ни окна, ни дымохода, ни двери, которая заслуживает такого названия, он не променяет его на дворец, и известно немало случаев, когда кафиры, попавшие в европейские города, много путешествовавшие и получившие неплохое образование, сбрасывали с себя цивилизованную одежду, вновь принимали кожаный наряд своего народа и уходили жить в хижины вместо домов. Вся конструкция обязательно очень хрупкая, а стены не выдерживают большого насилия. Любопытный пример их хрупкости произошел некоторое время назад, когда один вождь совершил набег на деревню другого. Несколько мужчин укрылись в хижине, откуда их было нелегко выгнать. Ассагайцы бросались через стенки хижины и нанесли большой урон ее обитателям. Оставшиеся в живых пытались спастись,

взобравшись на каркас хижины и зацепившись за крышу, но легкая конструкция не выдержала их тела и, поддавшись их весу, предала их бдительным врагам снаружи.

На верхней иллюстрации на странице 63 изображен интерьер исключительно большой хижины, которая, по сути, является главным жилищем вождя. Очень немногие хижины имеют более четырех опорных столбов. Слева видны две большие корзины, в которых хранят молоко и делают из него "амаси", а сразу за первой корзиной лежит свернутая в рулон спальная циновка, прислоненная к стене. В дальнем конце хижины можно увидеть несколько больших глиняных горшков, используемых в кулинарии, а у одного из столбов стоит калабаш. На крыше висят пучки маиса, согласно любопытному каффирскому обычаю, который, похоже, не учитывает того факта, что все вещи на крыше хижины вскоре почернеют от копоти, вызванной дымом от костра. Большие или маленькие, все дома сделаны по одному и тому же принципу, и, за исключением их больших размеров и украшающих их черепов быков, дома, занимаемые вождями, ничем не отличаются от тех, в которых живут их приближенные.

Против грубых врагов хижина иногда является лишь хрупкой защитой. Однажды слона привлекло количество проса, которое хранилось в ограде. Он пробился сквозь бесполезную преграду и начал питаться просом. В одной из хижин горел огонь, и слон, вместо того чтобы испугаться, разозлился, разнес дом на куски, прошел по развалинам и затоптал насмерть женщину, которая лежала в постели. Ее муж едва не разделил ту же участь, но успел откатиться в сторону, а затем спастись, проползя между ног разъяренного слона.

Крыша хижины не полностью зависит от гибких палок, из которых сложены ее стены, а держится на столбе или двух столбах, на вершине которых лежит поперечная балка. Такое устройство позволяет хозяину хижины подвешивать к балке и столбам различные предметы, которые он не хочет повредить, бросив на землю: тыквы, корзины, ассагаи, ложки и прочую утварь.

Вокруг хижины небрежно расставлены грубые глиняные горшки, в которых кафиры хранят пиво, молоко и запасы зерна. Пол в хижине всегда содержится в тщательной чистоте и обычно твердый, как камень: он сделан из хорошо перемешанной глины, уложенной очень ровно и взбитой, пока не станет совсем твердым. Лучшая глина для этой цели получается из гнезд белого муравья, которые разбивают на куски, затем толкут, а потом очень тщательно перемешивают с водой. В хорошо обустроенной хижине женщины очень заботятся о своем полу и ежедневно трут его плоскими камнями, пока он не станет не только гладким, но даже отполированным.

Неподалеку от входа находится примитивный камин. Он, как и почти все, что делают кафиры, имеет круглую форму и обычно сделан из грязи; его единственное назначение - удерживать угли в ограниченном пространстве.

В обычном доме не всегда готовят пищу и не всегда поддерживают огонь. В постоянном краале есть хижины для приготовления пищи, построенные для этой единственной специальной цели и не используемые для других. Их можно назвать деми-хижинами, поскольку их единственная задача - защищать огонь от воздействия ветра. Они круглые, как и все обычные хижины, но их стены высотой всего четыре фута или около того, и тщательно обмазаны смесью глины и коровьего навоза, чтобы создать наиболее эффективную защиту от ветра. Дыму от костра дают возможность выходить наружу по мере возможности. Часть его проникает в промежутки между соломенными крышами, как видно из иллюстрации на странице 63. Часть его кружит вокруг стен и выливается через дверной проем, но большая часть оседает в виде сажи внутри хижины, черня все, что в ней находится. Когда кафиры

хотят приправить древесину своих ассагаев-шафтов или рубильников, они втыкают их в крышу дома, прямо над камином, точно так же, как бекон вялят в дыму.

Любопытная ссылка на этот обычай содержится в песне, сложенной в честь Панды, короля зулусских племен. Когда Динган убил своего предшественника Тчаку, он одновременно убил и других вождей, но его уговорили оставить в живых Панду.

"Из запасов Ндабицы, стержень из латуни,
Уцелел один из всех других прутьев;
Другие они сломали, *а этот оставили в саже*,
думая сжечь его в дождливый холодный день".

Здесь имеется в виду обычай оставлять палки и древка в саже на крыше.

На ночь вход в хижину закрывается простой дверью, сделанной из ивовых прутьев и очень похожей на тесно сплетенные овечьи загородки, которые используются в некоторых частях Англии. За исключением того, что каффир всегда сидит за работой, способ изготовления этих дверей почти идентичен тому, который используется пастухами в этой стране.

Каффир начинает с того, что выбирает несколько прямых и достаточно прочных палок и вбивает их в землю на равном расстоянии друг от друга. Они служат опорами или каркасом двери. Затем он берет несколько податливых палок, похожих на осину, из которой делают корзины, и вплетает их в вертикальные колья, постоянно подбивая их, чтобы они плотно прилегали друг к другу. Когда дверь готова, вертикальные палки отрезают до нужной длины, и тогда ее можно прикрепить к хижине. Если читатель хоть немного знаком с военным делом, он может вспомнить, что габионы делаются точно таким же образом, только вертикальные колья ставятся не по прямой линии, а по кругу. Чтобы ветер не задувал в хижины слишком свободно, кафиры делают ширмы, которые ставят так, чтобы укрыть вход. Эти экраны делаются из палок и камыша, как и дверь, только из более легких материалов, и их положение может меняться при каждом изменении ветра.

Некоторые из постоянных домов строятся с особой тщательностью, и на их возведение уходит не менее месяца. В большинстве из них внутренний вид практически одинаков, а именно куполообразная крыша, поддерживаемая четырьмя столбами, расположенными в форме квадрата, с камином точно в центре. Туземцы часто тратят много времени и сил на украшение своих постоянных особняков, и мистер Кристи рассказывает, что видел столбы, густо инкрустированные бисером. Конечно, они вскоре чернеют от дыма, но если быстро потереть их ладонью, то цвета снова становятся яркими. Одна из хижин Дингана, которую посетил голландский колонист Ретиф, была очень красиво построена и поддерживалась двадцатью двумя столбами, каждый из которых был полностью покрыт бисером.

Хижины, в силу особенностей материала, из которого они сделаны, очень легко воспламеняются, и иногда случается, что если один из домов в деревне загорается, то все они сгорают за очень короткое время. К счастью, они так легко строятся, что неудобства не столь велики, как в случае сожжения европейских домов. Кроме того, мебель, которая в них находится, настолько ограничена по количеству и проста по материалу, что ее можно заменить без особого труда. Циновка или две, несколько корзин, подушка, ведро для

доения, один или два грубых глиняных горшка и связка ассагаев - вот то количество имущества, которое можно найти не в каждой хижине.

Хижины каффиров обычно собраны в небольшие группы, которые в народе называют "краалями". Это не зулусское и не хоттентотское слово, и, вероятно, оно является калькой со слова "загон". Существует два способа формирования крааля, и выбор того или иного способа определяется местностью. Каффирские племена обычно предпочитают располагать свой крааль на склоне холма вблизи кустарника, чтобы иметь много строительного материала. Однако они достаточно хорошо знакомы с принципами фортификации, чтобы расчистить большое пространство вокруг своего жилища, чтобы в случае нападения враг не смог скрыть свои передвижения от защитников.

Первой заботой кафира является защита своих любимых коров, и для этого круглое пространство огораживается высоким забором, сделанным очень прочно. Высота забора составляет около шести-семи футов, он сделан простым и очень эффективным способом. Забор, окружающий скот и хижины, в основном делается одним из двух способов - во всяком случае, в более южной части страны, где древесины очень много. Племена на севере Кафирланда, живущие там, где древесины сравнительно мало, строят свои стены из больших камней, наваленных друг на друга, без какого-либо раствора или даже грязи, чтобы заполнить промежутки. Южные племена не используют ничего, кроме дерева, и строят стены двумя разными способами. Тот, который обычно используется, очень прост. Срубается несколько деревьев, и их стволы отрезаются на несколько футов ниже того места, откуда растут ветви. Затем большое количество верхушек этих деревьев укладывается по кругу, при этом отрубленные концы стволов направлены внутрь, а ветви - наружу. По сути, забор - это именно тот вид быстрого и эффективного укрепления, который на военном языке называется "абаттис". Если ветви дерева очень большие, их можно укладывать на землю по отдельности, как если бы это были целые головы деревьев.

В некоторых случаях, когда крааль строится более тщательно, забор формируется из крепких жердей, которые вбиваются в землю в два ряда на расстоянии около трех футов друг от друга, а затем скрепляются таким образом, чтобы их верхушки пересекались между собой. Благодаря такому расположению забор очень прочно стоит на своем широком основании, а пересекающиеся и выступающие верхушки столбов образуют *chevaux de frise*, не уступающий по эффективности ни одному из тех, что делает европейский солдат. Если враг попытается взобраться на ограду, он может быть ранен копьями, направленными в него изнутри; если же ему удастся добраться до вершины, острые наконечники столбов готовы смутить его.

Вход в этот загон достаточно широк, чтобы в него могла пройти корова; а в некоторых местах, где окрестности небезопасны, он настолько узок, что едва ли хватит места для прохода скота. Каждую ночь его тщательно закрывают жердями и палками, которые держат прямо у входа, чтобы в случае необходимости они были наготове. Напротив входа и в дальней части строится небольшой загон, также с круглыми стенами. В этом загоне содержатся более крупные телята, а младшие живут в хижинах вместе с людьми. Сбоку от этого загона в ограде оставлена небольшая щель, достаточно большая, чтобы в нее мог протиснуться человек, и недостаточно большая, чтобы в нее мог пройти даже теленок. Это небольшое отверстие - личная дверь вождя, предназначенная для экономии времени, поскольку в противном случае, если бы вождь осматривал свой скот и хотел пройти в свою хижину, ему пришлось бы обходить всю ограду. Зулусы называют пространство внутри этой ограды "иси-байя".

Вокруг isi-baya расположены хижины, составляющие крааль. Их количество сильно варьируется, но в среднем от десяти до четырнадцати. Те, что расположены по обе стороны от входа в иси-байя, предназначены для слуг, а та, что прямо напротив, - жилище главного человека. Как правило, одному племени принадлежит множество краалей, и часто случается, что несколько соседних краалей арендуют члены одной семьи и их иждивенцы. Например, когда сын вождя достигает достаточного состояния, чтобы иметь несколько жен и стадо скота, он обнаруживает, что отцовский крааль недостаточно велик, чтобы предоставить каждой жене отдельную хижину, на которую она имеет право; тогда он отходит со своей семьей на небольшое расстояние и там строит для себя крааль, иногда настолько близко к отцовскому, что соединяет их коротким огороженным проходом. Хижину вождя легко узнать не только по ее расположению, но и по большим размерам. В некоторых других хижинах живут женатые мужчины, в некоторых - жены, в некоторых - слуги; по крайней мере одна хижина отведена для неженатых мужчин, или "мальчиков", как их называют.

Это все, что нужно для строительства крааля*, то есть* круглой иси-байи и хижин вокруг нее. Но в тех случаях, когда можно найти много дерева, каффирский архитектор возводит второй забор, который окружает все хижины, а также иси-байю, и имеет вход в точно таком же месте, *то есть* напротив хижины вождя. Вид издалека на один из таких краалей с двойным ограждением, расположенный на склоне холма, чрезвычайно любопытен и едва ли даст незнакомому человеку представление о деревне.

На гравюре напротив видно, что центральная часть крааля отведена под иси-байя, и что кафиры направляют все свои силы на сохранение коров, в то время как на риск подвергнуть себя или свои хрупкие хижины опасности вторжения врага они смотрят со сравнительным безразличием. Как уже говорилось, размеры крааля зависят от богатства и ранга его главного человека и, благодаря способу строительства, могут постепенно увеличиваться по мере того, как он поднимается к более высокому положению и владеет большим количеством скота. Однако по форме и принципу строительства краалы одинаковы: краал самого короля и новоиспеченный краал младшего сына абсолютно идентичны в этих отношениях.

Королевские краалы, однако, имеют огромные размеры, и их несколько. У Панды, например, есть один крааль, центральная часть которого составляет почти милю в диаметре. Предполагается, что этот загон заполнен коровами монарха, и поэтому его называют иси-байя. Однако на практике скот содержится в небольших загонах, расположенных по бокам иси-байя, где за ним могут наблюдать те, кто за ним следит и чьи хижины удобно расположены для этой цели. Огромный центральный загон используется почти исключительно как парадная площадка, где король может осмотреть свои войска и где их обучают простым маневрам каффирской войны. Здесь же его можно увидеть на совете, поскольку иси-байя способна вместить неограниченное количество женихов.

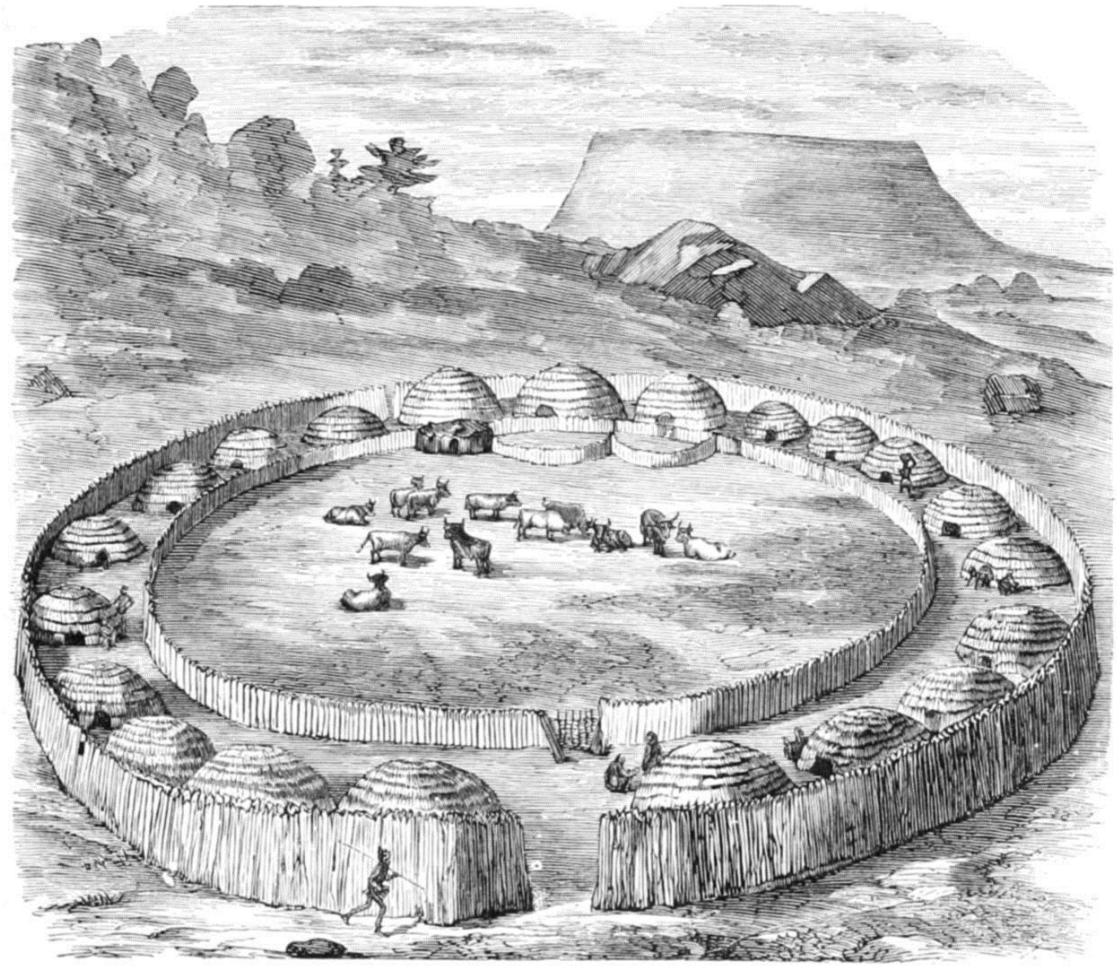
Вокруг иси-байя расположены хижины воинов и их семей, которые располагаются в четыре, а то и в пять рядов, так что крааль почти достигает достоинства города, насчитывая несколько тысяч жителей и представляя собой необычайно внушительный вид при взгляде издалека. В верхней части крааля, в дальнем конце от главного входа, находятся хижины, специально построенные для короля, окруженные другими хижинами, содержащими его гарем. Вся эта часть крааля отделена от остальных высокими и крепкими заборами, а у дверей стоят дозорные, специально выделенные для этой цели. В некоторых случаях воинам, которым доверена эта важная обязанность, не разрешается носить какую-либо одежду, и они вынуждены проводить все время, днем и ночью, в карауле, не имея даже кароса для

прикрытия. Это правило довольно сильно сказывается на них зимними ночами, когда холод часто бывает сильным, а ветер пронизывает холодом ограду изи-бая.

Однако юные леди иногда ухитряются уклониться от бдительности дозорных, когда их внимание занято чем-то другим, как это забавно показано в нескольких замечаниях мистера Ангаса. Он отправился по приглашению Панды в один из его больших краалей: "Прошлой ночью мы ночевали в новом военном краале, или гарнизонном городе, Индабакаумби, куда король послал сообщение, что будет ждать нашего приема. Инкосикаси, или королева, крааля прислала нам небольшое количество густого молока и кувшин проса, а вскоре после этого появилась сама, держа за руку двух детей короля, для которых она попросила подарить ей бусы. Дети были удивительно красивы, намазаны маслом и со вкусом украшены поясами из голубого и алого бисера. Старуха, напротив, была так ужасно худа, что казалось, она почти не может ходить; о том, что ей потребовалось немало времени, чтобы добраться до гарема в верхней части крааля, стало ясно после того, как около пятидесяти королевских девушек выбежали из задней части сераля и спустились по склону, чтобы поглазеть на нас, пока мы ехали прочь от крааля. Ловкость девушек, перепрыгивающих со скалы на скалу, убедила нас в том, что все они будут спокойно сидеть в гареме, как ни в чем не бывало, задолго до того, как Инкосикаси обретет свое жилище".

В то время у Панду было тринадцать таких больших военных краалей, каждый из которых служил военной столицей округа, и он только что закончил строительство четырнадцатого. Он поселяется в этих краалях последовательно и находит в каждом все, что только может пожелать - каждый из них, действительно, почти идентичен во всех отношениях со всеми остальными. Как правило, каждый из этих военных краалей является резиденцией одного полка; в то время как у короля есть множество других, которые посвящены более мирным целям.

(1.) ИНТЕРЬЕР КАФФИРСКОЙ ХИЖИНЫ.
(См. стр. 59.)



(2.) КАФФИРСКИЙ КРААЛЬ.
(См. стр. 62.)

Уже упоминалось, что женщины живут в части, отделенной от остальной части крааля, и можно почти сказать, что они живут в небольшом дополнительном краале, который сообщается воротами с главным зданием. Так как ворота на ночь сильно запираются, необходимо, чтобы дозорный входил в священные пределы гарема, чтобы закрывать их на ночь и открывать утром. Для этого отряжаются определенные лица из числа часовых, и только им доверяется эта деликатная обязанность. Каффирский деспот не нанимает для этой цели тех несчастных, которые охраняют гаремы в Турции, Персии и даже в Западной Африке. Но король заботится о том, чтобы отбирать людей, которым особенно не повезло; и если кто-то из них окажется уродливым, его обязательно выберут в качестве уборщика. Слуга мистера Шутера, беседуя со своим хозяином на эту тему, упомянул несколько человек, которые могли бы стать отличными уборщиками. У одного из них была косолапая нога, у другого - сильно выдающаяся грудь, а у третьего - плохие глаза, и вообще он был настолько уродлив, что ему никогда не удалось бы найти себе жену. О матримониальных приключениях этого человека мы расскажем на одной из следующих страниц. Его постоянные неудачи в поисках законной жены были крайне нелепыми и унизительными и вполне оправдывали мнение, высказанное его спутником.

ГЛАВА VIII.
СОДЕРЖАНИЕ СКОТА.

ИСИ-БАЙЯ И ЕГО ПРИВИЛЕГИИ - ДОЕНИЕ КОРОВ - ЛЮБОПЫТНЫЙ МОЛОЧНИК - СПОСОБ ЕГО ИЗГОТОВЛЕНИЯ - СЦЕНА ДОЕНИЯ И РАЗЛИЧНЫЕ ЛИЦА, ЗАНЯТЫЕ В НЕЙ - МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ, ПРИНИМАЕМЫЕ В ОТНОШЕНИИ БЕСПОКОЙНОЙ КОРОВЫ - КАФФИРСКИЕ КОРОВЬИ СВИСТКИ - ВОЖДИ И ИХ СКОТ - УПРАВЛЕНИЕ СТАДАМИ И "ПОДЪЕМ" СКОТА - КОРОВА КАК ДЕНЕЖНАЯ ЕДИНИЦА КАФФИРОВ - БОГАТСТВО КАФФИРА И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ - КАФФИРСКИЙ РОЙ - ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДУТУЛУ, ЕГО ПОДВИГИ, ПОБЕГИ И СМЕРТЬ - СТРАННЫЙ СПОСОБ УКРАШЕНИЯ КОРОВ - РАССКАЗ ЛЕ ВАЙЯНА О МЕТОДАХ УКРАШЕНИЯ СКОТА - КАК УПРЯМЫХ КОРОВ ЗАСТАВЛЯЮТ ДАВАТЬ МОЛОКО - КАФФИРСКАЯ УСАДЬБА - РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СКОТА - КАК ГОТОВЯТ МОЛОКО - "АМАСИ", ИЛИ СГУЩЕННОЕ МОЛОКО - ДРУГИЕ ВИДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СКОТА - СЕДЛО И ВЬЮЧНЫЕ ВОЛЫ - КАК ИХ НАГРУЖАЮТ И ПОДВЯЗЫВАЮТ.

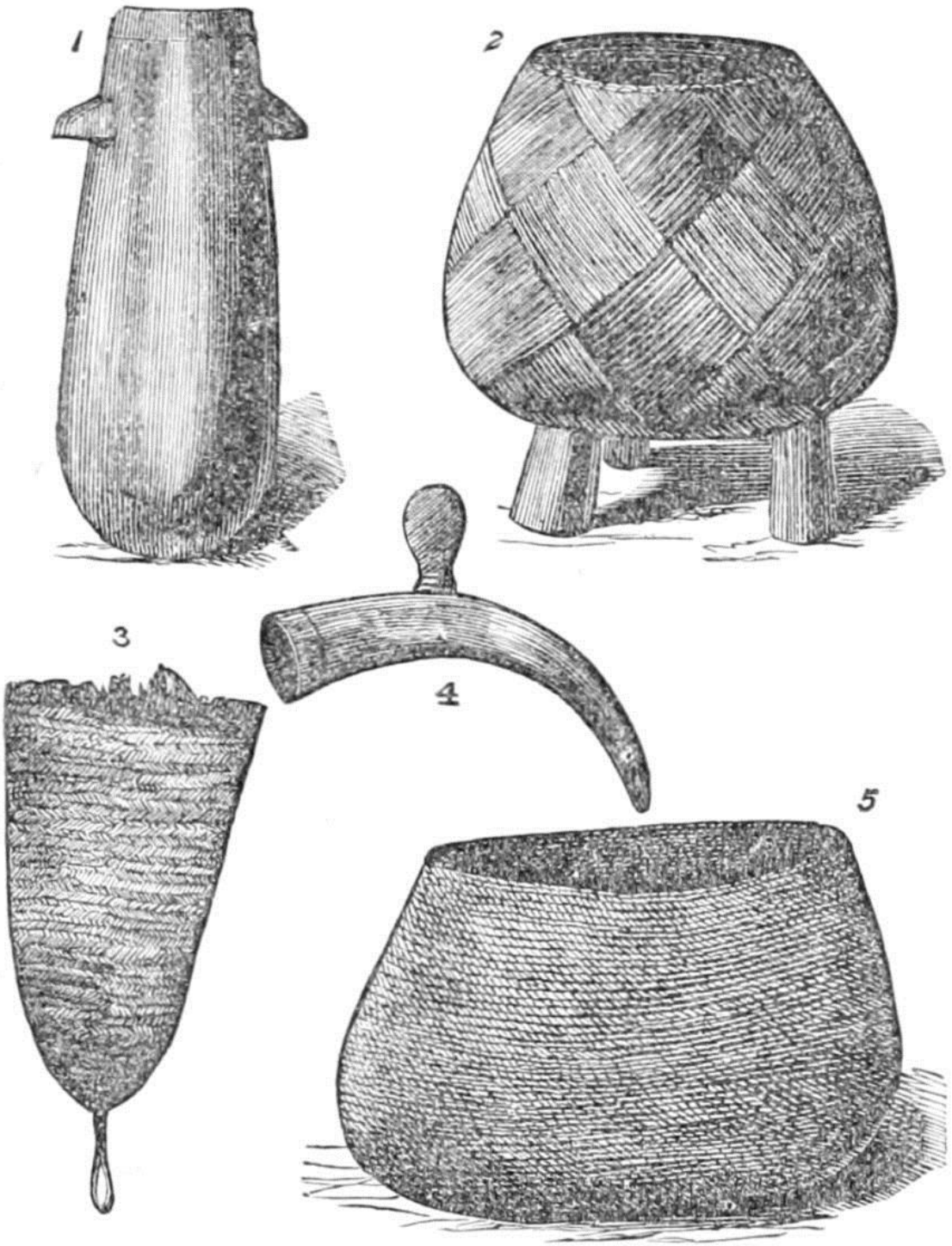
Иси-байя - священное место для кафиров, и во многих племенах женщинам так строго запрещено входить в него, что если даже любимая жена окажется в его пределах, у нее будет очень мало шансов на жизнь.

Днем стадо находится на пастбище, за ним присматривают "мальчики", назначенные для этой важной работы, но с наступлением ночи или при любом признаке опасности со стороны врагов коров загоняют в иси-байя, а входы в него надежно закрывают. В основном именно в этом загоне доят скот, причем эта операция всегда доверяется мужчинам. Действительно, как хорошо заметил мистер Шутер, доение коров - единственная работа, которая действительно нравится кафирам. Около десяти утра скот заводится в иси-байю, и каффир приступает к его доению. С собой он берет ведро для молока, совсем не похожее на то, что используется в Европе. Он вырезан из цельного куска дерева и имеет сравнительно небольшое отверстие. Образец, с которого сделан рисунок на странице 67, был привезен в Англию мистером Шутером и находится сейчас передо мной. Его длина составляет более семнадцати дюймов, ширина в верхней части - четыре дюйма, а в нижней - шесть дюймов. Внутренняя глубина составляет всего четырнадцать дюймов, так что на дне остается три дюйма цельного дерева. Его вместимость не очень велика, поскольку каффирская корова дает не так много молока, как коровы на английском фермерском дворе. В верхней части есть два выступающих уха, которые позволяют доярке крепко держать его между коленями.

Чтобы выдолбить внутреннюю часть ведра, каффир использует довольно изобретательное приспособление. Вместо того чтобы держать его между коленями, как он это делает, когда формирует и украшает внешнюю часть, он выкапывает яму в земле и закапывает ведро до двух выступающих ушей. Тогда у него свободны обе руки, и он может применить большую силу, чем если бы ему пришлось довериться сравнительно небольшому захвату, обеспечиваемому коленями. Конечно, во время работы он садится, ведь каффир, как и все другие дикари, очень не любит лишнего труда и никогда не будет стоять, если у него есть возможность присесть. Как видно, ведро не способно вместить больше того количества, которое должна давать хорошая корова, и когда каффир заканчивает работу с одной коровой, он выливает молоко в большой сосуд, а затем с пустым ведром отправляется к другой корове за новой порцией.

Сцена, которая предстает перед нами в иси-байя, очень необычна и поражает не только слух, но и глаз европейца. Прежде всего, фигура доярки выглядит в равной степени странно и нелепо. Совершенно голый, за исключением самой маленькой одежды, украшенной нитками бус, которые ярко контрастируют с его красно-черной кожей, и с головой, лишенной волос, за исключением овального кольца, обозначающего его положение женатого "мужчины", каффир сидит на земле, его колени находятся на одном уровне с подбородком, а между ними зажато странного вида ведро для молока.

Затем мы видим, как теленок пытается выгнать доярку, и его постоянно удерживает от матери мальчик, вооруженный палкой. А в случаях, когда корова злобная, привлекается третий человек, который одной рукой держит корову за рога, а другой крепко зажимает ей ноздри. Как только подача молока прекращается, теленку позволяют подойти к матери и сосать в течение короткого времени, после чего его отгоняют, а мужчина возвращается на свое место. Крупный рогатый скот доят дважды в день, второй раз - на закате, когда его возвращают домой на ночь. Обычно, однако, корова стоит на месте, чтобы ее подоили, как это происходит с нашим скотом, и в этом случае не требуется никаких мер предосторожности, кроме как вставлять в нос палку длиной около восемнадцати дюймов. Скот по опыту знает, что если его схватить и скрутить, то это причиняет сильную боль, поэтому он предпочитает оставаться спокойным. Отверстие в носу делают в очень раннем возрасте.



1. ДОЙНАЯ КОРОВА. 2. ПИВНАЯ КОРОБКА.
3. ПИВО-СТРАЙНЕР. 4. ВОДОПРОВОДНАЯ ТРУБА. 5. ЖЕНСКАЯ КОРЗИНА.

Вот и все странности этого зрелища, которое совсем не похоже на аналогичную сцену на английском фермерском дворе. Каффир никогда не молчит, когда доит своих коров, но считает необходимым произнести серию самых странных звуков, которые когда-либо встречали уши смертных. Даже в Англии, похоже, существует некий универсальный коровий язык, в котором разбирается каждая доярка и работник фермы, и который нелегко выучить непосвященному. Но каффир, от природы искусный в криках и воплях, подбадривает корову всеми доступными ему разнообразными криками, смешанными с громким свистом и нежными словами восхищения. Одно из следствий этого любопытного действия заключается в том, что коровы всегда так привыкали ассоциировать эти звуки с процессом

доения, что , когда англичанин покупает коров, он обязан пригласить кафира для их доения, поскольку ни один белый человек не в состоянии произвести те крики, вопли и свист, к которым они всегда привыкли.

Чтобы загнать скот и позвать его издалека, каффир широко использует свист - искусство, в котором он преуспел. Одними губами он может издавать самые необычные звуки, а с помощью пальцев свистит так громко, что наполовину оглушает любого, кто находится рядом. Иногда, однако, он прибегает к искусству и делает свистки, которые отличаются большой эффективностью, хотя и имеют простую конструкцию. Их делают из кости или слоновой кости, прикладывают к нижней губе и дуют в них точно так же, как мы дуем в ключ, когда хотим убедиться, что он чист.

Вожди, у которых много быков, очень прихотливы к ним и имеют странную причуду собирать их в стада, в которых все животные одного цвета. Волы также проходят своеобразную дрессировку, как заметил Ретиф, который был убит в битве с Динганом, королем зулусов. Он нанес визит этому вероломному деспоту, и его развлекали танцами, в которых скот был обучен помогать. "В одном танце, - рассказывает он, - люди были смешаны со ста семьюдесятью шестью быками, все без рогов и одного цвета. У них есть длинные полосы кожи, свисающие со лба, щек, плеч и под горлом; эти полосы срезают со шкуры, когда животные еще телята. Этих волов делят на две и три части среди всего войска, которое затем танцует в компаниях, каждая со своим сопровождающим волом. Таким образом, все они по очереди подходят к королю, волы сворачивают в крааль, а затем лавируют в линию от короля. Удивительно, что волы должны быть так хорошо обучены, ведь, несмотря на все крики и вопли, сопровождающие танец, они никогда не двигаются быстрее, чем медленная ходьба. Динган показал мне, как он сказал, свое самое маленькое стадо волов, все одинаковые, с белыми спинами. Он позволил двум моим людям пересчитать их, и их число составило две тысячи четыреста двадцать четыре. Мне сообщили, что стада его красных и черных волов насчитывают по три-четыре тысячи голов". Здесь я могу вскользь упомянуть, что такая же мода держать животных схожих цветов в отдельных стадах действует в Южной Америке, среди владельцев огромных табунов лошадей, которые так хорошо размножаются в этой стране.

Кафиры управляют своим скотом с удивительным мастерством, и животные прекрасно понимают смысл криков, с которыми на них нападают. Поэтому англичанину почти так же трудно загнать своих коров, как и подоить их, и приходится обращаться за помощью к туземцам. Этот шумный способ перегона скота доставляет немало хлопот солдатам, когда их посылают вернуть скот, украденный заядлыми ворами, племенами каффиров, которые рассматривают скот белого человека как свою законную добычу и постоянно находятся в поиске. В самом деле, в наши дни они воплощают в жизнь тот вымерший этап шотландской жизни, когда жители Высокогорья воровали скот жителей Низины и эвфемистически называли эту операцию "подъемом"; сами они были отнюдь не ворами, а "джентльменами-водителями", очень пунктуальными в вопросах чести и считавшими себя такими же хорошими джентльменами, как и все остальные в стране.

В настоящее время корова составляет, по сути, богатство кафиров, как это было в ранние патриархальные времена. Среди тех племен, которые не вступают в связь с белым человеком, деньги не имеют никакой ценности, а все богатство измеряется коровами. Один из великих вождей внутренних племен, расспрашивая английскую королеву, естественно, пожелал узнать, сколько у нее скота, и, услышав, что у многих ее подданных коров больше,

чем у нее самой, составил себе весьма превратное мнение о ее могуществе. *Он* считал свой скот по тысячам, и если бы какой-нибудь низший вождь осмелился соперничать с ним в богатстве, то этот вождь очень скоро лишился бы возможности обладать чем-либо вообще, в то время как его скот увеличил бы количество королевских стад. Он считал, что даже если ее предшественник завещал ей столь бедный трон, она должна утвердить свое достоинство, захватив те богатства, которые ей не посчастливилось унаследовать.

Корова - денежная единица. Стоимость любой особо ценной вещи определяется количеством коров, которые она могла бы выручить при продаже, и даже женщины считаются по этому стандарту: восемь коров равны одной женщине, так же как двенадцать пенсов равны одному шиллингу. Большинство войн, опустошающих юг Африки, вызваны исключительно желанием одного человека захватить стада, принадлежащие другому, и когда белый человек участвует в африканской войне, он вынужден вести ее по тому же принципу. Во время последней каффирской войны сообщения газет имели необычайно непривлекательный вид. Их песней неизменно были коровы. Генерал Бланк продвинулся так далеко в страну противника и загнал пять тысяч голов скота. А может быть, дело обстояло наоборот: позиции европейских войск были внезапно захвачены, и несколько тысяч голов скота были угнаны. В общем, казалось, что война идет исключительно за скот, и в какой-то степени так оно и было. Скот составлял не только богатство врага, но и его ресурсы, поэтому не было лучшего способа примириться с ним, чем лишить его комиссариата и не дать мятежным вождям возможности содержать свои вооруженные силы. У нас не было желания убивать самих каффиров, мы лишь хотели научить их не вмешиваться в наши дела, и не было лучшего способа сделать это, чем задеть их самые нежные места.

Самая большая амбиция кафира - обладать скотом, поскольку его владелец может позволить себе любую роскошь, какую только пожелает дикарь-миллионер. Он может каждый день есть говядину и пить кислое молоко; он может купить столько жен, сколько пожелает, по нынешней цене от восьми до четырнадцати коров за каждую, в зависимости от колебаний рынка; он может делать из шкур всевозможные полезные вещи; он может смазывать себя жиром по своему усмотрению и украшать свое соболиное лицо ниспадающими хвостами. Имея много скота, он может стать великим человеком; и чем больше у него скота, тем большим человеком он становится. Вместо того чтобы быть простым "мальчиком", живущим с другими "мальчиками" в одной хижине, он становится "мужчиной", бреет голову, принимает гордый знак мужественности и имеет свою хижину. По мере увеличения поголовья скота он добавляет к нему новых жен, строит для них отдельные хижины, заводит собственный крааль, становится "умнумзана", или великим человеком - термин, примерно эквивалентный привычному для индейцев "Бурра Сахиб", - и может ожидать, что незнакомые мальчики будут обращаться к нему как к "инкоси", или вождю. Если его скот процветает, он собирает вокруг себя молодых людей, которые еще бедны, но которых привлекает его богатство и надежда поесть говядины за его счет. Он выделяет им хижины в своем краале и таким образом получает вооруженную охрану, которая будет заботиться о его заветном скоте. Действительно, такая мера предосторожности совершенно необходима. В Африке, как и в Европе, богатство порождает зависть, и человек, которому удалось его накопить, прекрасно знает, что найдется немало тех, кто сделает все возможное, чтобы его отнять. Иногда более могущественный человек открыто нападает на его крааль, но чаще используется хитрость, чем открытое насилие, и в каждом племени есть старые и хитрые похитители скота, которые пережили множество опасностей такой жизни и знают все уловки, которые можно применить.

Есть история об одном из таких людей по имени Дутулу, который, похоже, был своего рода каффирским Роб Роем. Он всегда использовал смесь хитрости и силы. Он отправлялся в крааль, который намеревался ограбить, и в темноте ночи ставил нескольких своих помощников у входа в хижины. Другой помощник незаметно выводил скот из иси-байя, а он руководил операциями. Затем Дутулу поднял тревогу, и, когда обитатели хижины выскочили посмотреть, в чем дело, их закололи часовые у входа. Ни один не был пощажен. Мужчин убивали, чтобы они не сопротивлялись, а женщин - чтобы не подняли тревогу. Даже когда он увел скот, его беспокойству не было конца, ведь скот нельзя перегнать очень быстро, и его нелегко спрятать. Но Дутулу был человеком, которого нельзя было сбить с толку, и ему почти всегда удавалось добраться до дома с добычей. В первую очередь он никогда не позволял гнать скот в том направлении, в котором собирался. Он неоднократно перегонял их по одному и тому же месту, чтобы смешать следы и сбить с толку людей, которые непременно должны были последовать за ним. Не раз он сбивал погоню, возвращая украденное стадо обратно и держа его в непосредственной близости от опустевшего крааля, справедливо рассчитывая, что преследователи пойдут за ним по направлению к его собственному дому.

Хитрость и смелость этого человека были безграничны. Однажды на его собственный крааль напали, но Дутулу был слишком умен, чтобы попасть в ловушку, которую он так часто устраивал другим. Вместо того чтобы выползти из своей хижины и заколоться, он свернул свою кожаную мантию и просунул ее в дверь. Как он и предполагал, в полумраке ее приняли за человека и мгновенно пронзили копьем. Пока оружие еще путалось в каросе, Дутулу выскочил из хижины, во всеоружии бросился к входу в изи-байя и отогнал перехитривших его нападавших. Даже в старости смелость не покидала его, и он решил украсть стадо скота в дневное время. Никто не осмелился присоединиться к нему, но он решил осуществить свой отчаянный замысел в одиночку. Ему удалось отогнать стадо на некоторое расстояние, но его обнаружили, преследовали и окружили враги. Хотя он был один против многих, он храбро сражался со своими врагами и, хотя был тяжело ранен, сумел скрыться в кустарнике, где они не осмелились его преследовать.

Не успокоившись после этого приключения, он не успел оправиться, как задумал еще одну экспедицию по угону скота. Вождь отговаривал его от этой затеи, убеждая, что у него достаточно скота, что он был тяжело ранен и что он уже слишком стар. Однако властная страсть была слишком сильна, чтобы сопротивляться, и Дутулу напал на крааль по своему старому плану: пустил скот в одном направлении, убил столько врагов, сколько смог, а затем убежал в сторону, противоположную той, по которой вел скот, чтобы заманить преследователей в ложном направлении. Однако его преклонный возраст и, возможно, недавние раны лишили его скорости, и, поскольку под рукой не было ни одного куста, он бросился в болото и затаился под водой. Его враги не посмели его преследовать, а окружили это место и бросились на него со своими ассагаями. Они не причинили ему вреда, потому что он защитил голову щитом, но долгого погружения в воду он не выдержал. Тогда, обнаружив, что силы его иссякают, он внезапно вышел из трясины и бросился на врагов, надеясь пробиться сквозь них. Ему удалось убить нескольких из них и пройти сквозь их строй, но он не смог бежать достаточно быстро, чтобы спастись, и был настигнут и убит.

Поэтому, зная, что люди с подобным характером охотятся за его стадом, их сумрачный хозяин очень рад, что у него есть несколько молодых людей, которые будут охранять его скот от таких хитрых врагов.

Любовь, которую каффир испытывает к своему скоту, побуждает его украшать его различными способами, некоторые из которых должны причинять ему немалые страдания. К этому, однако, он совершенно равнодушен, часто причиняя любимым животным страшные

мучения, но не из желания причинить им вред, а из полной беспечности в отношении причинения боли, которая характерна для дикаря, в какой бы части земли он ни находился. Он обрезает коровам уши, придавая им всевозможные странные формы, одна из любимых форм - лист с глубоко зазубренными краями. Он собирает пучки шкур, обычно на голове, завязывает вокруг них веревку и таким образом формирует ряд выступающих узлов различных размеров и форм. Он срезает полоски шкуры с различных частей тела, особенно с головы и лица, и позволяет им свисать вниз в виде лаптей. Он вырезает подшерсток и делает из него бахрому, и все это без малейшего представления о том, что он заставляет бедное животное мучиться.

Но в некоторых частях страны он тратит свои силы на рога. Среди нас рог, кажется, не способен к большим изменениям, но каффир, искусный в своем искусстве, никогда не может довольствоваться тем, что оставляет рога такими, какие они есть. Он заставляет один рог выступать вперед, а другой - назад, приучает один рог расти вертикально, а другой направлять к земле. Иногда он соблюдает некую симметрию, и оба рога сгибает так, чтобы их острия почти касались плеч, или тренирует их так, что их кончики встречаются вверху, и они образуют арку над головой. Время от времени можно увидеть быка, в котором был достигнут необычный эффект. Когда рога молодого быка прорастают, их тренируют над лбом, пока их кончики не сойдутся. Затем ими манипулируют так, чтобы они слились воедино и выстрелили вверх из середины лба, как рог сказочного единорога.

Ле Вайан упоминает об этом любопытном способе украшения скота и тщательно описывает процесс, с помощью которого он выполняется. "Я еще не видел вблизи рогатый скот, который они приводили с собой, потому что с рассветом они уходили в заросли и на пастбища и возвращались к своим хозяевам только к вечеру. Однако однажды, придя в их крааль очень рано, я был очень удивлен, впервые увидев одно из этих животных. Я с трудом узнал в них быков и коров, и не только потому, что они были гораздо меньше наших, так как я заметил в них ту же форму и тот же основной характер, в котором я не мог обмануться, но и из-за множества их рогов и разнообразия их закручивания. Они имели большое сходство с теми морскими изделиями, которые известны натуралистам под названием оленьих рогов. Будучи в то время убежденным, что эти наросты, о которых я не имел ни малейшего представления, являются своеобразным подарком природы, я счел каффирских быков разновидностью этого вида, но мой проводник обманул меня, сообщив, что эта необычность была лишь результатом их изобретательности и вкуса; и что с помощью хорошо знакомого им процесса они могли не только размножить эти рога, но и придать им любую форму, какую только могла подсказать их фантазия. Предложив продемонстрировать свое мастерство в моем присутствии, если у меня возникнет желание научиться их методу, он показался мне настолько новым и необычным, что я с радостью согласился, и в течение нескольких дней регулярно посещал занятия по этому предмету.

"Они берут животное в как можно более нежном возрасте, а когда рога начинают появляться, делают в них небольшой вертикальный надрез пилой или любым другим инструментом, который может ее заменить, и делят их на две части. Благодаря такому разделению рога, еще нежные, отделяются друг от друга, так что со временем у животного их становится четыре, причем очень отчетливых. Если они хотят иметь шесть или даже больше подобных надрезов, сделайте их пилой столько, сколько потребуется. Но если они хотят заставить одно из этих делений во всем роге образовать, например, полный круг, они отрезают от острия*, которое не должно быть задето*, небольшую часть его толщины, и эта ампутация, часто повторяемая и с большим терпением, заставляет рог изгибаться в противоположном направлении, и, острие встречаясь с корнем, он демонстрирует вид совершенного круга.

Поскольку несомненно, что надрез всегда вызывает большую или меньшую степень изгиба, можно легко представить, что все вариации, которые только может вообразить каприз, могут быть получены этим простым методом. Короче говоря, нужно родиться кафиром, обладать вкусом и терпением, чтобы подчиниться той мельчайшей осторожности и неустанному вниманию, которые требуются для этой операции, которая в Кафирии может быть только бесполезной, а в других климатических условиях была бы вредной. Ведь рог, изуродованный таким образом, станет слабым, тогда как, сохранившись сильным и целым, он держит на расстоянии голодных медведей и волков Европы". Читатель должен помнить, что эти слова относятся к Франции, а дата путешествия Ле Вайяна - 1780-85 годы.

Тот же путешественник упоминает о гениальном методе, используемом кафирами, когда корова плохо себя чувствует и не дает молока. К одной из задних ног привязывается веревка, и человек оттаскивает ногу от земли с помощью веревки. Корова не может убежать из-за человека, который держит ее за нос, а боль, вызванная сильным оттаскиванием ноги назад, вместе с вынужденным положением, когда приходится стоять на трех ногах, вскоре усмиряет самое несговорчивое животное.

Прежде чем перейти к другой главе, стоит пояснить иллюстрацию на странице 57, которая называется "Кафиры у себя дома".

Предполагается, что зритель находится внутри внешнего ограждения и почти напротив иси-бая, в котором видны несколько голов скота. В центре тарелки изображена сцена доения. Корову, которая ведет себя беспокойно, удерживает "человек" с помощью палки , пропущенной через ноздри, и на контрасте между человеком и животным хорошо виден небольшой размер последнего. Каффирский бык в среднем весит всего четыреста фунтов. Под коровой видна доярка, держащая между коленями молочник диковинной формы. Справа другой каффир опорожняет ведро молока в одну из корзин, которые используются в качестве хранилища для этого продукта. Читатель заметит, что отверстие корзины очень маленькое, и если бы молоко выливалось из широкого горлышка ведра, то пролилось бы значительное количество молока. У кафира нет воронки, поэтому он придумывает ее, держа руки над горлышком корзины и располагая большие пальцы так, чтобы молоко текло узкой струйкой между ними.

На переднем плане изображена женщина, выходящая на работу в поле, с ребенком на спине и тяжелой мотыгой на плече. Чтобы показать обычные размеры хижин, возле одной из них стоит молодой каффир, а напротив него сидит "мужчина", который попеременно играет в трубу и разговаривает. В ограде иси-байя видны три палки для щитов, а полоска кожи, подвешенная к столбу, показывает, что в ней находится главный человек крааля. Впереди стоят несколько капских овец странной формы, с длинными ногами и толстыми хвостами, в которых, кажется, сосредоточен весь жир тела. На картине изображены два характерных для этой страны дерева: эуфорбия, стоящая в ограде, и акация на заднем плане. Это последнее дерево иногда называют Kameel-dorn, или Camel-thorn, потому что жираф, которого голландские колонисты называют верблюдом, питается его листьями. Вдали виднеются две столовые горы, столь характерные для юга Африки.

Каффир использует свой скот для различных целей. Всякий раз, когда он может позволить себе такую роскошь, что случается крайне редко, он пирует на его мясе, причем умудряется съесть такое количество, которое кажется почти непосильным для человеческого пищеварения. Но главная пища - молоко коров, обычно смешанное с мукой, чтобы получилась своего рода каша. Молоко никогда не едят в свежем виде, кафиры считают его очень несъедобным. Действительно, они смотрят на свежее молоко примерно так же, как

пивовар смотрит на сладкое сусло, и так же не любят пить эту жидкость в сыром виде. Когда корова подоена, каффир выливает молоко из ведра в большую корзину, как на правой стороне гравюры "Каффиры у себя дома", стр. 57. Эта корзина уже содержит молоко на втором этапе и никогда не опустошается полностью. Вскоре после помещения молока в корзину происходит своего рода ферментация, и через некоторое время вся жидкость превращается в полутвердую массу и водянистую жидкость, напоминающую сыворотку. Последнюю отцеживают и используют в качестве напитка или дают детям, а оставшаяся часть представляет собой густую, свернувшуюся субстанцию, по консистенции напоминающую девонширские сливки.

Это называется "амаси" и является для каффирцев жизненным стержнем. Европейцам, жившим в Каффирленде, амаси поначалу очень не нравится, но вскоре они начинают предпочитать его молоку в любом другом виде. Некоторые люди сравнивают амаси с творогом после того, как с него сняли сыворотку; но это несправедливое сравнение. Амаси не состоит из комочков или творога, а представляет собой густую, кремообразную массу, больше похожую на сгущенку, чем на что-либо другое. Она имеет слегка кисловатый вкус. Дети, будь то черные или белые, всегда очень любят амаси, и лучшей еды для них не найти. Если кафиру приходится использовать новый сосуд для приготовления сгущенного молока, он всегда берет немного готового амаси и кладет его в сосуд вместе со свежим молоком, где он действует как дрожжи при жидком брожении и вскоре доводит всю массу до нужной консистенции.

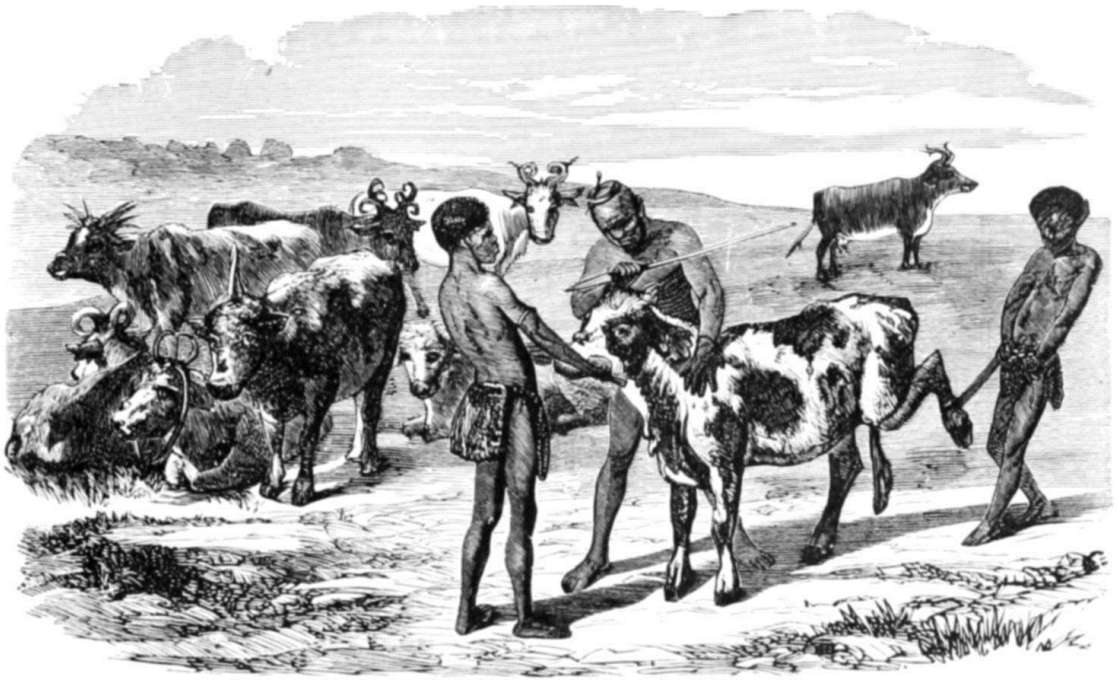
Волы также используются для верховой езды и в качестве тягловой силы. Европейцы используют их в основном в качестве тягловых волов, причем большое их количество тянет одну повозку; но повозка - это европейское изобретение, и поэтому она не входит в сферу применения данной работы. Туземцы ездят на волах без седла, ловко балансируя на остроконечной спине и направляя своего рогатого жеребца с помощью палки, просунутой через ноздри, к каждому концу которой привязана веревка. Он совсем не грациозный наездник, а бежит трусцой, вытянув руки, и его локти дергаются вверх и вниз при каждом движении животного. Тем не менее, бык справляется со своей задачей, а поскольку он никогда не выходит за пределы прогулочного шага, падение не причиняет ему большого вреда.

С тех пор как у кафиров появились лошади, они очень полюбили их и доказали, что могут быть хорошими наездниками, следуя своей моде. Эта мода заключается в том, чтобы всегда скакать полным галопом; ведь они не видят смысла в том, чтобы садиться на быстрое животное, если его скорость не будет задействована. Очень живописное зрелище представляет собой партия конных кафиров, мчащихся на лошадях на полной скорости, со щитами и копьями в руках, с развевающимися за спиной кароссами. Когда им случается остановиться, они резко останавливаются и в мгновение ока сходят с лошадей.

Как бы ни был доволен кафирец голой спиной быка, европейцу не удается удержаться в седле. Во-первых, острый позвоночник быка не слишком приятен для сидения, а во-вторых, его шкура настолько рыхлая, что всадник не может удержаться на месте никакими хватаниями за ноги. Поэтому на спину животного кладут несколько тряпок или шкур, а длинную "реим", или кожаную веревку, несколько раз пропускают вокруг его тела, крепко натягивая ее парой мужчин, по одному с каждой стороны. Таким образом, кожа плотно фиксируется, и седло можно закрепить почти так же прочно, как на лошади. Но даже при таких обстоятельствах движения быка очень неприятны для европейского конника, и, хотя они не так утомительны, как у верблюда, требуется сносная практика, прежде чем они станут приемлемыми.

Этот обычай тугого подвязывания не ограничивается теми животными, которые используются для седла, но также практикуется и на тех, которые используются в качестве вьючных лисиц; свободная кожа делает посылки легко соскальзывающими со спины животного. Весь процесс подвязывания вола очень любопытен. Крепкий каффир стоит с каждой стороны, а другой держит быка за палку, пропущенную через ноздри. Затем шкуры или ткани укладываются на спину вола, и на них накидывается длинная веревка. Один человек держится за один конец, а другой пропускает веревку вокруг тела животного. Каждый мужчина крепко держится за веревку, упирается одной ногой в бок быка, как в точку опоры, а затем отталкивается всей силой своего тела. Крепко держа свою часть веревки одной рукой, второй кафир ловко бросает конец под животное своему товарищу, который ловит его и перекидывает через спину, после чего его хватают, как и раньше. Теперь происходит еще одна схватка, и так продолжается до тех пор, пока шнур не иссякнет, а диаметр вола заметно уменьшится. Несмотря на огромное давление, которому он подвергается, животное, кажется, мало беспокоится об этом и уходит, как будто его это не волнует. Если путешествие предстоит долгое, веревки обычно подтягивают один или два раза, причем туземные погонщики, похоже, получают от этой операции странное удовольствие.

На иллюстрации № 1 на странице 73 показано, как каффиры используют вола для верховой езды и вьючных целей. Вождь возвращается со своими воинами-триумфаторами из успешной экспедиции против вражеского крааля, который они, как говорится, "съели". На переднем плане изображен вождь, толстый и упитанный, одетый в полную военную атрибутику и восседающий на быке. Для седла обычно выбирают безрогих быков, чтобы избежать опасности падения всадника вперед и ранения; но иногда кафиры приучают быка к седлу, заставляя рога расти вниз, и во многих случаях добиваются того, что рога болтаются довольно свободно, как будто они только подвешены на веревках к голове животного. Солдаты ведут других волов, нагруженных трофеями из захваченного крааля, который они подожгли; а вдалеке несколько человек перезаряжают тугоплавкого вола и крепко обвязывают его веревкой, чтобы он не стряхнул груз во второй раз.



(1.) КАФФИРСКИЙ СКОТ - ТРЕНИРОВКА РОГОВ.
(См. стр. 70.)

(2.) ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЕННОГО ОТРЯДА.
(См. стр. 72.)

ГЛАВА IX.
БРАКОСОЧЕТАНИЕ.

МНОГОЖЕНСТВО, ПРАКТИКУЕМОЕ СРЕДИ КАФИРОВ - ГОЗА И ЕГО ЖЕНЫ - КОЛИЧЕСТВО КОРОЛЕВСКОГО ГАРЕМА - ЧАКА, КОРОЛЬ-ХОЛОСТЯК - КОРОЛЬ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ - ВАРВАРСКИЙ ОБЫЧАЙ - ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ МНОГОЖЕНСТВА СРЕДИ КАФИРОВ - ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ И ЕЕ ОБЫЧАИ - РАЗНООБРАЗНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ЖЕНЫ - АНЕКДОТ О КАФИРСКОМ МУЖЕ - РЕВНОСТЬ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ - ЛЮБИМАЯ ЖЕНА, УБИТАЯ СВОИМИ СПУТНИКАМИ - МЕЛКИЕ ССОРЫ, И КРАТКОЕ ПРАВОСУДИЕ - ПЕРВАЯ ЖЕНА И ЕЕ ПРИВИЛЕГИИ - МИНУТНЫЙ СВОД ЗАКОНОВ - ЗАКОН НАСЛЕДОВАНИЯ И ПЕРВОРОДСТВА - УПРАВЛЕНИЕ КРААЛЕМ - ЗАЩИТА СИРОТЫ - ОПЕКУНЫ, ИХ ОБЯЗАННОСТИ И ПРИВИЛЕГИИ - ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ БРАКА - УХАЖИВАНИЕ КАФФИРОВ - ЖЕНИХ НА УТВЕРЖДЕНИИ - НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ЦЕЛИБАТ - ЛЮБОВНАЯ ИСТОРИЯ КАФФИРОВ - УЗИНТО И ЕЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ - НАГРАДА ЗА НАСТОЙЧИВОСТЬ.

Вопреки общему мнению, брак у кафиров - дело не менее важное, чем у нас, и хотя мужчины, которые могут себе это позволить, не довольствуются одной женой, в последнем браке

столько же церемоний, сколько и в первом. Что касается количества жен, то в подробном, хотя и обязательно традиционном своде законов, которым кафиры регулируют свою внутреннюю жизнь, нет ни одного закона на этот счет. Мужчина может взять столько жен, сколько он может себе позволить, и чем богаче мужчина, тем больше у него жен, как правило. Простой мужчина, как правило, довольствуется одной, в то время как у тех, кто занимает более высокое положение, количество жен зависит от их богатства и положения. Например, у Гозы, чей портрет приведен на странице 117 и который является могущественным вождем, десятка два жен. Сейчас передо мной лежит фотография, на которой изображен целый ряд его жен, все они сидят на пятках, в позе, принятой у каффирских женщин, и все выглядят весьма удивленными действиями фотографа. В нашем понимании этого слова ни одна из них не имеет ни малейшей претензии на красоту, какой бы она ни была в юности, но очевидно, что их совместный муж был удовлетворен их прелестями, иначе они не сохранили бы положение в его доме.

Что касается короля, то число его жен не поддается исчислению. Родители смиренно приходят к нему и предлагают ему своих дочерей, гордясь тем, что он их примет, и не требуя за них никакой платы. Почитание власти должно быть очень сильным в груди кафира, если оно может побудить его отказаться от любой платы, особенно если эта плата - скот. У короля, возможно, двадцать или тридцать больших краалей в разных частях страны, и в каждом из них у него значительное число жен, так что он всегда находится дома, когда переезжает из одного крааля в другой. На самом деле он никогда не знает, сколько у него жен, в пределах пятидесяти или около того, да и всех своих жен он не узнает в лицо, и поэтому он вынужден ревностно следить за своими домочадцами, чтобы какая-нибудь пренебрегаемая жена не сбежала и не взяла себе мужа, который, хотя и плебей, был бы ее собственным выбором. Вследствие этого чувства ни одна из обитательниц королевского гарема никогда не покидает свой дом без сильной охраны, а также нескольких шпионов, которые прячутся в непредсказуемых местах и доносят королю о малейшей неосторожности любой из его жен. Каффиру небезопасно даже разговаривать с одной из этих тщательно охраняемых красавиц, потому что, даже если никто из стражников не видит, шпион наверняка скрывается на большом расстоянии, и следствием такой неосмотрительности будет то, что женщина, несомненно, потеряет свою жизнь, а мужчина, вероятно, станет ее товарищем по несчастью.

Способный и кровожадный вождь Чака составил исключение из обычного правила. Он готов принять столько темнокожих девиц, сколько ему предложат, но ни одну из них он не возведет в ранг жены. Причиной такой линии поведения был его ужас перед возможностью увидеть преемницу своего трона. Каффир, занимающий высокое положение, всегда считает, что он сам освобожден от обычной участи человечества, и никогда не заговорит о возможности собственной смерти, равно как и не позволит сделать это никому другому. У иждивенцев такое дурное воспитание рассматривалось бы как открытый акт вероломства, и легкомысленный провинившийся мгновенно лишился бы возможности повторить проступок, лишившись жизни. Даже в европейской среде такое оскорбление было бы очень серьезным и больно ударило бы по чувствам всех, кто услышал злословие. Это нежелание говорить о смерти иногда проявляется очень любопытно. Однажды англичанин отправился с визитом в Панду после опровержения сообщения о смерти этого монарха. После предварительных приветствий он выразил свое удовольствие видеть вождя в таком хорошем состоянии, особенно после сообщения о его смерти. Слово "смерть", казалось, поразило короля и всех придворных, как удар током, и вокруг воцарилась зловещая тишина. Наконец Панда пришел в себя и голосом, выдававшим его волнение, сказал, что такие темы никогда не обсуждаются, а затем ловко перевел разговор в другое русло.

Идея преемника подразумевает смерть нынешнего владельца трона, поэтому Чака отказался жениться на женах, от которых мог бы родиться его преемник. Более того, если кто-то из обитательниц его гарема проявлял признаки того, что население может увеличиться, их обязательно арестовывали под каким-нибудь пустяковым предлогом, вытаскивали из дома и казнили без промедления. Мы можем удивиться, что такое бессердечное чудовище могло найти хоть одну из обитательниц своего гарема. Но мы должны помнить, что из всех людей каффирский вождь - самый деспотичный, он имеет абсолютную власть над любым из своих подданных, а его приказы выполняются мгновенно, какими бы отвратительными они ни были. Родители готовы убить своих детей, а дети - своих родителей по его приказу; и так странно действует повиновение королю на разум кафира, что известны случаи, когда люди благодарили и восхваляли его, будучи забитыми до смерти по его приказу.

Поэтому у родителей этих несчастных девочек не было выбора. Если бы они были ему нужны, он бы забрал их, возможно, убив их родителей, и добавил бы их скот к своим огромным стадам. Добровольно предложив их, они, возможно, обретут его благосклонность, и у них появится шанс избежать участи, постигшей многих их предшественниц в королевской милости. Эти странные последствия деспотизма отнюдь не ограничиваются югом Африки, они встречаются и среди более цивилизованных народов, чем кафиры. Все мы помним начальную историю "Арабских ночей", которая служит нитью, на которую нанизываются все остальные истории. Как царь обнаружил, что его жена недостойна своего положения, и как он тут же поспешил сделать вывод, что такая недостойность - не вина отдельного человека, а свойство, присущее полу. Как он воплотил свой принцип в жизнь, женившись каждый вечер на новой жене и отрубая ей голову на следующее утро, пока его цель не была пресечена находчивым рассказчиком этих историй, который заложил практику, распространенную сейчас в периодических изданиях, а именно: всегда неожиданно прерываться на интересной части истории.

Этот необычный поступок восточного монарха рассказывается без комментариев, и ни рассказчик, ни слушатель не проявляют никаких признаков того, что такая линия поведения была странной или даже преступной. Подданные, призванные обеспечивать такую череду жен, конечно, роптали, но продолжали обеспечивать их и, очевидно, не представляли, что приказам монарха можно не подчиняться.

Любопытно, как полигамия отразилась на самих женах. Во-первых, они привыкли к этой идее, и их никогда не заставляли ожидать, что они будут единолично править в доме. В самом деле, никто из них не допускал такой мысли, потому что сам факт наличия у мужчины только одной жены умалял его достоинство, а следовательно, и ее собственное. Есть и другая причина института полигамии, а именно разделение труда. Как и все дикари, каффирский мужчина никогда не снисходит до ручного труда: вся настоящая работа ложится на плечи женщин. Что касается любой работы, требующей телесных усилий, то каффир никогда не мечтает взяться за нее. Он даже не станет поднимать корзину с рисом на голову своей любимой жены, а сядет на землю и позволит сделать это какой-нибудь женщине. Один из моих друзей, будучи совсем недавно в Каффирленде, случайно заглянул в хижину и увидел там мужественного каффира, который сидел и курил свою трубку, в то время как женщины усердно работали на солнце, строили хижины, носили дрова и выполняли все виды тяжелой работы. Пораженный естественным возмущением таким поведением, он велел курильщику встать и работать как мужчина. Эта идея оказалась слишком серьезной даже для вежливости кафира, который разразился хохотом над столь абсурдной идеей. "*Женщины* работают, - сказал он, - а *мужчины* сидят в доме и курят".

Все заботы по дому ложатся на замужнюю женщину. Помимо выполнения всей обычной работы по дому, включая его строительство, она должна готовить всю еду и обеспечивать голодных мужчин. Она не может пойти в магазин и купить хлеб. Она должна обрабатывать землю, сеять зерно, следить за ним, жать его, молотить, молоть и печь. Ее муж, возможно, соблаговолит принести домой убитую им дичь, хотя он не станет обременять себя больше, чем может помочь. Но приготовление пищи ложится на женскую долю, и ей приходится не только тушить мясо, но и готовить горшки, в которых оно готовится. После тяжелого дня работы на улице она не может пойти домой и отдохнуть, а вынуждена молоть маис или просо - работа очень трудоемкая из-за примитивного механизма, который используется - просто один камень на другой, верхний камень раскачивается вперед-назад движением, похожим на работу аптекарского пестика. Кафиры никогда не хранят муку в готовом виде, поэтому эту тяжелую работу приходится выполнять регулярно каждый день. Когда она смолола кукурузу, то должна либо испечь из нее лепешки, либо сварить кашу, а затем с удовольствием наблюдать, как мужчины ее едят. Она также должна приготовить пиво, которое так популярно среди кафиров, но у нее очень мало шансов выпить продукт своего собственного производства.

Таким образом, видно, что труд каффирской жены примерно в два раза тяжелее, чем труд английского фермера, и поэтому она скорее рада, чем нет, когда ее муж берет другую жену, которая может разделить ее труд. Более того, первая жена всегда имеет своего рода преобладание над остальными и сохраняет его до тех пор, пока не лишится благосклонности мужа каким-нибудь особенно вопиющим поступком, в этом случае ее слагают с себя, а на освободившееся место возводят другую жену. Когда такое случается, муж выбирает любую из своих жен, которая ему больше нравится, не обращая внимания на старшинство, и, как естественное следствие, самая молодая имеет больше шансов стать главной женой, вызывая тем самым сильную ревность между ними. Если бы все жены жили в одном доме со своим мужем, ссоры были бы постоянными; но, согласно каффирским законам, у каждой жены есть своя хижина, а та, что принадлежит главной жене, находится по правую руку от дома вождя.

Однако иногда ревность берет верх, несмотря на все эти меры предосторожности, и, как известно, приводит к летальному исходу. Один случай отравления уже упоминался (стр. 51), а другие происходят чаще, чем известно. Один из таких случаев был довольно примечательным. В семье было две жены, а затем добавилась третья. Две другие жены чувствовали себя ущемленными ее присутствием и в течение года подвергали ее постоянным гонениям. Однажды, когда муж вернулся в свой дом, он обнаружил, что ее нет, и спросил у остальных, где она. Они ответили, что не знают, и что, отправившись за дровами, по обычаю, оставили ее в краале. Не удовлетворившись ответом, он стал расспрашивать их более подробно, и тогда ему сказали, что она ушла в дом своего отца. С рассветом он отправился в отцовский крааль и обнаружил, что о ней ничего не слышно. Тогда он отправился к одному из знахарей, или пророков, и спросил его, что стало с его любимой женой. Тот ответил, что две старшие жены убили ее. Он отправился домой, но не успел он добраться до своего крааля, как труп убитой жены обнаружил мальчик из стада. Дело в том, что утром она вместе с двумя другими женами отправилась за дровами, между ними возникла ссора, и они повесили ее на дереве с помощью веревки, которой связывают вязанки дров.

Что касается мелких нападений на любимую жену, то они достаточно распространены. Ее бьют, царапают лицо, чтобы испортить красоту, или жестоко разрывают дырки в ушах. Нападавшие непременно пострадают за свое поведение, муж жестоко избивает их первым

попавшимся под руку оружием. Но за это время дело, которое они сделали, было сделано, и они, во всяком случае, насладились некоторыми моментами дикой мести. Между женами часто происходят драки, но если муж слышит шум потасовки, он быстро пресекает ее, схватив палку и беспристрастно избивая каждого участника боя.

Положение первой жены действительно имеет определенное значение. Хотя она была куплена и оплачена мужем, на нее не смотрят как на такой ничтожный товар, как на ее преемниц. "Когда мужчина берет первую жену, - говорит мистер Шутер, - все коровы, которыми он владеет, считаются ее собственностью. Она использует молоко для содержания своей семьи, а после рождения первого сына они называются его скотом". Теоретически муж не может ни продавать, ни отчуждать их без согласия жены. Если он хочет взять вторую жену и для этого ему нужен любой из этих животных, он должен получить ее согласие".

"Когда я спросил одного туземца, как этого можно добиться, он сказал, что лестью и уговорами, а если это не удается, то приставанием к ней, пока она не уступит и не скажет ему, чтобы он не делал этого до завтра, *то есть* на будущее. Иногда она сердится и говорит ему, чтобы он забрал все, потому что это не ее, а его. Если она подчинится полигамным желаниям мужа и предоставит скот для покупки и склонения новой жены, то будет иметь право на ее услуги и будет называть ее *моей* женой. Она также будет иметь право на скот, полученный за старшую дочь новой жены. На скот, предназначенный второй жене, распространяются те же правила, и так далее, пока берутся новые жены. Любая жена может предоставить скот, необходимый для добавления нового члена в гарем, с теми же последствиями, что и для первой жены; но, кажется, королева, как называют первую, может претендовать на право отказа". Из этого рассказа об относительном положении различных жен видно, что должность главной жены очень ценится, и поэтому можно понять, что возведение в этот ранг новой участницы обязательно вызовет сильное чувство ревности в сердцах остальных.

Вследствие множественности жен закон о наследовании является наиболее сложным. Кто-то может удивиться, что закон, который, казалось бы, должен принадлежать цивилизации, можно встретить среди диких племен, таких как кафиры. Но следует помнить, что каффир - это, по сути, человек, живущий под властью, и что его логический склад ума привел его к созданию юридического кодекса, который необычайно подробен во всех своих деталях, и который входит не только в дела нации, но и в дела частной жизни. Закон, касающийся ранга, занимаемого женами, и контроля, который они осуществляют над имуществом, достаточно подробен, чтобы дать обещание, что будет также закон, регулирующий долю в имуществе их соответствующих детей.

Чтобы понять действие этого закона, читатель должен помнить о двух фактах, которые уже упоминались: о том, что жены не живут вместе, но каждая имеет свой собственный дом; кроме того, к каждому дому прикреплено определенное количество скота, в теории, если не на практике. Когда умирает староста крааля, его имущество делится между его детьми в соответствии с законом, который, хотя и неписан, хорошо известен и не уступает по точности аналогичному закону в Англии. Если в доме главной жены рождается старший сын, он сразу же наследует имущество своего отца и наследует его звание. Существует очень распространенная каффирская песня, которая, хотя и не является сыновней, но очень характерна. Она начинается словами: "Мой отец умер, и мне достался весь его скот", а затем переходит к изложению радостей богатства. Он не обязательно наследует весь скот в краале, потому что могут быть сыновья, принадлежащие к другим домам; в таких случаях старший сын каждого дома имеет право на скот, который признается собственностью этого дома. Тем не менее, он осуществляет своего рода отцовскую власть над всеми, и часто ему

удается удержать всю семью вместе, вместо того чтобы дать каждому сыну его долю скота и позволить им разойтись в разные стороны. Такой порядок действий лучше для всех сторон, поскольку, объединившись, они обладают силой, которой не могли бы достичь, будучи разделенными.

Иногда случается, что у владельца крааля нет сына, и в этом случае на имущество претендует его отец, брат или ближайший родственник - всегда, если возможно, член того же дома, что и он сам. Иногда случается, что не удается найти ни одного родственника мужского пола, и в этом случае имущество переходит к вождю, как к признанному отцу племени. Что касается женщин, то они очень редко наследуют что-либо, но переходят вместе со скотом к различным наследникам и составляют часть их имущества. В этом общем правиле есть и исключительные случаи, но они очень редки. Таким образом, видно, что у каждой женщины есть кто-то, кто выступает в роли ее отца, независимо от того, жив ее отец или нет, и хотя обязательное зависимое положение женщин не способствует их достоинству, оно, безусловно, защищает их от многих бед. Если, например, девушка останется сиротой, что очень часто случается в странах, где мало ценят человеческую жизнь, она окажется в очень неприятном положении, поскольку либо вообще не найдет себе мужа, либо за нее будут драться бедные и буйные мужчины, желающие получить жену, не заплатив за нее. Каффирский закон, однако, решает эту проблему, делая родственников мужского пола наследниками имущества и, следовательно, защитниками женщин; таким образом, пока жив хоть один родственник мужского пола, у девочки-сироты есть опекун. Закон даже идет дальше и предусматривает случай, который иногда имеет место, а именно: все родственники мужского пола умерли или их невозможно установить. Подобный случай вполне может произойти во время войны, ведь враги иногда налетают на крааль и, если их планы хорошо продуманы, убивают всех жителей мужского пола. Даже если всех не убьют, оставшиеся в живых будут вынуждены спасаться бегством, и так часто случается, что молодая девушка оказывается сравнительно одинокой в этом мире. В таком случае она отправляется к другому вождю своего племени или даже к самому королю и просит разрешения стать одной из его иждивенцев, и известно немало случаев, когда таких беженцев принимали в чужие племена.

Когда девушку принимают на иждивение, с ней обращаются как с дочерью, и если ей случается заболеть, опекун приносит за нее жертвы точно так же, как если бы она была одной из его собственных дочерей. Если появится жених, он должен будет обращаться с опекуном так же, как с отцом, и ему будет выплачен скот, который требуют на свадьбе. Мистер Файнн упоминает, что женщины очень упорны в отношении своих родственников, и что во многих случаях, когда они не могли назвать своих настоящих родственников, они договаривались с незнакомцами, чтобы те объявили о родстве с ними. Возможно, это чувство проистекает из представления о том, что муж будет испытывать больше уважения к жене, у которой есть родственники, чем к той, у которой их нет.

В качестве примера любопытной мелочности, с которой каффирское законодательство вникает в детали домашнего уклада, можно привести тот факт, что если женщина-иждивенка выходит замуж и впоследствии ей посчастливится обнаружить своих настоящих родственников, они могут потребовать скот, заплаченный за нее мужем. Но они должны отдать одну из коров ее защитнику в качестве платы за ее содержание и за хлопоты, связанные с ее замужеством. Более того, если за нее был принесен в жертву какой-либо скот, он должен быть возвращен, как и все остальные, которые могли быть зарезаны во время брачного пира. Тот факт, что за нее платит муж, не вызывает у каффирской женщины никаких мыслей о деградации. Напротив, она рассматривает этот факт как доказательство собственной значимости, и чем больше скота за нее платят, тем больше она гордится. Муж

также не хотел бы брать жену, не заплатив за нее соответствующую сумму, потому что, во-первых, это было бы молчаливым утверждением, что жена ничего не стоит, а во-вторых, признанием того, что он не может позволить себе заплатить обычную цену. Более того, доставка скота, с одной стороны, и доставка девушки - с другой, считаются действительностью брачного контракта и рассматриваются в том же свете, что и дарение кольца мужем и выдача невесты отцом в наших брачных церемониях.

Цена может быть очень разной и во многом зависит от красоты и квалификации невесты, а также от ранга ее отца. Обычная цена незамужней девушки - восемь или десять коров, но нередко за нее платят двенадцать или пятнадцать, а в некоторых случаях мужу приходилось давать до пятидесяти, прежде чем отец расставался со своей дочерью. Оплата должна производиться заранее по праву, и мужчина не может требовать свою жену до тех пор, пока не будет передан скот. Однако это правило часто смягчается, и брак разрешается после уплаты определенной части долга с гарантией, что оставшаяся часть будет получена в течение разумного времени. Все предварительные вопросы улажены, дальше жених должен представить себя своей будущей жене. И хотя за девушку требуют определенную сумму, которая должна быть выплачена до того, как она станет женой, из этого не следует, что она не имеет права выбора в принятии или отклонении жениха, как видно из следующих отрывков, взятых из ценной работы мистера Шутера о Кафирландии:...

"Когда девушке подбирают мужа, ее могут отдать ему без предварительного уведомления, и мистер Файнн признает, что в некоторых случаях так и поступают. Но обычно, по его словам, ей сообщают о намерениях родителей за месяц или более длительное время, чтобы, как я полагаю, убедить ее, если возможно, думать о человеке хорошо". Каффиры, какими бы варварами они ни были, знают, что лучше вразумить женщину, чем бить ее; и я склонен думать, что обычно используются моральные средства, чтобы склонить девушку к выбору родителей, прежде чем прибегать к физическим аргументам. Иногда, как мне рассказывали, предпринимаются весьма изощренные усилия, чтобы добиться этого результата. Первый шаг - в ее присутствии хорошо отзываться о мужчине; весь крааль сговаривается хвалить его, ее сестры хвалят его, все поклонники его скота хвалят его - никогда раньше его так не хвалили. Если только она не очень решительна, девушку, возможно, удастся уговорить увидеться с ним, и посыльный отправляется сообщить об этом обнадеживающем факте и позвать его в крааль. Не теряя времени, он готовится показать себя с лучшей стороны; он спускается к реке и, тщательно вымыв свое смуглое лицо, возвращается, капая и сияя, как сумрачный Тритон; но солнце вскоре высушивает его кожу, и теперь он снова блестит от жира.

"Он надевает свой танцевальный наряд, сосуд с водой служит зеркалом, и, облачившись в лучшее, взяв щит и ассагай, с бьющимся сердцем и галантным шагом отправляется на битву с презренной красавицей. Достигнув крааля, он получает радушный прием и, присев на корточки в семейном "кругу" (что здесь не просто фигура речи), ожидает появления дамы. Вскоре она приходит и, присев возле двери, молча смотрит на него. Затем, достаточно осмотрев его в нынешнем положении, она через своего брата (поскольку с ним она не разговаривает) просит его встать и продемонстрировать свои пропорции. Скромный мужчина смущается, но мать подбадривает его, и, пока молодые смеются и шушукаются, он встает перед девицей. Теперь она внимательно рассматривает его в этой позе и, взвесив достоинства и недостатки вида спереди, просит его (с помощью того же средства, что и раньше) повернуться к ней и показать себя с другой стороны. (В конце концов он получает разрешение снова сесть на корточки, и она удаляется так же немо, как и пришла. Вся семья бросается за ней, желая узнать ее решение; но она отказывается спешить - она не видела,

как он ходит, и, возможно, он хромает. И вот на следующее утро несчастный появляется в загоне для скота, чтобы продемонстрировать свою походку перед большим собранием. Заинтересованные зрители осыпают его похвалами; возможно, девушка пришла к тому же мнению, что и они, и выражает свое одобрение. В этом случае назначается помолвка".

Эта забавная церемония имеет два значения - первое, что брачный контракт является добровольным актом с обеих сторон, и второе, что будущий жених пока не имеет над ней никакой власти. Этому последнему пункту, видимо, придается определенное значение, поскольку он вновь выдвигается на первый план, когда происходит брачная церемония. То, что у девушки нет выбора мужа, очевидно, неправда. Конечно, в Кафирландии, как и в более цивилизованных странах, бывают случаи, когда родители, настроившись на определенный союз, не обращают внимания на неприятие дочери, заставляя ее жесткими словами и другими жестокостями дать согласие на брак. Но, как правило, хотя девушка должна быть куплена за определенное количество коров, из этого вовсе не следует, что каждый, у кого есть необходимые средства, может купить ее.

Довольно забавное доказательство обратного приводит один из наших священнослужителей, долгое время проживший среди племен кафиров. Был там один "мальчик", давно вышедший из расцвета, который отличился на войне и завел изрядное количество коров, но его нельзя было причислить к "мужчинам", потому что он не был женат. Дело в том, что он был настолько уродлив, что не мог найти ни одну из сумрачных красавиц, которая бы приняла его, и поэтому ему пришлось остаться холостяком, несмотря на самого себя. Наконец король сжалился над ним и разрешил ему надеть головной перстень и принять титул "ама-дода" среди мужчин, как у нас к пожилой девице обращаются вежливо, словно она замужем. Иногда сердце жениха подводит его, и он опасается, что, несмотря на его богатство и дорогие украшения, которыми он украшает свою смуглую персону, дама может оказаться неблагосклонной. В этом случае он обычно отправляется к знахарю и приобретает амулет, который, как он надеется, заставит ее отступить. Иногда амулет представляет собой корень или кусок дерева, кости, металла или рога, который носят на лице, но чаще всего он имеет форму порошка. Этот волшебный порошок дается какому-нибудь надежному другу, который тайком подмешивает его в еду девушки, посыпает им ее платье или кладет в табакерку и взбалтывает ее вместе с законным содержимым.

Нередко, когда жених очень не нравится и у него не хватает здравого смысла отказаться от своих притязаний, девушка берет дело в свои руки, убегая, часто в другое племя. Такие случаи всегда вызывают большой ажиотаж, и за прогульщицей охотятся все ее родственники. Одно из таких бегств произошло, когда девушка была обещана злосчастному холостяку, о котором только что шла речь. Он предложил вождю значительное количество скота за одну из своих подопечных и заплатил сумму вперед, надеясь таким образом скрепить сделку. Но когда девушка узнала, кто станет ее мужем, она наотрез отказалась выходить замуж за столь безобразного человека. Ни уговоры, ни угрозы, ни реальное насилие не возымели действия, и в конце концов ее связали веревками и передали покупателю. Он отвез ее в свой дом, но через несколько часов ей удалось сбежать и укрыться в краале соседнего вождя, где, надо надеяться, она нашла себе мужа по вкусу. Ее прежний владелец отказался требовать ее обратно, поскольку она была оплачена и доставлена с честью, и на тех же основаниях он отказался вернуть уплаченную за нее цену. Так несчастный жених лишился не только скота, но и жены.

Этот человек от всей души стыдился своего холостяцкого положения и всегда скрывал его, как только мог. Однажды англичанин, не знавший его истории, спросил его, сколько у него было жен; и хотя он знал, что неправда его ответа скоро будет обнаружена, он не имел

морального мужества сказать, что он холостяк, и назвал значительное число воображаемых жен.

Теперь, когда англичане обосновались на юге Африки, совсем не редкость, когда преследуемая девушка находит среди них убежище, хотя во многих случаях ее приходится отдавать родственникам, когда они приходят ее искать.

Иногда девушка не только пользуется правом на отказ, но и сама выбирает себе мужа. В одном из таких случаев мужчина впал в нищету и был вынужден стать иждивенцем. У него было две незамужние дочери, и его начальник предложил купить их. Сумма, которую он предложил, была настолько мала, что отец не согласился, и в результате между ним и вождем произошла жестокая ссора. Более того, сами девушки не имели ни малейшего желания становиться женами вождя, у которого их и так было предостаточно, и они отказались от покупки, как и их отец отказался принять за них столь скудную сумму. Вождь очень рассердился, отправился в Панду и придумал, как вырвать у короля приказ, чтобы девушки перешли в собственность вождя по установленной им цене. Девушек отвели в крааль, но они не хотели заходить ни в одну из хижин и сидели на земле, что очень раздражало их нового хозяина, который в конце концов силой затащил их в хижину. Одна из девушек, по имени Узинто, придумала, как незаметно выскользнуть из хижины в темное время суток, и сбежала из крааля, пробравшись через забор, чтобы собаки не встревожились, если она попытается открыть дверь. Несмотря на все опасности ночного путешествия, она как можно быстрее продвигалась к Наталю, не имея с собой ничего, кроме спального коврика, который кафиры используют вместо кровати и который можно свернуть в цилиндр и накинуть на плечи. На своем пути она встретила два приключения, оба из которых едва не сорвали ее план. На рассвете того дня, когда она бежала, она встретила группу мужчин, которые увидели слезы на ее лице и обвинили ее в том, что она беглянка. Однако она была так готова ответить, что принимала нюхательный табак (от каффирского нюхательного табака глаза всегда сильно слезятся), что они разрешили ей продолжить путь.

Следующее приключение было более серьезным. Придя на территорию племени амакоба, она зашла в крааль, чтобы укрыться на ночь, и жители, знавшие о ссоре ее отца с вождем, сначала гостеприимно накормили ее, а затем связали по рукам и ногам и отправили гонца к вождю, от которого она сбежала. Однако ей удалось выбраться из крааля, но ее снова схватили женщины. Она была так жестока с ними, а ее поведение вообще было таким странным, что они испугались ее и отпустили восвояси. С тех пор она избегала всех жилищ и путешествовала только по бушу, а к концу четвертого дня ей удалось перейти вброд реку Тугела, и таким образом она оказалась вне власти Панды. Причина столь долгого и опасного путешествия была двоякой: во-первых, чтобы сбежать от мужа, который ей не нравился, а во-вторых, чтобы обрести мужа, который ей нравился. В районе Наталя жил молодой человек, с которым у нее было несколько любовных пассажей, и который, как и она сама, был беглецом из своей страны. После некоторых трудностей ее приняли как иждивенку вождя, и сразу же двое молодых людей предложили ей выйти замуж. Она не захотела ничего им сказать, но решила выведать у них своего бывшего возлюбленного. Далее последовала нелепая серия сцен, слишком длинная, чтобы описывать ее в деталях.

Сначала молодой человек отнесся к ней довольно прохладно, и она ушла, надувшись, и не стала с ним разговаривать. Тогда он отправился за ней, но получил лишь отпор за свои старания. Потом они встретились во время посадки кукурузы у вождя и затеяли ссору, но их заметил вождь и жестоко избил обоих за то, что они бездельничали, а не работали. Потом он заболел, и она пришла к нему, но не сказала ни слова. Тогда он выздоровел, и они снова поссорились, но неожиданно закончилось тем, что Узинто настоял на свадьбе. Юноша

возразил, что не знает, сколько коров потребует за нее вождь, и что у него не хватит денег, чтобы заплатить за жену. Однако она не уступала, назначила свою цену в десять коров и велела ему упорно трудиться, пока он их не заработает. Тем временем ее защитник решил взять ее себе в жены, решив, что это хорошая возможность получить еще одну жену, не платя за нее. Однако Узинто не для того столько пережила, чтобы потерять мужа, на которого положила свое сердце, и она отправилась в крааль юноши, предстала перед старостой и потребовала, чтобы ее немедленно обручили. Тот, естественно, побоялся гнева вождя и отправил ее обратно в свой крааль, где она слезами, приступами дурноты, гнева и угрозами самоубийства так измучила всех обитателей, что они уступили ради мира и спокойствия, приняли от любовника четырех коров в качестве взноса за требуемые десять и, наконец, выдали ее замуж за него.

Есть и другой случай, когда девушка страстно влюбилась в молодого каффирского вождя, когда он демонстрировал свою ловкость в танце. Он даже не знал ее и был весьма удивлен, когда она явилась в его крааль и призналась в своих чувствах. Однако он не ответил ей взаимностью, а поскольку девушка отказалась покинуть его крааль, он был вынужден послать за ее братом, который увел ее силой. Вскоре она снова вернулась, и на этот раз за свою настойчивость была жестоко избита. Удары не подействовали на нее, и меньше чем через неделю она снова появилась. Узнав, что его сестра настроена столь решительно, брат предложил, чтобы слишком увлекающийся вождь женился на девушке и тем самым прекратил спор; в результате дама наконец добилась своего, необходимые коровы были должным образом выплачены брату, и брак состоялся.

Даже после брака есть много случаев, когда жена обладала интеллектом, намного превосходящим интеллект мужа, и добивалась полного превосходства над ним, направляя его во всех его делах, будь то мир или война. И справедливо будет сказать, что в этих редких случаях женского превосходства муж подчинялся руководству жены, будучи уверенным, что оно осуществляется разумно, а не из-за слабости характера с его стороны или плохой вспыльчивости с ее.

ГЛАВА X.
БРАК - Заключительная.

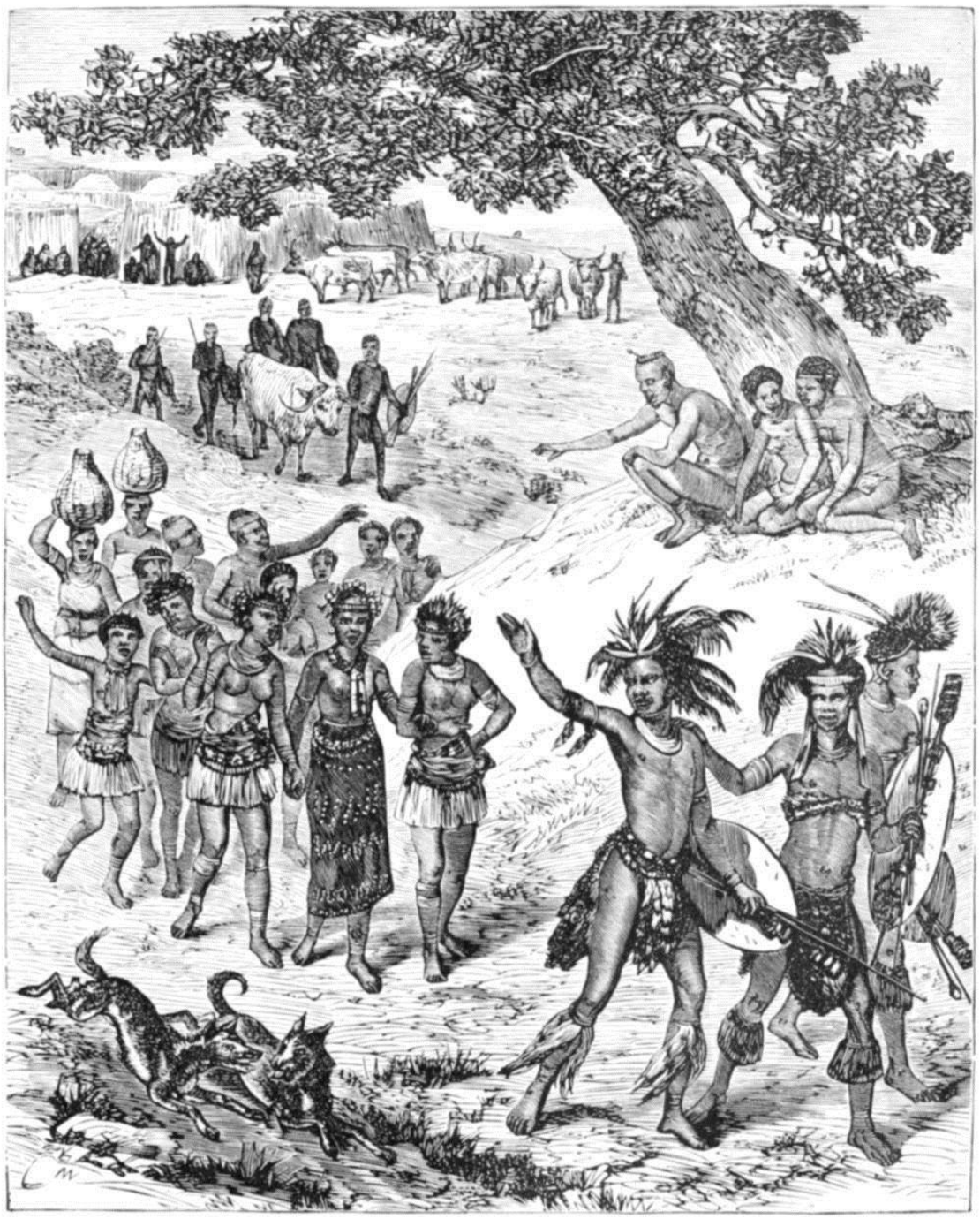
СВАДЕБНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ - ШЕСТВИЕ НЕВЕСТЫ - СВАДЕБНОЕ ПЛАТЬЕ - ВОЛЫ - СВАДЕБНЫЙ ТАНЕЦ - ВЗАИМНОЕ ОБЕСЦЕНИВАНИЕ И ПООЩРЕНИЕ - СОВЕТЫ ЖЕНИХУ - ВЗАИМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МУЖЕЙ И ЖЕН - КАФФИРСКИЙ ПЕТРУЧИО - ВОЛ ДЕВУШКИ - СНОВА УЗИНТО - ВОЛ ИЗБЫТКА - ЕГО ЗНАЧЕНИЕ - РАЗНОВИДНОСТИ БРАЧНЫХ ЦЕРЕМОНИЙ - ПРАВО РАЗВОДА - СРАВНЕНИЕ КАФФИРСКИХ И МОЗАИЧНЫХ ЗАКОНОВ - БЕЗОТВЕТСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ МУЖА - ЛЮБОПЫТНЫЙ КОДЕКС ЭТИКЕТА - КАФФИРСКИЕ ИМЕНА, И СПОСОБЫ ИХ ВЫБОРА - РОДОВОЕ ИМЯ И ФАМИЛИИ - СУЕВЕРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО РОДОВОГО ИМЕНИ - ЗАБАВНАЯ ХИТРОСТЬ - ФАМИЛИИ, ИЛИ ХВАЛЕБНЫЕ ИМЕНА - КАК ЗАРАБАТЫВАЮТСЯ И ПРИСВАИВАЮТСЯ - РАЗЛИЧНЫЕ ХВАЛЕБНЫЕ ИМЕНА ПАНДЫ - КАФФИРСКИЙ ХВАСТУН - ПЕСНЯ В ЧЕСТЬ ПАНДЫ - ОБЪЯСНЕНИЕ АЛЛЮЗИЙ - СТРАННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ И СПОСОБ ЕГО ОБОЙТИ - НИЗШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН - ЖЕНЩИНЫ С ДРОВАМИ - РАЗНИЦА МЕЖДУ ДЕВУШКАМИ РАЗНЫХ РАНГОВ.

Когда назначен день свадьбы, происходит церемония, отличающаяся в деталях в зависимости от достатка сторон, но схожая во всех основных моментах. Невеста, украшенная всеми бусами и прочими украшениями, которые она может достать, направляется в величественной процессии в крааль своего будущего мужа. Перед этим ей бреют голову ассагаем, маленький хохолок волос на макушке натирают красной краской и украшают различными приспособлениями, пока он не встанет на дыбы, а странный хохолок не станет максимально похож на красную кисть для бритья, с очень короткими, расходящимися щетинками. Ее сопровождают все ее юные подруги, а также ее мать и многие другие замужние женщины племени, все до единого наряженные. К процессии обязательно присоединяются ее родственники и друзья мужского пола, также одетые во все лучшее, но каждый несет свой щит и связку ассагаев, чтобы защитить невесту от врагов. Затем она садится в окружении своих спутников за пределами крааля.

Во время этой церемонии обычно происходит много шуток, связанных с определенными быками, которых должны отдать жених и отец невесты. Первый называется "укуту", его дарит жених матери невесты. Слово "укуту" буквально означает кожаные ремешки, которые вешают на тело детей в качестве амулетов, и подарок вола матери делается для того, чтобы возместить ей расходы на ремешки в детстве ее дочери. Мать не оставляет быка себе, а забивает его и наряжает для брачного пира, и к тому времени, когда свадьба уже достаточно началась, бык Укуту готов к приему гостей.

Другого быка, называемого любопытным именем "Умкуолисва", жених дарит отцу девушки, и по этому поводу происходит множество церемоний, о которых рассказывает мистер Шутер. "Когда день значительно продвинулся, друзья невесты отправляются в крааль жениха, чтобы потребовать быка по имени Умкуолисва. В случае, который я наблюдал, они шли длинным строем, шагом, который трудно описать, это было что-то вроде медленного и размеренного притопывания, имитирующего их танцевальные движения. Одетые в одежду и украшения, о которых уже говорилось, что они предназначены для торжественных случаев, они размахивали щитами и палками, которые обычно сопровождают свадебный танец; в то время как их языки были заняты монотонным и несентиментальным песнопением

"Дайте нам Умкуолисву,
Мы хотим Умкуолисву".



ШЕСТВИЕ НЕВЕСТЫ.
(См. стр. 82.)

"Таким образом они вошли в крааль и, повернув направо, добрались до главной хижины. Отец девушки обратился к жениху, который находился внутри, с просьбой выйти и дать им умколисва. Тот ответил, что у него нет быка, которого он мог бы им подарить. Тогда его заверили, что невесту отвезут домой, но он оставался незаметным, пока другие члены партии не потребовали его появления. Выйдя из дома, он поспешил к воротам и попытался пройти через них. Однако его выход преградила компания женщин, уже завладевших входом, а улыбка на его лице свидетельствовала о том, что его попытки скрыться носят чисто формальный характер и что он проходит через забавную церемонию. Умкуолисва была выведена из стада и передана невесте, которая расположилась на ночлег под прикрытием

кустарника. Сестры презрительно отнеслись к нему как к жалкой вещице и попросили хозяина принести что-нибудь получше. Он сказал им, что это самая большая и жирная особь, которую он смог достать, но они не удовлетворились - они не хотели ее есть. Вскоре отец положил конец их шумной игре и принял животное. Невеста побежала к краалю, и через некоторое время начались танцы".

Танцы проходят с неистовой, почти бешеной энергией, которая, кажется, овладевает душой кафира, когда он вовлечен в танец; руки размахивают палками, щитами и копьями, а ноги совершают чудесные подвиги. Сначала жених и его спутники усаживаются в загоне для скота и обильно освежаются пивом, в то время как партия невесты танцует перед ним. Затем процесс меняется на противоположный: невеста садится, а перед ней танцует партия ее мужа. Танец сопровождается песнями обеих сторон.

К девушке обращаются матроны, принадлежащие к партии жениха, которые максимально обесценивают ее, говоря ей, что ее муж отдал за нее слишком много коров, что она никогда не сможет выполнять работу замужней женщины, что она скорее простая, чем другая, и что ее брак с женихом - это замечательный пример снисхождения с его стороны. Это веселое обращение призвано предотвратить ее излишнее воодушевление от перевода из сравнительного ничтожества девичества на почетный пост зулусской матроны.

Однако здесь царит полное равноправие, и когда невеста начинает танцевать и петь, они используют свою возможность по максимуму. Обращаясь к родителям, они поздравляют их с тем, что у них такая дочь, но скорее соболезнуют им по поводу очень недостаточного количества коров, которые заплатил жених. Они говорят невесте, что она самая прекрасная девушка в племени, что ее поведение было абсолютным совершенством, что муж совершенно недостоин ее, и ему должно быть стыдно за то, что он заключил такую жесткую сделку с ее отцом. Конечно, ни одна из сторон не верит ни единому слову, но все в Каффирланде должно происходить в соответствии с самым строгим этикетом.

После каждого танца ведущий - обычно отец - обращается с речью к брачующимся; и если жених берет жену впервые, то количество добрых советов, которыми его осыпают более опытные, было бы очень полезно, если бы он обратил на них хоть какое-то внимание. Ему говорят, что, будучи холостяком, он не может знать, как управлять женой, и советуют не слишком часто прибегать к палке, чтобы добиться послушания. Мужчины, говорят ему, могут управлять любым количеством жен, не прибегая к личному насилию; но мальчики склонны слишком поспешно распускать руки. Муж Узинто, о приключениях которого мы уже рассказывали, сделал любопытное условие, когда к нему обратились, и пообещал не бить ее, *если она не будет бить его*. Учитывая весьма энергичный характер девушки, это было довольно мудрым условием.

Все эти предварительные условия улажены, жених садится на землю, а невеста танцует перед ним. При этом она пользуется случаем, чтобы обозвать его нелицеприятными эпитетами, бросает ему в лицо пыль, распускает его элегантный головной убор и совершает подобные вольности, давая понять, что он еще не ее хозяин. После замужества она не будет допускать подобных вольностей.

Затем на сцену выходит еще один бык, последний и самый важный из всех. Он называется "Бык девушки" и должен быть представлен женихом.

Здесь следует отметить, что, хотя жених, казалось бы, облагается довольно большим налогом за привилегию обладать женой, этот налог скорее кажущийся, чем реальный.

Прежде всего, он считает, что все эти волы составляют часть цены, которую он платит за жену, и смотрит на них примерно так же, как домовладельцы смотрят на различные налоги, которые должен платить хозяин дома, - то есть как на признанное дополнение к сумме, требуемой за собственность. Каффирский муж считает свою жену такой же частью своей собственности, как копье или кароcс, и иногда заявляет об этом очень прямолинейно.

Когда миссионер пытался упрекнуть каффира в том, что он сваливает всю тяжелую работу на жену, а сам ничего не делает, тот ответил, что она не больше и не меньше, чем его вол, купленный и оплаченный, и должна рассчитывать на соответствующую работу. Его собеседник попытался укрепить свою позицию, упомянув о том, как европейцы обращаются со своими женами, но его доводы не увенчались успехом. Ответ кафира был достаточно прост и совершенно бесспорен. "Белые мужчины не покупают своих жен, и эти два случая не параллельны". В самом деле, представление каффирского мужа о жене не сильно отличается от представления Петручио, хотя последний и был европейцем.

"Я буду хозяином того, что принадлежит мне;
Она - мое имущество, мое движимое имущество, она - мой дом,
Моя домашняя утварь, мое поле, мой амбар,
Мой конь, мой вол, мой осел, все мое".

А представление каффирской жены о муже практически совпадает с представлением прирученной Кэтрин.

"Твой муж - твой господин, твой хранитель,
глава твой, государь твой".

хотя она ни в коем случае не может закончить речь правдой и сказать, что он трудится для нее, пока она спокойно сидит дома, и не требует никакой другой дани, кроме послушания и любви. Первая часть этой дани взыскивается, а вторая не так уж редка, как кажется, свидетельствуют обстоятельства.

Суммы, которые кафирец платит за свою жену, он рассматривает как собственность, вложенную им самим, и ожидает, что в долгосрочной перспективе она принесет хорошие проценты, и, как уже говорилось, часто бывают обстоятельства, при которых он берет кредит на эту сумму и ожидает, что она будет возвращена. Поэтому, хотя жених и вынужден расстаться с некоторым количеством скота по случаю своей свадьбы, он ведет очень точный мысленный учет этого скота и обязательно вернет себе долг тем или иным способом.

После того, как окс девушки будут обеспечены, их торжественно закалывают, и это составляет обязательную часть брака. До этого момента отец или владелец девушки может забрать ее обратно, разумеется, вернув уплаченный за нее скот, а также подаренный и зарезанный. Наша героиня, Узинто, являла собой пример такого рода. Жених испытывал естественную антипатию к вождю, пытавшемуся насильно жениться на девушке, и проявил

свои чувства, отправив самого маленького и худого быка, которого только можно было найти. Вождь обиделся на такое оскорбление и хотел аннулировать всю сделку. Возможно, ему бы это удалось, если бы не одно любопытное совпадение. Отец невесты окончательно рассорился со своим вождем и был вынужден последовать примеру своей дочери и ее будущего мужа и укрыться в Натале. Как раз во время свадьбы он неожиданно объявился и вдруг обнаружил, что находится на пути к богатству. Его дочь действительно выдавали замуж за человека, который согласился заплатить за нее десять коров. Поэтому он ничуть не беспокоился о размере быка, которого предстояло зарезать, а принял животное, и , соответственно, стал владельцем всех коров*, за вычетом* тех, что пришлось заплатить в качестве почетных подарков разочарованному вождю и удачливому любовнику.

После завершения церемоний муж отвозит жену домой, причем характер этого дома зависит от его ранга и богатства. Но когда супруги по праву поселились в своем доме, отец или прежний владелец жены всегда посылает одного быка ее мужу. Этот бык называется "быком избытка" и олицетворяет собой несколько идей. Прежде всего, предполагается, что ценность девушки намного превышает стоимость любого количества волов, которые могут быть отданы за нее, и это призвано дать понять жениху, что он не должен думать о себе слишком много. Кроме того, это признание со стороны отца, что он доволен сделкой и что после смерти он не будет мстить за себя, преследуя дом своей дочери и заставляя мужа разочароваться в своих желаниях иметь большую семью мальчиков и девочек, первые из которых будут воинами и расширят власть в его доме, а вторые будут проданы за много коров и увеличат его богатство. Обычаи кафиров столь любопытны, что, когда этот бык с избытком входит в крааль мужа, его называют другим именем, а затем - "Бык, открывающий скотомогильник". Это название объясняется тем, что муж заплатил за жену всеми своими волами, и поэтому скотомогильник пуст. Но вол, которого она приносит с собой, вновь открывает ворота пастбища, и на него смотрят как на залог стад, которые будут куплены дочерьми, которых она может иметь в течение своей супружеской жизни. Эти любопытные обычаи очень напоминают нам старую пословицу о подсчете цыплят до того, как они вылупятся, но кафиры, похоже, выполняют эти преждевременные расчеты не в одном варианте.

Читатель поймет, что не всегда все эти сложные церемонии соблюдаются в точности одинаково. Во многих случаях, особенно когда каффиры долгое время живут под защитой белых людей, церемоний очень мало, если они вообще есть; главными обрядами являются договоренность с хозяином или отцом девушки, доставка скота и передача купленной девушки в крааль ее мужа. Кроме того, белым людям очень трудно присутствовать на церемониях каффиров, и во многих случаях каффиры делают вид, что никаких церемоний вообще нет, чтобы сбить со следа своих дознавателей. Тем не менее, вышеприведенный рассказ представляет собой достаточно полное описание церемоний, которые практикуются или практиковались великим племенем зулусов.

Брак, заключенный таким образом, считается столь же обязательным, как и любая церемония среди нас, и каффир не может бросить свою жену, кроме как по причинам, которые советники племени считают уважительными. Неверность, разумеется, карается немедленным увольнением неверной жены, если не ее смертью - последняя участь неизменно постигает неверную жену вождя. Что касается другого виновника, то обиженный муж держит его на мушке, иногда предавая смерти, но иногда заменяя это наказание крупным штрафом. Постоянное и систематическое непослушание также считается уважительной причиной для развода, как и неисправимая праздность. Рассуждения сводятся к тому, что муж купил женщину для того, чтобы она выполняла для него

определенные обязанности. Если она отказывается выполнять их из-за непослушания или не выполняет их из-за безделья, очевидно, что он заплатил свои деньги за бесполезную вещь, и поэтому имеет право вернуть ее на руки продавцу и получить обратно справедливую часть уплаченной им суммы. Иногда она считает, что с ней плохо обращаются, и уходит в крааль своего отца. В этом случае отец может оставить ее у себя, вернув полученный за нее скот; а если есть дети, муж оставляет их у себя в качестве заложников до тех пор, пока не будет получен скот. Затем он передает их матери, которой они принадлежат по праву.

Еще одна веская причина развода - несчастье, когда жена бездетна. Муж ожидает, что она будет плодовитой женой и что его дети пополнят его власть и богатство; и если она не оправдывает этих ожиданий, он имеет право на развод. Как правило, он посылает жену в крааль ее отца, который умилостивляет духов ее предков жертвоприношением быка и просит их устранить причину развода. Затем она возвращается к мужу, но если она по-прежнему остается бездетной, то ее отсылают обратно к отцу, который обязан вернуть ей скот, который он получил за нее. Иногда, однако, используется модификация этой системы, и отец отдает в придачу к жене одну из ее незамужних сестер, которая, как надеются, сможет лучше исполнить желания мужа. Отец скорее последует этому плану, чем согласится на развод, потому что тогда он сохранит за собой скот, а отказ от одного быка вызывает в груди кафира мучительную скорбь. Если сестра становится плодовитой женой, один или два ребенка переходят к бывшей жене и впоследствии считаются принадлежащими ее дому.

Все эти детали напоминают наблюдателю аналогичные детали в Моисеевом законе о браке, и, по сути, социальное положение кафиров в наши дни не сильно отличается от положения израильтян, когда Закон был впервые провозглашен великим законодателем. Многие обычаи идентичны, а в других есть сходство, которое почти поражает. Но что касается возможности развода, то каффир, несомненно, смотрит на брак, даже если у него может быть неограниченное число жен, с большим почтением, чем древний израильтянин, и ему не придет в голову развестись с женой по капризу момента, как это было разрешено традициями иудеев, хотя и не их божественным законом.

И все же, хотя он, как правило, не считает себя оправданным в таких произвольных разводах, он считает себя одаренным безответственной властью над своими женами, вплоть до власти над жизнью и смертью. Если, например, муж в порыве страсти убьет свою жену - что случалось нередко, - никто не вправе вмешиваться в это дело, ибо, согласно его взглядам, она - его собственность, купленная и оплаченная, и он имеет такое же право убить ее, как если бы она была одной из его коз или волов. Ее отец не может предъявить иск убийце, поскольку не имеет больше никаких прав на свою дочь, поскольку продал ее и получил оговоренную цену. В результате чего, как ожидалось, он стал работать, а также производить обменные коровы. Поэтому считается, что если он решил нанести себе столь тяжкий урон, то никто не имеет права вмешиваться в его дела, как если бы он в порыве страсти убил несколько быков. Иногда, однако, вождю доводилось брать дело в свои руки и штрафовать провинившегося на пару коров за уничтожение ценного имущества, которое, хотя и принадлежало ему, составляло единое целое с племенем и над которым он, как признанный отец племени, имел юрисдикцию. Но даже в таких редких случаях его вмешательство, хотя и делалось якобы ради справедливости, на самом деле было простым способом пополнить собственное богатство за счет конфискации скота, который он требовал в качестве штрафа с виновного.

Между женатыми людьми и их родственниками существует весьма своеобразный кодекс этикета. Прежде всего, мужчине не разрешается жениться на той, с кем он состоит в кровном родстве. Он может жениться на двух или более сестрах, если они происходят из

другой семьи, чем его собственная, но он не может взять жену, которая происходит от его собственных ближайших предков. Но, подобно древним евреям, мужчина не только может жениться на жене умершего брата, но и считает себя обязанным сделать это по справедливости по отношению к женщине и детям своего брата, которые в таком случае становятся его собственными.

Особый этикет, о котором уже говорилось, заключается в социальном поведении тех, кто связан друг с другом брачными узами, а не кровным родством. После женитьбы мужчина не имеет права разговаривать с матерью своей жены и даже смотреть ей в лицо, и этот любопытный обычай называется "стыдиться тещи". Если он хочет поговорить с ней, то должен удалиться на некоторое расстояние и продолжать общение криком, что, как верно было сказано, не представляет никакой трудности для кафира. Или, если общение носит характер, который не должны слышать другие, этикет считается достаточно соблюденным при условии, что обе стороны стоят по обе стороны забора, через который они не могут видеть.

Если, как это часто бывает, мужчина и его теща случайно встречаются на одной из узких тропинок, ведущих от крааля к садам и возделанным полям, они всегда должны делать вид, что не видят друг друга. Женщина обычно высматривает удобный куст и приседает за ним, а мужчина старательно прижимает щит к лицу. Этот своеобразный этикет дошел до того, что ни мужчина, ни его теща не имеют права упоминать имя другого. В любом месте этот запрет должен быть крайне неудобным, но в Кафирланде он еще более уместен, где имя, которое дается каждому человеку, обязательно обозначает какой-то психический или физический атрибут или является названием какого-то природного объекта, который принимается как воплощение этого атрибута.

Если предположить, что имя мужчины обозначало дом, а имя его тещи - корову, то очевидно, что каждый из них должен быть весьма смущен в обычном разговоре. Люди, оказавшиеся в подобном положении, всегда заменяют запрещенное слово другим, и эта замена всегда принимается друзьями. Таким образом, изобретаются любопытные иносказательные термины, очень напоминающие эвфемизмы, которые преобладают как в Северной Америке, так и в Северной Европе. В таком случае, как уже говорилось, мужчина мог бы всегда говорить о корове как о "рогатой", а женщина использовала бы слово "жилище" или "обиталище" вместо "дом".

Кроме того, поскольку у мужчины, как правило, большое количество свекровей, очевидно, что это правило иногда должно приносить много неудобств и заставлять память постоянно напрягаться. Как такой человек, как Панда, у которого по меньшей мере тысяча свекровей, вообще умудряется вести беседу, вызывает недоумение. Возможно, он считает себя выше закона, а его слова столь же безответственны, как и поступки. Читатель, возможно, помнит, что подобный обычай распространен на большей части Полинезии.

КАФИР, ПРОХОДЯЩИЙ МИМО СВОЕЙ ТЕЩИ.

Жене также запрещено произносить имя своего мужа или любого из его братьев. Это выглядит так, как будто она не может говорить с ним на привычные темы, но на самом деле это не так. Дело в том, что у каждого кафира есть более одного имени, и чем выше ранг, тем больше имен. При рождении или вскоре после него ребенку дается имя, и это имя всегда связано с каким-то атрибутом, которым ребенок должен обладать, или с каким-то обстоятельством, произошедшим в тот момент.

Например, ребенка иногда называют по имени дня, в который он родился, как Робинзон Крузо назвал своего слугу Пятницей. Если в момент рождения ребенка раздавался рев дикого зверя, например льва или шакала, это обстоятельство принималось за предзнаменование, а ребенок назывался именем зверя или словом, обозначающим его крик. Мистер Шутер упоминает несколько довольно любопытных примеров таких имен. Если животное, которое было слышно во время рождения ребенка, было гиеной, которую туземцы называют *имписи*, то имя ребенка может быть либо U'mpisi, либо U-huhu, второе - звукоподражание, представляющее смехоподобный крик гиены. Мальчика, чей отец гордился количеством своих жеребцов, которое, конечно же, значительно увеличивалось, когда сын получал их в наследство, называли "Усо-махаше", *то есть* отец лошадей. Впоследствии этот ребенок стал известным вождем в районе Наталя. Девочку, матери которой незадолго до рождения дочери подарили новую мотыгу, назвали "Уно-нцимби", *то есть* дочь железа. Имя Панды, короля зулусских племен, на самом деле "U-mpande", имя, происходящее от "impande", своего рода корня.

Эти родовые имена известны под названием "игама", и только на них распространяется запретительный обычай. Если речь идет о вожде, то его игама не может произносить никто из членов его крааля; если же речь идет о короле, то закон распространяется на всех его подданных. Так, каффир не только отказывается называть Панду по имени, но и, когда ему случается говорить о корне импандэ, заменяет его другим словом и называет его "ингксабо".

Каффир не любит, чтобы чужак даже слышал его игаму, поскольку у него есть смутное представление, что это знание может быть использовано в каких-то дурных целях. Один из моих друзей, проживший в Каффирленде несколько лет и нанявший на работу значительное число мужчин, так и не смог уговорить никого из них назвать свое игама и обнаружил, что они всегда предпочитают, чтобы их называли каким-нибудь английским именем, например Том или Билли. Наконец, когда он получил сносное представление о языке, он смог подслушать их разговор и таким образом выяснить настоящие имена, которыми они обращались друг к другу. Когда он освоил эти имена, то воспользовался случаем и обратился к каждому по его игаме, чем очень их напугал. Услышав это слово, они вздрагивали, как от удара, и в ужасе зажимали руками рот. Сам факт, что белый человек смог получить запретное знание, внушал им такое сильное чувство превосходства, что они становились очень послушными слугами.

Помимо игамы, каффир принимает и другие имена, всегда в честь какого-то совершенного им действия, и считается хорошим тоном обращаться к нему по одному или нескольким из этих титулов. Это второе имя называется "иси-бонга", слово, которое происходит от "уку-бонга", восхвалять. В Западной Африке вождь, помимо своего обычного имени, носит целый ряд "сильных имен", каждое из которых связано с определенным отрезком его истории. Иногда иси-бонга дается ему другими. Например, как только мальчик зачисляется в число юношей, родители дают ему иси-бонга; а когда он надевает головной убор в зрелом возрасте, ему всегда дают другое хвалебное имя. Если мужчина отличился в бою, его товарищи приветствуют его иси-бонга, под которым он официально известен до тех пор, пока не заработает другое. В торжественных случаях к нему всегда обращаются по одному или нескольким из этих хвалебных имен; а если его посещает кто-то из нижестоящих, последний встает у своей хижины и провозглашает вслух столько своих титулов, сколько считает подходящим для данного случая. Затем, согласно этикету, гость получает в подарок нюхательный табак, еду и питье, после чего снова заходит в хижину и возобновляет свое провозглашение, добавляя новые титулы в знак признательности за щедрость вождя.

У короля, разумеется, почти неограниченное количество иси-бонгов, и чтобы выучить их все по порядку, требуется недюжинная память. Поэтому два или три из них выбираются для обычного использования, а остальные предназначаются для глашатаев, чьей особой обязанностью является произнесение хвалебных речей своему монарху. К Панде, например, обычно обращаются как "О слон". Это всего лишь символическое иси-бонга, которое дается королю как признание того, что он величайший среди людей, как слон - величайший среди зверей. В каком-то смысле это действительно так, слоновьи пропорции Панды вполне оправдывают такую аллюзию. Этот титул можно было бы дать любому очень великому человеку, но это удобное имя, которым можно называть короля, и поэтому под этим именем к нему обычно обращаются в совете и на параде.

Например, мистер Шутер вспоминает небольшой инцидент, произошедший во время смотра Панды. Король обратился к одному из "мальчиков" и спросил, как он поведет себя, если встретит в бою белого человека? Никогда не было более отъявленного труса, чем этот "мальчик", но хвастаться было безопасно, и, вскочив на ноги, он заговорил как храбрец: "Да, о Слон! Ты видишь меня! Я пойду против белого человека. Его ружье - ничто. Я быстро

брошусь на него, пока он не успел выстрелить, или пригнусь, чтобы избежать попадания. Посмотри, как я его убью!" - и тут же его палка совершила работу ассагая над телом воображаемого европейца. Пригибаться, чтобы избежать пули, а затем бросаться на врага, пока тот не успел перезарядиться, было очень излюбленным приемом каффирских воинов, и поначалу они действовали очень успешно. Но их белые враги вскоре научились целиться так низко, что все уклонения в мире не могли ускользнуть от пули, а недавнее изобретение револьверов и казнозарядных винтовок и вовсе лишило эту тактику смысла.

В песне в честь Панды, часть которой уже цитировалась, представлено большое количество иси-бонгов. Поэтому будет лучше привести песню целиком и объяснить различные аллюзии в их порядке. Следует помнить, что в прежние времена Панда, которому Динган пощадил жизнь, когда тот убил Чаку и остальных членов семьи, был вынужден бежать перед ним, и очень изобретательно сумел благополучно перебраться через реку, подсмотрев удобный случай, пока армия Дингана была занята в другом направлении. Затем он заключил союз с белыми людьми, привел большие силы против Дингана и победил его, изгнав далеко за пределы страны, а в конце провозгласил себя королем зулусских племен. Эта битва произошла в Маконко, и свидетелем ее была жена Панды, приехавшая из Манкебе. Различные восхваления Панды, или иси-бонга, выделены курсивом.

"1. Ты брат Чакаса, *внимательный кормчий*,
2. *Ласточка, улетевшая в небо*;
3. Ласточка с усатой грудью;
4. Чей скот когда-либо был в такой тесной толпе,
5. Они спотыкались, когда бежали.
6. Ты, лживый поклонник доблести другого,
7. Эту доблесть ты принял в битве при Маконко.
8. Из запасов Н'дабазита, *медный стержень*,
9. *Выживший один из всех других прутьев*;
10. Другие они сломали, а этот оставили в саже,
11. Думал сжечь его в дождливый холодный день.
12. *Бедро быка Инкакавини*,
13. Всегда вкусная, если ее только зажарить,
14. Если его сварить, он всегда будет невкусным.
15. Женщина из Манкебе в восторге;
16. Она видела леопардов Джамы.
17. Сражаются вместе между маконко.
18. He passed between the Jutuma and Ihliza,
19. The Celestial who thundered between the Makonko.
20. I praise thee, O king! son of Jokwane, the son of Undaba,
21. The merciless opponent of every conspiracy.
22. Thou art an *elephant*, an *elephant*, an *elephant*.
23. Вся слава тебе, ты, *монарх, который черен*".

Первое иси-бонга в строке 1 указывает на изобретательность, с которой Панде удалось переправиться через реку, чтобы выбраться из района, где властвовал Динган. Во второй

строке "ласточка, скрывшаяся в небе" - еще один намек на скрытность его полета, который оставил не больше следов, чем пролет ласточки по воздуху. В строках 4 и 5 говорится о богатстве, *то есть* об изобилии скота, которым владел Панда. В строке 6 утверждается, что Панда был слишком скромен и думал о силе Дингана больше, чем тот того заслуживал, а в строке 7 в качестве доказательства этого утверждения приводится тот факт, что, когда они вступили в бой, Панда победил Дингана. Строки с 8 по 11 относятся к обычаю приправлять палочки, подвешивая их над каминами в каффирских хижинах. В строке 14 говорится о том, что кафиры очень редко жарят мясо, но почти всегда варят или, скорее, тушат его в закрытых сосудах. В строке 15 "женщина из Манкебе" - любимая жена Панды. В строке 19 "Небесный" - название великого племени зулусов, над которым правил Панда; слово "зулус" означает небесный и имеет во многом тот же смысл, что и то же слово, используемое китайцами для обозначения своего происхождения. В строке 21 говорится о попытках соперников Панды свергнуть его с престола и о том, как хитроумно он сумел разрушить их планы, заключив разумные союзы. В строке 22 повторяется имя вождя isi-bonga, которым к нему обращаются устно, а слова "Монарх, который черен" уже объяснялись на с. 12, когда речь шла о появлении племен кафиров.

Как и во многих других странах, когда мужчине представляют его первенца, он берет в качестве нового иси-бонга имя сына с приставкой "отец"; с другой стороны, если его отец окажется человеком, занимающим особое положение, он берет в качестве хвалебного имени имя отца с приставкой "сын". Таким образом, видно, что в то время как первоначальное имя, или игама, остается постоянным, хотя и очень редко упоминается, его иси-бонга, или хвалебное имя, постоянно меняется.

К счастью, язык зулусов сложен по своей структуре, и его чистота ревностно сохраняется благодаря постоянным советам, которые проводятся, и ораторским выступлениям, которые всегда сопровождают их. В противном случае этот любопытный обычай произвольно заменять одно слово другим мог бы оказать крайне пагубное влияние на язык, как это уже случалось в странах, где преобладал подобный обычай и где язык настолько изменился, что туземцы, покинувшие свою страну и вернувшиеся после тридцатилетнего перерыва, едва ли смогли бы понять друг друга, даже если бы они полностью сохранили язык таким, каким он был, когда они в последний раз говорили на нем в своей родной стране.

У кафиров существует любопытное правило: мужчине не разрешается входить в хижину, в которой может находиться одна из жен его сына. Если он хочет войти, то предупреждает об этом, и она удаляется. Но когда он владеет хижиной, она оказывается в равном положении и не может войти в свой дом, пока он не покинет его. Это правило, однако, редко соблюдается со всей строгостью, да и вряд ли возможно такое буквальное подчинение, потому что старший сын очень редко покидает отцовский крааль, пока не женится по крайней мере на двух женах. Вследствие большого практического неудобства этого правила кафиры придумали, как уклониться от него, хотя и не отказались от него открыто. Тесть дарит жене своего сына быка, и в благодарность за эту щедрость она освобождает его от обязанности соблюдать эту своеобразную и хлопотную вежливость. У туземцев этот обычай называется "уку-хлонипа".

Из всего сказанного очевидно, что женщины занимают очень низкое положение среди кафиров, и на них смотрят как на скот, который, как и скот, можно покупать и продавать. Каффиру и в голову не приходит, что он и его жена находятся на равных условиях или что он не заслуживает похвалы с ее стороны за то, что проявил снисхождение, женившись на ней. Мужчина едва ли снизойдет до того, чтобы обратить внимание на женщин своего собственного дома. Если они выходят на работу, то идут каждый своей дорогой.

Предположим, например, что мужчина рубит палки для растопки или столбы для опоры нового дома; его жены, отправляясь в одно и то же место, будут стараться выбирать разные пути. Нарезав дрова, он уходит, оставляя своих жен выполнять действительно тяжелую работу по их доставке домой, и ни одному мужчине не придет в голову помогать женщине в такой рутинной работе.

Сейчас передо мной несколько фотографий, на которых изображены женщины, несущие связки палок, и удивительно, какую огромную ношу несут эти трудолюбивые женщины. Мужчина даже не поднимет дерево на голову своей жены, но ожидает, что кто-то из представителей ее пола поможет ей. Иногда, когда несколько женщин возвращаются с заготовки дров, идя в одном строю, как это принято у них, во главе процессии идет "мальчик". Но он не унижается до палки и не несет ничего, кроме своего оружия и, возможно, небольшого щита.

Бесцеремонность, с которой обращаются с этими трудолюбивыми женщинами, не менее необычна, чем радостная покорность, с которой они подчиняются командам своих соболиных хозяев. Однажды, когда капитан Гардинер гостил у Дингана, он был разбужен задолго до рассвета криками человека, который бегал по краалю и выкрикивал какие-то команды в самом императивном тоне. Оказалось, что Дингану вдруг взбрело в голову построить новый крааль, и он приказал всем женщинам отправиться в кустарник, чтобы набрать тростника и веток для строительства. Через несколько минут послышалось множество женских голосов, объединившихся в приятную мелодию, которая становилась все громче и громче по мере увеличения числа поющих на месте сбора, а затем постепенно затихла вдали, когда они двинулись к месту своих трудов. Куст, к которому их послали, находился в десяти милях от крааля, но они отправились в путь довольно бодро, а после полудня, когда вернулись, неся на голове огромную связку кустов, пели все ту же песню, хотя прошли такое большое расстояние и были так тяжело нагружены. Песня, похоже, не отличалась большим разнообразием, поскольку состояла в основном из одной строчки: "Акосиники, ингониама изеви" и припева "Хау! Хау! Хау!". Вероятно, она предназначалась для той же цели, что и мелодии, исполняемые полковыми оркестрами, а именно для того, чтобы участники шли в ногу друг с другом.

Динган был настолько убежден в превосходстве своего пола, что никогда не позволял своим женам стоять в его присутствии, а заставлял их шаркать с места на место на коленях.

Вследствие разных жизненных привычек мужчины и женщины вряд ли могут принадлежать к одной расе. Мужчины, как правило, представляют собой исключительно прекрасные образцы человечности и, несмотря на высокие скулы, шерстяные волосы и толстые губы, могли бы послужить моделью для скульптора. Их рост высок, формы упруги и мускулисты, а шаг свободен и благороден, как и подобает походке воинов. Во всех этих отношениях они, безусловно, не уступают европейцам, а во многих - заметно превосходят. Женщины, однако, скорее отстают в росте, чем в развитии: их фигуры искривляются из-за тяжестей, которые им приходится носить, и они быстро теряют ту удивительную симметрию форм, которая отличала их еще в расцвете молодости. Мужчины сохраняют величественную осанку и смелый, умный вид, даже пока их волосы не поседеют от старости, в то время как пожилая каффирская женщина в лучшем случае неуклюжа и некрасива, а старуха неудержимо напоминает наблюдателю старую и исхудавшую обезьяну.

Иногда встречаются исключения из общего правила. Например, вождь или богатый человек гордится тем, что освободил своих дочерей и главную жену от исключительно тяжелого труда, который выпадает на долю представителей этого пола в Каффирленде. В случае с

дочерьми им движет не только корысть, но и родительская привязанность. Девушка стоит соразмерно своей внешности, а за лучший товар всегда хочется получить самую лучшую цену. Дочь бедняка или иждивенца вынуждена много работать и тяжело жить, и естественным следствием этого является то, что у нее почти нет настоящей молодости, а ее фигура испорчена тяжелым трудом, который налагается на нее в том возрасте, когда все телесные силы должны быть направлены на увеличение физической энергии ее каркаса. Поэтому, когда такая девушка достаточно взрослая, чтобы выйти замуж, она худая, ухоженная и грубая, и никто за нее много не даст. А если она и выходит замуж, то прекрасно понимает, что ее реальная должность в краале мужа - не более чем купленная работа.

Дочь богатого человека, напротив, не берет на себя почти ничего из действительно тяжелой работы, которая выпадает на долю ее пола; а поскольку ей не только разрешают, но и поощряют есть самую жирную пищу с максимально возможной скоростью, естественно, что по сравнению с обычным тружеником повседневной жизни она гораздо привлекательнее, и ее отец наверняка получит за нее гораздо большую цену, чем если бы ее заставили заниматься тяжелым трудом. Таким образом, три главных требования к каффирской девушке - она должна быть толстой, сильной и иметь достаточно красивое лицо. Последнее требование, однако, подчиняется двум другим. То, что она толстая, показывает, что она не была преждевременно измотана тяжелой работой; а то, что она сильная, дает обещание, что она сможет выполнять много работы после замужества, и что у покупателя не будет причин думать, что он зря потратил свои деньги.

ГЛАВА XI.
ВОЙНА - НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ.

ВОИНСКИЙ ДУХ КАФФИРОВ, КАК ОН ЗАРОЖДАЕТСЯ И КАК ВОСПИТЫВАЕТСЯ - СТРАХ ПЕРЕД НЕИЗВЕСТНЫМ - АРТИЛЛЕРИЯ - ЕЕ МОРАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА КАФФИРОВ - ТУЗЕМНОЕ НАЗВАНИЕ ПУШКИ - ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ - ОРУЖИЕ, ИСПОЛЬЗУЕМОЕ ЗУЛУССКИМИ ПЛЕМЕНАМИ - ПРИМИТИВНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ КОПЬЯ - МАТЕРИАЛЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ НАКОНЕЧНИКОВ КОПИЙ - ЗУЛУССКИЕ КОПЬЯ, ИЛИ "АССАГАИ" - ЗУЛУС КАК КУЗНЕЦ - ФОРМА ГОЛОВКИ АССАГАИ - ПРЕДПОЧТЕНИЕ КАФФИРОВ К МЯГКОЙ СТАЛИ - КАФФИРСКИЙ НОЖ И ТОПОР - СВОЙСТВО ПРОТИВОСТОЯТЬ РЖАВЧИНЕ - КАФФИРСКАЯ КУЗНИЦА И МЕХИ - ВЫПЛАВКА ЖЕЛЕЗА - КАФФИРСКИЙ ВОЖДЬ ПОРАЖЕН - ЛЕ ВАЙАН ОБУЧАЕТ ТУЗЕМЦЕВ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КУЗНИЦЫ - ПРОВОЛОКАВОЛОЧЕНИЕ И РАБОТА С ЛАТУНЬЮ - КАК КАФФИР ОТЛИВАЕТ И МОДЕЛИРУЕТ ЛАТУНЬ - ТРУДНОСТИ В РАБОТЕ С ЖЕЛЕЗОМ - КАК КАФФИР ДОБЫВАЕТ ОГОНЬ - ЗАКАЛКА ГОЛОВОК АССАГАЕВ - ВАЛЫ АССАГАЕВ - ЛЮБОПЫТНЫЙ СПОСОБ КРЕПЛЕНИЯ ГОЛОВКИ К ВАЛУ - ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗЕЦ АССАГАЯ - КАК МЕТАЮТ АССАГАЙ - ХИТРОСТЬ КАФФИРСКОГО ВОЖДЯ, И КЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ - ДВА ВИДА АССАГАЕВ - НАБАЛДАШНИК-КЕРРИ И СПОСОБ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ.

Если и есть какая-то черта, которая отличает истинную каффирскую расу, так это врожденный гений ведения войны. Каффир с детства и до самой смерти живет в атмосфере войны. Пока он не станет старым и богатым и, естественно, не захочет хранить свои владения в спокойствии, мирное время для него - это время неприятностей. У него нет возможности выплеснуть свою избыточную энергию; у него полно копий, которые он не может использовать против врага, и щитов, которые он может применить только в танце. У него нет

шансов отличиться и таким образом получить звание и богатство; а если он молодой холостяк, то еще долгие годы не может надеяться, что его возведут в ранг "мужчины" и разрешат жениться. Правда, во время войны его могут убить, но это размышление ничуть не беспокоит кафира. Насколько он знает, в мирное время его жизнь подвергается не меньшей опасности. Он может ненароком обидеть короля; он может совершить нарушение дисциплины, на которое в военное время не обратили бы внимания; его могут обвинить в колдовстве и замучить до смерти; он может накопить несколько коров и тем самым возбудить скупость вождя, который наложит на него крупный штраф за то, чего он либо не совершал, либо что не имело ни малейшего значения.

Зная, таким образом, что насильственная смерть с одинаковой вероятностью постигнет его как в мире, так и на войне, и что в мире у него нет возможности удовлетворить свои честолюбивые чувства, молодой каффир становится сторонником войны. Действительно, если бы не разумные советы стариков, английское правительство имело бы гораздо больше проблем с этими племенами, чем было до сих пор. Даже при правлении Панды в армии были большие разногласия. Все сходились на том, что им не нравится правление англичан в районе Наталя, потому что Наталь стал убежищем для тысяч каффиров, большинство из которых принадлежали к племени зулусов и бежали от тирании Панды; другие же принадлежали к племенам, против которых Панда вел войну, и бежали за защитой под английский флаг.

Более молодые воины, свирепые, высокомерные, презирающие белого человека, потому что не знают его, неоднократно умоляли разрешить им вторгнуться в Наталь. В ответ на свои просьбы они утверждают, что завоюют страну, вернут своему королю всех беглецов, которые от него сбежали, и распаляют свой собственный разум, а также разум молодых и невежественных, пылкими описаниями богатой добычи, которая достанется завоевателям, стад скота, тонн бус, количества огнестрельного оружия и боеприпасов, и вообще неограниченных поставок всего, чего только может пожелать сердце кафира. Однако люди постарше, которые больше знакомы с белыми людьми и на собственном опыте убедились в том, что когда белый человек стреляет из пистолета, он, как правило, попадает в цель, всегда отговаривали своих более молодых и импульсивных товарищей от столь опрометчивой попытки.

Как ни странно, но аргумент, который оказался наиболее весомым, на самом деле очень слабый. Каффир, как и другие люди, достаточно храбр, когда может осознать опасность, но ему совсем не нравится сталкиваться с опасностью, которую он не может понять. Как и все неизвестное, такая опасность действительно страшна для каффирского ума, и эта неизвестная опасность выражается словом "канон", или "мимо" - по туземному выражению. О том, почему пушки так называются, мы сейчас расскажем. Каффирцы слышали, что страшный "мимо" съедает все - деревья, дома, камни, траву; и, как они справедливо утверждают, он с большой вероятностью съест и каффирских солдат. Конечно, при обороне форта от каффиров пушки, заряженные виноградом и канистрами, были бы ужасно эффективны, и они были бы вправе отказаться от штурма любого места, защищенного таким страшным оружием. Но они, похоже, не понимают, что пушки в форте и пушки в кустах - две совершенно разные вещи, и что, если бы им удалось заманить артиллерию в кусты, от страшного оружия было бы едва ли больше пользы, чем от поленницы дров. Каффиры, похоже, никогда не проводили такого различия, и здоровый страх перед пушками во многом способствовал спокойствию среди импульсивных и самоуверенных солдат Каффирленда.

Странное название "By-and-by" прикрепилось к пушке следующим образом: когда туземцы впервые увидели несколько артиллерийских орудий в районе Наталя, они спросили, что это

за странные предметы, и им ответили, что они узнают об этом "by-and-by". Дальнейшие вопросы, дополненные несколькими выстрелами, вселили в них такой ужас перед "пока", что они никогда не любили состязаться с таким оружием.

Племена зулусов примечательны тем, что это единственный народ в этой части Африки, который практикует войну в европейском понимании этого слова. Остальные племена очень хороши в боях в кустах и очень хитры в том, чтобы застать врага врасплох и напасть на него до того, как он будет к этому готов. Партизанская война - это, по сути, их единственный способ ведения сражений, и, как и положено в таких войнах, она больше зависит от усилий отдельных бойцов, чем от научного объединения масс. Но племя зулусов со времен Чаки, великого изобретателя военной тактики, ведет войну в манере, приближенной к понятиям цивилизации.

Их люди организованы в полки, каждый из которых подразделяется на роты, и каждой командует свой вождь, или полковник, а король, как генерал, ведет свои войска на войну, располагает их в боевом порядке и лично руководит их передвижениями. Они предупреждают противника, что собираются выступить против него, и смело встречают его в открытом поле. У них есть свой военный этикет, который некоторые из наших людей не сразу поняли. Однажды они послали английскому командиру сообщение, что "придут и позавтракают с ним". Он подумал, что это всего лишь шутка, и был очень удивлен, когда каффиры, выполнив свое обещание, хлынули, как поток, через холмы, оставив ему лишь время, чтобы успеть поставить своих людей под оружие до прихода темных врагов.

Поскольку в каффирской войне большое внимание уделяется оружию, как наступательному, так и оборонительному, которым вооружены войска, прежде чем мы продолжим, необходимо дать описание их оружия. Они немногочисленны и просты и состоят из копий, называемых "ассагаи", коротких булав, называемых "керри", и щитов, сделанных из шкур быков.

Почти у каждого народа есть свое отличительное оружие, или, во всяком случае, одно оружие, которое ценится больше, чем любое другое, и которое никогда не используется так умело, как само по себе. У австралийских дикарей есть бумеранг - оружие, которое может правильно использовать только австралиец. Многие европейцы могут бросить его так, чтобы он совершил несколько пустяковых эволюций в воздухе, но нет ни одного, кто действительно мог бы использовать его как эффективное оружие или инструмент для охоты. У даяков есть сумпитан, а у индейцев макоуши - аналогичное оружие, зарабатана, через которую вылетают крошечные отравленные стрелы, сто из которых можно держать в руке, и каждая из которых несет смерть на своем острие. У гоорка есть свой кукери - тяжелый изогнутый нож, которым он в честном бою убьет тигра и смело нападет на цивилизованных солдат, несмотря на их более совершенное оружие. У сикхов есть странное оружие квоит, или чакра, которое проносится по воздуху или рикошетит от земли и наносит ужасающие удары по врагу. У эскимосов есть гарпуны, которые служат либо для ловли тюленей, либо для нападения на врага. У полинезийцев есть страшные мечи и перчатки, вооруженные зубами акул, каждый из которых режет, как ланцет, и наносит рану, которая, хотя и не опасна сама по себе, становится таковой, когда умножается на счет и наносится в самую чувствительную часть тела.

Некоторые из этих видов оружия имеют особую форму и не используются в других странах, в то время как некоторые являются модификациями орудий войны, распространенных на значительной части земного шара, и изменены по форме и размеру в соответствии с местностью. Именно к таким относится особое оружие кафиров, населяющих район Наталя, - небольшое на вид, но очень грозное копье или ассагай. Копье - один из самых простых

видов оружия, самый простой из всех, за исключением дубины. В своем первобытном состоянии копье представляет собой не что иное, как палку большей или меньшей длины, заостренную с одного конца. Лучший пример такого примитивного копья можно найти на Борнео, где это оружие изготавливают за несколько минут, взяв кусок бамбука удобной длины и отрезав один конец по диагонали. Следующим усовершенствованием в изготовлении копья стало помещение заостренного конца в огонь на несколько мгновений. Этот процесс позволил копьеносцу легче соскоблить острие, а обугленное дерево стало твердым и способным противостоять сырости лучше, чем если бы его просто соскоблили до острия. Подобные копья можно найти почти в каждом первобытном племени дикарей.

Теперь происходит дальнейшее усовершенствование. Острие вооружается каким-либо материалом, более твердым, чем дерево, - это может быть кость, рог, камень, металл или другое подобное вещество. Некоторые народы вооружают наконечники своих копий острыми чешуйками кремня или обсидиана. Некоторые оканчивают их концом острого рога или даже когтями млекопитающих или птиц - кенгуру, эму и кассауари используются для этой необычной цели. Во многих частях света излюбленные копья вооружены зубами акул, а в других - хвостовым шипом жалящего луча, который не только глубоко проникает, но и разрывается в ране, что всегда приводит к смерти. Эти дополнения к копьям, а также другие, сделанные из некоторых морских раковин, обязательно принадлежат племенам, населяющим некоторые острова в теплых морях. Последнее и самое большое усовершенствование, которое было сделано при изготовлении копий, - это отказ от всех дополнений к головке и изготовление самой головки из металла. Для этой цели обычно используется железо, отчасти потому, что у него острый край, а отчасти потому, что его можно легко выковать в любую необходимую форму. Аборигены южной Африки прекрасно умеют ковать железо, и вообще, похоже, что способность к кузнечному искусству присуща всем коренным жителям Африки, с севера на юг и с востока на запад. Ни одно из племен не умеет делать с железом очень много, но то немногое, что им требуется, они обрабатывают в совершенстве. Как и в случае со всеми нецивилизованными существами, все сокровища искусства направлены на их оружие; поэтому, если мы хотим увидеть, что африканский дикарь может делать с железом, мы должны посмотреть на его копья, ножи и стрелы - последние действительно являются лишь копьями в миниатюре.

Наконечники каффирских копий чрезвычайно разнообразны по форме, некоторые из них представляют собой просто шип, но большинство имеют форму лезвия. Очень немногие из них колючие, а обычной формой является та, которая несколько раз показана на иллюстрации на странице 103. Тем не менее, где бы ни использовалось лезвие, оно всегда имеет одну особенность строения, будь оно обычным или колючим. По центру проходит рельефный гребень, и с одной стороны от него лезвие выпуклое, а с другой - вогнутое. Причина такого любопытного строения, по-видимому, двоякая. Во-первых, возможно, что эта структура лезвия действует подобно перьям стрелы или спиральным канавкам на винтовочных шариках, изобретенных доктором Крофтом, которые можно использовать в гладкоствольных стволах. Полковник Лейн Фокс обнаружил, что если привязать нитку к острию ассагая и бросить оружие с большой осторожностью, чтобы метатель не прилагал вращательной силы, то к моменту касания земли нитка оказывается спирально закрученной вокруг головки и древка. Это, конечно, одна из причин такой формы. Другая причина заключается в том, что клинок такой формы можно очень легко заточить, когда он затупится. Для этого достаточно взять кремень или даже тыльную сторону обычного ножа и поскрести им по кромке, и, если все сделано правильно, одна такая царапина наточит оружие заново. Головка всегда делается из мягкого железа, поэтому легко поддается заточке. Читатель может вспомнить, что гарпуны, которые мы используем для охоты на китов, всегда сделаны

из самого мягкого железа; если бы они были сделаны из стали, то первый же яростный рывок кита мог бы сломать их, а если бы они затупились, то их нельзя было бы заточить без особого труда и упорной работы на точильном камне.

Если оставить в стороне два вопроса: вращательное движение и удобство заточки, то возможно, что своеобразная структура клинка объясняется тем, что такая структура позволяет получить наибольшую прочность при наименьшем количестве материала. По такому же принципу сделан штык-меч винтовки Chassepot. Знает ли каффир об этом принципе и выковывает ли он наконечник копья в соответствии с ним - это уже другой вопрос. Читатель, более осведомленный, чем каффир, возможно, вспомнит, что тот же принцип используется в "гофрированном" железе, которое сейчас так широко применяется для строительства зданий, крыш и других подобных целей.

Каффиры очень любят орудия из мягкого железа и предпочитают нож из этого материала лучшему клинку, который может изготовить Шеффилд. Они признают, что для некоторых целей стальное лезвие превосходит их собственное, но для обычной работы ничто не может сравниться с мягким железом. Стальное лезвие ломается и становится бесполезным, а мягкое железо только гнется. Более того, когда они хотят выдолбить углубление в куске дерева, например, в чаше ложки, негибкий стальной клинок будет почти бесполезен. Но каффир просто берет свой нож из мягкого железа, сгибает его до нужной кривизны и таким образом может в мгновение ока сделать выколотку любой степени кривизны. Закончив работу, он кладет нож на плоский камень и через несколько секунд снова делает его прямым. Каффирский нож совсем не похож на наш, а по форме напоминает голову ассагая. Используя его, он хватается за рукоять так, как художники изображают убийц, держащих кинжалы, а не так, как мы держим ножи. Он всегда режет от себя, как показано на странице 73, № 1; и каким бы неуклюжим ни казался этот способ использования ножа, англичане часто научились ценить его и использовать в отличие от обычной европейской моды.

Как бы ни были непригодны инструменты, сделанные кафирами для работы в Европе, те, что сделаны в Европе и используются в Южной Африке, еще менее полезны. Не зная этого факта, путешественники и поселенцы склонны тратить в Англии большие деньги на предметы, которые впоследствии оказываются малопригодными - предметы, которые опытный поселенец не принял бы в подарок. В качестве наглядного примера разницы между инструментами, необходимыми в разных странах, можно привести топор. Хорошо известно, что из всех разновидностей этого инструмента американский топор является самым лучшим, поскольку он достиг своего нынешнего превосходства благодаря долгому опыту изготовителей среди обширных лесов своей страны. Поэтому эмигранты почти всегда снабжают себя несколькими американскими топорами, и в большинстве случаев они не могут сделать ничего лучше. Но на юге Африки этот превосходный инструмент так же бесполезен, как бритва при раскалывании камней. Особая древесина мимозы, дерева, которое повсеместно используется на юге Африки, непременно зазубрит кромку топора и за короткое время сделает его неспособным выполнять свою работу; в то время как южноафриканский топор, который в Америке был бы неуклюжим и медленно работающим инструментом, может разрубить самую твердую мимозу, не получив никаких повреждений.

Есть еще одна причина, по которой каффир предпочитает свои собственные железные изделия европейским. Его собственное производство обладает свойством противостоять сырости и не ржаветь. Если оставить европейский нож или стальной инструмент самого высокого качества на всю ночь под открытым небом, а рядом с ним каффирский ассагай, то первый покроется ржавчиной, а второй будет таким же ярким, как всегда. Так происходит и с теми ассагаями, которые привозят в Англию. Возможно, что отсутствие ржавчины

достигается процессом, аналогичным тому, который используется при изготовлении геологических молотков, а именно: пока металл горячий, его погружают в масло, а затем бьют молотком. Превосходство клинка отчасти объясняется тем, что огонь, в котором выплавляется металл, а затем нагревается для кузницы, состоит из древесного угля, чтобы превратить железо в подобие стали. Знаменитая индийская сталь "вутц" производится путем помещения железа в небольшие тигли вместе с маленькими веточками определенных деревьев, после чего тигель подвергается очень сильному нагреву.

Очевидно, что для изготовления такого оружия каффир должен быть хорошим кузнецом, и, конечно, если принять во внимание вид работы, которую приходится выполнять, его вряд ли можно превзойти в этом искусстве. Конечно, если бы любому английскому кузнецу дали количество железной руды, и у него были бы только самые примитивные инструменты, которыми пользуется каффирский кузнец, он был бы полностью побежден своим сумрачным собратом по кузнице.

Среди кафиров кузнец - человек очень важный и уважаемый в племени. Он не хочет осквернять тайну своего ремесла, позволяя непосвященным наблюдать за различными процессами, и поэтому проводит свои операции на некотором расстоянии от крааля. Первым делом он готовит мехи. Форма, которую он использует, преобладает в значительной части Африки и встречается, с некоторыми изменениями, даже на многих островах Полинезии. Он состоит из двух кожаных мешков, на верхнем конце которых находится ручка. К нижнему концу каждого мешка прикреплены полые рога какого-либо животного, чаще всего коровы или эланда; когда мешки попеременно надуваются и сжимаются, воздух выходит через оба рога. Конечно, жар огня разрушит рога, если позволить им соприкасаться с ним, поэтому их вставляют не в огонь, а в фаянсовую трубку, которая сообщается с огнем. Использование клапанов неизвестно; но поскольку оба рога открываются не в огонь, а в трубку, огонь не втягивается в сильфон, как это могло бы произойти в противном случае. Однако такое расположение приводит к значительным потерям воздуха, поэтому сильфонный воздуходув вынужден работать гораздо интенсивнее, чем если бы он был снабжен инструментом, который мог бы направлять огонь прямо по назначению. Древние египтяне использовали мехи точно такой же конструкции, за исключением того, что они не работали полностью вручную. Они стояли одной ногой на каждом мешке и раздували огонь, попеременно нажимая на них ногами и поднимая их с помощью шнура, прикрепленного к их верхним концам.

Когда кузнец собирается приступить к работе, он выкапывает в земле яму, в которую помещает огонь, а затем опускает в нее фаянсовую трубку под наклоном, так что нижний конец открывается на дне ямы, а верхний выступает над уровнем земли. Два рога вставляются в верхний конец фаянсовой трубки , а мехи закрепляются на своих местах, так что мешки удобно располагаются для рук оператора, который сидит между ними. В отверстие закладывается древесный уголь, который вскоре разгорается до мощного жара с помощью сильфона. Камень побольше служит наковальней, а камень поменьше - молотом. Иногда молот делают из конического куска железа, но в большинстве случаев достаточно камня. Грубую работу по приданию железу нужной формы обычно выполняют помощники главного кузнеца, которых у него несколько, и все они бьют по железу в порядке очереди. Формирование и отделку изделий кузнец оставляет за собой. Другие инструменты немногочисленны и просты, они состоят из пробойников и грубых щипцов, сделанных из двух железных прутьев.

С помощью этих инструментов каффирский кузнец может отливать из латуни различные украшения. Иногда он заливает ее в цилиндрическую форму, чтобы получить прут, из

которого можно выковать браслеты и другие подобные украшения, а иногда делает шпильки и ручки, формируя их форму в глиняных формах.

На иллюстрации № 2 на странице 97 показана кузница местных жителей в полном рабочем состоянии. Главный кузнец находится в левой части гравюры, сидит у мехов и раздувает огонь, в который помещен железный прут, собирающийся выковать голову ассагая. Хорошо показан способ крепления роговых труб мехов к земле: поперек каждого рога положена палка, а на каждую палку - тяжелый камень. По правую руку от кузнеца стоит корзина с древесным углем, еще одна корзина находится рядом с помощником. На противоположной стороне сидит помощник или ученик кузнеца и деловито бьет коническим камнем по выковываемому наконечнику копья, а по бокам от него лежат один или два готовых наконечника. Позади них другой кузнец усердно работает с огромным камнем, которым он дробит руду. Справа на рисунке видна тростниковая ограда, возведенная для защиты от ветра, а в центре - крааль, к которому принадлежат кузнецы. Тростниковый забор поддерживается с помощью троса, привязанного к мимозе. В тени забора стоит несколько кувшинов с пивом, чтобы кузнецы могли иногда подкрепиться.

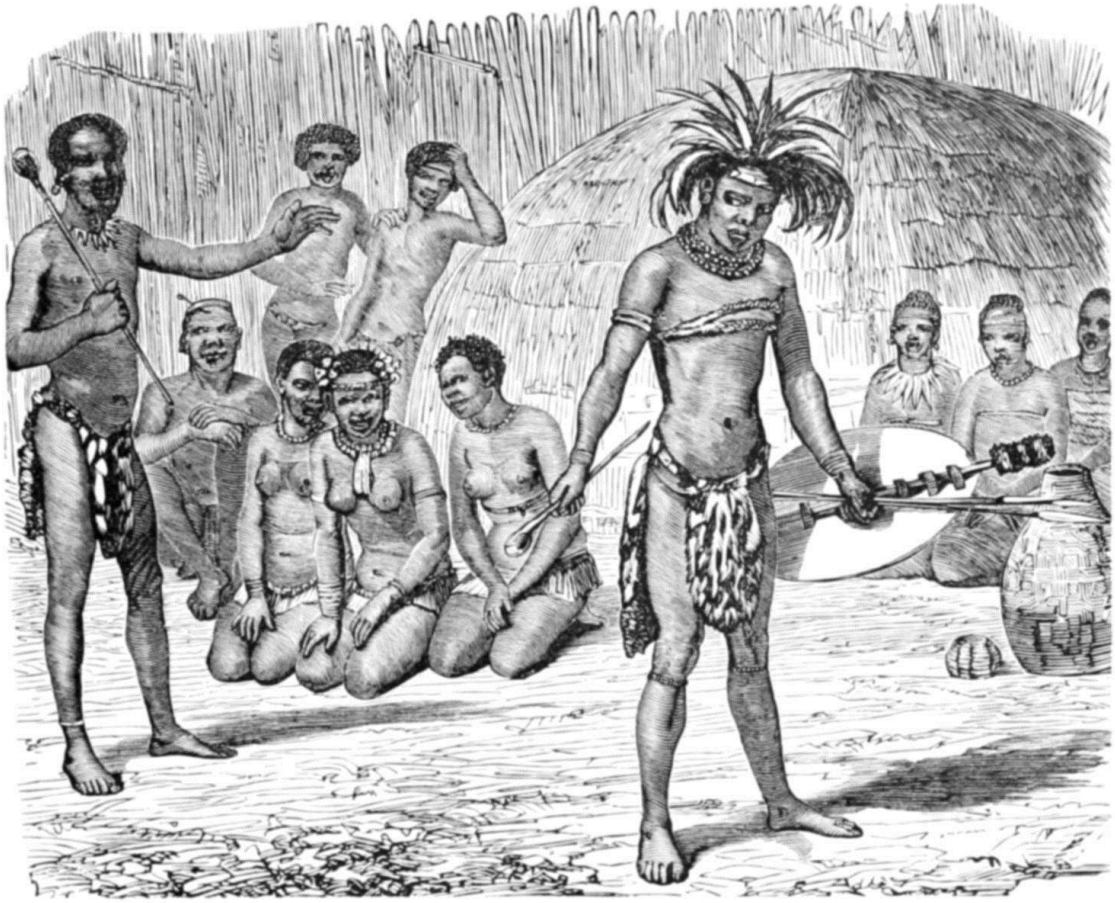
Как кузнецу удается работать, не обжигая правую руку, совершенно непонятно. Мне приходилось работать с коническим молотом, и я обнаружил, что рука находится так близко к железу, что, когда оно нагревается до раскаленного красного цвета, воздействие на пальцы должно быть крайне неприятным, не говоря уже об искрах, которые так обильно разлетаются при ударе по раскаленному железу. Иногда, когда туземец изготавливает небольшие предметы, он берет довольно большой молоток, переворачивает его и глубоко вбивает маленький конец в землю. Лицевая сторона молота оказывается наверху и служит наковальней, по которой он работает молотом меньшего размера.

Хотя мехи, которые делает каффир, достаточно мощные, чтобы позволить ему плавить латунь и ковать железо в различные формы, они, кажется, не дают достаточно сильного и непрерывного взрыва, чтобы позволить ему сваривать железо вместе. Мистер Моффатт упоминает любопытный анекдот, который иллюстрирует этот момент. Он был в гостях у Моселекатсе, короля северного племени зулусов, и очень напугал дикого монарха видом повозки, колеса которой, как показалось его невежественному уму, были наделены движением с помощью какой-то магической силы. Однако наибольшее удивление у него вызвала шина колеса, так как он не мог понять, как можно сделать такой кусок железа без видимого соединения концов. Туземец, сопровождавший мистера Моффатта, объяснил королю, как была решена эта загадка. Он взял правую руку миссионера в свою, поднял ее перед королем и сказал: "Мои глаза видели, как эта самая рука разрезала эти прутья железа, отделила кусок от одного конца, а затем соединила их так, как вы видите сейчас". После тщательного осмотра было указано место, где железо было сварено. Тогда царь поинтересовался, давали ли железу лекарства, чтобы наделить его такой чудесной силой, но ему ответили, что ничего не использовали, кроме огня, зубила и молотка. Однако Моселекатсе был королем воинственных зулусов, народа, обладавшего большим количеством кузнецов, хорошо владевших своим искусством и умевших ковать листовидные клинки ассагаев с таким мастерством, что лучшие европейские кузнецы не смогли бы изготовить оружие, более идеально подходящее для той цели, которую оно должно было выполнять.

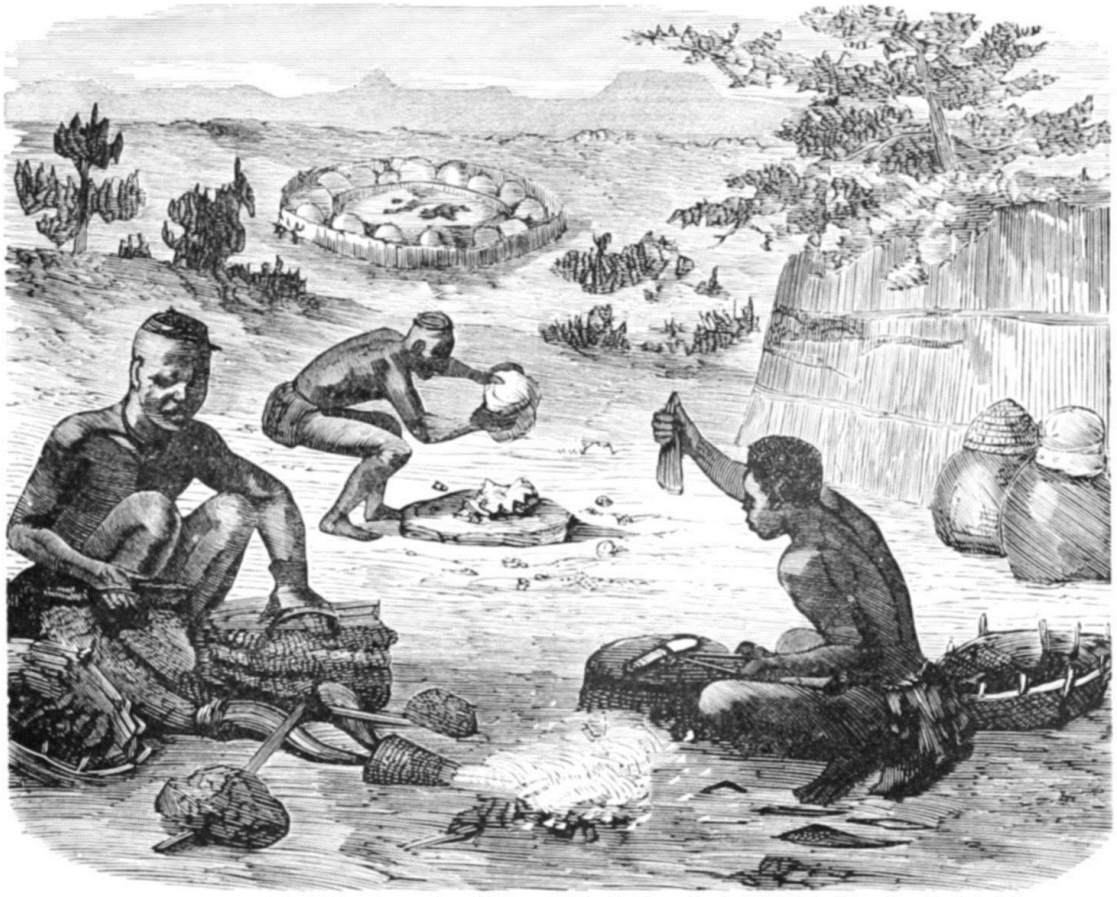
Ле Вайан рассказывает забавный случай, когда некоторые каффирские кузнецы были поражены грубым видом мехов, которые он сделал по европейской моде. Отдав справедливую дань восхищения восхитительной работе, выполненной сумрачными

кузнецами, несмотря на их крайне грубые и несовершенные инструменты, он переходит к описанию формы мехов, которые они использовали, - именно той, которая уже упоминалась.

"Мне было очень трудно заставить их понять, насколько мехи наших европейских кузниц превосходят их изобретение; и, будучи убежденным, что то немногое, что они могли уловить из моих объяснений, скоро выветрится из их памяти и, следовательно, не принесет им реальной пользы, я решил добавить пример к наставлениям и действовать сам в их присутствии.



(1.) ЖЕНИХ НА ОДОБРЕНИИ.
(См. стр. 79.)



(2.) КАФФИР В СВОЕЙ КУЗНИЦЕ.
(См. стр. 96.)

"Отправив одного из моих людей в наш лагерь с приказом принести днища двух ящиков, кусок летнего кароса, обруч, несколько небольших гвоздей, молоток, пилу и другие мелкие инструменты, которые могут мне понадобиться, как только он вернулся, я с большой поспешностью и очень грубым способом сделал пару мехов, которые были не мощнее тех, что обычно используются в наших кухнях. Два куска обруча, которые я поместил внутрь, служили для того, чтобы держать шкуры всегда на одинаковом расстоянии; и я не забыл сделать отверстие в нижней части, чтобы быстрее пропускать воздух - простой способ, о котором они не имели ни малейшего представления, и из-за отсутствия которого им приходилось тратить много времени на наполнение овчины.

"У меня не было железной трубы, но, поскольку я хотел сделать только модель, я прикрепил к ее концу гильзу от зубочистки, отпилив один из ее концов. Затем я положил свой инструмент на землю возле костра и, закрепив в земле вилообразную палку, положил на нее нечто вроде рычага, который был прикреплен к куску вьючной нити, идущей от мехов, и к которому был прикреплен кусок свинца весом в семь или восемь фунтов. Чтобы составить представление об удивлении кафиров по этому поводу, надо было видеть, с каким вниманием они следили за всеми моими действиями, в какой неопределенности они находились и с какой тревогой ждали, что же произойдет. Они не могли удержаться от восклицаний, когда увидели, как я несколькими легкими движениями одной руки придал их огню наибольшую активность, с какой быстротой я заставлял свою машину втягивать и снова выпускать воздух. Положив в огонь несколько кусков железа, я за несколько минут раскалил их докрасна, чего они, несомненно, не смогли бы сделать за полчаса.

"Этот образец моего мастерства привел их в изумление. Я могу осмелиться сказать, что они были почти в конвульсиях и впали в бред. Они танцевали и кружились вокруг мехов; каждый пробовал их по очереди, а они хлопали в ладоши, чтобы лучше выразить свою радость. Они умоляли меня подарить им эту чудесную машину и, казалось, с нетерпением ждали моего ответа, не представляя, как я полагал, что я с готовностью откажусь от столь ценного предмета мебели. Мне было бы очень приятно услышать в будущем, что они довели их до совершенства и что, прежде всего, они хранят память о том незнакомце, который впервые снабдил их самым необходимым инструментом в металлургии".

Насколько можно судить по нынешнему состоянию кузнечного искусства в Каффирланде, туземцы не извлекли из инструкций Ле Вайяна той пользы, которую он так бесхитростно предсказывал. По всей вероятности, мехи, о которых идет речь, будут конфискованы вождем племени, который уничтожит их рабочую силу, пытаясь разобраться в их действии. Кроме того, кафиры очень консервативны в своих представлениях и предпочтут старую овечью шкуру, которую нужно было только привязать к ногам и шее, сравнительно сложному инструменту белого путешественника, который требовал использования деревянных обручей, гвоздей, пилы, молотка и других инструментов цивилизованного рабочего.

Каффирские кузнецы давно владеют искусством волочения проволоки, хотя их пластины очень грубые, металл сравнительно мягкий, а проволока, как следствие, тянется неравномерно. Кроме того, они не могут делать проволоку из железа, а вынуждены довольствоваться более мягкими металлами, такими как латунь и медь. Мистер Моффат, африканский миссионер, рассказывает забавный анекдот о беседе с местным металлистом. Как и положено миссионеру, он на практике познакомился с искусством кузнеца и, таким образом, вошел в дружеские отношения со своим мрачным собратом по кузнице; а после того как он завоевал его сердце, сделав для него новую плиту для волочения проволоки из стали, пробитую для проволоки толщиной в двадцать вариаций, побудил его продемонстрировать весь свой таинственный процесс.

Прежде всего он подготовил четыре формы, очень просто сделанные из небольшой кучи сухого песка и воткнутой в нее палочки диаметром около четверти дюйма. Затем он разжег костер из древесного угля, как уже было описано, и поместил в грубый глиняный тигель немного меди и олова. Энергичным движением мехи сплавили медь и олово вместе, после чего он достал тигель грубыми щипцами из коры и вылил содержимое в отверстия, изготовив таким образом несколько коротких латунных стержней диаметром около четверти дюйма и длиной три-четыре дюйма. Затем эти стержни вынимали из форм и били по ним камнем до тех пор, пока их диаметр не уменьшался вдвое. Во время этой операции стержни часто нагревали в пламени горящей травы.

Далее следовала важная операция - протягивание прутьев через отверстия, чтобы превратить их в проволоку. Конец прута затачивали и протаскивали через самое большое отверстие, используя в качестве щипцов расщепленную палку и постоянно смазывая прут. Повторяя этот процесс, проволоку пропускают через отверстия, диаметр которых регулярно уменьшается, пока, наконец, она не становится едва ли толще швейной нитки. Толщина проволочной пластины составляет около полудюйма. Изготовленная таким образом латунь не сравнится по цвету с той, в которой вместо олова используется цинк, но поскольку она способна принимать высокую полировку, туземцу больше ничего не нужно. Читатель, возможно, помнит, что мистер Уильямс, известный миссионер, создал себе репутацию среди дикарей, к которым он был послан, сделав на скорую руку набор мехов из ящиков и досок, причем крысы всегда съедали каждый клочок кожи, который оказывался на виду.

Знания о кузнечном деле, которыми обладал мистер Моффатт, были приобретены им при весьма неблагоприятных обстоятельствах. Нужно было починить сломавшуюся повозку, и не было другого выхода, кроме как обратиться к кузнецу и починить повозку или отказаться от экспедиции. Обнаружив, что главным недостатком кузнечного дела является неэффективная конструкция местных мехов, он принялся за работу и сумел изготовить пару мехов, очень похожих на те, которые Ле Вайян так пылко описывал. И если требовалось какое-то доказательство того, что чаяния французского путешественника не оправдались, его можно найти в том факте, что грубые мехи, сделанные английским миссионером, вызывали у туземцев такое же изумление, как и те, что были сделаны Ле Вайяном за шестьдесят лет до этого.

Большая часть железа, используемого на юге Африки, похоже, имеет метеоритное происхождение и встречается в некоторых местах в удивительно чистом виде, так что для того, чтобы сделать его пригодным для кузницы, требуется совсем немного труда.

Каффирскому кузнецу никогда не нужно беспокоиться о том, как добыть огонь. Если он устанавливает свою кузницу вблизи крааля, то проще всего послать своего помощника за огнивом из одной из хижин. Но если он предпочтет, как это часто бывает, работать на некотором расстоянии от хижин, он сможет добыть огонь с полной уверенностью, хотя и не без некоторого труда.

Сначала он приобретает две палки, одну из которых берет из дерева с мягкой древесиной, а другую - из акации или другого дерева с твердой древесиной. Разумеется, обе палки должны быть тщательно высушены, что в столь жарком климате не представляет особых трудностей. Следующее, что он делает, - это придает одному концу твердой палки форму острия, а в середине мягкой палки проделывает небольшое отверстие. Теперь он садится на корточки, помещает заостренный кончик жесткой палки в отверстие мягкой палки и, взяв ее между ладонями, с огромной скоростью крутит ее вперед-назад. По мере того как он продолжает, отверстие увеличивается, и в него попадает небольшое количество очень мелкой пыли, которая растирается от трения. Вскоре пыль темнеет, затем становится почти черной, и вскоре из нее поднимается легкий дымок. Теперь кафирец удваивает свои усилия; он помогает воздействию вращающейся палочки своим дыханием, и еще через несколько секунд пыль вспыхивает пламенем. Это очень тяжелая работа, и к тому времени, когда огонь проявляется, производитель покрывается потом.

Обычно в разведении огня участвуют не менее двух человек, которые, разделяя труд, значительно сокращают процесс. Очевидно, что при работе с перпендикулярной палкой руки должны постепенно скользить по ней, пока не достигнут острия. Тогда одинокий каффир вынужден будет остановить палку, переместить руки к вершине и начать все сначала, теряя таким образом много драгоценного времени. Но когда два кафира объединяются для разжигания огня, один садится напротив другого, и как только он видит, что руки его товарища почти дошли до основания палки, он кладет свои руки на вершину, продолжает движение и подстраховывает своего друга. Таким образом, движение палки не задерживается ни на секунду, а операция, соответственно, ускоряется. Кроме того, значительную помощь оказывает второй кафир, который держит пыль правильно расположенной вокруг острия палки и берет на себя роль мехи, чтобы позволить своему товарищу тратить все свои силы на вращение палки.

Сейчас передо мной одна из мягких палочек, в которых добывают огонь. В ней есть отверстие, очень напоминающее по форме и размеру углубления в пасьянсе, за исключением того, что его бока черные и глубоко обугленные огнем, а местами сильно

отполированы трением. Некоторые из моих читателей, возможно, помнят, что английские кузнецы одинаково независимы от люциферовых спичек, кремня и стали и других признанных способов разведения огня. Они кладут на наковальню небольшой кусок мягкого железа вместе с угольной пылью и яростно бьют по нему молотом. В результате выделяется достаточно тепла, чтобы зажечь уголь и дать кузнецу возможность приступить к работе.

Теперь мы посмотрим, как туземец делает свой ассагай.

С помощью своих простых инструментов туземные кузнецы умудряются делать наконечники копий такого превосходного качества, что у них получается очень острый край; настолько острый, что ассагай используется не только для разделки мяса и других подобных работ, но и для бритья головы. Кроме того, он настолько податлив, что хороший экземпляр можно согнуть почти вдвое и снова сделать прямым, не нагревая.

Когда каффирский кузнец завершает работу над головкой ассагая, она становится похожа на лезвие столового ножа до того, как его вставят в рукоятку, и имеет прямой выступающий шпенек, с помощью которого она крепится к деревянному древку. Этот шпенек, или танг, как его называют кузнецы, всегда имеет насечки, чтобы лучше держался.

Теперь наступает следующий этап. У копьеметателя уже есть несколько древков. Они вырезаются из дерева, которое в народе называют "ассагайским деревом", и в среднем имеют длину почти в живой фут. В диаметре они очень малы, редко превышая мизинец на толстом конце, в то время как другой конец сужается до диаметра обычного черносвинцового карандаша. Дерево ассагай по-научному называется *Curtisia Jaginea* и чем-то напоминает красное дерево. Древко ассагаи редко, если вообще когда-либо, бывает достаточно прямым, чтобы оружие можно было использовать сразу. Его выпрямляют, нагревая на огне, а затем скребут, бьют и гнут, пока мастер не будет доволен результатом. Даже после изготовления и использования оружия древко может деформироваться, и в этом случае каффир всегда быстро выпрямляет ассагай, прежде чем бросить его. Несмотря на свою хрупкость, оно выдерживает значительное количество изгибов, если изгиб не слишком резкий и если оператор не дергает древко при изгибе. Действительно, если бы не упругость древка, туземец не смог бы производить своеобразные дрожащие или вибрирующие движения, которым оружие обязано своей эффективностью.

Раскалив докрасна "танг" головки, в толстом конце древка проделывают отверстие и вставляют в него танг. Если бы это не было сделано, копье было бы неполным, так как головка отпадала бы от древка, когда острие держали бы вниз. Чтобы закрепить ее на месте, каффир всегда использует один материал, а именно сырую шкуру. Он отрезает узкую полоску шкуры, иногда сохраняя волосы, и привязывает ее еще влажной к копью. По мере высыхания шкура сжимается и образует полосу, почти такую же прочную, как если бы она была сделана из железа. В завязывании этой ленты нет никакого особого искусства; мы никогда не видим в этой части ассагаи ни малейшего следа сложных и элегантных узоров, используемых новозеландцами при изготовлении своего оружия. Полоска шкуры просто оборачивается вокруг копья, а свободный конец заправляется под складку. Однако кафиры не лишены способности создавать подобные узоры и обычно плетут очень сложные и элегантные украшения из волос слоновьего хвоста и других подобных материалов. Однако эти декоративные плетения всегда располагаются на древке оружия и никогда не используются для закрепления головки ассагая на своем месте.

На иллюстрации на странице 103 изображена группа ассагаев, чтобы показать основные разновидности этого оружия. Все они были срисованы с образцов, имеющихся в моем распоряжении. Слово "ассагай" не является каффирским термином, а, как и народное

название племени, как и слова "каросс", "крааль" и т. д., заимствовано из другого языка. Зулусское слово, обозначающее ассагай, - *um-konto*, слово, имеющее любопытное, хотя и случайное сходство с латинским *contus*.

Обычная форма или "метательный ассагай" показана на рис. 5. Он используется как снаряд, а не как кинжал. В некоторых случаях метательный ассагай имеет более простую форму, а его головка представляет собой лишь заостренный железный шип, не претендующий на то, чтобы стать клинком. Общая длина этого оружия составляет пять футов семь дюймов, а длина клинка - один фут от его соединения с древком. Иногда клинок намного длиннее и шире, как показано на рис. 4, где изображен обычный "колющий ассагай". Это оружие может использоваться как ракета, но очень редко применяется в качестве ручного оружия. Его длинное, прямое лезвие используется в более мирных повседневных делах, и каффир в мирное время редко использует его для чего-либо худшего, чем забой скота и его последующая разделка. Это ассагай, который обычно используется в качестве ножа и которым изобретательные туземцы бреют голову.

На рис. 7 показан весьма примечательный образец колючего ассагая. Намереваясь изготовить чрезвычайно изящное оружие, мастер приложил немало усилий к своей работе. Прежде всего, он выковал глубоко зазубренную головку, которая встречается крайне редко. Затем он прикрепил ее к древку довольно необычным способом. Вместо того чтобы отрезать полоску сырой шкуры и обвязать ее вокруг оружия, он взял хвост теленка, отрезал кусок длиной около четырех дюймов, снял с него кожу так, чтобы получилась трубка, и надел эту трубку на копье. Как и в случае со сшиванием шкур, трубка сжимается при высыхании и образует необычайно эффективный способ крепления наконечника к древку. Волосы были сохранены, и, по мнению изготовителя, получилось очень красивое оружие.

В своей первоначальной форме ассагай, по сути, является ракетой, и сделан он именно для этой цели, хотя служит и для других. И как бы незначительно он ни выглядел по сравнению с более крупными и сложными копьями других народов, нет ни одного копья или ланцета, который мог бы превзойти его по эффективности.

Каффир, отправляясь на войну или охоту, или даже в путешествие на любое расстояние, берет с собой связку, или "сноп", ассагаев, не менее пяти, а иногда восемь или девять. Когда он нападает на врага, то бросается вперед, пружиня из стороны в сторону, чтобы сбить с толку его противника, и бросает копье за копьем с такой быстротой, что в воздухе оказываются сразу два или три копья, каждое из которых было брошено с разного направления. Уклониться от одного копья, брошенного спереди, несложно; но когда острие одного находится близко к сердцу, другое приближается справа, а противник как раз бросает еще одно слева, избежать одного или другого становится делом нелегким. Если атакуемый стоит на месте, он обязательно будет поражен, ведь прицел кафира абсолютно точен; если же он попытается уклониться от копья, летящего слева, то, скорее всего, будет поражен другим, летящим справа.

Кроме того, способ метания оружия служит для того, чтобы сбить противника с толку и озадачить его взгляд. Перед тем как бросить копье, каффир заставляет его дрожать весьма своеобразным образом. Он обхватывает его большим и указательным пальцами правой руки, держа его чуть выше того места, где оно балансирует, и так, чтобы головка была направлена вверх по руке. Остальные пальцы располагаются вдоль древка, внезапно и крепко смыкаются, так что место равновесия копья упирается в корень руки. Это движение заставляет копье сильно вибрировать и быстро повторяется, пока оружие не издаст особый гудящий или дрожащий звук, который невозможно описать, и так же невозможно забыть,

услышав его однажды. Это такой же угрожающий звук, как жужжание гремучей змеи, и используется кафирами, когда они хотят навести ужас на своих противников. При броске ассагай не только не теряет этого вибрирующего движения, но, кажется, даже вибрирует сильнее, чем раньше: головка описывает большую дугу окружности, центром которой является точка равновесия. Эта вибрация озадачивает глаз противника, потому что почти невозможно определить точное направление, в котором движется оружие. Любой человек может рассчитать полет жесткого снаряда, например толстого копья или стрелы, но когда оружие вибрирует, это приводит глаз в замешательство.

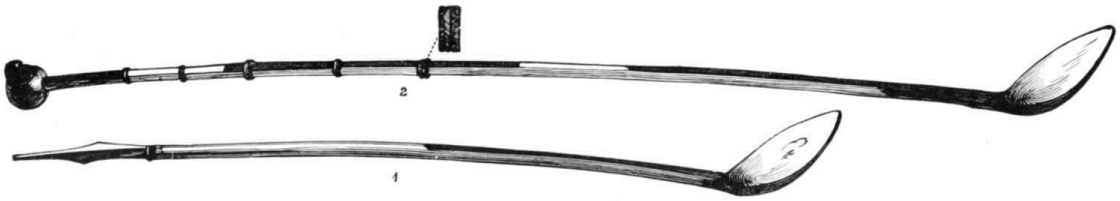
Вид ассагаи в воздухе очень примечателен и никогда не был представлен должным образом. На всех иллюстрациях он изображен прямым и жестким в полете, в то время как выглядит он как очень стройная змея, грациозно извивающаяся в воздухе. Кажется, что в нем живет инстинкт, и он скорее ищет свой собственный путь, чем является простым оружием, брошенным рукой человека. Во время полета она постоянно издает особый дрожащий звук, о котором уже говорилось, и это еще больше усиливает иллюзию ее вида.

На иллюстрации на странице 111 изображена группа каффирских воинов, участвующих в стычке. В данном случае они демонстрируют свое мастерство в шуточном бою: головы ассагаев сделаны из дерева, а не из железа, и затуплены, но все же достаточно тверды и остры, чтобы нанести очень сильный удар - experto *crede*. На заднем плане видны несколько воинов, стоящих за своими щитами, чтобы продемонстрировать правильность своего названия - "Матабеле", или "Исчезающие". На переднем плане - солдат в полной форме своего полка. Он только что метнул один ассагай и, как видно по тому, как развевается его платье, прыгнул на свое нынешнее место с другим ассагаем наготове в руке. Двое солдат вырывают из земли ассагаи, брошенные их противниками, прикрываясь при этом щитами. Все эти солдаты принадлежат к одному полку, что видно по головному убору, составляющему их отличительную форму.

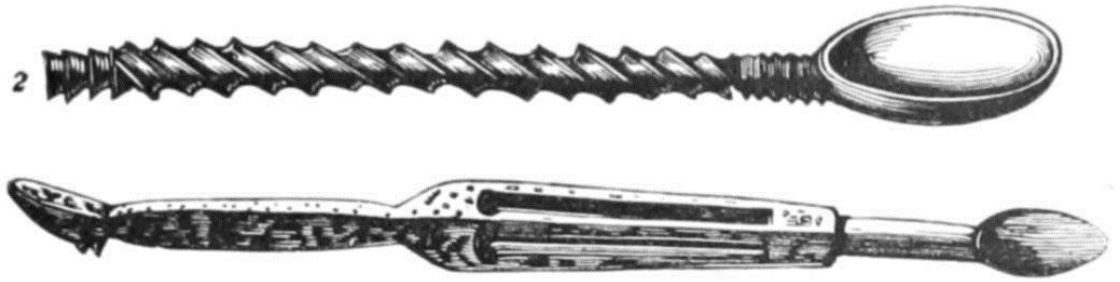
Мастерство, проявленное кафирами в обращении с этим оружием, поистине удивительно. Быстрота, с которой ассагаи выхватывают из снопа, наводят на цель, трепещут и бросают, почти невероятна. Нам рассказывают, что великое мастерство старых английских лучников в обращении с мощными луками, которые они использовали, объяснялось не столько личной силой лучника, сколько тем, как его учили "класть свое тело в лук" и таким образом с легкостью управлять оружием, которое гораздо более сильные люди не могли достать. Подобным образом, мастерство кафира в метании ассагаев объясняется не его телесной силой, а постоянной привычкой пользоваться этим оружием. Как только мальчик может самостоятельно ходить, он играет в метание копья палками; а когда он подрастает, отец делает для него муляжи ассагаев, с деревянными, а не железными наконечниками. Два таких макета оружия показаны на рис. 8 на иллюстрации на с. 103. Они в точности похожи на обычные ассагаи, за исключением того, что головки у них деревянные; и если один из них случайно попадет в человека, то нанесет ему довольно неприятную рану.

Когда каффир берет в руки свой ассагай, он и оружие как бы становятся одним существом: дрожащее копье кажется инстинктом, жизнь которому придает его хозяин. Бросая копье, он интуитивно принимает самую грациозную позу, напоминая наблюдателю некоторые древние статуи, и оружие бросается с такой кажущейся легкостью, что, как сказал мне один путешественник среди них, "человек выглядит так, словно он сделан из масла". Бросая оружие, он наседает на противника, пытаясь оттеснить его назад и в то же время вернуть потраченные снаряды.

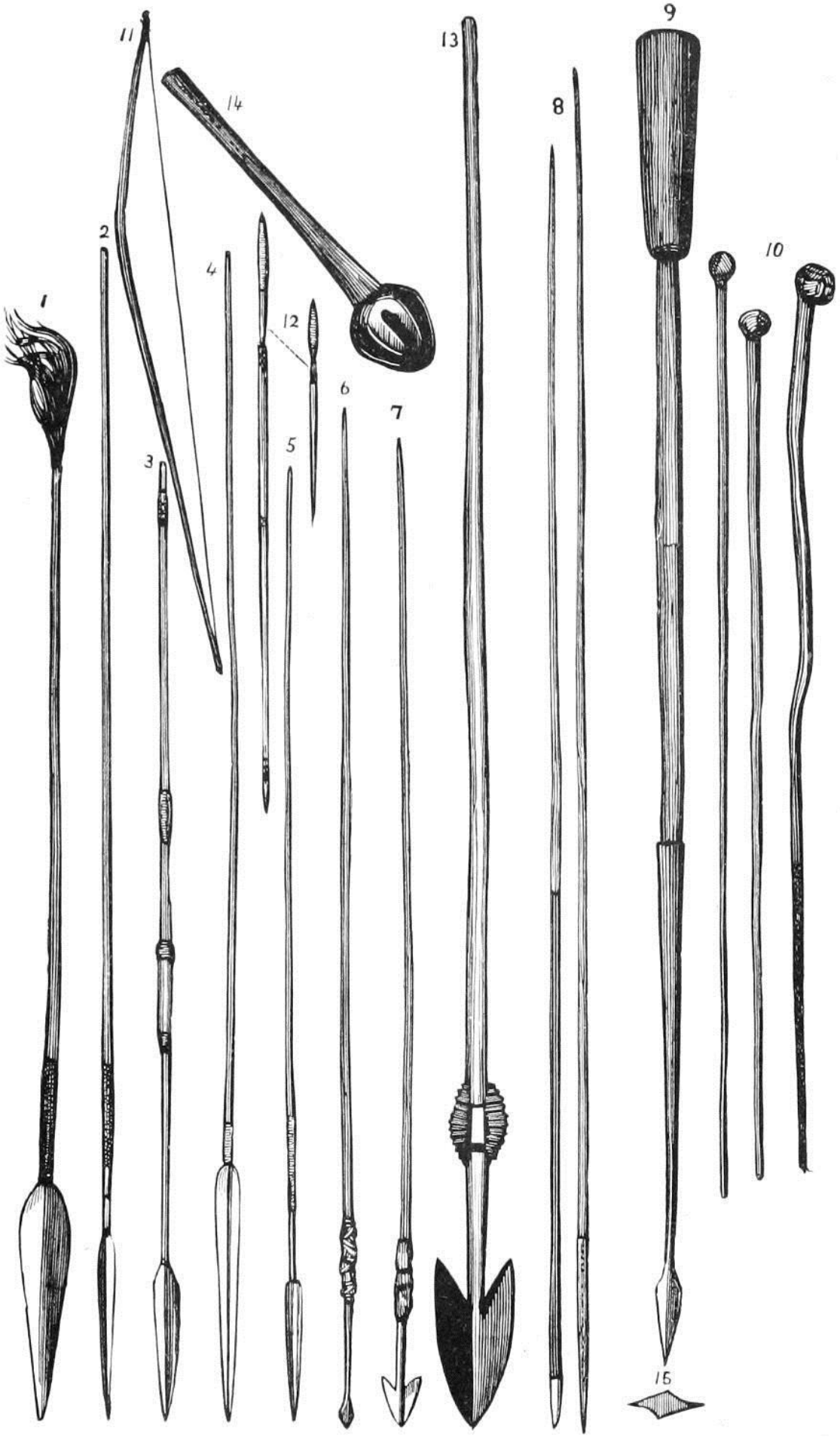
Иногда, когда у него нет места, чтобы поднять руку, или когда он хочет застать противника врасплох, он бросает ассагай рывком снизу вверх, при этом его рука висит во всю длину. Брошенный таким образом ассагай не может быть брошен так далеко, как при обычном способе, но он может быть приведен в движение со значительной силой и часто достигает цели, для которой он был предназначен. Он никогда не бросает последний сноп, но если ему не удается подобрать те, что уже брошены либо им самим, либо его противником, он бросается вперед и, сблизившись с противником, переламывает древко ассагая посередине, выбрасывает кончик, а оставшуюся часть использует как кинжал.



ЛОЖКИ ДЛЯ ЕДЫ КАШИ.
(См. стр. 148.)



Ложки для еды каши. (См. с. 148.)


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

ГРУППА АССАГАЕВ.
(См. с. 104, 105.)

Древко, из которого изготавливается древко, хотя и очень упругое, но очень хрупкое, и новичок в этом искусстве обязательно сломает несколько своих копий, прежде чем научится правильно их метать. Если они не отлиты правильно, то, как только лезвие достигает земли, древко как бы "хлещет" вперед и коротко ломается прямо над лезвием. Один из великих вождей-воинов необычно использовал это свойство. Перед самым началом боя он заставлял своих людей перерезать древко своего ассагаи почти поперек, сразу за соединением древка с головкой. Последствия этой хитроумной *уловки* стали очевидны, когда начались боевые действия. Если оружие попадало точно в цель, оно пронзало тело противника так же эффективно, как если бы с ним ничего не делали; если же оно промахивалось и ударялось о землю или щит, древко мгновенно переламывалось, и оружие становилось бесполезным для противника.

Сам того не подозревая, варварский вождь копировал пример, поданный римским полководцем почти две тысячи лет назад. Когда Марий вел войну с кимврами, его войска носили короткое тяжелое копье, называемое *пилумом*. Это оружие имело толстую рукоять, к концу которой длинное лезвие крепилось двумя железными заклепками, расположенными одна напротив другой. Перед боем он приказал солдатам удалить самую дальнюю от острия заклепку и вставить на ее место небольшой деревянный колышек, достаточно прочный, чтобы удерживать головку в нужном положении, пока не будет применена сила. Когда копье бросали, противник старался принять его на свой щит, а если это удавалось, то вытаскивал оружие и снова бросал его в противника. Но как только начался бой, кимвры оказались в затруднительном положении. Не успели они упереть копье в щиты, как легкий деревянный штырь сломался и позволил древку свисать с лезвия. Оружие не только стало бесполезным, но и превратилось в серьезную обузу. Его нельзя было выдернуть из щита, так как оно не позволяло ухватиться, а тяжелое древко волочилось по земле, вынуждая воина отбрасывать щит и сражаться без него.

Очень необычную модификацию ассагая сделал ужасный Тчака, вождь, который жил только для войны и был человеком удивительного ума, бесстрашной храбрости, необыкновенной организаторской силы и совершенно лишенным сострадания. Сохранив ассагай, он изменил его форму, сделав гораздо более коротким и тяжелым оружием, непригодным для метания и пригодным только для рукопашной схватки. Вооружив свои войска этим модифицированным оружием, он полностью изменил способ ведения войны.

Его солдаты были снабжены очень большим щитом и одним ассагаем. Когда они вступали в бой, то бежали на врага плотным строем, и как только падал первый дождь копий, они приседали под щитами, давали оружию израсходовать свою силу, а затем бросались в рукопашную схватку. Их храбрость, естественно, была велика, ее возбуждали обещания награды и уверенность в том, что не победить - значит умереть. Если солдат был уличен в бегстве, его тут же убивал вождь, и такое же наказание ждало того, кто возвращался из боя без копья и щита. Благодаря такой тактике он возвел племя амазулу в ранг самого могущественного в стране. Он вобрал в себя около шестидесяти других племен и распространил свои владения почти на половину африканского континента.

В конце концов, он вынашивает дерзкий замысел захватить своими армиями все южноафриканское побережье и истребить белых жителей. Но, находясь в зените своего могущества, он был вероломно убит двумя своими братьями, Динганом и Умланганом. На

следующий день оба убийцы сражались за королевство, и Динган взошел на трон через тела обоих своих братьев. Кровожадный режим правления, созданный Чакой, вряд ли мог быть исправлен в таких руках, и имя Дингана вызывало почти такой же страх, как и имя его брата. Его преемник и брат, Панда, продолжал править в том же духе, хотя и не обладал необыкновенным гением могущественного основателя своего королевства, и был вынужден заключить союз с англичанами, вместо того чтобы решиться на войну с ними. Изобретение Тчаки - одноколющий ассагай - было очень удачным, пока зулусы сражались только с другими племенами той же страны. Но когда они столкнулись с голландскими бурами, оказалось, что колющий ассагай практически бесполезен против конных врагов, и им пришлось вернуться к первоначальной форме оружия.

Если читатель обратится к уже упомянутой иллюстрации, то увидит два образца короткого колющего ассагая с большим лезвием. Прекрасный образец этого оружия представлен на рис. 1. Читатель увидит, что лезвие очень широкое и имеет форму листа, а другой конец, или носовая часть копья, украшена пучком волос, взятых из хвоста коровы. Другой пример представлен на рис. 3. Изготовитель приложил немало усилий к созданию этого оружия. Как раз в той части, где копье балансирует, кусок мягкой кожи сформирован в подобие рукояти и с обоих концов завершен кольцом из проволоки, похожей на волосы из хвоста слона. Несколько широких колец из того же материала украшают древко оружия, и все они похожи на известный у моряков узел "голова турка". На рис. 6 изображен еще один ассагай, который когда-то имел колючее лезвие, как на рис. 7, но которое было так многократно отшлифовано, что первоначальная форма едва уловима. Копье, изображенное на рис. 13, - одно из декоративных деревянных орудий, которые кафиры используют, когда этикет запрещает им носить настоящий ассагай. Это конкретное копье вырезано из цельного куска дерева и украшено в соответствии с каффирскими представлениями о красоте, контрастами черного и белого, полученными путем обугливания древесины. Таким образом, чернеет орнамент на древке, а также одна сторона широкого деревянного лезвия. Копье, изображенное на рис. 9, используется для охоты на слонов и будет описано в одной из следующих глав.

Для кафира ассагай - это жизненная необходимость. Он никогда не встает с места, не взяв в руку какое-либо оружие, и этим оружием обычно является ассагай. Им он убивает дичь, им разделывает тушу, им сдирает шкуру, им же шьют платья, которые носят как женщины, так и мужчины. Легкость и быстрота, с которой он выполняет эти действия, просто поразительны. Когда он разделывает убитый скот, он демонстрирует такое же знание различных разрезов, как и самый опытный мясник, и, конечно, ни один мясник не мог бы работать ножом, пилой и тесаком быстрее, чем каффир со своим простым ассагаем. Для всех целей, где европеец использует нож, каффир использует свой ассагай. Им он режет древко для своего оружия, а его острым лезвием вырезает деревянные дубинки, ложки, блюда, подушки и различную утварь, необходимую в повседневной жизни.

Когда каффир бросает свой ассагай, будь то в животное, на которое он охотится, или в противника, или даже когда демонстрирует свое мастерство зрителю, он приходит в сильное возбуждение и кажется почти вне себя. Самый сладкий звук, который может встретить слух кафира, - это звук попадания его оружия в объект, в который оно было нацелено, и чтобы насладиться этим странным удовольствием, он будет наносить удары по убитому животному снова и снова, забывая в азарте момента, что каждый ненужный удар повреждает шкуру, которая может быть так полезна для него. Когда вождь созывает свою армию, и воины устраивают в его присутствии свои необычные представления, они не перестают говорить о том, какое удовольствие они получат, услышав, как их ассагаи наносят удары по телам противников.

Довольно любопытно, что истинные кафиры никогда не пользуются луком и стрелами. Хотя его почти окружают племена, использующие это оружие, и хотя он часто страдает в стычках от отравленных стрел босджесманов, он отвергает лук в войне, считая его оружием, несовместимым с достоинством воина. У него есть только два оружия - ассагай и дубина, и вторым он владеет так же искусно, как и первым. Дубины, используемые племенами кафиров, чрезвычайно разнообразны по размеру и, скорее, по форме. Некоторые из них превышают шесть футов в длину, а некоторые - всего четырнадцать или пятнадцать дюймов. Но все они сходятся в одном, а именно: они прямые или, во всяком случае, должны быть такими, а один их конец оканчивается набалдашником. В народе они известны как "набалдашники".

Чтобы показать крайнее различие в размерах, которое встречается среди них, несколько экземпляров изображены на иллюстрации на странице 103. На рис. 10 показаны три экземпляра. Тот, что на правой руке, используется как оружие, и орудует им весьма любопытным образом. Ее можно использовать не только как оружие, которым можно поразить противника, но и как снаряд: иногда ее бросают прямо в противника, а иногда бросают на землю таким образом, что она отскакивает и поражает врага снизу, а не сверху. Австралийские дикари владеют дубинками похожей формы и также используют *рикошет*. Два других вида керри не предназначены для использования в качестве оружия.

По этикету каффир должен носить ассагай, когда входит в хижину начальника, и поэтому он меняет это оружие на невинный керри. Также противоречит этикету использование настоящего ассагая в танцах. Но поскольку в танцах имитируются различные военные и охотничьи действия, исполнителям необходимо иметь что-то, что могло бы заменить ассагай, и они, соответственно, снабжают себя набалдашниками-керри примерно той же длины, что и оружие, которое они заменяют.

Одна из самых распространенных форм короткого ножа-керри показана на рис. 14. Длина этого оружия составляет всего двадцать дюймов, и его удобно носить на поясе. На близкой дистанции его можно использовать как дубину, но чаще оно применяется в качестве ракеты.

Каффир с младенчества приучен метать свое оружие, поэтому он всегда предпочитает те, которые можно бросить. Сила и точность, с которой туземцы бросают эти короткие керри, поистине поразительны. Если бы европейцы отправились на охоту за птицами, снабдив себя палками с набалдашниками вместо ружей, они принесли бы домой очень мало дичи. Однако кафиры берут с собой набалдашники как нечто само собой разумеющееся, когда отправляются за дрофой, перепелом или другими птицами, и редко возвращаются без успеха.

Обычно охота ведется вдвоем. Они идут на расстоянии около пятидесяти ярдов друг от друга, и когда подходят к какому-либо месту, которое кажется им вероятным для дичи, они кладут свои керри на правое плечо, чтобы не терять времени на отведение руки назад, когда они хотят вскинуть оружие. Как только птица поднимается, они одновременно бросают в нее свои керри, причем один всегда целится немного выше птицы, а другой - немного ниже. Если при этом птица заметит верхнюю булаву и нырнет вниз, чтобы избежать ее, в действие вступает нижняя булава, а если она поднимется от нижней керри, то станет жертвой верхней. Этот план удивительно эффективен, что я доказал на личном опыте. Один из моих друзей и я решили попробовать, сможем ли мы убить дичь по-каффирски. Поэтому мы нарезали несколько палок с набалдашниками, и отправились на поиски бекаса. Как только поднялся бекас, мы метнули в него палку и, естественно, промахнулись, поскольку он находился за пределами досягаемости любой ракеты, приводимой в движение рукой. Однако, отметив

место, где он приземлился, мы запускали его заново и, повторяя этот процесс, подбирались достаточно близко, чтобы подвести его к цели, и нам удавалось сбить его.

Как правило, короткое, толстое, сильно зазубренное керри принадлежит скорее хоттентотам и босджесменам, чем зулусам, которые предпочитают более длинное оружие, даже в качестве ракеты. Но очевидно, что прежняя форма оружия является первоначальной, и что каффир, получивший его от изобретателя, хоттентота, постепенно удлинил древко и уменьшил размер головки.

Материал, из которого изготавливается керри, - это в основном дерево, часто для этой цели используется акация. Длинные керри зулусов, как правило, вырезаются из дерева, получившего громкое, хотя и не благозвучное название "вонючее дерево" из-за неприятного запаха, который оно издает во время работы. Как только дерево высыхает, этот запах исчезает, и даже самые чувствительные ноздри не могут быть раздражены им. Вонючее дерево - это разновидность лавра, его научное название - *Laurus bullata*. Самые ценные, а также самые прочные набалдашники - те, что вырезаны из рога носорога, и туземца вряд ли удастся убедить расстаться с прекрасным экземпляром за какую-либо взятку. Во-первых, сам факт обладания таким предметом говорит о том, что он, должно быть, сильный охотник и убил носорога; а во-вторых, его огромная эффективность и огромный труд, затраченный на вырезание из цельного рога, настолько привлекают туземца, что он не расстанется с ним иначе, как за что-то, что поднимет его в глазах товарищей. В Англии за прекрасный экземпляр набалдашника, сделанный из рога белого носорога, просят даже десять фунтов.

Вот так выглядит наступательное оружие зулусских кафиров. К северу и к западу от Драакенсбергских гор используется особый боевой топор, который, очевидно, является модификацией уже описанного колючего копья; но истинный зулус не использует никакого оружия, кроме ассагаи и керри.

ГЛАВА XII.
Война - завершение.
ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ И СПОСОБ ВЕДЕНИЯ БОЯ.

ДОСПЕХИ, КОТОРЫЕ НЕ НОСЯТ - ЩИТ КАФИРА - ЕГО ФОРМА, МАТЕРИАЛ, И ЦВЕТ - ЩИТ КАК УНИФОРМА - ЛЮБОПЫТНАЯ УЛОВКА - КАК ДЕРЖАТ И ИСПОЛЬЗУЮТ ЩИТ - ПАЛКА ЩИТА И ЕЕ УКРАШЕНИЯ - ЗНАЧЕНИЕ ЩИТА ПРОТИВ КОПИЙ И СТРЕЛ - ПОЛКИ ЧЕРНОГО И БЕЛОГО ЩИТА - РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЩИТОВ - ВОЕННОЕ ЧЕСТОЛЮБИЕ И ЕГО СТИМУЛЫ - ГЛАВНЫЕ ОБЪЕКТЫ ВОЙНЫ - ДИСЦИПЛИНА КАФФИРСКОЙ АРМИИ - ЖЕСТОКОСТЬ ЧАКИ И ДРУГИХ ЗУЛУССКИХ МОНАРХОВ - ОБРЯДЫ ПЕРЕД ПОХОДОМ - СУЕВЕРНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ - КАК СОДЕРЖИТСЯ АРМИЯ В ПОЛЕ - ПУТЬ АРМИИ ЧЕРЕЗ ВРАЖЕСКУЮ ЗЕМЛЮ - РЕВНОСТЬ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ ПОЛКАМИ - ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ - КОЛИЧЕСТВО ПОЛКОВ И ГАРНИЗОННЫХ ГОРОДОВ - НАЗВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ПОЛКОВ - ГОЗА И САНДИЛЛИ - ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ МУНДИРЫ ПОЛКОВ - СМОТР ПОСЛЕ БИТВЫ, И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ - ЩИТОНОСЕЦ И ЕГО ОПАСНАЯ ЗАДАЧА - КОРОЛЕВСКИЕ СЛУГИ - НАГРАДЫ И НАКАЗАНИЯ - КАФФИРСКИЕ ГЛАШАТАИ - РАЗЛИЧНЫЕ ТИТУЛЫ КОРОЛЯ - СМОТРОВОЙ КОСТЮМ ПАНДЫ - ПРОДВИЖЕНИЕ КОРОЛЯ ПО СТРАНЕ - ИЗОБРЕТЕНИЕ И ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ - ПОЛИТИКА ЧАКИ В СРАВНЕНИИ С ПОЛИТИКОЙ ПЕРВОГО НАПОЛЕОНА - ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

ЧАКИ - НЕУДАЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ - СЕМЕЙНЫЕ РАСПРИ - КОВАРНЫЙ ЗАГОВОР - УБИЙСТВО ЧАКИ И ВОЦАРЕНИЕ ДИНГАНА.

У племени зулусов есть только один предмет защитных доспехов - щит. Каффиры либо не знают, либо презирают телесные доспехи любого рода, не защищая головы даже шапками и шлемами, но выставляя обнаженные тела и конечности на растерзание врагу. Щиты всегда делаются из бычьей шкуры, а их цвет обозначает подразделение армии, к которому принадлежит владелец. Никто, кроме "мужчин", которые имеют право носить головное кольцо, не имеет права носить белые щиты, в то время как "мальчики" при повышении в звании получают черные щиты. Некоторые из них имеют черно-белые щиты с красными или коричневыми пятнами, которые обозначают полк, к которому они принадлежат. Таким образом, видно, что щит - это своего рода униформа, и не раз случалось, что, когда зулусские воины брали верх над своими врагами, некоторые из наиболее хитрых побежденных ухитрялись обменять свои щиты на щиты убитых зулусских воинов и таким образом выдавали себя за победителей-амазулов, пока не находили возможность скрыться.

Двойной ряд черных знаков по центру щита (см. Goza's, page 117) - дополнение, которое неизменно встречается на этом боевом оружии и служит отчасти украшением, а отчасти - удобным способом крепления рукояти. Украшая щит этими знаками, каффир прорезает двойной ряд прорезей вдоль щита, пока он еще влажный и податливый, а затем пропускает полоски черной шкуры внутрь и наружу через прорези, чтобы черный цвет полоски контрастировал с белым цветом щита.

Рукоятка каффирского щита совершенно уникальна. Вместо того чтобы быть просто петлей или выступом в центре щита, она объединена с палкой, которая проходит вдоль центра щита и достаточно длинна, чтобы выступать с обоих концов. Эта палка служит нескольким целям: в первую очередь она укрепляет щит и придает ему жесткость, а во вторую - помогает воину быстро размахивать им, что необходимо при кафирском способе ведения боя и танца. Выступ на нижнем конце используется как упор, на который щит может опираться, когда воин устанет нести его в руках, и щит должен быть такой высоты, чтобы, когда владелец стоит прямо, его глаза могли смотреть поверх щита, а конец палки доставал до макушки его головы. Видно, что на верхнем конце палки есть украшение. Он сделан из мохнатой шкуры какого-то животного, которая разрезается на полоски, как те, что используются для "хвостов", и эти полоски наматываются на палку в форме барабана.

Если читатель обратится к иллюстрации на с. 57, озаглавленной "Кафиры у себя дома", то увидит три таких щита-палки, помещенные в ограду скотного двора, готовые к тому, чтобы вставить их в щит, когда они понадобятся.

На каждой стороне щита есть небольшое углубление, цель которого не совсем ясна, если только это не простая мода. Она в значительной степени преобладает во многих частях Африки, в некоторых местах сравнительно небольшая, а в других настолько глубокая, что щит похож на большие часовые часы. Хотя щит просто сделан из шкуры быка, без той тщательной подготовки клеем и размерами, которая укрепляет щит американского индейца, туземец находит его вполне достаточным для защиты от копья или дубины, а те племена, которые используют лук, обнаруживают, что их оружие может произвести мало впечатления на войска, оснащенные такой мощной защитой. Босджесманы и все племена, использующие отравленные стрелы, полностью зависят от ядовитости яда, а не от силы, с которой стрела вбивается, так что их хрупкий лук и тонкие стрелы почти бесполезны против врагов, все тело которых закрыто щитами, от которых стрелы отскакивают так же безвредно, как от железных пряжек.

Как и в более цивилизованных сообществах, щиты, составляющие обмундирование, не являются частной собственностью отдельного воина, а выдаются вождем. Более того, похоже, что воинственный вождь Динган не давал щиты ни одному молодому воину, пока тот не показал себя достойным носить форму своего государя. Шкуры всего скота в гарнизонных городах по праву принадлежат королю и хранятся у него для изготовления щитов; предполагается, что из каждой шкуры можно сделать два щита - большой и малый, или охотничий. Мужчины постоянно заняты переделкой шкур в щиты, которые хранятся в домах, предназначенных для этой цели.

Капитан Гардинер приводит интересный рассказ о заявке на щиты, поданной партией молодых солдат, и их приеме королем. Прежде всего следует понять, что Динган в это время находился в своем главном гарнизонном городе, и что его сопровождали два его любимых индоуна, или мелких вождя, один из которых, по имени Тамбуза, был необычайно раздражительным человеком, главным занятием которого было выискивание недостатков. Упомянув о том, что вождь по имени Джорго отправился во дворец короля во главе большого отряда, чтобы попросить щиты, он продолжил следующим образом: "Они прибыли к главным воротам.

"Их прибытие к главным воротам города было доложено королю, и вскоре после этого был отдан приказ впустить их, когда все они с криком бросились вверх, размахивая палками самым яростным образом, пока не оказались на приличном расстоянии от Иссигордло, когда они остановились. Динган вскоре взобрался на свой пьедестал и показался из-за ограды, после чего по строю, в который они теперь влились, пронеслось одновременное приветствие "Бятэ! Вскоре он исчез, и вся партия уселась на землю, которую они занимали. Вскоре вышел Динган, к которому уже прибыли два индоуна и несколько его великих людей, и расположился полукругом по обе стороны от его кресла, от которого он, однако, был удален на приличное расстояние. Тамбуза, который является главным оратором во всех этих случаях, и исповедует брань, когда этого требует необходимость, теперь стоял на ногах; говорить публично в любой другой позе, я убежден, было бы болезненно для зулуса; он не довольствуется простой жестикуляцией - необходимо реальное пространство; Я чуть было не сказал, что достаточно для того, чтобы в него вошел мяч для крикета, но это было бы гиперболой - бег, однако, у него должен быть, и я был удивлен изяществом и эффектом, которые это новое сопровождение к искусству красноречия часто придавало смысл и суть речи.

"В этом образе Тамбуза неподражаем и особенно блистал в данном случае, несомненно, получив от короля, от чьего имени он обратился к Георго и его партии, указание перемежать свою речь таким количеством едких упреков и резких инвектив, какое только могло придумать его богатое воображение или подсказать природная склонность. Оказывается, во время одной из последних экспедиций войска, о которых сейчас шла речь, не оказали ожидаемой услуги: они вступили на территорию Умселеказа и, вместо того чтобы окружить и захватить стада в пределах досягаемости, подчинились притворным указаниям остановиться и вернуться; некоторые смягчающие обстоятельства, без сомнения, уберегли их от обычной в таких случаях строгости, и теперь это неприятное происшествие было использовано с максимальной пользой. После длинной тирады, в которой Тамбуза с иронией описывал их слабое наступление и бесплодные усилия, он продвигался вперед, как Меркурий, чтобы определить свою роль, и грациозно отступал, как бы намечая новую колючку для атаки; То ослабляя свой гнев путешествием вправо, то так же резко отступая влево, с каждым обходом все более усиливаясь, буря достигла своего апогея, и в разгар поднятой им бури он удалился

к ногам своего государя, который, как я заметил, едва ли мог удержаться от улыбки при многих колких выражениях, которые были употреблены.

"Лицо Георгия в этот момент можно лучше представить, чем описать. Не дождавшись ответа, он поднялся из центра строя, его лицо украшали нитки розовых бус, надетые на плечи как крестообразный пояс, и большие медные кольца на руках и горле. Аманка" (это ложь), - было первое слово, которое он произнес. Затем различные рыцарские подвиги его самого и его людей были представлены в самых ярких красках, и последовала сцена, которую я едва ли знаю, как описать. Независимо от его собственной энергичной жестикуляции, бурных прыжков и бодрого бега; при первом же объявлении любого оправдательного факта, указывающего на их доблесть в оружии, один или несколько главных воинов бросались из рядов, чтобы подтвердить это заявление демонстрацией мускульной силы в прыжках, зарядке и пантомимическом конфликте, от которого земля гудела под их ногами; попеременно прыгали и скакали (ведь это не бег), пока, обезумев от мучительных движений, их нервы не становились достаточно крепкими для позы акме - взлетая на несколько футов в воздух, подтягивая колени к подбородку и одновременно пропуская руки между лодыжками. (См. иллюстрацию № 2 на противоположной странице.)

"В такой необычной манере обвинения выдвигались и опровергались в течение значительного времени; Динган действовал за кулисами как модератор и время от времени отзывал Тамбузу, как непокорную собаку от приманки. В конце концов, словно незаметно втянувшись в спор, он закончил его такими словами: "Когда мы слышали что-нибудь хорошее о Георго? Что сделал Георгий? Это имя нам неизвестно. Я не дам вам щитов, пока вы не докажете, что достойны их; пойдите и приведите мне скот из Умселеказа, и тогда щиты будут вам даны". На это неожиданное заявление со всех сторон раздались аплодисменты, под которые деспот в хорошем вкусе удалился в Иссогордло, а солдатам были поданы чаши с пивом, которые вскоре после этого вместе со своими индонами были замечены марширующими по холмам, направляясь за остатками своего полка для обещанной экспедиции.

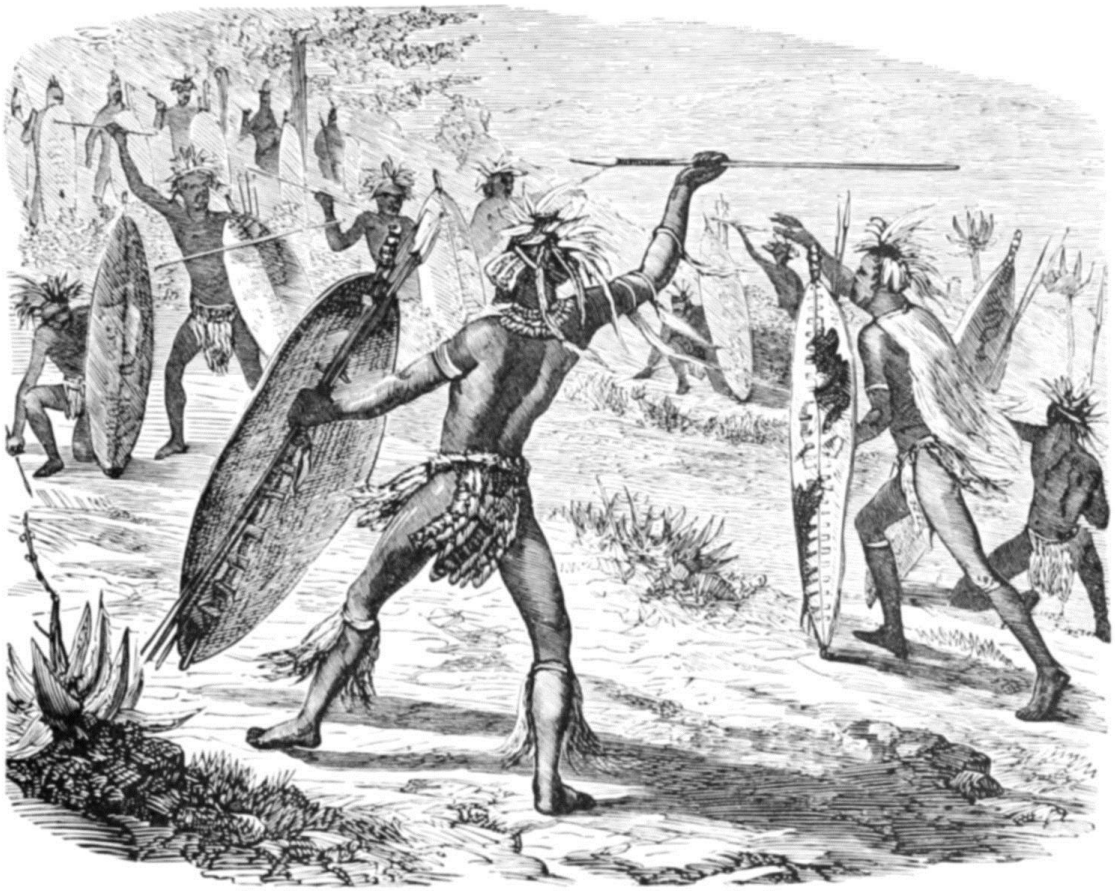
"Я склонен думать, что во всех этих действиях было много от государственной политики, тем более что вскоре после этого приказ о нападении на Умселеказ был отменен, и прошло не более десяти или двенадцати дней, прежде чем та же самая партия вернулась и получила свои щиты. В это время я спокойно писал в своей хижине, к которой примыкал один из щитовых домов; и я никогда не забуду, как бесцеремонно они бросились на меня. Не довольствуясь тем, что выгнали их всех, и каждый выбрал по одному, но, чтобы доказать это и отряхнуть пыль, они начали избивать их на месте палками, что, в связи с этим внезапным вторжением, вызвало такой необычный шум, что я подумал, что началась гражданская война".

Ознакомившись с оружием, которым пользуются каффирские воины, посмотрим, как они ведут войну.

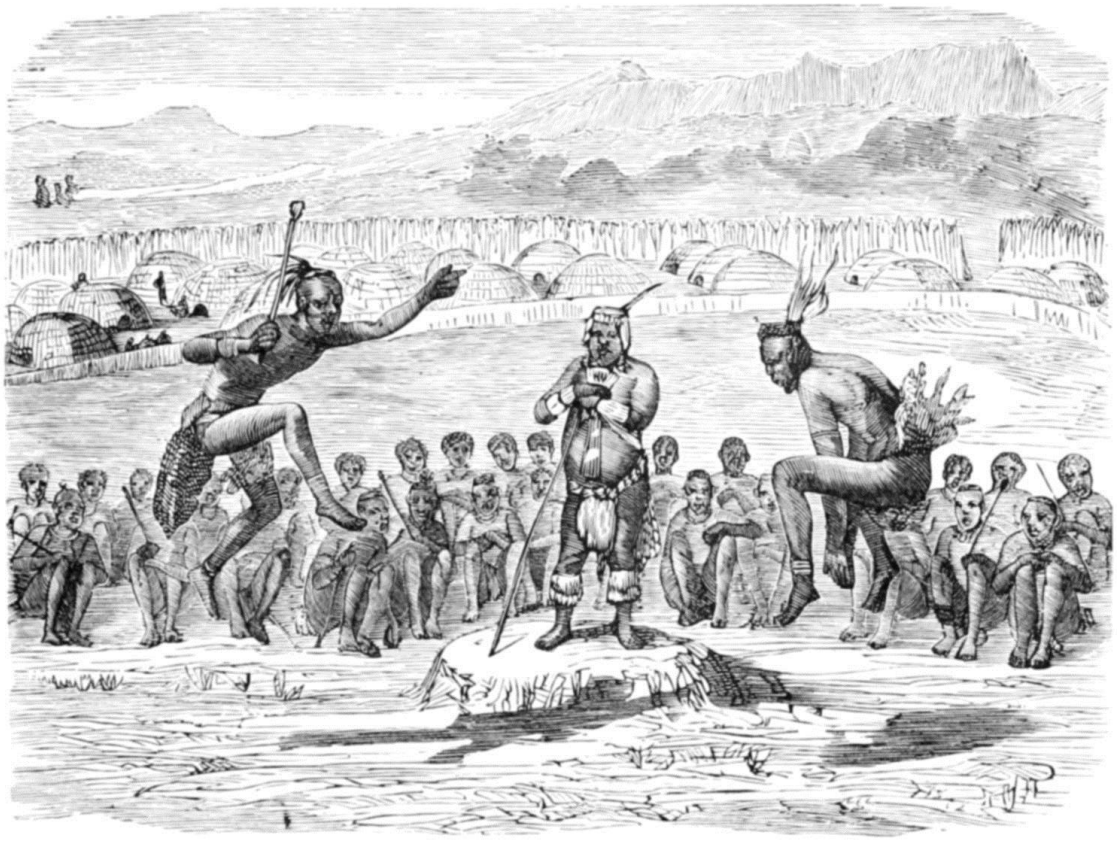
Когда вождь выстраивает свои войска в боевой порядок, он сажает "мальчиков" в фургон и отводит им почетный, а также опасный пост. На этом посту они имеют возможность отличиться, чего так страстно желают, и, как правило, проявляют такую доблесть, что нелегко выделить тех, кто заслужил особую славу. За ними расположились "мужчины" с белыми щитами. Они уже завоевали свою репутацию и не нуждаются в дополнительном выделении. Они служат двойной цели. Во-первых, они выступают в качестве резерва на случай, если передовые ряды "черных щитов" будут отбиты, и, будучи людьми более зрелого возраста, представляют собой почти неприступный фронт для врага, в то время как "черные

щиты" могут перестроить свои ряды под прикрытием, а затем возобновить атаку. Вторая цель заключается в том, что они служат очень эффективным стимулом для молодых людей выполнять свой долг. Они знают, что за их спиной находится тело опытных воинов, которые внимательно следят за всеми их действиями, и в равной степени понимают, что если попытаются убежать, то будут мгновенно убиты "белыми щитами", находящимися у них в тылу. Как уже говорилось, самое заветное желание сердца молодого кафира - самому стать "белым щитом", и нет более гордого дня в его жизни, чем тот, когда он впервые надевает белый боевой щит на руку, "исикоко" на голову и становится в один ряд с теми, на кого он так долго смотрел с восхищением и завистью.

Чтобы побудить "черные щиты" к самым напряженным усилиям, им заранее обещают награду. Перед тем как они отправляются в поход, перед ними выставляют молодых незамужних девушек племени и говорят, что каждому, кто сумеет отличиться перед врагом, по возвращении подарят в жены одну из этих девиц. Таким образом, он не только получает бесплодное разрешение взять жену и тем самым записать себя в число мужчин, но и получает жену безвозмездно: его воинские подвиги считаются более чем эквивалентом коров, которых он должен был бы заплатить за нее в противном случае.



(1.) СТЫЧКА КАФФИРСКИХ ВОИНОВ.
(См. стр. 102.)



(2.) МУСКУЛИСТЫЕ ЗАЩИТНИКИ.
(См. с. 110.)

В семьях воинов Белого щита существует любопытный обычай. Когда один из них уходит на войну, его жена берет его спальный коврик, подушку и ложку и вешает их на стену хижины. Каждое утро на рассвете она с любовной тревогой осматривает их и следит за тем, отбрасывают ли они тень или нет. Пока они это делают, она знает, что ее муж жив; но если от них не отбрасывается тень, она уверена, что ее муж мертв, и оплакивает его потерю так, как будто действительно видела его мертвое тело. Этот любопытный обычай неудержимо напоминает читателю некоторые сказки из "Арабских ночей", где о жизни или смерти отсутствующего человека узнают по какому-нибудь принадлежавшему ему предмету - например, ножу, - который капал кровью, как только его бывший владелец умирал.

До изобретения Чакой тяжелого колюще-режущего ассагая в каффирской битве было больше шума, чем казни: ассагаи безвредно попадали на щиты, и никому от этого не было хуже. Но его обученные войска произвели страшный хаос среди врагов, и разрушения были столь велики, что о зулусах говорили, что они не люди, а пожиратели людей. Место короля находилось в центре строя и в тылу, так что он мог видеть все происходящее своими глазами и время от времени давать указания благосклонным советникам, которые находились вокруг него и выступали в роли помощников, выполняя свои поручения в кратчайшие сроки, а затем возвращаясь на свой пост возле священной особы своего монарха.

Командир каждого полка и части полка считался его олицетворением, и на нем лежала вся вина, если полк терпел поражение. Чака не принимал в расчет численное превосходство противника, и его воины хорошо знали, что, какова бы ни была противостоящая им сила, они должны либо победить, либо умереть; и поскольку лучше умереть в бою, чем бесславно

погибнуть трусом после битвы, они сражались с неистовой доблестью, которая отчасти была присуща их природе, а отчасти являлась результатом строгой и кровавой дисциплины, в которой они сражались. После битвы различных офицеров вызывают и допрашивают о поведении людей под их командованием. Награда и возмездие действуют одинаково быстро: тех, кто проявил выдающуюся храбрость, сразу же повышают в звании, а тех, кого даже заподозрили в трусости, немедленно убивают.

Иногда резня после экспедиции бывает ужасной, даже при правлении Панды, гораздо более мягкого человека, чем его великий предшественник. Известно, что Чака приказывал казнить целый полк; а однажды он убил всех "белых щитов", приказав "мальчикам" принять головное кольцо и занять позиции и щиты убитых. Панда, однако, не такой деспот, как Чака, и, более того, не обладает безответственной властью этого короля. Никто никогда не осмеливался вмешиваться в дела Чаки, зная, что противоречить ему - верная смерть. Но когда Панде вздумалось убить несколько своих подданных, его советники вмешались и своими уговорами сумели остановить резню.

Иногда эти войны ведутся самым кровожадным образом, и жертвами ассагаев и дубин победоносного врага становятся не только солдаты с оружием, но и женщины, старики и молодые. Победив врага, они устремляются к краалям, пронзая всех жителей и уводя весь скот. Именно "увод" скота в больших масштабах часто становится главным завершением каффирской войны.

Прежде чем отправиться в поход, воины проходят ряд церемоний, которые должны укрепить их тело, повысить мужество и умилостивить духов предков в их пользу. Церемония начинается с того, что король пытается заполучить какой-нибудь предмет, принадлежащий вождю противника, например обрывок одежды, которую тот носил, табакерку, древко ассагая или вообще все, что принадлежало ему. Часть этого вещества соскабливается в определенные лекарства, приготовленные знахарем, и король либо проглатывает лекарство, либо делает небольшие надрезы на разных частях тела и втирает в них лекарство. Предполагается, что это действие дает власть над врагом и является знаком того, что он будет "съеден" в предстоящей битве. Вожди так боятся, что враг может одолеть их таким образом, что принимают самые тщательные меры предосторожности, чтобы ни один принадлежащий им предмет не попал в руки тех, кто может использовать его не по назначению. Когда вождь переносит свое жилище, даже пол его хижины тщательно выскребается; а Динган был настолько щепетилен в этом вопросе, что, как известно, сжег целый крааль, после того как покинул его, чтобы ни один остаток чего-либо, принадлежащего ему, не попал в злые руки.

После короля наступает черед мужчин, и это очень неприятная обязанность. Всегда закалывают быка и отрубают ему одну из ног; считается, что эта необычная церемония совершенно необходима для успешного ведения войны. Иногда конечность отрезают у несчастного животного еще при жизни. Однажды знахарю пришла в голову блестящая идея отрубить ногу живому быку, а затем заставить воинов съесть ее сырой, отрывая плоть от кости зубами. Они выиграли битву, но знахарь получил больше благодарности за свои могущественные чары, чем воины за свою храбрость.

Конечно, животное не может долго прожить после такого обращения; и когда оно умирает, плоть отрезают ассагаями, и часть ее нарезают на маленькие кусочки, в каждый из которых кладут порцию какого-нибудь зачарованного порошка. Неочищенные кости бросают среди воинов, ищут их и съедают; когда эта часть церемонии завершена, оставшуюся часть плоти варят и едят. Затем происходит любопытный процесс, своего рода очищение огнем: знахарь

раздувает над ними искры от горящего клейма. На следующий день они получают дозу, которая действует как сильное средство, а завершает церемонию очищение водой, которой их окропляет сам вождь. Эти дикие и дикарские церемонии, несомненно, оказывают большое влияние на умы воинов, которые считают, что находятся под защитой своих предков - единственных божеств, о которых каффиры, похоже, очень заботятся.

Что касается отдела комиссариата, то он сильно зависит от каприза вождя. Чака всегда посылал со своими армиями много скота, чтобы они никогда не боялись ослабления своих сил от голода. Он также посылал очень большие запасы зерна и других продуктов питания. Однако его преемники не были столь щедры и заставляли свои войска добывать себе пропитание, промышляя среди врагов.

Скот, конечно, забирают с собой, но не для того, чтобы съесть. Если же им удается захватить вражеский скот, они обнаруживают, что животных гораздо легче отогнать, если их ведут другие, им подобные. Поэтому скот, сопровождающий экспедицию, используется в качестве проводников. Иногда они служат еще более важной цели. Как бы ни был ловок каффир в поисках пути в обычных обстоятельствах, бывают случаи, когда даже его замечательные топографические способности его покидают. Если, например, он находится в районе врага и вынужден ехать ночью, он вполне может сбиться с пути, если ночи будут пасмурными и не будет видно ни луны, ни звезд; а если у него под началом стадо вражеских волов, он окажется в очень затруднительном положении. Он не смеет явиться в свой крааль без волов, иначе его жизнь будет мгновенно потеряна; а перегнать стадо волов в место, расположение которого ему неизвестно, будет невозможно. Поэтому он позволяет волам, которых он взял с собой, идти своим путем и просто идет по их следу, зная, что инстинкт обязательно приведет их к дому.

Когда каффирским солдатам удается захватить крааль, они в первую очередь заботятся о сохранности волов, а если у жителей хватило благоразумия увести столь любимый ими скот, то следующим делом они ищут маис, просо и другие виды кукурузы. Найти зернохранилища не так-то просто, потому что они вырыты в земле и после наполнения так аккуратно засыпаны землей, что точное место знают только сами хранители. Иси-байя" - излюбленное место для этих подземных хранилищ, потому что топтание скота быстро стирает все следы раскопок. Поэтому иси-байя - первое место для поиска: в некоторых случаях жители так ловко скрывали свои запасы, что захватчики не могли обнаружить их никаким другим способом, кроме как перекопав весь загон на значительную глубину. Время от времени, когда жители крааля получают уведомление о том, что ожидается враг, они убирают зерно из хранилищ и прячут его в кустарнике, снова закрывая амбары, чтобы врагу пришлось безрезультатно копать.

Панда, который отказывается посылать провизию со своими войсками, иногда заставляет их терпеть большие лишения своим скупым поведением. Однажды они обнаружили зернохранилище с большим количеством кукурузы, и были так голодны, что не могли дождаться, пока ее приготовят как следует, а ели ее почти сырой, запивая большим количеством воды. В результате многие из них заболели настолько, что при возобновлении похода их пришлось оставить, и они были обнаружены и убиты жителями крааля, которые вернулись из своих укрытий в кустарнике, как только увидели, что враг удаляется. В одном случае армия Панды была настолько плохо снабжена провизией, что солдаты были вынуждены взимать контрибуцию даже с собственных деревень. В некоторых из этих краалей женщины, ожидая, что может произойти, опустошили свои склады и спрятали все продукты в кустах, так что голодные солдаты не могли найти ни кукурузы, чтобы размолоть ее в муку, ни молока со сгустками, чтобы смешать с ней. Они были так разгневаны своим

разочарованием, что разграбили скотомогильник, обнаружили и разграбили подземные амбары и, приготовив столько еды, сколько хотели, унесли некоторое количество кукурузы для будущих пайков, а все сосуды, которыми они пользовались, разбили вдребезги. Если они могли действовать таким образом в своей стране, то их поведение на вражеской земле можно легко предположить.

Одна из причин отказа от поставок, вероятно, кроется в способе ведения боя зулусскими армиями. Они полностью состоят из легкой пехоты и могут быть отправлены на большие расстояния с быстротой, которую обычный европейский солдат едва ли может понять. Дело в том, что они не носят с собой ничего, кроме оружия, и не имеют ни тяжелого ранца, ни тесной одежды, которые могли бы затруднить их передвижение. Одежда, которую они носят во время похода, скорее украшает их, чем прикрывает, и состоит в основном из перьев, воткнутых в волосы. Вожди так заботятся о том, чтобы их солдатам не мешала никакая поклажа, что им даже не разрешается брать с собой кароссу , а спать они должны под открытым небом без всякого прикрытия, как это происходит с хранителями гарема, которые в силу своей должности должны быть солдатами, участвующими в походе.

Что касается жалованья, как мы понимаем это слово, то ни вождь, ни солдаты не имеют о нем особого представления. Если мужчины отличились, вождь чаще всего дарит им бусы и одеяла, но не как плату, на которую они имеют право, а как вознаграждение, за которое они обязаны его щедрости. Что же касается "мальчиков", то они редко получают что-либо, будучи только на продвижении по службе и не считаясь с привилегиями мужественности. Этот обычай очень раздражает "мальчиков", некоторым из которых уже более тридцати лет, и которые считают себя такими же эффективными членами армии, как и те, кому разрешено носить головное кольцо и носить белый щит. Их недовольство своим званием, однако, имеет тот хороший эффект, что они стремятся стать "ама-дода" и тем самым повысить свою ценность во время боевых действий.

Иногда это различие в рангах выливается в открытые ссоры, и однажды "мужчины" и "мальчики" сцепились друг с другом и взялись бы за копья, если бы Панда и его советники лично не утихомирили беспорядки. Дело было в том, что Панда организовал вторжение, и, как только они узнали об этом, полк черных щитов попросил немедленно отправить его на место битвы. Однако белощитники догадались, в чем дело, а именно в том, что истинное предназначение войск не то, о котором говорил король, и поэтому сидели молча, не принимая участия во всеобщем энтузиазме. Тогда "мальчики" стали дразнить "мужчин" трусостью и говорить, что они предпочитают уютные дома тяготам войны. На это "мужчины" ответили, что, поскольку они сражались под командованием Чаки и Дингана, а также Панды и заслужили свое продвижение под взглядом вождей, которые убивали всех, кто не сражался храбро, никто не может обвинить их в трусости; в то время как "мальчики" ничего не знают о войне и говорят глупости. Эти замечания были слишком правдивы, чтобы быть приятными, и так раздражали "мальчиков", что они становились все более дерзкими и провоцировали "мужчин" взяться за палки. Однако вместо того, чтобы уступить, "мальчики" лишь наносили ответные удары, и если бы Панда не вмешался, то произошел бы серьезный бунт.

Его поведение в этом случае свидетельствует о странной ревности, владеющей умом каффирского короля. В данном случае "мужчины" были, несомненно, правы, а "мальчики", несомненно, неправы. И все же Панда принял сторону последних, потому что был оскорблен доводами "мужчин". Они не должны были упоминать в его присутствии его предшественников, Тчаку и Дингана, поскольку употребление их имен подразумевало оскорбление его самого. Они могли сколько угодно гордиться своими победами,

одержанными под его началом, но им не пристало упоминать о воинственных деяниях его предшественников. Возможно, он помнил, что те предшественники были убиты своим народом, и испытывал тревожный страх, что когда-нибудь придет и его черед. Поэтому он выказал свое недовольство, отправив волов "мальчикам" в качестве пиршества, а "мужчин" оставил без еды. Конечно, в конце концов "мужчины" вынуждены были уступить и вопреки своему мнению отправились в поход. Во время этого похода тлеющее пламя вспыхивало несколько раз: "мальчики" отказывались уступать почетный пост "мужчинам", которых они дразнили трусами и боялись сражаться. Однако более благоразумные советы "мужчин" возобладали, и гармония, наконец, была восстановлена: "мужчины" и "мальчики" разделились на две бригады, и каждая из них преуспела в том, ради чего отправилась в путь, не подвергая себя ненужной опасности, атакуя почти неприступные форты.

Теперь перейдем к самим солдатам и посмотрим, как в деталях соблюдается удивительная дисциплина в каффирской армии. Сначала мы рассмотрим одежду солдата. Разумеется, почетное место занимает вождь, который является главнокомандующим, и поэтому мы возьмем портрет известного зулусского вождя, как он выглядит, когда полностью экипирован для войны. Если читатель обратится к странице 117, № 1, то увидит портрет Гозы в костюме, который он обычно носит. На иллюстрации № 2 на той же странице он изображен в полном обмундировании и представляет собой наглядный пример военной одежды могущественного каффирского вождя. На левой руке он держит свой большой белый военный щит, размер которого говорит о его предназначении, а цвет указывает на то, что он женатый человек. Длинное тонкое перо, закрепленное в его головном кольце, принадлежит южноафриканскому журавлю и является традиционным символом, обозначающим войну. В моей коллекции есть очень примечательный военный головной убор, который носил знаменитый вождь зулусов Сандилли, доставивший англичанам столько хлопот во время Каффирской войны и доказавший, что он достоин своего звания воина и великой репутации оратора. Сандилли был примечателен еще и тем, что одержал победу над физическими недостатками, которые в глазах каффиров имеют огромное значение.

Уже упоминалось, что среди кафиров почти никогда не встретишь уродливого человека, потому что младенцев с признаками какого-либо уродства почти всегда убивают сразу после рождения. Сандилли был одним из таких несчастных детей: одна из его ног была усохшей до колена, так что он был лишен всей той физической ловкости , которая так высоко ценится кафирами и которая играет столь большую роль в получении продвижения по службе. По какой-то странной случайности жизнь этого уродливого младенца была сохранена, и под ставшим уже привычным именем Сандилли ребенок вырос в мужчину, возвысился среди своего народа, стал великим вождем и превратился в занозу в боку английских колонистов. После долгих лет борьбы он, наконец, покорился английскому владычеству, и его часто можно было видеть верхом на лошади, мчащимся в том стремительном стиле, который так нравится кафирам.

Головной убор, который он привык носить во время войны, представлен в разделе "Предметы костюма", стр. 33, на рис. 4. Вместо того чтобы носить одно перо журавля, Сандилли брал всю грудь птицы, с которой свисали длинные, тонкие перья. Кожа была снята с груди, согнута и обработана так, чтобы получилась своеобразная шапочка, а перья расположены так, чтобы все они были направлены вверх, наклоняясь скорее назад. Этот любопытный и ценный головной убор был подарен мне Г. Эллисом, эсквайром, который привез его с Капского полуострова в 1865 году. Сандилли принадлежит к подплемени амагаика и отличается очень светлым цветом кожи и внушительным ростом.

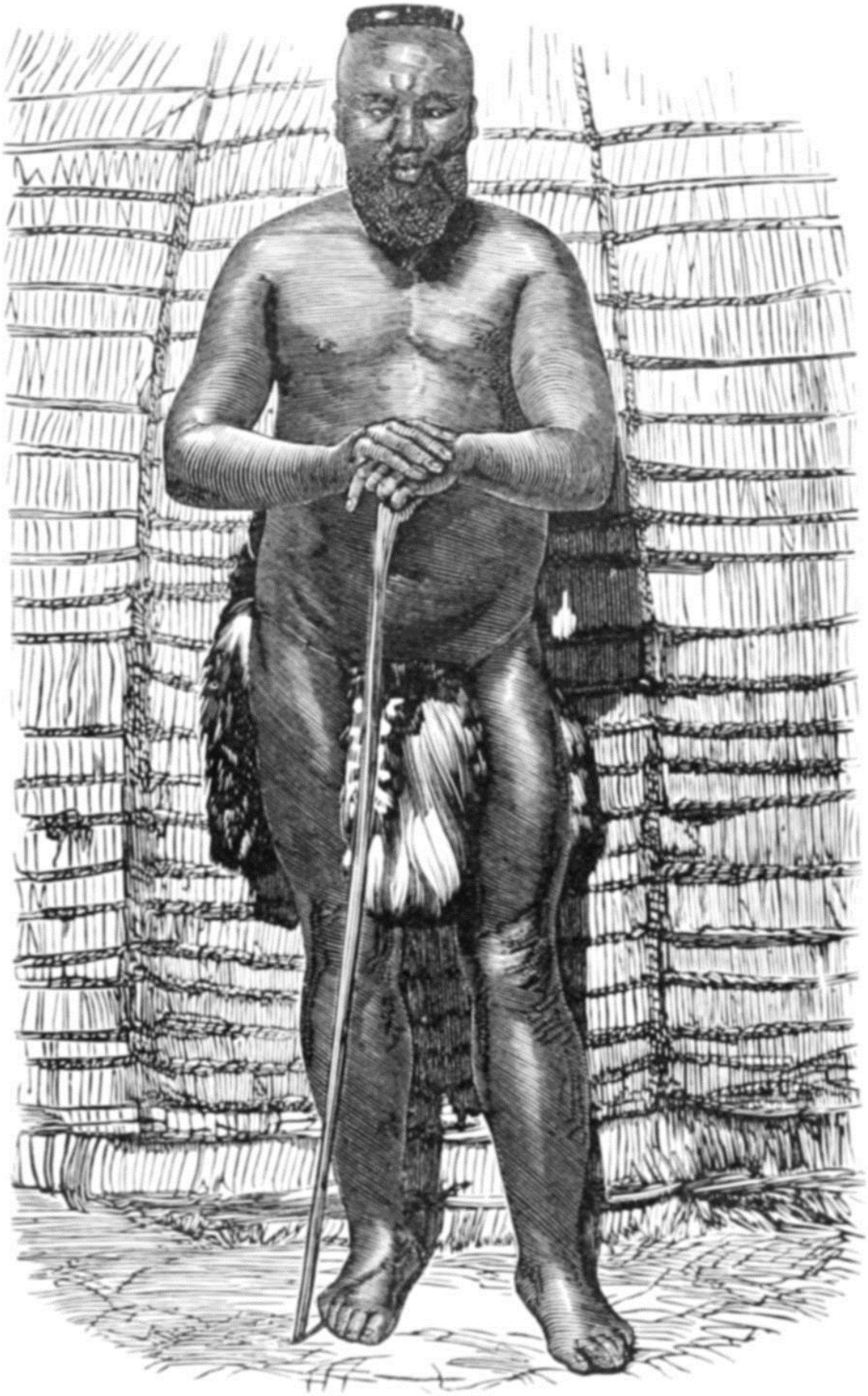
Видно, что и Гоза, и его советники носят на голове множество перьев, а шапка левостороннего воина имеет некоторое сходство с той, что была только что описана. Все лицо вождя практически покрыто варварскими украшениями. Его фартук сделан из хвостов леопардов, а колени и лодыжки украшены наколками из длинной ниспадающей шерсти ангорской козы. С его шеи и груди свисают витые полоски редких мехов, а в правой руке он держит длинную ручку-керри, которая так часто используется среди зулусских воинов. Портрет Гозы сделан с фотографии. Советники, стоящие за его спиной, одеты почти так же роскошно, как и их вождь, а головные уборы странной формы, которые они носят, обозначают полки, к которым они принадлежат. Эти люди, как и их вождь, были сфотографированы в полном облачении.

Уже упоминалось, что солдаты делятся на две большие группы: женатых и холостяков, или, как их называют в народе, "мужчин" и "мальчиков". Но каждая из этих больших групп, или дивизий, если мы можем использовать это слово в его военном смысле, состоит из нескольких полков, численность которых варьируется от шестисот до тысячи и более. Каждый из этих полков обитает в одном военном краале, или гарнизонном городе, и командует им староста этого крааля. Кроме того, полки делятся на роты, каждая из которых находится под командованием офицера более низкого ранга; эта система настолько тщательно отработана, что европейские солдаты почти не чувствуют удивления, когда обнаруживают, что эти дикари организовали систему управления армией, почти идентичную их собственной. Полки почти всегда называются по имени какого-нибудь животного, а солдаты размещаются в них в соответствии с их физическими характеристиками. Так, полк слонов состоит из самых крупных и сильных воинов и занимает позицию, подобную нашим гренадерам. Львиный полк состоит из людей, отличившихся особыми смелыми поступками, а полк спрингбока формируется из людей, отмеченных своей активностью, быстротой, с которой они могут прыгать, когда обременены оружием, быстротой ног и способностью пробегать большие расстояния. Они соответствуют нашей легкой кавалерии и используются для тех же целей.

В армии зулусов насчитывается двадцать шесть таких полков, и их так же легко отличить по форме, как и полки нашей армии. Двадцать шестой полк - аналог наших хозяйственных войск, он является телохранителем короля и обеспечивает всех часовых в гареме. Их форму легко отличить, она очень проста, по сути, это полное отсутствие всякой одежды. В этот выдающийся полк попадают только отборные воины, и ни днем, ни ночью они не носят ни единого предмета одежды. Это кажется довольно странным методом присвоения почетного отличия, но полная нагота ценится каффирскими солдатами не меньше, чем награда в виде ордена Бани или Креста Виктории у нас.

Первый полк называется Омобапанкуэ, что означает "Ловцы леопардов". Несколько лет назад, когда Тчака был королем зулусов, леопард убил одного из его приближенных. Он послал отряд первого полка за животным, и храбрецам удалось поймать его живым и принести королю свой отбитый приз. Чтобы вознаградить их за храбрость, он дал первому полку почетное звание "ловцов леопардов", которое они носят с тех пор.

В каждом полку есть три офицера - если можно так выразиться: полковник, или "Индуна-э'нколу", *то есть* Великий офицер; капитан, "Н'генана", и лейтенант, "Н'гена-обзана". Староста любого крааля носит имя Индуна, а тот, кто правит одним из больших гарнизонных городов, обязательно является человеком с большим авторитетом и высоким званием. Советники короля в основном выбираются из различных индоунов. Ниже лейтенанта стоят подчиненные офицеры, которые почти в точности соответствуют сержантам и капралам наших армий.



(1.) ГОЗА, ВОЖДЬ ЗУЛУСОВ, В ОБЫЧНОЙ ОДЕЖДЕ.
(См. стр. 115.)

(2.) ГОЗА В ПОЛНОМ ВОЕННОМ ОБЛАЧЕНИИ, В СОПРОВОЖДЕНИИ СВОИХ СОВЕТНИКОВ.
(См. с. 115.)

Для того чтобы различать людей разных полков, каждому полку присвоен особый головной убор. В изготовлении этих головных уборов туземцы, похоже, проявили всю свою изобретательность. Самая буйная фантазия вряд ли сможет представить себе странные формы, которые каффирские солдаты могут создавать из перьев, меха и сырой шкуры. Для головного убора каффирского солдата используются любые перья, но больше всего ценится

оперение валика, чей блестящий наряд сине-зеленого цвета складывается в большие шарообразные хохолки, которые носят на затылке и верхней части лба. Такое украшение редко можно увидеть на голове простого воина, так как оно слишком ценно, чтобы им мог обладать только знатный вождь. Панда очень любит носить это красивое украшение по торжественным случаям, а иногда надевает сразу два: одно на передней части головного кольца, а другое прикреплено к короне головы.

Сырую шкуру очищают от меха, сворачивая в рулон и закапывая на день или два, а затем вырезают и выделывают самые причудливые формы, напоминающие странные приспособления, которыми герои "Нибелунгов" украшали свои шлемы. Действительно, некоторые из этих головных уборов каффирских воинов на небольшом расстоянии можно легко принять за более классические, но не более сложные шлемы древнегерманских рыцарей. Представленные здесь воины принадлежат к двум разным полкам зулусской армии и были выбраны как хорошие примеры дикой и живописной формы, принятой в этих сумрачных войсках. В некоторых головных уборах мех сохраняется на коже, и таким образом достигается другой эффект.

Цель всего этого дикарского убранства двояка: во-первых, отличить солдат разных полков, а во-вторых, навести ужас на врага. Обе эти цели выполнены очень тщательно, так как мундиры двадцати шести полков очень непохожи друг на друга, и все соседние племена испытывают величайший страх перед амазулу, которые, по их словам, не люди, а пожиратели людей.

Помимо регулярных полков, у амазулу всегда есть телохранительница из вооруженных людей, в чьи обязанности входит сопровождение вождя и выполнение его приказов. У каждого вождя есть свой телохранитель, но телохранитель короля отличается не только численностью, но и рангом своих членов. У Дингана, например, телохранители насчитывали несколько сотен человек, и каждый из них был человеком высокого ранга. Она полностью состояла из индоанов со всех частей страны, находившихся под его командованием. Обладая замечательной организаторской способностью, которая отличает каффирских вождей, он расставил своих индоанов так методично, что каждый человек должен был служить в телохранителе определенное время, пока его не сменит преемник. Этот простой план позволял королю осуществлять личный надзор за правящими людьми своих владений, а с другой стороны, подчиненные вожди могли поддерживать личную связь со своим монархом и получать приказы непосредственно от него.

Уже упоминалось, что после битвы король собирает своих воинов и устраивает смотр. Одно из таких собраний представляет собой удивительное зрелище, и очень немногим европейцам довелось его увидеть. Солдаты смотрят на этот смотр с величайшим благоговением, ведь мало кто из них знает, что по его окончании их могут возвести в высший ранг или они будут лежать мертвыми в кустах. Что касается "мальчиков", особенно тех, кто считает, что хорошо вел себя в бою, то они смотрят на него с надеждой, поскольку он дает шанс на возведение их в ранг "мужчин" и обладание желанным белым щитом. Те, кто не так уверен в себе, очень нервничают перед смотром и считают, что им очень повезло, если их не укажут королю как плохих солдат и не казнят на месте.

Смотр проходит в большом корпусе одного из городов-гарнизонов, и войска выстраиваются в большой круг. Любопытно, что даже в военном деле кафиры не имеют представления о построении в линию, и все эволюции, какие бы они ни были, выполняются по кривым линиям, которые вызывают отвращение у европейских тактиков. Подразделения с белыми и черными щитами отделены друг от друга в каждом полку, и вся армия "стоит вольно",

положив щит на землю и прикрыв им все тело до самых губ. Они стоят неподвижно, как статуи, и в смертельном молчании ожидают прихода своего короля.

После обычного часа ожидания король со своими советниками, главными офицерами и особыми друзьями выходит в круг, сопровождаемый носителем кресла, носителем щита, пажом и парой слуг. Щитоносец несет почетную, хотя и опасную службу. Он должен держать щит так, чтобы заслонить королевскую особу от солнца, и если по неосторожности он позволит королю почувствовать хоть один солнечный луч, то может считать себя счастливчиком, если ему удастся спасти свою жизнь, в то время как суровое наказание будет неминуемым результатом.

В центре круга ставят кресло, чтобы его соболиное величество мог отдохнуть после утомительной прогулки длиной почти в двести ярдов. Возле королевского кресла ставят большие корзины, наполненные пивом, и прежде чем приступить к делу, король вынужден восстановить силы с помощью пива и нюхательного табака, которые ему подносят его пажи.

Затем он приказывает прогнать мимо него несколько голов скота и указывает на определенных животных , которых он намерен убить в честь своих гостей. Когда на каждого быка указывают, воин выбегает вперед со своим колюще-режущим ассагаем и убивает животное одним ударом, пронзая его до самого сердца с ловкостью опытной руки. Как бы каффир ни любил своих волов, вид умирающего животного всегда вызывает у него необычайный энтузиазм, и король с большим удовлетворением наблюдает за умирающими волами, бьющимися в последних предсмертных муках, и за эволюциями оставшихся в живых, которые фыркают и фыркают от крови своих товарищей, а затем дико бросаются во все стороны, преследуемые своими сторожами и с трудом направляемые в свои собственные загоны. Затем король поднимается и, опираясь на помощь своих приближенных, идет, а точнее ковыляет, вокруг внутреннего кольца воинов так быстро, как только позволяет его тучность, время от времени отдыхая на своем стуле, который несет за ним его паж, и освежаясь через довольно короткие промежутки времени пивом.

Далее следует самая важная часть процедуры. Главные офицеры различных полков, участвовавших в сражении, докладывают королю, который немедленно принимает по ним решения. Если кто-то из воинов особенно отличился, король указывает на него и называет его по имени. Каждый человек в армии повторяет это имя во весь голос, и все руки направлены на счастливого солдата, который видит, что его амбиции удовлетворены настолько, насколько это вообще возможно. Почти вне себя от ликования по поводу своей удачи, он выпрыгивает из рядов "и начинает бегать, прыгать, взмывать высоко в воздух, бить ногами, размахивать щитом и совершать самые удивительные и ловкие маневры, какие только можно себе представить; то размахивая оружием, нанося удары, парируя и отступая, то снова врываясь в ряды, легкий ногами и крепкий мускулами, так быстро, что глаз едва успевает следить за его эволюциями". Иногда шесть или семь этих выдающихся воинов танцуют одновременно в разных частях ринга, а их товарищи подбадривают их криками и аплодисментами. Многим из "мальчиков" на этих смотрах разрешают встать в ряд с "мужчинами", а иногда, когда целый полк чернощитников вел себя особенно хорошо, король приказывает им всем поменять черные щиты на белые и надеть на голову кольцо, обозначающее их звание ама-дода, или "мужчины".

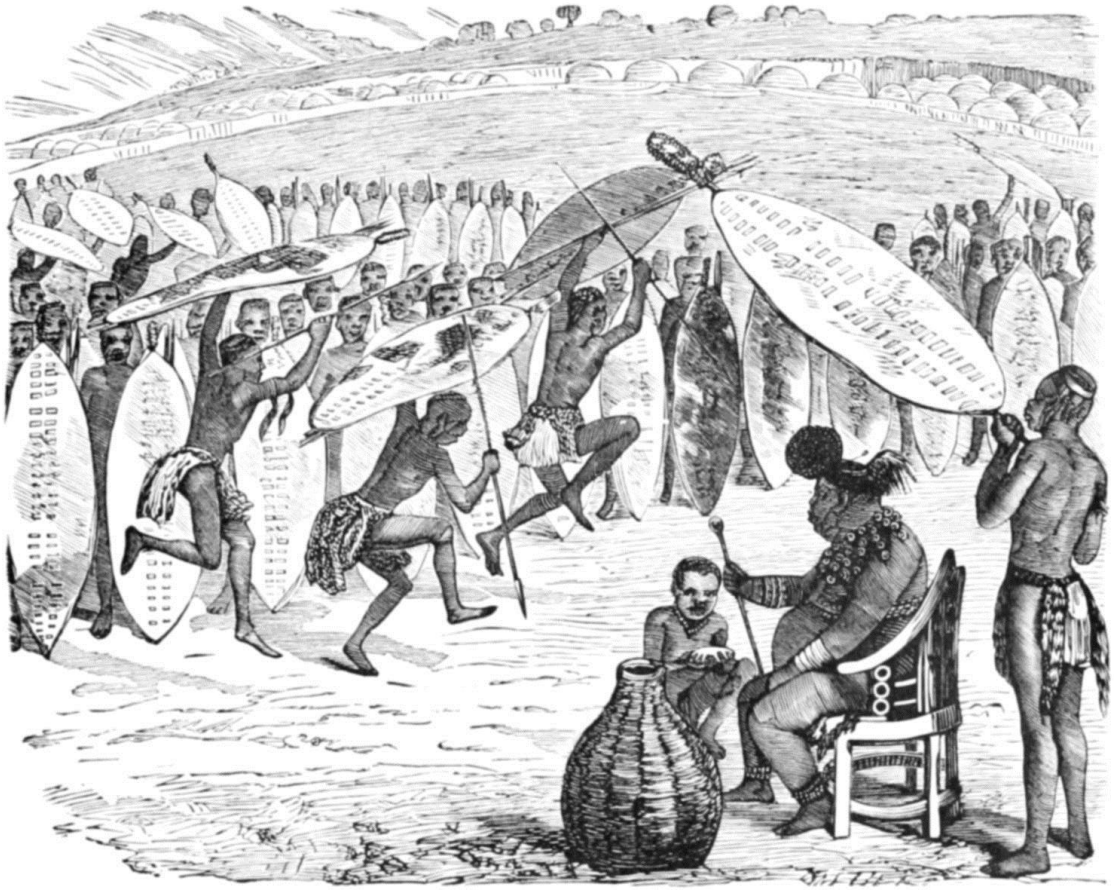
Далее следуют ужасные сцены, когда офицеры указывают на тех, кто опозорился в бою. Несчастных солдат мгновенно вытаскивают из рядов, отбирают у них щиты и копья и, по кивку короля, сразу же убивают, а тела бросают в кусты. Иногда их забивают до смерти ножами, а иногда скручивают шеи, когда палач кладет одну руку на макушку, а другую - под

подбородок. Несчастные страдальцы и не думают сопротивляться и даже просить о пощаде; и до такой степени Ткака привел этот свирепый и воинственный народ к покорности, что люди, не виновные ни в каких преступлениях, бывало, благодарили его за свое наказание, умирая под ударами палачей.

Когда двойное дело - награждение храбрых солдат и наказание трусов - завершено, вперед выходят профессиональные менестрели или восхвалители и произносят различные почетные титулы короля своеобразным речитативом, без малейшей паузы между словами и самыми звонкими голосами. Возможно, термин "герольды" был бы не слишком уместен по отношению к этим людям. Солдаты подхватывают хор славословий и повторяют титулы своего правителя криками, оглушительными для непривычного уха. Каждый титул присваивается или дается королю в память о каком-то выдающемся деянии или в связи с какой-то фантазией, которая может промелькнуть в королевском мозгу во сне; а поскольку он постоянно пополняет свои титулы, профессиональные декламаторы должны обладать хорошей памятью, так как пропуск любого из них будет расценен как оскорбление.

Некоторые из титулов Панды уже были упомянуты, но некоторые другие настолько любопытны, что их нельзя не упомянуть. Например, его называют "Отцом людей", *т. е.* "Отец мужчин", то есть ама-дода, или женатых воинов; "Тот, кто живет вечно" - комплимент за то, что он пережил опасность быть убитым Динганом; "Тот, кто высок, как горы" - "Тот, кто высок, как небеса" - это, очевидно, выдумка ловкого придворного, который хотел "завершить" предыдущий комплимент; "Детеныш слона", "Большой черный", "Птица, которая ест других птиц" - в связи с его завоеваниями в бою; "Сын коровы", "Благородный слон" и сотня других титулов, одинаково абсурдных для европейца, но вызывающих огромное уважение у кафира.

Когда вся эта бурная сцена заканчивается, смотр завершается, как и наши смотры, "маршем мимо". Король сидит в своем кресле, как генерал на лошади, а вся армия дефилирует перед ним, каждый солдат по мере прохождения кланяется до земли и опускает свой щит и ассагай, как мы опускаем свои знамена в присутствии государя. Чтобы выглядеть в этих случаях наилучшим образом и произвести на зрителей впечатление торжественности церемонии, король одевается с особой тщательностью и, как правило, надевает на каждый смотр разные костюмы. Платье, которое он обычно надевает на вечерние приемы, когда его офицеры приходят доложить о себе и сопровождают его в ежедневном осмотре стад, - это обычный фартук или килт, сделанный из хвоста леопарда или обезьяньей кожи, головной убор из различных перьев и круглый шар из обрезанной камвольной ткани, а его руки украшены кольцами из латуни и слоновой кости.



(1.) ОБЗОР ПАНДЫ.
(См. стр. 120.)

(2.) СЦЕНА ОХОТЫ.
(См. стр. 135.)

Легко понять, как этот обычай проводить смотр почти сразу после битвы, чтобы награда или наказание быстро обрушились на солдат, должен был повысить эффективность армий, особенно если система осуществлялась человеком, подобным ее создателю Чаке, проницательным, кровожадным, решительным и безжалостным деспотом. При двух сменявших друг друга правлениях Дингана и Панды, и особенно при последнем, эффективность зулусской армии - пожирателей людей - заметно снизилась, что, вероятно, объясняется соседством с английской колонией в Натале, в которой зулусские воины могут найти убежище, когда опасаются, что их жизнь находится под угрозой. Раньше у людей не было возможности укрыться, поэтому каффир был полностью во власти своего вождя, а армия, таким образом, была больше похожа на машину, чем сейчас.

Обзоры, подобные описанному, проводятся не только в военное время, но часто случаются и в мирное. Уже упоминалось, что у короля племени зулусов есть двадцать шесть военных краалей, или городов-гарнизонов, и он обычно старается посетить каждый из них в течение года. Каждый раз, когда он удостаивает крааль своим присутствием, войска разворачиваются, и проводится смотр, хотя он не всегда сопровождается пышным распределением наград и наказаний, что отличает смотры, проводимые после битвы.

Превратности каффирской войны действительно удивительны с военной точки зрения. Изначально единственным представлением о войне у кафиров были беспорядочные стычки, в которых каждый сражался "за свою руку" и не рассчитывал на поддержку товарищей, каждый из которых вступал в бой за свой счет. По сути, война была не более чем чередой дуэлей, и, если воину удавалось убить конкретного противника, которому он противостоял, он тут же искал другого. Но идея о том, что большие группы людей действуют согласованно и управляются одним разумом, не приходила в голову кафирам до времен Чаки.

Когда этот монарх ввел в войну систему и дисциплину, результат сразу же стал очевиден. Отдельные стычки не имели шансов против больших групп людей, взаимно поддерживающих друг друга, движущихся, как будто движимых единым разумом, и, под руководством одного лидера, продвигающихся вперед с быстрой, но устойчивой стремительностью, которой недисциплинированные солдаты противника не могли противостоять. Дисциплина не могла быть обращена против зулусов, потому что Чака не оставил покоренным племенам времени на организацию армии, даже если бы у них были вожди, способные справиться с этой задачей. Его войска пронеслись по стране, как армия саранчи, пожирая все на своем пути и либо истребляя различные племена, либо присоединяя их в том или ином качестве к зулусам.

По правде говоря, его великая политика заключалась в том, чтобы расширить племя зулусов и из простого племени превратить их в нацию. Поэтому его целью было не столько уничтожение, сколько поглощение, и хотя иногда он истреблял племя, которое не принимало его условий, это делалось для того, чтобы навести ужас на остальных и доказать им тщетность сопротивления. Тех, кто принял его предложения, он включал в свою армию и подчинял той же дисциплине, но заботился о том, чтобы развести их по разным полкам, чтобы они не смогли объединиться для успешного восстания. Результатом этой простой, но дальновидной политики стало то, что через несколько лет племя зулусов, изначально небольшое, имело, помимо регулярных полков, около двенадцати или пятнадцати тысяч человек, всегда готовых к любой внезапной экспедиции, а через пять или шесть лет король

зулусов стал главенствовать над всей Южной Африкой, единственным препятствием для него были европейские колонии. Их он, очевидно, намеревался уничтожить, но был убит прежде, чем успел довести свой план до конца. Системе Чаки последовал Моселекатце на севере Кафирландии, которому удалось так хорошо управлять, что основная часть его армии состояла из бечуанов и других племен, некоторые из обычаев которых он перенял.

Военная система Чака преобладала, как и должно быть, когда между противоборствующими силами нет большого неравенства, а дисциплина на одной стороне. Но когда дисциплина противостоит дисциплине, а преимущество в оружии на стороне последних, последствия оказываются катастрофическими для первых. Так было с племенами кафиров. Тесные ряды воинов, вооруженных щитом и копьем, были неодолимы в противостоянии с людьми, вооруженными так же, но без какой-либо регулярной дисциплины, но, когда им пришлось состязаться с огнестрельным оружием, они обнаружили, что их система не имеет особой ценности.

Щит мог достаточно хорошо противостоять ассагаю, но против пули он был бессилен, и хотя колющий ассагай был страшным оружием, когда враг находился в непосредственной близости, он был бесполезен против противника, который мог нанести разрушение на расстоянии нескольких сотен ярдов. Более того, тесные и компактные ряды, которые были так эффективны против нерегулярных воинов страны, становились абсолютным элементом слабости, когда солдаты подвергались мощным залпам со стороны далекого врага. Поэтому весь ход битвы был изменен, когда зулусы сражались с белым человеком и его огнестрельным оружием, и они оказались вынуждены вернуться к старой системе стычек, хотя скирмишеры сражались под командованием вождя, а не каждый человек действовал самостоятельно, как это было раньше.

Мы помним, как подобные изменения произошли в наших европейских армиях, когда тяжелые колонны, которые раньше были такими неуязвимыми, были разбиты огнем одиночных шеренг, и как сама массивность колонны делала ее лучшей меткой для огня противника и приводила к тому, что почти каждый выстрел был результативным.

Чака не всегда добивался успеха, поскольку забывал, что хитрость часто превосходит силу и что копья противника - не самое опасное оружие в его арсенале. Последняя экспедиция, которую организовал Чака, была крайне неудачной. Сначала он направил армию против племени, которое долго сопротивлялось ему и имело настолько сильную военную позицию, что даже обученные зулусские воины, знавшие, что поражение - это смерть, не смогли ее взять. К счастью для Чаки, в это время в его краале находилось несколько европейцев, и он заставил их сражаться за него. До этого момента враги никогда не видели и не слышали об огнестрельном оружии; увидев, что их товарищи падают без видимых повреждений, они тут же сдались, решив, что духи их предков разгневались на них, и изрыгнули огонь из своих ртов. Именно на такой результат рассчитывали носители огнестрельного оружия, считая, что если враг будет запуган странным оружием, то обе стороны избегут больших потерь. После битвы побежденное племя, по обычаю Чаки, было обложено данью, а весь их скот отдан.

Успех этой экспедиции побудил Чаку повторить эксперимент, и едва его войска вернулись, как он отправил их против вождя по имени Сотшангана. У этого вождя был шпион в лагере Чаки, и не успела армия отправиться в путь, как шпион сумел оторваться от войска и на полной скорости отправился к своему хозяину. Сотшангана сразу же разослал гонцов, чтобы узнать, правду ли сказал шпион, а когда узнал, что зулусская армия действительно идет на него, заготовил ловушку, в которую слишком самоуверенный враг сразу же угодил. Он вывел свои войска из краалей, но оставил все на своих местах, чтобы выглядело так, будто тревоги

не было. Зулусские полки, не видя никаких признаков того, что их присутствия ожидают, заняли крааль, наелись провизии и уснули в мнимой безопасности. Но в глубокой ночи Сотшангана в сопровождении шпиона, которого он наградил командованием полка, налетел на ничего не подозревающих зулусов, навалился на них во время сна и почти наголову разбил один полк. Остальные сплотились и отогнали врагов, но они находились во вражеской стране, где каждая рука была против них.

Их замечательная дисциплина мало помогала им. Они не отдыхали ни днем, ни ночью. Их постоянно преследовали нападения, то отрядов скирмишеров, которые постоянно держали их начеку, то больших сил солдат, которых приходилось встречать в боевом порядке. Они не могли добыть себе пропитание, так как вся страна была против них, а более слабые племена, на которые они нападали, чтобы добыть провизию, загоняли их скот в кустарник и поджигали их собственные кукурузные поля. Говорят также, и с некоторой долей правды, что вода была отравлена, а пища уничтожена; в результате некогда победоносная армия была вынуждена отступать, как могла, и раздробленные осколки наконец достигли своей страны, претерпев почти невероятные лишения. Именно в этой кампании солдаты были вынуждены съесть свои щиты. В этой экспедиции погибло не менее двадцати тысяч зулусских воинов, три четверти из которых умерли от лишений, а остальные пали от копий врага.

Можно представить себе, какова была бы ярость Тчаки при столь ужасном поражении; но он так и не дожил до того, чтобы увидеть своих побежденных воинов. Предполагается, и в этом есть доля правды, что он был причастен к смерти своей собственной матери Мнанде. На языке зулусов это слово означает "приветливая" или "приятная", но никогда еще это имя не было так неправильно использовано. Она была жестокой, упрямой и своенравной, и ее сын, несомненно, унаследовал эти черты характера своей матери, добавив к ним несколько своих собственных. Она была женой вождя амазулу, тогда еще небольшого и малочисленного племени, жившего на берегах реки Белой Фолоси, и вела себя так, что ее нельзя было держать в краале мужа. Можно представить, что такие мать и сын вряд ли хорошо уживались вместе; и когда последний стал мужчиной, он, как известно, открыто избил свою мать, не пытаясь скрыть этот факт, а скорее ставя его себе в заслугу.

Поэтому, когда она умерла, ее семья имела все основания полагать, что Чака стал причиной ее убийства, и решила отомстить. Не успела эта злополучная экспедиция отправиться в путь, как две ее сестры пришли к Дингану и Умхлангани, братьям Чаки, и открыто обвинили его в убийстве Мнанде, призывая обоих братьев убить его и отомстить за кровь своей матери. Они ловко сослались на отсутствие армии и ужас, в котором каждый солдат держал своего кровожадного короля, и сказали, что если по возвращении армии Чака будет мертв, солдаты обрадуются смерти тирана и будут считать своими вождями тех двух людей, которые освободили их от такого ига. Братья коротко ответили: "Вы сказали!", но женщины, похоже, поняли, что этими словами решена судьба Чаки, и удалились, оставив племянников придумывать свои планы убийства царя.

Это было непростое дело. Они попробовали бы применить яд, но Чака был слишком насторожен, чтобы умереть такой смертью, и, поскольку сила была явно бесполезна, они прибегли к вероломству. Они подкупили любимого слугу Чаки, человека по имени Бопа, и, вооружившись недорубленными головами ассагаев, которые можно было легко спрятать, отправились в дом короля, где он совещался с несколькими своими советниками, которые, согласно каффирскому этикету, были безоружны. Коварный Бопа начал свое дело с того, что грубо прервал советников, обвинил их в том, что они говорят ложь королю, и повел себя так дерзко, что, как он прекрасно знал, они не подчинятся. Когда они в гневе поднялись и попытались схватить оскорбившего их человека, Динган и Умхлангани подкрались к Тчаке,

чье внимание было занято этой необычной сценой, и ударили его в спину. Он попытался убежать, но был снова заколот Бопой и упал, умирая, на землю, где и был мгновенно убит. Испуганные советники попытались бежать, но были убиты тем же оружием, которым был убит их господин.

Эта страшная сцена завершилась актом, который отчасти был вызван свирепостью местных жителей, а отчасти суеверием. Оба убийцы вскрыли еще теплое тело своей жертвы и выпили желчь. Об их последующей ссоре и восшествии Дингана на престол уже говорилось. Новый король, вероятно, был бы убит солдатами по возвращении, если бы он не примирил их, ослабив строгие законы безбрачия, которые ввел Чака, и предоставив войскам различные послабления. Что касается мертвого Мнанде, ставшего непосредственной причиной смерти Тчаки, то об этом мы еще расскажем на одной из следующих страниц.

ГЛАВА XIII.
ОХОТА.

ЛЮБОВЬ КАФИРОВ К ПОГОНЕ - ДИЧЬ И КЛИМАТ АФРИКИ - АНТИЛОПЫ АФРИКИ - ОХОТА НА КУДУ - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОГОВ - СЦЕНА НА РЕКЕ УМГЕНЬ - ДУКЕР-БОК И ЕГО ОСОБЕННОСТИ - СПОСОБ БЕГСТВА И ЖИВУЧЕСТЬ - НЕОБЫЧНЫЙ СПОСОБ УКРЫТИЯ - ЭЛАНД, ЕГО МЯСО И ЖИР - ЛЮБОПЫТНОЕ СУЕВЕРИЕ ЗУЛУССКИХ ВОИНОВ - БЕДРЕННЫЕ ЯЗЫКИ - СПОСОБ ОХОТЫ НА ЭЛАНДА - ГЕМСБОК - ЕГО БЕЗРАЗЛИЧИЕ К НАПИТКАМ - ТРУДНОСТЬ ОХОТЫ НА НЕГО - КАК ГЕМСБОК ВЛАДЕЕТ СВОИМИ РОГАМИ - ИХ ПОЛЬЗА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА - СПОСОБЫ ЛОВЛИ И УНИЧТОЖЕНИЯ АНТИЛОП ОПТОМ - ХОПО, ИЛИ БОЛЬШОЙ ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ, ЕГО КОНСТРУКЦИЯ И СПОСОБ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ СЦЕНА В ХОПО - ЛОВУШКИ ДЛЯ ОДИНОЧНЫХ ЖИВОТНЫХ - КОЛ И ХРЕБЕТ - ЛОВУШКА ДЛЯ ЖИРАФА - ОХОТА НА СЛОНА - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОБАК - ЛУЧШИЕ ЧАСТИ СЛОНА - КАК ГОТОВИТСЯ НОГА - ПРОЖОРЛИВОСТЬ ТУЗЕМЦЕВ - ДИЧЬ В "ВЫСОКОМ" СОСТОЯНИИ - ИЗВЛЕЧЕНИЕ БИВНЕЙ И ЗУБОВ - РАЗДЕЛКА СЛОНА - ПЛОТЬ, ЖИР И КОЖА НОСОРОГА - ЮЖНОАФРИКАНСКИЙ "ХАГГИС" - НАПАДЕНИЕ НА СТАДО ДИЧИ - РЕЗНЯ В ОВРАГЕ - СЦЕНА ОХОТЫ В КАФФИРЛЕНДЕ - "КЛУФ" И "БУШ" - ВОДОПАД НА РЕКЕ УМЗИМВУБУ - ОХОТНИЧИЙ ТАНЕЦ - ПОГОНЯ ЗА ЛЬВОМ И ЕЕ КРОВАВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ - ДЕСПОТИЧЕСКИЙ МАНДАТ ДИНГАНА - ОХОТА НА БУЙВОЛА.

За исключением войны, ни одно занятие не увлекает кафира так сильно, как охота; и независимо от того, объединяется ли он с несколькими товарищами в походе против своей дичи, преследует ли ее в одиночку или заманивает в ловушки, он полностью поглощен этим занятием и преследует его с энтузиазмом, который чужд европейцу. Действительно, во многих случаях, и, конечно, в большинстве, когда охотником является каффир, погоня превращается в имитацию войны, которая ведется то против сильного, то против слабого; которая в равной степени противостоит яростной активности льва, неукротимой силе слона, скорости антилопы и настороженности зебры. Любовь к охоте просто необходима в такой стране, которая полностью заслуживает известного названия "Счастливые охотничьи угодья". Пожалуй, нет на земле страны, где на столь малой территории можно было бы встретить такое удивительное разнообразие дичи, которая бы служила для максимального проявления всех способностей к преследованию, которыми может обладать человечество.

На юге Африки обитают самые быстрые, самые крупные, самые тяжелые, самые свирепые, самые могучие и самые высокие звери в мире. Высокие горы, заросшие тростником лощины, колючий кустарник, открытые равнины, берега рек и сама вода наполнены своими обитателями просто благодаря разнообразию почвы, которое всегда порождает соответствующее разнообразие обитателей. Различные виды травы привлекают и поддерживают животных, которые им соответствуют; и если бы они вымерли, то животные последовали бы за ними. Крупные плотоядные животные, в свою очередь, привлекаются травоядными обитателями страны, и таким образом получается, что даже очень незначительное изменение растительности меняет весь характер местности. Мистер Моффатт привел любопытный пример этого факта.

Он и его спутники оказались в большой опасности из-за разочарования "создателя дождя". Изначально эта страна отличалась даже количеством выпадающих дождей и, как следствие, плодородием. Старики говорили, что их предки рассказывали им "о потопах древних времен, о непрекращающихся ливнях, которые покрывали зеленью самые скалы, о гигантских деревьях и лесах, которые когда-то покрывали холмы Хамхана и соседние равнины". Они рассказывали о Курумане и других реках с их непроходимыми потоками, в которых играли бегемоты, а стада пастухов ходили по горло в траве, наполняя молоком свои *макуки* (мешки для молока), заставляя каждое сердце петь от радости".

О том, что эти рассказы были правдой, свидетельствовали многочисленные пни огромных акаций, которые показывали, где раньше был лес, и сухие и пересохшие овраги, которые, очевидно, были руслами рек и покрыты растительностью. В засухе были виноваты миссионеры, по неизменному обычаю создателей дождя, которые только рады найти, на кого переложить вину, когда за их заклинаниями не следует дождь. Напрасно мистер Моффатт напоминал им, что засуха была известна задолго до того, как белый человек ступил на эту землю. Дикарь-африканец, как правило, невосприимчив к датам и даже не имеет ни малейшего представления о своем возрасте, поэтому этот аргумент потерпел полное фиаско.

Настоящая причина, очевидно, заключалась в том, что обнаружил мистер Моффатт и что он тщетно пытался внушить жителям этих земель. Они сами, вернее, их предки, были ответственны за прекращение дождей и последующее превращение плодородной земли в пустыню. Для строительства своих краалей и домов они срубили все деревья, которые могли срубить их топоры, а те, что не поддавались их грубым инструментам, они уничтожали огнем. Хорошо известно, что деревья, особенно когда они в полном цвету, являются очень сильными агентами, вызывающими дождь, поскольку они конденсируют влагу, витающую в воздухе, и заставляют ее падать на землю, вместо того чтобы проходить мимо в виде взвеси. Каждое срубленное дерево в той или иной степени уменьшает количество осадков, а когда лес выравнивают с землей, сразу становится заметным разное количество осадков.

Эти племена - заядлые разрушители леса. Когда они хотят обосноваться на новом месте и построить новый крааль, они всегда располагаются рядом с лесом или, в крайнем случае, с большой чащей, которая со временем выравнивается с землей, а древесина используется для строительства и кулинарных целей. Затем племя отправляется на другое место и рубит еще больше древесины; именно этому обычаю можно отчасти приписать великие засухи на юге Африки.

Дичь, обитавшая в поваленных лесах, вынуждена переселяться в районы, где не слышен звук разрушительного топора, а все те животные, которым требуется постоянный приток воды, либо вымирают из-за ее отсутствия, либо уходят в более благоприятные регионы. Особенно это касается антилоп, которые являются главной дичью этих земель. Южная Африка просто

кишит антилопами, около тридцати видов которых населяют эту удивительную страну. Они бывают разных размеров - от огромных эландов и куду, которые по весу и росту соперничают с нашим лучшим крупным рогатым скотом, до крошечных видов, которые обитают в буше и имеют тело едва ли больше, чем у кроликов. Некоторые из них одиночки, других можно встретить небольшими группами, третьи объединяются в стада с неисчислимой численностью; есть и такие виды, которые образуют ассоциации не только с другими видами своей группы, но и с жирафами, зебрами, страусами и другими странными спутниками. На каждый вид нужно охотиться особым образом, а поскольку антилопы, как правило, самые настороженные и самые активные из дичи, охотник должен досконально знать свое дело, прежде чем надеяться на успех.

Одна из антилоп, живущих небольшими стаями, - куду, столь известная благодаря своим великолепным спиральным рогам. Для европейцев куду интересен только как одна из самых великолепных антилоп, но для кафиров это почти такое же ценное животное, как корова. Мясо куду обладает хорошим вкусом и нежностью - два качества, которые крайне редко встречаются у южноафриканских антилоп. Костный мозг, извлеченный из костей ног, - большая роскошь для кафиров, которые так любят его, что, убив куду, вынимают кости ног, ломают их и едят костный мозг, не только не готовя, но и пока он еще теплый. Какой бы отвратительной ни казалась нам подобная практика, она была принята даже английскими охотниками, которые были достаточно благоразумны, чтобы приспособиться к обстоятельствам.

Кроме того, шкура, хотя и сравнительно тонкая, отличается необыкновенной прочностью, и, если ее разрезать на узкие куски и правильно обработать, она используется для различных целей, которые не могла бы выполнить более толстая шкура. Прочность и крепость этих нитей поистине удивительны, а быстрота, с которой они изготавливаются, и того меньше. Я видел, как опытный скорняк отрезал полоску от высушенной шкуры куду и менее чем за полминуты получал длинные, тонкие ремешки толщиной с обычный шнур для плетки, эластичные, как шелк, и красиво закругленные. Я часто думал, что вопрос о лучшей коже для шнурков может быть легко решен путем использования шкуры куду. Вначале такие ремешки будут стоить дорого, но их долговечность сделает их дешевыми в долгосрочной перспективе.

Рога куду очень ценятся в этой стране и имеют высокую цену из-за своей красоты. Кафиры, однако, ценят их еще больше, чем мы. Они позволяют рогам эланда валяться и погибать, но рога куду они бережно хранят для двух особых целей, а именно для кузницы и курильни. Хотя каффирский кузнец использует рога домашнего быка или эланда в качестве трубок, с помощью которых ветер передается от мехов к огню, он предпочитает рога куду, и если ему посчастливится раздобыть пару, он потратит немало усилий на изготовление красивой пары мехов. Он также использует рог куду для изготовления замечательной трубки для воды, в которой курят дакку или коноплю. На странице 167 можно увидеть изображение каффира, который курит трубку из рога куду.

Как и многие другие антилопы, куду - настороженное животное, и охотнику приходится приложить немало усилий, чтобы добиться успеха. Куду - одна из антилоп, нуждающихся в воде, и не похожа на своего родственника, эланда, который никогда не пьет и каким-то загадочным образом умудряется быть самой крупной, самой толстой и самой упитанной из всего антилопового племени, хотя живет далеко от воды, а ее основной пищей является трава, настолько сухая, что ее можно растереть в порошок между ладонями.

Каждая из антилоп обладает своими хитростями и применяет на практике различные способы спасения от врага. Симпатичный маленький дукер-бок, например, скачет туда-сюда

с беспорядочной чередой движений, напоминая спортсмену повадки вспорхнувшего бекаса. Внезапно он останавливается, как будто устал, и ложится в траву; но когда охотник подходит к этому месту, животное уже исчезло. Все предыдущие движения были лишь для того, чтобы отвлечь внимание охотника, и как только антилопа приседала, она опускала голову и уползала на коленях под прикрытие травы. Именно за эту привычку голландские колонисты назвали ее дуйкером, или ныряльщиком. Эта маленькая антилопа водится в длинной траве или среди чахлых кустов, и настороженный каффир обязательно держит оружие наготове, когда проходит мимо места, где может ожидать встретить дуйкера, или импуна, как он его называет. Это существо удивительно живуче, и, даже будучи смертельно раненым, оно уйдет от охотника, не знающего его особенностей.

Другие антилопы, обитающие в траве и кустарниках, обладают весьма изобретательными способами маскировки. Даже на голой равнине они приседают в таких странных позах, что исчезают все следы их обычных очертаний, и ухитряются расположиться таким образом, что на небольшом расстоянии напоминают кучу засохшей травы и мертвых палок, причем первые изображаются мехом, а вторые - рогами и конечностями. Нетренированный глаз никогда не обнаружит ни одного из этих животных, а новички в африканской охоте редко могут отличить антилопу, даже когда им на нее указывают.

Когда опытный охотник видит антилопу, скорчившуюся на земле, он может быть уверен, что животное прекрасно осознает его присутствие и лишь выжидает удобного момента, чтобы скрыться. Если бы он направился прямо к ней или даже остановился и посмотрел на нее, антилопа поняла бы, что ее обнаружили, и бросилась бы прочь, пока она еще вне пределов досягаемости. Но опытный охотник всегда делает вид, что *не* заметил животное, и вместо того, чтобы подойти к нему по прямой, ходит вокруг и около места, где оно лежит, все время приближаясь к объекту, но не обращая на него никакого видимого внимания. Животное в полном недоумении от такого образа действий и не может решить, что ему делать. Оно не уверено, что его обнаружили, и поэтому не хочет рисковать, вскакивая и открыто выдавая себя, и лишь прижимается ближе к земле, пока враг не окажется в пределах досягаемости. Красивую антилопу под названием оуреби часто берут именно таким образом.

Некоторые антилопы не могут быть добыты таким способом. Это очень настороженные животные, и, почуяв врага, они тут же пускаются в галоп, проносясь на огромные расстояния почти по прямой линии. Одно из таких животных - хорошо известный эланд, антилопа, которая, несмотря на свои огромные размеры и большой вес, удивительно быстра и активна; и хотя крупный эланд достигает почти шести футов в плечах и по комплекции не уступает нашим быкам, он мчится по неровным холмистым местам со скоростью, с которой не сравнится ни одна лошадь. Но он не может поддерживать такой темп в течение долгого времени, так как становится очень толстым и тяжелым; и если на него постоянно давить, не позволяя ему сбавить темп или остановиться, он становится настолько истощенным, что его легко можно догнать. Обычный план в таких случаях - пробраться вперед усталого эланда, заставить его развернуться и таким образом загнать в место лагеря, где его можно убить, чтобы охотники избавили себя от необходимости нести мясо в лагерь.

Охота на эланда всегда была любимым видом спорта как у туземцев, так и у белых людей, отчасти потому, что его мясо необычайно вкусно, а отчасти потому, что настойчивая погоня почти всегда вознаграждается успехом. Для туземцев эланд представляет особую ценность, поскольку дает такое количество мяса, что им хватит на несколько дней. Кроме того, мясо всегда нежное, что обычно не свойственно южноафриканской оленине. Однако зулусские воины не едят мясо эланда - их удерживают от этого суеверные мотивы.

Обычно, когда убивают антилопу, ее плоть либо съедают сразу, пока животное тепло не покинуло тело, либо выдерживают день или два, чтобы избавить ее от жесткости. Но плоть эланда можно есть даже через несколько часов после убийства животного. Охотники готовят из плоти эланда довольно любопытное блюдо. Они вынимают отдельно мышцы бедер и обрабатывают их так же, как языки. Эти изделия называются "языками бедра" и очень полезны в путешествии, когда провизии может не хватить. Возможно, одним из самых больших достоинств эланда в глазах кафиров является огромное количество жира, которое он производит, когда находится в хорошем состоянии. Как уже говорилось, жир для кафиров - это одна из жизненных необходимостей, а также одна из самых больших роскошей, и бык-эланд в хорошем состоянии дает такой запас, что кафиры будут счастливы целый месяц.

Есть еще одна южноафриканская антилопа, которая, как и эланд, бежит по прямой при тревоге, но которая, в отличие от эланда, способна на большую выносливость. Это великолепный гемсбок, антилопа, которая почти такая же крупная, как эланд, хотя и не так массивна. Эта красивая антилопа обитает на сухих и пересохших равнинах юга Африки и, как и эланд, не заботится о воде, получая всю необходимую ей влагу из сочных корней луковичной природы, которые скрыты в почве и которые инстинкт учит ее выкапывать. Эта способность поддерживать жизнь без помощи воды делает его преследование очень трудным делом, и охотники, как местные, так и европейские, часто бывают сбиты с толку не столько скоростью и выносливостью животного, сколько сухими и жаждущими равнинами, через которые оно ведет их, и в которых они не могут найти воды. Поэтому добыча гемсбока очень ценится, а его великолепные рога всегда будут стоить дорого даже в его собственной стране, а в Европе они обязательно найдут сбыт.

Рога этой антилопы имеют длину около трех футов и очень слабо изогнуты. Способ их расположения на голове довольно любопытен. Они расположены почти на одной линии со лбом, так что когда животное находится в состоянии покоя, их кончики почти касаются спины. Может показаться, что рога, установленные таким образом, лишены многих своих возможностей, но у гемсбока есть довольно любопытный способ управления этим оружием. Когда он хочет напасть или принять атаку врага, он опускает голову почти до земли, нос проходит между передними лапами. Рога при этом направлены в сторону врага, а их кончики находятся в восемнадцати или двадцати дюймах от земли. Как только враг оказывается в пределах досягаемости, гемсбок поворачивает голову сильно вверх и насаживает противника на свои рога, которые настолько остры, что кажутся почти отточенными и отполированными искусственным путем.

Собаки считают гемсбока одним из самых страшных своих противников, ведь если им удается сбить его с толку, он так стремительно взмахивает рогами, что они не могут подойти к нему без особой опасности. Даже когда животное получало смертельную рану и лежало на земле с несколькими минутами жизни в теле, оно, как известно, так яростно размахивало своей вооруженной головой из стороны в сторону, что убивало нескольких собак, когда они бросались схватить упавшего врага, тяжело ранило других и сохраняло чистое пространство в пределах досягаемости своих рогов. За исключением некоторых сезонов года, когда гемсбок становится очень жирным и, как следствие, плохо приспособленным для длительной погони, туземцы редко пытаются преследовать его, зная, что им наверняка придется очень долго бежать и что окончательная поимка животного весьма сомнительна.

Что касается антилоп, которые собираются в огромные стада, то южноафриканский охотник действует по совершенно иным принципам и использует скорее хитрость, чем скорость или силу. Одним из самых успешных методов уничтожения дичи оптом является использование замечательной ловушки под названием "хопо". По сути, хопо - это очень большая яма,

вырытая с большим трудом и способная вместить огромное количество животных. С каждого конца ее обкладывают стволами деревьев, а по бокам делают такие же настилы, так что получается нечто вроде перехлеста, и зверь, попавший в нее, не может выбраться. От этой ямы расходятся два забора в форме буквы V, вершиной которых является яма. Длина этих заборов составляет около мили, а расстояние между их крайними точками - миля или даже больше.

Многие сотни охотников выходят на охоту и хитроумно придумывают, как приманить или загнать стадо дичи в коварное пространство между заборами. Затем они выстраиваются в оцепление на открытом конце V и медленно продвигаются вперед, чтобы побудить животных двигаться дальше. Разношерстная компания эландов, хартебистов, гну, зебр и других животных, таким образом, все ближе и ближе подбирается к гибели. Ближе к углу V ограда сужается, превращаясь в подобие дорожки или прохода длиной около пятидесяти ярдов, и делается очень прочной, чтобы испуганные животные не смогли прорваться через нее. Когда несколько особей уже вошли в проход, охотники бросаются вперед, крича во всю мощь своих голосов, размахивая щитами и ассагаями, и так пугают обреченных животных, что они слепо бросаются вперед и падают в яму. Тем, кто находится впереди, бесполезно отступать при виде опасности, их подталкивают товарищи, и через несколько минут яма заполняется мертвыми и умирающими животными. Многие из стада спасаются, когда яма уже заполнена, перебираясь через тела своих павших товарищей, но их хватает на то, чтобы пировать всем племенем еще долгое время. Те, кто находится на окраине стада, часто срываются с места и пытаются прорваться через кордон вооруженных охотников. Многие из них преуспевают в своих попытках, но другие становятся жертвами ассагаев, которые бросаются на них со всех сторон.

Даже такая крупная дичь, как жираф, буйвол и носорог, была поймана в эту изобретательную и эффективную ловушку. Доктор Ливингстон упоминает, что небольшое подплемя бакавас забирало от шестидесяти до семидесяти голов скота в неделю в различные хопо, которые они строили.

Оживленная сцена, происходящая во время одной из таких охот, хорошо описана мистером Х. Х. Метуэном в его "Жизни в дикой природе". Упомянув о яме и двух расходящихся заборах, между которыми было заключено стадо кваггов, он продолжает следующим образом: "Шум вокруг меня усилился, люди проносились мимо, их кожаные плащи развевались на ветру, и по их черным обнаженным фигурам и диким жестам не нужно было представлять Пандемониум. Я изо всех сил прижимался к летящим животным и, скача по переулку, видел, что ямы переполнены; несколько кваггов, заметив опасность, повернулись ко мне, задрав уши и показав зубы, заставляя меня с такой же быстротой отступать от них. Несколько туземцев, стоявших в переулке, заставили беглецов прогнать их ассагаями. Когда каждый квагга бросался на них, они вжимались спинами в изгородь, держали перед лицом щиты из жесткой бычьей кожи и метали копья ему в бока, когда он прорывался вперед. Одному удалось прорваться сквозь изгородь и спастись; остальные упали, пронзенные ассагаями, как множество дикобразов. На таких охотах часто гибнут мужчины, когда буйволы поворачивают назад подобным образом.

"Прошло немного времени, прежде чем мы с Бари смогли найти брешь в изгороди и обойти ямы, но в конце концов мы нашли одну, и тогда перед нами предстала сцена, не поддающаяся описанию. Ямы были настолько полны, что многие животные перебегали через тела своих товарищей и выбирались на свободу. Я никогда не смогу забыть это

кровавое, убийственное зрелище: стонущая, извивающаяся масса кваггов, сгрудившихся вместе в неразрывной путанице; одни лежали на спине, задрав пятки, другие - поперек; некоторые ныряли и показывали только хвосты; все лежали, сцепившись, как ведро с угрями. Дикари, обезумев от возбуждения, с воплями носились вокруг них, с улыбкой удовлетворения вонзая свои ассагаи в верхних и оставляя их душить нижних, явно радуясь агонии своих жертв. Моселели, вождь, был там лично, и по прошествии получаса, когда столбы у входа в ямы были убраны, мертвые тела, во всех конвульсиях и неподвижности смерти, были вытащены крючковатыми кольями, закрепленными через основные сухожилия шеи, при этом распевалась грубая песня с современными словами".

Рассказчик упоминает, что из одной ямы, площадью всего двенадцать футов и глубиной шесть, он видел, как извлекли двадцать "квагга".

Иногда ямы строятся для приема отдельных животных, таких как слон, бегемот и носорог. Они изготавливаются в основном в двух вариантах. Ловушки, предназначенные для поимки трех последних животных, довольно большие, но не очень глубокие, так как размер и вес пленников не позволяют им выбраться. Кроме того, в центре ямы ставится крепкий кол длиной около пяти футов или более, заостренный сверху, чтобы животное падало на него и получало укол. Ямы аккуратно засыпают палками, листьями и землей, так искусно расположенными, что они выглядят точно так же, как поверхность земли, и опасны не только для зверей, которых они предназначены для ловли, но и для людей и лошадей. Из-за этих ям произошло столько несчастных случаев, что путешественник, отправляясь из одного района в другой, посылает уведомление о своем приходе, чтобы все ямы, которые лежат на его пути, были открыты.

Слоны, конечно, самая ценная дичь, которую можно поймать в эти ловушки, потому что их бивни можно продать по высокой цене, а их плоть дает огромное количество мяса. Поскольку слон - страшный враг для их кукурузных полей и складов, туземцы привыкли охранять подступы к ним с помощью этих ловушек, и поначалу их уловка полностью удалась. Но слоны настолько хитры, что вскоре учатся осторожности на примере своих товарищей, и поймать слона в ловушку так же трудно, как поймать старую крысу в капкан. Привыкшие к таким сочным трапезам, слоны не любят отказываться от пиршеств и продолжают свои ночные экспедиции как обычно. Но самые старые и настороженные из стада идут впереди, и когда они приближаются к возделанной земле, то бьют по ней хоботом, не решаясь сделать ни шагу, пока не убедятся, что их нога в безопасности. Как только они подходят к яме, полый звук предупреждает их об опасности. Они мгновенно останавливаются, разрывают покрытие водопада на куски и, разоблачив его, продолжают свой путь.

Ловушка, сделанная для жирафа, устроена по другому принципу. Из-за очень длинных конечностей животного его выкапывают на глубину не менее десяти футов. Но вместо ямы посередине оставляют стену или насыпь высотой около семи футов, по форме напоминающую букву А. Как только жираф падает в яму, его передние и задние ноги оказываются по разные стороны стены, так что животное балансирует на брюхе и тратит силы на то, чтобы барахтаться в надежде найти точку опоры.

Иногда несколько кафиров отправляются на охоту на слонов. С осторожностью, которую они всегда проявляют при преследовании дичи, они определяют животное, обладающее самыми тонкими бивнями, и отмечают все его особенности; затем они наблюдают за местом, где он ступает, и с помощью комка мягкой глины снимают отпечатки его следов. Причина этого достаточно проста: если им придется преследовать слона, они не рискуют спутать его следы со следами других слонов. Подошва каждой слоновьей ноги пересечена множеством

изрезанных линий, и ни у одного из двух экземпляров они не совпадают. Глиняная модель следов служит им ориентиром, позволяющим убедиться, что они на верном пути, когда они оказываются поблизости от воды, где земля мягкая и где наверняка можно найти отпечатки ног многих слонов. Следующее их стремление - подкрасться к слону достаточно близко, чтобы нанести ему тяжелую рану; обычно эта цель достигается тем, что несколько темных охотников скользят среди деревьев и одновременно бросают свои копья в ничего не подозревающее животное. Раненый слон почти наверняка бросится прямо на то место, откуда, по его мнению, было совершено нападение, и его вопль, смешанный с яростью и тревогой, обязательно заставит остальных членов стада в ужасе броситься прочь. Затем охотники пытаются с помощью различных уловок изолировать раненое животное от его товарищей и помешать ему присоединиться к ним, при этом при каждом удобном случае бросают новые ассагаи, и слону никогда не дают отдохнуть.

Поскольку раненый слон всегда направляется в кустарник, он будет в полной безопасности от белых охотников, но не от стройных и голых кафиров, которые скользят по подлеску и между деревьями быстрее, чем слон может протиснуться сквозь них. Время от времени он поворачивается и с бешенством бросается на своих врагов, но тратит силы напрасно, так как они спасаются, ловко запрыгивая за деревья или, в критических случаях, взбираясь на них, зная, что слон, похоже, никогда не понимает, что враг может находиться где угодно, только не на земле.

В такой погоне им очень помогают их собаки, которые непрерывно лают на животное и отвлекают его внимание от охотников. Может показаться странным, что такому огромному животному, как слон, мешают такие маленькие существа, как собаки, которые, даже если бы он стоял неподвижно и позволил им кусать себя за ноги, не смогли бы произвести никакого впечатления на толстую и прочную кожу, которая их защищает. Но слон испытывает странный ужас перед мелкими животными, и особенно он боится собак, так что, когда он решает броситься в одну сторону, лай презренной маленькой собачки отвлекает его от цели и позволяет намеченной жертве либо укрыться за деревом, либо стать нападающим и добавить еще одно копье к тем, что уже трепещут в огромном теле животного.

Убийство слона при таком способе охоты - всегда долгий и жестокий процесс. Даже если охотники оснащены самым лучшим огнестрельным оружием, обычно приходится нанести слону несколько ран, прежде чем он умрет, а исключительные случаи, когда он падает замертво с первого выстрела, встречаются крайне редко. Однако, каким бы сильным ни был прицел кафира, каким бы острым ни было его оружие, он не может пробить им шкуру толщиной в дюйм, чтобы попасть в жизненно важную часть, и в результате бедное животное буквально изводится до смерти множеством ран, по отдельности незначительных, но в совокупности смертельных. Наконец огромная жертва падает от потери крови, и велика радость, если ей случается опуститься в свою обычную коленную позу, поскольку бивни тогда можно извлечь сравнительно легко, а рощу копий, всаженных в тело, можно вытащить целиком; в то время как, когда слон падает на один бок, все копья на этой стороне разлетаются на куски, и для каждого приходится делать новое древко.

В первую очередь отрезается хвост, который ценится как трофей, а на бивнях вырезается клеймо охотника, которому они принадлежат, и это всегда тот, кто нанес первую рану. Далее в одном боку вырезается большое отверстие, в которое проникает несколько кафиров и занимаются тем, что вынимают наиболее ценные части животного. Внутренняя мембрана шкуры сохраняется для мешков с водой, которые делаются очень примитивным способом: большой лист мембраны собирается вместе, а в его углы втыкается острая палка. Затем сердце вынимается, разрезается на удобные куски, и каждый кусок заворачивается в кусок

уха. Если у группы есть возможность остановиться на ночь на этом месте, они готовят королевский пир, запекая одну или две ноги в примитивной, но самой эффективной печи, которая используется не только в Южной Африке, но и во многих других частях света.

Для каждой ноги делается отдельная печь, которая формируется следующим образом: в земле выкапывается яма, значительно превышающая размер ноги, которая должна быть приготовлена, и в ней разводится огонь. Как только он разгорается, на него наваливают большую кучу сухих дров и дают ей прогореть. Когда куча превращается в пылающий пепел, кафиры выскребают угли длинным шестом, каждый по очереди бежит к яме, выскребает, пока не перестанет терпеть жар, и снова убегает, оставляя шест для своего преемника. Освободив яму от углей, в нее закатывают ногу и накрывают ее зелеными листьями и ветками. Горячую землю и угли насыпают поверх ямы и разжигают еще один большой костер. Как только дрова полностью прогорят, операция запекания считается завершенной, и ногу вытаскивают несколько мужчин, снабженных длинными заостренными шестами. С помощью этой замечательной печи мясо готовится более тщательно, чем это можно было бы сделать в любой печи более сложной конструкции; все сухожилия, жир, незрелые кости и подобные вещества превращаются в студенистую массу, которую африканский охотник, похоже, предпочитает всем другим блюдам, за исключением, пожалуй, костного мозга, взятого из костей ног жирафа или эланда.

Иногда хобот нарезают толстыми ломтями и запекают одновременно с ногами. Хотя эта часть слона, возможно, и не отличается отменным вкусом, она, во всяком случае, способна стать нежной в процессе приготовления, чего никак нельзя сказать о мясе, которое обычно получают от животных, обитающих на юге Африки. Даже сам череп разламывают ради маслянистого жира, заполняющего ячейки, похожие на соты, которые находятся между пластинами черепа. Остальное мясо превращают в "бильтонг", разрезая его на полоски и высушивая на солнце, как уже было описано выше. Как правило, кафиры не любят оставлять животное, пока не высушат или не съедят все мясо. Под готовыми копьями и мощными челюстями туземцев даже слон вскоре превращается в скелет, о чем можно судить по тому факту, что пять каффиров могут съесть буйвола за полтора дня.

Череп и бивни обычно можно оставить на месте на некоторое время, поскольку охотники уважают метки друг друга и, как правило, не берут бивни у слона, который был убит и помечен другим. Цель в том, чтобы голова оставалась нетронутой, заключается в том, что в ней может образоваться гниль, и извлечение бивней станет более легкой задачей, чем в том случае, когда они извлекаются сразу. Следует помнить, что бивни слона на значительную часть своей длины погружены в череп, и извлечь их можно только путем разрубания их толстых костных впадин, что требует много времени и труда. Однако в жарком климате гниение происходит очень быстро, и к тому времени, когда охотники покончат со слоном, бивни можно будет удалить. Иногда плоть становится более чем "вкусной", но кафиры, да и все африканские дикари, похоже, предпочитают определенные виды мяса, находящиеся на начальной стадии гниения.

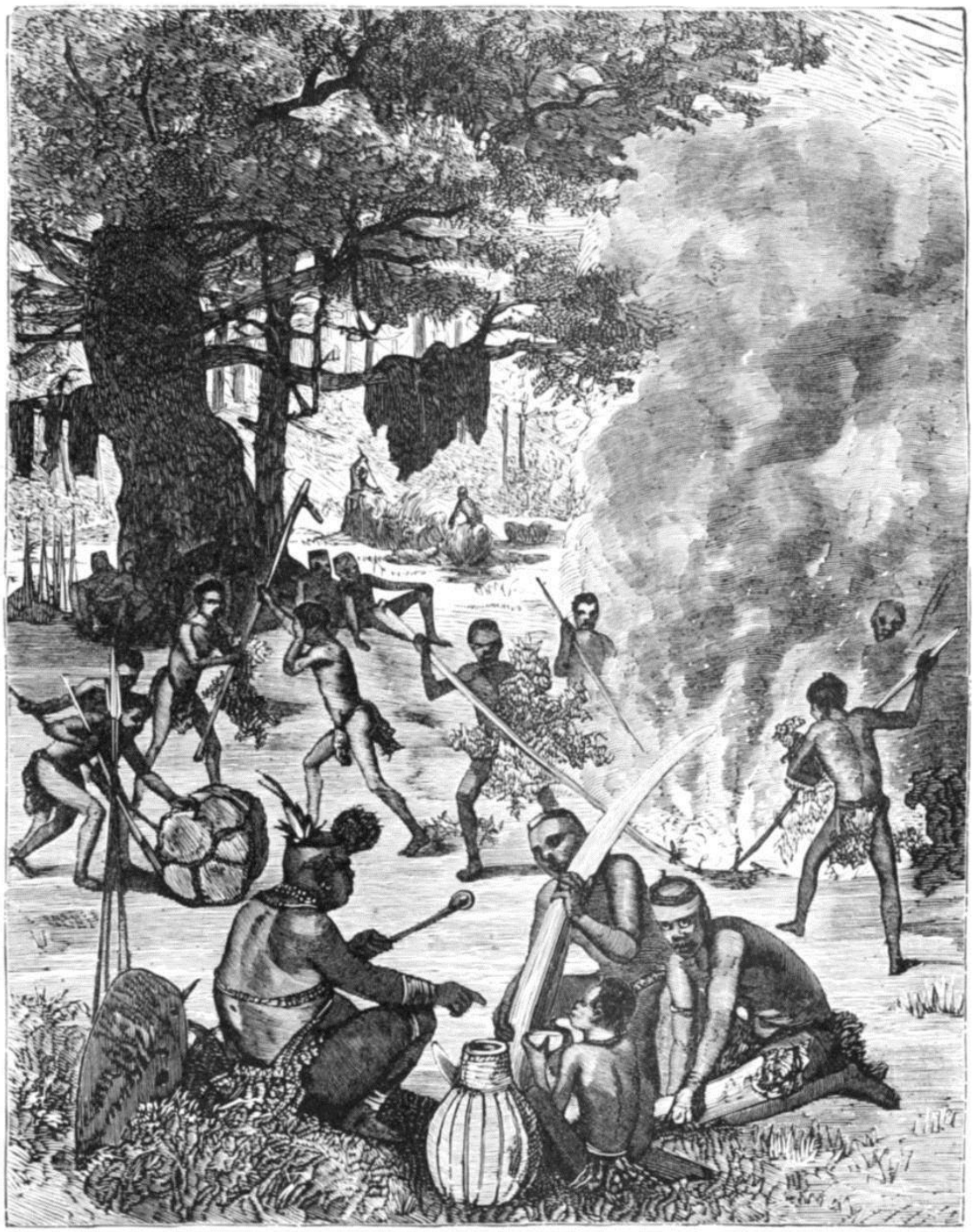
Заботясь о будущем, аборигены юга Африки никогда не расточительны в еде, и, в отличие от аборигенов Северной Америки, они редко, если вообще когда-либо, позволяют телу убитого животного стать добычей птиц и зверей. Они съедают за два дня пищу, которая должна была бы служить им в течение десяти, и почти умирают от голода в течение оставшихся восьми дней голода, но они никогда не выбрасывают ничего, что может быть съедено любым способом. Даже кровь не пропадает зря. Если убивают крупное животное, например носорога, чернокожие охотники отделяют ребра от позвоночника, когда животное лежит на боку, и с помощью лезвий топоров, голов ассагаев и сильных рук вскоре прорубают в боку

большое отверстие. В это отверстие охотники сразу же опускаются и вынимают кишки животного, передавая их своим товарищам снаружи, которые переворачивают их, завязывают конец и возвращают обратно. К этому времени собирается большое количество крови, часто доходящее охотникам до щиколоток. Эту кровь они зачерпывают соединенными руками в кишки и таким образом делают черный пудинг в гигантских масштабах.

Плоть носорога не очень соблазнительна. Мясо старого животного настолько жесткое и сухое, что вряд ли кто-то, кроме туземца, сможет его съесть; и даже молодое животное белый человек может съесть лишь частично. Когда европейский охотник убивает молодого носорога, он берет сравнительно небольшую его часть, а именно горб и слой жира и плоти, который находится между кожей и ребрами. Остальное он оставляет своим помощникам, которым, похоже, все равно, жесткое или нежное мясо, лишь бы оно было. Толщина слоя жира и сала на ребрах составляет всего около двух дюймов, так что помощникам достается львиная доля, если говорить о количестве. Качество они оставляют на усмотрение более привередливого вкуса белого человека.

Кишки животных очень ценятся местными охотниками, которые смеются над белыми людьми за то, что они их выбрасывают. Они утверждают, что даже в качестве пищи кишки - лучшие части животного, и те европейцы, у которых хватило морального мужества последовать примеру туземцев, всегда подтверждали их утверждение. Читатель, возможно, помнит, что жители американской глубинки никогда не отказываются от этих лакомых кусочков, а используют странный метод: медленно протаскивают их через огонь и съедают так быстро, как только они приготовились. Кроме того, кишки, как и живот, всегда полезны в качестве сосудов для воды. Этот последний предмет, когда его берут у небольшого животного, всегда оставляют для приготовления пищи, наполняя его кусочками мяса, жиром, кровью и другими ингредиентами, а затем варят. Шотландские путешественники сравнивают это блюдо с "хаггисом" у себя на родине.

На иллюстрации напротив изображена дикая и оживленная сцена, сопровождающая смерть слона. Предполагается, что с момента убийства слона прошло около двух или трех часов, и вождь только что прибыл на место. Он изображен сидящим на переднем плане, его щит и ассагаи сложены позади него, в то время как его паж держит чашу пива, а двое его главных людей предлагают ему бивни слона. Вдалеке видны кафиры, готовящие печь для приема слоновьей ноги. Несколько человек занимаются выгребанием углей из ямы, прикрываясь от жара ветвями деревьев, а один из выгребающих только что покинул свой пост, обгорев до предела, и сейчас передает свой шест товарищу, который собирается занять его место у огня.



ПРИГОТОВЛЕНИЕ СЛОНОВЬЕЙ НОГИ.
(См. с. 132.)

Еще два кафира занимаются тем, что подкатывают огромную ногу к печи, а полоски слоновьей плоти подвешены к ветвям, чтобы превратиться в "бильтонг". Примечательно, что этот простой процесс разрезания мяса на полоски и высушивания их на воздухе позволяет сделать несколько видов невкусного мяса вполне приемлемыми, избавляя их от сильного запаха, который отпугивает даже кафиров, а тем более белых людей, от употребления их в свежем виде.

Вдалеке виднеется почти разрушенное тело слона, над которым все еще трудится пара кафиров. Здесь следует отметить, что после убийства слона кафиры очень стараются сделать первый надрез на теле. Туша убитого животного обычно остается на земле в течение часа или двух, пока не поступят распоряжения вождя; и даже за этот короткий промежуток времени жаркое африканское солнце производит частичное разложение и заставляет тело животного раздуваться из-за количества образующегося газа. Каффир, взявший на себя тяжелую задачу сделать первый надрез, выбирает самый острый и увесистый ассагай, отмечает направление ветра, выбирает лучшее место для операции и внимательно осматривается вокруг, чтобы убедиться, что берег чист. Сделав все приготовления, он глубоко вонзает свое оружие в тело слона и одновременно отпрыгивает в сторону, чтобы избежать результата удара, и заключенный в нем газ вырывается с громким звуком и выливается в объемах с таким необычайно неприятным запахом, что даже ноздри кафира не могут устоять перед ним.

Я не раз был свидетелем похожей сцены, когда занимался сравнительной анатомией; худшим примером был лев, который пролежал мертвым около трех или четырех недель и, как следствие, раздулся до неузнаваемости. Мы плотно заколотили все окна, выходившие во двор, где лежало тело животного, и держали дверь наготове, чтобы в любой момент закрыть ее. Авантюрист вооружился ножом и зажженной трубкой, наклонился к противоположной стороне животного, нанес удар и бросился обратно к двери, которая была мгновенно закрыта. Результат операции был очень похож на тот, что уже упоминался в случае со слоном, хотя и в меньших масштабах, и через минуту или около того лев уменьшился до своих обычных размеров.

Иногда большое количество охотников объединяется для нападения на одно из огромных стад животных, о которых мы уже упоминали. В этом случае они не прибегают к ловушкам, а нападают на животных с копьями. Чтобы сделать это эффективно, они делятся на две группы, одна из которых, состоящая в основном из молодых мужчин и возглавляемая одним или двумя старыми и опытными охотниками, направляется к стаду, а остальные, вооружившись большим запасом ассагаев и керри, идут к одному из узких и крутых оврагов, которые так распространены на юге Африки. (См. гравюру № 2, с. 121.)

Первая группа движется очень осторожно, пользуясь любым укрытием и очень осторожно маневрируя, чтобы держаться с подветренной стороны стада, пока они не поставят животных между собой и оврагом. Тем временем через определенные промежутки времени выставляются дозорные, в обязанности которых входит создание своеобразной полосы в направлении оврага и предотвращение того, чтобы стадо выбрало неверный курс. Когда все приготовления закончены, охотники смело выходят в тыл животным, которые тут же идут вперед всем телом - сначала не очень быстро, потому что не уверены, что на них нападут. По мере продвижения дозорные появляются по обе стороны, чтобы направить их к оврагу; когда основная часть стада входит в него, остальные непременно следуют за ней.

Затем наступает самая оживленная и волнующая сцена. Зная, что, когда вожаки стада войдут в овраг, остальные обязательно последуют за ними, погонщики бросаются вперед с громкими криками, бьют в щиты и до такой степени пугают животных, что они бешено мчатся вперед в смешанном потоке антилоп, кваггов, жирафов, а часто и бродячих страусов или двух. Густой и быстрый дождь ассагаев обрушивается на испуганных животных, когда они пытаются вырваться из ущелья, но когда они добираются до конца, то обнаруживают, что их выход преграждает сильная группа охотников, которые с криками и копьями гонят их назад. Некоторые из них смело бросаются на охотников и спасаются бегством, а другие снова устремляются в овраг, надеясь выбраться тем же путем, каким вошли. Однако этот вход

охраняется погонщиками, и несчастных животных отправляют взад и вперед по этому смертоносному пути, пока оружие нападающих не иссякнет, а оставшимся в живых не позволят спастись.

Эти "клуфы" являются такой же характерной чертой Южной Африки, как и столовые горы. Они были хорошо определены как локти или расщелины в горной цепи; примечательно, что "клуф" в основном покрыт густым кустарником, независимо от характера окружающей местности. В книге полковника Э. Напьера "Экскурсии по южной Африке" есть столь восхитительное описание клуфа и кустарника, что его следует привести языком писателя, который нарисовал самую совершенную словесную картину южноафриканского пейзажа: - "Характер южноафриканского "куста".

"Характер южноафриканского "буша" имеет весьма своеобразные черты и иногда объединяет, сильно контрастируя, величественное и возвышенное с гротескным и нелепым. При виде издалека с высоты - волнистое море зелени, простирающееся на мили и мили, с ярким солнцем, сияющим на зеленой, компактной, беспрепятственной поверхности, - он вызывает в сознании зрителя лишь образы покоя, мира и безмятежности. Он забывает, что в этих улыбающихся морях зелени, как в суматошном цветении смертельной болезни, в их запутанных глубинах часто скрываются коварные, несущие смерть рептилии, свирепые хищные звери и еще более опасные, хотя и не менее хитрые и жестокие кафиры.

"При ближайшем рассмотрении можно обнаружить темные провалы и мрачные провалы, окаймляющие склоны гор. Они часто сливаются в глубокие овраги, образуя у своего основания то русло чистого, журчащего ручья, то мутный, бушующий поток, обычно затененные и покрытые обильной растительностью, во всей роскоши тропического роста и изобилия. Благородные лесные деревья, переплетенные ползучими растениями, окруженные растениями-паразитами, с длинными серыми грибами лишайников, свободно свисающими с их раскидистых конечностей, навевают "коричневые ужасы" теневого мрака на темные, уединенные, похожие на друидические дельфы. Но болтливые обезьяны или большие сатироподобные бабуины, исполняющие гротескные выходки и издающие неземные вопли, странно звучат на слух и печально омрачают торжественность сцены; в то время как высокие, безлистные и фантастические эуфорбии, похожие на огромные канделябры, в изобилии растут из серых скалистых утесов, указывая, словно в насмешку, своими скелетными руками на темную и пышную листву вокруг. Другие растения из племени кактусов и молочайных - колючие, шершавые или гладкие и мясистые - всячески демонстрируют свои причудливые, неправильные формы; они машут ветру с высоких жутких скал, густо покрытых до самого основания изящными ноебоумами и поникающими пальмовидными алоэ, чьи высокие, стройные и голые стебли появляются среди густой зелени ярких и цветущих мимоз.

"Выйдя из этих мрачных зарослей на более солнечную сторону горного склона, мы все еще находим непроходимый кустарник, но отличающийся по характеру от того, что мы только что описали - своего рода высокий, колючий подлесок, состоящий в основном из мимозы и портулака; Более высокий, густой, непроницаемый и жесткий, чем даже привычное логово тигра в глубине индийских джунглей, но при этом настолько смешанный с пышными, тургорными, сочными растениями и паразитами, что даже в самую сухую погоду совершенно не поддается разрушительному воздействию огня.

"Поэтому кустарник, в силу своего непроходимого характера, является для кафиров неизменным убежищем как в мирное, так и в военное время. В своем обнаженном упорстве он либо, подобно змее, пробирается сквозь густые заросли, либо, прикрываясь каросом,

надежно противостоит их колючему и изнурительному сопротивлению. Под прикрытием кустарника *во время войны* он, подобно пантере, крадется за своим врагом, а в *мирное* время - за стадом фермера. В обоих случаях, защищенный от преследования, он может в кустарнике свести на нет европейскую мощь, европейское мастерство и европейскую дисциплину; и до сих пор тщетными были все попытки уничтожить огнем эту его неприступную - ибо она неприступна для всех, кроме него самого - твердыню".

После удачной охоты, подобной той, что была только что описана, происходят большие ликования: вождь племени выкладывает перед собой всю убитую дичь и приказывает устроить грандиозный охотничий танец. Вождь, который обычно слишком толст, чтобы заботиться о сопровождении охотников, занимает место на открытом пространстве, чаще всего в центральной части крааля, и там, в компании с огромной чашей пива и несколькими почетными гостями, ожидает прибытия дичи. Животные едва успевают упасть, как их с триумфом несут к вождю и кладут перед ним. Когда каждое животное укладывается на землю, к нему подходит маленький каффирский мальчик и укладывается на его тело, оставаясь в таком положении до окончания танца. Этот любопытный обычай был принят из соображений, что он мешает колдунам накладывать свои чары на дичь. Мальчики, которых нанимают для этой цели, сильно обезображиваются кровью убитых животных, но, похоже, они считают, что кровавые пятна скорее украшают их, чем наоборот.

Через определенные промежутки времени происходит охотничий танец: охотники выстраиваются в ровные ряды, наступают и отступают с точностью обученных солдат, кричат, прыгают, бьют по щитам, размахивают оружием и доводят себя до невероятного возбуждения. Предводитель танца, стоящий перед ними, по возможности еще более возбужден, чем мужчины, и прыгает, топает и кричит с энергией, которая кажется почти маниакальной. Тем временем вождь сидит спокойно, пьет свое пиво и время от времени выражает свое одобрение танцорам.

Кроме тех животных, которых каффир убивает для еды, есть и другие, на которых он нападает только ради их трофеев - кожи, когтей и зубов. Очень примечателен способ нападения на свирепых и активных зверей, таких как лев. Каждый мужчина, помимо своего обычного оружия, вооружается ассагаем, к концу которого прикреплен большой пучок страусовых перьев, очень похожий на перьевые щетки, которыми дамы вытирают пыль с изысканной мебели. Затем они направляются к месту, где должен находиться лев, и расстилаются так, чтобы сделать вокруг него круг. Лев поначалу весьма обеспокоен такими действиями и, по своему обыкновению, пытается незаметно ускользнуть. Однако когда он обнаруживает, что не может этого сделать и что круг врагов приближается к нему, он приходит в ярость, поворачивается в сторону залива и грозным рычанием объявляет о своем намерении наказать нарушителей его владений. Один из них выходит вперед, подстрекает льва напасть на него, и как только внимание животного занято одним объектом, охотники, стоящие за ним, выдвигаются вперед и обрушивают на него поток ассагаев. Со страшным ревом лев бросается на дерзкого соперника, который вонзает свой плюмаж в землю, одновременно отпрыгивая в сторону. В ярости и боли лев не сразу понимает обман и ударяет своей могучей лапой по пучку страусовых перьев, который он принимает за украшенную перьями голову своего обидчика. Оказавшись в затруднительном положении, он разворачивается и прыгает на ближайшего охотника, который повторяет тот же процесс; и поскольку на каждом шагу разъяренное животное получает новые раны, в конце концов оно сдается своим врагам.

Редко когда в такой схватке охотники остаются невредимыми. Малейшее колебание при подбрасывании оперенного копья и отпрыгивании в сторону влечет за собой уверенность в тяжелой ране и вероятность смерти. Но поскольку кафиры редко вступают в такую охоту без приказа своего вождя и прекрасно знают, что неисполнение его приказаний карается смертной казнью, для них лучше рискнуть быть быстро убитыми львиной лапой, чем жестоко избитыми до смерти королевскими палачами.

Этот кровожадный монарх, Динган, иногда посылал отряд с приказом поймать льва живым и привести к нему. Они выполняли этот необычный приказ почти так же, как было описано выше. Но они были почти совсем безоружны, не имея никакого оружия, кроме щитов и керри, и, как только льва побудили к нападению, смелые воины бросились на него в таком количестве, что практически одолели его и привели в присутствие Дингана связанным и с кляпом во рту, хотя и разъяренным от ярости, и без единой раны. Конечно, несколько воинов погибли во время штурма, но ни их царь, ни их товарищи, казалось, не думали, что было совершено что-то выходящее за рамки обычного хода вещей. Однажды Динган позволил себе разыграть своих солдат.

К нему зашел путник и отпустил свою лошадь, которая спокойно паслась в отдалении. В то время лошади у кафиров еще не водились, а многие из туземцев даже никогда не видели такого животного, как лошадь. Так случилось, что среди воинов, окруживших Дингана, было несколько человек, пришедших из дальних краев и совершенно не знавших лошадей. Динган подозвал их к себе и, указав на дальнюю лошадь, велел привести ему этого льва живым. Они тут же пустились в путь, причем, как обычно, один стоял впереди, чтобы подстрекать животное к нападению, а остальные приблизились к предполагаемому льву, чтобы схватить его, когда он сделает прыжок. Вскоре они обнаружили свою ошибку и вернулись обратно с очень глупым видом, к большому удовольствию своего вождя.

Однако буйвол - более страшный враг, чем лев, поскольку он чаще всего берет инициативу в свои руки и нападает раньше, чем заподозрит его присутствие. Привычка жить в самых густых и темных зарослях делает его особенно опасным животным, поскольку он бросится из своего укрытия на любого несчастного, который случайно окажется рядом с его логовом; а поскольку его огромный вес и огромные массивные рога позволяют ему мчаться сквозь кустарник гораздо быстрее, чем даже каффир может скользить среди матовых зарослей, шанс спастись невелик. Оружие малопригодно, когда речь идет о буйволе, поскольку его вооруженный передок едва ли выдержит винтовочный выстрел и совершенно неприступен для такого оружия, как копье кафира, а внезапность нападения дает мало времени для бегства.

Поскольку кафиры не особенно заботятся о мясе животного, хотя, конечно, едят его, когда не могут найти ничего лучшего, они охотятся на него ради его шкуры, из которой делают самую прочную кожу. Шкура настолько прочна, что, кроме как на близком расстоянии, пуля, не закаленная примесью другого металла, не пробьет ее. Иногда кафиры очень неохотно вступают в войну с этим опасным зверем, нападая на него врасплох, когда он проходит рядом со своими убежищами. В таких случаях человек бежит к ближайшему дереву, и если он успевает взобраться на него, то оказывается в безопасности от свирепого зверя, который только рад будет сначала подбросить его в воздух, а потом растоптать его тело до состояния студня.

ГЛАВА XIV.
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА - КАК ГОТОВЯТ ЗЕМЛЮ К ПОСЕВУ - РАСЧИСТКА ЗЕМЛИ И РАЗБИВКА ПОЧВЫ - ИСЧЕРПЫВАЮЩАЯ СИСТЕМА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ - КУЛЬТУРЫ, ВЫРАЩИВАЕМЫЕ КАФИРАМИ - ЖИЗНЕННЫЙ ПОСОХ - СТОРОЖЕВЫЕ БАШНИ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ - ЗАЩИТА ОТ ПТИЦ - ВРАГИ КУКУРУЗНОГО ПОЛЯ - ЧАКМА И ЕЕ НАПАДЕНИЯ - КОРЕНЬ БАБИАНА - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧАКМЫ - БЕГЕМОТ И ЕГО РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ СИЛА - СЛОН - НЕОБЫЧНЫЙ ПЛАН ЕГО УСТРАШЕНИЯ - АНТИЛОПЫ, БУЙВОЛЫ И ДИКИЕ СВИНЬИ - ПРОДУМАННЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ - УБИЙСТВО ПТИЦ - САРАНЧА - ЛЮБОПЫТНАЯ КАФФИРСКАЯ ЛЕГЕНДА - ФРУКТЫ, ВЫРАЩИВАЕМЫЕ КАФФИРАМИ - КОРМ ДЛЯ СКОТА - ВЫЖИГАНИЕ КУСТАРНИКА И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ.

Как охотой каффиры добывают большую часть животной пищи, так земледелием они добывают основную часть растительной пищи. Задача по добыче пищи разделена между двумя полами: женщинам не разрешается ни участвовать в охоте, ни возиться с коровами, а мужчины не загрязняют свои воинственные руки прикосновением к сельскохозяйственным орудиям. Они не возражают против использования таких инструментов, как топор, и будут рубить деревья и кустарник, которые могут мешать обработке земли; но они не будут поднимать с земли ни одной палки и не будут помогать женщинам копать или расчищать землю.

Когда строится новый крааль, жители подыскивают удобное место в непосредственной близости, где можно выращивать различные растения, составляющие основную часть южноафриканской продукции. Как правило, земля бывает двух видов: кустарниковая и открытая, причем первая более плодородна, а вторая требует меньше хлопот при расчистке. Опытный земледелец неизменно предпочитает первую, хотя поначалу это стоит ему немного больше труда, и хотя вторая на первый взгляд выглядит более привлекательно. Это благоприятное впечатление вскоре исчезает при ближайшем рассмотрении, поскольку, как правило, там, где нет песка, она так сильно пропекается солнцем, что у плуга нет никаких шансов против нее, и даже тяжелые кирки, с которыми работают женщины, не могут произвести впечатление без особого труда. Кроме того, она требует гораздо больше воды, чем поступает из естественных источников, и, даже будучи хорошо увлажненной, не отличается плодородием. Кустарниковая земля гораздо лучшего качества, и ее готовят к земледелию следующим образом:...

Мужчины берутся за работу со своими маленькими топориками и рубят весь подлесок и мелкие деревья, а женщины перетаскивают упавшие ветки с места, предназначенного для поля или сада. Большие деревья они не могут повалить своими несовершенными инструментами, поэтому им приходится довольствоваться тем, что они отрубают как можно больше веток, а затем валят дерево с помощью огня. Срубленные мелкие деревья и ветки обычно располагают вокруг сада, чтобы создать защиту от многочисленных врагов, нападающих на урожай. Строительство забора возлагается на мужчин, и когда они завершают его, их часть работы выполнена, а остальное они оставляют женщинам.

Вооружившись тяжелой и неуклюжей мотыгой, женщина разрывает землю, используя исключительно ручной труд, и умудряется, по своей любопытной манере, совмещать копание и сев в одной операции. Помимо кирки, перекинутой через плечо, и, возможно, ребенка на спине, она несет на поле большую корзину с семенами, балансируя на голове. Прибыв на место своих трудов, она начинает с того, что разбрасывает семена по земле, а затем мотыгой взрыхляет землю на глубину около трех-четырех дюймов. После этого крупные

корни и пучки травы выбираются вручную и удаляются, а мелкие не считаются заслуживающими особого внимания. Это и есть посев, и за удивительно короткое время всходит смешанный урожай кукурузы и сорняков. Когда им исполнится месяц, землю снова окучивают, а сорняки выдергивают и уничтожают. Из-за очень несовершенного способа обработки почва дает неопределенные результаты: в одних местах кукуруза всходит густо и равномерно, а в других не появляется ни единого зернышка. Когда каффир выбирает открытое место для своего сада, он не всегда утруждает себя постройкой забора, а довольствуется тем, что размечает и засевает участок земли, уповая на удачу, что он не будет опустошен многочисленными врагами, которыми обязательно заражен каффирский сад.

Каффир, похоже, имеет очень слабое представление об искусственном орошении и совсем не думает о том, чтобы обновлять землю навозом. Орошение он оставляет естественным ливням, и, если не платить профессиональному "создателю дождя" за то, чтобы он очаровывал тучи для него, он почти не беспокоится об этой важной отрасли сельского хозяйства, если вообще беспокоится. Что касается удобрения почвы, то он совершенно не разбирается в этом вопросе, хотя стада скота, которые содержатся в каждом краале, позволили бы ему сделать обрабатываемую землю удивительно плодородной. Дело в том, что земли так много, что когда один участок исчерпывается, он оставляет его и переходит на другой; по этой причине очень часто встречаются заброшенные сады, местоположение которых обозначено остатками забора, окружавшего их, и уцелевшими кукурузными или тыквенными растениями, которые сумели сохранить свое существование без посторонней помощи.

Вокруг одного крааля часто можно увидеть четыре или пять садов, каждый из которых расположен так, чтобы подходить для какого-то определенного растения. Каффиры выращивают различные виды культур, основными из которых являются маис, просо, тыквы и вид поддельного сахарного тростника, широко распространенного на юге Африки и известного под названием "сладкий тростник". Два первых продукта составляют, однако, предметы первой необходимости, а второй относится скорее к классу предметов роскоши. Маис, или, как его называют в народе, когда стручки отделены от стебля, "мука", является для кафиров самым главным источником средств к существованию, поскольку именно из муки готовится густая каша, на которой кафиры в основном и живут. Если европеец нанимает каффира в качестве проводника, слуги или охотника, он обязан снабжать его оговоренным количеством пищи, главным ингредиентом которой является маис. И действительно, пока уроженец юга Африки может получить много каши и кислого молока, он вполне доволен своей участью. Когда колосья маиса созревают, их отделяют от стебля, обрывают листовую оболочку и подвешивают попарно на палках, пока они не высохнут настолько, чтобы их можно было отнести в хранилище.

На таких огородах, особенно если они значительных размеров, обычно строят сторожевую башню. Вышка полезна по двум причинам: она позволяет наблюдателю видеть на значительное расстояние и служит защитой от кабанов и других врагов, которые склонны опустошать сады, особенно если они не ограждены забором или если забор поврежден. Если участок не огорожен, его сторожат днем и ночью, но правильно защищенный сад не нуждается в ночных сторожах, за исключением одной-двух недель в году. Сторожевая вышка делается очень просто. Четыре прочных столба крепко вбиваются в землю, а к их верхушкам прибивается несколько столбов поменьше, чтобы получилась плоская платформа. На части платформы строится небольшой шалаш для защиты от непогоды, чтобы жилец мог наблюдать за полем, сидя в шалаше, а если в его окрестностях появятся мохнатые или пернатые разбойники, он может выбежать на платформу и отпугнуть их криками и

размахиванием оружия. Пространство между помостом и землей обнесено с трех сторон плетнем, а четвертая остается открытой. Задача этой обшивки двоякая. Во-первых, конструкция становится более надежной, а во-вторых, обитатель башни может развести костер и приготовить еду, не испытывая неудобств из-за ветра.

Уборкой полей занимаются женщины и молодые девушки, мужчины считают такие обязанности ниже своего достоинства. Чтобы отвадить птиц от только что проросших кукурузных зерен или от только что созревшего зерна, используется очень хитроумное приспособление. По всему участку земли через определенные промежутки втыкается множество высоких тонких столбов, а от столба к столбу протягиваются веревки из коры, концы которых доводятся до вершины сторожевой башни, где крепко привязываются. Как только на поле прилетает стая птиц, девушка, стоящая на вышке, сильно дергает за веревки, отчего они вибрируют вверх-вниз, а птицы пугаются и улетают в другое место. Почти такая же система используется в китайской и японской империях, и сложное расположение шестов и струн, а также центральная сторожевая башня - излюбленный предмет для иллюстраций на грубых, но графических гравюрах, которые с таким плодородием выпускают оба народа.

Враги кукурузного поля бесчисленны. Прежде всего, это множество крылатых врагов, маленьких птичек и насекомых, которым нельзя запретить войти, а можно только прогнать, когда они уже вошли. Затем есть некоторые представители обезьяньего племени, в частности бабуины, или чакмы, которые заботятся о заборе не больше, чем птицы, и которые, если им кажется, что перелезать через забор слишком хлопотно, обычно могут пролезть через его щели. Это хитрое и активное животное порой слишком умно даже для кафира, и ему удается незаметно пробраться в его сад и унести все самое вкусное из урожая. Все, что съест человек, съест и чакма, и это животное не хуже человека знает, когда урожай в лучшем порядке. Будь в саду кукуруза, просо, тыквы, сладкий тростник или фрукты, чакма обязательно выберет все самое лучшее; и даже когда животных обнаруживают и прогоняют из сада, хозяину очень досадно видеть, как они уходят с большим количеством трофеев, помимо тех, что съели.

Обычная пища чакмы - растение, называемое бабиана, из-за того, что его используют бабуины. Это подземный корень, который имеет свойство быть всегда полным водянистого сока в самую сухую погоду, так что он представляет собой неисчислимую ценность для путешественников, у которых нет с собой большого запаса воды или которые обнаружили, что обычные фонтаны пересохли. Многие кафиры держат прирученных чакма, которых они поймали совсем молодыми и которые почти не видели себе подобных. Эти животные очень полезны для кафиров: если они натыкаются на незнакомое растение или плод, они предлагают его бабуину, и если он съедает его, то они знают, что он пригоден для употребления в пищу.

В своих путешествиях это же животное очень полезно в поисках воды или, во всяком случае, корней бабианы, которые обеспечивают организм небольшим количеством влаги и служат для поддержания жизни, пока не будет достигнута вода. В этих обстоятельствах бабуин становится во главе группы, его привязывают к длинной веревке и позволяют бегать, как ему вздумается. Когда он добирается до корня бабианы, его удерживают до тех пор, пока драгоценный овощ не будет извлечен из земли целиком, но, чтобы стимулировать животное к дальнейшим усилиям, ему разрешают время от времени съедать корень. Поиски воды ведутся аналогичным образом. Несчастного бабуина намеренно держат без питья до тех пор, пока он не сойдет с ума от жажды, а затем ведут за собой на веревке, как уже говорилось выше. Он идет с большой осторожностью, время от времени вставая на задние лапы, чтобы понюхать ветерок, и рассматривая и обнюхивая каждый пучок травы. По каким признакам

животное ориентируется, никто не может даже предположить, но если поблизости есть вода, бабуин обязательно ее найдет. Так что, хотя это животное и является заядлым врагом поля и сада, оно не лишено пользы для человека, если правильно направить его энергию.

Если сады или поля расположены на берегу реки, то для них нет худшего врага, чем бегемот, который с радостью променяет свою обычную пищу на богатый банкет, который он находит на возделанных землях. Если хоть одному бегемоту удается пробраться в сад, это приводит к ужасному уничтожению урожая. Во-первых, животное может съесть почти неограниченное количество зеленой пищи, а когда оно попадает среди таких лакомств, как кукурузные поля и тыквенные грядки, то неумеренно потакает своему аппетиту. Более того, он повреждает больше, чем съедает, поскольку его широкие ступни и короткие толстые ноги протаптывают путь через посевы. След любого крупного животного наносит вред стоящему урожаю, а след бегемота - вдвойне, потому что ноги с обеих сторон так широко расставлены, что животное прокладывает двойную колею: одну - ногами правой стороны, другую - левой.

Против этих тяжелых и прожорливых врагов забор был бы малоэффективен, так как благодаря своей толстой шкуре бегемот мог бы пробиться сквозь преграду без повреждений. Поэтому хозяин поля огораживает его довольно глубоким рвом и, кроме того, защищает его заостренными кольями, чтобы, если бегемот и упадет в траншею, он уже никогда не смог выбраться живым. Подобную защиту иногда делают и от набегов слонов. Этим животным не часто приходит в голову нападать на сад в непосредственной близости от человеческого жилья, но когда они это делают, остановить их вряд ли возможно, разве что с помощью такого препятствия, как ров. Даже обычная защита в виде изгороди и соседства с человеческими жилищами ничего не стоит, когда несколько слонов решают совершить набег на какое-нибудь поле; и если все население не выйдет из крааля и не использует все доступные им средства, животные осуществят свои планы. Слон всегда выбирает ночь для своих мародерских походов, так что защитникам урожая приходится бороться с двойными неудобствами. Одно из оружий, которое они используют против слона, очень необычно. Они считают, что животное пугается пронзительного крика младенца, и как только слоны приближаются к краалю, всех детей бьют кнутом в надежде, что слоны испугаются всеобщего крика и покинут это место.

Антилопы разных видов очень любят молодые лопатки кукурузы и, если поле не огорожено, обязательно приходят в большом количестве и обгладывают каждый зеленый побег до самой земли. Вблизи кустарника буйвол не менее вреден, и с ним опаснее связываться; даже дикобраз способен нанести большой вред. Дикие свиньи, однако, пожалуй, самые страшные, потому что самые постоянные захватчики сада. Против них бесполезна даже изгородь, если только она не идеальна по всей длине, ведь свиньи могут протиснуться через удивительно маленькое отверстие благодаря своей клиновидной голове, а их толстая и прочная шкура позволяет им протискиваться сквозь колючки и шипы без всякого ущерба.

Свиньи", как в народе называют диких свиней, всегда приходят из кустарника; когда несколько краалей строятся рядом с кустарником, вожди каждого крааля договариваются сделать забор от одного до другого, чтобы отгородить свиней от всей обрабатываемой земли. Этот забор - очень полезное сооружение, но, в то же время, для европейца он имеет весьма смехотворный вид. Читателю уже говорили, что кафиры не могут провести прямую линию, а тем более построить прямой забор; в результате строители постоянно обнаруживают, что забор принимает форму сегмента круга в одном направлении, а затем

пытаются исправить ошибку, делая сегмент круга в противоположном направлении, тем самым делая забор намного больше, чем нужно, и доставляя себе огромное количество ненужных хлопот.

Что касается крылатых врагов сада, то для их уничтожения или отгона используется множество способов. Один из способов отпугивания птиц уже был описан, и он довольно полезен, когда кукуруза молодая и зеленая; но когда она созревает, птицы слишком заняты, чтобы их отпугивали такие хлипкие приспособления, и продолжают есть кукурузу, несмотря на трясущиеся веревки. При таких обстоятельствах птицам объявляется война, и несколько кафиров окружают загон, каждый из которых снабжен несколькими ножами-керри. Чтобы напугать птиц, в кукурузу бросают камень, и, когда они поднимаются плотной стаей, на них со всех сторон сыплется дождь из керри. Поскольку каждый снаряд непременно попадает в стаю, а каждый кафир успевает метнуть четыре или пять, прежде чем птицы успевают улететь, можно представить, что резня очень велика. Чака, который не только руководил мелочами домашней жизни, но и возглавлял армии, субсидировал народы и издавал законы для империи, приказал постоянно нападать на птиц во всех своих владениях; и хотя ему не удалось убить их всех, он так сильно сократил их численность, что в последние годы его жизни граминоядных птиц стало мало, вместо того чтобы они огромными стаями налетали на поля.

Саранчу, злейшего из врагов земледельца, истребить не удалось, и даже сокращение ее численности представлялось невыполнимой задачей. Единственный план, который, кажется, имеет наименьший успех, - это сжечь большую кучу травы, палок и листьев с наветренной стороны от полей, как только саранча покажется вдали. Эти насекомые всегда летают с ветром, и когда они находят участок, затянутый дымом, то, естественно, летят дальше, пока не найдут место, не оскверненное дымом, на котором они могли бы поселиться. Говорят, что саранча не была известна на территории зулусов до 1829 года, и что она была послана сверхъестественной силой Сотшангана, вождя в районе Делагоа, на которого напал Тчака, и благодаря которому зулусские воины потерпели поражение, как уже говорилось на странице 124. Вся эта история была рассказана г-ну Шутеру, который излагает ее в следующих словах

"Когда они достигли страны Сотшангана, зулусам очень не хватало еды, и их отряд, придя в заброшенный крааль, начал, как обычно, ее искать. При этом они обнаружили несколько больших корзин, в которых хранилась кукуруза, и их голодные желудки обрадовались перспективе подкрепиться. Но когда голодный воин нетерпеливо снял крышку с одной из них, оттуда вылетело множество насекомых, и ожидаемый пир разлетелся по колосьям. Воины пришли в изумление, ведь они никогда прежде не видели такого зрелища; каждый спрашивал своего соседа, но никто не мог "сказать его качества или названия". Наконец один из них пролил свет на эту загадку. Он видел насекомых в стране Маказаны и, возможно, сказал своим спутникам, что их собрали для еды. Но вскоре они узнали об этом от жителей крааля, которые ушли, спасаясь от врага, и чьи голоса доносились с соседней скалы. Беглецы ни в коем случае не стали бы щадить свои легкие, поскольку могли безнаказанно браниться, хвастаться и угрожать; но когда они увидели, что их еда в опасности, они с отчаянной энергией возвысили голос и произнесли страшную угрозу, что если захватчики съедят их саранчу, то за ними домой придут другие и принесут с собой голод. Зулусы были слишком голодны, чтобы прислушаться к этому горю или быть очень разборчивыми в выборе продуктов, и саранча была съедена. Но когда армия вернулась домой, язва появилась, и угроза исполнилась".

Как саранча, уничтожающая пищу, превращается в еду и становится благом, а не проклятием для человечества, мы увидим в следующей главе.

Что касается фруктов в этой стране, то их довольно много, самый ценный из них - банан, который иногда называют королевским фруктом; один каффирский монарх предъявил права на все бананы и заставил своих подданных позволить ему забрать свой выбор, прежде чем они сами прикоснутся фрукту. В некоторых благоприятных районах бананы вырастают до огромных размеров, а полная гроздь является тяжелым грузом для человека.

Следующим по важности продуктом питания для человека является фураж для скота, который, как правило, имеется в большом изобилии, так что выпас стада обходится его владельцу лишь в хлопоты по перегону скота на пастбище и обратно. В этих, как и в других жарких странах, трава растет с такой скоростью и пышностью, что скот не может ее есть. Когда она только появляется, она зеленая, сладкая и нежная; но когда она достигает сносной длины, она становится такой жесткой, что скот с трудом может ее есть. Поэтому кафиры выбирают план, по которому они получают столько свежей травы, сколько хотят, в течение всего сезона.

Когда участок травы, на котором кормят скот до тех пор, пока он может обеспечить его питанием, заканчивается, кафир намечает другое место для кормления. Ночью, когда скот надежно заперт в краале, кафир выходит с огнивом и, отойдя далеко на ветер от места, которое он собирается расчистить, поджигает сухую траву. Сначала пламя медленно ползет вперед, но постепенно оно увеличивается и в скорости, и в масштабах, и проносится над равниной, повинуясь ветру. На ровной местности огонь движется по довольно прямой линии и имеет почти одинаковую высоту, за исключением тех случаев, когда он настигает кусты, тогда он вздымает яркие шпили пламени далеко в небо. Но когда он достигает покрытых кустарником холмов, зрелище становится впечатляющим. Пламя мчится по холмам, взбираясь на них страшными шагами, ревя, как мириады флагов, вздымаемых ветром, и пожирая на своем пути каждую частицу растительности. Ни один обитатель кустарника или равнины не может противостоять его продвижению, и огонь приносит туземцам такую пользу: он уничтожает змей и медлительных рептилий, а более быстрым антилопам удается спастись.

Когда огонь делает свое дело, местность, по которой он прошел, представляет собой ужасное зрелище: вся почва голая и черная, а единственным признаком былой растительности являются редкие пни деревьев, которые пламя не полностью уничтожило. Но через короткое время удивительно энергичная жизнь травы начинает заявлять о себе, особенно если выпадает дождь. Сквозь почерневший покров проступают нежные зеленые травинки, и через короткое время весь участок покрывается мантией равномерной нежной зелени. Ничто не может быть прекраснее свежей зелени молодых травинок, когда они смело контрастируют с глубоким черным оттенком земли. Ближайшее приближение к этому - необычайно красивый оттенок наших живых изгородей ранней весной - оттенок столь же мимолетный, сколь и прекрасный. Обугленный пепел сгоревшей травы служит прекрасной подкормкой для новой травы, которая прорастает с удивительной быстротой и за очень короткое время становится пастбищем для скота. Каффир, конечно, старается не сжигать слишком много травы сразу; но, выбирая разные участки и сжигая их в правильной последовательности, он может обеспечить своих любимых коров свежим пастбищем в течение всего года.

ГЛАВА XV.
ПИТАНИЕ.

УКЛАД ЖИЗНИ В КАФФИРСКОЙ СТРАНЕ - КАК ГОТОВЯТ ОБЕД - ВАРЯТ И МЕЛЮТ КУКУРУЗУ - КАФФИРСКАЯ МЕЛЬНИЦА И СПОСОБ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - СПРАВЕДЛИВОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА - КАФФИРСКИЙ ЗВАНЫЙ ОБЕД - ПЕНИЕ В ХОРЕ - РАССКАЗ О КАФФИРСКОМ СОБРАНИИ И ВОЕННАЯ ПЕСНЯ - ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ ПЕСНИ, AND ITS VARIOUS POINTS EXPLAINED - TCHAKA's WAR-SONG - SONG IN HONOROR OF PANDA - HOW PORRIDGE IS EATEN - VARIOUS SPOONS MADE BY THE NATIVES - A USEFUL COMBINATION OF SPOON AND SNUFF-.КОРОБКА - ЛОЖКА ЖИРАФА - СПОСОБ ОКРАСКИ - ОСОБЫЙ УГОЛ ЧАШИ И ПРИЧИНЫ ЭТОГО - КАФФИРСКИЙ ЭТИКЕТ В ЕДЕ - ВРОЖДЕННАЯ ЛЮБОВЬ К СПРАВЕДЛИВОСТИ - ГИГАНТСКАЯ ЛОЖКА - КАФФИРСКИЕ ПОЛОВНИКИ - САРАНЧА, КОТОРУЮ ЕДЯТ КАФФИРЫ - НАСЕКОМОЕ В РАЗНЫХ СТАДИЯХ - АРМИИ САРАНЧИ И ИХ ЧИСЛЕННОСТЬ - РАЗРУШИТЕЛЬНОСТЬ НАСЕКОМОГО - ОПИСАНИЕ ПОЛЕТА САРАНЧИ - ВЛИЯНИЕ ВЕТРА НА САРАНЧУ - КАК ЛОВЯТ НАСЕКОМЫХ, ПРИГОТОВЛЕНИЕ И ХРАНЕНИЕ - ОБЩЕЕ КАЧЕСТВО МЯСА, ПОЛУЧАЕМОГО В КАФФИРЛЕНДЕ - ВЯЛЕНОЕ МЯСО И СПОСОБ ЕГО ПРИГОТОВЛЕНИЯ - ПОЯС ГОЛОДА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ - УПОТРЕБЛЕНИЕ ЩИ - ЦЕРЕМОНИИ ПРИ ПОЕДАНИИ ГОВЯДИНЫ - РАЗЛИЧНЫЕ НАПИТКИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ КАФФИРОМ - КАК ОН ПЬЕТ ВОДУ ИЗ РЕКИ - ОПЬЯНЯЮЩИЕ НАПИТКИ РАЗНЫХ СТРАН - КАК ВАРЯТ ПИВО В ЮЖНОЙ АФРИКЕ - ПРЕВРАЩЕНИЕ МАИСА В СОЛОД - БРОЖЕНИЕ, БРОЖЕНИЕ - ОБЕЗЖИРИВАНИЕ И ПРОЦЕЖИВАНИЕ - КОЛИЧЕСТВО ПИВА, ВЫПИВАЕМОГО КАФФИРОМ - СОСУДЫ, В КОТОРЫХ НАХОДИТСЯ ПИВО - КОРЗИНЫ ДЛЯ ПИВА - КОРЗИНЫ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ - ЛЮБОВЬ КАФФИРА К МЕДУ - КАК ОН НАХОДИТ ГНЕЗДА ПЧЕЛ - МЕДОВЫЙ ГИД И МЕДОВЫЙ РАТЕЛЬ - ЯДОВИТЫЙ МЕД - ДОМАШНЯЯ ПТИЦА И ЯЙЦА - ЗАПРЕЩЕННОЕ МЯСО - КАФФИР И КРОКОДИЛ.

Теперь мы увидели, как каффиры добывают основную животную пищу в загонах для скота и на охоте, а также как они добывают растительную пищу, возделывая землю. Далее мы перейдем к рассмотрению различных видов пищи, используемых каффирами, и способам ее приготовления. Человек, согласно известной поговорке, определяется как животное-кулинар *par excellence*, и мы всегда обнаружим, что различные способы, используемые для приготовления пищи, одинаково характерны и интересны.

Для кафиров основным продуктом питания является зерно, будь то кукуруза или просо, измельченное до состояния кашицы путем тщательного помола и имеющее некоторое сходство с овсяной кашей в Шотландии. Когда женщине нужно приготовить ужин для мужа, она идет в одно из зернохранилищ и берет достаточное количество маиса или проса, первое называется умбила, а второе - амабеле. Большой котел для приготовления пищи приносят к круглому камину и ставят на три больших камня, чтобы огонь горел под ним. В горшок наливают воду и кукурузу, накрывают крышкой, как уже говорилось, и зажигают огонь. Горшок для приготовления пищи делают из глины, которую обычно получают, толкая материалы из муравейника и тщательно разминая их с водой.

Следующее, что нужно сделать, - подготовить мельницу. Это очень грубое приспособление, требующее огромного количества труда для получения сравнительно небольшого эффекта. Она состоит из двух частей: верхнего и нижнего жерновов, или станины и камня. Станина - это большой, тяжелый камень, который был плоским с верхней стороны, но слегка углубленным и наклонным. Камень имеет овальную форму и длину около восьми или девяти дюймов, и, по сути, является тем самым камнем, который в народе называют "булыжником".

Когда кукуруза достаточно сварится и женщина будет готова ее перемолоть, она берет ее из кастрюли и кладет на камень, под которым расстилает циновку. Затем она становится на

колени у мельницы, берет камень в обе руки и с помощью своеобразных раскачивающих и размалывающих движений превращает его в довольно однородную пасту. Как только она перемалывается, ее спускают по наклонной стороне камня на готовую к приему шкуру. Эта форма мельницы, возможно, самая ранняя из тех, с которыми мы знакомы, и ее можно встретить во многих частях света. В Мексике, например, обычная мельница сделана точно по такому же принципу, хотя нижний камень грубо вырезан так, что стоит на трех ножках.

Более чем вероятно, что операция по измельчению кукурузы, которая так часто упоминается в ранних Писаниях, выполнялась именно на такой мельнице, которую использует каффирская женщина. Труд по перемалыванию кукурузы очень тяжелый: вся тяжесть тела приходится на камень, а руки полностью заняты тем, что катят и раскачивают верхний камень по нижнему. Более того, этот труд приходится повторять ежедневно, и часто бедная измученная женщина вынуждена повторять его несколько раз в день. Кукурузы хватает только на один прием пищи, и поэтому, как часто мужчины голодны, так часто ей приходится молоть для них кукурузу.

Сваренная и размолотая кукуруза получила новое название, теперь ее называют "исикаба"; когда она намолота в достаточном количестве, женщина берет ее с циновки, кладет в корзину и приносит мужу, который, вероятно, спит или курит свою трубку. Затем она приносит ему миску, немного сгущенного молока и его любимую ложку, и оставляет его смешивать и принимать пищу, не ожидая, что он будет принимать пищу вместе с ней, так же как она ожидала бы, что он поможет ей молоть кукурузу.

Поскольку каффир - существо исключительно социальное, он любит принимать пищу в компании и делает это очень упорядоченно.

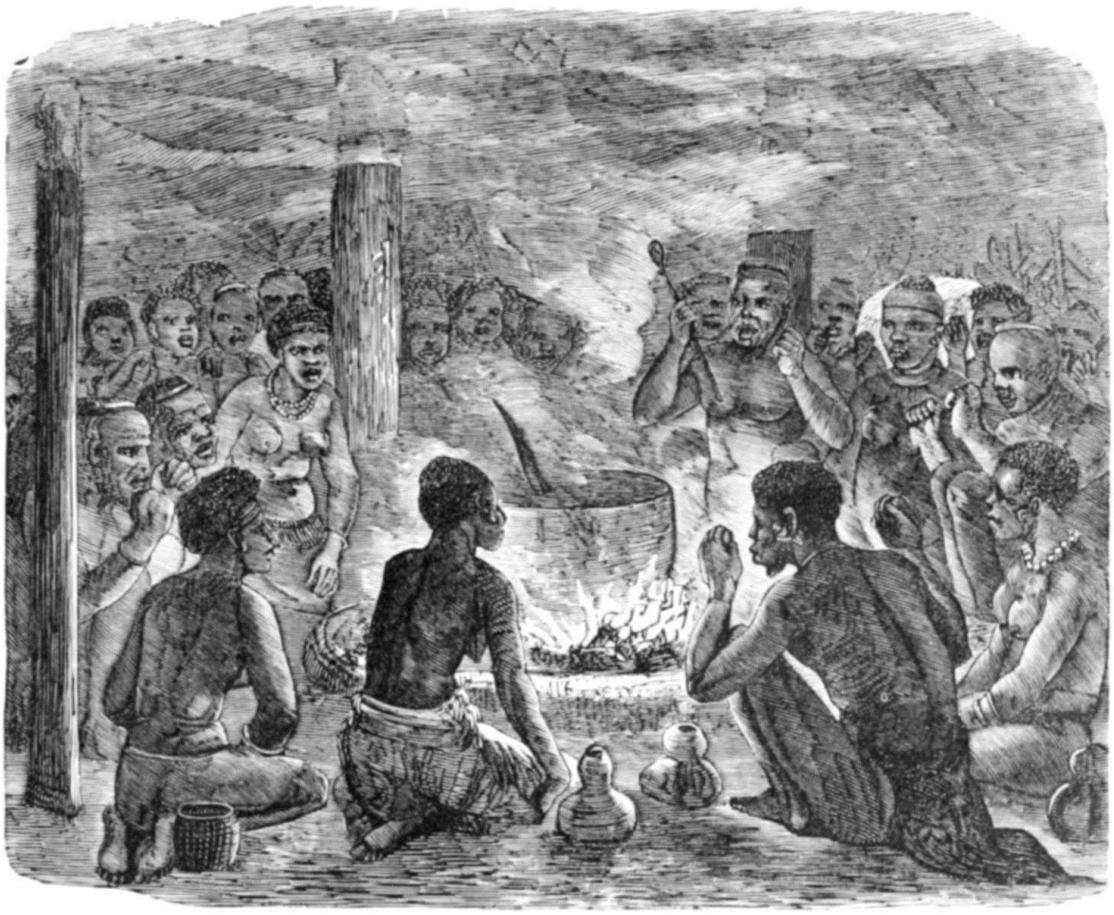
Когда несколько кафиров собираются на общественную трапезу, они рассаживаются вокруг огня, сидя на корточках в своей обычной манере, и всегда образуют круг, по кафирскому образцу. Если их очень много, они образуют два или более концентрических круга, все близко друг к другу и все обращены внутрь. Затем ставят кастрюлю вариться, и пока варятся "мякиши", или головки кукурузы, все они начинают петь песни и поют их до тех пор, пока пир не будет готов. Иногда они предпочитают любовные песни, но всегда любят песни, посвященные владению скотом. Эти мелодии имеют припев, который совершенно бессмыслен, как припевы многих наших популярных песен, но певцы становятся совершенно очарованными ими. В известной песне о скоте, ноша которой - Э-э-э-ю-ю-ю, все они сопровождают слова жестами. Их руки сжаты, ладони повернуты вверх; руки согнуты, и при каждом Е-е-е они разводят руки во все стороны; при каждом повторении слога "yu" они прижимают локти к бокам, чтобы придать песне дополнительный акцент. Иллюстрация на странице 145 представляет такую сцену и сделана по эскизу капитана Дрейсона, Р. А., который часто присутствовал при подобных сценах и научился принимать участие в диком хоре. Что касается дыма от костра, то кафирам нет до него никакого дела, хотя ни один европейский певец не смог бы произнести и двух нот в такой удушливой атмосфере или увидеть, что он делает в маленькой хижине без окон и труб, наполненной древесным дымом. На земле лежат несколько тыкв для нюхательного табака, а по левую руку, прямо за столбом, стоит Индуна, или глава крааля, который является основателем праздника.

Количество кафиров, которые толпятся в одной маленькой хижине, почти невероятно. Даже на иллюстрации они кажутся довольно близко друг к другу, но дело в том, что художник был вынужден опустить значительное количество людей, чтобы дать частичный обзор камина и различной утвари.

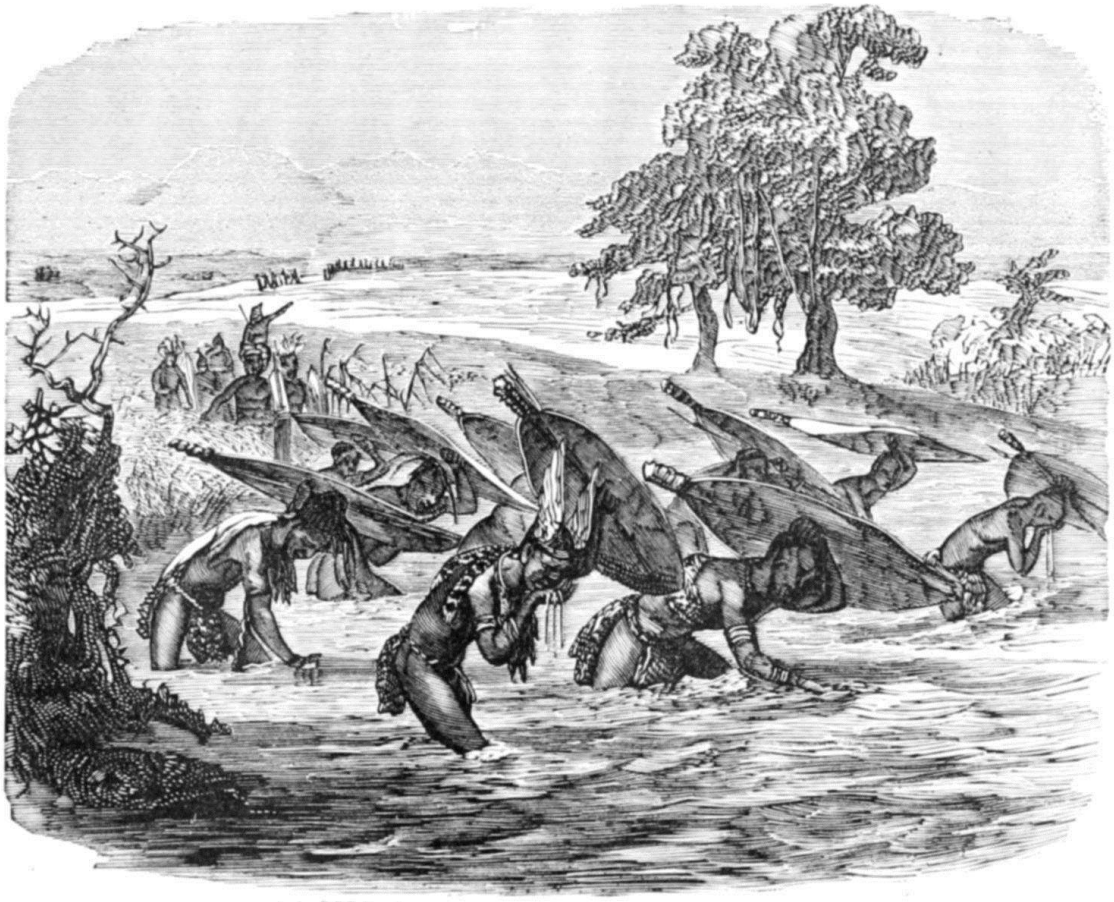
Один африканский путешественник приводит очень забавный рассказ о сцене, похожей на ту, что изображена на гравюре. Вечером он услышал необычный шум, состоящий из множества голосов, поднимающихся и опускающихся в правильном ритме, и обнаружил, что он исходит из строения, которое он принял за сеновал, но которое оказалось каффирской хижиной. Он просунул голову в дверь, но атмосфера была слишком тяжелой для него, и он смог разглядеть лишь несколько умирающих углей, отбрасывающих румяное сияние на нескольких кафиров, сидящих на корточках вокруг камина и поющих, как обычно, жестикулируя. Он оценил их число в десять человек, решив, что хижина не может вместить и уж тем более не вмещает больше этого количества. Однако из этой самой хижины вышли тридцать пять высоких и мощных кафиров, и им не было ни жарко, ни неуютно. Песня, которую они исполняли с такой энергией, была посвящена одной из двух тем, которые, похоже, вдохновляют каффирскую музу, а именно: войне и скоту. Эта конкретная композиция относилась к последней теме и начиналась словами: "Все телята пьют воду".

Очень наглядный рассказ о том, как кафиры поют в концерте, дает мистер Мейсон, который, похоже, написал свое описание сразу после того, как стал свидетелем сцены, и пока впечатление было еще сильным в его сознании: - "При свете маленького масла.

"При свете маленькой масляной лампы я заполнял свой английский дневник, готовя его к отправке на следующий день; и, пока я был занят этим делом, время ускользало так незаметно, что было уже поздно, когда я закрыл и запечатал его. Страшный крик раздался из глубин окружающих джунглей, по-видимому, в сотне ярдов от нашей палатки; через мгновение все снова стихло, а затем крик разразился с еще большей силой, до звона в ушах и заставил сам воздух дрожать и вибрировать от грохота. Сначала мы встревожились и подумали, не зарядить ли пистолеты; но, поскольку звуки не приближались, я решил, что это, должно быть, часть какого-то каффирского праздника, и решил выяснить его значение; поэтому, положив пистолет, я пустился в путь, как был, без пальто, шляпы и жилета, и пробрался сквозь мокрые ветви джунглей к тому месту, откуда доносились странные звуки.



(1.) КАФФИРСКИЙ ЗВАНЫЙ УЖИН.
(См. стр. 144.)



(2.) СОЛДАТЫ, БАРАХТАЮЩИЕСЯ В ВОДЕ.
(См. с. 152.)

"К этому времени буря совсем стихла; тяжелые тучи медленно скатывались с восходящей луны; капли с высоких деревьев тяжело падали на густой кустарник внизу; тысячи насекомых весело стрекотали; и громче всех остальных раздавался равномерный топот нескольких десятков каффиров. Я уже углубился в кустарник ярдов на триста или больше, когда обнаружил большую, недавно возведенную каффирскую хижину, в центре которой пылал огромный костер, видневшийся сквозь густой дым, валивший из маленького полукруглого отверстия, служившего дверью. Эти хижины кафиров сделаны из решетчатых прутьев и покрыты соломой; по внешнему виду они напоминают хорошо округленный сеновал, обычно высотой восемь или десять футов в вершине, круглой формы и от двадцати до двадцати пяти футов в ширину, с отверстием, как в пчелином улье, для дверного проема, как уже было описано выше.

"Но поскольку дело близилось к полуночи, мне показалось, что мое посещение не совсем своевременно. Однако, если бы я повернул назад, находясь так близко к дверному проему, за мной мог бы прийти асагай, поскольку обитатели хижины в столь поздний час сочли бы шорох кустов за присутствие вора или дикого зверя. Поэтому я громко кашлянул, пригнулся и просунул голову в открытый дверной проем, откуда открылось интереснейшее зрелище.

Три ряда черных кафиров, выстроившихся кругами вокруг хижины, сидящих на коленях и с носом, размахивающих своими хорошо смазанными, крепко сложенными рамами вперед и назад, в такт своей любимой "военной песне Дингана";размахивая руками и размахивая блестящими ассагаями, пели и кричали, издавали пронзительный свист, били по земле,

подражая тяжелому топоту марширующих людей, и заставляли сам лес вновь отзываться эхом от их бурного веселья.

"На мгновение мое присутствие осталось незамеченным, пока старый седоголовый каффир (умдоди) не указал на меня пальцем. В одно мгновение вся фаланга сверкающих глаз была обращена к дверному проему, и во всей группе, похожей на демоническую, воцарилась тишина. Одновременно раздалось восклицание "Молонга! Молонга!" (белый человек! белый человек!) сменился всеобщим призывом к тому, чтобы я вошел и занял место на ринге. Я, конечно, подчинился, и, увидев, что я удобно расположился, они снова принялись за работу, еще более громкую, чем прежде, пока я не оцепенел от грохота и не задохнулся от густого дыма, выходящего из огромного костра в центре ринга".

Военная песня Дингана, которая здесь упоминается, скорее создана для восхваления воинских подвигов Дингана. Для кафира, понимающего все аллюзии поэта, это удивительно захватывающая композиция, хотя она теряет свои главные прелести при переводе на иностранный язык и лишается особого музыкального ритма и аллитерации, которые составляют большую прелесть кафирской поэзии. Песня звучала следующим образом.

"Ты, нуждающийся отпрыск Умпикази,
Пожиратель людского скота.
Птица Маубе, стремительная, как пуля,
Стройная, прямая, с прекрасными частями тела.
Твой скот подобен гребню пчел,
О стадо, слишком большое, слишком тесное, чтобы двигаться.
Пожиратель Моселекатце, сына Махобаны,
Пожиратель Свази, сына Собузы.
Разрушитель ворот Махобаны.
Пожиратель Гундаве из Махобаны.
Чудовище огромных размеров, обладающее могучей силой.
Пожиратель Унгвати из древней расы;
Пожиратель царственного Уомапе;
Как небо над головой, дождь и сияние".

Если читатель обратится к песне в честь Панды, которая приведена на странице 90, он увидит сильное сходство между этими двумя одами, каждая из которых повествует о некоторых событиях ранней жизни героя, затем переходит в хвастовство его огромным богатством и заканчивается перечислением его воинских заслуг.

Мистер Шутер упоминает вторую песню, которая была создана в честь Тчаки, о чем ему рассказал сам прославленный вождь. Она была сочинена после того, как этот воинственный деспот стал хозяином всей Кафирландии, и читатель не сможет не заметить поразительного сходства между ношей песни "Где ты теперь выйдешь на бой?" и сетованиями Александра о том, что больше нет миров для завоевания.

"Ты покончил, покончил с народами!
Где ты теперь выйдешь на бой?
Эй! Где ты теперь выйдешь на битву?

Ты покорил царей!
Где ты теперь будешь сражаться?
Ты закончил, закончил народы!
Где ты теперь будешь сражаться?
Ура! Ура! Ура!
Где вы теперь будете сражаться?"

Я уже упоминал, что при поедании каши каффир пользуется ложкой. Он очень гордится своей ложкой и тратит на нее больше труда, чем на любой другой предмет, которым владеет; даже его "хвосты", трубки или табакерки не считаются достойными такого труда, какой тратится на ложки. Несмотря на большое разнообразие узоров на ложках, изготовленных племенами кафиров, в них есть характер, который совершенно безошибочно и который указывает на страну изготовителя так же четко, как если бы на ней было написано его имя. Например, чаша, вместо того чтобы находиться почти на одной линии с ножкой, наклонена вперед под небольшим углом, и, вместо того чтобы быть довольно глубокой, она довольно мелкая. Она практически не способна вмещать жидкости и приспособлена только для подачи в рот густой каши, которая уже была описана. Несколько таких ложек представлены на странице 103, взятых из образцов моей коллекции.

На рис. 1 изображена ложка длиной более двух футов, вырезанная из крепкой ветви дерева, о чем свидетельствуют круги, обозначающие последовательные годовые отложения древесного волокна. Маленькая темная отметка в чаше указывает на ямчатую середину ветки. Конец рукоятки выполнен в виде головы ассагая, а особенная выпуклость и вогнутость этого оружия представлена путем окрашивания одной стороны лезвия в черный цвет. Процесс окрашивания очень прост: нагревают кусок железа или камень и обугливают им дерево, чтобы получился несмываемый черный след. Аналогичным образом окрашивается в черный цвет часть нижней стороны чаши, а также часть рукоятки. Этот быстрый и простой способ украшения пользуется большой популярностью у кафиров, когда они изготавливают какие-либо изделия из дерева. Головки деревянных ассагаев, показанных на странице 103, окрашены таким же образом. Согласно английским представлениям, чаша имеет неприятно большие размеры, составляя три дюйма с четвертью в ширину. Но рот каффира вместителен, и он может пользоваться этим гигантским инструментом без всяких неудобств.

На рис. 2 представлен необычайно сложный образец ложки, купленной у туземца покойным Г. Джексоном, эсквайром. Она имеет более трех футов в длину и слегка изогнута, в то время как предыдущий пример - прямой. Древесина, из которой она сделана, гораздо тверже, чем у другой ложки, и поэтому способна принимать довольно высокую полировку. Изготовитель этой ложки украсил ее очень любопытным образом. Вокруг черенка расположены пять колец, которые сделаны из проволоки, похожей на волосы из хвоста слона. Они заплетены в косичку, известную морякам как узел "голова турка", и похожи на те, что упоминались на странице 101 как расположенные на ручке ассагаи. Для того чтобы показать, как делаются эти кольца, одно из них приведено в увеличенном масштабе.

На конце ручки ложки виден шаровидный набалдашник. Он вырезан из того же куска дерева, что и ложка, и предназначен для табакерки, чтобы владелец был вдвойне обеспечен предметами роскоши. Он вырезан так, чтобы имитировать тыкву, и, учитывая очень грубые инструменты, которыми владеют кафиры, мастерство, проявленное при его вырезании,

очень велико. Вокруг горловины отверстия находится одно из колец из слоновьего волоса, а на дне - довольно глубокая резьба. Эта странная табакерка, как и чаша и большая часть ножки, украшена обугливанием.

Иногда кафиры проявляют большую изобретательность, вырезая на ручках своих ложек грубые подобия различных животных. Излюбленной фигурой является жираф с его длинной шеей и ногами и покатой спиной. На рис. 1 на стр. 103 изображена одна из таких ложек. Она имеет длину более фута и передает форму животного лучше, чем можно было бы предположить по иллюстрации, которая сделана спереди, из-за чего форма животного искажена, а характерный наклон спины не виден. Она сделана из древесины акации - дерева, на котором любит кормиться жираф, и которое голландские поселенцы называют "Камил-дорн", или верблюжья колючка. Своеобразное положение головы точно отражает действия жирафа, когда он поднимает голову, чтобы порыться в листве, а пятнистая кожа хорошо имитируется с помощью раскаленного железа.

В некоторых образцах ложек для жирафа форма животного показана гораздо лучше, даже суставы ног тщательно обозначены и показано их действие. Иногда каффир не делает всю ручку в форме животного, а вырезает ручку обычной формы, оставляя на конце большой блок цельного дерева, который он может вырезать в нужной форме. Для этой цели часто выбирают бегемота, носорога, а гиена всегда остается фаворитом, видимо, потому, что ее особые очертания легко имитировать в дереве.

Читатель наверняка обратил внимание на угол, под которым установлена неглубокая чаша, и, похоже, это делает ложку самым неудобным инструментом. Если держать ее по европейскому образцу, пользователь едва ли сможет управлять ею, но у кафиров есть свой собственный способ держать ее, который совершенно эффективен. Вместо того чтобы брать его между большим и указательным пальцами, он обхватывает стебель всей рукой, держа чашу слева, а ручку - справа. Затем он окунает неглубокую чашу в вязкую кашу, набирает столько, сколько может вместить, и вставляет всю чашу в рот, выпуклой стороной вверх. В таком положении язык может вылизать ложку дочиста, чтобы быть готовым к следующему посещению каши.

Если несколько кафиров собираются принять участие в общей трапезе, они всегда используют общую ложку. Если бы каждый взял с собой свою, и все сразу стали бы макать в кастрюлю, очевидно, что тот, у кого была бы самая большая ложка, получил бы самую большую долю, чем что-либо более неприятное для любящего справедливость кафира, кроме того, это вызвало бы сцену спешки и, возможно, ссоры, что было бы нарушением хороших манер. Поэтому главный из присутствующих берет ложку, набирает полный рот и передает чистую ложку следующему соседу. Таким образом, ложка проходит по кругу в обычном порядке, каждый человек получает по одной ложке за раз, и никто не получает больше, чем другой.

Эта любовь к справедливости пронизывает все классы кафиров и даже сохраняется у них, когда они частично цивилизованы - результат, который не всегда имеет место, когда дикарь получает свои первые уроки европейской цивилизации. Некоторое время назад, когда один из посетителей осматривал английскую школу для каффирских детей, он был поражен методом, принятым для того, чтобы накормить учеников. Каша была приготовлена для них и подана одной из их собственных наций, которая использовала самую скрупулезную точность при разделении пищи. Она не довольствовалась тем, что давала каждому ребенку, казалось бы, равную долю, а дважды или трижды обходила круг, добавляя к одной порции и отнимая

от другой, пока все не получали поровну. Только когда она убедилась, что распределение было справедливым, сумрачные ученые подумали о том, чтобы приступить к трапезе.

Иногда кафиры развлекаются тем, что делают ложки самых внушительных размеров, которые могли бы озадачить даже великанов из наших детских сказок, если бы они попытались воспользоваться подобными орудиями. Одна из таких гигантских ложек хранится в коллекции полковника Лейна Фокса. По форме она напоминает рис. 1 на иллюстрации на стр. 103, и если бы ее сильно уменьшить в размерах, то она была бы вполне пригодной для использования каффирской ложкой обычного вида. Но ее длина составляет от пяти до шести футов, толщина черенка - как рука человека, а чаша достаточно велика, чтобы вместить всю его голову.

На рис. 2 иллюстрации в верхней части той же страницы можно увидеть изделие, похожее на ложку, но скорее заслуживающее названия половника, поскольку используется для веществ более жидких, чем каша. Он вырезан из цельного куска дерева, и удивительно, что изготовителю удалось вырезать глубокую рифленую ручку без помощи токарного станка. Если повернуть эту ручку вокруг своей оси так, чтобы глаз мог проследить спиральный ход желобков, станет очевидно, что они были вырезаны без использования какого-либо оборудования. Но истинность их хода действительно удивительна, и резчик этой красивой рукояти позаботился о том, чтобы затемнить спиральные канавки с помощью раскаленного железа. Этот замечательный образец был привезен из Африки преподобным Дж. Шутером, а иллюстрация взята с самого экземпляра.

Еще два похожих ковша изображены на странице 155. На самом верхнем рисунке изображен ковш длиной около четырнадцати дюймов. Узор не претендует на тщательную проработку деталей, но вся форма очень смелая и решительная, очевидно, что резчик выполнил свою работу тщательно и по определенному плану. Черные отметины на ножке и ручке сделаны горячим утюгом, а нижняя поверхность чаши украшена двумя треугольными отметинами, сделанными таким же образом.

На рис. 2 той же иллюстрации показан довольно примечательный ковш. Его длина составляет восемнадцать дюймов, а чаша одновременно широкая и глубокая. Он сделан из твердой древесины акации и, должно быть, стоил резчику немалых усилий. Вырезая ковш, мастер поставил перед собой задачу придать ручке такую форму, чтобы она напоминала пучок маленьких палочек, связанных между собой лентой на конце и еще одной около середины. Он так хорошо справился с этой задачей, что, когда я впервые увидел этот ковш при довольно тусклом свете, я действительно подумал, что какой-то гениальный мастер придумал сделать несколько веточек из одной части ветки, вырезал эту часть ветки в чаше и связал веточки вместе, чтобы получилась ручка. Он усилил обман, обуглив фиктивные полосы в черный цвет, в то время как остальная часть ручки осталась естественного цвета. Далее будут описаны рис. 3 и 4 той же иллюстрации.

Есть один продукт питания, который туземцы употребляют в пищу в свое время и который не вызывает у европейца симпатий. Это саранча, известное насекомое, которое несметными мириадами летает по земле и наносит такой вред урожаю и всему, что растет. Яйца саранча откладывает в землю, и в положенное время молодые особи появляются на свет. Они еще очень малы, но растут очень быстро - как и должно быть, учитывая количество потребляемой ими пищи. Пока они не прожили значительное время в этом мире, у них нет крыльев, и они могут только ползать и прыгать. Кафиры называют эту несовершенную саранчу "боян", а голландские поселенцы - "воетгангеры", или "пешеходы", потому что они не могут летать.

Даже на этой стадии они ужасно разрушительны и неуклонно продвигаются вперед, поглощая все зеленое, что могут съесть.

Ничто не останавливает их продвижение, кроме смерти, а из-за их огромных мириад число тех, кого можно убить, составляет лишь незначительную часть всей армии. Поток этих насекомых шириной в милю или более проходит через всю страну, и едва ли что-то, кроме реки, может их остановить. Окопы вскоре заполняются их телами, а те, кто находится в тылу, маршируют по тушам своих мертвых товарищей. Иногда траншеи заливают огнем, но без толку, так как огонь вскоре тушится саранчой, которая налетает на него. Что касается стен, то насекомым нет до них никакого дела, они преодолевают их, и даже самые дома, не испытывая при этом никаких трудностей.

Когда они становятся совершенными насекомыми и обретают крылья, они, как и прежде, летят огромными мириадами, но на этот раз они направляют свой путь по воздуху, а не просто по суше, так что даже самая широкая река не может их остановить. Как правило, они стартуют, как только солнце разгонит росу и согреет воздух, который в ночной прохладе парализует их, лишая способности к полету и даже к ходьбе. Ближе к вечеру они всегда спускаются вниз, а возможно, и днем; и где бы они ни приземлились, все зеленое исчезает. Звук их челюстей, срывающих листья и поедающих их, слышен на большом расстоянии. Они едят все растительное. Мистер Моффатт видел, как за два часа они съели целое поле кукурузы, а также льна, фланели и даже табака. Когда они поднимаются для очередного полета, место, которое они покинули, остается таким же голым, как если бы это была пустынная земля, и на нем не видно ни малейшего следа какой-либо зелени.

Прекрасное описание полета саранчи дает мистер Коул в своем труде о Южной Африке: "На следующий день было достаточно тепло, но в то же время не было ни малейшей зелени.

"Следующий день был достаточно теплым, но ветер был отчаянно сильным и, к моему отвращению, дул прямо мне в лицо, когда я ехал по дороге. Проехав около десяти миль, проглотив за это время несколько унций песка и вынужденный время от времени снимать песчаные горки, которые скапливались у меня в глазах, я стал натыкаться на саранчу. Сначала они появлялись постепенно и в небольших количествах, то тут, то там усеивая землю и прожорливо пожирая траву.

"Они были не очень приятны, так как слабы на крыло и находятся во власти ветра, который немилосердно швырял их мне в лицо с такой силой, что у меня щеки трепетали. Постепенно они становились все гуще и чаще. Продвигаться вперед было очень неприятно, потому что они летели мне в лицо каждое мгновение. Отбрасываемые ветром на меня и мою лошадь, они цеплялись за нас с силой отчаяния, пока мы не оказались буквально усеяны саранчой. С каждым мгновением тучи их становились все плотнее, и в конце концов - я не преувеличиваю - они повисли в воздухе, как хлопья снега во время сильного снегопада; они покрывали траву и дорогу, так что при каждом шаге моя лошадь раздавливала их десятками; они вихрем летели мне в глаза и моей бедной кляче, пока наконец та не отказалась смотреть им в лицо и не повернула хвост, несмотря на хлыст и шпоры. Они ползали по моему лицу и шее, забирались в воротник рубашки и в рукава - словом, довели меня до отчаяния, как и мою лошадь до упрямства, и я был вынужден отъехать на милю или две назад и укрыться от них в доме, мимо которого проезжал по пути; я был полностью убежден, что ливень саранчи более невыносим, чем град, дождь, снег и мокрый снег вместе взятые. Я нашел бедного фермера в отчаянии от настигшего его ужасного визита - и он вполне мог быть таким. Сегодня у него был урожай, сад и широкие пастбища в полной зелени, а на следующий день земля вокруг была голой, как щебеночная дорога.

"Впоследствии я видел миллионы этих насекомых, которых ветер гнал в море в бухте Альгоа, и они снова выбрасывались на берег в таких кучах, что заключенные и кули в городе день или два были заняты тем, что закапывали трупы, чтобы предотвратить дурные последствия, которые могли бы возникнуть из-за их гниения вблизи города. Ни одно описание этой маленькой чумы или разрушений, которые она вызывает, не может быть преувеличено. К счастью, они случаются нечасто: за пять лет проживания в Южной Африке я помню только три случая. Чтобы предотвратить их приближение, вокруг кукурузных плантаций и садов иногда разжигают огромные костры; это эффективная профилактика, когда они могут сами выбирать свой курс; но когда их уносит такой ветер, как я описал, они могут идти только туда, куда он их гонит, и все костры в мире бесполезны, чтобы остановить их продвижение. Фермеру, который, таким образом, выедает дом и жилище (в буквальном смысле слова), ничего не остается, как немедленно перевести свой скот в другое место, которое избежало их, и счастье, если ему удастся найти путь, свободный от их опустошения, чтобы его стада и отары не погибли по дороге".

К счастью, их тела тяжелы по сравнению с крыльями, они не могут лететь против ветра, и часто случается, что, как в старом рассказе Писания, в стране наступает перемена ветра, который гонит насекомых в море, где они тонут; и, как замечает мистер Коул, они были загнаны ветром в лицо или на одежду, так же беспомощно, как тараканы в ветреный летний вечер. И все же, как бы ни была ужасна саранча, у нее есть своя польза. Прежде всего, они служат пищей для бесчисленных животных. Когда они летят, большие стаи птиц подстерегают их, проносятся над ними и пожирают их на крыльях. Пока они находятся на земле, в крылатом или несовершенном состоянии, их едят различные животные; даже лев и другие грозные хищники не отказываются от такой легкой трапезы. Поскольку ночной прохладный воздух делает саранчу неспособной к движению, ее можно поймать без труда. Даже для человечества саранча полезна, являясь излюбленным продуктом питания. Правда, эти насекомые пожирают целые урожаи, но можно усомниться, что они не приносят пользу сумрачным земледельцам, а не наносят вред.

Как только вечерние сумерки делают саранчу беспомощной, туземцы выходят на улицу с мешками, шкурами и всем, что может вместить ожидаемую добычу; те, у кого есть такие животные, берут с собой вьючных волов, чтобы донести груз до дома. Саранча миллионами сметается в мешки, без особых усилий со стороны туземцев, хотя и не без некоторой опасности, так как ядовитые змеи часто приходят, чтобы полакомиться насекомыми, и с ними иногда приходится грубо обращаться в темноте.

Когда саранча принесена домой, ее кладут в большой накрытый горшок, как уже было описано, и добавляют немного воды. Затем под кастрюлей зажигают огонь, и саранча варится или, скорее, парится, пока не будет достаточно приготовлена. Затем их вынимают из кастрюли и раскладывают под солнечными лучами, пока они не высохнут; когда эта часть процесса завершена, их трясут на ветру, пока ножки и крылышки не отпадут, и их уносит так же, как уносит ветерок мякину при просеивании кукурузы. Когда они совсем высохнут, их складывают в корзины или помещают в амбары, как кукурузу.

Иногда туземцы едят их целиком, как мы едим креветки, и, если могут позволить себе такую роскошь, добавляют к ним немного соли. Однако обычно с саранчой обращаются так же, как с кукурузой или маисом. Их измельчают в порошок на мельнице, пока они не превратятся в муку, которую затем смешивают с водой, чтобы получилась своего рода каша. Хороший сезон саранчи всегда благоприятен для туземцев, которые могут потакать своим огромным аппетитам почти в неограниченной степени и, как следствие, становятся довольно толстыми по сравнению со своим обычным видом. Саранча настолько ценна, что если туземный

фокусник заставит своих спутников поверить в то, что его заклинания принесли саранчу, он обязательно будет богато вознагражден ими.

Мясо, когда его можно достать, - большая роскошь для каффирца. Говядина - его любимое мясо; но он будет есть и многих местных животных, хотя есть и такие, включая все виды рыб, к которым он не прикоснется. За редким исключением, таким как эланд, дикие животные юга Африки не очень сочные. Оленина, полученная от полуодомашненного благородного оленя или одомашненной лани из трех частей, - это совсем другое мясо, чем полученное от дикого оленя или антилопы. Как правило, у таких животных очень мало жира, а их плоть, в силу постоянных физических нагрузок и малого количества пищи, очень жесткая и не поддается челюстям любого, кроме очень голодного человека.

К счастью для кафиров, их зубы и челюсти справляются с любой задачей, которую можно поставить перед ними в плане пережевывания, и мясо, которое европеец с трудом может съесть, для его темных товарищей - лакомство. Покойный Гордон Камминг, имевший такой же опыт охотничьей жизни, как и большинство мужчин, говорил, что очень хорошее представление о мясе, которое обычно добывают из ружья в Кафирланде, можно получить, если взять самую худшую часть самой жесткой говядины, умножить ее жесткость на десять и вычесть всю подливку.

Обычный план состоит в том, чтобы сразу съесть лучшие части животного, а остальное вылечить, высушив на солнце. Этот процесс очень прост. Мясо разрезается на тонкие длинные полоски и развешивается на ветках под открытым небом. Жгучие солнечные лучи вскоре оказывают свое действие и превращают алые полоски сырого мяса в субстанцию, которая выглядит как старая кожа для обуви и почти такая же жесткая. Приготовление мяса заключается в том, что его кладут под пепел костра, затем колотят между двумя камнями, а затем медленно тушат в кастрюле, как это делают со свежей говядиной. Конечно, такой способ приготовления мяса используется только в походе, когда солдаты не могут взять с собой домашние кастрюли.

Иногда, особенно после возвращения с неудачной войны, кафиры оказываются в тяжелом положении из-за нехватки еды и прибегают к самым странным способам утоления голода. Вначале они надевают "пояс голода", *то есть* ремень, который несколько раз обматывают вокруг тела и располагают так, чтобы он давил на желудок и на время снимал чувство слабости, которое сопровождает голод, прежде чем он перерастет в голод. По прошествии нескольких часов, когда снова появляется обморок, пояс голода затягивается все туже и туже. Это любопытное средство от голода можно встретить во многих частях света, и оно давно практикуется коренными племенами Северной Америки.

Известно, что голодные солдаты, доведенные до крайности, ели свои щиты из шкур, а когда они заканчивались, съедали даже ремешки, связывающие головку ассагая с древком. Чтобы сделать жесткую кожу пригодной для употребления в пищу, используется один и тот же способ приготовления: частичное поджаривание *под* золой, затем толчение между камнями, а затем тушение или варка, если удается найти замену кастрюле. Один из миссионеров рассказывает в манере, свидетельствующей о его упругом духе, как однажды он и его спутники были вынуждены съесть ящик, который он сделал из носорожьей шкуры, и, кажется, скорее сожалеет о потере такого превосходного ящика, чем требует сочувствия к тяготам, которые он перенес.

Теперь мы переходим к вопросу о жидкостях, которые обычно употребляет каффир. Обычные мужчины вынуждены довольствоваться водой, и бывают случаи, когда они были бы только рады получить даже воду. Некоторые церемонии требуют, чтобы воинов обильно кормили

говядиной в течение ночи, но не позволяли им пить до рассвета следующего дня. В начале пиршества они достаточно веселы, ведь говядина всегда желанна для кафира, а получить разрешение съесть столько, сколько он сможет вместить, - роскошь, которая случается нечасто.

Однако даже для голодного каффира наступает время, когда он не может больше есть и жаждет чего-нибудь выпить. Это облегчение строго запрещено, никому не разрешается покидать круг, в котором он сидит. Обычно случается так, что некоторые из младших "мальчиков", которые совсем недавно попали в роту солдат, оказываются не в силах выдержать такое лишение и пытаются незаметно ускользнуть. Но несколько старых и опытных воинов, которые излечились не только от жажды, но и от голода, и с презрением смотрят на всех, кто менее вынослив, чем они сами, стоят у каждого выхода, и как только они видят сумрачную форму дезертира, приближающегося к месту, которое они охраняют, они бесцеремонно нападают на него со своими палками и отбивают его обратно на его место в кругу.

На марше, если каффир спешит и доходит до места, где есть вода, он опускается и согнутой рукой набирает воду в рот движениями, почти такими же быстрыми, как язык кошки, когда она пьет молоко. Иногда, если он добирается до реки, которую нужно перейти вброд, он придумывает, как утолить жажду на ходу, ни разу не сбавляя скорости. Эта мера предосторожности необходима, если его будут преследовать или если река окажется частично кишащей крокодилами и другими опасными рептилиями. (См. гравюру № 2 на с. 145.)

Каффиры также очень любят сыворотку, которую сливают с молока, когда оно превращается в "амаси", и которая по вкусу чем-то напоминает нашу пахту. И все же, хотя кафиры могут мириться с водой и любят пахту, они испытывают тягу к какому-нибудь перебродившему ликеру. Вода и пахта очень хороши в своем роде, но они служат только для утоления жажды, и в них нет ничего общительного. А кафирец, как уже говорилось, по сути своей существо общительное, и ему ничего не нравится больше, чем сидеть в кругу друзей, разговаривать, молоть нюхательный табак или принимать его, курить и пить. И когда он присоединяется к таким поблажкам, то предпочитает, чтобы его напитки были опьяняющего характера, следуя, таким образом, обычным инстинктам человечества во всем мире.

Мало найдется народов, которые не умеют готовить опьяняющие напитки, и кафиры вряд ли сильно отстают в этом отношении. Единственный ферментированный напиток, который используют настоящие каффиры, - это разновидность пива, называемая на родном языке "аутчуалла". Как и все остальные дикари, каффиры предпочитают более крепкие напитки, которые готовят европейцы; их любовь к виски, рому и бренди стала причиной разорения и почти полного исчезновения многих племен - точно так же, как это произошло в Северной Америке. Количество спиртосодержащей жидкости, которое может выпить каффир, просто поражает; и самое странное, что он может выпить почти бутылку самого обычного и грубого спирта и встать на рассвете следующего утра, не испытывая даже головной боли.

Пиво, которое делают кафиры, ни в коем случае не является пьянящей жидкостью и, кажется, скорее откармливает, чем опьяняет. Все знатные люди пьют пиво в больших количествах, а вождь племени редко встает с места, не имея под рукой большого сосуда с пивом, а также чашки и ковша из тыквы. Операции по приготовлению пива полностью выполняются женщинами, и они довольно просты, во многом напоминая план, который используется в Англии. Ячмень для этих целей не используется, его заменяют зерном маиса или проса.

Сначала зерно побуждают к частичному прорастанию, заворачивая во влажные циновки, а затем убивают теплом, чтобы превратить его в солод, похожий на тот, что используется в нашей стране. Далее его помещают в сосуд, дают некоторое время прокипеть, а затем откладывают для брожения. В кафире нет дрожжей, но вместо них используется довольно любопытный заменитель - стебель одного из видов ледяного растения, высушенный и хранящийся в готовом виде. По мере брожения жидкости наверху образуется накипь, которую тщательно удаляют с помощью хитроумного приспособления, показанного на рис. 3 и 4 на странице 155. Этот отделитель очень похож на проволочные приспособления, используемые нашими поварами для вынимания овощей из горячей воды, и сделан из стеблей травы, очень аккуратно сплетенных вместе; несколько из них образуют ручку, а другие расходятся, как чаша ложки. Чаши этих отстойников устанавливаются под разными углами, чтобы соответствовать сосуду, в котором происходит брожение.

Когда пиво переливается в сосуд, в котором оно хранится для использования, его пропускают через сито, чтобы солод не смешивался с ним. Одно из таких ситечек показано на рис. 3, на странице 67. Образец, с которого сделан этот рисунок, находится в моей собственной коллекции и является хорошим образцом каффирского мастерства. Он сделан из тростника, расщепленного и сплющенного; каждый тростник имеет ширину не более пятой части дюйма в отверстии и двенадцатой части дюйма на меньшем конце, и тщательно градуирован по ширине. По форме он напоминает мешочек для желе, и, действительно, выполняет те же функции. Камыши сплетены по принципу "под тремя и над тремя", чтобы получился зигзагообразный узор; а коническая форма ситечка достигается не изменением способа плетения, а постепенным уменьшением камышей. Эти ситечки бывают разных размеров, но мой собственный экземпляр, который имеет средние размеры, измеряется пятнадцатью дюймами в длину и девятью в ширину по отверстию.

Пиво, как и молоко, хранится в корзинах, которые кафиры умеют делать так искусно, что они могут вместить почти любую жидкость так же хорошо, как если бы это были бочонки, сделанные лучшими европейскими кузнецами. Действительно, тонкость и красота каффирских корзин может вызвать восхищение, если не зависть, у цивилизованных мастеров, которые, какими бы художественными ни были их формы, были бы крайне озадачены, если бы от них потребовали сделать корзину, в которой можно было бы хранить пиво, вино или даже молоко.

Одна из обычных форм корзины для пива показана на иллюстрации на странице 67: маленькое горлышко сделано для удобства выливания пива. Другие можно увидеть на иллюстрации на странице 63, изображающей интерьер каффирской хижины. Корзины для пива разных размеров можно найти в каждом краале, и их всегда держат в тенистых местах, чтобы жидкость не пострадала от жары. Кажется, что каффирский вождь вряд ли сможет прожить без пива. В своем доме или в тени дружеской ширмы он будет сидеть по часу, непрерывно курить свою огромную трубку и пить пиво через довольно постоянные промежутки времени, умудряясь таким образом потреблять значительное количество и табака, и пива. Даже если он выходит осмотреть свой скот или просмотреть своих солдат, с ним обязательно идет слуга, который несет корзину с пивом, табурет и другие роскошные принадлежности государства.

Обычно он пьет из кубка, который делает из тыквы и который по форме и размеру очень напоминает яйцо эму с отрезанной верхушкой. Для того чтобы достать пиво из корзины и налить его в чашку, он использует что-то вроде ковша. Чаще всего используется форма, сделанная из разновидности тыквы; она не яйцевидная, как та, из которой сделана чашка, а очень похожа на луковицу с прикрепленным к ней стеблем. Луковица лука представляет

собой конец тыквы, и можно заметить, что если отрезать кусочек от этого шарообразного конца и удалить внутреннюю часть тыквы, то получится очень аккуратный ковш. Поскольку внешняя кожица тыквы имеет прекрасный желтый цвет и естественную полировку, чашка и ковш выглядят очень красиво.

Иногда кафиры вырезают свои половники из дерева, проявляя при этом большое мастерство и вкус, как можно видеть на образцах. Иногда из дерева вырезают пивную чашу, а также ковш; но из-за ее веса в пустом состоянии и времени, затрачиваемого на ее изготовление, никто, кроме вождя, не станет пользоваться такой чашей. Одна из таких деревянных чаш показана на рис. 2, на иллюстрации на странице 67, и взята с экземпляра, привезенного из Южной Африки мистером Х. Джексоном. Она имеет большие размеры, что можно заметить, сравнив ее с молочником на рис. 1. Цвет чаши - черный.

Примечательно, что каффир, вырезавший эту чашу, настолько привык к корзинам в качестве сосудов для пива, что не смог выкинуть эту идею из головы. Чаша мучительно выточена из цельного куска дерева и, должно быть, стоила огромного труда, учитывая грубость инструментов, которыми пользовался резчик. По нашим представлениям, чаша должна была показать, что она действительно представляет собой нечто более ценное, чем обычно, и как можно меньше похожа на обычную корзину. Но мастер настолько привержен идее, что корзина, и ничто иное, как корзина, является подходящим сосудом для пива, что он очень старался вырезать всю внешнюю часть в подражание корзине. Это украшение выполнено так хорошо и регулярно, что, когда чашу ставят на небольшом расстоянии или помещают в тень, многие принимают ее за корзину, поставленную на три деревянные ножки и окрашенную в черный цвет.

На рис. 5 той же иллюстрации - пример каффирской корзины. Это одна из корзин, используемых женщинами, когда они идут в поле и должны нести домой колосья маиса или другие продукты. Эта корзина очень прочная и крепкая, в нее помещается такое количество кукурузы, которое стало бы хорошим грузом для среднего английского рабочего. Но она считает эту тяжелую работу частью женской миссии, просит кого-нибудь из своих спутников помочь водрузить ее на голову и отправляется в путь со своей ношей, часто облегчая тяжелую задачу, присоединяясь к хору своих таких же груженых друзей. Действительно, как хорошо сказал один опытный миссионер, в нормальном состоянии племен кафиров женщина выполняет все функции в хозяйстве, сама же выполняет обязанности полевого рабочего, плуга, телеги, вола и лошади.

Плетеные корзины используются для бесконечного множества целей. Например, именно из корзин кафиры делают свои любопытные и живописные хранилища, в которых они держат кукурузу, которая может понадобиться им для домашнего хозяйства. Эти хранилища всегда приподняты над землей на некоторую высоту, с двойной целью - не дать паразитам опустошить их, а также обеспечить свободный доступ воздуха вокруг них, чтобы их содержимое оставалось сухим и в хорошем состоянии. В самом деле, сами дома формируются из своего рода корзин, как можно увидеть, обратившись к главе VII; и даже их краалы, или деревни, представляют собой не более чем плетеные изделия в очень больших масштабах.

Для корзин подходит почти любой гибкий материал, и каффирский мастер использует не только ветки податливых кустарников, таких как осина и ива, но и стебли травы, листья травы, камыш, флаги, тростник, кору и другие подобные материалы. Когда он делает те, которые используются для хранения жидкостей, он всегда использует тонкие материалы и закрывает промежутки между ними, выбивая каждый последующий ряд инструментом,

который немного напоминает очень толстый нож для бумаги и сделан либо из дерева, либо из кости, либо из слоновой кости. Как и в случае с бочонками, ведрами, кадушками и всеми сосудами, сделанными с помощью шестов, корзины должны быть хорошо вымочены, прежде чем они станут полностью водонепроницаемыми.

Одна из таких корзин находится в моей собственной коллекции. Она очень красиво сделана и, безусловно, превосходит сосуды из дерева или глины в одном отношении, а именно в том, что она выдерживает очень грубое обращение, не ломаясь. Способ ее плетения отличается особой замысловатостью. Для его изготовления используется огромное количество травы, работа ведется очень плотно, а концы бесчисленных травинок так аккуратно вплетены в ткань, что их едва можно различить. Вскоре после того, как он оказался в моем распоряжении, я отправил его на беседу вместе с большим количеством этнологических диковинок, и, зная, что мало кто поверит в его силу без фактических доказательств, я наполнил его молоком и поставил на стол. Несмотря на то что он уже некоторое время находился в Англии и, очевидно, подвергался довольно грубому обращению, молоко в нем держалось очень хорошо. Была небольшая протечка, вызванная ошибкой прежнего владельца, который пришил к ней этикетку очень грубой иглой, оставив маленькие дырочки, через которые постепенно просачивалось несколько капель молока. Однако, за этим исключением, корзина была столь же исправна, как и в те времена, когда она использовалась в хижинах кафиров.

Мед - очень любимая еда кафиров, которые умеют нападать на гнезда и удалять гребни, несмотря на атаки пчел. Они обнаруживают пчелиное гнездо различными способами, и, помимо прочих планов поиска гнезда, придают большое значение птице, называемой медоносом. Существует несколько видов медоносов, два из которых довольно распространены на юге Африки, и все они принадлежат к семейству кукушковых. Эти птицы отличаются тем доверием, которое они инстинктивно оказывают человеку, и тем, как они действуют в качестве проводников к гнезду. Всякий раз, когда каффир слышит, как какая-нибудь птица произносит своеобразный крик, обозначаемый словом "Cherr! cherr!", он высматривает певца и идет в направлении голоса. Птица, увидев, что человек идет следом, начинает приближаться к пчелиному гнезду, продолжая издавать свой ободряющий крик и не прекращая его до тех пор, пока гнездо не будет найдено.

Кафиры очень доверяют птице и никогда не съедают весь мед, но обязательно оставляют немного для проводника, который привел их к сладкому хранилищу. Говорят, что медовый проводник добровольно обращается за помощью к человеку, потому что иначе он не смог бы добраться до пчелиных сот, которые сделаны в дуплах деревьев и защищены надежными крепостями, куда птица не смогла бы проникнуть без помощи какого-то существа, более сильного, чем она сама. А поскольку птице нужны главным образом те соты, в которых содержатся пчелиные зерна, а человеку - только те, в которых содержится мед, каффир оставляет все соты птице, а сам забирает все медовые соты, так что обе стороны остаются одинаково довольны. Так это или нет, но несомненно, что птица действительно оказывает эту услугу человеку и что и каффир, и птица, похоже, понимают друг друга. Медоносная крыса, один из самых крупных видов ласки и животное, которое очень любит пчелиные соты, как говорят, разделяет с человечеством привилегию союза с медоносом и отплачивает за помощь птицы гребнем, который она вырывает из дупла дерева. Примечательно, что и ратель, и медоед так густо защищены, один - мехом, другой - перьями, что жала пчел не проникают сквозь их естественную броню.

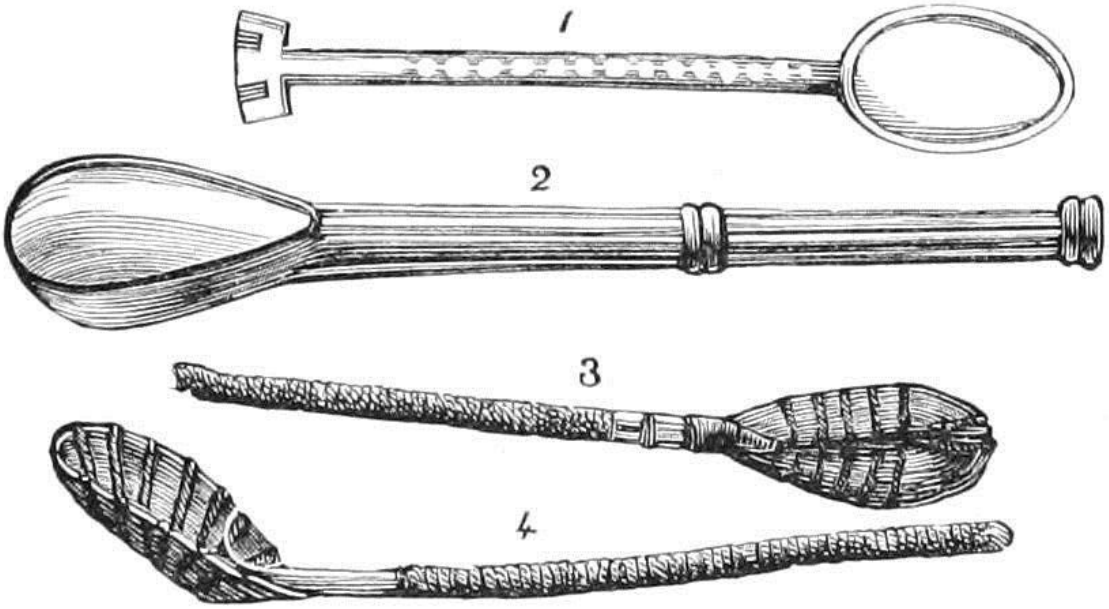
Однако довольно любопытно, что медовый проводник не всегда ведет к гнездам пчел. У нее есть странная привычка направлять внимание людей на любое животное, которое может

прятаться в кустах, и осторожный путешественник всегда держит наготове оружие, когда следует за медовым гидом, зная, что, хотя эта птица обычно ведет к меду, у нее есть неприятный обычай вести к скрытому буйволу, льву или пантере, или даже к месту, где сидит кобра или другая ядовитая змея.

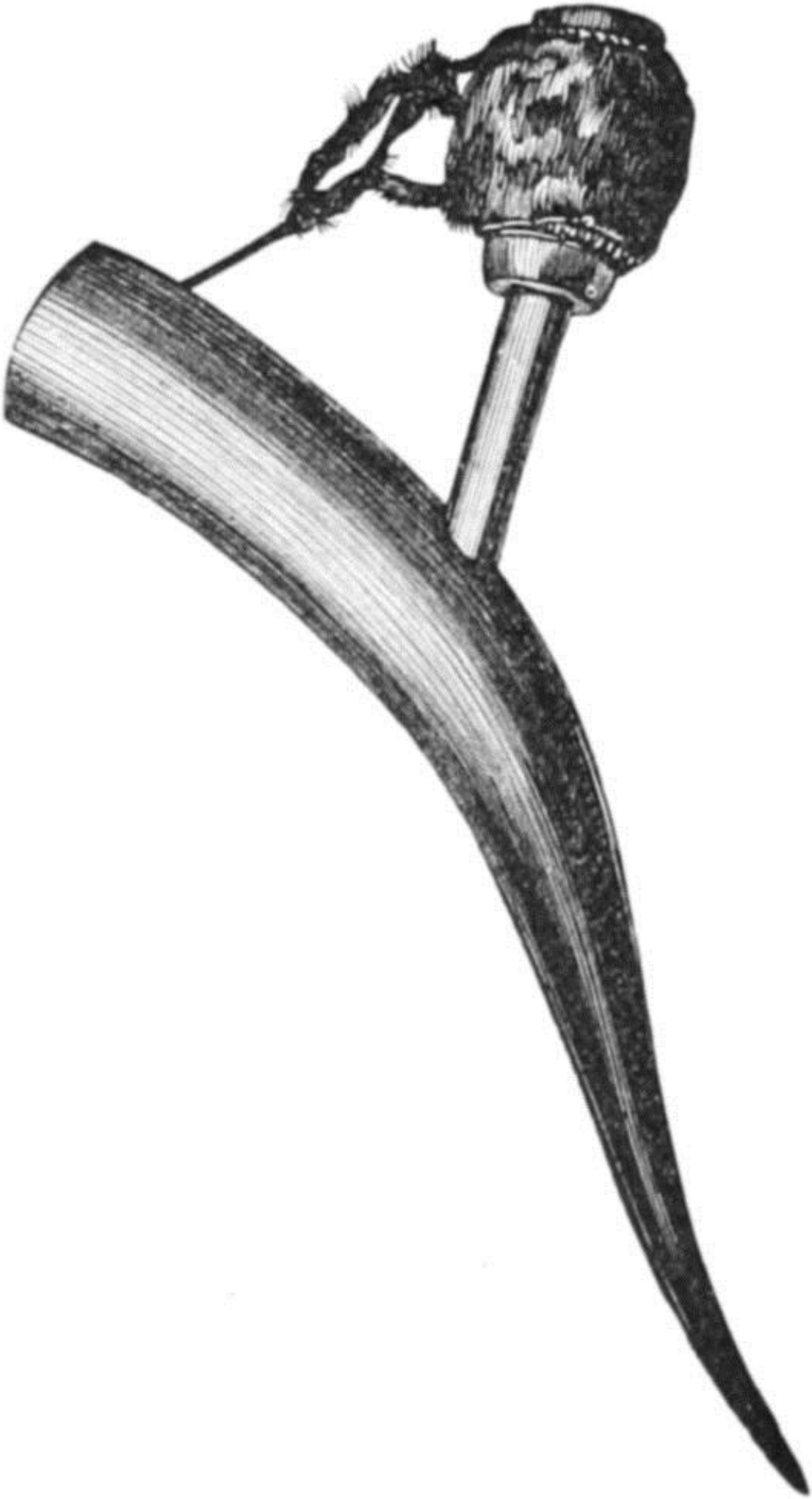
Хотя мед очень ценится кафирами, они с большой осторожностью относятся к его употреблению; прежде чем довериться вкусу, они осматривают окрестности, чтобы выяснить, не растут ли поблизости ядовитые растения, поскольку в этом случае мед наверняка окажется пагубным. Эуфорбия - одно из таких ядовитых растений, принадлежащее к большому порядку, который в Англии представлен небольшими растениями, известными под общим названием "спрут". Одно из них, обычно называемое млечной травой, солнечной или бородавчатой, хорошо известно благодаря белому соку, который обильно вытекает из раненого стебля и который в некоторых местах используется как средство для уничтожения бородавок. В нашей стране сок примечателен только своим млечным видом и острым едким вкусом, который сохраняется во рту удивительно долго; но в Африке эуфорбии вырастают до размеров деревьев, а сок используется во многих частях этого континента в качестве яда для стрел. Некоторые из них так похожи на кактусы, что их можно принять за эти растения; но их легко узнать по млечному соку, который вытекает из них при ранении, и по тому факту, что их шипы, если они есть, растут поодиночке, а не гроздьями, как у кактусов. Белый сок при выпаривании дает очень ядовитое лекарство, называемое эуфорбиум.

(1.) ХАРП.
(См. стр. 211.)

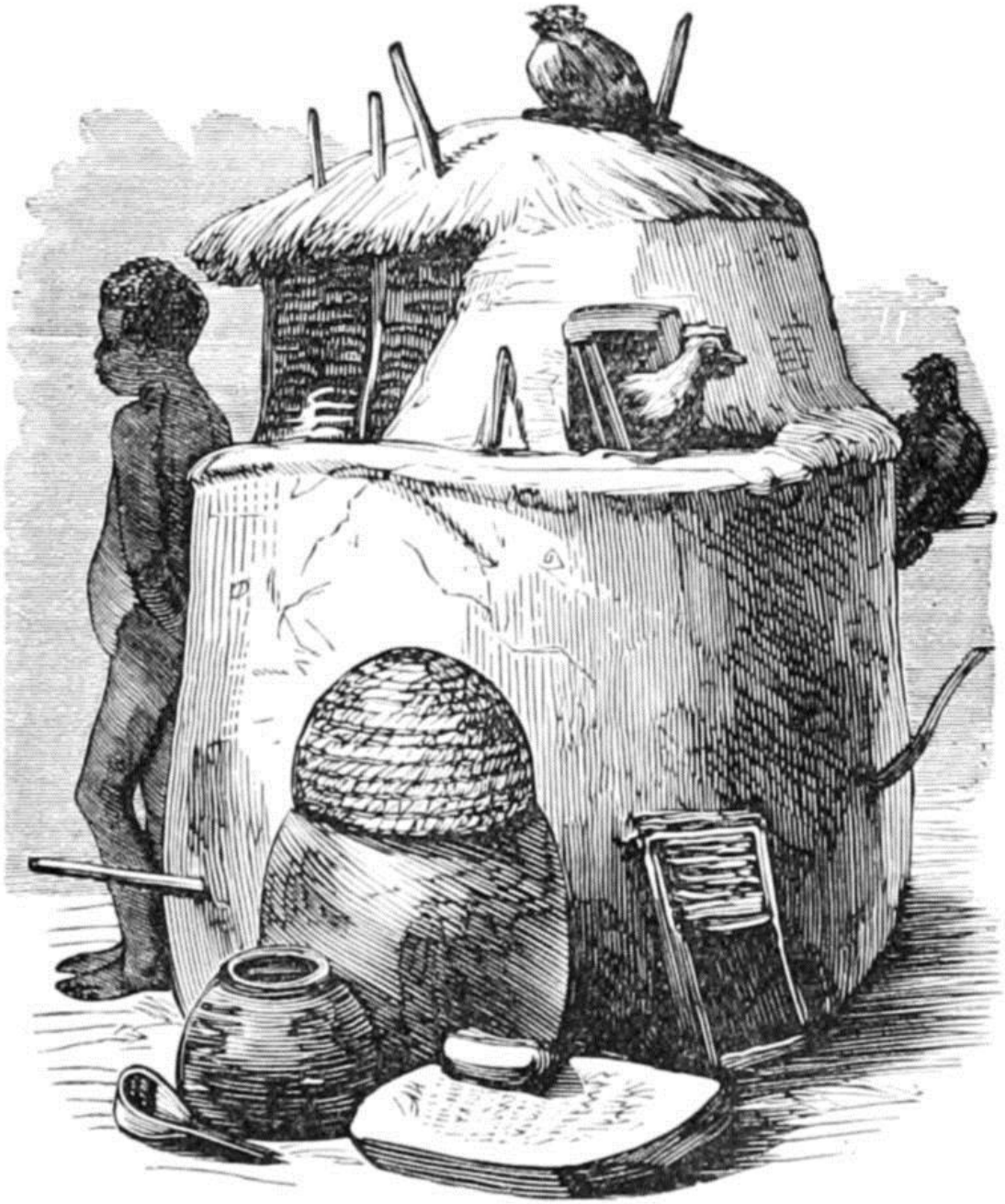
(2.) ВНЕШНИЙ ВИД КАФФИРСКОЙ ХИЖИНЫ.
(См. стр. 56.)



(3.) 1, SPOON. 2, ОПОРА. 3, 4, СКИММЕРЫ.
(См. стр. 149.)



(4.) ВОДОПРОВОДНАЯ ТРУБА.
(См. стр. 164.)



(5.) ПТИЧНИК.
(См. стр. 157.)

Мед часто находят в очень необычных местах. Известны случаи, когда рой завладевал человеческим черепом, а в каркасе скелета мертвого слона были обнаружены гребни.

Как и многие другие народы, зулусы используют в пищу как домашнюю птицу, так и ее яйца, и то и другое служит предметом бартера. Несчастные птицы, отобранные для этой цели, должны быть крайне неудобными, поскольку их всегда связывают в пучки по три штуки, крепко скрепляя ноги. Пока идет торг, птиц беззаботно бросают на землю, где они непрерывно гогочут, как бы жалуясь на жестокое обращение. Каффир не собирается быть

жестоким к бедным птицам; но он действительно не представляет, что причиняет им боль, и проносит их за ноги несколько миль, их головы свисают вниз, а ноги перерезаны шнурами.

На иллюстрации на странице 155 изображен один из хитроумных домиков, которые кафиры строят для своей домашней птицы. Дом сделан из грубой плетенки, а затем густо оштукатурен глиной, как и низкие стены кухонного домика, о котором говорится на странице 139. Сбоку от курятника стоит глиняный кувшин с перевернутой корзиной в качестве крышки. В этом кувшине хранится кукуруза, а перед ним стоит одна из примитивных зерновых мельниц. Рядом с мельницей стоит пивная чаша и ковшик.

Любопытно, что ничто не может заставить каффиров есть рыбу - это предубеждение разделяют многие народы, в то время как другие получают большую часть своего пропитания из моря и реки. Кажется, они испытывают такое же отвращение к мысли о том, чтобы есть рыбу, как мы к таким предметам рациона, как гусеницы, дождевые черви, пауки и другие существа, которые в некоторых частях света считаются лакомством.

В вопросах питания зулусы проявляют удивительную щепетильность, отказываясь от многих продуктов, которые соседние племена едят без всякого стеснения, и от которых не отказываются даже европейские поселенцы. Как уже говорилось, рыба всех видов отвергается, как и рептилии. Настоящие зулусы не станут есть ни обезьян, ни гиен, и в этом мы можем им сочувствовать. Но, конечно, странно обнаружить, что в число запрещенных продуктов входят многие животные, которые обитают в Африке и которых едят не только другие племена, но и белые люди. Самым необычным обстоятельством является то, что зулусы не едят эланда - животное, чья плоть намного превосходит мясо любого английского быка, предпочтительнее оленины и может быть добыта в больших количествах благодаря своим размерам.

Зулусы также не едят зебру, гну, гну и носорога, а воины воздерживаются от мяса слона, бегемота и дикой свиньи. Отказ от употребления в пищу этих животных, по-видимому, распространялся на значительную часть Южной Африки; но когда Чака захватил страну и уничтожил все стада скота, побежденные племена были вынуждены либо есть отвергнутых животных, либо голодать, и, естественно, предпочли первое. Вполне вероятно, что обычай отказываться от определенных продуктов питания основан на некоторых суеверных представлениях, которые в сознании кафиров занимают место религии. Несомненно, суеверие запрещает есть птиц, уток, дроф, дикобразов и яйца всем, кроме самых маленьких и стариков, потому что кафиры считают, что те, кто ест такую пищу, никогда не смогут носить почетное звание отца или матери; а, как известно, бездетный мужчина или женщина вызывают глубочайшее презрение.

Пожалуй, нет более ненавистной для каффиров пищи, чем плоть крокодила, и сомнительно, чтобы даже муки голода побудили зулусского каффира принять такую пищу или вступить в дружеские отношения с тем, кто это сделал. Забавный случай, подтверждающий врожденный ужас перед крокодилом, произошел несколько лет назад. Один европейский поселенец, недавно приехавший в эту страну, подстрелил крокодила и, наслушавшись о свойствах жира этой рептилии, сварил немного ее плоти, чтобы получить его. К несчастью для него, единственным сосудом под рукой оказался железный горшок, в котором его слуги-кафиры привыкли варить пищу, и, не думая ни о чем плохом, он использовал горшок для своей цели. Он не мог совершить ничего более шокирующего для чувств кафиров, которые покинули его в полном составе, оставив после себя загрязненный сосуд.

Уже упоминалось, что никто, кроме кафира, не может ни водить, ни доить местный скот, и несчастный колонист был вынужден посетить все краалы в пределах досягаемости, чтобы

нанять новых слуг. Но во все стороны разнеслась весть, что белый человек варит крокодила в своем горшке с кашей, и ни один каффир не хочет ему прислуживать. Наконец он был вынужден отъехать на значительное расстояние и посетил крааль, который, как ему казалось, был недосягаем для слухов. Главный человек принял его радушно, пообещал прислать одного из своих "мальчиков" в качестве слуги и разрешил бить "мальчика", если тот будет непослушным. В завершение он сказал, что ставит лишь одно условие - чтобы "мальчик" не был обязан есть крокодила.

Следует понимать, что эти особенности питания относятся только к племени зулусов, и что даже в этом племени в последующие годы произошли значительные изменения.

ГЛАВА XVI.
СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

ВСЕОБЩАЯ ЛЮБОВЬ К ТАБАКУ - НЮХАНИЕ И КУРЕНИЕ - КАК КАФФИР ДЕЛАЕТ СВОЙ НЮХАТЕЛЬНЫЙ ТАБАК - КАК КАФФИР ПРИНИМАЕТ ТАБАК - ЛОЖКА ДЛЯ НЮХАТЕЛЬНОГО ТАБАКА, ЕЕ ФОРМЫ, И СПОСОБ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - ЭТИКЕТ ПРИНЯТИЯ НЮХАТЕЛЬНОГО ТАБАКА - ВЫПРАШИВАНИЕ И ДАЧА НЮХАТЕЛЬНОГО ТАБАКА - СРАВНЕНИЕ С НАШИМ АНГЛИЙСКИМ ОБЫЧАЕМ - ДЕЛИКАТНОСТЬ ОБОНЯТЕЛЬНЫХ НЕРВОВ КАФФИРА - РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ТАБАКЕРКИ - УШНАЯ КОРОБКА - ЕДИНСТВЕННАЯ КРОВЯНАЯ КОРОБКА - СПОСОБНОСТЬ КАФФИРА К МОДЕЛИРОВАНИЮ - ТАБАКЕРКА ИЗ ТЫКВЫ - КАФФИР И ЕГО ТРУБКА - ЛЮБИТЕЛИ ТРУБОК ВО ВСЕМ МИРЕ - ЕДИНСТВЕННАЯ ИНКРУСТИРОВАННАЯ ТРУБКА - ВОДЯНАЯ ТРУБКА КАФФИРА - КОНОПЛЯ, КОНОПЛЯ, ИЛИ ДАГА, И ЕЕ ДЕЙСТВИЕ НА СИСТЕМУ - ТРУБКА БЕДНЯКА - ЛЮБОПЫТНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КУРЕНИЯ - КУРИТЕЛЬНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ МАЙОРА РОССА КИНГА - ВЫРАЩИВАНИЕ И ПРИГОТОВЛЕНИЕ ТАБАКА.

После еды каффирских племен мы, естественно, переходим к их предметам роскоши. Один из этих предметов роскоши, а именно пиво, почти не рассматривается ими как таковой, а причисляется к предметам первой необходимости. Есть, однако, одно удовольствие, которому каффир предается при любой возможности, - это употребление табака, либо в виде дыма, либо в виде нюхательного табака. Любовь к табаку, которая распространена по всему миру, полностью развита у каффиров, как и у всех диких племен Африки. Ради табака туземец идет на такие подвиги, на которые его не побудила бы никакая другая награда. Он совершенно не придирается к качеству, лишь бы табак был крепким, и невозможно произвести табак, который был бы слишком грубым, грубым или крепким на его вкус. Ему нравится ощущать его воздействие на организм, и он откажется от самой лучшей ароматизированной сигары ради куска обычного палочного табака, который английский джентльмен не смог бы выкурить. Он употребляет табак в двух формах, а именно в виде дыма и нюхательного табака, и в обоих случаях ему нравится ощущать весь вкус наркотика.

Его нюхательный табак изготавливается очень простым способом, и в основном его производят женщины. Сначала табак растирают в порошок между двумя камнями, а когда он частично перетерт, добавляют немного воды, чтобы превратить его в пасту. Тем временем несколько веток тщательно сжигаются до состояния пепла, и одним из главных ингредиентов является чистый белый пепел. Для этой цели часто используется лист алоэ, предварительно высушенный, и знатоки предпочитают его любому другому материалу. Когда изготовитель нюхательного табака считает, что табак достаточно измельчен, он выкладывает пасту на

плоский камень и помещает его под лучи солнца. Сильное тепло вскоре высушивает затвердевший табак, который затем растирают до получения очень мелкого порошка. Затем добавляется определенная доля древесной золы , тщательно перемешивается, и получается нюхательный табак. Пепел придает нюхательному табаку резкость, которую невозможно получить из чистого табака. Этот нюхательный табак кафиры любят безмерно, и даже европейские любители нюхательного табака часто предпочитают его любому покупному нюхательному табаку. Я знаю одного африканского путешественника, который приобрел привычку принимать нюхательный табак у каффиров и, научившись делать нюхательный табак по каффирской моде, продолжает изготавливать свой собственный табак, считая, что он превосходит любой, который можно купить в табачных лавках.

Способ употребления нюхательного табака у каффиров отнюдь не такой простой, как у нас. Принятие нюхательного табака приобретает почти характер торжественного ритуала и никогда не совершается с легкомыслием, свойственным европейским любителям нюхательного табака. Каффир никогда не думает о том, чтобы пить табак стоя, но обязательно должен присесть для этого в каком-нибудь месте и в такое время, когда его никто не потревожит. Если он окажется человеком достаточно обеспеченным, у него будет наготове ложка для нюхательного табака, засунутая в волосы, и он будет тянуть ее. Эти табакерки очень похожи по форме, хотя и немного отличаются в деталях. Они изготавливаются из кости или слоновой кости и представляют собой небольшую чашу, насаженную на ручку с глубокими зубцами. Некоторые ложки имеют два зубца, но большинство - три. Чаша в основном полусферическая, но у некоторых экземпляров она продолговатая. У меня есть образцы обеих форм, а также табакерка с Мадагаскара, которая очень похожа по форме и размеру на ту, что использует каффир.

Предположим, что у него есть ложка, он вынимает табакерку из уха или с пояса и торжественно наполняет чашу ложки. Затем он заменяет коробочку, вставляет чашу ложки в свои вместительные ноздри и с мощным вдохом выдыхает содержимое. От резкого запаха нюхательного табака по щекам текут слезы, и, чтобы убедиться, что они пойдут своим чередом, принимающий проводит краями больших пальцев по лицу, чтобы сделать своего рода желобок, по которому слезы могут стекать от внутреннего угла глаз к уголкам рта. Этот поток слез доставляет кафиру огромное удовольствие от приема нюхательного табака, и разговаривать с кафиром или как-то мешать ему, пока он принимает табак, противоречит всем правилам этикета.

Если, как это часто бывает, он не настолько богат, чтобы иметь ложку, он справляется с этим другим способом. Позаботившись о том, чтобы расположиться в защищенном от ветра месте, он насыпает нюхательный табак на тыльную сторону ладони, создавая небольшую коническую кучку, которая точно совпадает с его широкими ноздрями. Положив левую сторону носа на кучку нюхательного табака и закрыв другую ноздрю указательным пальцем, он умудряется поглотить его целиком, не потеряв ни крупинки драгоценной субстанции - поступок, который он сам бы счел верхом безрассудства.

Правила этикета особенно тщательно соблюдаются при употреблении нюхательного табака.

Считается дурным тоном предлагать нюхательный табак другому, потому что предложение подарка подразумевает превосходство; главного человека в каждом собрании всегда просят дать нюхательный табак остальным. Существует этикет даже в том, чтобы попросить нюхательный табак. Если один каффир видит, что другой берет нюхательный табак, он не просит его напрямую, а задает вопрос в сторону: "Что ты ешь?". Первый ответ на этот вопрос всегда гласит, что он ничего не ест, что является вежливым способом отказа в просьбе -

отказ на первое обращение является частью того же свода законов. Когда вторая просьба выполняется таким же косвенным образом, как и первая, он насыпает в ладонь левой руки некоторое количество нюхательного табака и протягивает ее другому, чтобы тот угостился, и при этом внимательно смотрит в другую сторону, чтобы не показалось, что он следит за количеством, которое берет, и не показалось, что он обижается на подарок. Или, если присутствуют несколько человек, а сам он человек богатый, он сначала угощается сам, а потом бросает коробку гостям, воздерживаясь, как и прежде, от взгляда на них, пока они угощаются. Когда вождь созывает своих приближенных, он зовет слугу, который держит две его открытые руки вместе, чтобы получилась чаша. Затем вождь наполняет руки нюхательным табаком, а слуга подносит ценный подарок гостям, которые сидят вокруг.

Уже упоминалось, что когда каффир принимает нюхательный табак, он садится на землю. Это один из многих мелких пунктов этикета, который местные жители соблюдают с особой тщательностью. Нарушение этого правила рассматривается не только как проявление дурных манер, но и как молчаливое признание того, что человек, который встает, пока он занят нюхательным табаком с другим, пытается извлечь из него выгоду. Мистер Шутер отмечает, что многие люди были убиты, когда их заманивали в табачную ловушку, а затем зарезали, когда они находились в беззащитном положении. Сам акт протягивания одной руки с нюхательным табаком, в то время как другая занята табакеркой, не позволяет дарителю использовать свое оружие, так что он может быть легко побежден любым, кто склонен к вероломству.

Читатель, вероятно, заметил аналогию между этим обычаем и древним этикетом Англии, пережиток которого до сих пор сохранился в "чаше благодати", передаваемой на муниципальных банкетах. В жизни каффирцев есть несколько моментов, более примечательных, чем свод правил этикета, касающихся употребления табака. Должно быть, он появился совсем недавно, потому что табак, хотя и культивируется в Африке, не является коренным жителем этой страны, а был завезен из Америки. Создается впечатление, что растению присущ некий дух вежливости, и поэтому и африканский негр, и американский краснокожий вынуждены соблюдать тщательный церемониал при его употреблении.

Естественно, можно подумать, что постоянное вдыхание такого количества нюхательного табака, да еще и столь резкого, настолько травмирует обонятельные нервы, что они едва ли смогут выполнять свои функции. Однако это не так. Нос кафира - удивительный орган. На него совершенно не влияет отвратительный запах, исходящий от прогорклого жира, которым туземцы обильно обмазывают себя, и он не испытывает никаких неудобств от удушливой атмосферы хижины, в которой собирается много людей. Но, несмотря на все эти нападки, в сочетании с постоянным употреблением нюхательного табака, он способен улавливать запахи, совершенно неощутимые для европейских ноздрей, и, похоже, почти так же чувствителен, как нюх ищейки.

Каффиры, так любящие свой табак, прилагают все свои художественные способности к коробочкам, в которых они носят столь ценное вещество. Они делают свои табакерки из различных материалов, таких как дерево, кость, слоновая кость, рог; и как европейцы используют драгоценные камни и металлы для изготовления своих табакерок, так и кафиры используют для той же цели материалы, которые они наиболее ценят, и исчерпывают на них все ресурсы своего простого искусства.

Одна из самых распространенных форм табакерки - небольшая трубка длиной около трех дюймов и диаметром в полдюйма. Это всего лишь соединение тростника, открытый конец которого закрыт пробкой. Натуральный цвет тростника - блестящий желтый, но каффирцы

чаще всего украшают его различными узорами, сделанными путем частичного обугливания поверхности. Эти узоры располагаются по-разному, но в целом они очень похожи и состоят из ромбов и треугольников, чередующихся с черными и желтыми. Кроме хранения нюхательного табака, эта коробочка выполняет еще одну функцию - ее используют как украшение. Правильный способ ее ношения - проделать отверстие в мочке уха и вставить в него табакерку. В таком положении она всегда под рукой, а смелый черно-желтый узор хорошо смотрится на фоне темных щек владельца. Эта коробочка показана на рис. 6 в разделе "Платье и украшения" на стр. 49.

Другая форма табакерки показана на рис. 5 на той же странице. Это небольшое изделие, вырезанное из цельной слоновой кости. Большое мастерство проявляется во внешней форме, и очень большое терпение должно было быть проявлено при зачистке и полировке ее поверхности. Но это всего лишь детские игры по сравнению с огромным трудом по выдолбке ее с помощью очень несовершенных инструментов, которыми владеет каффирский мастер. Обычная бутылочная тыква широко используется для изготовления табакерок. Иногда она просто выдолблена и снабжена плетеным кожаным шнурком, с помощью которого ее можно прикрепить к лицу владельца. Процесс выдолбления очень прост и заключается в том, что в конце, когда тыква висит на дереве, в ней проделывают отверстие и оставляют ее в покое. Со временем вся внутренность разлагается, а внешняя оболочка запекается на солнце до твердости, почти равной фаянсу. Такая форма табакерки широко используется. Поскольку бутылочная тыква достигает больших размеров, ее обычно используют в качестве шкатулки, в которой хранят запасы нюхательного табака, или вождь с либеральными идеями, который любит раздавать большой запас своим последователям. В большинстве случаев она украшается тем или иным образом. Иногда кафир украшает всю внешнюю поверхность угловатым обугленным узором, о котором уже говорилось; но больше всего он любит покрывать ее бисером - украшениями, которые любит его душа. Эти бусины самым изобретательным образом прикрепляются к тыкве и облегают ее так же плотно, как защитная оболочка облегает флягу с маслом Флоренции.

Одна из любимых разновидностей табакерки сделана из кости коровьей ноги. Предпочтение отдается той части, которая находится чуть выше передней ноги. Сняв ногу, кафир отмеряет кусок ноги длиной около четырех дюймов и отрезает его. С верхней части он снимает кожу, но заботится о том, чтобы оставить достаточно широкий пояс шкуры на более широком конце. Затем кость полируется и обычно украшается грубо выгравированным, но умеренно регулярным узором, несколько похожим на тот, что уже был описан на тыкве. Естественное углубление значительно увеличивается, а отверстие закрывается пробкой, и табакерка готова.

Иногда кафиры делают табакерку из рога молодого быка, но иногда они идут на то, чтобы вырезать ее из рога носорога. Такая шкатулка очень ценна, так как кость носорога твердая, и поэтому углубление приходится выделывать с большим трудом, в то время как рог быка уже полый, и его нужно только отполировать. Кроме того, рог носорога не так легко добыть, как рог быка, поскольку первый - сильное и опасное животное, и добыть его можно только рискуя жизнью или выкапывая яму.

Есть одна форма табакерки, которая, насколько мне известно, присуща племенам южной Африки, как по форме, так и по материалу. Каффир начинает с изготовления глиняной модели какого-нибудь животного и выкладывает ее на солнце, чтобы она высохла. Он очень искусен в этом искусстве и, как правило, может имитировать различных животных с такой правдивостью, что их можно сразу узнать. Конечно, у него мало деликатности, и он не стремится к какому-либо художественному эффекту; но он хорошо знает основные черты

животного, которое моделирует, и передает их с силой, которая часто переходит в довольно смехотворное преувеличение.

Следующий процесс очень необычен. Когда корова убита, кафир снимает шкуру и кладет ее на землю волосами вниз. Острым лезвием своего ассагая он соскребает внутреннюю часть шкуры, чтобы очистить ее от свернувшейся крови, которая прилипает к ней, и собирает ее в одно место. С этой кровью он смешивает немного измельченной земли и превращает кровь и порошок в пасту. Разумеется, небольшое количество животного волокна соскабливается со шкуры и смешивается с пастой, что способствует ее более плотному скреплению. Когда паста готова, каффир натирает ею глиняную модель, стараясь нанести ее равномерным слоем. Несколько минут на палящем солнце достаточно, чтобы она затвердела, после чего наносится второй слой. Каффир повторяет этот процесс до тех пор, пока не получит покрытие толщиной около двенадцати дюймов. Перед самым застыванием он берет иглу или очень тонкое острие ассагая и делает на поверхности грубый ворс, чтобы грубое сходство с волосами. Когда он совсем высохнет, кафир прорезает в макушке головы круглое отверстие и иглой, с помощью различных приспособлений из шипов, выковыривает всю глиняную модель, оставляя только сухой слой пасты. К этому времени пластичная паста затвердевает, приобретая особую консистенцию. Она очень тяжелая по отношению к своему объему, отчасти из-за входящей в ее состав землистой материи, а отчасти из-за ее чрезвычайно плотной структуры. Он удивительно прочен, выдерживает значительное насилие и не получает никаких повреждений. Он настолько тверд, что соприкосновение с острыми камнями, наконечниками копий или лезвием ножа совершенно безвредно, и настолько эластичен, что если бы его сбросили с облаков на землю, он едва ли получил бы какие-либо повреждения.

Мой собственный экземпляр изображает слона, а кожаная нить, с помощью которой держится пробка, гениально придумана, чтобы играть роль хобота. Но кафиры необычайно изобретательны в изготовлении этих диковинных табакерок и имитируют форму почти каждого животного в своей стране. Бык и слон - их любимые модели: но иногда они делают табакерку в форме носорога; а самый лучший образец, который я видел, был в форме зайца-беляка: особые изогнутые рога и форма головы были переданы с удивительной правдивостью.

Моделирование, естественно, предполагает наличие ума с некоторыми художественными способностями; очевидно, что любой, кто может создать в глине узнаваемую модель любого объекта, каким бы грубым он ни был, обладает некоторой долей искусства скульптора. Это подразумевает и часть искусства рисовальщика, потому что в голове модельера должно существовать достаточно точное представление о различных очертаниях, ограничивающих объект, который он моделирует. Он также может очень хорошо вырезать по дереву; и, как мы уже видели - когда мы перешли к вопросу о пище кафира и о том, как он ее ест, - он может вырезать свои ложки в очень художественных формах, а иногда и в форме определенных объектов, искусственных или естественных. Сейчас передо мной лежит великолепно выполненная модель головы буйвола, вырезанная каффиром из рога носорога, причем особый размах и изгиб огромного рога буйвола передан с правдой и свободой, которые поистине удивительны.

Однако примечателен тот факт, что каффир, как правило, совершенно не способен понять рисунок, включающий перспективу. Обычный набросок он понимает достаточно хорошо, узнает набросок животного, дома или человека, а иногда ему удается идентифицировать изображенную личность. Однако даже такое художественное распознавание отнюдь не

является универсальным; известно, что каффир, когда ему показывали хорошо выполненный портрет человека, утверждал, что это лев.

Но когда в портрет включается перспектива, каффир оказывается совершенно не в состоянии понять ее. Один из моих друзей, путешествуя по Южной Африке, остановился в одном известном месте и, находясь там, получил экземпляр иллюстрированной газеты, в которой была гравюра с изображением того самого места. Он был в восторге от такой возможности и позвал каффирцев, чтобы они пришли посмотреть на гравюру. Ни один из них не мог составить ни малейшего представления о ее значении, хотя по любопытному совпадению повозка была изображена именно в том положении, в котором находилась та, в которой они ехали. Тщетно он пытался объяснить, что это за гравюра. Вот повозка, вот куча деревьев, вот холм с плоской вершиной, в том направлении бежит овраг и так далее. Они слушали очень внимательно, а потом начали смеяться, думая, что он их разыгрывает. Повозку, оказавшуюся на переднем плане, они узнали, но пейзаж проигнорировали. "Эта куча деревьев, - говорили они, - находится более чем в миле от нас; как же она *может* быть на этом плоском листе бумаги?" По их мнению, спор был закончен, и дальнейшее обсуждение не имело смысла.

У меня есть еще одна табакерка, которая примечательна тем, что представляет собой сочетание двух искусств, а именно лепки и работы с бисером. Автор этой композиции, похоже, не был человеком оригинального гения и не был уверен в своих способностях к лепке. Вместо того чтобы сделать глиняную модель какого-нибудь животного, он довольствовался имитацией тыквы - одним из самых простых заданий, которое может выполнить ребенок четырех лет. Осталось только слепить из глины шар для корпуса шкатулки и прикрепить к нему небольшой цилиндр из глины для горлышка. Создателю этой табакерки декоративная крышка удалась едва ли не больше, чем сама шкатулка. С большим трудом он сплел конверт из бисера, и до определенного момента ему это удавалось. Очевидно, что у него были бусины нескольких размеров, и он распорядился ими с некоторой изобретательностью. Из более крупных делается крышка для горлышка шкатулки, а несколько самых крупных бусин оставляются для обозначения линии, по которой горлышко вставляется в корпус бутылки. Все бусины нанизаны на нити, сделанные из сухожилий, и так ловко управляются, что образуется некая тесная сеть, которая почти плотно прилегает к шкатулке. Но производитель допустил небольшую ошибку в своих измерениях, и в результате, хотя крышка плотно прилегает к большей части коробки, она образует несколько некрасивых складок тут и там; производитель забыл, что из-за шарообразной формы коробки диаметр оболочки бус должен уменьшаться с каждым рядом бусин.

Цветов бусин всего три - мелово-белый, гранатовый и голубой, причем два последних полупрозрачные. Основа состоит из непрозрачных белых бусин, а бусины двух других цветов расположены в виде полос, идущих по спирали.

Сейчас передо мной находится самая примечательная табакерка, или "иквака", как называют ее кафиры, которая привела меня в крайнее недоумение. По форме она напоминает южноафриканскую тыкву и снабжена кожаным шнурком по чисто африканской моде. Но резьба, которой он почти полностью покрыт, никогда не была выполнена каффирским художником. Верхняя часть вырезана так, чтобы напоминать хорошо известные концентрические шары из слоновой кости, которые китайцы вырезают с таким бесконечным трудом, и такой же узор украшает основание. Но тело тыквы покрыто контурной резьбой, одна из которых изображает павлина, птицу, не принадлежащую Каффирской стране, а остальные - очень честные изображения розы, чертополоха и трилистника. Павлин действительно хорошо нарисован, контраст между плотным оперением тела и рыхлыми,

растрепанными перьями шлейфа очень ярко выражен, а поза птицы, когда она стоит на ветке с откинутой головой, очень естественна. (Майор Росс Кинг, в чью коллекцию она входит, говорит мне, что если бы он не видел ее снятой с тела убитого воина, то вряд ли бы поверил, что она родом из Южной Африки. Он считает, что ее вырезал частично цивилизованный готтентот или каффир, обладающий исключительным интеллектом, а рисунок, должно быть, скопирован с английских моделей или же передан англичанином каффиру, который затем перенес его на тыкву.

Тот же джентльмен прислал мне еще одну тыкву такой же формы, но гораздо большего размера, которая использовалась для хранения амаси, или сгущенного молока. Этот экземпляр примечателен прежде всего тем, что с ним произошел несчастный случай, и в его боку образовалась дыра. Владелец, очевидно, дорожил тыквой и изобретательно заделал дыру заплаткой из сырой шкуры. Шов очень похож на тот, что уже был описан при рассмотрении костюма кафиров. Через трещину просверливается ряд маленьких отверстий, и с помощью нити сукна заплатка закрепляется поверх отверстия. Кусочек шкуры довольно большой, чем отверстие, которое он закрывает, а так как его надевали в мокром виде, то соединение получилось довольно водонепроницаемым, и заплатка почти слилась с тыквой.

Тыква готовится очень простым способом, который используется у кафиров, а именно: отрезается небольшая часть горлышка, чтобы впустить воздух и тем самым заставить всю мягкую субстанцию внутри разложиться. Отрезанная часть горлышка тщательно сохраняется, а пробка крепится к нему таким образом, что при закрытии тыквы на первый взгляд кажется, что она целая. Эти тыквы никогда не моют, но постоянно добавляют свежее молоко, чтобы оно превратилось в амаси за счет того, что осталось в сосуде.

Рядом с табакеркой каффир ценит свою трубку. Разновидностей трубок в Каффирландии не меньше, чем в Европе, а материал, если можно так выразиться, еще разнообразнее. Основными материалами являются тростник, дерево, камень, рог и кость, и читатель увидит, что из них можно получить большое разнообразие. Самые распространенные трубки делаются из дерева и формируются по тому же принципу, что и известные деревянные трубки Европы. Но у кафира нет токарного станка, на котором он мог бы обточить чашу с внешней стороны и выдолбить древесину, чтобы сделать в ней полость. Нет у него и сверл, которыми европейские мастера прокалывают ножку, и специальных инструментов, которые придают ей столь аккуратную отделку. У него нет почти никаких инструментов, кроме ассагая и иглы, и все же с помощью этих грубых приспособлений ему удается сделать очень удобную, хотя и не очень художественную трубку.

Одним из главных моментов в изготовлении трубки у кафиров является либеральность в отношении размера чаши. Самая маленькая каффирская трубка почти в три раза больше обычной европейской трубки, а по размерам превосходит большие фарфоровые трубки, распространенные в Германии. Но табак, используемый немцами, очень мягкий, и его используют скорее из-за тонкого вкуса, чем из-за его силы; в то время как табак, который используют каффиры, грубый, грубый, грубый и чрезвычайно крепкий. Некоторые трубки, используемые этими племенами, настолько велики, что случайный наблюдатель может легко принять их за ковши, и они настолько тяжелы и громоздки, особенно в направлении чаши, что в случае крайней необходимости курильщик может очень эффективно использовать свою трубку в качестве дубинки и отбить импровизированным оружием либо дикого зверя, либо врага-человека.

Как правило, чаша просто выдолблена, а затем используется, как только дерево высохнет; но в некоторых случаях сумрачный производитель улучшает свою трубку или, по крайней мере,

думает, что делает это, обкладывая ее очень тонкой пластиной листового железа. Иногда, хотя и довольно редко, для изготовления труб используется особый вид камня. Это камень зеленого цвета с волнистым узором, не похожим на малахит. Многие туземцы очень дорожат этим камнем и имеют почти суеверные представления о его ценности и свойствах.

Кафирам в полной мере присуща любовь к своей особой трубке, которая, кажется, отличает каждого курильщика, независимо от его страны. Турок имеет простую глиняную чашу, но инкрустирует ножку драгоценными камнями, а мундштук делает из чистейшего янтаря. Немец делает чашу из тончайшего фарфора, украшает ее собственным гербом или портретом близкого друга, а ножку украшает шелковыми шнурами и кистями ярких и символических цветов. Даже англичанин, простой и незатейливый в своих вкусах, по которым он себя оценивает, особенно гордится хорошей меершаумом и украшает свою любимую трубку золотым креплением и янтарным мундштуком. Некоторые люди с простым вкусом предпочитают простую деревянную или глиняную трубку самым дорогим образцам, которые может предложить искусство; другие же гордятся либо дорогими материалами, из которых сделана трубка, либо количеством золота и серебра, которыми она украшена. Другие же, похоже, предпочитают формы столь же гротескные и фантастические, как и любые другие, созданные западноафриканскими неграми, о чем свидетельствует разнообразие трубок странной формы, выставленных в витринах табачных магазинов, которые не производились бы так обильно, если бы не находили соответствующий большой сбыт.

Североамериканский индеец вкладывает в свою трубку все свои художественные способности. Как воин, во время похода он довольствуется трубкой, "придуманной для уплаты двойного долга": его томагавк сделан так, что чаша трубки утоплена в голове, а рукоятка оружия выдолблена и становится черенком. Но, будучи человеком мира, он тратит свое богатство, свои художественные способности и свое время на трубку. Он отправляется в путешествие к далекому месту, где добывают священный красный камень. Он обращается к Великому Духу, делает подношения и смиренно просит разрешения взять немного почитаемого камня. Он возвращается домой со своим сокровищем, вырезает чашу с бесконечными усилиями, делает самую замысловатую ножку и украшает ее вампумом и перьями, которые являются украшением диких индейцев. Житель острова Ванкувер формирует целую трубку, включая чашу и ствол, из цельного камня, покрывая ее бесконечным количеством гротескных изображений, на которые уходит почти вся жизнь. Уроженец Индии делает водопроводную трубу, или "хаббл-баббл", из скорлупы ореха какао, куска бамбука и глиняной чаши; и пока он простой рабочий, живущий только на рисе, он довольствуется этим простым приспособлением. Но по мере того как он богатеет, он показывает свое растущее богатство внешним видом своей трубки; так что, когда он достигает богатства, скорлупа какао-ореха покрывается золотой и серебряной филигранью, а стебель и мундштук - драгоценными камнями и металлами.

Поэтому вполне вероятно, что каффир потратит время и труд на украшение своей трубки. О художественной красоте он имеет очень слабое представление и не может придать своей трубке плавные изгибы, которые встречаются в работах американских индейцев, или создать грубые, но энергичные узоры, украшающие трубку из Новой Каледонии. Форма каффирской трубки редко меняется, а вся энергия владельца, похоже, сосредоточена на инкрустации чаши свинцом. Узоры, которые он создает, не отличаются ни красотой, ни разнообразием и, по сути, являются лишь повторением зигзагообразных гравюр на табакерках.

Сейчас передо мной трубка, которая, очевидно, принадлежала кафиру, который был искусным кузнецом, и на которую владелец потратил все свои металлургические знания.

Весь стержень и основание чаши сделаны из свинца, а край чаши снабжен ободком из того же металла. Выгравированный на ней узор состоит из свинца, и примечательно, что свинец не просто впущен в дерево, а полностью прорезает чашу трубы, так что узор виден как внутри, так и снаружи. Трубку никогда не курили, и узор кажется незаконченным. Мастерство, которое было использовано при изготовлении этой трубки, очень велико, ведь для того, чтобы соединить два материала так идеально, чтобы они были герметичными, требуется немалое мастерство как в резьбе по дереву, так и в обработке металла.

Кальян, или, по крайней мере, модификация этой диковинной трубки, широко используется среди племен кафиров и является таким же гениальным произведением искусства, как и "хаббл-баббл" индийского крестьянина. Она состоит из трех отдельных частей. Во-первых, это чаша, которая обычно вырезается из камня и часто украшается глубоким гравированным узором. Самые распространенные чаши, однако, сделаны из фаянса и по форме очень похожи на индийскую трубку. По форме они очень напоминают бочонок, один конец которого имеет большое, а другой - маленькое отверстие.

Следующий элемент - тростник длиной около четырех или пяти дюймов, который плотно вставляется в меньшее отверстие чаши; последняя и самая важная часть - корпус трубки, который всегда изготавливается из рога какого-либо животного, чаще всего из рога быка. Однако самый любимый и самый дорогой рог - это рог куду, великолепной спиральнорогой антилопы из Южной Африки. В роге на небольшом расстоянии от острия просверливается отверстие, и в него вставляется тростник, уже прикрепленный к чаше, причем соединение тростника и рога делается герметичным. (См. иллюстрацию № 4, стр. 155.)

Теперь чаша наполняется табаком или другой смесью, которая будет описана ниже, , а рожок почти полностью заполняется водой. Чтобы раскурить эту трубку, туземец прикладывает рот к широкому открытому концу рога, прижимает край отверстия к щекам, чтобы исключить доступ воздуха, и энергично вдыхает. Таким образом, дым вынужден проходить через воду и частично освобождается от примесей, прежде чем попадает на губы курильщика. Во время прохождения через воду он издает громкий булькающий звук, который, как считается, способствует получению удовольствия курильщиком. Чистый табак, однако, редко курят в этой трубке, особенно среди племени дамара, используется очень мощная смесь. Табак используется для придания привычного аромата, но главным ингредиентом является разновидность конопли, называемая "дага", которая обладает опьяняющими свойствами, как и хорошо известная индийская конопля. Курение этой конопли возведено в ранг важной церемонии среди этого народа и проводится следующим образом.

Несколько человек, намеревающихся курить, собираются вместе и садятся в круг, имея только одну трубку с водой, а также запас необходимого табака и приготовленной конопли, которую туземцы называют "дагха". Первый по рангу набивает трубку, зажигает ее и вдыхает столько дыма, сколько могут вместить его легкие, не позволяя ни одному из них выйти. Затем он передает трубку ближайшему к нему человеку и закрывает рот, чтобы дым не выходил. Результат этого действия не заставил себя ждать. Тело сотрясают конвульсии, изо рта идет пена, глаза, кажется, отрываются от головы, их блеск угасает и сменяется тусклым, похожим на пленку, а черты лица искажаются, как у человека, пораженного эпилепсией.

Эта стадия возбуждения настолько сильна, что человеческий организм не в состоянии выдержать ее сколько-нибудь долго, и через минуту-другую курильщик бесчувственно лежит на земле. Поскольку было бы опасно позволить человеку оставаться в таком бесчувственном состоянии, его приводят в чувство его еще трезвые товарищи, которые используют не самые

мягкие средства, чтобы привести его в чувство. Они дергают его за шерсть, затыкают ему уши, обливают водой, причем не самым деликатным образом, и таким образом пробуждают его от летаргии. Однако бывают случаи, когда эти средства не помогают, и бесчувственный курильщик больше никогда не открывает глаза в этом мире. Откуда берется это удовольствие, сказать трудно, да и сам факт, что оно вообще должно быть, совершенно необъясним для европейца. Однако эти сумрачные курильщики считают трубку одной из самых больших роскошей в жизни и готовы пожертвовать почти всем, чтобы обладать ею.

Хотя племя дамара является особой жертвой этого своеобразного способа курения, его в некоторой степени практикуют и кафиры. Однако они не такие рабы трубки, как дамара, и не используют в такой степени одурманивающую коноплю, а употребляют табак. Их водопроводные трубки в основном сделаны из бычьего рога. Иногда они закрепляют чашу на своем месте с помощью широкого ремня из шкуры антилопы, одна часть которого проходит вокруг чаши, а другая - вокруг стебля, чтобы крепко скрепить их друг с другом своим сжатием. Волосы антилопы остаются на шкуре, и, поскольку темный художник обладает природным чутьем на цвет, он всегда выбирает часть шкуры, где существует достаточно сильный контраст оттенков.

Существует очень необычная разновидность трубки, которая, похоже, используется на значительной части юга Африки. Уроженец этой страны никогда не испытывает недостатка в трубке, а если у него не окажется такой трубки, то он может сделать ее за несколько минут, где бы он ни находился. Для этого ему не нужны никакие инструменты, не требуется дерево, камень или другой материал, из которого обычно делают трубки. В его представлении о трубке есть определенное величие, ведь он превращает землю в этот предмет, и сам мир становится его табачной трубкой.

Способ изготовления трубки очень прост. Сначала он наливает на землю немного воды и делает что-то вроде пирога из грязи. Точный способ приготовления этого пирога изображен на известной картине Хогарта "Разъяренный музыкант". Теперь он кладет на землю ассагай или набалдашник ножа и разминает грязь на конце древка так, чтобы получился гребень длиной в несколько дюймов, с довольно большим комком грязи на конце. Этот грязевой гребень - элемент будущей трубы. Далее палец проталкивается в комок грязи до самого древка копья, а затем обрабатывается до образования углубления, которое отвечает назначению чаши. Затем ассагай аккуратно извлекается, и трубка готова, а перфорированный грязевой гребень выполняет функцию черенка. Нескольких минут под палящими лучами солнца достаточно, чтобы грязь запеклась в твердую массу, и труба готова к использованию. Затем изобретательный производитель наполняет чашу табаком и приступает к курению. Это удовольствие ему удается получить, лежа на лице, приложив губы к маленькому отверстию и одновременно поднося огонек к табаку в чаше.

В некоторых местах трубка изготавливается несколько иным способом. В земле выкапывают неглубокую ямку диаметром десять-двенадцать дюймов и глубиной два-три дюйма, затем в нее засыпают вынутую землю, увлажняют и разминают в компактную грязь. Затем берется зеленая веточка, сгибается в форме полукруга и серединой вдавливается в отверстие, оставляя концы выступать по обе стороны. Перед тем как грязь окончательно застынет, веточку осторожно извлекают, и в это время делают чашу, проталкивая палец за веточкой и расширяя отверстие. В этом случае трубка получается такой, что европеец не смог бы ее курить, даже если бы смог преодолеть чувство отвращения к ее использованию. Его выступающий нос мешал бы, а маленькие тонкие губы не могли бы правильно держать трубку. Но широкий нос и большие, выступающие губы уроженца Южной Африки прекрасно приспособлены для этой цели и позволяют ему с легкостью выполнять задачу, которая была

бы физически невыполнимой для европейца. (См. гравюру № 3 на противоположной странице.)

Примечательно, что в некоторых частях Азии туземцы строят трубу по тому же принципу. Эта труба будет описана в соответствующем месте.

Когда кафиры могут собраться для спокойного курения, у них есть еще один любопытный обычай. Крепкий табак вызывает обильное выделение слюны, и от нее избавляются довольно странным способом. Курильщикам выдают трубку длиной около ярда и, как правило, тростник или прямую ветку, из которой была извлечена слюна. Особо красивые экземпляры обычно покрывают кожей бычьего хвоста. Через эту трубку курильщики, в свою очередь, выпускают избыток влаги, и считается, что выбрать то же место, которое ранее использовал другой, - деликатный комплимент. Иногда вместо отверстия используется круговая траншея, но способ ее использования точно такой же.

На иллюстрации № 4 на той же странице изображена пара благовоспитанных джентльменов - женатый мужчина и "мальчик" - наслаждающихся трубкой в прохладе вечера. Мужчина сделал свою очередь и передал трубку своему товарищу, который вдыхает дым, пока сам занимается вышеупомянутой трубкой. Желая внести некоторое разнообразие в это занятие, он нарисовал фигуру крааля и как раз собирается сформировать одну из хижин. Вскоре мальчик вернет трубку обратно, обменяет ее на трубу и приступит к изготовлению крааля, который будет закончен к тому времени, когда закончится труба.

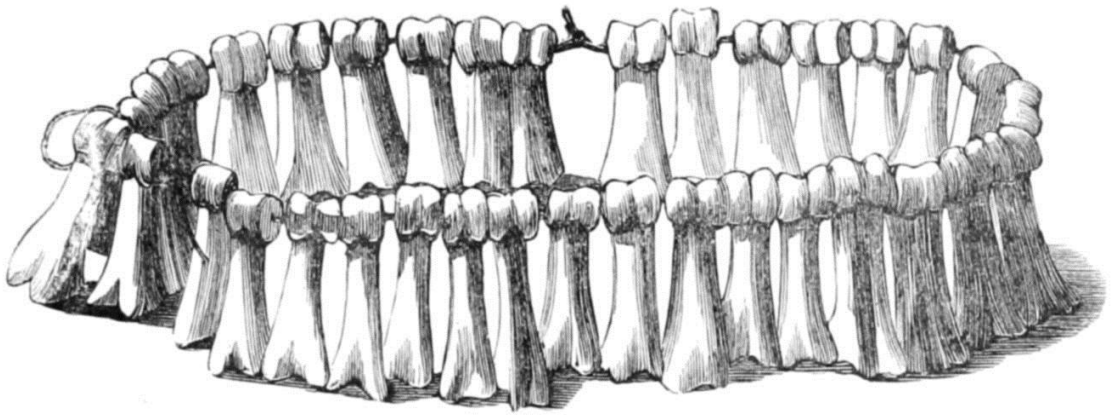
Майор Росс Кинг описывает эту любопытную процедуру в очень забавной манере. "Оставив последнюю порцию дыма во рту, который он наполняет отваром коры и воды из калабаша, он выплескивает его на землю рядом с собой через длинную украшенную трубку, исполняя при этом, с помощью отведенной порции жидкости, что-то вроде свистка боцмана, самодовольно наблюдая за мыльными пузырями, которые являются совместным творением его и соседа".

"В этот раз, обнаружив группу, укрытую одеялом, сидящую отдельно в кругу и курящую вышеописанную дагу, я по их приглашению присел на корточки, скрестив ноги в кольце, и, получив в свою очередь грубую трубку из коровьего рога, потянул из ее вместительной пасти, жестоко кашляя от удушливого дыма, Как, впрочем, и все они в большей или меньшей степени, и, попробовав отвратительный отвар коры, который подавался в калабаше, взял вежливо предложенную плевательницу моего соседа, не справившись, однако, с ортодоксальным свистом, к беспредельному восторгу финго, чей искренний, звонкий смех был весьма заразителен."

Табак выращивают несколько племен, населяющих юг Африки, и готовят его почти тем же способом, что и в других частях света: листья собирают, "вымачивают" и, наконец, сушат. Тем не менее, они ценят табак, который получают от европейцев, и предпочитают его тому, который производят сами.

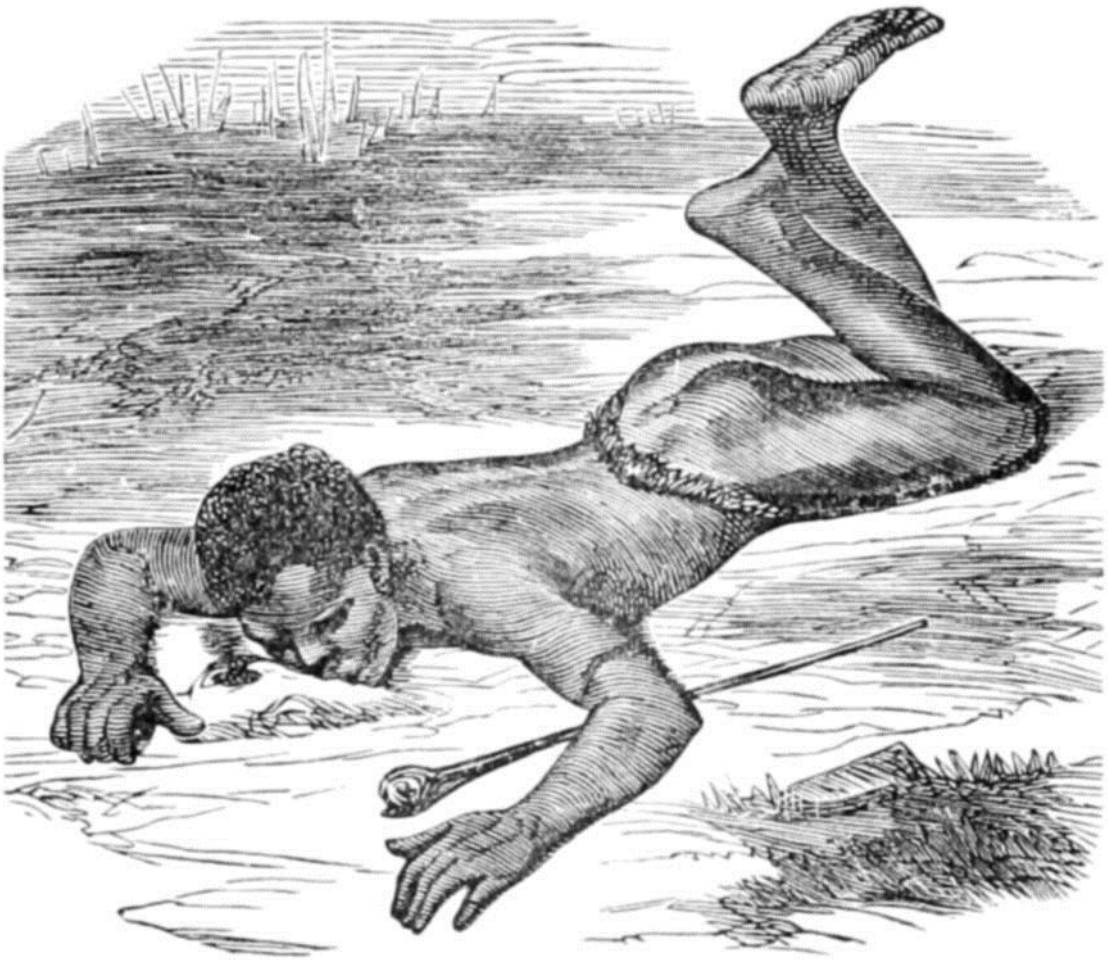
Некоторые каффиры очень успешно выращивают табак и считают, что хороший урожай - это очень ценная собственность. Каффир без табака - жалкое существо, и, если бы это было только ради него самого, обладание запасом, которого хватит на весь год, было бы поводом для поздравлений. Но любой табак, который не нужен для использования самим кафиром или его домочадцами, для его владельца равноценен деньгам, ведь мало найдется вещей, которые кафир любит и на которые не может купить табак. Если он увидит набор бус, который ему особенно понравится, а владелец окажется беднее его, он может купить это украшение, пожертвовав немного из своего ароматного запаса. Кроме того, он может завоевать

уважение "мальчиков", которые редко обладают каким-либо имуществом, кроме щита и копья, и, разумно даря табак, часто может сделать их своими последователями, что является первым шагом к вождю. Обычно каффир собирает урожай с каждого сада в один пучок, иногда весом в пятьдесят или шестьдесят фунтов, и тщательно обматывает его тростником, примерно так же, как морской табак зашивают в холст. Он обязательно помещает эти свертки на видном месте в доме, чтобы вызвать зависть и восхищение своих товарищей.

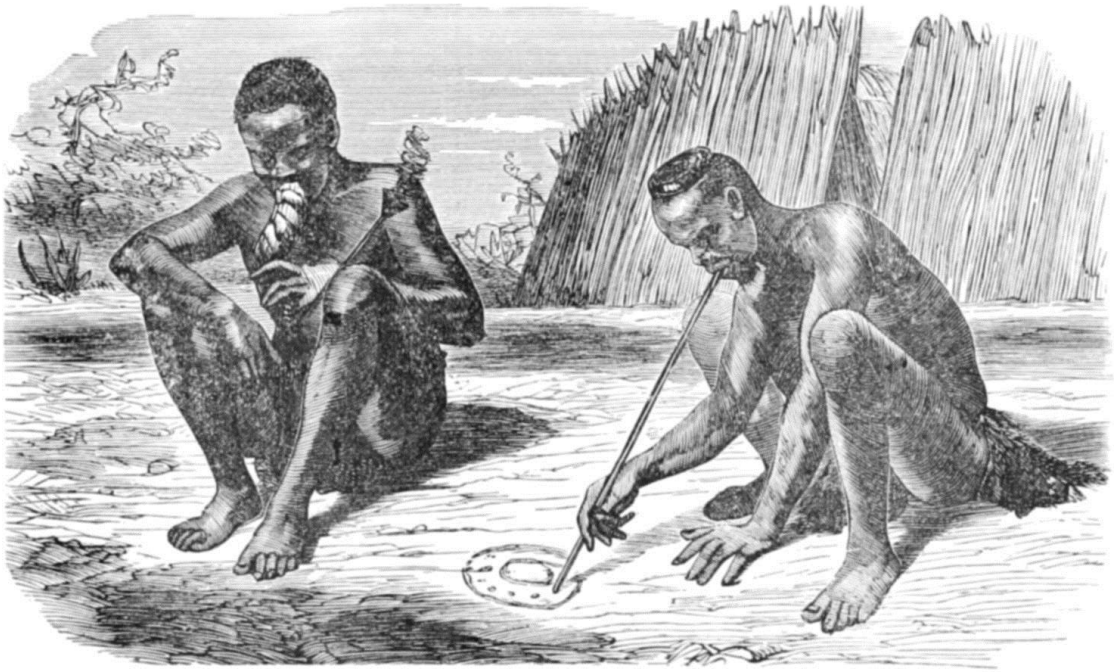


(1.) ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ КОСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПАЛЬЦЕВ.
(См. стр. 198.)

(2.) ТАБАКЕРКА.
(См. с. 163.)



(3.) ТРУБКА БЕДНЯКА.
(См. с. 166.)



(4.) КАФФИРСКИЕ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ КУРЯТ.
(См. с. 166.)

ГЛАВА XVII.
РЕЛИГИЯ И СУЕВЕРИЯ.

НЕСОВЕРШЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ СИСТЕМА КАФФИРОВ - ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ТВОРЦЕ - КАК СМЕРТЬ ПРИШЛА В МИР - ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ - ВЕРА В БЕССМЕРТИЕ ДУШИ - ДУХИ УМЕРШИХ, И ИХ ВЛИЯНИЕ - ВИДЕНИЕ ТЧАКИ - КАФФИРСКИЙ ГОСПОДИН И ЕГО ИСТОРИЯ - ПОИСКИ ОТСТАЛЫХ ДУХОВ - ПРЕДЕЛЫ ИХ ВЛАСТИ - ЖИВОТНЫЕ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ПРИНОШЕНИЯ В ЖЕРТВУ - ВРЕМЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ - РАЗНЫЕ ОМУТЫ, И СПОСОБЫ ОТВРАЩЕНИЯ ОТ НЕГО - ПОЧЕМУ ПРИНОСЯТСЯ ЖЕРТВЫ - ИСТОРИЯ ПРИНОШЕНИЯ ЖЕРТВЫ, И ЕГО ОБЪЕКТЫ - ПРАЗДНИК ПЕРВЫХ ПЛОДОВ - ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ БЫКА И СТРАННЫЕ ЦЕРЕМОНИИ, СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ЕГО - КАФИРСКИЕ ПРОРОКИ И ИХ ДОЛЖНОСТИ - НАСЛЕДСТВЕННАЯ ПЕРЕДАЧА ПРОРОЧЕСТВА - ПРОГРЕСС ПРОРОКА - ПЕРЕМЕНЫ - ИНТЕРВЬЮ СО СТАРЫМ ПРОРОКОМ - ИСПЫТАТЕЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ПРОРОЧЕСТВА - ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОРОКА В СЕМЬЮ - ШКОЛА ПРОРОКОВ - ПОИСК ДУХОВ - ВЕЛИКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ И ПРИНЯТИЕ В ОБЩЕСТВО ПРОРОКОВ - ЖЕЗЛ ДОЛЖНОСТИ - ОДЕЖДА ПРОРОКА.

Нелегко сказать, есть ли у кафира вообще религия в нашем понимании этого слова. Суеверия глубоко проникли в его сознание, и всю свою жизнь он проводит в страхе перед колдовством и злыми духами. Но религия, которая несет в себе какое-либо чувство моральной ответственности, кажется непостижимой для обычного кафира, и даже его логичный от природы ум склоняет его к практическому атеизму. Насколько известно, у каффирских племен есть некая традиция относительно Творца, которого они называют сложным словом, которое можно перевести как Великий-Господин, и которому они приписывают первородство всех вещей. Но, безусловно, они не воздают ему никакого поклонения, не возносят ему никаких молитв и не имеют представления о том, что несут перед ним личную ответственность за свои поступки. Более того, многие племена не обладают даже этим несовершенным знанием; и даже в тех случаях, когда оно существует, его происхождение весьма неопределенно, и невозможно установить, не является ли традиция искаженным воспоминанием о наставлениях, полученных от какого-нибудь европейца. Так, например, было среди кафиров, и вполне вероятно, что знания о Творце действительно происходят из европейских источников. В любом случае, такое знание отнюдь не является всеобщим и оказывает столь незначительное влияние на людей, что едва ли заслуживает упоминания.

Есть, правда, одна или две легендарные истории о Великом-Греке, связанные с созданием человека и продолжительностью человеческой жизни. Предполагается, что человек был создан путем расщепления тростника, от которого произошли первые родители человеческой расы. Эта легенда, вероятно, связана с двойным значением слов, обозначающих "происхождение" и "создание", которые также означают "тростник" и "расщепление". Другая форма предания лишает Великого Великого всякого творения и делает его одним из двух, вышедших из расколотого тростника, так что он скорее великий предок человеческого рода, чем его создатель.

Очень любопытно предание о том, как смерть постигла человеческую расу, рассказанное миссионерам одним туземцем, обращенным в христианство.

Когда человечество увеличилось на земле, Великий Великий посоветовался сам с собой и послал к ним двух вестников: одного - дарителя жизни, другого - вестника смерти. Первым

вестником был хамелеон, которому было приказано пойти и произнести провозглашение: "Да не умрут люди!". Хамелеон отправился в путь, но задержался в дороге, изредка останавливаясь, чтобы поесть, и неспешно шагая, а не бегая. Вторым посланником была саламандра, которой было велено провозгласить: "Пусть люди умрут!". Но последняя была более послушна и бежала весь путь, пока не достигла человеческого жилья, где и провозгласила свою весть о смерти. Вскоре после этого прибыл хамелеон и передал свое послание, когда саламандра побила его и прогнала прочь, как не выполнившего свой долг перед хозяином. Тогда люди стали сетовать, что получили весть о смерти раньше, чем о жизни, и с тех пор люди находятся во власти смерти. Как следствие, оба животных вызывают отвращение у кафиров, которые убивают хамелеона, когда находят его, потому что он задержался в пути и лишил их дара бессмертия. И они так же непременно убивают саламандру, потому что, получив столь страшное послание, она поспешила в путь, опередив хамелеона в его послании жизни. Существует множество вариаций этой истории, но в основных своих положениях она бытует во многих районах Южной Африки.

Хотя представления кафиров о Творце столь расплывчаты и неопределенны, они, во всяком случае, очень твердо верят в существование души и ее бессмертие после смерти. Однажды Чака использовал эту веру весьма изобретательным образом. Люди изрядно устали от войны, и им требовалось какое-то побуждение, чтобы заставить их принять приказ о сражении, как раньше. Тогда Чака увидел Умбию, известного вождя, служившего еще при его отце, который явился к Чаке и сказал, что его отец сердится на племя зулусов, потому что они стали ленивыми и не идут воевать против оставшихся непокоренных племен. Эта лень зулусов, все еще населявших землю, была неприятна духам умерших, которым было бы очень комфортно под землей с большим количеством жен и скота, как только они увидели бы свое племя в верховной власти над всей землей, от Драакенсберга до моря.

В честь этого посланца теней Чака приказал забить во всех своих военных краалях большое количество скота, устроил роскошные пиры и возвел потомков Умбии в ранг индунов. Разумеется, имя Умбии было на слуху, и в то время, когда волнение достигло своего апогея, один старик внезапно исчез из своей хижины, утащенный, по словам его жены, львом. О случившемся доложили на совете Чаке, но он не обратил на это никакого внимания. По прошествии трех месяцев, когда мгновенное волнение улеглось, старик вновь предстал перед Тчакой с сорванным головным кольцом и в дикой и фантастической одежде.

Он сказал, что лев утащил его в свое логово, как вдруг земля разверзлась и поглотила их обоих. Лев сопровождал его, не причиняя ему никакого вреда, и привел его в место, где была красная земля. Она тоже провалилась, и он упал в другую пропасть, где лежал, оглушенный падением. Придя в себя, он оказался в приятной стране и обнаружил, что она населена духами умерших зулусов, которых он знал при жизни. Там был Сензангакона, отец Тчаки, со своими советниками, вождями, воинами, женами и скотом. Там был и Умбия, который очень веселился. С тех пор как он ушел в тень, он стал отличным врачом и привык прогуливаться по ночам, вместо того чтобы тихо сидеть дома с семьей. Никто, похоже, не знал, куда он делся, но он рассказал рассказчику, что часто возвращается на Землю, чтобы повидаться с друзьями и родственниками. В течение трех месяцев рассказчика держали в тени внизу, а затем велели вернуться к своему племени и рассказать о том, что он видел.

Чака сделал вид, что не верит рассказу, и публично отнесся к человеку с презрением, объявив его лжецом и послав за пророками, которые должны были "понюхать" его и узнать, правду ли он сказал. Провидцы прибыли, совершили свои заклинания, "понюхали" человека и заявили, что он сказал правду, что его действительно посетили духи умерших и что он был схвачен львом, потому что люди не поверили видению, явившемуся Чаке. Нет нужды

говорить о том, что все это было заранее подстроено этим хитрым вождем для осуществления его честолюбивых замыслов.

Как ни безгранично в одном отношении их почитание духов предков, они приписывают этим духам весьма ограниченный круг полномочий. Каффир испытывает глубочайшее уважение к духам своих предков или предков своего вождя, но не обращает ни малейшего внимания на тех, кто принадлежит к другим семьям. Предполагается, что дух умершего каффира не имеет никакой симпатии, кроме как к родственникам и ближайшим потомкам.

Уже упоминалось, что после смерти каффира его дух, как считается, обитает в тени внизу и способен влиять на оставшихся в живых членов его семьи, как во благо, так и во зло. Он любит, когда скот приносят в жертву его имени, потому что в этом случае он добавляет духи мертвого скота в свое стадо внизу, а его друзья наверху едят плоть, так что обе стороны остаются довольны. Иногда, если он считает, что им пренебрегают, он выказывает свое недовольство, поражая их различными болезнями, от которых они редко ожидают выздоровления без жертвоприношения скота. Если болезнь сравнительно пустяковая, достаточно принести в жертву козу; если же болезнь серьезная, то требуется только бык, а в некоторых случаях и несколько быков, прежде чем обиженные духи утихнут. Овцы, кажется, никогда не используются для этой цели.

Если читатель обратится к странице 78, он увидит, что жертвоприношение скота в случае болезни является частью обязанностей опекуна по отношению к молодой девушке, и что, если ее временный опекун должен был соблюдать этот обычай, ее родственники, если они обнаружатся, обязаны вернуть этот скот.

О том, что духам умерших разрешается покидать свой теневой дом внизу и навещать своих друзей, уже говорилось. В некоторых случаях, как в случае с Умбией, предполагается, что они явятся в своем собственном облике. Но обычно они принимают облик какого-нибудь животного, которое не имеет привычки входить в человеческие жилища, и таким образом появляются под заимствованной формой. Предполагается, что форма змеи или ящерицы является излюбленным знаком, под которым дух скрывает свою личность, и человеку, в чей дом он попадает, остается лишь проявить изобретательность, чтобы угадать конкретного духа, который может быть заключен в странном животном. Чтобы точно определить характер посетителя, он осторожно кладет палку ему на спину, и если тот не выказывает никаких признаков гнева, он совершенно уверен, что ему благоволит присутствие одного из его умерших предков. Мало кто из кафиров, сделав такое открытие, сразу же не принесет жертву, поскольку в их сознании преобладает мысль, что предок не взял бы на себя труд явиться на землю, разве что для того, чтобы предупредить, что, если к нему не будут относиться с большим уважением, последует какое-то зло. Вследствие этого убеждения большинство кафиров с большой неприязнью относятся к убийству змей и ящериц, не зная, не поступают ли они грубо по отношению к какому-нибудь умершему предку, который отомстит им за неуважение.

Если в хижину зайдет корова или теленок, каффир не обратит на это никакого внимания, поскольку эти животные имеют привычку заходить в человеческие жилища; но если это сделает овца, он сразу же решит, что она навеяна тенью одного из его предков. То же самое можно сказать и о диком животном любого вида, если только это не хищный зверь, который, возможно, забрался в хижину в поисках пищи. Аналогичное исключение можно сделать в отношении антилоп и других животных, на которых охотились, и они бросались в крааль или забирались в хижину в качестве убежища от своих врагов.

Жертвоприношения часто совершаются не только для устранения существующего зла, но и для предотвращения надвигающейся опасности. Например, в бою солдат, обнаруживший, что враг одерживает верх, дает клятву своим предкам, что если он благополучно выйдет из боя, то принесет им жертву, и эта клятва всегда выполняется. Даже если солдат будет "мальчиком", у которого нет скота, его отец или ближайший родственник будет считать себя обязанным исполнить клятву. Время от времени, если он обнаруживает, что опасность не так велика, как предполагалось, он идет на компромисс, принося в жертву козу. Если не принести какую-то жертву, месть оскорбленных духов будет ужасной, и ни один каффир не захочет идти на такой риск.

Жертвоприношения также совершаются для получения определенных услуг. Например, как уже говорилось, когда армия отправляется в поход, духам приносятся жертвы, и аналогичный обряд совершается, когда строится новый крааль или закладывается новое поле. Родственники дома приносят жертвы за своих отсутствующих друзей; а когда вождь находится вдали от дома, командуя военной экспедицией, жертвы за его благополучие совершаются почти ежедневно. Жертвоприношения или благодарственные жертвы также должны приноситься, когда духи были благосклонны; и если армия одерживает победу или вождь возвращается здоровым, считается правильным добавить еще одну жертву к первой, в знак признания того, что предыдущие жертвы не были напрасными.

Каффир обычно резервирует самого крупного и лучшего быка в своем стаде для жертвоприношения при очень важных обстоятельствах, и это животное, которое носит имя "Бык духов", никогда не продается, кроме как в случае крайней необходимости. Мистер Шутер, который уделяет большое внимание нравственной культуре племен каффиров, с большой долей правды замечает, что в представлении каффиров жертвоприношение - это просто подношение пищи духу. По той же причине, когда торжественно приносят в жертву быка, присутствующий при этом пророк призывает духов прийти и поесть, а также подбадривает их, ставя корзины с пивом и сосуды с нюхательным табаком рядом с зарезанным животным. Действительно, когда человек очень беден и у него нет скота для жертвоприношения, он довольствуется этими последними жертвоприношениями.

Рассказ об одном из таких жертвоприношений был переведен мистером Гроутом со слов местного жителя. Упомянув о множестве предварительных обрядов, он продолжает: "Выходит один человек, и когда он выходит за пределы крааля, все, кто находится в своих домах, молчат, а он обходит крааль, внешнюю ограду крааля, и говорит: "Честь тебе, господин!" (inkosi.) Вознося молитвы к теням, он продолжает: "Благословение, пусть придет благословение, поскольку ты действительно потребовал свою корову; пусть болезнь уйдет полностью. Так мы предлагаем твое животное".

"А мы со своей стороны говорим: "Пусть больной выйдет, выйдет, не будет больше болеть, и зарежь тогда свое животное, раз мы теперь согласились, чтобы он взял его для своего пользования. Слава тебе, господин; хорошая весть; пойдем же, посмотрим, как он будет ходить, как другие люди". Итак, мы дали вам то, что вы хотите; давайте же посмотрим, было ли это предписано для того, чтобы он выздоровел, и чтобы болезнь прошла".

"И вот, выйдя, с копьем в руке, он входит в скотный двор, подходит и закалывает его. Корова плачет, говорит: "Да!", на что он отвечает: "Животное, предназначенное для богов, должно проявлять признаки страдания"; тогда все в порядке, именно то, что ты требовал. Затем они снимают с него шкуру, едят, доедают". Иногда желчь съедается жертвователем, а иногда ею натирают тело.

Другой вид жертвоприношения - тот, который совершает главный человек крааля или даже сам король примерно в первых числах января, когда стручки маиса зеленеют и пригодны для еды. Ни один каффир не решится есть продукты нового года до окончания фестиваля, который можно назвать Праздником первых плодов. Праздник длится несколько дней, и, чтобы отпраздновать его, собирается вся армия, а также молодые новобранцы, которым еще не доверили щиты. Пророки также собираются в большом количестве, их дело - придумать определенные способы приготовления пищи, которые сделают тело потребителя сильным в течение всего года. На этом празднике также официально освобождаются от службы воины-ветераны, заслужившие увольнение, а новобранцы призываются в ряды.

Первое дело - жертвоприношение быка. Для этого воинам дают быка, которые обязаны поймать его и задушить голыми руками. Им не дают даже веревки, чтобы связать животное, и естественным следствием этого является то, что бедное животное подвергается немалым пыткам, а воины подвергаются значительной опасности для своей жизни. Когда бык мертв, главный пророк вскрывает его и извлекает желчь, которую смешивает с другими лекарствами и дает королю и его советникам. Приготовленная таким образом доза всегда представляет собой неаппетитную смесь, какую только можно себе представить, но каффирское нёбо не очень чувствительно и мало страдает от ее воздействия. Затем тело быка передается "мальчикам", которые съедают столько, сколько могут, а остатки вынуждены сжигать. Как правило, сжигать приходится очень мало. Мужчины не едят плоть этого животного, но пируют от души на другом скоте, который забивают обычным способом. Теперь начинаются танцы, пьянство и употребление нюхательного табака, которые продолжаются в полную силу в течение нескольких дней, пока даже энергия кафиров не перестает действовать.

Затем наступает очередь короля. Подданные образуют огромное кольцо, в которое король, одетый во все свое танцевальное одеяние, входит с поклоном, под приветственные крики народа. Он пускается в один из неистовых танцев, которые так любят кафиры, высоко взмывая в воздух, размахивая своей служебной палкой и распевая песни в свою честь, пока не перестает танцевать и петь. Как правило, этот танец длится недолго, так как король почти всегда толстый и громоздкий человек, и не может выдержать длительных нагрузок. Теперь происходит кульминационный момент праздника. Король встает посреди своего народа - Динган всегда стоял на небольшом земляном кургане - берет в руки молодой и зеленый калабаш и бросает его на землю, чтобы разбить на куски; этим актом он объявляет, что сбор урожая начался, и народ может свободно есть плоды нового года. Очень похожая церемония происходит в племенах американских индейцев, следствием чего часто бывает то, что люди злоупотребляют вновь полученным разрешением и за несколько дней съедают весь маис, который должен был служить им в течение холодных месяцев зимы.

Каффир сильно верит в приметы, хотя, возможно, не сильнее, чем аналогичное легковерие в некоторых частях нашей страны. Он всегда начеку, и у него такой же острый глаз на предзнаменования и их значение, как у древнего авгура. Все, что происходит вне обычного хода событий, является предзнаменованием, либо добрым, либо злым, и природная конституция каффирского ума всегда склоняет его к последнему. Как и в древние времена, современный каффир находит большинство своих предзнаменований в действиях животных. Одно из худших предзнаменований - блеяние овцы во время ее забоя. Несколько лет назад такое предзнаменование произошло в краале, принадлежащем одному из "индунов", или советников Панды. Немедленно был вызван пророк и принесено множество жертв, чтобы отвратить дурное предзнаменование. Сам Панда был настолько встревожен, что добавил к жертвоприношениям быка, а после пришел к выводу, что человек, чей крааль посетило такое

несчастье, не может быть пригоден для жизни. Он послал отряд солдат, чтобы убить индуну, но тот, зная характер своего вождя, вовремя забил тревогу и сбежал на британскую территорию в Натале.

Если на хижину запрыгнет коза, об этом никто не подумает, но если это сделает собака или овца, это будет предзнаменованием. Примечательно, что среди североамериканских племен крыши домов являются обычным местом отдыха собак, которые кишат в каждой деревне. Если корова съест зерно, рассыпанное по земле, это не будет предзнаменованием; но если она отодвинет крышку сосуда с зерном и съест его содержимое, этот поступок будет считаться зловещим.

Раз или два упоминались пророки, которых иногда, но ошибочно, называют знахарями. Эти люди играют самую важную роль в религиозной системе каффирских племен; и хотя их обязанности несколько различаются в деталях в зависимости от местности, к которой они принадлежат, их общие характеристики одинаковы по всей стране. Их главные обязанности - общение с духами усопших и выяснение их желаний, выявление виновных в преступлениях, отмена колдовских заклинаний и, наконец, самое важное - вызывание дождя.

(1.) ШКОЛА ПРОРОКА.
(См. с. 175, 176.)

(2.) ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОРОКА.
(См. с. 175.)

Должность пророка не может занять любой человек, который стремится к такому почетному званию, она обставлена множеством обрядов и церемоний. Во-первых, не каждый человек имеет право даже стать кандидатом на этот пост, который отчасти является наследственным. Пророк должен происходить от пророка, хотя и не обязательно быть сыном пророка. Действительно, как правило, сыновья пророков не достигают должности, которую занимали их отцы: сверхъестественный афлатус обычно переходит через одно поколение, а иногда и через два. Далее, к должности пророка ведется очень долгая и трудная подготовка, и кандидат, если он успешно проходит ее, торжественно принимается в орден советом провидцев, который собирается для этой цели.

Когда дух пророчества впервые проявляется в кафире, он начинает терять всякий интерес к событиям повседневной жизни. Он становится подавленным, предпочитает одиночество компании, часто падает в обморок и, что самое удивительное, теряет аппетит. Его посещают сны необычного характера, в основном связанные со змеями, львами, гиенами, леопардами и другими дикими зверями. День ото дня он становится все более одержимым, пока возмущения духа не проявляются открыто. На этой стадии своего послушничества будущий пророк произносит страшные крики, прыгает то туда, то сюда с поразительной энергией и носится на полной скорости, постоянно прыгая и крича. В таком возбужденном состоянии он бросается в кусты, ловит змей (к которым обычный каффир не прикоснется), обвязывает их вокруг шеи, смело бросается в воду и совершает всевозможные безумные подвиги.

Этот ранний этап жизни пророка кафиры называют *Тваса* - слово, означающее смену старой луны новой и смену зимы весной в начале года. Предполагается, что во время прохождения этого этапа глава дома должен испытывать гордость за то, что в его семье появился пророк, и приносить жертвы за успех новичка. Когда предварительный этап завершен, будущий пророк отправляется к какому-нибудь старому и уважаемому провидцу, дает ему козу в качестве платы и остается под его началом до тех пор, пока не пройдет необходимый курс обучения. Затем он принимает одежду и характер пророка, и если ему удастся добиться успеха на этом посту, то он достигнет безграничной власти в своем племени. Но если его первые попытки не увенчаются успехом, он будет повсеместно осужден как тот, кого духи усопших считают недостойным их доверия.

Мистер Шутер очень наглядно рассказывает о подготовке пророка, который был отцом одного из его собственных слуг. Читатель не преминет заметить, что этот человек по рождению имел право занять пост пророка.

"Некоторые из особенностей могут быть присущи его племени, а некоторые объясняются капризом человека. У одного женатого мужчины (чья мать была дочерью пророка) в юности проявились симптомы вдохновения, но его отец, не желая забивать свой скот, как того требовал обычай, нанял провидца с хорошей репутацией, чтобы остановить растущую "перемену". Однако отстранение не было постоянным, и когда юноша стал мужчиной, вдохновение вернулось. Он признался, что ему постоянно снятся львы, леопарды, слоны, удавы и всевозможные дикие звери; ему снилась страна зулусов, и (что самое странное) он страстно желал в нее вернуться.

"Через некоторое время он сильно заболел; его жены, думая, что он умирает, облили его холодной водой, а вождь, чьим *индуной* он был, послал гонца к пророку. Тот заявил, что этот человек становится вдохновенным, и велел вождю принести в жертву быка. Это было неприятно, но тот человек не посмел отказаться, и животное было отправлено; однако он ухитрился отложить жертвоприношение и благоразумно распорядился, чтобы, если пациент умрет в это время, бык был возвращен. Начав восстанавливать силы, наш растущий пророк плакал и бредил, как в бреду, не позволяя никому войти в свою хижину, кроме двух своих младших детей - девочки и мальчика. Многие из племени приходили к нему, но он не позволял им приблизиться к себе и нетерпеливо отгонял их. Через несколько дней он выскочил из хижины, прорвал ограду, побежал по траве, как маньяк, и исчез в кустах. Двое детей отправились за ним, и в конце концов мальчик (его сестра устала) обнаружил его на берегу моря. Не успел ребенок подойти, как настоящий или пораженный безумец снова исчез, и его больше не видели два или три дня. Затем он вернулся домой, представляя собой странное и жуткое зрелище: болезнь и голодание превратили его почти в скелет; глаза сверкали и выделялись на исхудавшем лице; кольцо было сорвано с головы, которую он покрыл длинной лохматой травой, а в довершение ужасной картины на шее у него обвилась живая змея. Войдя в крааль, где его жены были в слезах, а все обитатели - в печали, он приветствовал их диким воем следующего содержания: "Люди называют меня сумасшедшим, я знаю, что они говорят, что я сумасшедший; это ничто; духи влияют на меня - духи Майоло, Унхлову и моего отца". (См. иллюстрации на стр. 173.)

"После этого начался своеобразный танец, в котором он пел или напевал: "Я думал, что сплю, пока спал, но, к моему удивлению, я не спал". Женщины (предварительно проинструктированные) вступали в пронзительный хор, рассказывая о его отъезде из дома, посещении моря и скитаниях от реки к реке; мужчины же исполняли свою роль, напевая два-три ничего не значащих слога. Танец и сопровождающие его песнопения повторялись

несколько раз, причем главный актер вел себя в соответствии со своим прежним поведением.

"Его сны продолжались, и людям сказали, что он видел удава-констриктора в видении и может указать место, где его можно найти. Они пошли с ним; когда он указал место, они стали копать и обнаружили двух рептилий. Он попытался схватить одну из них, но люди удержали его, и его сын ударил животное с достаточной силой, чтобы обездвижить, но не убить его. После этого ему разрешили взять змею, которую он надел себе на шею, и компания вернулась домой. Впоследствии, когда ему (как он утверждал) приснился леопард, люди сопровождали его и нашли его. Зверь был убит, и его с триумфом отнесли в крааль.

"Когда наш растущий пророк вернулся домой после своего отсутствия на море, он начал резать свой скот, согласно обычаю, и продолжал делать это через определенные промежутки времени, пока весь не был съеден. Некоторые из них были принесены в жертву. Как правило, когда в краале есть говядина, соседи собираются, чтобы съесть ее; но когда эмбрион-сир забивает свой скот, те, кто хочет поесть, должны предварительно дать ему что-нибудь. Однако если бы вождь дал ему корову, люди племени могли бы идти. В данном случае вождь этого не сделал, и посетители были вынуждены покупать себе развлечение: один человек давал нож, другой - шиллинг. Один из тех, кто не смог или не захотел заплатить, осмелился явиться с пустыми руками, наш неофит был крайне разгневан и, схватив палку, сделал незваному гостю многозначительный намек, который тот не замедлил понять. Во время потравы скота неофит снова исчез на два дня. Когда все закончилось, он отправился к пророку, у которого прожил две луны - его дети приносили ему еду; а после, чтобы получить дальнейшие наставления, посетил другого провидца. После этого он был признан годным к практике".

Читатель может вспомнить, что начинающий пророк время от времени бросается в воду. Он выбирает самый чистый и глубокий водоем, который может найти, и цель - проверить, откроются ли ему духи на дне воды, хотя на суше они бы этого не сделали. В приведенной выше истории о подготовке пророка рассказчик не затрагивает пространство, которое проходит между послушничеством и принятием в пророческий орден. Это упущение можно восполнить рассказом, который дал мистеру Гроуту один из местных жителей, твердо веривший в сверхъестественные способности пророков.

Состояние "изменения" длится долго, и обычно заканчивается в начале нового года. Затем он натирается белой глиной, обвешивается живыми змеями и отправляется на совет провидцев. Они отводят его к воде - к морю, если они находятся в пределах досягаемости от берега, - бросают его в воду и оставляют там. Он снова уходит в уединение, а когда возвращается, его сопровождают люди из его крааля, приводя волов и коз для жертвоприношения. Он не приносит в жертву овец, потому что они молчат, когда их убивают, в то время как бык топает, а коза блеет, и необходимо, чтобы любое животное, зарезанное в качестве жертвы, кричало.

По мере того как они последовательно приносятся в жертву, он вынимает мочевые пузыри и желчные мешки, надувает их воздухом и вешает на свое тело, как спутников змей, которые уже на нем. "Он входит в водоемы, изобилующие змеями и аллигаторами. И вот, если он поймает змею, он имеет власть над ней; или если он поймает леопарда, он имеет власть над леопардом; или если он поймает смертельно ядовитую змею, он имеет власть над самой ядовитой змеей. И таким образом он получает свои степени: степень леопарда, чтобы ловить леопардов, и степень змеи, чтобы ловить змей". Только завершив эти приготовления, он

начинает заниматься своей профессией и требовать плату с тех, кто приходит к нему за советом.

В моем распоряжении есть фотография, на которой изображены зулусский пророк и его жена. Она особенно ценна тем, что показывает необычный контраст в росте между двумя полами: муж и жена - настолько маленькая последняя - едва ли могут принадлежать к одной расе человечества. Это, действительно, характерно для всех племен кафиров. Каффирский пророк всегда носит с собой служебный жезл - обычно это коровий хвост, прикрепленный к деревянной ручке, а в другой руке он держит миниатюрный щит и ассагай.

СТАРЫЕ ПРОРОКИ.
(См. стр. 176.)

На гравюре напротив изображены два пророка, одетые в костюмы, соответствующие их профессии. Оба они были знаменитыми людьми и достигли преклонного возраста, когда были сделаны их портреты. Один из них был особо отмечен своим умением вызывать дождь, а другой прославился своими познаниями в медицине и свойствах трав. Каждый из них одет в одежду, соответствующую тому делу, которым он занимается. Хотя один и тот же человек обычно является и заклинателем дождя, и колдуном, и некромантом, и лекарем, он не носит один и тот же костюм во всех случаях, а предпочитает официальную одежду, соответствующую его ведомству, и во многих случаях изменения настолько велики, что человека едва ли можно узнать. В одном случае он одет в обычный каффирский килт, в волосах у него несколько надутых желчных пузырей, а на плечи намотана змеиная шкура. В другом случае он натирает лицо и тело белой землей, покрывает голову таким количеством амулетов, что под ними едва видно лицо, обвешивает конечности хвостами коров, длинными косичками коз, шкурами птиц и другими дикими украшениями, а при каждом движении издает непрекращающийся лязг множества маленьких черепаховых раковин, нанизанных на кожаные ремешки. Его движения меняются вместе с одеждой, и человек, который, вызывая дождь, вкладывает в каждый жест торжественное и благоговейное изящество, при исполнении роли колдуна приходит в неистовое возбуждение, прыгает высоко в воздух, размахивает ногами и руками, как будто они ему не принадлежат, наполняет воздух своими криками и пеной у рта, как будто с ним случился эпилептический припадок. Любопытно, что в то время как в некоторых каффирских племенах человека, подверженного припадкам, избегают и отталкивают, в других считается, что он непосредственно вдохновлен душами ушедших вождей *и* имеет право стать пророком, даже если он не имеет пророческого происхождения. Это тот, кто был специально избран духами и может передавать пророческий сан своим потомкам.

ГЛАВА XVIII.
Религия и суеверия - продолжение.

ОБЯЗАННОСТИ ПРОРОКА - ПРОРОК И ЕГО КЛИЕНТЫ - ВЕРОЯТНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ РАССЛЕДОВАНИЯ - КАФФИРСКОЕ ОБЛЕГЧЕНИЕ В ЧАРАХ - ПАЛОЧКИ-ЧАРЫ И ИХ РАЗЛИЧНЫЕ СВОЙСТВА - ЧАРЫ ХРАБРОСТИ И ГРОМА - ЮЖНОАФРИКАНСКАЯ ГРОЗА - ЛЮБОВЬ, ЛЕВ, И ЧАРЫ УСТАЛОСТИ - КАФФИРСКИЙ ВРАЧ ДЛЯ СКОТА - БОЛЕЗНЬ ВОЖДЯ - ВЫЗОВ ВОЛШЕБНИКА - ЗАПАХ ВОЛШЕБНИКА - УЖАСНАЯ СЦЕНА - БОЛЕЗНЬ КОНЫ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ - ЖЕНЩИНА-ПРОРОК И ЕЕ ДЕЙСТВИЯ - ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА - ОБНАРУЖЕННОЕ САМОЗВАНСТВО - НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ПРОРОЧЕСТВА - ПРОРОЧИЦА НА ДОМУ - ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИН-ПРОРОКОВ - ХИРУРГИЯ И МЕДИЦИНА - ПРИМИТИВНЫЙ СПОСОБ ЧАЕПИТИЯ - ЛЖЕПРОРОК И ЕГО СУДЬБА - НЕОБЫЧНОЕ СУЕВЕРИЕ - КАФФИРСКИЕ ВАМПИРЫ - НОЧНОЙ КРИК - ДОБЫЧА УЛИК.

Цель, ради которой обычно обращаются к каффирскому пророку, - разоблачение колдовства. Читатель должен понимать, что вера в колдовство распространена по всей Африке, и ни в одной части этого континента она не так сильна, как в Каффирленде. Едва ли

найдется болезнь, которая может постигнуть человечество, если не верить, что она вызвана колдовством, и, следовательно, пророк должен найти автора зла. Самое безобидное открытие, которое он может сделать, заключается в том, что чары были наложены не отдельным человеком, а обиженными духами. Например, считается, что все болезни вызываются духами умерших, либо потому, что они обижены на страдальца, либо потому, что над ними поработал какой-то некромант.

Мистер Шутер так хорошо описал ход действий в подобном случае, что необходимо привести его собственные слова: "Когда люди обращаются к пророку, он говорит

"Когда люди обращаются к пророку, они не говорят ему, по какому вопросу они хотят получить просвещение. Предполагается, что он знаком с их мыслями, и они просто сообщают, что хотят получить пользу от его знаний. Вероятно, он "возьмет время на обдумывание" и не станет отвечать сразу. Двое молодых людей, посетивших его из-за болезни брата, нашли пророка сидящим на корточках возле его хижины и приветствовали его. Затем он пригласил их сесть, а сам, выйдя за пределы крааля, сел на корточки у ворот, чтобы принять нюхательный табак и поразмышлять. Покончив с этим, он посылает мальчика позвать гостей к себе, и те немедленно присоединяются к нему и садятся на корточки.

Пророк просит "ассагай" - образное выражение, обозначающее его плату, а просители отвечают, что сейчас им нечего дать; через некоторое время они найдут, чем заплатить ему. Нет, - отвечает пророк, не желая отдавать долг, - вы хотите обмануть меня - сейчас все пытаются это сделать. Почему бы вам не дать мне два шиллинга? Ему предлагают маленький ассагай, но он не удовлетворяется этим оружием и, указывая на больший, говорит: "*Это* мой". Человек, принесший его, оправдывается, говоря, что оно ему не принадлежит; но пророк настаивает, и его отдают. Не имея надежды вымогать большую плату, пророк говорит: "Бейте и слушайте, люди мои". Каждый из просителей щелкает пальцами и отвечает: "Я слышу". Иногда, а может быть, и чаще всего, для избиения используются палки, которыми бьют по земле. Теперь пророк притворяется, что ему явилось видение, сначала нечеткое, но со временем становящееся все более ясным, пока он не увидит то, что произошло на самом деле. Это видение он описывает так, как оно ему представляется. Мы можем представить себе, как он говорит, например: "Корова больна - нет, я вижу человека; человек пострадал". Пока он продолжает в том же духе, просители отвечают на каждое его утверждение ударами, как вначале, и говорят: "Я слышу". Они старательно воздерживаются от того, чтобы сказать, прав он или нет; но когда он приближается к истине, простые существа свидетельствуют о своей радости, бьют и отвечают с еще большей силой.

"Моделируемое видение пророка - это не ряд догадок, в которых он, возможно, натолкнется на истину, а систематическое перечисление частностей, в которых он вряд ли может ее упустить. Так, он может начать с того, что скажет, что то, что желают узнать просители, относится к какому-то животному с шерстью, и, проходя через каждое подразделение этого класса, предложит все, что может относиться к корове, теленку, собаке. Если он не находит никаких указаний на то, что вопрос относится к одному из этих классов, он берет другой, например, людей, и проходит через него таким же образом. Очевидно, что достаточно умный практик может таким образом выяснить у просителей все, что с ними могло случиться, и отправить их прочь с глубоким впечатлением от своих пророческих способностей, особенно если он заранее знает их обстоятельства. Приведенный ниже очерк даст читателю общее представление о манере работы пророка. Приведем лишь несколько деталей, достаточных для иллюстрации

"Внимай и слушай, народ мой".

Они щелкают пальцами и говорят: "Я слышу".

"'Attend, my people.'

"Они бьют и говорят: "Я слышу".

"Я не знаю, чего вы хотите; вы хотите знать что-то о животном с шерстью. Корова больна; что с ней? Я вижу рану на ее боку - нет, я ошибаюсь. Корова потерялась; я вижу корову в кустах. Не бейте, люди мои, я не прав. Это собака; собака забралась в хижину.[1] Нет, не в этом дело, теперь я вижу; бейте энергично; дело касается людей. Кто-то болен - мужчина болен, он старик. Нет, я вижу женщину - она уже год как замужем: где она? Я ошибаюсь, я еще не вижу".

[1] Это, как вы помните, одно из дурных предзнаменований, которых боится каффир.

"Возможно, он принимает табак и немного отдыхает.

"Слушайте и внимайте, люди мои. Теперь я вижу; это мальчик - бьется энергично. Он болен. Где он болен? Дай-ка я посмотрю - там" (кладет руку на какую-то часть своего лица). "Нет-нет, бейте и слушайте, мои люди, я теперь вижу. Там!" (указывая на место). "Где он? Не в своем краале; он работает с белым человеком. Как он пострадал? Я вижу, как он идет к кустарнику - он пошел за дровами; кусок дерева падает на него; он ранен; он не может идти. Я вижу воду; зачем она? Они льют ее на него; он падает в обморок, ему очень плохо. Духи сердятся на него - его отец сердится; он хочет говядины. Мальчик получил корову в качестве жалованья; это была черная корова. Нет, я вижу белую. Где белая? Немного сбоку. Дух хочет эту корову; убейте ее, и мальчик выздоровеет".

К счастью, если некромант сделает такое заявление, зрители сцены окажутся счастливы, и любой из них с радостью согласится принести в жертву корову, если будет уверен, что избежит обвинений в колдовстве. Если речь идет о "мальчике" или даже о женатом мужчине не очень высокого ранга или достатка, то, скорее всего, именно таков будет результат расследования: пророк получит свой гонорар, зрители - пир, а больной, возможно, поправится. Но когда болен вождь, есть вероятность, что кого-то обвинят в колдовстве, а если болен король, то обвинение будет несомненным.

В глазах кафира любой может быть ведьмой или волшебником - представители обоих полов в равной степени подвержены обвинению, и в этом вопросе ни один человек не может доверять своему соседу. Муж не верит в свою жену, а отец не доверяет своим детям. Естественным следствием этого является то, что вера в амулеты неразрывно связана с верой в колдовство, и едва ли найдется каффир, который не носит с собой целую серию амулетов, каждый из которых призван предотвратить определенное зло. Чары предоставляются им пророками, а поскольку они никогда не имеют ни малейшей внутренней ценности и за них очень дорого платят, бизнес пророка довольно прибыльный. В качестве амулета может служить все, что угодно: кусочки костей, лоскутки кожи, перья, когти, зубы, корни и кусочки дерева. У кафира на шее часто висит целая вереница таких амулетов, и для европейца суеверный кафирец часто имеет очень смехотворный вид. Один человек, который, похоже, был особенно впечатлителен подобными наблюдениями, украсил свою голову свиной щетиной, уложенной прямо, чтобы торчать со всех сторон, как перья ежа, а на шею нанизал множество амулетов, главными из которых были куски кости, голова змеи, зуб молодого бегемота и *латунная дверная ручка*. Иногда амулеты нанизывают на один шнурок с бусами, иглами, ножами, табакерками и другими украшениями каффирского туалета, но обычно они считаются достойными отдельного шнурка.

Но в основном амулеты изготавливаются из различных кореньев и кусочков дерева, которые вешаются на шею и пощипываются, когда владелец чувствует необходимость в их воздействии. Один из мощных наборов амулетов предназначен для защиты владельца от чувства страха, и пророки очень изобретательно сумели придумать отдельный амулет для каждого вида страха. Например, если кафиру нужно выйти на улицу ночью и он боится встретить призраков, он прибегает к своему призрачному талисману, который слегка обгладывает, а затем смело выходит наперекор теням внизу. Придя концу своего путешествия, он обнаруживает, что не встретил ни одного призрака, и, следовательно, безгранично верит в свой амулет. Если же он отправляется в бой в качестве солдата, то заботится о том, чтобы его вражеский амулет был готов к использованию, и перед самым вступлением в бой откусывает часть дерева, тщательно пережевывает его, а затем выдувает осколки в сторону врага, уверенный, что таким образом он отнимает храбрость у противника и добавляет вычитаемое количество к своей собственной. Единственное опасение, которое тревожит его разум, - это то, что враг делает точно то же самое, и он не может быть полностью уверен, что противостоящее очарование не окажется более сильным, чем его собственное. Пророк скорее способствует, чем препятствует этому чувству, потому что солдат, зная, что, если он отступит, его казнят как труса, настолько хочет обладать двойной долей храбрости, что готов заплатить большую сумму, чтобы получить мощный амулет.

Часто, когда солдат был опозорен, его друзья упрекают пророка за то, что он снабдил его таким бессильным талисманом. Однако он всегда отвечает просто: "Он дал мне козу и мог рассчитывать только на козлиные чары; если ему нужны были бычьи чары, он должен был дать мне корову или хотя бы теленка". Даже если была уплачена соответствующая плата, ответ также готов - человек был волшебником, и духи его предков разгневались на него за то, что он так беспокоил их своими фокусами.

Мало кто из кафиров отважится выйти на улицу в грозовой сезон без громового талисмана, предохраняющего от молнии. Этот предмет выглядит как любой другой амулет, а на самом деле представляет собой не что иное, как небольшой кусочек дерева или корня. Вера кафиров в него безгранична, а из-за ужасной суровости гроз продажа таких амулетов - очень прибыльная часть бизнеса пророка. Не приходится удивляться тому, что каффир прибегает к подобным средствам защиты, ведь он прекрасно знает, что никакое человеческое искусство не в силах противостоять ужасающим бурям этой страны. Даже в нашей стране мы часто становимся свидетелями гроз, которые приводят в трепет самых смелых, а слабоумные представители обоих полов впадают в ужас от грохота грома и ярких вспышек молний. Но самая сильная буря, которую можно было встретить в Англии или Соединенных Штатах, не идет ни в какое сравнение с обычными грозами на юге Африки - грозами, во время которых местный житель, привыкший к ним всю свою жизнь, не может ничего сделать, кроме как прижаться к земле и молча закрыть рот рукой. Что представляет собой африканский шторм, можно представить по следующему рассказу мистера Коула: - "Придя через несколько дней в Африку, мы увидели, что в ней есть и другие места.

"Выйдя через несколько дней из этих ледяных кварталов, я оказался на равнинах района Грааф-Рейнет. Было приятно снова почувствовать тепло, но то, что я приобрел в калориях, я решительно потерял в живописности: бесконечные равнины выжженной травы, без деревьев, без рек, без жилья - вот какие достопримечательности встречали мой взгляд. Как здесь могло существовать хоть что-то из растительного или животного царства, казалось совершенной загадкой. Однако загадка вскоре объяснилась. Я был там во время продолжительной засухи - одной из тех, которым особенно подвержены эти районы. Однажды начали сгущаться тучи, подул ветер, воздух стал гнетуще знойным, и все

свидетельствовало о приближении бури. Мои лошади стали беспокойными и тревожными, а сам я чувствовал себя слабым и изможденным до предела. Мой преследователь выглядел встревоженным, ведь небеса действительно представляли собой страшную картину. Я не могу представить себе ничего более мрачного, чем глубокие, густые, черные, непроницаемые массы облаков, которые окружали нас. Возможно, перед нами был вход в адские области. Вдруг мы увидели поток света, такой яркий, насыщенный и такой огромной высоты, что на мгновение ослепли, а наши лошади фыркнули и резко обернулись от яркого света. Почти в тот же миг раздался раскат грома, словно артиллерия всей Вселенной разом обрушилась на наши уши.

"Нельзя было терять времени: мы ударили шпорами по бокам наших лошадей и галопом помчались к склону горы, находившемуся немного позади нас, где быстрый глаз моего готтентота заметил пещеру. Через несколько минут - скорее, мгновений - мы оказались в ней, но не раньше, чем буря разразилась во всей своей ярости. В один миг страна вокруг нас стала черной, как чернила, а в другой превратилась в полотно живого пламени, белее белого жара печи. Один долгий, непрекращающийся раскат грома (не отдельные хлопки, как мы слышим их в этой стране) оглушал наши уши, и каждый миг мы боялись разрушения; не раз огромные массы камня, оторванные взрывом молнии от горы над нами, с грохотом лавины скатывались вниз мимо нашей пещеры. Хоттентот лежал на лице, закрывая глаза, но не мог укрыться от шума. В конце концов дождевые струи вырвались наружу, и описать, как вода заливала землю, было бы невозможно; Достаточно сказать, что хотя мы вошли в пещеру со стороны дороги, не пройдя ни одного ручья, ни одного русла, но когда через три часа мы снова вышли из своего убежища, между нами и дорогой протекал широкий и непроходимый поток, и нам пришлось ползти по склонам горы пешком, с большим трудом, подвергаясь ежеминутной опасности потерять опору на скользкой поверхности и быть сброшенными в ревущий поток, около двух миль, прежде чем мы смогли найти место, пригодное для брода. Через два дня эти равнины покрылись прекрасной зеленью".

Другие чары предназначены для смягчения сердца девушки, на которой мужчина хочет жениться, или ее отца, чтобы побудить его быть умеренным в своем требовании коров, или вождя, если он должен предпочесть просьбу. Все эти амулеты совершенно одинаковы на вид, и нет нужды говорить, что они не обладают ни малейшей эффективностью в том или ином случае.

Есть чары, которые, несомненно, обладают определенной силой, а есть такие, которые обязаны своей силой воображению пользователя. К ним относятся многочисленные чары, которыми обладают против различных видов страха. Например, если человек встречает льва или леопарда и откусывает маленький кусочек дерева, очевидно, что эффективность этих чар полностью воображаемая. Во многих случаях это, несомненно, так. Если человек, встретившись со львом, откусывает маленький кусочек львиного талисмана, и животное уходит, оставляя его без присмотра, его страхи, безусловно, развеяны использованием талисмана, хотя его побег обусловлен естественным страхом перед человеком, заложенным в природе низшего животного, а не силой талисмана. В бою человек, который думает, что его чары заставят врага бояться его, с гораздо большей вероятностью будет сражаться с удвоенной доблестью и тем самым приведет к результату, который приписывается чарам. В случаях болезни мы все знаем, насколько силен целительный эффект воображения в восстановлении здоровья.

Но есть много случаев, когда материал, используемый в качестве амулета, обладает лечебными свойствами, о которых пророк прекрасно осведомлен. Например, есть один амулет против усталости, эффективность которого явно зависит от свойств материала.

Одного из моих друзей, изможденного после тяжелого дня охоты, один из каффирских слуг уговорил съесть немного его талисмана от усталости. Он, очевидно, был сделан из корня какого-то дерева и был очень горьким, хотя и не неприятным. Он попробовал его просто из любопытства и был приятно удивлен, обнаружив, что через несколько минут его мышечные силы прекрасно восстановились, и он смог встать на ноги и бодро отправиться домой, так как крайнее истощение прошло. Воображение в данном случае не имело никакого отношения к успеху амулета, и очевидно, что пророк, продавший его кафирам, знал о его лечебных свойствах.

В сознании кафиров так глубоко укоренилась идея о том, что все болезни вызваны колдовством того или иного рода, что даже если скот болен, предполагается, что его болезнь вызвана какой-то сверхъестественной силой. Первым делом обязательно нужно умилостивить духов, чтобы они отменили происки злодея и сохранили скот, который составляет богатство и силу крааля. Поэтому одного из лучших быков приносят им в жертву с обычными церемониями, а когда он умирает, желчь и содержимое желудка разбрасывают по загону для скота и торжественно вызывают духов.

Вот одна из этих любопытных молитв, полученная от кафира. "Приветствую тебя, друг! Ты, хозяин этого крааля, даруй нам благословение, видя, что мы натворили. Ты видишь эту беду; избавься от нее, ведь мы дали тебе животное. Мы не знаем, чего ты еще хочешь, нужно ли тебе еще что-нибудь или нет. Дай нам зерна, чтобы оно было в изобилии, чтобы мы ели и ни в чем не нуждались, раз мы дали тебе то, что ты хочешь. Этот крааль построил ты сам, отец, а теперь зачем ты уменьшаешь свой собственный крааль? Стройте дальше, как начали, пусть он будет больше, чтобы ваше потомство, которое еще здесь, увеличивалось, приумножая знания о вас, откуда приходит великая сила".

Мясо зарезанного быка заносят в хижину, закрывают дверь и не пускают никого в течение значительного времени, в течение которого духи, как предполагается, будут есть говядину. Затем дверь открывают, говядину готовят, и все присутствующие едят ее. Если умилостивительная жертва не удается, вызывают пророка, обладающего известным мастерством, и собирают стадо в иси-байя, или центральном загоне, в готовности к его приходу. Первым делом он разжигает в иси-байе костер и сжигает на нем лекарство, следя за тем, чтобы дым обходил скот стороной. Затем он приступает к отпугиванию злого духа простым, но примечательным действием. Он берет в руку огниво, кладет в рот кусок жира и подходит к одному из больных быков. Животное крепко держат, пока он перетирает жир, а затем выбрасывает его на огниво. Смешанный жир и вода сильно брызгают на морду вола, который в ужасе отшатывается от своих мучителей.

Этот процесс повторяется со всем стадом, пока все они не придут в состояние яростного возбуждения, и, как только они достигают этой стадии, ворота загона распахиваются, и испуганные животные выбегают из него. Все жители крааля бросаются за ними, мужчины бьют по щитам ножами, женщины грохочут калабашами с камнями, все кричат и вопят во весь голос. Скот, к которому обычно относятся с особой добротой, совершенно обезумел от такого обращения, и прошло немало времени, прежде чем он смог вернуть себе спокойствие. Это может показаться довольно любопытным методом лечения болезни скота, но, поскольку гонорар пророка теряется, если животные не выздоравливают, можно предположить, что средство более эффективно, чем кажется на первый взгляд.

Когда заболевает какой-нибудь высокопоставленный вождь, и особенно если болен сам король, ни у кого не возникает ни малейшего сомнения в том, что причиной зла стало колдовство. А так как вожди едят и пьют, курят и спят, пока не растолстеют настолько, что

едва могут ходить, то неудивительно, что они очень часто болеют. Таким образом, задача пророка - выяснить, кем был наложен приворот, или, как его еще называют, "злодей".

Сомневаться в том, что болезнь вызвана колдовством, было бы своего рода государственной изменой и давало бы все основания полагать, что сомневающийся сам является колдуном. Ведь каффирский вождь всегда предпочитает считать себя выше всего человечества, что он выше других и что он не может умереть, как низшие люди. Поэтому очевидно, что любой недуг, который может на него напасть, должен быть вызван колдовством, и если злодея удастся обнаружить, заклинание утратит свою силу, а страдалец будет восстановлен.

Чары, вызывающие нездоровье, обычно представляют собой корни, пучки волос, перья, кусочки костей или подобные предметы, которые находились во владении жертвы или, по крайней мере, были ею тронуты. Их закапывает в каком-нибудь тайном месте волшебник, который произносит над ними заклинания, с помощью которых здоровье жертвы падает пропорционально тому, как разлагается в земле закопанный амулет. Поэтому задача пророка двояка: во-первых, указать на волшебника, а во-вторых, обнаружить закопанные чары, откопать их и снять заклинание.

Злодея обнаруживают с помощью процесса, который технически называется "обонянием". Из зрителей формируется большой круг, все они садятся на корточки на земле, как это принято у кафиров. Когда все готово, пророк одевается в свой полный официальный костюм и проходит в круг, где его встречают приветственными криками. Хотя каждый знает, что не пройдет и часа, как кто-нибудь из них будет обвинен в колдовстве, и хотя никто не знает, не может ли он сам стать жертвой, никто не осмеливается пропустить приветственный крик, чтобы его не заподозрили в колдовстве. Затем пророк начинает медленно ходить по кругу, постепенно увеличивая скорость, пока, наконец, не пускается в пляс, сопровождая свои шаги мерным пением. Громче и громче звучит напев, быстрее и диче становятся шаги волшебного танцора, пока, наконец, мужчина не впадает в состояние безумной ярости, его глаза закатываются, слезы текут по щекам, а его напев прерывается криками и рыданиями, так что зрители вполне могут поверить, как они и делают, что он одержим духами ушедших вождей.

Затем наступает волнительная часть церемонии. Пророк скачет по арене, бросаясь то к одной, то к другой части, с силой вдыхая воздух, как собака, пытающаяся обнаружить потерянный запах, и кажется, что его притягивает или отталкивает от определенных лиц некая сила, не принадлежащая ему. Каждый каффирец сидит в трепетном благоговении, его сердце замирает при виде приближающегося к нему ужасного пророка, а мужество возвращается, когда провидец сворачивает в другом направлении. Наконец выбор сделан. Пророк внезапно останавливается напротив одной из частей круга и начинает яростно принюхиваться, словно пытаясь определить с помощью обоняния, кто может быть преступником. Огромное собрание смотрит на это в благоговейном молчании, а пророк приближается все ближе и ближе, как будто его сверхъестественно влечет к объекту, который он ищет. Внезапно он делает рывок вперед, выхватывает из-за пояса свой жезл, прикасается им к обреченному человеку и убегает. Незадачливую жертву тут же хватают палачи и торопливо ведут к начальнику для допроса.

Тем временем за пророком следуют несколько человек, желающих увидеть, как он обнаружит зарытый амулет. Эта часть действа очень похожа на ту, о которой уже говорилось. Он танцует по краалю, заходя в хижину за хижиной и делая вид, что по запаху убеждается, что в каждой из них амулет не обнаружен. Постепенно он приближается к нужному месту, на которое бросает свой ассагай и велит людям копать и найти амулет, который, конечно же, он

заранее позаботился о том, чтобы положить туда. О том, как иногда осуществляется эта часть представления, мы расскажем далее.

Несчастный, которого однажды открыто обвиняют в соучастии в болезни своего короля, не надеется на пощаду и смиряется с ужасной участью, которая его ожидает. Номинальный допрос, которому его подвергают, вовсе не допрос, а просто череда самых жестоких пыток, какие только может придумать человеческая изобретательность, продлеваемых до тех пор, пока в нем остается жизнь. От него требуют признания в том, что он использовал колдовство против своего короля, но он неизменно отрицает свою вину, хотя прекрасно знает, к чему приведет его ответ. К нему применяют пытку за пыткой, главным орудием которых является огонь, применяемый различными способами. Заключительная пытка, как правило, одна и та же: вырывают отверстие в муравьином гнезде, связывают его по рукам и ногам и засовывают внутрь, либо закрепляют его в земле и обрушивают на него гнездо больших муравьев, отличающихся свирепостью и мучительным ядом своих жал. Насколько безжалостными могут быть кафиры, когда они возбуждены страхом перед колдовством, можно представить из следующего рассказа о суде и казни предполагаемого волшебника. Читатель должен быть предупрежден, что все подробности не упоминаются. Повествование взято из интересной книги майора У. Росса Кинга "Кампания в Каффирленде", в которой описываются каффиры 1851-2 годов: - "Тот же Кона, несколько лет назад, был в Каффире.

"Тот же Кона за несколько лет до этого заболел, и по обычаю обратились к "знахарю", чтобы выяснить, под чьим дурным влиянием он страдает; и, как обычно, был выбран человек с имуществом, которого приговорили к лишению жизни за его предполагаемое преступление. Чтобы друзья не узнали о его судьбе, группа людей рано утром покинула крааль Макомо, чтобы добиться выздоровления больного молодого вождя, убив одного из подданных его отца. День, выбранный для жертвоприношения, судя по всему, был для бессознательной жертвы чем-то вроде торжественного дня; он находился в своем краале, только что зарезал одну из своих скотин и весело созерцал развлечения дня, которым ему предстояло руководить. Прибытие людей из "большого места" не вызывало у него никаких других забот, кроме как решить, какую часть животного предложить им как гостям. Однако через мгновение безжалостные люди схватили его в его краале; когда он обнаружил, что ему на шею накинули рейму, он спокойно сказал: "Это мое несчастье, что я попался безоружным, иначе и быть не должно".

"Тогда ему приказали предъявить вещь, которой он околдовал сына своего вождя. Он ответил: "У меня нет никакого околдовывающего вещества; но уничтожьте меня скорее, если мой вождь согласился на мою смерть". Его палачи сказали, что должны пытать его, пока он не предъявит его, на что он ответил: "Избавьте себя от этой проблемы, потому что, как бы вы ни пытали, я не могу предъявить то, чего у меня нет". Тогда его повалили на землю, и несколько человек принялись протыкать его тело по всему телу длинными кафирскими иглами. Несчастная жертва переносила это с необычайной стойкостью; его мучители устали и жаловались на боль, которую причиняли их руки, и на то, что иглы или шампуры гнулись.

"В это время был разожжен костер, в который положили большие плоские камни для нагрева; тогда человеку велели подняться, указали ему на огонь, сказав, что он предназначен для дальнейших пыток, если он не достанет околдовывающую материю. Он ответил: "Я сказал вам правду, когда сказал: "Избавьте себя от неприятностей"; что касается раскаленных камней, то я могу их вынести, так как я невиновен; я бы молил, чтобы меня сразу задушили, но вы скажете, что я боюсь ваших пыток". Тут его жену, которую тоже схватили, раздели догола и на его глазах жестоко избивали и издевались над ней. Затем жертву подвели к костру, положили на спину, привязали руки и ноги к крепким колышкам, вбитым в

землю, и вынули из огня раскаленные камни и положили на обнаженное тело в паху, на животе и на груди, поддерживаемые с каждой стороны другими, также раскаленными и прижатыми к телу. Невозможно описать ужасный эффект этого варварского процесса: камни соскальзывали с обожженной и раскаленной плоти, удерживаемые на своих местах только палками зверских палачей.

"Во время всего этого героический парень оставался в полном рассудке, и когда его спросили, не хочет ли он, чтобы его отпустили, чтобы открыть его скрытое очарование, он ответил: "Отпустите меня". К всеобщему изумлению, он предстал в ужасном виде: заживо зажаренный, с дымящейся плотью, свисающей кусками с его тела, и спокойно спросил своих мучителей: "Что вы хотите, чтобы я теперь сделал? Они повторили свое требование, но он решительно заявил о своей невиновности и умолял избавить его от страданий; когда им надоело трудиться, они сделали петлю на рейме вокруг его шеи, повалили его на землю и жестоко поволокли по острым камням, затем, поставив ноги ему на шею, затянули петлю и задушили его. Истерзанный труп отнесли в его собственную хижину, которую подожгли и сожгли дотла. Его страдания начались в десять утра и закончились только на закате".

Кона, чья болезнь стала причиной этой страшной сцены, был сыном Макомо, известного каффирского вождя, который так долго сопротивлялся английским войскам.

Кажется странным, что каффир ведет себя подобным образом; естественно, он отнюдь не мстителен и не жесток. Он вспыльчив, и вполне может отомстить за обиду ударом дубины или острием ассагая. Но после того как накал страстей проходит, к нему возвращается хорошее настроение, и он становится таким же веселым и жизнерадостным, как всегда. Даже на войне, как уже говорилось, он обычно не бывает жестоким солдатом, когда не возбужден реальным боем, и кажется довольно странным, что, когда человека, к которому он не испытывает вражды и который, возможно, является его ближайшим родственником, обвиняют в преступлении - неважно, в каком именно - он должен быть хладнокровно виновен в преднамеренной жестокости, слишком ужасной, чтобы ее можно было описать. Дело в том, что такое поведение показывает, насколько велик его страх перед неосязаемой силой колдовства. Страх всегда является родителем жестокости, и тот простой факт, что добросердечный и добродушный от природы человек теряет всякое чувство справедливости и подвергает своего товарища безымянным пыткам, показывает, какой страх перед колдовством наполняет разум кафира.

Иногда пророку не удается спрятать амулет в удобном месте, и он вынужден прибегать к другим средствам. Если, например, нужно показать, что "злодей" закопал амулет в своей собственной хижине, пророк не сможет получить доступ к этому месту, поэтому раскопает землю, а попытается тайно пронести в яму кусочки корня или кости. Однажды мистер Айзекс уличил в этом знатную пророчицу и разоблачил ее уловку перед собравшимися людьми.

Некоторые из его ближайших последователей были больны, и они послали за пророчицей, которая знала, что белый человек не верит в ее силы. Поэтому она отправила ему послание, сказав, что если он подарит ей корову, то она обнаружит чары, которые губят его народ, и позволит ему присутствовать при выкапывании заколдованных корней. Он отправил корову, а через два дня получил еще одно послание, в котором говорилось, что корова слишком мала, и она должна быть больше, или же разница должна быть компенсирована бязью. В то же время она попросила об услугах одного из своих людей по имени Масламфу. Он прислал бязь, но отказался от последней части просьбы, зная, что этот человек нужен только как средство получения информации. Наступил долгожданный день, и, учитывая известность пророчицы, огромное количество мужчин, принадлежащих к различным племенам,

собралось в кучки, каждую из которых возглавлял вождь крааля. Посланник за посланником приходили, чтобы сообщить о ее приходе, но она не появлялась, и наконец пришел гонец, чтобы сказать, что дух не позволит ей идти дальше, пока ей не пришлют бусы. Вожди, о прибытии которых она узнала и от щедрости которых, несомненно, зависела, сразу же сделали сбор, собрали посылку с бусами и отправили подарок гонцу.

Бусы смягчили ее сердце, и она торжественно вошла в крааль, сопровождаемая охраной из пятидесяти воинов в полном военном облачении. Процессия торжественным маршем двинулась к центру иси-бая, а затем воины выстроились в линию, положив большие щиты на землю и закрыв ими тело до подбородка, а ассагаи взяв в правые руки. Ее также сопровождал Масламфу, тот самый человек, которого она просила и который, очевидно, был ее старым сопровождающим. Пророчица была украшена в обычной дикой и экстравагантной манере; она улучшила свой цвет лица, накрасив нос и одно веко древесным углем, а другое - красной землей. Она также позволила всем своим волосам отрасти и закрепила их смесью древесного угля и жира. В ее руке была обычная офисная палочка с хохолком.

Появившись, она потребовала еще бусинок, которые ей дали, чтобы не было повода отказаться от дальнейших заклинаний. Затем она всерьез приступила к работе, прыгая и перепрыгивая с одной стороны загона на другую и демонстрируя удивительную ловкость. Во время этого действа она пела песню в качестве аккомпанемента к своему танцу, причем слова песни либо не имели смысла, либо были совершенно непонятны слушателям. Однако смысл каждой строфы был достаточно прост, и все собравшиеся кафиры присоединялись к ней во всю мощь своих легких. Подбежав к нескольким хижинам и притворившись, что чувствует их запах, она вдруг остановилась перед внимательно наблюдавшими за ней белыми людьми и потребовала еще одну корову, мотивируя это тем, что если вредоносные чары будут вырыты без жертвоприношения второй коровы, то духи будут оскорблены. Наконец ей пообещали корову, но с условием, что все остальное представление будет удовлетворительным.

После целого ряда странных представлений она вдруг обратилась к зрителям и назначила одного из них копать роковую землю. Это был мускулистый каффирец, но он дрожал, как ребенок, когда подошел к колдунье, и, очевидно, был так напуган, что она была вынуждена наложить на него заклинание, которое должно было противодействовать дурному влиянию зарытых чар. Она дала ему ассагай в виде лопаты, горшок для корней и направила его последовательно к трем хижинам, заставляя копать в каждой, но его сбило с толку бдительное наблюдение за всеми ее передвижениями. Тщетно обыскав три хижины, она вдруг повернулась и быстро вышла из крааля, за ней последовали все еще напуганный экскаватор, ее муж и Масламфу, и направилась в сад, в который она бросила ассагай и велела своему человеку раскопать то место, куда упало копье. "Опередив нас и внимательно следя за нами и убедившись, что все ее попытки ускользнуть от нашей бдительности тщетны, так как мы самым настойчивым образом исследовали все ее уловки, она вдруг повернулась и быстрым шагом направилась к краалю, где очень ловко отыскала свою табакерку. *Ее муж* подбежал к ней и подал одну. Это привлекло мое внимание, так как Масламфу до сих пор исполнял обязанности носильщика табакерки, и я предположил, что вместо табака в коробке муж подарил ей корни. Я не ошибся в своем предсказании, так как, пройдя в верхнюю часть крааля, она взяла копье у человека, назначенного копать, и вырыла себе землю перед хижиной, где болели люди, взяла немного земли и добавила ее к той, что была в горшке; Затем она как можно быстрее направилась к телячьему краалю, где выкопала землю на глубину около двух дюймов и двумя пальцами левой руки зачерпнула немного земли,

одновременно удерживая корни двумя другими пальцами; затем, через секунду, закрыла руку, смешала корни с землей и положила их в горшок, сказав человеку: "Это то, что ты искал".'"

(1.) ПРОРОЧИЦА ЗА РАБОТОЙ.
(См. стр. 189.)

(2.) НЕБЛАГОПРИЯТНОЕ ПРОРОЧЕСТВО.
(См. стр. 199.)

Естественным результатом этого разоблачения было то, что она была вынуждена бежать из суматохи, вызванной ее явным самозванством; и нет нужды говорить, что она не просила коров.

Женщины, владеющие искусством колдовства, проходят через ряд церемоний, в точности схожих с теми, что уже были описаны, и способны передать любому из своих потомков привилегию быть принятыми в тот же ранг, что и они сами. Как можно понять из предыдущего рассказа, они выполняют обычные жизненные обязанности точно так же, как и другие женщины, замужние или незамужние; и, пожалуй, примечательно, что безбрачие не считается необходимым условием для занятия этой должности, но ни мужчины, ни женщины, похоже, не могут быть допущены к ней, если они не состоят в браке. Будучи принятыми в коллегию пророков, ее члены всегда стараются внушить трепет публике замечательным стилем одежды, который они принимают; считается, что они вольны отступать от обычных законов о роскоши, которые так строго соблюдаются среди каффирских племен, и одеваться в соответствии со своими индивидуальными капризами. Одну из женщин-пророчиц посетил капитан Гардинер, и, похоже, она произвела на него сильное впечатление как своим нарядом, так и поведением.

"Эту женщину можно назвать королевой ведьм, и ее внешний вид говорит о ее мастерстве. На шее у нее висели большие мотки кишок, набитых жиром, а густые и спутанные волосы, утыканные во всех направлениях желчными пузырями животных, придавали ее высокой фигуре необычайно дикий и гротескный вид. Один из ее приемов, произошедший около

шести месяцев назад, слишком характерен, чтобы его опустить. Тпай собрал армию и собирался идти на войну, чему она по какой-то причине сочла нужным воспротивиться. Убедившись, что все ее уговоры не действуют, она внезапно покинула это место и, сопровождаемая лишь маленькой девочкой, полностью скрылась от наблюдения. По истечении трех или четырех дней она так же таинственно вернулась и, держась за бок, явно кровоточащий от раны, нанесенной ассагаем, притворилась, что ее получил в свое отсутствие дух ее покойного мужа Маддегана, и предстала перед Тпаем. Дух твоего брата, - воскликнула она, - встретил меня, и вот рана, которую он нанес мне в бок ассагаем; он упрекает меня за то, что я осталась с людьми, которые так плохо со мной обращались". Тпай, то ли по своей воле, то ли навязанный этим странным происшествием, отпустил армию; и, если верить добрым людям в этих краях, рана тут же затянулась! В течение нескольких месяцев после этого она взяла себе за правило ползать на руках и коленях; и только в последнее время, как я понимаю, она вернулась в общество в качестве двуногого".

У одной из женщин-пророчиц был любопытный метод обнаружения "злодея". Она прыгала в кольцо собравшихся кафиров с огромной прытью, на которую женщина вряд ли способна. Не исключено, что перед этим она приняла какой-то препарат, оказывающий возбуждающее действие на мозг, и помогла довести себя до состояния страшного безумия. Украшенная змеями, черепами, головами и когтями птиц и другими странными предметами, с волшебной погремушкой в одной руке и служебным посохом в другой, она летала по кругу с такой бешеной скоростью, что глаз едва мог уследить за ее движениями, и никто не мог предугадать, что она сделает в следующий момент. Ее глаза, казалось, вытекали из головы, из сжатых челюстей летела пена, а в перерывах она издавала неистовые крики и вопли, которые, казалось, вряд ли принадлежали человечеству. Короче говоря, ее вид был настолько ужасен, насколько можно себе представить, и наверняка внушал благоговейный трепет простодушной и суеверной публике, которая ее окружала. Она не стала принюхиваться и подползать, а понеслась по рингу, поражая своим жезлом того, кто оказывался в пределах ее досягаемости, и убегая с невероятной быстротой.

На иллюстрации № 1 на странице 188 она изображена занятой на своем страшном посту. Ее вызвал богатый вождь, который виднеется вдали, лежа на своей циновке, в сопровождении своих жен. Испуганный преступник виден на переднем плане, его ближайшие соседи отшатываются от него, когда пророческий жезл касается его, в то время как другие указывают на него палачам.

Существует очень заметное различие между каффирской пророчицей и обычной женщиной, и это различие заключается главным образом в походке и общем поведении. Как уже было замечено, женщины и мужчины, кажется, принадлежат почти к разным расам: первые робки, скромны и покорны, а вторые смелы, уверены в себе и почти надменны. Однако пророчица, заняв столь высокий пост, принимает облик, демонстрирующий ее высокую оценку собственных сил, и ходит смелым, свободным шагом, в котором есть что-то почти царственное.

В одном оба пола похожи, когда возвышаются до пророческого ранга. Они становятся абсолютно безжалостными в своей профессии и теряют всякое чувство милосердия. От них не застрахован никто, кроме самого короля; а его самый высокопоставленный и доверенный советник никогда не знает, не укажет ли на него пророческий перст и не обличит ли его пророческий голос как волшебника. Если это произойдет, его звание, богатство и характер ничего ему не помогут, и он будет схвачен и замучен до смерти так же безжалостно, как если бы он был одним из самых низких людей.

К этим суеверным обманам примешивается немалое мастерство пророков как в хирургии, так и в медицине. Отчасти благодаря постоянному забою и разделке скота, а отчасти благодаря опыту войн и казней, каждый каффир имеет сносное представление об анатомии - гораздо большее, чем у большинства образованных людей в нашей стране. Следовательно, он может с уверенностью браться за различные хирургические операции, а в некоторых отраслях этого искусства он просто мастер. Например, известно, что каффирский пророк успешно оперировал при водянке, и пациент выздоровел; вправление вывихнутых суставов, вправление сломанных костей и лечение ран - все это он делает мастерски.

Каффиры часто практикуют купирование, которое проводится примерно так же, как и у нас, но с помощью других и более грубых инструментов. Вместо щипцов они используют рог быка с отверстием, проделанным в меньшем конце. Оператор начинает работу, прижимая большой конец рога к той части, которую нужно разгрузить, и, приложив рот к другому концу, энергично сосет, пока не добьется нужного эффекта. Затем острым лезвием ассагая делается несколько надрезов, рог снова прикладывается, и отсасывание продолжается до тех пор, пока не будет извлечено достаточное количество крови.

Как кафиры знакомы с ядами, так они знают и о целебных свойствах многих растительных продуктов. Их главные лекарства получают из касторового масла и мужского папоротника и применяют при тех же жалобах, что и при лечении теми же лекарствами в Европе и Америке. Иногда делают любопытную смесь хирургии и медицины, нанося на кожу шрамы и втирая в них лекарства. Вероятно, "знахари" знакомы с травами и их свойствами гораздо шире, чем они предпочитают оглашать; это предположение отчасти подтверждается эффективностью, которую некоторые так называемые чары оказывают на тех, кто их использует, даже когда воображение не оказывает им действенной помощи. Обладая такими страшными силами, не стоит удивляться, что пророки иногда используют их для удовлетворения личной мести или ради выгоды. В первом случае их побуждают к действию только собственные чувства, но во втором их часто искушают другие, и беспринципный пророк иногда накапливает большие богатства, получая взятки за обвинение некоторых людей в колдовстве.

О том, как Чака ухитрялся воздействовать на чувства людей с помощью пророков, уже говорилось. Мистер Шутер рассказывает о любопытном случае, когда ложное обвинение было выдвинуто продажным пророком. Один человек питал сильную ревность к другому по имени Умписи (*то есть* Гиена), и после многих попыток ему удалось подкупить пророка, чтобы тот обвинил его врага в колдовстве. Сделал он это весьма любопытным образом, а именно: притворился, что ему было видение, в котором он увидел волшебника, разбрасывающего яд возле хижины. Волшебника, по его словам, звали Нуква. Нуква - это слово, используемое женщинами, когда они говорят о гиене, и поэтому означало то же самое, что и Умписи. Панда, однако, отказался поверить этому обвинению, и прямого обвинения не последовало. Однако второе обвинение оказалось более успешным, и несчастного предали смерти. После этого Панда раскрыл заговор и в грубой форме восстановил справедливость, лишив лжепророка всего его скота, запретив ему снова заниматься своим искусством и подвергнув обвинителя той же участи, которая по его вине постигла его жертву.

Каффиры очень твердо верят в один вид колдовства, который необычайно похож на некоторые суеверия Средневековья. Они считают, что волшебники обладают способностью превращать мертвое тело человека в своего собственного знакомого, который будет выполнять всю их работу, не требуя ни платы, ни содержания.

Злодей" подсматривает за похоронами, а когда обнаруживает, что тело погребено, и он может творить свои чары, не боясь быть обнаруженным, он готовит свои чары и ждет заката. Укрытый полуночной темнотой, он выкапывает тело и с помощью заклинаний вдыхает в него жизнь, которая позволяет трупу двигаться и говорить; предполагается, что в него вселился дух какого-нибудь умершего волшебника. Затем он раскаляет в огне камни или железо, прожигает в голове отверстие и через него извлекает язык. Затем вокруг ожившего тела произносятся дальнейшие заклинания, в результате которых оно превращается в форму какого-нибудь животного, например гиены, совы или дикой кошки; последняя форма наиболее популярна у таких духов. Затем это мистическое животное становится его слугой и выполняет все его приказы, какими бы они ни были. Днем он прячется в темноте, а ночью выходит на свет, чтобы выполнить приказ своего хозяина. Он рубит дрова, копает и сажает сад, строит дома, делает корзины, горшки, копья и дубины, ловит дичь и выполняет поручения.

Но главное его предназначение - насылать болезни и даже смерть на тех, кто не нравится его хозяину. Ночью, когда все кафиры сидят по домам, слуга-гоблин скользит к обреченному дому и, стоя снаружи, кричит: "Горе! Горе! Горе! Горе! Горе! Горе! Горе! Горе!". Дрожащие обитатели дома слышат страшный голос, но никто из них не осмеливается выйти или ответить, так как считают, что если они произнесут хоть звук, пошевелят рукой или ногой, то умрут, как и тот, кому послано сообщение. Если волшебника потревожат во время его заклинаний, то, прежде чем он успеет трансформировать ожившее тело, оно будет бродить по стране, могущественное, вестник зла, но идиот, произносящий крики и угрозы, но не понимающий их смысла.

Вследствие этого поверья ни один каффир не осмеливается общаться ни с одним существом, кроме признанных домашних животных, таких как крупный рогатый скот и птицы. Любая попытка приручить дикое животное непременно приведет к тому, что самонадеянный каффир будет предан смерти как "злодей". Довольно любопытный случай такого рода произошел в Натале.

Женщина, которая шла в кустарник, чтобы нарубить дров, увидела, как мужчина кормит дикую кошку - животное, которое, как считается, специально посвящено злому духу. Испугавшись этого зрелища, она попыталась незаметно скрыться, но мужчина заметил ее, отогнал животное в сторону и подкупил, чтобы она молчала об увиденном. Однако она вернулась домой и сразу же рассказала все жене вождя, а та - своему мужу, и с этого момента судьба мужчины была предрешена. Доказательств против предполагаемого волшебника всегда много, и в данном случае они были предоставлены в изобилии. Один человек подслушал домашнюю ссору, в ходе которой мужчина избил свою старшую жену, и она пригрозила обвинить его в колдовстве, но он ответил, что она такая же плохая, как и он сам, и что если его казнят, то и ее постигнет та же участь. Другой человек слышал, как он сказал той же жене, что их не вычислили, а обвинители лишь хотят забрать их кукурузу. Муж и жена были вызваны в совет, подвергнуты обычному допросу и, как необходимое следствие, казнены на месте.

ГЛАВА XIX.
Суеверие - завершение.

ВЫЗЫВАНИЕ ДОЖДЯ - ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАСУХИ - ВЫСШИЙ ПОСТ КАФФИРСКОГО ПРОРОКА, ЕГО НАГРАДЫ И ОПАСНОСТИ - КАК ПРОРОК "ВЫЗЫВАЕТ ДОЖДЬ" - ХИТРОУМНЫЕ УЛОВКИ - МИСТЕР МОФФАТТ. MOFFATT's ACCOUNT OF A RAIN-MAKER, AND HIS PROCEEDINGS - SUPPOSED POWERS OF EUROPEANS - KAFFIR PROPHETS IN 1857 - PROGRESS OF THE WAR, AND GRADUAL REPULSE OF THE KAFFIRS - KRELI, THE KAFFIR CHIEF, И ЕГО СОВЕТНИКИ - СТРАННОЕ ПРОРОЧЕСТВО И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ - ВЕРА ПРОРОКОВ В СВОИ СИЛЫ - МОРАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ПРОРОКОВ - ЗНАМЕНИТЫЙ ПРОРОК МАКАННА И ЕГО КАРЬЕРА - ЕГО ВЗЛЕТ, КУЛЬМИНАЦИЯ И ПАДЕНИЕ - ПЕСНЬ СБОРА МАКАННЫ - ТАЛИСМАННОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ - АМУЛЕТ КАФФИРОВ - ПОЧЕМУ ПРОРОКИ ЯВЛЯЮТСЯ СТОРОННИКАМИ ВОЙНЫ - ПРОРОК, КОТОРЫЙ ПОСЛЕДОВАЛ СОВЕТУ.

Самая высокая и важная обязанность, которая выпадает на долю пророков, - это вызывать дождь. На юге Африки дождь - это сама жизнь страны, и если он задерживается дольше обычного, по всей земле проносится страх голода. У кафиров, конечно, есть хранилища, но они не настолько велики, чтобы хранить достаточно зерна для пропитания племени в течение всего года - да и не могут кафиры выращивать достаточно пищи для такой цели.

Во время засухи пастбища не выдерживают, и скот гибнет; таким образом, прекращается поставка молока, которое является почти жизненным припасом для каффира, а уж тем более для его детей. Сама мысль о таком бедствии заставляет каждую мать в Каффирленде трепетать от страха, и нет ничего, что они не сделали бы, чтобы предотвратить его, даже жертвуя собственной жизнью. Вскоре пересыхают водоемы, затем колодцы и, наконец, источники, и, как следствие, болезни и смерть вскоре производят ужасающий хаос среди племен. В нашей стране мы не можем представить себе такого положения вещей и скорее склонны страдать от избытка дождей, чем от их отсутствия; но страдания, которые даже несколько недель засухи в разгар лета могут обрушиться на эту хорошо политую землю, могут позволить нам оценить некоторые ужасы, которые сопровождают засуху на юге Африки.

Среди пророков, или колдунов, есть те, кто утверждает, что может своими заклинаниями заставить дождь идти. Вызывание дождя - это самая высокая должность, которую может занимать каффирский пророк, и лишь немногие решаются на это, потому что в случае неудачи гнев разочарованных людей иногда проявляется в том, что они пронзают неудачливого пророка ассагаем, выбивают ему мозги ножом-керри или более простым способом - разрывают его на куски. Однако те, кто добивается успеха, сразу же возносятся на самую вершину своей профессии. Они практически неограниченно властвуют над своим племенем и над любым другим, в котором нет такого же знаменитого мастера дождя. Король - единственный человек, который претендует на власть над этими всемогущими существами; и даже король, безответственный деспот, обязан быть покорным мастером дождя, пока тот творит свои заклинания.

Возможно, нет ничего странного в том, что кафиры безоговорочно верят в силу мастеров дождя; но странно, что сами операторы верят в свои силы. Конечно, есть много случаев, когда заклинатель дождя сознательно занимается самозванством; но в этих случаях его чаще всего подталкивают к этому угрозы тех, кто его нанимает; и, как правило, волшебник верит в действенность своих чар так же твердо, как и любой из его последователей.

Пророк, отличившийся как создатель дождя, вскоре становится известен далеко и широко, и его практика не ограничивается его собственным районом . Потенциалы со всех концов страны посылают за ним, когда засуха продолжается, а их собственные пророки не могут вызвать дождь. В этой, как и в других странах, пророк пользуется большим почетом в другой стране, чем в своей собственной, и доверие к нему безгранично. Это доверие основано на том, что пророк из далекой страны часто вызывает дождь, когда другие пророки на родине терпят неудачу. Причина этого достаточно проста, хотя кафиры ее не видят. К тому времени, когда целая серия местных пророков произносит свои заклинания, время засухи сравнительно недалеко от завершения; и если пророку удается отсрочить дождь на несколько дней, у него есть все шансы на успех, поскольку каждый час для него - это положительный выигрыш.

Нет нужды упоминать, что кафиры хорошо знакомы с приметами погоды, как это всегда бывает с теми, кто много живет под открытым небом. Пророки, очевидно, более проницательны в отношении погоды, чем все представители их расы, и, как бы ни верил в себя заклинатель дождя, он никогда не берется за дело, если небесные знаки предвещают продолжение засухи. Если же он будет вынужден взяться за дело, то единственная надежда выйти из затруднительного положения - это как можно дольше оттягивать время, одновременно развлекая людей. Самый распространенный способ оттягивания - это просьба о предоставлении определенных предметов, которые, как он знает, почти недостижимы, и заявление, что пока он их не получит, его заклинания не будут иметь никакого эффекта. Мистер Моффатт приводит очень забавный пример того, как пророк иногда испытывает затруднения, когда дождь не идет, а он вынужден его вызывать.

"Создатель дождя обнаружил, что управлять облаками в нашей стране гораздо сложнее, чем в той, которую он покинул. Он жаловался, что тайные плуты не подчиняются его прокламациям. Когда ему предлагали повторить испытания, он отвечал: "Вы даете мне на убой только овец и коз, поэтому я могу сделать только козий дождь; дайте мне на убой волов, и я позволю вам увидеть бычий дождь". Однажды, когда он крепко спал, пошел ливень, и один из главных людей вошел в его дом, чтобы поздравить его, но, к своему изумлению, обнаружил, что он совершенно не замечает происходящего. "Hélaka rare!" (Привет, мой отец!) "Я думал, ты делаешь дождь", - сказал незваный гость, но, поднявшись от сна и увидев, что его жена сидит на полу и трясет пакет с молоком, чтобы получить немного масла для помазки волос, он ответил, указывая на процесс взбивания: "Разве ты не видишь, как моя жена взбивает дождь так быстро, как только может? Этот ответ вызвал полное одобрение, и вскоре по всему городу разнеслась весть о том, что создательница дождя взбила дождь из молочного пакета.

"Влага, вызванная этим ливнем, была высушена палящим солнцем, и долгие недели не было ни одного облачка, а когда они появлялись, то, к великой досаде фокусника, их можно было увидеть на огромном расстоянии, чтобы вылить свои водяные сокровища. Разочарование усиливалось, когда тяжелая туча проплывала мимо с сильным громом, но не было ни капли дождя. Несколько лет подряд была засуха, во время которой не было видно, чтобы вода стекала на землю; а в этом климате, если дождь не идет постоянно и в больших количествах, он выдыхается за пару часов. Раскапывая могилы, мы находили сухую, как пыль, землю на глубине четырех или пяти футов, когда поверхность была насыщена дождем".

"Женщины возделывали обширные поля, но семена валялись в земле, как выброшенные из рук; скот умирал из-за отсутствия пастбищ, и сотни живых скелетов можно было видеть идущими на поля в поисках нездоровых кореньев и рептилий, в то время как многие умирали от голода. Наши овцы, как уже говорилось, скоро должны были быть полностью съедены, и,

поскольку их количество с каждым днем уменьшалось, мы зарезали оставшихся и положили мясо в соль, что, конечно, было далеко не так приятно в таком климате, и где овощи были так скудны.

"Все эти обстоятельства очень раздражали мастера дождя, но он часто ломал голову, пытаясь найти, на что свалить вину, так как исчерпал все свое умение. Однажды ночью мимо пронеслась небольшая туча, и единственная вспышка молнии, из которой вырвался сильный раскат грома, ударила в дерево в городе. На следующий день создатель дождя и несколько человек собрались, чтобы совершить обычную церемонию по случаю такого события. Дерево было поднято, и веревки из травы и корней обвязали вокруг разных частей ствола, который у *акации жирафа* редко сильно повреждается. Сучья могут быть оторваны, но у многих деревьев этого вида, в которые я видел удары молнии, ствол, по-видимому, сопротивляется ее силе, так как жидкость оставляет лишь полоску или бороздку вдоль коры до самой земли. Когда эти повязки были сделаны, он положил несколько своих нострумов и принес много воды, которую с большой торжественностью вылил на раненое дерево, а собравшаяся толпа кричала "*Pùla pùla*". После этого дерево срубили, вытащили за город и сожгли в пепел. Вскоре после этой бессмысленной церемонии он набрал большие чаши воды, в которую подмешал настой луковиц. Затем все мужчины города собрались вместе и последовательно прошли перед ним, когда он окропил каждого хвостом зебры, который окунул в воду.

"Поскольку все это и многое другое не помогло, он прибег к другой хитрости. Он хорошо знал, что бабуинов не так-то легко поймать среди скалистых ущелий и обрывов, поэтому, чтобы выиграть время, он сообщил людям, что для дождя ему нужен бабуин; животное должно быть без единого изъяна, на его теле не должно быть ни единого волоска. Можно было подумать, что любой простак разгадал его уловки, ведь представить ему бабуина в таком состоянии было невозможно, даже если бы они застали его спящим. Вперед выступила группа отборных бегунов, которые поднялись на соседнюю гору. Павианы из своих высоких жилищ имели привычку смотреть вниз на равнину, где туземцы преследовали кваггов и антилоп, и не подозревали, что однажды сами станут объектом преследования. Они ковыляли в ужасе, хрюкая, крича и перепрыгивая с камня на камень, время от времени поглядывая вниз на своих преследователей, ухмыляясь и скрежеща зубами. После долгой погони, с израненными конечностями, исцарапанными телами и сломанными пальцами, одного из них удалось поймать и доставить в город, причем похитители ликовали, как будто им досталась большая добыча. Хитрый плут, увидев животное, изобразил на лице сильнейшую печаль, воскликнув: "Мое сердце разрывается на части, я онемел от горя", и, указав на поцарапанное ухо бабуина и хвост, лишившийся нескольких волосков, добавил: "Разве я не говорил вам, что не смогу вызвать дождь, если не будет хватать одного волоска?

"Через несколько дней появился еще один, но все равно оставался какой-то изъян, реальный или мнимый. Он часто говорил, что если ему дадут сердце льва, то он покажет им, что может вызвать такой обильный дождь, что человек может считать себя вправе укрыться в укрытии, так как при падении он может сметать целые города. Он обнаружил, что тучам нужно сильное лекарство, а львиное сердце как раз подходит для этого. Как известно, добыть его - дело нешуточное. Однажды стало известно, что лев напал на одну из скотоводческих стоянок неподалеку от города, и отряд отправился туда с двойной целью - добыть ключ к облакам и избавиться от опасного врага. Приказ был обязательным, какими бы ни были последствия, которые в данном случае могли быть очень серьезными, если бы один из наших людей не застрелил страшное животное из ружья. Не успели мы это сделать, как оно было разделано для жарки и варки; неважно, что до этого оно съело кого-то из их

сородичей, они съели его в свою очередь. Ничто не могло превзойти их энтузиазма, когда они возвращались в город, неся львиное сердце и распевая песню завоевателя полным хором; создатель дождя готовил свои лекарства, разжигал костры, и его можно было увидеть на вершине холма, простирающим свои тщедушные руки и призывающим облака приблизиться, или даже потрясающим копьем, угрожая, что если они ослушаются, то почувствуют его гнев. Заблуждающиеся жители верили всему этому и удивлялись, что дожди не идут.

"Спросив опытного и рассудительного человека, дядю короля, как случилось, что столь великий оператор облаков не смог добиться успеха, он ответил с видимым чувством: "Ах, - ответил он, - есть причина жестокосердия облаков, если только создатель дождя сможет ее найти". За всем, что делали миссионеры, велось тщательное наблюдение. Через несколько недель после моего возвращения из поездки в город Грикуа было сделано грандиозное открытие: дождь был предотвращен тем, что я привез оттуда в своей повозке мешок соли. Обвинение было выдвинуто королем и его приближенными с большой серьезностью и формой. Поскольку, имея дело с людьми искренними, хотя и заблуждающимися, всегда следует избегать нанесения наименьшего оскорбления смехом над их глупыми действиями, дело было расследовано с моей стороны с большей, чем обычно, торжественностью. Мотиби и его помощник сопровождали меня к складу, где стоял тот самый мешок. Он был открыт, и белое содержимое было на виду. Вот оно, - воскликнул он с чувством удовлетворения. Но, обнаружив при осмотре, что заявленная соль была всего лишь белой глиной или мелом, они не могли не рассмеяться над собственной недоверчивостью".

Неудачливый каффирский пророк никогда не жалеет, что в стране появились белые люди, потому что он всегда может свалить вину за неудачу на них. Если это миссионеры, то звуков гимнов вполне достаточно, чтобы прогнать тучи; если же это миряне, то любая привычка, которой они потворствуют, будет считаться достаточной причиной для продолжения засухи. Каффир всегда признает превосходство белого человека, и, хотя он считает свою расу намного выше всех, населяющих землю, ему кажется, что духи, которые помогают ему, не так могущественны, как те, что помогают белому человеку, и что именно благодаря их покровительству, а не умственному или физическому превосходству, он получил свое превосходство. Полностью веря в свои силы в деле вызывания дождя, он воображает, что белые люди так же превосходят его в этом искусстве, как и в других, и изобретает самые необычные теории, чтобы объяснить этот факт. После того как их собственные пророки не смогли вызвать дождь, каффиры с уверенностью ожидают миссионера и просят его выполнить эту просьбу. Процесс рассуждений, с помощью которого они пришли к выводу, что миссионеры могут вызвать дождь, довольно любопытен. Как только начинал дуть сырой холодный ветер, грозящий дождем, миссионеры, выходя из дома, естественно, надевали пальто. Эти пальто обычно были темного цвета, и ничто не могло убедить туземцев, кроме того, что надевание темной одежды - это заклинание, с помощью которого дождь должен был пойти.

Только что было сказано, что пророки полностью верят в свои сверхъестественные силы. Учитывая многочисленные примеры явного самозванства, которые постоянно происходят, и некоторые из которых уже были описаны, большинство европейцев могли бы предположить, что пророки были намеренными и последовательными обманщиками, а их мнение о себе было чем-то вроде мнения старых римских авгуров, которые не могли даже смотреть друг другу в лицо без улыбки. Однако это не так. Они, несомненно, обманщики, причем во многих случаях умышленные, но столь же несомненно, что они верят в то, что являются средством связи между духами умерших и их живыми родственниками. Лучшего доказательства этого

факта не придумаешь, чем необыкновенная серия событий, произошедших в 1857 году, в которых участвовал не один пророк, а значительное их число, и в которых их действия были единодушны. В тот год племена кафиров пришли к выводу, что они постепенно, но верно уступают европейским поселенцам, и организовали огромный заговор, с помощью которого они надеялись изгнать всех белых людей из Южной Африки и восстановить свое господство. Само существование колонии Наталь было занозой в их боку, поскольку эта страна почти ежедневно получала подкрепление из Европы и постепенно становилась все сильнее и менее вероятной для завоевания. Кроме того, постоянно происходило дезертирство представителей их собственной расы; целые семьи и даже население целых деревень бежали от деспотичной власти туземного монарха и находили убежище в стране, защищенной ружьем белого человека. Несколько раз под предводительством знаменитого вождя Сандилли и не менее знаменитого воина-пророка Маканны предпринимались попытки отторгнуть колонистов, и в каждом случае племена каффиров были отбиты с большими потерями и в конце концов были вынуждены предложить свою покорность.

Однако в 1857 году Крели созвал большое собрание, чтобы организовать планомерную кампанию, и на нем ожидалось присутствие знаменитого пророка. Он не явился, но прислал гонца, который сообщил, что дух приказал кафирам убить весь их скот. Многие из людей послушались этого странного приказа, но другие отказались подчиниться приказу пророка и сохранили свой скот живым. Разгневанный тем, что его приказы не выполняются, пророк созвал еще одно собрание и провел личную беседу с Крели, в которой сказал, что непослушание людей - причина того, что белые люди не изгнаны из этих земель. Но если они будут послушны и зарежут все головы скота в стране, кроме одной коровы и одной козы, то духи мертвых будут умилостивлены их щедростью и окажут помощь. На совершение убийства отводилось восемь дней, а на восьмой - самое большее на девятый - с помощью заклинаний, наложенных на оставшихся в живых корову и козу, весь скот восстанет, и они вернут себе богатство, которое даром отдали. Им также было приказано выбросить всю кукурузу из своих амбаров и хранилищ. В знак того, что пророчество исполнится, солнце не всходило до половины восьмого, затем оно становилось красным и возвращалось на свой путь, а темнота, дождь, гром и молнии предупреждали людей о грядущих событиях.

После этого начиналась настоящая бойня: по всей стране истреблялись козы и крупный рогатый скот, и, кроме двух, которые должны были стать резервом, в живых не оставалось ни одной коровы или козы. С любопытной непоследовательностью кафиры отвозили шкуры на торговые станции и продавали их, причем так быстро, что их покупали за сущие пустяки, а многие тысячи вообще не могли быть проданы и оставались в глубине страны. Наступил восьмой день, а на небе не было видно никаких признаков. Это не очень беспокоило кафиров, так как они надеялись на обещанный девятый день. В это утро ни один каффир не вышел из своего жилища, а сидел в краале, с тревогой наблюдая за солнцем. С шести утра до десяти они наблюдали за его ходом, но оно не меняло цвета и не меняло своего курса, не было ни грома, ни молнии, ни дождя в знак того, что пророчество исполнилось.

Тогда обманутые кафиры раскаялись, но слишком поздно, в своем легкомыслии. Они перебили весь свой скот и уничтожили всю свою кукурузу, а без этих предметов первой необходимости они знали, что должны голодать. И они действительно голодали. Голод в его худшей форме охватил всю страну; дети умирали сотнями; не осталось в живых никого, кроме людей с самым крепким телосложением, да и те были лишь скелетами, изможденными лишениями и не способными ни работать, ни сражаться. В результате этого

удара, нанесенного самим себе, кафиры пострадали гораздо больше, чем в самой затяжной войне, и оказались неспособны к сопротивлению на долгие годы.

То, что пророки, произносившие столь странные предписания, должны были верить в истинность своего искусства, достаточно очевидно, ведь они жертвовали не только чужим, но и своим имуществом, а мы уже видели, как цепко каффир держится за свои стада и отары. Более того, уничтожая таким образом все продовольствие в стране, они знали, что обрекают на голод не только страну в целом, но и себя и свои семьи, а человек вряд ли станет произносить пророчества, которые, если окажутся ложными, низведут его из богатства в нищету и обрекут его самого, его семью и всю страну на страдания от голода, если он не верит в истинность этих пророчеств. Хотя влияние, оказываемое пророками, во многих случаях пагубно, оно не является абсолютным злом. Какой бы несовершенной ни была их религиозная система и какими бы катастрофическими ни были ее последствия, она лучше, чем отсутствие религии вообще, и в любом случае у нее есть два преимущества: первое - это утверждение бессмертия души, а второе - признание того, что в духовном мире существуют существа, обладающие гораздо большими силами, чем они сами, будь то во благо или во зло.

Одним из самых необычных пророков был знаменитый Маканна, объединивший в своем лице пророка и полководца, который решился выступить против английских войск и лично возглавить атаку на Грэмстаун. Этот удивительный человек разрабатывал свои планы с большой тщательностью и обдуманностью и не наносил ни одного удара, пока все его замыслы не были полностью разработаны. Прежде всего, он стремился получить значительную военную информацию, беседуя с солдатами, особенно с офицерами полков, расквартированных в Грэмстауне, и таким образом сумел изучить английскую военную систему, а также многие механические искусства.

Цель, которую он поставил перед собой, точно не известна, но, насколько можно судить по его действиям, он, похоже, намеревался следовать курсу, схожему с тем, который был взят Тчакой среди современных зулусов, и собрать вместе разрозненные племена амакоса и объединить их в один великий народ, единственным королем и священником которого он должен быть. Но его амбиции были благороднее, чем у Чаки, единственной целью которого было личное обогащение и который проливал реки крови даже среди собственных подданных, чтобы стать верховным правителем. Маканна был человеком иного склада, и хотя личные амбиции во многом определяли его поведение, он явно был вдохновлен желанием поднять свой народ в южную нацию, которая должна была соперничать с великой зулусской монархией на севере, а также, путем импорта европейских идей, возвысить характер своих подданных и как можно дальше ассимилировать их с белыми людьми, их признанными вышестоящими во всех искусствах.

То, что он в итоге потерпел неудачу, неудивительно, ведь он был одним из тех энтузиастов, которые не признают свою эпоху. Большинство людей терпят неудачу в том, что отстают от своего времени, Маканна же потерпел неудачу в том, что опередил его. Наслаждаясь постоянным общением с европейцами и неизменно выбирая себе в спутники выдающихся людей из их числа, его собственный ум достаточно расширился, чтобы осознать бесконечное превосходство европейской цивилизации и понять, что если бы ему только удалось внедрить их идеи в сознание своих подданных, народ коса не только сравнялся бы с зулусской империей, воздвигнутой насилием и сохранившейся благодаря кровопролитию, но и намного превзошел бы ее. Осознавая суеверный характер своих соплеменников и понимая, что не сможет добиться достаточного влияния на них, если не будет претендовать на сверхъестественные силы, Маканна объявил себя пророком нового типа. В этой части

своей линии поведения он проявил ту же глубокую мудрость, которая была характерна для его прежних действий, и получил много религиозных, а также практических знаний от белых людей, которых он в конечном итоге намеревался уничтожить. Он старался как можно больше общаться с духовенством и, со всей врожденной любовью кафиров к спорам, с удовольствием вступал в споры о вере христиан и вдохновении Писания.

Обладая острым и тонким умом и чудесными ораторскими способностями, он то задавал вопрос за вопросом, чтобы запутать своего наставника в софизме, то разражался потоком красноречия, в котором ловко использовал любое незамысловатое выражение и увлекал слушателей духом и огнем своего ораторского искусства. Тем временем он тихо работал над умами своих соотечественников, чтобы подготовить их к своему последнему шагу; и наконец, когда его планы полностью созрели, он смело объявил себя пророком, которому было дано особое поручение от Уланги, Великого Духа.

В отличие от обычных пророков, чьи речи сводились к крови и жертвоприношениям, как людей, так и животных, он привнес в свою новую систему религии множество идей, полученных от христианского духовенства, и ему выпала честь стать первым каффирским пророком, который когда-либо обличал порок и навязывал своим последователям мораль. Он не только абстрактно проповедовал против порока, но и имел смелость обличать всех, кто вел порочную жизнь, и был столь же беспристрастен к самым могущественным вождям, как и к самому скромному слуге.

Один из вождей, знаменитый Гайка, был страшно оскорблен смелостью пророка, и тогда Маканна, поняв, что духовное оружие бесполезно для такого человека, взял в руки копье и щит, вывел против Гайки отряд и победил его.

Устранив одно из препятствий на пути своих амбиций, он решил, что настало время нанести еще более сильный удар. Англичане взяли Гайку под свою защиту после его поражения, и Маканна решил, что сможет покорить британские войска, как покорил войска своего соотечественника. Поэтому он удвоил усилия, чтобы добиться почитания себя среди каффирских племен. Он редко показывался, проводя большую часть времени в уединении, а когда появлялся на публике, то всегда держался сдержанно, торжественно и отстраненно, как и подобало его характеру - пророка, вдохновленного не духами мертвых, а самим Улангой, Великим Духом. То и дело он собирал вокруг себя людей и изливал потоки бурного красноречия, в которых возвещал о своей миссии свыше и произносил ряд пророчеств, диких и экстравагантных, но все они имели одну цель: духи их отцов будут сражаться за кафиров и загонят их жителей в море.

Внезапно он собрал свои войска и обрушился на Грэмстаун, причем нападение было настолько неожиданным, что маленький гарнизон был захвачен врасплох, а командующий едва не попал в плен, когда ехал верхом с несколькими своими офицерами. В штурме участвовало более 10 000 каффирских воинов, в то время как защитники насчитывали всего 350 европейцев и несколько дисциплинированных хоттентотов. Место было очень плохо укреплено, и, хотя в Грэмстауне находилось несколько полевых орудий, они не были установлены на позиции и не были готовы к бою.

Ничто не может быть более галантным, чем поведение нападавших и защитников. Кафиры, свирепые, воинственные и отважные по своей природе, бросились в атаку с дикими боевыми кличем, бросая свои ассагаи по мере продвижения, а когда подошли вплотную, сломали свое последнее оружие и использовали его как кинжал. Защитники с дисциплинированной стойкостью противостояли столь страшным противникам, но битва могла бы пойти против них, если бы не своевременная помощь. Понимая, что прямым штурмом место не взять,

Маканна выделил несколько колонн для атаки с фланга и тыла, а сам продолжал держать гарнизон в напряжении, атакуя его спереди. Как раз в этот момент в Грэмстаун прибыл старый опытный капитан-хоттентот по имени Боэзак с отрядом своих людей. Не раздумывая, он повел свой небольшой отряд на врага, и, будучи знакомым с каффирской войной, а также опытным стрелком, он и его последователи пренебрегли рядовым составом противника и направили свой огонь на лидеров, которые вели последний бой. За несколько секунд несколько самых выдающихся вождей были застрелены, и наступление было внезапно остановлено.

Воины Амакосы быстро пришли в себя и вернулись к атаке, но англичане воспользовались короткой передышкой и пустили в ход свои полевые орудия. Залп за залпом виноградные пули сыпались в самую гущу вражеских колонн, и передние ряды падали, как трава перед косой косаря. Однако мужество кафиров, подстегиваемое мистическими изречениями их генерал-пророка, не было подавлено, и неустрашимые воины подходили к самым орудийным стволам, вонзая в артиллеристов свои последние копья. Но как бы они ни были храбры, они не могли противостоять смертоносному граду виноградных и мушкетных выстрелов, который непрерывно сыпался на их ряды, а как только кто-либо из вождей давал о себе знать, его расстреливали Боэзак и его маленькая группа стрелков. Маканна несколько раз собирал свои силы, но в конце концов они были обращены в бегство, и он был вынужден покинуть своих обескураженных солдат.

Как ни коротка была эта битва, она оказалась ужасной для кафиров. Четырнадцать сотен тел были найдены мертвыми на поле боя, и еще по меньшей мере столько же умерло от ран. После этого решающего поражения Маканна сдался англичанам и был отправлен в качестве пленника на остров Роббен. Здесь он оставался в течение года с несколькими последователями и рабами, которых ему разрешили оставить. Однажды он разоружил стражу и попытался бежать на лодке, но при попытке утонул.

Приведенный ниже вдохновенный перевод песни Маканны о сборе принадлежит мистеру Принглу, поэту-путешественнику по Южной Африке.

СБОР МАКАННЫ.

"Проснись! Амакоса, проснись!
И вооружитесь для войны,
Когда надвигающиеся ветры сотрясают лес,
Я слышу звук издалека:
Это не гром в небе.
И не львиный рев на холме,
Но голос того, кто сидит на вершине,
и велит мне исполнить его волю!

"Он велит мне призвать вас,
Смелые сыновья Кахаби,
Чтобы смести белых людей с земли,
И загнать их в море:
К морю, которое вначале их накрыло,
Проклятие и бич Амакосы,
воет о потомстве, которое она вскормила,

Чтобы снова поглотить их.

"Тогда идите, вожди смелые,
С боевыми плащами наперевес;
Идите, все воины, молодые и старые,
С дубиной и ассагаем.
Вспомните, как воинство губителей
По земле, как саранча, пронеслась!
Ваши стада, ваши жены, ваши товарищи погибли.
Вспомните и отомстите!

"Отбросьте свои широкие щиты,
Бесполезны против таких врагов;
Но с ними мы сразимся сегодня,
И со штыками наперевес.
Схватите каждый короткое копье,
И, когда мы подойдем к краю битвы,
На их ряды бросимся в полный рост,
И в сердца их ударим!

"Проснись! Амакоса, проснись!
И собирайтесь на войну:
Волки-волшебники из тормозов Кейси,
Стервятники издалека,
собираются на зов Уланги,
И быстро следуют за нами на запад.
Ибо хорошо знают они, что до наступления вечера
Они получат славную добычу!"

Сейчас передо мной лежит замечательное ожерелье, которое было снято с шеи кафира, погибшего во время атаки 74-го горного отряда на Железную гору. (Этот оплот темных врагов был особенно хорошо приспособлен для обороны, и туземцы использовали его как место, где они могли хранить свои запасы; но, сделав неверный шаг, они оказались между двух огней, и после тяжелых потерь вынуждены были оставить этот пост. Ожерелье принадлежит коллекции майора Росса Кинга, который возглавлял 74-й отряд во время атаки. Очевидно, оно использовалось в суеверных целях и принадлежало кафиру, который либо был одним из пророков, либо намеревался присоединиться к этому ордену. Он состоит из костей человеческих пальцев, всего их двадцать семь, а поскольку используется только последний сустав пальца, очевидно, что кости должны были быть изготовлены как минимум тремя

мужчинами. Судя по характеру украшения, оно, вероятно, когда-то принадлежало к тому классу, на котором зарабатывают врачи, притворяясь, что обнаруживают злодеев, ставших причиной смерти вождей и высокопоставленных лиц.

В качестве еще одного примера суеверных представлений кафиров я могу описать одну из небольших сумок, которые иногда называют ранцами, а иногда "дагасаками"; последнее название дано им потому, что их главное назначение - держать "дагу", или препарат из конопли, который так широко используется для курения и который, вероятно, был единственной травой, которая использовалась до введения табака из Америки.

Иногда дагасак делают из шкуры какого-нибудь мелкого животного, снятой целиком; но в данном случае он сделан из небольших кусочков шкуры антилопы, аккуратно соединенных вместе, и с некоторым количеством шерсти, оставшейся внутри. Линия стыка между верхним и нижним кусками кожи искусно скрыта нитками черных и белых бусин, которые прикреплены к ней; эти же бусины служат для маскировки заплатки, пропущенной с одной стороны. Мешок подвешивается за плечи владельца с помощью длинной цепочки из железной проволоки, звенья которой сделаны так аккуратно, что, если бы не несколько неровностей, их можно было бы принять за работу европейского мастера по изготовлению проволоки.

С конца мешочка свисают две веревочки, каждая из которых несет на конце ценный амулет. Один из них - кусок палки длиной около трех дюймов и толщиной с карандаш художника, а другой - небольшая морская раковина. Костяное ожерелье, которое только что было описано, действительно выглядит как талисман или амулет; но эти два предмета настолько безобидны на вид, что никто не смог бы определить их характер без предварительного знакомства с нравами и обычаями туземцев. Палка, о которой идет речь, сделана из какого-то ползучего растения, которое, похоже, неизменно используется при изготовлении некоторых амулетов. У него маленькие темные листья и бледно-голубые цветы, и его можно встретить в изобилии на мысе, он растет среди "бурбона" и других кустарников, обвивая своими гибкими побегами их ветви.

Майор Кинг, в чьей коллекции находится дагасак, владеет большим экземпляром такой же палки, пять футов в длину и совершенно прямой. Она была извлечена из центра связки ассагаев, выпавших из рук кафира, который был убит в стычке с горцами. Эта палка использовалась в качестве боевого талисмана и, вероятно, должна была обладать двойным эффектом: обеспечивать точность прицеливания ассагаев и защищать владельца от вреда. Огромное количество этих деревянных амулетов было выдано солдатам знаменитым пророком Умлангени, который пророчествовал, что по его заклинаниям пули белого человека превратятся в воду, как только будут выпущены. Так как амулет не стоил ничего, кроме труда по обрезанию палки нужной длины, и он никогда не выдавал его без определенной платы, очевидно, что священная должность стала в его руках очень прибыльной.

Поскольку война занимает так много места в сознании кафиров, следует ожидать, что пророки скорее поощряют, чем подавляют воинственный дух нации. В мирное время пророка можно встретить сравнительно редко. Встревоженные родители могут прийти к пророку, чтобы совершить какой-нибудь обряд над больным ребенком; или, с видимым беспокойством, депутация от племени может призвать его к вождю, который заболел, съев слишком много говядины и выпив слишком много пива; Или его могут позвать в случае болезни, что всегда является довольно прибыльным делом, и в этом случае его курс лечения обязательно будет успешным; или если он будет пользоваться высокой, но опасной

репутацией создателя дождя, его могут позвать для исполнения его заклинаний, и, следовательно, он получит хорошее количество подарков.

Однако это лишь часть обязанностей пророка в мирное время, и он, естественно, склонен поощрять воинственные настроения среди людей. Читатель помнит, что когда Чака обнаружил, что его подданным грозит опасность успокоиться и перейти к спокойной сельскохозяйственной жизни, он побудил одного из пророков возродить старый воинственный дух. И мы можем быть уверены, что он не нашел в пророках невольных агентов, по крайней мере трое из них должны были участвовать в обмане.

На войне, однако, услуги пророка постоянно востребованы, а его влияние и богатство одинаково возрастают. Он сохраняет все привилегии, которыми пользовался в мирное время, в дополнение к тем, которые принадлежат ему как генеральному советнику во время войны. С начала и до конца войны каждый советуется с пророком. Когда царь задумывает войну, он обязательно посылает за пророком и просит его предсказать результат предстоящего поединка, и каков бы ни был его совет, ему беспрекословно следуют. Затем, после объявления войны, необходимо провести еще одну церемонию, чтобы умилостивить духов предков и заставить их сражаться за своих потомков, которые приносят им в жертву столько-то быков и таким образом обогащают свой загон для скота в нижних тенях. Далее следует грандиозная церемония сбора войск, и еще одна, не менее грандиозная, когда они выступают в поход.

В это время почти каждый солдат захочет получить тот или иной амулет и заплатит за него. Кроме того, если он благополучно вернется домой по окончании кампании, то, как правило, должен будет принести в жертву корову или хотя бы козу, а из всех жертв пророк получает свою долю. Старики и жены, оставшиеся дома и наверняка переживающие за своих мужей и детей, которые находятся в армии, также обязательно приносят жертвы в качестве умилостивления духов. Когда армия возвращается, пророк все еще востребован, поскольку он должен руководить различными жертвоприношениями, которые пообещали оставшиеся в живых и их друзья. Что касается тех, кто пал, то они уже заплатили свои гонорары, а для неудачи очарования всегда найдется какое-нибудь оправдание, в которое простой народ готов поверить.

Мистер Бейнс любезно прислал мне рассказ об одном из таких пророков и о том, как он исполнял свои обязанности. Помимо змей, шкур, перьев и других странных украшений, которыми каффирский пророк имеет обыкновение украшать себя, он повесил на шею цепочку из костей и черепов - амулет, которым он, очевидно, очень гордился. Кто-то из солдат посоветовался с ним о результатах экспедиции, и он сразу же приступил к работе. Сняв ожерелье, он бросил его на землю, а затем присел на корточки рядом с ним, внимательно изучая положение каждой кости и делая из этого выводы. (Наконец он поднялся и заявил своим изумленным клиентам, что до окончания войны многие из них будут есть пыль, *то есть* будут убиты.

Это заявление произвело большой эффект на мрачных солдат, и их настроение было подавлено. Однако командир был человеком независимым от подобных действий и не собирался, чтобы его людей расстраивал какой-то пророк. Поэтому он послал за провидцем и очень ясно сказал ему, что его дело - предсказывать успех, а не провал, и что если он не изменит свою линию пророчества, то должен быть готов принять последствия. И провидец, и духи ушедших вождей поняли этот довольно сильный намек, и после такого предупреждения предзнаменования неизменно оказывались благоприятными, а солдаты вернули себе утраченное спокойствие.

ГЛАВА XX.
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ.

ПОГРЕБЕНИЕ УМЕРШИХ - МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ГРОБНИЦ - МЕСТО ПОСЛЕДНЕГО УПОКОЕНИЯ ВОЖДЯ - ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ И ЛЮСТРАЦИЯ - ТЕЛА ПРЕСТУПНИКОВ - ОТВРАЩЕНИЕ К ТРУПАМ - ОБЫЧНЫЕ ОБРЯДЫ - ПОХОРОНЫ РЕБЕНКА - СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ МНАНДЕ - ЕЕ ОБЩИЙ ХАРАКТЕР, и странная природа ее болезни - поведение Тчаки - собрание народа и ужасная расправа - товарищи Мнанде в могиле - ГОД НАБЛЮДЕНИЯ - странное постановление - КАК ТЧАКА ВЫШЛА ИЗ МОРЯ - РЕЗКИЙ РЕЖИМ СЕКУЛЬТУРЫ - ОТКАЗ ОТ СТАРЫХ БОЛЬНЫХ - МР. ИСТОРИЯ ГАЛТОНА.

С религией любой страны тесно связан способ, которым избавляются от тел умерших.

Захоронение в землю - самый простой и естественный способ избавления от тела, и этот способ принят у кафиров. Существуют небольшие различия в способе захоронения и выборе могилы, но общая система преобладает во всей Каффирландии. Тело никогда не укладывается на землю, как у нас; в земле выкапывается круглая яма, и тело помещается в нее в сидячем положении, колени подтягиваются к подбородку, а голова склоняется над ними. Иногда, особенно если нужно спешить, кафиры выбирают для могилы муравейник, который был разграблен большим муравьем-медведем или аард-варком, и из которого животное своими мощными когтями вырвало все внутренности, оставив лишь твердую, как кирпич, оболочку в форме печи. Обычно, однако, выкапывается круглая яма, и тело помещается в нее, как уже говорилось. Что касается места захоронения, то оно зависит от ранга умершего. Если он является главой крааля, то его всегда хоронят в иси-байя, или загоне для скота, и похороны проходят с большой церемонией. В последние дни болезни, когда очевидно, что выздоровление невозможно, люди, принадлежащие к краалю, не заботятся о своем туалете, позволяя волосам расти так, как им хочется, и воздерживаясь от использования жира и мытья. Носят самую худшую одежду и снимают все украшения. Они также обязаны поститься до похорон, и существует гуманный обычай, согласно которому детей сначала кормят обильным обедом, и только после того, как они поедят, им сообщают о смерти отца.

Сами похороны совершают ближайшие родственники, и в таких случаях не считается ниже своего достоинства помогать мужчине копать могилу. Тело кладут в могилу, рядом кладут ложку, циновку, подушку и копья: древки последних всегда сломаны, а железные наконечники погнуты, возможно, из смутного представления, что дух покойного выйдет из земли и натворит с ними бед. Если он был богатым человеком, волов также убивают и кладут рядом с ним, чтобы он мог отправиться в страну духов, хорошо укомплектованный скотом, орудиями труда и оружием. Если погребаемый не обладает достаточным статусом, чтобы иметь право на могилу в isi-baya, его хоронят за пределами крааля, а над могилой делают крепкую ограду из камней или терновых кустов, чтобы труп не потревожили дикие звери или колдуны. Как только похоронная группа возвращается, пророк посылает жителей крааля к ближайшему ручью, и после того, как они омоются в нем, он дает им немного лекарства, после чего они могут есть и пить, доить свой скот и укладывать волосы. Однако те, кто копал могилу и занимался телом покойника, обязаны пройти двойной курс лечения и люстрации, прежде чем им будет позволено прервать пост.

Не каждый каффир проходит похоронные обряды . Те, кто был убит по приказу короля, считаются недостойными почетного погребения, и независимо от того, в каком преступлении их обвиняют, и не были ли они убиты по какому-то сиюминутному капризу деспота, их тела просто утаскивают за пятки в кустарник и позволяют стать добычей стервятников и гиен. За исключением случаев, когда кафиры разгорячены конфликтом, они испытывают непобедимое отвращение к прикосновению к мертвому телу, и ничто не может показать большего уважения к мертвому, чем тот факт, что ближайшие родственники преодолевают это отвращение и совершают последний обряд, несмотря на свое естественное отвращение к такому долгу, и с полным осознанием того, что им предстоит долгий и мучительный пост.

Затем друзья семьи собираются возле главной хижины и громко оплакивают потерю, которую понес крааль. Убивают быка и готовят из его мяса пир для скорбящих, а само животное приносят в жертву ушедшему вождю. Закончив пир и исчерпав все комплиментарные фразы в адрес мертвых, они, как правило, становятся совсем не комплиментарными по отношению к живым. Обращаясь к старшему сыну, который теперь занял место отца, они сетуют на его неопытность, сочувствуют женам в том, что им нелегко находиться под властью того, кто во всех отношениях уступает покойному, и дают сыну множество добрых советов, советуя ему не бить никого из своих матерей, если он сможет поддерживать их в порядке без ручной коррекции, быть добрым ко всем своим братьям и сестрам и внимательным к иждивенцам. Свои доводы они подкрепляют обильным плачем. Слезы всегда легко приходят к кафирам, но если возникают трудности с их пролитием, обильное употребление острого нюхательного табака обязательно приведет к желаемому результату.

Именно так хоронят простых мужчин и вождей. Похороны детей проходят гораздо быстрее и проще, о чем можно судить по следующему отрывку из работы Гардинера о Южной Африке. Он описывает похороны ребенка, принадлежавшего одному каффиру, с которым он был знаком: - "Пройдя по тропинке, мы увидели, что ребенок был похоронен.

"Пройдя по запутанной тропинке и попетляв по ней некоторое расстояние, они остановились. На вопрос, то ли это место они выбрали, Колелва ответил: "Ты должен нам его показать". Когда ему снова сказали, что решение остается за ним, они прошли еще несколько шагов, и тут началась одна из самых тягостных сцен, которые я когда-либо видел: отец собственной рукой разрыл землю мотыгой и вырыл могилу для своего ребенка, которому помогала только одна из его жен, в то время как убитая горем мать, сидя под кустами, как другая Агарь, следила за каждым движением, но не смела приблизиться к скорбному месту.

"Когда все было готово, Колелва вернулся с женой, которая помогала ему, за телом Номбуны, матери, все еще остававшейся наполовину скрытой среди деревьев. Все происходило так тихо, что я не заметил их возвращения, пока, внезапно повернувшись на месте, не увидел, что женщина так естественно поддерживает тело на коленях, сидя на земле, что сначала я действительно подумал, что это был живой ребенок. Опустив пучок листьев в калабаш с водой, отец сначала омыл тело, а затем положил его в могилу, над которой я прочитал отрывок из Погребальной службы (только те части, которые были строго применимы), завершив его коротким назиданием присутствующим. Затем все отверстие было засыпано большими кострами, поверх которых была набросана земля, а сверху навалена значительная куча колючих сучьев и веток, чтобы обезопасить могилу от приближения диких животных".

В странном контрасте с этой трогательной и мирной сценой стоят ужасные обряды, которыми Чака отпраздновал похороны своей матери Мнанде. На странице 124 уже говорилось о том, что Чака подозревали, и не без оснований, в активном или пассивном соучастии в смерти матери; не секрет, что она была буйной, ссорящейся, вспыльчивой женщиной и что Чака был очень рад избавиться от нее. И хотя кафиров презирают, если они позволяют своей матери проявлять хоть малейшую власть над ними, когда они достигают совершеннолетия, и хотя считается, что юноша скорее похвален, чем нет, если он бьет свою мать в доказательство того, что он уже не ребенок, убийство родителя рассматривается как преступление, которому нет оправдания.

Безответственный деспот, каким был Чака, не был настолько независим от общественного мнения, чтобы позволить говорить о себе как об отцеубийце, и поэтому, как только его мать потеряла всякий шанс на выздоровление, он начал работать над тем, чтобы заставить свой народ поверить, что он действительно очень сожалеет о болезни своей матери. Прежде всего, он прервал большую охоту на слонов, в которой был занят; и хотя он находился в шестидесяти милях от крааля, в котором жила его мать, он сразу же отправился в путь и прибыл домой в середине следующего дня. По просьбе Тчаки мистер Файнн отправился навестить пациентку и сообщить, есть ли у нее шансы на выздоровление. Его рассказ о беседе и последующих церемониях выглядит следующим образом

"Я отправился туда в сопровождении старого вождя и обнаружил, что хижина заполнена скорбящими женщинами, и от нее поднимаются такие клубы дыма, что я был вынужден попросить их удалиться, чтобы дать мне возможность дышать внутри нее. У нее была дизентерия, и я сразу же доложил Чаке, что ее состояние безнадежно и что я не ожидаю, что она проживет до конца дня. Полкам, сидевшим тогда полукругом вокруг него, было приказано разойтись по казармам, а сам Чака просидел около двух часов в созерцательном настроении, не проронив ни слова; несколько старших вождей также сидели перед ним. Когда принесли весть о ее кончине, Чака немедленно встал и вошел в свое жилище; приказав главным вождям надеть свои военные наряды, он через несколько минут появился в своем. Как только было публично объявлено о смерти, женщины и все присутствовавшие мужчины мгновенно сорвали с себя все украшения.

"Теперь перед хижиной, в которой лежало тело, появился Чака в окружении своих главных вождей, одетых в свои военные наряды. Около двадцати минут он стоял в молчаливом, скорбном положении, склонив голову на свой щит, на который, как я видел, упало несколько крупных слез. После двух или трех глубоких вздохов, когда его чувства стали неуправляемыми, он разразился неистовыми воплями, которые страшно контрастировали с царившей до сих пор тишиной. Этого сигнала было достаточно: вождь и народ, насчитывавший около пятнадцати тысяч человек, начали самые мрачные и ужасные причитания.....

"Люди из соседних краалей, мужчины и женщины, стекались сюда; каждое тело, появляясь в поле зрения на расстоянии полумили, присоединялось к ужасному воплю. Так продолжалось всю ночь, никто не осмеливался отдохнуть или освежиться водой; через короткие промежутки времени раздавались новые взрывы, когда приближались более отдаленные полки. Утро наступило без всяких послаблений, и к полудню их число возросло примерно до шестидесяти тысяч. Крики стали неописуемо ужасными. Сотни людей лежали, потеряв сознание от чрезмерной усталости и недостатка пищи; в куче лежали туши сорока быков, зарезанных в качестве подношения духам-покровителям племени.

"В полдень все собрались в круг, в центре которого стоял Чака, и запели военную песню, которая позволила им немного расслабиться. По ее окончании Чака приказал казнить нескольких человек на месте, и крики стали, если это возможно, еще более яростными, чем прежде. Дальнейших приказов не последовало, но, словно желая убедить своего вождя в своем крайнем горе, толпа начала всеобщую резню: многие из них получали смертельный удар, нанося его другим, и каждый пользовался возможностью отомстить за свои обиды, реальные или мнимые. Тех, кто уже не мог выдавить слезы из глаз, - тех, кого находили у реки, задыхающимися от жажды воды, - другие, обезумевшие от возбуждения, забивали до смерти. Ближе к полудню я подсчитал, что в этой страшной, беспорядочной резне погибло не менее семи тысяч человек. Прилегающий ручей, к которому многие бежали в изнеможении, чтобы смочить пересохшие языки, стал непроходимым от количества мертвых тел, лежавших по обе стороны от него; а крааль, в котором происходила эта сцена, был залит кровью".

На второй день после смерти Мнанде ее тело положили в большую могилу рядом с местом, где она умерла, и десять самых красивых девушек в краале были заживо заключены в ту же могилу. (Двенадцать тысяч мужчин, полностью вооруженных, присутствовали на этой страшной церемонии и целый год стояли на страже могилы. Их содержали за счет добровольных пожертвований скота от каждого зулуса, имевшего стадо, каким бы маленьким оно ни было. Конечно, если бы Чака мог отпраздновать последнюю болезнь и смерть своей матери с такими пышными церемониями, никто бы и не подумал, что он причастен к ее смерти. Какими бы экстравагантными ни были эти обряды, они не вполне удовлетворили людей, и вожди единодушно предложили принести новые жертвы. Они предложили убить каждого, кто не присутствовал на похоронах Мнанде, и это ужасное предложение было осуществлено, несколько полков солдат были разосланы по стране для его исполнения.

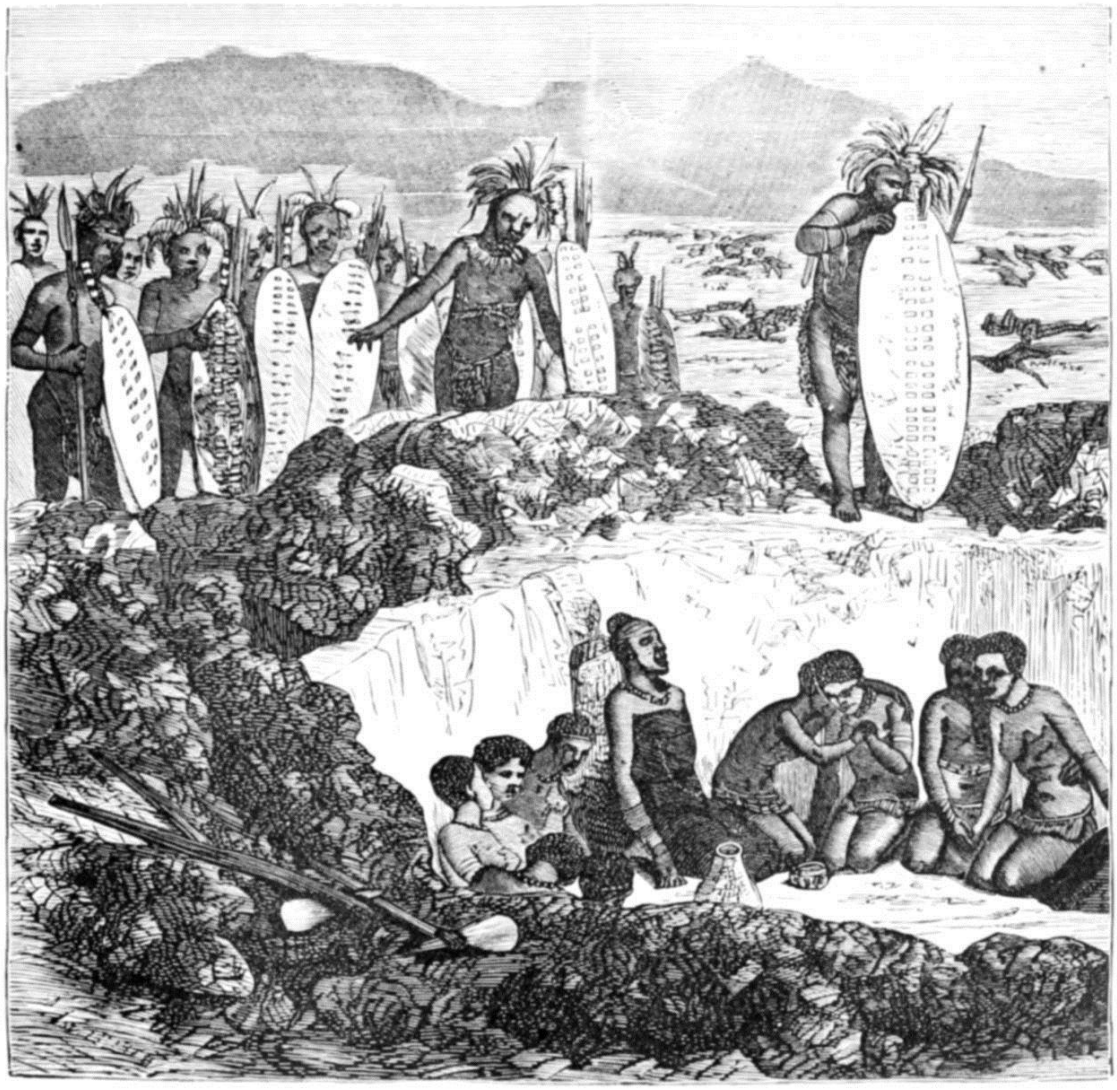
Следующее их предложение заключалось в том, чтобы сама земля присоединилась к всеобщему трауру и не возделывалась в течение целого года; никому не разрешалось ни готовить, ни есть амаси, а молоко сразу же выливалось на землю. Эти предложения были приняты, но по прошествии трех месяцев была составлена композиция из большого количества быков, предложенных Тчаке вождями. Последнее, самое поразительное предложение заключалось в том, что если в течение следующего года родится какой-либо ребенок или даже если такое событие может произойти, то и родители, и ребенок должны быть казнены. Поскольку это предложение было, по сути, лишь масштабным воплощением принципа, которого Тчака придерживался в своих собственных домах, он с готовностью дал свое согласие; и в течение всего года было пролито много невинной крови.

По истечении года Чака решил принести еще одну искупительную жертву в качестве предварительного условия для церемонии снятия траура. Однако оно не состоялось благодаря уговорам мистера Файнна, которому удалось убедить деспота пощадить жизни своих подданных. Одной из причин, побудивших Чаку удовлетворить просьбу, было то, что его забавляла мысль о том, что белый человек будет просить за жизнь "собак".

СОХРАНИВШАЯСЯ ГОЛОВА.

ГОЛОВА ВОЖДЯ МУНДУРУКУ.

(См. стр. 1216.)



ПОГРЕБЕНИЕ МАТЕРИ ЧАКИ.
(См. стр. 202.)

Вся трудоспособная часть населения была предупреждена резней предыдущего года и явилась на церемонию. Их разбили на полки, и, как только появился вождь, они одновременно двинулись к вершинам холмов, окружавших большой крааль, в котором должна была состояться церемония. Для участия в церемонии было собрано до ста тысяч быков, рев которых считался благодарным звуком для духов умерших. Стоя среди этого дикого аккомпанемента к своему голосу, Чака начал громко рыдать и всхлипывать, и все собрание, по долгу службы, вторило ему, создавая самый отвратительный грохот. Этот шумный обряд начался после полудня и завершился на закате, когда Чака приказал убить много скота для пиршества. На следующий день состоялась церемония, в результате которой Чака вышел из состояния траура. Каждый мужчина, владевший скотом, приводил с собой хотя бы одного теленка, и когда король занимал свое место в центре крааля, каждый мужчина разрезал правый бок теленка, вырывал желчный пузырь и оставлял несчастное существо умирать. Затем каждый полк последовательно двигался перед Тчакой, и, медленно обходя его, каждый человек окроплял его желчью. После того как он был покрыт желчью, пророки омыли его определенными препаратами собственного приготовления; на этом вся процедура закончилась, и Чака вышел из траура.

Уже упоминалось, что в некоторых случаях, особенно когда умершие были убиты по приказу короля или замучены до смерти как колдуны, тела просто оттаскивали в кусты и оставляли на съедение гиенам и стервятникам. Известны также случаи, когда человека, находящегося на грани смерти, родственники бросали в реку еще до того, как жизнь окончательно угасала. Актеры этих странных трагедий, по-видимому, считали, что умирающему нет нужды беспокоиться о том, что он проживет на свете на час больше или меньше, тем более что таким образом они освобождали себя от ненавистной обязанности обращаться с мертвым телом. Иногда со смертельно больными людьми поступают даже более ужасно, чем со сравнительно милосердной смертью от утопления или от челюстей крокодилов; умирающих и очень старых и немощных людей оставляют умирать с небольшим запасом еды и питья, достаточным для поддержания жизни в течение дня или двух. Мистер Гальтон рассказывает об одном таком случае, который произошел в его собственном опыте.

"По дороге я увидел ужасное зрелище, которое с тех пор часто преследует меня. Мы свернули с короткого пути и были в полутора днях пути от наших повозок, когда я заметил впереди какой-то дым и поскакал посмотреть, что это такое. Огромное дерево терновника тлело, и, судя по количеству пепла, было похоже, что оно горело очень долго. Рядом с ним были следы, которые мы никак не могли разобрать - никаких следов, только отпечатки рук то тут, то там. Мы пошли по ним и нашли несчастную женщину, ужасно истощенную; обе ее ноги были сожжены, а раны открыты и не заживали. По ее рассказу, много дней назад она и другие отдыхали в этом месте; когда она спала, сухое, но крепкое дерево, которое они подожгли, упало и запутало ее в своих ветвях: она сгорела, не успев освободиться, и люди ее бросили. С тех пор она жила только камедью, которой здесь было огромное количество: она сочилась с деревьев и образовывала большие лепешки на песке. Вода была совсем рядом, ведь она стояла на краю русла реки. Я не знал, что с ней делать; у меня не было ни средств, чтобы ее куда-то отнести, ни места, куда ее можно было бы отнести.

"Дамары убивают бесполезных и измученных людей - даже сыновья душат своих больных отцов; и смерть была недалеко от нее. У меня было с собой три овцы, я свалил одну и убил. Она казалась прожорливой; и хотя я специально отошел от нее ярдов на двести, бедняжка все равно ползла и тащилась ко мне, не желая отступать, боясь, что я забуду дать ей обещанную еду. Когда все было готово и она съела то, что я ей дал, мясо, как это часто бывает в таких случаях, опьянило ее; она попыталась встать, невзирая на боль, запела и замахала своими худыми руками. Смотреть на это зрелище было совершенно тошно. Я сделал единственное, что мог: нарезал оставшееся мясо полосками и повесил их в пределах ее досягаемости, где солнце могло их подергать (*то есть* высушить и сохранить). Этого ей хватило бы на много дней. Я увидел, что у нее в изобилии есть вода, дрова и жвачка, и оставил ее на произвол судьбы".

Это событие произошло среди дамаров; но капитан Гардинер упоминает, что среди зулусов умирающую женщину уносили в кустарник и оставляли там умирать в одиночестве. То, что такой обычай преобладает, очевидно, и вполне вероятно, что он практикуется чаще, чем принято считать. За людьми высокого ранга во время болезни ухаживают достаточно тщательно; но у мужчин и женщин низкого положения, особенно если они стары и немощны, а также измучены болезнью, вряд ли будет много шансов быть выхаженными в стране, где человеческая жизнь ценится так мало.

ГЛАВА XXI.
ЖИЗНЬ ДОМАШНЯЯ.

СПАЛЬНОЕ МЕСТО - КАК СПЯТ СОЛДАТЫ В ПОХОДЕ - КРОВАТЬ КАФФИРА - НЕЗНАНИЕ ТКАЧЕСТВА - ПЕРЕНОСНАЯ МЕБЕЛЬ - НЕОБЫЧНЫЙ СНАРЯД - ПОДУШКА КАФФИРА - ЕЕ МАТЕРИАЛ И ОБЫЧНАЯ ФОРМА - ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАФФИРА ОБ ОРНАМЕНТЕ - СПОСОБ ОТДЫХА - ДИНГАН ДОМА - ДОМАШНЯЯ ДИСЦИПЛИНА - МУЗЫКА КАФФИРА - ЭНЕРГИЧНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ - НЕКОТОРЫЕ ТУЗЕМНЫЕ МЕЛОДИИ - КАЧЕСТВО ГОЛОСА - МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ - "АРФА" И СПОСОБ ИГРЫ НА НЕЙ - ОСОБЫЕ ТОНА АРФЫ - КАФФИРСКАЯ ФЛЕЙТА - ГЛИНЯНАЯ ПОСУДА У КАФФИРОВ - ЖЕНЩИНЫ ЕДИНСТВЕННЫЕ ГОНЧАРЫ - КАК ДЕЛАЮТ ГОРШКИ - ОБЩАЯ ФОРМА ГОРШКОВ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ - ГЛИНЯНЫЕ ЗЕРНОХРАНИЛИЩА - МОЛОТЬБА ЗЕРНА ПЕРЕД ТЕМ, КАК ОБМОЛОТИТЬ ЕГО.ГЛИНЯНЫЕ ЗЕРНОХРАНИЛИЩА - ОБМОЛОТ ЗЕРНА ПЕРЕД ХРАНЕНИЕМ - ДЕРЕВЬЯ АФРИКИ - КОЛЮЧКИ И ИХ СВОЙСТВА - РАСТЕНИЕ-ГРЕЙФЕР - ЖДИ-БИТА, И КРЮЧКОВАТЫЕ КОЛЮЧКИ - ОБЕЗЬЯНЬИ ТРОСЫ - РАЗЛИЧНЫЕ БРЕВНА.

Спальное место кафира - самое простое, и для европейского ума представляет собой примерно такой же неудобный набор предметов, какой только можно себе представить. Действительно, у многих молодых неженатых мужчин единственным постоянным местом для сна является пол хижины или сама земля, если они вынуждены спать под открытым небом. Солдаты в походе всегда спят на земле, а поскольку им приходится оставлять за спиной всю свою одежду, они ищут отдохновения самым примитивным способом, который только можно себе представить. Уже упоминалось, что для обеспечения быстроты передвижения каффирский солдат не носит с собой ничего, кроме оружия, и даже не обременен одеждой. Таким образом, он имеет заметное преимущество перед европейскими солдатами, которые быстро погибли бы от болезней, если бы были вынуждены проходить кампанию без кроватей, палаток, снаряжения и комиссариата.

Наши горные солдаты менее зависимы от дополнительных удобств, чем большинство европейских полков, и с удовольствием кутаются в свои пледы, используют рюкзаки в качестве подушек и ложатся спать под открытым небом. Но у них в любом случае есть плед, а у каффирского воина нет ничего, кроме щита, который он может использовать как постель, если захочет, и, возможно, ему повезло, что долгие тренировки в тяжелых маршах делают его совершенно безразличным к тому, на каком месте лежать. Главное для него - чтобы выбранное место не было сырым, не находилось в непосредственной близости от муравьиных гнезд или змеиных убежищ, а следующая забота - расположить свое тело и конечности так, чтобы они соответствовали неровностям почвы. Что касается жесткости его временной кушетки, то он практически не задумывается об этом.

Но когда наш каффирский парень вступает в ряды мужчин и берет себе первую жену, он предается двойной роскоши - кровати и подушке: первая делается из стеблей травы, а вторая - из дерева. Этот предмет мебели практически одинаков во всей Южной Африке, а среди истинных племен каффиров кровать самого короля и кровать его самого захудалого подданного идентичны по материалу и форме. Она сделана из стеблей трав, около трех футов в длину и толщиной с вороний хвост. Они уложены рядом друг с другом и скреплены двойными веревками, которые проходят вокруг стеблей и постоянно перекрещиваются взад и вперед, образуя коврик шириной около трех футов и длиной шесть. Этот способ связывания стеблей травы почти идентичен тому, который используют туземные племена, живущие на берегах реки Эссекибо, для связывания тонких стрел, которые они выпускают из

своих духовых ружей. Концы стеблей травы переворачиваются и крепко скрепляются бечевкой, образуя своеобразный кулисок, который предохраняет циновку от распутывания.

Глядя на один из таких спальных ковриков, наблюдатель склонен предположить, что на его изготовление было потрачено огромное количество ненужных хлопот, что мастер сделал бы свою работу быстрее и лучше, и что само изделие выглядело бы гораздо элегантнее, если бы он сплел материалы, а не скрепил их бечевкой. Но каффир не имеет ни малейшего представления о ткачестве, и даже примитивный ручной станок, который так распространен в разных частях света, не встречается на юге Африки.

Каффир умеет выделывать шкуры не хуже любого европейского меховщика. Он умеет плести корзины, которые ни один профессиональный мастер не может даже имитировать, не говоря уже о соперничестве. Он может сделать лезвия для копий и топоров, которые больше подходят для его страны, чем лучшие образцы европейского производства. Но он не имеет ни малейшего представления об очень простой операции по переплетению нитей в ткань. Это незнание почти универсального искусства тем более примечательно, что он умеет сплетать кожаные ремешки и грубые волосы в сложные украшения, нанизывать бусины так, что получаются плоские пояса или даже фартуки. Тем не менее, это факт, и факт весьма любопытный.

Когда спящий просыпается утром, кровать сворачивается в цилиндрическую форму, скрепляется с помощью веревки из шкуры и подвешивается в хижине в стороне от дороги. Изучающему Священное Писание, естественно, вспомнится повеление, данное парализованному человеку: "Возьми постель свою и ходи". Речь идет об обычном тонком матрасе, используемом на Востоке, который расстилается на земле, когда им пользуются, и сворачивается и убирается, как только спящий встает с кушетки. Если каффир переезжает из одного дома в другой, его жена несет его кровать с собой, иногда ее собственный диван балансирует на ее голове, а диван ее мужа пристегнут к ее плечам. Этот последний способ переноски кровати можно увидеть на иллюстрации "Куклы" на странице 33, где женщина изображена с кроватью, частично скрытой под каросом.

Если каффир - человек довольно роскошного нрава, он приказывает своей жене нарвать побольше травы или свежих листьев, и, расстелив их на земле и расстелив на них циновку, получает кровать, которую не презрел бы даже обычный европеец. Хотя кровать достаточно велика, чтобы на ней мог разместиться человек в полный рост, она удивительно легкая. Мой собственный экземпляр, который является очень хорошим примером каффирской кровати, весит ровно два фунта и одну унцию, так что человек, который его несет, испытывает неудобства не столько из-за веса, сколько из-за его громоздкости. Впрочем, объем значительно уменьшается за счет упругости, с которой она свернута, так что получается цилиндр диаметром всего три или четыре дюйма. Читатель, возможно, помнит историю о сбежавшей невесте по имени Узинто, которая весьма удивила каффирского вождя тем, что бросила свою кровать головой вперед в дверь хижины. По иллюстрации на стр. 209 легко понять, как легко кровать можно было забросить через узкий вход и какой резкий удар она могла нанести, если была брошена с любой силой.

Подушка, которую использует каффир, еще менее удобна, чем его кровать, поскольку состоит не из чего иного, как из деревянного бруска. Форма и размеры этих подушек чрезвычайно разнообразны. Имеющиеся у меня экземпляры достигают пятнадцати дюймов в длину и почти шести в высоту, а поскольку они вырезаны из цельных блоков дерева акации, то и весят немало.

При изготовлении подушки мастер приложил немало усилий и вырезал восемь ножек в очень сложной манере, вырезав их в виде пирамидок и обуглив чередующиеся стороны каждой маленькой пирамидки, чтобы создать контраст черного и белого, который кажется каффирцам идеалом красоты в резьбе по дереву. Здесь можно заметить, что каффир совсем не изобретателен в узорах, и что существует любопытный контраст между его архитектурой и его узорами. Первая, как можно заметить, построена на кривых линиях, в то время как во второй линии почти прямые. Очень редко нецивилизованный каффир рисует узор, не основанный на прямых линиях, и даже в тех случаях, когда он вводит круговые узоры, круги получаются небольшими.

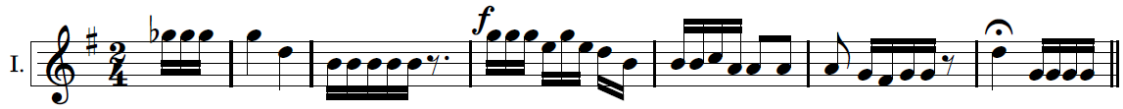
Какими бы неудобными ни казались нам эти подушки, они вполне подходят кафирам; даже женатые мужчины, чьи головы тщательно выбриты и у которых нет даже защиты волос от твердости дерева, гораздо больше довольны своей подушкой, чем самой мягкой подушкой, которую можно было бы изготовить из пуха и атласа. Этот вкус не свойственен ни кафирам, ни даже дикарям. Ни один англичанин, привыкший к жесткому и простому матрасу, не почувствует себя комфортно, если будет вынужден спать на пуховой перине; а многие путешественники, долгое время привыкшие спать на земле, так и не смогли вынести постели. Я знал нескольких таких путешественников, один из которых распространял свою неприязнь к английским спальным принадлежностям не только на кровать, но и на саму подушку, вместо которой он всегда заменял дубовый брусок, слегка закругленный в верхней части.

Иллюстрация "Динган у себя дома" на стр. 209 изображает, как отдыхает каффир. Лежащий человек - это великий каффирский монарх Динган, и читатель заметит, что его кровать - это простая циновка, а подушка - всего лишь деревянный брусок. Хижина, которая здесь представлена, - это знаменитая хижина, которую он построил в своем гарнизонном городе Укунгинглове, и она была особо отмечена тем, что ее поддерживали двадцать колонн. Камин этой хижины был примечателен своей формой, которая, вместо того чтобы быть простым кругом, обычно используемым среди кафиров, напоминала по форме тот орнамент, который известен архитекторам под названием "четырехугольник". Несколько его жен сидят вокруг, и, поскольку Динган был таким большим человеком, им не разрешалось стоять прямо или даже как-то использовать свои ноги, так что, если они хотели перейти из одной части хижины в другую, они были вынуждены шаркать по ней на коленях. Иллюстрация взята с рисунка капитана Гардинера, которого Динган пригласил на беседу в дом, и во время этой беседы он весьма удивил своего гостя, удалившись на короткое время, а затем представ перед ним с лицом, конечностями и телом, полностью покрытыми красными и белыми пятнами, как у игрушечных лошадок.

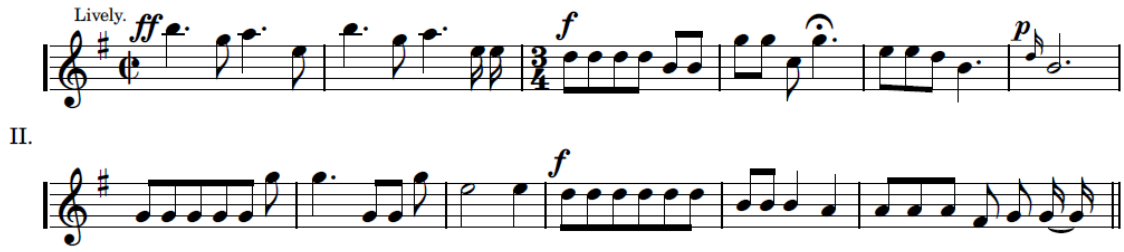
Созерцая этот рисунок, читатель может составить довольно точное представление о роскоши, которую обеспечивает дикая, дикарская жизнь, которую так любят восхвалять некоторые авторы.

Что касается музыки, то у кафиров довольно любопытные представления на этот счет. Его представление о мелодии очень слабое, в то время как его синхронность - само совершенство. Песни каффирских племен уже упоминались, и тот факт, что несколько сотен мужчин поют различные военные песни так, словно они одушевлены одним духом, показывает, что все они должны соблюдать точное время. В этом им помогают бурные жесты, которым они предаются. Каффир отличается от европейского вокалиста тем, что всегда, по возможности, садится, когда поет. Он и его товарищи садятся на корточки в кругу, иногда в три или четыре ряда, и выкрикивают какую-нибудь известную песню во весь голос, раскачивая свои полированные тела вперед и назад, как будто они один человек, и помогая

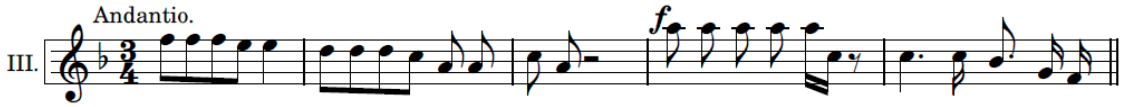
времени, ударяя ногами по земле и с силой прижимая локти к ребрам, чтобы изгнать ноты из легких с двойным акцентом.



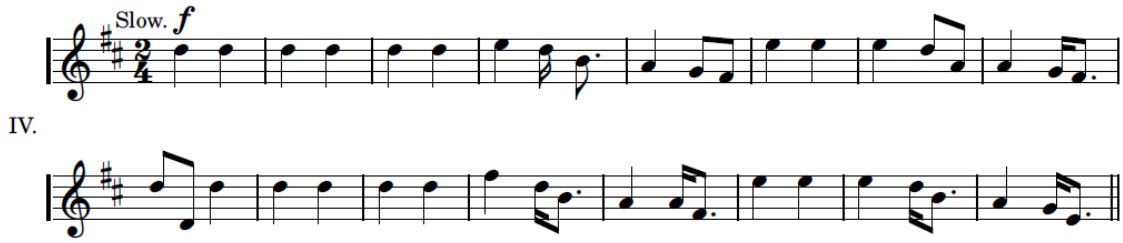
Воспроизвести [Музыка]



Play [Music]

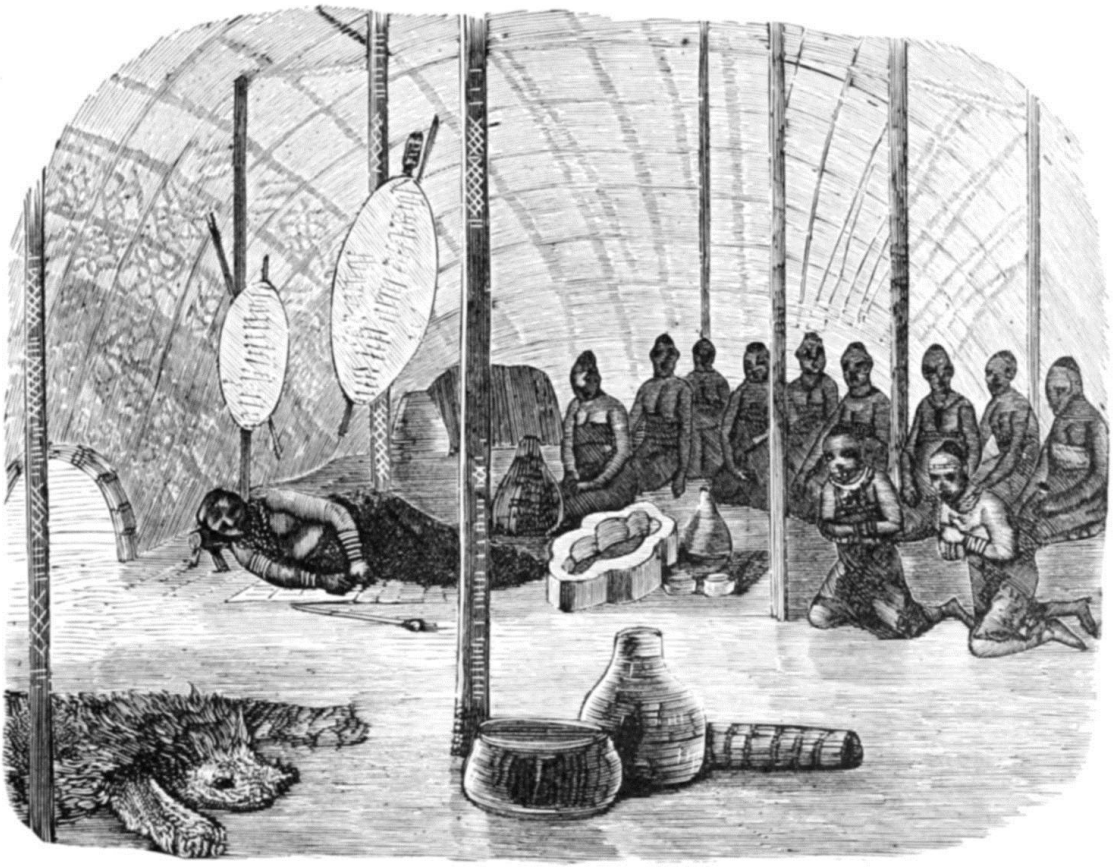


Play [Music]



Играть [Музыка]

Здесь приведены некоторые мелодии, которые поют кафиры на своих танцах, музыка взята из работы преподобного Дж. Шутера. Читатель сразу же увидит, как смело в них обозначено время и как хорошо они приспособлены для своей цели. Они также не лишены мелодий, особенно последняя, с дикой и причудливой мелодией, которая прочно завладевает ухом и навевает воспоминания тем, кто слышал ее в таком исполнении, какое могут исполнить только кафиры. В некоторых племенах босджесманов используется своего рода гармония или, скорее, устойчивый дискант, как будет показано на следующей странице, но зулусы, похоже, превосходят всех в исполнении унисонных песен, силу которых могут представить себе те, кто знаком с великими старыми гимнами и григорианскими мелодиями, которые так долго оставались в безвестности.



(1.) ДИНГАН ДОМА.
(См. стр. 207.)

(2.) ССОРЯЩИЕСЯ ЖЕНЩИНЫ.
(См. стр. 213.)

Конечно, качество каффирского голоса - это не то, что могло бы порадовать европейского вокалиста. Как и все бескультурные певцы, кафиры любят сильные контрасты, то используя высокий фальцет, то внезапно опускаясь до хриплого баса. Очень примечательно, что этот способ управления голосом довольно универсален во всем мире, и что опытные вокалисты Каффирландии, Китая, Японии, Персии и Аравии поют именно таким фальцетом, носовым звоном и резким переходом от высоких нот к низким, которые характерны для наших необразованных певцов в сельских районах. Посадите уилтширского рабочего и китайского джентльмена в разные комнаты, закройте двери так, чтобы исключить произношение слов, попросите их спеть одну из их обычных песен, и слушатель едва ли сможет определить, в какой комнате находится английский, а в какой китайский вокалист. В приведенных образцах музыки читатель заметит в нескольких местах внезапное повышение или понижение на целую октаву, а также любопытное подергивание многих пассажей - оба эти признака характерны для музыки, исполняемой в сельских деревнях, где современное искусство не изменило голос.

Музыкальных инструментов у кафиров очень мало, и те самые простые. Один из них - свисток, который часто отвлекается от своей обычной функции простого свиста, чтобы стать музыкальным инструментом, который, хотя и не имеет диапазона нот, может в любом случае заставить себя услышать при любом вокальном сопровождении. И как кафирец считает, что песня - это не песня, если ее не петь во всю мощь легких, так и он считает, что свисток - ценный инструмент в его ограниченном оркестре.

Есть, однако, один музыкальный инструмент, который отличается необычайной мягкостью и низкими тонами, но при этом пользуется большой популярностью у каффирских музыкантов. Это инструмент, который иногда называют арфой, иногда гитарой, а иногда скрипкой, и который имеет равное право на любое из этих названий, поскольку не имеет ни малейшего сходства ни с одним из этих инструментов. Для краткости мы возьмем первое из этих названий и назовем его арфой. С первого взгляда зритель, вероятно, примет ее за обычный смычок, к которому в качестве украшения привязана тыква, и, действительно, я знаю, что в каталоге этот инструмент был описан именно так.

Инструмент, изображенный на иллюстрации под названием "Арфа" на странице 155, взят с экземпляра, привезенного из Натальского округа покойным Г. Джексоном, эсквайром, которому я обязан многими орудиями труда, представленными в этой работе. Длина лука составляет около пяти футов, и сделан он точно так же, как если бы предназначался для метания стрел. Истинный каффир, однако, никогда не использует лук на войне или даже на охоте, считая его трусливым оружием, недостойным руки воина, и рассматривая его примерно в том же свете, в каком рыцари древности смотрели сначала на арбалеты, а затем на огнестрельное оружие, ни одно из которых не дает равных мастерству и силе воина. Шнур сделан из скрученных волос и гораздо длиннее лука, так что его можно натягивать или ослаблять в зависимости от тона, который хочет получить сумрачный музыкант. К одному концу смычка прикреплена круглая полая тыква с помощью довольно сложной конструкции из кожаных ремешков. Когда тыква установлена на свое место, а струна натянута до нужного напряжения, инструмент готов.

Когда каффирский музыкант хочет им воспользоваться, он держит его с тыквой на груди и ударяет по шнуру маленькой палочкой, издавая ряд звуков, которые, конечно, скорее

музыкальные, чем какие-либо другие, но настолько слабые, что едва слышны на расстоянии нескольких ярдов. Хотя звук так слаб, а инструмент предназначен скорее для времени, чем для тона, кафиры очень любят его и играют на нем по часу вместе, причем их энтузиазм совершенно непонятен для европейского уха.

Обычно исполнитель довольствуется тоном, который он получает, натягивая смычок на определенную ноту, но опытный игрок не довольствуется таким расположением. Он прикрепляет к струне короткий шнурок, а к концу шнурка прикрепляет кольцо. Указательный палец левой руки пропускается через кольцо, и исполнитель может в процессе игры менять тон, изменяя натяжение струны. Цель калабаша - придать звуку глубину и резонанс, и примечательно, что подобное приспособление используется во многих частях света: полые бамбуковые трубки, глиняные барабаны и латунные сосуды применяются для той же цели.

Читатель, возможно, помнит, что в средние века, да и в некоторых районах до сравнительно позднего времени, в стране использовалась однострунная скрипка. Это был просто смычок, с надутым пузырем, вставленным между струной и грифом, и очень похожий на каффирский инструмент с тыквой, повернутой внутрь, чтобы струна проходила через нее. Вместо того чтобы просто ударять по ней маленькой палочкой, на ней играли грубым смычком; но даже в руках самого искусного исполнителя ее тона должны были быть отнюдь не мелодичными. Каффирская арфа используется как мужчинами, так и женщинами. У кафиров также есть грубая флейта, сделанная из тростника. Этот инструмент, однако, более распространен среди бечуанов и будет описан на одной из следующих страниц.

В ходе работы упоминались глиняные горшки, используемые кафирами. Эти сосуды имеют самое грубое описание, какое только можно себе представить, и представляют собой любопытный контраст с тонкой и сложной работой по изготовлению корзин, о которой уже говорилось. Когда каффир делает свои корзины, будь то маленький сосуд для молока или большой склад, он придумывает самые тонкие и сложные узоры, а из самых простых материалов создает работы, которые не может превзойти ни один европейский мастер по изготовлению корзин. Но когда сосуды приходится делать из глины, изобретательские способности мастера , кажется, иссякают, и узор оказывается таким же некачественным, как и материал. Возможно, эта неполноценность объясняется тем, что плетение корзин принадлежит мужчинам, которые привыкли вырезать различные узоры на своих ложках и тыквах, в то время как гончарное искусство, подразумевающее действительно тяжелую работу, такую как копание и замешивание глины, передается женщинам, которые привыкли заниматься тяжелым трудом.

Каффир не имеет никакого представления о машинах, и так же, как он не знает простейшей формы ткацкого станка для плетения нитей в ткани, он не способен сделать простейший вид колеса, с помощью которого можно помочь руке в формировании гончарных изделий. Это, пожалуй, тем более примечательно, что любовь к круглым формам настолько сильна в каффирском сознании, что мы, естественно, могли бы предположить, что он изобретет простой вид колеса, подобного тому, что используется крестьянами Индии. Но, как можно предположить по единственным попыткам кафиров создать механизмы, а именно: мехи, с помощью которых он спасает свое дыхание, и крайне грубая мельница, с помощью которой он спасает свои зубы, - создание вращающегося колеса далеко за пределами его возможностей. При изготовлении горшков женщины разбивают на куски гнезда белого муравья и, измельчив материал в мелкий порошок, смешивают его с водой, а затем разминают до нужной консистенции. Затем они формируют глину в кольца и постепенно лепят горшки, регулярно накладывая одно кольцо на другое, пока не получится нужная форма. Поэтому очевидно, что изготовление достаточно большого горшка - процесс,

занимающий значительное время, так как его приходится выстраивать очень медленно, чтобы он не просел под собственным весом.

Единственный инструмент, который используется при изготовлении каффирской керамики, - это кусок дерева, которым оператор скребет глиняные кольца по мере их нанесения, чтобы получить довольно гладкую поверхность, и которым она может наносить небольшие кусочки глины там, где есть недостаток. Формы этих горшков и сковородок очень неуклюжи, а их некрасивый вид усиливается тем, что они часто становятся вислыми из-за некачественной сушки. Примеры таких изделий можно увидеть в нескольких частях этой работы. В дальнем конце иллюстрации № 1 на странице 63 можно увидеть несколько больших горшков, которые используются для хранения зерна после шелушения.

Операция шелушения, кстати, довольно своеобразная, и совсем не приятная для зрителей, которые заботятся о своих глазах или лицах. Сухие головки маиса сваливают в кучу на твердый и полированный пол хижины, и несколько кафиров рассаживаются в круг вокруг кучи, каждый из которых орудовал всегда полезной ножовкой-керри. Один из них заводит песню, и остальные присоединяются к ней, отбивая дубинками время по головам маиса. Это очень увлекательное развлечение для исполнителей, которые выкрикивают шумный хор на самом высоком уровне своих легких и отбивают время, ударяя дубинками по зерну. С каждым ударом тяжелой дубины зерна маиса вырываются из шелухи и разлетаются по хижине во все стороны, угрожая травмами, а то и полным уничтожением, глазам всех, кто находится в хижине. Однако молотильщики пользуются иммунитетом, который, похоже, распространяется только на них самих и кузнецов; и пока незнакомец тревожно прикрывает глаза от ливня твердых маисовых зерен, сами молотильщики не задумываются о сохранности своих глаз, а поют во весь голос, колотят по кукурузным початкам и заставляют зерна лететь во все стороны, как будто припев песни - это главная цель в жизни, а сохранение зрения недостойно даже мысли.

После того как кукуруза отделена от шелухи, большая часть ее прячется в подземных амбарах, о которых уже говорилось, а значительная часть помещается в большие глиняные кувшины для домашнего потребления. Для варки мяса используют два горшка, один из которых служит крышкой, перевернутой над другим, и оба плотно прилегают друг к другу, чтобы сохранить аромат мяса. За исключением трех целей - сохранения зерна, приготовления пищи и варки пива - кафиры редко используют глиняные сосуды: их легкие корзины отвечают всем требованиям и гораздо удобнее в обращении.

Из предыдущих страниц читатель может составить представление о привычках и обычаях племен, населяющих эту часть света, из которых одна раса была выбрана в качестве типичного примера. О многих других племенах мы расскажем лишь вскользь и упомянем только самые существенные моменты их характера. В целом можно увидеть, что жизнь южноафриканского дикаря не так отталкивающа, как часто думают, и что, за исключением некоторых особенностей, каффир живет вполне счастливой и мирной жизнью. Конечно, его призывают на определенное время в армию, но он разделяет эту обязанность с жителями большинства цивилизованных стран, а когда он возвращается после кампании, то вознаграждается за хорошее поведение повышением социального ранга и средствами для его поддержания.

Конечно, домашняя жизнь имеет свои недостатки как у дикарей, так и у цивилизованных народов; и, возможно, бывают случаи, когда галантный солдат, награжденный женой или двумя за свою храбрость в поле, желает снова отправиться в военный поход. Естественным следствием низкого уважения, в котором находятся женщины , и рабского состояния, в

котором они находятся, является то, что они склонны яростно ссориться между собой и выплескивать друг на друга все чувства раздражения, которые они вынуждены подавлять перед своими господами и хозяевами.

Даже среди нас самих мы видим, как этот ссорящийся дух развивается пропорционально недостатку культуры, и как в самых деградирующих кварталах ссора между двумя женщинами возникает по самому незначительному поводу и распространяется во все стороны, как огонь на буксире. Так, в каффирском краале пара женщин ссорится, и зараза тут же распространяется по округе. Каждая женщина, находящаяся в пределах слышимости, должна принять участие в ссоре, как собаки, когда слышат, как дерутся их товарищи, и сцена в краале становится, как видно из иллюстрации № 2, стр. 209, скорее оживленной, чем приятной. Но даже этот недостаток домашней жизни не лишен своего средства, которое обычно принимает форму палки, так что мужчины, по крайней мере, ведут довольно спокойную жизнь. Их главные особенности - абсолютная власть их короля и необыкновенная покорность суевериям; но, поскольку они никогда не привыкли считать свою жизнь или свое имущество собственными, они вполне счастливы в условиях, которые сделали бы англичанина несчастным.

Любой рассказ о Южной Африке был бы несовершенен без краткого описания одного или двух примечательных деревьев, особенно колючек, которые делают "буш" таким непроницаемым для европейца, но не оказывают никакого воздействия на голую и хорошо смазанную кожу кафира. Нередко путешественник продолжает свой путь в течение многих дней и почти не видит деревьев, не имеющих более или менее грозных колючек. Эти шипы можно условно разделить на две группы: прямые и крючковатые.

Прямые шипы образуются на деревьях, принадлежащих к большой группе акаций, которыми особенно богата Южная Африка. Они слишком многочисленны, чтобы останавливаться на них отдельно, и достаточно сказать, что двумя главными представителями этих грозных деревьев являются камил-дорн (*Acacia giraffæ*) и карру-дорн (*Acacia Capensis*). Первое дерево имеет острые коричневые шипы, очень толстые и крепкие, и примечательно тем, что его стручок не раскрывается, как у большинства деревьев той же группы. Голландские колонисты называют это дерево камил-дорн, потому что жираф, или камил, пасется на его нежных листьях; но его родное название - мокаала, и под этим именем оно известно на большей части юга Африки. Древесина камил-дорна различается по цвету: бледно-красная по окружности ствола и углубляющаяся к центру до темного красновато-коричневого. Сердцевина дерева, очень тяжелая и темного цвета, используется для изготовления набалдашников и других подобных изделий, главными из которых являются рукоятки палок с перьевым наконечником, о которых уже говорилось в главе об охоте. Дерево встречается почти исключительно на богатых песчаных равнинах, где мало воды.

Другой вид, известный под названием карроо-дорн, или белый терн, обычно встречается на берегах рек или водотоков, и поэтому является самым ценным деревом для жаждущего путешественника, который всегда ищет карроо-торн, зная, что он обычно находится на берегу какого-нибудь ручья или что, копнув у его подножия, он может найти воду. Листья этого дерева чрезвычайно обильны, но они настолько малы, что дерево дает очень мало тени, и эффект от солнечных лучей, проходящих сквозь густые заросли этих деревьев, весьма необычен. Несколько стеблей обычно растут от одного корня, и примечательно, что старые деревья легко узнать по мертвым ветвям, которые переламываются, а затем падают вниз, так что их кончики упираются в землю, в то время как в месте перелома они все еще

прикреплены к дереву. Предполагается, что причиной этого явления являются насекомые, особенно жуки-древоточцы, так как мертвые ветви всегда оказываются пронизанными их норами.

Каждая ветка и веточка этого дерева покрыта острыми белыми шипами, которые растут парами и сильно варьируются по длине, в среднем от двух до четырех дюймов. Иногда они достигают семи дюймов в длину; недостаток длины с лихвой компенсируется большой толщиной, один из них в некоторых случаях достигает почти двух дюймов в окружности. Они белого цвета и полые, толщина их стенок едва ли превышает толщину пера. Однако они очень сильны и являются грозными препятствиями для всех, кто с ними сталкивается. Существует история о льве, в которую я не мог заставить себя поверить, пока не увидел эти колючки, но которая теперь кажется совершенно правдоподобной. Лев бросился на свою жертву, но поскользнулся и упал в терновый куст, где запутался в острых шипах и умер от многочисленных ран. Если бы куст состоял из таких же колючек, как те, что были описаны, для него было бы гораздо более удивительным спастись, чем погибнуть.

Опасность, а также раздражение, которые доставляют эти колючки, можно представить на примере несчастного случая, который произошел с одним из волов Ле Вайяна. Животное ударилось об акацию, и несколько шипов вонзились ему в грудь, конечно же, ворвавшись в рану. Все шипы, которые можно было увидеть, были извлечены щипцами; но несколько из них прорвались под кожей , и их нельзя было трогать. Они вызвали такое сильное воспаление, что, прождав двадцать четыре часа в надежде спасти жизнь, было решено умертвить животное.

Этот шип очень полезен по разным причинам. Прежде всего, его кора используется для изготовления веревок, из которых туземцы сплетают свои циновки, и которые они часто применяют для связывания гибких палок, составляющих каркас их хижин. Из колючек дерева молодые девушки делают различные украшения, а этими колючками они украшают свои головы, если им не посчастливилось раздобыть для этой цели перья дикобраза. Кроме того, из высушенного дерева получается отличный костер, который легко и быстро горит и выделяет бодрое и пылающее, хотя и довольно быстрое тепло.

Некоторые из акаций полезны в качестве источника пищи, а выделяемая из них камедь является обычным продуктом питания. Читатель может вспомнить, что бедная женщина Дамара, которую оставили умирать в пустыне, получала камедь в качестве пищи. Некоторые деревья поставляют камедь в очень больших количествах. Известный путешественник мистер Берчелл считает, что камедь, выделяемая этими деревьями, настолько чиста и хороша, что могла бы занять место арабика в торговле и стать таким же обычным товаром, как слоновая кость, шкуры и перья, составляющие основу южноафриканской торговли. "На ветвях этих акаций, которые имеют столь большое сходство с настоящей акацией древних или деревом, дающим арабик, что когда-то считались одним и тем же видом, я часто видел большие комки очень хорошей и чистой камеди.

"Там, где их ранили топоры туземцев, чаще всего выделялась камедь; и, вероятно, с помощью подобных операций можно было бы, не уничтожая деревья, заставить их ежегодно давать большой урожай. А если подсчитать количество камеди, которое можно получить только с тех деревьев, что растут по берегам Гариепа и его рукавов, что составляет линию леса (считая с обеих сторон) протяженностью более двух тысяч миль, то можно предположить, что туземцев стоит научить и поощрить к ее сбору. Они, конечно, были бы готовы это делать, если бы узнали, что в обмен всегда можно получить табак.

"Но если к акациям этой реки добавить мириады тех, что заполонили почти все реки во внетропической Южной Африке или даже только между Кейпом и Гарипом, мы можем быть уверены, что деревьев достаточно, чтобы обеспечить количество этого наркотика, более чем равное всему потреблению Великобритании. О продуктивности *Acacia Capensis* по сравнению с *Acacia vera* у меня нет информации, которая позволила бы мне высказать свое мнение; но что касается качества, я думаю, мы можем рискнуть сказать, что оно ни в чем не уступает".

Это достойные представители прямостоячих колючих растений юга Африки. Лучшим примером крючковатой растительности является растение, описанное Бурчеллом как Grapple-plant; но оно более известно под выразительным названием Hook-thorn. Научное название этого растения - *Uncaria procumbens*; первое название дано ему из-за крючков, которыми оно вооружено, а второе - из-за способа, которым оно растет вдоль земли.

Когда растение цветет, оно необычайно красиво: крупные цветы насыщенного пурпурного оттенка производят очень красивый эффект, когда они рассыпаются по земле или свисают массой с деревьев и кустарников. Длинные, тянущиеся ветви по всей длине снабжены острыми колючими шипами, расположенными попарно. Как ни неприятны ветви, они становятся еще хуже, когда опадают пурпурные лепестки и развиваются семенные сосуды. Тогда опытный путешественник ужасается его присутствию и, если может, держится подальше от земли, на которой обитает такой враг. Крупные семенные сосуды покрыты множеством острых и очень прочных крючковатых шипов. Когда семя созревает, сосуд раскалывается посередине, и две стороны широко расходятся друг от друга, образуя массив крючков, который напоминает сложные приспособления, используемые рыболовами при ловле щуки. На иллюстрации № 1 на стр. 247 изображен еще закрытый семенной сосуд, и, как бы грозно он ни выглядел, его сила более чем удваивается, когда он открыт и высыхает: каждая его половина покрыта шипами, направленными в разные стороны. Шипы острые, как иглы, и почти такие же прочные, как если бы они были сделаны из того же материала.

Читатель может легко представить себе ужасы кустарника, облепленного таким оружием. Ни у кого из тех, кто носит одежду, нет шансов спастись от них. Стоит только одному крючковатому шипу зацепиться за рукав пальто, и он тут же оказывается в плену. Первое же движение сгибает длинные, тонкие ветви, и крючок за крючком цепляется за него. Борьба только увеличивает число его колючих врагов, и единственный способ освободиться - это "подождать немного", оборвать цепкие семенные сосуды и, освободившись от куста, удалять их один за другим. Это ужасное растение было самым смертельным для английских солдат во время последних каффирских войн: громоздкая амуниция и свободная одежда солдата захватывалась колючками и удерживала несчастного, в то время как голый каффир мог скользить среди колючек невредимым и безнаказанно наносить свои удары. Если читатель хочет составить представление о силе этих шипов, он может сделать это, засунув руку в середину густого розового куста и мысленно умножив количество шипов на сто, а их размер - на пятьдесят. По форме шипы необычайно напоминают передние лапы льва, и они, конечно, хоть и неодушевленные, но не менее действенные.

Есть одно растение из рода акаций (*Acacia detinens*), которое по своим свойствам почти такое же вредное, как и грейпфрут. В "Путешествиях" Бурчелла есть очень хороший рассказ об этом кустарнике, который известен колонистам под названием *"Вахт-и-эн-бидгт*", или "Уайт-бит терн". "Самые большие кусты были высотой около пяти футов - растение, совершенно неизвестное мне, но хорошо известное жителям Клааруотера... и это тот самый колючий куст, который доставил нам столько беспокойства накануне вечером, где он был выше семи футов в высоту.

"Я готовился срезать несколько экземпляров этого кустарника, и хоттентоты, заметив это, предупредили меня, чтобы я был очень осторожен при этом, иначе я непременно запутаюсь в его ветвях. Вследствие этого совета Я действовал с величайшей осторожностью, но, несмотря на всю мою осторожность, за один рукав зацепилась маленькая веточка. Пока я думал тихонько высвободить его другой рукой, обе руки были схвачены этими хищными колючками; и чем больше я пытался освободиться, тем больше запутывался, пока наконец они не захватили и мою шляпу, убедив меня, что освободиться можно только с помощью главной силы и разорвав всю одежду. Поэтому я позвал на помощь, и двое моих людей пришли и освободили меня, отрубив ветки, за которые я держался. В отместку за такое жестокое обращение я решил дать дереву имя, которое должно предостеречь будущих путешественников от того, чтобы они осмеливались попасть в его лапы". Одноименное название, на которое была сделана ссылка, - это *detinens* применительно к данному виду акации.

Кроме этих растений, есть еще одно, которое заслуживает краткого упоминания из-за своей удивительной формы. Это "Трехколючник", вид *Rhigozum*, который очень распространен в южной части Африки. Это невысокий кустарник, где-то три-четыре фута в высоту, а его ветви очень регулярно делятся на тройки, что придает ему причудливый и совершенно необычный вид. Есть еще один замечательный вид, называемый Haak-en-steek, или Hook-and-prick thorn. У этого вида колючки расположены очень любопытно. Сначала идет короткий крючковатый шип, а если путнику удается зацепиться за него и попытаться вырваться, он обрушивает на себя пару длинных прямых шипов, длиной в два дюйма и острых, как иглы.

Как видно, разнообразие колючек, преследующих путешественника, очень велико. Доктор Кирк изобретательно делит их на три класса: те, что разрывают плоть, те, что разрывают одежду, и те, что разрывают и то, и другое - последний класс, безусловно, самый многочисленный.

Читатель, возможно, помнит, что "вонючее дерево" уже иногда упоминалось. Этому дереву с неаппетитным названием, похоже, не уделялось должного внимания, если верить рассказу, написанному Ле Вайяном почти столетие назад. Он отмечает, что это дерево в изобилии растет в нескольких частях Южной Африки и встречается вблизи залива Альгоа, откуда его доставляют в Кейп и там используют для изготовления мебели. Это очень медленно растущее дерево, и, как и все подобные деревья, дает древесину очень твердой текстуры. В свежем виде она бледная, но по прошествии времени постепенно темнеет, приобретая насыщенный каштановый цвет с черными вкраплениями. Как и твердые породы, она хорошо поддается полировке и, кроме того, обладает бесценным свойством быть свободной от червей, которые, кажется, даже в высушенной древесине ощущают неприятный запах, который отличает ее , когда она зеленая. По общему виду и способу роста это дерево очень напоминает дуб в нашей стране.

Когда путешественник впервые попадает в южноафриканский лес, его удивляют два обстоятельства: во-первых, деревья не превосходят по размерам те, что украшают обычную английскую рощу, а во многих случаях значительно уступают им как по величине, так и по красоте. Следующим моментом, который поражает его внимание, является огромное количество ползучих растений, которые распространяют свои стройные ветви от дерева к дереву, и которые в некоторых случаях обволакивают несущее дерево настолько полно, что полностью скрывают его от глаз. Они имеют свойство взбираться по стволам деревьев, проталкивать свои ветви до самого конца сучьев, а затем сбрасывать свои тонкие нити, которые зацепляются за нижние сучья и свисают с них фестонами. Поначалу нити едва ли прочнее паковой нити, но с течением времени они становятся все толще и толще, пока не

достигают размеров человеческой руки. Эти ползучие растения размножаются так обильно, что во многих местах становятся главной особенностью пейзажа: все деревья связаны между собой фестонами ползучих растений, которые свисают с ветки на ветку.

Голландские поселенцы называют их Bavians-tow, или Baboon-ropes, потому что бабуины и обезьяны взбираются с их помощью на крайние ветви, где растут плоды. Научное название растения - *Cynanchum obtusifolium*. Туземцы, всегда заботящиеся о своих интересах, широко используют эти вьющиеся растения, а кафиры - для скрепления различных частей своих хижин. Плоды бавиан-тау можно найти только на концах ветвей, где выходят молодые нити. В спелом виде он чем-то напоминает вишню и имеет ярко-малиновый цвет. В народе его называют "диким виноградом", и он очень нравится обезьянам, птицам и людям. Из плодов перегоняют спирт, и из них получается очень вкусная консервация.

Эти бабуины-трости - не единственные паразитические наросты на деревьях. Во многих частях страны на деревьях растет длинный волокнистый мох, который часто настолько обилен, что полностью покрывает их, скрывая не только ствол и ветви, но даже сучья и листву. Этот мох достигает значительной длины, в некоторых случаях до десяти или двенадцати футов. Он желтого цвета, а когда он короткий, то очень мягкий и тонкий, так что его можно использовать для большинства целей, для которых применяется хлопок или полотенце. Но когда она достигает длины шести или семи футов, она становится жесткой и жилистой и сравнительно бесполезна. Сейчас у меня перед глазами множество этого похожих на полотенце лишайников, которые были использованы для упаковки большого ящика, полного каффирского оружия и орудий труда. Есть дерево, которое дает очень полезную древесину, называемую по цвету "геле-хаут", желтая древесина. Это дерево относится к роду *Taxus*, но существует по меньшей мере два вида, дающих такую древесину. Древесина широко используется для изготовления балок, досок и вообще для строительства.

Многие путешественники считали, что эти и некоторые другие деревья могут стать ценным товаром и их можно выгодно импортировать в Европу. То, что это действительно ценные породы дерева, и что некоторые из них будут очень полезны в тонкой и причудливой работе, не вызывает сомнений. Единственная трудность заключается в том, что их заготовка и транспортировка в настоящее время сопряжена с такими большими расходами, что вряд ли это мероприятие будет достаточно выгодным для вложения столь крупного капитала.

ГЛАВА XXII.
РАСЫ ГОТТЕНТОТОВ.

ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ РАСЫ - ВЗАИМНОЕ ОТТАЛКИВАНИЕ КАФФИРОВ И ГОТТЕНТОТОВ - ТУЗЕМНЫЕ СОЮЗНИКИ - ВНЕШНИЙ ВИД ГОТТЕНТОТОВ; ЦВЕТ ЛИЦА И ЧЕРТЫ - СХОДСТВО С КИТАЙЦАМИ - СОЛНЦЕ И ЕГО ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЦВЕТ КОЖИ - ГОТТЕНТОТЫ В МОЛОДОСТИ И В ВОЗРАСТЕ - БЫСТРОЕ УХУДШЕНИЕ ФОРМЫ - НЕОБЫЧНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ЖЕНЩИН-ГОТТЕНТОТОВ - СОСТАВЛЕНИЕ ПОРТРЕТА С ПОМОЩЬЮ СЕКСТАНТА - РОСТ ВОЛОС - ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ГОТТЕНТОТОВ - ОДЕЖДА МУЖЧИН - ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ - СКОРЛУПА СТРАУСОВЫХ ЯИЦ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ В КАЧЕСТВЕ УКРАШЕНИЯ - ЛЮБОПЫТНЫЙ ФРОНТЛЕТ - ЖИРОВИК, СИБИЛО И БУЧУ - ПРИРОДА СИБИЛО И СПОСОБ ЕГО ПОЛУЧЕНИЯ - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БУЧУ - СПОСОБ ПОДГОТОВКИ

ШКУР - ДУБИЛЬНЫЙ ЧАН - ИЗГОТОВЛЕНИЕ ВЕРЕВОК - МИСКИ И КУВШИНЫ - ВЕРЕВКИ ИЗ ШКУР И ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЕ - ЛОЖКА ГОТТЕНТОТА - МЕСТНАЯ МУХОЛОВКА - ИЗГОТОВЛЕНИЕ ЦИНОВОК - АРХИТЕКТУРА ГОТТЕНТОТОВ - ПРОСТОЙ СПОСОБ БОРЬБЫ С ПАРАЗИТАМИ - КОЧЕВЫЕ ПРИВЫЧКИ ГОТТЕНТОТОВ - ПАЛКА ДЛЯ КОПАНИЯ.

Прежде чем перейти к общему обзору остальных племен, населяющих Африку, необходимо уделить несколько страниц замечательной расе, которая так долго жила в тесном контакте с племенами кафиров и которая представляет собой любопытное явление бледной расы, живущей на одной земле с черной расой и при этом сохранившей свою индивидуальность. Около трех столетий назад весь юг Африки был населен различными племенами, принадлежавшими к большому и могущественному народу. Этот народ, известный сегодня под общим названием хоттентоты, был в то время хозяином и владельцем земли, которой он владел в течение значительного периода времени. Были ли готтентоты коренными жителями юга Африки, довольно сомнительно; но есть вероятность, что они пришли из далекого источника и вытеснили аборигенов, точно так же, как впоследствии их самих вытеснили кафиры, а кафиров вытеснили европейцы.

Хоттентоты испытывают смертельную и почти инстинктивную ненависть к каффирской расе. Истоки этого чувства, очевидно, связаны с последовательными поражениями, которые они терпели от рук каффиров и которые привели к тому, что они стали всего лишь терпимыми жителями земли, на которой раньше были хозяевами. Родители передали эту антипатию своим детям, и, как это часто бывает, она, похоже, усиливалась с каждым поколением, так что полуцивилизованный хоттентот наших дней, хотя и говорит на европейском языке и носит европейскую одежду, ненавидит каффиров так же искренне, как и его дикие предки, и не может даже упомянуть их имя, не приложив к нему какой-нибудь уничижительный эпитет.

Вследствие этого чувства хоттентот является бесценным пастухом коров в стране, где каффиры - профессиональные похитители коров. Кажется, что он обнаруживает присутствие кафира почти интуитивно, и даже темной ночью, когда сумрачное тело грабителя едва видно, он обнаружит вора, незаметно подберется к нему и бесшумно убьет одним ударом. Во время последней войны в Южной Африке хоттентоты стали самыми полезными союзниками. Они были послушны, легко дисциплинированы и просто бесценны в боях в буше, где английский солдат со всеми его ремнями и амуницией был совершенно бесполезен.

Примечательно, что в каждой стране, куда англичане привозили свое оружие, туземцы становились лучшими союзниками против своих соотечественников и оказывали услуги, без которых англичане вряд ли смогли бы удержаться на ногах. Никто не может так эффективно выследить и схватить австралийского бунтаря, как туземный полицейский. Туземцы-африканцы помогают им в борьбе с теми, кто в любом случае живет на той же земле, хотя может и не принадлежать к той же расе. Туземцы Китая оказали им огромную помощь во время последней китайской войны, а услуги, оказанные им туземными войсками во время великого индийского мятежа, трудно переоценить.

Как бы сильно готтентоты ни испытывали неприязнь к кафирам, чувство антагонизма взаимно, и мстительная ненависть побежденной расы к своим завоевателям едва ли менее сильна, чем презрительное отвращение, испытываемое победителями к побежденным.

Ни цветом кожи, ни общим обликом хоттентоты не похожи на окружающие их темные расы. Их цвет лица бледный и очень похож на цвет лица очень темного человека, страдающего желтухой. Действительно, цвет лица хоттентотов очень похож на китайский, и общее сходство между этими двумя народами весьма примечательно. (У одного из моих друзей, долго жившего в Южной Африке, был шофер, который одевался как готтентот и, судя по

всему, был готтентотом. Однако однажды он поразил своего хозяина, объявив себя китайцем и доказав это утверждение, сняв шляпу и показав длинный свиной хвост, закрученный вокруг головы. На самом деле он был китайским кули, которого привезли на юг Африки и который, следуя моде своего народа, приспособился к нравам и обычаям тех, среди кого он жил. Мистер Моффатт, автор-миссионер, упоминает, что видел двух китайских детей, которых он принял бы за готтентотов, если бы не был проинформирован об их истинном характере.

Существование этой светлокожей расы в такой местности служит хорошим доказательством того, что цвет лица не полностью зависит от солнца. Очень распространено мнение, что жаркое солнце тропических стран создает черный цвет кожи негров и других рас, а низкая температура отбеливает кожу. Однако в странах, расположенных вблизи тропиков, хоттентоты и родственные им племена имеют бледную кожу, а эскимосы, живущие среди вечных льдов, часто настолько темны, что их можно было бы принять за негров, если бы не форма их лица и длина волос.

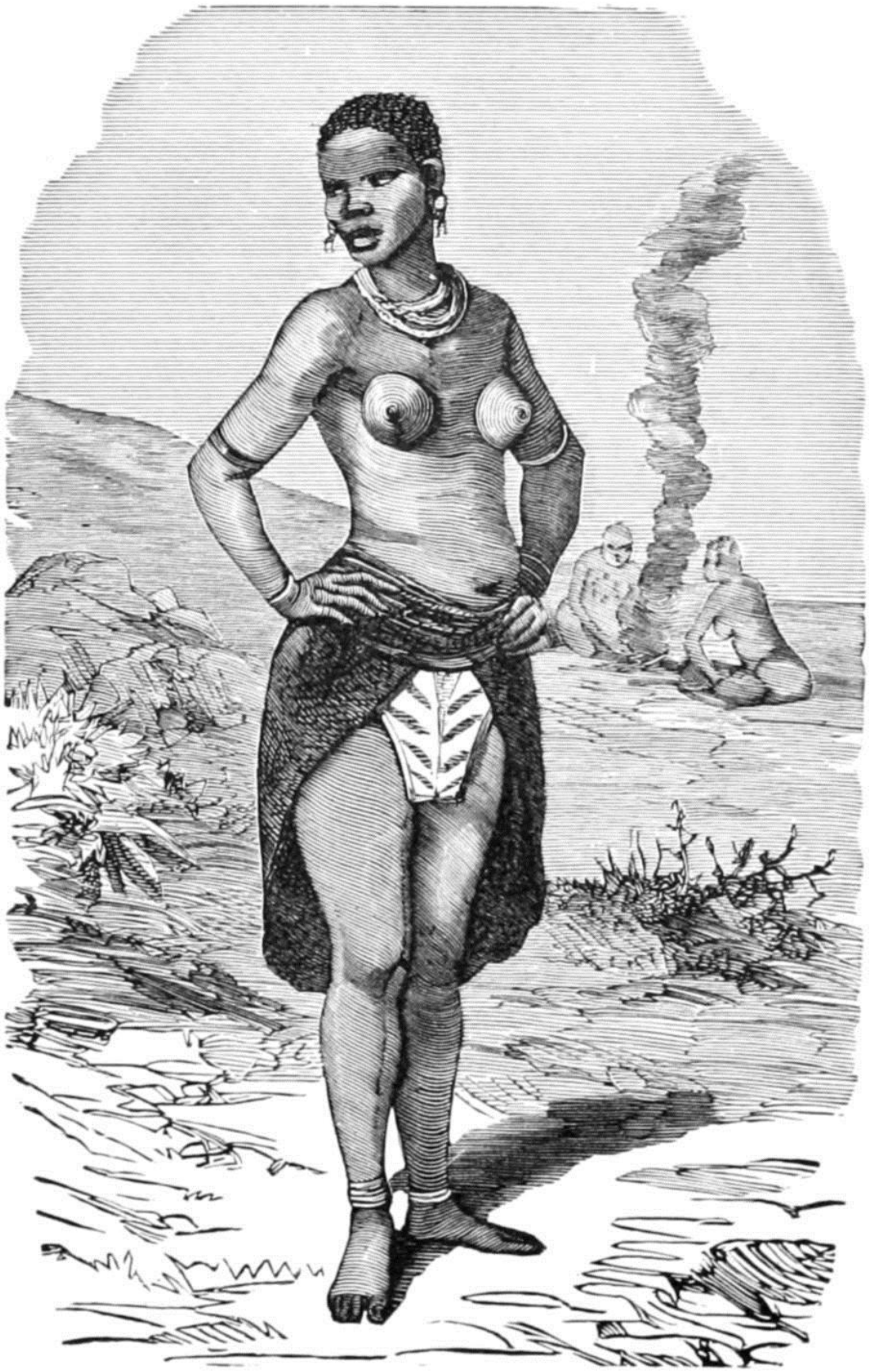
Форма лица хоттентотов очень своеобразна, в чем можно убедиться, обратившись к любой гравюре, иллюстрирующей сцены из жизни хоттентотов. Скулы резко выступают над лицом, а длинный подбородок узкий и заостренный. Эти черты не так заметны в молодости, но, кажется, усиливаются с возрастом. Действительно, старый хоттентот, будь то мужчина или женщина, кажется, что у него почти нет настоящего лица, а есть лишь кожа, плотно натянутая на череп.

Каковы были нравы и обычаи хоттентотов до того, как они были отторгнуты кафирами или испорчены контактом с плохими образцами европейской цивилизации, сказать крайне сложно, поскольку среди них не жил ни один заслуживающий доверия историк их домашнего хозяйства. Колбен, чья книга о путешествиях долгое время считалась правдивым рассказом о хоттентотах, теперь известен тем, что совершенно не заслуживает доверия, поскольку его информация получена из вторых рук, а те, от кого он ее получил, очевидно, развлекались тем, что навязывали ему свое легковерие.

Поскольку эта работа посвящена только обычным привычкам и обычаям различных частей света и не имеет ничего общего с изменениями цивилизации, рассказ о хоттентотах будет неизбежно кратким.

По форме хоттентоты странно меняются в зависимости от возраста. В детстве они совсем не привлекательны - по крайней мере, на непривычный взгляд: худые в конечностях, со странно выступающим животом и соответствующей впалой спиной. При хорошем питании они теряют эту странную форму, когда приближаются к периоду юности, и в молодости становятся почти образцами совершенства форм, хотя их лица не заслуживают такой похвалы. Но они не сохраняют эту красоту формы в течение длительного периода, несколько лет, как правило, охватывают ее начало и конец. "Через пять-шесть лет после достижения ими женственности, - пишет Берчелл, - свежая пухлость юности уже уступает место морщинам возраста; и, если бы мы не смотрели на них глазами сострадания и филантропии, мы были бы склонны объявить их самыми отвратительными из человеческих существ". Их ранние и, можно сказать, преждевременные признаки возраста можно, с большой долей вероятности, приписать тяжелой жизни, неопределенному и нерегулярному питанию, подверженности любым капризам погоды и недостатку чистоты, который усиливается с годами. Именно они, а не особенности климата, являются причинами этого быстрого увядания и угасания цвета и изящества молодости.

О внешнем виде обычной женщины-хоттентота можно судить по иллюстрации № 2, расположенной напротив, сделанной по эскизу автора, чьи слова были только что процитированы. Объект рисунка выглядит так, как будто ей не меньше шестидесяти лет, хотя из-за раннего ухудшения формы она может быть любого возраста - от двадцати семи и выше. Вряд ли можно представить, что за столь короткий срок изящная фигура девушки-хоттентота, изображенной на той же странице, превратится в исхудавшую и морщинистую карга, которая изображена здесь, но это действительно так, и самое странное, что по одному только внешнему виду едва ли можно определить, сколько лет женщине - тридцать или шестьдесят.



(1.) ДЕВУШКА-ГОТТЕНТОТ.
(См. стр. 222.)

(2.) ЖЕНЩИНА-ГОТТЕНТОТ.
(См. стр. 218.)

Не менее примечательным моментом в женщинах-хоттентотах является необычная модификация формы, которой они часто, хотя и не повсеместно, подвержены, и прекрасным примером которой является знаменитая "Венера-хоттентот". Очень забавное описание одной из этих женщин дает мистер Гальтон в своей известной работе о Южной Африке: - "Мистер Хан".

"Хозяйство мистера Хана было большим. В доме были переводчик и заместитель переводчика, а также другие люди, но все они были прекрасно воспитаны и в полной мере демонстрировали влияние своего хозяина. Эти слуги были в основном готтентотами, переселившимися вместе с мистером Ханом из Хоттентотландии и, как и он, усвоившими язык дамаров. Суб-переводчик был женат на очаровательной особе, не только готтентотке по фигуре, но и в этом отношении Венере среди готтентотов. Я был совершенно потрясен ее развитием и навел справки по этому деликатному вопросу, насколько осмелился, среди моих друзей-миссионеров. В результате я считаю миссис Петрус дамой, занимающей второе место среди всех хоттентотов по красоте очертаний спины, а жену Йонкера - первой; последняя, однако, была слегка *пассивна*, в то время как миссис Петрус была в полном *эмбонпойнте*.

"Я исповедую научный подход и очень хотел получить точные измерения ее фигуры, но это было непросто сделать. Я не знал ни слова по-готтентотски и поэтому никак не мог объяснить даме, в чем может заключаться цель моих измерений; к тому же я не осмелился попросить моего достойного хозяина-миссионера перевести для меня. Поэтому я оказался в затруднительном положении, глядя на ее формы, этот дар щедрой природы этой благосклонной расе, которому ни одна мантуанка, со всеми ее кринолинами и набивками, не может подражать, кроме как смиренно подражать. Объект моего восхищения стоял под деревом и поворачивался во все стороны, как это обычно делают дамы, желающие, чтобы ими восхищались. Внезапно мой взгляд упал на секстант; светлая мысль осенила меня, и я сделал ряд наблюдений за ее фигурой во всех направлениях, вверх и вниз, крест-накрест, по диагонали и так далее, и тщательно зафиксировал их на контурном рисунке, боясь ошибиться. После этого я смело достал рулетку и измерил расстояние от места, где я находился, до места, где стояла она, и, получив таким образом основание и углы, вычислил результат с помощью тригонометрии и логарифмов".

Этот удивительный выступ, который дрожит, как желе, при каждом движении тела, не мягкий, как можно было бы представить, а твердый и жесткий. Мистер Кристи, который довольно крупный, рассказывает, что иногда стоял на нем, не опираясь ни на какую другую часть тела. Научное название этого любопытного образования - стеатопига. Оно не причиняет ни малейшего неудобства, а женщины находят его весьма удобным в качестве опоры, когда хотят нести младенца.

Еще одной особенностью этой любопытной расы является способ роста волос на голове. Как и у негров, они короткие, хрустящие и шерстяные, но их особенность в том, что они не покрывают всю голову, а растут небольшими участками, каждый размером с горошину. Эти участки довольно отчетливы и во многих случаях так скудно разбросаны по голове, что между ними отчетливо видна кожа. Возможно, этот странный рост волос объясняет всеобщий обычай носить шапку и густо покрывать голову жиром и минеральной пудрой. Первоначальные нравы и обычаи хоттентотов полностью исчезли, и, в отличие от более свирепых и благородных каффирских племен, они слились с белыми поселенцами в своей индивидуальности. Они всегда одеваются в европейскую одежду, но те, кто жил в этой

стране, заметили, что хоттентоты, хотя и полностью одеты, выглядят гораздо менее скромно, чем каффиры, которые вообще почти не носят одежды. В этом, по-видимому, заключается одно из главных различий между хоттентотами и другими расами. Совершенно верно, что Ле Вайян и предшествовавшие ему путешественники писали о готтентотах в самых восторженных выражениях, приписывая им почти все добродетели, которыми может обладать нецивилизованный человек, и восхваляя их за отсутствие многих пороков, позорящих цивилизованное человечество.

Дело в том, что Ле Вайян, очевидно, был человеком исключительных способностей в управлении подчиненными и обладал интуитивным знанием характера, что встречается крайне редко. Поэтому люди, которые были покорны, послушны и ласковы под его твердой, но решительной властью, могли бы быть капризными, праздными и непокорными при менее рассудительном руководителе. Они смотрели на него как на существо, бесконечно превосходящее их самих, не тронутое импульсивными и неразумными побуждениями, которыми руководствуются дети природы, и в результате поддались тонкому и всемогущему влиянию, которое высшая природа оказывает на низшую.

Хоттентоты, с которыми общался наш автор, были свободны от многих пороков, которые унижают современных хоттентотов, но очевидно, что они были невинны просто потому, что были невежественны. Нынешние же утратили всю свою древнюю простоту и умудрились напитать себя пороками, которым позволило им предаваться появление белых людей, не улучшив при этом своего интеллектуального или социального состояния.

Теперь мы попытаемся увидеть хоттентота таким, каким он был до того, как его завоевали кафиры и обратили в рабство европейские колонисты.

Об общем облике хоттентота можно судить по иллюстрации № 2, расположенной напротив, на которой изображен молодой человек по имени Клаас, который был любимым спутником Ле Вайяна и о котором путешественник отзывается в самых лучших выражениях. Поэтому он был выбран в качестве благоприятного образца своей нации. Читатель поймет, что в нижеследующем рассказе о племенах хоттентотов они описываются такими, какими они были раньше, а не такими, какими они являются в настоящее время.

Обычный наряд хоттентота можно достаточно точно представить по портрету Клааса. Через плечо перекинута большая мантия, или каросс, из коровьей шкуры, дубленой и размягченной, и носится мехом внутрь. Эта мантия сейчас в моде, и, занимаясь своими обычными делами, хоттентот сбрасывает ее, чтобы не быть обремененным. Вокруг талии у него несколько кожаных шнурков, перемешанных с нитками бус и другими украшениями, а к одному из этих шнурков прикреплены два фартука, один спереди, другой сзади. Тот, что спереди, называется "шакальим", потому что его обычно делают из шкуры шакала или похожего меха. Второй фартук, если его можно так назвать, носят не все, хотя хоттентот со вкусом не считает себя одетым без него. Это просто треугольный лоскут кожи длиной едва ли в фут, шириной в два дюйма в верхней части, где он соединяется с поясом, и расширяющийся до четырех дюймов в нижней части. Этот диковинный придаток украшен кусочками металла, стали, бусинами и другими украшениями, и, похоже, владелец очень гордится этим странным предметом одежды. Конечно, он не приносит ни малейшей пользы, и его можно сравнить с хвостами современного фрака или сумкой, прикрепленной к воротнику придворного костюма.

Некоторые семьи среди хоттентотов меняют форму "старт-рейма", как называют его голландские колонисты, и делают его разной формы. У одних он квадратный, у других круглый или продолговатый, а некоторые, обладающие более чем обычной

изобретательностью, делают его в форме полумесяца или креста. Этот предмет одежды до сих пор сохранился у некоторых африканских племен, о чем мы расскажем на одной из следующих страниц.

Вокруг лодыжек застегиваются ремешки из шкуры. Эти изделия породили абсурдное утверждение, что хоттентоты носят кишки животных до тех пор, пока они не размягчатся от гнили, а затем едят их, тщательно поддерживая запас, добавляя свежие стринги на место съеденных. На самом деле эти кожаные ленты служат защитой от колючек, среди которых приходится ходить хоттентотам, и для этой цели их используют представители обоих полов. Правда, в некоторых случаях их носители доходили до такого состояния голода, что вынуждены были съедать обрезки шкур со своих конечностей, причем ели их с помощью грубой пищи, которую удавалось приготовить на скорую руку. Но следует отметить, что каффирские солдаты ели свои щиты и кожаные ремешки, которыми ассагаи прикреплялись к древку, и никто не сделает из этого вывод, что каффиры сделали свои щиты обычным предметом питания.

От острых камней и колючек ноги защищает простая обувь, или сандалия, которая представляет собой кусок прочной кожи, размером больше подошвы ноги, и подвязывается ремешками. На странице 237 показаны ноги игроков в карты, на которых изображена эта сандалия. Однако ее не носят, когда хоттентоты занимаются своими обычными делами, а используют только в путешествиях, когда земля, по которой им приходится идти, исключительно грубая и колючая. Эти сандалии используются на большей части юга Африки, а лучшие из них делают бачапины, подплемя бечуанов.

Одежда женщин в основном такая же, как и у мужчин, хотя она сложнее и ее больше. Как и у кафиров, дети обоих полов не носят никакой одежды до восьми-девяти лет, а затем девочки надевают маленький кожаный фартук, называемый "маккаби". Эта часть одежды несколько похожа на ту, что носят каффирские девушки, и представляет собой просто плоский кусок кожи, разрезанный на тонкие полоски. Как правило, ремешки длиннее тех, что носят кафиры, и иногда доходят почти до колена. Поверх него иногда, но не всегда, надевается второй передник из кожи, украшенный бусинами, кусочками блестящего металла и другими подобными украшениями. Бусины расположены в виде узоров, представление о которых можно получить из иллюстрации № 1, стр. 219, на которой изображена девушка-гонака Хоттентот, примерно шестнадцати лет от роду. Эта девушка была особой любимицей Ле Вайяна и, судя по его рассказу, представляла собой необычайно благоприятный пример неискушенной человеческой натуры. Поза, в которой она изображена, очень характерна - это поза, которую имеют обыкновение принимать девушки-хоттентоты. Примечательно, кстати, что приятная живость, которой отличается молодежь хоттентотов, уходит вместе с молодостью, а поведение мужчин и женщин становится степенным и почти мрачным.

Вокруг поясницы застегивается гораздо больший фартук без каких-либо украшений. Он бывает разного размера и формы, но обычная форма - та, что показана на иллюстрации. Его называют "муси", и, как и "старт-рейм" у мужчин, он не считается необходимым предметом одежды, надеваясь скорее для церемонии, чем для использования. Этот фартук также различается по размеру: иногда он настолько длинный, что почти касается земли, а иногда едва доходит до колена. Голландские поселенцы называли эти фартуки "передний каросс" и "задний каросс" - слова, которые вполне объясняют сами себя.

(1.) МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК-ГОТТЕНТОТ.
(См. стр. 218.)

(2.) ХОТТЕНТОТ В ПОЛНОМ ОБЛАЧЕНИИ.
(См. стр. 222.)

Кожаные ремешки, опоясывающие ногу, в основном украшены проволокой, накрученной вокруг них, а иногда женщина надевает на ноги одно или два кольца, полностью состоящих из проволоки. Иногда этих колец так много, что нога покрыта ими до колена, а в некоторых случаях четыре или пять колец носят даже выше колена, что должно быть крайне неудобно для их обладательницы. Бусы разных цветов также носят в изобилии, иногда нанизывая их на проволоку и вешая на шею, талию, запястья и лодыжки, а иногда пришивая к различным предметам одежды.

До появления бисера в Европе у туземцев был очень изобретательный способ изготовления украшений, и даже после появления бисера туземный орнамент очень ценился. Его делали, кропотливо разрезая страусиные скорлупки на тонкие круглые диски, размером от шестой части дюйма до почти половины дюйма в диаметре, и протыкая их посередине. Многие сотни таких дисков тесно нанизаны друг на друга, так что образуется нечто вроде круглой веревки, белой, как будто сделанной из слоновой кости. Иногда эта веревка достаточно длинная, чтобы несколько раз обогнуть тело, на фоне которого сияющие белые диски производят очень хороший эффект.

Берчелл упоминает о любопытном украшении, которое носила молодая девушка-хоттентот, и которое, похоже, очень ценилось ею. Оно состояло из трех кусочков слоновой кости размером и формой с воробьиное яйцо, каждый из которых был привязан к концу ремешка и расположен так, что один из них висел над носом, а другой - на каждой щеке. Когда она двигала головой в разговоре, эти бусины из слоновой кости раскачивались из стороны в сторону и, по ее мнению, производили очень выразительный эффект. В моей коллекции есть хороший экземпляр подобного фронтлета. Он состоит из кожаного шнурка длиной три фута, на каждом конце которого находится раковина каури. Один фут в длину от его центра состоит из двойного ряда веревок из страусиных яиц, которые только что были описаны, так что, когда фронтлет повязан на голове, белые веревки из яичной скорлупы пересекают лоб. Точно от центра отходят шесть коротких веревочек, на конце каждой из которых находится украшение из жемчужной или черепаховой скорлупы. Четыре из этих лент покрыты бусинами из кости страуса и украшены большим алым семенем в середине. На каждом конце веревки из яичной скорлупы есть по два шнурка, точно таких же, как описанные выше, и, когда передник находится на своем месте, эти украшения висят на каждой щеке. На иллюстрации № 5 на стр. 247 изображен фронтлет в том виде, в каком он повязан на голове хоттентотской красавицы.

Платье замужней женщины, конечно, более замысловато, чем у молодой девушки. Хотя иногда они появляются в очень легком костюме, обычно они предпочитают быть достаточно хорошо одетыми. У замужних женщин оба передника больше, чем у девушек, и кроме того, они носят более короткий передник через грудь. Их кароcс тоже сравнительно большого размера. Женщины-хоттентоты всегда носят какую-то шапочку, обычным материалом которой является кожа, выделанная так же, как и кожа, из которой сделаны кароcс и передники.

Волосы обильно пропитаны жиром, в который подмешано некоторое количество металлического порошка, безмерно любимого готтентотами и называемого голландскими колонистами "Черным клипом" или "Сияющим камнем" за его сверкающий вид. Туземцы называют его именем *Сибило*, которое произносится как Сибело. Сибило - чрезвычайно

местный камень, известный только в одной части Африки, и добывается из породы под названием Сенсаван. Это, по-видимому, очень рыхлая железная руда, обильно перемежающаяся с мельчайшими частицами слюды, соединение этих двух веществ придает ей тот вид, который так восхищает туземцев. Это вещество представляет собой "блестящую, порошкообразную железную руду стального серого или голубоватого цвета, мягкую и жирную на ощупь, ее частицы прилипают к рукам или одежде и окрашивают их в темно-красный или железистый цвет". Кожу нелегко освободить от этих блестящих частиц даже путем многократного мытья, и при использовании этого вещества все вокруг становится загрязненным, а его блестящая природа выдает его на каждом предмете, с которым работает владелец". Далее Бурчелл говорит, что окисление придает железной руде тот особый ржаво-красный цвет, который так любят готтентоты, а слюдяные частицы придают ей тот сверкающий блеск, который ценится не меньше.

За запасами этого драгоценного вещества к скале Сенсаван приходят все окрестные племена, и те, кто находится ближе всего, имеют привычку копать ее и использовать в качестве средства бартера с более отдаленными племенами. Постепенно скала была выработана настолько глубоко, что в ней образовался ряд пещер, некоторые из которых проникают на значительное расстояние. Бурчелл рассказывает анекдот о группе готтентотов, которые занимались рытьем сибило и были завалены обвалом пещеры, в которой они работали. Различные пещеры никогда не остаются без обитателей, ведь днем они полны летучих мышей, а ночью служат местом отдыха для голубей.

Кроме сибило, у хоттентотов повсеместно используется еще одно вещество под названием бучу. Это тоже порошок, но растительного, а не минерального происхождения. Он не так ценен, как сибило, хотя считается почти таким же необходимым предметом украшения, так что любой, кто не намазан сибило и не надушен бучу, считается недостойным войти в вежливое общество. Сибило, как помнит читатель, можно добыть только в одном месте, и поэтому это особенно ценный материал, в то время как бучу можно получить из нескольких источников, и, соответственно, он пользуется меньшим уважением.

Бучу (произносится *как "буку"*) получают в основном из одного из видов Диосмы, измельчая растение в порошок. Он обладает сильным запахом, который чрезвычайно приятен для ноздрей готтентота, но оказывает прямо противоположное воздействие на более чувствительные органы европейца. Когда несколько готтентотов собираются в одной из своих грубых хижин, запах бучу, которым обильно пропитаны как каросы, так и волосы туземцев, настолько силен, что никто, кроме туземца, не может дышать в такой атмосфере. Хоттентоты очень почитают это растение и используют его в различных целях. Считается, что его можно прикладывать к ранам, и для этого листья растения настаивают в крепком уксусе, причем обычно так долго, что они превращаются в подобие муцилажа.

Существует несколько видов растений, из которых делают незаменимое бучу, и одно из них - вид душистого кротона, названный Бурчеллом *Croton gratissimum* из-за его приятного ароматического запаха. Это красивый кустарник высотой от четырех до семи футов. Цветы и листья обладают приятным ароматом, а бучу получают путем высушивания и измельчения последних, которые имеют форму копья, зеленые сверху и беловатые снизу. Порошок используется в качестве парфюма, который для ноздрей хоттентота очень приятен, но для европейца просто отвратителен, особенно когда смешивается с запахом прогорклого жира и давно изношенного кожаного платья.

В некоторых местах шкуры готовят не так, как это было описано при рассмотрении кафиров, и подвергают их своеобразному процессу дубления. Когда хоттентот хочет сделать кожаный

халат или другой предмет одежды, он лишает кожу волосяного покрова, сворачивая ее меховой стороной внутрь, и позволяет ей подвергнуться частичному гниению. Тем временем он готовит свой дубильный чан, вбивая в землю четыре кола, соединяя их верхушки поперечными перекладинами и привязывая к ним довольно большую шкуру, чтобы получилось что-то вроде грубого тазика или кадки. В чан вместе со шкурой кладут вяжущую кору терна карру и наливают на них достаточное количество лея, пока сосуд не наполнится. Кора этой акации не только обладает мощным дубильным принципом, но и придает коже тот красноватый оттенок, которым так восхищаются хоттентоты, и который впоследствии усиливается благодаря сибило и бучу, которыми ее натирают.

Мистер Бейнс, однако, считает, что этот способ подготовки шкур, каким бы примитивным он ни казался, не является изобретением расы хоттентотов, а объясняется превосходством белых поселенцев. Дубильный чан для шкур кажется достаточно простым, чтобы быть изобретенным дикой расой, но, поскольку он используется только вблизи европейских поселений, идея, вероятно, была заимствована хоттентотами. В местах, удаленных от белых поселенцев и не испытывающих их влияния, готтентоты не дубят шкуры, вымачивая их в лее, а подготавливают их ручным трудом, несколько похожим на тот, который используют каффиры. Когда нужно подготовить большую коровью шкуру, несколько мужчин принимают участие в этом процессе и устраивают настоящий праздник. Они садятся в круг, держа шкуру посредине, и обрабатывают ее руками, время от времени натирая маслом или другой смазкой. При этом они поют песни, а через определенные промежутки времени хватают шкуру обеими руками и сильно тянут ее наружу, чтобы она одинаково растянулась во всех направлениях.

Шнур или веревка, которые так часто используют хоттентоты, скручивается очень простым способом. Кору всегда полезной акации сдирают с ветвей и разделяют на волокна, вымачивая их в воде, а затем толкут между двумя камнями. Иногда изготовитель веревки предпочитает разделять волокна, разжевывая кору, которая, как считается, имеет приятный вкус. Когда подготовлено достаточное количество волокна, работница садится на землю, берет две нити волокна и катает их ладонью по бедру. Затем она сводит их вместе, быстро сматывает в противоположном направлении и таким образом делает веревку из двух нитей с быстротой, которую трудно представить, поскольку при этом не используются никакие инструменты. Если кому-то из моих читателей доведется быть сведущим в морских делах, он увидит, что эта двухжильная веревка, которую делают хоттентоты, формируется точно по тому же принципу, что и "вязанки", которые так важны во многих морских узлах и соединениях.

Изготовление веревок - полностью женское и не очень приятное занятие. Вероятно, именно по этой причине его поручают женщинам. Трение веревки о кожу приводит к ее истиранию и делает ее настолько болезненной, что женщины вынуждены облегчать свое состояние, наматывая веревку на икру ноги, а не на бедро, и к тому времени, когда травмированная часть восстанавливается, другая уже болит; поэтому бедным женщинам приходится продолжать свою работу, чередуя одной части с другой, пока в результате долгой практики кожа не станет довольно твердой и не сможет выдерживать трение, не травмируясь при этом.

Среди всех племен Южной Африки вкус к веревкам из шкур является всеобщим. Веревки того или иного вида абсолютно необходимы в любой стране, и в этой части света, как и в некоторых других, веревки из шкуры очень предпочтительны по сравнению с теми, которые сделаны из любого другого материала. Причина такого предпочтения, очевидно, кроется в особенностях страны. На юге Африки произрастает множество волокнистых растений, из которых можно изготовить веревки, не уступающие европейским, но веревки из

растительных волокон оказались непригодными для климата, и, как следствие, от них отказались даже европейские колонисты.

Способ приготовления веревок из шкур мало чем отличается, за исключением несущественных деталей, и вкратце выглядит следующим образом:- Сначала нужно подготовить сосуд, наполненный леем, который получают путем вымачивания пепла нескольких растений, известных под общим названием Salsola. Для этого собирают молодые побеги этих растений, сжигают их, а пепел тщательно собирают. Когда убивают быка, шкуру разрезают на узкие полоски, кладут их в ванну с леем и выдерживают около четырех-двадцати часов. По истечении этого времени достаточное количество полосок соединяют вместе, неплотно скручивают и перекидывают через горизонтальную ветку дерева, подвешивая к каждому концу тяжелый груз, чтобы стяжки всегда оставались на растяжке. Затем несколько туземцев приступают к работе: по одному на каждом конце веревки и скручивают ее с помощью короткой палки, пропущенной между нитями, а с помощью палок перетягивают веревку назад и вперед по ветке, никогда не позволяя ей оставаться на одном месте в течение какого-либо времени и всегда скручивая палки в противоположных направлениях. Естественным следствием этого является то, что веревка становится очень податливой и в то же время одинаково растягивается по всей длине, а регулярность скручивания зависит от мастерства двух веревочников. Никакой другой обработки не требуется, так как сильная жидкость, в которой вымачивались сырые веревки, вводит в действие часть дубильного "жира", а постоянное протаскивание по ветке делает ее податливой и предотвращает опасность "перекручивания".

Использование веревки европейскими поселенцами является хорошим примером реакции, которая происходит, когда высшая раса смешивается с низшей. Белые люди научили аборигенов многим полезным искусствам, но в то же время были обязаны им за обучение многим другим, без которых они не смогли бы удержать свою страну. Читатель заметит, что веревки из шкур делают мужчины, потому что они сделаны из благородного животного - быка, в то время как веревки из неблагородного растительного волокна достаются женщинам.

Этот народ использует замечательный заменитель ложки. Она состоит из стебля волокнистого растения, называемого умфомбо, и изготавливается следующим образом. Плоский стебель шириной около дюйма разрезают на куски подходящей длины и замачивают в воде. Затем его бьют между двумя камнями, пока волокна не отделятся друг от друга, чтобы получилось что-то вроде кисточки. Ее обмакивают в жидкость и подносят ко рту. Упоминание этой щетки-ложечки напоминает о любопытном способе ловли мух. Читатель, наверное, помнит, что на юге Африки, как и в других жарких частях света, мухи настолько многочисленны, что превращаются в настоящую чуму. Они роем влетают в дома и садятся на любую еду, так что только что прибывший путешественник едва ли знает, как ему питаться. Будучи жаждущими существами, они особенно неравнодушны к любой жидкости и забираются в чашку, пока ее владелец пьет. Туземцы стараются уменьшить это зло, хотя и не могут полностью избавиться от него, и в основном делают это с помощью следующего хитроумного приспособления: - Они сначала закрывают двери хижины.

Сначала они закрывают двери хижины, а затем окунают большой кусок сена в молоко и подвешивают его к крыше. Все мухи притягиваются к нему, и через несколько секунд не видно ничего, кроме огромной, кипящей массы живых существ. Затем над ними осторожно проводят мешком, ловко встряхивают ловушку, отчего все мухи массово падают на дно мешка. Затем мешок снимают, чтобы на охапке сена поселилась новая компания мух, и к тому времени, когда первая партия мух будет убита, другая уже будет готова к расстрелу.

Иногда за день удается собрать почти бушель мух. Скорее всего, к этому изобретению туземцев подтолкнуло то, что они видели, как мухи собираются вокруг их щеток-ложек, когда их откладывают после использования.

В некоторых районах страны мух ловят с помощью веток кустарника, относящегося к роду Roridula. Он покрыт клейким секретом, и, когда мухи садятся на него, они крепко держатся и не могут выбраться. Ветки этого полезного растения раскладывают в разных частях хижины, и они очень эффективно очищают ее от маленьких вредителей. Многие из этих мух идентичны обычным домовым мухам Англии, но есть и много других видов, характерных для этой страны.

Хоттентот - неплохой резчик по дереву, но не потому, что имеет представление об искусстве, а потому, что обладает безграничным терпением и не имеет ни малейшего представления о ценности времени. Чаши и кувшины вырезаются из дерева, в основном из ивы, и резчик предпочитает работать, пока сок еще в древесине. У воды, как и в нашей стране, растет ива, которую срубают странными маленькими топориками, используемыми в этой части света. Эти топорики сделаны по тому же принципу, что и мотыги, о которых так часто упоминалось и которые представлены на странице 57. Головка, однако, гораздо меньше, а лезвие расположено не поперек, а на одной линии с рукояткой. Они настолько малы и слабы, что для того, чтобы срубить дерево диаметром всего восемнадцать дюймов или около того, требуется труд нескольких человек; а работа, которую американский топороносец выполнил бы за несколько минут, занимает у них день или два. Когда ствол, наконец, разрублен, его разрезают на удобные отрезки тем же трудоемким способом, и различные части в основном формируются одним и тем же топором. Если нужно сделать чашу, ее частично вырезают топором, а остальную часть работы выполняют ножом, согнутым в крючкообразную форму. Диаметр таких чаш в среднем составляет фут или восемнадцать дюймов.

Изготовление чаш - дело сравнительно простое, а вот резьба по кувшину - самая трудоемкая задача. При изготовлении кувшинов резчик вынужден почти полностью полагаться на изогнутый нож, и по форме изделия видно, что, когда оно выдолблено, резчик должен работать в очень стесненной манере. И все же, поскольку время не имеет значения, кувшин, наконец, готов, и, как и чашу, его хорошо натирают жиром, чтобы он не раскололся. Как правило, эти кувшины вмещают около галлона, но некоторые из них едва достигают четверти этого размера, а другие достаточно велики, чтобы вместить пять галлонов. Европеец, имея подобные инструменты, не смог бы изготовить кувшины меньшего размера, так как не смог бы просунуть руку внутрь. Однако рука хоттентота настолько мала и нежна, что он без труда справляется с этой задачей. На языке хоттентотов кувшин называется Bambus.

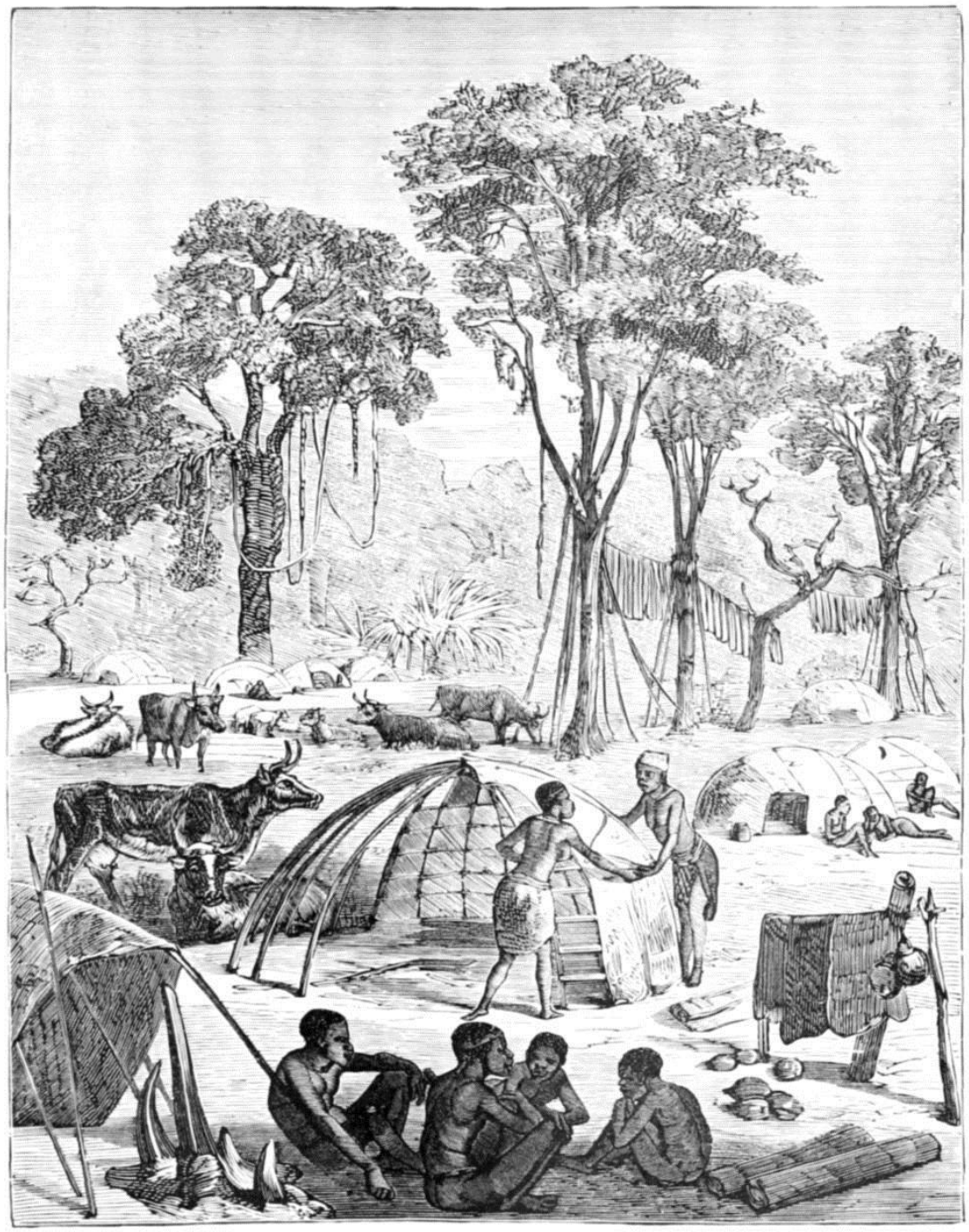
В отличие от кафиров, хоттентоты - скорее кочевая раса, и их хижины сделаны так, что их можно разобрать на части и упаковать для транспортировки менее чем за час, а для того, чтобы поставить их заново, требуется всего пара часов труда, даже если архитектор работает так тщательно, как это всегда бывает у нецивилизованных туземцев. Поэтому, когда орда хоттентотов переходит из одного места в другое, деревня возникает почти как по волшебству, и путешественники, взявшие в свой поезд много хоттентотов, были очень удивлены внезапным преображением сцены.

В целом хижины строятся по тому же принципу, что и у кафиров, - из каркаса, похожего на клетку, обтянутого более легким материалом. На рисунке напротив изображен крааль хоттентотов. Каффир, однако, вплетает в каркас иголки и тростник, из которых сделана хижина, и связывает их между собой веревками, а если он собирается обосноваться на одном месте или строит хижину в устоявшемся краале, то обмазывает внутреннюю часть

глиной, чтобы сделать строение прочным и невосприимчивым к непогоде. Хоттентот, напротив, покрывает свою хижину тростниковыми циновками, которые очень похожи на спальные коврики кафиров, легко прикрепляются к каркасу и так же легко снимаются. Эти циновки делаются из двух видов тростника, один из которых мягкий и легко поддается манипуляциям, а другой - жесткий и доставляет немало хлопот изготовителю. Но недостатком первого является то, что он очень подвержен гниению и служит недолго, тогда как второй отличается своей выносливостью. Эти растения называются соответственно мягким и жестким тростником, а их научные названия - *Cyperus textilis* и *Scriptus tegetalis*.

Метод изготовления циновок несколько схож с тем, который используют кафиры. Тростник нарезают так, чтобы его длина составляла шесть футов, и складывают в кучу рядом с мастером, вместе с уже упомянутым количеством коры. Он прокалывает их костяной или металлической иглой, или шипом мимозы, если у него нет иглы, и пропускает веревку через отверстия, чтобы скрепить тростник вместе. Даже если учесть, что хоттентоты работают очень медленно и сосредоточенно, циновки можно делать очень быстро, и нет нужды замечать, что три хоттентота не успевают сделать почти столько же работы, сколько средний англичанин.

В некоторых случаях хоттентоты заменяют циновки шкурами овец или волов, но чаще всего используются именно последние - вероятно, потому, что шкуры слишком ценны как предметы одежды, чтобы использовать их только для внешней отделки дома. Благодаря способу изготовления эти хижины более устойчивы к непогоде, чем каффирские, и, как следствие, менее способны выпускать дым. В хижине кафиров европеец может существовать, но сделать это в доме хоттентотов, покрытом кожей, практически невозможно. Для такого беспокойного и вечно подвижного народа, как хоттентоты, эти циновки - предмет первой необходимости. Хижина обычного размера может быть упакована на спину вола, а другой вол может нести всю простую мебель и утварь вместе с маленькими детьми; таким образом, вся семья может быть перевезена в считанные минуты без особых неудобств. Хижины, по сути, представляют собой не что иное, как палатки из циновок, и во многом напоминают палатки из верблюжьей шерсти таких же кочевых арабов.



КРААЛЬ ГОТТЕНТОТОВ.
(См. стр. 228.)

Никто - даже хозяин - не знает, увидев хижину хоттентота, найдет ли он ее на том же месте по прошествии нескольких часов. Иногда жена хоттентота берется за работу, разрывает хижину на куски, но, вместо того чтобы погрузить ее на спину вола, отстраивает свой дом в двадцати или тридцати ярдах от первоначального места. Цель такого странного поступка - избавить себя и семью от блох, которые вместе с другими паразитами кишат в доме хоттентотов и вынуждают их спасаться бегством. На этих неприятных паразитов обычно нападают ранним утром, вынося мантии, овчины, циновки и другие предметы за пределы хижины и сильно

избивая их палкой. Однако их остается достаточно, чтобы увековечить породу, и в конце концов, как мы уже видели, они вынуждают готтентота честно убрать дом совсем.

Что касается самих хоттентотов, то они испытывают сравнительно мало неудобств от укусов этих тварей, от которых частично защищает последовательное покрытие жиром, бучу и сибило. Но всякий раз, когда насекомым посчастливится напасть на чистокожего европейца, они в полной мере используют эту возможность и доводят его до полубезумия. Гордон Камминг рассказывает о забавном приключении, которое произошло с ним самим в связи с этими насекомыми. Он очень устал и заснул среди своих последователей, один из которых с состраданием снял с него каросс, который был на нем, и расстелил его на нем. Вскоре спящий проснулся в состоянии невыносимого раздражения от укусов многочисленных паразитов, которыми был напичкан каросс. Он был вынужден немедленно снять с себя все предметы одежды, избить и обыскать их, прежде чем снова вернуться к ним.

Как видно из иллюстрации, хижины не совсем такой формы, как у кафиров: концы сплюснуты, проемы квадратные, а не округлые, а дверь, по сути, просто сделана без одной циновки. Кочевая жизнь хоттентотов обусловлена их ленивыми привычками и полным отсутствием предусмотрительности. Каффиры не отличаются последним качеством, как, впрочем, и большинство диких народов. Но каффир, во всяком случае, сносно занимается сельским хозяйством и выращивает достаточно зерна, чтобы обеспечить свою семью пищей, а также во многих случаях огораживает участки земли, на которых сажает некоторые овощи и фрукты. Хоттентот, однако, никогда не имел особого представления о сельском хозяйстве, а то немногое, что он пытается делать, имеет самое грубое описание.

Громоздкая мотыга, которой каффирские женщины разрывают землю, - достаточно грубый и неуклюжий инструмент, но он сам по себе совершенен по сравнению с палкой для копания у хоттентотов. Это не что иное, как палка из твердого дерева, заостренная с одного конца и утяжеленная с помощью перфорированного камня, через который она пропущена и который удерживается на своем месте клином. С помощью этого грубого инструмента хоттентот может разрыть землю быстрее, чем можно себе представить, но чаще всего он использует его для выкапывания диких растений и раскапывания различных норок, чем для каких-либо сельскохозяйственных целей.

Жизнь хоттентота не привязывает его к какому-либо определенному месту. Подплемя или орда, что вполне соответствует краалю кафиров, селится в какой-нибудь местности, которая, по их мнению, обеспечивает пропитание и находится вблизи воды. Здесь, если место благоприятное, они иногда отдыхают в течение значительного времени, а иногда и в течение нескольких лет. Способность к охоте имеет большое значение для продолжительности пребывания орды в одном месте, поскольку хоттентоты - прекрасные охотники и вполне соперничают с каффирами в этом отношении, даже если не превосходят их. Они особенно примечательны упорством, с которым преследуют свою дичь, считая целый день потраченным с пользой, если им удается наконец поймать свою добычу.

ГЛАВА XXIII.
ОРУЖИЕ.

ОРУЖИЕ ГОТТЕНТОТА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ - ЕГО ПРОЖОРЛИВОСТЬ, И СПОСОБНОСТЬ ПЕРЕНОСИТЬ ГОЛОД - СПОСОБ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПИЩИ - СПОСОБНОСТЬ СПАТЬ - РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ГОТТЕНТОТАМИ И КАФИРАМИ - СКОТ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ - БАКЕЛИ ИЛИ БОЕВЫЕ ВОЛЫ - ПАМЯТЬ ГОТТЕНТОТА О КОРОВЕ - БРАК - МНОГОЖЕНСТВО ПРАКТИКУЕТСЯ НЕЧАСТО - ОТСУТСТВИЕ РЕЛИГИИ - ЯЗЫК ГОТТЕНТОТОВ - ХАРАКТЕРНЫЕ "КЛИКИ" - РАЗВЛЕЧЕНИЯ ГОТТЕНТОТОВ - ПЕНИЕ И ТАНЦЫ - ТЕМАТИКА ИХ ПЕСЕН - МУЖСКОЙ ТАНЕЦ - ВСЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ ОГРАНИЧЕНЫ НОЧЬЮ - ТАНЕЦ ДЫНИ - "КАРТОЧНАЯИГРА" - ЛЮБОВЬ К РОЗЫГРЫШАМ - НЕУМЕНИЕ ИЗМЕРЯТЬ ВРЕМЯ - ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ - БОЛЕЗНИ, СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ.

Оружие, которым пользуются хоттентоты, - это в основном лук и стрелы. Это оружие почти идентично тому, которым пользуются босжесманы, и будет описано на одной из следующих страниц. Они также используют ассагай, но, похоже, не особенно любят его, не имея той мускульной силы, которая позволяет кафирам использовать его так ужасно. Кроме того, хоттентоты не носят с собой связки этого оружия, а довольствуются одним-единственным, которое не бросают, пока не окажутся на достаточно близком расстоянии.

Однако он отличается мастерством метания керри, который всегда имеет короткую форму, так что он может носить их несколько на поясе. Фактически, он использует керри так же, как каффир использует ассагай, всегда имея под рукой несколько штук и бросая их один за другим со смертельной точностью прицеливания. С этим оружием, столь бесполезным в руках обычного европейца, он может сравниться с большинством обычных животных южной Африки, за исключением, конечно, крупных слонов, носорогов и бегемотов, а также хищных животных, таких как лев или леопард. Их, однако, он может уничтожить с помощью ловушек и других хитроумных приспособлений, и если охотник-хоттентот решительно настроен убить или поймать какое-либо животное, шансы этого существа на жизнь невелики.

Когда ему удается убить дичь, видно, что его прожорливость равна его терпению. Голод он переносит с удивительным безразличием, затягивая пояс день ото дня и придумывая, как поддержать существование на почти не поддающемся оценке количестве пищи. Но когда ему удается раздобыть только мясо, он ест с постоянной и устойчивой прожорливостью, которая почти невероятна. О качестве мяса он заботится мало, а чтобы получить его в неограниченном количестве, он не беспокоится о том, жесткое оно или нежное. Если кому-то из орды хоттентотов удается убить крупное животное, например слона или бегемота, и оно оказывается на расстоянии от крааля, жители предпочитают разбить свои палаточные домики и перенести их к животному, чем утруждать себя постоянными поездками туда и обратно. Главная причина такого странного поведения заключается в том, что, выбрав последний вариант, они лишат себя одной из самых больших роскошей, которой может наслаждаться хоттентот. Редко пробуя мясо, они становятся полупьяными под его воздействием и наедаются до предела выносливости, спят, как удав, проглотивший козу, а затем просыпаются только для того, чтобы снова наесться и снова заснуть.

Этому необычному проявлению обжорства есть оправдание, а именно: в жарком климате мясо так быстро разлагается, что его нужно съедать сразу, если оно вообще съедается. Но даже в таком виде хоттентоты часто вынуждены есть мясо, которое более чем испорчено, и от которого даже самый большой поклонник дичи отшатнулся бы с ужасом. Однако, похоже, они не беспокоятся о таких мелочах и поглощают испорченное мясо с такой же жадностью, как если бы оно было совершенно свежим. Каким бы ни было изначальное качество мяса,

оно ничем не обязано способу его приготовления, ведь хоттентоты, пожалуй, самые худшие повара в мире. Они берут глиняный горшок, почти полностью наполняют его водой, ставят на огонь и дают ему закипеть. Затем они режут мясо на куски размером с мужской кулак, бросают их в кастрюлю и оставляют там до тех пор, пока они не понадобятся. Иногда, когда пирующие уже спят, они позволяют мясу оставаться в горшке полдня или около того, и в это время женщины вынуждены постоянно кипятить воду, и можно представить, что конечный результат их готовки не особенно приятен на вкус.

Уже упоминалось, что племена хоттентотов отличаются своим аппетитом. Не менее примечательны они и своей способностью спать. Воспитанный хоттентот может заснуть в любое время, и практически невозможно поставить его в условия, в которых он не будет спать. Если его мучает голод, и он не видит возможности добыть пищу ни на охоте, ни на земле, он ложится, сворачивается калачиком и через несколько мгновений погружается в дремоту. Сон для него - это почти что пища, и он часто может с уверенностью сказать, что "тот, кто спит, ужинает". Когда он спит, его дремота поистине удивительна, поскольку больше похожа на летаргию, чем на сон, как мы понимаем это слово. Можно выстрелить из ружья рядом с ухом спящего хоттентота, и он не заметит этого, или, во всяком случае, просто повернется и снова погрузится в сон. Даже во сне существует различие между кафиром и хоттентотом. Первый лежит во весь рост на своем коврике, а второй сворачивается в клубок, как человеческий еж. Несмотря на дурную атмосферу, царящую в их хижинах, хоттентоты дружелюбны даже во сне, и по ночам у дверей хижины можно увидеть несколько хоттентотов, которые крепко спят и так смешались друг с другом, что едва ли можно различить различные тела, к которым принадлежат конечности. Иллюстрация № 3, стр. 247, дает хорошее представление об этом необычном обычае.

Уже несколько раз упоминался крупный рогатый скот хоттентотов. Они, как и каффирские быки, используются в качестве ноши и для верховой езды, и их одевают таким же образом, *то есть* с помощью кожаной веревки, продетой несколько раз вокруг тела и натянутой людьми на каждом конце. Возможно, читатель помнит, что в давно минувшие времена, когда хоттентоты были могущественным народом и владели югом Африки, их краалы или деревни защищались особой породой волов, специально обученных для этой цели, которые выполняли ту же функцию, что и сторожевые собаки, которые сейчас охраняют деревни. Говорят, что эти волы были обучены охранять вход в крааль и знать каждого жителя деревни, начиная от самого старого и заканчивая ребенком, который мог только ползать. Чужакам они не позволяли приближаться к краалю иначе, как в сопровождении одного из жителей, и не позволяли выходить из него иначе, как под той же охраной.

Обычно считается, что эта история - просто выдумка, и, возможно, так оно и есть. Однако в моей коллекции есть бычий рог, который был привезен из Южной Африки преподобным мистером Шутером и о котором никто не мог рассказать. Очевидно, он очень старый, и, хотя это рог одомашненного вида крупного рогатого скота, он совершенно не похож на рога быков, которые принадлежат современным туземным племенам: он в два раза больше, и имеет совершенно другой вид. Это именно такой рог, который мог принадлежать вышеупомянутым быкам, и, хотя нельзя с уверенностью сказать, что он вырос на голове одного из этих животных, существует лишь вероятность того, что так и было.

Как и кафиры, хоттентоты обладают удивительной памятью на волов. Если он увидит его на минуту или две, то вспомнит его снова, где бы он ни находился, и даже по прошествии нескольких лет. Он узнает его среди стада, даже в незнакомом месте, где он не мог ожидать встречи с ним, и он запомнит его "шкуру" и сможет проследить его следы среди следов всего

стада. Известны случаи, когда он даже обнаруживал украденную корову, увидев теленка, которого она произвела на свет после кражи и которого он узнал по сходству с матерью.

Браки у хоттентотов очень просты и сводятся к тому, чтобы заплатить определенную цену и забрать невесту домой. В известном труде Колбена есть подробнейшее и косвенное описание брака у хоттентотов, в котором с ненужной точностью описывается ряд необычных обрядов, совершаемых священником над новобрачной парой. Теперь, поскольку известно, что орден священников не существовал среди хоттентотов, и уж точно не существовал во времена Колбена, все повествование теряет смысл. Дело в том, что Колбену было проще описать из вторых рук, чем исследовать самому, и, как следствие, голландские колонисты, от которых он получал информацию, развлекались тем, что навязывали ему свое легковерие.

Многоженство, хотя и не запрещено у хоттентотов, практикуется крайне редко. Некоторые мужчины имеют несколько жен, но это исключение, а не правило.

Как у них нет священников, так нет и профессиональных врачей. Все они являются адептами в том незначительном объеме медицинских и хирургических знаний, который им необходим, и не имеют представления об отдельном ордене мужчин , практикующих искусство врачевания. В отличие от кафиров, которые являются самыми суеверными из человечества, хоттентоты полностью свободны от суеверий, поскольку у них нет ни малейшего представления о каких-либо религиозных чувствах. Современный мир является пределом их представлений, и, насколько известно, они в равной степени не знают ни о Творце, ни о бессмертии души.

Язык расы хоттентотов отличается одной особенностью, которая, как я полагаю, присуща только им самим и окружающим племенам, которые, очевидно, научились ему у них. Это наличие "клика", который встречается почти у всех племен, населяющих юг Африки, за исключением амазулу, которые свободны от этого любопытного дополнения к своему языку и говорят на языке, мягком, как итальянский. Существует три таких "щелчка", образованных языком, зубами и нёбом, и каждый из них изменяет значение слова, с которым он используется. Первый, наиболее часто используемый, производится путем прижатия кончика языка к верхним передним зубам, а затем ловко его отсоединяют. Звук похож на тот, который издают некоторые люди, когда они раздражены. Второй щелчок образуется, если прижать язык к крыше рта, а затем резко отвести его, чтобы получился звук, похожий на тот, который используют конюхи, подгоняя лошадь. Однако делать это нужно с минимальной силой, чтобы добиться нужного эффекта, так как в противном случае щелчок и слог, к которому он присоединяется, не смогут прозвучать одновременно. Последний щелчок намного громче остальных, он образуется путем отведения языка назад как можно дальше и прижатия его кончика к задней части нёба. Затем его быстро продвигают к губам, чтобы получить гораздо более глубокий и звучный звук, чем при двух предыдущих способах.

В тех немногих словах, которые можно посвятить этой теме, мы будем различать эти несколько звуков под названиями "клац", "щелчок" и "клац". Читателю будет очень трудно произнести любой из этих звуков одновременно с частью слова, но, если он хочет, чтобы его понимали на диалекте хоттентотов, это совершенно необходимо. Насколько необходимы эти любопытные дополнения, хорошо показал Ле Вайан. Например, слово Аар без всякого щелчка означает лошадь, но с щелчком оно обозначает стрелу, а с клаксоном становится названием реки. Разумеется, этот язык невозможно свести к какому-либо известному алфавиту, и необходимым следствием этого является то, что едва ли двум путешественникам, написавшим рассказы о племенах хоттентотов, удалось написать слова так, чтобы они были узнаваемы, или так, чтобы читатель мог их произнести. Обычно эти щелчки выражаются

путем добавления к слову букв *ts* или *g*, и читатель может найти очень знакомый пример в слове Gnoo, которое на самом деле должно писаться без буквы *g* и с какой-нибудь приставкой, обозначающей вид щелчка, который с ним используется.

Развлечения хоттентотов состоят в основном из пения и танцев, а также игры на любопытном инструменте под названием гура. Этот инструмент, однако, скорее относится к группе босджесманов расы хоттентотов, и поэтому будет описан на одной из следующих страниц. Их песни также, очевидно, происходят из одного и того же источника, а их мелодии идентичны. Примеры песен босджесманов будут приведены ниже, вместе с описанием гура. В словах песен, однако, хоттентоты имеют преимущество, поскольку они всегда имеют какое-то значение, в то время как слова босджесманов не имеют даже видимости смысла и эквивалентны *до*, *ре*, *ми* и т. д. в современной музыке.

Ле Вайан упоминает, что темой песен, которые пели хоттентоты, почти всегда было какое-нибудь приключение, случившееся с ними самими, так что, подобно неграм, они могут петь всю ночь, просто повторяя слова своей песни снова и снова. Для этого они предпочитают ночь дню, потому что атмосфера прохладнее, а дневные дела уже позади.

"Когда они желают предаться этому развлечению, они объединяются и образуют круг большей или меньшей протяженности, пропорционально количеству танцующих мужчин и женщин, которые всегда перемешаны с некоторой симметрией. Когда цепь выстроена, они поворачиваются с одной стороны на другую, разделяясь через определенные промежутки времени, чтобы отметить меру, и время от времени хлопают в ладоши, не прерывая каденции, а голосами сопровождают звук инструмента и непрерывно скандируют "Ху! Ху!" Такова общая нагрузка их песни.

"Иногда один из танцоров покидает круг и, выйдя в центр, исполняет там в одиночку несколько шагов на английский манер, вся прелесть которых заключается в том, что они исполняются с одинаковой быстротой и точностью, не двигаясь с места. После этого все они бросают друг другу руки, небрежно следуют друг за другом с видом ужаса и меланхолии, склонив головы к одному плечу и опустив глаза к земле, на которую они внимательно смотрят; а через мгновение они разражаются самой живой демонстрацией радости и самым экстравагантным весельем.

Они в высшей степени восхищены этим контрастом, когда он хорошо исполнен". Все это в основе своей - чередование очень смешных и забавных пантомим. Следует отметить, что танцоры издают пустое монотонное гудение, которое никогда не прекращается, за исключением тех случаев, когда они присоединяются к зрителям и поют замечательный хор "Ху! Ноо!", который, кажется, является жизнью и душой этой великолепной музыки. Обычно они завершаются общим балом, то есть кольцо разрывается, и все танцуют в беспорядке по своему усмотрению, демонстрируя при этом всю свою силу и ловкость. Самые искусные танцоры повторяют, бросая вызов друг другу, те опасные прыжки и музыкальные взмахи наших великих академий, которые вызывают смех так же заслуженно, как "Ху! Ху!" в Африке".

Для пения, танцев или других развлечений хоттентоты собираются только ночью - день слишком дорог для простых развлечений. Днем мужчины занимаются различными делами своей жизни: одни находятся далеко от дома на охоте за каким-нибудь животным, мясо которого идет на содержание их самих и их семей. Другие кропотливо делают силки, копают ямы или обходят уже сделанные, чтобы снять пойманных животных и вернуть силки на место. Им также приходится изготавливать луки, стрелы, копья и дубины - операции, которые отнимают много времени, отчасти потому, что их инструменты немногочисленны и

несовершенны, а отчасти потому, что вся их работа выполняется с той степенью обдуманности, которая крайне раздражает европейского зрителя.

Женщины также заняты своими делами, которые бесконечно более трудоемки, чем мужские, и состоят из всевозможной домашней работы, включая разборку и обустройство хижин, заготовку дров для вечернего костра и приготовление пищи для мужчин, когда они возвращаются домой. С наступлением вечера все попытки заняться хозяйством прекращаются, и хоттентоты развлекаются почти всю ночь. Дикарь ни в коем случае не ложится спать вместе с птицами и не встает вместе с ними, как принято считать, а почти неизменно сидит по ночам, курит, разговаривает, поет, танцует и развлекается, как будто весь день ничего не делал.

Возможно, способностью выдерживать такое постоянное рассеяние он обязан тому факту, что может приказывать себе спать по желанию и что его сон настолько глубок, что его не нарушает шум, который происходит вокруг него. Если, например, хоттентот весь день охотился и вернулся домой, утомленный погоней и переноской животных, он и не подумает спать, пока не поужинает, не выкурит свою трубку и не насладится часом или двумя танцев и пения. Но как только ему захочется прекратить свои развлечения, он выходит из круга, сворачивается калачиком, ложится и через несколько секунд уже крепко спит, не обращая внимания на шум, который производят вблизи его ушей его товарищи, продолжающие веселиться.

Существует необычный танец, который очень популярен среди молодых девушек-хоттентотов и который, насколько я знаю, присущ только им. Поскольку главным предметом этого танца является маленькая дыня, он называется "Танец дыни" и исполняется так: вечером, когда воздух прохладный, девушки собираются вместе и выбирают одну из них в качестве предводительницы. Она берет в руки маленькую круглую дыню и начинает бегать по кругу, размахивая руками и разбрасывая конечности самым диким образом. Остальные следуют за ней и подражают ее движениям, и, поскольку им не мешают многочисленные путы одежды, а на них лишь обычная шапочка и пояс из кожаных ремешков, их движения полны дикой грации. Вожак бежит по кругу, подбрасывает дыню в воздух, ловит ее, снова подбрасывает и, наконец, резко останавливается, подпрыгивает в воздух и бросает дыню вслед за девушкой. Цель этого танца двоякая. Вторая девушка должна поймать дыню, не сбиваясь с курса, а первая должна бросить ее, когда ей покажется, что вторая потеряла бдительность. Поэтому она делает всевозможные финты, притворяясь, что бросает дыню несколько раз, и стараясь обмануть всеми доступными ей способами. Если второй девочке не удается поймать дыню, первая сохраняет лидерство, но если ей это удается, она становится лидером и повторяет все те же маневры. Таким образом, дыня проходит круг за кругом, и этот спорт продолжается до тех пор, пока танцоры не устанут и не смогут продолжать его.

Из приведенного выше описания некоторые могут подумать, что этот танец оскорбляет чувство приличия. Это не так. Правда, стиль одежды, который носят танцоры, не соответствует европейским представлениям, но, по их собственным представлениям, он удобен и соответствует обычаю. В самом танце также нет ничего такого, что должно шокировать здравомыслящий ум. Это всего лишь излияние молодого духа, и он не имеет ничего общего с танцами во многих частях света, которые открыто и намеренно развратны, и которые, независимо от того, сопровождаются ли они большим или меньшим количеством одежды, чем носят эти девушки-хоттентоты, скорее отталкивают, чем привлекают любого, кто обладает хоть какой-то долей самоуважения.

В данном случае танец исполняется совершенно невинно, и у исполнительниц не больше мыслей о неуместности скудного, хотя и изящного и артистичного платья, чем у английской леди при появлении на сайте с неприкрытым лицом. Пока одежду не пытаются носить, она, кажется, и не требуется, но, когда хоть часть европейской одежды принимается, все дело меняется. Мистер Бейнс рассказывает о небольшом подтверждающем инциденте. Он ехал в повозке, сопровождаемый, как обычно, готтентотами и их семьями. Последние, в основном женщины, шли рядом с повозкой, не надевая никакой одежды, кроме легкого кожаного пояса. Случилось так, что из повозки выбросили несколько старых туфель, которые тут же были присвоены женщинами, испытывающими нелепую тягу к европейской одежде. Не успели они надеть туфли, как оказались голыми. Они не делали этого раньше, но даже такое незначительное количество цивилизованной одежды, казалось, наводило на мысль, что все тело тоже должно быть одетым, и это чувство было настолько сильным, что мистер Бейнс нашел способ удалить нежелательные предметы одежды.

У хоттентотов есть замечательная игра, которую они называют "Карточная игра", видимо, потому, что в ней не используются карты. Эта игра - просто демонстрация активности и быстроты рук, по принципу схожая с нашей мальчишеской игрой в чет и нечет. Она проиллюстрирована на противоположной странице и описана Бурчеллом следующим образом

"На одном из костров забава очень необычного и почти непонятного вида была источником большого веселья не только для самих исполнителей, но и для всех зрителей. Они называли это игрой в карты - слово, которое в данном случае, как ни странно, было применено неправильно. Два готтентота, сидя друг напротив друга на земле, в ярости выкрикивали какие-то особые выражения на своем языке: яростно смеялись, бросали свои тела в разные стороны, швыряли руки во все стороны - в один момент руки были близки друг к другу, в другой - широко раскинуты в стороны; то поднимались в воздух, то мгновенно опускались на землю; иногда они были закрыты, в другое время демонстрировали их противнику открытыми. Часто в пылу игры они поднимались на колени, тут же падая обратно на землю; и все это в такой быстрой, дикой, необычной манере, что, наблюдая за их движениями в течение долгого времени, невозможно было раскрыть природу их игры или понять принцип, на котором она основана, так же как человек, совершенно не знающий ходов в шахматах, мог бы узнать это, просто наблюдая за ними.

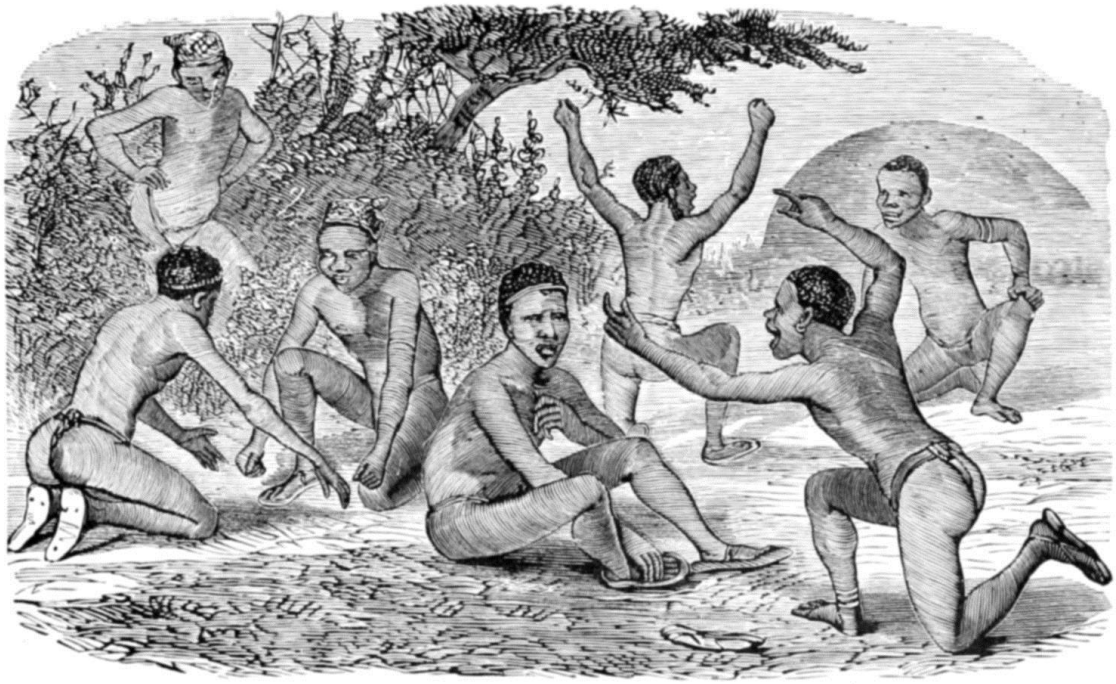
"Это настоящая игра хоттентотов, как, безусловно, может предположить каждый, увидев, в какой непристойной манере в нее играют. По их словам, она очень древняя, и в настоящее время ею занимаются только те, кто сохранил часть своих исконных обычаев, и они утверждают, что не каждый готтентот обладает талантом, необходимым для совершенной игры в нее.

"Я с трудом добился вразумительного объяснения, но в конце концов узнал, что принцип состоит в том, чтобы спрятать небольшой кусок палки в одной руке так ловко, чтобы противник не смог, когда ему будут представлены обе закрытые руки, различить, в какой из них она находится, и в то же время он должен был бы решить каким-то знаком или движением либо в одну, либо в другую сторону. Как только противник набрал определенное количество угадываний, он считается выигравшим партию, и тогда наступает его очередь брать палку и проявлять изобретательность в ее сокрытии и обмане другого. Таким образом, игры продолжаются поочередно, часто всю ночь или до тех пор, пока игроки не изнемогут от усталости. В ходе их происходят различные мелкие инциденты, либо находчивые, либо ошибочные, чтобы оживить их усилия и возбудить грубое, безобидное веселье окружающих их друзей". Читатель, вероятно, увидит близкое сходство между этой игрой, в которую играют

хоттентоты на юге Африки, и известной игрой "Морро", которая так популярна в некоторых частях Южной Европы.

Хоттентоты, похоже, так же любят розыгрыши, как и кафиры, и воспринимают их с таким же юмором. Однажды, когда путешественник проходил через Африку с большой компанией, несколько готтентотов, которые должны были быть начеку, ухитрились примоститься у костра и заснуть. Некоторые из их спутников решили хорошенько их напугать и напомнить им, что они должны были бдеть, а не спать. Поэтому они отошли на небольшое расстояние и выпустили пару боснийских стрел прямо в спящих. Как бы глубоко ни спал готтентот, при приближении опасности он может мгновенно сбросить сон, и, хотя самый громкий звук не разбудит его, если только он безобиден, почти неслышный звук достигнет его ушей, если он предвещает опасность. Как только спящие хоттентоты услышали звон лука, они вскочили в тревоге, которая не уменьшилась от вида стрел, падающих рядом с ними, бросились к повозке за оружием и были встречены криками смеха.

Однако вскоре они отомстили. Однажды темным вечером молодые люди развлекались тем, что поджигали сушеный тростник в нескольких сотнях ярдов от лагеря. Пока они наслаждались огненными волнами, гонимыми ветром, хоттентоты спрятались за тростником и с помощью скорлупы страусиного яйца так точно имитировали рев приближающегося льва, что молодые люди начали кричать, чтобы прогнать льва, и в конце концов с воплями ужаса побежали в лагерь. Разумеется, песни, которые пели в лагере в ту ночь, были полны упоминаний о босхе и львах.



(1.) КАРТОЧНАЯ ИГРА.
(См. стр. 236.)

(2.) СТРЕЛЬБА ПО СКОТУ.
(См. стр. 254.)

Хоттентоты по своей природе неспособны к исчислению времени. Путешественник никогда не сможет определить возраст готтентота, отчасти потому, что сам он не имеет ни малейшего представления о своем возрасте, да и вообще о годовом исчислении, а отчасти потому, что готтентот в тридцать пять лет выглядит так же старо, как и в шестьдесят пять. Он может вычислить время суток по положению солнца относительно меридиана, но его память не может служить ему так далеко, чтобы позволить вычислить годовое время по высоте солнца над горизонтом. Как и у большинства дикарей, его единицей измерения времени является новолуние, и все свои отсчеты времени он производит по количеству лун. Забавный пример этого недостатка приводит д-р Лихтенштейн в своих "Путешествиях по Южной Африке":.

"Один готтентот, в частности, привлек наше внимание простотой, с которой он рассказывал свою историю. После того как он долго излагал свои мысли на ломаном голландском языке, мы узнали, что он договорился с одним колонистом служить ему определенное время за установленную плату в качестве пастуха, но до истечения этого срока они расстались по взаимному согласию. Спор заключался в том, сколько времени осталось; следовательно, сколько жалованья хозяин имел право вычесть из суммы, которая должна была быть выплачена за все время.

"Чтобы проиллюстрировать этот вопрос, хоттентот рассказал нам следующее: "Мой Баас, - сказал он, - хочет сказать, что я должен был служить так долго" (здесь он вытянул левую руку и кисть и положил мизинец правой руки прямо под руку); "но я говорю, что я только согласился служить так долго", - и здесь он положил правую руку на сустав левой. По-

видимому, он хотел этим сказать, что доля времени, которое он прослужил, от того, что он согласился прослужить, равна отношению того, что он указал на руку, ко всей ее длине. В то же время он показал нам небольшую квадратную палку, на которой в каждое полнолуние он делал небольшую зарубку, а в полнолуние, когда он оставлял службу у колониста, - двойную. Поскольку последний присутствовал при этом, а несколько колонистов и хоттентотов, присутствовавших в качестве ревизоров, смогли точно определить время поступления на службу, то, как это часто бывает, пришли к выводу, что и хозяин, и слуга были несколько неправы; что один отсчитывал слишком много времени, а другой слишком мало; и что, согласно способу измерения хоттентотов, истекшее время доходило примерно до костяшки пальца.

"Хоттентоты не понимают другого способа измерения времени, кроме лунных месяцев и дней; у них нет понятия о делении дня на часы. Если человек спрашивает хоттентота, как далеко до такого-то места, тот либо ничего не отвечает, либо указывает на определенную точку в небе и говорит: "Солнце будет там, когда ты доберешься до него"".

Война у хоттентотов едва ли заслуживает такого названия, потому что вряд ли можно использовать такой термин, как "война", где нет различия между офицером и рядовым, где нет командира и плана действий. Люди, умеющие обращаться с луком и стрелами, идут на врага всем телом, и возглавляет их любой, кто считает себя достаточно храбрым, чтобы принять командование. Когда они сходятся с врагом, каждый сражается так, как ему удобнее, не оказывая поддержки тем, кто на его стороне, и не ожидая ее от своих товарищей. Даже главный человек в орде не обязательно является вождем, и его власть над ордой скорее номинальна, чем реальна. Простой мальчишка может взять на себя руководство экспедицией, и если он достаточно смел, чтобы взять на себя инициативу, он может удерживать ее до тех пор, пока какой-нибудь еще более храбрый воин не выступит вперед. Очевидно, что такая война - это просто череда стычек или поединков, как это было во времена Гектора и Ахилла: каждый солдат выбирает себе противника и сражается с ним, пока один из них не погибнет, не убежит или не окажется в плену.

Насколько известно, хоттентоты никогда не вели войны в обычном понимании этого слова. Если их оскорбляли или обижали, угоняя скот, они шли и мстили, но у них и в мыслях не было вести войну ради какой-либо политической цели. Возможно, именно по этой причине они были полностью побеждены племенами кафиров, которые знали толк в военном искусстве и оттесняли их все дальше и дальше от своих владений, пока их национальность не была уничтожена, и они не превратились в простое скопление разрозненных племен, лишенных единства и, следовательно, силы.

Каким бы национально неприспособленным к войне ни был хоттентот, как бы ни был он неспособен к военной организации, из него можно сделать солдата, не только полезного, но и неприступного в своем роде. Нетерпимый, как правило, к военной дисциплине, он ненавидит прежде всего маршировать шагом, проходить через взводные упражнения и выполнять те механические движения, которые радуют сердце сержанта. Как правило, он не приемлет ничего похожего на постоянную работу, и эта склонность ума не позволяет ему быть земледельцем, зато помогает подготовиться к жизни охотника. Как правило, из хорошего охотника получается хороший солдат, особенно иррегулярный, а тренировка, которую дает преследование флота, мощных и опасных зверей Африки, делает хоттентота одним из лучших иррегулярных солдат в мире.

Но ему нужно позволить сражаться по-своему, самому выбирать время для атаки, делать ее в том режиме, который ему больше подходит, и убегать, если бегство окажется для него более подходящим, чем сражение. У него нет ни малейшей мысли о том, чтобы быть убитым или раненым только из соображений чести; и если он видит, что шансы в войне могут быть значительно ниже его, он спокойно отступает и "живет, чтобы сражаться в другой день". К такому образу действий его побуждает не чувство страха, а просто здравый взгляд на дело. Его дело - убить врага, и он намерен это сделать. Но эта желанная цель не может быть достигнута, если он позволит им убить себя, и поэтому он защищает себя от этого события, насколько это возможно. В самом деле, если его ранят, когда он мог бы избежать ранения, ему становится стыдно за то, что он совершил такую ошибку; а если ему удается убить или ранить врага без ущерба для себя, он превозносит свою высшую изобретательность и веселится над глупостью своего противника.

Страх - как мы понимаем это слово - имеет очень мало влияния на солдата-хоттентота, независимо от того, обучен ли он сражаться с огнестрельным оружием белого человека или использует лук и стрелы своей первобытной жизни. Если он должен сражаться, он будет делать это со спокойной и стойкой доблестью, и любой враг, который решит покорить его, обнаружит, что перед ним стоит нелегкая задача.

Мистер Кристи рассказал мне несколько случаев, которые показывают, с каким упрямым мужеством хоттентот может сражаться, когда на него давят. Один из них таков: "Во время войны с кафирами

"Во время каффирской войны 1847 года группа готтентотов была окружена большим отрядом каффиров, и после тяжелой борьбы им удалось пробить себе путь через своих темных врагов. Однако один из готтентотов был ранен в позвоночник, так что лишился ног и не мог стоять. Несмотря на тяжелое ранение, он не сдался, а подтащил себя к муравейнику и уперся в него спиной, так что его руки были свободны. В таком положении он продолжал заряжать и стрелять, хотя и был полностью защищен от пуль и ассагаев кафиров. Он так метко стрелял даже в этих условиях, что убил и ранил значительное число кафиров; и когда к ним на помощь подоспело подкрепление, храбрый парень был на грани смерти, но еще дышал, хотя его тело было изрешечено пулями и изрублено копьями".

Этот анекдот также служит доказательством необычайной живучести этой расы - живучести, которая, кажется, соперничает с живучестью низших рептилий. Однажды мистер Кристи находился в доме хирурга в Грэмстауне, когда туда вошел хоттентот и попросил хирурга осмотреть его голову, которая была повреждена накануне ударом ножа-керри. Он снял шляпу и платок, которым, по обычаю, была обмотана его голова, и продемонстрировал травму, которая убила бы большинство европейцев на месте, и уж точно повергла бы их в полное уныние. На макушке его головы была круглая рана диаметром около дюйма и глубиной более полудюйма - кость была вдавлена в мозг ударом тяжелой рукоятки оружия. Вдавленную часть черепа приподняли, насколько это было возможно, а оставшуюся часть отрезали. Закончив операцию, мужчина надел шляпу и платок и пошел прочь, очевидно, ничуть не пострадав ни от несчастного случая, ни от операции, которая ему предшествовала.

В другой раз тот же джентльмен видел, как погонщик повозки из племени хоттентотов упал со своего места под колеса. Одно из передних колес прошло над его шеей, и, поскольку повозка была нагружена примерно двумя тоннами дров, можно было предположить, что мужчина погиб на месте. К удивлению наблюдателя, он не только остался жив, когда освободился от колеса, но и имел достаточно ума, чтобы откатиться в сторону от заднего колеса, которое в противном случае должно было переехать его. Мистер Кристи подбежал к

нему и помог встать на ноги. В ответ на тревожные вопросы он сказал, что не сильно пострадал, если не считать нескольких мелких камней, которые впились ему в кожу и которые он попросил мистера Кристи удалить. Действительно, эти люди, похоже, не только упорно сохраняют жизнь, но и почти не страдают от ран, которые чуть не убили бы белого человека или, во всяком случае, привели бы его к смерти от одной только боли. Однако, как бы черствы они ни были к телесным повреждениям, они, по-видимому, особенно восприимчивы к яду, который смешивается с кровью, и, если их укусит змея или ранит отравленная стрела, у них гораздо меньше шансов на жизнь, чем у европейца в аналогичных условиях.

В заключение этой истории хоттентотов мы сделаем несколько замечаний об их лечении болезней и погребении мертвых.

Когда хоттентоты болеют, они повинуются инстинкту, который, похоже, в равной степени присущ человеку и зверю, и отделяют себя от своих собратьев. Иногда они стараются построить небольшую хижину на расстоянии от крааля, но во всех случаях держатся как можно дальше и не смешиваются с товарищами, пока их здоровье не восстановится. О профессиональных врачах они ничего не знают, и в этом отношении имеют явное преимущество перед кафирами, которых в часы болезни ужасно мучают знахари, пытающиеся с помощью всевозможных шумных заклинаний изгнать злого духа, терзающего больного. Среди них, безусловно, есть люди , обладающие своего рода знаниями в области фармации, и эти люди достаточно либеральны в своих советах и рецептах. Но они не образуют отдельного ордена людей и не пытаются лечить сверхчеловеческими средствами. Они более успешны в лечении ран и телесных повреждений, чем в лечении болезней, потому что в первом случае есть что-то осязаемое, с чем они могут справиться, тогда как болезнь они не видят и не могут произвести никакого немедленного и видимого эффекта, как в случае с телесными повреждениями.

Иногда проводится любопытная церемония, которая, вероятно, аналогична шампуню, распространенному во многих частях света. Пациент лежит на полу, а несколько женщин, по одной с каждой стороны, бьют и разминают его своими сомкнутыми кулаками, одновременно издавая громкие крики рядом с его ухом. Такое грубое лечение, по-видимому, обладает определенной эффективностью, поскольку Спаррман упоминает, что видел, как его применяли к безжизненному телу молодого человека, который в конце концов выздоровел.

Из всех болезней хоттентоты не боятся ничего так сильно, как оспы; и если хоть один член орды заболевает ею, они оставляют его в его хижине, уничтожают все свои жилища и уходят в пустыню, где остаются до тех пор, пока не решат, что опасность миновала. Все узы родства и привязанности разрываются этой страшной болезнью, от которой они не знают лекарства и которая всегда бушует с удесятеренной жестокостью среди дикарей. Муж бросает жену, а мать - детей в надежде остановить распространение болезни, и несчастные страдальцы остаются умирать либо от самой болезни, либо от лишений.

Когда хоттентот умирает, похороны проходят без каких-либо церемоний. Тело укладывают как можно компактнее - фактически, в то положение, которое принимают во время сна, а конечности и голову крепко связывают. Затем вокруг тела оборачивают изношенный кароcс и тщательно укладывают его так, чтобы полностью скрыть. Место погребения, за некоторыми исключениями, выбирается на расстоянии от крааля, и труп помещается в могилу, которая никогда не бывает большой глубины. Затем тело засыпают землей; если поблизости есть камни, их смешивают с землей и насыпают над могилой, чтобы защитить ее от гиен и шакалов, которые непременно обнаружат, что здесь произошло погребение. Если камней

найти не удается, для этой же цели используют кусты терновника. Как правило, могила оказывается настолько мелкой, а камней так мало, что весь процесс захоронения практически сводится на нет, и не успевает рассвести день, как гиены и шакалы рассыпают хрупкую защиту, выкапывают тело и пожирают его.

Если умирает староста крааля, то по всему краалю раздается сильный плач. Эти вопли начинают члены семьи, их подхватывают жители деревни, и вся ночь проходит в громких завываниях и причитаниях. Его тело обычно хоронят в центре загона для скота, так как это безопасное место, пока в нем находится скот, за которым наблюдают всю ночь, а над его останками возводят значительную груду камней.

ГЛАВА XXIV.
БОСДЖЕСМЕН ИЛИ БУШМЕН.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ - ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ - ИХ ЯЗЫК И ЕГО ОСОБЕННОСТИ - ЯЗЫК ЖЕСТОВ - НЕБОЛЬШОЙ РАЗМЕР БОСДЖЕСМЕНОВ - ИХ ЦВЕТ ЛИЦА И ОБЩИЙ ВИД - СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ - ТРУБКА БОСДЖЕСМЕНА И СПОСОБ КУРЕНИЯ - ГОВОРЯТ, ЧТО У НИХ НЕТ ИМЕН, И НЕ РАЗЛИЧАЮТ РАНГИ - СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ СРЕДИ БОСЬЕ - БРАК И ЕГО ПРОБЛЕМЫ - ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ БОСЬЕ - ЕГО БЕЗРАЗЛИЧИЕ К БОЛИ - ПРЕСТУПНИК И ЕГО НАКАЗАНИЕ - ОДЕЖДА ОБОИХ ПОЛОВ - БОСЬЕ ОТ МЛАДЕНЧЕСТВА ДО СТАРОСТИ.

Теперь мы переходим к необычной расе людей, обитающих в различных частях Южной Африки и явно родственных готтентотам. Голландские поселенцы называют их босджесманами. Это слово произносится как Bushes-man и в народе сокращается до Bushman - слово, которое, действительно, является точным переводом голландского названия. Однако, поскольку несколько групп дикарей в разных частях света называются бушменами, мы сохраним оригинальное голландское название.

Если рассматривать точное родство, то существует три различные теории. Первая заключается в том, что это коренные жители, которых улучшили готтентоты; вторая - что это выродившиеся отпрыски расы готтентотов; и третья - что они представляют собой совершенно отдельную группу человечества. В целом я склонен принять теорию о том, что они являются разновидностью расы хоттентотов, на которую они очень похожи по многим признакам. Своеобразная форма лица, высокие скулы, маленькие суженные глаза и длинный узкий подбородок - все это характерно для расы хоттентотов. Цвет кожи тоже не черный, а желтый, даже бледнее, чем у хоттентотов, а женщины отличаются той особенностью форм, которая уже была отмечена.

По звучанию их язык очень похож на язык хоттентотов, характерный "клик" - одна из его особенностей. Но если хоттентоты обычно довольствуются одним щелчком в слове, то племена босджесман используют его в каждом слоге, и, кроме того, у них есть своеобразный квакающий звук, издаваемый в горле, который не используется хоттентотами и который они с большим трудом имитируют. Но хотя их язык похож на язык хоттентотов по звучанию, слова этих двух языков совершенно различны, так что хоттентот с таким же трудом может понять босжесмена, как и европеец. Даже различные племена босхесманов сильно отличаются друг от друга по языку: каждое племя имеет свой диалект и даже меняет его в течение нескольких лет. Это объясняется тем, что орды или семьи босджесманов практически не общаются друг

с другом и держатся как можно дальше друг от друга, чтобы не мешать охоте своих соплеменников.

В разговоре между собой они также постоянно придумывают новые слова. Интеллектуально они еще дети, и, как дети, более бойкие снисходительно относятся к слабости тех, кто не может говорить так же хорошо, как они сами, и принимают их несовершенные слова как неотъемлемую часть своего языка. Язык босджесманов настолько несовершенен, что даже представители одной орды часто испытывают трудности в понимании друг друга без использования жестов; а ночью, когда группа босджесманов курит, танцует и разговаривает, они вынуждены поддерживать костер, чтобы при его свете можно было видеть поясняющие жесты своих товарищей.

Как и многие другие дикие народы, они владеют жестовым языком, который повсеместно понимают, даже если слова совершенно неразборчивы, и с помощью этого языка европеец может заставить себя понять их, даже если он не знает ни слова из их разговорного языка. Когда босхесман говорит, он использует множество жестов, оживленных, графических и настолько понятных, что человек, совершенно не знающий этого языка, может легко уловить его смысл. Я слышал, как босхесман рассказывал о том, как он охотился на различных животных, и, хотя точные слова, которые он использовал, были мне неизвестны, весь процесс погони был прекрасно понятен. Возможно, кто-то из моих читателей помнит, что покойного Гордона Камминга сопровождал боцман по имени Рюйтер. Этот маленький человек пережил опасности пустыни, спасся от когтей льва, который вытащил его спутника из одеяла, в которое они оба были завернуты, и несколько лет прожил в Англии. Он был восхитительным актером и иногда снисходил до демонстрации своих удивительных способностей. Вряд ли можно представить себе что-то более наглядное, чем актерское описание Рюйтером кражи льва в лагере и оцепенения различных животных, оказавшихся в такой близости от своего страшного врага. Роль каждого животного по очереди исполнил Рюйтер, причем лучше всего ему удались *роли* самого льва и прирученного павиана - голоса и действия обоих животных были имитированы с поразительной точностью.

Босхесманы отличаются от настоящих хоттентотов размерами, они настолько малы, что заслуживают названия нации пигмеев: в среднем их рост не превышает пяти футов, а некоторые женщины на семь или восемь дюймов короче. Это не относится к босманским племенам Кора, рост которых составляет около пяти футов четырех или пяти дюймов. Тем не менее, как бы малы они ни были, нет никаких доказательств ни того, что они выродились из древнего рода, который представляют истинные хоттентоты, ни того, что они представляют собой первоначальный род, который хоттентоты улучшили, и более вероятно, что они просто представляют собой одну из групп расы хоттентотов.

Уже упоминалось, что их цвет скорее желтый, чем темный. Эта любопытная справедливость цвета лица у южноафриканской расы выражена даже сильнее, чем у хоттентотов, хотя в их родном состоянии она едва ли так заметна. Дело в том, что босджесманы считают пресную воду слишком ценной, чтобы использовать ее для омовения, и в качестве суккедана для ванны натирают себя жиром, не снимая первоначального слоя, но добавляя новый всякий раз, когда делают туалет. Таким образом, они притягивают к себе дым костра, над которым любят приседать по ночам, и, когда они выполняют операцию, которую с удовольствием считают приготовлением пищи, дым оседает на их телах и покрывает их сажей черного оттенка, из-за которой они кажутся почти такими же темными, как кафиры. Однако под каждым глазом, как правило, остается довольно чистое пятно, вызванное потоком слез, возникающим при употреблении нюхательного табака. Но когда они хорошо вымыты, их кожа удивительно светлая, и поэтому босджесманы, которые посещают эту страну и

вынуждены мыться, дают очень мало представления о внешности этих любопытных существ в их родном состоянии.

Обычный вид босжемана в его нормальном состоянии хорошо описывает доктор Лихтенштейн в своей известной работе о Южной Африке: "Через несколько часов появились два босжемана, которые приветствовали нас своим *T'abeh*, попросили табаку и, получив его, уселись за кустом, у небольшого костра, чтобы насладиться прелестями курения. Я потратил немало времени на то, чтобы внимательно понаблюдать за этими людьми, и не могу удержаться от того, чтобы не сказать, что босхесман, безусловно, по своей мимике и всем жестам больше похож на обезьяну, чем на человека.

"Один из наших гостей, которому на вид было около пятидесяти лет, имел седые волосы и щетинистую бороду; лоб, нос, щеки и подбородок были измазаны черной жижей, и только вокруг глаз был белый круг, омытый слезами, вызванными курением. Этот человек имел истинную физиономию маленькой синей обезьяны Каффрарии. Еще больше правдивости такому сравнению придавали живость его глаз и гибкость бровей, которые он то поднимал, то опускал при каждом изменении лица. Даже ноздри и уголки рта, даже самые уши непроизвольно шевелились, выражая его поспешные переходы от страстного желания к настороженному недоверию. Напротив, в его лице не было ни одной черты, которая свидетельствовала бы о наличии умственных способностей, или чего-либо, что обозначало бы эмоции разума более мягкого характера, чем те, которые свойственны человеку в его простой животной природе.

"Когда ему давали кусок мяса, он, полуприподнявшись, протягивал недоверчивую руку, торопливо выхватывал его и тут же совал в огонь, поглядывая вокруг своими маленькими зоркими глазками, словно опасаясь, что кто-нибудь снова его отнимет. Все это он проделывал с таким видом и жестами, что любой готов был поклясться, что он взял пример с обезьяны. Вскоре он взял мясо из углей, торопливо вытер его о левую руку и вырвал зубами большие полусырые куски, которые, как я видел, целиком попадали в его скудное горло. Наконец, когда он дошел до костей и сухожилий, то, не в силах справиться с ними зубами, прибегнул к ножу, висевшему у него на шее, и этим отрезал кусок, который держал в зубах, недалеко от рта, не задев ни носа, ни губ - подвиг ловкости, который человек с кельтским лицом не смог бы легко совершить. Когда кость была очищена, он снова сунул ее в огонь и, побив ее между двумя камнями, высосал костный мозг. Сделав это, он тут же набил опустевшую кость табаком. Я предложил ему глиняную трубку, но он отказался, и, взяв толстую кость в рот, долго втягивал дым, глаза его сверкали, как у человека, который с большим, чем обычно, удовольствием выпивает бокал дорогого вина. После трех-четырех затяжек он передавал кость своему соплеменнику, который вдыхал три-четыре глотка таким же образом, а затем засовывал ее, еще горящую, в свой кисет, чтобы сохранить для будущих случаев".

Эту простую трубку босжцы предпочитают любой другой, вероятно, потому, что за один вдох они могут втянуть большее количество дыма, чем если бы использовали мелкокалиберную трубку цивилизации. Для этой же цели используются тростники, полые палочки и другие подобные предметы. Иногда босхесман вдыхает весь дым в легкие и делает тягу за тягой с таким усердием, что падает в беспамятстве, и его приходится приводить в чувство, катая по земле и обливая водой. Это, безусловно, экономичный способ употребления табака, поскольку таким образом одна трубка может опьянить нескольких курильщиков подряд. Как и в случае с другими дикарями, босхесман не имеет представления об умеренной роскоши. Главная ценность табака, по мнению босджесмена, заключается в его опьяняющей силе,

поэтому он курит с явным намерением опьянеть как можно скорее и с наименьшими материальными затратами.

Старые путешественники, которые много общались с босджесманами, утверждают, что у них нет имен, по которым можно было бы отличить разных людей. Возможно, так оно и есть, и если это так, то это свидетельствует о глубине деградации, которую трудно себе представить. Но поскольку босъесманы не лишены той средней доли интеллекта, которую можно было бы ожидать от них в их специфических условиях, возможно, что это утверждение слишком огульное. Хорошо известно, что многие дикие народы в разных частях света не желают, чтобы их имя было известно.

Как уже говорилось, кафиры не позволят незнакомцу услышать их настоящие имена, а если их спросят об их именах, то доверят ему только их названия, но никогда - их настоящие имена. Поэтому весьма вероятно, что босджесманы могут руководствоваться аналогичными мотивами и притворяться, что у них вообще нет имен, вместо того, чтобы заниматься выдумыванием ложных. Они не возражают против европейских имен, предпочитая в основном голландские, такие как Руйтер, Клейнбой, Андрис, Буй и т. д.; и поскольку они ясно понимают, что эти имена используются для того, чтобы отличать их от своих собратьев, вряд ли можно поверить, что у них нет какой-то номенклатуры между собой.

Как бы ни относиться к их названиям, можно с уверенностью сказать, что босжесманы не имеют представления о ранговых различиях, отличаясь, однако, от окружающих их туземцев. Каффирские племена отличаются тщательно разработанным кодексом этикета, который не мог бы существовать, если бы социальные различия не были четко обозначены. У хоттентотов есть свои старосты, которые обладают верховной властью в краале, хотя и не демонстрируют никаких внешних признаков достоинства. Но у босжесменов нет ни малейшего понятия о ранге, и они являют собой самый полный пример анархической жизни, который только можно себе представить. В небольших ордах босджесманов, которые бродят по стране, нет ни вождя, ни даже старосты. Каждая орда, как правило, состоит из одной семьи, разве что члены других орд могут решить покинуть своих друзей и присоединиться к ней. Но отец семейства не признается его главой и тем более не обладает какой-либо властью. Лидерство в краале принадлежит сильнейшему, и он удерживает его только до тех пор, пока кто-то более сильный, чем он сам, не лишит его власти.

Так же обстоит дело и с социальными отношениями в жизни. Среди кафиров и хоттентотов - особенно среди первых - за женщинами ревностно следят, а неверность брачному договору сурово карается. Однако это не относится к босжеманам, которые, похоже, почти не признают такого договора: брачные узы расторгаются по желанию мужа. Хотя мужчина может развестись со своей женой, когда пожелает, женщина не обладает такой же властью - не потому, что одна из сторон не заботится о брачном союзе, а потому, что он более сильный из двух, и побьет ее, если она попытается уйти без его разрешения. Даже если супруги довольны друг другом и не хотят расставаться, они не могут быть уверены, что им позволят остаться вместе; ведь если мужчина, который сильнее мужа, увлечется женой, он уведет ее силой и оставит у себя, если только кто-то еще более сильный, чем он сам, не решит, что она придется ему по вкусу. Что касается самой женщины, то с ней не советуются по этому вопросу и либо отдают, либо оставляют без малейшего учета ее чувств. Любопытный факт, что в различных диалектах босхесманов нет слов, выражающих различие между незамужней девушкой и женой, используется одно слово без разбора.

В таком необычном социальном положении бошеса, похоже, жили веками, и самые ранние путешественники по югу Африки, писавшие о жителях этой странной земли, давали

описания, которые в точности совпадают с рассказами, опубликованными в течение последних нескольких лет.

Характер истинного боснийца, похоже, не претерпел никаких изменений за многие сотни лет. Цивилизация не произвела на него никакого впечатления. Каффиры, голландцы и англичане поочередно проникали в его страну и загоняли его все дальше в дикую местность, но он никогда не покорялся ни одному из этих могущественных врагов и не снисходил до того, чтобы заимствовать у них какие-либо искусства цивилизации. И кафиры, и хоттентоты настолько подверглись натиску цивилизации, что отдали себя под защиту белых колонистов и научились у них заменять одеяло на кароcс, а ружье - на копье или стрелы. Они также выступали в роли домашних слуг белых людей, добровольно нанимаясь на работу за плату и с готовностью выполняя свою работу. Но босхесман сохранил свою индивидуальность, и хотя хоттентоты стали по сути подневольной расой, а каффиры предпочли вассальную зависимость независимости, он по-прежнему остается диким человеком пустыни, таким же свободным, таким же неукротимым, каким был тысячу лет назад. Кафиры, голландцы и англичане берут молодых босджесманов к себе на службу. Двое первых сделали их своими рабами, вторые пытались воспитать из них платных слуг. Но они были одинаково безуспешны, и, как говорится, слуге-босжему нельзя доверять дальше, чем его видно, а мудрый хозяин - не так далеко. Его дикая натура сильна в нем, и, если за ним не присматривать, он склонен отбросить всякую видимость цивилизации и вернуться к лишениям и свободе своего родного государства.

Основное назначение слуги-босжемана - служить в качестве "переднего лупера", *то есть* проводника волов. Когда повозка запряжена двенадцатью или четырнадцатью волами, погонщик сидит на ящике, который на самом деле является ящиком, и орудует самым грозным кнутом, но у него нет вожжей, его задача - подгонять, а не направлять. Свои обязанности он выполняет с особым усердием. Его страшный хлыст с рукояткой, похожей на лососевую удочку, и плетью почти такой же длины, как и его леска, может достать до самых первых волов самой длинной упряжки, а если им владеет опытный погонщик, он может прорезать глубокую рану в шкуре животного, как будто использовался нож, а не хлыст. Хороший погонщик может с одинаковой уверенностью нанести удар как самому дальнему волу, так и тем, кто находится прямо под ним, и волы настолько хорошо знают об этом, что один только свист плетеного шнура в воздухе или резкий треск его плети заставит каждого вола в упряжке согнуться для работы, как будто он чувствует жгучий удар по спине и горячую кровь, приливающую к бокам.

Но погонщик не соблаговолит направлять животных: эта задача считается самой низкой из тех, к которым может быть причастен человек, и поэтому ее поручают мальчику-хоттентоту или, что предпочтительнее, босяку. Задача "переднего лупера" - идти прямо перед ведущими волами и выбирать колею, наиболее подходящую для колес. Сейчас передо мной прекрасная фотография запряженной повозки, где водитель сидит на своем месте, а передний лупер занимает свое место перед волами. Это очень маленький человек, ростом около четырех футов шести дюймов, и, судя по его лицу, ему может быть любой возраст - от шестнадцати до шестидесяти лет.

О том, как иногда ведет себя передний лупер, если считает, что его хозяин не опытный путешественник, можно судить по следующему рассказу одного из путешественников, который уже цитировался: "Моим "вожаком" (так называют мальчика, который ведет двух передних волов в повозке) во время моего первого путешествия на повозке был бушмен: он был около четырех футов ростом и, безусловно, самым уродливым представителем человеческой расы, которого я когда-либо видел, без уродства тела или конечностей; самой

выдающейся чертой его лица был рот с его огромными, толстыми, чувственными губами. Нос едва ли можно было назвать выступом; во всяком случае, он был гораздо менее различим в очертаниях бокового лица, чем рот; он был перевернутым (или вогнутым) римским, то есть переносица образовывала изгиб внутрь; ноздри были очень широкими и открытыми, так что казалось, что через них вы смотрите на значительное расстояние в его голову.

"Что касается глаз, то я не преувеличиваю, утверждая, что, глядя на его профиль, можно было увидеть не глазные яблоки, а только впадины, в которых они находились; это было похоже на взгляд на маску, когда глаза владельца находятся далеко от отверстий, прорезанных для них в картоне. Скулы были огромными, щеки - тонкими и впалыми; лоб - низким и покатым, да и лба у него почти не было. Он был на два-три тона ниже чернокожего, а волос на голове было даже меньше, чем у его соотечественников; они состояли из маленьких тугих шерстяных колтунов, между которыми оставалось значительное пространство голой кожи.

"Черты лица молодого джентльмена были очень выразительны. Выражение лица было дьявольски скверным, и нрав его соответствовал этому. Я твердо уверен, что этот маленький негодяй был бы виновен в любом злодействе или в любой жестокости, просто из любви к чему-либо. Я обнаружил, что единственный способ держать его под контролем - это внушать ему телесный страх, что было нелегко, поскольку его шкура была настолько прочной, что руки болели задолго до того, как вы вызывали у него острое чувство боли при ударе.

"Однажды повозка подъехала к склону холма, и в обязанности вожака входило остановить волов и убедиться, что колесо хорошо зафиксировано. Можно легко представить себе, что повозка, для тяги которой на ровном месте требуется двенадцать волов, не может быть удержана *двумя* волами при спуске с крутого холма, если только колесо не заблокировано. Однако мой интересный бушмен, которого я еще ни разу не обидел, не успел оказаться на вершине холма, как отпустил волов с криком и "уп", и они галопом понеслись вниз по обрывистой круче. Повозка летала из стороны в сторону по дороге, очевидно, готовая в любой момент разлететься на куски вместе со мной, ее незадачливым обитателем. Я метался по дороге, почти не понимая, что могло послужить причиной, настолько внезапно мы начали свой безумный путь. Небеса знают, как я избежал гибели, но мы добрались до подножия холма целыми и невредимыми.

"Бушмен в мгновение ока оказался у повозки и занял свое место у голов волов так спокойно и беспечно, словно только что выполнял часть своих обычных обязанностей. Водитель-хоттентот, напротив, запыхавшись, подошел к нам и с ужасом смотрел на охвативший его страх. Я выскочил из повозки, схватил молодого дикаря за воротник куртки и тяжелым кнутом из морской шкуры изо всех сил стал колотить его, и читатель, надеюсь, сочтет меня оправданным, поскольку этот негодяй совершил самое наглое покушение на мою жизнь. Я почти думал, что мои силы иссякнут прежде, чем я смогу получить от молодого джентльмена знак, что он чувствует мои удары, но в конце концов он издал вопль боли, и я понял, что с него хватит. На следующий день я высадил его в деревне и отказался от дальнейших услуг".

Миссионеры изо всех сил пытались обратить босжесмена в христианство, но добились столь же незначительного успеха, как и те, кто пытался обратить его в цивилизацию. Действительно, первое почти предполагает некоторое количество второго, и, что бы ни было сделано путем обучения нескольких детей, ничего нельзя сделать с теми, кто однажды попробовал дикий образ жизни в пустыне.

Одежда босхесмана имеет некоторое сходство с одеждой хоттентотов, но, по возможности, еще более проста. Как и хоттентот, босджесмен любит покрывать голову и обычно носит головной убор из кожи. Иногда он выдергивает скудные пучки волос до конца - максимум на

дюйм - и замазывает их жиром, пока они не станут жестко торчать из головы. Иногда он также сбривает значительную часть головы, а оставшиеся волосы так густо натирает красной глиной и жиром, что получается что-то вроде войлочной шапочки. К этому странному головному убору он подвешивает всевозможные мелкие украшения - бусины, осколки страусиных панцирей, яркие кусочки металла и другие предметы.

Когда босхесман убивает птицу, он любит отрезать ей голову и прикреплять ее к шапочке так, чтобы клюв выступал надо лбом. Мистер Бейнс упоминает о двух босхесманах, один из которых носил голову птицы-секретаря, а другой - ворона. Один из этих человечков, похоже, был скорее денди в своем костюме, поскольку носил множество белых перьев, коротко остриженных и воткнутых в волосы, откуда они лучились, как множество локонов.

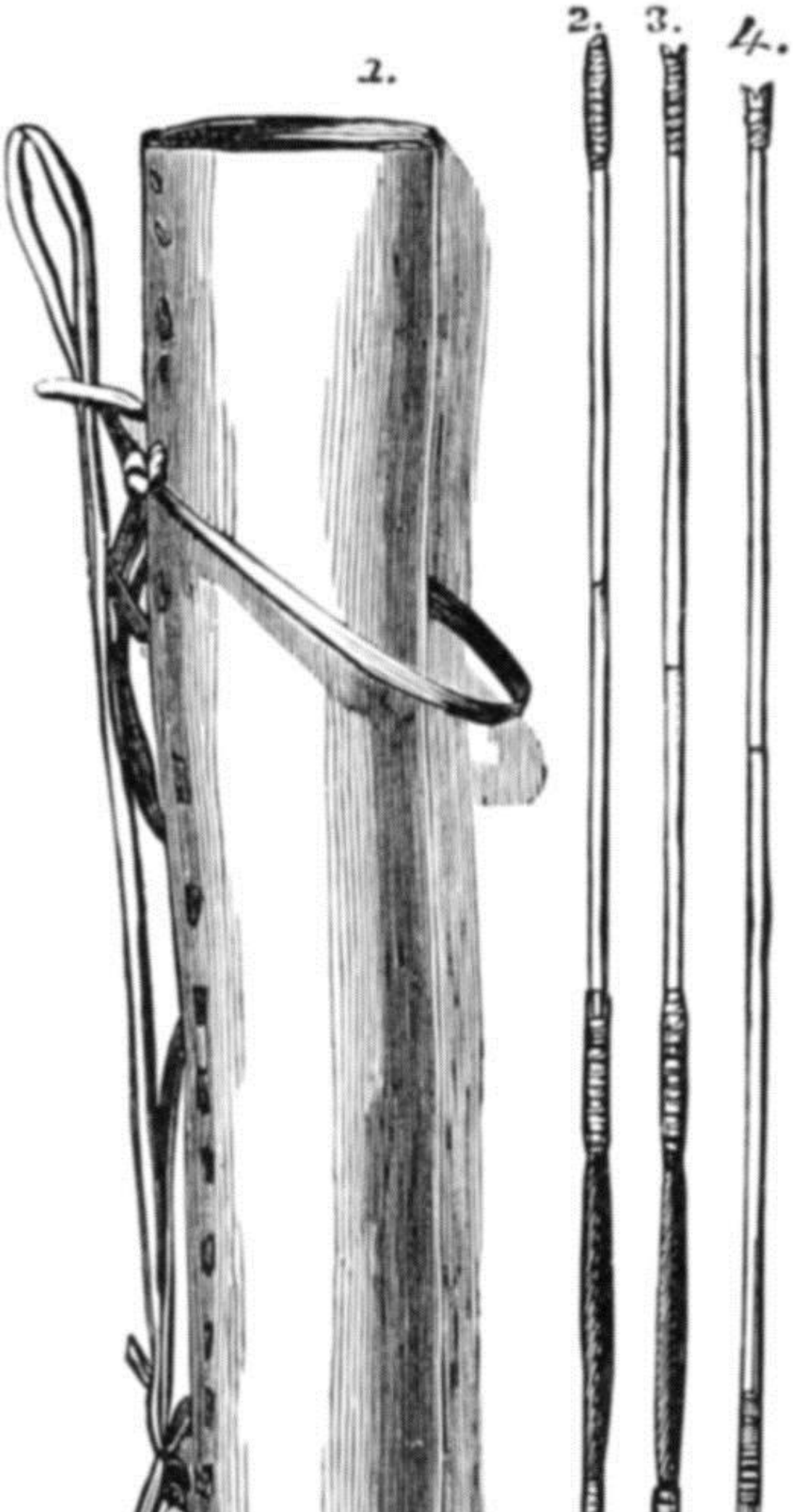
Что касается одежды, как мы понимаем это слово, то все, о чем заботится босяк, - это что-то вроде маленького треугольного фартука, широкий конец которого подвешивается к поясу спереди, а узкий пропускается между ног и заправляется в пояс сзади. Кроме этого фартука, если его можно так назвать, у босхесмана обычно есть каросс, или мантия, сделанная из шкуры какого-нибудь животного. Этот каросс обычно достаточно велик, чтобы свисать почти до самых ног, когда носитель стоит прямо, и его главное назначение - использовать в качестве временной кровати. Как и хоттентоты, босджесмен, когда спит, сворачивается в каросс, собираясь в очень маленький ком, и таким образом полностью покрывает себя мантией, которая была бы совершенно недостаточна, чтобы укрыть европейца такого же размера.

Что касается женщин, то их одежда очень похожа на одежду хоттентотов. Они носят кусок кожи, обернутый вокруг головы, и обычный фартук, сделанный из кожи, разрезанной на узкие нити. У них также есть каросс, почти такой же, как у мужчин. Это самое необходимое в одежде, но женский пол этой диковинной расы не уступает своим более цивилизованным сестрам в изысканности. Не имея возможности украсить фартук и каросс, они размещают большую часть украшений на голове и украшают свои волосы и лица самым необычным образом. Вода, как уже было замечено, никогда не касается их лиц, которые сильно отполированы жиром, так что в лучах солнца они сияют буквально ослепительным блеском. К волосам они подвешивают различные мелкие украшения, подобные тем, которые уже упоминались как часть мужского наряда. Среди этих украшений часто встречается денежный каури, который очень ценится, потому что эта раковина не принадлежит побережью, а используется в качестве денег и таким образом проходит через очень большую часть Южной Африки как своего рода валюта.

(1.) РАСТЕНИЕ ГРЕЙПФРУТ.
(См. стр. 214.)

(2.) ЖЕНЩИНА И РЕБЕНОК.
(См. стр. 249.)

(3.) ХОТТЕНТОТЫ СПЯТ.
(См. стр. 233.)


1.
2.
3.
4.

(4.) КОЛЧАН И СТРЕЛЫ БОСДЖЕСМЕНА. (См. стр. 257, 261.)

(5.) ФРОНТЛЕТ.
(См. стр. 225, 249.)

Любопытное и очень неудобное украшение упоминает Бурчелл, и читатель увидит, что оно имеет некоторое сходство с передником, который нарисован на странице 247. Девушка, которая носила его, очевидно, имела большое представление о собственной привлекательности, и, по словам писателя, у нее были некоторые основания для тщеславия. Она усилила силу своего очарования, густо натерев все платье и лицо жиром, а руки и ноги были так увешаны кожаными кольцами, что у нее, очевидно, был поклонник, который был удачливым охотником, так как никаким другим способом она не могла получить эти желанные украшения. Ее волосы были усыпаны красной охрой и сверкали сибило, а все лицо благоухало бучу.

Но главным ее украшением был передник, состоящий из трех овальных кусочков слоновой кости, размером с воробьиное яйцо, которые были подвешены на голове таким образом, что один падал на нос, а два других - на щеки. Когда она говорила, то кокетливо двигала головой из стороны в сторону, заставляя эти сверкающие украшения раскачиваться, что, по ее мнению, было очень увлекательно. Однако, как причудливо замечает писатель, "ее

тщеславие и жеманство, как бы они ни были велики, не привели ее в восторг, как это иногда можно наблюдать у представителей обоих полов в других странах, и не вызвали никаких изменений в тоне ее голоса, поскольку поразительное количество мяса, которое она проглотила, и готовность, с которой она призывала своих сопровождающих к добавке, показали, что она твердо решила, что никакая брезгливость не должна мешать ей в этом случае".

Как и в случае с хоттентотами, босхесманская женщина в молодости имеет легкие и изящные формы, а в течение нескольких лет является почти образцом симметрии. Но сезон красоты очень короток, и через несколько лет после достижения женского возраста черты лица сужаются, заостряются и сморщиваются, а конечности больше похожи на палки, чем на руки и ноги человека. Иллюстрация № 2 на стр. 247, на которой изображена босхесманская женщина с ребенком, дает хорошее представление о внешнем виде этих людей. Даже в естественных условиях цвет молодости быстро увядает, но увядание молодости ускоряется постоянными лишениями, неопределенным снабжением пищей и полным отсутствием личной чистоты. Единственный остаток красоты - это рука, удивительно маленькая и нежная, которой могла бы позавидовать самая изысканная дама в цивилизованных странах, и которая никогда не грубеет и не обезображивается от тяжелой работы.

Дети Босьесманов столь же отталкивающе выглядят, как и их старшие, хотя и по-другому: они так же чудовищно толсты в теле, как их старшие бесформенно худы. Их маленькие глазки, которые постоянно держат почти закрытыми, чтобы отгонять песчаных мух, выглядят так, будто они втянулись в голову, настолько полностью они скрыты выступающими скулами и жиром, который их окружает. Головы у них чудовищно уродливы: череп сильно выдается вперед, а короткие шерстяные волосы растут так низко на лбу, что кажется, будто они больны гидроцефалией. На самом деле, они почти не похожи на человеческих младенцев и совершенно отталкивающие, вместо того чтобы быть выигрышными или привлекательными. Вскоре они покидают эту стадию формирования и становятся тонкокостными и пузатыми, с непомерным опущением спины, которое, по сути, является необходимым следствием другого уродства.

Удивительно, как быстро малыши учатся вести самостоятельную жизнь. В возрасте нескольких месяцев они ползают по песку, как желтые жабы большего размера, чем обычно, а к годовалому возрасту уже свободно бегают по улицам, полностью владея как руками, так и ногами. Еще до достижения этого возраста они учатся искать спрятанные под песком водные луковицы и выскребать их руками и короткой палкой. В возрасте от восьми до четырнадцати лет эти люди наиболее привлекательны. Они утратили толстую бесформенность младенчества, неуклюжесть детства и достигли округлости юности, не погрузившись в отталкивающие атрибуты возраста. В шестнадцать-семнадцать лет на них начинают проявляться признаки возраста, и с этого времени и до конца жизни они кажутся все более и более отталкивающими. В том возрасте, когда наши юноши начинают приобретать атрибуты мужественности, демонстрируя точеные формы и развитую мускулатуру, босяк начинает проявлять признаки дряхлости. На его бровях появляются борозды, тело покрывается морщинами, а живот свободно ложится на складки. Такое необычайно отталкивающее развитие событий отчасти вызвано характером пищи, которую он ест, и нерегулярностью ее подачи. Он всегда либо голоден, либо сыт, и естественным следствием такого образа жизни является упомянутое выше неприглядное образование. С годами морщины на теле босяка увеличиваются в количестве и глубине, и в конце концов все его тело настолько покрывается свисающими складками рыхлой кожи, что постороннему человеку почти невозможно понять, кто перед ним - мужчина или женщина.

Уже упоминалось, что глаза у босхесмана маленькие, глубоко запавшие в голову и так плотно закрытые, что их почти не видно. Однако зрение босье совершенно удивительно по своей проницательности и точности. Ему не нужен телескоп, так как его зрение без посторонней помощи не уступает обычному телескопу, и он был известен тем, что определял точную природу объектов, которые европеец не мог определить даже с помощью своего стекла.

Эта сила зрения уравнивается с тонкостью двух других чувств - слуха и обоняния. Ухо боснийца улавливает малейший звук, и его разум мгновенно готов его воспринять. Он понимает шум ветра, дующего над землей, крики птиц, шелест листьев, жужжание насекомых и делает из них собственные выводы. Его широкие, приплюснутые ноздри столь же чувствительны к запахам, и в некоторых случаях босхесман доверяет своему носу не меньше, чем глазам.

Однако эти чувства, какими бы тонкими они ни были, развиты лишь частично. Например, обоняние, столь чувствительное к запахам, которые цивилизованный нос не смог бы воспринять, безразлично относится к отвратительным выделениям, исходящим от его собственного тела и тела его товарищей, и обонятельные нервы не притупляются никаким количеством едкого нюхательного табака. Чувство вкуса, кажется, почти не развито, так как босхесман с одинаковым удовольствием ест как только что убитое мясо, жесткое, жилистое и бессочное, так и то, которое было убито несколько дней назад и находится в довольно запущенном состоянии гниения. Погода, похоже, почти не влияет на него, а чувство боли кажется почти таким же притупленным, как у низших животных: босжесиец не заботится о травмах, которые сразу же повергли бы любого обычного европейца.

ГЛАВА XXV.
БОСЬЕСМАН - продолжение.

ЖИЛИЩА БОДЖЕСМАНОВ - СКАЛЬНАЯ ПЕЩЕРА - ДОМ В КУСТАХ - ВРЕМЕННЫЕ ЖИЛИЩА - ПИЩА И СПОСОБ ЕЕ ДОБЫВАНИЯ - ОХОТА - ПОГОНЯ ЗА СТРАУСОМ - НЕОБЫЧНАЯ ХИТРОСТЬ - СТРАУСИНЫЕ ПЕРЬЯ, И СПОСОБ ИХ УПАКОВКИ - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СКОРЛУПЫ СТРАУСИНОГО ЯЙЦА - ХИТРЫЕ ГРАБИТЕЛИ - УГОН СКОТА - ВОЙНА - МЕЛКИЕ СТЫЧКИ - БОСДЖЕСМАНЫ НА РАССТОЯНИИ - ПЛАВАТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ БОСДЖЕСМАНОВ - "ДЕРЕВЯННАЯ ЛОШАДЬ" - ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ БОСДЖЕСМАНОВ - ОРУЖИЕ БОСДЖЕСМАНОВ - СТРЕЛА, И ЕГО УСТРОЙСТВО - КАК НОСЯТ СТРЕЛЫ - ЯД, КОТОРЫМ ПОКРЫВАЮТ СТРЕЛУ - РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЯДА - РАЗДРАЖЕНИЕ ЗМЕИ - Н'ГВА, К'АА, ИЛИ ЯДОВИТЫЙ ГРИБ, И ЕГО УЖАСНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ - ГРИБ В РАЗЛИЧНЫХ СТАДИЯХ - ПРОТИВОЯДИЕ - ОТРАВЛЕННАЯ ВОДА - НЕОЖИДАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ БОСЖЕСМЕНОВ - КОЛЧАН, КОПЬЕ И НОЖ.

Ознакомившись с общим обликом босяка, мы быстро рассмотрим ход его обычной жизни.

Дома или жилища он почти не имеет. Скальная пещера - излюбленный дом босье, в котором он находит все необходимое убежище, не затрачивая при этом никакого труда на его подготовку. Но есть много частей страны, по которой он кочует, в которых нет скал и, соответственно, пещер. В таких случаях босяк подражает зайцу и делает себе "форму", в которой прячется. Он ищет подходящий куст, забирается в него и отгибает сучья так, чтобы получился навес, похожий на палатку. Деревья мимозы - излюбленные места отдыха босяка, и хорошо подмечено, что после того, как куст много раз использовался, и молодые веточки

начинали выстреливать вверх, весь куст становился очень похожим на огромное птичье гнездо. Сходство усиливается из-за привычки боснийцев выстилать эти примитивные дома сеном, сухими листьями, шерстью и другими мягкими материалами. Обычным местом отдыха этих дикарей служит тархонантус, податливые ветви которого легко согнуть в нужную форму.

Эти диковинные жилища используются не только как дома, но и как укрытия, где босяк может затаиться и откуда он выпускает свои маленькие, но смертоносные стрелы в животных, которые могут пройти рядом с коварным кустом. Именно благодаря такому простому способу обустройства жилища за этой группой южноафриканских дикарей закрепилось название босджесман, или бушмен. Это, конечно, голландское название; их имя, данное ими самими, - сакуа.

В местах, где нет ни скал, ни кустов, эти легкомысленные люди не испытывают недостатка в жилье, а устраивают его, просто процарапав в земле ямку и забросав ее землей с наветренной стороны. Иногда они становятся довольно роскошными и делают дополнительное убежище, закрепляя в земле несколько палок и набрасывая на них циновку или кусок шкуры, которые служат защитой от ветра. В этой норе умудряется укрыться огромное количество босье, наматывая свои каросы на тело особым образом, о котором уже говорилось. Этот небольшой экран - единственная защита от ветра, а кароcс - от дождя. Когда орда босджесманов на какое-то время обосновывается в месте, сулящем хорошую охоту, они обычно делают дома, похожие на палатки, втыкая в землю гибкие палки, сгибая их так, чтобы они принимали форму клетки, а затем покрывая их простыми циновками из тростника. Эти хижины почти в точности повторяют примитивные шатры, в которых неизменно живут цыгане Англии и которые они предпочитают самым роскошным палатам, какие только могут предоставить богатство, роскошь и искусство.

Вот и все о его жилищах. Что касается еды, то босяку не составляет труда обеспечить себя всем необходимым. Его потребности действительно невелики, ибо едва ли найдется что-то, что человек может съесть, не отравившись, и что босъесман не использовал бы в пищу. У него нет ни малейшего предубеждения против любого съедобного вещества, и, если оно способно дать пищу, он не просит ничего больше. Его роскошь состоит из двух слов - табак и бренди; но еда - это жизненная необходимость, и он не рассматривает ее в другом свете.

Нет ни одного зверя, и я думаю, ни одной птицы, которую бы не ел босяк. Змеи и другие пресмыкающиеся - обычные предметы питания, а насекомые в значительной степени используются этим народом в пищу. Саранча и белые муравьи - самые любимые насекомые, но босжесец не привередлив и съест почти любое насекомое, которое сможет поймать. Корни также составляют большую часть рациона босджесмена, и он может обнаружить водяной корень без помощи бабуина. Таким образом, босяк может жить там, где другие люди погибли бы, и дикая пустыня является для него благоприятным домом. Все, что ему нужно, - это много места, потому что он никогда не возделывает землю, не разводит овец или скот, полностью доверяя свое пропитание случайным продуктам земли, будь то животные или овощи.

Уже упоминалось, что босхесман добывает свое мясо охотой. Будучи одним из лучших охотников в мире, босхесман, как и хоттентот, с которым он почти родственник, не испытывает любви к погоне, да и вообще к какому бы то ни было напряжению, и не стал бы преследовать различных животных, на которых он живет, если бы мог получить их плоть без труда охотиться на них. И все же, когда он честно приступает к преследованию, нет человека более упорного, и даже охотник на тюленей из племени эскимосов, который просидит сорок восемь часов с гарпуном в руке, не сможет превзойти его в выносливости.

Как бы мал он ни был, он может помериться силами с самыми крупными и свирепыми животными Южной Африки и с совершенным спокойствием и уверенностью в успехе приступает к погоне за слоном, носорогом, львом и леопардом. Первых животных, чьи шкуры слишком прочны, чтобы пробить их слабым оружием, он заманивает в ловушку с помощью различных хитроумных приспособлений, а вторые становятся жертвами смертельного яда, которым пропитаны его стрелы. Мастерство босхесмана подвергается серьезному испытанию в погоне за страусом - птицей, которую едва может догнать самая быстрая лошадь, и настолько настороженной, а также быстрой, что хорошо оседланный охотник, вооруженный лучшим ружьем, считает себя счастливчиком, если ему удается убить одного.

У маленького босяка есть два способа убить этих птиц. Если ему случается найти одно из их огромных гнезд, пока птиц-родителей нет дома, он подходит к нему очень осторожно, чтобы его след не заметил вечно бдительный страус, и зарывается в песок среди яиц. Читатель, несомненно, помнит, что несколько страусов откладывают свои яйца в одно гнездо, и что это гнездо просто выскреблено в песке и имеет огромные размеры. Здесь крошечный охотник будет терпеливо лежать до захода солнца, когда он узнает, что птицы-родители вернутся в гнездо. Когда они приближаются, он тщательно прилаживает к своему луку отравленную стрелу и направляет ее острие в сторону наступающих страусов. Как только они подойдут на расстояние выстрела, он выбирает самую упитанную и с самым пышным оперением птицу и одной стрелой вершит ее судьбу.

Главный недостаток этого способа охоты заключается в том, что сам акт выпускания стрелы выдает форму охотника и так пугает других птиц, что второй выстрел вряд ли удастся сделать, и босяк вынужден довольствоваться одной мертвой птицей и целыми яйцами. К счастью, ему совершенно безразлично качество яиц. Его не очень волнует, если какое-нибудь из них окажется испорченным, и он с полным спокойствием съест яйцо, которое встревожило бы европейца на расстоянии шести шагов. Он также не возражает против яиц, если они вылупляются со значительным опозданием, и, скорее, считает, что ему повезло получить молодую и нежную птицу без необходимости гоняться за ней и ловить. Затем яичная скорлупа, когда содержимое удалено, очень ценна для многих целей, и особенно для транспортировки воды. Для этой последней цели они просто бесценны. Босхесманы всегда стараются иметь запас воды, но никто, кроме них самих, не имеет ни малейшего представления о том, где она хранится. Если на босджесманский крааль нападают и допрашивают пленников о том, где хранится запас воды, они никогда не выдают драгоценный секрет, а всегда притворяются, что у них ее нет и что они вот-вот умрут от жажды. Однако в тихий час ночи маленькая желтая женщина обязательно подползет к ним и даст обильную порцию воды, пока их похитители пытаются усыпить их жажду. Как они используют свою яичную скорлупу для воды, читатель увидит в другом месте.

Глаза страуса достаточно зоркие, но глаза босяка еще зорче, и если маленький охотник, расположившись на своей скальной обсерватории, случайно увидит вдалеке несколько страусов, он решит, что через несколько часов несколько этих птиц падут перед его крошечным луком и ядовитой стрелой, которую он пустит. Он тут же ползет обратно к своей извиняющейся хижине, и там находит полный костюм охотника, который он приготовил на такой случай. Он состоит из кожи страуса, без ног, с палкой, пропущенной через шею. Кожа туловища натянута на своеобразное седло, которое создатель приспособил к собственным плечам.

Сначала он натирает свои желтые ноги белым мелом, а затем закрепляет приманку на спине, стараясь сделать это таким образом, чтобы, хотя она и была достаточно прочной, пока ее нужно носить, ее можно было бы сбросить в одно мгновение. Причину этой

предосторожности мы увидим чуть позже. Затем он берет свой лук и стрелы и отправляется в погоню за страусами, стараясь подойти к ним с такой стороны, чтобы ветер дул от них к нему. Если бы он пренебрег этой мерой предосторожности, бдительные птицы вскоре обнаружили бы его по запаху и умчались бы прочь, где он не смог бы их преследовать.

Как только страусы видят приближение незнакомой птицы, они прекращают кормиться, собираются вместе и с подозрением смотрят на своего предполагаемого компаньона. Если бы замаскированный охотник приблизился сразу, птицы бы забили тревогу, поэтому он бегает туда-сюда, опустив голову к земле, как будто кормится, но постоянно старается сократить расстояние между собой и птицами. Наконец ему удается приблизиться на расстояние выстрела, и когда он подкрадывается к выбранной жертве достаточно близко, он внезапно позволяет голове приманки упасть на землю, выхватывает стрелу, пускает ее в смертоносную миссию и тут же снова поднимает голову.

Пораженная птица, получив рану, в испуге бросается прочь, а за ней бегут все ее спутники, за которыми следует переодетый босяк. Вскоре раненая птица сбавляет скорость, пошатывается и падает на землю, что позволяет охотнику подойти к страусам, когда они смотрят на своего упавшего товарища, и настичь другую жертву. Как правило, умелый охотник добывает четырех из пяти страусов таким способом, но иногда случается, что птицы понимают, что что-то не так, и нападают на явного чужака. Нападение такой мощной птицы - не пустяк, ведь удара ее лапы достаточно, чтобы сломать конечность сильному человеку, а тем более такому маленькому и слабому, как боснийский охотник. И тут вступает в силу только что упомянутая предосторожность. Как только обман раскрыт, охотник бежит с наветренной стороны страусов, чтобы передать им свой запах. Они мгновенно поднимают тревогу, и как раз в тот момент, когда они приостанавливают задуманное нападение и размышляют о немедленном бегстве, босяк сбрасывает бесполезную теперь шкуру, хватает свое оружие и с удивительной быстротой пускает стрелы в испуганных птиц.

Таким образом добывается очень большая часть страусиных перьев, поступающих на европейский рынок, и дама, восхищающаяся изысканным контуром и прекрасными пропорциями хорошего страусиного плюмажа, редко догадывается, что его добыл маленький желтый человечек, переодетый в страусиную шкуру, с луком и стрелами в руках, а ноги натерты мелом.

После того как он выщипал перья, у него есть очень изобретательный способ сохранить их от повреждений. Он берет полые тростинки, не толще обычного чертежного карандаша, и просовывает в них перья до упора. Затем он стучит концом тростника о землю, и постепенно перья сами пробивают себе путь в защитную трубку. В этой трубке перья носят с собой, и очевидно, что их можно упаковать так, чтобы человек мог легко их нести.

Когда они убивают страуса, то готовят из него вещество весьма примечательного свойства. Прежде чем птица умрет, они перерезают ей горло, а затем крепко завязывают рану лигатурой, чтобы из нее не вытекала кровь. Таким образом, несчастная птица истекает кровью изнутри, а вытеканию крови способствуют надавливание на нее и перекатывание с боку на бок. Таким образом, большое количество смешанной крови и жира собирается в отделяемой массе, и, когда птица оказывается в особенно хорошем состоянии, из одного страуса получается почти двадцать фунтов этой субстанции. Туземцы очень высоко ценят эту странную смесь и считают, что она полезна с медицинской точки зрения.

Скорлупа страусиного яйца почти так же ценна для боснийцев, как и его содержимое, а в некоторых случаях даже более высоко ценится. В основном ее используют как сосуд для

воды, для чего она прекрасно приспособлена. Наполнять эти раковины приходится женщинам, что часто бывает очень трудоемкой задачей, когда воды мало.

Как и у многих других родственных племен, у них есть любопытный способ добывать воду, когда, казалось бы, нет ничего, кроме грязи. Они берут длинный тростник и обвязывают один его конец сушеной травой. Они втыкают ее так глубоко, как им удобно, в илистую почву и оставляют там до тех пор, пока вода не проникнет через примитивный фильтр и не поднимется в трубке. Затем они прикладывают губы к трубке и втягивают в рот столько воды, сколько могут вместить, а затем выливают ее в пустую яичную скорлупу с помощью другой тростинки, или, если у них нет второй тростинки, для этой цели подойдет небольшая палка, если ею аккуратно управлять. Когда яйцо заполнено, небольшое отверстие, оставшееся в нем, тщательно закрывается пучком травы, который очень плотно в него вставляется, и женщинам приходится нести свой тяжелый груз домой. Есть один способ использования яичной скорлупы, который заслуживает упоминания.

Босьесманы необычайно изобретательны в роли шпионов. Они преодолевают огромные расстояния, чтобы выяснить, не украдено ли что-нибудь, и у них есть метод связи друг с другом с помощью дыма от костра, который представляет собой очень совершенный телеграф. Аналогичная система есть и у австралийских дикарей, и это действительно замечательно, что две расы людей, которые, безусловно, являются самыми низкими образцами человечества, должны обладать достижениями, которые подразумевают немалые умственные способности. Имущество, которое стоит украсть босхесману, должно означать что-то, что можно съесть, а это почти всегда скот. Таким образом, украсть скот - дело, возможно, не такое уж сложное, но перевезти его через широкую пустыню - дело нелегкое, и даже босжесийцу не под силу выполнить его, не проявив особой предусмотрительности.

Прежде всего, босяк очень внимательно следит за тем, в каком направлении он совершает свои набеги, и никогда не угоняет скот в местах, где его могут преследовать обиженные хозяева. Он предпочитает уводить животных, отделенных от его района сухой и жаждущей пустыней, по которой не могут пройти лошади и которая утомит любого пешего преследователя, потому что он не сможет взять с собой достаточно воды для путешествия. Когда планы составлены и линия марша определена, он посылает женщин вдоль нее с приказом закапывать скорлупу страусиных яиц, наполненную водой, через указанные расстояния, причем местонахождение каждой из них обозначается определенными знаками, которые никто, кроме него, не может прочитать. Как только эта мера предосторожности принята, он пускается в путь в самом лучшем темпе, и, будучи удивительно терпимым к жажде, он и его спутники достигают места назначения, не сильно уменьшив запас воды. Затем они скрываются до наступления ночи, и их набеги никогда не происходят в дневное время.

Ночью они пробираются в загон для скота, бесшумно убивают сторожа, если тот стоит на страже, и выбирают лучших животных, которых загоняют. Всех остальных они либо убивают, либо калечат, причем последнее - обычный план, так как это экономит их стрелы. Но если их прервут, их набег будет не менее смертельным, так как даже в спешном бегстве они выпустят отравленную стрелу в каждое животное, так что не останется ни одного. (См. гравюру № 2 на стр. 237).

Предположим, однако, что их планы удались, и они благополучно ушли с добычей. Они знают, что не смогут скрыть следы скота, и не пытаются этого сделать, а мчатся вперед так

быстро, как только могут заставить животных, чтобы надолго оторваться от своих преследователей. Когда они оказываются на тропе, некоторые из них отправляются вперед к первой станции, выкапывают сосуды с водой и ждут прибытия остальных. Скоту дают столько воды, сколько можно для него выделить, чтобы придать ему сил и готовности к путешествию; пустые сосуды привязывают к спинам и снова гонят вперед. Так они переходят от станции к станции, пока не прибудут в пункт назначения. Если же преследователи настигают их, они сразу же бросают скот, неизменно оставляя в каждом отравленную стрелу в качестве прощального подарка, и пускаются в бегство с такой быстротой, что преследователи понимают, что преследовать их бесполезно.

Бесполезные разрушения, которые они производят среди скота, являющегося для хоттентота или кафира почти дыханием жизни, до такой степени возмущают оба этих народа, что они на время откладывают свои разногласия и объединяются в нападении на босджесмена, которого одинаково ненавидят оба. Однако они делают это со всеми предосторожностями, прекрасно зная об опасном характере врагов, против которых собираются выступить, и не предпринимают никаких попыток, если их численность не очень велика.

О систематической войне босджесманы ничего не знают, хотя это, пожалуй, самые опасные враги, которые только могут быть у человека, и первое, что он узнает об их присутствии, - это звон лука и резкий жужжащий звук стрелы. Иногда орда босджесманов обижается на какое-нибудь племя хоттентотов или кафиров и ведет беспорядочные стычки годами, в течение которых враг не знает, что такое спокойная ночь.

Босджесманы не осмеливаются нападать на своих врагов в открытую, не решаются они и на честную войну против сколь угодно большого числа противников. Но ни один человек не осмелится выйти из-под защиты хижин, если его не сопровождают вооруженные товарищи, зная, что хитрые враги всегда скрываются поблизости и что камень, или куст, или дерево могут послужить укрытием для босджесмена. Эти крошечные, но грозные воины могут укрыться даже в песке, если им покажется, что в том направлении могут пройти беглецы, и сам пухоед не более невидим, а его клыки не более смертоносны, чем затаившийся босхешман. На голых скалах они могут скрываться с удивительной ловкостью: их желтые шкуры так похожи на цвет скал, что их почти не видно, даже когда нет никакого прикрытия. Кроме того, у них есть странная манера сбиваться в кучу, чтобы выглядеть как конусообразные кучки листьев и палок, без малейшего подобия человечности.

Открытое сопротивление они оказывают редко, обычно разбегаются и убегают во все стороны, если на них нападают напрямую, даже если на них нападает один-единственный враг, вооруженный лишь палкой. Но они месяцами слоняются по окраинам враждебного племени , никогда не собираясь в единую группу, которую можно атаковать и покорить, а разделяясь на небольшие группы по два-три человека, против которых врагу было бы нелепо наступать силой, которых невозможно покорить равным количеством, но которые слишком грозны, чтобы оставить их без защиты. Неприятности и раздражение, которые несколько босджесманов могут причинить большому количеству врагов, почти невероятны. Воины вынуждены быть всегда начеку и никогда не выходить поодиночке за пределы своего лагеря, а женщины и дети испытывают такой страх перед босджесманами, что само упоминание этого имени повергает их в пароксизм ужаса. Сложность нападения на этих настойчивых врагов значительно возрастает из-за кочевого характера босджесманов. Племена хоттентотов могут переместить деревню за полдня, но босджесманы, которые могут существовать без каких-либо постоянных жилищ и чьи самые сложные дома намного проще, чем худшие образцы архитектуры хоттентотов, могут удалить себя и свои жилища, когда

захотят; и, если необходимо, могут полностью упразднить свои грубые дома, чтобы не было ни малейшего признака их проживания.

Иногда, но очень редко, кафиры, разгневанные постоянными потерями от рук босджесманов, решаются выследить преступников до их дома и истребить всю общину. Эта экспедиция сопряжена с особой опасностью, ведь нет оружия, которого кафиры боялись бы больше, чем отравленной стрелы босджесмена. В таких случаях подавляющее число нападающих и абсолютная необходимость задачи, которую они поставили перед собой, непременно приводят к окончательному успеху, причем не щадят ни мужчин, ни женщин. Маленьких детей иногда уводят в рабство, но, как правило, кафиры смотрят на босджесманов, как на ядовитых змей, и убивают их всех с таким же бесстрастием, с каким они уничтожали бы семью кобр или пухоедов.

Уже упоминалось, что босье редко оказывают сопротивление в открытом бою. Иногда, правда, они это делают, но только в том случае, если их загоняют в бухту, предпочитая обычно затаиться, а в темное время суток подкрасться к врагу, послать в него несколько отравленных стрел и скрыться под покровом темноты. Но когда бегство бесполезно, и они оказываются на расстоянии вытянутой руки, они принимают положение и становятся такими страшными врагами, каких только можно встретить; они теряют всякое чувство страха и сражаются с отчаянной храбростью. Известны случаи, когда небольшая группа этих животных сражалась с большим отрядом врагов и продолжала борьбу до тех пор, пока не были убиты все люди. В одном из таких случаев все были убиты, кроме одного человека, который так плотно укрылся за камнем, что его враги не смогли нанести ему смертельную рану. С помощью своего лука он притягивал к себе стрелы павших сородичей и, хотя был изможден потерей крови из многочисленных ран на конечностях, продолжал метать стрелы в своих врагов, сопровождая каждую каким-нибудь ругательным эпитетом. И только когда многие из его врагов пали от его руки, он подставил себя под смертельный удар.

Любопытный обычай босхесмана, который любит, чтобы стрелы были всегда под рукой, носить их в головном уборе, как старомодный клерк носит перо за ухом. Обычно он держит их в колчане остриями назад, но, когда активно сражается, вынимает, поворачивает острия отравленными концами наружу и располагает их по бокам головы, так что они выступают, как пара скелетных вееров. Они придают чертам лица особый вид и являются таким же верным признаком опасности, как и раскинутый капюшон кобры или угрожающее "жужжание" гремучей змеи. Он широко использует их в словесной войне, которая на юге Африки, похоже, неизменно сопровождает войну оружием, и двигает ими так же, как лошадь двигает ушами. Одним движением головы он выставляет их вперед, как два рога, а другим - распускает веером, сопровождая каждый жест быстрым хмурым взглядом, как у разъяренного павиана, и потоком слов, достаточно красноречивых для тех, кто их понимает.

Он не помещает все свои стрелы в головной убор, а держит несколько под рукой в колчане. Их он использует, когда у него есть время для обдуманного прицеливания. Но если на него надавить, он выхватывает из головного убора стрелу за стрелой, прилаживает их к тетиве и пускает с быстротой, которая кажется почти невероятной. Я видел, как босхесман пускал в цель три стрелы подряд, причем делал это так быстро, что все три стрелы были выпущены менее чем за две секунды. Действительно, три звука следовали один за другим так же быстро, как три удара палкой.

Непрерывно путешествуя по стране, босхесман был бы не в состоянии вести обычный образ жизни, если бы его остановило такое препятствие, как река; соответственно, выяснилось, что все они умеют плавать. Поскольку реки часто бывают быстрыми и сильными, переплыть

их по прямой было бы невозможно, если бы не изобретение, которое называется "Houtepaard", или деревянная лошадь. Это не что иное, как кусок дерева длиной шесть или семь футов, в один конец которого вбит колышек. Когда пловец переплывает ручей, он приставляет этот колышек к правому плечу так, чтобы дерево оказалось под его телом, и помогает поддерживать его. Как работает эта машина, можно понять из следующего анекдота д-ра Лихтенштейна, который не только иллюстрирует суть вопроса, но и представляет босъесманов в более приятном свете, чем мы привыкли их воспринимать.

"Бегемот был убит, а его тело привязано к берегу кожаными веревками. Однако поток, как это свойственно африканским ручьям, внезапно поднялся, и течение понесло его вниз с такой силой, что разорвало веревки и унесло огромную тушу. Несколько босхесманов отправились вдоль берега, чтобы найти пропавшее животное, и наконец обнаружили его на другом берегу. Переправившись через реку, взяв с собой концы крепких веревок, они безуспешно пытались отбуксировать мертвое животное на другой берег. Теперь нужно было придумать другие способы достижения цели, и их было предложено множество, но ни один не оказался практически осуществимым. Однако надежда вернуть приз побудила молодого колониста попытаться переплыть реку, но из-за огромной силы течения он был вынужден вернуться, не пройдя и четвертой части пути. Тем временем двое босхедов, достигших другого берега, развели большой костер, срезали со спины чудовища много жира, который запекли и с превеликим прожорством съели.

"Это зрелище побудило еще пятерых босхедов предпринять новый опыт. Каждый взял легкий плоский кусок дерева, который прикрепили к правому плечу и под мышкой; в воде острие поставили прямо поперек течения, так что большая сила воды должна была обрушиться на него, а пловец левой рукой и ногами боролся с течением, подобно тому как корабль с расправленными парусами, когда, по выражению моряка, он плывет против ветра. Они быстрее, чем первые, и почти без всяких усилий добрались прямо до противоположной точки и тут же приложили все свои силы, хотя и тщетно, чтобы отвязать чудовище от скалы, на которой оно висело.

"Тем временем один из вольноотпущенников, принадлежавший к губернаторскому поезду, молодой человек, энергичный и умелый пловец, отважился попытаться преследовать дикарей без всякой искусственной помощи и, хотя и медленно, но очень успешно, преодолел половину пути. Здесь, однако, силы его подвели; его понесло и он затонул, но снова показался над водой, пытаясь своими оставшимися силами добраться до берега. Все усилия были тщетны, он был вынужден броситься в поток, но, к счастью, на повороте реки, который вскоре показался, его вынесло на сушу полумертвым.

"Бойсманы, увидев его положение, бросили костер и, поспешив к нему на помощь, добрались до места как раз в тот момент, когда он выполз на берег, изнемогая от усталости и окоченев от холода. Было очень трогательно наблюдать за тем, как дикари старались его вызволить. Они накинули на него свои шкуры, высушили его, растирали руками, а когда он начал немного приходить в себя, отнесли его к костру и уложили возле него. Затем они постелили ему свои шкуры и подложили еще дров, чтобы он мог хорошенько согреться, натирая затекшие конечности топленым жиром речной лошади. Но уже наступал вечер, и, чтобы дождаться полного выздоровления несчастного искателя приключений, вся компания решила провести ночь на месте. Некоторые из босжеманов с этой стороны потрудились перенести одежду бедняги, чтобы холод не помешал ему выспаться и набраться сил для возвращения.

"Рано утром следующего дня было замечено, как босхесманы ведут своего *протеже* вдоль берега ручья, чтобы найти более удобное место для попытки перебраться через него. Вскоре они добрались до места, где в реке был небольшой остров, что, конечно, значительно уменьшило бы усталость от переправы; затем скрепили несколько кусков дерева, на которые его положили, и таким образом началось путешествие. Молодой человек, ставший робким из-за опасности, от которой он спасся, не мог снова вступить на воду без больших опасений; однако он со всей партией очень благополучно и довольно быстро добрался до острова, откуда, при содействии двух своих друзей, приступил ко второй и самой утомительной части предприятия. Двое из Босьесманов держались по обе стороны от вязанки дров, а сам молодой человек напрягал все свои оставшиеся силы, чтобы толкать поплавок. Когда они достигли берега реки, на котором частично сели на мель, воды было только до середины, он вынужден был остановиться и немного отдохнуть; но к этому времени он так сильно озяб, а его конечности так затекли от холода, что продолжать путь казалось почти невозможным. Напрасно его товарищи, с тревогой ожидавшие окончания приключения, призывали его набраться мужества, сделать, не откладывая, еще одно усилие; он, как и старый босяк, лучший пловец из всех, казалось, совершенно потерял присутствие духа.

"В этот критический момент двое босье, оставшихся на нашей стороне воды, после некоторых уговоров решили взять на себя спасение этих несчастных искателей приключений. С величайшей поспешностью была скреплена большая вязанка дров; на конец ее они положили себя, а к середине привязали шнур; его держали те, кто был на берегу, чтобы не упал в воду и не мешал им плыть. Удивительно было видеть, с какой стремительностью они направлялись прямо к нужному месту и, несмотря на быстроту течения, приплыли к тем несчастным, которых искали. Последние настолько потеряли хладнокровие и присутствие духа, что им не хватило ума сразу же ухватиться за веревку, и их спасители подверглись величайшей опасности быть в следующий момент унесенными течением. В этот критический момент третий, стоявший на берегу, воспользовался единственным оставшимся средством для спасения своих товарищей. Он толкнул их перед собой в глубокую воду и заставил их вместе с ним снова приложить все свои силы, в то время как двое других изо всех сил боролись с потоком. Таким образом, в конце концов ему удалось заставить их ухватиться за веревку, с помощью которой все пятеро были в конце концов благополучно вытащены на берег".

Теперь перейдем к оружию, с помощью которого босхесман убивает свою добычу и сражается с врагами. Маленькие, но ужасные стрелы, которые босхесман использует с таким смертоносным эффектом, изготовлены с большой тщательностью, и аккуратность, с которой они сделаны, действительно удивляет, если принять во внимание необычайно неэффективные инструменты, которые используются.

Полная стрела имеет длину около восемнадцати дюймов и состоит из четырех отдельных частей. Во-первых, это древко, длиной в фут или тринадцать дюймов и толщиной не больше обычного черносвинцового карандаша. Он сделан из обычного каффирского тростника, который, будучи сухим, одновременно прочный и легкий. С обоих концов он крепко скреплен расщепленной и сплющенной кишкой какого-то животного, которая надевается на него во влажном состоянии, а когда высыхает, сжимается и становится очень твердой и жесткой. Один конец просто отрезается в поперечном направлении, а другой зазубривается для приема тетивы. Далее идет кусок кости, обычно страусиной, длиной около трех дюймов. Один его конец продевается в открытый конец древка, а на другой нанизывается короткий кусок тростника, на который накладывается прочная "обмотка" из кишок. Это образует

гнездо для настоящего наконечника стрелы - кусок страусиной кости служит лишь для придания необходимого веса оружию.

Сам наконечник изготавливается из слоновой кости и по форме напоминает уже описанный кусок кости. Один его конец заостряется, чтобы его можно было просунуть в гнездо тростника, а другой сначала перевязывается кишкой, после чего в нем делается выемка глубиной около восьмой части дюйма. Эта выемка предназначена для приема треугольного куска сплюснутого железа, который мы можем назвать лезвием.

Теперь тело стрелы готово, и остается только добавить яд, который делает ее такой грозной. Яд, который сначала разводят до консистенции клея, густо намазывают на всю головку стрелы, включая основание головки. Пока он не высох, в него втыкают короткий железный шип или перо, острие направляют назад, чтобы образовалась колючка. Если стрела попадет в человека, и он вытащит ее из раны, железное лезвие, которое неплотно прикреплено к головке, почти наверняка оторвется и останется в ране. Маленькая колючка добавлена с той же целью, и, даже если стрела будет немедленно извлечена, в ране останется достаточно яда, чтобы вызвать смерть. Но вероятность того, что стрела будет извлечена, совсем невелика. Наконечник не прикреплен к древку, а лишь свободно насажен на него. Поэтому древко вытаскивается достаточно легко, а головка остается в ране и не имеет ручки, с помощью которой ее можно извлечь. Как видно из иллюстрации № 4 на 247-й странице, на каждую стрелу расходуется значительное количество яда.

Эта маленькая колючка, или барблет, если можно так выразиться, размером едва ли больше пера обычного пера, и лежит так близко к стреле, что неопытному глазу ее не разглядеть. По форме он треугольный, более широкий конец вдавлен в яд, а заостренный направлен назад и лежит почти параллельно древку. Вряд ли его можно вывихнуть из раны, но дело в том, что в теплом климате яд всегда мягкий, и это позволяет колючке, которая очень слабо вставлена, оставаться в ране, часть яда, конечно, прилипает к ее основанию.

Такова обычная структура хорошей стрелы, но оружие не совсем одинаково. Некоторые из них имеют только один кусок кости в качестве головки, а многие не оснащены треугольным лезвием. Стрелы с таким лезвием предназначены для войны и не используются в мирной охоте на дичь. Охотничьи стрелы имеют головку, по форме напоминающую веретено, или, говоря более привычным языком, "кошку" уличного мальчишки, довольно толстую в середине и сужающуюся к острию на каждом конце. Когда она не используется, босяк переворачивает головку, так что отравленный конец попадает в полый стержень и таким образом лишается возможности нанести бесполезный вред. Эти головки не такие толстые, как те, что используются на войне, и не требуют такого количества яда.

Босхесманский колчан и стрелы, изображенные на странице 247, были сняты с трупа их владельца и любезно присланы мне Г. Деннетом, эсквайром. Они представляют особую ценность, поскольку находятся на всех стадиях изготовления и показывают, сколько труда и заботы было вложено в это оружие. Сначала это простая тростинка, оба конца которой тщательно скреплены сухожилием, чтобы она не расщепилась. Затем идет тростник с кусочком кости, вставленным в один конец. На следующем образце на конце кости формируется небольшое гнездо, чтобы принять головку из слоновой кости; и так стрелки идут дальше, пока не увидят совершенное оружие.

Что касается яда, который используется при изготовлении стрел, то он бывает двух видов. Тот, что используется обычно, состоит в основном из растительных веществ, таких как сок некоторых эуфорбий, а также из вещества, извлеченного из ядовитой железы иглобрюха, кобры и других ядовитых змей. В добыче этого последнего вещества они проявляют

необычайную храбрость. Когда босхесман видит змею, которую можно использовать для отравления стрел, он не убивает ее сразу, а тихо подкрадывается к месту, где она лежит, и ставит ногу на ее шею. Змея, выйдя из вялого состояния, свойственного всем пресмыкающимся, приходит в яростную энергию, извивается, борется, шипит и делает все возможное, чтобы нанести рану своему врагу. Это как раз то, что нравится босяку, и он доводит змею до крайней степени ярости, прежде чем убить ее. Причина такого поведения в том, что желание укусить возбуждает ядовитую железу и заставляет ее выделять ядовитое вещество в больших количествах.

Босхесманы утверждают, что яд не только увеличивается в объеме, но и приобретает более смертоносные свойства, поскольку возбуждает гнев рептилии, прежде чем ее убить. Материалы для изготовления этого яда варят в примитивном горшке из полого песчаника, и после тщательного процеживания он приобретает цвет и консистенцию смолы. Его наносят очень толстым слоем, в некоторых местах толщина составляет около восьмой части дюйма. В некоторых стрелах маленький треугольный наконечник удерживается на своем месте только самим ядом: он просто свободно вставляется в выемку, а затем прикрепляется ядом к древку. В этом случае она действует как колючка и остается в ране, когда стрелу извлекают.

В нашем климате яд становится твердым и очень хрупким, трескается в разных направлениях и легко размалывается при растирании между пальцами. Но при сравнительно жаркой температуре Южной Африки он сохраняет свою мягкую прочность, и даже в этой стране его можно размягчить перед огнем и скрепить треснувшие части. Она очень горькая и несколько ароматная на вкус, и в этом отношении очень напоминает страшный яд вурали из тропической Гвианы. В некоторых местах ядовитая луковица встречается довольно часто, и в расцвете сил она очень заметна, ее можно узнать на значительном расстоянии по синим волнистым листьям, которые поднимаются, как бы вырываясь из земли, и расправляются, словно веер. Вскоре, однако, листья опадают и засыхают, и остается лишь короткий сухой стебель, который не дает никаких надежд на то, что под ним находится луковица.

В некоторых районах страны босжесманов сок амариллиса, как и сок эуфорбии, используется для отравления стрел, а затем смешивается с ядом, добываемым из большого черного паука, а также со змеиным ядом. Противоядие от этого смешанного яда в настоящее время не известно белым людям, и знают ли о нем босджесманы, сейчас неизвестно. Было бы большим благом не только для науки, но и для жителей этой части Африки, если бы удалось обнаружить такое средство, поскольку такое открытие сразу же лишило бы босджесмена единственного средства, с помощью которого он может наводить ужас на тех, кто живет по соседству с ним. Тогда имущество стало бы относительно безопасным, а нынешнее хроническое состояние нерегулярных войн сменилось бы миром и спокойствием. Однако двойная природа яда делает такое открытие делом чрезвычайно сложным, поскольку противоядие должно быть в равной степени способно противостоять как растительному, так и животному яду.

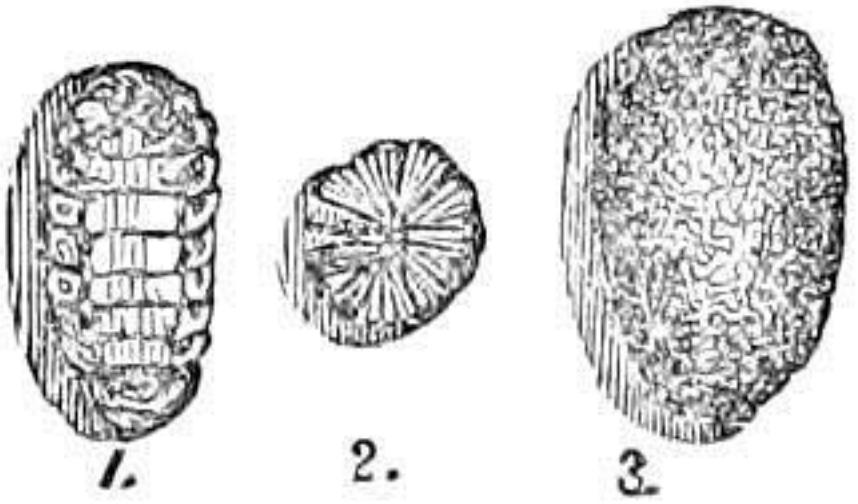
Как ни страшен этот смешанный яд, у босяка есть еще один, куда более жестокий по своим последствиям. Если человека ранить стрелой, снаряженной этим ядом, он испытывает самые невыносимые муки и вскоре умирает. Даже если небольшая порция этого яда попадет в царапину на коже, результат будет не менее ужасным, и, по меткому выражению Ливингстона, страдалец "режет себя, зовет грудь матери, как будто мысленно возвращается в детство, или бежит из человеческого жилища, как буйный маньяк". Лев страдает примерно так же: в ярости он носится по лесу, кусая деревья и землю в порыве боли. Яд, который производит такие ужасные эффекты, - это просто сок, выделяющийся из определенного гриба, называемого N'gwa или K'aa - первое название использовал доктор Ливингстон, а

второе - мистер Бейнс, который уделил большое внимание этому страшному насекомому. Его рассказ о насекомом выглядит следующим образом:...

Есть дерево, называемое *маруру папери*, размером примерно с обычный вяз, но его стебли и ветви покрыты шипами. Древесина этого дерева очень мягкая. На паперии Маруру водятся ядовитые личинки, которые имеют бледный телесный цвет, чем-то напоминающий цвет шелкопряда, и около трех четвертей дюйма в длину. Одним из любопытных моментов в их повадках является необычный покров, которым они покрыты. "Нас очень озадачило покрытие из зеленой материи, похожее по цвету на лист, которым он питается. Сначала мы думали, что это первая кожа, которая отслаивается, так как она лежала в свободных валиках параллельно мускульным кольцам тела; постепенно она, казалось, продвигалась вперед к голове, где образовывала щит или капюшон, части которого отламывались по мере высыхания и заменялись свежими. В конце концов мы пришли к выводу, что это, должно быть, экскременты существа, выделяющиеся не только обычным способом, но и из пор, разбросанных почти по всему его телу.

"Когда личинка достигает длины в три четверти дюйма, это вещество распределяется более скудно и имеет коричневатый цвет. Через некоторое время личинка падает с дерева и, зарывшись примерно на два фута ниже поверхности, образует свой кокон из тонкой оболочки земли, склеенной вокруг ее тела. Его внутренности, или, скорее, все внутренние соки, на всех стадиях его личиночного существования имеют самую смертоносную природу, и, если они попадают в порез или рану любого рода, вызывают самую мучительную агонию".

Благодаря любезности мистера Бейнса, который пополнил мою коллекцию некоторыми экземплярами н'гва, я могу представить читателям несколько рисунков этого ужасного насекомого. На рис. 1 изображен Н'гва, или К'аа, в натуральную величину. Образец был сухим, сморщенным и твердым, но при осторожном введении влаги его окоченевшие сегменты расслабились, а морщинистая кожа стала пухлой, как в жизни.



ЯДОВИТЫЙ ГРУБ.

На рис. 1 показана нижняя поверхность личинки, как она выглядит, когда лежит на спине, и демонстрирует шесть маленьких ножек, темную голову и грудку, а также ряд спиралей, или дыхательных отверстий, расположенных по бокам. На рис. 2 изображен тот же личинка в свернутом виде внутри кокона, а также показана сплюснутая форма N'gwa на этой стадии существования.

На рис. 3 изображен сам кокон. Это жилище, состоящее из склеенных между собой песчинок темно-коричневой земли или песка, удивительно твердое, прочное и компактное, хотя его стенки очень тонкие. Когда оно целое, то настолько прочное, что выдерживает довольно грубое обращение без повреждений, но если его разбить, то оно рассыпается на фрагменты почти от одного прикосновения. Образцы представлены в натуральную величину.

Когда босъесмен хочет отравить наконечник стрелы, он сначала самым тщательным образом осматривает свои руки, чтобы убедиться, что его кожа не повреждена даже легкой царапиной. Затем он берет между пальцами травинку и сжимает ее так, чтобы выжать все содержимое брюшной полости вместе с соками тела. Их он помещает маленькими каплями на острие стрелы, располагая их на довольно равномерном расстоянии друг от друга; когда это сделано, страшный процесс завершен. Неудивительно, что людей, владеющих подобным оружием, все вокруг одинаково боятся и ненавидят. Плохо, когда в тебя стреляют стрелами, которые, как и стрелы макуши, приводят к верной смерти, но ужасы яда усугубляются во сто крат, когда он вызывает страшную агонию и абсолютную манию, прежде чем смерть избавит страдальца.

Естественно, возникает вопрос о существовании противоядия от этого страшного яда. Вероятно, от каждого яда есть противоядие, если только оно известно, поэтому вполне вероятно, что оно есть и от н'гва. Кафиры утверждают, что единственным противоядием является жир. У них есть теория, что н'гва нуждается в жире, и что в попытках найти жир он поглощает жизнь раненых существ. Поэтому, когда человек ранен отравленной стрелой, они смазывают рану жидким жиром и считают, что, если его вовремя и в достаточном количестве применить, он удовлетворит Н'гва и спасет человеку жизнь.

Сами босджесманы отрицают существование противоядия, но этого можно было ожидать от них, поскольку они не желают расставаться со столь ценным секретом. Обладать ядом, который держит в страхе любого врага, - дело нелегкое, если учесть его действие. Доктор Ливингстон упоминает, что эффективность этого яда настолько велика, что его используют против льва. Понаблюдав за тем, как лев наедается досыта, два боснийских охотника подкрадываются к месту, где, по их обычаю, отдыхает животное, и подходят так бесшумно, что даже треск палки не возвещает о присутствии врага. Один из них снимает свой кароcс и держит его обеими руками, а другой готовит оружие. Когда все готово, в тело льва пускают отравленную стрелу, и одновременно с натяжением тетивы на голову животного набрасывают кароcс, чтобы сбить его с толку, когда его так бесцеремонно разбудят, и дать смелым охотникам время затаиться. Лев стряхивает с себя ослепляющий плащ и в ужасе убегает, который вскоре сменяется болью, и через некоторое время умирает в судорожных муках.

Когда Н'гва используется для отравления стрел, никакое другое вещество не применяется, и, как следствие, головка оружия имеет гораздо более опрятный вид, чем когда она вооружена смолоподобным эуфорбием или змеиным ядом. Это вещество столь ужасно, что его обладатели, естественно, хотели бы найти противоядие, которое они могли бы использовать в случае случайного ранения, и дать понять иностранцам, что такого противоядия не существует. Поэтому мистер Бейнс и его спутники обнаружили, что те упорно отрицают, что знают какое-либо противоядие, но когда они назвали само название растения, которое, как они слышали , используется ими для этой цели, босджесманы уступили, заявив, что белые люди знают все, и что бесполезно скрывать свои знания.

Противоядие называется Kàla haètlwe и изготавливается в основном из небольшого мягкостебельного растения. Цветок желтый, звездообразный, с пятью лепестками. Тычинок

много, а чашечка разделена на два чашелистика. Корень представляет собой "нечто среднее между луковицей и клубнем, шероховатый и коричневый снаружи, а при разрезе на нем видны концентрические линии светлого красновато-коричневого и пурпурного цвета". Листья достигают двух с половиной дюймов в длину и лишь четверти дюйма в ширину. Среднее ребро листа выступает на нижней поверхности, а на верхней образует впадину. Однако есть еще два растения, которые носят то же название и используются для тех же целей. Одно из них имеет более широкий лист и более крупный цветок, а по вкусу чем-то напоминает щавель, в то время как третье имеет волнистый или морщинистый лист. Когда используется Kàla haètlwe, корень или луковицу разжевывают и прикладывают к ране, а затем обильно смазывают жиром. Здесь я могу упомянуть, что слово "kàla" означает "друг" и поэтому очень подходит к этому растению.

Это не единственное применение ядов. Если они отступают по местности, которую не собираются посещать в течение некоторого времени, у них есть отвратительный обычай отравлять все водоемы на своем пути. Иногда они выбирают один фонтан и смешивают его воды с ядом, чтобы уничтожить дичь. Вещество, которое используется для отравления воды, обычно имеет растительную природу. Часто используется луковица ядовитого корня (*Amaryllis toxicaria*), а также сок эуфорбии. Мистер Моффатт едва не стал жертвой этого обычая. После долгой и утомительной поездки под жаркими лучами солнца он подъехал к боснийской деревне, возле которой его лошадь обнаружила небольшое озерцо с водой, окруженное кустами. Протиснувшись сквозь них, мистер Моффатт лег и долго черпал воду, не понимая, что окружающие кусты - это ограждение, служащее для отпугивания людей от воды. Как только он отпил, то почувствовал необычный вкус, а затем обнаружил, что вода была отравлена. Действие яда было довольно раздражительным, хотя и не таким болезненным, как можно было бы себе представить. "Я начал ощущать сильное волнение внутри и полноту в организме, как будто артерии могли лопнуть, а пульсация была очень быстрой и сопровождалась легким головокружением в голове". К счастью, наступило обильное потоотделение, и он выздоровел, хотя странные ощущения продолжались еще несколько дней.

К чести босъесманов, следует сказать, что они проявили в этом случае величайшую заботу. Один из них прибежал из деревни сразу после того, как вода была выпита, и, не зная, что беда уже совершилась, попытался жестами показать, что воду пить нельзя. Затем они бегали во все стороны в поисках средства, а когда обнаружили, что результат не будет фатальным, проявили необычайную радость. Правда, спасение было очень близким, так как накануне от питья из того же фонтана умерла зебра.

Этот анекдот в сочетании с рассказом доктора Лихтенштейна показывает, что эта презираемая раса людей не является, как думают некоторые, лишенной всех человеческих чувств и тем самым низведенной до уровня грубых зверей. Подвергаясь притеснениям со всех сторон, одинаково преследуемые готтентотами, кафирами и белыми колонистами, они не отличаются доброжелательностью нрава или добрыми чувствами по отношению к враждебным людям, с которыми они окружены, и, когда бы они ни нашли возможность отомстить, вполне естественно, что они ею воспользуются.

Маленькие, немногочисленные и слабые, они давно были бы истреблены, если бы не их единственное оружие - отравленная стрела, и, владея им, они вызывают у своих многочисленных врагов то же чувство почтительного отвращения, которое мы испытываем к шершню или гадюке. Все ненавидят и боятся босджесмена, но никто не осмеливается его презирать. Каким бы сильным ни было племя кафиров или хоттентотов, как бы тщательно ни охранялось европейское поселение, один боцман будет держать их в постоянной тревоге.

Дозорные почти бесполезны, когда босжесмен решает совершить ночное нападение, ведь он может незаметно подползти к дозорному на расстояние нескольких ярдов, вонзить в его тело отравленную стрелу и исчезнуть так же незаметно, как и появился. Что касается поиска убежища, в котором он прячется днем, то это почти невозможно даже для хоттентота, поскольку босяк удивительно искусен в уничтожении следов и создании ложных следов, а кроме того, он обладает искусством упаковывать свое крошечное тело в столь малый объем, что может спокойно лежать в норе, которая едва ли достаточно велика, чтобы вместить обычного кролика.

И хотя его преследуют, как шершня и гадюку, и он, подобно этим существам, может использовать свое ядовитое оружие, когда его провоцируют, очевидно, что он не лишен благодарности и может вести себя дружелюбно по отношению к тем, кто относится к нему по-доброму. Он может быть мстительным, когда считает себя оскорбленным, и способен жестоко отомстить тем, кто вызвал его гнев. Но то, что он не лишен лучших чувств человечности, видно из вышеупомянутых рассказов, и мы должны быть благодарны писателю за то, что он, опираясь на несомненные авторитеты, дал боцману лучшую характеристику, чем он, как считается, заслуживал.

Форма стрел, а также отсутствие перьев и слабый характер лука позволяют предположить, что они не предназначены для дальних дистанций. Босхесман, действительно, очень плохой стрелок, и не стремится стрелять в объект, находящийся от него более чем в тридцати-сорока ярдах, предпочитая расстояние в восемь-десять ярдов, если ему удается подползти так близко. Чтобы проверить меткость босяков, мистер Берчел повесил на шест шкуру антилопы каросс, площадью почти семь футов. Один из мужчин взял свой лук и стрелы, подкрался к нему на расстояние двадцати ярдов и не попал в него первой стрелой, хотя и поразил второй.

Колчан, который, похоже, является необходимым дополнением к луку и стрелам у всех народов, использующих это оружие, иногда делается из дерева, а иногда из кожи. Пример, представленный на странице 247, сделан из последнего материала и взят из образца, хранящегося в моей собственной коллекции. Он сделан очень прочно и представляет собой восхитительный пример боснийского мастерства. Шкура, из которой он сделан, принадлежит какому-то крупному животному, например быку или эланду, но поскольку шерсть была тщательно удалена, не остается никаких подсказок, какое именно животное послужило основой для шкуры. Деревянные колчаны почти всегда изготавливаются из одного из видов алоэ (*Aloe dichotoma*), которое поэтому получило от голландских колонистов название "кокербум", или колчанное дерево. Иногда, однако, их делают из дерева карри, вида Rhus, которое растет на берегах рек и по повадкам и внешнему виду очень напоминает английскую иву.

У босджесмена очень изобретательный способ переноски оружия во время путешествия: лук, колчан и набалдашник связаны вместе, и вся группа перекинута через спину. Однако у прекрасно экипированного босяка есть что-то вроде кожаного чехла, в который он кладет свое оружие. Иногда это просто кожаный мешок, но в лучшем случае он состоит из целой шкуры антилопы, тело которой образует чехол, а ноги служат ремнями, с помощью которых его можно повесить на спину.

Лук чрезвычайно мал и прост, так как босхесман мало заботится о его прочности, ведь он никогда не стреляет в предметы на расстоянии более нескольких ярдов. В основном он сделан из разновидности тархонантуса, но босяк не придирается к материалу, чтобы он был достаточно упругим. Не прихотлив он и к его размерам, которые редко превышают четыре

фута в длину, а зачастую и того меньше; не прихотлив он и к его форме, поскольку изгиб часто бывает крайне неправильным, поскольку самая толстая часть лука не располагается в центре. Любой маленький мальчик может сделать из палки и тетивы лук, ничуть не уступающий тому, который используют босхи. При использовании лука босхесман держит его не вертикально, как обычный длинный лук, а горизонтально, как если бы это был арбалет - этот факт объясняет крайне безразличный прицел, который можно из него взять.

Босхесман обычно носит с собой ассагай, но он не собственного изготовления, поскольку совершенно не разбирается в кузнечном деле. Даже маленькие треугольные наконечники, которые надеваются на стрелы, выковываются с бесконечным трудом: железо кладется холодным на один камень и настойчиво бьется другим, пока, наконец, не расплющивается. О том, как размягчить его с помощью тепла, босхесман ничего не знает, у него нет даже грубых инструментов, необходимых для нагревания железа до температуры размягчения. Обычно ассагаи делают бечуаны, и босжесмен покупает их у них. Время от времени в руках босджесмена можно увидеть обычный каффирский ассагай, и в этом случае он, как правило, является частью военных трофеев, поскольку его первоначальный владелец был убит отравленной стрелой. Из того же источника происходит и нож, который босджесмен обычно носит на шее на шнурке, причем этот инструмент почти всегда бечуанского производства.

Босджесмен, действительно, не делает своими руками ничего, что не является для него абсолютно необходимым. Ассагай и нож - скорее предметы роскоши, чем необходимости, и приобретаются у чужаков. Однако лук и отравленная стрела, с помощью которых он сражается с врагами-людьми или уничтожает крупных животных, совершенно необходимы ему, как и ножик, с помощью которого он добывает мелких животных и птиц. Он также бьет им свою жену и, возможно, считает его необходимой вещью и в этом отношении. Таким образом, каждый босжесец может изготовить для себя эти орудия и считает себя достаточно экипированным, если они у него есть.

ГЛАВА XXVI.
БОСДЖЕСМАН - Завершение.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ БОСДЖЕСМЕНА - КАК ОН КУРИТ - ЕГО ТАНЕЦ - ЛЮБОПЫТНЫЕ ПОЗЫ - ТАНЦЫ-ГРЕМУШКИ - ВОДЯНОЙ БАРАБАН - ОБРАЗЦЫ БОСДЖЕСМЕНСКОЙ МУЗЫКИ - ЕЕ НЕОБЫЧНАЯ ГАММА И ИНТЕРВАЛЫ - СУККЕДАНЕУМ ДЛЯ ПЛАТКА - МНЕНИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКА О ТАНЦЕ И ПЕСНЕ - ГУРА - ЕЕ УСТРОЙСТВО, И СПОСОБ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ - КАЧЕСТВО ТОНОВ, ИЗДАВАЕМЫХ ЕЮ - БОСХЕСМАНСКАЯ МЕЛОДИЯ В ИСПОЛНЕНИИ НА ГУРЕ - ДЖУМ-ДЖУМ И ИСПОЛНИТЕЛЬ - УСПОКАИВАЮЩИЙ ЭФФЕКТ ИНСТРУМЕНТА - ИСКУССТВО СРЕДИ БОСХЕСМАНОВ - МИСТЕР КРИСТИ, ОПИСАВШИЙ ГУРУ. ОПИСАТЕЛЬНЫЙ ЭСКИЗ КРИСТИ - КИСТЬ И КРАСКИ БОСЬЕ - ЕГО ОЦЕНКА РИСУНКА - АНЕКДОТЫ О БОСЬЕ.

Развлечения босхесманов очень похожи на развлечения хоттентотов и в целом сводятся к двум словам, а именно: пение и танцы. Оба эти слова следует понимать в их южноафриканском смысле и не принимать в европейском значении. Возможно, курение следует включить в категорию развлечений. О том, как босхесман курит после еды, уже рассказывалось. Но бывают сезоны, когда он не просто делает несколько затяжек в завершение трапезы, а специально устраивает праздник курения. Тогда он принимает дым в таких количествах, глотая его, а не выбрасывая, что его охватывают приступы сильного

кашля, он теряет сознание и падает в конвульсиях. Тогда его товарищи берут на себя обязанность привести его в чувство, и делают это довольно необычным образом.

Как обычно бывает в курительных компаниях, под рукой имеется запас свежей воды, а также тростник, через который курильщики выпускают дым и воду таким способом, который никто, кроме них самих, не может выполнить в совершенстве. Когда один из них падает в конвульсиях, его товарищи наполняют рот водой, а затем выплескивают ее через трубку ему на шею, дуя со всей силы, чтобы вызвать как можно более сильный шок. Такое довольно грубое обращение достаточно эффективно, и когда мужчина приходит в себя, он готов оказать аналогичную помощь своим товарищам.

Танец босжесмена имеет весьма необычный характер и кажется довольно странным, рассчитанным на развлечение как исполнителей, так и зрителей. "Одна нога, - пишет Бурчелл, - остается неподвижной, в то время как другая танцует в быстрой, дикой, нерегулярной манере, почти не меняя своего места, хотя колено и нога поворачиваются из стороны в сторону настолько, насколько позволяет положение. Руки почти не двигаются, их обязанность - поддерживать тело.

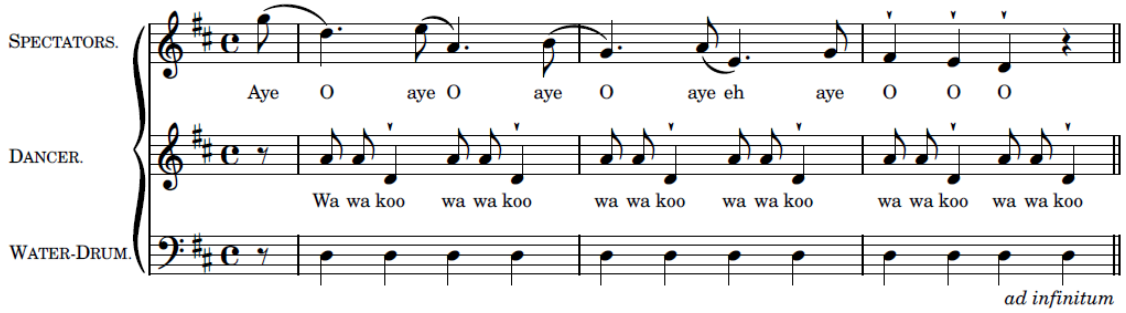
"Танцор продолжает петь все это время и следит за каждым движением, иногда резко поворачивая тело, пока, наконец, как бы утомленный своими усилиями, он не падает на землю, чтобы восстановить дыхание, сохраняя дух танца и продолжая петь и следить за временем движениями своего тела, под голоса и аккомпанемент зрителей. Через несколько секунд он снова поднимается и продолжает танец с еще большей энергией. Когда одна нога устает или выполняет свою часть танца, другая выходит вперед и исполняет ту же партию; и таким образом, время от времени меняя ноги, он, казалось, хотел убедить своих друзей, что может танцевать вечно".

Когда босхесман танцует в доме, он не может стоять прямо, и поэтому вынужден поддерживать себя между двумя палками, на которые он опирается, наклонив тело вперед. Для такого танца требуется очень мало места, и поэтому хижина почти полностью заполняется зрителями, которые садятся на корточки по кругу, оставляя в центре достаточно места, чтобы танцор мог двигаться. Для того, чтобы он мог засекать время, у него есть набор погремушек, которые он привязывает вокруг лодыжек. Они сделаны из ушей спрингбока, края сшиты вместе, а внутрь свободно помещены фрагменты страусиного панциря. Их завязывают на внешней стороне лодыжки.

Танцы, которые я видел в исполнении босджесманов, похожи на те, что описал Бурчелл: танцор опирается на длинную палку, хотя находится под открытым небом, и время от времени отбивает палкой время на земле под своеобразную босджесманскую мерку. Зрители, будь то мужчины или женщины, сопровождают песню танцора собственной мелодией, хлопают в ладоши или бьют палками по земле в такт его шагам. Они также бьют в простой инструмент, называемый водяным барабаном. Это не что иное, как деревянная чаша, или "бамбус". В чашу предварительно наливают немного воды, и с ее помощью кожу постоянно смачивают. По ней бьют указательным пальцем правой руки, а для поддержания нужного тона нажимают на кожу большим и указательным пальцами левой руки.

Не будучи знатоком языка бошеса, я не смог различить ни одного слога, используемого бошесаном в танце, но мистер Бурчелл приводит их следующим образом. Танцор произносит слово "Вава-ку", повторяя его непрерывно, в то время как зрители поют "Айе-О", разъединяя руки на первом слоге и резко сводя их вместе на втором. Эффект от сочетания

голосов и танцев можно увидеть по следующей нотации, которую сделал Бурчелл. Это странное сочетание звуков, которое так противоречит нашей музыкальной системе, приятно для слуха большинства южноафриканцев, и в принципе распространено среди многих племен, хотя есть различия в их ладах и мерах.

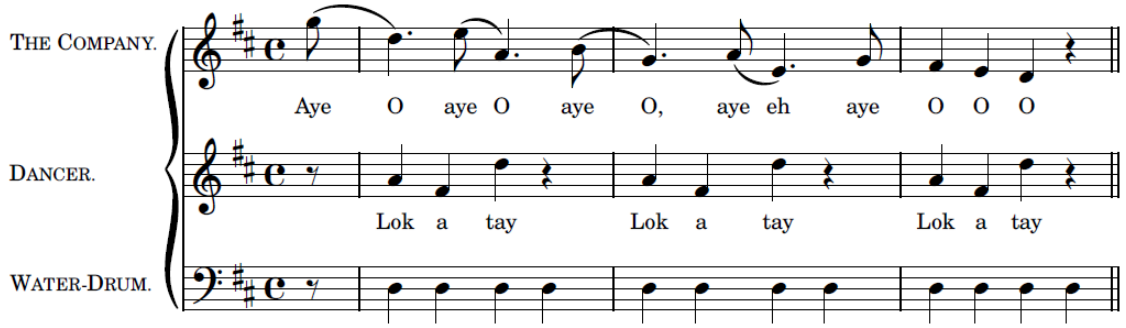


Воспроизвести [Музыка]

Занимаясь этим необычным представлением, танцор, кажется, настолько полностью погружен в свою партию, что у него не остается никаких мыслей, кроме как продолжать выступление в наиболее одобренном стиле. В упомянутом случае танцор ни на секунду не прервал своего движения, когда белый человек неожиданно вошел в хижину, и, казалось, совершенно не осознавал его присутствия. Трясти и крутить поочередно каждую ногу до усталости не кажется нам особенно увлекательным занятием, особенно когда исполнитель не может стоять прямо, вынужден принимать сутулую позу, а пространство, на котором он может двигаться, составляет всего фут или два в диаметре. Но босхесман получает огромное удовольствие от этого необычного развлечения, и чем больше он себя изнуряет, тем больше ему это нравится.

Как и положено в таком климате, при таких нагрузках, при такой тесной и пахучей атмосфере, что европеец едва ли может в ней жить, пот льется с исполнителя ручьями и, во всяком случае, имеет свойство действовать как частичное омовение. Вместо платка танцор носит в руке кустистый хвост шакала, прикрепленный к палке, и этим предметом постоянно вытирает лицо. Похоже, он позаимствовал этот обычай у бечуанов, которые очень стараются изготовить этот предмет, как мы увидим, когда перейдем к рассмотрению их привычек.

Протанцевав до тех пор, пока он не сможет даже стоять, босхесман вынужден уступить свое место другому и стать одним из зрителей. Перед этим он снимает погремушки и передает их своему преемнику, который принимает их как необходимые для танца и носит до тех пор, пока тот, в свою очередь, не сможет больше танцевать. Вот еще одна танцевальная мелодия, записанная мистером Бурчеллом в тот же вечер



Воспроизвести [Музыка]

Может показаться странным, что такая странная музыка может очаровать европейца, который ничего не смыслит в музыке. Однако то, что так оно и есть, следует из слов вышеупомянутого путешественника. "Я нахожу невозможным передать с помощью простого описания правильное представление о приятных впечатлениях, полученных при осмотре этой сцены, или о том эффекте, который вечерние развлечения произвели на мой разум и чувства. Это нужно видеть, в этом нужно участвовать, без этого нелегко представить себе его силу или справедливо понять его природу. В этом развлечении не было ничего, что могло бы заставить меня постыдиться признаться, что я получил от него такое же удовольствие, как и сами туземцы. В нем не было ничего, что приближалось бы к вульгарности, и, с этой точки зрения, было бы несправедливо по отношению к этим бедным созданиям не поставить их в более почтенный ранг, чем тот, в который их обычно зачисляют представления европейцев. Не грубый смех и шумное веселье, не пьяные шутки и не шумные разговоры коротали их часы, а мирные, спокойные эмоции безвредного удовольствия.

"Если бы я не видел и не знал об этих дикарях больше, чем события этого дня и развлечения вечера, я бы без колебаний назвал их счастливейшими из смертных. Свободная от забот и довольная малым, их жизнь, казалось, текла, как плавный поток, скользящий по цветочным лугам. Бездумные и беспечные, они смеялись и улыбались, не обращая внимания на будущее и забывая о прошлом. Музыка смягчала все их страсти, и таким образом они убаюкивали себя тем мягким и безмятежным состоянием, в котором никакие дурные мысли не посещают разум. Мягкие и нежные голоса девушек, инстинктивно созвучные голосам женщин и мужчин; нежные хлопки в ладоши; трещотки танцора; мягкий звук водяного барабана - все они гармонично сочетались и шли в ногу со временем; мирные, счастливые лица всех собравшихся, веселый свет костра - все эти обстоятельства так сочетались и подходили для того, чтобы произвести самое успокаивающее действие на чувства, что я сидел так, словно хижина была моим домом, и чувствовал себя среди этой оравы так, словно я был одним из них; на несколько мгновений я перестал думать о науках или о Европе и забыл, что я одинокий чужестранец в стране необученных людей."

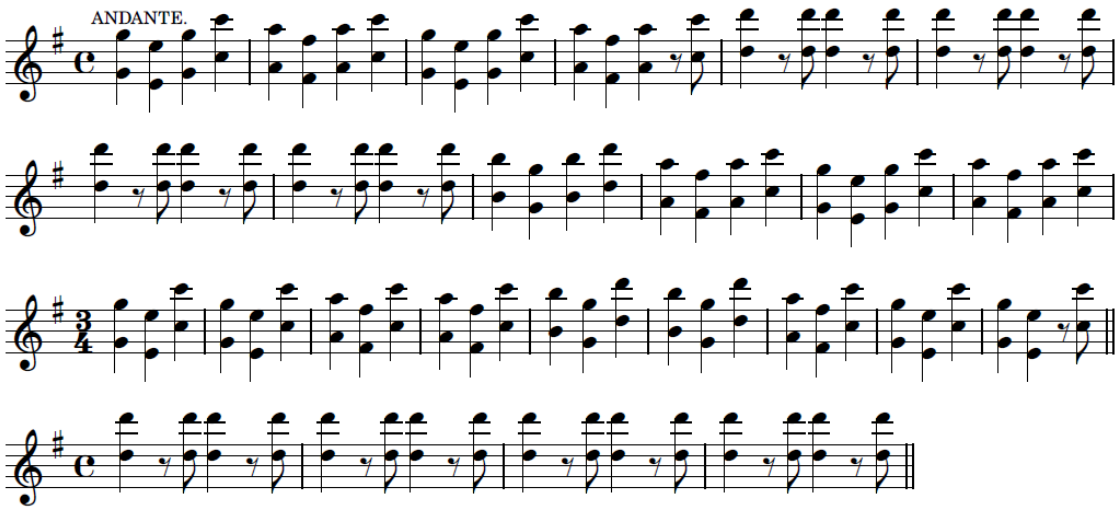
Это не единственный пример воздействия туземной музыки в своей стране, ведь другие путешественники, как мы увидим, в столь же пылких выражениях писали об особом очаровании звуков, издаваемых грубыми инструментами Южной Африки в сопровождении человеческого голоса.

Теперь мы переходим к инструменту, который, *по сути,* является характерным для юга Африки. Водяной барабан - довольно любопытный музыкальный инструмент, но есть еще более примечательный, используемый среди босжесманов, который представляет собой необычное сочетание струнного и духового принципов. По форме он очень похож на каффирскую арфу, но у него нет тыквы в качестве деки, а тоны извлекаются другим способом. Этот инструмент называется гура и описывается Ле Вайяном следующим образом.

"Гура по форме напоминает лук дикаря Хоттентота. Он такого же размера, а струна из кишок, прикрепленная к одному из его концов, удерживается на другом с помощью узла в стволе пера, которое сплющено и расщеплено. Это перо, будучи раскрытым, образует очень длинный равнобедренный треугольник, около двух дюймов в длину; в основании этого треугольника делается отверстие, которое удерживает тетиву, конец которой, оттянутый назад, завязывается на другом конце лука очень тонким шнурком из кожи. Этот шнур может быть натянут так, чтобы иметь большую или меньшую степень натяжения в зависимости от удовольствия музыканта, но когда несколько гур играют вместе, они никогда не играют в унисон.

"Таков первый инструмент хоттентотов, который нельзя принять за духовой, хотя он, несомненно, таковым является. Он держится почти так же, как рог егеря, с тем концом, где перо прикреплено ко рту исполнителя, который он прикладывает к нему, и либо путем вдыхания, либо вдохновения извлекает из него очень мелодичные тона. Однако дикари, которые преуспевают в игре на этом инструменте, не могут сыграть ни одной обычной мелодии; они лишь издают определенные звуки, похожие на те, что извлекаются особым образом из скрипки или виолончели. Я получил огромное удовольствие, наблюдая, как один из моих сопровождающих по имени Джон, признанный искусником, целыми часами рассказывал о своих спутниках, которые, захваченные и восхищенные, то и дело прерывали его, восклицая: "Ах! Как это очаровательно; начните снова!". Джон начинал снова, но его второе исполнение ничем не напоминало первое: ведь, как я уже говорил, эти люди не могут сыграть ни одной обычной мелодии на этом инструменте, тональность которого зависит только от случая и качества пера. Лучшие перья - те, что берутся из крыльев определенного вида дроф, и всякий раз, когда мне случалось убить одну из этих птиц, меня всегда просили принести небольшую жертву для поддержки нашего оркестра".

При игре на этом замечательном инструменте исполнитель садится, подносит перо ко рту, опирается локтями на колени и прикладывает указательный палец правой руки к соответствующему уху, а указательный палец левой - к широкой ноздре. Хороший исполнитель прилагает много усилий, чтобы вывести тональность должным образом, и любопытно, что опытный игрок ухитряется производить октавы, дуя с увеличенной силой, как это делается с флейтой, инструментом, на котором звук гуры может быть хорошо представлен.



Играть [Музыка].

Тот же путешественник решил записать партию, которую играл знаменитый исполнитель, и обнаружил, что он всегда повторяет одно и то же движение. Время, затраченное на его исполнение, составило семьдесят секунд.

"Когда женщина играет на гуре, он меняет свое название только потому, что она меняет манеру игры, и тогда он превращается *в джум-джум*. Сидя на земле, она ставит его перпендикулярно перед собой, точно так же, как в Европе держат арфу. Она удерживает ее в таком положении, ставя ногу между смычком и струной, стараясь не задеть последнюю. Правой рукой она держит смычок посередине и, дуя ртом в перо, ударяет по струне в нескольких местах маленькой палочкой длиной пять-шесть дюймов, которую держит в

другой руке. Это вносит некоторое разнообразие в модуляции, но инструмент нужно поднести близко к уху, чтобы отчетливо уловить все модуляции звуков. Такая манера держать гуру меня очень поразила, тем более что она значительно добавляла грации женщине, которая на ней играла".

Из этого описания читатель увидит, что тона гуры не отличаются от тонов еврейской арфы, хотя и уступают по громкости и разнообразию тем, которые можно получить на довольно хорошем инструменте. И готтентоты, и босхесманы быстро учатся обращаться с еврейской арфой, и благодаря своим небольшим размерам и, как следствие, портативности она почти вытеснила родную гуру.

Эти люди используют или использовали еще два музыкальных инструмента. Один из них - туземная гитара, или рабукин, которая несколько напоминает знакомое неграм "банджо". Она состоит из треугольного куска доски, снабженного мостиком, на который натянуты три струны, сделанные из скрученных кишок животных. Струны прикреплены к колышкам, с помощью которых их можно натягивать или ослаблять, чтобы получить нужную ноту. Как причудливо замечает Ле Вайан: "Любой другой человек, возможно, мог бы извлекать из него музыку и делать ее приятной, но туземец довольствуется тем, что барабанит по струнам пальцами наугад, так что любой музыкальный эффект - это просто дело случая".

Последний инструмент, которым владеют эти туземцы, - своего рода барабан, сделанный из выдолбленного бревна, на один конец которого туго натянут кусок дубленой кожи. В барабан иногда бьют кулаками, иногда палками, и хорошо сделанный барабан будет издавать резонирующие ноты, которые можно услышать на значительном расстоянии. Этот барабан называется ромельпот.

О влиянии туземной музыки на европейское ухо уже говорилось на стр. 264. Доктор Лихтенштейн, сам хороший музыкант, подтверждает рассказ Бурчелла и не менее высоко, хотя и более техническим и научным языком, отзывается об этой музыке и особой шкале, на которой она основана.

"Постепенно мы настолько привыкли к этому монотонному звуку, что он никогда не нарушал наш сон; нет, он скорее убаюкивал нас. Если слышать его на расстоянии, в нем нет ничего неприятного, только что-то заунывное и успокаивающее. Хотя из нее можно извлечь не более шести тонов, которые не только не принадлежат к нашей гамме, но образуют совершенно чуждые ей интервалы, тем не менее вокальное звучание этих тонов, необычность ритма и даже странность, можно сказать, дикость, гармонии придают этой музыке свойственное ей очарование. Я осмеливаюсь использовать термин "гармония", ибо ее действительно можно так назвать, поскольку, хотя интервалы не совпадают с нашими, они находятся в пропорции, совершенно регулярной и понятной, а также приятной для уха".

"Между основными тонами и октавой лежат только три интервала; первый из них по крайней мере несколько глубже нашей большой терции; второй лежит в середине, между малой и большой пятой, а третий - между большой шестой и малой седьмой; так что человек может подумать, что он слышит модуляцию сначала в самом малом седьмом созвучии. Однако все они лежат выше, пропорционально основному тону; ухо не испытывает такого желания прерваться на чистом тройном звуке; оно даже более удовлетворено без него. Практикующие игроки продолжают извлекать второй, иногда даже третий интервал, в более высокой октаве. Все же эти высокие тона несколько изломаны, и редко бывают чистыми октавами соответствующих глубоких тонов. Мелодии, собственно говоря, никогда не

слышно; это лишь смена одних и тех же тонов, затянувшаяся надолго, причем перед каждым ударом звучит основной тон. Следует отметить, что интервалы, о которых идет речь, не принадлежат инструменту; по сути, это псалмодиальная музыка африканских дикарей".

Нет ничего проще, чем теоретизировать, и нет ничего сложнее, чем заставить теорию, как говорится, "держать воду". Я знал одного ученого филолога, который разработал теорию о структуре языка и проиллюстрировал ее, внимательно наблюдая за своими последующими детьми и отмечая, как они пробивались через свои младенческие запинки к выражению мыслей. Сначала появились невнятные звуки, которые никто, кроме матери, не мог понять, аналогичные крикам низших животных и используемые потому, что еще неразвитый разум не продвинулся дальше животной стадии существования. Затем появилась ономатопея, или звукоподражание, и так, по степеням, через существительные, глаголы, прилагательные и местоимения, силы языка систематически развивались. Эта теория очень хорошо работала с первыми двумя детьми, но потерпела полное фиаско с третьим, чьим первым высказыванием было: "Не дразнись, уходи".

Так было и с расой босджесманов; и хотя их называют самыми деградирующими представителями великой человеческой семьи, были обнаружены признаки, свидетельствующие о том, что они обладают некоторыми знаниями о зачатках искусства. Я имею в виду знаменитые картины босджесманов, которые разбросаны по всей стране, в основном в пещерах и на скалах возле источников воды, и которые часто так же хорошо нарисованы, как и те, что в таком изобилии создают американские индейцы. На них почти неизменно изображены фигуры людей и зверей, и во многих случаях рисунок достаточно хорош, чтобы зритель мог опознать конкретных животных, которых хотел изобразить туземный художник.

Следующий рассказ о некоторых из этих рисунков взят из заметок мистера Кристи, которые он любезно предоставил в мое распоряжение: "Я не могу много добавить к тому, что есть на рисунках.

"Я не могу ничего добавить к тому, что о них написано, разве что упомянуть о так называемых бушменских рисунках, найденных в пещерах и на плоских каменных поверхностях возле некоторых из их постоянных источников воды. Я встретил только два случая первых рисунков, и они находились в пещере в боку кранца, в северной части Зварт-Раггенс. Я наткнулся на них во время охоты на куду. Одна сторона пещеры была покрыта очертаниями животных. Только верхняя часть была различима, и, очевидно, она изображала дикого зверя, или гну, куду, кваггу и т. д. Фигуры были нарисованы очень грубо, а цвета использовались тускло-красные и черные, а возможно, и белые; последние, возможно, представляли собой отложения сталактитов из воды.

"Другой случай произошел вблизи места, расположенного на дороге Карру в Графф-Рейнет, известного как Пикл-Фонтан, где есть постоянный источник пресной воды, недалеко от русла древнего потока, ныне пересохшего. На плоском куске песчаника, который когда-то составлял часть берега ручья, были остатки рисунка, который, возможно, представлял собой очертания человека с луком и стрелами и собаки, но он был настолько изношен погодой, что можно было разобрать только то, что это был рисунок. Краски, как и в пещере, использовались красная и черная. В то время, когда я видел рисунки, со мной был бушмен по имени Буй (он родился неподалеку от места, обозначенного на карте как Соляная шахта комиссара), но он не смог дать мне никакой информации о предмете рисунков, и я скорее склонен думать, что они принадлежат одному из племен хоттентотов, ныне вымерших.

"Мой бушмен был очень проницательным человеком, но, хотя к тому времени я уже несколько лет жил среди туземцев, я не осознавал бедность их интеллекта. Я много раз показывал им рисунки, описывал их, выслушивал их замечания, но не обнаружил, что даже самые умные из них не имеют представления о картине дальше простого наброска. Они не могут понять ни возможности перспективы, ни того, как изогнутая поверхность может быть изображена на плоском листе бумаги".

Вместе с этим рассказом мистер Кристи передал копию аналогичного рисунка, найденного в пещере в районе Джордж. В рисунках использован красный цвет на желтой основе - последний оттенок соответствует цвету камня, на котором они были нарисованы. Тема рисунка довольно туманна. Очевидно, что на рисунках изображены мужчины, но они не вооружены и носят головные уборы, которые не используются ни одним из племен, с которыми могли контактировать босжемы. Они могли часто видеть каффиров с их военными украшениями из перьев и хоттентотов с их грубыми кожаными шапками, но ни одно южноафриканское племя не носит головного убора, который можно было бы хоть как-то идентифицировать с ними. Отчасти по этой причине, а отчасти потому, что фигуры не вооружены луками и стрелами, как это обычно бывает на фигурах , призванных изображать босджесменов, мистер Кристи считает, что много лет назад на побережье могла высадиться команда лодки, и что босджесмены, видевшие их, зафиксировали этот факт на этом наскальном изображении.

Инструменты босхесманского художника достаточно просты и состоят из пера, обмакнутого в жир, в который он замешивает цветную глину, и, как хорошо замечает мистер Бейнс, он никогда не отказывается придать животным, которых он рисует, должное количество членов. Как ребенок, он размещает рога и уши наполовину на шее, а ноги распределяет равномерно по телу; но он ничего не знает о перспективе и не имеет ни малейшего представления о ракурсе, о том, как скрыть одну конечность или рог за другой, как это будет выглядеть на глаз.

Тот же путешественник довольно сильно отличается от мистера Кристи в своей оценке художественных способностей босхесмана и его умения понимать картину. По его словам, босхесман может прекрасно понять цветной рисунок. Он может назвать любое дерево, птицу, животное или насекомое, нарисованное в красках, но, похоже, не оценит перспективный рисунок в черно-белом варианте. "Когда я показал им картину маслом с изображением семьи Дамара, их восхищение не знало границ. Они свободно комментировали формы, одежду и орнаменты фигур, указывали на отличительные особенности между ними и группой бушменов. Мертвая птица была названа своим именем, и, чего я никак не ожидал, для них не составили труда даже кусочек колеса и передняя часть повозки. Им очень понравился набросок Кобиса, и они с легкостью указали на фигуры в группе людей, лошадей и волов. С листьями и цветами у них не возникло никаких трудностей, и единственное, что им не удалось, - это корень марквхэ. Но если учесть, что если бы это настоящее благословение пустыни лежало на поверхности, то неопытный англичанин не отличил бы его от камня на небольшом расстоянии, этому не стоит удивляться. Мертвые животные, нарисованные в перспективе и ракурсе, тоже назывались так же быстро, как я их создавал, за исключением полустертого, *не раскрашенного* наброска гну. Они догадывались о его названии, но, по их словам, "мы видим только один рог, и это может быть носорог или кабан"".

Следующие анекдоты были любезно присланы мне капитаном Дрейсоном, Р. А., который участвовал в последней каффирской войне: - "Повадки бушей".

"Привычки бушмена - это привычки дикого охотника; скот для него - всего лишь помеха, а возделывать землю - значит делать для себя то, что за него сделает природа. Страна, в которой он живет, кишит дичью, и убить ее для бушмена не составляет никакого труда. Его соседи держат скот, и это является последним средством к существованию; но, поскольку бушмен бродит по стране и выбирает те места, где в изобилии имеются предметы первой необходимости, он редко страдает от нужды. Если молодой бушмен попадает в плен, как это иногда случается, когда голландские буры отправляются в экспедицию против этих разбойников, родственники сразу же выслеживают пленника до его тюрьмы и рано или поздно возвращают его. Однажды я видел бушбоя, который восемь лет прожил в семье голландца, научился говорить по-голландски, есть ножом и вилкой и носить одежду; но по истечении этого срока бушбой исчез. Его одежду нашли в конюшне вместо лошади, которую он взял с собой. По быстрому следу было установлено, что след ведет к Драакенсбергским горам, среди которых буры не собирались идти, так как из любой щели и недоступного хребта можно было выпустить ядовитую стрелу, поскольку юноша, очевидно, вернулся к своим давно потерянным родственникам.

"Я был очень удивлен, когда заметил, какой эффект произвело на наших голландских товарищей по спорту сообщение о том, что "бушмены рядом". Мы ехали по возвышенному отрогу Драакенсберга, недалеко от реки Муи, когда один из буров внезапно пришпорил свою лошадь и воскликнул: "Бушмены рядом".

"Цесс, кек ди спур фон вердамт бошмен!

Спрыгнув с лошади, он осмотрел землю, а затем сказал: "Это человек; одна нога голая, другая с вельшоном". Вся партия немедленно пришла в сильное возбуждение, они разбежались во все стороны, как стая гончих в укрытии; одни галопом помчались к ближайшему хребту, другие понеслись по тропе, все в поисках бушмена. "Он уже не скоро уйдет, - сказал один из моих спутников, - будьте готовы".

"К чему?" - спросил я. спросил я.

"Готов стрелять в шельму".

"Ты выстрелишь в него? спросил я.

"Так же, как в змею".

"И тут мой спутник объяснил мне, что не так давно он купил за большую цену ценную лошадь, которую взял на свою ферму. Через три недели лошадь украли бушмены. Он быстро шел следом, и животное, будучи тучным, начало уставать, поэтому двое бушменов, ехавших на нем, соскочили, пронзили его стрелами и бросили. Лошадь умерла той же ночью. И снова у соседа унесли около двадцати волов. Бушмены оказались ворами и, когда за ними пристально следили, зарезали всех волов, большинство из которых умерло.

"Было рассказано еще много подобных историй, которые наш информатор закончил такими замечаниями:

"Я слышал, что каждая тварь, созданная Богом, полезна, и я тоже так думаю; но она полезна только на своем месте. Пухоед полезен там, где слишком много жаб или лягушек; но когда он приходит в мой дом, он не на своем месте, и я его убиваю. Бушмен возле моей фермы не на своем месте, и я стреляю в него, потому что если я оставлю его в покое, он отравит моих лошадей и скот, а скорее всего, и меня".

"Только дважды я видел бушменов у себя дома; в первый раз это было сразу после страшной бури, и они нашли убежище в лугу неподалеку от нашего квартала. Они появились примерно в трехстах ярдах перед нами и тут же скрылись, как ветер. Чтобы не быть нетрадиционными, мы послали за ними пулю, но высоко над их головой; больше они не появлялись. Во второй раз я был недалеко от них и впервые узнал об их присутствии по стреле, ударившей в дерево неподалеку; стреляли не в меня, а в даасов, или каменных кроликов, которые сидели на скалах неподалеку. С осторожностью и некоторой быстротой я отступил от соседства с такими орудиями, как отравленные стрелы, а затем с помощью стекла увидел, как бушмены нашли сначала свою стрелу, а затем мою добычу, после чего они испугались и исчезли в соседнем лугу".

ГЛАВА XXVII.
КОРАННЫ И НАМАКИ.

КОЧЕВОЙ ХАРАКТЕР ПЛЕМЕНИ - ИХ ОБЩИЙ ХАРАКТЕР - ОТЛИЧИЕ ОТ ПЛЕМЕНИ БОДЖЕСМАН - ИХ ЛОШАДИ И СКОТ - ПРАВИТЕЛЬСТВО - ОДЕЖДА КОРАННОВ - НЕОБЫЧНЫЙ СПОСОБ ТАНЦА - ЖЕЛАНИЕ ПОЛУЧИТЬ ЗНАНИЯ - МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛФАВИТ - "AULD LANG SYNE" - ЦЕПКАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДОГО КОРАННА - ЕГО ГРОТЕСКНЫЙ ВИД - УВЛЕЧЕНИЕ МЕДИЦИНОЙ - ПЛЕМЯ НАМАКУА - ХАРАКТЕР БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ НАМАКУА - ПРЕВРАТНОСТИ КЛИМАТА - ВЛИЯНИЕ НА ЖИТЕЛЕЙ - АФРИКАНЕР, И ЕГО ИСТОРИЯ - ОДЕЖДА НАМАКУА - ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕЛИГИИ - СУЕВЕРИЯ - ИСТОРИЯ ОХОТНИКА НАМАКУА И ЖЕНЩИНЫ БОСДЖЕСМЕНА - ВЫЗЫВАНИЕ ДОЖДЯ - ИСЦЕЛЕНИЕ БОЛЬНЫХ - ПАНАЦЕЯ ВРАЧА - МНОГОЖЕНСТВО И РАЗВОД - ДРЕССИРОВКА СКОТА - ЖЕСТОКОСТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕМОЩНЫМ И ПРЕСТАРЕЛЫМ - УСЫНОВЛЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ.

В соответствии с планом этой работы, мы сейчас немного рассмотрим несколько наиболее заметных племен, населяющих Южную Африку от Капской провинции до той части континента, которая занята негритянскими расами.

Среди ответвлений хоттентотов есть племя, называемое по-разному - кора, кораква, кораны или коранны. Из-за их кочевого образа жизни невозможно определить для них какую-либо конкретную местность, к тому же часто случается, что они распространяют свои скитания на территории племен, более приверженных к земле, и на какое-то время смешиваются с ними так же полно, как если бы принадлежали к одному племени. Из-за отсутствия цивилизации и общих манер некоторые путешественники считали их грубым племенем босжеманов, но было убедительно доказано, что они принадлежат к готтентотам.

Они кажутся спокойными и воспитанными, и обладают большим любопытством. Бурчелл рассказывает пару анекдотов о последних и приводит забавное описание их изумления при виде цветного рисунка, который он сделал с желтой рыбы. Один из них ударил одну из таких рыбок, и Бурчелл одолжил ее, чтобы сделать цветной рисунок. Когда хозяин пришел вернуть рисунок, он случайно взглянул на него и остолбенел от изумления, глядя на него широко раскрытыми глазами и ртом. Наконец он нашел язык и позвал своих спутников посмотреть на новое чудо. При виде рисунка они повели себя примерно так, как должна вести себя компания обезьян: поворачивали бумагу, чтобы посмотреть на ее обратную сторону, ощупывали ее пальцами и были совершенно не в состоянии понять, как предмет может быть одновременно округлым на вид и плоским на ощупь.

Об общем характере коранских хоттентотов доктор Лихтенштейн написал столь восхитительный анализ в столь малом объеме, что я не могу сделать лучше, чем привести его собственные слова: - "Эти Кораны - самый древний оригинал, который был написан в 19 веке.

"Эти коранны - самые древние коренные жители страны; они представляют собой довольно многочисленную расу, мягкую и доброжелательную, говорящую почти на том же языке, на котором раньше говорили племена хоттентотов в пределах колонии, но который до сих пор не был достаточно известен европейцам, чтобы получить от них представление о древних обычаях и привычках этого народа. Они по-прежнему живут, по примеру своих предков, в небольших деревнях или краалях, в хижинах полусферической формы, и по своей природе ленивы, поэтому не так успешно разводят скот - хотя их страна очень хорошо приспособлена для этого, - как более сильные и трудолюбивые племена каффиров. С ними, ближайшими соседями, они живут в очень хороших отношениях, но между ними и босджесманами идет вечная война; последних они ненавидят до крайности.

"До сих пор коранов ошибочно путали с босджесманами, но это совершенно отдельный народ, основное место жительства которого находится на берегах рек Нарб и Ваал, к северо-востоку от того места, где мы сейчас находились, и к югу от страны бечуанов. Они делятся на несколько племен, главные из которых называются хареманки и хуреманки. По своим размерам и телесному строению они очень похожи на хоттентотов, но щеки и подбородок у них менее выдаются, а все лицо более овальное, чем у некоторых других племен хоттентотов. Все они имеют сладострастное выражение рта, которое, в сочетании с особым диким закатыванием глаз и грубой, ломаной манерой говорить, придает им вид опьянения, да и не подделывается под него, поскольку они действительно сладострастная раса, лишенная телесной силы и воинской отваги.

"Их одежда состоит из мантии из подготовленной кожи, сделанной либо из шкур их скота, либо из шкур антилоп: она меньше и имеет несколько иную форму, чем та, которую носят бечуаны, и никогда не делается из нескольких маленьких шкур, сшитых вместе. Любимым приемом у них является выцарапывание различных фигурок на волосатой стороне этих мантий. Они торгуют с бечуанами украшениями для ушей, шеи и рук.

"Скот у них в большом почете; они заботятся о нем гораздо больше, чем другие племена или большинство колонистов. Они настолько преуспели в обучении волов ездовым и тягловым животным, что бечуаны признают их в этом деле своими хозяевами и покупают у них тех, кого используют для езды. Эти животные идут очень хорошей рысью или галопом и за очень короткое время преодолевают большой путь. С ними никогда не нужно быть суровым; достаточно прикоснуться к ним тонким осью. Сойдя с лошади, всадник никогда не пренебрегает тем, чтобы животное медленно поводили по кругу в течение четверти часа, чтобы оно могло постепенно остыть. Уздечка крепится к деревянному штырю, воткнутому в нос, а седлом служит овечья или козья шкура. На нем всадник сидит так прочно, что ему не грозит опасность быть сброшенным даже самым диким быком.

"Кораны совсем не занимаются земледелием; их жилища - шарообразные хижины, очень похожие на хижины коосов, но не такие просторные. Несколько шкур и циновок, на которых они спят, несколько кожаных ранцев, а также сосуд в виде консервной банки, вырезанный из цельного куска дерева, несколько калабашей и бамбуковых тростей составляют всю их домашнюю мебель. Большинство из них носят нож бечуанской мануфактуры в чехле на шее, с небольшим кожаным мешочком или панцирем черепахи, в котором находится трубка, табак и кремень для разжигания огня.

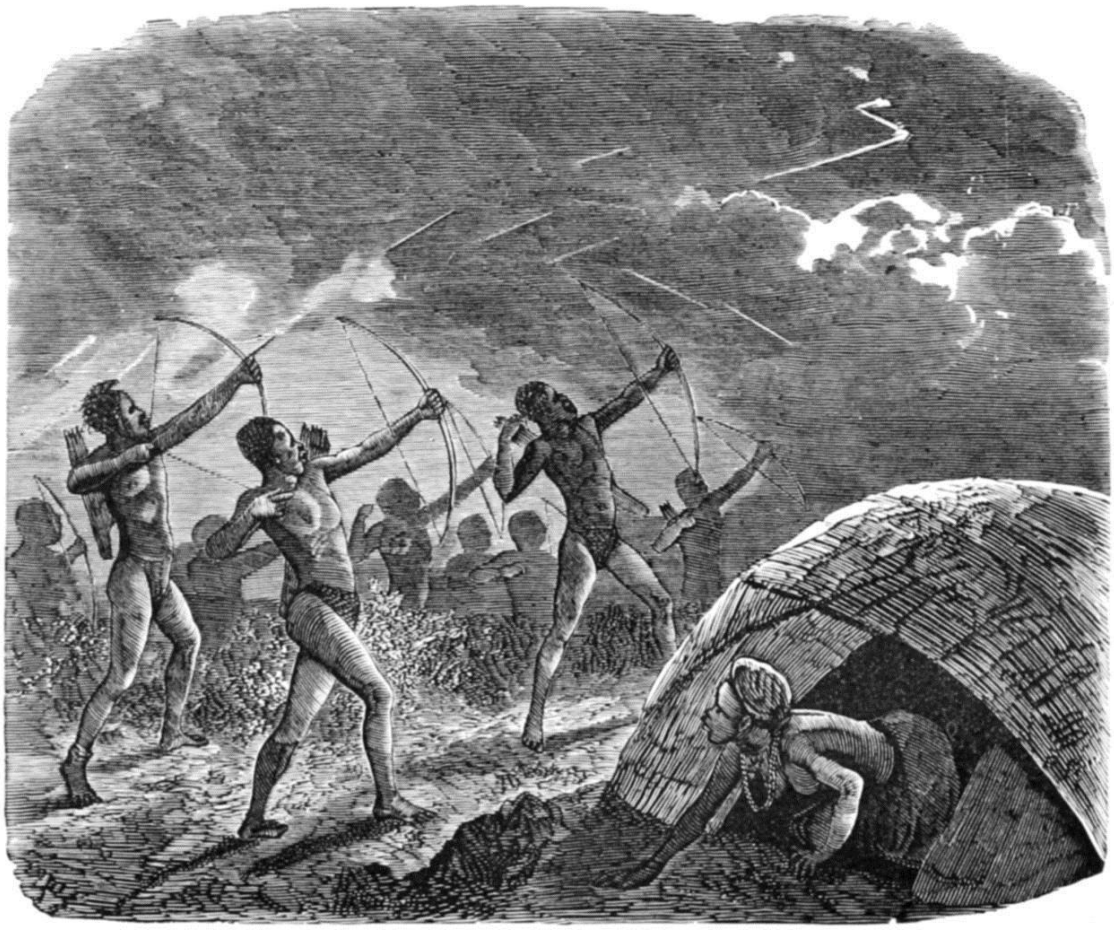
"Они не имеют постоянного места жительства, но часто переходят с одного места на другое, всегда нося с собой, как это принято у других племен, шесты и циновки, из которых строят свои хижины. Все их товары и имущество упаковываются в очень маленький мешок на спине больного вола; таким образом, целая деревня Корана собирается и отправляется в путь за несколько мгновений. Форма правления у них такая же, как и у других племен хоттентотов; самый богатый человек в краале - капитан или начальник; он является лидером партии и представителем во всех случаях, не получая от этой должности никакого судебного права над остальными. Его власть очень ограничена, и никто не считает себя обязанным полностью подчиняться ему, да и сам он никогда не претендует на то, чтобы командовать ими. Только в случае необходимости защищаться от чужеземного врага он становится первым, потому что, будучи самым богатым, он больше всех страдает от нападения.

"Многоженство не противоречит их устоям, но я никогда не слышал, чтобы у кого-то было больше одной жены. От природы они добродушны, но ленивы и не проявляют большого интереса к другим; они менее хитры, чем хоттентоты, поэтому их легко обмануть в торговле с ними; и, в силу своей простоты, их легко склонить к любой цели, привлекая крепкими напитками, табаком и тому подобной роскошью".

На следующей странице приведена иллюстрация вождя коранна, одетого так, как описал Лихтенштейн. Каросс, который носил человек, с которого был снят портрет, был так обильно вымазан красной землей и жиром, что оставлял следы своего присутствия, куда бы он ни пошел, а если носящий его случайно прислонялся к чему-нибудь, то оставлял пятно, которое было нелегко удалить. На шее у него висит всепроникающий нож бечуана, а прямо перед ним - панцирь маленькой черепахи, в котором он хранил свой нюхательный табак.

Кожаная шапка у них, как и у других хоттентотов, универсальна, а поскольку мех сохраняется, ее можно надеть с некоторым вкусом, о чем можно судить по портрету. Среди кораннов распространено использование сибило, и, как и в других племенах хоттентотов, женщины так густо набивают волосы этим веществом, что кажется, будто они носят металлический колпак. Их язык полон клише, но не так густо усыпан ими, как язык хоттентотов, и за короткое время любой человек, понимающий обычный диалект хоттентотов, сможет выучить диалект кораннов.

(1.) ВОЖДЬ КОРАННА.
(См. стр. 270.)



(2.) СТРЕЛЬБА В ШТОРМ.
(См. стр. 276.)

У этих племен есть танец, очень похожий на танец босджесманов: используется барабан, сделанный из сустава алоэ, на который натянута раздетая овечья шкура. Женщины сидят на земле в кругу, вытянув руки в сторону танцора, и поют песню, очень похожую на "Айе-О" босджесманов. Танцор опирается на две палки, как на костыли, обхватывает себя руками и раскачивается вперед-назад, наклоняясь сначала к одной из женщин, потом к другой, пока не теряет равновесие и, падая, не попадает в протянутые руки той женщины, которая оказалась ближе всего к нему. Конечно, от удара она падает на землю, и как только они могут подняться на ноги, он возвращается на свое место в кругу, заменяет палки под мышками и танцует с новой силой, а она снова занимает свое место, чтобы поймать его, если он снова упадет в ее сторону.

Женщины, кстати, подвержены той необычайной конформации, о которой уже говорилось, когда речь шла о хоттентотах, и для европейского глаза их красота от этого не увеличивается, хотя туземец не видит в этом ничего примечательного. Любопытно, что такое развитие должно происходить в стране, которая производит аналогичное образование у овец, чьи тела тонки и скудны, но хвосты огромных размеров, и мало что представляют собой, кроме массы чистого жира.

Их имена, насколько можно установить, являются прозвищами, которые даются им в связи с каким-либо примечательным случаем, который мог с ними произойти, и, как следствие, меняются изо дня в день.

Мистер Моффатт, выступая в качестве миссионера, очень высокого мнения о племени коранна. Он нашел их послушными, добродушными и не только желающими, но и нетерпеливо жаждущими получить знания. Проповедуя и ухаживая за больными весь день, вечером он начал учить некоторых из младших кораннов зачаткам знаний, когда некоторые из главных мужчин услышали об этом и настояли на том, чтобы их тоже научили. Последовавшая за этим сцена была очень забавной.

"Было уже поздно, и разум, и тело были измождены, но ничто не могло их удовлетворить; я должен был научить и их. Порывшись, я нашел среди макулатуры большой лист алфавита с оторванным уголком и двумя буквами. Его положили на землю, все встали на колени в круг вокруг него, и, конечно, некоторые увидели буквы вверх ногами. Я начал указывать палочкой, и, когда я произносил одну букву, все дружно аплодировали. Когда я заметил, что, возможно, мы могли бы обойтись меньшим шумом, один ответил, что уверен: чем громче он будет реветь, тем быстрее его язык привыкнет к "семечкам", как он называет буквы.

"Когда стало уже поздно, я поднялся, чтобы распрямить спину, которая начала уставать, и тут заметил, что ко мне, пританцовывая и перепрыгивая, приближаются несколько молодых людей, которые без всяких церемоний схватили меня за руку. "О! Научите нас A B C с музыкой!" - кричали все, и у меня не было времени сказать им, что уже слишком поздно. Я обнаружил, что они сделали это открытие благодаря одному из моих мальчиков. Вскоре меня окружили дюжина или больше человек, и о сопротивлении не могло быть и речи. Волоча и подталкивая, я вошел в один из самых больших туземных домов, где сразу же собралась толпа. Мелодия "Auld Lang Syne" зазвучала на A B C, к каждому следующему кругу присоединялись все новые и новые голоса, пока каждый язык не заговорил, а лицо не озарилось искренним удовлетворением. Чем длиннее песня, тем больше свободы ощущалось, и "Auld Lang Syne" разносилась эхом по самой отдаленной части деревни. Напевы, вызывающие приятные эмоции у сыновей Севера, были не менее действенны среди детей Юга. Те, кто улегся на вечернюю дрему, полагая, что мы проводим ночную службу, пришли; ведь музыка, как говорят, очаровывает ухо дикаря. Это, безусловно, так, особенно у туземцев юга Африки, которые, как бы ни деградировали, все же сохранили ту утонченность вкуса, которая позволяет им ценить те мелодии, которые отличаются мелодичностью и мягкостью.

"После двух часов пения и пыхтения я получил разрешение, хотя и с некоторыми трудностями в согласии, а еще больше в уходе, покинуть их, теперь уже сравнительно опытных. Это было между двумя и тремя часами ночи. Измотанный душой и телом, я улегся в повозке, в шапке и ботинках, чтобы поспать несколько часов перед отъездом на следующий день. Поскольку "мюзик-холл" находился недалеко от моей подушки, шансов заснуть было немного, так как юные любители казались неутомимыми, и "A B C" под "Auld Lang Syne" продолжалась до тех пор, пока я не был готов пожелать ее в доме Джона Гроата. В конце концов компания разошлась, и, проснувшись утром после короткого отдыха, я не без удивления услышал старую мелодию в каждом уголке деревни. Служанки, доившие коров, и мальчишки, ухаживавшие за телятами, снова и снова напевали алфавит". Возможно, эта прекрасная старая мелодия войдет в мелодии коранна, как история "Джейн Эйр" заняла место среди арабских сказок.

Во время пребывания среди кораннцев мистер Моффатт наблюдал необычный случай ретентивной памяти. Он только что закончил проповедь и объяснял ее фрагменты группам слушателей, когда его внимание привлек молодой человек, выступавший перед толпой внимательных слушателей. Подойдя к месту, он с большим удивлением обнаружил, что этот молодой человек читает проповедь из вторых рук для своей аудитории и, более того, с

поразительной точностью воспроизводит не только слова речи, которую он слышал всего один раз, но даже жесты оратора. Когда ему делали комплименты по поводу его удивительных способностей к запоминанию, он ничуть не льстил, а лишь касался пальцем своего лба, говоря, что когда он слышит что-то великое, то оно там и остается. Этот замечательный юноша умер вскоре после этого, предварительно обратившись в христианство. Когда он проповедовал, то имел необычный, если не сказать гротескный вид: на нем была часть одной штанины, шапочка из шкуры, содранной с головы зебры, с прикрепленными ушами, и какое-то столь же фантастическое украшение на шее. Контраст между дикой фигурой и торжественностью предмета, который он преподавал с большой серьезностью, был очень примечательным.

Уже упоминалось, что мистер Моффатт занимался уходом за больными. Это неизменная часть обязанностей миссионера, поскольку туземцы безгранично верят в лекарственные способности всех белых людей и, естественно, считают, что те, кто пришел исцелять их души, должны знать, как лечить их тела. К счастью, их вера делает их прекрасными пациентами и сама по себе является лучшим лекарством от болезней нервного характера, которым подвержены все люди, независимо от цвета их кожи. Они страстно желают лекарств, и невозможно смешать ни одного снадобья, которое было бы для них слишком тошнотворным; на самом деле, чем более отвратительным оно является, тем выше, по их мнению, его эффективность. Однажды одна женщина пришла за лекарством для своего больного мужа, и ей дали две очень маленькие дозы, одну из которых нужно было принять на закате, а другую - в полночь. Однако она решила этот вопрос, сразу же приняв обе порции, заявив, что они принесут одинаковую пользу ее мужу, независимо от того, будет ли принимать их он или она.

Окончание слова Namaquas показывает, что это термин хоттентотов, и, следовательно, люди, носящие это имя, принадлежат к народу хоттентотов. Суффикс Qua у хоттентотов аналогичен префиксу Ama у каффирских племен и означает "мужчины". Таким образом, термины намакуа, грикуа, коракуа, гонакуа и т. д. означают, что эти племена являются ветвями народа хоттентотов. Сами намакуа, однако, предпочитают называться оэрлам, словом неопределенного происхождения.

Намаки, в отличие от кораннов, могут быть отнесены к совершенно определенной местности: их место обитания - большой участок страны на юго-западном побережье Африки, лежащий к северу от Оранжевой реки, или Гариепа, и называемый его жителями Великой землей намаков. Это дикая и странная страна - сухая, бесплодная и пересеченная, а потому с очень малочисленным населением, постоянно страдающая от недостатка воды и временами кажущаяся такой же иссушенной, как и их собственная земля. Часто случается, что в течение нескольких лет подряд в большом районе не выпадает ни одного дождя, и русла ручьев и рек пересыхают так же, как и равнины. В таких условиях туземцы охотятся за высохшими водотоками и, прорывая в их руслах глубокие колодцы, ценой огромного труда добывают скудные и ненадежные запасы воды. Иногда эти колодцы вырыты на глубине двадцати футов, и даже когда вода добывается ценой стольких трудов, она находится в сравнительно небольших количествах и очень низкого качества. Ветки деревьев укладываются в эти ямы по лестницам, и с их помощью намаки набирают воду в деревянные ведра, сначала наполняя свои собственные сосуды, а затем снабжая свой скот, выливая воду в корыто. Эта сцена всегда очень оживленная: скот, полубезумный от жажды, ревет от нетерпения, толпится вокруг корыта и отталкивает друг друга, чтобы отведать его содержимого. Похожая сцена происходит, если на марше обнаруживается водопой. Вокруг драгоценного места

выставляется сильная охрана, в основном из женщин, иначе скот непременно бросится туда в своем нетерпении выпить хоть немного воды, а остальное затопчет в непитьевую грязь.

В этой странной стране единственным источником дождя являются грозы, и, хотя местные жители боятся молний, они приветствуют отдаленные раскаты грома и с тревогой следят за их нарастающей громкостью. Эти грозы потрясающей силы, когда они проносятся над территорией страны, за несколько часов превращают сухие водотоки в стремительные потоки, и вся страна на некоторое время радуется обилию влаги. Это оказывает удивительное воздействие на растительность. Семена, которые лежали в пересохшей земле, тщетно ожидая живительной влаги, сразу же оживают, и, благодаря совместному воздействию палящего солнца и влажной земли, всходят с удивительной быстротой. Эти бури почти всегда очень частичны, они обрушиваются только на ограниченную полосу страны, так что путешественник почти в один шаг попадает из бесплодной и пересохшей страны, где нет ни травинки, ни листика травы, в зеленую зону, такую же пышную, как английский луг.

Геологическая формация в основном гранитная, и сверкающие кристаллы кварца так обильно разбросаны по поверхности, что путник, вынужденный продолжать свой путь в полдень, едва ли сможет открыть глаза, чтобы увидеть дорогу, настолько ослепительны отраженные лучи со всех сторон. Во многих местах земля пропитана селитрой, которая образует инкрустацию, похожую на соль, и крошится под ногами, так что растительность едва ли возможна, даже вблизи воды. Кажется, мало найдется населенных земель, более удручающих путешественника и вызывающих большее удивление тем, что можно найти людей, способных всю жизнь терпеть их многообразные неудобства. Тем не менее, кажется, что они по-своему счастливы, и вполне вероятно, что они не променяли бы свою сухую и бесплодную землю на самую плодородную страну в мире.

Эуфорбия лучше всего растет в ущельях, но из-за своей ядовитости мало способствует комфорту путешественника. Даже мед, который дикие пчелы откладывают в скалах, подпорчен ядом цветов эуфорбии, и если его съесть, он вызывает самые болезненные ощущения. Сначала в горле возникает ощущение, будто неосторожно проглотили кайенский перец, а жгучий жар вскоре распространяется и становится почти нестерпимым. Даже в прохладной стране внутренний жар был бы почти невыносим, а уж в таком месте, как страна намакуа, какие муки приходится испытывать, и представить трудно. Вода, кажется, только усугубляет, а не снимает боль, и симптомы проходят только по прошествии нескольких дней.

Из-за лишений, которые они постоянно вынуждены терпеть, жители, как правило, почти безнадежно невежественны и лишены воинственного духа, который отличает многие племена, населяющие юг Африки. Тем не менее, знаменитый вождь Африканер сумел сделать из намаку хороших воинов, и под его руководством они сделали его имя страшным для всей юго-западной Африки. Он перевернул обычную систему ведения войны, которая заключалась в том, чтобы затаиться за кустами и пускать друг в друга стрелы, что отнимало много времени и приносило мало вреда, и смело повел своих людей в бегство, изгоняя изумленных противников из их укрытий. Таким образом он покорил соседние племена, особенно дамаров, которые смотрели на него как на дикого зверя в человеческом обличье.

Он не только сражался с местными врагами, но и успешно противостоял голландским бурам, прибегая к хитрости, когда понимал, что не сможет добиться успеха открытой силой перед лицом такого врага. Однажды, когда голландские войска совершили набег на территорию Африканера и увели всех его коров, он преследовал их, ночью переплыл реку, настиг ничего не подозревающего врага, когда тот спал, убил нескольких из них и вернул весь свой скот

вместе с тем, что принадлежал нападавшим. Таким образом, видно, что воинский дух не отсутствует в характере намакуа, а просто дремлет из-за отсутствия того, кто мог бы его разбудить.

В прежние времена они, возможно, были воинственным народом, поскольку обладали весьма своеобразным оружием, а именно луком и стрелами, а также огромным щитом, сделанным из целой шкуры быка, сложенной по отдельности. Они также использовали ассагай, но в наши дни цивилизация проникла среди них настолько далеко, что единственным оружием, которое они используют, является пистолет, и уже много лет намакуа не видели с древним оружием своего народа.

Как и другие хоттентоты, намакуа любят носить европейскую одежду и, как обычно в таких случаях, выглядят в ней очень плохо. Мужчины просто превращаются из респектабельных дикарей в неприкаянных бродяг, и для них это не так уж и неприемлемо, но для женщин это особенно заметно из-за странной манеры раскрашивать лицо. Девушка, одетая в свой маленький кожаный фартук и украшенная мотками кожаных ремешков, может раскрашивать лицо сколько угодно, не выглядя при этом гротескно. Но ничто не может выглядеть более нелепо, чем девушка в полосатом хлопковом платье, с красным платком вокруг головы и очертаниями щек, носа и век, очерченными широкими полосами синей краски. Костюм мужчин похож на женский, *за исключением* кожаного фартука, место которого занимают концы кожаных шнурков. Намаки очень любят вышивать бисером и проявляют определенный вкус в своих узорах. Они не довольствуются покупкой стеклянных бусин в Европе, а изготавливают эти украшения сами. Способ изготовления достаточно прост. Берется смолистая камедь, тщательно увлажняется и разминается с древесным углем. Затем ее раскатывают между ладонями в длинные цилиндры, которые разрезают на мелкие кусочки и снова раскатывают до получения сферической формы. Они также очень любят сверкающие украшения из металла и обильно украшают себя местными драгоценностями из полированного железа, латуни и меди. Они также делают татуировки на коже и пользуются духами бучу.

Поскольку намакуа не привыкли напрягать свой ум ни по какому поводу, кроме тех, что непосредственно связаны с ними самими, им очень трудно вбить в голову какие-либо новые идеи. Некоторые писатели утверждают, что у многих из них нет имен, и ни один из них не имеет ни малейшего представления о своем возрасте или о счете времени по годам. В самом деле, считать вообще - это интеллектуальное упражнение, которое вызывает у них положительную боль, а человека, который знает количество своих пальцев, среди них почти не найти. Подобные заявления часто являются результатом невежества не дикарей, а их гостей, которые должны прожить среди них несколько лет и досконально изучить их язык, прежде чем они решатся на столь огульные обобщения. Мистер Моффатт, который жил среди намака и досконально знал их язык, говорит, что он никогда не знал человека, у которого не было бы имени, и что простые дети умеют считать до десяти.

О религии они, похоже, имеют лишь самое слабое представление, и можно не сомневаться, что даже их грубые и несовершенные представления об этом предмете являются искажением информации, полученной от европейцев. Суеверия у них в изобилии, некоторые из них напоминают те, которых придерживаются уже упомянутые племена.

Одним из таких странных представлений является их идея о приходе смерти в мир. Кажется, что в прежние времена, когда люди только появились, у зайца не было расщелины на губе. Луна послала зайца к новосозданным существам с таким посланием: "Как я умираю и рождаюсь вновь, так и вы умрите и родитесь вновь". Однако заяц передал послание неверно:

"Как я умираю и не рождаюсь вновь, так и вы умрете и не родитесь вновь". Луна, разгневанная непослушанием зайца, бросила в него палку, когда он убегал от ее гнева, и рассекла ему губу. С тех пор у зайца расщелина губы, и он постоянно убегает. Вследствие этой легенды намаки не едят зайца. Они испытывают такой ужас перед ним, что если человек хотя бы случайно прикоснется к огню, на котором готовили зайца, его изгонят из общины и не примут до тех пор, пока он не заплатит штраф.

Во время страшных гроз, которые иногда проходят над страной, намаки очень боятся молний и пускают отравленные стрелы в тучи, чтобы отогнать их. Это показано на странице 271. Как можно представить, это представление таит в себе немалую опасность, и один человек был убит вспышкой молнии, которую привлекла его меткая стрела. У других племен есть похожий обычай, они имеют привычку бросать камни или другие предметы в облака.

Насколько можно судить, их единственное представление о высшем существе - это тот, кто является автором смерти и причиняет боль, и, следовательно, того, кого они боятся, но не могут любить. Тем не менее, ко всем заявлениям такого рода, сделанным дикарями, следует относиться с большой осторожностью, из-за непобедимого отвращения, которое они испытывают к раскрытию любой части своей религиозной системы. Они скорее скажут все, что угодно, чем правду, и либо придумают ряд фантастических историй на скорую руку, либо скажут все, что, по их мнению, может понравиться их дознавателю. Даже если они обратятся в христианство, в них остается достаточно старой натуры, чтобы не захотеть говорить о своих прежних суевериях, и они скорее уклонятся от ответа на вопрос, чем скажут всю правду.

Будучи суеверными, они, конечно, имеют в изобилии колдунов. Помимо обычных притязаний таких людей, они утверждают, что обладают способностью к добровольному переселению, а их последователи свято верят, что могут принимать облик любого зверя, которого выберут. При этом они воображают, что их собственные колдуны или знахари разделяют эту силу с расой босжесманов. В подтверждение этого утверждения мистер Андерсон приводит следующую легенду. "Однажды некий намакуа путешествовал в компании с женщиной-бушву, которая несла на спине ребенка. Они прошли некоторое расстояние, когда показался отряд диких лошадей (зебр), и мужчина сказал женщине: "Я голоден, и поскольку я знаю, что ты можешь превратиться во льва, сделай это сейчас и поймай нам дикую лошадь, чтобы мы могли поесть". Женщина ответила: "Ты будешь бояться".

"Нет, нет, - сказал мужчина, - я боюсь умереть от голода, но не от тебя".

"Пока он говорил, на шее женщины начали появляться волосы, ногти приобрели вид когтей, а черты лица изменились. Она отпустила ребенка. Мужчина, встревоженный этой переменой, забрался на дерево неподалеку, а женщина испуганно посмотрела на него; и, отойдя в сторону, она сбросила с себя кожаный плащ, и тогда на равнину выскочил совершенный лев. Он бежал и полз среди кустов к диким лошадям и, набросившись на одну из них, упал, а лев слизнул его кровь. Затем лев вернулся к тому месту, где плакал ребенок, и мужчина позвал с дерева: "Хватит, хватит! Не делай мне больно. Сними с себя львиный облик. Я никогда больше не попрошу, чтобы меня увидели". Лев посмотрел на него и зарычал. "Я останусь здесь до самой смерти!" - воскликнул мужчина, - "если ты снова не станешь женщиной". Грива и хвост стали исчезать, лев пошел к кусту, где лежал кожаный платок, надел его, и женщина в своем облике взяла ребенка на руки. Мужчина спустился вниз, отведал плоти лошади, но больше никогда не просил женщину ловить для него дичь".

Их представления о двух главных светилах довольно изменчивы, хотя между ними, безусловно, есть связь. Согласно одной из них, солнце было сделано людьми, живущими в

море, которые каждую ночь разрезали его на части, обжаривали фрагменты, снова собирали их вместе и отправляли в новое путешествие по небу. Другая история, рассказанная мистеру Андерсону, гласит, что солнце - это огромный комок чистого жира, и что, когда оно опускается под волны, его захватывает вождь корабля белого человека, который отрезает от него кусок, а затем дает ему пинок , который снова подбрасывает его в небо. Очевидно, что эта история в любом случае претерпела некоторые изменения в последнее время.

Что касается поклонения, то намаки, похоже, не имеют о нем никакого представления. Они очень боятся злого духа, но не имеют представления о добром духе, а значит, не имеют и поклонения. О похвале они не имеют ни малейшего представления. Они настолько далеки от чувства благодарности к высшему существу, что в их языке нет ни слова, ни фразы, с помощью которых они могли бы выразить свою признательность своим собратьям. Некоторые путешественники, жившие среди них, говорят, что они не только не выражают, но и не чувствуют ни благодарности, ни доброты, и что, хотя они и притворяются друзьями начальника, чтобы получить от него все, что могут, они покидают его, как только он не может дать больше, и высмеивают его за его легковерие. Короче говоря, "они обладают всеми пороками дикарей и ни одним из их благородных качеств". Это, однако, кажется слишком огульным утверждением, тем более что его опровергают другие люди с таким же опытом, и поэтому мы можем считать, что в своем диком состоянии намакский готтентот ни хуже, ни лучше, чем все дикари, и что от него нельзя ожидать более высоких чувств, пока они не будут привиты ему контактом с высшей расой.

Вызыванием дождя занимаются колдуны намакуа, а также пророки племен кафиров, и весь процесс очень похож, а вся его эффективность зависит от размера вознаграждения, которое получает оператор. Эти люди также практикуют искусство врачевания и действительно проявляют немалую изобретательность. У них есть теория, и, подобно теоретикам вообще, они заставляют свою практику подчиняться своей теории, которая заключается в том, что болезнь проникла в пациента в облике какой-то маленькой рептилии и должна быть изгнана. Они кажутся ловкими фокусниками, поскольку выполняют задачу экзорцизма с такой изобретательностью, что обманывают не только легковерных, но и более зорких европейцев.

Свидетелем одного из таких представлений стал голландец, который полностью поверил, что операция была настоящей. Как только прибыл врач, была убита овца, сухожилия спины свернули и сделали из них что-то вроде таблетки, которую и дали пациенту, а остальное животное стало платой врача. Таинственную пилюлю оставляли на день или два, чтобы болезнь приняла видимую форму и ее можно было удалить на глазах у зрителей. Когда врач возвращался, он торжественно прорезал в животе пациента несколько маленьких отверстий, из которых появлялась сначала маленькая змея, потом ящерица, а затем целая серия более мелких существ. Как это принято у кафиров, чем богаче пациент, тем крупнее животное, необходимое для изготовления священной пилюли. Если это человек, не имеющий особого значения, то коза или овца сработает как талисман, в то время как, если он окажется вождем, ни одна болезнь не соблаговолит принять телесную форму, если ее не спровоцирует бык или корова.

У знахарей есть и другая теория болезни, а именно, что большая змея пустила в страдальца невидимую стрелу. Разумеется, лечить этот недуг нужно аналогичным образом. Читатель, возможно, вспомнит очень похожее суеверие, которое когда-то преобладало в Англии, а именно, что в скот иногда стреляли стрелами фей, которые приходилось извлекать силой контрчарм. Однако великой панацеей от болезней является некий талисман, для изготовления которого требуется несколько лет, и который имеет свойство становиться все более сильным с каждым годом. Когда человек посвящается в тайны этого искусства, ему

надевают шапочку, которую он носит постоянно. Со временем она пропитывается жиром и приходит в ужасно грязное состояние. До этого момента считается, что она обладает целебными свойствами; но когда она находится в таком состоянии, что никто из людей с обычным чувством чистоты не может к ней прикоснуться, предполагается, что скрытые добродетели проявляются. Средство применяют, промывая небольшую часть шапки и давая пациенту выпить воду. Один из вождей по имени Амрал заверил мистера Андерсона, что у него есть подобный колпачок, который абсолютно непогрешим, он не будет использовать его, пока все другие средства не окажутся безрезультатными, но, когда он это сделает, излечение будет несомненным.

Намаки очень верят в амулеты и талисманы различных видов, самый странный из которых довольно любопытен. Когда умирает вождь, в жертву приносят скот, чтобы устроить большой пир. Один из сыновей умершего сменяет отца на посту вождя, и в знак признания его нового звания ему приносят жир и другие отборные куски, как это было при жизни его отца. Молодой вождь кладет жир себе на голову и остается там до тех пор, пока жир не вытопится из него под воздействием солнечных лучей, и останется только оболочка, сухая и сморщенная. Считается, что это сильный талисман, и его очень ценят. Читатель обратит внимание на тот факт, что в сознании намаки, похоже, существует определенная связь между головой и способностью очаровывать.

На могилы вождей намаки имеют обыкновение бросать камни, причем каждый бросает по одному камню, когда проходит мимо. Зачем они это делают, они либо не могут, либо не хотят рассказывать - скорее всего, последнее; но со временем куча достигает значительных размеров. Это единственное суеверие, которое хоть как-то указывает на их веру в будущую жизнь, поскольку у них есть некое смутное представление о невидимом, но могущественном существе, , которое они называют Хайтджибиб или Хайтджекобиб и которое, по их мнению, способно даровать или отказать в процветании. Хотя он и является духом, они локализуют его в гробницах, и бросание камней, вероятно, имеет какое-то отношение к нему.

Как и у других диких народов, у них есть определенные церемонии, когда их молодые люди достигают зрелости, и в это время юношу наставляют в заповедях, которые должны управлять его жизнью в будущем. Они носят скорее негативный, чем позитивный характер, и два очень важных предписания гласят, что он никогда не должен есть зайца и не должен сосать коз. Последнее предписание требует небольшого пояснения. Пока у намаки есть дети, они привыкли приходить к самкам коз, отгонять малышей и занимать их место. Это, однако, считается по сути детским занятием, которое должно быть навсегда оставлено, когда мальчик стремится попасть в число мужчин.

Насколько известно, брачных церемоний у намакуа-хоттентотов немного, если они вообще существуют. Когда мужчина хочет жениться на конкретной женщине, он идет к ее родителям и просто требует ее. Если требование удовлетворяется, у дверей дома невесты убивают быка, после чего она отправляется домой к своему новому мужу. Полигамия у этого народа разрешена, и, как и в других странах, имеет как свои недостатки, так и преимущества. В стране, где весь ручной труд выполняется женщинами, такое положение вещей необходимо: каждая женщина является своего рода домашней прислугой и ни в коем случае не равной спутницей мужчины. Его недостатки можно выразить словом "ревность" - это тот недостаток, которому очень подвержены женщины намакуа и который обычно выливается в удары. Если мужчина устает от своей жены, ему не нужен суд для развода, он просто разрубает супружеский узел, отправляя женщину обратно в ее семью. У нее нет никаких средств правовой защиты; и как бы она и ее родители ни возражали против этой процедуры, они не могут ее запретить.

В мирных искусствах у них есть определенный навык, особенно в дрессировке волов. Это сложный процесс, и управлять им нужно с большой осторожностью. Сначала молодое животное побуждают войти в петлю веревки, разложенной на земле, и, как только оно это сделает, несколько мужчин хватают другой конец веревки и, несмотря на все его попытки, крепко держат животное. Иногда разъяренное животное бросается на них, и тогда они отпускают веревку и разбегаются во все стороны, чтобы снова схватить животное, когда его ярость иссякнет. Тогда на рога животного накидывают другую веревку, и, резко дергая за нее и за хвост, одновременно отталкиваясь ногой от земли, дрессировщики заставляют животное упасть. Затем его голову прижимают к земле, а в ноздри втыкают острую палку, к каждому концу которой прикрепляют жесткий кожаный шнурок, служащий уздечкой.

Чем больше вол сопротивляется и борется, тем более послушным он становится впоследствии и тем больше ценится, в то время как угрюмый вол, особенно если он ложится и отказывается подниматься, никогда не будет полезен. Затем на его спину прикрепляют груз, тщательно отмеренный, начиная с простой шкуры или пустого мешка и заканчивая полной ношей, которую должен нести вол. Веревка из шкуры, которой привязывают груз к спине вола, часто имеет длину сто пятьдесят футов и, соответственно, проходит вокруг тела животного.

Главная трудность заключается в том, чтобы обучить вола, который будет выступать в роли вожака. По своей природе вол - стадное животное, и когда он находится в компании своих собратьев, он никогда не любит идти на какое-либо расстояние, если рядом нет вожака, за которым он может следовать. В естественных условиях вожаком был бы самый сильный бык, но в неволе оказывается, что все они очень похожи по силе, а их боевые качества слишком подавлены, чтобы позволить какому-либо животному бороться за лидерство. Очень немногие быки обладают качествами, которые позволяют им быть обученными в качестве вожаков, но намаки, которые обладают отличным глазомером для определения главных достоинств быка, всегда выбирают для этой цели животных самого легкого телосложения и наиболее энергичного вида, чтобы они могли держать своих последователей в бодром темпе во время марша. Их активность естественным образом побуждает их идти впереди своих товарищей, так что намаки просто помогают природе, выбирая таких животных в качестве вожаков.

В стране намакуа распространена ужасная практика отказа от пожилых людей. Вокруг несчастной жертвы столь жестокого обычая возводится небольшая ограда, после чего ее бросают, снабдив небольшим количеством еды, огня и воды, которые призваны сыграть роль хлеба и воды, положенных в могилу провинившейся весталки. Путешественники по этой стране иногда натыкаются на остатки небольшой ограды, внутри которой лежат куча пепла, остатки сосуда с водой и груда побелевших костей, и они знают, что это память о старом намакуа, который был оставлен умирать от голода и жажды. Такие люди должны быть очень старыми, чтобы умереть такой смертью, ведь некоторые из них дожили до девяноста лет, а время от времени встречаются и столетние.

Вряд ли можно поверить, хотя это и правда, что намаки настолько привыкли к этому обычаю отцеубийства, что смотрят на него с безразличием. Они не ожидают другой участи, если им самим случится дожить до старости, чтобы стать обузой для своего народа, и самое странное - это молчаливое согласие , с которым те, кого покидают, смиряются со своей участью. Мистер Моффатт упоминает случай, когда старая женщина, которую он нашел в самом жалком состоянии страданий, отказалась, чтобы он взял ее на руки и накормил. По ее словам, таков был обычай племени; она уже была почти мертва и не хотела умирать дважды.

Их развлечения настолько похожи на те, что уже упоминались, что нет необходимости описывать их отдельно. Что касается работы, то мужчины почти ничего не делают, предпочитая целыми днями валяться на солнце, и скорее будут сидеть полумертвые от голода и жажды, чем пойдут искать еду и воду. У них есть странная манера сравнивать человека, который работает, с червями в земле, и это сравнение считается достаточной причиной, чтобы человек не работал.

Среди намака преобладает один очень любопытный обычай. Те, кто приезжает к ним в гости, должны усыновить отца и мать, и предполагается, что у новоиспеченных родственников будет общее имущество. Вероятно, это туземная практика, но намаки без колебаний распространяют ее на европейцев, считая, что в таких случаях общность имущества становится довольно выгодной спекуляцией.

ГЛАВА XXVIII.
БЕЧУАНЫ.

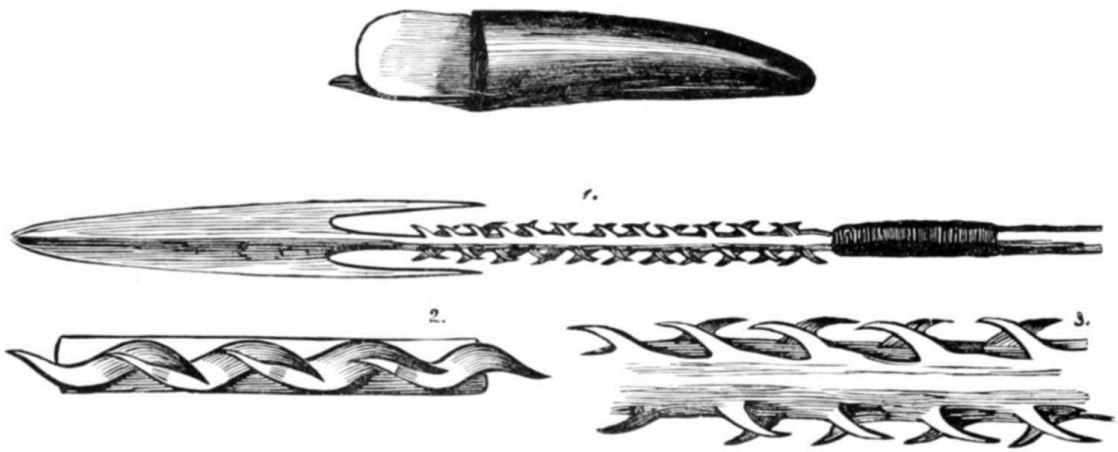
ИХ НАЗВАНИЕ И ЯЗЫК - ИХ ОДЕЖДА - МАСТЕРСТВО В МИРНЫХ ИСКУССТВАХ - НОЖ БЕЧУАНА - МАСТЕРСТВО РЕЗЬБЫ - АССАГАЙ БЕЧУАНА, ИЛИ "КОВЕХ" - ХИТРОУМНЫЕ МЕХИ - МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ФАРТУК - ОДЕЖДА ЖЕНЩИН И ИХ ПРИСТРАСТИЕ К МЕТАЛЛИЧЕСКИМ УКРАШЕНИЯМ - ХАРАКТЕР БЕЧУАНОВ - ИХ СКЛОННОСТЬ КО ЛЖИ И ВОРОВСТВУ - ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ К ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ - ИСКУПИТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА БЕЧУАНОВ - СПОСОБ ПРАВЛЕНИЯ - ТУЗЕМНЫЙ ПАРЛАМЕНТ - М-Р. МОФФАТ РАССКАЗЫВАЕТ О ДЕБАТАХ - ОБЫЧАИ ПОСЛЕ БИТВЫ - ОРДЕН ШРАМА И СПОСОБ ЕГО ВРУЧЕНИЯ - РАЗОЧАРОВАННЫЙ ВОИН - НЕПРИЯТНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ - СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ - БОЕВОЙ ТОПОР БЕЧУАНОВ.

Теперь мы оставим расу хоттентотов и бросим мимолетный взгляд на внешний вид нескольких других племен. Главным среди них является очень большое племя под названием бечуана, которое включает в себя значительное количество подплемен. Как имена хоттентотов распознаются по аффиксу куа, так и бечуаны - по префиксу ба. Таким образом, баквайны, баролонги, батлапис и бахуроци - все они принадлежат к большому племени бечуана. Довольно любопытно, что в этом языке приставки используются там, где можно было бы ожидать суффиксов или даже отдельных слов. Так, мужчина говорит о себе как о мочуане*, то есть* человеке из племени чуана; племя называется бечуана*, то есть* люди из племени чуана, и говорят они на сичуане, *то есть* на языке чуана. Почти каждый слог заканчивается гласной, что придает языку мягкость произношения, которую трудно ожидать в такой стране. Любовь к благозвучию у племен бечуана заставляет их безразлично относиться к замене одной буквы на другую, если таким образом можно добиться большей мягкости произношения.

По внешнему виду это прекрасная раса людей, в некоторых отношениях похожая на кафиров, с которыми у них много общих обычаев. Их одежда ничем не примечательна, за исключением того, что они, пожалуй, лучшие выделыватели шкур, которых можно найти в Африке: податливость кожи и аккуратность шитья не имеют себе равных. Они хорошо обрабатывают металл и снабжают многие окрестные племена как украшениями, так и оружием.

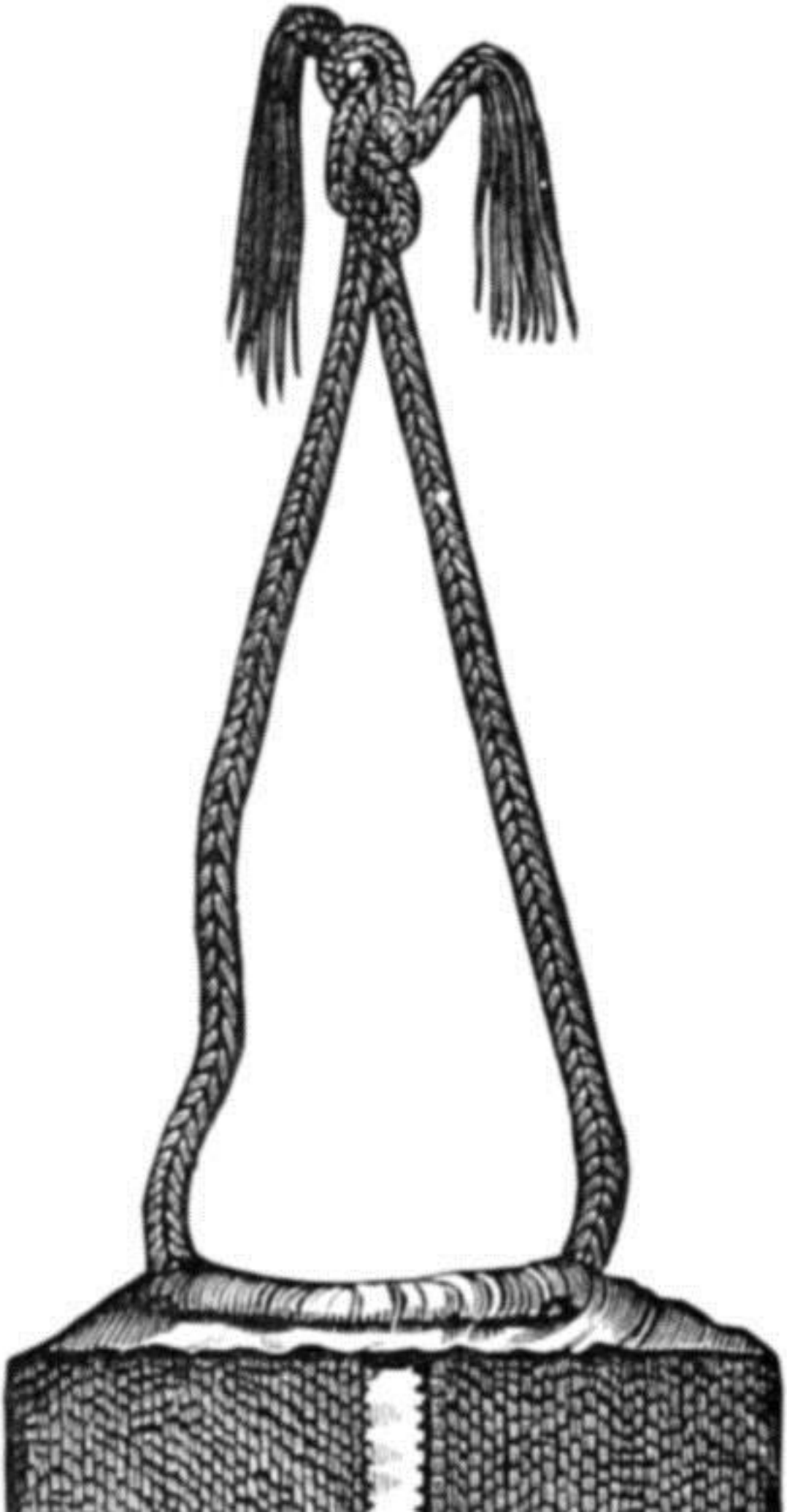
Пожалуй, нож бечуанов - самый распространенный из всех орудий, изготовленных этим изобретательным племенем. Общая форма этого ножа видна из двух рисунков на гравюре № 2 напротив, один из которых взят с экземпляра из моей собственной коллекции. Его длина составляет десять дюймов, включая рукоять, а обоюдоострое лезвие почти плоское, немного толще посередине, чем по краям. По сути, это просто наконечник копья, вставленный в рукоять. Ножны сделаны из двух кусков дерева, выдолбленных ровно настолько, чтобы плотно вместить клинок, и крепко скрепленных между собой сухожилиями. С одной стороны ножен из цельного дерева вырезается своеобразная петля, через которую владелец может пропустить веревку, с помощью которой он подвешивает ножны к шее.

Обычные формы - это просто рукоять, ножны и клинок, без каких-либо украшений, но изобретательный кузнец часто добавляет значительное количество декора. Один из любимых способов - сделать рукоять из слоновой кости и вырезать на ней изображение какого-нибудь животного. Мой собственный экземпляр изображает гиену, и, несмотря на грубость скульптуры, ни один натуралист не сможет перепутать животное, для которого она предназначена. Рукоятка часто вырезана в форме бегемота или жирафа, и во всех случаях характер животного точно передан местным резчиком. Вдоль ножен обычно располагается какой-либо рисунок, и во многих случаях он действительно носит художественный характер, достойный переноса на европейское оружие. Вдоль противоположной стороны ножен проходит кожаный ремешок, который крепится теми же сухожилиями, что связывают две половины ножен вместе. Этим своеобразным ножом пользуются все племена хоттентотов и босджесманов, а также многие другие жители юга Африки. Они всегда подвешивают его к шее и используют для различных целей, главной из которых является разделка мяса, когда им посчастливилось его добыть.



(1.) НОЖ И ГОЛОВКИ АССАГАЕВ.
(См. стр. 283.)

(2.) НОЖИ БЕЧУАНА. (см. стр. 280.)



(3.) АПРОН.
(См. стр. 283.)

(4.) Орнаменты из обезьяньих зубов (см. стр. 284).

Однако резная работа по ножу, ножнам и рукоятке выполняется не на таком ноже, а на том, у которого очень короткое лезвие и довольно длинная рукоятка. Один из таких ножей показан на иллюстрации № 1 на стр. 281, а рукоятка в данном случае сделана из конца рога антилопы. Этим простым инструментом вырезаются различные узоры, которыми бечуаны так любят украшать свои миски, ложки и другие предметы повседневного обихода, на нем же вырезаются жирафы, гиены и другие животные, которые служат рукоятками для их ножей-кинжалов и ручками для ложек.

Иногда чаши ложек покрыты снаружи резными узорами необычайно художественного характера, некоторые из них напоминают орнаменты на старых этрусских вазах. Узор можно получить, обуглив либо ровную поверхность, либо вырезанный узор, так что в одном случае узор получается белым на черном фоне, а иногда *наоборот*. Узор обычно представляет собой модификацию зигзага, но есть много примеров, когда используются изогнутые линии без единого угла, и когда кривые прорисованы с одинаковой правдой и свободой.

Одним из лучших образцов искусства бечуанов является вид ассагаев, которые они куют и которые в равной степени заслуживают похвалы за изобретательность и порицания за отвратительную жестокость. Две формы этого страшного оружия приведены на рис. 1 и 2 на одной гравюре. На верхнем рисунке изображена вся головка ассагая и часть древка, а на другом - колючки в увеличенном масштабе. При внимательном рассмотрении одного из этих видов оружия видно, что шейка ассагая сначала была выкована квадратной, а затем двойные зазубрины были сделаны путем диагональной резки металла и закручивания полученных таким образом зазубрин. Это хорошо видно на примере верхнего ассагая, и еще лучше видно на увеличенном рисунке того же оружия. Но другой вариант отличается особой изобретательностью и демонстрирует такое мастерство металлургов, которое вряд ли можно было ожидать от диких народов.

Эти ассагаи имеют любопытное сходство с некоторыми стрелами, которые изготавливаются в Центральной Африке. Действительно, сходство настолько велико, что стрела, если ее увеличить, может прекрасно служить в качестве ассагаи. Это сходство - неизвестное мистеру Бурчеллу - подтверждает его идею о том, что искусство изготовления этого оружия пришло от более северных племен.

Применение этого ужасного оружия, конечно же, приводит к верной смерти, поскольку ассагай невозможно ни вытащить из раны, ни удалить, проткнув ее насквозь, как это делается с другими колючими орудиями. Однако, поскольку в этом случае неизбежна временная потеря оружия, туземцы не используют его, кроме как в особых случаях. Туземцы называют его "ковех", а в народе - "ассагай пыток". Как правило, его вставляют в горло жертве - обычно захваченному вождю, - которую затем оставляют на верную гибель.

Мехи, используемые кузнецами бечуанов, отличаются необычайной изобретательностью. Во всех кожаных мехи, используемых туземцами Южной Африки, есть один коренной недостаток, а именно отсутствие клапана. Вследствие этого мехи не могут работать быстро, так как они затягивают огонь или, во всяком случае, засасывают нагретый воздух внутрь и тем самым разрушают кожу, из которой они сделаны. Бечуана, однако, старается избежать этой трудности. Обычный способ изготовления сильфона заключается в том, что с козла

снимают шкуру, затем сшивают ее так, чтобы получился мешок, вставляют в одну из ног трубу - обычно роговую - и используют ее, поочередно надувая и сжимая мешок.

Подобные сильфоны можно увидеть на иллюстрации № 2 на странице 97.

Однако кузнец Бечуана не использует закрытый мешок, а полностью разрезает его с одной стороны, и по обе стороны от прорези прикрепляет прямую палку. Очевидно, что, разделив эти палочки, он может впустить воздух в мешок, не втягивая огонь в трубку, а когда он хочет выпустить воздух, ему нужно только сжать палочки вместе. Этот изобретательный суккедан для клапана позволяет кузнецу работать с мехи так быстро, как только могут двигать его руки, и, как следствие, он может производить гораздо более сильный жар, чем можно получить при использовании обычного плана.

На 281-й странице читатель может найти гравюру, иллюстрирующую мастерство, с которым они могут работать с металлами. Это женский фартук площадью около фута квадратного размера, сделанный из куска кожи, полностью покрытого бисером. Но вместо обычных стеклянных бусин мастер предпочел металлические. Большая часть фартука состоит из железных бусин, но те, что создают узор, сделаны из латуни, и во время ношения владелица гордилась тем, что латунные бусины отполированы до блеска. По форме и общему принципу строения этот фартук очень похож на тот, что изображен в разделе "Предметы костюма", на странице 33, рис. 2. Этот образец находится в коллекции полковника Лейна Фокса.

В той же коллекции находится украшение, гениально сделанное из трофеев убитых обезьян. Часть верхней челюсти, содержащая резцовые и клыковые зубы, была отрезана, очищена и высушена. Затем целый ряд этих челюстей пришивается к полоске кожи, каждая из которых накладывается на предыдущую, чтобы получилась непрерывная полоса сверкающих белых зубов.

Что касается одежды, то бечуаны, как правило, используют больше покрывал, чем многие из окружающих племен. Женщины особенно часто носят несколько фартуков. Первый из них сделан из ремешков, как у кафиров, а поверх него обычно надевается один из кожи. По мере того как она может себе это позволить, она добавляет другие, но всегда старается, чтобы внешний фартук был украшен бисером или другими украшениями.

Однако эта серия фартуков - все, что бечуанская женщина считает необходимым в одежде: кароcс используется лишь для защиты от непогоды, а не для того, чтобы прикрыть тело для деликатности. По фигуре они не столь привлекательны, как многие из окружающих племен, обычно они невысокие, крепкие и неуклюжие, и этот последний недостаток становится еще более заметным из-за большого количества бус, которые они тяжелыми мотками навешивают на талию и шею, и множества металлических колец, которыми они обвешивают руки и лодыжки. Они даже максимально утяжеляют свои волосы, вытягивая их в ряд маленьких завитушек и так обильно смазывая их жиром и сибилосом, что на расстоянии нескольких ярдов кажется, будто их головы покрыты шапочкой, состоящей из металлических бирок, а на большем расстоянии - будто на них надеты полосы из полированной стали.

Обильное намазывание жиром и красной охрой они считают вершиной модного туалета, а мытье тела - отвратительным обычаем. Женщины в племени курят, мужчины предпочитают нюхательный табак и скорее презирают трубку как женский инструмент.

Бечуаны вряд ли могут служить примером хорошего морального облика. Никто из тех, кто их знает, не верит ни одному их слову, и они крадут все, что могут унести. Они необычайно искусные воры, и привычка воровать настолько укоренилась в их натуре, что если человека

застают за этим занятием, он не испытывает ни малейшего стыда, а скорее винит себя в том, что был настолько неумел, что его вычислили. Мелкие предметы они воруют самым изобретательным образом. Если вещь висит, они придумывают небрежное обращение с ней и позволяют ей упасть на землю, а затем приступают к активным действиям. Стоя рядом с желанным предметом и стараясь выглядеть так, будто не знают о его существовании, они незаметно процарапывают одной из своих ног ямку в песке, заталкивают в нее желанный предмет, снова засыпают его песком и выравнивают поверхность так, чтобы не осталось и следа от того, что земля была потревожена.

Они воруют товары друг друга при любой возможности, но очень рады возможности применить свое искусство на белом человеке, чье имущество наверняка стоит украсть. Поэтому путешественнику в их стране приходится нелегко, ведь он знает, что нет ни одной вещи, которая не исчезнет, если он оставит ее на несколько минут без охраны. Действительно, как хорошо замечает мистер Бейнс, в теле бечуанов нет ни одного честного нерва или волокна; от корня языка до кончиков пальцев ног каждый мускул тщательно натренирован в искусстве воровства. Если они просто сидят рядом с предметом умеренного размера, то, когда они отходят, он перемещается вместе с ними, причем так, как не может себе представить ни один носитель брюк. Даже мистер Моффатт, который обладал необыкновенной способностью обнаруживать хорошие качества, остававшиеся скрытыми и незамеченными, пишет в очень убедительных выражениях о полной нечестности бечуанов: "Иногда по ночам или, скорее, по утрам

"Иногда ночью или, скорее, утром нам приходилось регистрировать кражи, совершенные в течение двадцати четырех часов в наших домах, кузнице, саду и среди нашего скота в поле. Не раз они загоняли скот в болото или трясину, в поздний час сообщая нам о происшествии, как они его называли; и, поскольку было слишком темно, чтобы оказать помощь, один или несколько человек становились жертвами гиен или голодных туземцев. Однажды ночью они вошли в наш скотный двор, убили одного из наших лучших тягловых волов и унесли его целиком, за исключением одного плеча. Из-за нехватки зерна и овощей мы были вынуждены употреблять много мяса; овец нам приходилось покупать на расстоянии, и мы были бы очень благодарны, если бы из двадцати овец нам удалось заполучить для себя большую половину. Они ломали ноги, отрезали хвосты, а чаще уносили всю тушу.

"Инструменты, такие как пилы, топоры и адзы, были потеряны, так как мы не могли заменить их в то время, когда не было никакого сообщения с колонией. Некоторые из украденных нами инструментов и утвари, обнаружив, что металл не соответствует их ожиданиям, они приносили обратно побитыми и предлагали их в обмен на какой-нибудь другой ценный предмет. Ножи всегда были желанными; наши металлические ложки они переплавляли, а когда нам поставляли железные с покрытием, которые они находили не такими податливыми, то считали их заколдованными. Очень часто, работая вдали от дома, если не было никого, кому он мог бы довериться, миссионер был вынужден нести их всех туда, куда он ходил за водой, прекрасно понимая, что если их оставить, то они взлетят на крыло прежде, чем он сможет вернуться".

"Однажды произошло следующее смехотворное обстоятельство, о котором рассказал писателю один туземец в наглядном стиле. Двум мужчинам удалось украсть железный котел. Только что сняв его с огня, он был довольно теплым, чтобы удобно было перемахнуть через забор, и при этом упал на камень и раскололся. "Это железо", - сказали они и отправились с добычей, решив сделать из нее лучшее, то есть, если она не подойдет для приготовления пищи, превратить ее в ножи и копья. По прошествии некоторого времени, когда шум и крики по поводу пропавшего горшка почти утихли, его принесли к местному кузнецу, который на

всякий случай запасся древесным углем. Горшок разбили, чтобы удобнее было держать щипцами, которые обычно делают из коры дерева. Туземец Вулкан, не знакомый с чугуном, с помощью своих маленьких мехов, по одному в каждой руке, создал хороший жар, взял кусок из огня. К его полному изумлению, он разлетелся на куски при первом же ударе его маленького молотка. Под действием огня, а затем и молота, разлетелся на куски еще один и еще кусок, но не более успешно. И вор, и кузнец, глядя расширенными глазами на осколки железа, разбросанные по каменной наковальне, заявили, что горшок заколдован, и пришли к выводу, что воровство горшков - плохая спекуляция".

Воровским наклонностям этих людей не было конца. Они заглядывали в грубую хижину, служившую церковью, чтобы посмотреть, кто читает проповедь, а затем отправлялись в дом проповедника и грабили его по своему усмотрению. Когда миссионеры, затратив много труда, проложили ряд оросительных каналов для полива садов, женщины хитростью срезали берега каналов и отводили воду. Они даже разрушали плотину, отводящую воду от реки, только для того, чтобы лишить кого-то чего-то; а когда, несмотря на все их недостатки, удавалось вырастить немного овощей, урожай воровали, хотя за ним постоянно следили. Известно, что эти опытные воры даже крали мясо из кастрюли, в которой оно варилось, и имели наглость подменить похищенное мясо камнем. Один путешественник обнаружил, что бечуаны постоянно грабят всех его последователей, и в конце концов перестал пытаться вычислить воров, а вместо этого пригрозил наказать любого, кто позволит украсть у него какую-либо вещь. Они не щадят даже своего вождя и грабят его с таким же бескомпромиссным спокойствием, как если бы он был иностранцем.

Доктор Лихтенштейн, который, безусловно, был лучшего мнения о бечуанах, чем они того заслуживают, однажды был обманут ими весьма изобретательным образом. Он купил три кольца из слоновой кости и немного табака, но когда он покинул это место, то обнаружил, что одно и то же кольцо было продано ему три раза подряд: туземцы, стоявшие за ним, обчистили его карман с ловкостью лондонского вора, а затем передали кольцо своим товарищам, чтобы те снова выставили его на продажу.

В целом характер бечуанов не кажется приятным, и даже миссионеры, которые побывали среди них и, естественно, склонны смотреть на дикие стада с лучшей стороны, мало что могут сказать в их пользу и много - против. Они, похоже, так же бессердечны к немощным и престарелым, как и намаки, и если кто-то из них болен или ранен, так что не может сам себя обслуживать, его выносят за пределы лагеря и оставляют там, пока он не выздоровеет или не умрет. Для него строят маленькую и хлипкую хижину, ежедневно дают порцию еды, а вечером разводят костер и кладут рядом топливо, чтобы его можно было поддерживать. Однажды сын одного из вождей был ранен бизоном, и, согласно древнему обычаю, его вынесли из лагеря. Случилось так, что костер погас, и в результате ночью пришел лев и унес раненого. Когда-то считалось, что этот жестокий обычай возник из-за страха заразиться, но это явно не так, поскольку людей, страдающих инфекционными заболеваниями, не беспокоят до тех пор, пока они могут себе помочь. Возможно, истинной причиной этого является суеверие.

Они мало заботятся о человеческой жизни, особенно о женской, и муж может убить свою жену, если захочет, не обращая на это особого внимания. Один путешественник рассказывает, что муж рассердился на жену из-за какого-то пустяка, схватил свой ассагай и убил ее на месте. Тело вытащили за пятки и бросили в кусты, чтобы его сожрали гиены, и на этом все закончилось. Путешественник, ужаснувшись такому поступку, обратился к вождю с заявлением, но за свои переживания был лишь осмеян: вождь решил, что шокировать кого-либо столь обычным происшествием - это очень хорошая шутка.

И все же у бечуанов есть свои положительные качества. Они не ссорятся, и Берчелл отмечает, что за все время, проведенное среди них, он ни разу не видел открытой ссоры двух мужчин или какого-либо публичного нарушения приличий. Они настойчивы и трудолюбивы в мирных искусствах и, как уже было замечено, учатся работать с железом и резать по дереву с мастерством, которого можно достичь только долгой и тщательной практикой. Они более привязаны к земле, чем многие соседние племена, тщательно ее возделывают и в этом искусстве значительно превосходят кафиров. Их дома также отличаются продуманной конструкцией и построены с тщательностью и основательностью, которые показывают, что жители не кочевники, а живут на одном месте.

Правление бечуанов в основном монархическое, но не совсем деспотическое. В большинстве вопросов король поступает по-своему, но его вожди всегда могут оказать ему давление, созвав парламент, или "пичо", как его еще называют. Пичо представляет собой поистине дикое и живописное зрелище. Художник проиллюстрировал это на странице 287. Воины в полном боевом облачении рассаживаются в круг, в центре которого стоит кресло короля. Различные ораторы по очереди обращаются к собранию и говорят с величайшей свободой, не щадя даже самого короля, но публично порицая его за любые недостатки, реальные или надуманные, и иногда добиваясь своего. Что касается самого короля, то он обычно открывает заседание парламента несколькими фразами, а затем молчит до тех пор, пока не будут произнесены все речи. Затем он отвечает на те, что были произнесены против него, и приходит в сильное возбуждение, прыгая по кольцу, размахивая копьем и щитом и доводя себя почти до бешенства. Это обычная процедура среди дикарей, и чем более возбужден человек, тем лучше он, как предполагается, будет говорить впоследствии.

Выдержка из рассказа мистера Моффатта о пичо даст хорошее представление об этой процедуре: "Хотя все это представляет собой очень гротескную сцену, дела ведутся в самом совершенном порядке. Не слышно ни приветствий, ни шипения, но каждый оратор бесстрашно излагает свои мысли. Зрители сидят на земле (как показано на гравюре), каждый держит перед собой щит, к которому прикреплено несколько копий. На плече висит колчан с отравленными стрелами, а в правой руке - боевой топор. Многие были украшены тигровыми шкурами и хвостами, а на головах развевались перья. В центре было оставлено достаточно места для привилегированных - тех, кто убил врага в бою, - чтобы танцевать и петь, при этом они демонстрировали самые бурные и фантастические жесты, какие только можно себе представить, вызывая у зрителей самые бурные аплодисменты.

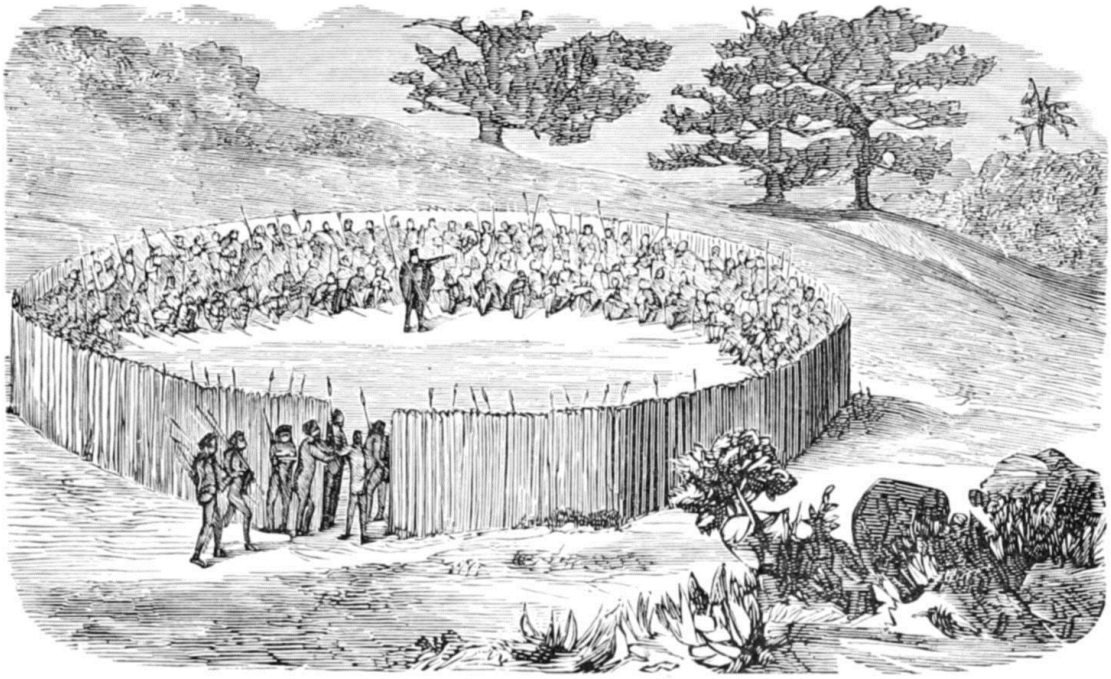
"Когда они расходятся по своим местам, оратор приказывает молчать. Молчите, батлапи, молчите, баролонги", - обращаясь к каждому племени в отдельности, не исключая и белых людей, если таковые случайно присутствуют, на что все отвечают стоном. Затем он берет со своего щита копье и направляет его в ту сторону, куда движется враг, произнося проклятия в его адрес, и таким образом объявляет войну, несколько раз ударяя копьем в этом направлении, как бы погружая его во врага. Это вызывает громкий свист и аплодисменты. Затем он направляет копье в сторону страны бушменов, на юг и юго-запад, также проклиная этих "пожирателей быков", как их называют.

"Король, как и во всех подобных случаях, начал разговор о делах дня словами: "Вы, сыновья Молчабанка", - обращаясь ко всем присутствующим влиятельным людям как к друзьям или союзникам своего королевства, которое достигло большего, чем прежде, расцвета во времена правления этого монарха, его отца, - "Мантатеи - сильный и победоносный народ; они одолели многие народы и приближаются, чтобы уничтожить нас. Нас ознакомили с их нравами, поступками, оружием и намерениями. Мы не можем противостоять мантатеям; теперь мы должны договориться, сделать выводы и быть решительными. Дело великое.....

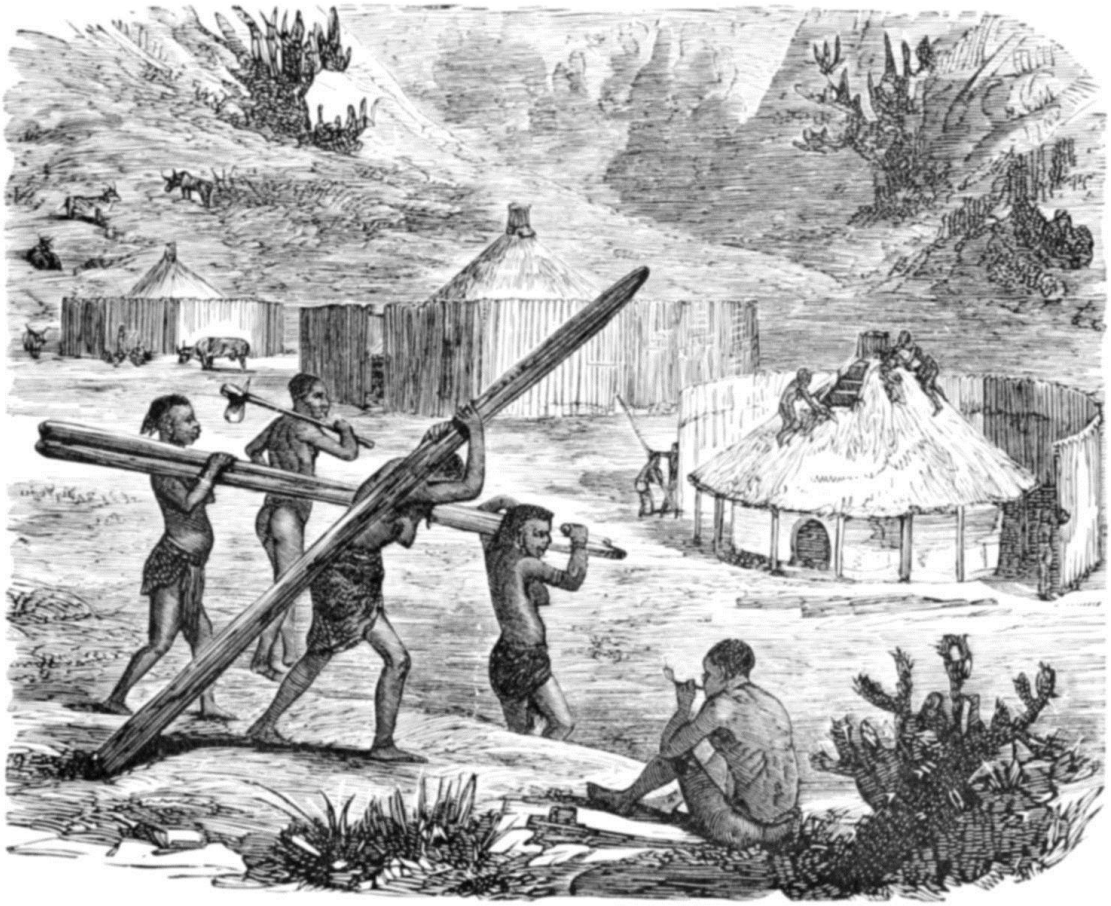
Теперь я жду, чтобы узнать общее мнение. Пусть каждый выскажет свое мнение, и тогда я снова заговорю". Мотиби маневрировал своим копьем, как в начале выступления, а затем направил его к небу, и зрители закричали: "Пула" (дождь), после чего он сел под шум аплодисментов. Между выступлениями каждого оратора поется часть или куплет военной песни, затем совершаются те же выходки, и снова воцаряется всеобщая тишина.....

"Когда несколько ораторов высказали свои соображения, главным образом призывая к единодушию и мужеству, Мотиби вновь занял свое центральное место и, после обычной жестикуляции, приказал молчать. Заметив некоторые замечания предыдущих ораторов, он добавил: "Очевидно, что лучший план - это действовать против врага, чтобы он не приближался. Пусть наши города не будут местом войны, пусть наши дома не будут ареной кровопролития и разрушений. Нет! Пусть кровь врага прольется на расстоянии от наших жен и детей". Обратившись к престарелому вождю, он сказал: "Я слышу тебя, отец мой; я понимаю тебя, отец мой; твои слова верны, они приятны для слуха; хорошо, что нас наставляют макоасы; я желаю зла тем, кто не слушается; я желаю, чтобы они были разбиты на куски".

Затем, обращаясь к воинам: "Среди вас много таких, кто не достоин есть из миски, а только из разбитого горшка; подумайте над тем, что было сказано, и повинуйтесь без ропота. Я повелеваю вам, вожди батлаписов, батларов, бамаиров. Баролонги и Бакотусы, чтобы вы ознакомили все ваши племена с ходом событий этого дня; пусть никто не останется в неведении; еще раз говорю, воины, готовьтесь к битве; пусть ваши щиты будут крепкими, колчаны полны стрел, а боевые топоры острыми, как голод..... Молчите, пожиратели почек" (обращаясь к старикам), "от вас нет больше пользы, кроме как болтаться в поисках почек, когда убивают вола. Если ваших волов заберут, где вы возьмете еще? Обратившись к женщинам, он сказал: "Не мешайте воину выходить на битву своими хитрыми уговорами. Нет, пробудите воина к славе, и он вернется с почетными шрамами, свежие следы доблести покроют его бедра, и тогда мы возобновим военные песни и танцы и расскажем историю нашего завоевания". По окончании этой речи воздух огласился аплодисментами, все собрание время от времени присоединялось к танцу; женщины часто брали оружие из рук мужчин и размахивали им самым яростным образом, люди всех возрастов использовали самые экстравагантные и неистовые жесты в течение почти двух часов".



(1.) ПАРЛАМЕНТ БЕЧУАНЫ.
(См. стр. 286.)



(2.) ЖЕНЩИНЫ-АРХИТЕКТОРЫ.
(См. стр. 298.)

Объясняя странное слово "почкоеды", читатель должен знать, что почки едят только старики обоих полов. Молодые люди ни за что не станут их пробовать, исходя из суеверного представления о том, что в этом случае у них не будет детей. Слово, которым аплодируют, "пула", или дождь, используется метафорически, чтобы обозначить, что слова оратора для слушателей подобны дождю на жаждущей земле.

В последних строках речи короля упоминаются "почетные шрамы на бедрах". Здесь он намекает на любопытную практику среди бечуанов. После битвы те, кто убил врага, собираются ночью, и, выставив трофеи своей доблести, каждый идет к пророку или жрецу, который берет острый ассагай и делает длинный разрез от бедра до колена. По одному такому надрезу делается на каждом убитом враге, а у некоторых выдающихся воинов ноги полностью покрыты шрамами. Поскольку рана довольно глубокая, и в нее обильно втирают пепел, шрам остается на всю жизнь и более заметен, чем у европейца, оставляя белый след на темной коже. Несмотря на тяжесть раны, все удачливые воины присоединяются к танцам, которые продолжаются всю ночь и заканчиваются только на рассвете. Никому не разрешается делать надрез самостоятельно, а тот, кто это сделает, сразу же будет обнаружен завистливыми глазами своих товарищей. Кроме того, чтобы подтвердить свои притязания, каждый воин обязан предъявить свой трофей - небольшой кусок плоти с прикрепленной кожей, срезанный с тела противника.

Когда происходит церемония посвящения в орден Шрама, разводят большой костер, а вокруг него возводят невысокую ограду, внутрь которой не может пройти никто, кроме священника и тех, кто может показать трофей. Снаружи ограды собираются женщины и все мужчины, которым не посчастливилось отличиться. Один за другим воины подходят к жрецу, показывают трофей, получают его одобрение, а затем занимают свое место вокруг костра. Затем каждый мужчина кладет трофей на раскаленные угли и, когда он основательно прожарится, съедает его. Этот обычай возник из представления о том, что храбрость убитого воина переходит в тело убившего его человека, а также помогает ему стать неуязвимым. Бечуаны не любят этот обычай, а, напротив, относятся к нему почти с таким же отвращением, как и европейцы, уступая ему лишь из желания не нарушать древний обычай своего народа.

Можно представить, что эта церемония побуждает воинов, как старых, так и молодых, отличиться в бою, чтобы иметь право войти в священную ограду и быть публично награжденными почетным шрамом доблести. В один из таких случаев человек, известный своей храбростью, не смог убить никого из врагов, потому что их число было так мало, что все были убиты, прежде чем он смог до них добраться. Ночью он был почти вне себя от гнева и досады и прямо-таки рыдал от ярости, что его не пустили в священный загон. Наконец он сорвался с места, на полной скорости побежал к своему дому, убил одного из своих слуг и вернулся на место, захватив с собой необходимый паспорт допуска. Этот поступок считался совершенно оправданным, поскольку убитый был пленником, взятым на войне, а значит, по представлениям бечуанов, его жизнь принадлежала хозяину, и ее можно было забрать в любой момент, когда она могла быть ему более полезна, чем живой раб.

На войне бечуаны - жестокие враги, они без жалости убивают раненых и даже безжалостно расправляются с женщинами и детьми. Вероятно, причиной их безжалостности является желание заполучить желанный трофей успеха. В некоторых племенах бечуанов, таких как бачапины, удачливые воины не едят трофей, а сушат его и вешают себе на шею, съедая вместо него часть печени убитого. Однако во всех случаях кажется, что какая-то часть врага должна быть съедена.

Оружие, используемое на войне, совсем не похоже на то, которое применяют кафиры. Щит бечуанов гораздо меньше, чем у кафиров, и с каждой стороны в нем вырезан полукруглый кусок кожи. Читатель может вспомнить, что в каффирском щите, как видно из иллюстрации на стр. 21, с каждой стороны есть небольшое углубление. В бечуаньском щите, однако, это углубление вырезано так глубоко, что щит по форме почти напоминает часовые стекла. Ассагай, который уже был описан, предназначен не для использования в качестве ракеты, а как оружие для рукопашного боя. Действительно, столько труда, который затрачивается на его изготовление, делает его слишком ценным, чтобы бросать в противника, который может избежать удара, а затем схватить копье и оставить его у себя.

У бечуанов есть одно оружие, которое очень эффективно в ближнем бою. Это боевой топор. Как бы ни были разнообразны формы голов, все они сделаны по одному принципу, и, по сути, топор - это не что иное, как увеличенный наконечник копья, закрепленный на рукоятке в поперечном направлении. У обычных боевых топоров головки крепятся к деревянным рукояткам, но у лучших образцов рукоятки сделаны из рога носорога.

Сейчас передо мной находится удивительно прекрасный образец такого боевого топора. Это просто набалдашник-керри из рога носорога, через рукоять которого пропущен хвостовик головки. Цель такой конструкции двояка. Во-первых, увеличенная толщина рукояти в значительной степени предотвращает раскалывание при сильном ударе, а во-вторых, увеличенный вес придает силу удару. У некоторых топоров ручка на конце рукояти кажется непропорционально большой. Топор вместе со щитом носят в левой руке, а правая свободна для того, чтобы держать ассагай. Но если воина загоняют в тесное помещение или если его копье сломалось, он выхватывает топор из щита и вооружается заново.

ГЛАВА XXIX.
Бечуаны - Завершение.

РЕЛИГИЯ И СУЕВЕРИЯ - ТУЗЕМНЫЙ ФОКУСНИК И ЕГО ЛОВКОСТЬ - ИСЦЕЛЕНИЕ БОЛЬНОГО - ВОЛШЕБНЫЕ КОСТИ - АМУЛЕТЫ - СПАРТАНСКИЕ ОБЫЧАИ - ИСПЫТАНИЕ ДЕВУШКИ - НЕОБЫЧНАЯ ПРИВИЛЕГИЯ - ПИЩА БЕЧУАНОВ - МЕШОК МОЛОКА - МУЗЫКА И ТАНЦЫ - ТРОСТНИКОВАЯ ТРУБКА, ИЛИ ЛИЧАКА - ТАНЕЦ БЕЧУАНОВ - ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ КОЛПАК, КОТОРЫЙ НОСЯТ ИСПОЛНИТЕЛИ - ЗАМЕНИТЕЛЬ ПЛАТКА - АРХИТЕКТУРА БЕЧУАНОВ И ЕЕ СЛОЖНЫЙ ХАРАКТЕР - КОНСТРУКЦИЯ ДОМОВ - КОНЦЕНТРИЧЕСКИЙ СПОСОБ СТРОИТЕЛЬСТВА - МИСТЕР БЕЙНС ВО ВРЕМЯ ПОСЕЩЕНИЯ БЕЧУАНОВ. ВИЗИТ М-РА БЕЙНСА К ВОЖДЮ БЕЧУАНОВ - ПОГРЕБЕНИЕ МЕРТВЫХ И СОПУТСТВУЮЩИЕ ЦЕРЕМОНИИ.

О религии бечуаны ничего не знают, хотя суеверий у них предостаточно, и они настолько полные рабы своих знахарей, насколько это вообще можно себе представить. Жизнь одного из этих людей полна опасностей. Он практикует свои искусства, прекрасно понимая, что в случае неудачи его ждет почти верная смерть. Действительно, очень редко колдун, особенно если он еще и создатель дождя, умирает естественной смертью, обычно он становится жертвой дубинок своих последователей-кундамов.

Эти люди, очевидно, практикуют искусство колдовства, как мы понимаем это слово, и могут выполнять свои трюки с большой ловкостью. Один из них продемонстрировал мистеру Бейнсу несколько своих выступлений и проявил немалую изобретательность в магическом искусстве. Его первый фокус заключался в том, что он опустошал, или казалось, что

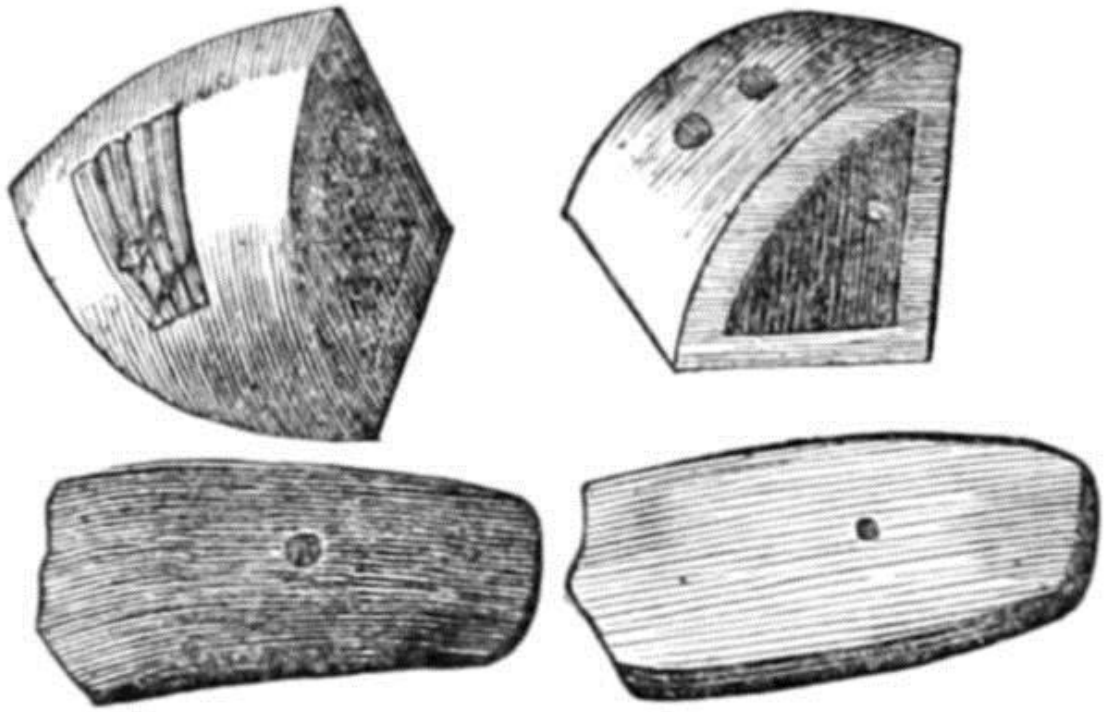
опустошал, мешок из кожи и старую шляпу, а затем встряхивал мешок над шляпой, после чего из первого в последнюю падал кусок мяса или шкуры. Еще одно представление - завязать ожерелье из бусин в пучок травы и передать его одному из белых зрителей, чтобы тот сжег. Затем он передал мешок самому недоверчивому из зрителей, позволил ему пощупать его и доказать, что он пуст, в то время как шляпу осматривали мистер Бэйнс и его друг. Обратившись к держателю мешка, он сделал вид, что подбрасывает что-то в воздух, и, когда мешок был должным образом встряхнут, из него в шляпу посыпались бусины.

Это был действительно ловкий трюк, и, хотя любой из моих читателей, знакомый с искусством легилименции, может увидеть, как это было сделано, не мало удивительно видеть такую ловкость, которой обладал дикарь. Успех этого трюка был тем более примечателен, что держатель мешка довольно несправедливо пытался помешать исполнителю. Однако в другой раз фокусник попытался повторить тот же трюк, но изменил его, попросив разбить бусы, а не сжечь. Владелец бус предусмотрительно пометил их чернилами, прежде чем разбить, и в результате все барабанные удары фокусника не смогли воспроизвести их до наступления темноты, когда под повозкой была найдена другая нитка бус, точно такая же по виду. Когда на него надавили, фокусник признал, что это не те же самые бусины, но сказал, что они были посланы сверхъестественным образом, чтобы заменить те, которые были сломаны.

Этот же оператор был довольно ловок в фокусах со шнуром, но вынужден был признать, что морское образование дало ему преимущества в этом отношении, перед которыми его сверхъестественные способности были вынуждены уступить. Однажды он пригласил мистера Бейнса посмотреть, как он демонстрирует свое мастерство вечером. "Круг девушек и женщин окружил волшебника и начал приятное, но монотонное пение, хлопая в ладоши в унисон, а он, сидя попеременно то на резном табурете, то на тонком куске тростника, покрытом кожей, чтобы она не причиняла ему вреда, повторял хлопанье рук и, казалось, пытался довести себя до нужного состояния вдохновения, пока вся его плоть не задрожала, как у человека в агонии.

"Последовало несколько подготовительных помазаний суставов всех его конечностей, груди и лба, а также хористов; пронзительный свист сменялся спазматическими жестами, и вот я обнаружил, что выставкой вечера была *настоящая* медицинская операция на лице человека, который лежал, укрытый шкурами, за пределами круга. Для скарификации была выбрана задняя часть бедра, но, поскольку огонь не давал света в этом направлении, а доктору и родственникам, похоже, не нравилось, что я прикасаюсь к пациенту, я не смог определить, насколько глубокими были надрезы. Скорее всего, судя по шрамам, которые я видел после предыдущих подобных операций, они были достаточно глубокими, чтобы пустить кровь.

"Пение и хлопанье в ладоши усилились, доктор бросился на пациента, возможно, присосался к ране, во всяком случае, сделал вид, что вдыхает болезнь. Его охватили сильные конвульсии, и, поскольку он был человеком мощного телосложения, требовалось немало сил, чтобы удержать его. Наконец, с выпученными глазами и лицом, выражающим удушье, он схватил свой нож и, сунув его в рот, вытащил большой кусок, по-видимому, шкуры или плоти, который, как предполагали восхищенные зрители, он предварительно вытащил из тела пациента, устранив таким образом причину болезни."



МАГИЧЕСКАЯ ИГРА.

Иногда бечуанский врач использует своего рода игральные кости, если такой термин можно использовать, говоря о предметах, совершенно не похожих на кости, которые используются в этой стране. По форме они пирамидальные и вырезаны из копытца небольшой антилопы. Эти предметы не выглядят очень ценными, но ценятся очень высоко, так как очень немногие знают, как их готовить, и передаются от отца к сыну из поколения в поколение. Чем старше они, тем более могущественными считаются, и человека, которому посчастливилось ими обладать, едва ли можно заставить расстаться с ними. Те, что изображены на иллюстрации, взяты из образцов, которые после долгих уговоров были куплены доктором Лихтенштейном по цене быка за каждый кубик.

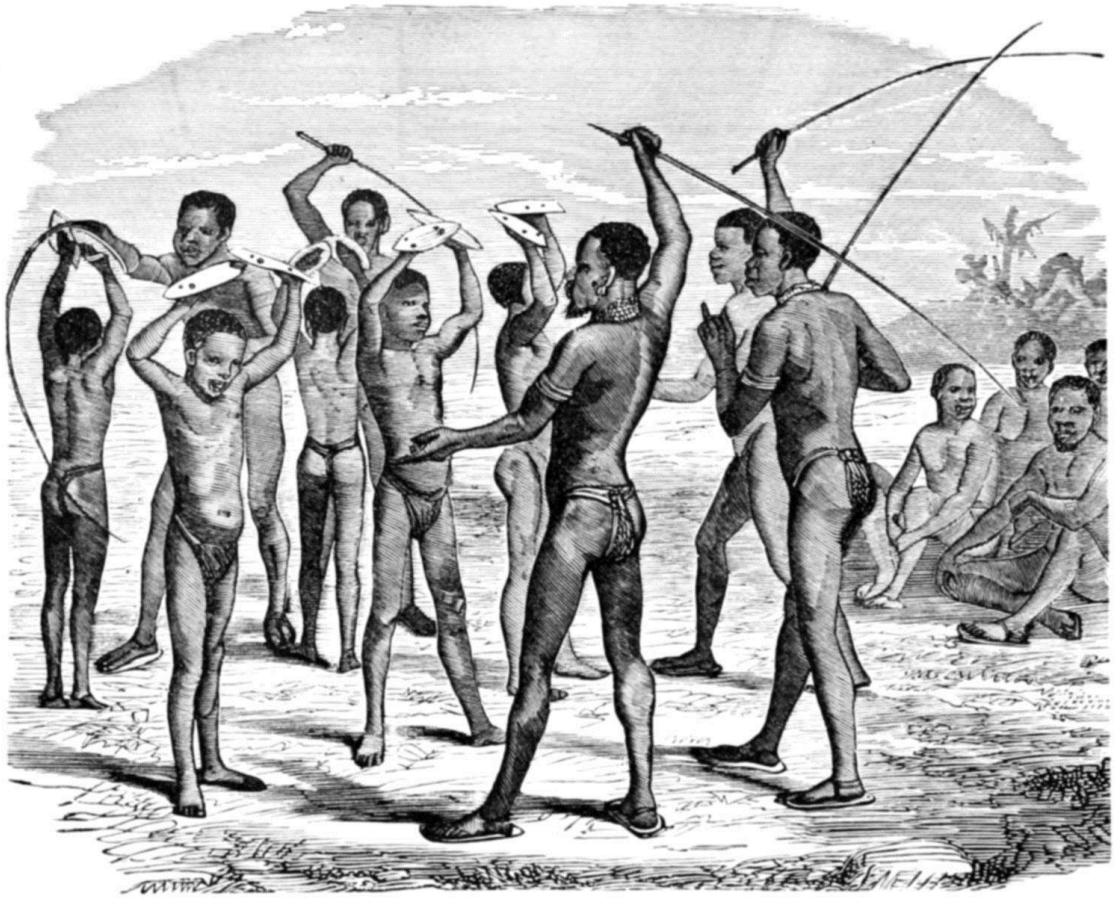
Эти волшебные кубики используются, когда владелец хочет узнать результат какого-то дела. Он разглаживает рукой кусок земли, зажимает кубик между пальцами, несколько раз двигает руками вверх-вниз, а затем дает им упасть. Затем он внимательно рассматривает их и по их положению судит о том, что они предвещают. Читатель может вспомнить случай, когда каффирский пророк использовал магическое ожерелье с той же целью и в той же манере. Символы или фигуры, описанные на поверхности, очевидно, имеют какое-то значение, но в чем их смысл, прежний владелец либо не знал, либо не хотел сообщать.

Дети, когда они только начинают беспокоить себя и своих родителей процессом прорезывания зубов, часто снабжаются своеобразным амулетом. Его делают из большого африканского жука, который по-научному называется *Brachycerus apterus*. Их убивают, сушат, а затем нанизывают на кожаные нити, чтобы носить на шее. Эти предметы принимали за свистки. Бечуаны очень верят в их силу, когда используют для прорезывания зубов, и считают, что они эффективны для предотвращения различных младенческих заболеваний.

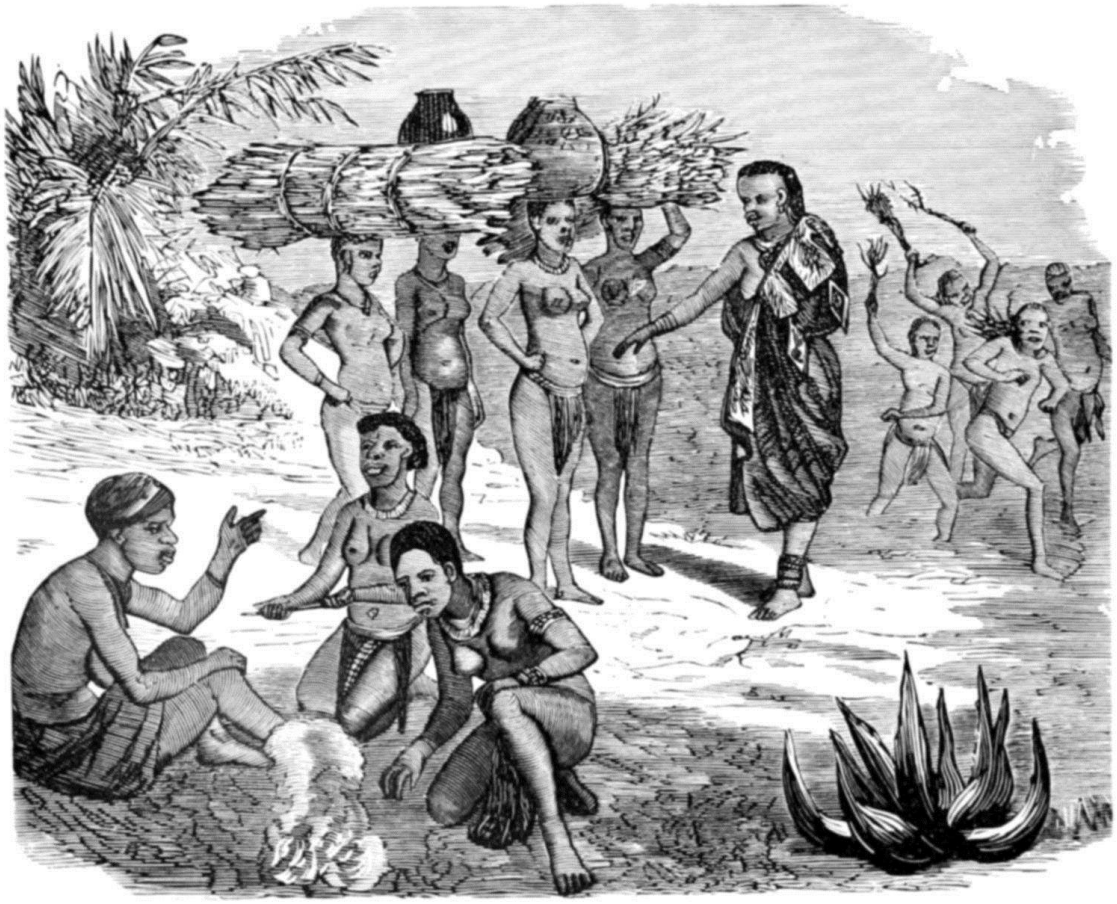
Как и кафиры, бечуаны используют определенные религиозные обряды перед тем, как отправиться на войну. Один из этих обрядов заключается в наложении талисмана на скот, чтобы он не был захвачен врагом. Волов по одному приводят к жрецу, если его можно так назвать, который снабжен горшком с черной краской и хвостом шакала в качестве кисти. Этой примитивной кистью он делает определенный знак на задней ноге животного, а в это

время помощник, стоящий на коленях позади него, повторяет знак в миниатюре на его спине или руках. Этой церемонии они придают большое значение; а поскольку война почти всегда ведется ради скота, бечуаны вполне могут быть оправданы за использование любого обряда, который, по их мнению, защитит столь ценное имущество.

Среди одной из ветвей племени бечуана наблюдается весьма примечательная церемония, когда мальчики стремятся быть принятыми в ряды мужчин. Подробности хранятся в строжайшем секрете, но некоторые детали все же удалось выяснить. Доктор Ливингстон, например, однажды стал свидетелем второй стадии церемонии, которая длится довольно долго.



(1.) СПАРТАНСКАЯ ПРАКТИКА.
(См. стр. 295.)



(2.) ИСПЫТАНИЕ ДЕВУШЕК.
(См. стр. 295.)

Несколько мальчиков лет четырнадцати, без одежды, стояли в ряд, а напротив них - столько же мужчин, и у каждого в руке была длинная ветка, вырезанная из куста, принадлежащего к роду Grewia и называемого на туземном языке moretloa. Ветки этого кустарника очень прочные, жесткие и гибкие. И мужчины, и мальчики участвовали в странном танце под названием "коха", который, очевидно, доставлял мужчинам удовольствие, а мальчики должны были выглядеть так, будто им это тоже нравится. Каждому мальчику выдали по паре обычных сандалий из шкуры, которые он носил на руках, а не на ногах. Через определенные промежутки времени мужчины задавали мальчикам определенные вопросы, касающиеся их будущей жизни в обществе мужчин. Например.

"Будешь ли ты хорошо пасти скот?" - спрашивает мужчина.

"Буду", - отвечает мальчик, одновременно поднимая над головой засаленные руки. Тогда мужчина прыгает вперед и со всей силы бьет мальчика по голове. Удар приходится по поднятым сандалиям, но эластичность длинного рубильника заставляет его закрутиться над головой мальчика с такой силой, что на его спине появляется глубокая рана длиной около двенадцати или восемнадцати дюймов, из которой хлещет кровь, как будто она была сделана ножом. После этого урок о том, что он должен охранять скот, должен навсегда запечатлеться в памяти мальчика.

Затем следует другой вопрос: "Будешь ли ты хорошо охранять вождя?"

"Буду", - отвечает мальчик, и еще один удар закрепляет этот урок в его сознании. И так продолжается до тех пор, пока не будет задана целая серия вопросов и даны правильные ответы. Самое страшное в этом процессе то, что мальчики обязаны под страхом отказа продолжать свой танец, выглядеть довольными и счастливыми и не вздрагивать от ужасных ударов, которые покрывают их тела кровью, а спины - шрамами, остающимися на всю жизнь. Каким бы болезненным ни было это испытание, читатель не должен думать, что для бечуанов оно столь же грозно, как для европейцев. Во-первых, нервная система европейца гораздо чувствительнее, чем у южноафриканских аборигенов, и травмы, которые могли бы повергнуть его в обморок, не оказывают на них особого воздействия. Кроме того, их кожа от постоянного воздействия стихий необычайно нечувствительна, так что удары не причиняют и десятой доли той боли, которую они причинили бы европейцу.

Только старшим мужчинам разрешено участвовать в этом способе обучения мальчиков, и если кто-то попытается сделать это, не имея достаточной квалификации, ему неприятно напоминают о его самонадеянности, когда он получает на свою спину полосы, которые он намеревался нанести мальчикам; старики в этом случае являются одновременно судьями и палачами. Никакое повышение в ранге не позволит человеку безнаказанно совершить такой проступок, и однажды сам Секоми, вождь племени, получил сильный удар по ноге от одного из своих людей. Этот вид испытания, называемый сечу, практикуется только среди трех племен, одно из которых - бамангвато, вождем которого был Секоми. Из описания читатель, вероятно, поймет, что церемония носит скорее гражданский, чем религиозный характер. Она проиллюстрирована на предыдущей странице. Другой этап обряда, который называется общим именем Богуэра, также носит светский характер.

Он проводится раз в шесть или семь лет, так что собирается большое количество мальчиков. Их делят на группы, каждая из которых находится под командованием одного из сыновей вождя, и каждый участник считается спутником своего вождя на всю жизнь. Старики уводят их в лес, где они живут некоторое время и где, судя по их покрытым шрамами и швами спинам, их жизнь, похоже, не самая приятная. Пройдя через различные стадии богуэра, каждая группа становится полком или "мопато" и носит свое собственное имя.

По словам доктора Ливингстона, "после этого они признают своего рода равенство и частичное общение, и обращаются друг к другу по имени Молекане, или товарищ". В случае нарушения их правил, например, если они едят в одиночку, когда кто-то из их товарищей находится в пределах досягаемости, или в случае неисполнения долга, они могут ударить друг друга или любого члена младшего мопато, но никогда никого из старшей группы; и, когда три или четыре компании уже созданы, самый старший больше не выходит на поле во время войны, но остается в качестве охранника женщин и детей. Когда беглец приходит в племя, его направляют в мопато, аналогичное тому, к которому он принадлежит в своем племени, и он выполняет обязанности члена племени".

Девушки должны пройти испытание примерно такого же характера, прежде чем их примут в число женщин, и они смогут надеяться достичь вершины надежд африканской девушки, а именно - выйти замуж. По возможности, подробности церемонии держатся в еще более строгом секрете, чем в случае с мальчиками, но часть ее обязательно проходит на публике, а потому хорошо известна. Это прекрасно показано на гравюре № 2, на предыдущей странице.

Девушками командует старая и опытная женщина, всегда суровая и решительная, которая уводит их в лес и там обучает всем многочисленным искусствам, которые им придется практиковать, когда они выйдут замуж. Их одевают в странный костюм, состоящий из

веревок, сделанных из дынных семян и кусочков пера, веревки перекинуты через плечи и поперек тела в положении восьмерки, их учат ходить с большими горшками воды на голове. Колодцы специально выбираются на значительном расстоянии, чтобы приучить девочек к усталости, а хозяйка всегда выбирает самые ненастные дни, чтобы отправить их на самое большое расстояние. Им приходится таскать тяжелые грузы дров, обращаться с сельскохозяйственными инструментами, строить дома и, по сути, практиковаться перед браком в тех делах, которые обязательно выпадут на их долю впоследствии. Также настаивают на способности переносить боль, и мониторша проверяет их силы, опаляя руки горящими углями. Разумеется, все эти суровые работы требуют, чтобы руки были твердыми и шершавыми, и, соответственно, последнее испытание, которое должны выдержать девушки, - это удержание в руке в течение определенного времени куска раскаленного железа.

Какой бы грубой и невоспитанной ни была эта школа обучения, ее цель достаточно разумна; ведь когда девушки выходят замуж и приступают к своим новым обязанностям, они делают это, имея полное и практическое представление о них, и таким образом избегают наказания, которое они непременно понесли бы, если бы не справились со своими задачами. Церемония называется "Богале". В течение всего времени, пока она длится, девушки пользуются несколькими привилегиями, одна из которых очень ценится. Если на их пути появляется мальчик, не прошедший через испытание, на него сразу же набрасываются и удерживают одни, а другие приносят запас терновых веток и жестоко избивают его этим неприятным жезлом. Если их достаточно много, они не очень-то заботятся о том, будет ли нарушитель защищен богуарой или нет; известны случаи, когда они захватывали взрослых мужчин и так сурово их наказывали, что те потом долго носили шрамы.

В питании они не отличаются особой чистоплотностью, переворачивая мясо на огне пальцами, а затем вытирая руки о свое тело, чтобы сохранить жир, который к ним прилипает. Однако обычным способом приготовления пищи является варка, а при еде они кладут кусок мяса в рот, захватывают его зубами, держат в левой руке так, чтобы растянуть его как можно дальше, а затем аккуратным движением ножа или наконечника копья вверх отрезают нужный кусок. Этот странный способ поедания мяса можно встретить у абиссинцев и эскимосов, и в каждом случае удивительно, как мужчинам удается избежать отрезания носа.

Ниже приводится описание одного из молочных пакетов. Он сделан из шкуры какого-то крупного животного, например быка или зебры, и составляет более двух футов в длину и одного в ширину. Он формируется из жесткого куска шкуры, который вырезается по нужной форме, а затем переворачивается и сшивается, причем швы получаются особенно прочными и крепкими. Считается, что шкура квагги - самая лучшая, так как она придает молоку особый аромат, которым восхищаются туземцы. Шкуру снимают со спины животного, это самая сильная часть. Сначала ее растягивают на земле с помощью деревянных колышков, а шерсть соскребают клещами. Затем ее обрезают до нужной формы и вымачивают в воде, пока она не станет достаточно мягкой для работы. Даже при соблюдении осторожности эти мешки довольно скоропортящиеся изделия, и, когда они используются для воды, они не так долго служат, как для молока. В верхней части остается довольно большое отверстие, а в нижней - маленькое, и оба они закрываются коническими пробками. Через верхнее отверстие молоко заливается в мешок в свежем виде и удаляется, когда свернется, а через нижнее отверстие отводится сыворотка по мере необходимости. Как и в случае с каффирскими корзинами для молока, молочные пакеты бечуанов никогда не очищаются, в них всегда остается небольшое количество кислого молока, чтобы помочь свернуться молоку, которое туземцы никогда не пьют в свежем виде.

Во время путешествий бечуаны вешают свои молочные пакеты на спины волов; иногда случается, что от тряски волов и, как следствие, тряски пакета, молоко частично взбивается, и в нем плавают маленькие кусочки масла. Масло очень высоко ценится, но его не едят, а берегут для более важного дела - смазывания волос или кожи.

Ложки, которыми пользуются бечуаны, часто вырезаны самым искусным образом. По форме они напоминают те, что используют кафиры - которые, кстати, иногда покупают у бечуанов более качественные изделия, - но нижняя поверхность чаши полностью покрыта узорами, которые всегда эффектны, а во многих случаях абсолютно художественны из-за смелости и простоты рисунка. У меня есть несколько таких ложек, на всех из которых поверхность была сначала обуглена и отполирована, а затем узор вырезан довольно глубоко, так что остались желтовато-белые линии, резко контрастирующие с черным цветом необработанной части. Иногда случается, что, путешествуя и не имея с собой ложек, бечуаны быстро зачерпывают бульон правой рукой, бросают его в ладонь левой, а затем отправляют в рот, стараясь после этого начисто вылизать руки.

Музыкой занимаются племена бечуанов, которые не используют гуру, а пользуются лишь разновидностью тростниковой трубы. Мелодии, исполняемые на этом инструменте, очень просты и сводятся к одной ноте, которая повторяется столько раз, сколько исполнитель пожелает ее сыграть. Очень хорошую имитацию бечуанской инструментальной музыки можно получить, взяв копеечный свисток и дуя в него через определенные промежутки времени. Если свистка нет, можно воспользоваться ключом. Вокальная музыка у бечуанов известна лучше, чем у предыдущих племен, - во всяком случае, она не так сильно противоречит европейским представлениям об этом искусстве. Мелодия достаточно проста и состоит в основном из нисходящих и восходящих третей; при этом они достаточно хорошо понимают гармонию, чтобы петь в двух частях, не создавая непрерывных диссонансов, которые восхищают душу племен хоттентотов.

Эти тростниковые трубы, называемые "личака", различной длины, и дуют в них точно так же, как в пандейские трубы, *то есть* поперечно через отверстие, которое вырезано с небольшим наклоном. У каждого человека есть только одна труба, и, как уже говорилось выше, он может играть только одну ноту. Но у бечуанов достаточно музыкального слуха, чтобы настроить свои трубы на любую нужную ноту, что они и делают, нажимая или вынимая подвижную пробку, закрывающую тростник на нижнем конце. Когда несколько человек собираются для пения и танцев, они настраивают свои трубы заранее, прилагая большие усилия, чтобы получить точную ноту, которую они хотят, и так же тщательно, как если бы они принадлежали к европейскому оркестру. Общий эффект от игры на этих трубах, сыгранных вместе и с определенными интервалами, ни в коем случае не является негармоничным, и его с удовольствием сравнивают со звуком саней или колокольчиков повозки. Правильный способ держать трубу - прижать большой палец к щеке, а указательный - к верхней губе, в то время как остальные три пальца крепко держат инструмент на своем месте. Эти маленькие инструменты исполняют гамму из одиннадцати или двенадцати нот. Танцы бечуанов несколько похожи на танцы амакоса и других кафиров, но их особенностью является использование довольно примечательного головного убора, когда они одеты в полный церемониальный костюм. Он сделан из перьев дикобраза, расположенных в смелой и художественной манере, так, чтобы образовать своего рода корону. Для этой цели не используются жесткие и короткие перья дикобраза, а только длинные и тонкие, которые украшают шею животного и, благодаря своей большой пропорциональной длине, изгибаются по спине изящными изгибами. Эти головные уборы носят мужчины, которые двигаются так, чтобы заставить гибкие перья колебаться вперед-назад, и таким образом

добиваются действительно грациозного эффекта. Головной убор не считается неотъемлемой частью танца, но используется по особым случаям.

Во время танца они выстраиваются в кольцо, все смотрят внутрь, но не заботятся о своем количестве или каком-либо определенном расположении. Размер кольца полностью зависит от количества танцоров, так как они тесно прижимаются друг к другу. Каждый волен использовать любой шаг, который он сочтет нужным придумать, и дуть в свою тростниковую дудку через любые промежутки времени, которые покажутся ему наиболее удобными. Но каждый человек старается двигаться очень медленно в наклонном направлении, так что все кольцо вращается на одном и том же месте, совершая в среднем один оборот в минуту.

Направление движения кажется совершенно безразличным, так как в одно время оно вращается справа налево, а затем, без всякой видимой причины, движение меняется на противоположное. Танцоры входят и выходят из кольца по своему усмотрению, некоторые из старейшин участвуют в танце всего несколько минут, а другие танцуют часами подряд, лишь изредка отходя, чтобы дать отдых своим уставшим конечностям. Танцоры почти не говорят, когда заняты этим увлекательным развлечением, хотя и сопровождают свои тростниковые свистульки туземными песнями. Вокруг танцоров располагается внешнее кольцо из женщин и девушек, которые следуют за ними, пока они вращаются, и хлопают в ладоши в такт их движениям.

Как обычно в этой стране, танец требует огромных усилий, и, как необходимое следствие, танцоры обливаются потом и испытывают дополнительные неудобства из-за таяния жира, которым густо покрыты их головы и тела. Естественным средством для европейца в таких обстоятельствах был бы носовой платок, но у уроженцев юга Африки его нет, и поэтому они вынуждены использовать приспособление, которое кажется довольно плохо приспособленным для этой цели. Его делают из кустистых хвостов шакалов, а готовят следующим образом: С животных снимают хвосты и, пока они еще свежие, сдирают кожу с костей, оставляя полую трубку из кожи, покрытой мехом. Три или четыре таких хвоста подготавливаются таким образом, и через них просовывается палка, обычно около четырех футов в длину, так что хвост образует нечто вроде большой и очень мягкой кисти. Она используется в качестве носового платка не только бечуанами, но и многими соседними племенами и считается необходимой частью гардероба бечуанов. Палка, на которой они закреплены, вырезается из самой сердцевины акации камил-дорн, где древесина отличается особой твердостью и чернотой, и на ее изготовление тратится очень много труда. Это орудие называется кавал-клуси или кавал-пуколи, в зависимости от животного, из которого оно сделано; "клуси" - это, по-видимому, обычный желтый шакал, а "пуколи" - чернохвостый шакал. Туземцы считают, что шакал обладает каким-то свойством, улучшающим зрение, и поэтому их часто можно увидеть надвигающими кавал-клуси на глаза. Иногда у вождя есть гораздо более ценный инструмент, который он использует для той же цели. Вместо того чтобы быть сделанным из хвостов шакалов, он формируется из страусиных перьев.

О замечательном мастерстве бечуанов в мирных искусствах уже говорилось. Они не только лучшие мастера по выделке меха и обработке металлов, но и занимают первое место среди всех племен этой части Африки по архитектуре. Не будучи кочевым народом и будучи привязанными к земле, они и не думают довольствоваться покрытыми циновками клетками готтентотов или простыми хижинами из плетня и дуба кафиров. Они не просто строят хижины, а возводят дома и проявляют в их строительстве изобретательность, которая просто поражает. Откуда они почерпнули свои архитектурные знания, никто не знает. Почему кафиры, которые также являются людьми земли, не должны были учиться у своих соседей,

как строить лучшие дома, никто не может сказать. Факт остается фактом: бечуаны просто превосходны в архитектуре, и нет ни одного соседнего племени, которое было бы достойно быть причисленным даже ко второму классу.

Мы уже видели, что дом Дингана, великого каффирского деспота, был точно таким же, как у любого из его подданных, только больше, а опорные столбы были покрыты бисером. Теперь бечуану весьма умеренного ранга было бы стыдно иметь такое здание в качестве резиденции; и даже бедняки - если можно так выразиться - могут построить для себя дома не хуже, чем у Дингана. Дома бечуанов не имеют круглого верха, похожего на множество плетеных муравейников, как у каффирских хижин, а имеют коническую форму, которую можно приблизительно определить, сказав, что хижина бечуанов похожа на огромную плетеную верхушку острием вверх. Художник изобразил их на странице 287.

Мужчина умеренного ранга строит свой дом следующим образом - или, скорее, приказывает своим женам построить его для него, причем женщины являются единственными архитекторами. Сначала из дерева акации камил-дорн вырезают несколько столбов, длина которых варьируется в зависимости от того, какую функцию они должны выполнять. Например, если дом должен быть шестнадцать или двадцать футов в диаметре, то потребуется десять или двенадцать столбов, высота которых при посадке в землю составит около девяти футов. Они устанавливаются по кругу и прочно закрепляются на одинаковом расстоянии друг от друга. Далее следует круг меньшего размера, состоящий из гораздо меньших столбов, которые, будучи закрепленными в земле, имеют высоту от пятнадцати до восемнадцати футов, причем один из них длиннее остальных. Оба круга столбов соединены балками, которые крепятся к их верхушкам.

Далее на эти столбы укладывается достаточное количество стропил, чтобы все они сошлись в одной точке, и они плотно скрепляются между собой. Эта точка редко находится точно в центре, так что хижина всегда выглядит довольно вислоухой. Затем на стропила укладывается крыша из тростника, и каркас дома готов. Соломенная крыша держится на месте с помощью нескольких длинных и тонких веток, которые сгибаются, а конец вставляется в солому. Эти веточки располагаются параллельными рядами и крепко держат солому. Наклон крыши довольно незначительный и всегда представляет собой вдавленный конус, как видно из рисунка.

Далее следуют стены. Столбы, образующие внешний круг, соединены стеной, высота которой иногда составляет около шести футов, но чаще - всего два фута или около того. Но стена, соединяющая внутренний круг, имеет высоту восемь или десять футов, а иногда доходит почти до крыши дома. Эти стены, как правило, сделаны из колючек мимозы, которые сплетены так искусно, что одежда проходящих мимо людей не подвергается опасности, в то время как они эффективно препятствуют проползанию даже самого маленького животного. Внутренняя часть стены укреплена и выровнена толстым слоем глины. Семья живет в центральной части дома, а слуги - во внешней, которая также служит верандой, на которой семья может сидеть днем и наслаждаться двойным преимуществом - свежим воздухом и тенью.

Гравюра дает представление об обычной конструкции хижины бечуанов. Вокруг этого дома находится довольно высокий тын, сделанный аналогичным образом из столбов и колючек, и в этом загоне содержится скот, если его владелец достаточно богат, чтобы построить загон для его особого использования. Эта ограда, или стена, как ее правильно называть, всегда очень крепко построена, а иногда и очень прочна. Ее высота в среднем составляет шесть футов, ширина внизу - два фута с половиной, а вверху - фут или меньше. Она почти полностью

состоит из небольших веток и сучьев, расположенных вертикально, почти параллельно друг другу, но так прочно переплетенных, что они образуют прекрасную защиту от ассагаев, а у основания стена настолько прочна, что может остановить обычную пулю. В нескольких дюймах от верха стена укреплена двойной полосой веток, одна из которых находится снаружи, а другая - внутри.

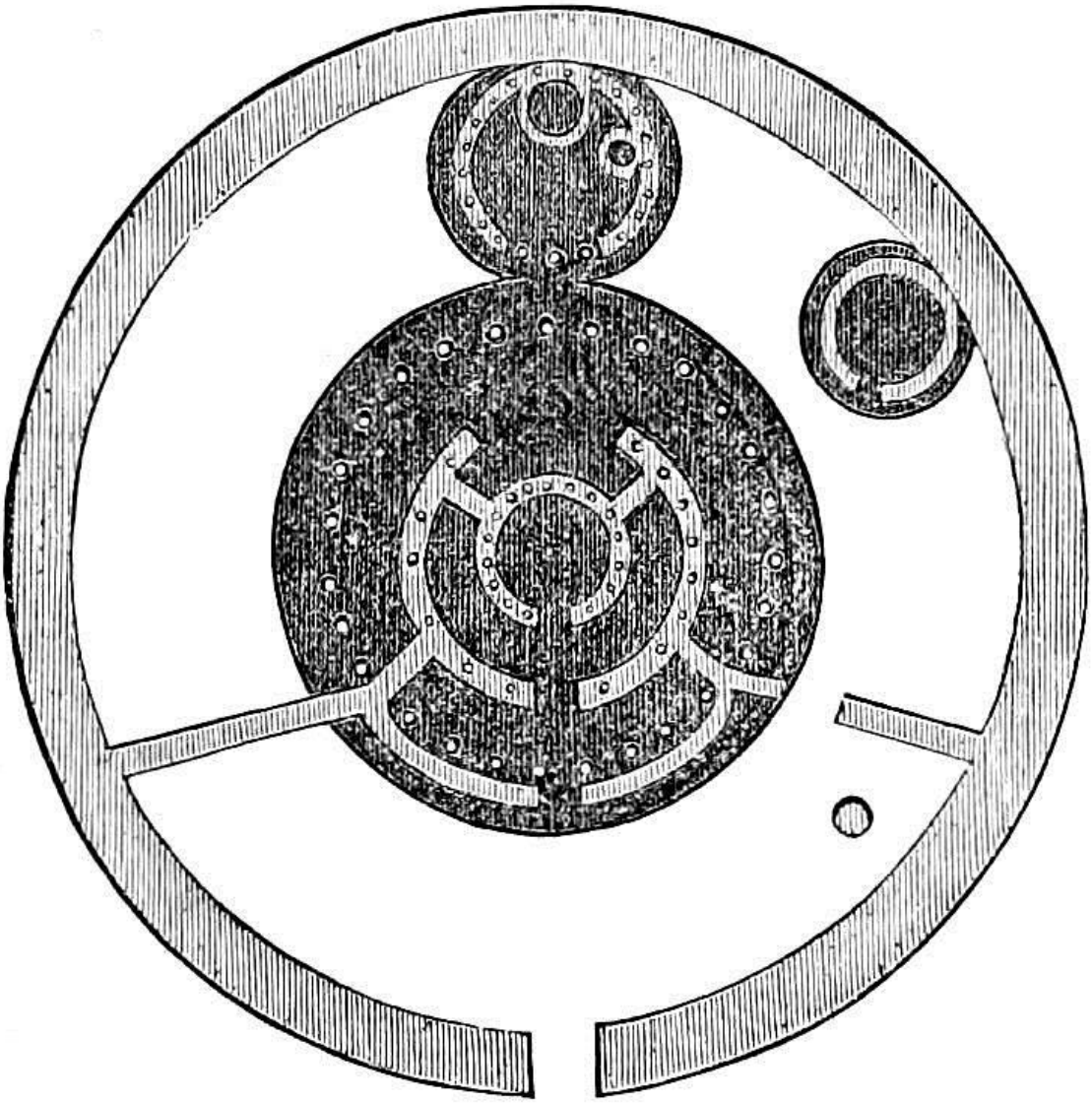
Дверные проемы в хижинах бечуанов устроены довольно любопытно. В стене делается отверстие, большее сверху, чем снизу, чтобы соответствовать форме человека, у которого плечи шире ног. Такая форма служит двум целям. Во-первых, оно уменьшает размер проема и тем самым снижает количество сквозняков, а во-вторых, служит лучшей защитой от противника, чем если бы оно было большего размера и доходило до земли.

Очаг находится за пределами хижины, хотя и в пределах ограды: бечуаны очень боятся огня и, естественно, заботятся о том, чтобы их искусно построенные дома не сгорели. Снаружи дома, но в пределах ограды, находится кукурузник. Это небольшая хижина, построенная примерно так же, как и жилой дом, в которой хранятся запасы кукурузы. Она хранится в кувшинах, один из которых непомерно велик и вполне мог бы затмить знаменитые кувшины с маслом, в которых прятались "Сорок воров". Есть также отдельный дом, в котором спят слуги.

Этот кукурузный кувшин сделан из прутьев, сплетенных в форму, и укреплен палками, вбитыми в землю, так что он не подлежит восстановлению, даже если бы его огромные размеры не отвечали этой цели. Снаружи и внутри кувшин оштукатурен глиной, так что он служит прекрасной защитой для кукурузы. Эти кувшины иногда достигают шести футов в высоту и трех в ширину, а их форма почти в точности напоминает европейские кувшины для масла. Лучшие экземпляры подняты на шесть или семь дюймов от земли, а колья, из которых они сделаны, служат им ножками. В каждом доме есть один такой кувшин, а в домах состоятельных людей, как правило, один большой кувшин и несколько маленьких, тесно упакованных друг с другом, а иногда и полностью заполняющих кладовую.

Как и кафиры, бечуаны строят свои дома и стены в форме круга, и у них нет мысли о том, чтобы сделать стену или забор по прямой линии. Мистер Берчелл объясняет это тем, что они обнаружили большую вместимость круга по сравнению с любой другой фигурой равной окружности, и что они строят круглые дома и загоны для скота, чтобы вместить наибольшее количество людей или скота на минимально возможном пространстве. Я скорее сомневаюсь в истинности этой теории, поскольку эти люди не могут построить прямую стену или квадратный дом, даже если бы захотели это сделать, и считаю, что настоящую причину следует искать в их умственных способностях.

Теперь мы рассмотрим иллюстрацию, на которой изображен план дома, принадлежащего вождю бечуанов по имени Молемми. Она взята из ценной работы Берчелла.



ПЛАН ДОМА.

Вокруг всего дома находится внешняя стена, и видно, что она разделена поперечными стенами, в одной из которых есть дверной проем. В верхней части плана находится кукурузник, в котором стоит один большой кувшин и один поменьше. Заштрихованная часть представляет собой ту часть здания, которая покрыта крышей. Дом для слуг тоже отдельный, его можно увидеть справа на плане. Камин показан маленьким кружком чуть ниже поперечной стены на правой стороне плана. В центре находится сам дом с верандами и переходами, покрытыми общей крышей. В самом центре находится спальное место семьи; сразу за ним - проход, где сидят слуги, а за ним - веранда. Маленькие кружочки на плане обозначают места, занятые столбами.

Чтобы еще раз объяснить, с какой тщательностью бечуаны заботятся о своем доме, я привожу часть письма, присланного мне мистером Т. Бейнсом, выдающимся африканским путешественником. "Около 1850 года, когда территория нынешнего Свободного государства была суверенитетом Оранжевой реки, мы с моим другом Джозефом Макабе находились в Кокис-Дрифт на реке Ваал (или Желтый Дун), и, нуждаясь в кукурузе и других припасах, мы переправили скот и отправились в деревню. Она оказалась очень красиво расположена среди смелых и хорошо поросших лесом холмов, на фоне темных сторон которых выгодно контрастировали конические крыши, крытые светлым желтоватым тростником.

"Как обычно, племя начало опустошать окружающую местность, бездумно вырубая лес вокруг своих жилищ; во многих случаях они настолько обезлюдили холмы, что маленькие источники, которые раньше вытекали из них, больше не защищены нависающей листвой и испаряются под яростным солнечным жаром на незащищенной земле. Ярким примером этого процесса является старый Латтаку, бывшая резиденция миссионера Моффатта, и, как гласит пословица, всякий раз, когда туземное племя селится у маленького ручейка, вода в нем через несколько лет убывает и высыхает.

"Женщины и дети, как обычно в деревнях, расположенных в стороне от общего пути путешественников, при нашем приближении наполовину в страхе, наполовину в робости разбегались, а по мере нашего продвижения пугливо выглядывали из-за заграждений из грязи или тростника. Мы оставили повозку на окраине деревни, а ближе к центру обнаружили вождя и его главных людей, сидящих под массивной беседкой или навесом из грубого дерева, срубленного с самым безрассудным расточительством материала и сложенного из вилообразных стволов, все еще стоящих в земле, как будто целью строителей было дать как можно меньше тени при наибольших затратах материала..... Большинство мужчин были заняты изготовлением каросов или кожаных плащей из трофеев различных животных, убитых во время погони. Одни разминают или растирают шкуры между ладонями, чтобы смягчить их, другие скребут внутреннюю поверхность, чтобы поднять ворс, столь ценимый туземцами, а третьи, разрезав шкуры по форме своими ножами или ассагаями, медленно и тщательно сшивают их вместе. Один человек звонко постукивал куском палки по струне лука, к которому был привязан калабаш, чтобы усилить резонанс, и все выглядели занятыми и счастливыми. Наш подарок - нюхательный табак - был принят с большим удовольствием, но лишь немногие из них были достаточно экстравагантны, чтобы вдыхать драгоценный стимулятор в чистом виде; обычно небольшую порцию клали на тыльную сторону левой руки, а затем маленькой роговой ложечкой поднимали пыль, тщательно смешивали ее с нюхательным табаком и вдыхали с бесконечным удовлетворением.

"Их жилища расположены концентрическими кругами, крайний из которых окружает более или менее просторный двор, огороженный либо высоким прямым тростником, либо стеной из тонкой глины, тщательно выровненной и утрамбованной руками женщин. Затем она покрывается поперечными линиями, пространство между которыми испещряется параллельными линиями, прямыми, волнистыми или зигзагообразными, в зависимости от фантазии. Пол этого двора также выравнивается глиной, а возвышения из того же материала в виде сегментов круга служат для сидений, причем все это содержится в такой чистоте, что сухую пищу можно без стеснения есть с пола.

"Стены хижины также глиняные, оштукатуренные на столбах, которые поддерживают коническую крышу, но карнизы выступают так, что вокруг нее образуется низкая веранда. Низкие столбы, установленные через определенные промежутки, служат дополнительной опорой, а "ступа", или возвышение, высотой около девяти дюймов и шириной три фута, окружает дом снизу.

"Дверной проем представляет собой арку высотой около трех футов. Внутренняя часть стены высечена и разделена на отделения линиями, прочерченными пальцами или заостренной палочкой. Иногда в глину втыкают дынные или тыквенные семечки в причудливых узорах, а затем вынимают их, оставляя углубления, выложенные их слегка блестящей корой.

"Внутри этой хижины есть еще одна стена, окружающая еще меньшую комнату, которая, как и хижина вождя, была хорошо укомплектована мягкими кожаными мантиями и, по его словам, должна была быть очень теплой в качестве спального помещения в холодную

погоду, тем более что дверной проем можно было полностью или частично закрыть по желанию. Над дверным проемом были сделаны пилястры из глины, вокруг него - лепнина, а также зигзагообразные орнаменты из угля, красной или желтой глины, которые использовались в изобилии. Круглые лепные элементы, которые можно увидеть на том, что можно назвать потолком, на самом деле являются полосами тростника на нижней стороне крыши, с помощью которых крепились те, что образуют солому.

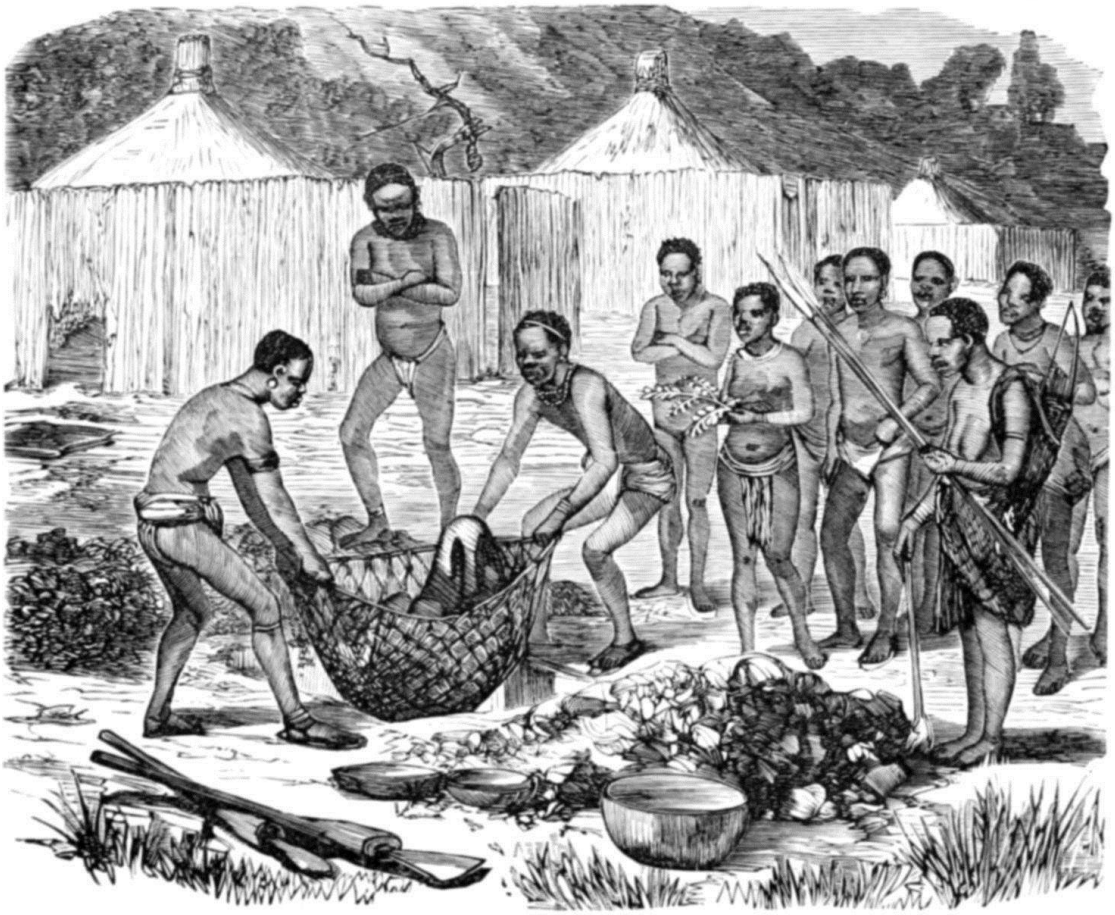
"Пространство между внутренней камерой и внешней стеной простиралось по всему периметру хижины, и в нем, а скорее в задней части, стояло несколько кувшинов и калабашей с аутчуаллой, или туземным пивом, в процессе брожения. Мое первое впечатление от этого напитка было таким, что он напоминал смесь плохого столового пива и испорченного уксуса, но туземцы и путешественники, привыкшие к нему, считают его и едой, и питьем. Хозяин считает, что выполнил высший долг гостеприимства, если поставил перед гостем банку пива. Оставлять пиво в сосуде считается оскорблением, но гость может отдать своим сопровождающим все излишки, которые останутся после того, как он насытится".

Погребение умерших происходит довольно любопытным образом. Погребальные церемонии начинаются еще до смерти больного и, по всей видимости, ускоряют его распад. Как только родственники больного видят, что его конец близок, они набрасывают на него циновку, а иногда и шкуру, и стягивают их вместе, пока заключенный в них человек не оказывается в сидячей или, скорее, скрюченной позе, с согнутыми руками, склоненной головой и коленями, прижатыми к подбородку. В этом неудобном положении последняя искра жизни вскоре угасает, и начинаются настоящие похороны.

Родственники выкапывают могилу, как правило, в ограде для скота, но не в форме, как это принято в Европе, а в виде круглой ямы диаметром около трех футов. Внутренняя часть этой странной формы могилы натирается луковичным корнем. Затем в заборе, окружающем дом, проделывается отверстие, и тело проносят через него, все еще завернутое в циновку и с накинутой на голову шкурой. Затем его опускают в могилу и стараются расположить его точно лицом к северу, что занимает много времени, но в конце концов достигается с достаточной точностью.

Когда этот вопрос решен, они приносят фрагменты муравейника, который, как помнит читатель, является самой лучшей и тонкой глиной, которую только можно достать, и аккуратно укладывают ее на ноги трупа, поверх которых ее прижимают двое мужчин, стоящих в могиле с этой целью. Все больше и больше глины передается вниз в деревянных чашах и плотно утрамбовывается, операторы поднимают коврик пропорционально подъему земли. Они тщательно следят за тем, чтобы ни один камешек не смешался с землей, окружающей тело, и, поскольку глина не содержит камней, она как нельзя лучше подходит для этой цели.

Как только земля достигает устья, в могилу кладут ветку акации, а на голову - несколько корней травы, так чтобы часть травы выступала над уровнем земли. Затем вырытую землю зачерпывают, чтобы получился небольшой курган, на который выливают несколько полных чаш воды, а зрители тем временем кричат: "Пула! Пула!", как это делают, когда аплодируют оратору в парламенте. Оружие и утварь покойного приносят в могилу и преподносят ему, но не оставляют там, как это принято в некоторых племенах. Церемония заканчивается тем, что все покидают землю под причитания женщин, которые непрерывно причитают.



(1.) ПОХОРОНЫ БЕЧУАНОВ.
(См. стр. 303.)

(2.) МОГИЛА И ПАМЯТНИК ВОЖДЯ ДАМАРА.
(См. стр. 314.)

Таковы полные церемонии, которые проводятся в случае смерти вождя - во всяком случае, человека определенной важности, но они сильно варьируются в зависимости от ранга человека. Иногда повелитель дождя запрещает все погребальные обряды, как мешающие производству дождя, и во время действия этого запрета каждый труп утаскивается в кусты на съедение гиенам. Даже само прикосновение к мертвому телу запрещено, и в условиях этой странной тирании сын был замечен в том, что обмотал кожаную веревку вокруг ноги своей мертвой матери, оттащил ее тело в кусты и там оставил, бросив веревку, потому что она была осквернена прикосновением к мертвому телу, и он мог случайно коснуться той части, которая касалась трупа.

Заключительная сцена похорон бечуанов изображена на предыдущей странице.

На заднем плане видна ограда крааля, в которой пробито отверстие, через которое пронесли тело покойного. За мужчинами, опускающими тело в могилу, стоит девушка, несущая в руках ветку акации, которую должны положить на голову трупа - очевидно, это реликвия какой-то давно забытой традиции, или, во всяком случае, о которой, как они утверждают, ничего не знают. Сбоку стоит старуха, которая несет оружие покойного вождя - его копья, топор и лук, а на переднем плане - чаша с водой для люстрации и мотыга, которой копали могилу.

ГЛАВА XXX.
ПЛЕМЯ ДАМАРА.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДАМАРОВ - ДЕЛЕНИЕ ПЛЕМЕНИ - БОГАТЫЕ И БЕДНЫЕ ДАМАРЫ - ХАРАКТЕР СТРАНЫ - ВНЕШНИЙ ВИД ЛЮДЕЙ - ИХ ФИЗИЧЕСКОЕ ТЕЛОСЛОЖЕНИЕ - ОДЕЖДА ЧЕЛОВЕКА - ОСОБЫЕ САНДАЛИИ, И СПОСОБ УКРАШЕНИЯ ВОЛОС - ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА - КОСТЮМ ДЕВУШЕК - ПОРТРЕТ ОТДЫХАЮЩЕЙ ДЕВУШКИ ДАМАРА - НЕОБЫЧНЫЙ ЧЕПЕЦ ЗАМУЖНИХ ЖЕНЩИН - ПРИВЕРЕДЛИВОСТЬ В ОДЕЖДЕ - СКОТ ДАМАРА - "ВОРОНЬЕ" ЗА КОРЕНЬЯМИ И ВОДОЙ - АРХИТЕКТУРА И МЕБЕЛЬ - ИНТЕЛЛЕКТ ДАМАРА - АРИФМЕТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ - ОРУЖИЕ - ДАМАРА КАК СОЛДАТ - РАЗЛИЧНЫЕ КАСТЫ ИЛИ ЭАНДЫ - ЕДА, И СПОСОБ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПИЩИ - ТАНЦЫ И МУЗЫКА ДАМАРЫ - БРАЧНЫЕ ДЕЛА - РАЗЛИЧНЫЕ СУЕВЕРИЯ - СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ И ЕГО ЖРИЦА - ЯВЛЕНИЯ - СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ ВОЖДЯ - ЦЕРЕМОНИИ ПО СЛУЧАЮ ВОЦАРЕНИЯ ЕГО СЫНА - КЛЯТВА ДАМАРЫ.

Если читатель обратится к карте Африки и посмотрит на западное побережье чуть ниже 20° южной широты, то увидит, что большую часть страны занимает народ, называемый дамара, - это благозвучное сокращение слова дамуп, означающего "народ". Кто такие дамарасы, как долго они занимали эти земли и откуда они пришли, довольно сомнительно, да и сами они не могут пролить свет на этот вопрос.

Племя это очень интересное. Когда-то оно обладало огромной силой и значением, распространилось на огромную территорию страны и выработало свои особые нравы и обычаи, некоторые из которых, как мы увидим, весьма примечательны. Однако день ее процветания был очень коротким, как и у большинства племен в этой части света. Оно быстро сошло со своего высокого положения, пострадало от нападений могущественных и неумолимых врагов и еще через несколько лет, вероятно, исчезнет с лица земли. Изменения

происходят так быстро, что один из путешественников, мистер Андерссен, отмечает, что в свое время ему выпала судьба стать свидетелем полного разорения и падения некогда великой нации Дамара.

В связи с этим я намерен дать краткий рассказ об этом племени, отметив лишь те особенности, которые отличают его от других племен и которые через несколько лет могут быть полностью забыты. Рассказ, приведенный на следующих страницах, частично взят из книги г-на Андерссена "Озеро Нгами", частично из работы г-на Гальтона о Юго-Западной Африке, а частично из известной книги г-на Бейнса, которому я также обязан многими зарисовками и большим количеством устной и письменной информации.

Насколько можно выяснить, аборигены были расой, которую даже они сами называли Гоу Дамуп - название, совершенно непереводимое на слух, и поэтому колонисты превратили его в Хилл Дамарас, хотя в действительности между ними нет никакой связи. Гоу Дамуп говорят, что их великим предком был бабуин, который женился на туземке и имел многочисленное потомство. Однако этот союз, как и большинство неравных браков, не был счастливым: мать гордилась своей семьей, а сыновья издевались над своими низкими связями по отцовской линии. В итоге в семье произошел раскол: сыновья повели себя настолько плохо, что не посмели больше противостоять своим высокородным родственникам-хоттентотам и бежали в горы, где с тех пор и живут.

Дамара можно условно разделить на две группы - богатых и бедных: первые - это те, кто имеет скот и живет в основном за счет молока, а вторые - те, кто не имеет скота или имеет только один или два, и, следовательно, живут за счет погони и диких кореньев, которые они копают. Дамары не являются земледельческим народом, вероятно, потому, что их почва, как правило, не приспособлена для выращивания сельскохозяйственных культур.

На бедных дамаров, называемых оватжумба, богатые люди смотрят свысока и, по сути, относятся к ним как к низшим существам. Их обычное положение - рабство у богачей, которые считают их скорее рабами, чем слугами, наказывают их с особой жестокостью и без колебаний даже лишают жизни. Из этого факта видно, что примитивная простота жизни дикарей не совсем аркадского характера и что дикари не обязаны европейцам всеми своими пороками. Некоторые из них, несомненно, есть, и они проявляют необычайную склонность к их приобретению; но большинство величайших пороков мира, таких как пьянство, жестокость, безнравственность, нечестность, ложь, рабство и тому подобное, можно найти в полной силе среди диких народов, и они существовали среди них задолго до того, как они когда-либо видели европейца. Говорить, что вышеупомянутые пороки были привнесены в жизнь дикарей европейцами, - значит клеветать на цивилизацию. Когда дикарь может одурманить себя, он это сделает, в какой бы части света он ни жил. Он так решительно настроен на достижение этого результата, что выпьет огромное количество местного африканского пива, которое по густоте напоминает обычную кашу, или выпьет отвратительно приготовленную каву из Полинезии; или будет курить коноплю в трубке, или жевать ее как конфету; или глотать табачный дым, пока не подавится более чем наполовину; или возьмет опиум, если сможет его достать, и опьянит себя этим.

Точно так же дикарь по сути своей жесток, не испытывает ни малейшего уважения к страданиям других и с невозмутимым наслаждением причиняет самые страшные мучения. Что касается морали, как мы понимаем это слово, то настоящий дикарь не имеет о ней никакого представления, а сцены, которые по ночам происходят в дикарских землях, имеют такой характер, что путешественники, ставшие их свидетелями, вынуждены обходить их благоразумным молчанием. Честность, в ее правильном смысле, также неизвестна, как и

правдивость; удачная кража и незамеченная ложь считаются свидетельствами мастерства и изобретательности, и ни в коем случае не позором. Рабство, опять же, процветает среди дикарей, и хорошо известно, что дикари - самые жестокие хозяева по отношению к своим рабам на всей земле.

Земля, на которой живут дамары, весьма примечательна, и, хотя она имеет очень большую протяженность, лишь небольшая ее часть пригодна для жизни человека. Растительность в основном колючая, а воды не хватает большую часть года, причем сезон дождей приносит с собой внезапные наводнения, которые едва ли менее разрушительны, чем предыдущая засуха. "Находясь в тропике Козерога, времена года, естественно, противоположны европейским. В августе, когда наше лето, можно сказать, подходит к концу, дуют горячие западные ветры, которые быстро испепеляют и уничтожают растительность. В то же время вихри проносятся над страной с огромной скоростью, гоня за собой огромные столбы песка, много футов в диаметре и несколько сотен в высоту. Временами можно увидеть десять или пятнадцать таких колонн, преследующих друг друга. Дамарасы называют их Orukumb'ombura, или "Приносящие дождь", - название вполне подходящее, так как они обычно случаются как раз перед первыми дождями.

"Ливни, сопровождаемые громом и яркими молниями, нередки в сентябре и октябре; но регулярные дожди начинаются только в декабре и январе и продолжаются, с небольшими перерывами, до мая. В этом месяце и в июне преобладают сильные восточные ветры, которые не только неприятны, но и вредны для здоровья. Губы трескаются, а кожа становится сухой и жесткой. Иногда в это время выпадают тропические дожди, но они приносят больше вреда, чем пользы, так как неизменно наступает резкий холод, уничтожающий растительность. В июле и августе ночи самые холодные, и тогда нередко можно встретить лед толщиной в полдюйма".

Дамары имеют очень странное представление о своем происхождении, считая, что они произошли от дерева, которое они впоследствии называют Материнским деревом. Все животные имеют такое же происхождение; и после того, как они отделились от материнского дерева, мир погрузился во тьму. Тогда Дамара зажег огонь, после чего большинство зверей и птиц в ужасе разбежались, а некоторые остались и подошли к огню. Те, кто убежал, превратились в диких животных, таких как гну, жираф, зебра и другие, а те, кто остался, - в овец, быков, коз и собак, и стали одомашненными. Считается, что отдельное дерево все еще существует в месте под названием Омариера, но, как это бывает, каждое подплемя дамаров указывает на другое дерево и с сыновней привязанностью считает его своим великим предком. Туземцы называют это дерево Мотджохаара, а конкретную особь, от которой, по их мнению, они произошли, - Омумборумбонга. Древесина очень тяжелая, с такой плотной и твердой текстурой, что ее можно причислить к железным деревьям.

По внешнему виду дамары - прекрасная раса людей, иногда превышающих шесть футов в высоту, и хорошо сложенных. Их черты лица довольно правильные, а движения грациозны и свободны. (Они мощны, как и подобает их массе; но, как и многие дикари, хотя в отдельных случаях они могут проявить большую силу, они не способны к длительным и продолжительным нагрузкам.

Телесная конституция дамаров имеет самый необычный характер. Боль для них, кажется, почти не существует, и травма, которая была бы смертельной для более нервного европейца, почти не действует на дамара. Читатель может вспомнить нечувствительность к боли, проявляемую готтентотами, но дамары даже превосходят их в этом отношении. Мистер Бейнс упоминает в своих записях в MS. несколько необычных случаев этой особенности. В

одном случае мужчина сломал ногу, и на сломанную конечность наложили шину. Однажды, когда ногу перевязывали, мистер Бейнс услышал громкий смех и обнаружил, что неуклюжий ассистент позволил ноге упасть и переломил частично сросшиеся кости, так что нога висела с вывернутой внутрь стопой. Вместо того чтобы ужаснуться такому происшествию, все кричали от смеха над ненормальной формой конечности, и никто, казалось, не считал это лучшей шуткой и не смеялся более искренне, чем сам пострадавший. Этот же человек, когда раны почти зажили и к ним пришлось свободно прикладывать нитрат серебра, перенес мучительную операцию так хорошо, что его похвалили за мужество. Однако выяснилось, что он совсем не чувствовал прикладывания, и комплименты оказались напрасными.

В другой раз произошел весьма примечательный случай. Произошел мятеж, угрожавший жизни всей партии, и зачинщик был приговорен к смерти, которую торжественно исполнили, прострелив голову из пистолета, а телу позволили лежать там, где оно упало. Через два или три дня после этого казненный преступник появился, не сильно пострадав, если не считать остатков раны на голове. Похоже, он считал, что его использовали не по назначению, и попросил в качестве компенсации палку табака.

Однако, несмотря на такое безразличие к внешним повреждениям, они необычайно чувствительны к болезням и сразу же падают духом от легкого недомогания, о котором европеец даже не подумал бы. Их своеобразная конституция всегда проявляется в путешествиях. Мистер Бейнс отмечает, что дикарь готов к путешествию в любую минуту, поскольку ему ничего не нужно делать, кроме как взять в руки оружие и отправиться в путь. Он с презрением смотрит на подготовку, которую проводит белый человек, и за два-три дня "изнурительной" работы одолеет почти любого европейца. Однако в долгом, непрерывном походе европеец изматывает дикаря, если только тот не подчиняется обычаям, которые он презирал в начале пути.

Он обнаруживает, что, в конце концов, ему потребуется багаж и одежда. От жары полуденного солнца у него болит голова, и он вынужден попросить кепку для защиты. Затем его сандалии, которых было достаточно на песчаной почве, не защищают от колючек, и ему приходится приобретать обувь. Ночной сон без коврика или большого кароса не может быть долговечным, и ему приходится просить одеяло. Его пища, например, молотые орехи, которыми питаются в основном бедные дамары, недостаточно питательна для длительных нагрузок, и он вынужден просить свой обычный паек. Его обычная манера - бросаться на работу, продолжать ее два-три дня, а затем прекращать совсем и восстанавливать силы, проводя несколько дней в бездействии.

Одежда дамаров довольно своеобразна, особенно у женщин. Главная часть одежды мужчины - кожаная веревка удивительной длины, редко меньше ста футов, а иногда превышает четыре или даже пятьсот. Ее наматывают свободными витками вокруг талии, так что она ниспадает складками, не лишенными изящества. В него дамара засовывает свои топоры, тесаки и другие орудия, так что он служит и поясом, и карманом, и платьем. Его ноги защищают сандалии, сделанные наподобие тех, что носят бечуаны, и закрепленные на ногах таким же образом, но примечательные своей длиной, выступающей за пятку и перед пальцами, что напоминает длинные сапоги, которые были так модны в ранние английские времена. Иногда он использует эти сандалии не по назначению, тайком выскребая в песке дырки, в которые просовывает мелкие ценные предметы, которые могли быть обронены, а затем незаметно прикрывает их песком.

Они очень любят украшения и придают большое значение железу, придавая ему различные формы и полируя его до тех пор, пока оно не заблестит в лучах солнца. Конечно, они носят

бусы, и им очень нравятся бусы из слоновой кости, некоторые из которых скорее можно назвать шарами, настолько они велики. У одного мужчины была целая нитка таких бус, которая свисала с его затылка почти до пят. Самые верхние бусины были размером с бильярдный шар, и они постепенно уменьшались в размерах, пока самые нижние и маленькие не стали размером с лесной орех. Он очень гордился этим украшением и отказался его продавать, хотя любезно предложил одолжить его на день-другой.

(1.) ВОИН И ЖЕНА ДАМАРА.
(См. с. 305, 306.)

(2.) ДЕВУШКА ДАМАРА ОТДЫХАЕТ.
(См. с. 309.)

Его головной убор доставляет ему много хлопот при создании, хотя он не часто прибегает к его подгонке. Он делит волосы на множество прядей, которые закрепляет, смазывая их смесью жира и красной охры, а затем позволяет им свисать вокруг головы, как множеству коротких красных шнуров. Состоятельный человек иногда украшает себя одной ракушкой в центре лба, и мистер Бейнс замечает, что если бы кто-нибудь из его друзей дома приготовил ужин на нескольких пенни из ракушек и прислал ему эти ракушки, он мог бы сколотить свое состояние. У мужчин нет определенного головного убора или шапки; но поскольку они очень трепетно относятся к своим волосам, а дождь совершенно уничтожает все тщательно уложенные локоны, в дождливую погоду они используют кусок мягкой шкуры, который кладут на голову и складывают или скручивают в любую форму, которая кажется им наиболее удобной. Жир и красная охра, которыми он украшает свою голову, обильно покрывают все тело и служат показателем здоровья и общего настроения дамара. Когда дамара здоров и находится в хорошем расположении духа, он весь красный и сияет как зеркало, а если его видят бледным и тусклым, значит, он либо в плохом расположении духа, либо в плохих обстоятельствах. Как правило, дамары не моются, предпочитая обновлять свою красоту краской и жиром, и естественным следствием этого является то, что они распространяют запах, далеко не приятный для европейских ноздрей, хотя их собственные, кажется, нечувствительны к нему. Действительно, запахи африканских племен настолько сильны, что любой, кто решится оказаться среди них, должен смело отречься от обоняния и принять решение терпеть все виды дурных запахов, так же как он принимает решение терпеть жар солнца и различные тяготы путешествия по чужой земле.

Одежда женщин весьма примечательна, чтобы не сказать уникальна. В детстве они не имеют никакой одежды; и пока их не пригласят замуж, они носят обычный костюм южной Африки, а именно: бахрому-апрон и, возможно, кусок кожи, повязанный вокруг талии; это и бусы составляют их единственную одежду. Иллюстрация № 2, напротив, сделана по рисунку мистера Бейнса, который прекрасно показывает симметричные и изящные фигуры девушек Дамара до замужества, а также их контуры, испорченные тяжелой работой. Рисунок был сделан с натуры и изображает молодую девушку в состоянии покоя. Это кажется довольно странным способом отдыха, но у девушек и женщин Дамары считается делом чести не опускать груз, пока они не донесут его до места назначения, и, поскольку тяжелая корзина утомила ее голову, она подняла ее на обе руки и таким образом "отдыхает", не прекращая прогулки и не опуская ношу.

Не довольствуясь корзиной на голове, она привязывает к спине еще один груз, состоящий из нескольких щенков. Девушки Дамара очень любят щенков и делают из них больших любимцев, обращаясь с ними, как с младенцами, и нося их на руках точно так же, как замужние женщины носят своих детей.

Сразу после предложения руки и сердца дамара надевают характерный костюм матроны. Он отличается особой сложностью и требует тщательного описания, поскольку ни в одной части света нет ничего подобного. Вокруг талии женщина обматывает невероятно длинную веревку из шкуры, такую же, как та, что носит ее муж. Эта веревка настолько пропитана жиром, что мягкая и податливая, как шелк, но имеет недостаток в том, что на ней обитает множество вредных насекомых, истребление которых, однако, кажется, доставляет дамарам

безвредное развлечение. Кроме того, она носит платье из кожи, волосы убраны наружу, а верхняя часть перевернута так, что образует нечто вроде накидки.

Многие дамарские женщины носят любопытные лифы, главное назначение которых - свидетельство того, что огромное количество времени и труда было потрачено на получение очень маленького результата. Небольшие плоские диски из страусиной скорлупы подготавливаются, как уже упоминалось при рассмотрении хоттентотов, и нанизываются друг на друга. Затем несколько нитей укладываются рядом так, чтобы получился широкий пояс, который завязывается вокруг тела и, конечно, составляет приятный контраст с блестящим красным цветом, который так обильно используется и который полностью стирает различия между темными и светлыми людьми. На запястьях и лодыжках они носят череду металлических колец, почти неизменно железных или медных, а некоторые из более богатых носят их так много, что едва могут ходить с комфортом, и их грациозная от природы походка превращается в неловкое ковыляние. Довольно любопытно, что женщины так высоко ценят эти два металла, ведь они сравнительно мало заботятся о более дорогих металлах, таких как латунь или даже золото. Кольца делаются очень просто: это просто толстые прутья, обрезанные до нужной длины, грубо согнутые по форме, а затем зажатые на конечности молотком. Как мы увидим, эти украшения обходились некоторым их владельцам очень дорого.

Самой странной частью женского костюма является головной убор, который можно увидеть на иллюстрации жены воина напротив. Каркас головного убора представляет собой шапку-череп из прочной шкуры, которая плотно прилегает к голове и украшена тремя имитациями ушей из того же материала, по одному с каждой стороны, а третье - сзади. К задней части шапки прикреплен плоский хвост, иногда три фута и более в длину и шесть или восемь дюймов в ширину. Он состоит из полоски кожи, на которой закреплены параллельные нити металлических бусин, или, скорее, "рожков", в основном из олова. Последние несколько дюймов кожаной полосы разрезаны на нити, чтобы сформировать конечную бахрому. Шапка дополнительно украшается ракушками, которые пришиваются вокруг нее последовательными рядами в зависимости от достатка владельца. Вся шапка, а также уши натираются жиром и красной охрой. Вот и все, что касается самой шапочки, которая, однако, неполна без вуали. Это большой кусок тонкой и очень мягкой кожи, который прикрепляется к передней части шапки и, если бы мог свободно висеть, упал бы на лицо и скрыл его. Однако женщины носят его так лишь короткое время, а затем откидывают назад, чтобы он проходил через лоб, а затем падал на одно из плеч.

Как ни тяжела и неудобна эта шапочка, женщина Дамара никогда не ходит без нее и терпит все неудобства ради того, чтобы быть модной. Действительно, это украшение так высоко ценится обоими полами, что мужья обрушивают на своих жен самое сильное недовольство (*то есть* избивают их до полусмерти), если они осмеливаются появиться без него. Одной женщине, чей портрет снимали, порекомендовали оставить головной убор у художника, чтобы избавить ее от необходимости стоять, пока рисуют сложные декорации. Она пришла в ужас от одной мысли о том, чтобы оставить головной убор, и сказала, что муж убьет ее, если увидит без одежды. Если она хочет нести ношу на голове, то не снимает шапку, а сдвигает ее со лба, так что три остроконечных уха оказываются на макушке, а не на макушке, и не мешают.

Какой бы скудной ни была одежда, оба пола очень внимательно относятся к тому, что на них надето, и рассматривают полную наготу в том же свете, что и мы. Они настолько осторожны в этом отношении, что непреднамеренное нарушение этикета дало название реке. Несколько женщин дамара подошли к ней и, увидев, что на противоположном берегу растут ягоды, а

воды не больше чем по пояс, оставили свои фартуки на берегу и перешли вброд. Пока они занимались сбором ягод, поток воды внезапно хлынул вниз по реке, переполнил ее берега и унес платья. После этого дамары стали называть этот поток Окарошек, или "Голая река".

У них есть любопытный обычай скалывать два верхних передних зуба так, чтобы между ними оставалось V-образное пространство. Это делается с помощью кремня, и обычай, с некоторыми изменениями, распространен среди многих других племен.

Уже упоминалось, что у дамаров много скота. Они предпочитают иметь стада одного цвета, любимым оттенком которого является ярко-коричневый, а скот такого цвета в основном отличается выносливостью. Скот дамара очень ценится другими племенами и даже белыми поселенцами за их быстрый шаг, крепкие копыта и выносливость. Однако они довольно склонны к дикости, а поскольку их рога очень длинные и острые, разъяренный бык дамара становится очень опасным животным. Иногда рога быка бывают настолько длинными, что их кончики находятся на расстоянии семи или восьми футов друг от друга. Шерсть этих животных блестящая и гладкая, а хохолок на конце хвоста почти так же примечателен своей длиной, как и рога. Эти хвостовые хохолки часто используются в украшениях и очень востребованы для декорирования стволов ассагаев. Как это обычно бывает с африканским скотом, коровы дают мало молока в день, а если теленок умирает, то и вовсе не дают. В таких случаях дамары набивают шкуру мертвого теленка травой и кладут ее перед коровой, которая вполне довольна. Иногда происходит довольно смешной случай. Корова, вылизывая свое воображаемое потомство, натыкалась на траву, торчащую то тут, то там из грубо набитой шкуры, и, просунув нос внутрь, вытаскивала и съедала всю траву.

Уже упоминалось, что дамары находят большую часть своего пропитания в земле. Их с младенчества приучают копать землю в поисках пищи, и маленьких детей, которые еще не умеют ходить, можно увидеть ползающими по земле, выкапывающими корни и поедающими их. Из-за такой диеты фигуры детей нельзя назвать изящными: их животы выпирают самым нелепым образом, а спины имеют соответствующий изгиб. Способ рытья ям у них называется "воронье" и заключается в следующем: они берут в правую руку заостренную палку, разрывают ею землю, а левой выскребают рыхлую землю. Они очень расторопны в этой работе, поскольку им приходится использовать ее для многих целей, например, для выкапывания земляных орехов, которыми они в основном питаются, для поиска воды и т. д. Иногда они "воронят" норы глубиной в восемнадцать и более дюймов, а диаметром едва ли в шесть дюймов. Слово "ворона" очень часто используется путешественниками в этой части Африки и, к сожалению, вызывает недоумение у новичков, которые не знают, что может означать "ворона" для корней, "ворона-вода" и тому подобное. Конечно, "воронья вода" - это та, что добывается путем рытья ям, и она никогда не бывает так хороша, как та, что можно набрать из какого-нибудь открытого колодца или ручья.

"Воронение" очень полезно при строительстве дома. Женщины набирают несколько довольно крепких, но податливых палок длиной восемь-девять футов, а затем "воронят" соответствующее количество ям в круге диаметром около восьми футов. Палки вставляются в отверстия, верхушки сгибаются и скрепляются между собой, и каркас дома готов. В середине хижины устанавливается крепкий шест с вилообразной вершиной, который поддерживает крышу, как шест для палатки поддерживает полотно. Хворост вплетается в каркас, а на хворост наносится грязь. С одной стороны оставляют отверстие для двери, а с другой - для дымохода. Когда огонь не горит, отверстие закрывают старой воловьей шкурой, которую удерживают на месте тяжелые камни. Кроме того, поскольку от жара огня внутри хижины и солнечных лучей снаружи в крыше появляются различные трещины, шкуры кладут то тут, то там, пока, наконец, старая хижина Дамара не будет почти покрыта шкурами. Днем

они служат вентиляторами, а на ночь тщательно затягиваются и закрываются; дикарь, проводящий весь день под открытым небом, почти неизменно закрывает на ночь каждый глоток воздуха и, кажется, способен существовать без кислорода шесть или восемь часов. Как бы увеличивая вероятность удушья, дамара всегда толпятся в этих хижинах, как можно теснее располагаясь вокруг небольшого костра, занимающего центр.

Что касается мебели, то дамары мало беспокоятся о таких излишествах. Внутри хижины обычно можно увидеть один или два глиняных горшка для приготовления пищи, несколько деревянных сосудов, пару бычьих шкур в качестве стульев, небольшой мешок с жиром, еще один с красной охрой и топор для колки дров. Все остальное имущество они либо носят на себе, либо закапывают в каком-нибудь тайном месте, чтобы его не украли.

Интеллект дамаров, по-видимому, не очень высокого порядка, или, во всяком случае, он не культивируется. Похоже, что они совершенно не умеют считать и даже не могут досчитать до определенного числа. Мистер Гальтон приводит очень забавное описание случая, когда у дамара возникли трудности с простым арифметическим вопросом.

"Мы шли всего три часа и заночевали на самом дальнем водопое, который мы с Гансом исследовали. Теперь нам пришлось довериться проводникам, чьи представления о времени и расстоянии были вызывающе нечеткими; кроме того, в их языке нет сравнений, так что вы не можете сказать им: "Что *длиннее* из двух, следующий этап или последний?", а должны сказать: "Последний этап маленький, следующий - большой?" Ответ не будет: "Это немного длиннее", "намного длиннее" или "очень длиннее", а просто: "Это так" или "Это не так". У них очень плохое представление о времени. Если сказать: "Предположим, мы отправимся в путь на рассвете, где будет солнце, когда мы прибудем?", они назовут самые дикие точки на небе, хотя они чем-то похожи на астрономов и дают имена нескольким звездам. Они не умеют различать дни, но считают их по сезону дождей, сухому сезону или сезону свиных орехов.

"Когда их спрашивают о том, сколько дней пути до того или иного места, их невежество в отношении всех числовых представлений очень раздражает. На практике, чем бы они ни владели в своем языке, они, конечно, не используют числительные больше трех. Когда они хотят выразить четыре, они прибегают к помощи пальцев, которые для них являются таким же грозным инструментом для вычислений, как скользящее правило для английского школьника. После пяти они очень много ломают голову, потому что не остается свободной руки, чтобы схватить и закрепить пальцы, которые нужны для "единиц". Однако они редко теряют волов: о потере одного из них они узнают не по уменьшению численности стада, а по отсутствию знакомого лица.

"Когда происходит бартер, за каждую овцу нужно платить отдельно. Так, если предположить, что две палочки табака будут обмениваться на одну овцу, то дамара будет очень недоволен, если он возьмет двух овец и даст ему четыре палочки. Я так и сделал, и видел, как человек сначала положил две палочки отдельно и посмотрел через них на одну из овец, которую собирался продать. Убедившись, что за эту овцу заплачено честно, и обнаружив, к своему удивлению, что в руках осталось ровно две палки, чтобы рассчитаться за другую овцу, он начинает сомневаться; сделка кажется ему слишком "гладкой", чтобы быть правильной, и он возвращается к первой паре палок; и тогда его ум затуманивался и путался, блуждал от одной овцы к другой, и он прерывал сделку, пока ему не давали в руку две палки, и одну овцу не отгоняли, а затем давали две другие палки и отгоняли вторую овцу.

"Когда ум дамара сосредоточен на числе, он слишком занят, чтобы задумываться о количестве; так, телка покупается у человека за десять палок табака; его большие руки обе раскинуты на земле, и на каждый палец надета палка. Он собирает табак, размер массы его

радует, и сделка заключена. Затем вы хотите купить вторую телку; происходит тот же процесс, но на пальцы кладут не целые, а половинки палочек; мужчина в это время так же доволен, но иногда обнаруживает это и жалуется на следующий день.

"Однажды, когда я наблюдал, как Дамара безнадежно барахтается в расчетах по одну сторону от меня, я заметил Дайну, моего спаниеля, столь же смущенного по другую. Она смотрела на полдюжины своих новорожденных щенков, которых два или три раза убирали от нее, и ее беспокойство было чрезмерным, поскольку она пыталась выяснить, все ли они на месте, или кто-то из них еще отсутствует. Она все время ломала голову, перебирая их взад и вперед, но никак не могла успокоиться. Очевидно, она смутно представляла себе, как считать, но цифра была слишком велика для ее мозга. Если взять их в том виде, в каком они были, - собаку и Дамара, - то сравнение не делало человеку большой чести.

"Итак, поскольку дамары имели самые смутные представления о времени и расстоянии, а их язык был плохо приспособлен для выражения имеющихся у них идей, и, наконец, поскольку правдивая речь была исключением, а не правилом, я счел их информацию малопригодной для практического использования".

Хотя дамарам удалось захватить страну, их нельзя назвать воинственным народом, и они не смогли долго удерживать завоеванные ими земли, весьма непривлекательные для жизни. Их оружие немногочисленно и просто, но, несмотря на это, его изготовление требует больших усилий, и воин дамары следит за исправностью своего грубого оружия не меньше, чем дисциплинированный европейский солдат. Главным и отличительным оружием дамары является ассагай, который имеет мало общего с оружием, уже описанным под этим названием. Он достигает шести футов в длину и имеет огромное лезвие листовидной формы, длиной в фут или более, и пропорционально широкое. Оно сделано из мягкой стали, и его можно сразу же заточить, поскоблив ножом или камнем. Древко соответственно крепкое, а к центру прикреплен один из ниспадающих бычьих хвостов, которые уже упоминались. Некоторые из этих ассагаев сделаны почти полностью из железа и имеют только короткий кусок дерева посередине, который служит рукояткой, а также креплением для бычьего хвоста, который, по-видимому, является неотъемлемой частью дамарского ассагая.

Оружие это, как можно предположить, крайне неэффективное, а клинок чаще используется как нож, чем как оружие нападения. Оно, безусловно, полезно при преследовании слона и другой крупной дичи, поскольку рана, которую оно наносит, очень велика и вызывает большой поток крови; но против врагов-людей оно сравнительно бесполезно. Дамара также носит с собой лук и стрелы, которые являются ужасно неэффективным оружием: стрелок редко попадает в цель на расстоянии более десяти или двенадцати ярдов. Оружие, которым он действительно хорошо владеет, - это набалдашник-керри или короткая дубина, которую он может использовать либо как дубину на короткой дистанции, либо как ракету, в последнем случае бросая ее с силой и точностью, делающими ее действительно грозной. Тем не менее, все вооружение дамары очень скудное, и неудивительно, что, когда ему приходится состязаться с обладателями огнестрельного оружия, он терпит безнадежное поражение.

В столкновениях с готтентотами несчастные дамары ужасно страдали. Они были буквально разорваны на куски гораздо более слабыми силами, причем не из-за особой доблести врага, не из-за особой трусости их самих, а просто потому, что они не знали своих сил. Стойких воинов, хорошо вооруженных своими широколезвийными ассагаями, можно было видеть парализованными страхом при звуке и действии мушкетов, которыми были вооружены хоттентоты, и нередко дамарский солдат замирал в страхе и трепете, пока маленький

хоттентот на расстоянии двадцати шагов намеренно заряжал свое оружие, а затем стрелял в него. Не зная устройства и устройства огнестрельного оружия, дамары не имели представления о том, что оно безвредно в разряженном состоянии (ведь в те времена хоттентоты не знали ни казнозарядных ружей, ни револьверов), и поэтому позволяли нарочно стрелять в себя, в то время как враг действительно находился в их власти.

Если мужчин постигала смерть в поле, то судьба женщин была еще хуже. По обычаю племени дамара, все свое богатство они носили на себе, в виде бус, колец в ушах и особенно больших и тяжелых металлических колец, которыми были украшены их лодыжки и запястья. Когда солдаты-хоттентоты натыкались на женщину дамара, они всегда лишали ее всех украшений, срывали всю одежду в поисках их, а поскольку металлические кольца нельзя было разжать без особого труда, они специально отрезали несчастной женщине руки и ноги, срывали кольца и оставляли ее жить или умереть, как получится. Как ни странно, они часто оставались живы, даже после такого лечения; и, остановив кровь, воткнув обрубки конечностей в горячий песок, некоторые из них умудрялись проползти много миль, пока не возвращались к своим друзьям. В течение некоторого времени после войны часто можно было видеть искалеченных женщин дамара: одни были без ног, другие без рук, а некоторые и вовсе без рук - эти женщины были самыми богатыми, когда на них напали их жестокие враги.

Дамары делятся на несколько эандов - слово, которое имеет некоторую аналогию с индуистской "кастой", каждый эанд имеет свои особые обряды, суеверия и т. д. Одна эанда называется Овакуэюба, или Дети Солнца; другая - Овакуэномбура, или Дети Дождя, и так далее. У эанда есть особые эмблемы или гербы - если можно так выразиться. Эти эмблемы всегда представляют собой определенные деревья или кустарники, которые олицетворяют эанды так же, как красная и белая розы олицетворяют две большие политические партии Англии. В каждой из этих каст есть запрещенные продукты, и они скорее умрут с голоду, чем нарушат закон. Одна эанда не будет есть мясо красных волов, для другой запрещены тягловые волы; и они настолько привередливы, что не прикасаются к сосудам, в которых готовилась такая пища, и даже не стоят с подветренной стороны от огня, чтобы дым не коснулся их. Эти обычаи доставляют дамарам много хлопот в качестве проводников, и только после того, как вождь решительно откажется их ублажать, они соглашаются на время отказаться от своих антипатий.

Этот обычай тем более необычен, что по своей природе и воспитанию дамары не отличаются привередливостью и едят все виды пищи, которые европеец отверг бы с отвращением. Они едят плоть крупного рогатого скота или лошадей, умерших от болезни, а также леопарда, гиены и других хищных зверей. Несмотря на их нечистоплотное питание, они не станут есть сырое или даже недожаренное мясо, и в этом они, безусловно, превосходят многие другие племена, которые, похоже, считают, что приготовление пищи - это ненужная трата времени и топлива. Козы, к счастью для себя, относятся к числу запрещенных животных, и дамары смотрят на них примерно так же, как евреи на свиней.

Как бы они ни любили говядину, они не могут представить себе, что кто-то должен считать мясо частью своей повседневной пищи. По особым случаям они убивают одного быка, а если виновник торжества - богатый человек, то шесть или семь. Но когда забивают вола, он становится почти общей собственностью: каждый, кто находится в пределах досягаемости, требует свою порцию, а в случае отказа грозится уничтожить скупого человека своим проклятием. Они ужасно боятся этого проклятия, полагая, что их здоровье будет подорвано, а силы угаснут. Поэтому мясо в стране Дамара не имеет коммерческой ценности: никто не заботится о том, чтобы обладать пищей, которая практически принадлежит всем, кроме него самого. Коров держат ради их молока, а волов (как говорит мистер Гальтон) просто для того,

чтобы на них смотрели, так же как в Англии держат оленей, которых забивают по особым случаям, но не для того, чтобы обеспечить регулярное снабжение пищей. Дамары очень ценят своих живых быков - настолько, что штраф в два быка считается достаточным возмещением за убийство, - но они мало заботятся о них, когда они мертвы: живая овца гораздо ценнее мертвого быка. Эти люди знают каждого вола, которого когда-либо видели. Их мысли весь день заняты волами, а скот - главная тема их разговоров. Мистер Гальтон обнаружил, что, когда он приезжает на новую станцию, туземцы всегда осматривают его волов, чтобы выяснить, нет ли среди них пропавшего скота; а если он случайно приобрел украденного, его хозяин обязательно найдет его и по законам страны имеет право вернуть его себе. Зная этот закон, он всегда, по возможности, покупал своих волов у людей, в чьем владении они находились уже несколько лет, чтобы никто не мог обосновать свои притязания на них.

Когда дамары находятся дома, они обычно развлекаются вечером пением и танцами. Их музыка очень проста, а главным, если не единственным, инструментом является лук, струна которого натягивается, а затем по ней ритмично ударяют палкой. Музыкант Дамара считает, что главная цель его выступления - имитировать галоп или рысь различных животных. Обычно он делает это с большим мастерством, а испытанием для опытного музыканта является имитация неуклюжего галопа бабуина.

Их танцы действительно замечательны, о чем можно судить по следующему отрывку из работы г-на Бейнса: "Ночью среди дамаров начались танцы, наше внимание привлек звук, средний между лаем собаки и попытками человека вычистить что-то из горла, сильно прогоняя через него дыхание. Мы увидели четырех мужчин, которые, склонив головы, соревновались друг с другом в издании этих восхитительных невнятных звуков, а вокруг них танцевали другие, с гремящими браслетами из твердой семенной скорлупы. Постепенно компания собралась, и женщины присоединились к исполнителям, встав полукругом. Они пели монотонный напев и хлопали в ладоши, а юноши и мальчики подтанцовывали к ним, буквально, а отнюдь не нежно, "били по земле проворными ногами", поднимая пыль и заставляя свои браслеты из ракушек звучать, по их мнению, наиболее мелодично. Вскоре вождь выхватил из костра клеймо и, протанцевав до женщин, как и прежде, воткнул его в землю, удаляясь, а вернувшись, сделал шаг вокруг и над ним, как горец в танце с мечом, не прикасаясь к нему. Затем возвращалась победоносная партия, размахивая широкими копьями, украшенными ниспадающими бычьими хвостами, приветствуемая хором женщин, и время от времени отгоняла немногих врагов, имевших дерзость приблизиться к ним.

"Эта сцена, разыгранная достаточным количеством зрителей, должна быть очень эффектной. В таком виде блики огня, отражающиеся от красных шлемов и сверкающих украшений женщин, мелькающих клинков и развевающихся бычьих хвостов воинов, с переменчивыми бликами, играющими на фоне хижин, краалей и групп скота, были достаточно живописны. Заключительные гортанные звуки были ужасающими; собаки завыли одновременно, а маленький лемур, напуганный этим грохотом, дико метался внутри повозки, тщетно пытаясь выбраться из того, что, по сути, было его единственным безопасным местом".

В стране Дамара власть мужа над женой не столь высока, как в других частях Африки. Конечно, он имеет преимущество в силе, и, когда его разозлят, он будет использовать палку с достаточной свободой. Но если он слишком вольно обращается с палкой, у нее есть негласное право на развод, и она уходит к тому, кто не будет обращаться с ней так жестоко. Мистер Гальтон говорит, что женщины, которых он видел, как оказалось, не испытывали особой привязанности ни к своим мужьям, ни к детям, и что ему всегда было нелегко

определить, к какому мужчине принадлежала та или иная жена в данный момент. Жена дамара ничего не стоит своему мужу, потому что она "ворона", и он не может позволить себе отказаться от ее услуг, которые так полезны при строительстве дома, приготовлении еды и переноске товаров с места на место. У каждой жены есть своя хижина, которую она, конечно, строит сама; и, хотя многоженство в моде, число жен не так велико, как в других племенах. Всегда есть одна главная жена, которая главенствует над остальными, и чей старший сын считается наследником владений отца.

Хотя у дамаров нет настоящей религии, у них много суеверных обычаев, один из которых поразительно напоминает священный огонь древних. Хижина вождя отличается костром, который всегда горит, в хорошую погоду снаружи, а во время дождя - внутри. Следить за этим огнем - обязанность его дочери, которая является своего рода жрицей и официально называется Ондангере. В соответствии со своими обязанностями она совершает различные обряды: окропляет водой коров, когда они выходят кормиться; завязывает священный узел на своем кожаном фартуке, если одна из них умирает, и выполняет другие подобные обязанности. Если положение деревни меняется, она идет впереди волов, неся горящее клеймо от освященного огня и заботясь о том, чтобы время от времени менять его. Если же по какой-то случайности огонь погаснет, то это вызывает большие причитания. Собирается все племя, скот приносится в жертву в качестве искупительной жертвы, и огонь вновь разжигается трением. Если один из сыновей или вождь покидает это место и основывает собственную деревню, он получает немного священного огня и передает его своей дочери, которая становится Ондангере новой деревни.

То, что дамары имеют какое-то смутное представление о бессмертии души, достаточно очевидно, хотя они и утверждают, что не верят в такую доктрину; ведь иногда они приходят на могилу умершего друга или вождя, кладут провизию, просят его есть, пить и веселиться, а затем просят его в ответ помочь им, дать им стада скота и множество жен. Кроме того, они верят, что мертвые возвращаются на землю, хотя и не в человеческом облике: обычно они появляются в облике какого-нибудь животного, но всегда отличаются примесью какого-нибудь другого животного. Например, если дамарец видит собаку, у которой одна нога похожа на страусиную, он знает, что видит привидение, и относится к нему с уважением. Если же она последует за ним, он ужасно пугается, зная, что таким образом предсказывается его смерть. Такое явление называется Отж-юру.

Когда умирает вождь дамара, его хоронят весьма своеобразно. Как только жизнь угасает - некоторые говорят, что еще до последнего вздоха, - присутствующие ломают позвоночник ударом большого камня. Затем они разматывают длинную веревку, опоясывающую поясницу, и связывают тело в сидячем положении, а голову склоняют над коленями. Затем на него накидывают бычьи шкуры и хоронят лицом на север, как уже описывалось при описании бечуанов. Затем в честь умершего вождя забивают скот, а над могилой устанавливают столб, к которому в качестве трофея прикрепляют черепа и волосы. На этот же столб вешают лук, стрелы, ассагаи и дубинки покойного. В землю над могилой и вокруг нее вдавливают крупные камни, а также насыпают большую кучу колючек, чтобы отпугнуть гиен, которые непременно раскопают и сожрут тело до следующего дня. Могила вождя дамара изображена на странице 302. Время от времени вождь приказывает оставить тело в своем доме, в этом случае его кладут на возвышение, а вокруг хижины сооружают крепкую ограду из колючек и кольев.

После завершения похоронных церемоний новый вождь покидает свое место и берет весь народ под свое командование. Он остается в отдалении на несколько лет, в течение которых

носит знак траура - коническую шапку темного цвета, а вокруг шеи - ремешок, к концам которого подвешены два маленьких кусочка страусиной скорлупы.

Когда сезон траура заканчивается, племя возвращается во главе с вождем, который идет к могиле своего отца, преклоняет над ней колени и шепчет, что он вернулся вместе со скотом и женами, которых дал ему отец. Затем он просит помощи у родителя во всех своих начинаниях и с этого момента занимает место, которое до него занимал отец. Затем закалывают скот и устраивают пир в память об умершем вожде и в честь живого; каждый присутствующий съедает мясо, которое раздает сам вождь. Умерший вождь символически принимает участие в пире. Пара веточек, срезанных с дерева той эанды, к которой принадлежал покойный, считается его представителем, и этой эмблемой прикасаются к каждому куску мяса, прежде чем гости его съедят. Таким же образом первое попавшееся ведро молока относят к могиле и выливают на нее.

Если эти церемонии выполнены правильно, деревня строится заново и всегда напоминает покинутую; хижины возводятся на той же земле, и особое внимание уделяется тому, чтобы камины занимали точно такие же места, как и до того, как племя отправилось в добровольное изгнание. Хижина вождя всегда находится на восточной стороне деревни.

У дамаров есть необычный вид клятвы или заверения - "Слезами моей матери!" - форма слов настолько поэтична и патетична, что, кажется, предполагает большие моральные способности у народа, который смог ее придумать и использовать.

ГЛАВА XXXI.
ПЛЕМЯ ОВАМБО ИЛИ ОВАМПО.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПЛЕМЕНИ - ИХ ЧЕСТНОСТЬ - ДОБРОТА К БОЛЬНЫМ И СТАРИКАМ - ДОМАШНИЕ ПРИВЫЧКИ - ДИКОВИННАЯ ОДЕЖДА - ИХ АРХИТЕКТУРА - ЖЕНСКАЯ РАБОТА - СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО - ОРУЖИЕ - СПОСОБ РАЗБИВКИ ЛАГЕРЯ - ЛОВЛЯ РЫБЫ - ХИТРОУМНЫЕ ЛОВУШКИ - ОТСУТСТВИЕ НИЩЕНСТВА - ТАНЦЫ - ПРАВИТЕЛЬСТВО ОВАМБО - ИХ КОРОЛЬ НАНГОРО - ЕГО ВЕРОЛОМНЫЙ ХАРАКТЕР - БРАЧНЫЕ ДЕЛА - ЗАКОН НАСЛЕДОВАНИЯ - ИХ ПИЩА - ЛЮБОПЫТНЫЙ ОБЫЧАЙ ВО ВРЕМЯ ЕДЫ - СПОСОБ ПРИВЕТСТВИЯ ДРУЗЕЙ.

В стране, расположенной на 18° южной широты и 15° восточной долготы, живет довольно примечательное племя, называемое "нангоро". 15° восточной долготы, называемое Овампо, или Овамбо, последнее - обычная форма. На их собственном языке их зовут овахеро, или веселый народ. Они отличаются множеством хороших качеств, которые являются почти исключительными для юга Африки. Прежде всего, они честны, а, как мы уже видели, честность - это качество, которое, похоже, мало кто из жителей юга Африки признает и тем более практикует.

Путешественник, оказавшийся среди дамаров, намаков или бечуанов, должен внимательно следить за каждым своим предметом, и если он оставит какой-нибудь предмет незащищенным хоть на мгновение, он наверняка исчезнет каким-то таинственным образом, и его больше никогда не увидят. Однако г-н Андерссен, которому мы обязаны нашими главными знаниями о племени овамбо, упоминает, что они настолько честны, что даже не тронут без разрешения ничего из его имущества, не говоря уже о краже; и однажды, когда

его слуги случайно оставили несколько пустяковых предметов на последней стоянке, к нему были отправлены гонцы с пропавшими вещами. Среди них воровство полностью признается преступлением, и они достигли такого уровня цивилизации, что определенные лица назначаются в качестве мировых судей и рассматривают дела о воровстве, а также о других преступлениях. Если человека уличат в воровстве, он предстанет перед королевским домом и там будет забит до смерти.

Они добры и внимательны к своим больным и старикам, и в этом отношении выгодно отличаются от других племен южной Африки. Даже зулусы бросают тех, кто слишком стар, чтобы работать, и оставляют их умирать от голода, жажды и лишений, тогда как овамбо заботятся о стариках, больных и хромых и тщательно ухаживают за ними. Одного этого факта достаточно, чтобы поставить их неизмеримо выше соседних племен и отметить неисчислимый прогресс в нравственном развитии.

Примечательно, что овамбо живут не в городах или деревнях, а отдельными общинами, разбросанными по всей земле, причем каждая семья образует общину. Кукуруза и зерно, на которых они в основном живут, сажаются вокруг домов, которые окружены крепким и высоким забором. Туземцы вынуждены жить таким образом из-за поведения некоторых соседних племен, которые периодически совершали на них набеги и наносили большой ущерб их жилищам. А поскольку овамбо - племя исключительно миролюбивое, то, убедившись в безуспешности возмездия, они пришли к такому решению и превратили каждую усадьбу в отдельный форт.

Вероятно, по той же причине рядом с жилищами овамбо встречается очень мало скота, и путешественника поражает тот факт, что, хотя это племя исключительно богато скотом, имея огромные стада, несколько коров и коз - единственные его представители рядом с домами. Дело в том, что стада крупного рогатого скота отгоняют на такое расстояние от домов, чтобы они не только не были заметны для врага, но и могли найти себе много пастбищ и воды. Говорят, что они также разводят большие стада свиней и научились откармливать их, пока они не достигают гигантских размеров. Однако стадам свиней никогда не разрешается приближаться к домам, отчасти по уже указанным причинам, а отчасти из-за их озорных наклонностей.

На первой гравюре на странице 329 изображена архитектура овамбо. Дома с плоскими коническими крышами настолько низкие, что человек не может стоять в них прямо. Но овамбо никогда не хотят стоять прямо в своих домах, считая их всего лишь спальными местами, в которые можно заползти и в которых можно укрыться на ночь. Также видны два зернохранилища, каждое из которых состоит из огромного кувшина, стоящего на подпорках и покрытого тростниковым навесом. На заднем плане виден птичник. Овамбо разводят много домашней птицы, но она мелкая, размером едва ли больше английского бантама. Однако они плодовиты и несут большое количество яиц.

Одежда овамбо, хотя и скудная, весьма примечательна. Что касается мужчин, то они обычно бреют большую часть головы, но всегда оставляют некоторое количество коротких шерстяных волос на макушке. Поскольку череп овамбос имеет довольно странную форму, значительно выступая назад, такая манера придает всей голове очень любопытный эффект. Остальная одежда мужчины состоит в основном из бус и сандалий, первые носятся в основном как ожерелья, а вторые почти точно напоминают сандалии бечуанов, которые уже были описаны. Обычно они носят с собой нож, воткнутый в ремешок, обвязанный вокруг верхней части руки. Нож в целом похож на бечуанский и изготавливается ими самими, поскольку они являются значительными адептами в металлургии. Мехи, используемые

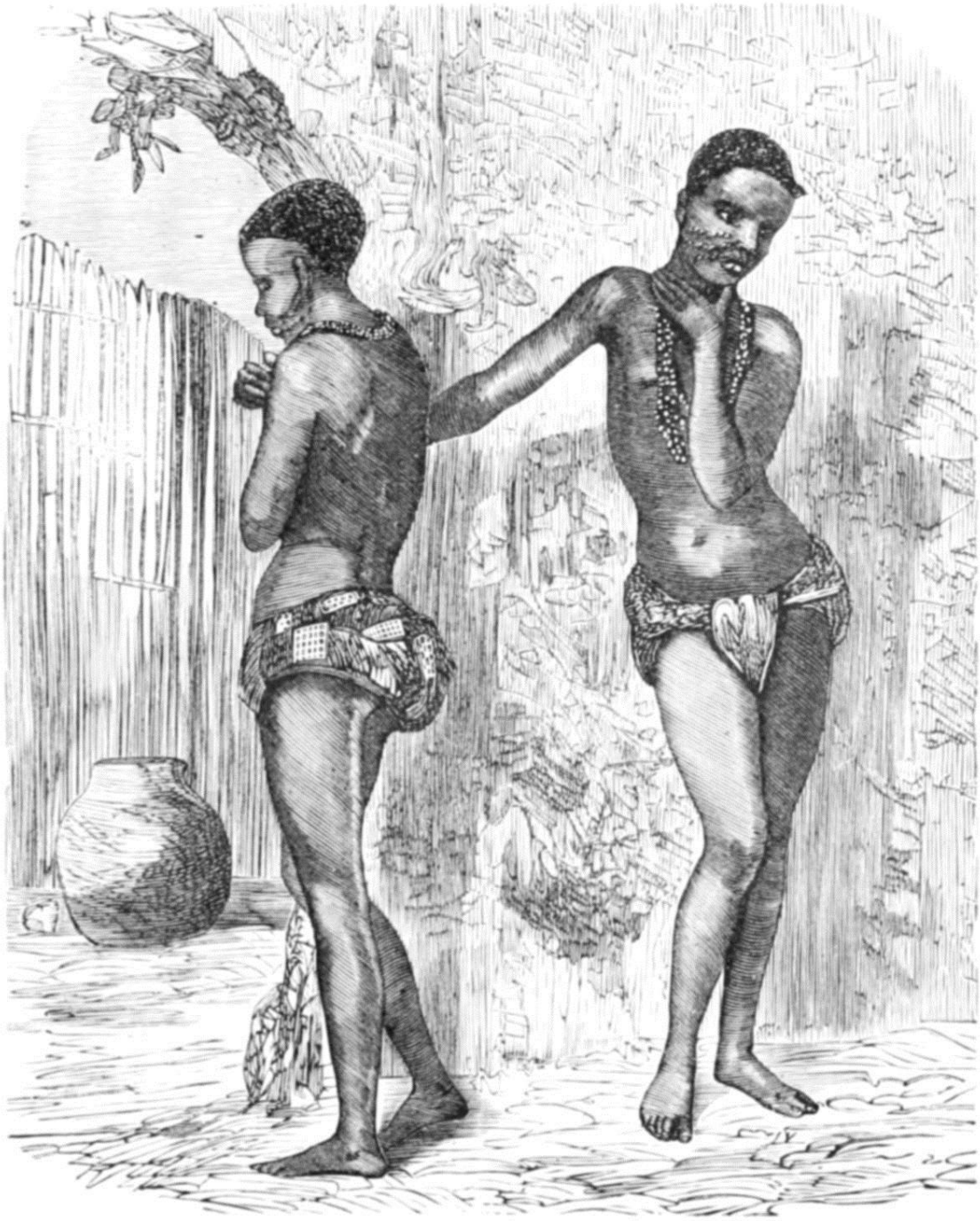
кузнецами, очень похожи на те, что используются у бечуанов, и они стараются обеспечить сильный и устойчивый ветер, устанавливая два комплекта мехов в каждой кузнице и заставляя работать на них двух помощников, в то время как главный кузнец занимается металлом и орудует своим каменным молотом. Металл, такой как железо и медь, который они используют, они получают по бартеру от соседних племен, и обрабатывают его с таким мастерством, что их оружие, топоры и сельскохозяйственные инструменты используются ими в качестве средства обмена с теми самыми племенами, у которых была куплена руда.

У женщин платье гораздо длиннее, чем у представителей другого пола, но оно довольно скудное. Спереди висит фартук странной формы, сзади - другой, обычная форма которого напоминает головку топора, опущенную вниз.

Портрет на следующей странице был сделан с эскиза мистера Бейнса и представляет собой единственного настоящего овамбо, которого он когда-либо видел. Когда он находился в Отджиканго Катити, или "Маленьком Бармане", вождь хоттентотов по имени Ян Арис привел молодую девушку овамбо, сказав, что она доверена ему для воспитания. Конечно, на самом деле она была захвачена во время набега и служила его жене, которая была дочерью знаменитого Джонкера и носила титул Виктории Дамарской. Девочке было около четырнадцати лет, и при виде незнакомца она очень робела, поворачивалась к нему спиной, прятала лицо и разражалась слезами от испуга. Такое положение дало возможность зарисовать замечательное платье девушки овамбо: округлый кусок шкуры был украшен голубыми бусинами. Убедившись, что ей не причинят вреда, она повернулась и вступила в разговор, тем самым дав возможность сделать второй набросок. К поясу, поддерживающему подушку, был прикреплен небольшой фартук из кожи, и кроме него на ней не было никакой другой одежды. Она была симпатичной девушкой, и, если бы ее лицо не было обезображено родовыми знаками, ее можно было бы назвать даже хорошенькой.

Головной убор женщин состоит в основном из их собственных волос, но они постоянно скрепляют их жиром, который выдавливают на голову в виде лепешек, добавляя глину цвета лазури, и используют оба вещества в таком количестве, что верхняя часть головы выглядит довольно плоской и гораздо больше, чем она есть от природы. Такой же смесью жира и глины обильно натирают тело, так что женщина в полном наряде передает часть своих украшений каждому предмету, с которым соприкасается.

Вокруг талии они носят такие массы бусин, раковин и других украшений, что из них получается цельное подобие кирасы, а центр тела полностью покрыт этими украшениями. Многие женщины проявляют большой вкус в расположении бусин и раковин, выстраивая их в узоры и контрастируя различные оттенки в довольно художественной манере. Помимо этого бисерного кирасы, они носят огромное количество ожерелий и нарукавников из тех же материалов. Их запястья и лодыжки обвешаны огромными медными кольцами, некоторые из которых весят до трех фунтов; а поскольку у женщины иногда бывает по два таких кольца на каждой лодыжке, можно представить, что изящества ее походке они ничуть не прибавляют. Молодые девушки, пока они еще не достигли достаточного состояния, чтобы приобрести эти украшения, и пока им приходится довольствоваться легкой одеждой своего пола, выглядят настолько изящно, насколько это необходимо, но ни от одной женщины нельзя ожидать изящного вида или легкого движения, когда ей приходится носить с собой такой нелепый груз украшений. Кроме того, ежедневный двенадцатичасовой труд женщин в значительной степени способствует ухудшению их фигуры. Им, как и всем остальным южноафриканским женщинам, принадлежит труд по строительству домов.



(1.) ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ ОВАМБО.
(См. стр. 316.)

(2.) ЖЕНЩИНЫ, МОЛОТЯЩИЕ КУКУРУЗУ.
(См. с. 319.)

Тяжесть этого труда действительно велика, если принять во внимание размеры жилищ. Сами дома не требуют такого большого труда, как у бечуанов, поскольку, хотя они имеют почти такие же размеры, *то есть* от четырнадцати до двадцати футов в диаметре, они сравнительно низко расположены, а значит, требуют меньше материала и труда. В каждом загоне размещается несколько таких домов, лучшие из которых предназначены для хозяина и его ближайшей семьи, а остальные - для слуг. Кроме зернохранилищ, есть дома для скота, птичники и даже хлева для свиней, причем одно или два животных обычно содержатся в каждой усадьбе, хотя стада категорически исключаются. В пределах одного загона часто можно увидеть несколько обычных хижин босджесменов. Они принадлежат представителям этого странного племени, многие из которых поселились у овамбо и живут с ними в

своеобразных отношениях, считаясь отчасти вассалами, отчасти слугами, а отчасти родственниками.

Кроме того, внутри палисада есть открытое пространство, где жители могут собираться для развлечений и консультаций, а также возделываемая земля, так что можно легко представить, сколько труда было затрачено на создание палисада. Палисадник состоит из столбов длиной не менее восьми футов и соответствующей прочности, каждый из которых по силам обычному рабочему. Они закреплены в земле на небольшом расстоянии друг от друга и прочно зафиксированы с помощью веревочных креплений.

Что касается мужчин, то они занимаются более легкими видами полевых работ, ухаживают за стадами скота и отправляются в торговые экспедиции среди дамаров и других племен. Первый из этих трудов не очень тяжел, поскольку земля здесь удивительно плодородна. Овамбо не нужны тяжелые инструменты, которые приходится использовать каффирским женщинам: одной мотыги вполне достаточно. Поверхность земли представляет собой кремнисто-песчаную почву, но на небольшом расстоянии под ней находится слой голубой глины, которая кажется очень богатой и способной питать растения без помощи навоза. Для работы используется очень маленькая мотыга, и вместо того, чтобы перекапывать всю поверхность, овамбо просто выкапывают небольшие ямки через определенные промежутки, бросают в них горсть кукурузы, закрывают их и оставляют. Эта работа всегда выполняется в конце сезона дождей, так что земля полна влаги, и молодые травинки вскоре прорастают. Затем их прореживают и высаживают отдельно.

Когда кукуруза созревает, женщины завладевают ею, а мужчины могут ловить слонов в ловушки ради их бивней и отправляться в торговые экспедиции с полученной таким образом слоновой костью. Когда зерно выбито из шелухи, его помещают в хранилища, храня в огромных кувшинах из пальмовых листьев и глины, очень похожих на бечуанские, и, как и они, поднятых на фут или около того от земли. Размалывание, или, скорее, толчение зерна, также входит в обязанности женщин, и делается это не камнями, а с помощью грубой ступки. Ствол дерева выдолблен так, чтобы получилась труба, и в эту трубу бросают зерно. Крепкий и тяжелый шест служит пестиком, и весь процесс очень напоминает приготовление масла в старомодной толкушке.

Иллюстрация № 2 на странице 317 сделана по оригинальному эскизу Т. Бейнса, эсквайра, и представляет собой бытовую сцену в усадьбе овамбо. Две женщины в сопровождении детей толкут кукурузу в одной из ступок. На лице одной из них можно увидеть ряд племенных знаков. Это шрамы, полученные путем рассечения щек и втирания глины в раны, и они считаются декоративными. На переднем плане лежит овальный предмет, пронизанный отверстиями. Это детская игрушка, сделанная из плодов баобаба. В кожуре прорезается несколько отверстий, и мякоть выдавливается наружу. Твердые семена остаются внутри плода и, высыхая, издают дребезжащий звук, когда ребенок трясет свою простую игрушку. В примечании к своему рисунку мистер Бейнс утверждает, что это единственный пример детской игрушки, который он нашел на всем юге Африки. Ее существование, похоже, свидетельствует о реальном превосходстве этого замечательного племени. На заднем плане видны хижина и два амбара, а к дому прислонена одна из простых мотыг, которыми обрабатывают землю. Читатель заметит, что железное лезвие установлено на одной линии с рукояткой, а не под прямым углом к ней. На земле лежит водопроводная труба, а все вокруг огорожено высокими палисадами, скрепленными между собой по верху.

Оружие племени овамбо очень простое, как и следовало ожидать от людей, по сути своей мирных и не склонных к войне. В основном это ассагай с большим клинком, очень похожий

на дамарский и столь же бесполезный для военных целей, лук и стрелы, а также набалдашник-ножницы. Ни одно из них не является очень грозным оружием, а лук и стрелы, пожалуй, наименее грозное из трех, поскольку овамбо - жалкие стрелки, их бесконечно превосходят в использовании лука дамарасы и босджесманы, которые получают своего рода мастерство, используя лук в погоне, хотя в дальности и прицельности их с легкостью превзошел бы десятиклассный английский лучник-любитель.

Во время похода они очень изобретательно устраивают лагерь. Вместо того чтобы разжечь один большой костер и лечь вокруг него, как это принято, они первым делом собирают несколько камней размером с кирпич и строят из них ряд круглых кострищ диаметром около двух футов. Эти костры расположены в два ряда, и между ними путешественники устраивают свои примитивные кушетки. Это действительно гениальный план, особенно подходящий для этой страны. В местах, где много древесины, обычай разводить огромные костры вполне уместен, хотя в холодную ветреную ночь путник может обжечься с одной стороны и замерзнуть с другой. Но в стране овамбо, как правило, в качестве топлива используются палки, и можно заметить, что при использовании этих камней тепло не только концентрируется, но и экономится: камни излучают тепло еще долго после того, как огонь угаснет. Такие маленькие костры даже безопаснее, чем один большой, ведь когда большое бревно прогорает насквозь и падает, оно разбрасывает горящие угли на значительное расстояние, некоторые из которых могут упасть на спящих и поджечь их постели.

Овамбо успешно занимаются земледелием и выращивают множество видов овощей. Обычная каффирская кукуруза и разновидность проса - два злака, которых здесь больше всего, и они обладают тем преимуществом, что имеют стебли длиной около восьми футов, сочные и сладкие. Когда кукурузу собирают, колосья просто срезают, а скот пускают в поле, чтобы он питался сладкими стеблями, которые очень откармливают. Фасоль, горох и подобные овощи пользуются большой популярностью у овамбо, которые также успешно выращивают дыни, тыквы, калабаши и другие родственные фрукты. Они также выращивают табак, который, однако, очень низкого качества, не столько из-за некачественного характера растения, сколько из-за несовершенного способа его вяления и хранения. Взятие листьев и стеблей и закладывание их в полый кусок дерева не способствует улучшению вкуса листа, в результате чего табак получается настолько плохого качества, что никто, кроме овамбо, не станет его употреблять.

На берегах реки Окованго живет небольшое племя овамбо, называемое ованкангари, которое питается рыбой и обладает необычайно изобретательным способом ее ловли. Г-н Андерссен приводит следующий рассказ о ловушках, используемых ованкангари: "Река Окованго изобилует, как я уже говорил, рыбой, причем в большом разнообразии. За время моего весьма ограниченного пребывания на ее берегах я собрал около двадцати различных видов и мог бы, хотя и не обладая достаточными средствами для их сохранения, несомненно, удвоить их, если бы мне было предоставлено достаточно времени. Все, что я обнаружил, были не только съедобными, но и весьма приятными на вкус, а некоторые из них обладали даже изысканным ароматом.

"Многие туземцы посвящают значительную часть своего времени рыбалке и используют различные простые, изобретательные и весьма эффективные приспособления для ловли мелкой рыбешки. Однако в самой реке рыбы ловится мало. Именно в многочисленных мелководьях и лагунах, расположенных непосредственно на ее границах и образующихся в результате ее ежегодного разлива, и происходят основные уловы. Рыболовный сезон,

действительно, начинается всерьез только в то время, когда Окованго достигает своей наивысшей отметки воды, то есть когда она перестает разливаться, а временные лагуны или болота, о которых говорилось выше, начинают исчезать.

"Насколько я знаю, для ловли рыбы ованкангари используют не сети, а ловушки различных видов и то, что не без основания можно назвать водными дворами. Эти рыболовные дворы представляют собой определенные участки подходящей воды, огороженные или отгороженные следующим образом: собираются тростники такой длины, которая соответствует воде, для которой они предназначены, складываются в пучки и обрезаются с обоих концов. Затем эти тростники раскладываются в один слой на земле и сшиваются между собой точно так же, как и обычные циновки, но менее трудоемким способом. Не имеет большого значения , какой длины могут быть эти циновки, так как их можно легко удлинить или укоротить в зависимости от необходимости.

"Когда место для рыболовства выбрано, определенное количество таких матов опускается в воду на концах, то есть в вертикальном положении, и располагается либо кругом, либо полукругом, либо линией, в зависимости от формы лагуны или мелководья, которое должно быть огорожено. Однако через определенные промежутки оставляют открытые пространства шириной от трех до четырех футов, и в эти проемы вводят жерди, состоящие из ульевидных масс тростника. Их диаметр в устье зависит от глубины, на которую им приходится опускаться: нижняя сторона прочно прикреплена ко дну воды, а верхняя обычно находится на одном уровне с ее поверхностью или немного возвышается над ней. Для того чтобы тщательно замаскировать эти хитроумные ловушки, на них и вокруг них небрежно набрасывают травы и сорняки".

Овамбо любят развлекаться танцем, который кажется очень приятным для исполнителей, но в котором не могут участвовать те, кто не очень хорошо освоил его странные эволюции. Все танцоры - мужчины, они стоят в два ряда, спина к спине. Звучит музыка, состоящая из барабана и гитары, и исполнители начинают двигаться из стороны в сторону, проходя и обходя друг друга. Внезапно один из исполнителей крутится вокруг себя и наносит мощный удар ногой по человеку, оказавшемуся перед ним; суть танца заключается в том, чтобы подставить свою ногу и избежать чужого удара. Этот танец происходит вечером, и освещается факелами, сделанными просто из высушенных пальмовых веток. Нангоро каждый вечер устраивал танцы во дворе своего дворца, который представлял собой замысловатое сооружение диаметром около ста ярдов и очень лабиринт дорожек, ведущих к танцплощадкам, молотильням, кукурузным складам, женским квартирам и т. п.

Среди овамбо нет нищих. Это может показаться удивительным для тех, кто придерживается распространенного представления о жизни дикарей, а именно, что у них нет различий между богатыми и бедными, хозяевами и слугами. Но на самом деле ранговые различия нигде так резко не выражены, как у дикарей. К королю или вождю приближаются с церемонией, которая почти равносильна поклонению; высший требует почтения, а низший его платит. К богатству дикари стремятся так же, как и европейцы, и богатый человек пользуется таким же уважением из-за своего богатства, как если бы он всю жизнь прожил в Европе. Бедные становятся слугами богатых, а практически - их рабами, на которых смотрят с презрением. Нищенство так же распространено в Африке, как и в Европе, и большой заслугой овамбо является то, что среди них его не встретишь.

Овамбо управляются королем и с большим презрением относятся ко всем племенам, которые не пользуются этой привилегией. Они признают мелких вождей, каждый из которых является главой семьи, но предпочитают монархию любой другой форме правления. Как и в

случае со многими другими племенами, король становится чрезвычайно толстым и, как правило, единственным тучным человеком в стране. Нангоро, который был королем несколько лет назад, особенно выделялся своими огромными размерами, в которых он даже превосходил Панду, каффирского монарха. Он был настолько толст, что его походка сводилась к ковылянию, а дыхание было настолько коротким, что он был вынужден останавливаться через каждые несколько шагов и не мог произнести двух предложений подряд, не испытывая при этом больших неудобств, так что в обычном разговоре его речь состояла в основном из односложных ворчаний. Его характер так же сильно контрастировал с характером его подданных, как и его личность. Он был очень неприятной личностью - корыстной, хитрой и бессердечной. После того как он убедился в эффективности огнестрельного оружия, которым пользовались его белые гости, он попросил их доказать свое оружие, стреляя в слонов. Если бы они попали в расставленную для них ловушку, он задержал бы их отъезд всевозможными спорами, продолжил бы работу по отстрелу слонов и забрал бы всю слоновую кость себе.

После того как они покинули его страну, Нангоро отправил за ними группу людей с приказом убить их всех. Однако командиру отряда не понравилась его миссия - возможно, из-за того, что он видел, как действуют конические пули, выпущенные белыми людьми, - и он снова отвел своих людей домой. Однако одному отряду повезло меньше, и завязалась драка. Мистер Грин с друзьями посетил Нангоро, и их приняли очень гостеприимно. Но как раз перед тем, как они собирались покинуть этот район, на них внезапно напало сильное войско овамбо, около шестисот человек, хорошо вооруженных своим местным оружием - луком, ножом и ассагаем, тогда как вооруженных европейцев было всего тринадцать человек.

К счастью, нападение не было совершенно неожиданным, поскольку произошло множество мелких событий, заставивших путешественников насторожиться. Конфликт был очень ожесточенным, и в конце концов овамбо потерпели полное поражение, имея множество убитых и раненых, а среди первых - одного из сыновей Нангоро. Европейцы же потеряли только одного человека - туземца, который был вероломно заколот еще до начала боя. Самым примечательным в этой схватке было то, что она привела к смерти вероломного короля, который присутствовал при сражении. Хотя он и видел, как используется огнестрельное оружие, но был невысокого мнения о его силе и, кроме того, видел лишь отдельные выстрелы по цели. Многократные выстрелы, оглушившие его слух, и вид его людей, падающих замертво и умирающих вокруг него, так сильно напугали его, что он умер на месте от страха.

Личный характер этого трусливого предателя был отнюдь не из приятных, и он умел мелочно мстить за любую придуманную обиду. Однажды, когда мистеру Андерссену было предложено немного местного пива, от которого он отказался из-за приступа болезни, Нангоро, сидевший напротив путешественника, вдруг с силой ударил его своим скипетром, причинив сильную боль. Он выдал это за розыгрыш, хотя, поскольку скипетр был просто заостренной палкой, шутка была не слишком приятной для его жертвы. На самом деле причиной внезапного нападения стало то, что Андерссен отказался выполнить какую-то просьбу короля.

Он стал ревнивым и злым и получал презрительное удовольствие от того, что всячески мешал своим белым гостям. Их отказ стрелять в слонов и подвергаться всем опасностям охоты, в то время как он должен был получать всю прибыль, был неизменным источником гнева и служил поводом для отказа во всяком жилье. Они не могли даже на полмили отойти от лагеря, не получив предварительно разрешения, а когда они попросили проводников, чтобы направить их в путь, он отказал, заявив, что те, кто не хочет стрелять в слонов для него,

не должны иметь от него проводников. В общем, он держал их в своей стране до тех пор, пока не потребовал от них все, что они могли ему дать, и, в качестве королевского вознаграждения за их подарки, однажды послал им небольшую корзину муки. Затем он был рад избавиться от них, очевидно, опасаясь, что ему придется их кормить, и, проявив необычайную щедрость, ускорил их отъезд, подарив кукурузу, причем не из своих запасов, а из запасов своих подданных , которая, к тому же, прибыла слишком поздно. О его вероломном поведении, когда он отправился за европейской партией, и о провале его планов уже говорилось.

Племени овамбо разрешено иметь столько жен, сколько они пожелают, при условии, что их можно купить за обычную цену. Эта цена зависит не столько от прелестей или достижений невесты, сколько от богатства жениха. Цена на жен гораздо ниже, чем у кафиров: два вола и одна корова считаются обычной суммой, которую должен заплатить человек в скромных обстоятельствах, в то время как человек с некоторым достатком не может купить жену дешевле трех волов и двух коров. Единственным исключением из этого правила является сам король, который берет столько жен, сколько пожелает, не платя за них, поскольку честь его союза считается достаточным вознаграждением. Одна жена всегда занимает главное место, а наследником звания и имущества отца всегда становится один из ее детей. Закон королевского престолонаследия очень прост. Когда король умирает, его преемником становится старший сын его главной жены, но если у нее нет сына, то скипетр переходит к дочери. Так было с толстым королем Нангоро, чья дочь Чипанга была наследницей и впоследствии стала его преемницей.

Однако очень трудно дать точную информацию по столь деликатному вопросу. Племя овамбо не выносит ни разговоров, ни даже мыслей о состоянии человека после смерти, а простое упоминание о преемнике вождя вызывает жестокую обиду, поскольку упоминание о наследнике имущества или преемнике звания подразумевает смерть нынешнего вождя. По этой же причине очень трудно получить от них какую-либо информацию об их представлениях о религии, и любые вопросы на эту тему мгновенно пресекаются. То, что у них есть какие-то представления о религии, достаточно очевидно, хотя они и низводят ее до уровня простого суеверия. Различного рода талисманы они очень ценят, хотя, похоже, рассматривают их скорее как обереги от вреда, наносимого человеком или зверем, чем как нечто, обладающее собственной святостью. Тем не менее, конституционная сдержанность племени овамбо в таких вопросах может заставить их отрицать такую святость для других, хотя они признают ее между собой.

Как и многие другие южноафриканские племена, овамбо очень любят грубую кашу. Они всегда едят ее горячей и добавляют в нее некоторое количество сгущенного молока или полужидкого масла. Они совершенно не пользуются ложками во время еды и, несмотря на характер своей пищи, даже не используют щетку-ложечку, которой пользуются хоттентоты.

Господин Андерссен, путешествуя по стране овамбо, был гостеприимно принят в одном из домов и приглашен на обед. Ложек не было, и он не понимал, как ему есть кашу и молоко без такой помощи. "Увидев, в каком затруднительном положении мы оказались, хозяин быстро погрузил свои жирные пальцы в середину дымящейся массы и достал горсть, которую бросил в молоко. Быстро размешав его со всей силы, он открыл свой вместительный рот, в котором приятная смесь исчезла как по волшебству. Наконец он облизал пальцы и с явным удовлетворением чмокнул губами, глядя на нас, как бы говоря: "Вот это фокус, ребята! Каким бы неприятным ни показалось нам это посвящение, отказываться было бы неблагородно, если не сказать оскорбительно. Поэтому мы начали всерьез, по примеру, опустошая блюдо и время от времени обжигая пальцы, к большому удовольствию наших смуглых друзей".

Однажды тот же путешественник, сопровождаемый несколькими дамарами, столкнулся с группой овамбо, которые дали им в обмен на мясо некоторое количество каши из проса. Обе стороны были одинаково довольны: одни долгое время не ели животной пищи, а другие жили на плотской диете, пока она им не надоела. Сразу же после этого начался большой пир, на котором овамбосцы наслаждались невиданной роскошью мяса, а европейцы и дамары были только рады получить немного растительной пищи. Пиршество походило на все остальные, за исключением того, что одна сторона настаивала на необычной церемонии, а другая ей подчинялась. Дамарам досталась изрядная доля пиршества, но, прежде чем им позволили приступить к трапезе, один из овамбо подошел к ним и, набрав в рот воды, выплеснул немного жидкости им в лицо.

Этот необычный обряд был придуман королем Нангоро, когда он был еще молодым человеком. Среди прочих суеверий у овамбо есть представление о том, что человек особенно восприимчив к колдовству во время еды, и что колдун может лишить жизни любого, с кем ему доведется есть. Поэтому в ход идут всевозможные контрчары, а поскольку тот, о котором идет речь, был изобретен королем, его вскоре взяли на вооружение его верные подданные, и он стал модным во всей стране. Сам Нангоро был так привязан к этим чарам, что когда мистер Гальтон впервые посетил его, он был в равной степени встревожен и удивлен отказом белого человека подчиниться клевете. В конце концов он согласился пойти на компромисс, помазав голову гостя маслом, но, как только ему принесли пиво, он снова стал подозрительным и не стал ни пить его, ни даже оставаться в доме, пока его пили.

Он не согласился бы даже на частичный компромисс, если бы не счастливая мысль о том, что белые люди - существа исключительные, не подчиняющиеся обычным законам природы. В то, что существует страна, где они являются властелинами земли, он категорически отказывался верить, но, как замечает мистер Гальтон, считал их просто редкими перелетными животными, обладающими значительным интеллектом.

Довольно любопытно, что, хотя известно, что дамары никогда не употребляют соль в пищу, овамбо неизменно используют эту приправу.

У них довольно странная манера приветствовать своих друзей. Как только гости усаживаются, появляется большое блюдо со свежим маслом, и хозяин или главный присутствующий мужчина натирает маслом лицо и грудь каждого гостя. Похоже, они получают огромное удовольствие от этого процесса и не могут понять, почему их белые гости должны возражать против церемонии, которая так приятна им самим. Возможно, этот обычай имеет некоторую аналогию с их способом обращения с дамарами во время трапезы. Овамбо до сих пор сохраняют церемонию, которая в точности повторяет ту, что распространена на большей части Востока. Если подданный входит в присутствие своего короля, если простой человек предстает перед своим вождем, он снимает свои сандалии, прежде чем повиноваться.

Читатель, возможно, помнит, что на странице 314 описаны некоторые обряды, связанные с огнем, которые используются среди дамаров. Когда г-н Андерссен отправился в гости к Нангоро, королю овамбо, от короля был послан гонец с огнем, зажженным в королевском костре. Он сначала гасил уже горевший огонь, а затем вновь разжигал его раскаленным клеймом, так что король и его гость должны были согреваться одним и тем же огнем. В этой церемонии присутствует деликатная вежливость, не смешанная с поэтическим чувством.

ГЛАВА XXXII.
ПЛЕМЯ МАКОЛОЛО.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УПАДОК АФРИКАНСКИХ ПЛЕМЕН - ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЛЕМЕНИ МАКОЛОЛО - ОРГАНИЗАЦИЯ ПЛЕМЕНИ СЕБИТУАНЕ - НЕСПОСОБНОСТЬ ЕГО ПРЕЕМНИКА, СЕКЕЛЕТУ - СПОСОБ ПРАВЛЕНИЯ - ВНЕШНИЙ ВИД МАКОЛОЛО - ИХ ОБЩИЙ ХАРАКТЕР - ЧЕСТНОСТЬ - ИЗЯЩНЫЙ СПОСОБ ДЕЛАТЬ ПОДАРКИ - СПОСОБ ПРИВЕТСТВИЯ - ЕДА И ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПИЩИ - ПИР МАКОЛОЛО - ЭТИКЕТ ВО ВРЕМЯ ЕДЫ - УПРАВЛЕНИЕ КАНОЭ - ЖЕНЩИНЫ, ИХ ОДЕЖДА И МАНЕРЫ - ИХ ЦВЕТ КОЖИ - ЛЕГКАЯ ЖИЗНЬ, КОТОРУЮ ОНИ ВЕДУТ - СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА - ЛЮБОПЫТНЫЙ СПОСОБ ПОДНЯТИЯ КРЫШИ - КАК ПРИНИМАТЬ ГОСТЕЙ - СУДЕБНЫЕ ИСКИ И ОСОБЫЕ ХОДАТАЙСТВА - ЗАКОНЫ ИГРЫ - ДЕТСКИЕ ИГРЫ - ДЕРЕВНЯ МАКОЛОЛО - М'БОПО ДОМА - ТОБИ ФИЛПОТ - ПЕСНИ И ТАНЦЫ МАКОЛОЛО - КУРЕНИЕ КОНОПЛИ И ЕГО РАЗРУШИТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ - ЛЕЧЕНИЕ БОЛЬНЫХ И ПОГРЕБЕНИЕ МЕРТВЫХ.

Во всей Африке, расположенной к югу от экватора, мы находим великие события цивилизованного мира, повторенные в меньшем масштабе. Цивилизованная история рассказывает о возникновении и подъеме наций, упадке и падении империй. На протяжении многих веков возникали династии и удерживали свою власть на протяжении многих поколений, постепенно скрываясь перед наплывом более могущественных рас. Царства Египта, Ассирии, Вавилона, Греции, Рима, Персии и т. д. продолжали существовать из поколения в поколение, а некоторые из них существуют до сих пор, хотя и с ослабленной силой. Фараоны исчезли с лица земли, а их метрополия превратилась в пустыню, но Афины и Рим все еще хранят некоторые следы своей исчезнувшей славы.

В Южной Африке, однако, изменения, которые происходят, хотя и точно такие же по принципу, гораздо меньше как по масштабу, так и по продолжительности, и путешественник, который проводит несколько лет в этой стране, может увидеть четыре или пять смен династий за этот короткий период. Например, в течение обычной жизни пламенный гений Чаки собрал несколько разрозненных племен в нацию и создал династию, которая, лишившись своего ведущего духа, пришла в упадок и с тех пор ежегодно стремится вернуться к первоначальным элементам, из которых она состояла. То готтентоты пришли из какой-то неведомой страны и вытеснили аборигенов Кейпа настолько, что никто не знает, что это были за аборигены. В случае островов, таких как полинезийская группа или даже огромный остров Австралия, мы знаем, кем были аборигены; но в отношении Южной Африки у нас таких знаний нет, и, следовательно, наши знания сводятся к тому, что аборигены, кем бы они ни были, точно не были готтентотами. Затем кафиры пришли и вытеснили готтентотов, а голландцы и другие белые колонисты вытеснили кафиров.

Так произошло и с племенем макололо, которое, хотя и рассеяно, и ни в коем случае не сгущено, сумело завладеть значительной частью юга Африки. Происходя от ветви великого племени бечуанов и сохранив многие обычаи этого племени вместе с его мастерством в производстве, они смогли распространиться далеко от своей первоначальной родины и постепенно завоевать господство над большей частью страны вплоть до 14° ю.ш. Однако в 1861 году, когда доктор Ливингстон проезжал через страну макололо, он увидел симптомы ее упадка.

Они были организованы великим и мудрым вождем по имени Себитуане, который в полной мере воплотил в жизнь древнеримский принцип: милость к покорным и война к гордым. Своим успехом Себитуан во многом был обязан тому, что лично вел свои войска в бой. Когда он приближался к врагу, он ощупывал острие своего боевого топора и говорил: "Ага! Он

острый, и тот, кто повернется спиной к врагу, почувствует его острие". Ни один из его воинов, обладая необычайной быстротой, не смог от него убежать, и они поняли, что гораздо безопаснее броситься на врага, имея шанс отбить его, чем убегать, будучи уверенными, что их срубит боевой топор вождя. Иногда трусливые воины прятались или скрывались. Однако Себитуана было не обмануть, и, разрешив ему вернуться домой, он посылал за провинившимся и, насмешливо предположив, что смерть дома предпочтительнее смерти на поле боя, приказывал немедленно казнить его.

Он присоединил завоеванные племена к своему собственному макололо, заявив, что, когда они подчинялись его власти, все они были детьми вождя, а значит, равными; и он доказал свои слова, допустив их к самым высоким почестям и заставив их вступать в браки с его собственным племенем. При нем существовала организованная система главных вождей, мелких вождей и старейшин, через которых Себитуане знал все дела своего королевства и управлял им хорошо и мудро. Но когда он умер, узы, удерживавшие этот народ, ослабли, и ставка была сделана на то, чтобы уступить ему дорогу. Его сын и преемник Секелету оказался неспособен последовать примеру своего отца. Он позволил расовым предрассудкам вновь развиться и сам способствовал их развитию, старательно исключая из своего гарема всех женщин, кроме макололо, и назначая на должности только макололо.

В результате он стал крайне непопулярен среди тех самых племен, которых удалось примирить его отцу, и, как следствие, его вожди и старейшины были сплошь макололо, они не могли пользоваться доверием объединенных племен, и таким образом гармоничная система Себитуане была разрушена. Без доверия к своим правителям народ не может сохранить свое положение великой нации, и Секелету, утратив это доверие, собственными руками подорвал фундамент своего трона. Началось недовольство, и люди стали проводить неблагоприятные сравнения между его правлением и правлением его отца. Некоторые даже сомневались, что такой слабый и бесцельный человек действительно может быть сыном их оплакиваемого вождя, "Великого Льва", как они его называли. "В его времена, - говорили они, - у нас были великие вожди, и малые вожди, и старейшины, чтобы управлять страной, и великий вождь, Себитуане, знал их всех, и вся страна управлялась мудро. Но теперь Секелету ничего не знает о том, что делают его подчиненные, а они не заботятся о нем, и власть Макололо быстро уходит".

Тогда Секелету заболел страшной и обезображивающей болезнью, закрылся в своем доме и не показывался, не позволяя никому приближаться к себе, кроме одного фаворита, через которого его приказы передавались народу. Но народу надоело, что им правит наместник, и тогда было организовано несколько заговоров, которые никогда не удавалось осуществить при всепроникающем правлении Себитуане, а несколько крупных вождей смело бросили вызов своему королю. Пока жил Секелету, королевство сохраняло номинальное, хотя и не реальное существование, но уже через год после его смерти, которая произошла в 1864 году, со всех сторон начались гражданские войны; разделенное таким образом королевство ослабло и не смогло противостоять вторжениям соседних племен, и таким образом за несколько лет великая империя Макололо распалась на части. По мнению д-ра Ливингстона, об этом событии стоило сожалеть, поскольку макололо не были работорговцами, в то время как племена, которые в конце концов завладели их землей, были ими; и, поскольку их владения простирались на столь обширной территории, было большим благом, что отвратительная работорговля не была разрешена.

Мистер Бейнс, знавший и отца, и сына, имеет самое низкое мнение о последнем и самое высокое о первом. В своих записях, которые он любезно предоставил в мое распоряжение, он кратко характеризует их следующим образом: "Себитуане, полированный, милосердный

человек. Секелету, его преемник, шустрый молодой сноб, не имеющий рассудка. Убил советников своего отца и делал то, что ему нравилось. Помогал миссионерам скорее умереть, чем жить, даже если не отравлял их намеренно, а затем грабил их запасы провизии".

Настоящие макололо - прекрасная раса людей, цвет их кожи светлее, чем у окружающих племен, - насыщенный теплый коричневый, а не черный, и они довольно своеобразны в своей интонации, произнося каждый слог медленно и нарочито медленно.

Общий характер этого народа кажется высоким, и во многих отношениях его можно сравнить с овамбо. Они доказали свою храбрость многочисленными победами , хотя весьма примечательно, что в противостоянии со львом они не проявляют такого же мужества, как в войне против своих соплеменников. Однако они не лишены мужества и присутствия духа на охоте, хотя грозный царь зверей, кажется, оказывает на них такое влияние, что они боятся сопротивляться его набегам. Буйвола действительно следует бояться не меньше, чем льва, и все же макололо сравнительно равнодушны, когда преследуют его. У этого животного есть неприятная привычка сворачивать с тропы, приседать в кустах, позволяя охотникам пройти мимо своего укрытия, а затем внезапно бросаться на них с такой силой и яростью, что кусты разлетаются перед его стремительным бегом, как осенние листья под ветром. Однако охотники макололо ничуть не боятся этого грозного животного, только отпрыгивают за дерево, когда оно нападает, а затем бросают свои копья, когда оно проносится мимо них.

Гостеприимство - одна из их главных добродетелей, и проявляется оно со скромностью, которая весьма примечательна. "Жители каждой деревни, - пишет Ливингстон, - обращались с нами очень щедро, даря, помимо волов, масло, молоко и еду, больше, чем мы могли уложить в наши каноэ. Коровы в этой долине сейчас дают, как это часто бывает, больше молока, чем люди могут использовать, а мужчины и женщины дарят масло в таких количествах, что я смогу освежить своих людей, пока мы идем". Помазание кожи предотвращает чрезмерное испарение жидкости из организма и служит одеждой как на солнце, так и в тени".

"Они всегда делали свои подарки изящно. Когда дарили вола, хозяин говорил: "Вот тебе немного хлеба". Это было приятно, так как я привык, что бечуаны преподносят жалкого козленка с высокопарным восклицанием: "Вот бык!". Женщины упорно продолжали осыпать меня пронзительными похвалами, или "убаюкиваниями", но хотя я часто говорил им, чтобы они изменили свои "Великие лорды" и "Великие львы" на более скромные выражения, они так явно намеревались оказать мне честь, что я не мог не порадоваться пожеланиям бедных созданий нашего успеха".

Один из замечательных примеров честности этого племени привел доктор Ливингстон. В 1853 году он оставил в Линьянти, местечке на реке Замбези, повозку с документами и магазинами. Он уехал из Линьянти, где обнаружил, что за ним присылали письма и посылки. Поэтому в 1860 году он решил вновь посетить это место и, прибыв туда, обнаружил, что все в повозке находится в том же состоянии, в каком он оставил ее на попечение короля семь лет назад. Старосты были очень рады его возвращению и только сетовали, что он не приехал в предыдущий год, который выдался особенно обильным.

Такая честность тем более удивительна, что у них были все основания опасаться нападения матабеле, которые, узнав, что в этом месте хранится повозка с имуществом, сразу же напали бы на Линьянти, несмотря на его сильное положение среди рек и болот. Однако люди Макололо договорились, что в таком случае они будут сражаться, защищая повозку, и что первый человек, ранивший матабеле при защите повозки, получит в награду скот. Однако

вполне вероятно, что большое личное влияние, которое доктор Ливингстон оказывал на короля и его племя, во многом определило поведение этих макололо, и что человек с меньшими способностями и опытом ограбил бы все, что можно было украсть.

Когда туземцы путешествуют, особенно если их возглавляет вождь, происходят аналогичные церемонии, причем женщинам поручается встречать гостей. Для этого они издают пронзительный, продолжительный, волнообразный крик, производимый быстрым движением языка и выразительно называемый "убаюкивание". Мужчины следуют их примеру, и по этикету вождь принимает все эти приветствия с полным безразличием. Как только вновь прибывшие усаживаются, завязывается разговор, в ходе которого собеседники обмениваются новостями, а затем встает глава племени и выносит пиво в больших горшках. Кубки из калабаша передаются по кругу, и каждый считает за честь выпить как можно быстрее, хрупкие кубки часто разбиваются в этом дружеском соперничестве.

Кроме пива, в изобилии производятся кувшины со сгущенным молоком, и каждый из них отдается одному из главных мужчин, который волен делить его по своему усмотрению. Макололо, хотя и произошли от бечуанов, пренебрегают ложками, предпочитая зачерпывать молоко руками, а если им дают ложку, они просто черпают немного молока из кувшина, кладут его в руки и так едят. Вождь должен устроить несколько мясных пиров для своих последователей. Он выбирает быка, отдает его какому-нибудь благосклонному человеку, который убивает его, пронзая сердце тонким копьем. Рану тщательно зашивают, чтобы животное истекало внутренней кровью, и вся кровь, а также внутренности становятся достоянием мясника.

Едва бык умирает, как его разделывают, причем лучшие части, а именно горб и ребра, принадлежат вождю, который также распределяет различные части убитого животного между своими гостями, как Иосиф поступил со своими братьями, причем каждый из почетных гостей распределяет свою часть между ближайшими последователями. Процесс приготовления достаточно прост: мясо просто режут на полоски и бросают на огонь, часто в таком количестве, что он почти потухает. Прежде чем оно наполовину сварится, его снимают с углей и едят, пока оно такое горячее, что никто, кроме опытного мясоеда, не выдержит; главная цель - ввести в желудок как можно больше мяса за определенное время. Неприлично есть после того, как его спутники закончили трапезу, поэтому каждый гость ест столько и так быстро, как может, и ведет себя так, словно учился в школе сэра Дугалда Далгетти. Не принято есть в одиночестве, и, зная об этом обычае, доктор Ливингстон всегда ставил рядом с собой вторую чашку чая или кофе, чтобы вождь или один из главных мужчин мог присоединиться к трапезе.

Среди макололо ранг имеет как свои недостатки, так и свои привилегии, и среди первый можно отнести к числу обычаев, регулирующих прием пищи. Вождь не может обедать в одиночестве, кроме того, необходимо, чтобы за каждым приемом пищи съедалась вся провизия. Если Секелету убивал быка, то за один прием пищи съедалась каждая его частица, и в результате он часто страдал от голода, прежде чем для него и его последователей успевали приготовить еще одну порцию. Этот обычай настолько прочно укоренился в характере макололо, что, когда доктор Ливингстон посетил Секелету, тот был весьма возмущен тем, что часть еды была отложена в сторону. Однако вскоре он увидел преимущество этого плана и через некоторое время сам стал следовать ему, несмотря на уговоры стариков; и пока миссионер был с ним, они играли на руку друг другу, каждый из них оставлял для другого порцию во время каждого приема пищи.

Уже упоминалось о каноэ. Поскольку макололо много живут на берегах реки Замбези, они, естественно, используют каноэ и умело им управляют. Эти каноэ плоскодонные, чтобы они могли преодолевать многочисленные мелководья Замбези, и иногда достигают сорока футов в длину, неся на себе от шести до десяти гребцов, а также другой груз. Весла имеют длину около восьми футов, и, когда каноэ попадает на мелководье, весла используются как стойки для понта. Во время работы гребцы стоят и держат время так же хорошо, как если бы они участвовали в университетских гонках, поэтому они приводят судно в движение со значительной скоростью.

Будучи плоскодонными, лодки требуют очень умелого управления, особенно на такой быстрой и изменчивой реке, как Замбези, где вялые глубины, мели с камнями и стремительные пороги сменяют друг друга. Если каноэ случайно окажется боком к течению, оно неизбежно будет разбито, и, поскольку макололо не все умеют плавать, несколько человек из команды, вероятно, утонут. Поэтому, как только кажется, что опасность надвигается, те, кто умеет плавать, прыгают в воду и проводят каноэ через затонувшие камни и опасные водовороты. Умение управлять каноэ особенно необходимо в погоне за бегемотом, на которого они охотятся в его собственной стихии и который им редко удается добыть, несмотря на огромные размеры, яростную злобу и грозные челюсти этого удивительного животного.

Одежда мужчин мало чем отличается от той, что используется в других частях Африки к югу от экватора, и состоит в основном из кожи, обернутой вокруг чресл, и наброшенной на плечи мантии из того же материала, причем последняя носится только в холодную погоду. Макололо - чистоплотная раса, особенно когда они оказываются поблизости от реки или озера, в которых они купаются по несколько раз в день. Однако мужчины в этом отношении лучше женщин, которые, похоже, боятся холодной воды, предпочитая натирать тело и конечности топленым маслом, которое делает их кожу блестящей и защищает от паразитов, но при этом придает особый неприятный запах им самим и их одежде.

Что касается женщин, то они одеты гораздо лучше, чем мужчины, и очень любят украшения, носят кожаные килты и каросы и украшают себя столькими украшениями, сколько могут себе позволить. Путешественник, которого мы уже цитировали, упоминает, что сестра великого вождя Себитуане носила столько украшений, что их хватило бы на обычного человека. На каждой ноге у нее было по восемнадцать колец из цельной латуни толщиной с мужской палец и по три из меди под каждым коленом; девятнадцать таких же колец на правой руке и по восемь из латуни и меди на левой. Кроме того, у нее было большое кольцо из слоновой кости над каждым локтем, широкая лента бус вокруг талии и еще одна вокруг шеи - всего около ста больших и тяжелых колец. Вес колец на ее ногах был так велик, что ей пришлось обмотать нижние кольца мягкими тряпками, так как они стали натирать лодыжки. Под этим грузом металла она могла ходить только неловко, но мода оказалась сильнее боли у этой женщины Макололо, как и у ее европейских сестер.

Как по цвету кожи, так и по общим манерам женщины макололо превосходят большинство племен. Отчасти это превосходство объясняется светлым теплым коричневым цветом их лица, а отчасти - их образом жизни. В отличие от женщин обычных африканских племен, женщины макололо ведут сравнительно легкую жизнь, их тяжелый труд разделяют их мужья, которые помогают им копать землю и выполнять другую грубую работу. Даже домашнюю работу чаще выполняют слуги, чем хозяйки дома, так что женщины макололо не подвержены той быстрой деградации, которая так заметна в других племенах. На самом деле у них так много свободного времени и так мало занятий, что они склонны впадать в довольно рассеянные привычки и проводить большую часть своего времени за курением конопли и

питьем пива, причем первая привычка является самой коварной и способна вызывать своеобразные эрозивные заболевания. Секелету был приверженцем конопляной трубки, и чрезмерное увлечение этой роскошью вызвало у него болезнь, от которой он впоследствии умер.

Единственная тяжелая работа, которая выпадает на долю женщин макололо, - это строительство дома, которое полностью возлагается на них и их слуг. Способ строительства дома весьма примечателен. Сначала строится цилиндрическая башня из кольев и тростника, оштукатуренная грязью, высотой около девяти или десяти футов, стены и пол гладко оштукатурены, чтобы в них не заводились насекомые. Затем на землю укладывается большая коническая крыша, полностью покрытая тростником. Затем она поднимается многими руками и устанавливается на вершине круглой башни. Поскольку крыша выходит далеко за пределы центральной башни, ее поддерживают кольями, а промежутки между ними, как правило, заполняют стеной или забором из тростника, оштукатуренного грязью. Эта крыша не прикреплена прочно ни к опорным кольям, ни к центральной башне, и может быть снята по желанию. Когда к макололо приезжает гость, его часто селят на ночлег, просто сняв готовую крышу с недостроенного дома и положив ее на землю. Хотя она настолько низкая, что человек едва ли может сидеть, а тем более стоять прямо, это очень хорошо подходит для южной Африки, где вся активная жизнь, как правило, проходит под открытым небом, а дома используются только в качестве спальных помещений. Дверной проем, через который можно попасть в круглую камеру, всегда небольшой. В доме, который отвели доктору Ливингстону, он был всего девятнадцать дюймов в высоту, двадцать два в ширину у пола и двенадцать вверху. Коренной житель Макололо, не обремененный одеждой, проходит через этот дверной проем достаточно легко; но европеец, имеющий при себе одежду, испытывает серьезные затруднения при попытке проникнуть в дом Макололо. Кроме как через эту дверь, в башне нет ни света, ни вентиляции. Некоторые из лучших домов имеют две, а то и три такие башни, построенные концентрически друг с другом, и каждый из них имеет вход размером примерно с дверь обычной собачьей конуры. Конечно, ночью атмосфера здесь очень тесная, но жителей это не волнует.

Иллюстрация № 2 на следующей странице сделана по эскизу, предоставленному мистером Бейнсом. На ней изображен почти готовый дом макололо на берегу реки Замбези, прямо над великим водопадом Виктория. Женщины положили крышу на здание и занимаются окончательным закреплением соломы. В центре видна цилиндрическая башня, образующая внутреннюю камеру, а также часть абсурдно маленькой двери, через которую в нее входят. Вокруг нее находится внутренняя стена, которая также оснащена дверным проемом. Они сделаны из кольев и прутьев, на которые нанесено большое количество глины, хорошо утрамбованной вручную, чтобы получилась толстая и прочная стена. Глину добывают из муравейников и обычно замешивают с коровьим навозом, в результате чего получается своеобразная штукатурка, очень прочная и прекрасно поддающаяся выравниванию. Даже стена, окружающая здание, и весь пол сделаны из того же материала.

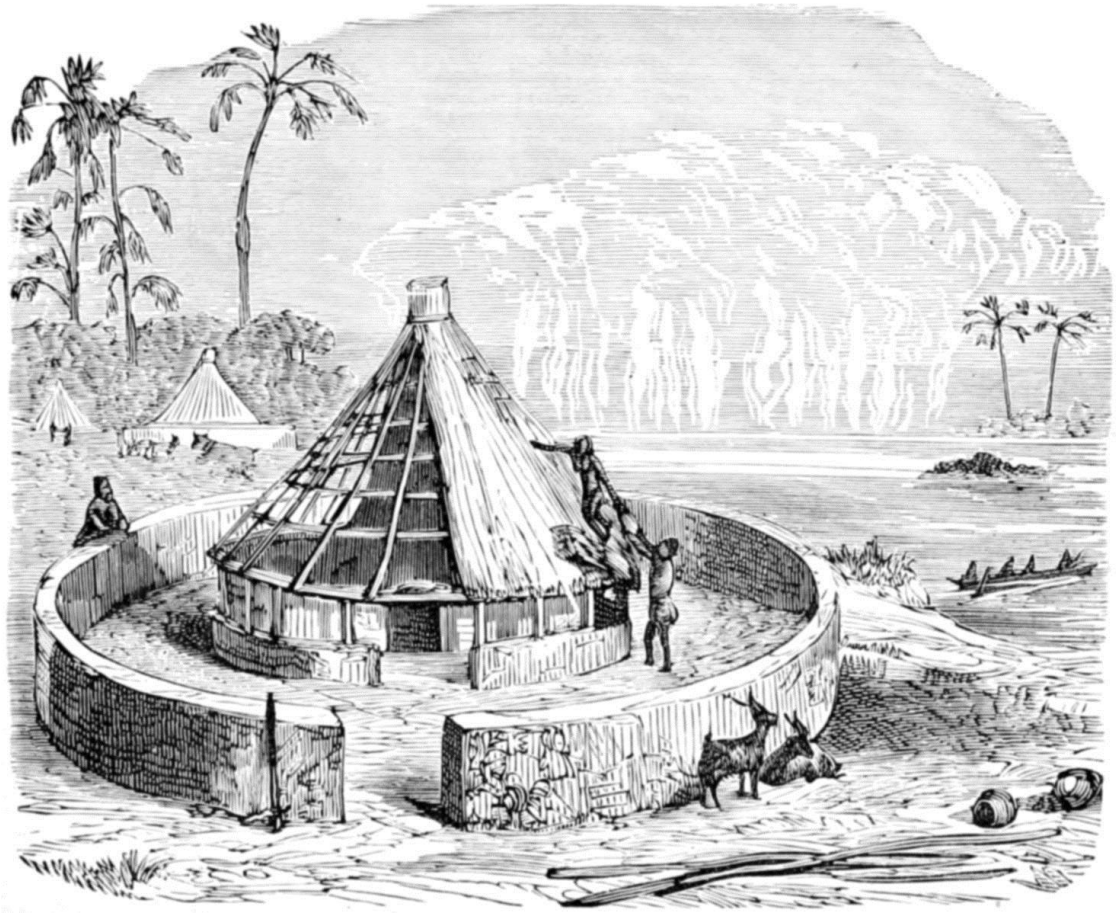
Как видно, в этом здании четыре концентрические стены. Сначала идет внешняя стена, которая опоясывает все помещение. Далее идет низкая стена, которая примыкает к столбам, поддерживающим концы стропил, и частично опирается на них. Внутри нее находится третья стена, которая окружает то, что можно назвать обычной гостиной дома; а внутри всех стен находится внутренняя камера, или башня, которая на самом деле является еще одной круглой стеной гораздо меньшего диаметра и гораздо большей высоты. Видно, что стены самого дома регулярно увеличиваются в высоту и уменьшаются в диаметре, чтобы соответствовать конической крыше.

Слева на рисунке изображена часть просяного поля, за которым находятся несколько готовых домов. Среди них - несколько веерных пальм с изогнутыми листьями. Слева - молодое дерево, сохранившее все свои листья, справа - старое, сбросившее листья к основанию ствола, а листва и утолщенная часть ствола постепенно поднимаются вверх. На реке Замбези растет еще больше пальм, а на заднем плане видны огромные тучи брызг, поднимающиеся от водопада.

Сравнительно легкая жизнь, которую ведут женщины макололо, делает полигамию для них меньшим испытанием, чем для соседних племен, и, в сущности, даже если бы мужчины были готовы отказаться от этой системы, женщины не согласились бы на это. У них брак, хотя он никогда не поднимается до того ранга, который он занимает в цивилизованных странах, не является простым вопросом бартера. Правда, муж должен выплатить определенную сумму родителям своей невесты в качестве вознаграждения за ее услуги, а также для того, чтобы сохранить в своей семье детей, которых она может родить и которые по закону должны принадлежать ее отцу. Кроме того, когда жена умирает, муж обязан послать ее семье быка, чтобы возместить им потерю; при этом она все еще считается частью семьи своего родителя, а ее индивидуальность не полностью сливается с индивидуальностью мужа.

Многоженство в моде среди макололо, и это действительно абсолютная необходимость в нынешних условиях жизни расы, и женщины так же, как и мужчины, не захотят, чтобы им навязывали систему моногамии. Ни один мужчина не пользуется уважением у своих соседей, если у него нет нескольких жен, и без них он не мог бы быть богатым; каждая жена обрабатывает определенное количество земли, а продукция идет в общий фонд. Конечно, есть случаи, когда многоженство, безусловно, является тягостным, как, например, когда старики предпочитают жениться на очень молодых женах. Но в целом и при существующих условиях полигамия - единственно возможная система.

(1.) ДОМА ОВАМБО.
(См. с. 316.)



(2.) СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМОВ.
(См. с. 328.)

Другая причина множественности жен, которую называют они сами, заключается в том, что мужчина с одной женой не смог бы проявлять гостеприимство, которое является одной из особых обязанностей племени. Чужестранцев принимают в хижинах и оказывают им почести, а поскольку женщины - главные поставщики пищи, главные земледельцы и единственные хранители запасов кукурузы, их сотрудничество абсолютно необходимо любому, кто хочет воплотить в жизнь гостеприимные институты своего племени. Уже упоминалось, что мужчины часто берут на себя часть тяжелой работы. Этот похвальный обычай, однако, преобладает в основном среди истинных мужчин макололо, а инкорпорированные племена предпочитают следовать обычному африканскому обычаю и заставляют женщин работать, пока они сидят и курят свои трубки.

Мужчины стали адептами резьбы по дереву, делая деревянные горшки с крышками, миски и кувшины всех размеров. Кроме того, в последние годы макололо стали считать, что сидеть на табурете удобнее, чем на корточках на голой земле, и, как следствие, начали вырезать на ножках своих табуретов различные узоры.

Как и люди, от которых они произошли, макололо - законолюбивая раса и управляют своим государством с помощью советов или парламентов, напоминающих пичо бечуанов и состоящих из нескольких человек, собранных в круг вокруг вождя, который занимает середину. Однажды, когда вокруг солнца образовался большой ореол, доктор Ливингстон указал на него своему главному лодочнику. Тот сразу же ответил, что это собрание баримо,

то есть богов или ушедших духов, которые собрались вокруг своего вождя*, то есть* солнца.

За крупные преступления обычно проводится пичо, и обвиняемый, если его признают виновным, приговаривается к смерти. Обычный способ казни - двое мужчин берут приговоренного за запястья, ведут его за милю от города, а затем закалывают копьем. Сопротивления не оказывают, преступнику не разрешают говорить. Все происходит настолько тихо, что в одном очень примечательном случае вождь соперников был убит в нескольких ярдах от доктора Ливингстона, и он не знал об этом.

Вскоре после смерти Себитуане, когда его сын Секелету был еще восемнадцатилетним юношей и только вступил на престол, на трон претендовал соперник по имени Мпепе, которого Себитуане назначил вождем одного из подразделений племени. Свои притязания он подкреплял суеверием, в течение нескольких лет проводя обряды заклинаний, на которые собирались туземные чародеи, и совершал ряд столь сильных чародейских действий, что его боялся даже сильный духом Себитуане. После смерти этого великого вождя Мпепе организовал заговор, с помощью которого ему удалось бы убить Секелету и занять его трон. Однако заговор был раскрыт, и в ночь его провала палачи тихо подошли к костру Мпепе, взяли его за запястья, вывели и закололи.

Иногда преступника отвозят в лодке на реку, душат и бросают в воду, где его ждут крокодилы. Неповиновение приказу вождя считается вполне достаточным основанием для такого наказания. За меньшие проступки назначаются штрафы, причем парламент не требуется, а дело рассматривается перед вождем. Доктор Ливингстон в очень наглядном стиле рассказывает о том, как ведутся такие дела. "Заявитель просит человека, на которого он хочет подать жалобу, пойти с ним к вождю. В этом ему никогда не отказывают. Когда оба находятся в котле, жалобщик встает и излагает все дело перед вождем и людьми, которые обычно там собираются. После этого он стоит несколько секунд, чтобы вспомнить, не забыл ли он чего-нибудь. Свидетели, на которых он ссылался, затем встают и рассказывают все, что они сами видели или слышали, но не то, что они слышали от других. Обвиняемый, по прошествии нескольких минут, чтобы не прерывать никого из противной стороны, медленно поднимается, складывает плащ и самым спокойным и обдуманным образом, зевая, сморкаясь и т. д., начинает излагать суть дела, отрицая обвинение или признавая его, в зависимости от обстоятельств.

"Иногда, раздраженный его замечаниями, истец произносит фразу несогласия. Обвиняемый спокойно поворачивается к нему и говорит: "Молчите, я сидел спокойно, пока вы говорили. Разве вы не можете сделать то же самое? Вы хотите, чтобы все было в вашем распоряжении? И, поскольку аудитория соглашается с этим перебранкой и принуждает к молчанию, он продолжает, пока не закончит все, что хотел сказать в свою защиту. Если у него есть свидетели истинности фактов его защиты, они дают свои показания. Клятва не приносится, но иногда, когда заявление ставится под сомнение, человек говорит: "Клянусь моим отцом" или "Клянусь вождем, это так". Их правдивость между собой весьма примечательна, но их система правления такова, что европейцы не в состоянии легко ее осознать. Бедный человек в свою защиту от богатого скажет: "Я удивлен, что такой великий человек, как он, выдвигает ложное обвинение", - как будто преступление, связанное с ложью, рассматривается как преступление против общества, в поддержании которого упомянутый человек был больше всего заинтересован".

Когда дело передается на рассмотрение короля вождями или другими влиятельными людьми, ожидается, что советники, присутствующие в королевском присутствии, выскажут

свое мнение, и разрешение на это подразумевается всякий раз, когда король хранит молчание после того, как выслушает обе стороны. Согласно этикету, все ораторы стоят, кроме короля, который имеет привилегию говорить сидя.

В стране даже существует ряд законов о дичи, согласно которым вся слоновая кость по праву принадлежит королю, и каждый бивень должен быть принесен ему. Однако это право лишь номинальное, поскольку предполагается, что король будет делить слоновую кость между своими людьми, а если он этого не будет делать, то не сможет обеспечить соблюдение закона. Фактически весь закон сводится к тому, что король получает один бивень, охотники - другой, а плоть принадлежит тем, кто убил животное. А так как плоть для людей гораздо ценнее слоновой кости, то такое положение вещей гораздо справедливее, чем кажется на первый взгляд.

Практически это система надувательства. Удачливые охотники убивают двух слонов, приносят четыре бивня королю и заставляют поверить, что предлагают их ему для принятия. Он верит, что принимает их как свое право, а затем верит, что преподносит им два в качестве бесплатного подарка от себя. Они признают королевскую щедрость с обильной благодарностью и перечислением титулов, таких как Великий Лев и т. д., и таким образом все стороны остаются одинаково довольны.

На странице 319 я описал детскую игрушку из записок мистера Бейнса, единственный пример настоящей игрушки, который он нашел во всей Южной Африке. Среди макололо, впрочем, как и среди европейцев, дух игры силен в детях, и они участвуют в различных играх, главным образом состоящих в детском подражании более серьезным занятиям своих родителей. Доктор Ливингстон приводит следующий рассказ об их играх: "Дети весело проводят время, особенно в вечернюю прохладу. Одна из их игр заключается в том, что маленькую девочку несут на плечах двое других. Она сидит с вытянутыми руками, а они ходят вокруг нее, а все остальные хлопают в ладоши и, останавливаясь перед каждой хижиной, поют красивые песни, некоторые отбивают время на своих маленьких килтах из коровьей шкуры, а другие издают любопытные гудящие звуки между песнями. За исключением этого и скакалки, игры девочек заключаются в подражании серьезной работе их матерей: они строят маленькие хижины, делают маленькие горшочки и готовят еду, толкут кукурузу в миниатюрных ступах или мотыжат крошечные огороды.

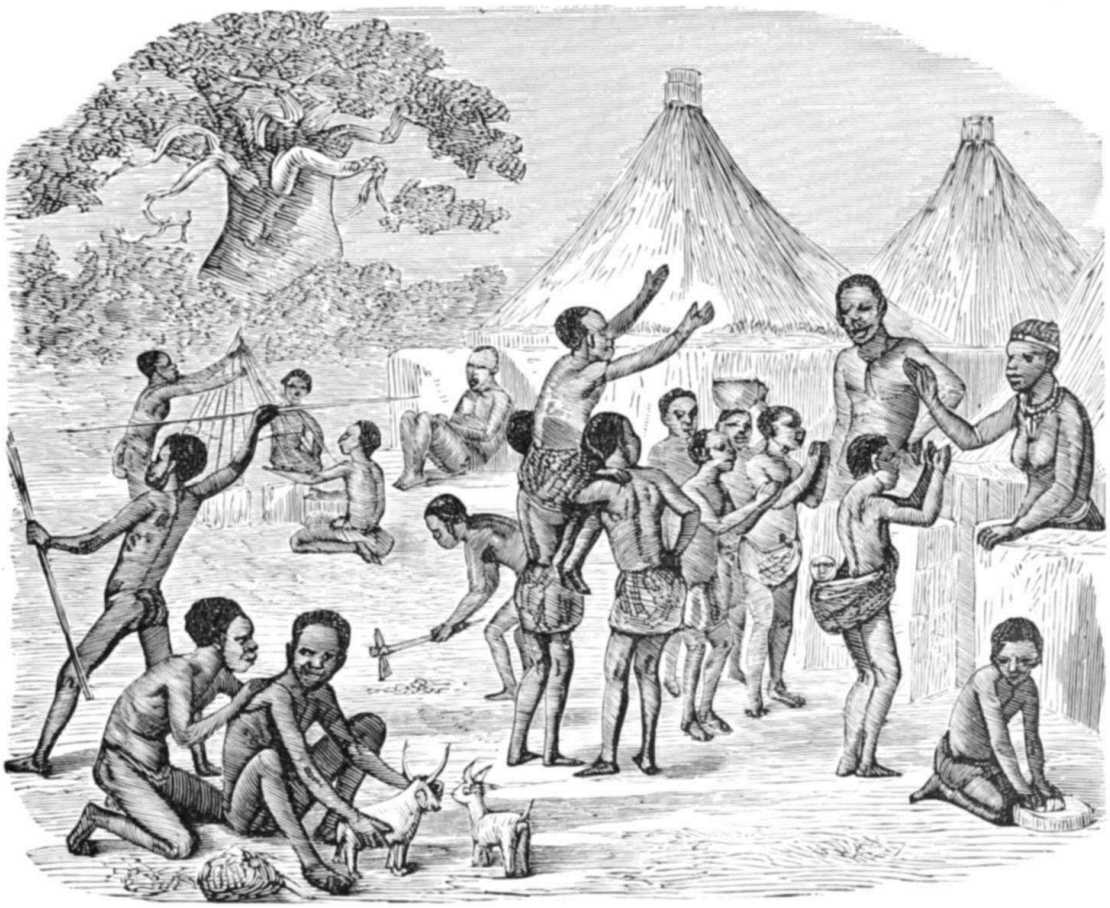
"Мальчики играют с копьями из тростника, заостренными деревяшками, и маленькими щитами, луками и стрелами; или забавляются, делая маленькие загоны для скота, или скот из глины, - они проявляют большую изобретательность в имитации рогов различной формы. Говорят, что некоторые из них также используют рогатки, но как только они могут наблюдать за козами или телятами, их отправляют в поле. Мы видели много мальчиков, катающихся на телятах, которыми они управляли, но это новшество со времен прибытия англичан с их лошадьми. Целане, одна из дам, увидев, как доктор Ливингстон ведет наблюдения на термометрах с влажной и сухой луковицей, решила, что он тоже занят игрой. Не получив ответа на свой вопрос, на который было довольно трудно ответить, так как в их родном языке нет научных терминов, она сказала с жуликоватым весельем: "Бедняжка! Играет, как маленький ребенок!"

На противоположной странице я представляю читателям еще одну зарисовку мистера Бейнса. Сцена взята из деревни макололо на берегу реки, время действия - вечер, после окончания рабочего дня. В центре - молодые девушки, играющие в игру, упомянутую г-ном Андерссеном; центральную девушку несут две другие, а ее спутницы поют и хлопают в ладоши. Одежда девушек, как можно видеть, очень проста и состоит из кожаных ремней,

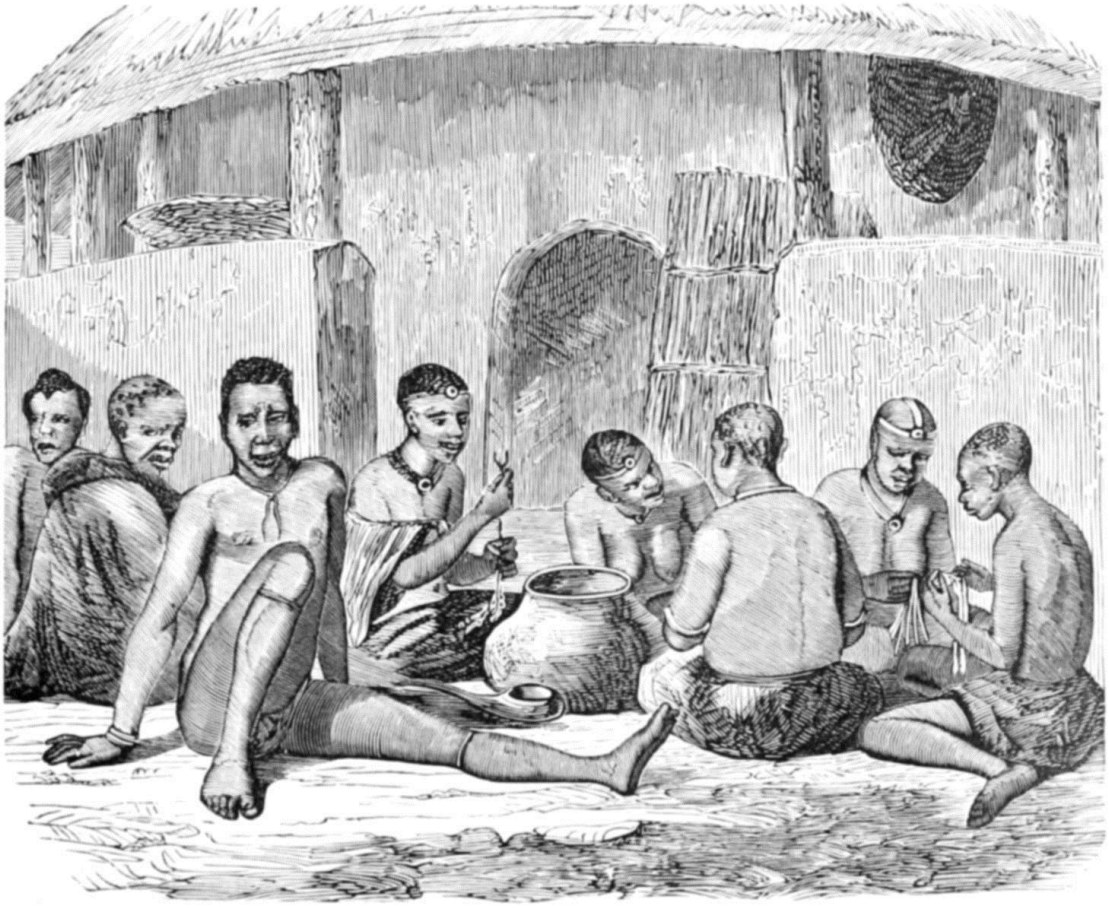
сильно различающихся по длине, но всегда таких легких и скудных, что они не скрывают контур конечностей. Несколько девочек идут позади них, неся на голове горшки и свертки, еще одна разгребает землю игрушечной мотыгой, а на переднем плане одна девочка делает вид, что растирает кукурузу между двумя камнями, другая толчет в маленькой модельной ступке, а третья держит грубую куклу, которую несет, как мать несет своего ребенка. Родители прислонились к своим домам и наблюдают за игрой детей. Слева видны девочки, строящие миниатюрную хижину, крышу которой они как раз поднимают на столбы.

На переднем плане слева - мальчики, занятые своими играми. Одни делают грубые модели скота и других животных, другие занимаются имитацией военных действий. На заднем плане - мальчик, который вышел за стадом коз домой и идет впереди них, за ним следует его подопечный. Над домами часто нависает необычное дерево, очень характерное для этой части Африки. На родном языке оно называется мосааве, а на португальском - паопиза. Его листья чем-то напоминают листья акации, а цветки и плоды висят рядом. Последний очень похож на деревянный огурец и примерно так же съедобен.

На той же странице находится еще один набросок мистера Бейнса, изображающий домашнюю сцену в семье макололо. Дом принадлежит вождю по имени М'Бопо, который был очень дружелюбен к мистеру Бейнсу и его спутникам и в целом являл собой прекрасный образец дикаря. Он был очень гостеприимен к своим гостям, не только хорошо кормил их, но и приносил большие кувшины помбе, или туземного пива, которое они должны были употреблять либо лично, либо через заместителя. Он даже извинился за то, что не смог предложить им несколько молодых девушек в качестве временных жен, согласно обычаям страны: девушки в то время все отсутствовали и были заняты в церемониях, очень похожих на те, что были описаны при рассмотрении бечуанов.



(1.) ДЕТСКИЕ ИГРЫ.
(См. с. 332.)



(2.) М'БОПО ДОМА.
(См. стр. 332.)

М'Бопо сидит посередине, и его можно отличить по тому, что он носит все свои волосы - по общей моде их стригут и укладывают разными странными способами. Сразу за ним сидит один из его главных людей, которого мистер Бейнс привык называть Тоби Филпот, отчасти потому, что он очень усердно наполнял банки посетителей помбе, а отчасти потому, что с не меньшим усердием опустошал их. Можно заметить, что он побрился налысо, и волосы начинают расти небольшими клочками. Позади него стоит другой человек, который обрил голову по бокам и позволил расти лишь пучку волос на макушке. Перед М'Бопо стоит огромный глиняный сосуд, наполненный помбе, а рядом с ним - ковш-калабаш, с помощью которого жидкость переливается в сосуды для питья.

Рядом с ним сидит главная жена М'Бопо, которую отличают два украшения, которые она носит. На лбу у нее круглый кусок шкуры, выделанный во влажном состоянии так, чтобы получился неглубокий конус. Внутренняя часть этого конуса полностью покрыта бусинами, в основном белыми, а в центре - алыми. На шее - еще одно украшение, которое ценится очень высоко. Это основание раковины, разновидности конуса, которая была отшлифована полностью, за исключением основания. Это украшение считается настолько ценным, что когда великий вождь Шинте подарил его доктору Ливингстону, он предусмотрительно пришел один и тщательно закрыл дверь палатки, чтобы никто из его людей не стал свидетелем столь экстравагантной щедрости.

Эта дама была достаточно любезна, чтобы высказать свое мнение о белых путешественниках. По ее словам, они оказались не такими уж уродливыми, как она ожидала.

Все эти волосы на их головах и лицах , конечно, неприятны, но лица у них достаточно приятные, а руки хорошо сложены, но главный их недостаток в том, что у них нет пальцев на ногах. Достойная леди никогда не слышала о сапогах и, очевидно, считала их аналогом копыт у крупного рогатого скота. Пришлось снять сапоги и убедить ее, что у белого человека действительно есть пальцы на ногах.

Несколько неполноценных жен также сидят на земле. У одной из них кожа головы полностью выбрита, а другая капризно разнообразила свою голову, позволив нескольким прядям волос пройти по макушке, а другим окружить ее, как лентой. Тростниковая дверь откинута в сторону, а на стене висит несколько корзин.

Макололо имеют множество развлечений по своей собственной моде, которая, конечно, не похожа на европейскую. Даже те, кто прожил среди них некоторое время и признал, что они являются одним из самых благоприятных образцов африканского язычества, были совершенно отвращены и утомлены жизнью, которую им приходилось вести. Ни днем, ни ночью здесь нет ни тишины, ни покоя, и доктор Ливингстон, от которого можно было бы ожидать, что он основательно закален против раздражения по пустякам, прямо заявляет, что танцы, пение, рев, шутки, рассказы, ворчание и ссоры макололо были для него более суровым наказанием, чем все, чему он подвергался за всю свою жизнь. Он должен был жить с ними, а значит, тесно с ними соприкасаться.

Первые три элемента жизни дикарей, а именно танцы, пение и рев, кажутся неразрывно связанными, и дикари, похоже, не способны устроить танец, если он не сопровождается ревом со стороны исполнителей и пением со стороны зрителей - последние звуки не более мелодичны, чем первые. Доктор Ливингстон очень наглядно описывает танец макололо. "Поскольку это был первый визит Секелету в эту часть его владений, для многих он стал временем великой радости. Старосты каждой деревни преподнесли волов, молоко и пиво - больше, чем могла поглотить сопровождавшая его орда, хотя их способности в этом деле просто удивительны.

"Люди обычно показывают свою радость и отрабатывают свое возбуждение в танцах и песнях. Танец состоит в том, что мужчины стоят почти голые в кругу, с дубинками или маленькими боевыми топорами в руках, и каждый ревет на самой громкой частоте своего голоса, одновременно поднимая одну ногу, дважды ударяя ею, затем поднимая другую и делая ею один удар; это единственное общее движение. Руки и голова также разбрасываются во все стороны, и все это время рев продолжается с максимально возможной энергией. От непрерывных ударов поднимается облако пыли, а на месте, где они стояли, остается глубокое кольцо.

"Если бы эта сцена происходила в приюте для умалишенных, в ней не было бы ничего необычного, и она была бы вполне уместна как средство разрядки чрезмерного возбуждения мозга. Но здесь седовласые мужчины присоединились к представлению с не меньшим энтузиазмом, чем другие, чья молодость могла бы послужить оправданием для того, чтобы пот струился по их телу от напряжения. Мотебе спросил, что я думаю о танце макололо. Я ответил: "Это очень тяжелая работа, которая приносит небольшой доход". "Так и есть, - ответил он, - но это очень красиво, и Секелету даст нам быка за то, что мы станцуем для него". Обычно он забивает вола для танцоров, когда работа заканчивается. Женщины стоят в стороне, хлопая в ладоши, и время от времени одна из них выходит в круг, состоящий из сотни мужчин, делает несколько движений, а затем удаляется. Поскольку я никогда не пробовал и не могу проникнуться духом этого танца, я не могу рекомендовать польку

макололо танцующему миру, но у меня есть авторитет не менее авторитетного человека, чем Мотебе, тесть Секелету, который говорит, что она очень хороша".

Многие из макололо - заядлые курильщики, предпочитающие коноплю даже табаку, потому что она более пьянящая. Они с удовольствием доводят себя до положительного исступления, "которое проходит в быстром потоке ничего не значащих слов или коротких предложений, таких как "Зеленая трава растет", "Жирный скот процветает", "Рыбы плавают". Никто из группы не обращает ни малейшего внимания на пылкое красноречие, мудрые или глупые изречения оракула, который резко останавливается и, как только возвращается здравый смысл, выглядит глупо". Они курят коноплю через воду, используя в качестве трубки рог куду, так же, как это делают дамары и другие племена.

Чрезмерное увлечение этой роскошью очень пагубно сказывается на здоровье, вызывая высыпания по всему телу, которые совершенно незаметны. Вследствие этого мужчины запрещают своим женам употреблять коноплю, но результат запрета, похоже, заключается лишь в том, что женщины курят тайком, а не открыто, и впоследствии их обнаруживают по внешнему виду кожи. Конопля тем более увлекательна, что ее употребление придает телу мнимую силу, а разум опустошает настолько, что человек не в состоянии осознать, в какое состояние он постепенно погружается, или проявить достаточный самоконтроль, чтобы отказаться от пагубной привычки или хотя бы изменить ее. Секелету стал полной жертвой конопляной трубки, и нет никаких сомнений в том, что болезнь, чем-то напоминающая страшную "крау-крау" Западной Африки, была усугублена, если не вызвана, чрезмерным увлечением курением конопли.

Макололо безгранично верят в лекарства и считают, что нет такой болезни, которой подвержено человечество и которую не могла бы устранить медицина белого человека. Одна женщина, считавшая себя слишком худой, чтобы соответствовать африканским представлениям о красоте, попросила лекарство от полноты, а вождь, чьи шесть жен произвели на свет только одного мальчика среди множества девочек, так же настоятельно просил лекарство, которое изменит пол будущего потомства.

Места захоронения макололо редко привлекают внимание, но в некоторых случаях реликвии умершего вождя сохраняются и почитаются так, что хранителей невозможно убедить продать их даже по самой заманчивой цене.

ГЛАВА XXXIII.
ПЛЕМЕНА БАЙЕ И МАКОБА.

ЗНАЧЕНИЕ НАЗВАНИЯ - ОБЩИЙ ВИД И ХАРАКТЕР - ВОРОВСТВО - УМЕНИЕ ЛОВИТЬ РЫБУ - КАНОЭ - ЛОВЛЯ СЛОНОВ - ОДЕЖДА - ПЛЕМЯ МАКОБА - ИХ МЕСТНОСТЬ - МОШЕННИЧЕСТВО ВОЖДЯ МАКОБА - УМЕНИЕ УПРАВЛЯТЬ КАНОЭ - ЗАНГЕЛЛА И ЕГО ЛОДКИ - ОХОТА НА БЕГЕМОТА С КАНОЭ - УСТРОЙСТВО ГАРПУНА - ТРОСТНИКОВОЕ СУДНО И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ - СУЕВЕРИЯ - ПОСАДКА ДЕРЕВЬЕВ - ПЕРЕСЕЛЕНИЕ - ПОНДОРО И ЕГО ЖЕНА.

ПЛЕМЯ БАЙЕ.

Поскольку племя байе упоминалось один или два раза в ходе рассказа о макололо, мы уделим ему несколько строк. Изначально они населяли страну в районе озера Нгами, но

были завоеваны другим племенем, батоанами, и низведены до сравнительно крепостного состояния. Завоеватели называли их бакоба, *то есть* крепостными, но сами они носят претенциозный титул байе, или люди. Они приписывают свое поражение отсутствию щитов, хотя превосходная дисциплина их врагов, вероятно, имела большее отношение к их победе, чем сам факт обладания щитом.

В одном примечательном случае Байе убедительно доказали, что щит не делает воина. Их вождь взял на себя труд снабдить их щитами, надеясь сделать из них воинов. Они приняли подарок с большой радостью и громко похвастались своей доблестью, которую собирались продемонстрировать. К несчастью для них, в поле зрения попала мародерская группа макололо, и тогда доблестные воины забыли о своих щитах, прыгнули в каноэ и день и ночь плыли по реке, пока между ними и опасным местом не осталось около сотни миль.

По внешнему виду Байе имеют некоторое сходство с племенем Овамбо: цвет лица и общая форма черт схожи. Похоже, что они сохранили лишь немногие свои собственные черты, переняв их у своих завоевателей, чью одежду и общие манеры они переняли. Их язык имеет некоторое сходство с языком племени овамбо, но они умудрились привнести в него несколько клише, которые, очевидно, заимствованы у хоттентотов.

Они забавные и веселые существа и такие же отъявленные воры и лжецы, каких только можно найти. Стоит им только поставить на огонь котелок с мясом и трубку, как счастье кажется полным, и они пируют, танцуют, поют, курят и рассказывают анекдоты всю ночь напролет. Возможно, их вороватость объясняется их подневольным состоянием. Во всяком случае, они крадут все, что не слишком горячее или тяжелое для них, и проявляют необыкновенную сноровку в своем искусстве. Мистер Андерссен упоминает, что постепенно его сопровождающие байи ухитрились украсть почти весь запас бус, а поскольку эти предметы являются деньгами Африки, их потеря была равносильна неудаче в путешествии. Поэтому он разделил оставшиеся бусы на посылки, пометил каждую отдельно и уложил их в пакеты, как обычно. Перед тем как каноэ причалили к берегу, он вышел на берег и встал у головы первого каноэ, пока его слуга открывал пакеты, чтобы проверить, не украли ли чего. Едва открыли первый пакет, как слуга воскликнул, что им занимался Байи. Следующим шагом Байи было наставить двуствольное ружье на туземца, который отвечал за каноэ, и пригрозить, что вышибет ему мозги, если все украденное не будет возвращено.

Сначала туземцы взялись за оружие и, казалось, были готовы драться, но вид зловещих стволов, которые, как они знали, имели привычку попадать в цель, оказался для них слишком сильным, и они согласились вернуть бусы при условии, что об их поведении не будет сказано их вождю Лечолетебе. Товар был возвращен, и они были помилованы с замечанием, что если в будущем у них что-нибудь украдут, то господин Андерссен застрелит первого встречного. Этой угрозы оказалось достаточно, и после этого байе оставили свои товары в покое.

В прежние времена байе были буколическим народом, у них были большие стада скота. Однако все они были захвачены завоевателями, которые разрешили им разводить лишь несколько коз, которые, однако, ценятся не столько за мясо и молоко, сколько за шкуры, которые превращаются в каросы. Разводят также кур, но они мелкие и не очень хорошей породы. Лишившись своих стад, байе вынуждены жить продуктами земли и мясом диких животных. К счастью для них, их страна особенно плодородна, поэтому женщинам, которые являются единственными практическими земледельцами, не составляет труда обрабатывать землю. Единственный инструмент, который используется, - легкая мотыга, и с ее помощью землю скорее царапают, чем копают, перед самым сезоном дождей; семена закладываются

почти наугад сразу после первых дождей. Выращиваются тыквы, дыни, калабаши и земляные плоды, а энергичные туземцы выращивают табак.

Есть также несколько местных фруктов, один из которых, называемый "мошома", широко используется. Дерево, на котором он растет, очень высокое, ствол очень прямой, а самые нижние ветви находятся на большой высоте от земли. Поэтому плоды можно собирать только тогда, когда они падают, созревая. Сначала его сушат на солнце, а затем готовят к хранению, толкая в деревянной ступке. При использовании его смешивают с водой, пока он не приобретет консистенцию, напоминающую крем. Он очень сладкий, почти такой же сладкий, как мед, который он очень напоминает по внешнему виду. Те, кто привык к его употреблению, находят его очень питательным, но для незнакомцев он поначалу не полезен, так как склонен нарушать работу пищеварительной системы. Древесина дерева мошама очень полезна, в основном она используется для строительства каноэ.

Байи - очень хорошие охотники, они отличаются мастерством в ловле рыбы, которую они либо протыкают копьями, либо запутывают в сети, сделанные из волокон местного алоэ. Эти волокна чрезвычайно прочны, как и все разновидности алоэ. Сети очень изобретательно делают и из других растений, помимо алоэ, например, из гибискуса, который в изобилии растет на берегах рек и вообще во влажных местах. Поплавки-тросы, *то есть* те, которые несут верхний край сетей, сделаны из "ифе" (*Sanseviere Angolensis*), растения, которое несколько напоминает обычный водяной флаг в Англии. Сами поплавки формируются из стеблей водного растения, особенностью которого является то, что они полые и разделены поперечными клапанами на ячейки длиной около дюйма. Способ изготовления сети практически идентичен тому, который используется в Англии. Древко копья, которым байи ловят рыбу, сделано из очень легкого дерева, так что, когда рыба поражена, древко копья поднимается на поверхность и выполняет двойную функцию - утомляет раненую рыбу и дает рыбаку возможность поднять свою мелкую добычу из воды.

Байи не слишком разборчивы в еде и питаются не только десятью рыбами, которые, как они хвастаются, обитают в их реках, но и убивают и едят некую водяную змею, коричневого цвета с желтыми пятнами, которую часто можно увидеть, прокладывающей свой извилистый путь через реку. Довольно любопытно, что, хотя байе так много живут рыбой и даже гордятся разнообразием плавникового племени, которое им предоставляют их воды, более южные бечуаны не только сами отказываются есть рыбу, но и с ужасом и отвращением смотрят на всех, кто это делает.

Каноэ бечуанов - это просто выдолбленные стволы деревьев. Поскольку они делаются не для скорости, а для использования, изящество формы не принимается во внимание. Если ствол дерева, из которого будет выдолблено каноэ, окажется прямым - хорошо. Но иногда он имеет изгиб, и в этом случае каноэ тоже изгибается. Байи очень любят свои каноэ, не говоря уже о том, что гордятся ими. Как хорошо подметил доктор Ливингстон, они относятся к своим грубым судам, как араб к своему верблюду. Они всегда жгут в них костры и предпочитают спать в них во время путешествия, а не ночевать на берегу". "На суше у вас есть львы, - говорят они, - змеи, гиены, как ваши враги; но в вашем каноэ, за берегом тростника, ничто не может причинить вам вреда".

"Их покорный нрав приводит к тому, что их деревни часто посещают голодные чужеземцы. В каноэ у нас был котелок на огне, и когда мы приближались к деревням, то поглощали его содержимое. Когда мы полностью насытились, я обнаружил, что все мы можем смотреть на незваных гостей с большим пониманием и показывать котелок в доказательство того, что съели последний кусочек".

Они также умеют ловить крупных животных в ловушки, которые они изобретательно роют по берегам рек, чтобы заманить в ловушку слона и других животных, которые приходят попить ночью. Они сажают свои ловушки так близко друг к другу, что вряд ли стадо слонов сможет уйти невредимым, ведь иногда в ряд и близко друг к другу выкапывают до тридцати или сорока ловушек. Хотя старые и опытные слоны научились идти впереди своих товарищей и прощупывать землю в поисках скрытых ловушек, огромное количество этих коварных ям часто делает эти меры предосторожности бесполезными.

Одежда байе во многом такая же, как у батоанов и их сородичей, а именно: шкура, обернутая вокруг талии, кароcс и столько бус и других украшений, сколько можно себе позволить. Латунь, медь и железо пользуются большим спросом в качестве материалов для украшений, особенно у женщин, которые проявляют большой вкус в расположении и контрасте цветов своих простых украшений. Иногда богатые женщины так нагружены бусами, кольцами и другими украшениями, что, по словам вождя секолебе, "они фактически хрюкают под своей ношей", когда идут по дороге.

Их архитектура самая простая и очень напоминает архитектуру хоттентотов: дома - это просто остовы палок, покрытые тростниковыми циновками. Их развлечения так же просты, как и их жилище. Они любят танцевать, а в своих жестах стараются подражать движениям различных диких животных - их походке, способу питания, спорту и сражениям. Конечно, они пьют, курят и нюхают табак при каждом удобном случае. Средства для первой роскоши они добывают сами, делая что-то вроде пива, выпивая которое в огромных количествах, они умудряются опьянеть. Курение табака - это, по сути, мужская практика, а курением конопли, похоже, занимаются в основном женщины. Тем не менее, мало найдется мужчин, которые откажутся от трубки из конопли, и, пожалуй, ни одна женщина не откажется от нюхательного табака, если ей его предложат. В целом, если отбросить их закоренелые привычки воровать и лгать, это довольно приятные люди, а их естественный веселый и живой нрав заставляет путешественника чувствовать к ним почти привязанность, даже если он вынужден охранять каждую часть своей собственности от их проворных пальцев.

ПЛЕМЯ МАКОБА.

К востоку от озера Нгами протекает река Бо-тлет-ле, один конец которой косвенно соединяется с озером, а другой - с огромным соляным бассейном. Следствием такого течения является то, что иногда река течет в двух направлениях - на запад к озеру и на восток к солончаку; поток, который вызывает это любопытное изменение, впадает в нее где-то посередине. Люди, населяющие этот район, называются макоба и, даже не будучи родственниками байе, имеют с ними много общего. По костюму и общему виду они имеют некоторое сходство с бечуанами, за исключением того, что у них более черный цвет лица. Одежда мужчин иногда состоит из змеиной шкуры длиной шесть-семь футов и шириной пять-шесть дюймов. Женщины носят небольшой квадратный фартук из шкуры, украшенный по краю мелкими бусинами.

Их характер во многом совпадает с характером большинства дикарей: они импульсивны, нерефлексивны, добры, когда их не трогают, мстительны, когда их злят, и честны, когда нечего украсть. Если судить по поведению некоторых людей из племени макоба, то они хитры, бесчестны и грубы; если же взять за образец других, то они просты, добродушны и

гостеприимны. Дикари, действительно, не могут быть оценены по тем же критериям, что и цивилизованные расы, обладая силой и ремеслом человека при моральной слабости детей. Одно и то же племя и даже одни и те же люди получили - и заслужили - совершенно противоположные характеристики от тех, кто их хорошо знал: один человек описывает их как абсолютно честных, а другой - как откровенных мошенников и воров. Дело в том, что дикари не испытывают никаких моральных чувств по этому поводу, не считая воровство преступлением, а честность - добродетелью, так что они честны или нет в зависимости от обстоятельств. Покоренные племена в районе озера Нгами часто бывают честными из весьма любопытных побуждений.

Они настолько порабощены, что не могут даже помыслить о том, чтобы обладать собственностью, зная, что их угнетатели силой отнимут любой предмет, который им захочется заполучить. Они настолько порабощены, что еда - единственный вид собственности, который они могут оценить, и даже ее они не считают своей, пока не съедят. Следовательно, они честны, потому что воровать бесполезно. Но когда приходят белые люди и берут их под свою защиту, ситуация меняется. Сначала они честны по вышеупомянутым причинам, но когда они начинают понимать, что им платят за их услуги и позволяют сохранять заработанное, в их сознании зарождается идея собственности, и они стремятся заполучить как можно больше. Поэтому из честных они превращаются в воров. Они, естественно, хотят получить собственность без труда, и, обнаружив, что воровать легче, чем работать, они воруют, соответственно, не испытывая никакой моральной вины за захват чужой собственности, а рассматривая это в том же свете, что и охоту или рыбалку.

Поэтому белого человека часто обвиняют в том, что он деморализовал дикарей и превратил их из простой и честной расы в набор мошенников и воров. В то время как, как это ни парадоксально, само развитие мошенничества является доказательством того, что дикари не были деморализованы, а фактически поднялись в социальной шкале.

Опыт общения мистера Чепмена с племенем макоба был отнюдь не приятным. Они воровали, лгали и обманывали его. У него был большой груз слоновой кости, и он обнаружил, что его волы слабеют и не могут тянуть дорогостоящий груз. Тогда он обратился к макоба за каноэ и обнаружил, что они прекрасно осведомлены о его бедственном положении и готовы воспользоваться этим, требуя непомерные суммы и грабя его при каждом удобном случае, зная, что без их помощи ему не обойтись. Наконец ему удалось нанять лодку, на которой можно было перевезти по реке основную часть груза. Под разными предлогами вождь макоба откладывал отправление, пока легкая повозка не проехала мимо, а потом сказал, что действительно не может перевезти слоновую кость на лодке, но он будет очень щедр и перевезет слоновую кость через реку на ту же сторону, что и повозку. Вскоре путешественник обнаружил, что вождь ухитрился открыть жестяную коробку, в которой он хранил бусы, служившие ему деньгами, и украл самые ценные экземпляры. Поскольку вся торговля зависела от бус, он счел необходимым принять решительные меры, приставил винтовку к груди сына вождя, который находился на борту во время отсутствия отца, и принял такой угрожающий вид, что юноша отбросил в сторону комья грязи, которыми всегда залеплено дно лодок, и обнаружил часть пропавшего имущества. Остальное было найдено в другом месте с помощью того же побуждения.

Как только угрожающие намордники были сняты, он выбрался на берег и убежал с такой быстротой, которая убедила мистера Чепмена в том, что какое-то мошенничество еще не раскрыто. При подсчете бивней выяснилось, что вор украл не только бусы, но и слоновую

кость, но он так хорошо использовал свои ноги, что его не смогли догнать, и путешественнику пришлось смириться с потерей, как он мог.

И все же было бы несправедливо наделять всех макоба плохим характером из-за такого поведения. Они могут быть, и в большинстве своем, очень приятными людьми, насколько это можно ожидать от дикарей. У мистера Бейнса не было особых причин жаловаться на них, и, похоже, они ему очень понравились.

Макоба - по сути своей лодочники, привыкшие к своим каноэ с самого раннего детства и вынужденные управлять ими в условиях вечных изменений этой капризной реки, которая в одно время бывает довольно спокойной, а в другое превращается в череду водоворотов и опасных порогов, причем первые усугубляются периодическим обратным течением воды. Каноэ похожи на гоночные речные лодки нашей страны, они огромной длины по сравнению с шириной и кажутся настолько хрупкими, что едва ли выдержат вес одного человека. Однако они гораздо менее опасны, чем кажется, и их безопасность обусловлена как конструкцией, так и мастерством штурмана. Вряд ли можно, не увидев макобу за работой, оценить то удивительное мастерство, с которым они управляют своими хрупкими барками, и огромные грузы, которые они благополучно проносят через пороги. Часто случается, что волны перекатываются через борт и обрушиваются на каноэ, так что, если бы вода не выливалась в тюки, судно должно было бы пойти ко дну.

Макоба, однако, не останавливаются, когда занимаются прессованием лодок, и не используют для этого никаких приспособлений. Когда каноэ становится слишком полным воды, лодочник подходит к одному концу лодки, чтобы надавить на него и заставить воду стечь к нему. Затем одной ногой он отталкивает воду, заставляя ее вылетать из носка, словно из стремительно летящего черпака. По сути, каноэ для макоба - то же самое, что верблюд для арабов, а лошадь для команчей, и, как бы они ни чувствовали свою неполноценность на берегу, на борту своих каноэ они - хозяева. Различные воинственные племена, которые их окружают, доказали свое превосходство на суше, но когда они пускаются в пороги реки или бурные волны озера, макоба становятся хозяевами положения, и остальные вынуждены быть очень вежливыми с ними.

Одним из типичных мужчин этого племени был Маката, мелкий вождь или староста деревни. Он считался лучшим лодочником и охотником на реке, особенно отличившись в погоне за бегемотом. Иллюстрация № 1 на странице 351 сделана по эскизу мистера Бейнса, который убедительно изобразил смелую и изящную манеру, в которой макоба управляют своим хрупким судном. Место, где был сделан рисунок, представляет собой участок реки Бо-тлет-ле, и показывает хрупкость каноэ, а также вид воды, по которой их проносит смелый лодочник. Фигура впереди каноэ - это знаменитый лодочник и охотник по имени Зангуэлла. Он был настолько успешен в последнем деле, что его дом и двор были заполнены черепами бегемотов, которых он убил собственной рукой. Он стоит на почетном месте и направляет свою лодку с помощью легкого, но прочного шеста. Другая фигура - его помощник. Он охотился вверх по реке и убил двух соболиных антилоп, которых везет домой. Длина каноэ составляет всего пятнадцать или шестнадцать футов, а ширина - восемнадцать дюймов, и все же Зангуэлла рискнул нагрузить его двумя большими и тяжелыми антилопами, помимо веса себя и помощника. Некоторые из этих каноэ настолько малы, что если человек садится в них и кладет руки на борта, его пальцы оказываются в воде.

Тростники, которые видны слева на иллюстрации, очень характерны для этой страны. Где бы их ни увидели, вода обязательно будет достаточно глубокой - скажем, не менее четырех-пяти

футов, - и они вырастают до огромной высоты, образуя густые заросли около пятнадцати футов в высоту. Часто случается, что их ломает бегемот или другие водные существа, и тогда они лежат на воде без сил, головой вниз по течению. В таком случае они, кажется, растут *ad libitum*, поскольку вода поддерживает их вес, а корень продолжает обеспечивать питание.

На заднем плане видны два каноэ, приводимые в движение веслами. Сцена, которая здесь представлена, произошла на самом деле и была довольно смехотворной. Первое каноэ принадлежит вождю племени макололо, М'Бопо, который вез в своем каноэ господ Бейнса и Чепмена. Он был по сути джентльменом, свободным от привычки постоянно попрошайничать, которая делает стольких дикарей неприятными. Он был очень полезен белым людям, которые намеревались подарить ему бусы в качестве вознаграждения за услуги. Случилось так, что другой вождь, по имени Москотлани, который был ярким примером просящего, вороватого, неприятного туземца, заподозрил, что его соплеменник может получить бусы от белых людей, и захотел получить свою долю. Поэтому он пристал к каноэ М'Бопо и так ревностно следил за ним, чтобы ни одна бусина не прошла без его ведома. Однако Москотлани получил свое весло, а М'Бопо - свои бусы, хотя они были отданы ему на берегу, где его ревнивый соотечественник не мог видеть эту сделку.

Уже упоминалось, что Маката был не только искусным охотником, но и искусным лодочником, и, действительно, большое мастерство в управлении каноэ - обязательное условие жизни охотника, ведь главная дичь - бегемот. Следующие несколько страниц будут посвящены смелому и спортивному способу охоты на бегемота, который используют макоба и некоторые другие племена, а рисунки, иллюстрирующие этот рассказ, сделаны по эскизам мистера Бейнса. Поскольку эти зарисовки были сделаны на месте, они обладают преимуществом идеальной точности, а огонь и дух, которыми они наполнены, мог быть достигнут только тем, кто был очевидцем, а также художником.

По словам доктора Ливингстона, эти люди испытывают странный страх перед львом, в то время как они с совершенной беспечностью встречают животных, которые не менее, а то и более опасны. О том, что они беззаботно следуют за буйволом в буше, уже говорилось, но буйвола следует бояться даже больше, чем льва: он такой же свирепый, более хитрый и более злопамятный. Лев набрасывается на человека с ужасающим ревом, валит его на землю, уносит в логово, а затем съедает, так что голод служит хоть каким-то оправданием этому поступку. Но для буйвола такого оправдания не найти.

Буйвол-изгой*, то есть* тот, кто был изгнан от своих собратьев и вынужден вести одиночный образ жизни, - свирепое, хитрое и коварное животное, какое только можно найти. Он не питается человечиной, но с удовольствием прячется в густых кустах, неожиданно бросается на любого, кто случайно приблизится, и убивает его одним ударом. Он не довольствуется смертью своей жертвы. Он стоит над телом, опускается на колени, вбивает его в землю ногами, уходит, возвращается, словно влекомый каким-то непреодолимым притяжением, и не покидает его, пока от него не останется ничего, кроме бесформенной массы костей и плоти.

Но и против этого животного охотники макоба не уступят, и даже нападут на бегемота - животное, которое в своей стихии не менее грозно, чем буйвол на суше. Первым делом они готовят несколько гарпунов, которые делаются следующим образом. Из твердого и очень тяжелого дерева вырезается прочный шест длиной около десяти-двенадцати футов и толщиной три-четыре дюйма. На одном конце просверливается отверстие, в которое просовывается железная головка гарпуна. Форму этой головки можно увидеть на

иллюстрации № 1 на странице 343. Она состоит из копьевидного куска железа с жирной колючкой и имеет длину около фута.

Головка прикреплена к древку прочной лентой, состоящей из множества маленьких веревочек или прядей, уложенных параллельно друг другу и расположенных довольно свободно. Цель этого множества веревок - не дать бегемоту перерезать шнур своими зубами, которые остры, как долото, и с легкостью перережут любой одиночный шнур. Животное непременно рвется за веревки, как только чувствует рану, но из-за того, что они уложены свободно, они только запутываются в длинных изогнутых зубах, и даже если одна или две из них обрываются, остальные сохраняют свою силу. К другому концу древка прикреплена длинная и прочная веревка из пальмового листа, которая наматывается таким образом, чтобы ее можно было легко вытащить, когда она ослабнет. Каждое каноэ имеет на борту два или три таких гарпуна, а также множество обычных копий. Сохраняя полную тишину, лодочники плывут вниз по течению, пока не приплывут к месту, которое стадо выбрало для купания. Они не преследуют конкретное животное, а ждут, пока одно из них не приблизится к лодке, тогда гарпунер берет свое оружие, ударяет им в спину животного и ослабляет хватку.

Первая иллюстрация на странице 343 представляет эту фазу процесса. На изображена голова бегемота, как она обычно выглядит, когда животное плывет, над водой видны только уши, глаза и ноздри. Примечательно, что когда бегемот находится на свободе в своем родном потоке, не только уши и ноздри, но даже гребень над глазами имеют ярко-алый цвет, настолько яркий, что цвет едва ли может передать представление об оттенке. Экземпляры в Зоологическом саду, хотя и являются прекрасными образцами вида, никогда не демонстрируют такой яркости цвета, и, действительно, не больше похожи на бегемота в его собственной реке, чем призовая свинья на дикого кабана.

Очень характерная поза у второго животного, которое изображено так, как оно выглядит, когда поднимает голову из воды с целью разведки. Выражение лошадиного лица легко узнаваемо, и мистер Бейнс говорит мне, что никогда не понимал, насколько уместен термин "речная лошадь" (что является буквальным переводом слова "бегемот"), пока не увидел этих животных, свободно резвящихся в своих собственных потоках.

Впереди каноэ стоит Маката, собирающийся вонзить гарпун в спину бегемота, а его помощники присматривают за веревкой и держат себя наготове, чтобы отгрести с пути животного, если оно нападет. Для правильного введения гарпуна необходима полная неподвижность, так как, если в воде раздастся всплеск или на суше послышится резкий шум, животные обратятся в бегство и будут держаться подальше от каноэ. Слева - заросли уже упоминавшегося высокого тростника и папируса. Огромные деревья на берегу - это баобабы, которые иногда достигают в обхвате ста футов и даже больше. Маленькие белые цветы, плавающие на поверхности воды, - это белый лотос. Они очень эффектно выделяются на лоне прозрачной, темно-синей воды, а иногда встречаются в таком количестве, что похожи не на цветы на воде, а на звезды в голубом небосводе. Кстати, довольно любопытно, что дамары, которые гораздо больше знакомы с сушей, чем с водой, называют бегемота водным носорогом, в то время как макоба, батока и другие племена, которые больше живут на воде, называют носорога сухопутным бегемотом.

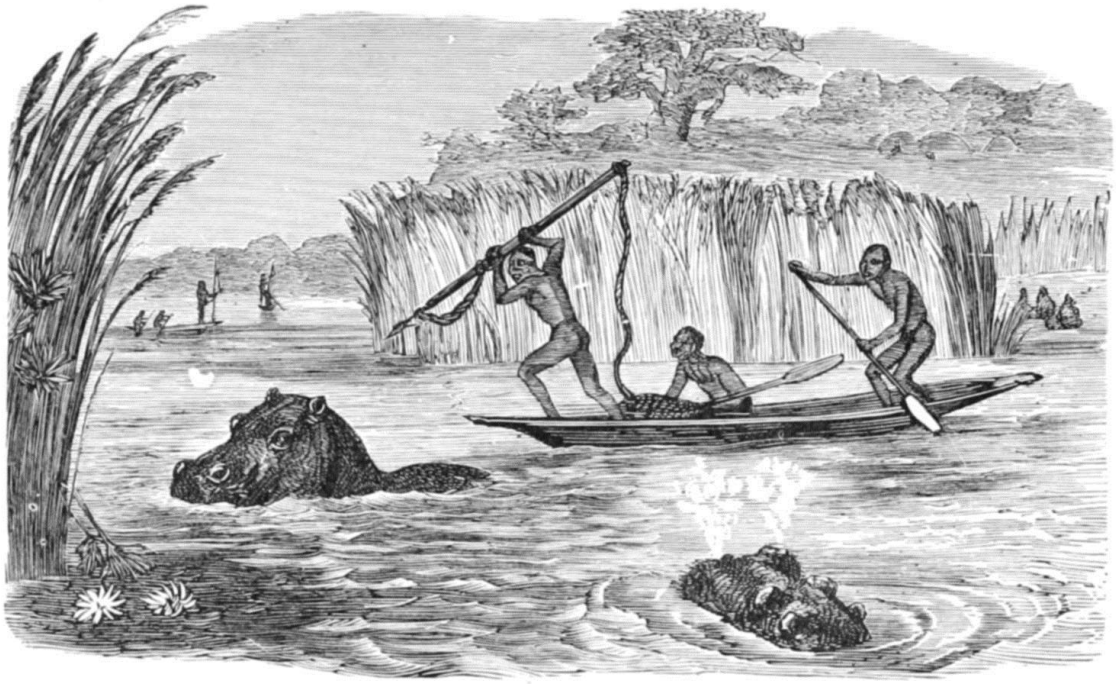
Теперь наступает следующая сцена в этой дикой и самой захватывающей драме. Уязвленный внезапной и неожиданной раной, бегемот делает судорожный рывок, который вытряхивает головку гарпуна из гнезда и оставляет ее прикрепленной к древку только многожильным канатом. В этот период животное редко проявляет борьбу, а мчится вниз по течению на полной скорости, над поверхностью видна только верхняя часть головы и спины,

и буксирует каноэ за собой, словно пробку. Тем временем гарпунер и его товарищи крепко держатся за веревку, отдавая ее при необходимости и подтягивая, когда это возможно, - в сущности, они играют со своей гигантской добычей так же, как рыболов играет с крупной рыбой. Их цель двояка: сначала утомить животное, а затем затащить его на мелководье; ведь бегемот во всей своей силе и с преимуществом глубокой воды был бы слишком тяжел даже для этих отважных охотников. Темп, которого достигает животное, - это нечто удивительное, и, глядя на его, казалось бы, неуклюжие средства передвижения, стремительность его хода действительно поражает.

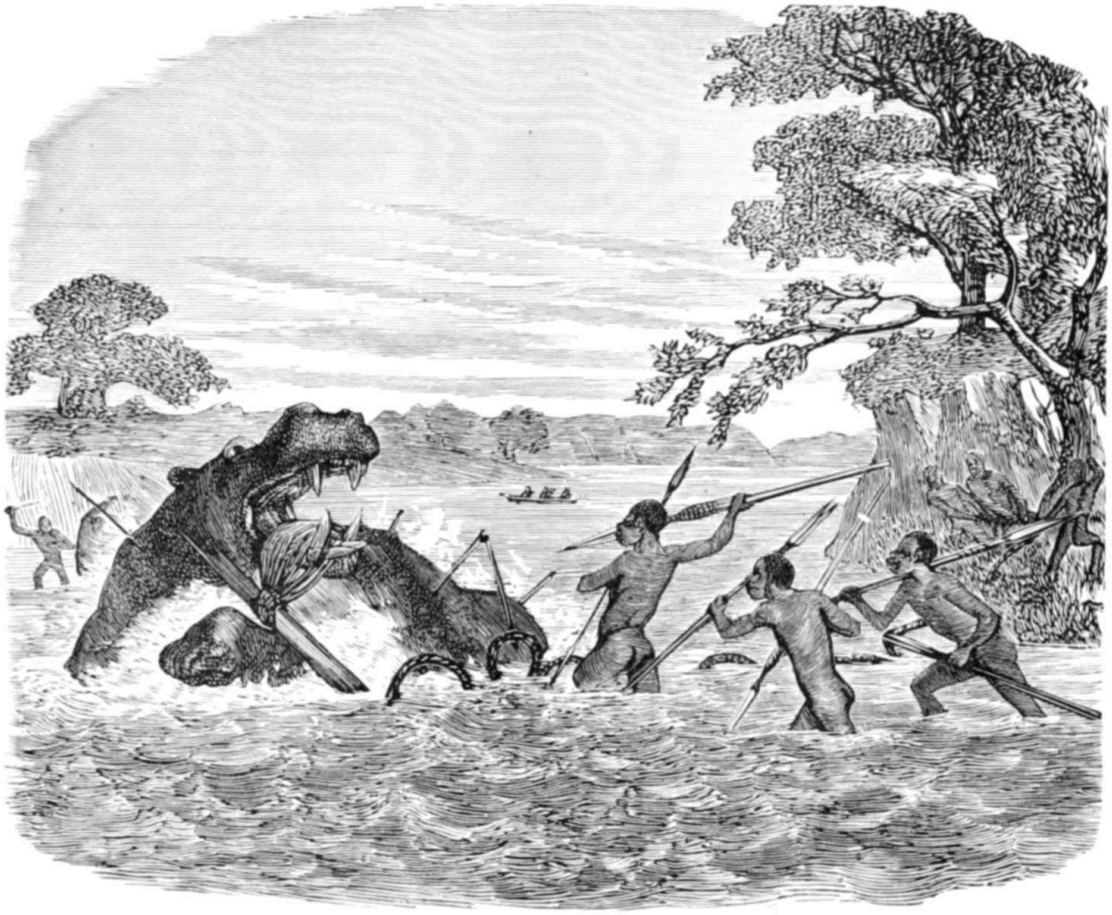
Иногда, но очень редко, случается, что животное настолько активно и свирепо, что охотникам приходится бросать веревку и удирать как можно быстрее. Однако они не думают бросать столь ценную добычу - не говоря уже о гарпуне и веревке - и стараются, как могут, держать животное в поле зрения. При первой же возможности они подплывают к раненому и уже ослабевшему животному и возобновляют погоню.

Бегемот наиболее опасен, когда чувствует, что силы его на исходе, и с мужеством отчаяния бросается на каноэ. Тогда охотникам предстоит не детская игра. Не обращая внимания ни на что, кроме боли и ярости, животное бросается на каноэ, пытается разнести его на куски ударами своей огромной головы, или захватывает край в челюсти и вырывает борт. Если ему удается опрокинуть или разрушить каноэ, охотникам приходится несладко, ведь если разъяренному животному удается схватить одного из них в свои огромные челюсти, изогнутые, похожие на долото зубы несут верную смерть, а бывало, что несчастный человек оказывался разрубленным надвое.

Когда животному удается расстроить или сломать лодку, мужчины прибегают к любопытному способу. Они ныряют на дно реки, хватаются за камень, корень или что-нибудь, что удержит их под поверхностью, и держатся до тех пор, пока им позволяют легкие. Причина этого маневра в том, что когда животное отправляет команду в реку, оно поднимает голову, как показано на странице 343, и ищет врагов на поверхности. У него нет представления о врагах под поверхностью, и если он не видит ничего, похожего на человека, он уходит, позволяя охотникам вынырнуть, наполовину утонув, на воздух. Чтобы отпугнуть животное, в ход идут копья: одни втыкаются в него рукой, другие метаются, как копья. Они, однако, не могут причинить особого вреда, если только не попадут в глаз, который так хорошо защищен костяной перегородкой, что практически неприступен ни для чего, кроме пули. Голова представляет собой огромную массу твердых костей, настолько толстых и твердых, что даже огнестрельное оружие не оставляет на ней следов, за исключением одного или двух небольших пятен. Поэтому охотники не могут рассчитывать на нанесение животному какого-либо материального ущерба и лишь надеются удержать его от нападения с помощью боли, которую могут причинить копья.



(1.) КОПЬЕВАНИЕ БЕГЕМОТА.
(См. с. 342.)



(2.) ФИНАЛЬНАЯ АТАКА.
(См. с. 345.)

Наступает последняя сцена. Эффектно утомив животное, ослабленное потерей крови из раны, и направив его на мелководье, несколько человек из команды прыгают за борт, выносят конец веревки на берег и пропускают его "двойным оборотом" вокруг дерева. После этого судьба животного предрешена. Оказавшись внезапно остановленным, оно предпринимает новые усилия, борется и сражается, как будто совсем свежее. Несмотря на боль, оно пытается оторваться от роковой веревки, но веревка слишком прочна, чтобы ее разорвать, а шкура бегемота толщиной в дюйм так крепко держит колючку, что даже огромная сила и вес животного не могут заставить ее поддаться. Поняв, что яростная тяга в одну сторону бесполезна, оно бросается в другую и тем самым ослабляет веревку, которую тут же натягивают охотники на берегу, так что конец ее значительно укорачивается, а животное подводится ближе к берегу. Каждая борьба приводит к одному и тому же результату: охотники держат веревку до тех пор, пока она натянута, и подтягивают ее, как только она ослабевает. Читатель может легко увидеть, как это делается, наблюдая за тем, как матрос прикрепляет пароход к пирсу: один человек способен выдержать нагрузку в несколько тонн.

Как только бегемота подтаскивают вплотную к берегу и ограничивают диапазон его движений, веревку закрепляют, и все охотники объединяются для финального штурма. Вооруженные большими, тяжелыми, длиннолезвийными копьями, изготовленными специально для этой цели, они смело приближаются к разъяренному животному и бросают в него свое оружие. Если вода окажется глубокой, некоторые из охотников садятся в каноэ и могут напасть на животное в полной безопасности, потому что веревка, прикрепленная к дереву, не позволяет ему дотянуться до них. Наконец, несчастное животное, буквально измученное до смерти многочисленными ранами, ни одна из которых не была бы сразу смертельной, поддается усталости и потере крови и падает, чтобы больше никогда не подняться.

На второй иллюстрации на странице 343 представлена эта сцена, самая активная и захватывающая из всех трех. В центре - бегемот, загнанный на мелководье и барахтающийся там в ярости и ужасе. Своими ужасными челюстями он уже раздробил древко гарпуна и пытается перекусить шнуры, которыми голова крепится к древку. Несколько из них он уже перегрыз, но остальные лежат, запутавшись в его зубах, и не отпускают. Некоторые из охотников только что вынесли конец веревки на берег и собираются обмотать его вокруг ствола дерева, в то время как их товарищи смело нападают на животное пешком, а другие подплывают к нему сзади на каноэ.

На реке Замбези используется гарпун, изготовленный по схожему принципу, но отличающийся несколькими деталями конструкции. Древко сделано из легкого дерева и служит поплавком. Головка вставляется в гнездо, подобное тому, о котором уже говорилось; но вместо того, чтобы крепиться к древку с помощью нескольких маленьких шнуров, она прикрепляется к одному концу длинной веревки, другой конец которой прикреплен к концу древка. Когда веревка готова к использованию, она спирально наматывается на древко, которое полностью покрывает ее. Как только бегемот поражен, древко стряхивается с головы раненого животного, веревка разматывается, а легкое древко служит буйком, с помощью которого веревка может быть извлечена, если бегемот оборвет ее или охотники будут вынуждены выбросить ее на свободу.

Иногда эти племена - макололо, байе и другие - используют в этом виде спорта необычайно изобретательный плот. Ничто не может быть проще, чем конструкция этого плота. Некоторое количество тростника срезается чуть выше поверхности и бросается в кучу на воду. Затем нарезается еще больше тростника, который накладывается крест-накрест на остальные, и

так туземцы продолжают до тех пор, пока плот не будет сформирован. При этом не используются ни шесты, ни балки, ни другие опоры, а тростник не скрепляется в пучки. Их просто бросают на воду и оставляют, чтобы они сами скрепились. Постепенно нижний тростник пропитывается водой и тонет, так что сверху приходится добавлять свежий материал. Ничто не может выглядеть более ненадежным и хрупким, чем это грубое камышовое судно, и все же оно гораздо безопаснее каноэ. На самом деле он настолько прочен, что на нем можно возвести мачту. Прочный шест просто втыкается в центр тростниковой массы и остается неподвижным без помощи стоек. К мачте крепится длинный канат, с помощью которого плот можно пришвартовать, когда путешественники захотят высадиться на берег. Одним из главных преимуществ плота является чрезвычайная простота его изготовления. Три или четыре умельца могут в течение часа соорудить плот, достаточно прочный, чтобы выдержать их и весь их багаж.

Каноэ всегда прикреплены к плоту, так что команда может сойти на берег, когда захочет, хотя они, кажется, не буксируют и не направляют плот, который просто плывет по течению и управляется сам, без помощи руля. Если плот наталкивается на какое-либо препятствие, он просто поворачивается и распутывается; главная трудность в управлении плотом заключается в его склонности запутываться в нависающих ветвях.

Такой плот часто используется в погоне за бегемотом. Он выглядит как просто масса тростника, плывущая по течению, и не настораживает настороженное животное так сильно, как это могла бы сделать лодка. Когда туземцы используют плот в погоне за бегемотом, они всегда подтягивают к нему свои каноэ, чтобы те были готовы пуститься в погоню за буйком, как только животное будет обнаружено.

Те же племена используют тростник, если хотят переплыть реку. Они нарезают их в большом количестве и бросают в реку, как будто собираются сделать плот. Затем они скручивают несколько тростников на каждом углу, чтобы они напоминали небольшие столбы, и соединяют эти столбы палками или длинными тростниками, делая из них фальшборты. В этой примитивной паромной лодке человек сидит сам и может нести столько багажа, сколько захочет, а простые фальшборты не дают ему упасть за борт.

Довольно странно, что макололо не удается убедить посадить манговое дерево, ведь мужчины переняли это понятие от других племен, среди которых они путешествовали. Они очень любят его плоды, и это вполне обоснованно: они превосходны и обеспечивают туземцев пищей на несколько недель, а срывать их можно в сносных количествах в течение четырех месяцев в году. При этом все деревья сажают сами: туземцы верят, что любой, кто посадит одно из этих деревьев, вскоре умрет. Это суеверие распространено во всей этой части Африки, и батока - почти единственное племя, среди которого оно не преобладает.

Макололо умудрились стать жертвами огромного количества суеверий. Это вполне вероятно, если учесть, что они, по сути, являются узурпаторами, пронесшимися через огромное количество племен и обосновавшимися в стране побежденных. Нет ничего более заразного, чем суеверия, и в таком случае суеверия завоеванных племен обязательно добавятся к суевериям победителей.

Среди них преобладает идея о том, что некоторые люди могут превращаться в животных. Один из этих сильных фокусников пришел к группе доктора Ливингстона и, приблизившись, начал трястись и дрожать всеми конечностями. Макололо объяснил, что Пондоро, как называют этих людей, учуял запах пороха и из-за своих леоновых привычек очень его боится. Переводчика попросили предложить Пондоро взятку в виде ткани, чтобы он немедленно

превратился во льва, но тот отказался, искренне опасаясь, что превращение действительно может произойти.

Пондоро, о котором идет речь, был очень умным человеком. Он часто уходил в лес на месяц, и на это время должен был стать львом. Его жена построила ему хижину под сенью дерева баобаб и регулярно приносила ему еду и пиво - предполагалось, что его леоний аппетит дополняет тот, который присущ ему как человеку. Никому не разрешается входить в эту хижину, кроме Пондоро и его жены, и даже вождь не рискнет прислонить свое оружие к дереву баобаб; это правило соблюдается так строго, что вождь деревни пожелал оштрафовать некоторых из группы доктора Ливингстона за то, что они поставили свои ружья против священной хижины.

Иногда считается, что Пондоро охотится на благо деревни: он ловит и убивает дичь в облике льва, а затем возвращает себе человеческий облик и сообщает людям, где лежит мертвое животное. Среди этих племен также существует вера в то, что духи ушедших вождей вселяются в тела львов, и, вероятно, этим убеждением объясняется страх, который они испытывают при встрече со львом, и нежелание нападать на животное. В книге Ливингстона "Замбези и его притоки" есть отрывок, который хорошо иллюстрирует распространенность этого чувства.

"Однажды, когда мы подстрелили буйвола на тропе за Капи, голодный лев, привлеченный, вероятно, запахом мяса, подошел к нашему лагерю и своим ревом разбудил всех. Туба Мокоро ("Разбиватель каноэ"), проникнутый народной верой в то, что этот зверь - переодетый вождь, в короткие промежутки молчания громко ругал его. *Ты* вождь! Эх! Ты называешь себя вождем, да? Что ты за вождь, если крадешься в темноте и пытаешься украсть наше буйволиное мясо? Тебе не стыдно? Красивый вождь, правда! Ты похож на жука-падальщика и думаешь только о себе. У тебя нет сердца вождя; почему бы тебе не убить свою собственную говядину? У тебя, должно быть, камень в груди, а сердца и вовсе нет".

Не добившись никакого эффекта от своего бесстрастного крика, к льву обратился другой человек по имени Малонга, самый спокойный и молчаливый из всех. "В своей медленной, спокойной манере он объяснил ему, насколько неуместно такое поведение по отношению к незнакомцам, которые никогда не причиняли ему вреда. Мы мирно путешествовали по стране, возвращаясь к своему вождю. Мы не убивали людей и ничего не крали. Мясо буйвола было нашим, а не его, и не подобает такому великому вождю, как он, бродить в темноте, пытаясь, подобно гиене, украсть чужое мясо. Он может пойти и поохотиться сам, ведь в лесу полно дичи". Пондоро был глух к доводам разума и только еще громче ревел, поэтому мужчины рассердились и пригрозили, что пошлют в него шар, если он не уйдет. Они выхватили ружья, чтобы выстрелить в него, но он благоразумно держался в темноте, за пределами светлого круга, создаваемого нашими кострами , и туда они не хотели соваться".

Еще одно суеверие очень распространено среди этих племен. Оно заключается в том, что на каждое животное действует соответствующее лекарство. Обычные лекарства готовятся обычными знахарями, которых здесь множество; но для особых лекарств нужны специальные специалисты. Один человек, например, специализируется на приготовлении лекарств для слонов, и ни один охотник не пойдет на слона, не снабдив себя некоторым количеством этого сильнодействующего средства. Другой делает крокодиловое лекарство, которое служит для защиты владельца от крокодила. Однажды, когда белый человек застрелил крокодила, лежавшего на солнце, врачи пришли в ярость и стали выговаривать гостям за то, что они застрелили животное, которое считали своей особой собственностью. В другой раз, когда на крючок для крокодила была насажена наживка, доктора убрали ее,

отчасти потому, что это была собака, и они предпочли съесть ее сами, а отчасти потому, что любое уменьшение количества крокодилов привело бы к соответствующей потере гонораров.

С тех пор как появилось огнестрельное оружие, появились оружейные врачи, которые изготавливают лекарства, позволяющие ружью стрелять метко. Сера - обычное оружейное лекарство, которое чаще всего применяют, делая небольшие надрезы на руках и втирая в них серу. Также используются магические кости, которые применяются в основном для обнаружения воров. Даже белые люди стали верить в действенность игральных костей, а к туземному фокуснику португальцы обращаются так же часто, как и его соотечественники.

ГЛАВА XXXIV.
ПЛЕМЕНА БАТОКА И МАНГАНДЖА.

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ БАТОКА - ИХ ОБЩИЙ ВИД И ОДЕЖДА - ИХ МАСТЕРСТВО ЛОДОЧНИКОВ - БАЕНДА-ПЕЗИ, ИЛИ ГОНАКЕДЫ - СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО - СПОСОБ ОХОТЫ - МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ - ВОЕННЫЕ ОБЫЧАИ - ПЛЕМЯ МАНГАНДЖА - ПРАВИТЕЛЬСТВО - ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ОБОИХ ПОЛОВ - ПРИВЕТСТВИЕ - ОДЕЖДА - ПЕЛЕЛЕ, ИЛИ ГУБНОЕ КОЛЬЦО - ТАТУИРОВКА - СТРЕМЛЕНИЕ К ЧИСТОТЕ - ВАРКА ПИВА И ПИТЬЕ - ОБМЕН ИМЕНАМИ - СУЕВЕРИЯ - ПОХОРОНЫ И ТРАУР.

Где-то в районе 17° южной широты и 27° восточной долготы живет племя, называемое батока или батонга. 27° восточной долготы живет племя под названием батока, или батонга, которое имеет две разновидности; те, кто живет на низменных землях, таких как берега Замбези, очень темные и несколько напоминают негров по внешнему виду, а те, кто живет на более высоких землях, светло-коричневые, такого же оттенка, как *café au lait*. Их характер, по-видимому, отличается от цвета кожи: первые тупы, глупы и несговорчивы, в то время как вторые сравнительно интеллектуальны.

Они не улучшают свой внешний вид благодаря странной привычке лишать себя двух верхних резцовых зубов. Отсутствие этих зубов заставляет соответствующие резцы нижней челюсти выступать наружу и давить на губу, так что даже в молодости все они имеют старческое выражение лица. Выбивание этих зубов является частью церемонии, которая практикуется в отношении обоих полов, когда они принимаются в ряды мужчин и женщин, и, вероятно, является остатками какого-то религиозного обряда. Причина, которую они приводят, достаточно абсурдна, а именно: им нравится походить на быков, у которых нет верхних резцов, а не иметь все зубы, как у зебр. Однако вполне вероятно, что это заявление может быть просто уклонением от вопросов, которые они считают себя обязанными парировать, но также может иметь отношение к крайнему почитанию быков, которое преобладает в сознании африканцев.

Несмотря на обезображивающий эффект, этот обычай является универсальным среди различных подплемен, из которых состоят батока, и даже четкие приказы самого вождя или угрозы наказания не могли заставить людей отказаться от него. Девушки и парни внезапно появлялись без зубов, и никакие расспросы не могли заставить их сказать, когда и кем они были выбиты. Обычный возраст для проведения операции - четырнадцать или пятнадцать лет.

Их одежда не мало примечательна, особенно то, как некоторые из них укладывают волосы. Волосы на макушке собраны в круг диаметром около шести или семи дюймов. В результате тщательных тренировок, обилия жира и других средств они превращаются в конус высотой около восьми или десяти дюймов, слегка наклоненный вперед. В некоторых случаях конус получается удивительной высоты: староста одной из деревень Батока носил такой конус, который был превращен в длинный шип, выступавший на целый ярд от его головы и, должно быть, причинявший ему значительные неудобства. В этом случае к волосам, очевидно, были примешаны другие материалы: говорят, что к ним часто добавляют длинную шерсть различных животных, чтобы она смешивалась с настоящим ростом и помогала поднимать сооружение. По краям этого конуса волосы тщательно сбриваются, так что внешний вид головы очень примечателен и несколько смешон.

Фигуры на второй гравюре на странице 357 - это портреты, выполненные мистером Бейнсом. Мантаньяни, человек, сидящий на краю лодки, был весьма примечательным человеком. Он действительно принадлежит к племени батока , хотя поначалу его принимали за одного из макололо. Возможно, он счел за лучшее принять принадлежность к побежденному, а не завоеванному племени. Так было со многими людьми, которые, подобно Мантаньяни, сопровождали доктора Ливингстона. Он был необычайно искусным лодочником и управлял обычным китобойным судном так же легко, как одним из своих собственных каноэ. Украшение, которое он носит в волосах, - гребень из бамбука. Он был изготовлен не им самим, а взят у племени Шимбези на реке Шире, или Ширех. Он и его спутники протащили лодку по многочисленным порогам, и, когда его спросили об опасности, он сказал, что не боится, так как умеет плавать как рыба, и что, если по какой-то случайности он допустит, чтобы мистер Бейнс упал за борт и утонул, он никогда больше не посмеет показать свое лицо доктору Ливингстону.

Мистер Бейнс отмечает в своих записках, что из Мантаньяни должен был получиться хороший моряк, поскольку он не только умел управлять лодками, но и ценил ром не хуже любого британского дегтя. Случалось, что по вечерам, после окончания дневного плавания, мужчинам подавали грог, но в течение двух или трех ночей Мантаньяни не притрагивался к нему. Поэтому однажды ночью произошел следующий разговор

"Mantanyani, non quero grog?" (*т. е.* Не можешь ли ты принять грог?)

"Non quero." (Я не могу.)

"Porquoi non quero grog?" (Почему ты не можешь принять грог?)

"Garaffa poco, Zambesi munta." (Бутылка маленькая, а Замбези большой).

Намек был понят, и ром, не смешанный с водой, был предложен Мантаньяни, который выпил его, как матрос.

В книге "Замбези и его притоки" приводится захватывающий рассказ о мастерстве туземцев в управлении каноэ. Каноэ принадлежало человеку по имени Туба Мокоро, или "Разбиватель каноэ", - довольно зловещее, но, видимо, незаслуженное название, поскольку он оказался самым искусным и уверенным лодочником. Похоже, он был еще и скромным, поскольку не ставил себе в заслугу управление лодкой, а приписывал свой успех неким чарам или лекарствам, которые у него были и которые он держал в глубоком секрете. Ему поручили провести партию через пороги к острову, расположенному недалеко от края великого водопада Моси-оа-тунья, *то есть* Дымящегося водопада, который сейчас называется водопадом Виктория. На этот остров можно попасть только при очень низкой воде, и даже в

этом случае никто, кроме самых опытных лодочников, не может отважиться подойти так близко к водопаду, который вдвое глубже Ниагары и на милю шире, образованный огромным и внезапным разломом в базальтовом русле Замбези.

Перед тем как войти в воду, нас попросили не разговаривать, так как наши разговоры могут снизить ценность лекарства, и никому из тех, у кого перед глазами такие кипящие, бурлящие пороги, не придет в голову ослушаться приказа "каноэ-смашера". Вскоре стало ясно, что в просьбе Тубы был здравый смысл, хотя приводимая причина не отличалась от просьбы каноиста из Сешеке, который просил одного из наших людей не свистеть, потому что свист усиливает ветер.

"В обязанности человека на носу входило следить за правильным курсом и, увидев камень или корягу, звать рулевого. Туба, несомненно, считал, что разговоры на борту могут отвлечь внимание рулевого в тот момент, когда пренебрежение приказом или небольшая ошибка могли бы выплеснуть нас всех в бурлящую реку. Бывали места, где приходилось прилагать максимум усилий, чтобы вывести каноэ на единственно безопасную часть порога и не дать ему перевернуться на бок, когда в мгновение ока мы должны были оказаться среди плотвы и бакланов, которые ныряли за мелкой рыбешкой на завтрак.

"Временами казалось, что ничто не спасет нас от столкновения со скалами, которые при низком течении реки выступали из воды; но в самый нужный момент Туба подавал знак рулевому, и тот, взяв наготове шест, поворачивал каноэ немного в сторону, и мы стремительно проносились мимо грозящей опасности. Никогда еще каноэ не управлялось так восхитительно. Лишь однажды лекарство, казалось, утратило свою эффективность.

"Мы стремительно неслись вниз, прямо на нашем пути лежала черная скала, над которой клубилась белая пена; шест был приставлен к ней так же легко, как и всегда, но он соскользнул как раз в тот момент, когда Туба собрался с силами, чтобы отвернуть нос. Мы сильно ударились и через мгновение были наполовину заполнены водой. Туба так же быстро пришел в себя, оттолкнулся носом и направил каноэ в тихое, неглубокое место, чтобы вычерпать воду. Он дал нам понять, что виновато не лекарство - оно не потеряло своей силы; несчастный случай произошел из-за того, что Туба отправился в путь, не позавтракав. Надо ли говорить, что мы больше никогда не позволяли Тубе оставаться без еды".

Среди них есть группа людей, которых на их языке называют "баенда-пези", *то есть* го-накеды. Эти люди никогда не носят ни атома какой-либо одежды, они полностью обнажены, их единственный плащ - из красной охры. Эти баенда-пези - весьма примечательная группа людей, и почему они добровольно живут без одежды, не очень понятно. Некоторые путешественники считают, что они представляют собой отдельный орден среди батока, но это совсем не точно. Не то чтобы они были лишены тщеславия, ведь они очень любят украшения на голове, которые одевают различными причудливыми способами. Конический стиль уже упоминался, но у них есть много других модных приемов. Один из их любимых способов - заплести косичку из коры шириной около двух дюймов и повязать ее вокруг головы в виде диадемы. Затем они обильно натирают волосы жиром и красной охрой и закрепляют их на филе, которое полностью закрывает волосы. Затем голову обривают до края филе, и туземец выглядит так, словно на нем красная полированная фуражная шапочка.

На руках носят кольца из железной проволоки и бусы; модный представитель этого ордена считает себя едва ли пригодным для общества, если не носит с собой трубку и маленькие железные щипцы, с помощью которых он поднимает уголь из огня и разжигает свою трубку, стержень которой часто украшают, переплетая его с полированной железной проволокой.

Баенда-пези, похоже, настолько же лишены чувства стыда, насколько их тело лишено покрова. Их ничуть не убедили в том, что они должны носить одежду, и они смеялись над абсурдностью такой идеи; очевидно, они смотрели на предложение надеть одежду так же, как мы смотрели бы на просьбу облачиться в пластинчатые доспехи.

Трубка постоянно востребована у этих людей, их редко можно увидеть без трубки во рту и никогда без нее в руках. И все же, когда бы они ни оказались в присутствии своих белых гостей, они всегда спрашивали разрешения, прежде чем раскурить свою трубку - врожденная вежливость была сильна в них. Их табак очень сильный, и поэтому он очень ценится другими племенами, которые преодолевают большие расстояния, чтобы купить его у Батоки. Кроме того, он очень дешев: за несколько бусин можно купить достаточное количество, чтобы даже этим заядлым курильщикам хватило на полгода. Способ курения у них очень своеобразный. Сначала они делают обычную затяжку и выдыхают дым. Но, выдохнув почти весь дым, они как бы ловят последний крошечный венок и проглатывают его. Они считают это самой сутью или духом табака, который теряется, если выдохнуть дым обычным способом.

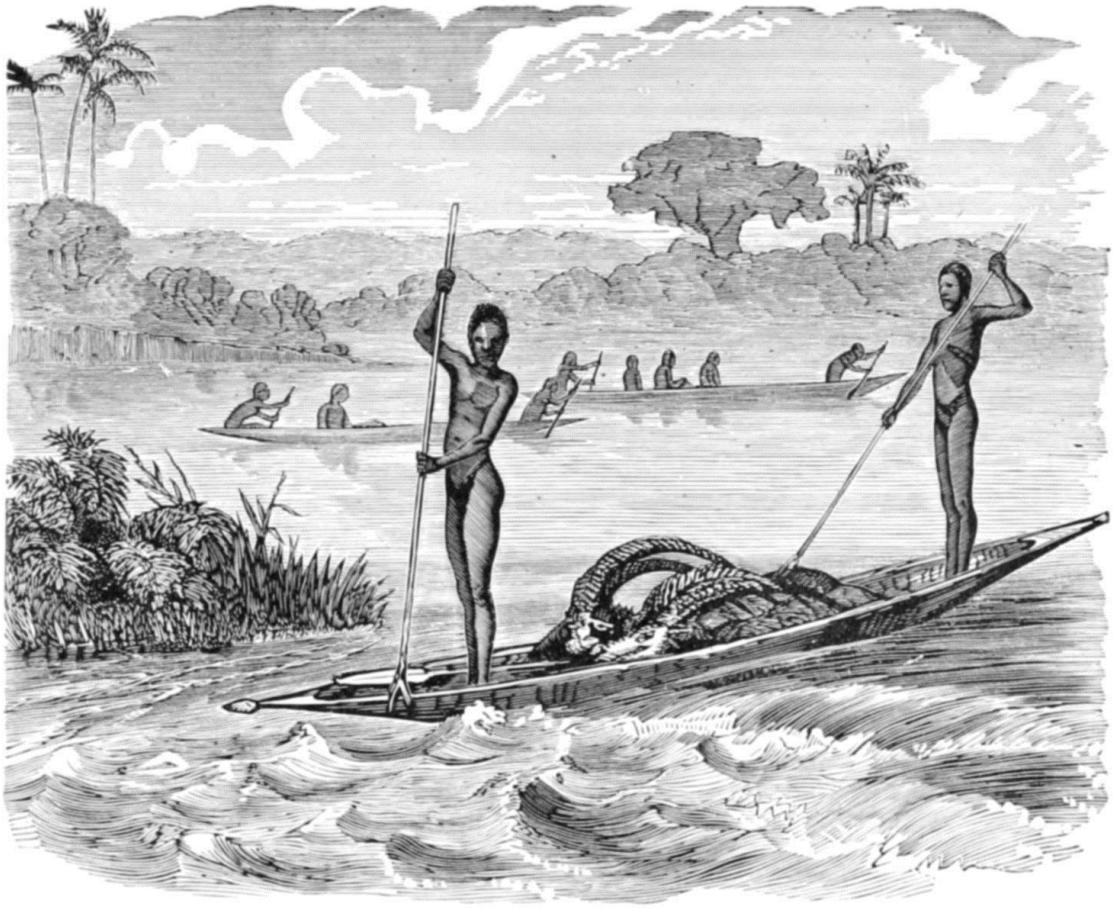
Батока - вежливый народ, хотя у них довольно странный способ выражения своих чувств. Обычный способ приветствия заключается в том, что женщины хлопают в ладоши и издают тот улюлюкающий звук, о котором уже говорилось, а мужчины опускаются и хлопают себя по бедрам. Но когда они хотят быть особенно почтительными, у них есть другой способ приветствия. Они бросаются на спину и перекатываются с боку на бок, энергично шлепая себя по внешней стороне бедер и энергично выкрикивая "Кина-бомба! Кина-бомба!". Доктор Ливингстон говорит, что он никак не мог привыкнуть к тому, что ему нравится зрелище огромных голых мужчин, валяющихся на спине и шлепающих себя, и пытался остановить их. Они, однако, всегда думали, что он не удовлетворен сердечностью приема, и поэтому катались и шлепали себя еще энергичнее. Эти катания и пощечины, похоже, предназначены для приветствия великих людей, и, конечно, когда батока предстают перед вождем, представление становится вдвойне энергичным.

Когда преподносится подарок, по этикету даритель держит его в одной руке, а другой хлопает по бедру, приближаясь к тому, кому собирается его вручить. Затем он вручает подарок, хлопает в ладоши, садится, а затем ударяет себя по бедрам обеими руками. Те же формальности соблюдаются и при вручении ответного подарка; они настолько привержены этой ветви этикета, что регулярно учат ей детей от своих родителей.

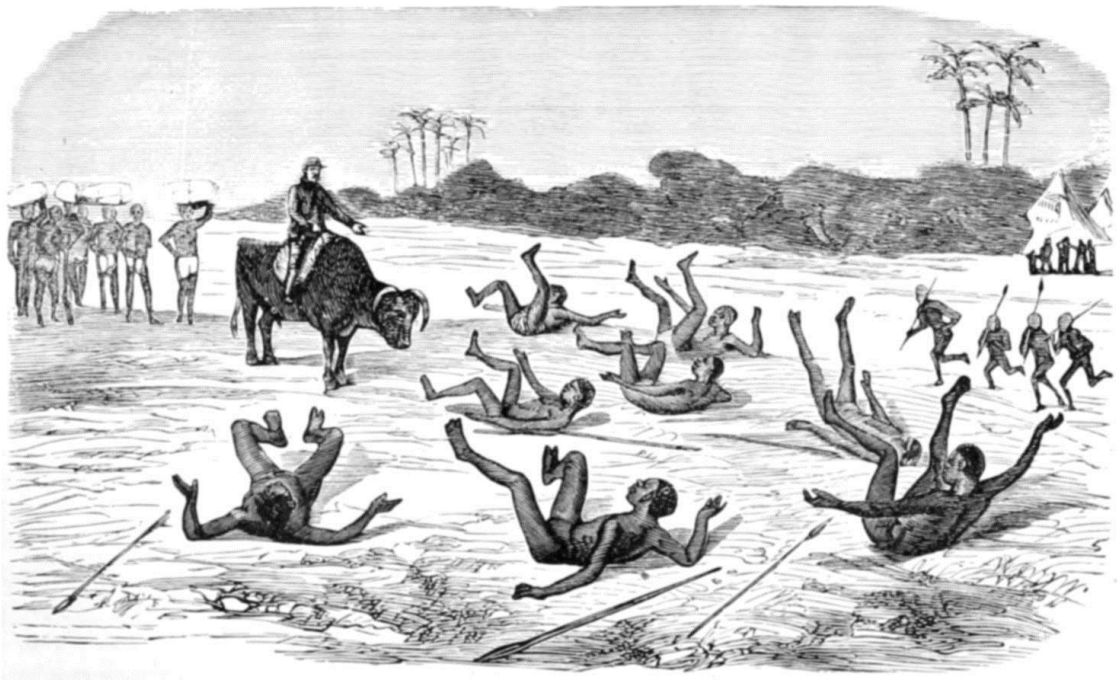
Это трудолюбивый народ, обрабатывающий огромные участки земли с помощью простой, но эффективной мотыги, характерной для их страны. С помощью этой мотыги, похожей на большую лопатку, они не только разрывают землю, но и выполняют другие, менее важные задачи, например, выравнивают землю под фундамент для своих грядок. Некоторые из этих полей настолько велики, что путешественник может часами идти по кукурузе и едва ли наткнется на необработанный участок. Количество выращиваемой кукурузы очень велико, и туземцы делают такое количество амбаров, что их деревни кажутся гораздо более густонаселенными, чем на самом деле. Следовательно, среди этого народа царит изобилие. Но весьма примечателен тот факт, что, несмотря на огромное количество зерна, которое они производят, они не могут его хранить.

У кукурузы слишком много врагов. Во-первых, соседние племена склонны посылать отряды мародеров, которые предпочитают воровать кукурузу, выращенную и сохраненную их трудолюбивыми соседями, а не возделывать землю для себя. Мыши также очень вредят кукурузе. Но от этих двух врагов батока могут неплохо защититься, завязав большое

количество кукурузы в пучки травы, обмазав их глиной и спрятав в низких песчаных островках, оставшихся после схода вод Замбези. Но худшим из всех врагов является местный долгоносик, насекомое настолько маленькое, что от его нападений не существует никаких мер предосторожности, и которое, как мы слишком часто видим в этой стране, уничтожает огромное количество кукурузы за очень короткое время. Батока не могут сохранить свою кукурузу больше года, и им приходится делать все возможное, чтобы она продержалась до следующего урожая.



(1.) СЦЕНА КАТАНИЯ НА ЛОДКАХ ПО РЕКЕ БО-ТЛЕТ-ЛЕ.
(См. с. 340.)



(2.) ПРИВЕТСТВИЕ БАТОКИ.
(См. с. 350.)

Поскольку, таким образом, весь годовой урожай должен быть съеден ими самими или долгоносиком, они предпочитают первое, а то, что они не могут съесть, они превращают в пиво, которое варят в больших количествах и обильно пьют; однако они редко, если вообще когда-либо, опьяняют себя, несмотря на количество, которое они потребляют. Это пиво они называют либо "боала", либо "помбе", так же как мы говорим о пиве или эле; оно сладкое на вкус, с достаточной кислотностью, чтобы сделать его приятным. Даже европейцам он вскоре начинает нравиться, а его воздействие на туземцев делает их упитанными и сытыми. Батока не довольствуются только выращиванием кукурузы и овощей, но даже сажают фруктовые и масличные деревья, что не встречается у других племен.

Возможно, из-за изобилия, которым благословлена их земля, они очень гостеприимные люди, всегда рады гостям и принимают их самым любезным образом. Если путешественник проходит через деревню, его постоянно окликают из разных хижин с приглашениями поесть и выпить, при этом мужчины приветствуют гостя хлопаньем в ладоши, а женщины - "убаюкиванием". Им даже обидно, если незнакомец проходит мимо деревни, не получив приглашения. Когда он останавливается в деревне на ночь, жители стараются устроить его поудобнее: одни бегут за дровами, другие приносят кувшины с водой, третьи занимаются подготовкой постели и возводят забор, чтобы уберечься от ветра.

Они искусные и бесстрашные охотники, не боятся даже слонов и буйволов, подходят вплотную к этим грозным животным и убивают их большими копьями. Среди батока действует полная система законов о дичи, но не для того, чтобы запретить преследование определенной дичи, а для того, чтобы урегулировать вопрос о том, как распорядиться ею после убийства. Среди них человек, нанесший животному первую рану, имеет право на добычу, какой бы пустяковой ни была нанесенная им рана. Если он не убил животное сам, то обязан отдать охотнику, нанесшему смертельную рану, обе ноги с одной стороны.

Что касается законов, регулирующих обычную жизнь, то здесь мало что заслуживает особого внимания, кроме своего рода испытания, к которому они относятся с большим почтением. Это испытание называется "испытание Муаве" и является аналогом корнеда и других подобных испытаний в ранние века в Англии. Страх перед колдовством здесь, как и в других частях Южной Африки, очень силен, но у батока обвиняемый имеет возможность очиститься, выпив ядовитый препарат под названием муаве. Иногда обвиняемый умирает от этого напитка, и в этом случае его вина очевидна; но в других случаях яд действует как противорвотное средство, что, как предполагается, доказывает его невиновность: яд не находит в организме сородичей и поэтому отторгается.

Никто, похоже, не свободен от такого обвинения, как явствует из рассказа доктора Ливингстона: "Недалеко от впадения Капоэ мамбо, или вождь, с несколькими своими старостами пришел к нашему ночлегу с подарком. Их лбы были вымазаны белой мукой, а в их поведении чувствовалась необычная серьезность. Незадолго до нашего приезда их обвинили в колдовстве: сознавая свою невиновность, они согласились на испытание и обязались выпить отравленную муаве. Для этого они отправились к священному холму Нехомокела, на котором покоятся тела их предков, и после торжественного обращения к невидимому духу с просьбой подтвердить невиновность их детей, они проглотили муаве, их вырвало, и поэтому они были признаны невиновными.

"Очевидно, что они верят, что душа продолжает существовать и что духи ушедших знают, что делают те, кого они оставили, и довольны или нет, в зависимости от того, добры или злы их поступки. Эта вера является всеобщей. Владелец большого каноэ отказался продать его, потому что оно принадлежало духу его отца, который помог ему, когда он убил гиппопотама. Другой, когда сделка за его каноэ была почти завершена, увидев большую змею на ветке дерева над головой, отказался завершить продажу, утверждая, что это дух его отца, пришедший протестовать против этого.

Некоторые из батока верят, что можно приготовить лекарство, которое излечит от укуса цеце, этой маленькой, но ужасной мухи, которая производит такие разрушения среди скота, но не оказывает вредного влияния на человека. Это лекарство было открыто одним из вождей, сын которого Мойяра показал его доктору Ливингстону. Оно состояло в основном из растения, которое, очевидно, было новым для ботанической науки. Корень очищался, кожура нарезалась и измельчалась в порошок, вместе с дюжиной или двумя самих цеце. Оставшаяся часть растения также высушивается. Когда у животного появляются симптомы укуса цеце, ему дают немного порошка, а остальное высушенное растение сжигают под ним, чтобы тщательно продезинфицировать. Мойяра не утверждал, что это средство непогрешимо, но лишь заявил, что если стадо скота забредет в район, зараженный цеце, то некоторые из них будут спасены с помощью этого лекарства, тогда как без него они все погибнут.

Батока любят использовать музыкальный инструмент, который, с некоторыми изменениями, распространен на значительной части Центральной Африки. В своей простейшей форме он состоит из доски, на которой закреплены несколько плоских деревянных планок, которые, когда их сжимают и внезапно отпускают, издают своеобразный музыкальный тон. Фактически, принцип работы сансы в точности соответствует принципу работы наших музыкальных шкатулок, с той лишь разницей, что зубцы, или клавиши, нашего инструмента стальные, и что звучат они при помощи маленьких прищепок, а не пальцев. Даже среди одного племени существуют большие различия в форме сансы.

Самая лучшая и продуманная форма - та, в которой дека сансы полая, чтобы увеличить резонанс; а клавиши сделаны из железа, а не из дерева, так что получается действительно музыкальный звук. Кроме того, инструмент заключен в полый калабаш, чтобы усилить звук; и санса, и калабаш снабжены кусочками стали и олова, которые издают звенящий аккомпанемент к музыке. Калабаш обычно покрыт резьбой. Когда используется санса, ее держат полым или украшенным концом к игроку, а по клавишам ударяют большими пальцами, остальная часть руки занята тем, что держит инструмент.

Этот любопытный инструмент используется для сопровождения песен. Доктор Ливингстон упоминает, что один туземный поэт присоединился к группе и сочинил поэму в честь белых людей, исполняя ее всякий раз, когда они останавливались, и аккомпанируя себе на сансе. Поначалу, поскольку он мало что знал о своем предмете, он скромно сократил свое стихотворение, но день ото дня оно расширялось, пока, наконец, не превратилось в длинную оду. В ней чувствовался явный ритм: каждая строка состояла из пяти слогов. Другой туземный поэт имел привычку каждый вечер утешать себя песней exempore, в которой он перечислял все, что сделали белые люди. Он не был таким искусным поэтом, как его брат-импровизатор, и иногда слова подводили его. Однако его санса выручал его, когда он терял слово, подобно тому как фортепиано выручает неумелого певца, когда он теряет ноту.

Кроме сансы, у них есть несколько музыкальных инструментов. Один из них называется маримба и по сути является простым подобием губной гармошки, где место стеклянных или металлических клавиш занимают полоски твердого дерева, закрепленные на раме. Эти полоски большие на одном конце инструмента и плавно уменьшаются к другому. Под каждой из деревянных клавиш закреплена полая тыква, или калабаш, цель которой - увеличить резонанс. Для ударов по клавишам используются две палочки из твердого дерева, и умелый исполнитель действительно управляется с ними с удивительной ловкостью. Как бы ни был прост этот инструмент, из него можно извлекать приятные звуки. Он даже был завезен в Англию под названием "ксилофон", и, когда на нем играет ловкий и энергичный исполнитель, он действительно производит эффекты, которые вряд ли можно было от него ожидать. Звуки, конечно, не соответствуют музыкальному тону, но все же различные ноты могут быть получены с достаточной точностью, если обрезать деревянные клавиши до нужных размеров. Аналогичный инструмент сделан из полосок камня, звуки которого превосходят те, что издают деревянные бруски.

Батока отличаются клановыми чувствами; когда большая партия путешествует в компании, представители одного племени всегда держатся вместе и помогают друг другу в любых трудностях. Кроме того, если им случается наткнуться на деревню или жилище, принадлежащее одному из их племен, они уверены, что их ждет радушный прием и обильное гостеприимство.

Батока, судя по всему, довольно конфликтный народ, ссорящийся у себя дома и иногда распространяющий свои распри на другие деревни. В домашних драках - то *есть* в поединках между жителями одной деревни - противники стараются не наносить смертельных травм. Но когда деревня сражается с деревней, как это иногда бывает, потери с обеих сторон могут быть значительными. Результат такой битвы был бы крайне неприятным, поскольку две деревни всегда находились бы в состоянии смертельной вражды, и житель одной не осмелился бы приблизиться к другой. Однако батока придумали план, с помощью которого вражда прекращается. Когда победители изгоняют своих противников с поля боя, они берут тело одного из погибших воинов, четвертуют его и проводят над ним ряд церемоний. Это выглядит как своеобразный вызов тому, что они являются хозяевами поля. Побежденная сторона признает свое поражение, посылая депутацию, чтобы попросить тело

своего товарища, и, получив его, проходит через те же церемонии; после этого, как предполагается, мир восстанавливается, и жители деревень могут спокойно посещать друг друга.

Информатор доктора Ливингстона также рассказал, что когда воин убивал врага, он брал голову и клал ее на муравейник, пока вся плоть не отделялась от костей. Затем он удалял нижнюю челюсть и носил ее в качестве трофея. Он не видел ни одного из этих трофеев, и, очевидно, считает, что вышеприведенный рассказ может быть неточным в некоторых местах, поскольку он был передан через переводчика; и очень возможно, что и переводчик, и батока могли придумать сказку для этого случая. Рассказ о церемониях умиротворения действительно кажется слишком последовательным, чтобы быть ложным; но ношение челюсти врага, не подтвержденное ни одним примером, кажется довольно сомнительным. И действительно, доктор Ливингстон прямо предостерегает читателя от того, чтобы принимать на веру рассказы, переданные коренным африканцем. Темный собеседник дружелюбно желает угодить и, не имея представления об истине как принципе, говорит именно то, что, по его мнению, будет наиболее приемлемо для великого белого вождя, на которого он смотрит как на некое неустойчивое сверхъестественное существо. Спросите туземца, высоки ли горы в его округе или находят ли там золото , и он, несомненно, ответит утвердительно. Так же он поступит, если его спросят, живут ли в его стране единороги или знает ли он о расе хвостатых людей, желая лишь угодить и не думая, что истинность или ложность ответа может иметь хоть какое-то значение. Если белый спортсмен стреляет в животное и делает явный промах, его сумрачные сопровождающие обязательно скажут, что пуля прошла через сердце животного, а оно лишь отлетело на небольшое расстояние. "Это наш отец, - говорят туземцы, - и он будет недоволен, если мы скажем ему, что он промахнулся". Еще хуже обстоит дело с рабами, которых часто используют в качестве переводчиков; и вряд ли можно заставить их говорить хоть немного правды.

ПЛЕМЯ МАНГАНДЖА.

На реке Шире (произносится Ширех), северном притоке Замбези, живет довольно любопытное племя под названием манганджа. Страна, которую они населяют, хорошо и полноводна, изобилует чистыми и прохладными ручьями, которые не пересыхают даже в сухой сезон. Пастбищ, следовательно, много, и все же люди не беспокоятся о скоте, позволяя лежать неиспользованным участкам земли, которые могли бы прокормить огромные стада волов, не говоря уже об овцах и козах.

Их способ управления довольно любопытен и в то же время прост. Страна разделена на несколько районов, глава которых носит титул Рундо. Под началом каждого рундо находится множество деревень, хотя каждый из районов независим от других, и они не признают общего вождя или короля. Главенство не ограничивается мужским полом: в одном из районов рундо была женщина по имени Ньянго, которая разумно пользовалась своей властью, улучшая социальный статус женщин во всех своих владениях. Каждая деревня ежегодно платит рундо дань, в основном состоящую из одного бивня каждого убитого слона, а он в свою очередь обязан помогать и защищать их в случае угрозы или нападения.

Манганджи - трудолюбивая раса, они хорошо обрабатывают металл, особенно железо, выращивают хлопок, делают корзины и возделывают землю, причем в этом занятии одинаково участвуют оба пола; приятно видеть мужчин, женщин и детей, работающих

вместе в поле, а возможно, и младенца, который спит в тени куста. Они расчищают лесные угодья точно так же, как это делается в Америке: рубят деревья топорами, складывают ветки и стволы в кучи, сжигают их, а пепел разбрасывают по земле в качестве навоза. Пни оставляют гнить в земле, а среди них сеют кукурузу. Травянистые земли расчищаются по-другому. Трава в этой стране очень густая и длинная. Культиватор собирает пучок в руки, скручивает концы вместе и завязывает их узлом. Затем он подрезает корни своей мотыгой, похожей на адзе, так, чтобы пучок травы оставался на месте, как сноп пшеницы. Когда поле полностью скошено, оно выглядит для постороннего человека так, как будто на нем идет уборка урожая: пучки травы стоят через определенные промежутки, как толчки зерна. Перед наступлением сезона дождей пучки сжигают, пепел грубо вкапывают в почву, и в результате получается обильный урожай.

Хлопок готовят очень просто и медленно: волокно собирают вручную, вытягивают в "ровницу", частично скручивают, а затем скатывают в шар. По мнению тех, кто имел практический опыт работы с этим хлопком, если бы туземцев можно было побудить сажать и выращивать его в больших количествах, для него можно было бы найти огромный рынок сбыта. Штапель, или волокно, этого хлопка не такой длинный, как у американского, и в руке он ощущается жестким, шерстяным. Но поскольку он очень прочный, а ткани из него получаются очень долговечными, туземцы предпочитают его иностранному растению. Почти у каждой значимой семьи Манганджи есть своя небольшая хлопковая грядка размером от полуакра до акра, за которой тщательно ухаживают и которая не зарастает сорняками. Станок, на котором они ткут свою простую ткань, очень грубый и представляет собой одну из примитивных форм ткацкого станка. Он расположен горизонтально, а не вертикально, и ткачу приходится сидеть на корточках, когда он занят своей работой. Челнок представляет собой простую палку, на которую спирально наматывается нить, а когда он проходит между скрещенными нитями основы, нить отбивается плоской палкой на свое место.

Они гостеприимный народ, и у них есть хорошо понятный кодекс церемоний при приеме незнакомцев. В каждой деревне есть место, называемое буала*, то есть* пространство диаметром около тридцати или сорока ярдов, защищенное баобабом или другими раскидистыми деревьями, которое всегда содержится в чистоте и порядке. Это место используется главным образом для того, чтобы плетущие корзины и другие люди, занимающиеся сидячим трудом, могли работать в компании, а также служит местом встречи по вечерам, где они поют, танцуют, курят и пьют пиво после дневных трудов.

Как только чужак входит в деревню, его проводят в буалу, где он садится на расстеленные для него циновки и ожидает прихода главного человека деревни. Как только он появляется, люди приветствуют его, хлопая ладоши в унисон, и продолжают это приветствие до тех пор, пока он не займет свое место в сопровождении своих советников. "Наши проводники, - пишет Ливингстон, - садятся перед вождем и его советниками, и обе стороны наклоняются вперед, серьезно глядя друг на друга. Вождь повторяет какое-нибудь слово, например "Амбуиата" (наш отец, или хозяин) или "Мойо" (жизнь), и все хлопают в ладоши. За другим словом следуют два хлопка, за третьим - еще больше, когда каждый касается земли обеими руками, сложенными вместе. Затем все поднимаются, наклоняются вперед с мерными хлопками и снова садятся с хлопками, хлопками, хлопками, все слабее и слабее, пока последние не утихают или не заканчиваются громкими хлопками вождя. В этом виде придворного этикета они соблюдают идеальное время".

Это любопытное приветствие ценится очень высоко, и людей тщательно обучают ему с детства. Затем главный проводник чужестранцев обращается к вождю и рассказывает ему о своих гостях - кто они, зачем пришли и т. д.; в основном он делает это в виде чистого стиха -

способность импровизировать поэтическое повествование ценится так же высоко, как и придворные приветствия, и старательно культивируется всеми, кто хоть как-то претендует на положение. Поначалу путешественника весьма забавляет, что, если ему случается спросить дорогу у какой-нибудь хижины, его собственный проводник обращается к хозяину хижины в чистом стихе, и ему отвечают тем же.

Одежда этого племени весьма своеобразна: голова - главная часть лица, которую украшают. Некоторые из мужчин избавляют себя от необходимости укладывать волосы, сбривая их полностью, но большее число гордится тем, что украшает их различными способами. Наибольшее восхищение вызывает головной убор, в котором волосы напоминают рога буйвола. Для этого нужно взять два куска шкуры, пока они влажные и податливые, и согнуть их в нужную форму. Когда два рога высохнут и станут твердыми, их закрепляют на голове, а волосы накладывают на них и закрепляют на месте с помощью жира и глины. Иногда используется только один рог, который выступает непосредственно надо лбом; но двойной рог - это форма, которая наиболее популярна.

Другие делят волосы на многочисленные пучки и разделяют их, обматывая каждый пучок тонкой лентой, сделанной из внутренней коры дерева, так что они расходятся от головы во все стороны, создавая эффект, который очень ценится этой простой расой. Некоторые собирают волосы вместе на затылке и укладывают их так, чтобы они свисали вниз по спине в форме, очень напоминающей косичку, которая была столь модным украшением британского моряка во времена Нельсона. Другие, наоборот, позволяют волосам расти так, как их создала природа, но приучают их расти тяжелыми массами по всей голове.

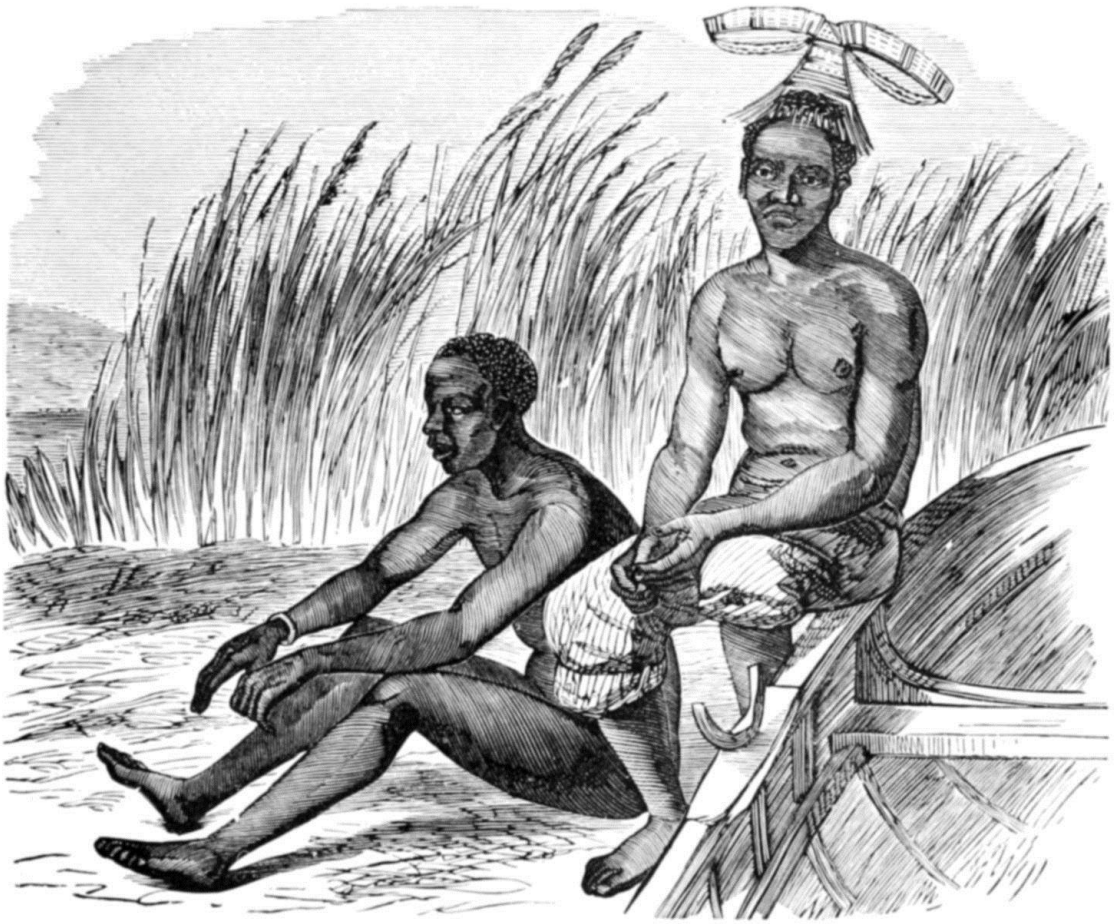
Женщины столь же привередливы, как и мужчины, но в дополнение к этому имеют необычное украшение под названием "пелеле". Это кольцо, которое крепится не в ухе или носу, а на верхней губе, и придает его обладательнице вид, отталкивающий европейца. Художник проиллюстрировал его форму и эффект на гравюре на странице 357. Пелеле - это кольцо из слоновой кости, металла или бамбука, толщиной почти в дюйм и разного диаметра, иногда достигающее двух дюймов в поперечнике. Когда девочка совсем молодая, ей прокалывают верхнюю губу рядом с носом и вставляют маленькую булавку, чтобы отверстие не закрылось. Когда рана заживает, маленькую булавку вынимают и вставляют более крупную, и так продолжается годами, пока, наконец, не появляется возможность носить "пелеле" в полный рост.

Самый распространенный вид пелеле сделан из бамбука и, как следствие, очень легкий. Когда носитель такого кольца улыбается или, скорее, пытается улыбнуться, сокращение мышц поворачивает кольцо вверх, так что его верхний край оказывается перед глазами, а нос выступает через его середину. При этом обнажаются все передние зубы, демонстрируя модную манеру скалывания зубов, и, как говорит Ливингстон, они напоминают клыки кошки или крокодила. У одной старухи по имени Чиканда Кадзе пелеле было таким широким и тяжелым, что оно свисало ниже подбородка. Но она была вождем и, следовательно, могла позволить себе обладать столь ценным украшением.

Использование пелеле полностью изменяет естественную форму челюстей. В естественном состоянии зубы верхней челюсти расположены криво, но при ношении пелеле постоянное, хотя и незначительное, давление кольца сначала уменьшает этот изгиб, затем уплощает его и, наконец, меняет на противоположный. Ливингстон предлагает применять аналогичное постепенное давление к людям, чьи зубы выступают вперед, не зная, что подобный план уже давно практикуется стоматологами.

Как впервые появилось это страшное украшение, неизвестно. Причины, которые они приводят для его ношения, довольно забавны. У мужчины, говорят они, есть усы и борода, а у женщины их нет. "Что за существо была бы женщина без усов и без пелерины? У нее был бы рот, как у мужчины, и никакой бороды!" Естественным результатом ношения этого инструмента стало изменение языка, а также губ. Губные буквы не могут быть произнесены правильно, вся обязанность ложится на нижнюю губу.

(1.) ПЕЛЕЛЕ ИЛИ КОЛЬЦО ДЛЯ ГУБ.
(См. с. 356.)



(2.) БАТОКИ.
(См. с. 348.)

В разных частях страны пелеле имеет разную форму. Самый ценный пелеле - это кусок чистого олова, выкованный в форме блюда. Некоторые из них сделаны из красной разновидности пипеклея, а другие - из белого кварца. Эти последние украшения обычно имеют цилиндрическую форму, так что, как было замечено, их обладательница выглядит так, будто в губы вставлена восковая свеча, выступающая за пределы носа на дюйм или около того. Некоторые из них настолько стремятся быть модными, что не довольствуются пелериной на верхней губе, а носят ее и на нижней, причем эффект, оказываемый на выражение лица, лучше представить, чем описать. Больше всего пелеле можно увидеть в Озерном крае, где его носит каждая женщина и где он принимает самые разнообразные формы. Вдоль реки его носят не так часто, и форма почти всегда напоминает кольцо или блюдо.

В этой части страны подплемена отличаются определенными знаками, которыми они себя татуируют, и тем самым еще больше уродуют лица, которые, если бы им позволили остаться нетронутыми, были бы достаточно приятными. Некоторые из них имеют обыкновение прокалывать дырки по всему лицу и обрабатывать раны таким образом, что, когда они заживают, кожа поднимается маленькими бугорками, и лицо выглядит так, как будто покрыто бородавками. Добавьте к этой моде пелерину, и читатель сможет составить мнение о красоте модной женщины. Если цель моды - скрыть возраст, то эта мода должна быть самой успешной, так как она полностью уничтожает линии лица, ожесточает и искажает черты до

такой степени, что по лицу трудно судить, сколько лет его обладательнице - шестнадцать или шестьдесят.

У одной из женщин тело было самым любопытным образом украшено татуировкой, и она действительно являла собой замечательный образец манганджинской моды. Она обрила всю голову, а недостаток волос восполняла пучком перьев на лбу, перевязанным лентой. От точки на лбу шли линии, идущие по щекам до самого уха и напоминающие отметины на лице новозеландца. Этот лучистый принцип распространялся по всему телу. Аналогичная точка была отмечена на каждой лопатке, от которой вниз по спине и через плечи шли линии, а на нижней части позвоночника и на каждой руке были другие узоры схожего характера. Она, конечно, носила пелеле, но, похоже, стыдилась этого, возможно, потому, что была странствующей женщиной и уже видела белых мужчин. Поэтому, когда она собиралась заговорить с ними, она уходила в свою хижину, снимала пелеле и, когда говорила, держала руку перед ртом, чтобы скрыть уродливое отверстие в губе.

Чистота, похоже, не свойственна конституции манганджи. Они нисколько не понимали, зачем путешественникам мыться, и, похоже, лично не знали об этом процессе. Один очень старый человек, однако, сказал, что помнит, как однажды мылся, но это было так давно, что он совсем забыл свои ощущения. Однажды эта антипатия к холодной воде была использована очень забавно. Один из манганджи повадился примыкать к экспедиции, и ничто не могло его прогнать. Он настаивал на том, чтобы сопровождать их, и очень досаждал им, заявляя в каждой деревне, куда они приходили: "Эти люди заблудились, они не знают, куда идут". Его неоднократно прогоняли, но, как только поход возобновлялся, он являлся со своей маленькой сумкой через плечо, готовый, как обычно, возвещать о блуждающих наклонностях чужеземцев. Наконец их осенила счастливая мысль. Они пригрозили отнести его к реке и вымыть, после чего он в испуге убежал и больше не появлялся.

Возможно, из-за этой нечистоплотности среди манганджи распространены кожные заболевания, которые, по-видимому, одинаково заразны и долговечны: у многих людей на теле белые пятна, а многие другие страдают чем-то вроде проказы, которая, однако, не доставляет им особых хлопот. Даже птицы подвержены подобной болезни, и их ноги деформируются из-за утолщения кожи.

Трезвость у манганджи, похоже, такая же редкость, как и чистоплотность; ведь они - знатные выпивохи, и на самом деле ухитряются опьянять себя своим родным пивом, жидкостью настолько мягкого характера, что ничто, кроме сильной решимости и способности потреблять огромное количество жидкости, не даст желаемого эффекта. Это пиво совершенно не похоже на английский напиток. Во-первых, оно довольно густое и непрозрачное, а по виду напоминает кашу розоватого оттенка. Его делают, толкая растительное зерно, смешивая его с водой, кипятя и давая ему забродить. Когда ему исполняется два дня, он становится достаточно приятным, имеет слегка сладковато-кислый вкус, который обладает свойством мгновенно утолять жажду, и поэтому наиболее ценен для путешественников, для которых гостеприимные люди обычно его готовят.

Что касается их самих, то их несдержанным привычкам есть некоторое оправдание. У них нет хмеля или какого-либо другого вещества, которое сохраняет пиво, и поэтому они вынуждены употреблять все пиво в течение дня или двух. Поэтому, когда вождь варит большое количество пива, люди собираются вместе и днем и ночью продолжают пить, бить в барабаны, танцевать и пировать, пока все пиво не закончится. Однако, вероятно, из-за питательных свойств пива, которое на самом деле представляет собой не более чем очень

жидкую кашу, чрезмерное употребление не оказывает никакого вредного воздействия на людей: многие из них были замечены, очевидно, очень старыми, но привыкли пить пиво в обычных количествах. Женщины , похоже, ценят пиво так же, как и мужчины, хотя и не склонны к опьянению. Возможно, причина такой сравнительной сдержанности в том, что их мужья не дают им достаточно пива. По характеру они живые и приятные, у них особенный веселый смех, который, кажется, исходит из самого сердца и ничуть не похож на бессмысленный смех западных негров.

В этой части страны, не только среди манганджа, но и в других племенах, распространен обычай менять имена, который иногда приводит к странным результатам. Однажды старосту по имени Сининяне позвали, как обычно, но он не ответил; третий и четвертый звонки не дали никакого результата. Наконец один из его людей ответил, что он больше не Сининяне, а Мошошама, и на это имя он сразу же откликнулся. Затем выяснилось, что он обменялся именами с зулусом. Цель такого обмена заключается в том, что оба человека впредь обязаны считать друг друга товарищами и оказывать всяческую помощь. Если, например, Сининьяне случалось попасть в страну, где жил Мошошама, последний обязан был принять его в своем доме и относиться к нему как к брату.

Они кажутся разумной расой, ценят идею Творца и бессмертия души, но, как и большинство африканских народов, не могут поверить, что у белой и черной рас есть что-то общее или что религия первой может подойти второй. Они готовы признать, что христианство - восхитительная религия для белых людей, но ни за что не убедят их в том, что она будет столь же хороша и для них самих.

Они имеют смутное представление о *своем* Создателе, невидимом главном вожде духов, и основывают свою веру в бессмертие души на том, что их ушедшие родственники приходят и говорят с ними во сне. Они имеют такое же представление о яде муаве , о котором уже говорилось; и настолько сильна их вера в его эффективность, что в споре один человек предложит другому выпить муаве; и даже сами вожди часто предлагают испытать его различающую силу.

Когда умирает манганджа, в его доме в течение двух дней раздается сильный плач, разбиваются инструменты и оружие, а также сосуды для приготовления пищи. Вся еда в доме выносится и уничтожается, и даже пиво выливается на землю.

Захоронения, похоже, тщательно охраняются - так же тщательно, как и многие церковные дворы в Англии. Все могилы расположены с севера на юг, а пол умерших обозначен орудиями, положенными на могилу. Эти орудия труда всегда сломаны; отчасти, возможно, в знак того, что их больше нельзя использовать, а отчасти для того, чтобы их не украли. Так, сломанные ступка и пестик для толчения кукурузы, а также осколки сита говорят о том, что под могилой лежит женщина, которая когда-то ими пользовалась; а кусок сети и разбитое весло являются эмблемами рыбацкого ремесла и говорят о том, что под могилой покоится рыбак. Почти на каждой могиле лежат разбитые калабаши, тыквы и другие сосуды, а в некоторых случаях у изголовья сажают банан. Родственники носят своеобразный траур, состоящий из узких полосок пальмового листа, намотанных на голову, шею, руки, ноги и грудь, и остающихся там до тех пор, пока они не сгниют.

ГЛАВА XXXV.
ПЛЕМЕНА БАНЬЯИ И БАДЕМА.

ОБЩИЙ ВИД ПЛЕМЕНИ БАНЬЯИ - УПРАВЛЕНИЕ И ЗАКОН НАСЛЕДОВАНИЯ - ДИСЦИПЛИНА МОЛОДЕЖИ - БРАЧНЫЕ ОБЫЧАИ - ОХОТА - ЛОВУШКА ДЛЯ БЕГЕМОТОВ - МАНГРОВОЕ БОЛОТО - ХИЩНОСТЬ ВОЖДЯ БАНЬЯИ - ТОПОРЫ БАНЬЯИ И СПОСОБ ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ - ОХОТА НА СЛОНОВ - СМЕЛОСТЬ МУЖЧИН - СУЕВЕРИЯ БАНЬЯИ - ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ГИЕНЕ - "ТАБУ" - ДИКОВИННЫЕ УЛЬИ - ПЛЕМЯ БАДЕМА - РЫБАЛКА И ОХОТА С СЕТЯМИ - СОКРЫТИЕ ИМУЩЕСТВА.

На южном берегу Замбези, где-то в районе 16° южной широты и 30° восточной долготы, расположено племя бадема. 30° восточной долготы, живет племя баньяи, населяющее местность под названием Шидима. Баньяи - удивительно красивая раса людей: они высокие, хорошо сложенные и ловкие, а кроме того, очень светлые, цвета *café au lait*, который так моден во многих частях Африки. Поскольку некоторые из их обычаев не похожи на обычаи других племен, мы кратко расскажем о них.

Их внешность довольно приятна, и у них есть любопытная манера укладывать волосы, которая очень напоминает ту, что была в ходу у древних египтян. Модный баньяйский юноша сначала делит волосы на небольшие локоны и вытягивает их, насколько может, окружая каждый локон спиральной повязкой из растительной ткани. Затем различные локоны окрашиваются в красный цвет, а поскольку их длина иногда достигает фута, и они свисают до плеч, то представляют собой весьма примечательный вид. Когда баньяи путешествуют, они боятся повредить свой замысловатый головной убор, поэтому собирают его в пучок и завязывают на макушке головы.

Их правительство столь же просто и разумно. Они сами выбирают себе вождя, хотя всегда придерживаются одной семьи. Когда вождь умирает, его люди собираются вместе, чтобы его преемника. Его ближайшие потомки никогда не выбираются, и, если возможно, выбирается один из его братьев или племянник. Если они не могут найти квалифицированного человека у себя дома, они отправляются дальше и ищут тех родственников, которые смешались с другими племенами, таким образом привлекая новое население в свое племя. Торговцы из других племен всегда с большой осторожностью посещают баньяи в период междуцарствия, поскольку люди считают, что пока нет вождя, нет и закона, и, как следствие, будут без зазрения совести грабить тех, кого они никогда бы не решились тронуть, пока жив вождь.

Когда будущий вождь выбран, избиратели идут к нему и сообщают о своем выборе. Тогда считается, что он должен принять вид *"ноло эпископари"*, скромно принизить свою персону и попенять депутации за то, что они избрали столь недостойного человека на место его почитаемого предшественника, который обладал всеми добродетелями и ни одной слабостью человечества. В сущности, речь избранного короля Баньяи прекрасно подошла бы для новоизбранных сановников нашей страны, которые произносят точно такие же речи и были бы не менее оскорблены, если бы им поверили на слово.

Разумеется, новый вождь после своей обличительной речи занимает вакантный пост вместе со всем имуществом, включая жен и детей, своего предшественника и очень заботится о том, чтобы держать последнего в подчинении. Иногда один из сыновей считает, что ему пора стать мужчиной и самому выдвинуться на роль вождя, и, отделившись от отцовской крыши, собирает вокруг себя столько молодых людей, сколько сможет уговорить, и становится, соответственно, мелким вождем. Главный вождь, однако, и не думает допускать *imperium in imperio* в своих владениях, и, когда молодой вождь построил свою деревню и вполне

обосновался, он посылает своих солдат с поздравлениями. Если молодой вождь принимает их с хлопаньем в ладоши и смиренным поклоном, все в порядке, поскольку таким образом признается верховная власть вождя. Если же нет, то они сжигают всю деревню и очень доходчивым языком учат, что прежде чем юноша осмелится стать вождем, ему лучше выполнять обязанности, которые вассал должен выполнять перед своим государем.

Среди баньяи существует система, которая имеет необычайное сходство с обучением пажей во времена рыцарства. Когда человек достигает высокого положения, он собирает вокруг себя группу молодых мальчиков, которых родители отдают под его опеку и учат, чтобы они стали опытными джентльменами в соответствии с идеями баньяй. Пока они еще находятся в состоянии пажей, их держат в строгой дисциплине и обязывают быть скромными и пунктуальными по отношению к своим начальникам, которых они узнают по хлопанью в ладоши, что является приветствием, распространенным во всей Центральной Африке. Во время еды им не разрешается угощаться, они обязаны терпеливо ждать, пока кто-нибудь из мужчин разделит для них еду. Их также обучают баньяйским законам; когда они возвращаются к родителям, им представляется какое-либо дело, и по их ответам можно судить о прогрессе, которого они достигли. Для своих учителей они очень полезны. Все они - сыновья свободных людей, довольно зажиточных, которые посылают слуг сопровождать своих сыновей и обрабатывать землю для их содержания. Они также присылают учителю слоновую кость, на которую он покупает одежду для молодых учеников.

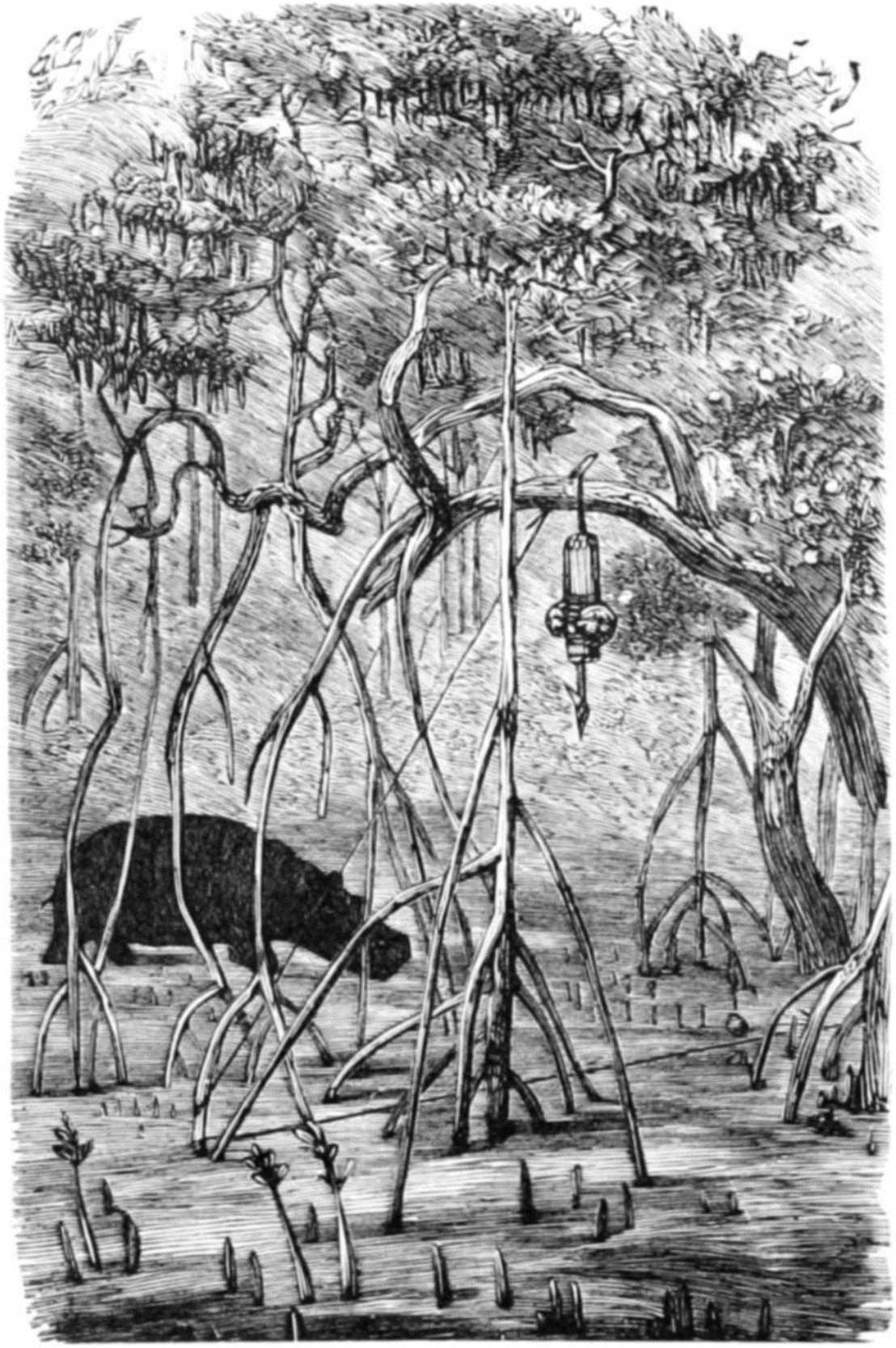
Этот обычай свидетельствует о том, что баньяи достигли определенного уровня культуры, а социальное положение их женщин - еще более веское доказательство. В большинстве районов дикой Африки женщина - это не более чем ноша, имеющая к управлению делами и советам мужа не больше отношения, чем коровы, за которые он ее купил. Однако в стране баньяи женщины обладают не только всей полнотой власти, но и даже большей, чем их доля: мужья никогда не решаются взяться за какое-либо дело или заключить какую-либо сделку без согласия своей жены. Женщины даже выступают в роли торговцев, приезжая в другие города с товаром и ведя себя честно по отношению как к покупателю, так и к себе.

Их браки заключаются таким образом, чтобы показать, что жена вполне равна своему мужу. В большинстве районов Южной Африки жену покупают за оговоренное количество коров, и, как только сделка заключена, а девушка передана покупателю, она становится его собственностью, и с ней обращаются именно так. Но у баньяи молодой жених не ведет жену в свою хижину, а идет в дом ее родителей. Здесь он занимает низшее положение и является особым слугой своей тещи, рубит дрова для ее нужд и ведет себя очень почтительно. Если ему не нравится такая жизнь и он хочет уйти от нее, он может сделать это, когда захочет; но ему придется отказаться от жены и детей, если только он не сможет заплатить родителям жены достаточную сумму, чтобы компенсировать им их потерю. Тем не менее, именно на этом принципе основан обычай покупать жен, но мало где эта теория воплощается на практике.

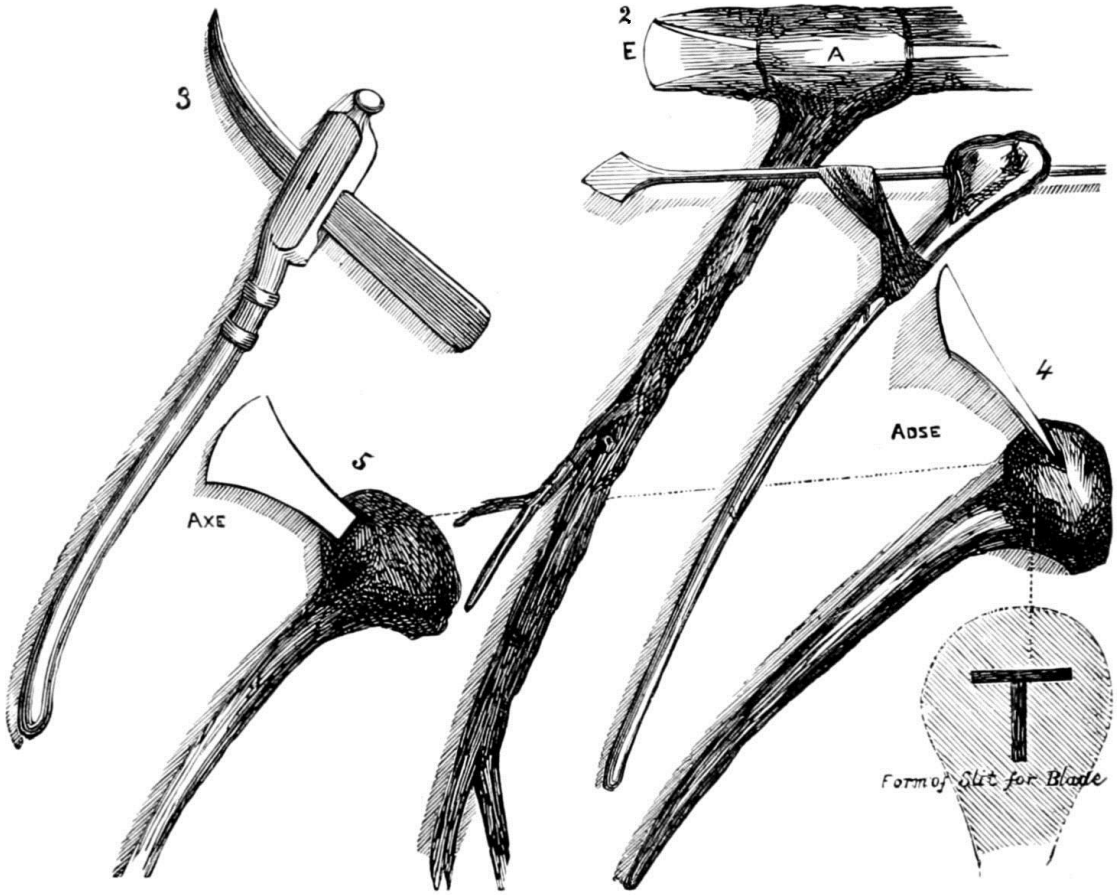
Среди баньяи, как и среди многих других племен, живущих вдоль реки, мясо гиппопотама употребляется в пищу, и поимка животного, следовательно, является важным делом. Они не стремятся смело преследовать бегемота, как это делают уже упомянутые племена, а предпочитают прибегать к ямам и ловушкам. Ловушки всегда выкапываются в местах, где животное может ступать, а ямы не только многочисленны, но и обычно располагаются парами близко друг к другу. Однажды белый путешественник упал в одну из таких ям, и, оправившись от шока, вызванного внезапным лишением света и заключением в глубокую яму, он принялся за работу, и после многочасового труда ему удалось освободиться из

неприятного положения. Но едва он успел выбраться из ямы, как, к несчастью, наступил на ее спутницу и провалился в нее так же, как и в другую.

Самый изобретательный способ поимки животного - с помощью ловушки. Для этого туземец вырезает довольно длинное и тяжелое полено из дерева, а чтобы сделать его еще тяжелее, к нему с одного конца привязывают пару крупных камней или замешивают вокруг него глину. В нагруженном конце делается отверстие, в которое вставляется наконечник копья, иногда большого ассагая, но чаще всего - гарпуна, подобного тому, что был описан на странице 341. К другому концу прикрепляется веревочная петля, и оружие готово. Теперь охотник идет к тропе бегемота и ищет ветку, которая нависает над ней. Обычно ему удается найти подходящую ветку, но если ее нет, он сооружает что-то вроде виселицы, на которую можно подвесить вооруженное бревно. Найдя удобную ветку, он берет длинную веревку, один конец которой привязывает к палке, кладет палку поперек ветки, а на другой конец вешает петлю гарпуна. Затем он пропускает веревку вокруг колышка у подножия дерева, примерно в восемнадцати дюймах от земли, перетягивает ее через тропу и закрепляет.



(1.) ЛОВУШКА ДЛЯ БЕГЕМОТА.
(См. стр. 362.)



(2.) ТОПОРЫ.
(См. с. 366.)

Гравюра № 1, расположенная напротив, объясняет, как все это делается. Дерево, на котором подвешено оружие, - это мангровое дерево, совершенно не похожее ни на одно из тех, что растут у нас в стране. О необычайной живучести этого дерева хорошо говорит рисунок, сделанный мистером Бейнсом. Ствол был отломан, но верхняя часть упала на другое дерево и поддерживалась им. Затем оно выпустило несколько корней, которые спустились во влажную землю и дали дереву новую опору. В таком случае ветви, направленные вниз, увядают и отмирают, те, что направлены вверх, быстро растут, а те, что выступают вбок, поворачивают и затем загибаются вверх. Примеры таких ветвей можно увидеть на рисунке.

Мангровое дерево является самосевом, причем делает это весьма любопытным образом. Семена очень длинные и снабжены на конце твердым, заостренным кончиком. Как только семя созревает, оно падает, зарываясь заостренным кончиком на несколько дюймов в мягкую, болотистую почву, которую мангровые деревья очень любят, и остается там. Цель этого любопытного приспособления природы заключается в том, чтобы семена не смыло периодическими наводнениями, которые заливают страну.

На такой почве нетрудно найти путь бегемота, ведь это тяжелое и неуклюжее животное оставляет за собой след, по которому можно проследить в самую темную ночь. Из-за большой ширины его тела ноги с противоположных сторон расставлены гораздо шире, чем у более легких животных, поэтому, когда бегемот идет по траве, он делает отчетливую двойную тропу с гребнем травы посередине. Когда он идет по мягкой илистой почве берега реки, животное делает очень любопытную дорожку, ноги глубоко погружаются в землю и образуют

своего рода двойную колею, усыпанную ямками на расстоянии дюйма или двух друг от друга, а гребень шириной около двух дюймов разделяет колеи.

Ни одна тропа не может быть так тяжела для путешественника, как тропа бегемота. В этой части страны приходится ходить босиком или, во всяком случае, использовать только туземные сандалии. Если путешественник пытается идти по центральному хребту, он обнаруживает, что усилия по удержанию равновесия почти эквивалентны ходьбе по натянутому канату или борнейскому "батангу", а давление на середину стопы вскоре становится слишком болезненным, чтобы его выдержать. Если он пытается идти по колеям, то ему не лучше, так как его ноги глубоко погружаются в отверстия, пробитые конечностями бегемота, пальцы с силой давят вверх, и нога так прочно фиксируется в отверстии, что путник не может ее вытащить, пока не высыплется земля.

Над одним из таких следов туземный охотник подвешивает свой гарпун, следя за тем, чтобы лезвие висело точно над центральным гребнем. Когда бегемот проходит мимо, он ударяет ногой по шнуру. Удар освобождает гарпун, который падает с огромной силой, глубоко вонзая железную головку в спину животного. Иногда головка попадает точно в позвоночник, и тогда животное беспомощно падает на месте. Однако обычно рана не сразу оказывается смертельной, и бегемот бросается в реку, надеясь таким образом избавиться от жестокого оружия, мучившего его на суше. Рано или поздно он обязательно умирает от раны, и тогда туземцы, которые, как и бегемот, никогда не торопятся, вытаскивают огромную тушу на сушу и устраивают на ней грандиозное пиршество.

В некоторых частях страны эти ловушки расставлены почти так же густо, как и ямы, о которых уже говорилось, и в результате животные стали очень подозрительными и не подходят ни к чему, что похоже на ловушку. Они так сильно боятся пораниться, что местные сельхозпроизводители имеют привычку имитировать ловушки, подвешивая к ветвям деревьев семена мангровых деревьев, кусочки палок и другие предметы, зная, что настороженное животное будет держаться подальше от столь опасного места. Ловушка должна быть установлена с большим мастерством, и необходимо позаботиться о том, чтобы скрыть веревку, пересекающую тропу, иначе животное не попадет в нее. Крупный, тяжелый и неуклюжий зверь может сам за собой уследить, а в местах, где ловушек много, он становится настолько подозрительным, что если даже веточка лежит поперек его пути, он скорее обойдет ее, чем пройдет по ней ногой.

Вожди баньяи не пренебрегают обычным африканским обычаем требовать дань с каждого путешественника, проходящего через их территорию, хотя они не кажутся такими жадными, как некоторые, о которых мы сейчас расскажем. Баньяи взимают свою дань так же, как владелец парома взимает плату с пассажиров. Зная, что их разрешение и даже помощь необходимы при проезде через страну, они назначают очень высокую цену за свои услуги и не позволят путешественнику проехать, пока он не выполнит их требования. Чувствуя уверенность в своем положении, они склонны не только к вымогательству, но и к насилию, выклянчивая предложенную сумму с презрительными жестами и осыпая своих жертв удивительным потоком пренебрежительных слов.

Доктор Ливингстон, зная их обычаи, сумел одержать верх над баньяи в месте, где они привыкли вести дела с большим размахом, даже над португальскими торговцами. Ночью, когда наступало время отдыха, он, вместо того чтобы сойти на берег, по обычаю туземных каноэ, бросал якорь на середине потока, а на борт ставил кушетки. Это решение полностью нарушило планы баньяи, которые ожидали, что путешественники сойдут на берег, и, конечно, бы держали их в плену до тех пор, пока они не заплатили бы большую пошлину за

разрешение снова сойти на берег. Они даже выкрикивали с берега реки приглашения прийти и переночевать на суше, но не осмелились напасть на лодку, наполненную вооруженными людьми под командованием европейцев. Самое странное во всем этом было то, что лодочники Макололо и Батока, сопровождавшие доктора Ливингстона, никогда не догадывались о таком простом приеме и с ликующими криками бросались из своей лодки к баньяи на берегу.

Страна, в которой живут баньяи, предлагает различные виды пищи, о которых европеец не знает, и поэтому рискует умереть с голоду там, где баньяи наслаждаются изобилием. Например, в муравейниках почти всегда можно найти огромные грибы, которые одновременно и вкусны, и питательны; есть несколько видов подземных клубней, которые можно найти, только ударив камнем по земле и прислушавшись к звуку. Один из таких клубней примечателен тем, что в зимнее время в нем содержится небольшое, но ощутимое количество соли.

У баньяи, как и у других африканских племен, есть свои особые суеверия, например, они высыпают содержимое своей табакерки в качестве подношения духам мертвых, когда занимаются охотой, надеясь таким образом умилостивить их и получить их помощь. Один человек, совершивший этот акт преданности, был весьма возмущен непочтительностью охотников, принадлежавших к другим племенам, которые, по его словам, не умели молиться. Этот же человек приписал себе заслугу в том, что уничтожил слона, убитого другими, причем его молитвы и нюхательный табак, а не оружие охотников, были, по его мнению, настоящими инструментами, с помощью которых животное пало.

Это животное, кстати, было убито способом, характерным для некоторых племен этой части Африки. Эти туземные охотники отличаются мастерством и отвагой, отправляясь за слоном в глубь его собственного леса и смело справляясь с ним, хотя и вооружены оружием, которое европеец презирал бы.

Главное оружие, которым пользуются эти племена, - своеобразный топор. Он сделан по образцу тех, что используют бечуаны, описанные на странице 290. Однако "танг", который крепится к рукоятке, имеет длину не менее трех футов, а длина рукоятки иногда достигает шести или семи футов, так что инструмент больше похож на косу, чем на топор. Рукоятка изготавливается путем отрезания ветки удобной толщины, а также фута или двух ствола в месте ее соединения. Затем в куске ствола просверливается отверстие, в него вставляется острие головки, а затем грубая древесина обтачивается; таким образом достигается необходимый вес без затрат ценного металла.

Иллюстрация № 2 на странице 363 наглядно демонстрирует этот гениальный процесс. На рис. 2 изображена часть ствола дерева, обозначенная A, от которой отходит удобная ветвь. Видя, что эта ветка подойдет для рукоятки топора, туземец перерубает ее поперек ствола, и таким образом получается очень грубый вид молотка, обладающего значительным весом. Затем в части ствола просверливается отверстие, и в него просовывается железный наконечник топора. Затем лишняя древесина обрезается, как показано на рисунке, ветка зачищается и сглаживается, и простой, но эффективный топор готов.

На рис. 4 и 5 изображен конвертируемый топор, который часто используется этим народом. Поскольку в своей работе они иногда нуждаются в клевце, а иногда в топоре, они изобретательно изготовили инструмент, который может служить для любой цели. Рукоятка и приклад сделаны точно так же, как уже было описано, но вместо того, чтобы проделывать одно отверстие для железной головки, баньяи прорезали два отверстия под прямым углом друг к другу, как показано на рисунке, рис. 4. Железо, таким образом, может быть закреплено

в любом из этих гнезд, и в зависимости от того, как оно вставлено, инструмент становится либо топором, либо клещами. На рис. 4 он помещен в горизонтальное гнездо, и, соответственно, инструмент представляет собой клещи; а на рис. 5 он превращается в топор, просто переместив железную головку в перпендикулярное гнездо.

Любопытно, что у водных даяков Борнео есть очень похожий инструмент, который они используют при строительстве лодок. Он гораздо меньше баньяйского топора, используется только одной рукой, а головка крепится к рукоятке с помощью сложного переплета из расщепленного ротанга, который устроен так, что головку можно поворачивать по своему усмотрению, располагая ее край параллельно или поперек рукоятки.

На рис. 3 представлена довольно любопытная форма топора, который иногда встречается у баньяи и других племен. Головка сделана очень длинной, и она сделана так, что, когда владелец хочет перенести ее с одного места на другое, он не утруждает себя тем, чтобы держать ее в руке, а просто вешает ее через плечо.

Топор слона показан на рис. 1, но он едва ли достаточно длинный в рукоятке. В одной из частей Центральной Африки головка крепится к рукоятке с помощью раструба, но такая форма встречается крайне редко и в условиях тропического климата Африки значительно уступает описанному.

Охотники, использующие это диковинное оружие, ходят парами, один из которых держит топор, тщательно заточенный, а другой не беспокоится ни о каком оружии, кроме, возможно, копья или двух. Найдя слона с хорошими бивнями, они разделяются и идут по широкому кругу, чтобы подойти к нему с разных сторон: топорщик всегда приближается сзади, а помощник - спереди. Как только по хорошо понятным сигналам они узнают, что находятся рядом с животным, они начинают свою работу. Помощник начинает шуршать ветками на некотором расстоянии впереди, но не так, чтобы встревожить слона, а чтобы удержать его внимание и заставить задуматься, что могут означать эти необычные движения. Пока он возится с человеком впереди, топорщик постепенно подкрадывается к нему сзади и одним взмахом своего огромного оружия перерубает сухожилие бедра, которое у слона находится на очень небольшом расстоянии от земли. С этого момента животное становится беспомощным, его огромный вес требует полного использования всех конечностей; и охотники могут, если захотят, оставить его на месте и пойти за другим, будучи совершенно уверенными, что найдут искалеченное животное на том же месте, где его оставили. Даже если удар топора не совсем перерубит сухожилие, он наверняка прорубит его так глубоко, что при первом же шаге животного сухожилие с громким треском распадется.

Вернемся к религиозным представлениям баньяев. Человек, совершавший обряд омовения, сказал, что слон был специально направлен Великим Духом, чтобы прийти к охотникам, потому что они были голодны и нуждались в пище; явное доказательство того, что они имеют некоторое представление, каким бы запутанным и несовершенным оно ни было, о контролирующем и направляющем Провидении. Другие баньяи своим поведением показали, что это чувство было общим для всего племени, а не свойственным отдельным людям; ведь когда они принесли кукурузу, домашнюю птицу и бусы в качестве благодарности охотникам, убившим слона, они упомянули, что уже поблагодарили баримо, или богов, за удачную погоню. Похоже, что у баньяи странные представления о животных; когда гиены подняли свой отвратительный смех, мужчины сказали, что они смеются, потому что знают, что люди не могут съесть всего слона и должны оставить часть для гиен. В некоторых частях страны гиены и львы настолько многочисленны, что, когда жители заблудились вдали от человеческих жилищ, они строят небольшие места для отдыха на

ветвях деревьев и устраиваются там на ночь, оставляя свои маленькие шалаши на ветвях как память о своем визите.

Среди своеобразных суеверий есть одно, которое пользуется большой популярностью. Это способ защиты имущества от воров, который представляет собой полоску пальмового листа, намазанную каким-то составом и украшенную пучками травы, кусочками дерева, маленькими корешками и тому подобным. В основном он используется для защиты меда, который иногда бывает диким: пчелы устраивают гнездо в дупле дерева, а иногда сохраняют его в ульях, сделанных из коры и размещенных на ветвях. Ульи длинные и цилиндрические, уложенные на бок. Защитный пальмовый лист обвязывают вокруг дерева, и туземцы твердо уверены, что если вор перелезет через него, а тем более снимет, то сразу же заболеет и вскоре умрет. Читатель увидит здесь суеверие, аналогичное полинезийскому "тапу", или табу.

Ульи делаются достаточно просто. Делаются два надреза вокруг дерева на расстоянии около пяти футов друг от друга, затем от одного надреза до другого прорезается продольная щель. Кора аккуратно вскрывается в этой щели, и при правильном управлении она сходит с дерева без повреждений, возвращаясь благодаря собственной эластичности к своей первоначальной форме. Затем края разреза сшиваются или скрепляются рядом маленьких деревянных колышков. Затем концы закрываются травяными веревками, свернутыми наподобие мишеней, которые используют современные лучники, и, проделав отверстие в одном из концов, улей готов. Таким образом собирается большое количество меда и воска, которые используются для экспорта; действительно, весь воск, который поступает из Лонды, собирается из этих ульев.

ПЛЕМЯ БАДЕМА.

До сих пор сохранился небольшой фрагмент одного из многочисленных африканских племен, которые быстро исчезают. Эти люди называются бадема и своей изобретательностью, кажется, заслуживают лучшей участи. Они рачительные земледельцы и выращивают небольшое количество табака, кукурузы и хлопка в ложбинах долин, где сохраняется достаточно влаги, чтобы поддерживать растительность. Они ловкие спортсмены и прекрасно используют сеть, как на суше, так и в воде. Для ловли рыбы у них есть своеобразные закидные сети, а когда они отправляются ловить зебр, антилоп и других животных, то делают это, растягивая сети через узкие выходы из оврагов, а затем загоняя в них дичь. Сети сделаны из коры баобаба и очень прочны.

У них необычайно изобретательный способ сохранения кукурузы. Как и многие другие бедные племена, они сильно преследуются своими более сильными соседями, которые склонны совершать на них набеги и уносить все их имущество, основную часть которого составляет кукуруза. Поэтому они вынуждены прятать свои запасы в холмах, а в своих хижинах держать лишь небольшую часть, достаточную для дневного потребления. Но мыши и обезьяны любят кукурузу не меньше, чем их враги-люди, и вскоре уничтожили бы все запасы, если бы люди не придумали план, как их сохранить. Бадема обнаружили дерево, кора которого ненавистна и мышам, и обезьянам. Поэтому они сдирают кору, которая очень горькая, сворачивают ее в цилиндрические сосуды и в них надежно хранят свою кукурузу в пещерах и расщелинах скал.

Конечно, когда к ним приходят враги, они всегда отрицают, что у них есть какая-либо пища, кроме той, что находится в их хижинах, и когда доктор Ливингстон пришел к ним в первый раз, они сделали стереотипное отрицание, заявив, что их ограбили всего несколько недель назад.

ГЛАВА XXXVI.
БАЛОНДО ИЛИ БАЛОНДА И АНГОЛЬЦЫ.

ОБЩИЙ ВИД - ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ - ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА - МАНЕНКО И ЕЕ СТРАННЫЙ КОСТЮМ - МОДА НА ПРИЧЕСКИ - КОСТЮМ МУЖЧИН - ИХ УКРАШЕНИЯ - СВОЕОБРАЗНАЯ ПОХОДКА - СПОСОБ ПРИВЕТСТВИЯ - ЛЮБОПЫТСТВО - МЯГКОСТЬ НРАВОВ - ПОПЫТКА ВЫМОГАТЕЛЬСТВА - СЦЕНА ПРИ ДВОРЕ - МУЗЫКА БАЛОНДА - МАНЕНКО В РОЛИ КОМАНДИРА - КАТЕМА И ЕГО НОСИЛЬЩИК - ЛЮБОВЬ К СКОТУ - ПИЩА БАЛОНДА - ЛОВЛЯ РЫБЫ.ЛОВЛЯ РЫБЫ - АРХИТЕКТУРА БАЛОНДА - УКРЕПЛЕНИЕ ДРУЖБЫ - РЕЛИГИЯ И ИДОЛЫ - ДИКАЯ ЛЕГЕНДА - ПОХОРОННЫЕ ОБЫЧАИ - АНГОЛЬЦЫ - ИХ ХАРАКТЕР - СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО - МАНИОК, И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ - ЛЕКАРСТВА И КУКОВАНИЕ - СУЕВЕРИЯ - БРАКИ И ПОХОРОНЫ - РЕЗЮМЕ ДОКТОРА ЛИВИНГСТОНА. РЕЗЮМЕ ЛИВИНГСТОНА.

Теперь мы переходим к довольно важному племени, которое живет очень близко к экватору. Это племя называется балондо или балонда*, то есть* люди, населяющие страну Лонда, очень большой район на западной стороне Африки. В этой стране обитает множество мелких племен, но, поскольку они являются ответвлениями одного племени, мы будем рассматривать их всех под общим названием балондо.

Главным правителем, или королем, племени балонда является Матиамво, имя которого передается по наследству, как имя царя или фараона. Он обладает абсолютной властью над жизнью и смертью, и один из них имел способ доказывать эту власть, время от времени бегая по городу и обезглавливая каждого встречного, пока иногда не собиралась целая куча человеческих голов. Он сказал, что его народ слишком многочислен, чтобы быть процветающим, и поэтому он воспользовался этим простым способом уменьшить его численность. Нет сомнений, что он был безумен, и его люди тоже так думали; но их почтение к его должности было столь велико, что ему позволили беспрепятственно продолжать свой безумный путь, и в конце концов он умер мирно, а не был убит, как можно было бы ожидать.

Он был крупным работорговцем и проводил сделки удивительным по своей простоте образом. Когда работорговец приезжал в его город, он забирал все имущество своего гостя и держал его в гостях неделю или десять дней. По истечении этого срока, проявив гостеприимство, он посылал отряд вооруженных людей в какую-нибудь многолюдную деревню, убивал старосту, а остальных жителей отдавал работорговцу в уплату за его товары. Таким образом, он обогащал свою казну и сокращал население одним и тем же действием. Казалось, он всегда рассматривал деревни как собственность, которую можно было реализовать в любой момент, и, кроме того, ее стоимость неуклонно росла. Если он слышал или видел что-то, чего очень хотел, а владелец отказывался расстаться с этим, он уничтожал целую деревню, а награбленное предлагал владельцу желанной собственности.

Тем не менее, при таком режиме люди, как правило, ведут вполне счастливую и довольную жизнь. Они не подвергаются такому деспотизму, как племена южных районов, и, более того, часто отказываются подчиняться приказам вождя. Однажды, когда Катема послал к

балобале, подплемени, находящемуся под его защитой, приказ выделить людей для перевозки грузов доктора Ливингстона, они категорически отказались это сделать, несмотря на угрозу Катемы, что, если они не подчинятся, он лишит их своего лика и отправит обратно к прежним угнетателям. Дело в том, что каждый из вождей стремится собрать вокруг себя как можно больше людей, чтобы повысить свою значимость, и не желает делать ничего, что могло бы оттолкнуть их от него в ряды какого-нибудь соперничающего вождя. Доктор Ливингстон отмечает, что это неповиновение тем более примечательно, что происходит в стране, где работорговля в полной силе, и где людей могут похищать и продавать под любым предлогом, который может прийти в голову вождю.

Как это часто бывает с африканскими племенами, среди балондо наблюдается значительное разнообразие цвета кожи: некоторые из них имеют бледно-шоколадный оттенок, а другие настолько черны, что могут соперничать с неграми по смуглости лица. Они выглядят довольно приятными людьми, запятнанными, как и положено, обычными пороками дикарской жизни, но не угрюмыми, жестокими или вероломными, как это часто бывает. Женщины кажутся почти исключительно живыми, полными животного духа и проводящими все свое свободное время, которого, похоже, немало, в болтовне, свадьбах, похоронах и подобных развлечениях. Доктор Ливингстон высказывает предположение, что этот поток духов может быть одной из причин того, что они являются столь несокрушимой расой, и считает, что их полное отсутствие заботы вызвано фатализмом их религиозных теорий, каковыми они и являются. В самом деле, он делает довольно любопытный вывод из их счастливого и веселого образа жизни, считая, что это могло бы стать препятствием на пути миссионера, хотя почему живой нрав и христианство должны противостоять друг другу, понять нелегко.

Одна женщина, по имени Маненко, являла собой любопытный пример смешанной энергии, живости и власти. Она была вождем и, хотя была замужем, сохранила власть в своих руках. Когда она впервые посетила доктора Ливингстона, то была очень высокой и красивой женщиной лет двадцати или около того, и весьма удивила своего гостя, появившись перед ним в ярком плаще цвета красной охры, и больше ничего, кроме нескольких брелоков, висевших на шее. Это отсутствие одежды было совершенно добровольным поступком с ее стороны, так как, будучи вождем, она могла иметь любое количество одежды, которое ей нравилось; но она, очевидно, считала, что ее достоинство требует, чтобы она превзошла большинство дам балондо в скудости нарядов, которые их отличают.

В одной части страны Лонда женщины почти совсем не носят одежды, не заботясь ни о чем, кроме одежды европейского производства, которую они носят с большой гордостью. Даже в этом последнем случае одежда не столько прикрывает тело, сколько служит украшением, демонстрирующим богатство владельца, поскольку женщины покупают бязь и другие ткани по экстравагантным ценам. Они готовы были отдать двадцать фунтов муки и птицу за маленькую полоску бязи длиной в два фута и, надев ее, были совершенно очарованы своим новым платьем.

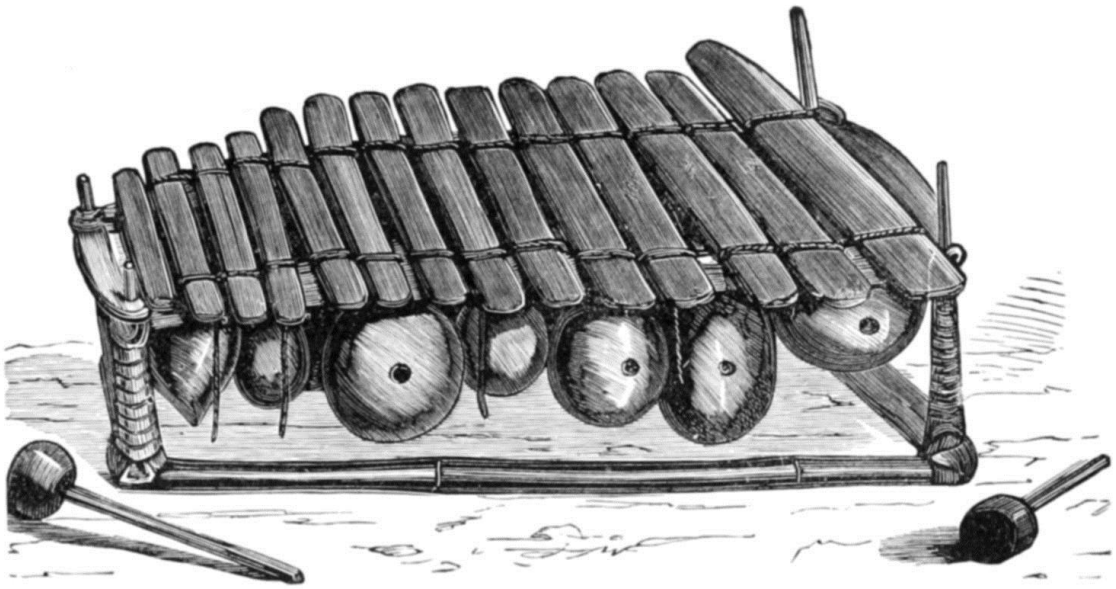
Дело в том, что их никогда не приучали одеваться, и они "все на одно лицо", а погода влияет на их тело не больше, чем на наши лица. Даже самые маленькие дети лишены теплого мехового одеяния, в котором их носят большинство африканских матерей, и младенец так же подвержен непогоде, как и его мать. Мать лонда носит своего ребенка очень простым способом. Она плетет пояс из коры шириной около четырех дюймов и вешает его через одно плечо и под другое, подобно поясу офицера легкой пехоты. Ребенок частично сидит на бедре матери, а частично опирается на пояс, который, как видно, не дает ни малейшей защиты от непогоды. Они даже спят в таком же состоянии наготы, поддерживая ночью огонь, который,

по их словам, является их одеждой. Женщины очень старались вызвать сострадание у своих белых гостей, держа на руках своих маленьких голых младенцев и выпрашивая одежду, но было ясно, что на самом деле эта одежда предназначена для украшений для них самих.

Как и в случае с другими племенами, которые мало заботятся об одежде, они украшают свои головы с величайшей тщательностью, сплетая волосы в разнообразные узоры, которые, должно быть, стоят бесконечного труда, чтобы сделать, и едва ли меньше, чтобы сохранить. Они часто используют уже упоминавшийся узор "рог буйвола", иногда превращая волосы в два рога, а иногда в один, выступающий надо лбом. Некоторые из них разделяют волосы на несколько шнуров или косичек и позволяют им свисать вокруг лица. Самым необычным способом укладки волос является тот, который поражает с первого взгляда, благодаря любопытному сходству с "нимбом", которым условно окружены головы святых. Волосы заплетают в косы, как уже говорилось, но вместо того, чтобы они свисали вниз, каждую косичку или прядь вытягивают в виде луча, а концы закрепляют в обруче из легкого дерева. При этом сам обруч представляет собой нимб, а пряди волос - лучи света. (См. следующую страницу.)

Черты лица женщин балондо достаточно приятны, а в некоторых случаях даже довольно правильны. Зубы сохраняют свою первоначальную форму и белизну; жаль, что так много хороших лиц обезображено обычаем просовывать кусочки тростника через носовую перегородку.

Одежда мужчин балондо более достойна этого названия, чем женщин, поскольку состоит из пояса вокруг талии, с мягко выделанной шкурой шакала спереди и такой же шкурой сзади. Доктор Ливингстон рассказывает анекдот об этой одежде, который показывает, насколько произвольным является чувство приличия и его противоположность. С ним было несколько мужчин из племени макололо, чья одежда похожа на одежду многих других племен и состоит всего лишь из куска мягкой шкуры, прикрепленного к поясу спереди, подведенного под ноги и заправленного в пояс сзади. Это платье гораздо более достойно своего названия, чем двойная кожа балонда. И все же девушки Балонда, которые сами находились в состоянии почти полной наготы, были очень потрясены, когда обнаружили, что мужчины Макололо не носят заднего апрона. Всякий раз, когда мужчине макололо случалось повернуться спиной к женщинам и девушкам, они смеялись и издевались над ним до такой степени, что он становился совершенно несчастным от их презрения. Если бы они были одеты хотя бы скромно, такое поведение могло бы показаться оправданным, но если вспомнить, что платье презираемого посетителя послужило бы костюмом для четырех или пяти женщин, которые смеялись над ним, остается только удивляться необычной власти моды над человеческим разумом.



(1.) МАРИМБА ИЛИ АФРИКАНСКОЕ ПИАНИНО.
(См. с. 375.)

(2.) ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ.
(См. с. 370.)

Мужчины балондо так же любят украшения, как и их жены, и, как и у них, они украшают в основном голову и ноги. В некоторых местах у них есть мода укладывать волосы в конусообразную форму, подобную той, что уже упоминалась; в то время как мужчина, который любит одеваться, обычно демонстрирует свою утонченность, скручивая бороду в три отдельные косички. Некоторые из мужчин балондо имеют значительное количество густых шерстяных волос и укладывают их необычным образом. Сначала они разделяют волосы посередине, а затем формируют их с каждой стороны в два толстых валика, которые проходят между ушами и ниспадают до плеч. Остальные волосы собираются в пучок и свисают на шею.

Когда они могут себе это позволить, мужчины балондо носят с собой один из больших ножей, которые так распространены в этой части континента. Во всей Западной Африке существует один тип ножа, который претерпевает различные изменения в зависимости от района, в котором он изготовлен, и этот тип так же характерен для Западной Африки, как нож бечуаны - для южных районов. Их любопытная форма почти идентична форме оружия, извлеченного из тумулов в Европе. Ножны всегда очень широкие и сделаны с большой тщательностью, в основном декоративные, а также полезные.

Тяжелые кольца из меди и других металлов также в моде, как и у дамаров, только мужчины предпочитают носить их на своих конечностях, а не передавать женам. Поскольку в этой стране богатство в основном носят на себе, у богатого балондо на лодыжках будет шесть или семь огромных медных колец, каждое из которых весит около двух фунтов. Поэтому походка богача необычайно грациозна: ноги расставлены широко, чтобы массивные кольца не соприкасались. Своеобразная походка, обусловленная наличием драгоценных колец, вызывает восхищение среди балондо, и ей старательно подражают те, кому нет нужды ею пользоваться. Например, молодой человек, на котором всего полдюжины колец весом в полунции или около того каждое, расхаживает, широко расставив ноги, как будто ему трудно ходить из-за веса браслетов.

Украшение, которое ценится больше всего, сделано из крупной раковины, принадлежащей к роду Conus. Большая часть раковины отламывается, и остается только плоское и спиралевидное основание. Оно протыкается посередине, и через него пропускается шнурок, чтобы его можно было повесить на шею. Доктор Ливингстон рассказывает анекдот, который показывает, как ценится это украшение. Перед самым отъездом король Шинте зашел в его палатку и долго рассматривал его книги, часы и другие диковинки. Наконец он тщательно закрыл дверь палатки, чтобы никто из его людей не видел, в какой экстравагантности он собирался быть виновным, и, достав из своей одежды одну из этих раковин, повесил ее на шею хозяина со словами: "Вот, теперь *у* вас *есть* доказательство моей дружбы". Эти раковины, подобно звездам и крестам в Англии, используются в качестве эмблемы ранга; кроме того, они имеют большую внутреннюю стоимость, обходясь королю по цене раба за двух или бивня большого слона за пять.

Сам факт наличия у них знаков отличия показывает, что они должны обладать определенной степенью цивилизованности; об этом также свидетельствует то, как низшие обязаны приветствовать тех, кто выше их. Если человек низкого ранга встречает начальника, тот немедленно опускается на колени, собирает немного грязи, растирает ее по рукам и груди, а затем хлопает в ладоши, пока великий человек не пройдет мимо. Они настолько пунктуальны

в своих манерах, что когда Самбанза, муж Маненко, произносил речь перед жителями деревни, он перемежал свою речь частыми приветствиями, хотя сам был человеком значительным, будучи мужем вождя.

Существует множество градаций в способе приветствия. Великие вожди выполняют движения по растиранию песка, но они лишь делают вид, что собирают песок. Если человек хочет быть очень вежливым, он носит с собой немного белого пепла или порошка трубчатой глины в куске кожи и, опустившись на колени обычным образом, натирает им грудь и руки; белый порошок служит глазным доказательством того, что приветствие было проведено должным образом. Затем он хлопает в ладоши, наклоняется вперед, прикладывается к земле сначала одной, а затем другой щекой и продолжает хлопать еще некоторое время. Иногда, вместо того чтобы хлопать в ладоши, он барабанит локтями по ребрам.

В целом путешественники, проезжавшие через Лонду, остались довольны характером ее жителей. Доктор Ливингстон, похоже, не имел с ними особых проблем, за исключением сопротивления вымогательским требованиям, которые они, как и другие племена, были склонны предъявлять за проезд через свою страну. Он пишет: "Мимоходом можно было обнаружить

"Мимоходом можно было заметить разнообразие характеров владельцев садов и деревень. Некоторые деревни представляли собой картину аккуратности. В другие мы въезжали, окутанные дикими зарослями сорняков, настолько высоких, что, сидя на спине вола в центре деревни, мы могли видеть только верхушки хижин. Если мы заходили туда в середине дня, хозяева лениво выходили вперед с трубкой в руках и неторопливо пыхтели в мечтательном безразличии. В некоторых деревнях не разрешалось выращивать сорняки; вокруг хижин посажены хлопок, табак и различные растения, используемые в качестве приправы; птицы содержатся в клетках, а сады представляют собой приятное зрелище различных видов зерна и бобовых в разные периоды их роста. Иногда я восхищался одним классом, а иногда жалел, что не могу относиться к миру спокойно, как другой.

"В каждой деревне кишмя кишат дети, которые выбегают посмотреть, как проходит белый человек, и бегут за ним со странными криками и выходками; некоторые взбираются на деревья, чтобы получить хороший обзор - все они ловкие скалолазы через Лонду. В дружественных деревнях они бежали рядом с нашей группой на протяжении многих миль. Мы обычно делали небольшую изгородь вокруг наших сараев; толпы женщин приходили к входу в нее, с детьми на спине и трубками во рту, и часами смотрели на нас. Мужчины, чтобы не мешать им, пролезали через дыру в изгороди; и часто можно было услышать, как убегающий мужчина говорил им: "Я собираюсь сказать своей маме, чтобы она пришла посмотреть на волов белого человека".

По словам того же авторитета, балонда, похоже, не очень ссорящаяся раса, обычно ограничивающаяся языком в качестве оружия и редко прибегающая к чему-то более активному. Единственный случай, когда он видел настоящую ссору, был довольно любопытным. Пожилая женщина в течение часа или двух непрерывно издевалась над молодым человеком с той необыкновенной беглостью ругательств, которой, похоже, одарены эти женщины. Некоторое время он терпеливо сносил все это, но в конце концов издал гневный возглас. На это другой мужчина бросился вперед и гневно спросил, почему тот проклинал его мать. Они тут же сцепились друг с другом, завязалась потасовка, в ходе которой им удалось сорвать друг с друга всю одежду. Мужчина, начавший нападение, подхватил свою одежду и убежал, пригрозив взять с собой пистолет, но не вернулся, и старуха продолжила издеваться над оставшимся бойцом. В своих ссорах балонды

поднимают много шума, но через некоторое время внезапно прекращают взаимные ругательства и завершают спор дружным смехом.

Однажды Кавава, вождь балонда, имевший очень скверный характер и находившийся в немилости у Матиамво, верховного вождя балонда, предпринял грубейшую попытку вымогательства. Он послал группу людей к парому, через который они должны были переправиться, чтобы помешать лодочнику перевезти их через реку. Каноэ сняли, а поскольку река была шириной не менее ста ярдов и очень глубокой, Кавава решил, что чужеземцы в его власти, и если повозка, бык, ружье, порох и рабыня, которые ему нужны, не будут предоставлены, он сможет удерживать чужеземцев до тех пор, пока они не будут вынуждены выполнить его требования. Однако ночью доктор Ливингстон доплыл до места, где были спрятаны каноэ, переправил всю партию на другой берег, заменил каноэ вместе с несколькими бусами в качестве платы за его использование и спокойно переплыл на ту сторону, на которой теперь благополучно высадилась их партия. Кавава даже не подозревал, что кто-то из путешественников умеет плавать, и всех собравшихся очень позабавило его изумление, которое, как они знали, он должен был испытать, обнаружив, что путешественники исчезли, а каноэ по-прежнему находятся в своем укрытии.

У некоторых балонда есть очень умный, но довольно подлый метод вымогательства денег у путешественников. Когда они переправляют группу через реку, то специально бросают или оставляют в каноэ нож или какой-нибудь другой ценный предмет. Затем они следят за тем, не подберет ли кто-нибудь его, а если подберет, то хватают свою жертву и обвиняют ее в краже. Им всегда удается сделать это как раз перед тем, как старосту партии переправят на другой берег, и они угрожают держать его в качестве заложника до тех пор, пока их требование не будет выполнено. Доктор Ливингстон однажды стал жертвой этого трюка: парень из его отряда подобрал нож, который бросил в качестве приманки один из плутоватых лодочников. Поскольку у парня оказалась одна из тех драгоценных раковин, о которых уже говорилось, он был вынужден отдать ее, чтобы обеспечить себе свободу. Однако такое поведение было необычным для балонда, и два великих вождя, Шинте и Катема, отнеслись к путешественникам с величайшей добротой. Первый вождь устроил им грандиозный прием, который продемонстрировал многие манеры и обычаи народа.

Королевский трон был установлен под сенью раскидистого бананового дерева и покрыт шкурой леопарда. Вождь обезобразил себя клетчатой курткой и зеленым байковым килтом; но, кроме этих элементов цивилизованного костюма, на нем было множество туземных украшений, наиболее заметные из которых - множество медных и железных колец вокруг рук и лодыжек, а также нечто вроде бисерного шлема, украшенного большим плюмажем из перьев. Рядом с ним находились три его пажа, а позади сидели несколько женщин во главе с главной женой, которую от остальных отличал чепец из алой материи.

Во многих других частях Африки женщины были бы жестко отстранены от участия в публичной церемонии, и в лучшем случае им разрешили бы наблюдать за ней издалека; но среди балонда женщины сами принимают участие в таких собраниях, и в этот раз Синто часто поворачивался и разговаривал с ними, как бы спрашивая их мнение.

Муж Маненко, Самбанза, представил собравшихся и сделал это в обычной манере, отсалютовав пеплом. После него по порядку вышли различные подразделения племени во главе с его главным человеком, который нес с собой пепел и приветствовал царя от имени своей компании. Затем появились воины, которые бросились на белого гостя в своей обычной стремительной манере, потрясая копьями перед его лицом, размахивая щитами и

делая всевозможные угрожающие жесты, что в этой стране является обычным способом отдать честь гостю. Затем они повернулись, отсалютовали королю и заняли свои места.

Далее последовали речи: Самбанза промаршировал перед Шинте и задорным голосом и с размеренными акцентами изложил всю историю белых людей и причины их визита в страну. Его аргумент в пользу того, чтобы разрешить путешественникам пройти через территорию, был довольно странным. Белый человек, конечно же, говорил, что приехал с целью открыть страну для торговли, заключить мир между различными племенами и научить их религии, лучшей, чем их собственная. Возможно, он лгал, ведь нелегко было поверить, что белый человек, имеющий такие сокровища у себя дома, возьмет на себя труд приехать за море, где он жил, только для того, чтобы облагодетельствовать тех, кого он никогда не видел. В общем, они скорее думали, что он говорит неправду. Но все же, хотя у него было много огнестрельного оружия, он не нападал на Балонду; и, возможно, в соответствии с характером Шинте как мудрого и гуманного вождя, он должен был принять белых людей любезно и позволить им пройти дальше.

В перерывах между речами женщины заполняли время, напевая дикую и пронзительную мелодию; о том, что им было позволено принимать не только пассивное участие в происходящем, можно судить по тому, как часто они аплодировали различным речам. На приеме также звучала музыка: маримба, которая уже упоминалась, и барабаны. Эти инструменты вырезаны из цельного куска дерева и представляют собой полые цилиндры, концы которых обтянуты кожей антилопы и плотно скреплены рядом маленьких деревянных колышков. Здесь нет такого способа крепления шкур, как в наших барабанах, и когда барабанные головки провисают, их натягивают, держа у огня. На этих барабанах играют руками, а не палочками.

Самой любопытной деталью этих барабанов является использование небольшого квадратного отверстия в боковой части, которое, кажется, служит той же цели, что и ударное отверстие в европейском инструменте. Однако вместо того, чтобы оставаться открытым, оно закрыто кусочком паутины, что позволяет выходить воздуху, а также создает резонансный эффект. Паутина, которая используется для этой цели, взята из яйцевода крупного вида пауков. Она желтого цвета, диаметром больше кроны, обладает удивительной прочностью и эластичностью. Обычай использовать паутину таким образом преобладает в очень большой части Африки, и даже в тех частях Западной Африки, где появились многие европейские инструменты среди тех, что принадлежали им до знакомства с цивилизацией.

Барабаны и маримба играют вместе, и в этот раз исполнители ходили по кругу, создавая музыку, которая действительно не была неприятной даже для европейских ушей. Маримба, с различными модификациями, встречается во всей этой части Африки. Как правило, каркас прямой, и в этом случае инструмент чаще всего ставят на землю, а музыкант играет на нем, сидя или стоя на коленях. Но в некоторых местах, особенно там, где музыкант должен играть на нем на марше, каркас изогнут, как шина тележного колеса, чтобы, когда инструмент подвешен перед исполнителем, он мог без труда дотянуться до самых высоких и самых низких клавиш. На иллюстрации на странице 371 представлен один из маримбов с прямым каркасом, он срисован с экземпляра из коллекции полковника Лейна Фокса.

После этой беседы Шинте всегда вел себя очень любезно со всей компанией и, как мы уже видели, перед своим отъездом подарил доктору Ливингтону драгоценное украшение из раковины.

Что касается племянницы Шинте, Маненко, женщины-вождя, то она была женщиной, которая действительно заслуживала своего звания, благодаря своему смелому и

энергичному характеру. Она настояла на том, чтобы руководить партией в своей манере, а когда они отправились в путь, лично возглавила экспедицию. Поход выдался на редкость неприятным: дождь лил ливнем, и все же эта энергичная дама шла в таком темпе, что мало кто из мужчин мог с ней сравниться, и без малейшей защиты от непогоды, кроме плаща с красной смазкой и зачарованного ожерелья. Когда ее спросили, почему она не носит одежду, она ответила, что вождь должен презирать такую роскошь и подавать пример стойкости остальным членам племени. Почти все члены экспедиции жаловались на холод, сырость и голод, но эта неутомимая леди продолжала идти в самом легком походном порядке, и только когда все они были основательно измотаны , она согласилась остановиться на ночь. Ее муж, Самбанза, должен был идти в ее обозе в сопровождении человека, которому было приказано непрерывно бить в барабан, что он и делал до тех пор, пока непрекращающийся дождь не промочил бритоголовых настолько, что они не могли издать ни звука. Тогда Самбанза должен был скандировать всевозможные призывы к дождю, что он и делал, но без особого эффекта.

Она хорошо знала, в чем заключается ее достоинство, и никогда не позволяла посягать на него. Однажды доктор Ливингстон подарил Шинте быка. Маненко услышала об этом и была крайне возмущена тем, что такой подарок был сделан. Она заявила, что, поскольку она является вождем отряда, который привел белых людей, бык принадлежит ей, а не им, пока она командует. Поэтому она сразу же послала за быком, чтобы его зарезали ее собственные люди, а затем отправила ногу Шинте. Последний вождь решил, что ее поступок оправдан, взял ногу и ничего не сказал по этому поводу.

Однако она не забывала, что, хотя она и вождь, она женщина, а значит, должна выполнять женские обязанности. Когда группа останавливалась на ночь в какой-нибудь деревне, Маненко имела обыкновение заходить в хижины и просить немного маиса, который она молола и готовила своими руками и приносила доктору Ливингстону, так как он не мог есть обычную деревенскую еду, не чувствуя себя потом больным. Она также позаботилась о том, чтобы проинформировать его о том, как правильно подходить к городу или деревне балонда. Плохой манерой считается проезжать и входить в город, не предупредив об этом старосту. Как только путник приближается к домам, он должен остановиться и послать вперед гонца, чтобы сообщить свое имя и попросить разрешения войти. Затем выходит староста или вождь, встречает незнакомца под деревом, как Шинте принимал доктора Ливингстона, приветствует его и назначает место для ночлега. До того как он научился этому этикету, несколько деревень были сильно встревожены неожиданным прибытием гостей, на которых впоследствии смотрели с опаской и подозрением.

Впоследствии, когда они пришли навестить великого вождя Катему, то нашли его таким же дружелюбным, каким был Шинте. Он принимал их точно так же, сидя и имея вокруг себя несколько вооруженных мужчин или охранников и около тридцати женщин позади себя. Когда он ехал к месту совета или возвращался с него, то ехал на плечах человека, назначенного для этой цели, который, благодаря долгой практике, выполнял свою задачу с видимой легкостью, хотя он был небольшого роста, а Катема был высоким и сильным человеком. Он имел большое представление о собственном достоинстве и произносил речи, в которых сравнивал себя с Матьямво, говоря, что он - великий моэн, или повелитель, собрат Матьямво.

Он очень гордился небольшим стадом скота, около тридцати голов, в основном белого цвета и активного, как антилопы. Он сам их разводил, но не думал их использовать, и был очень рад, когда ему сказали, что их можно доить, а молоко использовать в пищу. Странно, что балонда не являются более пастушеским народом, ведь страна прекрасно приспособлена

для разведения скота, и все те, которыми владел Катема или даже сам Матиамво, были в великолепном состоянии. Скот Катемы был настолько диким, что, когда вождь подарил отряду корову, они были вынуждены выслеживать и стрелять в нее, как в бизона. Туземец, стрелявший в корову, был плохим стрелком, но корова была только ранена и вместе с остальным стадом убежала в лес. Даже пастух побоялся идти среди них, и после двух дней охоты раненая корова была наконец убита другим шаром.

Балонда не только любят скот, но и делают все возможное для улучшения его породы. Когда несколько из них отправились с доктором Ливингстоном в Анголу, они выразили презрительное удивление по поводу запустения как земли, так и одомашненных животных. Сами они всегда находятся в поиске лучших образцов, чем их собственные, и даже взяли на себя труд провезти несколько крупных птиц через всю Анголу в деревню Шинте. Когда они увидели, что даже португальские поселенцы забивают маленьких коров и телят и не используют молоко, они сразу же отнесли белых людей к низшей расе. Когда они узнали, что мука, которую использовали те же поселенцы, почти вся привозилась из другой страны, они были поражены пренебрежительным отношением к земле, столь пригодной для сельского хозяйства, как Ангола. "Они не знают ничего, кроме купли-продажи; они не люди", - таков был вердикт так называемых дикарей.

Пища балонда в основном растительного характера и в значительной степени состоит из маниока, или маниоки, которая растет в огромном количестве. Существует две разновидности этого растения, а именно: сладкая и горькая, *то есть* ядовитая. Последняя, однако, быстрее растет и, следовательно, является основной культурой. Чтобы подготовить растение к употреблению, его вымачивают в воде в течение четырех дней, когда оно становится частично гнилым, кожица легко снимается, а ядовитое вещество легко извлекается. Затем его сушат на солнце и измельчают до состояния муки.

Когда эта мука готовится, ее просто размешивают в кипящей воде: один человек держит сосуд и кладет муку, а другой изо всех сил ее размешивает. Туземцам такая простая еда очень нравится, но для европейца она просто отвратительна. У нет никакого вкуса, кроме того, который возникает при частичном разложении, и он выглядит точно так же, как обычный крахмал, когда готов к стирке. В нем мало питательных веществ, и сколько бы человек ни съел, через два часа он так же голоден, как если бы постился. Доктор Ливингстон сравнивает его по внешнему виду, вкусу и запаху с картофельным крахмалом, полученным из больных клубней. Кроме того, из-за способа его приготовления, варка крайне несовершенна, и, как следствие, можно представить его влияние на обычное европейское пищеварение.

Маниок широко культивируется и требует совсем немного труда, причем почти все хлопоты связаны с первой посадкой. В низменных долинах землю копают любопытной мотыгой Балонда, у которой две ручки и одно лезвие, и нарезают параллельные грядки шириной около трех футов и высотой в один фут, очень похожие на те, в которые сажают спаржу в Англии. На этих грядках куски стебля маниока высаживаются на расстоянии четырех футов друг от друга. Чтобы сэкономить место, между грядками высевают орехи, бобы или другие растения, а после сбора урожая землю очищают от сорняков и оставляют маниок на доращивание. Он становится пригодным для еды через год или восемнадцать месяцев, в зависимости от характера почвы; но нет необходимости выкапывать его сразу, так как он может оставаться в земле в течение трех лет, прежде чем станет сухим и горьким. Когда корень выкопан, женщина отрезает два или три куска стебля, кладет их в сделанную ямку, и таким образом начинается новый урожай. Съедобен не только корень, но и листья, которые отваривают и готовят как овощи.

Балонда редко могут достать мясо, и даже сам Шинте, великий вождь, вынужден был просить вола, говоря, что у него во рту горько от нехватки мяса. Читатель может вспомнить, что, когда ему дали быка, он был очень благодарен за одну ногу, которую ему позволил получить Маненко. Люди не так привередливы в еде, как многие другие племена, и не прочь полакомиться мышами и другими мелкими животными вместе с безвкусной кашей. Они также едят птиц и яйца, очень любят рыбу, которую ловят весьма изобретательным способом.

Во время половодья многие рыбы, особенно силур, или мосала, как называют ее туземцы, разбредаются по суше. Перед самым отходом воды балонда сооружают несколько земляных валов поперек выхода, оставляя лишь небольшие отверстия для прохода воды. В этих проемах они закрепляют вертела или корзины, сделанные таким образом, что рыба вынуждена заходить в них, следуя за уходящими водами, но, попав внутрь, она не может выбраться обратно. Иногда вместо глинобитных стен они устанавливают ряды циновок, натянутых между палками, которые служат той же цели.

Они также используют ловушки для рыб, очень похожие на наши горшки для омаров, и кладут внутрь приманку, чтобы привлечь рыбу. Также используются крючки, а в некоторых местах они опускаются до практики отравления воды, с помощью которой они уничтожают каждую рыбу, маленькую и большую, которая попадает в зону действия смертоносного сока. Выловленную рыбу чистят, разделывают и сушат в дыму, чтобы она могла храниться в течение длительного времени.

Как и другие африканцы, балонда производят большое количество пива, которое имеет скорее одурманивающий, чем опьяняющий характер: тех, кто пьет его, часто видят лежащими на лице и крепко спящими. Более пьянящим напитком является медовуха, которую они делают и которую некоторые из них любят не меньше, чем старые оссианические герои. Шинте имел большое представление о целебных свойствах этой медовухи и рекомендовал ее доктору Ливингстону, когда тот сильно заболел лихорадкой: "Пейте много медовухи, - сказал он, - и она прогонит лихорадку". Вероятно, учитывая ее ценность как жаропонижающего средства, Шинте в изобилии принимал ее по собственному рецепту.

У них существует сложнейший кодекс этикета в еде. Они не примут пищу, приготовленную чужаками, и не станут есть ее только в одиночестве. Если группа балонда путешествует с людьми из других племен, они всегда отходят в сторону, чтобы приготовить себе еду, а затем возвращаются, хлопают в ладоши и благодарят вождя группы. В каждой хижине всегда есть свой костер, и, вместо того чтобы разжигать его у костра вождя, как это принято у дамара, они всегда зажигают его сразу от огня, добытого трением.

Балонда настолько осторожны в этом отношении, что когда доктор Ливингстон убил быка и предложил часть приготовленного мяса своей партии, балонда не взяли его, несмотря на свою любовь к мясу и те немногие шансы, которые они имеют, чтобы получить его. Однако они приняли немного сырого мяса, которое взяли и приготовили по своему вкусу. Один из них был почти абсурден в многочисленных маленьких модах, которым он следовал и которые, вероятно, изобрел. Когда ему предлагали мясо, он не брал его сам, так как нести мясо было ниже его достоинства. Поэтому он шествовал домой во весь рост, а за ним шел слуга, который нес несколько унций мяса на блюде. Он также не стал садиться на траву рядом с доктором Ливингстоном. "Он никогда не садился на землю во время правления покойного Матиамво и не собирался унижаться в его годы". Так что он уселся на поленницу и был счастлив от своего незапятнанного достоинства.

Одно из маленьких подплемен, ответвление балонда, отличалось тем, что принципиально не ело говядину, говоря, что скот - это как человек, и живет дома как человек. (Есть и другие племена, которые не держать скот, потому что, как они справедливо говорят, волы приносят им врагов и войну. Но они всегда рады съесть говядину, когда могут ее достать.) Это племя, похоже, уникально в своем воздержании. Хотя у них есть такое представление о скоте, они без стеснения едят плоть большинства диких животных, а во многих случаях проявляют большую изобретательность в охоте на них. Они преследуют животных через длинную траву и заросли, маскируясь, надевая шапку из шкуры, снятой с головы антилопы, к которой все еще прикреплены рога. Когда животное, которое они преследуют, начинает тревожиться из-за шелеста сучьев или колыхания травы, они просто выставляют рогатую маску на обозрение и двигают ею, как будто это голова настоящей антилопы. Этот прием успокаивает подозрения, и охотник идет дальше, пока не окажется достаточно близко, чтобы пустить стрелу. Некоторые из этих охотников предпочитают голову и шею джабиру, или большого африканского журавля.

Насколько известно, балонда - не воинственный народ, хотя они имеют привычку носить оружие и выглядят очень грозно. Их оружие - короткие ножевидные мечи, щиты, луки и стрелы, причем последние - с железным наконечником. Щиты сделаны из тростника, крепко сплетенного вместе. Они квадратные или скорее продолговатые, размером около пяти футов в длину и трех в ширину.

Архитектура Балонда проста, но изобретательна. Каждый дом окружен частоколом, который, судя по всему, не имеет двери и всегда закрыт, так что незнакомец может обойти его кругом и никогда не найти вход. В одной части частокола колья не скреплены между собой, а два или три просто воткнуты в свои отверстия в земле. Когда обитатели хижин хотят войти или выйти из своего жилища, они просто подтягивают два или три кола, протискиваются в проем и заменяют их, так что никаких признаков дверного проема не остается. Читатель, возможно, помнит, что маленькие деревянные клетки для птиц, в которых канареек привозят в Англию, открываются и закрываются точно таким же образом, а вместо двери используются подвижные прутья.

Иногда они меняют материал своих ограждений и делают их из высоких и сравнительно небольших прутьев, крепко скрепленных между собой. Дворец Шинте был построен именно таким образом, а внутреннее пространство украшали кусты деревьев, которые были посажены ради тени, которую они давали. О том, что эти деревья действительно были посажены, а не просто оставлены, можно судить по тому, что несколько молодых деревьев были недавно посажены, а вокруг их стеблей было накручено много травы, чтобы защитить их от солнца. Даже углы улиц были засажены сахарным тростником и бананами, так что социальная система Балонды, похоже, была довольно высокого порядка. Один мелкий вождь по имени Мозинква сделал изгородь своего дома из зеленых ветвей бананов, которые пустили корни и образовали живую изгородь.

Жаль, что столько заботы и мастерства так часто пропадает даром. Путешественник, проезжая через районы Лонды, часто видит заброшенные дома и даже деревни. Дело в том, что либо муж, либо главная жена умерли, и неизменным обычаем является покинуть это место и никогда не возвращаться туда, кроме как для совершения подношений мертвым. Таким образом, получается, что постоянные поселения невозможны, потому что смерть жены вождя приведет к опустошению всей деревни, как и в случае с домом, когда умирает обычный человек. Именно этот дом и сад подверглись обычному жребию, так как Мозинква потерял свою любимую жену, и за несколько месяцев дом, сад и живая изгородь пришли в упадок.

У балонда есть замечательный обычай скреплять дружбу. Когда двое мужчин соглашаются стать особыми друзьями, они проходят через своеобразную церемонию. Мужчины садятся друг напротив друга, сцепив руки, и рядом с каждым ставится сосуд с пивом. На сцепленных руках, в области живота, на правой щеке и на лбу делаются легкие порезы. Острие травинки прижимается к каждому из этих порезов, чтобы впитать немного крови, и каждый мужчина моет травинку в своем сосуде с пивом. Затем сосуды обмениваются и содержимое выпивается, так что каждый впитывает кровь другого. После этого они считаются кровными родственниками и обязаны всячески помогать друг другу. Пока пьют пиво, друзья каждого из мужчин бьют дубинками по земле и выкрикивают определенные фразы в знак ратификации договора. Считается правильным, чтобы все друзья каждого участника договора выпили немного пива. Эта церемония называется "касенди". После завершения церемонии происходит обмен подарками, причем обе стороны всегда отдают свое самое ценное имущество.

Однажды доктор Ливингстон связался с молодой женщиной довольно любопытным образом. У нее была опухоль на руке, и она попросила его удалить ее. Когда он это делал, из одной из мелких артерий вытекло немного крови и попало ему в глаз. Когда он вытирал ее, она поприветствовала его как кровного родственника и сказала, что всякий раз, когда он будет проезжать через эту страну, он должен посылать ей весточку, чтобы она ждала его и готовила для него. Мужчины разных племен часто проходят через эту церемонию, и в данном случае все люди доктора Ливингстона, будь то батока, макололо или представители других племен, стали *молеканами*, или друзьями, для балонда.

Что касается их религиозных верований, то они сбивчивы и туманны, но все же оказывают на них определенное влияние. У них есть довольно четкое представление о Высшем Существе, которое они называют разными именами в соответствии со своим диалектом. Балонда используют слово Замби, но Моримо - одно из имен, которое понимают на очень большой территории страны. Балонда верят, что Замби управляет всеми остальными духами и второстепенными божествами так же, как их король Матиамво управляет большими и малыми вождями. Когда они проходят испытание ядом, которое используется у них так же часто, как и в других племенах, они воздевают руки к небу и таким образом взывают к Великому Духу, чтобы он судил по праву.

Среди балонда мы впервые сталкиваемся с идолами или фетишами, в зависимости от того, как их правильно называть. Один из видов идолов очень распространен в деревнях балонда и называется именем льва, хотя непосвященный в его тайны человек наверняка принял бы его за крокодила или, во всяком случае, за какую-нибудь ящерицу. Это длинный цилиндрический рулон травы, обмазанный глиной. Один конец представляет собой голову, соответственно, снабжен ртом и парой раковин каури в качестве глаз. Другой конец постепенно сужается к хвосту, и все это держится на четырех коротких прямых ногах. Туземный модельер, видимо, опасается, что имитация не столь близка, как хотелось бы, и поэтому вставляет в шею несколько волосков из хвоста слона, которые должны изображать гриву.

Этих необычных идолов можно увидеть в большинстве деревень Балонда. Предполагается, что они представляют божества, властвующие над болезнями; и когда кто-нибудь из жителей деревни заболевает, его друзья идут к идолу льва и молятся перед ним всю ночь, бьют в барабаны и производят столько шума, который, кажется, является неотъемлемым сопровождением религиозных обрядов у африканцев. Некоторые идолы, возможно, правильнее называть терафимами, поскольку с их помощью знахари предсказывают

будущие события. Эти идолы обычно покоятся на горизонтальной балке, прикрепленной к двум стойкам - обычай, которому следуют в Дахоме, когда совершается человеческое жертвоприношение. Знахари говорят своим клиентам, что своими действиями они могут заставить терафима говорить и что таким образом они знакомы с будущим. В основном их используют во время войны, когда они должны предупреждать о приближении врага.

Эти идолы имеют различные формы. Иногда они изображают определенных животных, а иногда превращаются в грубое подобие человеческой головы. Если суеверный туземец не хочет возиться с вырезанием или лепкой идола, он берет кривую палку, втыкает ее в землю, натирает каким-то странным составом, и таким образом его идол завершается. Деревья тоже используются в языческих культах. На ветви кладут подношения из корня маиса или маниока, а на коре делают надрезы, некоторые из которых - просто надрезы, а другие - грубые очертания человеческого лица. Палки также бросают на землю в кучу, и считается, что каждый проходящий мимо путник должен бросить в эту кучу хотя бы одну палку.

Иногда делают маленькие модели хижин, в которых ставят горшки с лекарствами; в одном случае видели небольшой фермерский дом, а в нем - череп быка, как идол. Подношения, которые делаются, - это, как правило, какая-нибудь еда; некоторые из балонда так боятся обидеть обитателей невидимого мира, что, получив подарок, всегда предлагают часть его духам своих умерших родственников.

Одна любопытная легенда была рассказана доктору Ливингстону и заслуживает упоминания, поскольку имеет сходство со старым мифологическим рассказом о Латоне. В стране Лонда есть озеро, называемое Дилоло, о котором белым посетителям рассказали следующую историю

"Однажды вечером в деревню Мосого, жившего поблизости, но ушедшего на охоту со своими собаками, пришла женщина-вождь по имени Моэн (повелительница) Моненга. Она попросила принести ей еды, и жена Мосого дала ей достаточное количество. Подойдя к другой деревне, стоявшей на месте, которое теперь занимает вода, она повторила то же требование, но не только получила отказ, но и, когда она высказала угрозу за их низость, была насмешливо спрошена: "Что она могла сделать, если с ней так обращались?".

Чтобы показать, на что она способна, она начала песню в медленном темпе и произнесла свое собственное имя "Моненга-во-о". Когда она протянула последнюю ноту, деревня, люди, птицы и собаки погрузились в пространство, которое теперь называется Дилоло. Когда Касимакате, староста деревни, вернулся домой и узнал о катастрофе, он бросился в озеро и, как предполагается, находится в нем до сих пор. Название происходит от "ilólo" - "отчаяние", потому что этот человек потерял всякую надежду, когда его семья была уничтожена. Моненга был предан смерти".

Балонда, несомненно, обладают большим чувством религии, чем описанные выше племена. Они периодически проявляют чувство благоговения, что предполагает религиозный склад ума, хотя объект, по отношению к которому оно проявляется, может быть недостойным. Во время похода доктора Ливингстона через страну Лонда его сопровождал знахарь, принадлежавший к племени, которым управлял Маненко. Волшебник, о котором идет речь, носил свои священные предметы в корзине и очень трепетно относился к ним. Находясь рядом с этими священными предметами, он по возможности молчал, а если ему приходилось говорить, никогда не повышал голос выше шепота. Однажды, когда один из батока заговорил на своем обычном громком тоне, находясь рядом с корзиной, доктор сделал ему резкое замечание, а его тревожный взгляд на корзину показал, что он действительно серьезен. Случилось так, что в группе была еще одна женщина-вождь по

имени Ньямоана, и, когда им пришлось переходить ручей, протекавший мимо ее деревни, она не решилась сделать это, пока доктор не помахал над ней своими чарами, и она укрепила себя, взяв одни в руки, а другие повесив на шею.

Поскольку балонда верят в Высшее существо, очевидно, что они также верят в бессмертие человеческого духа. Здесь их вера имеет определенную последовательность и является любопытным препятствием для усилий миссионеров; даже доктор Ливингстон не смог произвести на них никакого впечатления. Они полагают, что когда человек из племени балонда умирает, он может принять облик какого-нибудь животного или занять место среди баримо, или низших божеств, - это слово всего лишь множественная форма слова моримо. В любом случае обретший права дух по-прежнему принадлежит земле и не стремится к высшему состоянию существования.

Миссионер также не может произвести никакого впечатления на их умы в отношении конечной судьбы человеческих душ. Они признают существование Высшего Существа; не видят возражений против учения о том, что Создатель человечества взял на Себя человечество, которое Он создал; говорят, что всегда верили в то, что человек живет после смерти тела; и, очевидно, представляют собой хорошую основу для обучения христианской религии. Но, хотя учителям удается продвинуться так далеко, их внезапно останавливает старое возражение, что белые и черные люди совершенно разные, и что, хотя духи умерших белых людей могут отправиться в таинственный и непонятный рай, умершие балонда предпочитают оставаться вблизи своих деревень, которые были знакомы им при жизни, и помогать тем, кто пришел им на смену, в выполнении их обязанностей. Вероятно, этой идеей объясняется привычка покидать свои дома после смерти кого-либо из членов семьи.

Во время похоронных церемоний стоит постоянный и оглушительный шум, поскольку в народе считается, что чем больше шума, тем больше чести покойному. Причитания сопровождаются громкими пронзительными криками, бьют в барабаны, а если среди них появилось огнестрельное оружие, то стреляют из ружей. В эти барабаны бьют не наугад, а с регулярными размеренными ударами. В них играют всю ночь напролет, и их звук сравнивают с равномерным биением лопастного колеса. На пиру забивают быков и готовят мясо, а также пьют огромное количество пива и медовухи. Поэтому стоимость похорон в этих краях очень велика, и считается делом чести потратить столько богатства, сколько можно собрать для этой цели.

Религиозный элемент представлен неким идолом или фигурой, покрытой перьями, которую носят с собой во время некоторых частей церемонии; в некоторых местах человек в странном одеянии, покрытом перьями, танцует со скорбящими всю ночь, а рано утром удаляется на пир. Предполагается, что он является представителем баримо, или духов.

Местонахождение могилы обычно отмечается определенными предметами. Одна из таких могил была накрыта огромным конусом из палок, сложенных вместе, как крыша хижины, а вокруг конуса был возведен частокол. С одной стороны было отверстие, в которое поместили уродливого идола, а вокруг развесили несколько кусков ткани и ниток бус.

АНГОЛЫ.

К западу от только что описанной страны находится большой район, который охватывает значительную часть побережья и простирается далеко вглубь. Эта страна хорошо известна под названием Ангола. Поскольку эта страна на протяжении нескольких столетий находилась во владении португальцев, которые распространили свои поселения на шесть или семь сотен миль вглубь материка, от первоначальных нравов и обычаев сохранилось немногое, да и те были изменены в результате контакта с белыми поселенцами. Однако, поскольку Ангола - очень важная и большая страна, прежде чем мы двинемся дальше на север, мы кратко расскажем о ее жителях.

Вожди ангольцев избираются, причем выбор должен быть сделан из представителей определенных семей. В одном месте есть три семьи, из которых поочередно выбирается вождь. Закон наследования весьма примечателен: старший брат наследует имущество, отдавая предпочтение сыну; а если женатый мужчина умирает, его дети принадлежат старшему брату вдовы, который нередко превращает их в собственность, продавая работорговцам. Именно таким образом, как было хорошо замечено, обеспечивается работорговля, а не путем войны.

Жители этих земель, хотя и смуглые, редко бывают черными, их цвет - коричнево-красный, с оттенком желтого; и, хотя они так близки к стране, населенной настоящими неграми, у них мало негритянских черт. Их черты не похожи на черты негров: нос довольно аквильный и широкий у основания, волосы шерстяные, но довольно длинные и очень обильные, а губы в меру толстые. Руки и ноги изысканно маленькие, и, как замечает мистер Рид, ангольские рабы представляют собой яркий контраст с теми, кого привозят из Конго.

О женщинах тот же путешественник пишет в весьма хвалебных выражениях, что касается их внешности. В этой стране есть девушки с такими мягкими темными глазами, такими милыми улыбками и такими грациозными манерами, что они невольно вызывают своего рода любовь, только это та полулюбовь, которая распространяется на собаку, лошадь или птицу и не имеет в себе ничего от интеллекта. Они нежны, верны и по-своему любящи; но, хотя они и могут внушить страсть, они не могут удержать любовь интеллектуального человека.

Как и в случае с Балондой, ангольцы в значительной степени живут на корнях маниока, главным образом по той же причине, по которой ирландские крестьяне так много живут на картофеле, *то есть* потому, что его выращивание и приготовление доставляют мало хлопот. Подготовкой почвы и посадкой кустарника занимаются рабы, так как истинные ангольцы с ужасом относятся к тяжелой работе. Поэтому работа выполняется очень некачественно: земля едва процарапывается двуручной мотыгой, которую используют, волоча по земле, а не ударяя ею в землю.

Однако маниок - гораздо более полезное растение, чем картофель, особенно "сладкий" сорт, в котором отсутствует ядовитый принцип. Его можно есть сырым, прямо из земли, а можно запекать или варить. Иногда его частично ферментируют, затем высушивают и измельчают в муку, или измельчают в порошок с помощью рашпиля, смешивают с сахаром и делают кондитерские изделия. Листья можно варить и есть как овощ, а если их давать козам, то они дают обильное молоко. Древесина служит отличным топливом, а при сжигании дает большое количество поташа. В среднем в Анголе растение достигает совершенства примерно за год, и за это время его нужно лишь один раз прополоть.

Муку или корни нельзя хранить, так как они подвержены нападению долгоносика, который быстро их уничтожает, поэтому используется другой способ. Корень очищают, как хрен, и

кладут на ткань, которую держат над сосудом. Затем на нее наливают воду и хорошо растирают руками белую стружку. Таким образом, все крахмальные глобулы вымываются из своих клеток и вместе с водой попадают через ткань в сосуд внизу. Когда эта смесь постоит некоторое время, крахмал собирается в своеобразный осадок, а вода выливается. Затем осадок выскребают и помещают на железную пластину, которую держат на огне. Желатиновую массу постоянно помешивают палочкой, и она постепенно превращается в маленькие полупрозрачные шарики, которые почти полностью идентичны торговой тапиоке. Преимущество превращения корня маниока в тапиоку заключается в том, что в последнем состоянии он не поддается разрушительному долгоносику.

Некоторые районы Анголы низменные, болотистые и лихорадочные, и даже местные жители ощущают на себе влияние сырого, жаркого, малярийного климата. О медицине, однако, они имеют весьма слабое представление: два основных средства лечения - это кукование и чары. Первое средство необычайно популярно, и проводится оно практически одинаково во всей Африке к югу от экватора. У оператора есть три инструмента: небольшой рог, нож и кусочек воска. Рог срезается ровно у основания, при этом необходимо следить за тем, чтобы край был идеально гладким. На меньшем конце проделывают очень маленькое отверстие. Этот рог обычно привязывают к веревке и вешают на шею владельцу, который обычно является профессиональным врачом. Нож маленький, по форме точно такой же, как маленький нож бечуана, показанный вверху страницы 281.

Когда нужно использовать рожок, его широкий конец кладут на больное место и плотно прижимают, а рот прикладывают к маленькому концу и выпускают воздух. Оператор продолжает сосать в течение нескольких мгновений, затем убирает рог и внезапно делает три или четыре надреза ножом на поднявшейся и покрасневшей коже. Рог снова прикладывается, и когда оператор высасывает воздух настолько, насколько ему позволяют легкие, он кладет языком небольшой кусочек воска на конец рога, вводит палец в рот, плотно прижимает воск к маленькому отверстию, чтобы исключить доступ воздуха, а затем позволяет рогу оставаться приклеенным под давлением атмосферы. Кровь, конечно, стекает в рог и через некоторое время сворачивается в плоскую круглую лепешку. Затем воск удаляется с конца рога, последний снимается, лепешка крови откладывается в сторону, и процесс повторяется до тех пор, пока оператор и пациент не останутся довольны.

Доктор Ливингстон упоминает случай, когда это странное пристрастие к рожку явно ускорило, хотя и не привело, смерть ребенка. Вся эта история довольно необычна и показывает состояние религиозных или, скорее, суеверных чувств среди коренных ангольцев. Случилось так, что в одной из деревень умер португальский торговец, и после его смерти остальные торговцы собрались и разделили его имущество между собой, каждый отчитался за свою долю перед родственниками покойного, которые жили в Лоанде, главном городе Анголы. Большинство туземцев, не понимая природы письменных обязательств, думали, что торговцы просто продали товар и присвоили деньги.

Спустя некоторое время ребенок человека, купившего часть этого имущества, заболел, и мать послала за прорицателем, чтобы выяснить причину его недомогания. Бросив свои магические кости и доведя себя до экстатической ярости, пророк объявил, что ребенка убил дух умершего торговца в отместку за украденное имущество. Мать была вполне удовлетворена откровением и захотела подарить пророку раба в качестве вознаграждения. Отец, однако, оказался менее сговорчивым и, узнав о результатах расследования, взял с собой друга и отправился к месту, где прорицатель все еще находился в состоянии транса, и, приложив две палки к его спине, привел его в чувство. Даже после этого невежественная

мать не позволила лечить ребенка европейскими лекарствами, а настаивала на том, чтобы погладить его по щеке; в результате через некоторое время ребенок умер.

Ангольцы - удивительно суеверный народ, и если за четыре столетия общения с португальцами они не утратили ни одного из своих суеверий, то, скорее, заразили ими своих белых гостей. Среди них очень распространены различные испытания, в особенности испытание ядом, которое охватило большую часть Африки и ежегодно уносит тысячи жизней. Любопытным моментом в ангольском испытании является то, что оно проводится в одном конкретном месте на берегу реки Дуа, и люди, обвиненные в преступлении, особенно в колдовстве, преодолевают сотни миль до священного места, твердо веря, что ядовитое дерево не причинит им вреда. Вряд ли стоит говорить о том, что вина или невиновность обвиняемого полностью зависит от каприза знахаря, который готовит ядовитый отвар, и что он может ослабить его или заменить другим веществом, не будучи обнаруженным этими легковерными людьми.

Поскольку, согласно представлениям балонда, духи умерших всегда находятся рядом со своими друзьями на земле, в равной степени участвуют в их радостях и горестях, помогают тем, кого любят, и мешают тем, кого ненавидят, предполагается, что они неким бесплотным образом участвуют в трапезе своих друзей; из этого следует, что когда человек отказывает себе в еде, он не только голодает сам, но и причиняет страдания духам своих предков. Жертвоприношения являются необходимым следствием этой идеи, как и приготовление и поедание плоти теми, кто их приносит.

Их теория болезней очень проста. Они полагают, что если духи умерших обнаруживают, что их живые друзья не обращаются с ними должным образом и не дают им вдоволь есть и пить, то лучше всего будет убрать из мира таких бесполезных союзников, чтобы освободить место для других, которые будут обращаться с ними лучше. Эта же идея заложена в их умилостивительных жертвоприношениях. Если один человек убивает другого, убийца приносит жертву, думая, что если, когда он впервые окажется духом, а не человеком, его угостят обильным пиром, он не будет питать чувства мести к тому, кто отправил его из мира и лишил всех его радостей и удовольствий. Говорят, что в некоторых частях страны используются человеческие жертвоприношения, существует определенная секта, которая убивает мужчин, чтобы принести их сердца в жертву духам.

Браки среди ангольцев все еще сохраняют некоторые остатки своих первоначальных церемоний. Невесту отводят в хижину, помазывают различными чарами, а затем оставляют в одиночестве, пока читаются молитвы о счастливом браке и большом количестве детей мужского пола - большая семья сыновей является одним из величайших благословений, которое может выпасть на долю ангольской семьи. Дочерей сравнительно презирают, но на женщину, которая никогда не подарила мужу детей любого пола, смотрят с величайшим презрением и пренебрежением. Ее более удачливые спутницы не замедлили высказать свое мнение о ней, и в свадебных песнях, исполняемых в честь невесты, обязательно есть строчка-другая, в которой говорится о ее бесполезности и выражается надежда, что невеста не окажется настолько невыгодной женой, чтобы не подарить мужу ни сыновей, ни дочерей в качестве компенсации за деньги, которые он за нее заплатил. Эти слова настолько горьки, что женщина, на которую они были направлены, не раз бросалась в бегство и уничтожала себя.

После нескольких дней такого представления невесту отводят в другую хижину, одевают во все наряды, которые у нее есть или которые она может позаимствовать для этого случая,

выводят на публику и признают замужней женщиной. Затем она отправляется в жилище мужа, но всегда остается в своей хижине.

В свои похоронные церемонии ангольцы умудряются привнести множество своих суеверий. Перед самой смертью друзья поднимают плач (который, должно быть, очень утешителен для умирающего) и продолжают его в течение дня или двух почти без остановки, сопровождая своеобразным музыкальным инструментом, издающим тона такого же характера. В течение дня или двух оставшиеся в живых заняты сбором материалов для грандиозного пира, на который они тратят так много своего имущества, что часто обедняют на годы. Они даже держат свиней и других животных на случай, если кто-то из их друзей умрет, и тогда они пригодятся на похоронах. Верные идее, что дух умершего принимает участие в удовольствиях живых, пируют непрерывно, пока не кончится вся еда, перемежая свое веселье песнями и танцами. В это время не прекращается обычный бой барабанов, и почти никто из участников не остается трезвым. Действительно, на человека, который добровольно остался бы трезвым, смотрели бы как на презирающего память об умерших. Доктор Ливингстон упоминает, что один туземец, появившийся в состоянии опьянения и получивший за это порицание, удивленно заметил: "А что, моя мать умерла!"

У них есть любопытная тяга к перекресткам как месту погребения, и хотя португальцы, настоящие хозяева этих земель, пытались отменить этот обычай, им это пока не удалось, хотя они налагали большие штрафы на тех, кто их ослушался, и назначали места для публичного погребения. Даже когда захоронение тела на самом перекрестке было предотвращено, туземцы умудряются вырыть могилу на обочине дороги. На ней и вокруг нее они сажают некоторые виды эуфорбии, а на могилу кладут различные предметы, такие как сосуды для приготовления пищи, бутылки с водой, трубы и оружие. Все они, однако, сломаны и бесполезны, поскольку считаются одинаково полезными для мертвых, как совершенные образцы, так и не представляющие соблазна для воров.

Очень примечательную и яркую картину ангольцев, их суеверий и их страны дает д-р Ливингстон в следующем отрывке: - "Когда туземцы обращают свой взор, они не могут не видеть, что они живут на земле.

"Когда туземцы обращают свой взор к будущему миру, перед ними открывается достаточно невеселая картина их собственной полной беспомощности и безнадежности. Они считают себя полностью во власти развоплощенных духов и смотрят на перспективу следовать за ними как на величайшее из несчастий. Поэтому они постоянно отмахиваются от гнева ушедших душ, полагая, что если их умиротворить, то не останется никакой другой причины смерти, кроме колдовства, которое можно предотвратить с помощью чар.

"Все цветное население Анголы погрязло в этих грубых суевериях, но, несмотря на это, считает, что оно мудрее в этих вопросах, чем их белые соседи. У каждого племени есть сознание того, что оно наилучшим образом следует своим собственным интересам. Они отнюдь не лишены того чувства собственного достоинства, которое так характерно для других народов; тем не менее они боятся всевозможных фантомов и имеют полуразвитые представления и традиции о чем-то, сами не знают о чем. Удовольствия животной жизни постоянно присутствуют в их сознании как высшее благо; и, если бы не бесчисленные невидимости, они могли бы наслаждаться своим роскошным климатом так же сильно, как это возможно для человека.

"Путешествуя по их земле, я часто думал, что она являет собой картины красоты, которой могли бы наслаждаться ангелы. Как часто я наблюдал по утрам сцены, представляющие собой самую суть красоты, и все они купались в тихом воздухе восхитительного тепла! И все

же случайное мягкое движение создавало приятное ощущение прохлады, как от веера. Зеленые луга, кормящийся скот, козы, скачущие дети; группы мальчишек-пастухов с миниатюрными луками, стрелами и копьями; женщины, направляющиеся к реке, с горшками для воды на головах; мужчины, шьющие под тенистыми банями; и седобородые старики, сидящие на земле с посохом в руках и слушающие утренние сплетни, в то время как другие несут деревья или ветки для ремонта изгородей; и все это, залитое ярким африканским солнцем, и птицы, поющие среди ветвей до наступления сильной дневной жары, создают картины, которые невозможно забыть."

ГЛАВА XXXVII.
ВАГОГО И ВАНЬЯМУЭЗИ.

МНОГОЧИСЛЕННЫЕ И БЫСТРОТЕЧНЫЕ ПЛЕМЕНА АФРИКИ - УГОГО И ЕГО НАРОД - НЕПРИЯТНЫЙ ХАРАКТЕР УГОГО - ВОРОВСТВО И ВЫМОГАТЕЛЬСТВО - ЖАДНОСТЬ УГОГО - ПЛЕМЯ ВАНЬЯМУЭЗИ ИЛИ УИЗИ - ИХ ЗНАЧЕНИЕ КАК ПРОВОДНИКОВ - ОДЕЖДА МУЖЧИН - КОЛЬЦА "САМБО" - ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ ЖЕНЩИН - ПРИЧЕСКА.ПРИЧЕСКА - ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ЖЕНЩИН - АРХИТЕКТУРА УИЗИ - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БАРАБАНА - ПРИВЕТСТВИЕ - СУЛТАН-СТИРАБУТ - ПРИВЕТСТВИЕ МУЖА - ИГРЫ И ТАНЦЫ - ПРИТВОРНЫЕ БОИ - ПОЛЕ И ЖРЕБИЙ - НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ УИЗИ - ВАРКА И ПИТЬЕ ПОМБЕ - СЦЕНА СБОРА УРОЖАЯ - СУЕВЕРИЯ - ПОХОРОНЫ.

Теперь мы перейдем с запада на восток Африки и отправимся вместе с капитанами Спейком и Грантом в их путешествие по необычным племенам, которые существуют между Занзибаром и Северной Африкой. Невозможно подробно описать множество племен, населяющих этот район, и даже дать о них самое краткое представление. Поэтому мы выберем несколько наиболее значимых из них и опишем их настолько полно, насколько нам позволит ограниченное пространство.

Возможно, читателю покажется странным, что мы так долго задерживаемся в этой части света. Причина в том, что Африка, как южная, так и экваториальная, наполнена обескураживающим разнообразием необычных племен, каждое из которых имеет нравы и обычаи, уникальные сами по себе, и представляет такой же большой контраст со своими соседями, как если бы они были разделены морями или горными хребтами. Иногда они сливаются друг с другом по неопределенным градациям, но часто линия разграничения проводится смело и резко, так что племя, обитающее на одном берегу реки, совершенно не похоже на то, которое занимает противоположный берег, по внешнему виду, по привычкам и по языку. Например, в одном случае люди, живущие на одном берегу реки, отличаются скрупулезной полнотой одеяний обоих полов, в то время как на другом берегу не носят никакой одежды.

Та же причина, которая дала нам знание об этих удивительных племенах, неизбежно станет предвестником их исчезновения. Белый человек ступил на их землю, и с этого момента можно отсчитывать их постепенный, но верный упадок. Они познали ценность огнестрельного оружия и жаждут его больше всего на свете. Их вожди уже отказались от использования своего родного оружия, будучи достаточно богатыми, чтобы купить мушкеты у белых людей, или достаточно могущественными, чтобы вымогать их в качестве подарков. Пример, который они подали, наверняка распространится на весь народ, и через несколько

лет произойдет полный отказ от туземного оружия. Вместе с оружием изменится и способ ведения войны, а со временем и весь народ претерпит такие изменения, что станет принципиально иной расой. Цель этой работы - собрать воедино, насколько это возможно в ограниченном пространстве, наиболее примечательные из этих исчезающих обычаев, и поэтому необходимо уделить наибольшее место стране, в которой их больше всего.

Линию, которой нам предстоит следовать, можно увидеть, обратившись к карте Африки. Мы начнем с Занзибара на восточном побережье, пойдем на запад и на север, мимо Уньямуэзи и Вахумы к великим озерам Ньянза. Здесь мы наткнемся на след сэра Сэмюэля Бейкера, а затем будем сопровождать его на север среди племен, которые он посетил.

Миновав ряд племен, на исследовании которых мы не можем остановиться, мы наткнемся на вагого, которые населяют Угого, район около 4° южной широты и 36° восточной долготы. 36° в.д. Здесь я могу отметить, что, хотя язык некоторых из этих племен настолько отличается, что люди не могут понять друг друга, в большинстве из них приставка "ва" указывает на множественность, как слово "men" в английском языке. Так, жители Угого - вагого, а жители Уньямуэзи - ваньямуэзи, произносимые для краткости как "уизи". Отдельные представители вагого называются мгого.

Вагого - дикий народ, чего и следовало ожидать от страны, в которой они живут. Цвет их кожи красновато-коричневый, с оттенком черного; когда кожа чистая, говорят, что она похожа на очень спелую сливу. Они скудно одеты, носят лишь какую-то ткань вокруг талии, но очень любят украшения, с помощью которых обычно стараются сделать себя как можно более уродливыми. Их главное украшение - трубчатый конец тыквы, продетый в ухо; но они также украшают свои головы мотками коры, которые они скручивают среди своих густых шерстяных волос, и которые имеют самый нелепый вид, когда носитель бегает или прыгает. Иногда они подобным образом вплетают в волосы нитки бус или прикрепляют к голове страусиное перо.

Это не воинственный народ, но, как и другие, не отличающиеся храбростью, они всегда ходят вооруженными; мгого никогда не ходит без копья и щита, а также, возможно, короткой дубины, которая также используется в качестве снаряда. Щит продолговатый и сделан из кожи, а копье не имеет ничего примечательного, и, как замечает капитан Спик, это оружие носится больше для показухи, чем для использования.

Это не очень приятный народ: скупые, навязчивые и любопытные, закоренелые лжецы и непременно задирают нос, если думают, что могут сделать это безопасно. Если путешественники проходят через их страну, они раздражают их до невозможности, издеваясь над ними словами и наглыми жестами, вторгаясь в их ряды, переворачивая все, до чего могут дотянуться, а иногда даже влезая в палатки. Поэтому путешественники никогда не заходят в деревни, а разбивают лагерь на некотором расстоянии от них, под укрытием широко распространенных в этой стране "подагрических деревьев", окружая свой лагерь прочной изгородью из колючек, с которыми голый мгого не желает сталкиваться.

Жадные даже по сравнению с обычной скупостью африканских племен, вагого используют любую возможность обобрать путешественников, которые заходят на их территорию. Помимо обычного налога или "хонго", который требуют за разрешение проехать через страну, они требуют всевозможные подарки или, скорее, взятки. Когда один из носильщиков капитана Спика случайно сломал лук, владелец тут же потребовал в качестве компенсации что-то в десять раз большее его стоимости.

Магомба, вождь, оказался искусным вымогателем. Сначала он отправил очень вежливое послание, в котором просил капитана Спика поселиться в его собственном доме, но это лестное, хотя и вероломное предложение было сразу же отклонено. Во-первых, дома в этой части страны маленькие и неудобные, это не более чем глинобитные хижины с плоскими крышами, такой тип архитектуры называется "тембе". Далее, целью вождя, очевидно, было изолировать лидера экспедиции от его спутников и таким образом завладеть им. Это ему было легче сделать, поскольку деревни обнесены крепкими стенами, так что путешественник, заманивший его внутрь, не мог выбраться, не подчинившись условиям жителей. В отличие от деревень южных африканцев, которые неизменно имеют круглую форму, эти неизменно продолговатые, а стены и дома сделаны из грязи.

На следующий день Магомба выпил столько помбе, что был совершенно не в состоянии заниматься делами, но на следующий день с хонго удалось договориться через премьер-министра вождя, который сразу же сделал небольшое дело на свой счет, подарив небольшое количество еды и потребовав адекватного возмещения, что, конечно же, означало двадцатикратную стоимость. Добившись этого, он приступил к дальнейшему вымогательству, обвинив капитана Гранта в том, что тот подстрелил ящерицу на камне, который он с удовольствием назвал священным. Так же никто из них не давал никакой информации, не получив за нее вознаграждения. А поскольку они считали свое вымогательство недостаточно успешным, то мстили, рассказывая туземным носильщикам такие страшные истории о странах, которые они собирались посетить, и о жестокости белых людей, что носильщики пугались и убегали, а некоторые забывали положить свой груз. Подобная тактика повторялась в каждой деревне, возле которой приходилось проходить, а в одном месте вождь пригрозил напасть на отряд капитана Спика и одновременно послал всем носильщикам весточку, что им лучше бежать, иначе их убьют. Половина из них действительно сбежала, прихватив с собой товары, причитавшиеся им в качестве платы; как выяснилось впоследствии, плутоватый Вагого устроил так, чтобы они сделали это, а потом разжились награбленным.

Они были настолько жадны, что не только отказывались продавать провизию по непомерно высоким ценам, но и, когда руководители экспедиции стреляли в дичь, чтобы обеспечить своих людей едой, вагого стекались к этому месту толпами, каждый со своим оружием, и делали все возможное, чтобы унести мясо до того, как законные владельцы смогут до него добраться. Однажды, когда им очень не хватало еды, капитан Спик отправился ночью на поиски дичи и подстрелил носорога. К рассвету он оповестил своих людей о том, что мяса для них предостаточно.

"Мы все должны были поспешить к туше, пока ее не нашли вагого; но, хотя эта мера предосторожности была принята быстро, не успели мы прорезать жесткую шкуру зверя, как вагого стали собираться, как стервятники, и драться с моими людьми. Более дикой, грязной, отвратительной, но в то же время гротескной сцены, чем та, что последовала за этим, описать невозможно. Все принялись за работу с мечами, копьями, ножами и секирами, рубя и режа, колотя и брыкаясь, сражаясь и разрывая, по колено в грязи и крови посреди туши. Когда кому-то из них перепадал заманчивый кусок, более сильный сосед хватал его и с триумфом уносил. Теперь все было делом чистой силы, и повезло, что дело не закончилось дракой между нашими людьми и жителями деревни. Впоследствии можно было видеть, как они, залитые кровью, бегут домой каждый со своим трофеем - куском требухи, или печени, или огнива, или еще чего-нибудь, что ему посчастливилось унести". Художник изобразил эту сцену на следующей странице.

Можно представить, что путешественники были очень рады поскорее покинуть владения этого племени, которое всячески обманывало и грабило их, а кроме того, по злобе и жадности распугало более сотни носильщиков, нанятых для перевозки огромного количества товаров, которыми путешественник должен подкупать вождей разных мест, через которые он проходит.

ВАНЬЯМУЭЗИ.

Следующее племя, о котором мы упомянем, называется Ваньямуэзи. К счастью, туземцы редко используют это слово полностью, а говорят о себе как Weezee, что гораздо проще для произношения и, конечно, проще для написания. В единственном числе их зовут Мямуэзи. Страна, которую они населяют, называется Уньямуэзи, Страна Луны. Уньямуэзи - это большой район размером с Англию, расположенный на 5° южной широты и между 3° и 5° восточной долготы. Раньше это, должно быть, была великая империя, но теперь ее постигла участь большинства африканских племен, и она разделилась на множество мелких племен, каждое из которых завидует другому и подвержено постоянному разделению.

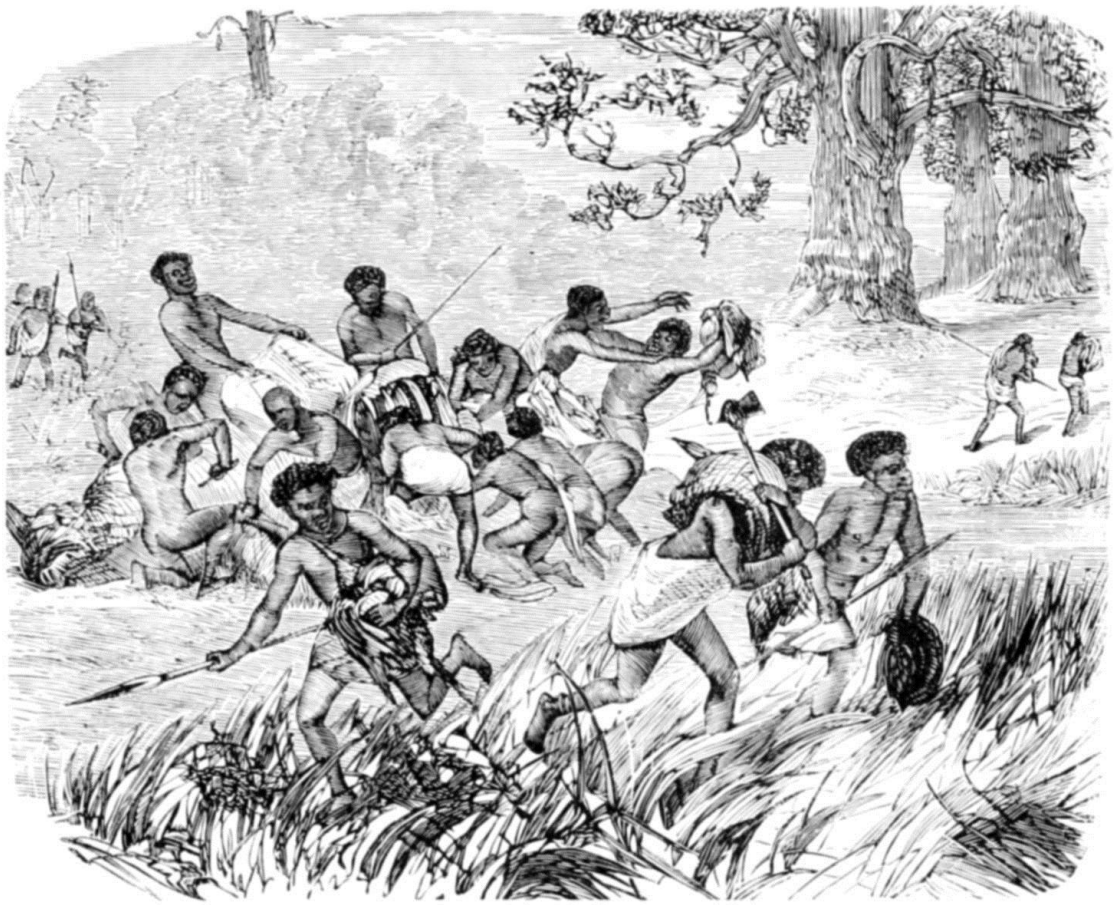
По многим причинам это самое примечательное племя. Это почти единственный народ в Центральной Африке, который охотно покидает свою страну и ради заработка работает носильщиком или проводником в дальних странах. Похоже, что эта способность к путешествиям у них наследственная, и с незапамятных времен они были величайшим торговым племенем в Африке. Именно к этому племени принадлежали носильщики, которых вагого побудили покинуть капитана Спика, и никто лучше их самих не знал, что ни в каком другом племени он не сможет найти людей, способных занять их место.

Визи не отличаются красотой, уступая по внешнему виду вагого, хотя среди них можно встретить красивых людей обоих полов. Как и вагого, они не склонны к боевым действиям, хотя всегда путешествуют со своим оружием, которое у них есть, *то есть* очень неэффективным луком и парой стрел. Их одежда достаточно проста. Они носят обычную ткань вокруг поясницы, но когда отправляются в путь, то вешают на плечи выделанную козью шкуру, которая проходит через одно плечо и под другим. Из-за своей узости она вряд ли может служить для согрева, и по той же причине вряд ли может служить для покрытия. Однако, похоже, это мода, и они все носят его.

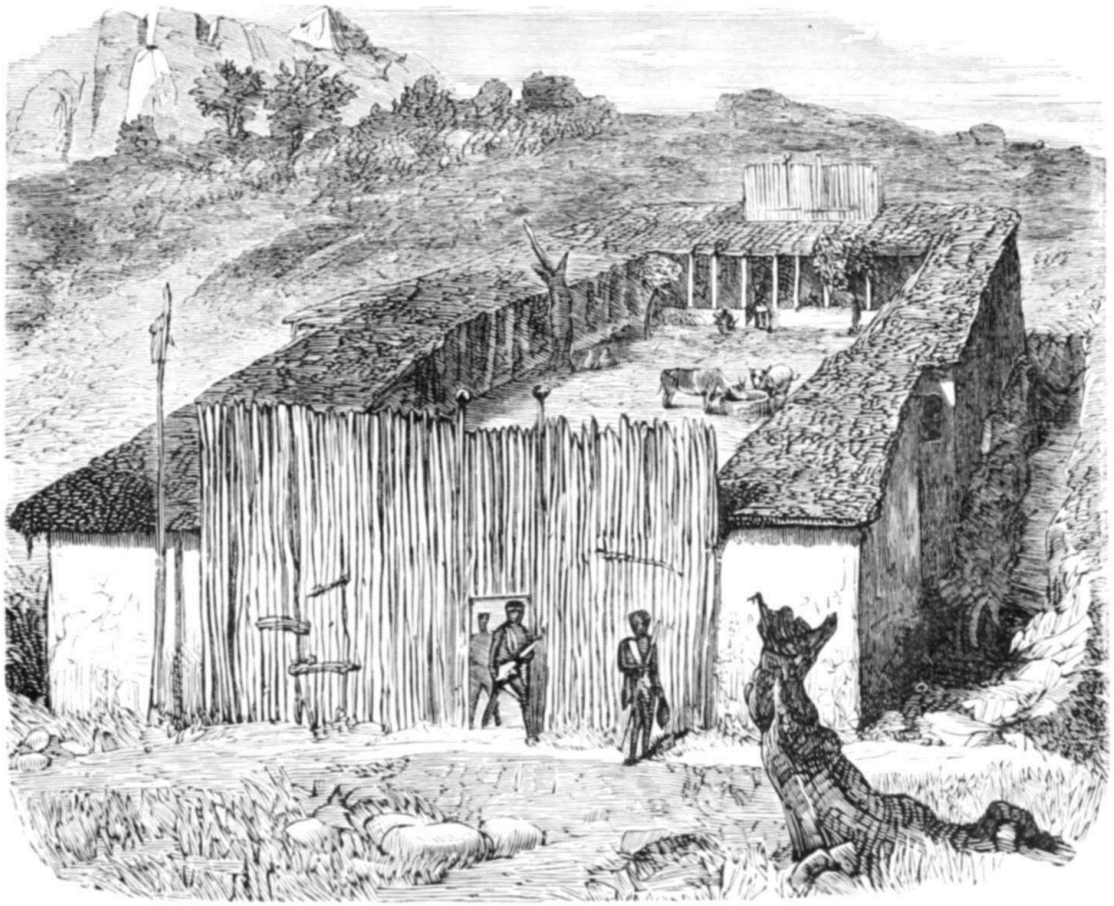
Они украшают себя множеством орнаментов, некоторые из которых используются в качестве амулетов, а другие просто носят как украшение. У них есть один очень любопытный способ изготовления браслетов. Они берут один волосок из хвоста жирафа, обматывают его проволокой, как басовую струну скрипки, а затем закручивают эту сложную веревку вокруг запястья или лодыжки. Эти кольца называются "самбо", и, хотя их носят в основном женщины, мужчины надевают их, когда у них нет ничего лучшего. Их обычные браслеты, однако, представляют собой тяжелые слитки меди или железа, оббитые до нужной формы. Как и другие туземцы крайнего Юга, они выбивают два центральных резца нижней челюсти и вырезают V-образное пространство между соответствующими зубами верхней челюсти.

Женщины одеты гораздо лучше. Они носят довольно просторные одежды, сшитые ими самими из местного хлопка, и покрывают все тело от подмышек до колен. Они носят кольца самбо в огромном количестве, наматывая их вокруг запястий и лодыжек, пока конечности не будут покрыты металлической броней на шесть или семь дюймов. Если у них есть такая

возможность, они, естественно, предпочитают носить бязь и другие материалы, привезенные из Европы, отчасти потому, что это признак богатства, а отчасти потому, что они гораздо легче, чем хлопчатобумажные ткани местного производства, хотя и не такие прочные.



(1.) ВАГОГО ЖАДНОСТЬ.
(См. с. 386.)



(2.) АРХИТЕКТУРА УИЗИ.
(См. с. 387.)

Их шерстяные волосы обильно смазаны маслом и закручены, так что на небольшом расстоянии они выглядят так, будто у них головной убор из осколков черного жука. Иногда они закручивают ее в кисточки, а на конце каждой кисточки вешают бусинки или украшают их маленькими брелоками из бисера. Способ изготовления этих "бирок" очень прост. Существует разновидность бананового дерева под названием миамбо, и с него срезают множество тонких веточек. Затем эти веточки расщепляют в продольном направлении, отделяют внешнюю и внутреннюю кору, а затем хорошо пережевывают, пока волокна не будут расположены правильно. Сначала они гораздо светлее, чем черная шерсть, к которой они прикреплены, но вскоре чернеют от использования и жира. Они используют немного татуировки, но не сильно, делая по три линии на каждом виске и еще одну по центру носа. Линии синего цвета часто можно увидеть на лбу у обоих полов, но это неизгладимые следы своеобразного лечения, которое они применяют от головной боли и которое, как им кажется, эффективно.

Характер женщин в целом хороший, они приличны, хорошо воспитаны и, как для дикарей, опрятны, хотя чистоты в их лицах почти нет. Иногда они сопровождают своих мужей в походе и имеют слабость курить все время, пока идут. Они несут своих детей на спине, табуретку или две и другую утварь на голове, и при этом умудряются выступать в роли поваров, как только останавливаются, готовя для своих мужей какое-нибудь пикантное блюдо из трав. Они обладают поистине удивительными практическими знаниями в области ботаники, и уизи могут жить в комфорте там, где человек из другого племени будет голодать. Помимо

приготовления пищи, они также умудряются сооружать маленькие хижины из веток, по форме напоминающие перевернутый колокол, очень крошечные, но достаточно большие, чтобы дать приют во время сна.

Дома уизи в основном с глинобитными стенами и плоскими крышами, которые называются "тембе", хотя некоторые из них по форме напоминают стога сена, и построены они с большой тщательностью. У некоторых из них крыша выходит за пределы стен, образуя веранду, как у домов бечуанов; деревни окружены крепким забором. Дверь очень маленькая и позволяет проходить только одному человеку за раз. Она сделана из досок и может быть поднята, чтобы обеспечить вход и выход. Некоторые колья над дверью и по бокам от нее украшены деревянными брусками на верхушках, а некоторые вожди имеют привычку закреплять на столбах черепа тех, кого они предали смерти, как в прежние годы головы предателей закрепляли над Темпл-Баром. Архитектура Уизи проиллюстрирована на странице 387.

Некоторые из деревень могут претендовать на звание городов-крепостей, настолько тщательно они построены. Окружающий их частокол очень высок и крепок, а защита выполнена в самой художественной манере: сначала крытая дорога, затем зыбкая живая изгородь из эуфорбии и, наконец, широкий сухой ров или ров. Иногда стена выстраивается в виде бастиона, чтобы обеспечить хороший фланговый огонь. В долинах дома расположены справа и слева от входов и тщательно ограждены, так что с военной точки зрения все сооружение очень прочное.

Они довольно вежливая раса, и у них есть полный кодекс этикета для приема людей, будь то друзья или незнакомцы. Если вождь принимает другого вождя, он устраивает целую церемонию, собирая всех жителей деревни с их барабанами и другими музыкальными инструментами, и заставляет их чествовать прибывшего гостя танцем и таким шумом, какой только можно извлечь из их скудного оркестра. Если у них есть огнестрельное оружие, они стреляют из него до тех пор, пока хватает пороха, а если нет, то довольствуются своими голосами, которые от природы громкие, барабанами и любыми другими музыкальными инструментами, которые у них есть.

Но что бы ни использовалось, барабан в этих краях - вещь необходимая, без него не обходится ни один прием. Даже когда гость уходит, барабан является неотъемлемым аккомпанементом его ухода, и, соответственно, "бить в барабан" - фраза, которая часто используется для обозначения ухода из какого-либо места. Например, если путешественник проходит через район и торгуется с вождем за "хонго", которые он должен заплатить, последний часто угрожает, что, если ему не заплатят полностью, он не будет "бить в барабан", *то есть* не позволит путешественнику пройти дальше. Это так хорошо известно, что носильщики не берут свою ношу, пока не услышат приветственный звук барабана. Этот инструмент часто призывает к войне, и, по сути, его можно заставить рассказывать свою историю так же полно, как горн в европейских армиях.

Когда обычные мужчины встречают своего вождя, они кланяются и дважды хлопают в ладоши, а женщины приветствуют его, делая любезность не хуже, чем любая придворная дама. Однако такое повиновение полагается только очень великим вождям, а мелкие вожди или старосты деревень вынуждены довольствоваться простым хлопаньем в ладоши. Если встречаются две женщины неравного ранга, низшая опускается на одно колено и склоняет голову; высшая кладет одну руку на плечо другой, и они остаются в таком положении несколько мгновений, пока бормочут какие-то слова на полуслове. Затем они встают и свободно разговаривают.

Судя по рассказу капитана Гранта о великом вожде Угали (*т. е.* Стирабуте), который считался необычайно благоприятным образцом султанов, как называют этих великих вождей, почтение, оказываемое им, относится к должности, а не к человеку, который ее занимает. Угали, который был самым лучшим образцом из всех, кого мы видели, считался умным человеком, хотя он не знал своего возраста, не умел считать больше десяти и не называл ни дня недели, ни месяца, ни года.

"После того как мы пробыли около месяца в его округе, 21 апреля султан Угали прибыл в Минеенгу и был встречен стрельбой наших добровольцев и пронзительными криками женщин. На следующий день он посетил нас на веранде. На вид ему около двадцати двух лет; у него трое детей и тридцать жен; рост шесть футов, крепкий, с тупым, тяжелым выражением лица. Его голая голова украшена кистями, к волосам примешаны мотки волокон. Его тело свободно обмотано синей и желтой хлопчатобумажной тканью, чресла прикрыты грязным куском промасленной бязи, а ноги большие и голые. На левом запястье - чудовищное кольцо из слоновой кости, на правом - медное кольцо в виде веревочки; вокруг лодыжек нанизано несколько сотен проволочных колец.

"Его попросили сесть на один из наших железных табуретов, но он сначала выглядел испуганным и не открывал рта. За него заговорил старик, и толпа из тридцати последователей присела на корточки позади него. Спек, чтобы развлечь его, достал свой шестиствольный револьвер, но тот лишь пристально смотрел на него. Книга о птицах и животных, которую староста деревни Сирбоко показал ему вверх ногами, вызвала у него болезненную улыбку, и он с удовольствием намекнул, что предпочитает животных птицам. Он получил на ладонь немного нюхательного табака, взял хорошую щепотку, а остальное отдал своему представителю.

"Он пожелал взглянуть на мою кровать с москитной занавеской и, удаляясь, получил приглашение поужинать с нами. В семь часов мы послали ему сообщение, что пир готов, но пришел ответ, что он сыт и не может соблазниться даже стаканом рома. На следующий день он пришел попрощаться с нами и ушел, не обменявшись подарками, чем сильно отличался от жадных до денег Угого".

Уже упоминалось, что Ваньямуэзи выступают в качестве торговцев и отправляются на большие расстояния, и существует даже отдельный способ приветствия, которым жена встречает мужа, вернувшегося из путешествия. Гравюра № 1 на следующей странице иллюстрирует это приветствие жены. Как только она узнает, что ее муж собирается вернуться домой после путешествия на побережье, она надевает все свои украшения, украшает себя шапочкой из перьев, собирает вокруг себя подруг и направляется к хижине главной жены вождя, перед дверью которой они все танцуют и поют. Танцы и пение у них, как и у других племен, - главное развлечение. Был один слепой человек, который отличался своими способностями к пению: он мог передавать свой голос на значительное расстояние с эффектом чревовещания. Он был очень популярен, и по вечерам вождь сам становился одним из зрителей и присоединялся к хору, сопровождавшему его песню. У них есть несколько национальных песен, которые, по словам капитанов Спейка и Гранта, действительно прекрасны.

Внутри каждой деревни есть клубный дом, или "иванса", как его называют. Это строение гораздо больше тех, которые используются для жилья, и построено оно совсем по-другому. Один из таких иванса, который посетил капитан Грант, "представлял собой длинную низкую комнату размером двенадцать на восемнадцать футов, с одной дверью, низкой плоской крышей, сильно почерневшей от дыма, и без трубы. По всей его длине шла высокая

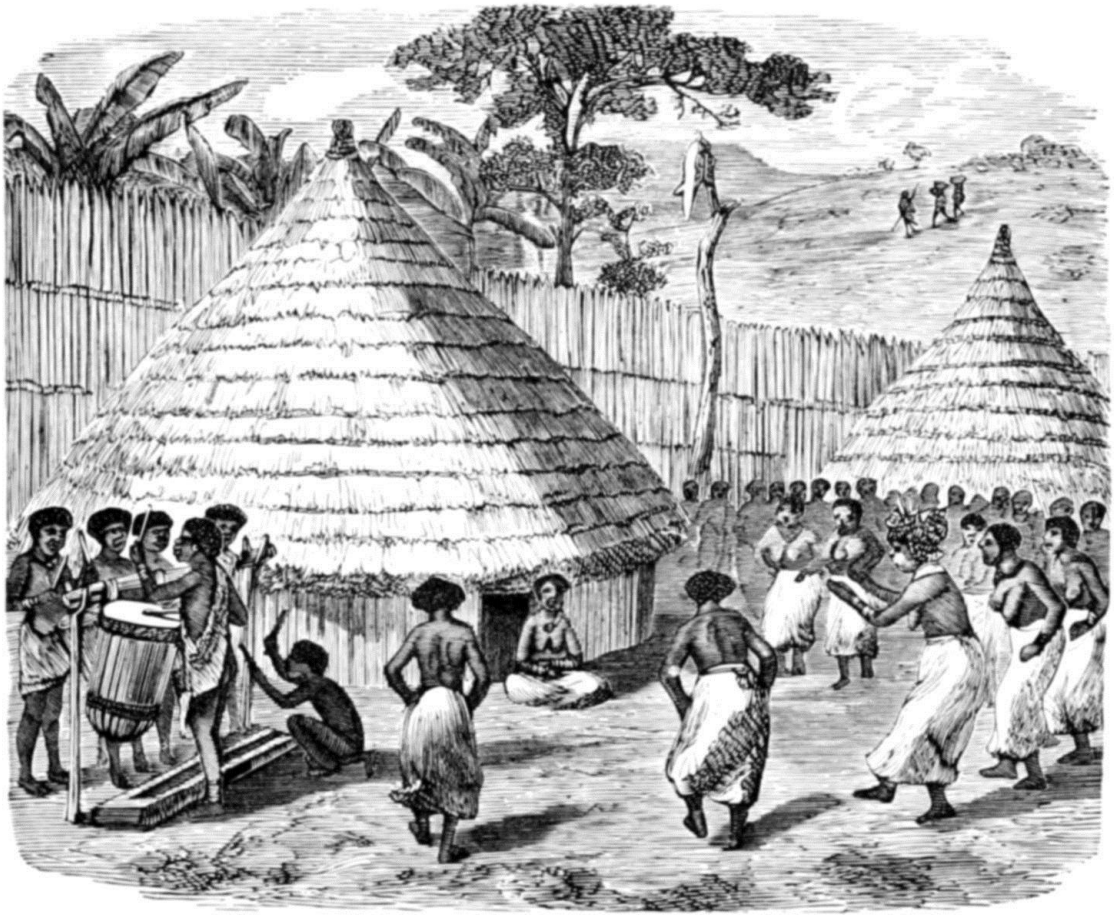
наклонная скамья, на которой были расстелены коровьи шкуры для сидения мужчин. В одном углу висело несколько огромных барабанов, а на полу тлели поленья.

"В это место вводят чужеземцев, когда они впервые попадают в деревню, и здесь они живут до тех пор, пока для них не будет выделен дом. Здесь все молодые люди собираются в конце дня, чтобы узнать новости и присоединиться к бесконечным разговорам, которые кажутся одной из главных радостей местных африканцев. Здесь они оказывают друг другу любезные услуги, например, выдергивают волоски из ресниц и бровей своими диковинными маленькими щипчиками, обтачивают зубы до правильной формы и наносят на щеки и виски особые знаки, обозначающие клан, к которому они принадлежат".

Эти щипчики сделаны из железа, самым изобретательным образом сплющенного и согнутого так, чтобы придать им необходимую упругость.

Курение и выпивка также широко распространены в иванса, и здесь же молодежь предается различным играм. Одна из этих игр в точности похожа на ту, что была введена в Англии. У каждого игрока есть обрубок индийской кукурузы, коротко обрезанный, который он ставит на землю перед собой. Из тыквы и палки делается грубое подобие зубочистки, которая вращается среди кукурузных пней, а цель игры - сбить пень, принадлежащий противнику. Это любимая игра, вызывающая шумный смех и аплодисменты не только у самих игроков, но и у зрителей, которые их окружают.

Перед иванса проводятся танцы. В некоторых отношениях они похожи на танцы дамаров, о которых говорилось на странице 313, за исключением того, что исполнители стоят не по кругу, а в линию. На землю кладут длинную полосу коры или коровьей шкуры, и уизи располагаются вдоль нее, причем самый высокий мужчина всегда занимает почетное место в середине. Когда они расположились, барабанщики заводят свои шумные инструменты, а танцоры начинают странный напев, который больше похож на вой, чем на песню. Все они низко склоняют головы, кладут руки на бедра, энергично притопывают и с удовольствием думают, что танцуют. Мужчины-зрители стоят впереди и подбадривают своих друзей, присоединяясь к припеву, а женщины стоят сзади и молча наблюдают за происходящим. Каждый танец заканчивается общим смехом или аплодисментами, после чего на полосу кожи выходят новые танцоры.



(1.) ПРИВЕТСТВИЕ МУЖА.
(См. стр. 390.)

(2.) ПИТЬЕ ПОМБЕ.
(См. с. 394.)

Иногда в их танцы вносится разнообразие. Однажды у вождя было несколько чаш, наполненных помбе и поставленных в ряд. Люди брали свои травяные чаши и снова и снова наполняли их из кувшинов, причем вождь подавал пример и выпивал больше помбе, чем любой из его подданных. Когда чаши наполнились до краев, в круг вскочила пара парней, представлявших собой нечто фантастическое. Они повязали на головы гривы зебр и снабдили себя двумя длинными берестяными трубками, похожими на огромные фаготы, в которые дули изо всех сил, сопровождая свои крики экстравагантными движениями конечностей. Как только все помбе закончились, пять барабанов были подвешены в ряд на горизонтальной перекладине, и артист начал неистово колотить в них. Вдохновленные звуками, мужчины, женщины и дети начали петь и хлопать в ладоши в такт, и все танцевали в течение нескольких часов.

"Мальчики из Уизи - забавные ребята, у них есть талант к играм. Конечно, они подражают занятиям своих отцов: стреляют из маленьких луков и стрел, прыгают через палки на разной высоте, притворяются, что стреляют в дичь, и устраивают другие забавы. Некоторые из старших ребят превратили свою игру в реальность, сделав свои луки и стрелы достаточно большими, чтобы убивать голубей и других птиц, которые летали вокруг них. Они также сделали очень правдоподобную имитацию ружья белого человека, связав вместе два куска тростника для стволов, вылепив из глины ложе, молоток и спусковую скобу, а дым имитировали пучками ваты. О том, что они были добросердечными мальчиками, говорит тот факт, что у них были прирученные птицы в клетках, и они проводили много времени, обучая их пению".

Из приведенного выше описания можно сделать вывод, что уизи - живая раса, и это действительно так. Для путешественника они - забавные спутники, поющие свои "самые веселые песни, с глубокими тональными припевами, из своих толстых шей и горл". Но ими нужно очень осторожно управлять: они независимы, знают себе цену и склонны идти вперед, останавливаться или разбивать лагерь только тогда, когда им это удобно. Кроме того, поскольку они не отличаются чистоплотностью и любят разводить свой вечерний костер вблизи и с наветренной стороны от палатки путешественника, они часто оказываются слишком близко, чтобы быть приятными, тем более что они всегда отказываются двигаться с места, на котором обосновались.

Тем не менее в походе они просто бесценны, поскольку являются хорошими носильщиками, всегда могут порадовать себя и не тоскуют по дому, как это бывает с мужчинами других племен. Кроме того, благодаря своим двигательным способностям, они являются отличными проводниками, а также полезнейшими помощниками на охоте, обнаруживая и безошибочно следуя по следу животного. Они слишком склонны красть плоть животного, когда оно убито, и совершенно точно крадут жир, но, поскольку в девяти случаях из десяти животное вообще не было бы убито без их помощи, их можно простить за эти мелкие хищения. Они никогда не испытывают недостатка в чем-либо, но обладают необыкновенной способностью обеспечивать себя всем необходимым из самых неожиданных материалов. Например, если ваньямуэзи захочет покурить, а трубки у него нет, он за минуту-другую смастерит ее из ближайшего дерева. Все, что ему нужно сделать, - это срезать зеленую веточку, содрать с нее кору, как это делают мальчики, когда делают ивовые свистульки, затолкать в нее глиняную пробку и проделать в ней отверстие с помощью веточки поменьше или травяной лопатки.

Представители обоих полов - заядлые курильщики, а поскольку они сами выращивают табак, то могут удовлетворять этот вкус по своему усмотрению. Для курения они обычно используют свой домашний табак, который скручивают в толстую веревку, как ленту сена, а затем

сворачивают в сплющенную спираль, как маленькую мишень. Иногда они придают ему форму сахарной булочки. Импортный табак они используют в качестве нюхательного табака, измельчая его в порошок, если он дается им в твердом виде, или заталкивая в ноздри, если он находится в разрезанном виде, как "птичий глаз" или "возврат".

Развлечения уизи довольно многочисленны. Помимо уже упомянутых, парни любят имитировать бой, используя стебли маиса вместо копий и делая для себя щиты из коры. За исключением того, что парни уизи передвигаются пешком, а не на лошадях, эта игра почти в точности напоминает "джерид" турок и с такой же вероятностью может нанести болезненные, если не опасные, травмы неосторожному или неумелому.

Затем, для более оседлых людей, есть несколько азартных игр и несколько игр на ловкость. Азартная игра - это проверенный временем "питч энд тосс", в который здесь играют так же охотно, как и в Англии. Правда, у визи нет полпенса, но они всегда могут вырезать диски из коры и сделать ставку на то, что шершавая или гладкая сторона окажется наверху. Они очень любят эту игру и ставят на кон свои самые ценные вещи, такие как кольца "самбо", луки, стрелы, наконечники копий и тому подобное.

Главная игра на ловкость, вероятно, попала к ним через магометанских торговцев, так как она почти идентична игре, давно знакомой туркам. Она называется бао и играется с доской, на которой тридцать два отверстия или чашки, и с шестьюдесятью четырьмя семечками в качестве жетонов. Если встретятся два игрока, у которых нет ни доски, ни семечек, нет ничего проще, чем сесть, выскрести в земле тридцать два отверстия, выбрать шестьдесят четыре камня и начать играть. Возможно, читатель вспомнит старую английскую игру Merelles, или Nine-men's Morris, в которую можно играть на вырезанной в дерне доске и с камнями вместо фишек.

Самыми заядлыми игроками были спасатели султана, числом около двадцати человек. Это были не слишком приятные личности, оскорбительно надменные в своих манерах и наотрез отказывающиеся выполнять хоть какую-то работу. В их обязанности входило сопровождать своего начальника из одного места в другое и передавать его приказы из одной деревни в другую. Остальное время они проводили за азартными играми, битьем в барабаны и другими подобными развлечениями; если они и отличались чем-то еще, так это тщательностью, с которой они относились к своей одежде. Некоторые из этих спасателей были очень искусны в игре на барабане, и, когда несколько человек выступали на ряде подвесных барабанов, главный барабанщик всегда брал самый большой инструмент и был дирижером остальных, так же как в обществе звонарей главный из них берет теноровый колокол. Спать в деревне визи, пока звучат барабаны, никому, кроме туземцев, совершенно невозможно, но когда они стихают, здесь становится достаточно тихо, о чем можно судить по описанию капитаном Грантом ночной сцены в Ваньямуэзи.

"В деревне уизи мало звуков, способных нарушить ночной покой: рожок путника и ответ на него из соседней деревни - случайные сигналы тревоги; стрекотание сверчков и плач больного ребенка, однако, иногда нарушают ночную тишину. Проснувшись рано, первыми звуками, которые мы услышали, были крики петухов, нетерпеливое мычание коров, блеяние телят, чириканье воробьев и других немузыкальных птиц. Вскоре можно было услышать стук пестика и ступки, обмолачивающих кукурузу, или воркование диких голубей в роще пальм.

"Хижины по форме напоминали кукурузные стога, поддерживаемые голыми столбами, высотой пятнадцать футов и диаметром от пятнадцати до восемнадцати футов. Иногда их травяные крыши защищали от искр "мичаны", или рамы из индийских кукурузных стеблей. Ковров не было, и все было темно, как в трюме корабля. Несколько глиняных кувшинов,

сделанных наподобие индийских "гурра", для варки овощей или шинковки, рваные шкуры, старый лук и стрелы, несколько чашек с травой, несколько тыкв, возможно, табурет - вот и вся мебель. Зерно хранилось в жестких ящиках из коры, а козы или телята имели свободный доступ в дом".

Их обычаи в еде и питье весьма примечательны. Возможно, нам стоит перенести эти термины, ведь питье занимает первое место в сознании уизли. Единственный напиток, о котором он заботится, - это местное пиво или "помбе", и многие из туземцев живут почти полностью на помбе, почти не принимая твердой пищи. Изготовлением помбе занимаются женщины, которые варят его в больших количествах за раз. Не имея возможности построить большой резервуар, в котором можно было бы нагреть воду до кипения, изготовитель помбе берет несколько глиняных горшков и ставит их в два ряда, с промежутком в восемнадцать дюймов или около того между рядами. Это промежуточное пространство заполняется дровами, которые зажигаются, и огонь поддерживается до тех пор, пока пиво не закипит одновременно в обоих рядах горшков. Для завершения варки пива требуется пять дней.

Султан Укулима очень любил помбе и, более того, жил в основном на нем. Он начинал с чаши своего любимого напитка и пил его с перерывами, пока не ложился на ночь в свою крошечную спальную хижину. Хотя днем он был в полуобморочном состоянии, здоровье его не страдало, это был прекрасный, крепкий, здоровый старик, достаточно приятный в общении и довольно забавный, когда его голова была ясной. Он очень любил розыгрыши и иногда развлекался тем, что выпрашивал немного хинина, хитро смешивал его с помбе, а затем наслаждался оцепенением, которое появлялось на лицах тех, кто принимал горький напиток.

Каждое утро он обходил разные дома, приурочивая свои визиты к окончанию варки. Он всегда выпивал первую чашу пива, а затем переходил в другой дом и пил еще помбе, который иногда всасывал через тростинку на манер хересного сапожника. (Мужчины и женщины редко пьют в компании; последние собираются вместе под председательством султаны, или главной жены, и пьют в компании.

Что касается еды, то регулярные приемы пищи, похоже, почти неизвестны среди мужчин, которые "заглядывают" в дома своих друзей, беря в одном месте маленькую картофелину, в другом - миску помбе, а в редких случаях - немного говядины. Капитан Грант говорит, что редко видел мужчин за трапезой, если только они не собирались для распития помбе. Женщины же, которые едят, как и пьют, в одиночку, более регулярны в еде, и в определенное время им готовят еду.

Зерно, из которого готовят помбе, выращивают женщины, которые берут на себя большую часть, хотя и не всю, работы по его приготовлению. Когда зерно зеленеет, они собирают его, срезая колосья ножом, как это делали египтяне в древности. Затем они несут колосья в корзинах в деревню, высыпают их на землю и раскладывают под лучами солнца, пока они не высохнут. Затем мужчины обмолачивают зерно с помощью диковинных грабель, похожих на ракетки, с рукоятками длиной восемь-девять футов.

После обмолота зерно убирается на хранение в разные места. Иногда из него делают миниатюрный кукурузный жернов, поставленный на ножки, как "стебли" в наших дворах. Иногда в землю втыкают шест, и кукуруза обвязывается вокруг него на некотором расстоянии от земли, так что получается подобие рыболовного поплавка гигантских размеров. Самый странный, но, пожалуй, самый безопасный способ упаковки зерна - связать его в пучок и подвесить к ветке дерева. Когда зерно нужно использовать, его толкут в деревянной ступке, как у племени овамбо, чтобы снять шелуху, и, наконец, размалывают

между двумя камнями. Сцена сбора урожая, иллюстрирующая эти различные операции, приведена на 397-й странице.

Ваньямуэзи - не очень суеверный народ, во всяком случае, они не такие рабы суеверий, как многие другие племена. Насколько известно, у них нет идолов, но тогда у них нет и религиозной системы, за исключением, пожалуй, страха перед злыми духами и веры в то, что эти духи могут быть изгнаны квалифицированными магами. Хороший рассказ об одном из таких изгнаний дает капитан Грант.

"Султан сидит у входа в свою хижину, украшенную львиными лапами.

"Его дочь, одержимая, находится напротив него, полностью закрытая капюшоном, и охраняется двумя женщинами ватуси, по одной с каждой стороны, которые держат обнаженное копье наперевес. Султана завершает круг. Помбе подбрасывают в воздух, чтобы он упал на всех. Затем приводят корову с плотно завязанным ртом, почти не дающим возможности дышать, и становится ясно, что бедная корова должна стать жертвой.

"Один копьеносец наносит животному два легких удара топором между рогами, за ним следует женщина со злым духом и второй копьеносец, которые также наносят корову удары. Теперь вперед выходит мужчина и тем же топором убивает корову ударом за рога. Кровь собирается в поднос (каффирский обычай) и кладется к ногам одержимой, после чего копьеносец наносит пятна крови на лоб женщины, на корень шеи, на ладони рук и на ступни ног. Он таким же образом пятнает остальных копьеносцев, после чего поднос берет другой человек, который пятнает султана, его родственников и домочадцев.

"Снова поднос подносят к ногам одержимой, и она мажет кровью своего маленького сына и племянников, которые становятся на колени, чтобы принять ее. Сестры и родственницы следуют за ней, чтобы получить помазание, и приятно видеть, как самые дорогие ей люди прибегают с поздравлениями и пожеланиями. Затем она поднимается со своего места, издавая нечто вроде скулящего крика, и идет к дому султана, впереди и за ней следуют копьеносцы. В течение дня она ходит по деревне, все еще в капюшоне, в сопровождении нескольких последователей, которые трясут тыквы с зерном и поют "Хай-хо, маса-а-но" или "масанга". Старуха назначается бороться с ней за палку метлы, которую она несет, и в конце концов палка остается у нее в руке.

"Поздним вечером происходит перемена; она появляется, как обычно, но с лицом, разрисованным тем же способом. Она сидит, не улыбаясь, чтобы принять подношения зерна, с бусами или браслетами, надетыми на прутья метлы, которую она держит вертикально; закончив, она проходит среди женщин, которые кричат: "Gnombe!" (корова) или какое-нибудь другое нелепое выражение, чтобы вызвать смех. На этом церемония в первый день заканчивается, но уже через два дня освобожденную женщину можно увидеть шествующей с метлой, увешанной бусами и кольцами, и снова выглядящей самой собой, полностью исцеленной. Побежденный дух был вынужден летать!"

Как и многие другие африканские племена, уизи полностью верят, что если человек болен, то причиной его болезни должно быть колдовство. Однажды, когда капитан Грант был в их стране, человек, который продавал ему рыбу, внезапно умер. Его жену сразу же обвинили в убийстве ядом (что считается разновидностью колдовства), судили, осудили и убили. Истинность приговора подтвердил тот факт, что гиены не тронули тело после смерти.

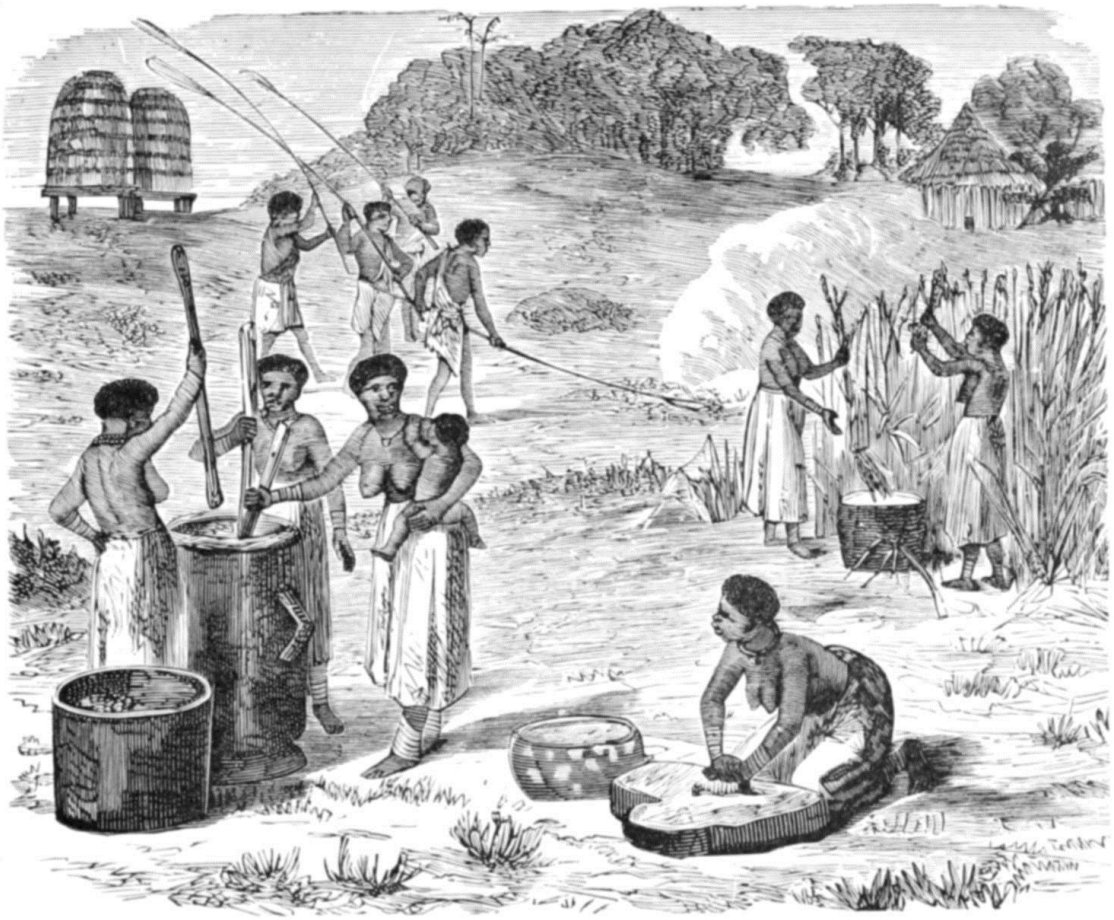
У них есть всевозможные странные суеверия, связанные с животными. Капитан Грант подстрелил антилопу, которая была для него совсем новой и поэтому являлась большим

призом. С невольной помощью своего помощника он донес ее до деревни, но там мужчина положил ее на землю, отказавшись заносить в стены, сославшись на то, что это опасное животное и его нельзя заносить в дома. Тогда султана Укалима попросили принести животное, но тот, обычно такой мягкий, сразу же пришел в ярость и не позволил принести в деревню даже кусок шкуры. Он сказал, что если съесть ее плоть, то отвалятся пальцы рук и ног, а если ее слюна коснется кожи, то возникнет язва. Поэтому кожу сбрасывали, и сохранялся только набросок. Похоже, что эти представления о "бавале", как называли эту антилопу, не распространялись очень далеко, потому что, когда тело все еще лежало за стенами, подошла группа из другого племени и с удовольствием приготовила его и съела на месте.

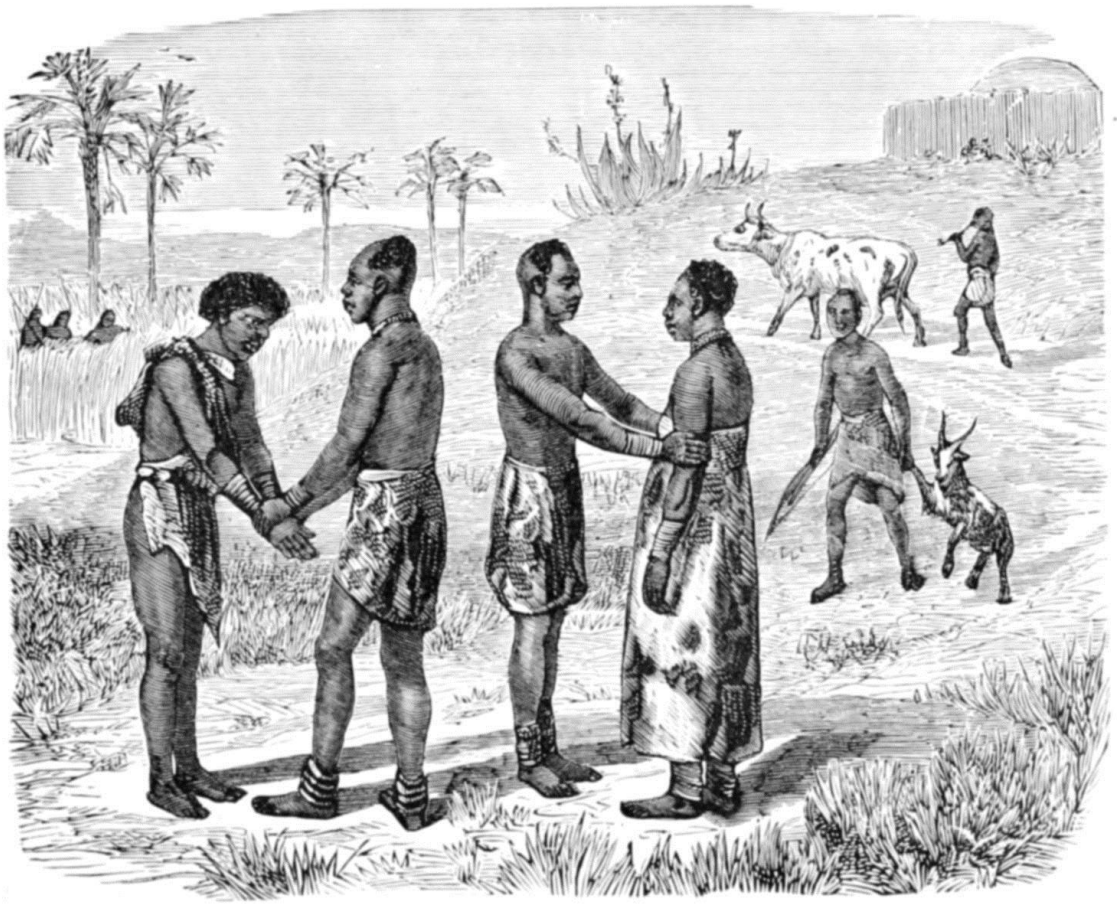
Все львы и рыси являются собственностью султана. Никто не может носить львиную шкуру, кроме него самого, и он украшает свое жилище лапами и другими трофеями. Этого можно ожидать, ведь львиная шкура считается эмблемой королевской власти и в других странах, помимо Африки. Но есть любопытное суеверие, связанное со львом, которое запрещает кому-либо ходить вокруг его тела или даже шкуры. Однажды, когда убили льва и принесли его тело в деревню, капитан Грант измерил его и тут же подвергся нападкам со стороны главного жреца за то, что нарушил закон, обойдя вокруг животного во время измерения. В качестве причины он указал, что на львов наложено заклятие, которое не позволяет им заходить в деревни, и то, что он обошел животное, нарушает заклятие. Однако он сказал, что если заплатить ему четыре ткани, то заклинание восстановится, и тогда он ничего не скажет султану. Капитан Грант очень ловко выкрутился, заявив, что заклинание было снято не хождением вокруг тела, а перешагиванием через него, чего он тщательно избегал. После того как над мертвым телом льва были проведены различные странные церемонии, плоть, которая к тому времени уже наполовину сгнила, варится султаном лично, жир снимается и сохраняется как ценное лекарство, а шкура одевается для царской одежды.

У Ваньямуэзи есть способ "создания братства", похожий на уже описанный, только вместо того, чтобы пить кровь друг друга, новоиспеченные братья смешивают ее с маслом на листе и обмениваются листьями. Затем масло втирают в порезы, чтобы оно действовало как заживляющая мазь одновременно с обменом кровью. В завершение церемонии листья разрывают на кусочки и осыпают ими головы братьев.

Путешественники оказались в стране как раз вовремя, чтобы увидеть любопытную траурную церемонию. В "тембе" вождя поднялась огромная суматоха, и при расспросах выяснилось, что у одной из его жен родились близнецы, но оба они умерли. Все женщины, принадлежащие к его семье, прошли процессией, раскрашенные и украшенные весьма гротескным образом, пели и танцевали, странно жестикулируя руками и ногами, и выглядели, действительно, так, как будто они предавались помбе, а не страдали от горя. Так продолжалось весь день, а вечером они собрали большой пучок камыша, завязали его в тряпку и понесли к двери материнской хижины, как если бы это было мертвое тело человека. Затем они положили его на землю, воткнули в землю по несколько пучков камыша с каждой стороны двери, встали на колени и начали долгий пронзительный вой, который продолжался несколько часов подряд.



(1.) СЦЕНА СБОРА УРОЖАЯ.
(См. стр. 395.)



(2.) ПРИВЕТСТВИЕ.
(См. стр. 409.)

ГЛАВА XXXVIII.
КАРАГУЕ.

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ КАРАГУЭ - ОТДЕЛЬНЫЕ КЛАССЫ ЖИТЕЛЕЙ - ИХ ОБЩИЙ ХАРАКТЕР - СПОСОБ ПРИВЕТСТВИЯ - ПРАВЯЩАЯ КАСТА, ИЛИ ВАХУМА, И КОРОЛЕВСКАЯ КАСТА, ЗАКОН ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ - СУЛТАН РУМАНИКА И ЕГО СЕМЬЯ - ВИНО ИЗ ПОДОРОЖНИКА - КАК РУМАНИКА ПОЛУЧИЛ ТРОН - ПОХОРОНЫ ЕГО ОТЦА - ЦЕРЕМОНИИ НОВОЛУНИЯ - ДВА КОРОЛЕВСКИХ ПРОРОКА - ВОЛШЕБНЫЕ РОГА - БРАК - ЛЕГКИЙ УДЕЛ ЖЕНЩИН ВАХУМА - ОТКОРМ ЖЕН - СТРАННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОЖИРЕНИЯ - ОДЕЖДА ЖЕНЩИН - МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ - ЛИЧНЫЙ ОРКЕСТР РУМАНИКИ - ПОХОРОННЫЕ ОБЫЧАИ.

Миновав ряд племен большей или меньшей значимости, мы попадаем в страну под названием Карагуа (произносится как Ка-ра-го-эх), которая занимает район около 3° южной широты и 31° восточной долготы. 31° в.д. Население этого района делится на два различных класса, а именно: царствующая раса, или вахума, и крестьянство, или ваньямбо. Последние были исконными жителями этих земель, но были вытеснены вахума, которые превратили их в рабов и пахарей земли. Среди вахума есть еще одно различие, а именно, королевская каста, или мохинда.

Что касается Ваньямбо, то, несмотря на то, что они низведены до состояния крестьян и сравниваются с райотами Индии, они, похоже, сохраняют самоуважение и имеют своеобразное правительство между собой, страна разделена на районы, каждый из которых имеет своего губернатора. Этих людей называют вакунго, их отличает своеобразная униформа, состоящая из простыни бязи или алого одеяла в дополнение к обычной одежде.

Это возбудимый и довольно ссорящийся народ, который вполне способен взять верх даже над уизи, с которыми они иногда ссорятся. Они не носят оружие постоянно, как вагого и уизи, довольствуясь палкой длиной около пяти футов, с набалдашником на конце, без которой их редко можно увидеть, и которая используется не только как оружие, но и для приветствия друга.

Чтобы поприветствовать другого, они протягивают палку другу, который касается рукой ее набалдашника и повторяет несколько слов приветствия. Несмотря на то, что они не носят оружия, они очень хорошо вооружены: их луки очень мощные и упругие, более шести футов в длину, и стрела с наконечником пролетает на большое расстояние. Копья также используются, но привычным оружием является лук. Лук, принадлежавший М'нанаги, брату Руманики, тогдашнего главного вождя или "султана" Карагу, был прекрасным образцом туземного мастерства. Его длина составляла шесть футов три дюйма, *то есть* как раз по росту владельца, и он был сделан так тщательно, что в нем не было ни одного изгиба, который мог бы оскорбить глаз. Тетива была скручена из коровьих сухожилий, и хозяин мог пустить стрелу на двести ярдов. Дерево, из которого она была сделана, очень напоминало наш ясень.

Ваньямбо были очень вежливы с капитаном Грантом, заботились о нем и советовали ему беречь здоровье, тем самым практически опровергая тревожные истории об их вероломстве и свирепости, о которых ему рассказывали, когда он решил пройти через их страну. Ваньямбо обязаны бесплатно снабжать путешественников провизией, но, хотя они и подчиняются букве закона, вместо оплаты всегда ожидают подарка в виде латунной проволоки. Они стройного телосложения, очень смуглые и обильно смазывают себя жиром. Однако они не обладают таким дурным запахом, как другие племена , использующие жир, поскольку, намазавшись, они зажигают костер из ароматического дерева и встают с подветренной стороны от него, чтобы ароматный дым проходил над ними.

Вахума имеют гораздо более светлый цвет лица, а королевская каста, или мохинда, отличается бронзовым цветом кожи, хорошо очерченными чертами лица и диковинными длинными головами. Представители этой касты также отличаются шрамами под глазами, а их зубы не подпилены и не сколоты. Существует довольно любопытный закон о престолонаследии. Как и у нас, старший сын короля является признанным наследником, но при этом он должен был родиться в то время, когда его отец был королем. Поэтому иногда наследником престола становится младший из семьи братьев, а его старшие братья, родившиеся до того, как их отец стал королем, не имеют права на корону.

По мнению капитана Спека, вахума, галласы и абиссинцы - это разные ветви одного и того же народа, который воевал, был побежден, отступил и таким образом пробирался на запад и на юг, пока не обосновался в стране, которую в то время населяли ваньямбо. Тем не менее, хотя он считает, что они происходят из Абиссинии и распространились по всей стране, о которой мы сейчас говорим, он упоминает, что они всегда приспосабливались к нравам и обычаям туземцев, которых они вытеснили, и что у галласов или вахума из Карагуа обычаи отличаются от вахума из Уньоро.

Королем или султаном Карагу в то время, когда наши путешественники проезжали через эту страну, был Руманика. Он был самым красивым и умным правителем, которого они встречали в Африке, и в его внешности не было ничего африканского, кроме коротких и шерстяных волос. Его рост составлял шесть футов два дюйма, а выражение лица было необычайно мягким и открытым. На нем был халат из шкуры антилопы, а другой - из коры, так что он был полностью покрыт. Он никогда не носил головного убора, но имел обычные металлические нарукавники и браслеты, а в руке всегда держал длинный посох. Его четверо сыновей, похоже, были достойны своего отца. Старший и младший, похоже, были особенно благоприятными образцами своей расы. Старшему, по имени Чундера, было двадцать пять лет, и он был очень красив, так что, если бы не шерстяные волосы и толстые губы, его можно было бы принять за сепая. "Он производил впечатление щеголя, был более аккуратен в своих чехлах из львиной шкуры и украшениях, чем другие братья. Он вел разгульную жизнь, всегда был готов возглавить военную партию, председательствовать на танцах или там, где есть вино и женщины.

"От хохолка шерсти, оставленного небритым на макушке головы, до пояса он был голым, если не считать украшений вокруг мышц рук и шеи в виде зачарованных рогов, полосок шкуры выдры, раковин и полос дерева. Кожаный покров, который у карагуа имеет своеобразную форму, сзади достигает ниже колена, а спереди обрезается. От икры до лодыжки была масса железной проволоки, и, переходя от соседа к соседу, он всегда, как и все карагу, носил в руке пятифутовый посох с набалдашником на конце. Он постоянно приходил спрашивать обо мне, принося в руке цветы, так как знал мою любовь к ним, а по вечерам брал Фриджа, моего старосту, во дворец вместе с его "зезе", или гитарой, чтобы тот развлекал своих сестер занзибарской музыкой. В свою очередь, сестры, братья и последователи пели музыку Карагу, а рано утром мастер Фридж и Чундера возвращались веселые в свои хижины за дворцовым забором. Это свидетельствует о добрых чувствах, существовавших между нами и семьей султана; и, хотя этот молодой принц оказывал мне много знаков внимания, он ни разу не попросил у меня подарка".

Второй сын, рожденный от другой матери, был не столь приятен. Его нрав был неплох, но он был глуп, медлителен и ничем не красив. Самый младший из четверых, по имени Кукоко, похоже, стал всеобщим любимцем и явно был любимцем своего отца, который никуда без него не выходил. Он был настолько мягким и приятным, что путешественники подарили ему пару белых лайковых перчаток и, после долгих попыток надеть их на непривычные пальцы, были немало позабавлены тем, с каким достоинством молодой человек удалился.

Вопреки обычаям африканцев, Руманика отличался необычайной воздержанностью: он почти полностью жил на молоке и лишь сосал сок вареной говядины, не употребляя самого мяса. Он почти никогда не притрагивался к вину или пиву из подорожника, которые так широко используются по всей стране, и никогда не был в состоянии опьянения. Это вино или пиво делается очень изобретательным способом. Большое деревянное бревно выдолблено так, чтобы получилась кадка, причем важно, чтобы она была значительных размеров. Один ее конец поднимается на подставку, а по центру устанавливается своеобразный барьер или плотина из сушеной травы. Спелый подорожник кладут в верхнюю часть бадьи и разминают ногами и руками, пока он не превратится в кашицу. Сок стекает в наклонную ванну, процеживаясь через травяной барьер. Когда отжато достаточное количество сока, его процеживают несколько раз вперед-назад, а затем переливают в чистую кадку для брожения. Затем в сок бросают немного жженого сорго, чтобы помочь брожению, а ванну накрывают и ставят под солнечные лучи или греют у костра. В течение трех дней процесс варки должен быть завершен, и пиво или вино разливается в калабаши.

Количество этого вина, выпиваемого туземцами, поистине удивительно: каждый носит с собой полный калабаш, и даже маленькие крестьянские дети пьют его свободно. Его никогда не разливают в бутылки для хранения, и вообще оно пользуется таким спросом, что едва ли можно найти полный калабаш в течение двух-трех дней после окончания варки. Эта неумеренная любовь к вину из подорожника делает воздержание Руманики еще более удивительным.

Но Руманика был действительно удивительным человеком в своем роде, он был не только королем, но и священником и пророком. Само его возведение на трон, по рассказам его самого и его друзей, было полностью обусловлено сверхъестественной помощью. Когда его отец, Дагара, умер, он и два брата претендовали на трон. Чтобы уладить их притязания, перед ними положили маленький волшебный барабан, и тот, кто сможет его поднять, должен был получить корону. Барабан был очень маленьким и почти не весил, но на него были наложены сильнодействующие чары. В результате, хотя его братья приложили все свои силы, они не смогли сдвинуть барабан с места, в то время как Руманика легко поднял его своим мизинцем. Впоследствии он носил этот барабан с собой в торжественных случаях, размахивая им, чтобы показать, как легко законный государь может им управлять. Не удовлетворившись таким испытанием, один из вождей настоял на том, чтобы Руманика прошел еще одно испытание. Его привели в священное место, где он должен был сесть на землю и ожидать результата заклинания. Если он действительно был назначенным королем, то часть земли, на которой он сидел, поднималась в воздух, пока не достигала неба; если же он был не тем человеком, то она рушилась и разбивала его на куски. Согласно всем рассказам, в том числе и его собственным, Руманика занял свое место, был поднят в небо и признал свою легитимность.

В целом его семья, похоже, была отмечена сверхъестественными качествами. Когда его отец, Дагара, умер, его тело зашили в коровью шкуру, положили в каноэ и пустили по озеру, где дали ему разложиться. Затем из каноэ достали трех личинок и отдали их Руманике, но как только они попали в его дом, одна из них превратилась во льва, другая - в леопарда, а третья - в палку. Затем тело положили на вершину холма, построили над ним хижину, поместили в нее пять девушек и пятьдесят коров, завалили дверь и стали следить, так что обитатели постепенно умерли от голода. Лев, вышедший из трупа, считался эмблемой особого характера страны Карагу, которую, как предполагается, охраняют львы от нападения других племен. Говорили, что всякий раз, когда Дагара слышал, что враг идет в его страну, он созывал львов, посылал их против наступающих и таким образом побеждал их.

В образе верховного жреца Руманика был очень внушителен, особенно во время новолуния, которое происходило каждый месяц, чтобы убедиться в верности своих подданных. Вечером в новолуние он облачается в свое жреческое одеяние - множество перьев, наброшенных на лоб и скрепленных своеобразным ремешком из бусин. Огромная белая борода покрывает его подбородок и спускается до груди, а к лицу прикреплен пояс из бусин. Подготовившись таким образом, он садится за ширму и ждет начала церемонии.

Это очень любопытная церемония. Тридцать или сорок длинных барабанов выстроены на земле, как батарея из множества мортир; на их головах нарисован белый крест. За ними стоят барабанщики, каждый с палочками, а впереди - их предводитель, у которого на шее прикреплена пара маленьких барабанов. Вождь поднимает сначала правую, а затем левую руку, и исполнители с точностью подражают ему. Затем он опускает обе палочки на барабаны с быстрыми ударами, которые становятся все громче и громче, пока шум не становится просто невыносимым. Это продолжается с интервалами в течение нескольких часов, перемежаясь выступлениями на меньших барабанах и других музыкальных

инструментах. Затем различные вожди и офицеры последовательно выходят вперед, прыгая и жестикулируя, выкрикивая слова преданности своему государю и призывая его отомстить им, если они когда-либо нарушат свою верность. Закончив приветствие, они последовательно опускаются на колени перед королем, протягивают свои палки с набалдашниками, чтобы он мог до них дотронуться, а затем удаляются, чтобы освободить место для своих преемников в церемонии. Чтобы придать дополнительную силу всей процедуре, рог набивают волшебным порошком и ставят в центр, а его отверстие направляют в сторону той стороны, откуда следует опасаться опасности.

Младший брат Руманики, по имени М'нанаги, был еще большим пророком и прорицателем, чем его царственный брат, и пользовался большим уважением у вахума благодаря своим сверхъестественным способностям. У него был священный камень на холме, и его можно было видеть ежедневно идущим к этому месту для гадания. У него также было несколько слоновьих бивней, которые он набивал волшебным порошком и помещал в загон, чтобы совершать своеобразные религиозные обряды.

М'нанаги был высоким и статным человеком, искушенным в знании растений и, странно сказать, готовым поделиться своими знаниями. В знак своего священнического сана он носил множество амулетов. Один амулет был прикреплен к его бритому затылку, другие висели на шее и руках, третьи были привязаны к коленям, и даже конец его трости содержал амулет. Его всегда сопровождал паж, маленький толстый мальчик, который носил с собой мухобойку и трубку своего хозяина, причем последняя была немалой длины и с чашей огромного размера. Он полностью верил в силу своих волшебных рогов и обращался к ним почти по любому поводу. Если кто-то заболевал, он спрашивал его мнение о характере недуга и лучшем средстве от него. Если ему было интересно узнать о друге, находящемся на расстоянии, волшебные рога давали ему весть об отсутствующем. Если на страну собирались напасть, рога предупреждали его об этом, а при правильном обращении к ним либо предотвращали угрозу нападения, либо давали победу над врагами.

Народ свято верит в силу своих чар и считает, что они не только вселяют мужество, но и делают человека неуязвимым. Главный маг Руманики, К'енго, рассказал капитану Спейку, что племена ватута шесть месяцев держали его деревню в плену, а когда весь скот и провизия были съедены, они взяли деревню и убили всех жителей, кроме него самого. Его они не смогли убить из-за силы его чар, и, хотя они били его копьями, когда он лежал на земле, они не смогли даже ранить его.

Вахума верят в постоянное присутствие ушедших душ и в то, что они могут оказывать доброе или злое влияние на тех, кого они знали при жизни. Поэтому, если случается так, что поле поражено болезнью или урожай не выглядит благоприятным, на дороге кладут тыкву. Все пассажиры, увидевшие тыкву, понимают ее значение и с воплем обращаются к духам с просьбой дать хороший урожай оставшимся в живых друзьям. Чтобы умилостивить дух своего отца Дагары, Руманика ежегодно приносил в жертву корову на его могиле, а также имел обыкновение класть возле могилы кукурузу и пиво в качестве подношения духу отца.

У карагу брак - это не более чем разновидность бартера: отец получает за дочь коров, овец, рабов и другое имущество. Но сделка не является окончательной, ведь если невеста не одобряет своего мужа, она может вернуть брачные дары и вернуться к отцу. Церемоний в их браках немного, главная из них, кажется, состоит в том, что невесту завязывают в черную кожу и несут в шумной процессии к ее мужу.

Женщины вахума ведут легкую жизнь по сравнению с южноафриканскими женщинами, и, похоже, их главной целью в жизни является достижение полноты. Либо женщины вахума

имеют особую конституцию, либо пища, которую они едят, исключительно питательна, потому что они достигают размеров, которые почти невероятны. Например, у Руманики, хотя он сам был маленьким и хорошо сложенным мужчиной, было пять жен огромной толщины. Три из них не могли войти в дверь обычной хижины или передвигаться без поддержки с обеих сторон. Их кормят вареным подорожником и молоком, причем последнего они потребляют в огромных количествах и едят его целыми днями. В действительности их откармливают так же систематически, как индюков, и "запихивают" с таким же пренебрежением к их чувствам.

Капитан Спик с юмором рассказывает о своей беседе с одной из знатных женщин, а также об измерениях, которые она разрешила ему сделать: "После долгой и забавной беседы с одной из женщин, которая была на острове, он сказал.

"После долгой и забавной беседы с Руманикой утром я обратился к одной из его невесток, вышедшей замуж за старшего брата, который родился до вступления Дагары на престол. Она была еще одной из жертв ожирения, не способной стоять иначе как на четвереньках. Мне захотелось хорошенько рассмотреть ее, а точнее, измерить, и я уговорил ее дать мне возможность сделать это, предложив взамен показать ей немного своих обнаженных ног и рук. Приманка сработала, как я и хотел, и, заставив ее протиснуться в середину хижины, я сделал то, что обещал, а затем измерил ее размеры, как было отмечено.

"Круглые руки - один фут одиннадцать дюймов. Грудь - четыре фута четыре дюйма. Бедро - два фута семь дюймов. Икры, один фут восемь дюймов. Рост - пять футов восемь дюймов. Все эти данные точны, кроме роста, и я полагаю, что мог бы получить их более точно, если бы имел возможность уложить ее на пол. Но, зная, с какими трудностями мне придется столкнуться в таком инженерном деле, я попытался получить ее высоту, подняв ее вверх. Это, после бесконечных усилий нас обоих, удалось, когда она снова упала в обморок, так как кровь прилила к ее голове.

"Тем временем дочь, девица лет шестнадцати, сидела перед нами голая и сосала молоко из горшка, над которым отец заставлял ее работать, держа в руке прут, ибо, поскольку откорм - первая обязанность модной женской жизни, в случае необходимости он должен быть должным образом подкреплен прутом. Я немного пофлиртовал с мисси и побудил ее подняться и пожать мне руку. Черты ее лица были прекрасны, но тело - круглое, как шар".

В одной из частей страны женщины обратили свою тучность на пользу. При обмене еды на бусы обычная сделка заключалась в том, что за определенное количество еды нужно было заплатить поясом из бус, который надевался на талию. Но женщины Карагу в среднем были в два раза крупнее в талии, чем жительницы других районов, и естественным следствием этого стало то, что еда практически подорожала на сто процентов.

ЧАСТНАЯ ГРУППА РУМАНИКИ.
(См. стр. 405.)

Несмотря на чрезмерную тучность, их черты сохраняют красоту: лицо овальное, а глаза отличаются особой тонкостью и умом. Женщины высшего класса очень скромны, они носят не только петит из коровьей кожи, но и большую обертку из черной ткани, которой они закрывают все свое тело, позволяя видеть только один глаз. Однако до брачного возраста ни один из полов не носит никакой одежды, и мальчики, и девочки подходят к путешественнику и заговаривают с ним, так же не осознавая своей наготы, как и их первые родители. До замужества они позволяют волосам расти, а затем сбривают их, иногда полностью, а иногда

частично. У них есть странная привычка делать шапочки из тростника, которые они покрывают снаружи шерстяными волосами, сбритыми с их собственных голов.

Уже упоминалось о различных музыкальных инструментах, используемых в Карагу. Наиболее важными являются барабаны, которые различаются по размеру так же, как и в Англии. Тот, что соответствует нашему боковому барабану, имеет около четырех футов в длину и один в ширину и покрыт с широкого конца ихневмоновой кожей. Этот инструмент перекинут через плечо, и на нем играют пальцами, как на индейском "том-томе". Большие барабаны, используемые на новолунии, имеют схожую конструкцию, но гораздо больше. В военный барабан бьют женщины, и при его звуке мужчины бросаются к оружию и расходятся по кварталам.

В Карагу также используется несколько струнных инструментов. Главный из них - нанга, разновидность гитары, которую, по словам капитана Гранта, можно назвать национальным инструментом. Существует несколько разновидностей нанги. "В одной из них, на которой играла старуха, шесть из семи нот были идеальной гаммой, а седьмая была единственной неисправной струной. В другой, на которой играл мужчина, три струны составляли полный гармоничный аккорд. Эти факты свидетельствуют о том, что народ способен к культивированию. Нанга была сделана из тяжелого темного дерева, в форме подноса, размером двадцать два на девять дюймов или тридцать на восемь, с тремя крестами в нижней части, и зашнурована одной струной семь или восемь раз через мостики на обоих концах. Иногда к спине привязывали тыкву или деку.

"Принц М'нанаги по моей просьбе прислал лучшего игрока, которого он знал. Тот смело вошел без представления, одетый в обычный костюм Ваньямбо, и выглядел диким, возбужденным существом. Уперев копье в крышу хижины, он достал из-под руки нангу и начал. Сидя на циновке с откинутой головой, он пел что-то о том, что его послали ко мне, и о любимой собаке Киромбе. Дикая, но нежная музыка и слова привлекли толпу поклонников, которые потом несколько дней распевали собачью песню, так как нам ее несколько раз исполняли на бис.

"Другим игроком была старая женщина, называвшая себя Килиамьягга. Когда она играла, стоя передо мной, все, что она могла произнести, это "ш! ш!", завинчивая рот, перекатывая тело и поднимая ноги от земли. Это было жалкое представление, и его не стали повторять".

Есть еще один струнный инструмент под названием "дзезе". Он отличается от нанги тем, что имеет только одну струну, и, как и нанга, используется для сопровождения голоса при пении. Их духовые инструменты можно назвать флажолетом и горном. Первый имеет шесть отверстий для пальцев; когда люди идут с грузом на голове, они играют на флажолете, чтобы облегчить себе путь, и действительно умудряются издавать на нем приятные и музыкальные звуки. Так называемый "горн" сделан из нескольких кусков тыквы, вставляющихся друг в друга по принципу телескопа, и покрыт коровьей шкурой. На багле можно играть ноты обычного аккорда, а большой палец служит ключом. Его длина составляет около одного фута.

У руманики был специальный военный оркестр, состоявший из шестнадцати человек, четырнадцать из которых держали горн, а двое других - ручные барабаны. Они выстроились в три шеренги, барабанщики находились сзади, и играли на марше, раскачивая свои тела в такт музыке, а лидер продвигался вперед с любопытным активным шагом, при котором он поочередно касался земли каждым коленом. Иллюстрация напротив даст читателю хорошее представление о частном оркестре Руманики.

Свод законов Карагу в одних случаях довольно суров, а в других - до странности мягок. Например, воровство карается колодками, в которых преступника иногда держат много месяцев. Нападение с палкой влечет за собой штраф в десять козлов, а если с применением смертоносного оружия, то все имущество конфискуется, причем одна половина достается пострадавшему, а другая - султану. В случае реального убийства виновный казнится, а все его имущество переходит к родственникам убитого. Самый любопытный закон - закон против прелюбодеяния. Если преступницей является обычная жена, то достаточным наказанием считается потеря уха; если же она рабыня или дочь султана, то обе стороны подлежат смертной казни.

Когда житель Карагу умирает, его телом распоряжаются в соответствии с его рангом. Если он был крестьянином или Ваньямбо, тело погружают в воду; если же он принадлежал к высшей касте или Вахума, труп хоронят на одном из островов озера; все такие острова считаются священной землей. Рядом с местом, где умер один из вахума, отношения ставят символический знак, состоящий из двух палок, привязанных к камню и положенных поперек тропинки. Этот символ сообщает пассажиру, что путь в настоящее время является священным, и поэтому он сворачивает в сторону и делает *дэтур*, прежде чем продолжить путь. О необычных похоронах султана уже говорилось.

ВАЗАРАМО И ВАСАГАРА.

Прежде чем перейти к другим африканским странам, следует уделить несколько строк двум другим племенам, а именно вазарамо и васагара. Страна, в которой живут первые, называется Узарамо и расположена сразу к югу от Занзибара, это первый район, через который проезжали капитаны Спейк и Грант. Она покрыта деревнями, дома в которых частично конические по обычной африканской моде, а частично двускатные, в соответствии с архитектурой побережья; последняя форма, вероятно, обусловлена многочисленными торговцами, приезжавшими из разных частей света. Стены домов - "wattle and daub", *т.е.* плетень, оштукатуренный глиной, а крыши - соломенные из травы или тростника. В этих деревнях есть старосты, называемые фанзами, которые обычно называют себя подданными Саида Маджида, султана Занзибара. Но как только караван проходит через их страну, каждый староста считает себя султаном в своем праве и взимает с путешественников пошлину. Они никогда не позволяют чужакам заходить в свои деревни, отличаясь в этом отношении от других племен, которые используют свои города как ловушки, в которые заманивают неосторожного путника и из которых он не может выбраться без тяжелых кошельков.

Люди, хотя и невысокого роста и плотного телосложения, хорошо выглядят и очень любят одеваться, хотя их костюм весьма ограничен и состоит только из ткани, повязанной вокруг талии. Они очень любят украшения, такие как ракушки, кусочки олова и бусины, и натирают свои тела красной глиной и маслом, пока они не выглядят так, словно их отлили из меди. Их волосы покрыты шерстью и скручены в многочисленные хохолки, каждый из которых удлинен волокнами коры. Мужчины очень заботятся о женщинах, причесывают их или провожают к воде, чтобы не причинить им вреда.

Мудрый путешественник проходит через Узарамо так быстро, как только может: туземцы никогда не предоставляют проводников и не оказывают ни малейшей помощи, но всегда готовы наброситься на него, если он окажется слабым, и ограбить его открытым насилием,

вместо того чтобы использовать более утонченную систему "хонго". Они кажутся буйной расой, но ими можно управлять, сочетая мягкость и решительность. Даже когда они выводили своих воинов в боевом строю и угрожающе требовали от хонго больше, чем следовало, капитан Спейк обнаружил, что мягкие слова всегда заставляли их отступить и оставить дело на мирное рассмотрение. В случае столкновения они оказываются довольно грозными противниками: они хорошо вооружены копьями, луками и стрелами, причем последние отравлены, а их оружие всегда содержится в той же чистоте и опрятности, что и его владельцы.

Некоторые из этих фанзов доставляют путешественникам немало хлопот, почти всегда требуют больше, чем рассчитывают получить, и обычно используют угрозы как простейший способ вымогательства. Один из них, по имени Хомбе-ла-Симба, или Коготь Льва, доставлял немало хлопот, презрительно отсылая назад преподнесенный ему подарок и угрожая жесточайшей местью в случае невыполнения его требований. В пяти милях дальше вглубь острова другой фанзе, по имени Мукиа да Ньяни, или Обезьяний хвост, потребовал еще один хонго; но поскольку при таком раскладе запасы экспедиции были бы скоро исчерпаны, капитан Спик резко пресек эти поборы, предоставив вождям выбор: взять то, что он решил им дать, или сражаться за это; а поскольку он позаботился продемонстрировать свое вооружение и меткость своих людей, они решили, что лучше подчиниться, чем сражаться и ничего не получить.

Из-за быстроты, с которой путешественники проходили через эту негостеприимную землю, и необходимости по возможности избегать туземцев, об их нравах и обычаях удалось узнать очень мало. Вазарамо собирались вокруг каравана для обмена и осмотра чужаков, но обычную жизнь они проводили в своих деревнях, куда, как уже говорилось, путешественники никогда не заходили. Об их религии ничего не известно, хотя не исключено, что многочисленные магометане, проходящие через их земли, могли привнести некоторые следы своей собственной религии, как это происходит в Лонде, где религия представляет собой странную смесь идолопоклоннических, магометанских и христианских обрядов, смысл которых изобретательно исключен. На самом деле они не хотят знать смысл обрядов, оставляя это жрецам, и вполне довольны, пока знахарь выполняет свою роль. О том, что вазарамо в той или иной степени подвержены суевериям, свидетельствует тот факт, что они возводят маленькие модели хижин в качестве храмов для Духа дождя. Такая хижина или храм называется М'ганга. Они также кладут на могилы сломанные предметы, иногда вырезают грубые деревянные куклы и закрепляют их в земле в конце могилы; но, насколько известно, у них нет отдельного места для погребения.

ПЛЕМЯ ВАСАГАРА.

Второе из этих племен, васагара, населяет большой участок страны, протяженностью в сто миль, и состоит из множества низших племен или подплемен. Как и другие африканские народы, которые в свое время были, очевидно, великими и могущественными, васагара стали слабыми и сравнительно незначительными, хотя по-прежнему многочисленными. Будучи сильно преследуемыми вооруженными отрядами с побережья, которые нападают на них и уводят в рабство, а также похищают то имущество, которое у них есть, васагара в основном ушли в высокие конические горы, которые являются столь заметными объектами в

их стране, и там находятся в полной безопасности. Но поскольку они вынуждены жить в таких ограниченных районах, они мало что могут делать в сельском хозяйстве и боятся спускаться на ровную землю, чтобы принять участие в системе торговли, которая так сильно развита в этой стране. Их деревни в основном построены на отрогах холмов, и они по мере сил возделывают плодородные земли, которые лежат между ними. Но постоянные вторжения враждебных племен, а также работорговцев не позволяют жителям обрабатывать больше земли, чем может удовлетворить их потребности.

Они настолько подавлены, что как только караван замечен часовым, дается сигнал, и все население стекается на вершину холма, где разбегается и прячется так, что ни одна рабовладельческая партия не станет тратить время, пытаясь их поймать. О сопротивлении даже не думают, и вряд ли удастся заставить васагару спуститься с холмов, пока не пройдет караван. Следовательно, вряд ли можно получить васагару в качестве проводника по его стране. Однако если путешественнику все же удается это сделать, он обнаруживает, что этот человек заслуживает доверия, он живой, активный и в целом забавный компаньон. Эти люди, по-видимому, хорошие охотники, проявляющие большое мастерство в обнаружении и выслеживании дичи. Из-за неустроенности своей жизни васагара почти не одеваются: обычным костюмом является небольшая полоска ткани вокруг талии.

ГЛАВА XXXIX.
ВАТУСИ И ВАГАНДА.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПЛЕМЕНИ ВАТУСИ - МАНЕРА ОДЕВАТЬСЯ - ЖЕНЩИНА ВАТУСИ - ИХ ЗНАЧЕНИЕ КАК ПАСТУХОВ - ПРИВЕТСТВИЕ - ТАНЦЫ ВАТУСИ - ВАГАНДА - ДОРОЖНАЯ СИСТЕМА УГАНДЫ - КОДЕКС ЭТИКЕТА - ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ К ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ - ЖЕСТОКОСТЬ - ЖЕНА-ХЛЫСТ - АФРИКАНСКАЯ СИНЯЯ БОРОДА - ЖИЗНЬ ВО ДВОРЦЕ - СМОТР ВОЙСК - ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЛЕМЕНИ ВАГАНДА - КИМЕРА, И ЕГО ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ - СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ - ЗАКОН ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ - М'ТЕСА, НЫНЕШНИЙ КОРОЛЬ, И ЕГО ДВОР - КОРОЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ - ОБЩАЯ АРХИТЕКТУРА ВАГАНДА - ПРИЕМ ГОСТЕЙ - КОРОЛЕВСКАЯ ПРОГУЛКА - СОВЕТ - СУЕВЕРИЯ - ВОДНЫЙ ДУХ И ЕГО ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ - РЕЛИГИЯ ВАГАНДА - ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ - РАБОТОРГОВЛЯ - ЗАХОРОНЕНИЯ ВАГАНДА.

Есть одно племя, которое, хотя и малочисленно, обладает достаточной индивидуальностью, чтобы заслужить краткое упоминание. Ватуси - это раса скотоводов, живущих по обе стороны экватора, и, по словам капитана Гранта, по внешнему виду они напоминают сомалийцев. Они обычно служат в домах богатых людей и почти полностью посвящают себя уходу за скотом. У них обильные и шерстяные волосы, а мужчины бреют бороду, за исключением участка в форме полумесяца. У них есть странная манера окрашивать свои десны в черный цвет, используя для этого смесь из семян тамаринда, прокаленных и растертых в порошок, а затем смешанных с солью меди. При ходьбе мужчины носят с собой оружие и редко появляются без лука и стрел, палки длиной пять футов с набалдашником на одном конце и трубки.

Когда они встречают друга, то протягивают ему палку с набалдашником; он прикасается к ней, и требования этикета считаются выполненными. Эта палка с набалдашником является довольно распространенным явлением среди племен, о которых мы недавно упоминали, и

кажется, что человек совершенно несчастен, если у него в руках нет одного из этих любопытных орудий. Они любят украшения и носят множество колец на запястьях и лодыжках, причем последние, как правило, из железа, а первые - из латуни.

Они прекрасно выглядят, причем женщины в этом отношении не уступают мужчинам - явление, редко встречающееся в этой части света. Они высокие, прямые и хорошо сложенные, и, как правило, прилично одеты в выделанные коровьи шкуры. Об общем облике женщин ватуси можно судить по описанию капитана Гранта.

"Однажды утром, к моему удивлению, в диких джунглях мы наткнулись на скот, затем на "бома" или кольцевую изгородь, скрытую красивыми большими деревьями, вполне подходящую для цыганского лагеря. У входа меня встретили двое крепких парней и пригласили подойти. Я смешался с людьми, взял у них воды, и меня спросили: "Не желаю ли я молока?". Это показалось мне более цивилизованным, чем я ожидал от африканцев, и я последовал за мужчинами, которые привели меня к прекрасному существу, похожему на женщину ватуси, одиноко сидевшему под деревом.

"Она приняла меня без всякого выражения удивления, в самой достойной манере, и, поговорив с мужчинами, поднялась, улыбаясь, проявляя большую мягкость в своих манерах, и повела меня в свою хижину. У меня было время внимательно рассмотреть интересную незнакомку: на ней был обычный костюм ватуси, состоящий из вывернутой коровьей шкуры, завязанной в бахрому иглой, окрашенной в коричневый цвет, и обернутой вокруг тела от груди до лодыжек. Лацканы с разноцветными полосками, похожими на зебровые, она носила в виде "оборочки" вокруг талии, и, если не считать украшений на одной руке в виде отполированной катушки из толстой латунной проволоки, двух таких же ярких и массивных колец на правом запястье и подвески на шее из латунной проволоки, - за исключением всего этого и ее ставшей привычной обертки, она была *au naturelle*.

"Меня поразила ее голова особой формы и изящная длинная шея; красота ее прекрасных глаз, рта и носа; маленькие руки и голые ноги - все было безупречно; единственная плохая черта, которая считается у них одной из красот, - это большие уши. Руки и локти были округлыми, как яйцо, плечи покатыми, а маленькая грудь напоминала грудь склонившейся Венеры - совершенная красота, хотя и темнее, чем у брюнетки.

"Ее временное жилище было своеобразным: оно было сложено из травы, имело плоскую крышу и было таким низким, что я не мог стоять в нем прямо. Камин состоял из трех камней; с одной стороны жилища стояли молочные сосуды с дровами, блестящие белизной. Симпатичная женщина сидела, раскачивая между коленями тыкву, и взбивала масло. После того как красавица осмотрела мою кожу и одежду, я выразила сожаление, что у меня нет бус, чтобы подарить ей. "Они не нужны, - сказала она, - садись, пей пахту, а вот тебе и масло". Все это было разложено на чистом листе. Я пожал ей руку, погладил по щеке и ушел, но ей прислали бусы, и она навестила меня, принеся масло и пахту и попросив еще подарков, которые она, конечно, получила, и я имел удовольствие видеть, как блестели ее глаза при виде их.

"Это была одна из немногих женщин, которых я встретил за все время нашего путешествия и которыми я восхищался. Ни одна из красавиц в Усуи не могла приблизиться к ней; но они принадлежали к другой касте, хотя одевались во многом в том же стиле. Когда коровьи шкуры не носили, эти женщины Усуи одевались очень опрятно в берестяные полотна, и на их теле не было заметно никаких следов или порезов. Круги волос часто сбривали на макушке

головы, а их шейные украшения отличались большим вкусом в выборе бусин. Самыми красивыми были бусы М'зизама из белого фарфора величиной с мрамор, а также треугольные кусочки ракушки, закругленные по углам.

"Эректная девушка, дочь вождя, нанесла нам визит в сопровождении шести служанок и молча просидела полчаса. На голове у нее был выбрит спиральный круг из шерсти; единственным украшением было ожерелье из зеленых бус; на ней была обычная одежда, а через плечи перекинута полоса алой ткани; все остальные украшения она, вероятно, оставила дома. Женщины этого района в целом отличались изяществом и мягкостью поведения".

Некоторые женщины наносят себе татуировки на плечи и грудь довольно любопытным способом, создавая узор, который спереди похож на точечное кружево, а затем проходит через плечи и спускается по спине до талии, как пара скоб. Вокруг талии проходит полоса с аналогичными отметками.

Оплата труда племени ватуси за управление скотом достаточно проста. Половина молока принадлежит им, а поскольку корова в этих краях отличается необычайной нехваткой молока, давая едва ли пинту в день, пастухи получают лишь небольшое вознаграждение за свой труд. Они очень ловко управляют животными, находящимися под их контролем. Если им приходится гнать непокорную корову, они просто привязывают шнур к ноге одной из задних ног и идут позади нее, держась за конец шнура. Этот очень простой процесс приводит к тому, что корова подчиняется, как чарам, и спокойно идет в том направлении, куда ей велено идти. Коз ведут, взяв одну из передних ног в руку, когда обнаруживается, что животное спокойно идет на трех ногах; временное лишение четвертой конечности не является особым препятствием. Возможно, благодаря такому мастерству владения скотом, даже ваньямуэзи смотрят на ватуси с большим уважением. Если представители этих племен встречаются, уизи сжимают ладони своих рук, а ватуси нежно сжимают их в своих, одновременно бормоча несколько слов низким тоном. Если мужчина ватуси встречает женщину из того же племени, она позволяет своим рукам упасть на бок, а он нежно сжимает ее руки ниже плеч. Иллюстрацию этого способа приветствия см. на гравюре № 2 на стр. 397.

Это трудолюбивый народ, который с большим мастерством плетет корзины, используя остроконечное копье и делая почти столько же работы ногами, сколько и руками. Они также работают с металлами и имеют своеобразные мехи из дерева с тростниковыми ручками - очень маленькие, но достаточно эффективные для этой цели. Танцы, которыми ватуси развлекаются по вечерам, так же просты и мирны, как и сами танцоры, и женщины принимают в них равное участие с мужчинами. Они выстраиваются в круг, поют и хлопают в ладоши в такт. Вскоре женщина выходит на ринг, танцует одна, а затем, грациозно поклонившись какому-нибудь фавориту на ринге, отходит назад на свое место. Затем вперед выходит молодой человек, совершает ряд эволюций, кланяется одной из девушек, а затем уступает место своему преемнику.

Капитан Грант всегда очень хорошо отзывается о ватуси, которых он называет своей любимой расой. Он утверждает, что они никогда не позволят продать себя в рабство, а предпочтут смерть такому бесчестью. Этот народ всегда можно отличить по уму и легкой вежливости манер. Они также отличаются аккуратностью и личной чистоплотностью, в чем представляют собой сильный контраст с соседними племенами.

ПЛЕМЯ ВАГАНДА.

Пройдя еще севернее и держась к западу от Виктории-Ньянзы, мы попадаем в район Уганды, жители которого носят название ваганда.

Эта страна расположена на экваторе и является гораздо более приятной землей, чем можно было бы предположить, исходя из ее географического положения: она плодородна и покрыта растительностью. Она особенно приятна для путешественника, так как покрыта дорогами, которые не только широки и тверды, но и проложены почти по прямой линии от одного пункта к другому. Уганда кажется уникальной в плане дорог, подобных которым не найти ни в одной части Африки, за исключением тех районов, которые принадлежат европейцам. Дороги достаточно широки для карет, но местами слишком круты для любого колесного транспорта; но поскольку ваганда не пользуются никакими каретами, дороги вполне достаточны для их целей. Ваганда даже строили мосты через болота и реки, но их инженерные познания не позволили им построить мост, который не разрушился бы через несколько лет.

Как и многие другие племена, которые носят, но не заслуживают названия дикарей, ваганда обладают любопытно строгим кодексом этикета, который настолько строг в некоторых вопросах, что нарушитель его может лишиться жизни и непременно понесет суровое наказание. Если, например, человек предстанет перед королем в небрежно завязанном платье, ошибется в способе приветствия или, присев на корточки перед государем, допустит, чтобы была видна хотя бы часть его конечностей, его тут же поведут на казнь. Как только подается роковой знак, жертву хватают королевские пажи, которые надевают на голову тюрбан из веревки, и в тот же момент все барабаны и другие инструменты бьют в такт, заглушая его крики о пощаде. Его быстро связывают веревками, поспешно снятыми с голов пажей, тащат и предают смерти, и никто не смеет обращать на это внимание, пока разыгрывается трагедия.

У них также есть свод законов о роскоши, который соблюдается с особой строгостью. Например, шкуру сервала, разновидности леопардовой кошки, могут носить только люди королевского происхождения. Однажды капитана Спика посетил очень приятный молодой человек, который, очевидно, намеревался внушить трепет белому человеку и носил на шее эмблему королевского происхождения - шкуру сервала. Однако попытка обмана обернулась против ее автора, и его постигла участь дау с заимствованными плюмажами. Один из офицеров обнаружил самозванство, схватил молодого человека и потребовал от него предъявить доказательства его права носить эмблему королевской власти. Поскольку он не смог этого сделать, ему пригрозили, что он предстанет перед королем, и тогда он договорился с вождем о штрафе в сто коров.

Как ни сурово было наказание, молодой человек проявил мудрость, согласившись на него; ведь если бы он предстал перед королем, то наверняка лишился бы жизни, а возможно, был бы медленно замучен до смерти. Одним из видов наказания, к которому М'теса, король Уганды, кажется, был весьма неравнодушен, было постепенное расчленение преступника ради пропитания его домашних стервятников; и хотя в некоторых случаях он приказывает убить их перед расчленением, иногда он опускает эту предосторожность, и несчастные существа медленно разрезаются на части травинками, поскольку использование ножей для этой цели противоречит этикету.

Только король имеет привилегию носить петушиный гребень волос на макушке, остальные волосы сбриваются. Эта привилегия иногда распространяется на фаворитку королевы или двух королев, чтобы сразу можно было узнать настоящую королевскую власть. Даже способ сидения тщательно регламентирован. Только королю разрешается сидеть на стуле, а все его подданные вынуждены располагаться на земле. Когда капитаны Спейк и Грант посетили Уганду, по этому поводу шла постоянная борьба: путешественники настаивали на том, чтобы сидеть в своих креслах, а король хотел, чтобы они сидели на земле. Однажды во время прогулки с М'тесой и его свитой было приказано остановиться, и капитан Спик огляделся в поисках чего-нибудь, на что можно было бы присесть. Король, увидев это и решив не уступать, позвал пажа, заставил его встать на четвереньки, а сам сел ему на спину. В конце концов спор закончился компромиссом: путешественники отказались от стульев в присутствии короля, но сели на пучки травы, которые были довольно высокими.

Когда подчиненный преподносит какой-либо предмет своему начальнику, тот всегда похлопывает и трет его руками, а затем гладит им каждую сторону своего лица. Это делается для того, чтобы показать, что над ним не было совершено никакого колдовства, так как в этом случае задуманное зло отпрянуло бы от дарителя. Эта церемония достаточно хороша, когда речь идет о предметах обихода или одежды; но когда мясо, подорожник или другие продукты питания натираются грязными руками и хорошо намазанным лицом дарителя, получатель, если он окажется белым человеком, будет только рад обойтись без этой церемонии и подвергнет себя риску колдовства.

АРЕСТ КОРОЛЕВЫ.
(См. стр. 413.)

Придворные должны сбрить все волосы, кроме одной кокарды на затылке, а пажи отличаются двумя кокардами, по одной над каждым виском, так что, даже если они окажутся без своих веревочных тюрбанов, их ранг и власть сразу же будут обозначены. Когда король посылает пажей с посланием, перед нами предстает живописнейшее зрелище. Все приказы короля должны выполняться на полной скорости, и когда десять или дюжина пажей пускаются в путь, их платья развеваются в воздухе позади них, и каждый стремится обогнать другого, на расстоянии они выглядят скорее как полет птиц, чем как люди.

Здесь, как и во многих других странах, человеческая жизнь, за исключением жизни короля, не имеет ни малейшей ценности. Однажды капитан Спик подарил М'тезе новую винтовку, которой тот был очень доволен. Осмотрев ее некоторое время, он зарядил ее, вручил одному из своих пажей и велел ему пойти и застрелить кого-нибудь во внешнем дворе. Паж, совсем еще мальчишка, взял винтовку, пошел во двор, и через мгновение выстрел из винтовки показал, что приказ короля был выполнен. Еж вернулся, ухмыляясь от восторга по поводу совершенного им подвига, как школьник, впервые подстреливший воробья, и вернул винтовку хозяину. Что касается несчастного, которому суждено было стать мишенью, то о нем ничего не было слышно: убийство человека - слишком обычное происшествие, чтобы привлекать внимание.

Однажды, когда М'теса и его жены совершали увеселительную экскурсию, одна из фавориток, необыкновенно красивая женщина, сорвала плод и предложила его королю, явно намереваясь доставить ему удовольствие. Но вместо того чтобы принять плод, он пришел в яростную ярость, заявил, что это первый случай, когда женщина осмелилась предложить ему что-либо, и приказал пажам увести ее на казнь. "Не успел король произнести эти слова, как целая толпа пажей сорвала с голов свои шнуровые тюрбаны и бросилась, как стая биглей Купидона, на королеву фей, которая, возмущенная тем, что маленькие ежи посмели прикоснуться к ее величеству, заговорила с королем и попыталась отбить их, как мух, но вскоре была схвачена, побеждена и утащена, взывая к Камравионе и М'зунгу (мне [*т. е. капитану Спику]) за* то, что я... В то время как Лубуга, любимая сестра, и все остальные женщины обхватили короля за ноги и, стоя на коленях, просили прощения за свою сестру. Чем больше они молили о пощаде, тем более жестоким становился царь, пока, наконец, не взял тяжелую палку и не начал колотить бедную жертву по голове. Художник изобразил эту сцену на гравюре на предыдущей странице.

"До сих пор я был крайне осторожен и не вмешивался ни в один из актов произвольной жестокости короля, зная, что такое вмешательство на ранней стадии принесет больше вреда, чем пользы. Однако этот последний акт варварства оказался слишком сильным для моей английской крови, и, услышав, как умоляюще произносят мое имя, М'зунгу, я бросился на короля и, остановив его поднятую руку, потребовал от него жизни этой женщины. Конечно, мешая капризному тирану, я неминуемо рисковал потерять свою собственную, но его каприз оказался другом обоих. Новизна вмешательства заставила его улыбнуться, и женщина была немедленно освобождена".

В другой раз, когда М'теса был на охоте, капитан Грант спросил, чем он наслаждался. Неожиданным ответом было то, что дичи было очень мало, но вместо нее он подстрелил немало людей. Кроме упомянутых пажей, было еще несколько палачей, которые были приятными и милыми людьми в частной жизни и пользовались большим уважением в народе. Предполагалось, что они командовали пажами, которые связывали своими веревочными тюрбанами несчастных, которым предстояло пострадать, и в основном осуществляли само наказание.

Этот король, похоже, был исключительно жесток: его жены были подвержены той же капризности нравов, что и остальные подданные. Конечно, он иногда бил их, но поскольку избиение жен - обычный обычай в Уганде, он лишь следовал обычным привычкам народа.

Существует особый кнут, сделанный специально для того, чтобы бить жен. Он состоит из длинной полосы шкуры гиппопотама, расщепленной посередине на расстоянии трех-четырех дюймов от конца. Весь конец бьют и скребут до тех пор, пока он не уменьшится до размеров, необходимых для рукоятки. Две оставшиеся нити стараются оставить

квадратными, но скручивают винтообразно, чтобы по всей длине были острые края. В сухом виде эта плеть почти такая же твердая, как железо, и едва ли менее тяжелая, так что при каждом ударе острые края глубоко врезаются в плоть. Однако порка жен - это еще не все; он имел привычку убивать своих жен и их прислугу без малейших угрызений совести. Пока капитан Спик жил в пределах дворца, не было дня, чтобы какую-нибудь женщину не вели на казнь, а в некоторые дни убивали по три или четыре. В основном это были служанки королев, но нередко королевские пажи вытаскивали женщину, чья единственная кокарда на макушке выдавала ее как одну из жен короля.

М'теса, по сути, был полноценной африканской Синей Бородой, постоянно женился и убивал, причем невест, как правило, было больше, чем жертв. Королевские браки в Уганде - дело очень простое. Родители, обидевшие своего короля и желающие задобрить его, или те, кто хочет, чтобы он смотрел на них благосклонно, приводят своих дочерей и предлагают их, когда он сидит у дверей своего дома. Как и все сопровождающие его женщины, они совершенно не одеты и стоят перед царем в неведении о своем будущем. Если он принимает их, то заставляет сесть, садится к ним на колени и обнимает их. Вот и вся церемония, и когда каждая девушка принята, счастливые родители исполняют любопытное приветствие, называемое "n'yanzigging", *то есть* падают на землю, барахтаются, хлопают в ладоши и произносят слово "n'yans", или благодарность, так быстро, как только могут его произнести.

Иногда за одно утро ему представляют двадцать или тридцать невест, и он принимает больше половины из них, причем некоторые из них впоследствии возводятся в ранг жен, а остальные опускаются до положения прислуги. Примечательно, что, хотя главная королева была очень либеральна с этими служанками, предлагая их в большом количестве капитану Спику и его спутникам, ни одной из них не было позволено выйти замуж за туземца, поскольку она могла выдать секреты дворца.

Жизнь во дворце, может быть, и почетна, но, похоже, не слишком приятна, за исключением короля. Все придворные - ничтожные рабы, находящиеся во власти любого сиюминутного каприза безжалостного, бездумного, безответственного деспота. Какое бы желание ни взбрело в голову королю, оно должно быть исполнено немедленно, и горе тому, кто не сумеет его осуществить. Непоседливый и капризный, как избалованный ребенок, он, казалось, никогда не знал, чего именно хочет, и одновременно отдавал самые противоречивые приказы, а затем ожидал, что их выполнят.

Что касается людей, занимавших почетную должность его охранников, то с ними обращались хуже, чем с собаками, - гораздо хуже, чем М'теса обращался со своей собственной собакой. Они могли устраивать себе ночлег, как им вздумается, а кормили их просто, бросая им большие куски говядины и подорожника. За это они хватались, как многие собаки, царапая и вырывая друг у друга куски и стараясь съесть как можно больше за определенное количество секунд.

Солдаты М'теса были намного лучше его стражников, хотя их положение было не столь почетным. Они хорошо одеты, а их звания отличаются своеобразной униформой: офицеры королевского происхождения носят набедренную повязку из шкуры леопарда, а те, кто ниже по званию, отличаются цветными тканями и кожаными плащами из шкур быков или антилоп. Каждый из них несет два копья и щит странной формы, изначально овальный, но изрезанный глубокими гребешками и имеющий на каждом острие подвесной хохолок из волос. Их головы украшены самым любопытным образом: некоторые из мужчин носят орнамент, похожий на полумесяц, а некоторые повязывают вокруг головы венки из различных

материалов, к которым прикрепляют рог, связку бус, сушеную ящерицу или другое подобное украшение.

Не испытывая недостатка в личном мужестве, они воодушевлялись в бою уверенностью в награде или наказании. Если они вели себя храбро, их осыпали сокровищами, и они получали от своего царственного повелителя много скота и жен. Если же они вели себя плохо, то наказание было столь же несомненным и самым страшным. Непокорного солдата не только предавали смерти, но и сверлили в его теле дыры раскаленными утюгами, пока он не умирал от боли и истощения.

Время от времени король устраивал смотр, на котором доблестные и трусы получали подобающее им вознаграждение. Эти смотры представляли собой живописнейшие сцены. "Перед нами была большая открытая площадка, за которой находились хижины королевского камрада или главнокомандующего. Батальон, состоящий из трех рот, в каждой из которых было по двести человек, выстроился на левом краю плаца, получил приказ пройти одиночным маршем справа от роты длинной рысью и снова построиться в конце плаца.

"Ничто не могло быть более диким или фантастическим, чем зрелище, которое последовало за этим; все мужчины были почти голые, с козьими или кошачьими шкурами, свисавшими с их поясов, и намазанные военными цветами, в зависимости от вкуса каждого; одна половина тела красная или черная, другая синяя, не в обычном порядке; так, например, один чулок был красным, а другой черным, в то время как бриджи сверху были противоположных цветов, и так же с рукавами и жилетом. Каждый мужчина нес одинаковое оружие - два копья и один щит, держа их так, как будто приближался к врагу, и они двигались в трех линиях в одну шеренгу, на расстоянии пятнадцати или двадцати шагов друг от друга, с одинаковой высокой поступью и удлиненным шагом, только согнутая на земле нога придавала шагам большую силу.

"После того как все мужчины вышли на старт, за ними последовали капитаны рот, одетые еще более причудливо; И последним шел великий полковник Конгоу, совершенный Робинзон Крузо, с его длинными белыми козлиными шкурами, кожаным щитом в форме скрипки, утыканным волосами на всех шести концах, лентами длинных волос, завязанными ниже колен, и великолепным шлемом, усыпанным богатыми бусами всех цветов в превосходном вкусе, увенчанным плюмажем из малиновых перьев, в центре которого поднимался изогнутый стебель, утыканный козьим волосом. Далее они прошли ротами туда и обратно, и, наконец, старшие офицеры вышли навстречу своему королю, яростно исповедуя веру и честность, за что им аплодировали. Затем парад распался, и все разошлись по домам".

На этих смотрах король раздает награды и выносит наказания. Сцена в равной степени волнующая и ужасная. Когда различные офицеры предстают перед королем, они опускаются на землю и, пройдя через тщательно продуманное приветствие, докладывают о поведении подчиненных им людей. Некоторым из них дарят различные подарки, с которыми они уходят, радуясь, барахтаясь на земле в крайнем чувстве благодарности; других же хватают всегда предусмотрительные пажи, связывают и тащат на казнь, причем несчастные борются со своими похитителями, дерутся и отрицают обвинения, пока их не перестают слышать. Как только король считает, что с него хватит, он резко встает, берет копья и уходит, ведя за собой собаку.

Туземцы рассказывают о происхождении королевства Ваганда очень любопытно. По их словам, страна, которая сейчас называется Угандой, ранее была объединена с Уньоро,

более северным королевством, о котором мы сейчас расскажем. Восемь поколений назад из Уньоро пришел охотник по имени Уганда, взяв с собой копье, щит, женщину и свору собак. Он начал охотиться на берегах озера и был настолько успешен, что к нему присоединилось огромное количество людей, и он стал вождем.

Под его властью разрозненные доселе люди обрели характер нации и начали ощущать свою силу. Тогда ведущие люди собрали совет о своем правлении и решили сделать Уганду своим королем. "Ибо, - сказали они, - какая нам польза от короля Уньоро? Он так далек, что, когда мы послали ему в подарок корову, у коровы родился теленок, и этот теленок стал коровой и родил еще одного теленка, а подарок так и не дошел до короля. Пусть у нас будет свой король". Так они уговорили Уганду стать их королем, переименовали его в Кимера и закрепили за страной ее прежнее имя.

Кимера, став королем, занял место на камне и предстал перед своими новыми подданными, держа в руке копье и щит, в сопровождении женщины и собаки; таким образом все последующие короли представляли себя своим подданным. Вследствие этого все ваганда должны иметь по крайней мере два копья, щит и собаку, а офицерам полагаются барабаны. Король Уньоро услышал о новом монархе, но не стал беспокоиться о движении на таком расстоянии, и таким образом королевство Уганда стало признанной реальностью.

Однако Кимера организовал своих людей таким восхитительным образом, что стал совершенным ужасом для короля Уньоро и заставил его пожалеть о том, что, когда власть Кимеры еще не укрепилась, он не сокрушил его. Кимера сформировал из своих людей воинов, призвал их в различные полки, тщательно обучил и организовал их. Он проложил дороги через свое королевство, пересекая его во всех направлениях. Он построил целые флотилии лодок и навел мосты через реки везде, где они прерывали его путь. Он вникал в мельчайшие детали внутренней политики и обеспечивал строжайшую санитарную систему по всей стране, не позволяя даже строить дома, если в них не было средств для поддержания чистоты.

Организация, действительно, кажется, теперь вживлена в сознание ваганда. Даже простое дело - отнести вязанку дров во дворец - должно быть выполнено в военном стиле. "После того как поленья пронесут на определенное расстояние, мужчины поднимаются на холм с палками наперевес, под звуки барабана, крики и хор. Достигнув своего офицера, они опускаются на колени и отдают честь, повторяя в один голос слово "n'yans" (спасибо). Затем они идут обратно, спускаются с холма, одновременно наклоняясь, чтобы подобрать дрова, пока шаг за шагом, на что уходит несколько часов, аккуратно срезанные поленья не будут регулярно складываться во дворцовых дворах".

Похоже, что у каждого офицера в округе свой способ учения. Вазива с длинными палками были замечательно дисциплинированы, кричали и маршировали в обычное время, каждый клуб выполнял одно и то же движение; наиболее привлекательной частью учения было то, когда все одновременно приседали, а затем продвигались в открытом строю, раскачивая свои тела под барабанный бой.

С помощью таких приемов Кимера вскоре добился такого могущества, что само его имя стало внушать страх всему Уньоро, в страну которого он постоянно совершал набеги. Если, например, на одном из своих советов он обнаруживал, что в той или иной части его владений не хватает скота или женщин, он приказывал одному или двум своим генералам отвести свои войска в Уньоро и набрать необходимое количество. Чтобы у него всегда были средства для воплощения своих идей в жизнь, офицеры армии должны являться во дворец так часто, как

только могут, а если они этого не делают, то подвергаются суровому наказанию; их лишают звания, конфискуют имущество, а их вещи, жен и детей отдают другим.

По сути, Кимера действовал по системе наград и наказаний: первые он назначал либеральной рукой, вторые были определенными, быстрыми и страшными. Со временем Кимера умер, и его тело высушили, поместив в печь. Когда оно совсем высохло, нижнюю челюсть вынули и обложили бусами; их вместе с телом поместили в гробницы и охраняли любимые женщины покойного монарха, которым было запрещено даже видеться с его преемником.

После смерти Кимеры народ стал выбирать короля из числа его многочисленных детей, которых называли "варангира", или принцами. Избранный король был очень молод, его отделили от остальных и поселили в хижине под присмотром смотрителя. Как только молодой принц достигал возраста благоразумия, его публично делали королем, и в то же время всех его братьев, кроме двух, сжигали до смерти. Этим двоим было позволено жить на случай, если новый король умрет, не успев родить сыновей, а также в качестве спутников для него. Как только линия прямого наследования была обеспечена, один из братьев был изгнан в Уньоро, а другому разрешили жить в Уганде.

Когда капитаны Спейк и Грант прибыли в Уганду, правящим государем был М'теса, седьмой по счету наследник Кимеры. Ему было около двадцати пяти лет, и, хотя он не был официально принят в качестве короля, он обладал такой же верховной властью, как если бы прошел через эту церемонию. Он был достаточно мудр, чтобы сохранить систему, завещанную ему предками, и в его время королевство Уганда было еще более могущественным, чем во времена Кимеры. Близкое знакомство показало, что его личный характер был не из приятных, что вполне вероятно, если вспомнить, что он обладал неограниченной властью с тех пор, как был совсем мальчишкой, и, как следствие, никогда не знал противоречий.

Он был очень красивым молодым человеком и в совершенстве владел любовью к нарядам, которая является столь заметной чертой в характере ваганда. Они настолько привередливы в этом отношении, что появление неопрятно одетого человека перед своими начальниками влечет за собой суровое наказание, а если он осмелится предстать перед королем с малейшим беспорядком в одежде, то это повлечет за собой немедленную смерть. Даже королевские пажи, которые мчатся на полной скорости, выполняя свои поручения, обязаны плотно обхватывать свои кожаные плащи, чтобы ни одна часть обнаженной конечности не предстала перед королевским взглядом.

Появление М'теса хорошо описано капитаном Спейком: "Более театрального зрелища я никогда не видел. Король, симпатичный, хорошо сложенный молодой человек двадцати пяти лет, сидел на красном одеяле, расстеленном на квадратной платформе из королевской травы, обложенной тростником из тигровой травы, и был тщательно одет в новый мбугу (или травяной плащ). Волосы на его голове были коротко острижены, за исключением макушки, где они были зачесаны на высокий гребень, идущий от стебля к корме, как петушиный гребень. На шее у него было очень аккуратное украшение - большое кольцо из красиво обработанных мелких бусин, образующих изящные узоры разных цветов. На одной руке было еще одно украшение из бусин, красиво придуманное, а на другой - деревянный амулет, перевязанный шнурком, обтянутым змеиной кожей. На всех пальцах рук и ног чередовались медные и латунные кольца, а над лодыжками, до половины икры, красовался чулок из очень красивых бусин.

Все было легким, аккуратным и элегантным; в его "одежде" нельзя было найти ни одного изъяна. Вместо платка у него был хорошо сложенный кусок коры и кусок шелка с золотым

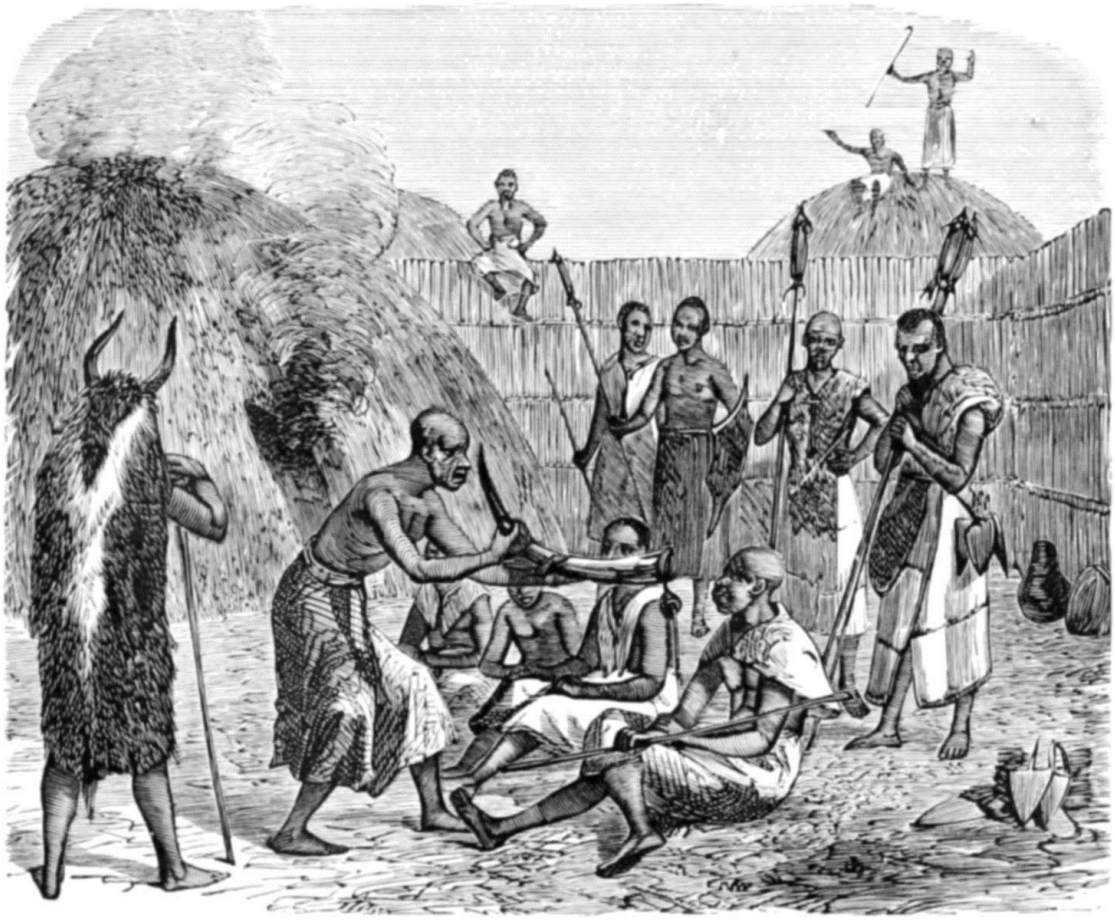
шитьем, которым он постоянно прикрывал свой большой рот, когда смеялся, или вытирал его после подорожникового вина, которое он постоянно и обильно пил из маленьких тыквенных чашек, управляемых его фрейлинами, которые были одновременно и его сестрами, и его женами. Белая собака, копье, щит и женщина - угандийский когнитарий - были рядом с ним, как и множество штабных офицеров, с которыми он поддерживал оживленную беседу, с одной стороны; а с другой - группа "вичвези", или женщин-колдуний".

Эти женщины являются незаменимыми помощницами при дворе и сопровождают короля, куда бы он ни отправился; их задача - отводить от монарха дурной глаз и наливать в королевские кубки вино из подорожника. Они отличаются тем, что носят на голове сушеных ящериц, а на поясе у них застегиваются фартуки из козьей кожи, окантованные маленькими колокольчиками. В качестве эмблемы своей должности они также носят небольшие щиты и копья, украшенные петушиными хомутами.

Дворец М'теса имеет огромные размеры и почти заслуживает названия деревни или города. Он занимает весь склон холма и состоит из улиц с хижинами, расположенными так же методично, как дома в европейском городе, причем линия сохраняется благодаря заборам из высокой желтой тигровой травы Уганды. Здесь также есть площади и открытые пространства, и все это содержится в идеальном порядке и аккуратности. Вход во внутренние дворы осуществляется через ворота, у каждых из которых стоит офицер, не пропускающий никого, кто не имеет на то разрешения короля. На случай, если его бдительности удастся избежать, к каждым воротам с внутренней стороны прикреплен колокольчик, как в Англии на дверях магазинов.

На иллюстрации № 1, расположенной напротив, художник выбрал момент, когда посетителя знакомят с непосредственным присутствием короля. Под сенью хижины монарх восседает на своем троне, с одной стороны от него копья, щит и собака, а с другой - женщина, которые являются аккомпанементом королевской власти. Рядом с ним сидят несколько его пажей с повязанными на головах тюрбанами из шнура, готовые повиноваться малейшему его слову. Непосредственно перед ним стоят несколько солдат, отдающих ему честь, а один из них, которому он оказал какую-то услугу, барахтается на земле, выражая благодарность или "н'янзиггинг", согласно здешнему обычаю. С другой стороны стоит гость, человек высокого ранга, которого представляет служитель ворот. Сама дверь с колокольчиками отъезжает в сторону, а над дверным проемом протягивается веревка, на которой висит ряд амулетов. Вдалеке виднеется личный оркестр короля, выступающий со свойственной ему энергичностью.

(1.) ПРИЕМ ПОСЕТИТЕЛЯ.
(См. с. 416.)



(2.) ФОКУСНИК ЗА РАБОТОЙ.
(См. с. 427.)

Архитектура хижин внутри этих загонов удивительно хороша: ваганда обладают большими природными преимуществами и в полной мере используют их. Основным материалом для их построек служит тростник, который в Уганде вырастает до очень большой высоты, толстый и крепкий в стебле. Трава для настила также встречается в огромных количествах, а для стропил много прямого дерева. Крыша двойная, чтобы исключить попадание солнечных лучей, а внешняя крыша со всех сторон доходит почти до земли. Постройка поддерживается несколькими столбами, на которых висят мешки с кукурузой, мясом и другими необходимыми вещами.

Внутреннее помещение разделено на два отсека высокой ширмой из листьев подорожника, а во внутреннем стоит тростниковая кровать хозяина. Однако при всей этой тщательности постройки в доме есть только одна дверь, нет ни окна, ни дымохода; и хотя ваганда содержат свои дома в хорошей чистоте, из-за большого количества собак в их хижинах заводятся блохи, поэтому, когда путешественник вступает во владение домом, он обычно убирает подорожниковый экран и разводит на полу как можно больший огонь, чтобы истребить насекомых.

Церемонии приема королевского гостя столь же замысловаты, как и архитектура. Офицеры выходят вперед, чтобы поприветствовать его, а музыканты играют на различных инструментах Уганды, большинство из которых похожи на те, что уже были описаны. Даже высота сиденья, на котором должен расположиться посетитель, строго определена, главная цель, похоже, состоит в том, чтобы заставить его занять место ниже того, на которое он имеет

право. В присутствии короля, который сидит на стуле или троне, ни одному подданному не разрешается садиться на что-либо выше земли; и если его удается уговорить сесть под палящими лучами солнца и подождать, пока король соизволит его принять, то триумф дипломатии обеспечен.

Когда король удовлетворен своим гостем или считает, что тот устал, он без предупреждения поднимается и уходит в свою комнату, используя особую походку, которой пользуются короли Уганды и которая, как предполагается, имитирует походку льва. Для глаз ваганда "львиный шаг", как называют эту походку, очень величественен, но для глаз европейца он просто смешон: ноги широко расставлены, а тело раскачивается из стороны в сторону при каждом шаге. Если кто-то из моих читателей знаком с госпиталем Христа, то он может вспомнить особую манеру ходьбы, которая называлась "лопатообразной" и которая раньше была, да и сейчас может быть эквивалентом "львиного шага" короля Уганды.

После того как М'теса принял своего белого гостя, он внезапно встал и удалился по королевскому обычаю, а поскольку этикет не позволял ему есть, пока он не увидит своих гостей, он воспользовался возможностью нарушить пост.

Вокруг короля, сидящего на своем покрытом травой троне, расположились его советники и офицеры, сидящие на корточках на земле, с туго затянутыми вокруг них платьями и частично сидящие на королевских леопардовых шкурах, расстеленных на земле. Здесь же находится большой барабан, украшенный маленькими колокольчиками, нанизанными на проволочные дуги, и несколько барабанов поменьше, покрытых бисером и раковинами каури, сработанными в различные узоры. За пределами внутреннего круга сидят обычные офицеры, и пока присутствует король, не произносится ни слова, чтобы он не обиделся; и не поднимается глаз, чтобы случайный взгляд не упал на одну из королевских женщин и не стал предвестником жестокой смерти.

Ваганда сильно подвержены суевериям и безоговорочно верят в чары. Король очень богат на амулеты, и всякий раз, когда он устраивает свой двор, у него за спиной висит огромное количество , помимо тех, которые он носит на себе. Эти чары делаются практически из всего, что выберет фокусник. Рога, наполненные волшебным порошком, пожалуй, самые распространенные, их вешают на шею или повязывают на голову, если они маленькие, и держат в хижинах, если большие.

Их главный объект суеверного страха - некий водяной дух, который, как предполагается, обитает в озере и мстит тем, кто его потревожит. Как и водяные духи Рейна, этот гоблин обладает верховной властью не только над самим озером, но и над всеми реками, которые с ним сообщаются; жители так боятся этого водного демона, что не разрешают бросать в воду ни одной гулкой линии, чтобы случайно не задеть водяного духа и не разгневать его. Имя этого духа - М'гусса, и он общается с людьми посредством своего особого служителя или священника, который живет на острове и вызывает почти такое же благоговение, как и его хозяин.

Однажды М'теса взял с собой капитана Спейка, чтобы тот посмотрел на мага. Он взял также несколько своих жен и сопровождающих, и было очень забавно, когда они добрались до лодок, увидеть, как все обитатели прыгают в воду, пригнув головы, чтобы не видеть королевских женщин, - один шальной взгляд мог повлечь за собой немедленную смерть. Они направились к острову, на котором жил волшебник.

"Пройдя сквозь деревья этого прекрасного острова, мы свернули в хижину знакомого М'гусса, которая в дальнем конце была украшена множеством мистических символов, среди

которых было весло, знак высокого положения; и некоторое время мы сидели, болтая, когда принесли помбе, и прибыл духовный медиум. Он был одет по моде Вичвези, в маленький белый фартук из козьей кожи, украшенный различными чарами, и использовал весло как трость. Он не был стариком, хотя и выдавал себя за такового, ходил очень медленно и нарочито медленно, астматически кашлял, сверкал глазами и бормотал, как ведьма. С большим трудом он сел в конце хижины, рядом с упомянутыми символами, и продолжал кашлять целых полчаса, когда вошла его жена, не говоря ни слова и принимая тот же пораженный вид.

Король шутливо посмотрел на меня и рассмеялся, а затем на этих странных существ, как бы говоря: "Что ты о них думаешь?" Но не было слышно ни одного голоса, кроме голоса старой жены, которая квакала, как лягушка, прося воды, а когда ей принесли немного, снова квакнула, потому что это был не самый чистый продукт озера: она поменяла первую чашку, смочила губы второй и ушла так же, как и пришла".

На своих тропинках и дорогах, которые очень многочисленны и ухожены, они иногда кладут в землю длинную палку с ракушкой или другим амулетом на вершине, или подвешивают ракушку на нависающую ветку дерева. Такие же палочки, только меньшего размера, хранятся в домах, а кусочки перьев, камыша и других предметов привязываются за дверью. Змеиная кожа, конечно, часто используется для изготовления этих амулетов, и квадратный кусок этого изделия висит на шее почти у каждого жителя этой страны.

Религия ваганда, конечно, пропитана ужасом, а не любовью, и все их религиозные обряды направлены на то, чтобы отвести гнев злых духов. Каждое новолуние имеет свой особый культ, который сопровождается ударами в барабаны, пополнением волшебных рогов и другими церемониями, описывать которые слишком долго. Самый страшный из их обрядов - человеческое жертвоприношение, к которому обычно прибегают, когда король желает заглянуть в будущее.

Жертвой всегда становится ребенок, и жертвоприношение проводится самым жестоким образом. Узнав с помощью заклинаний, что сосед пророчит войну, маг распластывает маленького ребенка и кладет истекающее кровью тело на дорогу, по которой солдаты идут на битву. Каждый воин переступает через кровоточащее тело и тем самым якобы обеспечивает себе неприкосновенность в предстоящей битве. Когда король начинает войну, его главный маг использует еще более жестокий способ гадания. Он берет большой глиняный горшок, наполовину наполняет его водой, а затем ставит над камином. На горлышко горшка кладет небольшой помост из скрещенных палок, связывает маленького ребенка и птицу, кладет их на помост, накрывает другим горшком, который переворачивает над ними. Затем зажигают огонь и дают ему прогореть в течение определенного времени, после чего снимают верхний горшок и осматривают жертвы. Если они оба мертвы, это считается знаком того, что война должна быть отложена до настоящего времени; но если один из них жив, война может быть начата немедленно".

Говоря об этих и других черных племенах, капитан Спейк справедливо замечает: "Как негры прожили столько веков, не продвинувшись вперед, кажется удивительным, когда все страны, окружающие Африку, настолько продвинулись вперед по сравнению с ними". И, судя по прогрессивному состоянию мира, можно предположить, что африканец вскоре должен либо выйти из своей тьмы, либо быть вытесненным существом, превосходящим его самого. Если бы для них было создано правительство, подобное нашему в Индии, они были бы спасены, но без него, боюсь, шансов очень мало. Ведь в настоящее время африканец не может ни помочь себе, ни получить помощь от других, потому что его страна находится в

таком постоянном состоянии беспорядка, что у него слишком много забот, чтобы думать о чем-то еще.

"Как поступали его отцы, так поступает и он. Он работает на свою жену, продает своих детей, обращает в рабство всех, до кого может дотянуться, и, если только не сражается за чужую собственность, содержит себя пьянством, пением и танцами, как павиан, чтобы прогнать скучные заботы. Немногие делают только хлопчатобумажные ткани или занимаются шерстью, железом, медью или солью; их правило - делать как можно меньше и не запасать ничего сверх необходимого на следующий сезон, чтобы их вожди или соседи не захотели и не отобрали это у них".

Затем тот же опытный путешественник перечисляет многочисленные виды пищи, которые климат предоставляет любому человеку с обычным уровнем развития, такие как рогатый скот, овцы, козы, свиньи, птицы, утки и голуби, не говоря уже о подорожнике и других растительных продуктах, и выражает чувство удивления, что, имея в своем распоряжении такие запасы продовольствия, чернокожий человек вынужден так часто питаться дикими травами и кореньями, собаками, кошками, крысами, змеями, ящерицами, насекомыми и другими подобными животными, и часто оказывается на грани голодной смерти, и вынужден продавать своих собственных детей, чтобы добыть пропитание. Кроме того, здесь водятся слоны, носороги, бегемоты, буйволы, жирафы, антилопы, морские свиньи и множество других животных, которых легко поймать в ловушки или западни, так что коренной африканец живет посреди страны, которая производит пищу в безграничном разнообразии. Причины такого явления достаточно просты, и их можно свести к двум, а именно: полное отсутствие предвидения и конституционная леность.

Что касается вопроса о рабстве, то, пожалуй, не лишним будет заметить, что рабы продаются не только белым людям. Напротив, нет такого рабовладельца, который бы так упорно отстаивал свои приобретенные права, как чернокожий, и на каждого раба, проданного белому человеку, приходится десять, купленных представителями темной расы, будь то на востоке или западе Африки. И когда раб начинает подниматься выше простого ремесленного ранга, его первой мыслью становится покупка рабов для себя, потому что они - товар, который легче всего достать, и таким образом, как хорошо замечает капитан Спейк, рабство порождает рабство *ad infinitum*. Ценным является краткое изложение опыта капитана Спика. "Обладатель удивительной доли болтливости, большой рискованности, но никакой устойчивости - существо импульсивное, взрослый ребенок, короче говоря, - на первый взгляд кажется удивительным, как его можно приучить к работе, ведь нет ни закона, ни дома, который бы его связывал. Он может сбежать в любой момент, и, полагаясь на это, он грешит, ожидая, что его простят. Большая терпимость, иногда сдобренная отеческой строгостью, - вот, я думаю, лучшая доза для него. Ибо, согрешив, он говорит своему хозяину: "Ты должен простить и забыть, ведь ты не такой большой человек, чтобы не затаить злобу, хотя на мгновение можешь рассердиться? Выпори меня, если хочешь, но не веди со мной счет, иначе я убегу, и что ты тогда будешь делать?"

Погребальные сооружения ваганда весьма замысловаты. Капитан Грант имел любопытство зайти в одну из них и описал ее следующим образом: "Две хижины на возвышении, казалось, были посвящены останкам умерших. Если перелезть через окружающую их ограду, то лужайка с прямыми дорожками вела к дверям, где ширма из бересты закрывала вид на внутреннее убранство. Преодолевая чувство деликатности, я вошел в одну из хижин. Я обнаружил неподвижную кровать из тростника, занавешенную так, чтобы заслонить травяное ложе от комаров, копья, амулеты, палки с диковинными крючками, древолазов,

миниатюрные идолы из травы и т. д. Внутри все это было разложено в порядке, но никого не было, и нам сказали, что это мавзолей".

На склонах холмов можно было увидеть множество подобных домов, но лишь немногие были построены так искусно. Обычно они представляли собой не более чем квадратные участки земли, обнесенные тростниковой изгородью. Их называли "Лоалех", или священная земля.

ГЛАВА XL.
ВАНЬОРО.

ХАРАКТЕР ПЛЕМЕНИ ВАНЬОРО - ГРЯЗНЫЕ ПРИВЫЧКИ - СПОСОБ ПРАВЛЕНИЯ - КОРОЛЬ КАМРАСИ - ЕГО ДЕСПОТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР - ЕГО ТЕЛОСТРАЖА И ИХ ПРИВИЛЕГИИ - ЕГО ЛИЧНАЯ ВНЕШНОСТЬ - ЕГО ХВАТКИЙ ЭГОИЗМ - КОРОЛЕВСКИЙ ВИЗИТ - ТРУСОСТЬ КАМРАСИ - КАЗНЬ ПРЕСТУПНИКОВ - ПОДАВЛЕНИЕ ВОССТАНИЯ - ЗАКОНЫ НАСЛЕДОВАНИЯ - СЕСТРЫ КОРОЛЯ - ПЕНИЕ ВАНЬОРО - ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН - ПИЩА ВАНЬОРО - ПЕРЕВОЗКА ПРОВИЗИИ В ПОХОДЕ - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОДОРОЖНИКА - МОШЕННИЧЕСТВО В ТОРГОВЛЕ - СУЕВЕРИЯ - МАГ ЗА РАБОТОЙ - РОГАТАЯ СОБАКА - ДЕНЬГИ-ЛОПАТА.

Продолжая двигаться на север, мы попадаем в страну Уньоро, от которой, как читатель помнит, отделилась страна Уганда. Жители Уньоро представляют собой очень неприятный контраст с жителями Уганды: они грязные, убогие и плохо одетые. Страна также значительно уступает Уганде, которую можно было бы превратить в вечно цветущий сад; поскольку, покидая экватор и двигаясь на север, путешественник обнаруживает, что количество дождей постепенно уменьшается, а растительность сначала становится скудной, затем чахлой и, наконец, исчезает совсем. Здесь преобладает та же структура языка, что и в Уганде, поэтому народ уньоро называется ваньоро, а один человек - м'йоро.

Характер Ваньоро вполне соответствует их внешнему виду, ведь это подлые, эгоистичные, хваткие люди, которым, к сожалению, не хватает дикарской добродетели гостеприимства, и они всегда ищут возможности завладеть чужим имуществом нечестным путем. Они действительно кажутся настолько неприятной нацией, насколько можно себе представить, и почти во всех отношениях представляют собой сильный контраст с другими, которые уже были описаны.

Они необычайно грязны в быту, их хижины в равной степени заняты людьми, козами и птицами, а пол, густо покрытый соломой, находится, следовательно, в самом отвратительном состоянии. Он настолько плох, что даже туземцы вынуждены делать приподнятые подстилки, на которых спят. Даже дворец короля не является исключением из общего правила; скот содержится в загоне, и даже в саму спальную хижину свободно входят телята. Посетить "дворец" без ходуль и респиратора было слишком сложной задачей даже для такого закаленного путешественника, как капитан Спейк, но король разгуливал среди коров, по щиколотку погруженный во всевозможные ужасы, и при этом чувствовал себя совершенно спокойно.

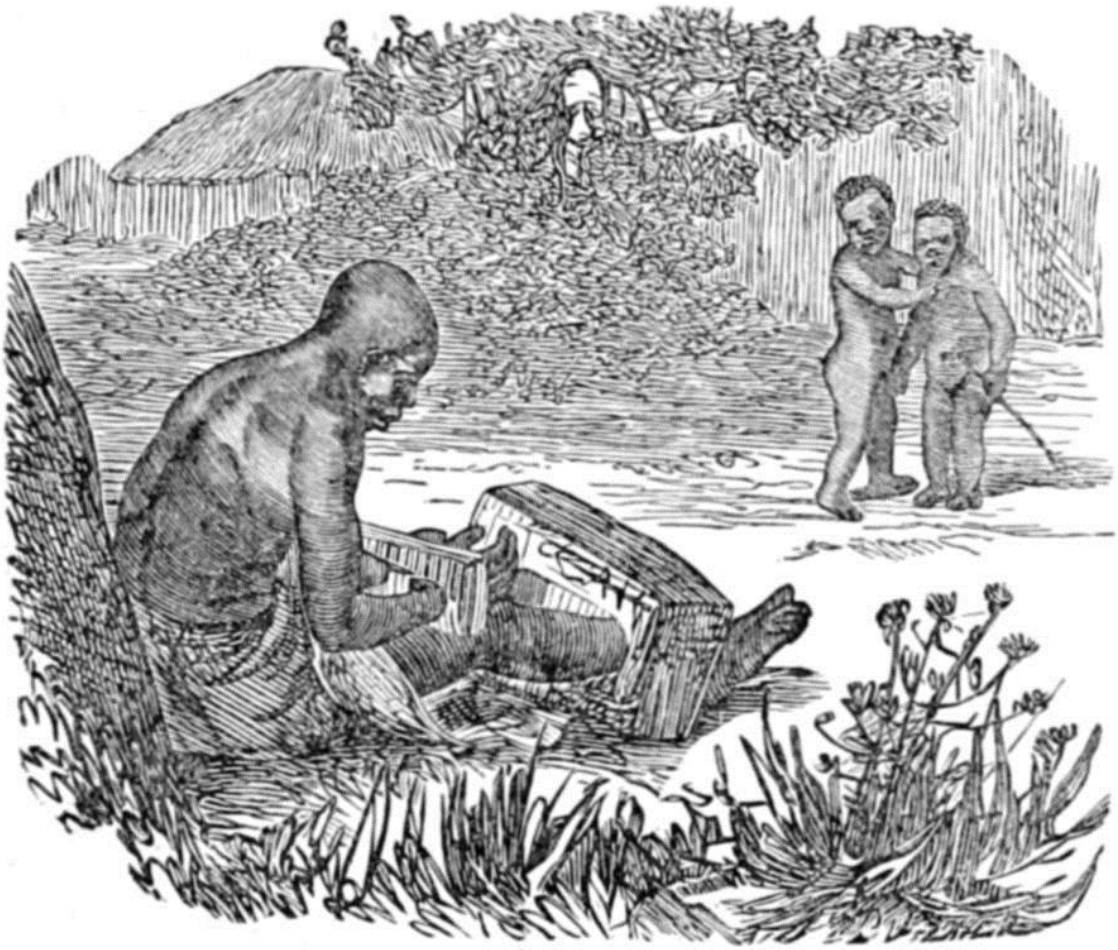
Правительство этой страны - чистый деспотизм, король обладает безответственной и непререкаемой властью. Подданный действительно может обладать собственностью, но только по воле короля. Эта теория постоянно воплощается на практике: король отбирает у

одного человека и дает, а точнее, ссужает, другому все, что пожелает, - земля, скот, рабы, жены и дети в равной степени входят в категорию собственности.

Короля, правившего в Уньоро в то время, когда его посетил капитан Спик, звали Камраси. Это был человек, объединявший в себе необыкновенное разнообразие характеров. Беспощадный, даже выходящий за рамки обычной африканской жестокости; капризный, как избалованный ребенок, разбрасывающий смерть и пытки по прихоти момента; негостеприимный и отталкивающий в соответствии с обычным характером Ваньоро; жадный и хваткий до последней степени; стремящийся вернуть утраченную часть своего королевства и при этом слишком трусливый, чтобы объявить войну. Он был человеком, который вряд ли сможет удержать скипетр.

Однако, несмотря на то, что во многих вещах он был презренным, его нельзя было презирать, и, хотя никто не хотел встретиться с ним в качестве друга, все знали, что он может быть опаснейшим врагом. Ведь он обладал большой долей хитрости, которая заменяла ему более благородные добродетели, которые должны были украшать трон, и управлял своими подданными, используя смесь хитрости и силы. Его система шпионажа сделала бы честь месье де Сартину, и не было ничего, что происходило бы в его стране, о чем бы он не знал.

Вся земля была разделена на округа, и над каждым округом был поставлен офицер, который отвечал за все, что в нем происходило, и был обязан доносить информацию королю. Малейшее упущение в этом отношении влекло за собой смерть или "башмак", что было почти так же плохо и часто заканчивалось смертью. Башмак" - это просто большое и тяжелое полено из дерева с продолговатой щелью, прорезанной в нем. В эту щель продевают ноги, а затем вбивают прочный деревянный колышек через бревно и между лодыжками, чтобы ноги были крепко зажаты. Что касается точного положения колышка, то палач ни в коем случае не следит за этим; и если ему случается вбить его не между лодыжками, а против них, его это не волнует. Поэтому пытка часто бывает настолько сильной, что те, кто был так заключен, умирали от полного истощения.



ПРЕСТУПНИК В БОТИНКЕ.

Чтобы иметь возможность исполнять свои приказы, не опасаясь неповиновения, он держал охрану из вооруженных солдат, числом около пятисот. Эти люди всегда носили с собой щиты и копья; у последних твердые лезвия, очень острые, а их края защищены ножнами, аккуратно сделанными из шкуры антилопы, сшитыми ремешками. Обычные копья не так хороши, потому что Ваньоро не отличаются мастерством в кузнечном деле, а лучшие наконечники копий, которые продаются в стране, покупают Ваганда, более богатые люди.

Телохранители одеты самым необычным образом, их главная цель, по-видимому, состоит в том, чтобы сделать себя как можно более непохожими на людей и как можно более похожими на демонов. Они носят туники из шкур леопарда или обезьяны, пристегивают к спине коровьи хвосты, а на голову повязывают пару рогов антилопы, в то время как их подбородки украшают длинные фальшивые бороды, сделанные из кустистых концов коровьих хвостов.

Когда сэр С. Бейкер посетил Камраси, эта телохранительница выбежала из дворца ему навстречу, танцуя, крича, размахивая копьями, делая вид, что дерутся между собой, а дойдя до гостей, размахивала копьями перед лицом незнакомцев и делала симулирующие выпады. Их нападение было столь внезапным и угрожающим, что некоторые из его людей подумали, что они нападают всерьез, и попросили его открыть по ним огонь. Однако, убедившись, что их цель - не убить, а оказать ему честь, он отказался стрелять и обнаружил, что угрожающее тело людей было просто послано Камрази в качестве эскорта. Если бы с ним были вооруженные турки, они бы непременно встретили этих кажущихся демонами людей залпом.

Любопытным примером его мастерства стал прием, оказанный им сэру С. Бейкеру. Когда путешественнику пообещали беседу, Камрази приказал своему брату М'Гамби изобразить его, а сам, переодевшись в одного из сопровождающих, тайно наблюдал за путешественниками. М'Гамби прекрасно справился со своими обязанностями и в совершенстве изобразил своего царственного брата, попросив все, что видел - оружие, часы, бусы и одежду, которые были одинаково приемлемы, - и закончив просьбой о леди Бейкер. В случае если вещь окажется ценнее других, он предложил в обмен отдать одну из своих жен. Это предложение едва не стоило М'Гамби жизни, и, возможно, хитрый король предвидел возможность такого исхода, когда приказал брату перевоплотиться в него и позволил ему занять место на медном стуле королевской власти. На самом деле. М'Гамби признался, что король боялся, что его гость может быть в сговоре с враждебной державой.

Чтобы привязать к себе стражников, Камраси дал им всевозможные разрешения, разрешив грабить и мародерствовать сколько угодно; по его теории, поскольку все, что попадало в его руки, принадлежало ему, он на самом деле не причинял никакого вреда своим подданным, а убытки в конечном итоге падали на него самого. Таким образом, видно, что в некоторых вещах король был дальновидным человеком и умел править если не любовью, то страхом.

Он был высоким и стройным, и едва ли выглядел на свой возраст, которому было около сорока, а черты его лица в целом были хороши, как и глаза, мягкие и нежные, что, к сожалению, не соответствовало его характеру. Однако его лицо было обезображено национальным обычаем удалять нижние резцы и глазные зубы, и он сказал, что дантист, который провел эту операцию, получил вознаграждение в сто коров. Цвет его кожи был темно-коричневым, и, если бы не зловещее выражение лица, он действительно был бы красивым мужчиной. Однако его черты были довольно сильно обезображены шрамами, покрывавшими лоб, которые все еще оставались как следы различных прижиганий. В Уньоро прижигание, *то есть* раскаленным железом, пользуется большой популярностью как средство лечения; когда человек решает опьянить себя местным пивом или импортным ромом, а на следующее утро терпит обычное наказание в виде головной боли, он тут же думает, что его околдовали, и начинает изгонять демона, прижигая лоб во множестве мест. Камраси немного отошел от обычного обычая и приложил раскаленное железо к носу, в результате чего у него образовался такой шрам, что он очень хотел, чтобы его удалили и вернули носу его обычный цвет.

Он не принимал европейскую одежду, предпочитая продукцию своей страны. Его обычной одеждой была мантия, повязанная вокруг талии и спускавшаяся до ног. Иногда она была сделана из ткани, иногда из шкур, но всегда была светло-красного цвета и украшена небольшими заплатками из черной ткани, которыми она была покрыта. Через определенные промежутки времени ему брили голову, но в промежутках между бритьем волосы росли маленькими пучками, как у босжесмена. Он носил немного украшений, главным из которых было ожерелье из бус, свисавшее до пояса.

Камраси имел весьма сносное представление об эффекте, что было видно по тому, как он принимал своих гостей. Для этой цели была построена хижина, внутри которой находился королевский трон, *то есть* табурет, сидеть на котором - особая привилегия королевской власти. Из травы был сделан довольно высокий помост, который покрыли сначала коровьими шкурами, а затем шкурами леопарда, последний был королевским мехом. Над троном нависал балдахин из коровьей шкуры, натянутый со всех сторон и подвешенный к крыше, чтобы пыль не попадала на голову царя. На троне сидел Камраси, укутанный в тонкую

травяную ткань, его левое запястье украшал браслет, а волосы были тщательно уложены. Он сидел спокойный, неподвижный и молчаливый, как египетская статуя, и с неизменным выражением лица созерцал удивительных белых людей, о которых он так много слышал.

Вряд ли можно представить себе более неприятного человека, чем Камраси, если не принимать во внимание полное отсутствие чистоты, которое он демонстрировал и которое можно рассматривать как национальную, а не индивидуальную особенность. Его скупость побуждала его желать присутствия путешественников, которые могли бы создать новое направление торговли, в то время как его крайняя трусость заставляла его бояться врага в каждом незнакомце. Он ужасно боялся М'теса, а когда узнал, что белые путешественники были гостеприимно приняты этим правителем, решил, что они пришли со зловещими намерениями, и поэтому был начеку в отношении своих воображаемых врагов. Когда же он преодолел свои страхи, то в образе пастыря был столь же провокационен, как и в образе испуганного деспота. Когда сэр С. Бейкер находился в его владениях, Камрази настоял на том, чтобы нанести ему визит, хотя прекрасно знал, что его гость только-только оправился от лихорадки и поэтому не мог присутствовать во дворце.

Хотя у меня почти ничего не осталось из багажа, кроме оружия, боеприпасов и астрономических инструментов, я был вынужден спрятать все под кроватями, чтобы скупой глаз Камраси не обнаружил "недостачи". Верный своему назначению, он явился с многочисленными сопровождающими и был препровожден в мою маленькую хижину. У меня было очень грубое, но удобное кресло, которое соорудил один из моих людей, и в него пригласили сесть короля. Едва он уселся, как откинулся назад, вытянул ноги и, сделав несколько замечаний своим сопровождающим относительно его личного комфорта, попросил это кресло в подарок. Я пообещал немедленно изготовить для него такой. Все было улажено, и он осмотрел маленькую бесплодную хижину, тщетно пытаясь найти глазами хоть что-нибудь, что он мог бы потребовать. Но его поиски были столь бесплодны, что он со смехом повернулся к своим людям и сказал: "Как же так получилось, что им понадобилось столько носильщиков, если им нечего нести? Мой переводчик объяснил, что многие вещи были испорчены во время шторма на озере и остались позади; что наша провизия уже давно израсходована, а одежда износилась, и у нас не осталось ничего, кроме нескольких бусин.

"Новые сорта, без сомнения, - ответил он, - дайте мне все, что у вас есть из маленьких синих и больших красных".

"Основной запас мы тщательно спрятали, а несколько штук разложили по мешочкам, чтобы достать в случае необходимости. Теперь мальчик Саат распаковал их и положил перед королем. Я велел ему сделать выбор, что он и сделал, как я и предполагал, сделав из моего запаса подарки своим приближенным и монополизировав оставшуюся часть на свою долю. Разделение порций между его людьми было скромным способом завладеть всем, поскольку, покинув мою хижину, он немедленно потребовал бы их вернуть.

"Не успел я забрать бусы, как он повторил свое первоначальное требование о моих часах и двуствольном ружье № 24; я решительно отказался. Тогда он попросил разрешения осмотреть содержимое нескольких корзин и мешков, составлявших наш поношенный багаж. Там не было ничего, что привлекло бы его внимание, кроме иголок, ниток, ланцетов, лекарств и маленькой зубной расчески. Последняя очень заинтересовала его, так как я объяснил, что турки собирают слоновую кость для того, чтобы продавать ее европейцам, которые делают из нее множество изделий, среди которых были и маленькие зубные гребни, такие, как он рассматривал. Он не мог понять, как зубья могут быть так тонко нарезаны.

"Когда ему объяснили, как пользоваться расческой, он тут же попытался применить ее на своей шерстяной голове. Не справившись с задачей, он приспособил инструмент для другой цели и начал энергично чесать под шерстью. Получив удовлетворительный результат, он тут же потребовал гребень, который был вручен каждому из окрестных вождей, и все они смогли испытать его свойства. После того как все головы были расчесаны, гребень вернули королю, который передал его Квонге, старосте, получившему подарки. Успех гребня был настолько полным, что он предложил прислать мне один из самых больших бивней, который я должен был отвезти в Англию и разрезать на столько маленьких зубных гребней, сколько он сможет изготовить для себя и своих вождей".

Во время этой беседы Камраси обнаружил футляр с ланцетами и попросил их, поскольку они так хорошо подходили для стрижки ногтей. Кроме того, он открыл сундук с лекарствами и так решительно настроился принять дозу сразу же, что сэр С. Бейкер решил немного отомстить и ввел три зерна тартара, которые нельзя было принимать, пока он не доберется до своей хижины. Что касается винтовки № 24, о которой уже упоминалось, то Камрази постоянно жаждал ее, то открыто выпрашивая, то прося одолжить на день-другой, когда, конечно, она ни за что не вырвалась бы из королевских лап.

Этот провокатор, очевидно, считал, что его гости посланы специально для его собственного обогащения, и его единственной мыслью было, как наилучшим образом использовать их для своей службы. Заполучив их в свои владения, он не собирался отпускать их снова, пока не выжмет из них все досуха. Сначала он хотел заставить их заплатить за привилегию войти в его владения; а когда они вошли, он был уверен, что заставит их заплатить, прежде чем они выйдут обратно. Сначала он притворился, что они слабы и ничтожны, а он велик и силен, и если им нужна его защита, они должны за нее заплатить. Когда они вошли в его округ и показали себя более грозными, чем он хотел допустить, он попросил их помочь ему против его врагов и повести его армию против враждебного племени.

Эта хитрость не удалась, хотя он был достаточно добр, чтобы предложить половину своего королевства за привилегию союза, у него оставался еще один ресурс, а именно: он запретил им покидать его королевство, пока он не даст разрешения, *то есть* пока не вытянет из них все ценное. Покинуть страну без его разрешения было просто невозможно из-за системы шпионажа, о которой уже говорилось, и, хотя можно было бы проложить себе путь с помощью превосходного оружия, такая борьба нейтрализовала бы саму цель экспедиции.

Хотя он и был задирой там, где мог спокойно тиранить, он был самым презренным трусом, когда считал себя в наименьшей опасности. Очень забавный пример был продемонстрирован во время визита сэра С. Бейкера. Однажды утром, как раз на рассвете, Камраси поспешно вошел в свою хижину, лишившись всякого царственного достоинства. В руках он сжимал два копья и ружье и хотел внести их в хижину, вопреки всем правилам этикета. Этого нельзя было допустить, и он с неохотой оставил их снаружи. Он отбросил свою обычную холодную и отталкивающую манеру поведения и был полон энтузиазма. Он также сбросил свою обычную одежду из красиво выделанных шкур и был одет только в нечто вроде короткого килта и шарфа, накинутого на плечи. Зная, что соседний вождь замышляет нападение, и увидев людей в военных костюмах - рогатых, бородатых и хвостатых, - сэр С. Бейкер, естественно, решил, что Камраси одет в боевой костюм, и поздравил его с подобающей легкостью.

"*Я* сражаюсь!" - воскликнул король. "Я не собираюсь сражаться, я собираюсь убежать и надел это платье, чтобы бежать быстрее".

Затем он с большим трепетом объяснил, что враг приближается со ста пятьюдесятью мушкетами и что, поскольку сражаться с такими противниками бесполезно, он намерен убежать и спрятаться в длинной траве, а его гостю лучше последовать его примеру. От ожидаемого нападения его спасло своевременное вмешательство гостя, и единственным знаком благодарности, который он выказал, была повторная просьба о двуствольной винтовке.

И все же, несмотря на эти неблаговидные черты, у этого человека были и положительные стороны; хотя в отдельных случаях и в больших масштабах он был почти настолько жесток, насколько может быть жесток человек, он не совершал тех постоянных убийств своих подданных, которые позорили правление М'теса. Личное наказание применялось во многих случаях, когда М'теса наказывал смертью и, вероятно, более длительными пытками.

Весьма примечательным был способ вынесения приговора заключенному. Если царь или его брат М'Гамби прикасались к нему острием копья, палачи тут же обрушивали на него свои дубины и забивали до смерти. Но если он дотронется до пленника своей палкой, палачи тут же пронзят его своими копьями; таким образом, орудие убийства всегда противоположно тому, которым до него дотронулся король.

Даже в тех случаях, когда смерть наступала, преступника обычно убивали ударом дубинки по шее. Конечно, из этого правила были исключения. Например, враждебный вождь по имени Рионга, один из тридцати его братьев, попал в плен в результате вероломного поступка Камраси, который сначала сделал вид, что заключил мир, затем пригласил его на пир и схватил, когда тот был не начеку. Затем Камраси приказал умертвить его жестокой смертью. Там была хижина с высокими глинобитными стенами и без дверного проема. В нее водрузили Рионгу, и царь отдал приказ, чтобы на следующее утро хижину подожгли, а ее обитателя сожгли до смерти.

Однако другой вождь по имени Сали, зная, что стражники непременно соберутся в любом месте, где можно найти пиво, изобретательно принес большое количество пива. Так они и сделали; и пока они пили, танцевали и пели на одной стороне тюрьмы, люди Сали на другой стороне рыли дыру в глинобитной стене хижины, и вскоре им удалось проделать отверстие, достаточно большое, чтобы позволить заключенному совершить побег.

После этого подвига Сали, увидев, насколько вероломным может быть Камраси, должен был бы обеспечить себе безопасность бегством, но предпочел остаться, думая, что его участие в спасении не будет обнаружено. Однако Камраси заподозрил его в соучастии и сразу же арестовал. Его приговорили к жестокой смерти - расчленению при жизни, и приговор был приведен в исполнение: ему отрубили кисти рук по запястьям, руки по локтям и так далее, пока не отрубили все суставы. Претерпевая эти пытки, он проявил себя храбрым человеком, пытаясь помочь своим друзьям, громко призывая с костра, что им лучше бежать, пока они могут, чтобы их не постигла та же участь.

В Уньоро существует любопытный обычай в отношении сестер короля. Как и другие женщины, они откармливаются на свернувшемся молоке и достигают таких размеров, что не могут ходить, и, когда они выходят из хижины, каждую из них должны нести на подстилке восемь мужчин. Каждая женщина ежедневно потребляет молоко пятнадцати или двадцати коров, причем одна корова дает едва ли одну кварту молока. И хотя этот процесс откорма является обычным предварительным условием для замужества, сестрам короля запрещено выходить замуж, и они содержатся в строгом уединении в его дворце. Как и его братья; но, в отличие от короля Уганды, он не считает нужным убивать их, когда достигнет трона.

Во время короткого мирного периода, наступившего после вмешательства сэра С. Бейкера, народ предался разврату: мужчины пили, танцевали, кричали, дудели в рожки и били в барабаны всю ночь напролет. Женщины не принимали никакого участия в этих развлечениях, поскольку весь день были заняты работой в поле, а их мужья спали дома. Поэтому они слишком устали, чтобы танцевать, и старались урвать хоть какой-то отдых среди ночного грохота.

"Обычным стилем пения был быстрый напев, исполняемый как соло, а в перерывах толпа разражалась оглушительным хором вместе с барабанами и рожками. Последние были сделаны из огромных тыкв, которые, вырастая в своеобразной форме, с длинными бутылочными горлышками, легко превращались в музыкальные инструменты. Время от времени среди ночи раздавался крик "Огонь!", который оживлял наше *унылое* существование. Хижины были завалены соломой, и обитатели, опьянев, часто засыпали с зажженными огромными трубками, которые, падая в сухую солому, сразу же вызывали пожар. В таких случаях пламя распространялось от хижины к хижине с огромной скоростью, и часто четыре или пять сотен хижин в большом лагере Камраси уничтожались огнем и восстанавливались за несколько дней. Я беспокоился о своем порохе, так как в случае пожара соломенная хижина полыхала так мгновенно, что ничего нельзя было спасти; если бы мой порох взорвался, я оказался бы совершенно беззащитным. Поэтому после пожара, случившегося по соседству, я настоял на том, чтобы убрать все хижины в радиусе тридцати ярдов от моего жилища. Туземцы не согласились, я тут же приказал своим людям снести дома и тем самым избавил себя от пьяных и опасных соседей".

Положение женщин в Уньоро совсем не радует, о чем можно судить по краткому упоминанию о тяжелой работе, которую им приходится выполнять. Мужья очень внимательно следят за ними и жестоко избивают, если они выходят за пределы палисада после захода солнца. За неверность наказание, похоже, возлагается на обиженного мужа, который иногда требует крупный штраф, иногда отрубает ногу или руку, а иногда приговаривает к смерти.

Как ни грязны Ваньоро в некоторых вещах, в других они очень аккуратны и чистоплотны. Они замечательно упаковывают вещи и формируют самые аккуратные посылки, какие только можно себе представить. Некоторые из этих посылок обложены корой подорожника, а некоторые - корой или внутренностями тростника, с которых снаружи аккуратно содраны, чтобы осталось несколько белоснежных цилиндров. Их укладывают рядом и обвязывают вокруг предмета, создавая необычайно красивый эффект. Маленькие коврики, сделанные из лоскутков этого тростника, очень часто используются, особенно в качестве крышек для пивных банок. Когда м'йоро отправляются в поход, он всегда носит с собой тыкву, полную вина из подорожника. Горлышко тыквы затыкается пучком этих тростниковых лоскутков, через которые проходит трубка, так что путник всегда может пить, не сбавляя шага, и без опасности пролить жидкость на ходу.

В своей диете Ваньоро широко используют подорожник, и весьма примечательно, что в стране, изобилующей этим фруктом, едва ли можно достать его в спелом виде: туземцы всегда едят его еще зеленым. Подорожник для ваньоро - главная необходимость существования, поскольку он дает им средства для удовлетворения всех реальных жизненных потребностей. Иногда подорожник варят и едят как овощ, а иногда сушат и измельчают в муку, из которой готовят кашу. Фрукт также очищают от кожуры, режут на кусочки и сушат на солнце, чтобы сохранить для будущего употребления, а из этого сушеного подорожника Ваньоро готовят вкусный и питательный суп. Из этого же плода делают вино или, скорее, пиво, которое, таким образом, служит и пищей, и питьем.

Само дерево очень полезно: листья расщепляют на лоскуты и ткут из них удивительную по изяществу ткань, а кору сдирают и используют как бумагу для обертывания посылок с едой. Из волокон подорожника скручивают крепкие веревки и тончайшие нити, а туземцы умеют плести декоративные изделия, которые так похожи на волосы, что нужно очень внимательно присмотреться, чтобы увидеть разницу. Во всех этих изделиях Ваньоро демонстрируют аккуратность рук и изысканность вкуса, которые странно контрастируют с неряшливостью, небрежностью и отталкивающими привычками их повседневной жизни.

Сгущенное молоко широко используется туземцами, которые применяют его для откорма своих жен и дочерей, но, в отличие от арабов, они не смешивают с ним красный перец, считая, что те, кто ест стручковый перец, никогда не будут благословлены детьми. Масло используется в качестве приправы, а не для еды, и туземцы очень скандалят, когда видят, что белые гости едят его. По обычаю своего народа, они однажды разыграли хитрый трюк. Масло упаковывают в листья самым тщательным образом, давая немного на пробу. Однажды туземцы принесли белым гостям немного масла, но так как оно оказалось прогорклым, его отвергли. Они забрали его, а затем принесли свежий запас, который был одобрен и куплен. Но когда с него сняли обертку, оказалось, что это то же самое масло, от которого отказались, а сверху туземцы положили маленький кусочек свежего масла. В наши дни странствующие сыровары проделывают очень похожие трюки, затыкая совершенно несъедобный сыр кусочками лучшего чеширского и вынимая эти кусочки для пробы.

Что касается религии, то у ваньоро ее вообще нет. Они полны суеверий, но, насколько известно, у них нет ни малейшего представления о религии, которая могла бы оказывать какое-либо влияние на поступки. Как и большинство нецивилизованных народов, они очень почитают каждое новолуние, по которому отсчитывают свои эпохи, и приветствуют тонкий полумесяц обильными танцами и жестикуляцией.

Они очень верят в демонов, с которыми, как утверждают пророки или волшебники, они общаются. Некоторые из их предсказаний будущего иногда сбываются. Например, один из участников экспедиции, как говорят, был одержим демоном, который сказал ему, что экспедиция будет успешной, но что демон требует жизни одного человека и болезни другого. Это предсказание исполнилось буквально: один из сопровождающих был убит, а капитан Грант тяжело заболел. Снова тот же человек увидел демона, который сказал, что в Уганде потребуется жизнь одного человека, и, соответственно, Кари, человек, принадлежащий к экспедиции, был убит. В третий раз, когда он был в Уньоро, он увидел демона, который сказал, что больше жизней не потребуется, а экспедиция будет успешной, хотя и затянется. В итоге так оно и оказалось.

Маги претендуют на одну ценнейшую способность - находить потерянные вещи. Однажды капитан Спейк наблюдал весь процесс. Был украден дождевик и бутылка к нему, и все отрицали, что знали об этом. Поэтому был вызван колдун, чтобы найти пропажу. Капитан Спейк рассказал о происходящем следующее

"В 9 часов утра В 9 часов утра, когда измерялось количество осадков за последние двадцать четыре часа, мы обнаружили, что дождемер и бутылка убраны, и послали к Кидгвиге сообщить королю, что хотим, чтобы его колдуны немедленно приехали и начали поиски. Кидгвига немедленно вернулся с нужным адептом - старым, почти слепым человеком, одетым в полоски старой кожи, завязанные на поясе, и держащим в одной руке коровий рог, присыпанный волшебным порошком, тщательно обтянутый кожей, с которого свисал железный колокольчик".

Любопытную сцену, которую мы сейчас опишем, художник воспроизвел на гравюре № 2 на странице 417.

"Старое существо зазвенело колокольчиком, вошло в нашу хижину, присело на корточки, посмотрело сначала на одну, потом на другую, прикинуло, как выглядят пропавшие вещи, хрюкнуло, поводило тощей рукой вокруг головы, словно желая поймать воздух со всех четырех сторон хижины, затем выплеснуло накопившийся воздух на головку своего рога, понюхало его, чтобы убедиться, что все идет правильно, снова зазвенело колокольчиком возле уха и удовлетворенно хрюкнуло; пропавшие вещи должны быть найдены. Однако, чтобы заклинание сработало более эффективно, все мои люди были отправлены сидеть под открытым небом перед хижиной, а старый доктор поднялся, потряс рогом и позвенел колокольчиком у самого уха. Затем, столкнувшись с одним из мужчин, он выставил вперед рог, словно намереваясь ударить его по лицу, затем понюхал голову, потом бросился к другому и так далее, пока не убедился, что мои люди не воры.

"Затем он зашел в хижину Гранта, осмотрел ее и, наконец, направился к месту, где хранилась бутылка. Он ходил по траве с поднятой рукой и звенел колокольчиком у уха, сначала с одной стороны, потом с другой, пока след гиены не дал ему ключ к разгадке, и еще через два-три шага он нашел ее. Гиена отнесла его в траву и уронила. Браво, за безошибочный рог! И король молодец, что честно послал его! Так что я отдал королю бутылку и манометр, что привело его в восторг; а старый доктор, просивший помбе, получил козу за свои хлопоты".

Как и в Уганде, колдуны отличаются странными украшениями, которые они носят: сушеные корни, ящерицы, когти львов, зубы крокодилов, маленькие черепаховые панцири и другие предметы нанизываются на нитку и повязываются на голову. Существует также орден религиозных служителей, называемых "бандва", причем в него могут вступать представители обоих полов. Их отличает обилие украшений, таких как кусочки блестящего металла, маленькие звенящие колокольчики, а один мужчина очень отличился тем, что носил шкуру длинношерстной обезьяны по спине от макушки головы, к которой он прикрепил пару рогов антилопы. Женщины, одетые в официальные одеяния, выглядят очень привлекательно: они одеты в цветные шкуры и носят тюрбаны из коры равнины. Они ходят от дома к дому, распевая свои особые песни, и всегда ожидают подарка. Должность бандва не является наследственной, поскольку любой человек может присоединиться к ним, пройдя определенные церемонии, а дети бандва вольны заниматься любым делом, которое им по душе. Несмотря на то, что они являются нищенствующими, они не полностью зависят от своей профессии, имея собственный скот и другую собственность.

Во многих странах, где суеверия заменяют религию, рождение близнецов считается дурным предзнаменованием, которое должно быть предотвращено путем принесения в жертву одного или обоих детей. В Уньоро дело обстоит иначе. Капитана Спика раздражали барабаны и другие музыкальные инструменты, на которых играли день и ночь без остановки, и когда он поинтересовался их назначением, ему ответили, что это в честь близнецов, родившихся у Камраси, и что они будут играть в том же духе в течение четырех месяцев.

Использование коровьего рога в магии объясняется преданием о том, что когда-то давно жила собака с рогом. Когда собака умерла, рог набили волшебным порошком, и он стал мощным талисманом на войне, а солдаты, которые наступали на него в походе, таким образом, становились победителями. Камраси владел несколькими волшебными рогами, и когда он отправлял посла к соседнему государству, один из этих рогов вешали ему на шею в качестве верительной грамоты, а когда тот возвращался, то приносил с собой другой волшебный рог в качестве доказательства того, что его послание было доставлено. Никто не

осмеливался тронуть человека с такой мощной эмблемой, и это было очень удачно, так как однажды Камраси отправил экспедицию, которая взяла с собой шестьсот мажембе или железных пик, которые являются своего рода валютой: двух мажембе в день достаточно, чтобы купить еду для всей партии. Нагруженные богатством, волшебный рог защитил их, и они благополучно завершили свое путешествие.

Военные амулеты пользуются большим спросом, и во время пребывания капитана Спика в Уньоро он наблюдал за предварительными действиями по изготовлению амулетов. Между Камраси и племенем чопи шла вражда. Поэтому Камраси послал шпионов в район Чопи с приказом принести немного травы из хижины одного из вождей. Они так и сделали, добавив к ней копье, к большому удовольствию Камраси, который решил, что обладание этим оружием позволит ему околдовать копья, а также храбрость своих врагов, и таким образом не дать оружию причинить вред его племени.

Чтобы обеспечить процветание своей семье или вылечить больного родственника, ваньоро убивают какое-нибудь животное, разделывают его и кладут на пересечении двух дорог; это место они, как и балонда, очень почитают. Если человек достаточно богат, он приносит в жертву козу, если нет - подойдет и птица; а если человек очень беден, он заставляет лягушку служить своей цели.

По всей видимости, эти люди держат свои погребальные обряды в тайне, поскольку похорон в Центральной Африке никогда не было, но говорят, что мертвых хоронят рядом с домом или в загоне для скота, завернув в берестяную ткань или коровью шкуру. Когда умирает король, его тело сначала высушивают, а затем вынимают нижнюю челюстную кость и хоронят ее саму по себе. Офицеры дворца имеют привилегию обрабатывать голову и руки таким же образом.

ГЛАВА XLI.
ГАНИ, МАДИ, ОББО И КЫТЧ.

ПОЛОЖЕНИЕ ПЛЕМЕНИ ГАНИ - ИХ ГОСТЕПРИИМСТВО - АРХИТЕКТУРА ГАНИ - СВОЕОБРАЗНЫЙ СТИЛЬ ОДЕЖДЫ - ОЧЕРЕДЬ ГАНИ - СОВЕРШЕНИЕ ТУАЛЕТА НА ПУБЛИКЕ - ПЛЕМЯ МАДИ - УХОД ЗА ДЕТЬМИ - ОДЕЖДА ЖЕНЩИН - РАЗЛИЧНЫЕ ТАНЦЫ - ДЕРЕВНИ МАДИ - ПЛОХОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ТУЗЕМЦАМИ - ПОЛОЖЕНИЕ ПЛЕМЕНИ ОББО - ОБЩИЙ ВИД ТУЗЕМЦЕВ - СВОЕОБРАЗНЫЙ СТИЛЬ ОДЕЖДЫ - КАТЧИБА, ВОЖДЬ ПЛЕМЕНИ ОББО - ЕГО БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ - ЕГО РЕПУТАЦИЯ КОЛДУНА - ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ ВЫХОД ИЗ ЗАТРУДНИТЕЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ - ДВОРЕЦ КАТЧИБЫ - ВИЗИТ К ВОЖДЮ - ЕГО ГОСТЕПРИИМСТВО И ЩЕДРОЕ ПОВЕДЕНИЕ - ХАРАКТЕР КАТЧИБЫ.

Теперь мы переходим к большому району, расположенному примерно на 3° северной широты и 32° восточной долготы. 32° восточной долготы. Эту страну населяет группа племен, которые, возможно, более примечательны по стилю одежды, чем все те, которые мы до сих пор видели. Сначала мы рассмотрим гани.

Гани - гостеприимный народ, и когда капитаны Спейк и Грант проходили через их страну, они приняли их с большим радушием, хотя никогда раньше не видели белых людей, и можно было ожидать, что они встревожатся, если в их земли проникнет вооруженный отряд.

Однажды, когда капитан Грант прогуливался в поисках растений, его окликнул туземец, который сумел дать ему понять, что желает проводить белого человека. Он был очень вежлив с гостем, выступал в роли первопроходца, сбивал колючие ветки, преграждавшие путь, и указывал лучшие места для перехода через скалы. Он, очевидно, решил, что капитан Грант сбился с пути, и проводил его обратно в лагерь, предварительно оставив копье в хижине, поскольку появление с оружием в присутствии начальника противоречит их этикету.

Способ приветствия был весьма примечателен. Старый вождь деревни вышел навстречу чужеземцам в сопровождении своих советников и нескольких женщин, одна из которых несла белую курицу, а другие - пиво и букет цветущего растения. Когда две стороны встретились, вождь, которого звали Чонги, взял птицу за одну ногу, наклонился и покачал ее вперед-назад, прижимая к земле, а затем передал ее своим сопровождающим мужчинам, которые сделали то же самое. Затем он брал тыкву, полную пива, окунал в нее растение и окроплял жидкостью своих гостей, после чего расстилал под деревом коровьи шкуры в качестве диванов, на которых гости могли отдыхать. Затем им подносили пиво, которое вежливо называли водой.

Деревни гани очень опрятны и состоят из множества хижин, построенных вокруг ровного расчищенного места, которое поддерживается в идеальном порядке. В центре этого пространства стоят одна или две миниатюрные хижины из травы, в которых хранятся идолы, а рядом с ними лежат несколько рогов. Когда Гани планируют строительство новой деревни, они чаще всего оставляют в центре расчищенного пространства одно большое дерево, под сенью которого жители собираются и принимают гостей. Дома по форме напоминают пчелиные ульи, они очень низкие и состоят из глинобитной стены и крыши из бамбука, покрытой травой. Высота дверей едва достигает двух футов, но гибкие тела гани, никогда не обремененные одеждой, могут с легкостью пройти через проем. Пол сделан из глины, которая сильно отбита, и подметается с особой тщательностью. На полу расстилаются коровьи шкуры, на которых гани спят без всякого покрывала.

Рядом с хижинами располагаются зернохранилища, которые сделаны очень изобретательно. Сначала по кругу устанавливают несколько грубых каменных столбов, на вершинах которых лежат плоские камни, очень напоминающие остатки Стоунхенджа. На них закреплен огромный цилиндр из корзины, оштукатуренный глиной, верхняя часть которого покрыта конусообразной крышей из бамбука и травы. Когда женщина хочет взять зерно из хранилища, она приставляет к нему большую ветку, с которой срезаны более мелкие сучья, оставляя обрубки длиной в фут или десять дюймов, и по этой грубой лестнице она легко поднимается на крышу.

Внешний вид этого племени наиболее примечателен, поскольку они используют меньше одежды и больше украшений, чем любой известный в настоящее время народ. Начнем с мужчин. Их одежда совершенно не прикрывает тело, но, как бы компенсируя эту наготу, едва ли найдется хоть один квадратный дюйм лица без украшений. Прежде всего, они используют краску как суккеданум для одежды и полностью покрывают себя красками, причем не просто натирают себя одним оттенком, а используют несколько цветов и раскрашивают себя в удивительное разнообразие узоров, многие из которых демонстрируют настоящую художественную силу, а другие просто гротескны.

Двое молодых людей, прибывших в качестве посланников из Чонги, использовали три цвета. Лица они выкрасили в белый цвет - пигментом послужила древесная зола, а тела покрыли двумя слоями краски, первый из которых был фиолетовым, а второй - пепельно-серым. Последний слой они соскребали неровными узорами, как маляр использует стальной

гребень при обработке дерева, так что пурпурный цвет проступал сквозь серый и был похож на зерно красного дерева. Некоторые мужчины покрывают свое тело горизонтальными полосами, как у зебры, или вертикальными полосами, идущими по изгибу позвоночника и конечностей, или зигзагообразными отметинами светлых тонов. Некоторые великие денди идут еще дальше и раскрашивают свое тело в клетчатый цвет, точь-в-точь как у арлекина. Белый цвет всегда играет большую роль в их украшениях и часто наносится широкими полосами вокруг талии и шеи.

Голова украшена не менее великолепно. Сначала волосы выщипывают заколкой, а затем обмакивают в глину, чтобы они превратились в густую войлочную массу. Ее часто дополнительно украшают глиной, выложенной в виде узоров, а в заднюю часть шеи вставляют кусок сухожилия длиной около фута. Эта странная коса закручивается вверх и заканчивается на кончике хохолком из меха, любимым украшением которого является конец хвоста леопарда. В волосы также вплетаются ракушки, бусины и другие украшения, а в большинстве случаев в качестве завершающего штриха добавляется перо. Весь контур головного убора в точности повторяет контур панталон на сцене, и вид человека с телом арлекина и головой панталон слишком велик для европейской гравитации.

Помимо всех этих сложных украшений, мужчины носят множество браслетов, ножных браслетов и серег. Ежедневный туалет ганийского денди занимает очень много времени, а по утрам мужчин можно увидеть в большом количестве сидящими под тенью деревьев, занятыми раскрашиванием собственного тела или причесыванием друга, нанося краску туда, куда он не смог бы направить кисть. Как можно догадаться, они очень тщеславны в отношении своей внешности, и когда их туалет завершен, они расхаживают, чтобы показать себя, и постоянно *позируют* в позах, которые кажутся им изящными, но которые можно охарактеризовать как тщеславные.

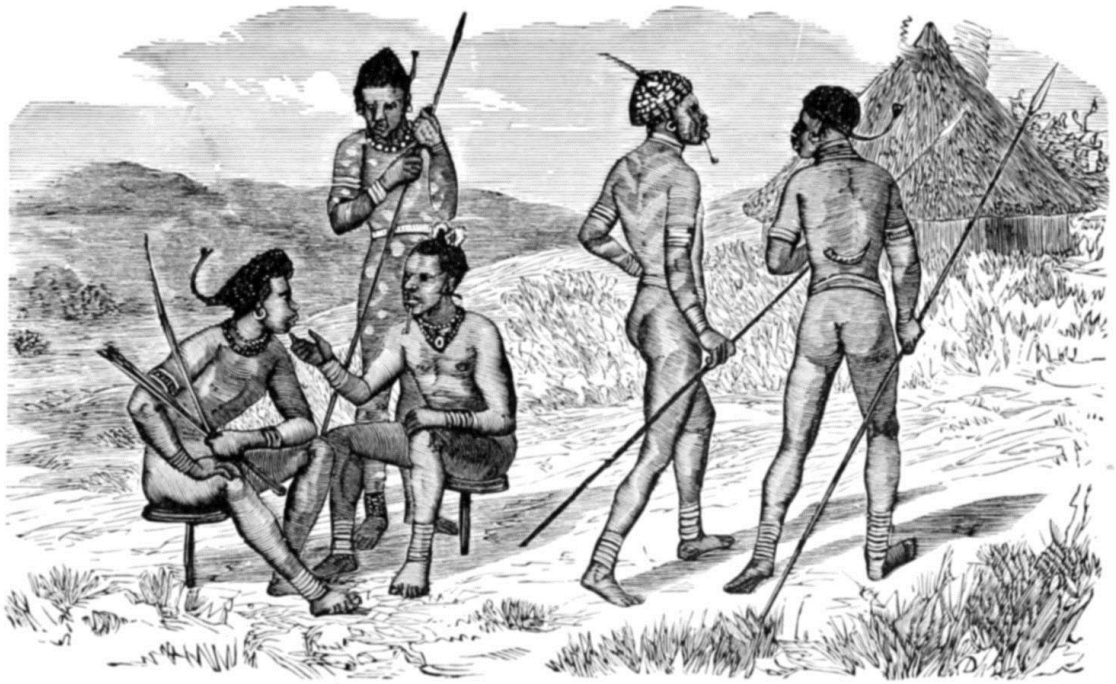
Каждый мужчина обычно носит с собой странный маленький табурет на одной ножке, и вместо того, чтобы сидеть на земле, как это делают большинство дикарей, гани стремятся сесть на эти маленькие табуретки, которые очень похожи на те, что используют швейцарские пастухи, когда доят коров, и отличаются от них только тем, что не привязаны к телу. Гравюра № 1 на странице 431 поможет читателю понять это описание.

Женщины не такие приверженцы моды, как их мужья, в основном потому, что им приходится работать и ухаживать за детьми, на которых не действует ни одна краска, которую они могли бы использовать. Как и родители, дети не имеют одежды и просто подвешены на довольно широкой лямке, проходящей через одно плечо матери и под другим. Поскольку, однако, солнечные лучи могут навредить им, большую тыкву разрезают на две части, вырезают в ней углубление и одну из частей перевертывают на голову и плечи ребенка.

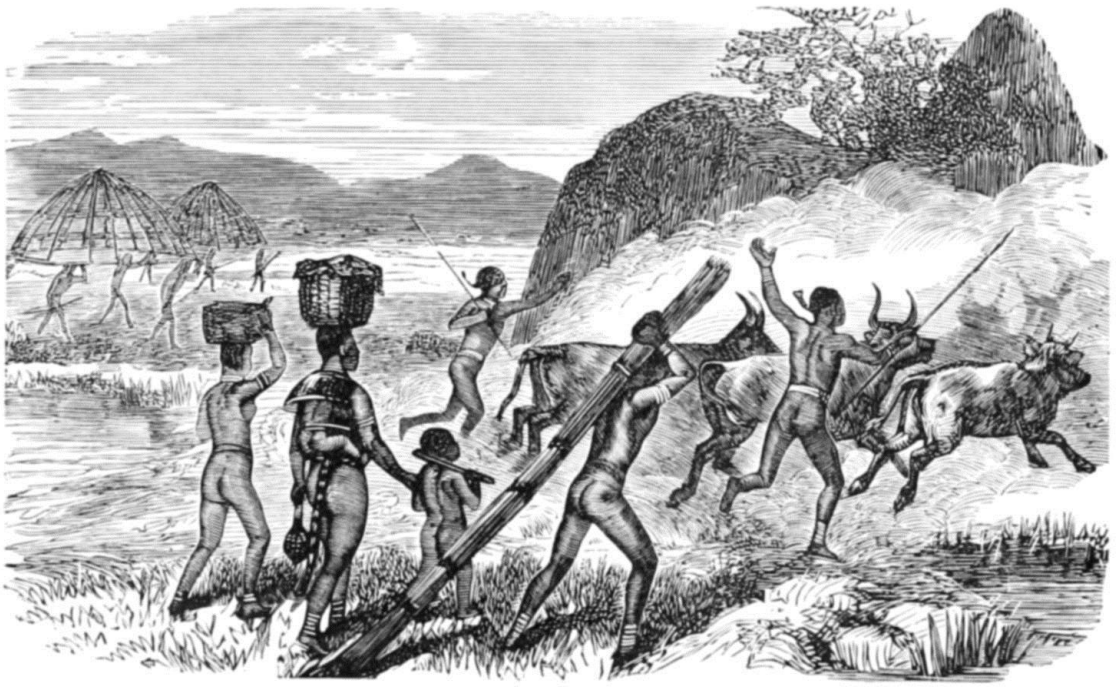
У Гани есть скот, но они очень плохие пастухи, из-за чего стадо ухудшилось в размерах и качестве. Они даже не умеют правильно управлять своим скотом: каждая корова признает специального погонщика, который одной рукой держит хвост, а другой - рог, и таким образом тащит и толкает животное.

ПЛЕМЯ МАДИ.

Не очень далеко от гани расположилось племя мади. Они одеваются или, скорее, раздеваются примерно так же. Женщины очень трудолюбивы и отличаются тщательной аккуратностью и чистотой, в которой они содержат свои хижины (см. гравюру на стр. 431). Каждое утро можно видеть, как женщины подметают свои дома или стоят на коленях перед проемом, служащим дверью, и похлопывают и разглаживают пространство перед дверным проемом. Они также постоянно заняты варкой пива, помолом кукурузы и выпечкой хлеба.



(1.) ГРУППА ГАНИ И МАДИ.
(См. стр. 430.)



(2.) УДАЛЕНИЕ ИЗ ДЕРЕВНИ.
(См. с. 434.)

Они очень заботятся о своих детях, ежедневно обмывая их теплой водой, а затем, поскольку у них нет полотенец, вылизывая их насухо, как это делает кошка со своими котятами. Когда ребенок вымыт и высушен, мать добывает немного жира, в котором размешана вермилион, и натирает им тело ребенка, пока оно не станет красным и блестящим. Далее ребенка кладут на спину на козью шкуру, углы которой затем собирают и связывают вместе, чтобы получилась колыбель. Если мать очень занята, она подвешивает колыбель на колышек или ветку дерева, и ребенок не возражает против такого обращения.

Одежда женщин состоит из подъюбника, доходящего чуть ниже колен, но они часто обходятся без этого предмета одежды, довольствуясь несколькими кожаными шнурками спереди и еще одним пучком шнурков сзади. Если кожаных ремешков нет, то пучок чикве отвечает всем требованиям к одежде. Они носят железные кольца на руках выше локтя, а между кольцами и рукой обычно засовывают маленький нож.

Они любят носить маленькие круглые диски, вырезанные из раковин двустворчатых моллюсков. Эти раковины раскладывают для отбеливания на крышах хижин, а когда они отбеливаются, их разрезают на круги размером с четыре пенни, каждый из которых имеет отверстие, просверленное посередине. Их нанизывают друг на друга и носят как пояса, а также используют в качестве монет, на которые можно купить мелкие продукты, например фрукты или пиво. Мужчины имеют привычку носить украшения из бивней дикого кабана. Бивни повязывают на руку выше локтя, и они хорошо контрастируют с естественным темным оттенком кожи и яркими цветами, в которые она чаще всего окрашена.

Когда рождается ребенок, остальные женщины собираются вокруг хижины матери и поднимают страшный шум в знак поздравления. Яростно бьют в барабаны, поют песни, хлопают в ладоши, выкрикивают благодарственные фразы во весь голос, а дикие и неистовые танцы служат аккомпанементом к этому шуму. Как только мать приходит в себя, убивают козу, и она переступает через ее тело взад-вперед. Одна из женщин, жена коменданта, прошла через очень любопытную церемонию, когда восстановила свое здоровье после рождения ребенка. Она взяла пучок сухой травы, зажгла его, а затем трижды обошла вокруг своего тела из руки в руку, пока шла слева от двери. Затем зажигали другой пучок травы, и она проделывала аналогичное представление, когда шла к передней части двери, и снова повторяла процесс, когда шла направо.

Танцы мади довольно разнообразны. Поздравительный танец исполняется путем прыжков вверх и вниз без всякого порядка, размахивания ногами и руками, а также хлопанья локтями по ребрам. У молодых мужчин есть свой танец, который гораздо приятнее женского. Каждый берет палку и барабан, и они выстраиваются в круг, бьют в барабаны, поют, сходятся к центру, а затем снова расходятся в точном соответствии с ритмом барабанных ударов.

Иногда устраивается грандиозный общий танец, в котором участвуют несколько сотен исполнителей. "Шесть барабанов разных размеров, нанизанных на шесты, находились в центре; вокруг них двигалась масса людей, расталкивая и толкая друг друга, как на ярмарке; а за их пределами кольцо девушек, женщин и младенцев стояло перед внешним кругом мужчин, трубящих в рога и вооруженных копьями и булавами, их головы были украшены страусовыми перьями, шлемами из раковины каури и т. д. Никогда еще я не видел такой оживленной сцены жизни дикарей и не слышал более дикого шума. Когда два больших круга

обоих полов одновременно прыгали под музыку и двигались по кругу при каждом прыжке, женщины пели и звенели массой своих браслетов, бросая вызов и возбуждая мужчин, заставляя их совершать различные галантные поступки, а наши сиды присоединились к танцу и, без сомнения, коснулись многих прекрасных грудей".

Оружие мади - копья, луки и стрелы. Копья длиной около шести футов, с бамбуковыми древками и железным шипом на конце для втыкания в землю. Они лучшие лучники, чем большинство африканских племен, и развлекаются тем, что ставят метки и стреляют в них с расстояния сорока или пятидесяти ярдов. Стрелы в основном отравлены, и так всегда, когда они используются для войны.

Деревни мади построены очень аккуратно, полы в них сделаны из красной глины, сильно выбитой и выглаженной. Пороги дверей сделаны из того же материала, но вымощены кусочками битого фаянса, вдавленными в глину и искусно соединенными таким образом, чтобы получился своеобразный узор. Чтобы скот не заходил в хижины, напротив входа обычно устанавливают подвижные перекладины из бамбука. Деревни обнесены забором, и жители никогда не позволяют больным жить внутри ограды. Они не просто выбрасывают их, как это делают в некоторых частях Африки, а строят несколько хижин за стенами в качестве больницы.

Крыши хижин искусно сделаны из бамбука и травы, и на них уходит большая часть труда по строительству дома. Поэтому если мади недовольны положением деревни или считают, что соседние племена доставляют им беспокойство, они спокойно уходят в другое место, унося с собой самую важную часть своих домов, а именно крыши, которые настолько легки, что их могут нести несколько человек. Деревня на марше представляет собой весьма любопытное и живописное зрелище: крыши хижин несут на головах четыре-пять мужчин, бамбуковые колья несут другие, в то время как одни загоняют скот, а женщины несут детей и простую домашнюю утварь. На гравюре № 2 на странице 431 изображен такой переезд.

Турецкие караваны, которые время от времени проходят через страну, являются главной причиной этих миграций, поскольку они очень грубо обращаются с мади. Когда они приходят в деревню, то не селятся в ней, а срывают крыши с хижин и разбивают на них лагерь за оградой. Они также грабят кукурузные лавки, а если обиженный владелец осмеливается возразить, его сбивают с ног прикладом мушкета или угрожают содержимым. В некоторых частях страны эти люди так жестоко обращались с туземцами, что, как только жители деревни видели приближающийся караван, все женщины и дети покидали свои жилища и прятались в кустарнике и траве.

ОББО.

Мы переходим к Оббо, району, расположенному на 4° 55' северной широты и 31° 45' восточной долготы. Сэр С. Бейкер провел в Оббо значительное время - гораздо большее, чем хотелось бы, - и в результате узнал много нового об особенностях его жителей.

В некоторых отношениях туземцы похожи на гани и мади, особенно в их пристрастии к краскам, пренебрежении к одежде и способу, которым они покрывают голову. В этом отношении они даже более прихотливы, чем только что упомянутые племена: у некоторых из них белоснежные парики спускаются до плеч, а завершает их изогнутая и уложенная в

хохолок косичка. Форму головного убора оббо удачно сравнили с хвостом бобра: он широкий и плоский, а в середине толще, чем по краям. Длина этого головного убора обусловлена не собственными волосами владельца, а переплетением волос из других источников. Например, если человек умирает, его волосы снимают родственники и вплетают их в головной убор как сувенир об ушедшем и дополнение к своим украшениям. Они также делают шапочки из раковин, нанизанных друг на друга и украшенных перьями, а вместо одежды носят небольшую шкуру, перекинутую через одно плечо.

У мужчин есть странная мода носить на шее несколько толстых железных колец, иногда до шести или восьми, все они ярко отполированы и похожи на ряд собачьих ошейников. Если владелец становится тучным, эти кольца так сильно давят ему на горло, что он едва не задыхается. Они также любят делать пучки из коровьих хвостов, которые подвешивают на руки чуть выше локтей. Однако самые модные украшения делают из конских хвостов, волосы которых также высоко ценятся для нанизывания бус. Следовательно, конский хвост - предмет немалой ценности, а в стране Оббо за конский хвост в хорошем состоянии можно купить корову.

Краска используется главным образом как разновидность военной формы. Туземцы используют следующие цвета: лазоревый, желтый и белый, но конкретный рисунок они придумывают сами. Полосы из чередующихся алых и желтых, или алых и белых, кажется, образуют обычный узор, вероятно, потому, что они легко рисуются и представляют собой смелый контраст цветов. Голову украшает своеобразная шапочка из раковин каури, к которой прикреплены несколько длинных страусовых плюмажей, ниспадающих на плечи.

Вопреки обычаю, женщины одеты меньше, чем мужчины, и до замужества не носят никакой одежды или только три или четыре нитки белых бус длиной около трех дюймов. Некоторые ханжи, однако, обвязывают вокруг талии шнурок и втыкают в него маленькую листовую веточку, стебель которой находится вверху. "У этого костюма было одно большое преимущество. Он всегда был чистым и свежим, а ближайший куст (если он не был колючим) обеспечивал чистый подъюбник. Находясь в обществе этих очень простых и, по поведению, всегда скромных Ив, я не мог не размышлять о мозаичном описании наших первых родителей". Замужние женщины обычно носят бахрому из кожаных ремешков длиной около четырех дюймов и шириной два. Старые женщины в основном предпочитают ветки листьев кожаной бахроме. В молодости они обычно красивы, у них хорошо сформированные носы и губы, слегка напоминающие негритянский характер. Некоторые из мужчин напоминают зрителям сомаули.

Катчиба, вождь Оббо, был довольно красивым мужчиной, лет шестидесяти, и был поистине замечательным человеком, восполнявшим хитростью недостаток силы и управлявшим своим маленьким королевством с действительно твердой, хотя и внешне вялой, хваткой. Прежде всего, имея приличное количество сыновей, он сделал их всех вождями различных округов, на которые разделил свои владения. Из-за того, что его народ высоко ценил , ему постоянно подносили новых жен, и поначалу он был озадачен тем, как разместить столько жен в своем дворце. В конце концов он решил распределить их по разным деревням, через которые он имел обыкновение совершать свои поездки, так что, где бы он ни находился, он оказывался дома.

Так получилось, что когда сэр С. Бейкер посетил Катчибу, у него в живых оставалось сто шестнадцать детей. Это может показаться не слишком удивительным фактом, если учесть количество его жен. Но в Африке множество жен не обязательно подразумевает соответствующее количество детей: некоторые из этих многоженцев имели только одного

ребенка на каждые десять или двенадцать жен. Поэтому тот факт, что семья Катчибы была очень большой, сильно поднял его в сознании его народа, который смотрел на него как на великого колдуна и испытывал глубочайшее уважение к его сверхъестественной силе.

Катчиба претендовал на общение с невидимым миром и на власть над стихиями: дождь и засуха, штиль и буря, как полагали его подданные, были ему подвластны в равной степени. Иногда, если страна страдала от засухи сверх обычного срока, Катчиба собирал свой народ и произносил длинную речь, обличая их дурные поступки, из-за которых не было дождя. Эти злые поступки, если их проанализировать, обычно оказывались не более чем недостатком либеральности по отношению к себе. Он объяснил им, что искренне сожалеет об их поведении, которое "вынуждает его терпеть неблагоприятную погоду", но что они сами виноваты. Если они настолько жадны и скупы, что не снабжают его должным образом, как они могут ожидать, что он будет думать об их интересах? Нет коз - нет дождя; таков наш договор, друзья мои", - говорит Катчиба. "Делайте, что хотите: *Я* могу подождать; надеюсь, и вы сможете". Если его люди жалуются на слишком обильные дожди, он угрожает, что будет вечно обрушивать на них бури и молнии, если они не принесут ему столько-то сотен корзин кукурузы и т. д. и т. п. Так он удерживает свою власть.

Ни одному человеку не придет в голову отправиться в путешествие без благословения старого вождя, и считается, что в волшебных руках Катчибы должен быть особый "фокус-покус", который очарует путешественника и убережет его от всех опасностей, связанных с дикими животными в пути. В случае болезни его вызывают не как доктора медицины в нашем понимании, а как доктора магии, и он очаровывает и хижину, и пациента от смерти, с колебаниями результатов, которые должны сопутствовать профессионалам даже в колдовстве. Его подданные полностью доверяют его силе; и так велика его репутация, что дальние племена часто советуются с ним и просят его помощи как мага. Так старый Катчиба держит власть над своим диким, но доверчивым народом; и так долго он навязывался публике, что, как мне кажется, в конце концов навязался и сам, и что он действительно верит, что обладает колдовской силой, несмотря на неоднократные неудачи".

Однажды, когда сэр С. Бейкер находился в стране, Катчиба, как и другие создатели дождя, попал в затруднительное положение. Дождя не было уже долгое время, и люди так рассердились на продолжающуюся засуху, что собрались вокруг его дома, трубя в рога и выкрикивая проклятия в адрес своего вождя, потому что он не послал им дождя, который позволил бы им посеять свои семена. Верный своей политике, хитрый старик отмахнулся от их угроз, сказав им, что они могут убить его, если захотят, но если они это сделают, то дождя больше не будет. Дождь в стране был необходимым следствием того, что вождю дали коз и провизию, и, как только он получит соответствующую плату, дождь должен пойти. Остальная часть истории настолько хороша, что ее следует пересказать словами самого автора.

"При всей этой шумихе я видел, что старый Катчиба находится в большой дилемме и что он отдал бы все за дождь, но не знал, как выбраться из затруднительного положения. У племен было принято приносить в жертву своего создателя дождя, если он не справится с задачей. Он внезапно изменил тон и спросил: "У вас в стране есть дождь? Я ответил, что время от времени. Как вы его приносите? Вы делаете дождь? Я сказал ему, что в нашей стране никто не верит в создателей дождя, но мы умеем собирать молнии (то есть электричество). Я не храню молнии в бутылках, но у меня полный дом грома и молний, - невозмутимо ответил он, - но если вы умеете хранить молнии, вы должны понимать, как делать дождь. Что вы думаете о погоде на сегодня?

"Я сразу понял, к чему клонит старый хитрый Катчиба: ему нужен был профессиональный совет. Я ответил, что он должен знать все об этом, так как сам регулярно устраивает дожди. Конечно, знаю, - ответил он, - но я хочу знать, что *вы* думаете об этом". Ну, - сказал я, - я не думаю, что у нас будет постоянный дождь, но я думаю, что у нас может быть сильный ливень примерно через четыре дня" (я сказал это, так как я наблюдал, как во второй половине дня ежедневно собирались ворсистые облака). "Это только мое мнение", - обрадовался Катчиба. Через четыре, а может, и через пять дней я намерен устроить им один душ - всего один душ, да. Я просто подойду к ним и скажу этим негодяям, что если они дадут мне несколько коз к этому вечеру и немного кукурузы к завтрашнему утру, то через четыре или пять дней я устрою им всего один душ".

"Чтобы привести свое заявление в исполнение, он несколько раз дунул в свой волшебный свисток. Вы используете свистки в своей стране?" - поинтересовался Катчиба. В ответ я лишь так пронзительно и оглушительно свистнул пальцами, что Катчиба зажал уши и, снова улыбнувшись в знак восхищения, взглянул на небо из дверного проема, чтобы убедиться, что эффект достигнут. Свистни еще раз, - сказал он, и я снова зазвучал, как свисток паровоза. "Этого будет достаточно, мы получим его", - сказал хитрый старый создатель дождя и, гордый тем, что так ловко заручился "мнением адвоката" в своем деле, отправился к своим нетерпеливым подданным. Через несколько дней внезапный ливень и сильный гром усугубили славу Катчибы, а после ливня затрубили рога и забили ногары в честь своего вождя. *Среди нас* мой свисток считался непогрешимым".

Когда его гости лежали больные в своих хижинах, пораженные лихорадкой, распространенной в жарком и влажном климате, как в Оббо, Катчиба пришел к ним в образе фокусника и совершил любопытную церемонию. Он взял небольшую лиственную ветку, набрал в рот воды и выплеснул ее на ветку, которую затем размахивал по хижине и, наконец, прикрепил к двери. Он заверил своих больных гостей, что теперь они обязательно выздоровеют, и, поскольку они действительно выздоровели, его мнение о его магических способностях, несомненно, подтвердилось.

После выздоровления они нанесли визит вождю, по его особому желанию. Его дворец представлял собой ограждение диаметром около ста ярдов, внутри которого находилось несколько круглых хижин разного размера; самая большая, диаметром около двадцати пяти футов, принадлежала самому вождю. Весь двор был вымощен толченой глиной и был очень чистым, а палисадники были покрыты тыквами и разновидностью вьющегося ямса. Мебели у Катчибы было немного, главными предметами были несколько коровьих шкур, которые расстилались на полу и использовались как кушетки. На эти примитивные диваны он усаживал своих гостей, а сам занимал место между ними. Остальная мебель состояла из глиняных кувшинов, вмещавших около тридцати галлонов каждый и предназначенных для хранения или варки пива.

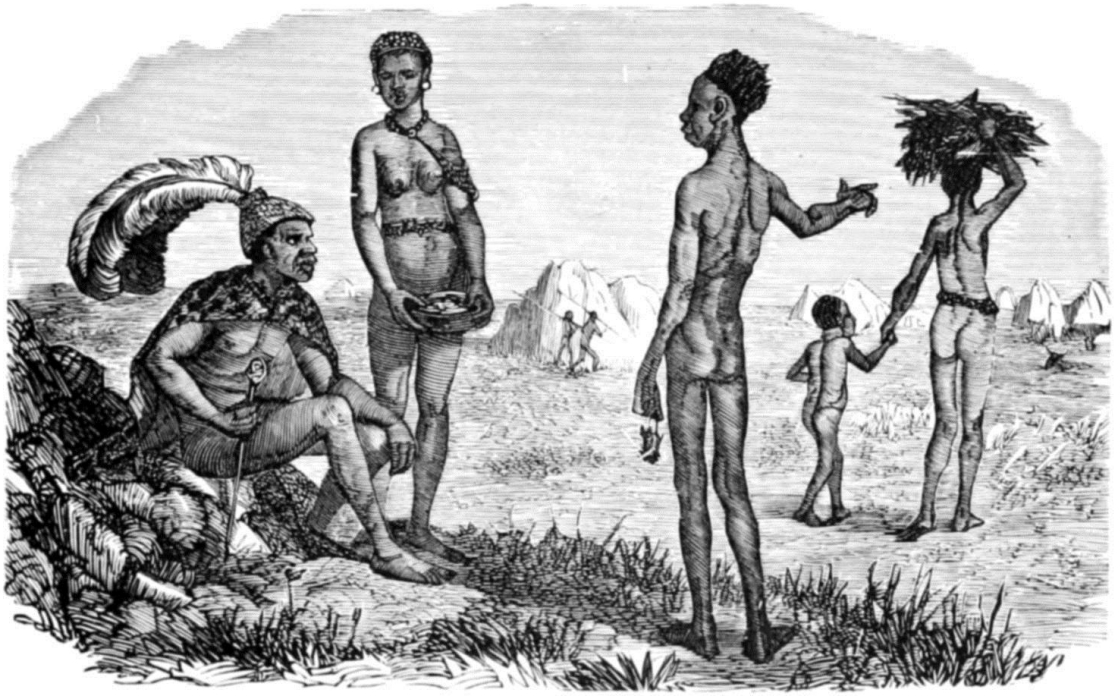
Предложив гостям по огромной тыкве этого напитка, и сам вдоволь угостившись им, он вежливо спросил, не спеть ли им песню. Катчиба, несмотря на свои седые волосы, звание вождя и достоинство колдуна, был заметным шутом, дикарем Гримальди, полным врожденного гротескного веселья, и поэтому они, естественно, ожидали, что представление будет, как и другие его представления, крайне нелепым. Их ждало приятное разочарование. Взяв из рук одной из своих жен "рабабу", или грубую арфу с восемью струнами, он потратил некоторое время на ее настройку, а затем запел обещанную песню. Песня была странной и дикой, но пронзительной и удивительно приятной, а аккомпанемент был очень подходящим, так что этот "восхитительный старый колдун" показал себя человеком, гениальным как в музыке, так и в политике.

Когда его гости поднялись, чтобы уйти, он принес им в подарок овцу; когда они отказались от нее, он больше ничего не сказал, но подождал их в дверях своей хижины, а затем провел их за руку примерно на сто ярдов, изящно выразив надежду, что они повторят свой визит. Когда они добрались до своей хижины, то обнаружили там овцу, которую Катчиба отправил перед ними. В общем, этот вождь, который поначалу показался им не более чем веселым шутом, случайно оказавшимся на месте вождя, неожиданно оказался мудрым и уважаемым правителем, воспитанным и опытным джентльменом.

КИТЧ.

Недалеко от страны Оббо находится район, населенный племенем кытч. В 1825 году в главных городах Европы был выставлен француз по имени Клод Амбруаз Сера, которого в народе называли "Живым скелетом" за его необычайную худобу: тело и конечности выглядели так, словно скелет был обтянут кожей и наделен жизнью. Среди племени кытч он был бы ничем не примечателен, почти все люди были сформированы по одному и тому же образцу. На самом деле, как заметил о них сэр С. Бейкер, на расстоянии они выглядят как одушевленные грифельные карандаши с головами. Мужчины племени кытч высоки и, если бы не их крайнее истощение, были бы прекрасными фигурами; то же самое можно сказать и о женщинах. Эти физические особенности показаны на гравюре № 1 на следующей странице.

Почти единственными представителями племени кытч, которые могли претендовать на округлые формы, были вождь и его дочь, которой было около шестнадцати лет, и она была очень красива. Как и все остальные члены племени, она не носила ничего, кроме небольшого куска выделанной шкуры площадью около фута, который висел через одно плечо и спадал на руку; единственной попыткой одеться был пояс из звенящих железных кругов и несколько бус на голове.



(1.) ГРУППА ПЛЕМЕНИ КЫТЧ.
(См. с. 436.)

(2.) БОЙ В СТИЛЕ "НЭМ-НАМ".
(См. с. 443.)

Ее отец носил больше одежды, чем его подчиненные, хотя его одеяние было скорее напоказ, чем для использования: просто кусок выделанной леопардовой шкуры висел на его плечах в качестве эмблемы его ранга. На голове у него было что-то вроде черепной коробки из белого бисера, с которой свисал гребень из белых страусовых перьев. Он всегда носил с собой любопытный инструмент, а именно железный шип длиной около двух футов с полым гнездом на конце, центр которого был обвязан змеиной кожей. В полом гнезде он хранил свой табак, так что этот инструмент служил одновременно и табачницей, и кинжалом, и дубинкой.

Вряд ли можно представить себе более жалкий и деградировавший народ, чем племя кытч, и, если бы не два обстоятельства, их можно было бы считать самыми низкими образцами человечества.

В качестве пищи они полностью зависят от естественных продуктов земли и ведут жизнь, едва ли превосходящую жизнь павиана, почти все их мысли сводятся к поиску ежедневной пищи. С момента пробуждения до момента засыпания они находятся в непрерывном поиске пищи. Их страна не является плодородной; они никогда не обрабатывают землю и не сеют семена, так что они постоянно берут из земли и никогда ничего в нее не вкладывают. Они едят почти все, что только можно себе представить, животное и растительное, считая себя

очень удачливыми, если им удается найти нору полевой мыши, которую они мучительно выкапывают с помощью палки, а затем роскошно ею питаются.

Они настолько прожорливы, что едят кости и кожу, а также плоть; а если им случайно удается добыть тело животного, настолько крупного, что его кости невозможно съесть целиком, кытч разбивают кости на куски между двумя камнями, затем толкут их в порошок и превращают толченые кости в своего рода кашу. На самом деле, как уже не раз отмечалось, если животное убито или умирает естественной смертью, племя кытч не оставляет после себя ничего, чем могла бы питаться муха.

Два факта, которые поднимают племя кытч над уровнем зверей, - это то, что они держат скот, и то, что у них есть закон о браке, который, хотя и противен европейским представлениям, все же является законом и имеет аналог во многих странах, гораздо более развитых в цивилизации.

Скот племени кытч держат больше для показухи, чем для использования, и, если он не умирает, его никогда не используют в пищу. Скотовод из племени кытч скорее убьет себя и ближайших родственников, чем свою любимую скотину. Молоко одного из них, конечно, является необычной роскошью в такой полуголодной стране, и никто, кроме самых богатых людей, вряд ли когда-нибудь попробует его. Животные разделены на небольшие стада, и к каждому стаду прикреплен любимый бык, который, похоже, считается обладателем почти священного характера. Каждое утро, когда скот выводят на пастбище, священного быка украшают пучками перьев, привязанными к его рогам, и, если возможно, маленькими колокольчиками. Его торжественно призывают заботиться о коровах, не давать им блуждать и вести их на лучшие пастбища, чтобы они давали много молока.

Закон о браке очень своеобразен. Разумеется, в стране кытчей, как и в других частях Африки, принято многоженство: муж обеспечивает себя чередой молодых жен по мере того, как остальные становятся старыми и немощными, а значит, неспособными выполнять тяжелую работу, которая выпадает на долю африканских жен. Поэтому чаще всего случается так, что когда мужчина уже совсем стар и немощен, у него есть несколько жен намного моложе его самого, а некоторые из них могут быть его внуками. При таких обстоятельствах последние переходят к его старшему сыну, и вся семья живет вместе в гармонии, пока смерть отца не сделает сына абсолютным хозяином всего имущества.

ГЛАВА XLII.
ПЛЕМЕНА НЕАМ-НАМ, ДОР И ДЖУР.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПЛЕМЕНИ НЕАМ-НАМ - ИХ ВОИНСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР - НЕОБЫЧНЫЙ ПРИЕМ - ДЕЙСТВИЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ - ОДЕЖДА И ОБЩИЙ ВИД ПЛЕМЕНИ НЕАМ-НАМ - СПОСОБ ОХОТЫ НА СЛОНОВ - ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ - ПЛЕМЯ ДОР И ЕГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ - ОРУЖИЕ ДОР - ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ЧЕХОЛ ИЛИ КОЛЧАН - СТРЕЛЫ И ИХ УЖАСНЫЕ КОЛЮЧКИ - БИТВА ДОР - ОБРАЩЕНИЕ С МЕРТВЫМИ ВРАГАМИ - "ПАДЕНИЕ" НА СЛОНА - ОДЕЖДА ДОР - ГУБЫ - ОРНАМЕНТ - ИХ АРХИТЕКТУРА - ЛЮБОПЫТНАЯ ОДЕЖДА.ОРНАМЕНТ - ИХ АРХИТЕКТУРА - ЛЮБОПЫТНЫЙ ПОДХОД К ДЕРЕВНЕ - ДЕРЕВЯННЫЕ ВОЖДИ И ИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ - МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ - ПЛЕМЯ ДЖУР - ОТСУТСТВИЕ СКОТА - МУХА ЦЕЦЕ - МЕТАЛЛУРГИЯ - ГЕНИАЛЬНАЯ ПЛАВИЛЬНАЯ ПЕЧЬ - ЖЕНСКИЕ НОЖИ - ОБШИРНОЕ ДВИЖЕНИЕ - КУРЕНИЕ - КОРА "КВИДОВ"."

Сразу за экватором, в районе Нила, живет очень примечательное племя под названием Неам-Нам. Это свирепый и воинственный народ, агрессивный по отношению ко всем окрестным племенам, совершающий вторжения на их территорию и уводящий их детей в рабство. Поэтому их очень боятся, а земли, которые окружают границы Неам-Нам, остаются невозделанными, и никто не осмеливается их занимать из страха перед их ужасными соседями. Похоже, что Неам-Нам не только прочно обосновались, но и постепенно расширяют свои границы, а их соседи с каждым последующим набегом отступают все дальше и дальше.

Когда мистер Петерик проезжал через их страну, многих его носильщиков не смогли убедить вступить на территорию такого страшного племени, даже если они были защищены оружием белого человека. Несколько из них дезертировали по дороге, и наконец, когда они оказались в виду первой деревни, остальные бросили свой груз и убежали, оставив только переводчика.

Когда они приблизились к деревне, раздался угрожающий звук тревожного барабана, и из нее вышли Неам-Нам в полном боевом вооружении, с копьями в правых руках и большими щитами, прикрывающими их тела. Они выстроились в линию и, казалось, собирались оспаривать проход; но когда отряд тихо и беспечно двинулся вперед, они разомкнули ряды и позволили им войти в деревню, из которой уже были выведены женщины и дети. Затем они расположились под сенью большого платана, сложили поклажу и сели вокруг него в круг, держась со всех сторон фронтом к вооруженным туземцам, которые теперь стали подходить ближе, чем это было желательно, а некоторые даже садились на ноги путешественника. Все они были очень веселы и шутливы, постоянно указывали на своих гостей, а затем разражались одобрительным смехом. Очевидно, это была какая-то шутка, которая щекотала их воображение, и с помощью переводчика она вскоре была раскрыта.

Дело было в том, что Неам-Нам были каннибалами и собирались съесть чужаков, которые так глупо доверились им в этой стране без копий, мечей и щитов, но не хотели убивать их до прихода своего вождя. Когда эта приятная шутка была объяснена, изумленные гости были почти так же забавны, как и Неам-Нам, прекрасно понимая, что их оружия достаточно, чтобы отогнать в десять раз больше таких врагов.

Вскоре прибыл вождь - пожилой седовласый мужчина, который своей проницательностью, безусловно, показал себя достойным занимаемой должности. После беседы с переводчиком он обратился к своим людям, и произошла следующая необычная беседа

"Неам-Нам, не оскорбляй этих странных людей. Вы знаете, откуда они пришли?"

"Нет; но мы будем пировать на них", - ответили ему. Тогда старик, подняв копье и приказав молчать, продолжил:

"Знаете ли вы какое-нибудь племя, которое осмелилось бы приблизиться к нашей деревне в таком малом количестве, как эти люди?"

"Нет!" - снова прозвучало в ответ.

"Очень хорошо; ты не знаешь, откуда они пришли, как и я, который намного старше тебя и чей голос ты должен уважать. Их страна, должно быть, очень далека, и то, что они преодолели множество племен между их страной и нашей, должно служить для вас доказательством их доблести. Взгляните на то, что они держат в руках: это не копья, не булавы, не луки и стрелы, а непонятные куски железа, закрепленные на дереве. Нет у них и щитов, чтобы защитить свое тело от нашего оружия. Поэтому, проделав такой долгий путь,

мы должны полагаться на , что их средства сопротивления столь же загадочны для нас и намного превосходят любое оружие, которое любое племя, даже наше собственное, может им противопоставить. Поэтому, Неам-Нам, я, который вел тебя на многие битвы и советам которого ты часто следовал, говорю: не проливай свою кровь напрасно и не навлекай позора на своих отцов, которые никогда не были побеждены. Не трогайте их, но докажите, что вы достойны дружбы такой горстки храбрецов, и сделайте себе честь, принимая их, а не унижайте их постоянными оскорблениями".

Невозможно не восхищаться проницательностью этого вождя, у которого хватило ума вывести силу своих гостей из их кажущейся слабости и бояться их по тем самым причинам, которые заставляли его более невежественных и импульсивных людей презирать их.

Успокоив таким образом волнение, он попросил осмотреть странное оружие своих гостей. Ему вручили пистолет, с которого сняли колпачок, и он очень озадачился. Судя по тому, как его держали, это была явно не дубина; но это не мог быть и нож, так как у него не было острия, и не копье, так как у него не было острия. Более того, тот факт, что ствол был полым, сильно озадачил его. Наконец он ткнул пальцем в дуло и пытливо посмотрел на своего гостя, как бы спрашивая, для чего может понадобиться такой предмет. В ответ мистер Петерик взял ружье и, указав на стервятника, который парил над их головами, выстрелил и сбил его.

"Но не успела птица коснуться земли, как толпа уже лежала на земле и корчилась в пыли, как будто в каждого из них стреляли. Голова старика, зажавшего уши руками, лежала у моих ног; когда я поднял его, вид у него был ужасный, а глаза смотрели на меня с бессмысленным выражением. Я подумал, что он лишился чувств.

"Встряхнув его несколько раз, мне удалось привлечь его внимание к упавшей птице, трепыхавшейся в последних муках между двумя его людьми. Первым признаком того, что он пришел в себя, было то, что он приложил руку к голове и осмотрел себя, как будто в поисках раны. Постепенно он пришел в себя и, как только вновь обрел голос, обратился к толпе, которая одна за другой сначала поднимала головы, а затем снова опускала их при виде своих, казалось, безжизненных товарищей. После повторного призыва старика они осмелились подняться, и начался общий осмотр мнимых ран".

Этот человек, по имени Мур-мангаэ, был всего лишь вождем и уступал очень великому вождю, которого звали Димоо. У Неам-Нам есть один единственный царь, которые разделены на несколько независимых подплемен, каждое из которых управляется своим вождем и имеет значение в силу своей численности. Пока они приходили в себя после выстрела, появился сам Димоо, который, выслушав чудесную историю, похоже, был склонен ее опровергнуть и собрал своих людей, чтобы напасть. В этот момент вдали показался слон, и он решил испытать это животное, спросив, может ли гром белых людей убить слона так же хорошо, как стервятника, и что, если он сможет это сделать, он будет уважать их. Сразу же был отправлен отряд в сопровождении вождя и всех дикарей. При первом же залпе большая часть Неам-Нам, включая вождя, пала, а остальные убежали так быстро, как только могли их нести ноги.

После этого события поведение людей изменилось с агрессивной наглости на смиренное уважение, и они сразу же продемонстрировали свои изменившиеся чувства, прислав большое количество молока и каши для гостей, а также половину жирной собаки для ужина самого мистера Петерика. Они также начали торговать, и их одинаково удивляло и забавляло, что такие обычные и бесполезные вещи, как слоновьи бивни, можно обменять на такие бесценные вещи, как бусы, и, соответственно, они были в хорошем настроении. До этого времени торговля была совершенно неизвестна среди Неам-Нам, и, хотя люди широко

использовали слоновую кость для изготовления украшений, они никогда не думали о мирном бартере со своими соседями, считая, что грабить лучше, чем обменивать.

Однако Димоо все еще сохранял некоторую подозрительность, которая проявлялась в различных мелочах. Наконец мистер Петерик придумал план, с помощью которого он полностью покорил своего хозяина. Димоо неумеренно увлекался табаком своих гостей и постоянно просил у них немного. Поскольку запас был невелик, мистеру Петерику не хотелось делать его еще меньше, но в то же время отказ был бы невежливым. Поэтому в один прекрасный день, когда поступила обычная просьба, он удовлетворил ее, сказав при этом Димоо, что табак курить небезопасно, потому что он всегда ломал трубки тех, кто замышлял вероломство по отношению к нему.

Тем временем слуга, заранее проинструктированный, набил трубку Димоо, одновременно вложив в нее небольшой заряд пороха, для которого было достаточно места из-за непомерно большого размера чаши. Димоо взял трубку и стал демонстративно раскуривать ее, как вдруг раздался взрыв, чаша разлетелась вдребезги, а Димоо и его советники в ужасе повалились друг на друга. Совершенно покоренный этим последним доказательством всеведения белого человека, он смиренно признал, что действительно замышлял предательство - не против его личности, а против его имущества - и что в его намерения входило задержать всю партию, пока он не завладеет всем их имуществом.

Внешний вид племени Неам-Нам очень поразителен. Они не совсем черные, но имеют коричневый и оливковый оттенок кожи. Мужчины одеты лучше, чем обычно в Центральной Африке, и носят самодельную ткань, сотканную из волокон коры. Довольно большой кусок этой ткани накидывается на тело таким образом, чтобы оставить руки свободными. Волосы заплетены в густые косы, тянущиеся от шеи до плеч.

При укладке волос используются длинные булавки из слоновой кости длиной от шести до двенадцати-четырнадцати дюймов, слегка изогнутые. Один конец гладко заострен, а другой гораздо толще, и на протяжении примерно четырех дюймов вырезан в виде различных узоров, в основном зигзагообразных, которые так распространены по всей Африке. Когда волосы полностью расчесаны и уложены, две самые большие шпильки протыкаются в них горизонтально, а несколько более коротких шпилек располагаются в виде луча, так что они образуют полукруг, чем-то напоминающий большой гребень испанской дамы.

Одна из таких булавок сейчас передо мной. Она длиной всего в фут, на толстом конце почти такая же большая, как черносвинцовый карандаш, постепенно сужаясь к другому концу. Задник, или основание, покрыт множеством царапин, которые считаются декоративными, но выглядят так, как будто их нанес ребенок, впервые взявший в руки нож, и окрашены в черный цвет отваром какого-то корня.

Одежда женщин частично состоит из куска ткани, как было описано, но меньшего размера, и, кроме того, они носят довольно любопытный фартук из кожи. Тот, что находится в моей коллекции, несколько напоминает зулусский фартук, показанный в разделе "Предметы костюма" на странице 33, рис. 3, но он не такой толстый и не такой тяжелый, и вообще сделан по другому принципу. Верхняя часть представляет собой цельный квадрат толстой кожи, сложенный вдвое посередине и отбитый плоской стороной. К обоим краям прочно пришит тройной ряд плоских кожаных ремешков шириной почти в восьмую часть дюйма, а толщиной едва ли больше коричневой бумаги. Таким образом, к верхней коже пришито шесть рядов этих плоских ремешков. Весь орнамент, как ни прост он, ограничивается передним слоем ремешков и состоит исключительно из железа. Плоские полоски железа, сделанные, очевидно, путем сгибания проволоки, закручиваются вокруг ремешков и затем

прибиваются к ним молотком, а конец каждого ремешка украшается кольцом или петлей из железной проволоки.

Центр цельной кожи украшен круглым куском железа в форме босса, с царапинами по краям и железным кольцом в центре. Ремешок, поддерживающий фартук, крепится к паре железных колец в верхних углах. В некоторых фартуках вместо железного босса используется бисерный орнамент, но почти в каждом случае присутствует какое-либо украшение. У женщин также есть украшение, сделанное путем вырезания маленьких плоских кусочков слоновой кости и размещения их на полоске кожи, один поверх другого, как рыбья чешуя. Это украшение носят как ожерелье. Они также вырезают из слоновой кости кусочки, неплохо имитирующие раковины коровьего дерева, и нанизывают их друг на друга, как будто это настоящие раковины.

Есть еще один орнамент, который демонстрирует тип украшения, распространенный во всей Центральной Африке. Оно состоит из пояса из прочной кожи бегемота, который предпочитают из-за его прочности и толщины, к которому прикреплено множество пустых ореховых скорлупок. В верхней части ореха раскаленным железом просверливается отверстие, через которое продевается железное кольцо, а через другое, пробитое в коже. Скорлупа очень твердая и толстая, и, когда носитель танцует с энергичными жестами, сопровождающими такие выступления, орехи непрерывно и довольно громко гремят.

Все Неам-Нам носят кожаные сандалии, и, несмотря на скудность их одежды, они отличаются чистоплотностью, что является столь редким для Африки достоинством, что заслуживает похвалы, когда встречается.

Как уже можно было заметить, Неам-Нам - раса каннибалов, и они всегда пожирают тела убитых врагов. Этот отвратительный обычай не ограничивается врагами, а распространяется почти на всех людей, с которыми они вступают в контакт, и их собственное племя не является исключением. Сами они рассказывали мистеру Петерику, что, когда неам-нам становился старым и немощным, его всегда убивали и съедали, и что, когда кто-то из них был на грани смерти, их постигала та же участь.

Если кто-то из рабов убегает и попадает в плен, его всегда убивают и съедают в качестве предупреждения для других рабов. Однако такое случается крайне редко, к рабам относятся с особой добротой, а хозяин и раб взаимно гордятся друг другом. Действительно, во многих семьях рабы ценятся больше, чем дети. Действительно, большая часть богатства Неам-Нам состоит из рабов, и человек оценивает свою значимость по количеству рабов, которых он содержит. Все эти рабы принадлежат к другому племени и были захвачены их владельцами, так что они являются живыми свидетелями доблести, а также признаками богатства. Их никогда не продают и не обменивают, поэтому работорговцы среди них неизвестны, и они избавлены от одного из главных проклятий Африки. Как правило, рабы настолько верны и полностью вливаются в семью, к которой принадлежат, что в случае войны они вооружаются и сопровождают своих хозяев в бою.

Неам-Нам - искусные охотники, и при преследовании слона они широко используют огонь. Поскольку они хотели добыть бивни, чтобы обменять их на бусы мистера Петерика, они с тревогой ожидали первых дождей, которые принесут слонов в их страну.

"Дожди шли один за другим, и после двухнедельного перерыва стадо из восемнадцати слонов было объявлено ударами том-том, что оно находится поблизости. Старики, мальчики, женщины и дети собрались с самыми радужными ожиданиями, и я, желая стать свидетелем этой сцены, отправился вместе с охотниками. Я никогда не видел более прекрасного

собрания взрослых и активных мужчин. Рабы, многие из которых были родом из Баэра, но большинство принадлежали к неизвестным племенам с запада, были почти черными и следовали за своими более благородными на вид хозяевами с оливковым цветом кожи. Через два часа марша - первая часть по возделанным землям, а вторая через великолепные заросли - мы вышли на открытую равнину, по пояс покрытую сухой травой, а навстречу нам неторопливо шли слоны.

"Негры, около пятисот человек, быстрые, как антилопы, образовали вокруг них огромный круг и своими криками заставили огромную дичь остановиться. Как по волшебству, равнина запылала, и слоны, среди рева и треска пламени, были скрыты от нашего взора дымом. Там, где я стоял, и вдоль линии, насколько я мог видеть, трава была примята, чтобы не допустить захвата огнем внешней стороны круга; и через некоторое время - не более получаса - огонь иссяк, и облако дыма, постепенно поднимаясь, снова показало группу слонов, стоявших как окаменевшие. Как только горящие угли достаточно потухли, негры с воплем набросились на свою добычу со всех сторон. Огонь и дым ослепили их, и, не имея возможности защищаться, они один за другим падали от копий нападавших. Зрелище было грандиозным, и, хотя их бивни оказались богатым призом, я был тронут этой расправой".

Когда воин племени Неам-Нам отправляется на битву, он берет с собой любопытный набор оружия. Конечно, у него есть копье, хорошо и крепко сработанное, с лезвием в форме листа, как у копья кабана, только гораздо длиннее. На левой руке он держит свой щит, сделанный из волокон коры, сплетенных очень плотно друг с другом и очень толстых. Изготовитель проявляет свой вкус в узорах, которые он наносит на щит различными красками. Внутри щита находится нечто вроде деревянной рукояти, к которой прикреплены одно или два самых замечательных оружия.

Одно из них полностью плоское, включая рукоятку, и толщиной примерно с лезвие обычного меча. Выступающие части окантованы и очень острые, а рукоять толще лезвия, закруглена и шероховата, чтобы рука могла крепко держаться. (См. "Бой Ним-Нам" на с. 437).

Когда Неам-Нам приближается к своему врагу и прежде чем тот окажется на расстоянии удара копьем, он выхватывает одно из этих странных орудий из своего щита и бросает его в противника, подобно тому как австралиец бросает свой бумеранг, американский индеец - свой томагавк, а сикх - свою чакру, придавая ей вращательное движение при броске. Благодаря такому способу метания оружие охватывает значительное пространство, и если выступающие лезвия соприкасаются с лицом противника, они непременно выводят его из строя, а то и убивают на месте.

А поскольку их бросают сразу несколько, становится ясно, что воин Неам-Нам - не обычный противник, и даже обладатель огнестрельного оружия может быть побежден, если его застанут врасплох, ведь поскольку "бумеранги" спрятаны в щите, первым признаком их существования будет то, что их острые лезвия будут последовательно кружить в воздухе со смертоносным прицелом.

Кроме копья и бумерангов, каждый Неам-Нам носит с собой нож странной формы в кожаных ножнах, причем, как ни странно, рукоятью всегда вниз. Он острый с обеих сторон и используется в качестве рукопашного оружия после того, как бумеранги были брошены, а стороны подошли слишком близко, чтобы эффективно использовать копье. От выступа у основания лезвия к рукояти свободно привязывается шнур, а петля продевается через запястье, чтобы воин не был обезоружен.

Некоторые племена Неам-Нам используют весьма примечательный щит. Он веретенообразный, очень длинный и узкий, шириной всего четыре или пять дюймов в середине и сужающийся к острию на обоих концах. В середине вырезано отверстие, достаточно большое , чтобы вместить руку, и оставлен брусок дерева, образующий рукоятку. Этот диковинный щит носят в левой руке и используют для отражения копий или стрел противника, для чего ловко поворачивают его.

По принципу действия и внешнему виду он так похож на щит коренного австралийца, что его легко можно принять за одно из этих орудий. Иногда воин украшает свой щит, покрывая его шкурой антилопы, обернутой вокруг него, пока она еще влажная, а затем сшитой по линии рукоятки. Племена шиллох и динка используют похожее оружие, но их щиты лишены полого щитка для руки и выглядят точно так же, как луки без тетивы.

У каждого воина также есть свисток, или зов, из слоновой кости или рога антилопы, который используется для передачи сигналов; а у некоторых офицеров, или вождей, есть большие военные трубы, сделанные из бивней слонов. Одна из форм таких труб показана на иллюстрации "Кабосер и солдаты" на странице 564. Читатель заметит, что, как обычно в Африке, они звучат сбоку, как флейта, а не с конца, как обычные трубы.

В целом мистер Петерик провел значительное время среди этого справедливо опасающегося племени и был настолько популярен среди них, что когда он покидал страну, его сопровождали толпы туземцев, а великий вождь Димоо не только умолял его вернуться, но и великодушно предложил свою дочь в жены в случае принятия приглашения и обещал держать ее у себя до тех пор, пока не захочет.

ДФР.

Миновав ряд мелких и сравнительно незначительных племен, мы приходим к большому и важному племени дор. Как и все африканские племена, имеющие хоть какое-то притязание, оно включает в себя множество более мелких или подплемен, которые только рады быть причисленными к столь важному и могущественному племени и ради принадлежности к нему отказываются от своей индивидуальности.

Как и у Неам-Нам, у дор нет верховного вождя, а бесчисленные подплемена, из которых они состоят, независимы и почти все враждуют друг с другом. Действительно, все политическое состояние дор удивительно напоминает шотландское, когда клан был настроен против клана, и среди них царила постоянная вражда, хотя все они славились именем шотландца.

Как и в старые добрые времена Чеви Чейза, охота почти всегда предшествует драке. Доры очень любят охотиться и устраивают сражения с размахом. Они плетут прочные сети из коры и закрепляют их между стволами деревьев, чтобы охватить пространство в несколько миль. Антилопы и другая дичь загоняются в эти сети со значительного расстояния, а поскольку охотникам приходится проходить через большое пространство страны, часть которого наверняка занята враждебными племенами, то обязательно происходит стычка, если не обычное сражение.

Оружие, которое носят с собой доры, довольно грозное. Одним из самых любопытных является дубина. Она около двух футов шести дюймов в длину и примечательна формой головки, которая напоминает гриб, но имеет острые края. Поскольку она сделана из очень

твердого дерева, это очень эффективное оружие, и даже каменный череп воина Дора не может устоять перед ее ударом. Лук демонстрирует очень распространенную в этой части Африки конструкцию, которая должна сильно влиять на силу оружия. Тетива не доходит до кончиков лука, так что восемнадцать дюймов или около того оружия тратятся впустую, а упругость нарушается. Читатель увидит, что, если отрезать концы лука сразу над тетивой, прочность и упругость не уменьшатся, и что, по сути, дополнительный вес на каждом конце лука только увеличивает работу оружия.

У африканцев есть странная привычка делать оружие таким образом, чтобы максимально ослабить его эффективность. Не довольствуясь тем, что на каждом конце лука остается по футу или около того бесполезной древесины, некоторые племена украшают оружие большими пучками свободных нитей или волокон, примерно на полпути между рукояткой и наконечником, как будто для того, чтобы как можно больше мешать прицеливанию. Копья также украшают ворсинками до такой степени, что они становятся совершенно неуправляемыми.

Со стрелами обращаются гораздо тщательнее, чем с луками. Форма стрел, а также их длина очень разнообразны. Все они с железными наконечниками, и каждый человек, похоже, делает свои стрелы по своей особой моде; иногда они большие и ширококонечные, иногда слегка колючие, но чаще всего тонкие и остроконечные.

В моей коллекции есть замечательный колчан, некогда принадлежавший воину одного из племен дор. Он был привезен из Центральной Африки мистером Петериком. Ничто не может быть проще конструкции этого колчана. Изготовитель отрезает полосу шкуры антилопы длиной более трех футов и шириной четырнадцать дюймов. Затем он проткнул ножом края через умеренно регулярные интервалы, чтобы сделать ряд отверстий. Затем из той же шкуры отрезается ремешок шириной около полдюйма и пропускается через самое верхнее отверстие или щель, при этом большой узел не дает ему проскользнуть. Затем он был пропущен через оставшиеся прорези, чтобы скрепить края шнурком, как бока сапог. Дно закрывается простым способом: его подворачивают и шнуруют тем же шнурком к боку колчана.

Вряд ли можно представить себе более грубую работу. Изготовитель прорезал прорези совершенно беспорядочно, так что иногда пропустил одну или две, и не позаботился о том, чтобы свести стороны колчана вместе по всей длине. Он был настолько глуп или небрежен, что сначала вырезал слишком узкую полоску кожи, а затем расширил ее, не позаботившись о том, чтобы зашить разрез, который тянется на две трети колчана.

Четыре или пять стрел имеют листовидную головку и не нуждаются в особом описании. Самая большая из стрел, представляющая собой "древко с суконного двора", если бы не отсутствие перьев, могла бы соперничать с оружием старых английских лучников. Головка примечательна тяжелым гребнем, проходящим по центру с обеих сторон. Есть еще один, не такой смелый, как только что упомянутый, но столь же грозный вид оружия, благодаря толстому слою яда, который начинается сразу за головкой и тянется почти до самого древка.

Однако наиболее характерными формами являются две. Первая - это стрела, колючая с удивительной изобретательностью, причем колючки не просто выступы, а настоящие шипы, более дюйма в длину, а у основания почти такой же толщины, как воронье перо. Они были отделены от железной головки ударом зубила или другого подобного инструмента, а затем загнуты наружу и заточены до тех пор, пока их острия не стали похожи на иглы. Кроме этих длинных колючек, вся квадратная шейка железного наконечника имеет зазубрины, как у бечуанского ассагая, который был изображен на стр. 281.

Такую стрелу невозможно извлечь, и единственный способ удалить ее - протолкнуть через рану. Но центральноафриканцы, очевидно, решили, что их враг слишком дешево отделался, получив возможность избавиться от стрелы таким простым способом, и, соответственно, изобрели разновидность стрелы, которую нельзя ни вытащить, ни протолкнуть. Во второй из этих стрел есть пара перевернутых колючек прямо на стыке древка и железного наконечника, так что, когда стрела проникает внутрь, ее нужно либо вырезать, либо оставить на месте. Такая стрела не отравлена, да и не нуждается в подобном дополнении к своим ужасам. Обе эти стрелы примечательны тем, что головки прикреплены к древку сначала обычным способом - сыромятной шкурой, а затем - полосой железа шириной около шестой части дюйма. Хотя они короче некоторых других стрел, но за счет этого гораздо тяжелее.

Один из случаев драки во время охоты хорошо описан мистером Петериком. Он сидел в тени в полдень, когда увидел, что несколько мальчишек поспешно бегут в деревню за дополнительным запасом оружия для своих отцов. "Мгновенно распространилась тревога, что происходит драка, и женщины *толпой* ринулись к месту происшествия с неописуемыми криками и воплями. Схватив свою винтовку, в сопровождении четырех моих последователей, любопытство посмотреть на драку негров побудило меня присоединиться к ним. После нескольких часов напряженного марша через кустарник и поляны, покрытые колышущейся травой, доходившей нам почти до пояса, возвращение нескольких мальчиков предупредило нас о близости драки и об их опасении, что она обернется против них, поскольку противная сторона была самой многочисленной. Многие женщины поспешили вернуться в свои дома, чтобы в случае чего подготовиться к бегству и спасению в буше. К такому случаю, в определенной степени, они всегда готовы; несколько посылок с зерном и провизией, аккуратно упакованных в шарообразные формы в листьях, окруженных сетью, обычно хранятся наготове в каждой хижине для внезапного старта.

"Ускорив шаг и поднимаясь на крутой холм, мы достигли вершины и спускались по пологому склону, и тут я столкнулся с Джау и его отрядом, которые полностью скрылись и скакали, как борзые, по низкому подлеску и высокой траве. Заметив меня, они остановились и огласили воздух дикими криками "Белый вождь! Белый вождь!", и я едва не задохнулся в объятиях вождя. Мое присутствие придало им мужества, и они снова встретили врага; громкий пронзительный крик седоголового, но все еще крепкого вождя стал сигналом к атаке, и, устремившись вперед, они вскоре скрылись из виду. Угнаться за ними было бы невозможно, но, шагая в самом быстром темпе, мы следовали за ними изо всех сил. После долгого марша по пологому склону, у подножия которого была прекрасная поляна, мы снова встретились с ними, выстроившимися в линию, парами, на расстоянии нескольких ярдов друг от друга, в пределах кустарника, и ни звука, указывающего на их присутствие.

"Присоединившись к ним и поинтересовавшись, что стало с врагом, человек, к которому я обратился, молча указал на кустарник на противоположной стороне поляны, примерно в трехстах ярдах в поперечнике. Несмотря на то что я намеревался быть простым зрителем, теперь я чувствовал себя скомпрометированным в схватке; и, хотя мне не хотелось проливать кровь, я не мог отказать в помощи друзьям, которые предоставили мне убежище среди них. Выйдя на открытое пространство с отрядом из четырех человек, я решил, что мы должны действовать как скирмишеры на стороне наших хозяев, которые сохраняли позицию в кустарнике. Мы прошли примерно треть пути по поляне, когда противник вышел из леса и длинной линией в два-три эшелона расположился на его границах напротив нас. Я тоже подтянул свои силы, и на мгновение мы замерли, глядя друг на друга. Хотя они находились в пределах досягаемости, на расстоянии около двухсот ярдов, я не хотел стрелять по ним; но

предпочел продолжать движение вперед, полагая, что престижа моего огнестрельного оружия будет достаточно.

"Я оказался прав. Не успели мы пройти и пятидесяти ярдов, как началось всеобщее бегство, и через мгновение Джау со своим отрядом, насчитывавшим около трех-четырех сотен человек, пустился в погоню. Поразмыслив над тем, что опрометчиво подвергать себя с таким малым числом людей враждебности шестисот негров, и похвалив себя за эффект, который произвело мое появление в бою, я стал ждать возвращения своих хозяев. В течение часа это произошло, и, когда они продвигались вперед, я никогда не забуду впечатления, которое они на меня произвели. Более полной картины жизни дикарей я и представить себе не мог. Большая толпа голых негров наступала, держа в руках луки и стрелы, копья и дубины, с дикой жестикуляцией и страшными криками возвещая о своей победе, а один из них демонстрировал смердящую голову жертвы. Я отказался присоединиться к ним, чтобы после поражения врагов обрушиться на их деревни.

"С некоторым трудом их удалось убедить довольствоваться уже достигнутым успехом - тем, что они отбили численно превосходящую силу, - и вернуться в свои дома. Их согласие было достигнуто только фактическим отказом от дальнейшего сотрудничества; но в случае повторного нападения на их деревни, вероятность которого была предположительной, я обещал им свою готовую поддержку".

Смерть врага и захват его тела всегда вызывают бурное ликование среди племен дор, поскольку они получают трофеи, демонстрирующие их мастерство в ведении войны. В центре каждой деревни есть большое открытое пространство, или цирк, в центре которого находится почитаемое военное дерево. Под этим деревом установлены большие военные барабаны, чьи глубокие, рокочущие звуки слышны за много миль. На ветвях висят выбеленные черепа убитых воинов, и военные барабаны звучат только тогда, когда к трофею добавляется новая голова или когда воины призываются к оружию.

В этой стычке были убиты четверо врагов, и их тела были брошены в кустарник, а головы оставлены для трофея. Вечером того же дня их принесли в деревенский цирк и устроили танцы в честь победителей. В большие барабаны били ритмично, и женщины шли парами, танцуя под звуки барабана и распевая военную песню. Приблизившись к головам жертв, они останавливались и обращались к ним с различными оскорбительными эпитетами, звеня железными браслетами и возбужденно крича. На следующий день головы уносили в кустарник для отбеливания, а после того, как они полностью отбеливались, их вешали на трофей под аккомпанемент новых криков и танцев.

Однако все их охоты проходят не так, и не все они приводят к кровопролитию. Например, когда они охотятся на слона, на животное нападает небольшая группа, и по вполне понятной причине, а именно: тот, кто первым ранит слона, забирает бивни, и поэтому каждый дополнительный человек только уменьшает шанс.

У них есть один необычайно изобретательный способ охоты на слона, которым занимается один человек. Охотник берет с собой замечательное копье, сделанное специально для этой цели. Одно из таких копий, привезенное из Центральной Африки мистером Петериком, находится в моей коллекции, и его изображение можно увидеть на странице 103, рис. 2. Они немного отличаются по размеру, но мой экземпляр представляет собой очень хороший пример средних размеров. Его длина составляет более шести футов, из которых три фута приходятся на железную головку и гнездо, в которое входит вал. Как видно, древко постепенно сужается, чтобы его можно было пропустить в гнездо. К прикладу прикреплен тяжелый кусок дерева, диаметром более четырех дюймов. Это тяжелое оружие, весь его вес

составляет чуть более семи фунтов, и оно настолько плохо сбалансировано и громоздко, что, если бы не было известно его применение, оно казалось бы самым неуклюжим из всех когда-либо изобретенных. Однако именно этим копьем племена дор и баер убивают слона, причем делают это очень изобретательно.

Зная места, где слон любит прятаться во время полуденного прилива и которые всегда находятся в глубине леса, охотник отправляется туда ранним утром, взяв с собой тяжелое копье и веревку. Приблизившись к месту, он берет несколько больших камней и привязывает их к прикладу копья, густо обмазывая их комьями глины, чтобы сделать свое тяжелое оружие еще тяжелее. Затем он привязывает один конец веревки к копью и, выбрав подходящее дерево, взбирается на него и устраивается на одной из горизонтальных ветвей, подтягивая оружие, когда усядется.

Теперь он ждет прихода стада и, когда оно приблизится к дереву, отвязывает копье и держит его наготове. Когда под ним проходит слон с хорошими бивнями, он опускает копье на спину животного, и вес оружия заставляет его глубоко вонзиться в тело. Испугавшись внезапного удара, слон бросается деревья, пытаясь стряхнуть с себя страшное копье, которое мечется из стороны в сторону, время от времени ударяясь о стволы или ветви деревьев, и таким образом прорезает себе путь глубже среди жизненно важных органов, пока несчастное животное не падает от потери крови. Охотник не беспокоится о том, чтобы сразу преследовать свою жертву. Он всегда может выследить ее по кровавым следам и прекрасно знает, что на небольшом расстоянии несчастное животное остановится и умрет, если только его не потревожит присутствие человека и не побудит к дальнейшим усилиям.

Читатель заметит любопытное сходство между этим способом охоты на слонов и баньяйским методом ловли бегемотов, описанным на странице 342. Доры также используют для охоты на слонов копья длиной не менее одиннадцати футов, длина лезвия которых составляет от двух до трех футов. Однако их не сбрасывают с дерева, а орудуют ими вручную: охотники окружают животное, и каждый следит за удобным моментом, вгоняя копье в бок, когда оно обращает внимание на кого-то с другой стороны.

Доры с большим презрением относятся к совершенной наготе, которая отличает кытчей и некоторые другие племена, но никто, впервые попав в их деревню, не подумает, что это так. Одежда, которую носят мужчины, - это просто небольшой лоскут кожи, висящий сзади. Однако в их представлениях это является одеждой; и когда некоторые из джур вошли в деревню дор, последние в знак уважения к гостям развернули свои маленькие передники спереди, и таким образом считалось, что они надели полное платье.

Женщины одеваются еще проще. Пока они не выйдут замуж, они вообще не носят никакого платья; но когда это событие происходит, они одеваются очень просто. В их стране в изобилии растут вечнозеленые и ползучие растения, из которых они и составляют свое платье: ветка, заправленная в пояс спереди, и другая сзади, отвечают всем целям одежды. Они используют эти лиственные платья такой длины, что они ниспадают почти до земли. А вот украшениями они очень восхищаются, и вес украшений дорской женщины больше, чем обычному человеку хотелось бы носить с собой в течение целого дня. Тяжелые нитки бус вешают на шею и обвязывают вокруг талии, самые ценные бусы размером с голубиное яйцо и, соответственно, очень тяжелые. Нитки бус также падают из ушей. На запястьях они носят браслеты, сделанные просто из железных прутьев, обрезанных до нужной длины и согнутых вокруг запястья. Другие, но большего размера, опоясывают лодыжки; а поскольку толщина некоторых из них достигает дюйма, и они довольно массивны, их общий вес весьма значителен.

Как и большинство африканских племен, доры любят носить амулеты, хотя, похоже, не имеют никакого особого представления об их значении и уж точно не придают им никакой святости. У них есть смутное представление о том, что обладание определенным амулетом защищает от некоторых опасностей, но они не задумываются о *способе действия*.

В этом племени мы можем отметить повторное появление украшения для губ. По способу ношения оно напоминает "пелеле", описанное на странице 356, но носится не на верхней, а на нижней губе. Одно из таких украшений находится сейчас передо мной. Оно цилиндрическое, с конической вершиной, имеет три четверти дюйма в диаметре и ровно дюйм в длину. Основание, которое прилегает к нижним зубам и десне, почти плоское и хорошо отполировано, а коническая верхушка, выступающая перед ртом, очень аккуратно вырезана с "перекрестной штриховкой", эффект которой усиливается благодаря обугливанию некоторой ее части, а почерневшие и отполированные поверхности хорошо контрастируют с темно-красным цветом дерева. Чтобы удержать его на месте, вокруг него проходит неглубокий желобок. Это один из небольших экземпляров, но по обычаю владельцы носят все более крупные украшения для губ, пока некоторым из них не удается засунуть в губы куски дерева диаметром в три дюйма. Прежде чем оставить костюм дор, следует отметить, что в племени ботокудо в Тропической Америке оба пола носят аналогичные украшения на губах, и в большинстве случаев эти странные украшения вдвое больше, чем у женщин дор.

Деревни племени дор действительно поражают воображение. Дома аккуратно построены из тростника, сплетенного в подобие корзины. Перпендикулярные стены имеют высоту около шести футов и покрыты конической крышей, причем вся форма хижины почти в точности повторяет орнамент губ, который только что был описан. Снаружи тростниковая крыша украшена кусками дерева, вырезанными в грубом подобии птиц.

В центре каждой хижины стоит кровать, и, поскольку в ней не готовят пищу, внутри хижины очень чисто, и в этом отношении она совершенно не похожа на покрытые копотью жилища племен кафиров. Приготовление пищи происходит в отдельной хижине, или кухне, и носит довольно простой характер: основной пищей является своего рода каша. Дверной проем очень маленький, и на ночь он забаррикадирован несколькими деревянными бревнами, положенными горизонтально друг на друга и поддерживаемыми с каждого конца двумя столбами, вбитыми в землю. Вся деревня содержится в такой же чистоте, как и отдельные дома, а центральный цирк не только подметают, но и хорошо поливают, чтобы убирать пыль.

Самым необычным моментом в деревне Дора являются подходы к ней - узкие пешеходные дорожки, с каждой стороны обозначенные деревянными столбиками, грубо вырезанными в форме человека. Они расположены на расстоянии около четырех футов друг от друга и отличаются по размеру. Ближайший к деревне - самый большой, остальные гораздо меньше и изображены с чашами на головах. Туземцы говорят, что первая - это вождь, собирающийся на пир, а остальные - его сопровождающие, несущие еду на головах.

Несколько таких деревянных фигурок были привезены в Англию мистером Петериком, и два вождя представлены на следующей странице. Их длина составляет около четырех футов. Можно представить, что двойной ряд таких фигур придает дороге весьма любопытный вид.

"Деревня, - пишет мистер Петерик, - была красиво расположена у подножия холма, вокруг которого находились еще две или три деревни, составляя все сообщество большого района. С его вершины открывался прекрасный вид на окрестности. Вокруг деревни на небольшом расстоянии располагались огороды жителей, где выращивались огурцы, овощи и семена; дальше, к востоку, простиралась большая равнина возделанных полей дурры; а к югу, на

расстоянии около мили, виднелся извилистый ручей, окаймленный великолепными деревьями и цветущими тростниками. В кустарнике водилась разнообразная дичь: куропатки, морские свиньи, большой белый кабан, газели, антилопы и жирафы. Слонов и буйволов я не встретил, и мне сказали, что они посещают эту местность только в сезон дождей".

Существует три формы гитары, или рабабы, но ни у одного из инструментов гриф не является жестким, как у привычных нам гитар и скрипок. Это, однако, намеренно сделано мастером, чтобы струны были натянуты. Способ настройки столь же прост и эффективен. Кольцо, чаще всего из того же волокна, что и струны, пропускается через каждый гриф, так что, когда оно проскальзывает вверх или вниз, звук становится пропорционально более тяжелым или острым. Я могу подтвердить это на собственном опыте: единственным недостатком является то, что ноты не могут быть изменены давлением пальцев на струны из-за угла, который они образуют с грифом. Этот инструмент может издавать только пять звуков, но стоит заметить, что одна струна намного длиннее остальных, так что она издает глубокий тон, аналогичный "дрону" в волынке.

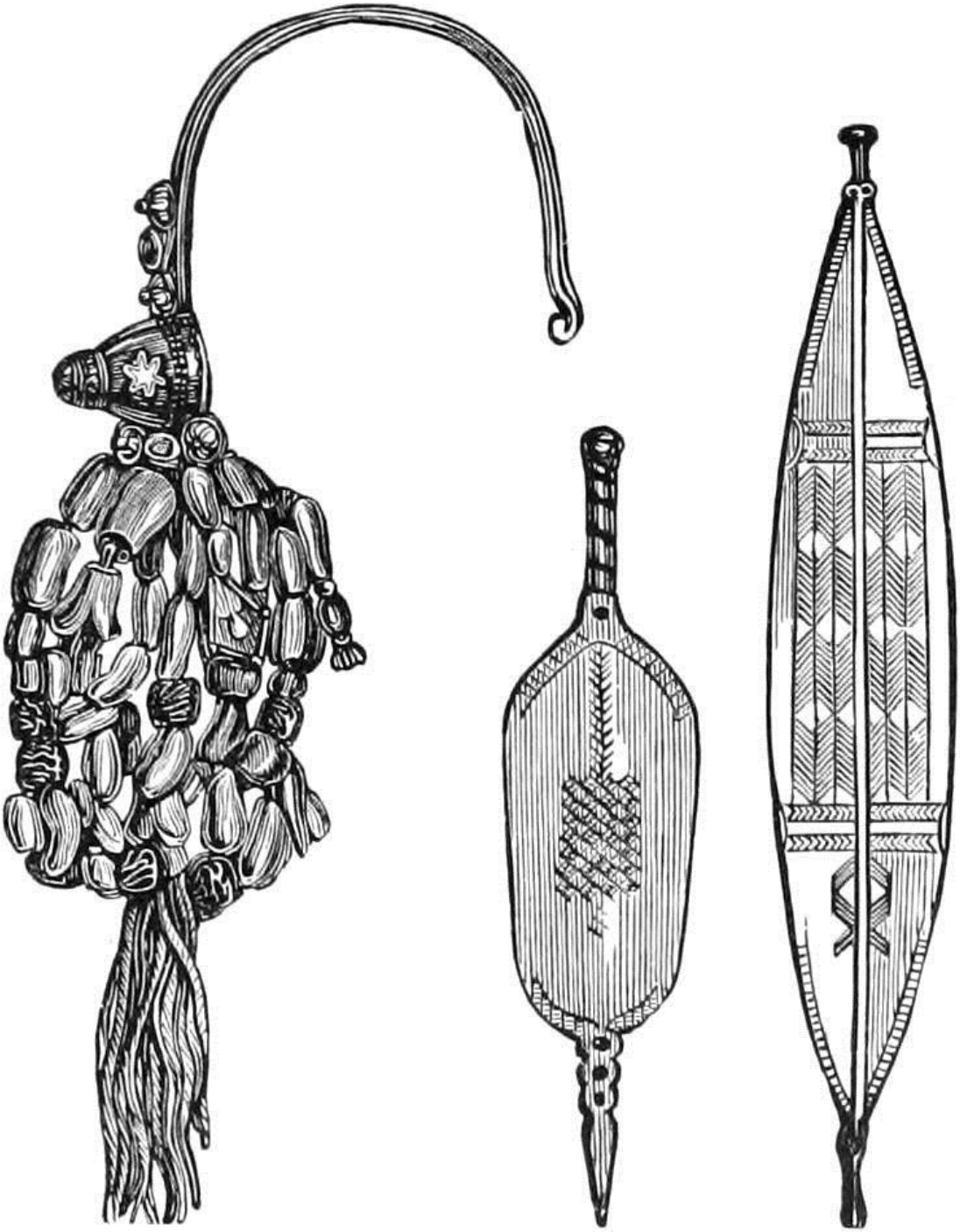
Несмотря на то, что доры довольно хорошо относятся к путешественникам, с которыми они знакомы, они очень склонны плохо вести себя с теми, кого не знают. Мистер Петерик едва не лишился жизни в результате внезапного и вероломного нападения, которое совершили на него представители этого племени. В сопровождении дружелюбного вождя Джау он отправился в одну из деревень и начал покупать слоновую кость. Несмотря на присутствие Джау, люди были подозрительны и становились все более наглыми, требуя все большую цену за каждый бивень, и наконец попытались убежать с бивнем и бусами, которые были предложены в качестве платы за него. Бивень удалось вернуть, после чего было предпринято внезапное нападение, и в мистера Петерика метнули копье, которое не попало, но ранило одного из его людей в плечо. Еще трое были ранены залпом копий, и им ничего не оставалось, как открыть огонь. Один из нападавших был ранен в ногу, и стрельба была прекращена. Когда они пошли за своим ослом, которого привели для перевозки бивней, то обнаружили, что он лежит мертвый, убитый мстительным Дором.

Тогда Джау посоветовал разграбить деревню в качестве предупреждения, что и было сделано, а добычу отнесли домой. На следующий день вождь деревни очень смиренно пришел извиниться, принеся несколько бивней в качестве эквивалента за осла и в качестве доказательства доброй воли на будущее. Бивни были приняты, грабеж деревни восстановлен, и таким образом установилась гармония, а в качестве дополнительного подарка к сделке были приложены бусы.

ДЖУР.

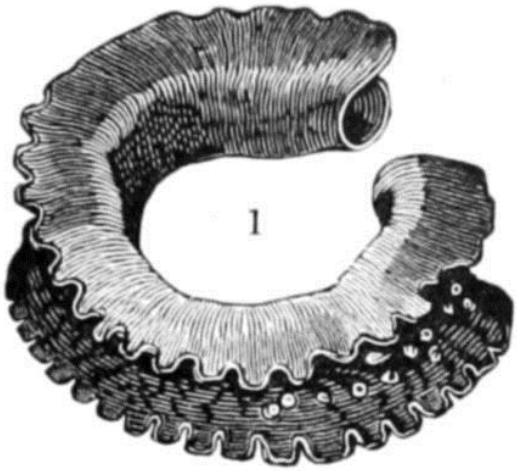
Племя джур представляет собой замечательный пример влияния, которое оказывают на человека особенности страны, в которой он находится. Окруженные пастушескими племенами, которые разводят скот и мало заботятся о возделывании земли, джур занимаются сельским хозяйством и не имеют никакого скота, кроме коз. Единственная причина этого факта заключается в том, что на земле джур в изобилии водится страшная муха цеце, и, следовательно, ни у лошади, ни у вола нет шансов на жизнь. Это ужасное насекомое, безвредное для человека и большинства животных, является верной смертью для лошадей, собак и быков.

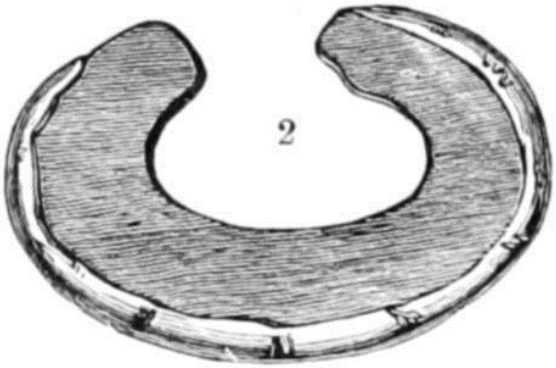
Размером оно немногим больше мухи-скакуна, а единственным его оружием является своеобразный ланцет, выступающий изо рта, как это можно увидеть у мухи-журчалки. Как и муха-журчалка, цеце вызывает лишь временное раздражение, когда кусает человека, и самое странное, что она не причиняет вреда телятам, пока их не отлучат от груди. Она не жалит, но, как и мошка, вводит свой острый хоботок в кожу, чтобы высасывать кровь. После укуса бык теряет кондиции, шерсть сходит, мышцы становятся вялыми, и через некоторое время животное умирает, даже сердечная мышца становится настолько мягкой, что при ущемлении пальцы могут пройти сквозь нее.



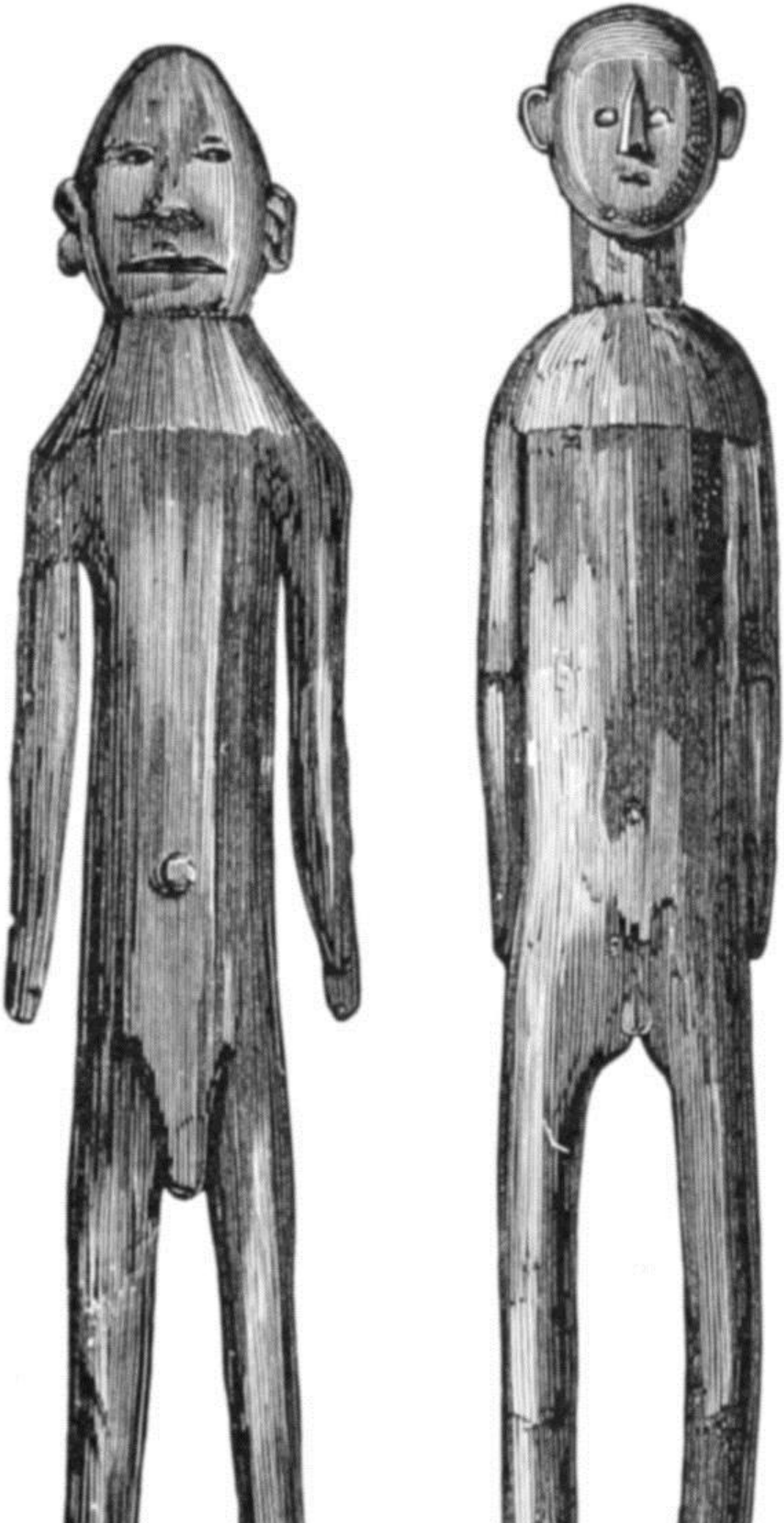
ОРНАМЕНТ.
(См. стр. 451.)

ЖЕНСКИЕ НОЖИ.
(См. с. 451.)

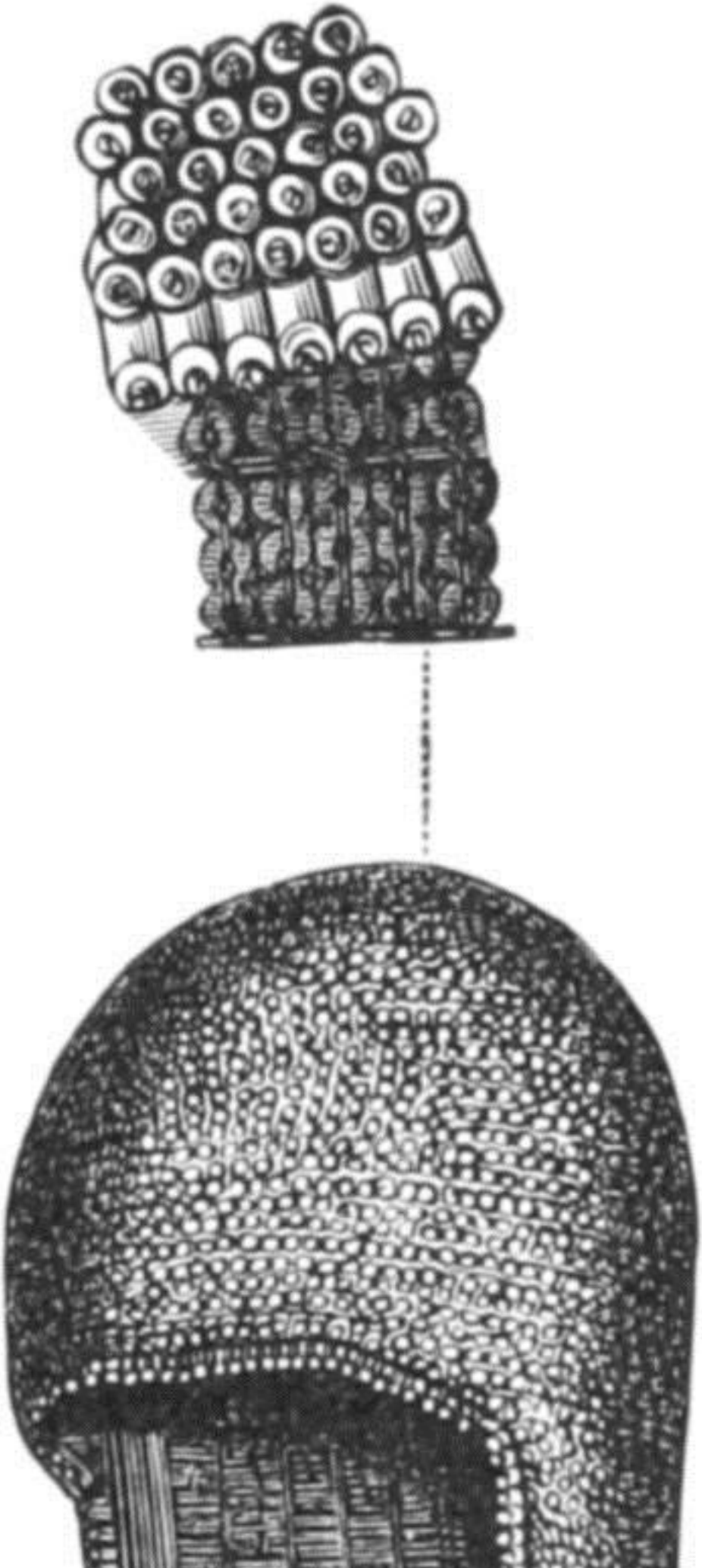




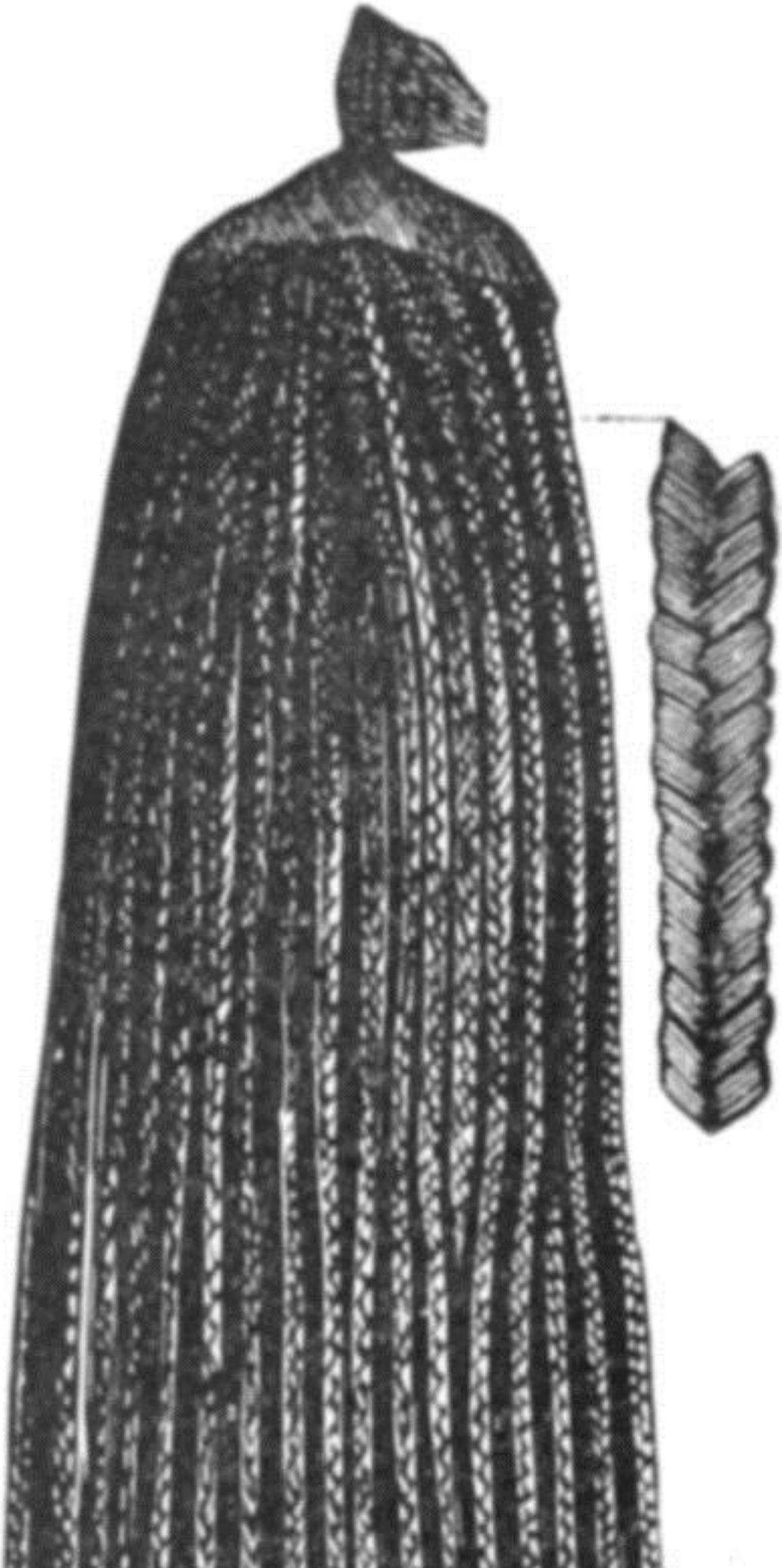
БРАСЛЕТЫ.
(См. стр. 467.)



ДЕРЕВЯННЫЕ ШИФРЫ.
(См. стр. 448.)



ШЛЕМ NEUHR.
(См. стр. 468.)



ЗАМКИ.
(См. стр. 467.)

Однако мулы, ослы и козы обладают прекрасным иммунитетом к этому вредителю, и поэтому единственным одомашненным животным среди джур является коза. Цеце - необычайно локальное насекомое. Она кишит вдоль одного берега реки, а другой берег остается свободным; или она обитает на небольших холмах, или, возможно, на участке земли на ровном месте. Места, где обитает цеце, хорошо известны туземцам, и часто случалось, что, когда стадо волов прогоняли через одно из этих страшных мест, ни одно животное не уходило.

Лишенные скота, джур не зависят полностью от сельского хозяйства, но являются прекрасными работниками по обработке железа, и именно они изготавливают многие виды оружия и украшений из полированного железа, которые так востребованы во всей Центральной Африке. Железной руды в их стране много, и, закончив собирать урожай, трудолюбивые джур приступают к металлургии, в которой каждый человек более или менее искусен. Набрав достаточное количество руды, они приступают к ее выплавке в печах, построенных весьма изобретательно.

"Купола построены из жесткой глины толщиной в один фут, увеличивающейся к низу до четырнадцати дюймов в диаметре и четырех футов в высоту. Внизу находится небольшой резервуар для приема металла, а на одном уровне с поверхностью - четыре отверстия, расположенные друг напротив друга, для приема взрывных труб. Они сделаны из обожженной глины и прикреплены к глиняным сосудам диаметром около восемнадцати дюймов и высотой шесть дюймов, покрытым неплотно обтянутой козьей шкурой и пронизанными несколькими маленькими отверстиями. В центре находится петля для пальцев оператора. Мальчик, сидящий между двумя такими сосудами, быстрым попеременным вертикальным движением каждой руки нагнетает поток воздуха в печь, которая, заполненная чередующимися слоями руды и древесного угля, подпитываемая восемью такими грубыми мехи, испускает пламя высотой около восемнадцати дюймов в верхней части.

"Реле мальчиков поддерживают непрерывный взрыв, и, когда резервуар для приема металла почти заполнен, загрузка печи прекращается, и она выдувается. Через отверстие в днище выводится большая часть шлака, а температура печи недостаточна, чтобы перевести металл в жидкое состояние, он смешивается с большим количеством примесей и разбивается, когда еще теплый, на мелкие кусочки. Впоследствии они подвергаются воздействию жара кузнечного горна и бьются огромным гранитным валуном на небольшой наковальне с поверхностью в полтора дюйма квадратных, воткнутой в огромный деревянный блок. Таким образом металл освобождается от примесей и превращается в ковкое железо наилучшего качества. Шлак подвергается операциям дробления и промывки, в результате чего получаются небольшие глобулы железа, содержащиеся в нем. Тигель, наполненный ими, подвергается сварочному жару на горне, и его содержимое сваривается и очищается, как указано выше.

"После того как железо превращается в небольшие ковкие слитки, приступают к изготовлению копий, мотыг, топориков и т. д. Их выбивают валуном, которым орудует сильный мужчина, а мастер-кузнец молотом без ручки, похожим на пестик для ступки, доводит их до конца. С помощью этих грубых орудий мастерство, которого они достигли, поистине поразительно: многие копья и другие изделия их производства, которыми я сейчас

владею, были признаны хорошими образцами мастерства для обычного английского кузнеца".

На иллюстрации на странице 449 можно увидеть пример мастерства племени джур. Замечательное украшение с длинным крючком - это браслет, крючковатая часть которого продевается через руку, а затем сгибается, чтобы удержать ее. Необычные предметы, озаглавленные "Женские ножи", являются хорошими примерами терпеливого мастерства, проявленного племенем джур при работе с такими очень несовершенными инструментами.

Эти и другие продукты их изобретательности разошлись по нескольким племенам Центральной Африки, и многие из них признаны в качестве валюты, как и английский суверен на континенте. Как бы иллюстрируя истинность пословицы о том, что люди всегда жаждут того, чем не обладают, джуры всегда жаждут говядины, и поэтому покупают скот в основном у своих воинственных соседей, племени динка. Цеце не позволяет джур хранить только что купленный скот, поэтому они покупают его только для того, чтобы сразу же убить и съесть.

Благодаря этой торговле джур признаны главными кузнецами Центральной Африки, и они всегда могут найти рынок для своих изделий. Следовательно, это очень процветающее племя, так как даже динка не захотят уничтожить народ, у которого они приобретают оружие, которым сражаются; и нет ни одного джурского мужчины, который не смог бы с помощью обычной промышленности заработать достаточно для покупки и содержания жены, как только он станет достаточно взрослым, чтобы взять ее. Между собой они не особенно заботятся о том, чтобы носить в качестве украшений продукты собственного мастерства, но ценят бусы превыше всех других личных украшений; и так далеко они зашли в этом пристрастии, что их жены покупаются бусами, а не козами - единственным скотом, который они могут разводить. Вряд ли найдется джур, достигший совершеннолетия, у которого не было бы жены, если не на самом деле, то на взгляд; и так оживлен брачный рынок, что в стране нет ни одной девочки старше восьми лет, которая не была бы куплена кем-то в жены.

Табак для джур так же дорог, как и для других африканских племен, и они любят курить его в трубках очень большой емкости. У них довольно странный способ управления трубками. Чаша - из красноватой глины, снаружи обработанная в виде узора, как в матовом стекле. Стебель - бамбуковый, очень толстый, а место соединения стебля и чаши достаточно герметично, если обвязать его куском сыромятной шкуры. Длинная и узкая тыква образует мундштук, а вокруг нее обмотан кусок кожи, подобный тому, что крепит чашу к стеблю. Чтобы мундштук не упал, вокруг него пропускают веревку, а другой конец прикрепляют к нижнему концу стебля.

Когда трубка используется, некоторое количество тонких волокон коры скатывают в маленькие шарики и, сняв мундштук тыквы, вставляют их в него и в стебель, чтобы при раскуривании трубки они пропитались табачным маслом. Это волокно вставляется не для очистки дыма, так как табачное масло считается слишком ценным материалом, чтобы тратить его впустую, а шарики волокна, когда они полностью пропитаны, вынимаются и жуются, как если бы это был лучший табак-косичка.

Считается, что два друга обмениваются "куидами" из трубки друг друга, и, когда один человек получил столько табачного масла, сколько ему нужно, он передает куид другому, и так далее, пока весь аромат не будет извлечен. У меня в коллекции есть одна из таких трубок. Ее длина составляет два фута, а чаша способна вместить большую горсть табака. Трубки

такого типа, хотя и немного отличающиеся в деталях, распространены во всей Центральной Африке, и особенно на восточном берегу Нила. В великолепной коллекции, собранной мистером Петериком и выставленной в Лондоне в 1862 году, было представлено более двадцати таких трубок, несколько с роговыми стеблями, несколько с железными, а в одной или двух корявые "куиды" все еще находились на своих местах. Описанный выше экземпляр принадлежал к этой коллекции.

ГЛАВА XLIII.
ПЛЕМЯ ЛАТУКА.

ИХ ЖИВОЙ И ПРИЯТНЫЙ НРАВ - НЕОБЫЧНЫЙ ГОЛОВНОЙ УБОР - ОРУЖИЕ - ВООРУЖЕННЫЙ БРАСЛЕТ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ - ЖЕНЩИНЫ ЛАТУКА И ИХ ОДЕЖДА - ЛЮБОПЫТНОЕ УКРАШЕНИЕ ДЛЯ ГУБ - БОККЕ И ЕЕ ДОЧЬ - БОГАТСТВО ЛАТУКА - ОРИГИНАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ДЕРЕВЕНЬ - ТАРРАНГОЛЛЕ, СТОЛИЦА ЛАТУКА - СОСТОЯНИЕ ЖЕНЩИН - БОККЕ И СОЛДАТ - СПОСОБ ПРАВЛЕНИЯ - ОТСУТСТВИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ИДЕЙ - МАСТЕРСТВО В КУЗНИЦЕ - МОЛОТ, ИЛИ ЖЕЛЕЗНАЯ МОТЫГА - ЛЮБОВЬ К СКОТУ - ОТРАЖЕНИЕ НАБЕГА И ПОБЕДА ЛАТУКА - СИГНАЛЫ БАРАБАНА - ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ - СТРАННЫЕ ТАНЦЫ - КОЛОКОЛЬЧИКИ ЛАТУКА.

Племя латука обитает в стране к востоку от Нила, на 40° северной широты. В равной степени воинственные, когда нужна война, они не являются угрюмыми, негостеприимными дикарями, какими мы видели некоторых их соседей, а веселы, шутливы и всегда готовы либо к драке, либо к смеху, либо к игре.

Одежда латуков одновременно проста и сложна. Мужчины почти не носят одежды на теле, но уделяют огромное внимание голове, правильное увязывание которой - настолько долгий процесс, что мужчина не может надеяться на то, что его голова будет идеально уложена, пока он не достигнет совершеннолетия. Действительно, с того момента, как латука начинает одевать голову, должно пройти не менее семи или восьми лет, прежде чем его туалет будет завершен. Следующий рассказ сэра С. Бейкера дает прекрасное представление о головном уборе латука.

"Какой бы утомительной ни была операция, результат ее необыкновенен. Латуки носят самые изысканные шлемы: все они сделаны из их собственных волос и, конечно же, закреплены. На первый взгляд это кажется невероятным, но при ближайшем рассмотрении видно, с каким упорством годами создавалось то, что должно было быть крайне неудобным. Густая, хрустящая шерсть переплетается с тонкой бечевкой, сделанной из коры дерева, пока не образуется густая сеть войлока. По мере того как шерсть прорастает сквозь это матовое вещество, она подвергается тому же процессу, пока с течением лет не образуется компактное вещество, похожее на прочный войлок толщиной около полутора дюймов, которому придают форму шлема. Прочный обод, глубиной около двух дюймов, формируется путем сшивания нитками; передняя часть шлема защищена куском полированной меди, а пластина из того же металла, имеющая форму половины епископской митры и около фута в длину, образует гребень.

"Когда каркас шлема завершен, его необходимо украсить бусами, если владелец достаточно богат, чтобы позволить себе такое желанное отличие. В моде красные и синие фарфоровые бусины размером с горошину. Они пришиты к затылку и так красиво расположены в виде

синих и красных секций, что кажется, будто весь шлем состоит из бусин; а красивый гребень из полированной меди, увенчанный страусовыми плюмажами, придает этому замысловатому головному убору самый достойный и воинственный вид. Считается, что ни один шлем не может быть полным без ряда коровьих раковин, пришитых вокруг обода, чтобы образовать прочный край".

Мужчины также носят ожерелья из металла, а также браслеты из того же материала. Кроме того, каждый воин носит на правом запястье самый примечательный браслет. Это железное кольцо, вокруг которого закреплены четыре или пять ножей с тщательно отточенными остриями. Этим инструментом они могут наносить страшные удары, а если в действии копье будет уронено, владелец мгновенно сближается со своим врагом и наносит ему удар своим вооруженным браслетом. Другим оружием племени латука является крепкое копье или короткая булава, в основном сделанная из железа, и щит длиной около четырех футов и шириной около двух. Щиты обычно изготавливаются из шкуры буйвола, но самые лучшие - из шкуры жирафа, сочетающей себе два качества - легкость и прочность. Луки и стрелы латуки не используют.

Женщины сравнительно мало заботятся о своем туалете. Вместо того чтобы тратить время на то, чтобы превращать свои шерстяные волосы в войлочную массу, которая украшает мужчин, они полностью бреют голову и доверяют свои украшения бусам, краскам и татуировкам. Как и красавицы более южных племен, женщины латука удаляют четыре резцовых зуба нижней челюсти; любимая жена короля сказала леди Бейкер, что она действительно будет неплохо выглядеть, если только удалит эти зубы и намажет себя жирным кремом.

Бокке, королева, о которой идет речь, и ее дочь были единственными красивыми женщинами, которых можно было увидеть в этой стране; женщины, как ни странно, крупные, грубые и сильные. Они гордятся своей телесной силой, и каждая женщина считает своим ежедневным долгом нести на голове десятигаллонный кувшин для воды, наполнять его и возвращать обратно, причем расстояние редко бывает меньше мили. Их одежда весьма примечательна. Она состоит из кожаного пояса, к которому спереди прикреплен большой лоскут дубленой кожи, а к спине привязано несколько ремешков длиной в два фута и более, которые на расстоянии выглядят точно как конский хвост.

Самое модное женское украшение в стране латука - длинный кусок полированного хрусталя толщиной с карандаш для рисования. В нижней губе просверливается отверстие, и украшение подвешивается к нему. Сэр С. Бейкер очень понравился Бокке и ее дочери, подарив им стеклянный стержень термометра, который был случайно разбит, и его подарок был оценен так же, как европейские дамы оценили бы ожерелье из бриллиантов. Чтобы это украшение не упало, на конце, проходящем через губу, завязывают узлом кусок бечевки. Когда нижние зубы удалены, язык, конечно же, воздействует на него, и когда дама говорит, движения языка заставляют хрустальную подвеску двигаться весьма причудливым образом. Татуировки в основном наносятся на щеки и лоб и состоят в основном из линий.

Мужчины также любят украшать свои головы перьями различных птиц, а любимым украшением является голова гребенчатого журавля, его черное, бархатистое оперение, увенчанное золотистым гребнем, имеет очень красивый вид, когда закреплено на макушке головы.

Когда сэр С. Бейкер стоял лагерем среди латуков, он не мог купить ни коз, ни коров, хотя перед ним гнали большие стада, и поэтому вынужден был во многом полагаться на свое ружье, чтобы прокормиться. Перья журавлей, уток, гусей и других птиц были разбросаны по

палисаду его лагеря, и в течение всего времени его визита мальчиков можно было видеть с головами, комично украшенными белыми перьями, пока они не стали похожи на огромные цветные капусты. Самые длинные перья пользовались наибольшим спросом, и мальчики, вызвавшиеся сопровождать спортсмена, несли домой подстреленную дичь, а затем ощипывали птиц, брали их в качестве привилегий.

В целом латуки - необычайно красивая раса людей. Их рост в среднем не превышает шести футов, и, хотя они чрезвычайно мускулисты и сильны, они не вырождаются ни в тучность, ни в громоздкость. Выражение лица приятное, а губы, хотя и большие, не похожи на негритянские. Лоб высокий, скулы довольно выдающиеся, а глаза большие. Считается, что они произошли от некоторых племен галла.

Латуки богаты и могущественны, у них огромные стада скота, который они держат в острогах, построенных самым изобретательным образом; в одном городе часто бывает до десяти или двенадцати тысяч голов скота. Зная о множестве враждебных племен, которые воспользуются любой возможностью украсть их коров, латуки всегда загоняют их в очень прочные стойла, вход в которые имеет ширину всего в ярд или около того. Эти входы имеют форму арки и достаточно широки, чтобы через них мог пройти бык, а с вершины каждой арки свисает грубое подобие колокола для скота, сделанного из скорлупы пальмового ореха долапе, о который животное должно ударяться, когда входит или выходит из стойбища.

Дорога, ведущая от входов, не шире самой двери и с обеих сторон обнесена высоким и крепким частоколом, так что, если бы враг напал на это место, он вряд ли смог бы пробиться по проходам, которые несколько человек могли бы охранять так же эффективно, как и толпа. Через деревню проходит довольно широкая улица, на которую выходят большие входы в загоны для скота, так что при желании жители могут либо выводить своих волов поодиночке через маленькие двери, либо выгонять их стадами через ворота, открывающиеся на центральную улицу.

Таким образом, видно, что облик города латука очень примечателен. Он окружен очень крепким частоколом, в котором есть несколько дверных проемов. Через центр деревни проходит главная улица, на которую выходят все загоны для скота, а вся остальная внутренняя часть пересекается переулками, настолько узкими, что по ним может пройти только одна корова. Различные ворота и двери деревни закрываются на ночь и тщательно огораживаются ветками колючей мимозы. Иногда эти деревни настолько велики, что заслуживают названия городов. Таррангoлле, столица латуков, насчитывала не менее трех тысяч усадеб; и не только весь город был окружен мощным частоколом из железного дерева, но и каждая усадьба была укреплена подобным образом.

Жены латуков выглядят довольно обеспеченными по сравнению с их замужними сестрами из других племен. Они, конечно, много работают и таскают тяжести, но при этом они такие высокие и сильные, что такой труд не представляет для них особой трудности. О том, что они не являются униженными, как женщины во многих частях Африки, можно судить по тому, как они себя ведут. Однажды один из вооруженных солдат турецкого каравана встретил женщину, которая возвращалась с воды с тяжелым кувшином на голове. Он потребовал воды, а когда она отказалась дать ему ее, пригрозил ей своей палкой. Бокке, красивая жена Комморо, увидев эти действия, бросилась на помощь, схватила солдата за горло и вырвала у него палку, а другая женщина вырвала у него из рук оружие. На место прибежали еще несколько женщин, повалили мужчину на землю и нанесли ему звонкую пощечину, а другие облили водой дуло его ружья и наложили большие комья мокрой грязи на замок и спусковой крючок.

В стране латука жен покупают за коров, поэтому большая семья - верный шаг к процветанию: мальчики становятся воинами, которые будут сражаться за свое племя, а девочек всегда можно продать за коров, если они доживут до женского возраста. Каждая девушка обязательно выйдет замуж, потому что, когда мужчина начинает приобретать богатство, первое, что он делает, - это покупает жену, и число его жен увеличивается так быстро, как только он может собрать достаточно коров, чтобы заплатить за них".

Когда сэр С. Бейкер проезжал через эту страну, великого вождя латуков звали Мой. У него был брат по имени Комморо, и, хотя по фактическому положению Мой превосходил своего брата, Комморо был практически королем, имея гораздо большее влияние на народ, чем его брат. Комморо действительно заслужил это влияние, он отличался остротой ума и здравым смыслом. Без его усилий латуки непременно напали бы на караван, и наверняка последовала бы большая резня: туземцы научились презирать оружие из-за победы, которую они недавно одержали над группой похитителей рабов. Он долго спорил со своим гостем о бессмертии души и воскрешении после смерти, но никак не мог убедить его в том, что человек может жить после смерти. Если бы у него были хоть какие-то суеверные чувства, с ним можно было бы что-то сделать, но, как и многие другие скептики, он наотрез отказывался верить во все, что не подвластно его чувствам.

Привычная иллюстрация кукурузного зерна, посаженного в землю, была использована, но безрезультатно. Он вполне допускал, что зерно, о котором идет речь, должно представлять само себя, но оспаривал вывод, который делался из предпосылок. По его словам, колосья кукурузы, наполненные зернами, которые появятся после того, как сгниет первоначальное семя, не являются представителями его самого, но его детьми, которые живут после его смерти. Изобретательность, с которой он ускользал от аргументов, была очень значительной, и, как замечает сэр С. Бейкер, "было необычно видеть такую ясность восприятия в сочетании с такой полной тупостью по отношению к чему-либо идеальному".

Латуки - очень хорошие кузнецы, и преуспели в изготовлении железных мотыг, или "молотов", как их называют. Этот инструмент также используется в качестве денег. Мехи делаются по тому же принципу, что и у племен кафиров, но вместо пары кожаных мешков кузнец латука использует два глиняных горшка, а над горлышком каждого горшка неплотно завязан большой кусок мягкой, податливой кожи, хорошо смазанной для мягкости. К центру каждой кожи прикреплена перпендикулярная палка длиной около четырех футов, и при быстром движении вверх-вниз ветер проникает через фаянсовые трубки, которые сообщаются с дном горшков.

Инструменты очень просты: большой камень служит наковальней, камень поменьше - молотом, а расщепленная палка из зеленого дерева используется в качестве щипцов. Молоты формируются с особой тщательностью, их всегда тщательно проверяют, балансируя на голове и заставляя звенеть от удара пальцем. Когда молоты используются в сельском хозяйстве, их прикрепляют к концу деревянных валов, длина которых редко бывает меньше семи, а чаще десяти футов, и таким образом достигается мощный рычаг.

Хотя латука, как правило, готовы к войне, они не являются прирожденными воинами, как многие другие племена. Зулусы, например, живут главным образом ради войны; он думает о ней день и ночь, и его главная цель - отличиться в бою. Латука, с другой стороны, редко ведет войну без причины, которую он считает веской; но когда он это делает, то сражается хорошо. Главная причина, по которой латука будет сражаться до смерти, - это его скот. Иногда он убегает, когда сильный отряд совершает набег на его деревню и уводит в рабство его жен и

детей; но если они пытаются отогнать его скот, дух благородного дикаря воспламеняется, и он сразу же поднимает оружие.

Любопытный пример этой черты характера произошел во время пребывания сэра С. Бейкера в стране Латука. Один из магометанских торговцев (которые, как помнится, сами по себе являются вредителем и бичом страны) собрал отряд из трехсот туземцев, и более сотни своих соотечественников, чтобы совершить набег на некую деревню в горах. Мужчины разбежались, а захватчики взяли в плен множество женщин и детей, с которыми они могли бы беспрепятственно скрыться. К несчастью для них, им сообщили о большом стаде скота, которое они упустили, и, вернувшись, они принялись отгонять добычу.

Латуки наблюдали за захватом своих жен и детей, не пытаясь спастись, но нападение на их любимый скот оказалось для них слишком сильным, и они высыпали из своих укрытий, как рой разъяренных ос. Обезумев от мысли о потере скота, они храбро встретили мушкеты с копьями и щитами и сгрудились вокруг захватчиков в несокрушимое множество. Каждый, продвигаясь вперед, забегал за какое-нибудь укрытие, откуда мог метнуть копье, а другие взбирались на скалы и обрушивали на врагов огромные камни. Нападение было столь внезапным и одновременным, что турки оказались окруженными со всех сторон, но едва ли могли разглядеть человека, в которого можно было бы прицелиться.

Они в ужасе бежали по тропе и, перепутав в спешке правильную дорогу, свернули на ту, что вела к обрыву глубиной в пятьсот футов. Видя свою опасность, они попытались отступить, но все увеличивающаяся толпа наседала на них, подталкивала к обрыву и, наконец, столкнула их с него. Ни один человек не спасся, и хотя несколько человек обратились и сражались с мужеством отчаяния, они были сброшены в пропасть вслед за своими товарищами. Художник изобразил эту победу на следующей странице.

Это была та самая победа над огнестрельным оружием, которая внушила латукам такое презрение к этому оружию, и если бы не посредничество Комморо, они бы напали на англичан. Однако этот хитрый вождь прекрасно понимал разницу между нападением на скопление турок и африканцев среди скалистых перевалов и атакой на открытой местности на хорошо вооруженную группу под командованием европейцев. Однажды такое нападение было задумано, и рассказ сэра Сэмюэля Бейкера о нем дает прекрасное представление о способе ведения войны латука. Читатель должен помнить, что военный барабан - это институт на большей части Центральной Африки.

"Было около пяти часов вечера, за час до захода солнца. Женщина, которая обычно приносила нам воду, поставила свой кувшин, но сразу после этого исчезла, не подмев двор, как это было в ее обычае. Исчезли и ее дети, которые обычно играли в этом вольере. Обыскав ее хижину, которая находилась в одном из углов двора, мы никого не нашли, и даже точильный камень исчез. Подозревая, что что-то случилось, я послал Карку и Гаддум-Гера, двух чернокожих слуг, поискать в разных хижинах поблизости, чтобы узнать, нет ли хозяев и находятся ли женщины в своих домах. Ни одной женщины найти не удалось. В большом городе Таррангoлле не осталось ни женщины, ни ребенка. Там, где обычно царили шум и возня, царила необычайная тишина. Все женщины и дети были уведены в горы, расположенные на расстоянии около двух миль, причем так быстро и бесшумно, что это казалось невероятным".

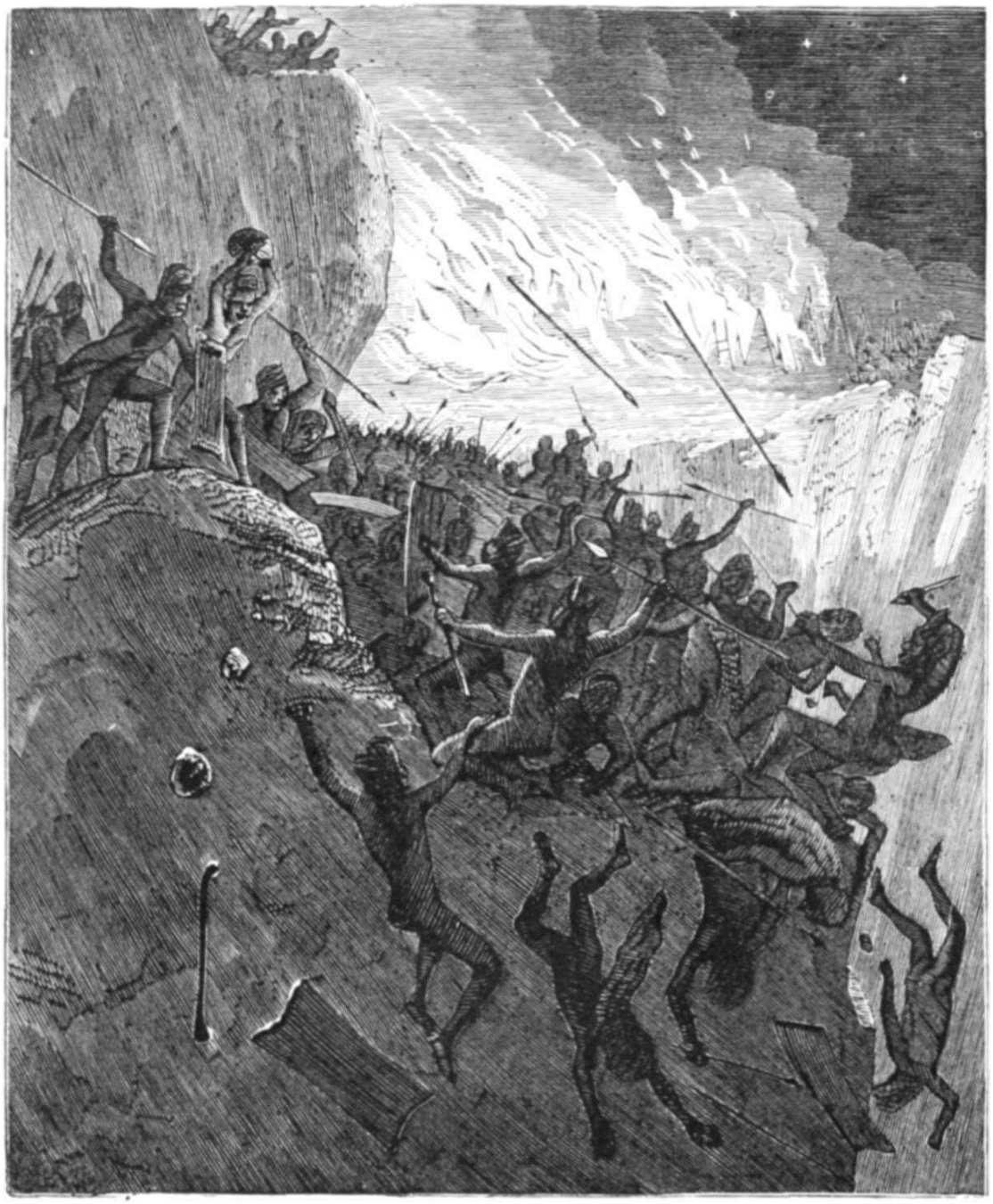
Затем послали за Комморо и Моем, которые сказали, что турки вели себя так плохо, грабя и избивая женщин, что люди очень возбуждены и больше не могут этого терпеть; и, не привыкшие ни к каким путешественникам, кроме работорговцев, они, естественно, отнесли

партию сэра С. Бейкера к этой категории. Комморо, однако, удалился, сказав, что сделает все возможное, чтобы успокоить людей.

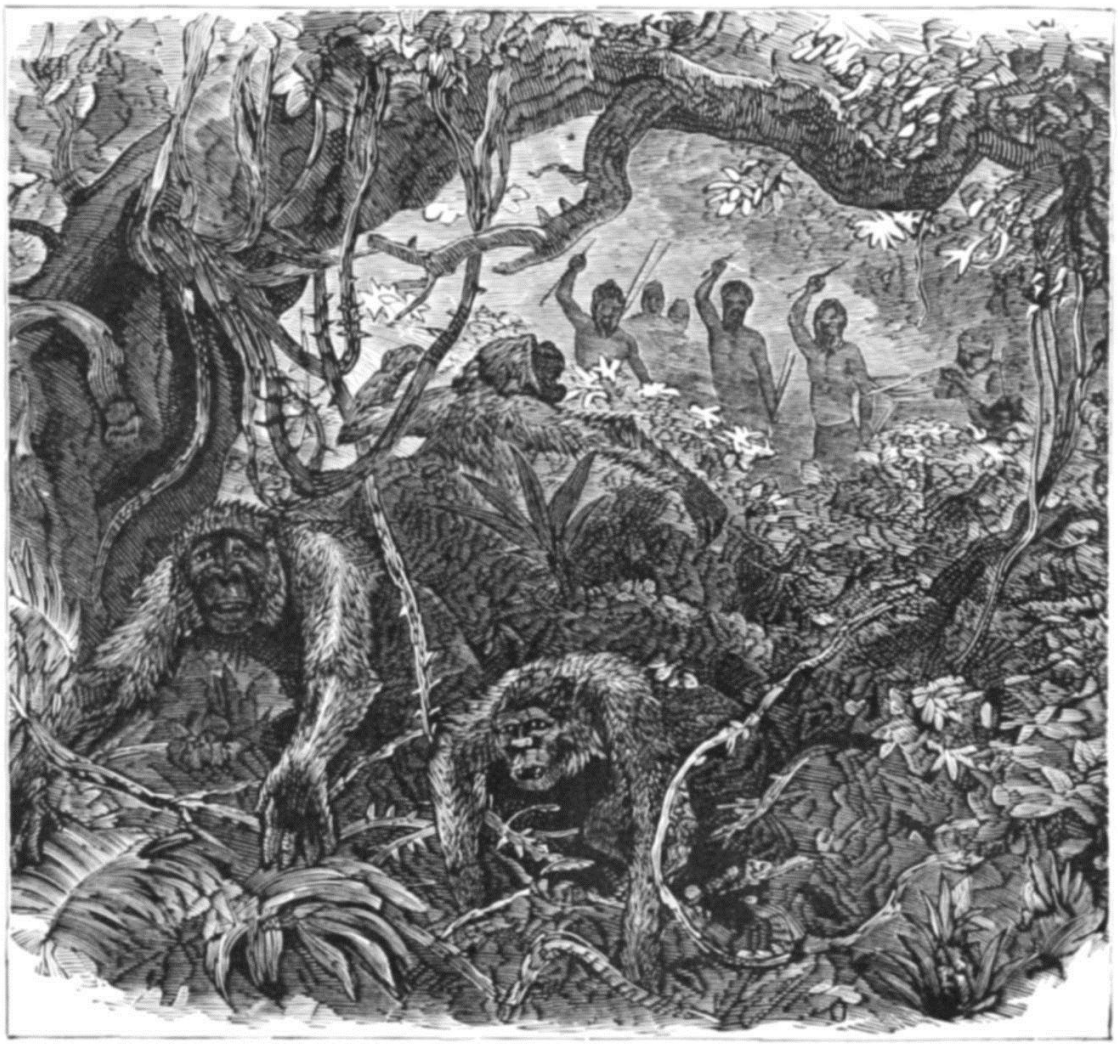
"Солнце село, и, как обычно бывает в тропическом климате, через полчаса наступила темнота. В город не вернулась ни одна женщина, не было слышно ни одного мужского голоса. Туземцы полностью покинули ту часть города, которую занимали и я, и турки. В воздухе царила мертвая тишина. Даже турки, обычно буйные, были совершенно спокойны; и, хотя мои люди не делали никаких замечаний, было ясно, что все мы заняты одними и теми же мыслями и что ожидается нападение.

"Было около девяти часов, и тишина стала почти мучительной. Не было слышно ни крика птицы, ни даже воя гиены: верблюды спали, но все люди бодрствовали, а дозорные были начеку. Мы уже почти прислушались к этой сверхъестественной тишине, если можно так описать совершенное спокойствие, как вдруг все вздрогнули от глубокого и торжественного звука большого военного барабана, или ногары! Три отчетливых удара с небольшими интервалами пронеслись по пустынному, казалось бы, городу и громким эхом отразились от соседней горы. Это был сигнал! Прошло несколько минут, и, словно далекое эхо с севера, снова отчетливо прозвучали три заунывные ноты. Было ли это эхо? Невозможно!

"Теперь с юга, издалека, но безошибочно, в ночном воздухе раздались те же три равномерных удара. Снова и снова со всех сторон, распространяясь далеко и широко, раздавался сигнал, и вся страна вторила этим трем торжественным нотам, полным предупреждения. И снова великий ногара Таррангoлле подал сигнал тревоги в нескольких сотнях шагов от наших покоев. Вся страна была начеку. Сомнений не было. Турки хорошо знали, что эти три ноты являются военным сигналом латуков.



(1.) ПОБЕДА ЛАТУКА.
(См. стр. 456.)



(2.) ОХОТА НА ГОРИЛЛ.
(См. стр. 543.)

"Вскоре патрули доложили, что за городом собираются большие группы людей. Снова забил большой ногара, и, как и прежде, из соседних деревень раздался ответ; но барабан турка продолжал непрерывно бить, как вызов, всякий раз, когда звучал ногара. Вместо напряженной тишины, которая раньше была почти мучительной, отчетливый гул голосов свидетельствовал о скоплении большого количества людей. Однако мы были хорошо укреплены, и латуки знали об этом. Мы занимали ту самую крепость, которую они сами построили для обороны своего города; а площадь, окруженная крепкими железными палисадами и имеющая лишь узкий вход, была бы неприступна, если бы ее удерживали, как сейчас, пятьдесят человек, хорошо вооруженных, против толпы, лучшим оружием которой были только копья.

"Я послал людей на сторожевые посты. Они были высотой около двадцати пяти футов, и, поскольку ночь была ясной, они могли отчетливо наблюдать за движениями большой массы туземцев, которая постоянно увеличивалась на внешней стороне города, на расстоянии около двухсот ярдов. В ответ на ногару неоднократно раздавался стук барабана турка, и казалось, что намеченному нападению суждено перерасти в шумный, но пустой бой барабанов".

Ближе к полуночи явился Комморо лично и сказал, что ногара побили без его приказа и что он постарается успокоить людей. Однако он признал, что, если бы разведчики не были начеку, нападение действительно было бы совершено. После этого дела сэр Сэмюэль очень мудро решил полностью отделиться от турок, а потому разбил лагерь в четверти мили от города, чтобы латуки не подумали, что у двух сторон общие интересы.

На следующее утро женщины, как обычно, явились с кувшинами для воды, а мужчины, хотя все еще возбужденные и под оружием, вернулись в свои дома. Постепенно волнение улеглось, и тогда они с полной откровенностью рассказали о случившемся, признав, что нападение было задумано, и весьма забавляясь тем, что предполагаемые жертвы должны были знать об их планах.

Латуки не свободны от порока воровства и, нанимаясь носильщиками, занимались своим ремеслом с таким трудом, что умышленно вскрывали посылки, которые несли, не обращая внимания на то, что в нескольких ярдах за ними наблюдал часовой. Кроме того, иногда они подгадывали удобный момент, отходили от каравана и ускользали со своим грузом.

Похоронные церемонии у латуков различаются в зависимости от способа смерти. Если человек убит в бою, тело не трогают, а оставляют на том месте, где оно упало, на съедение гиенам и стервятникам. Но если латука, будь то мужчина, женщина или ребенок, умирает естественной смертью, от его тела избавляются довольно необычным образом. Сразу же после смерти в ограде, окружающей каждый дом, в нескольких футах от двери выкапывается неглубокая могила. Она остается здесь в течение нескольких недель, когда разложение обычно завершается. Затем ее выкапывают, кости чистят и моют, после чего помещают в глиняный сосуд и выносят за пределы деревни на четверть мили.

Никакой особой святости не придается ни костям, ни месту, на котором они лежат. Со временем глиняные кувшины разбиваются, а кости разбрасываются, но никто не обращает на них внимания. Вследствие этого обычая окрестности большого города представляют собой весьма необычный и довольно удручающий вид: земля покрыта костями, черепами и глиняными кувшинами в различной степени сохранности; и действительно, путешественник всегда знает, что приближается к городу латука, по тому, что натыкается на множество заброшенных человеческих останков.

Латуки не имеют ни малейшего представления о том, почему они обращаются со своими мертвыми таким необычным образом, и почему они делают такое странное различие между телами воинов, погибших смертью храбрых, и тех, кто просто умер от болезни, несчастного случая или разложения. Пожалуй, нет другой такой страны, где тело умершего воина оставляют на растерзание зверям и птицам, а умерших естественной смертью так тщательно хоронят, эксгумируют и помещают на общественное кладбище. Почему они так поступают, они, похоже, не знают и не заботятся, и, насколько удалось выяснить, это один из многих обычаев, сохранившихся долгое время после того, как те, кто его практиковал, забыли его значение.

В течение трех или четырех недель, которые проходят между погребением и эксгумацией тела, исполняются похоронные танцы. В этих танцах принимает участие огромное количество представителей обоих полов, которые украшают себя весьма необычным образом. Их волосяные шлемы дополнены огромными плюмажами из страусиных перьев, каждый мужчина носит столько, сколько может закрепить на голове, а на плечи вешают шкуры леопарда или обезьяны. Главным украшением, однако, является большой железный колокол, прикрепленный к небольшой части спины, который звучит, извиваясь телом в очень

смехотворной манере. Точное изображение одного из таких танцев представлено читателю на странице 465.

"Большая толпа, собравшаяся в этом стиле, создала неописуемый шум, усиленный дудением в рожки и ударами семи ногаров разных нот. Каждый танцор носил на шее рог антилопы, в который он периодически дул в разгар своего возбуждения. Эти инструменты издавали звуки, напоминающие блеяние осла и крик совы. Толпы мужчин носились по кругу в своеобразном *инфернальном галопе*, размахивая оружием и булавами с железными наконечниками, и держались в неплохой шеренге в шесть человек, следуя за вожаком, который возглавлял их, танцуя задом наперед.

"Женщины держались вне строя, танцуя медленный, глупый шаг, а длинная вереница молодых девушек и маленьких детей, головы и шеи которых были натерты красной охрой и жиром и красиво украшены нитками бус вокруг поясницы, держалась очень хорошо, отбивая такт ногами и звеня многочисленными железными кольцами, украшавшими их лодыжки, в такт барабанам.

"Одна женщина занималась мужчинами, бегая по толпе с кувшином древесной золы, горсти которой она сыпала им на головы, припудривая их, как мельники: цель этого действа я не мог понять. *Первая танцовщица* была очень толста; она уже вышла из расцвета молодости, но, *несмотря на* свою громоздкость, держала темп до последнего, совершенно не обращая внимания на свой внешний вид и поглощенная азартом танца".

Эти странные танцы являются частью каждых похорон, а когда умирает несколько человек подряд, похоронные танцы продолжаются несколько месяцев подряд. Главный комморо отличался ловкостью в похоронных танцах и принимал участие в каждой такой церемонии, независимо от того, был ли это богатый или бедный человек; каждый умирающий имел равное право на похоронный танец без различия ранга или богатства.

Колокольчики, которые так часто упоминаются в племенах, населяющих Центральную Африку, в основном сделаны по одному принципу, хотя и не совсем по одному образцу. Эти простые колокольчики, очевидно, происходят от скорлупы некоторых орехов или других твердых фруктов, которые, будучи подвешенными, и деревянная хлопушка, подвешенная внутри них, могут издавать звук определенного резонанса.

Следующим шагом вперед, очевидно, стало вырезание колокола из твердых пород дерева, чтобы увеличить его размер и усилить силу звука. Затем стало очевидным превосходство резонанса железа, и были изготовлены маленькие колокольчики, по форме в точности напоминающие упомянутые выше орехи. Как только этот момент был достигнут, разнообразие форм колоколов, очевидно, стало просто делом каприза изготовителя.

Одна форма приближается к привычному нам типу колокола больше, чем любая другая, и действительно имеет очень близкое сходство с колоколами странной формы из Сиама или Бирмы. Вместо того чтобы быть уплощенным, как другие, он довольно широкий и имеет такую форму, что его поперечный разрез дает фигуру четырехлистника.

ГЛАВА XLIV.
ПЛЕМЕНА ШИР, БАРИ, ДЖИББА, НУЭР, ДИНКА И ШИЛЛУК.

МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ ПЛЕМЕНИ ШИР - ИХ ПЕРЕНОСНОЕ ИМУЩЕСТВО - ОДЕЖДА И ОБЩИЙ ВИД - СТРАННАЯ ИСТОРИЯ - ПЛЕТЕНИЕ КОРЗИН - ПЛЕМЯ БАРИ И ИХ ХАРАКТЕР - ТОРГОВЛЯ РАБАМИ - ЛУЧНИКИ БАРИ - СМЕЛЫЙ СНАЙПЕР - СТРАТАГЕМА МАЛЬЧИКА - АРХИТЕКТУРА БАРИ - ПЛЕМЯ ДЖИББА - ИХ НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ - ОРУЖИЕ ДЖИББА - ТОПОР, ДУБИНА И НОЖ - БРАСЛЕТ - УКРАШЕНИЕ ДЛЯ СКАЛЬПА - ГОРДЫЙ ВОИН - ПЛЕМЯ НУАЕР ИЛИ НУЭР - ГЛИНЯНЫЙ ПАРИК И БИСЕРНЫЙ ШЛЕМ - ВОЖДЬ, ДЖОКТИАН И ЕГО НАСТОЙЧИВОСТЬ - ПРИВЕТСТВИЕ НУЭРА - ПЛЕМЯ ДИНКА И ЕГО ВОИНСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР - ЗЕНЕБ НА ПОМОЩЬ - ВРАЖДА С ШИЛЛУКАМИ И БАГАРАСАМИ - ОДЕЖДА ДИНКА - ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ПЕРЕВЕРНУТЫЙ СТОЛ - РЫНОК ДИНКА - ПОСОЛЬСТВО МИРА - ШИЛЛУКИ, ИХ МЕСТНОСТЬ, ОДЕЖДА И ВНЕШНИЙ ВИД - ИХ ХИЩНИЧЕСКИЕ ПРИВЫЧКИ - УМЕНИЕ ПЛАВАТЬ НА ЛОДКЕ - ПАСТУШЕСКАЯ КОЛОНИЯ И ЕЕ УПРАВЛЕНИЕ - ЛОВЛЯ РЫБЫ - СЕМЬЯ ШИЛЛУКА - ПРАВИТЕЛЬСТВО СРЕДИ ШИЛЛУКОВ - МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ.

Поскольку племя шир часто упоминается путешественниками, проезжавшими через Центральную Африку, необходимо кратко рассказать о нем. Страна Шир простирается по обе стороны Нила, в широтах 6° северной широты и долготе 30° восточной долготы. 30° E.

Мужчины отличаются тем, что никогда не выходят из своих деревень без всего своего личного имущества. Одежда, в нашем понимании этого слова, не считается собственностью, главным предметом костюма является хохолок или два петушиных пера на макушке. Но они всегда носят свои маленькие табуретки на спине, и никто никогда не передвигается без своей любимой трубки. На свою трубку они тратят все свои художественные силы, которые, впрочем, не очень велики. Драгоценное в этой стране железо, используемое, как и золото в Европе, в качестве денежного средства, все трубки сделаны из этого дорогого металла. Чаши сделаны из глины, имеют коническую форму и пару зубцов, на которые опираются. Они очень большие, в них помещается целая горсть табака, а мундштуки почти всегда сделаны из железа.

Помимо мирных орудий, шир всегда носит с собой оружие войны. Оно состоит из булав, сделанных из эбенового дерева, черных, твердых и тяжелых, пары копий, лука и связки стрел, так что в их руках довольно много оружия. Лук всегда держится натянутым, а стрелы заостряются каким-нибудь твердым деревом - железо слишком дорогой металл для таких целей. Они имеют длину около трех футов и не имеют перьев, так что их можно использовать только на небольшом расстоянии.

У женщин, однако, есть некоторые претензии к одежде. К поясу, опоясывающему талию, прикреплен небольшой кожаный шнурок, который свисает спереди. Сзади он уравновешивается чем-то вроде хвоста или длинной кисточки из очень тонких кожаных ремешков, которые доходят почти до колен. Капитан Спейк замечает, что этот предмет одежды, вероятно, является основанием для сообщений о том, что в Центральной Африке есть раса людей, у которых хвосты как у лошадей. Подобные сообщения распространены не только среди европейцев, но и среди самих жителей Центральной Африки, причем каждое племя, похоже, считает, что они - единственная совершенная раса людей, а все остальные имеют какие-то физические недостатки.

Очень забавный случай такого убеждения описывает мистер Петерик: один туземец рассказал ему о племенах, среди которых он побывал и где видел очень необычных людей. В одном племени, например, он видел людей, которые, как и белый человек, могли убивать на

большом расстоянии. Но вместо странной формы кусков дерева и железа, которые издавали шум, у них были луки и стрелы, которые невозможно было извлечь. Если бы он остановился на этом, ему можно было бы поверить, единственное преувеличение - дальность полета оружия. К несчастью для его характера, он должен был добавить ряд других обстоятельств и продолжил рассказывать о племени , у которого было четыре глаза, два в обычных местах и два сзади, и которое поэтому могло ходить как вперед, так и назад, как обезглавленная дама в сказке, чья голова была повернута неправильной стороной вперед, "что было очень полезно для одевания ее волос на спине".

Следующее племя, через которое он прошел, сильно напугало его. У них было обычное количество глаз, но один глаз находился под каждой рукой, так что, когда они хотели посмотреть вокруг себя, им приходилось поднимать руки. Не понравившись этим странным спутникам, он отправился еще дальше на юг и там увидел людей с хвостами длиной в ярд и с лицами, похожими на обезьяньи. Но самыми ужасными людьми, среди которых он путешествовал, были карлики, у которых были такие огромные уши, что, когда они хотели отдохнуть на ночь, они расстилали одно ухо под собой в качестве матраса, а другое над собой, чтобы укрыться.

Самое странное в этих диких историях то, что ни одна из них не является новой. Любителям старых легенд все эти чудовищные расы людей прекрасно знакомы. Более того, в этой замечательной старой книге, "Нюрнбергской хронике", есть гравюры с изображением всех этих странных людей. Это и ацефалы, чьи глаза находятся в груди, и хвостатые люди, и обезьяноподобные, и карлики, и большеухие. Происхождение некоторых из этих диких представлений достаточно очевидно, и кажется вероятным, что идея о расе большеухих возникла из-за огромных ушей африканского слона, одно из которых достаточно велико, чтобы укрыть человека под своим покровом.

Вернемся к ширским женщинам. Они очень любят украшения, и почти все железо в стране, которое не используется для украшения труб или для "лопаты-деньги", носят на ногах женщины. Вокруг лодыжек закреплены кольца значительной толщины, и у солидной женщины их часто так много, что они простираются далеко вверх по ноге. Когда женщины ходят, эти кольца издают лязгающий звук, как будто на них надеты железные кандалы; но среди ширских красавиц этот звук считается очень модным, и они культивируют искусство ходить так, чтобы браслеты лязгали как можно сильнее. Есть еще одно украшение, которое им очень нравится. Они берут раковины речных мидий и режут их на маленькие круглые кусочки, размером с обычные перламутровые пуговицы. Они нанизываются на волосы жирафьего хвоста, которые по прочности почти не уступают железной проволоке, и выглядят весьма эффектно, когда контрастируют с черной кожей носителей. Как и у ваньоро и других племен, у шир обоих полов выбиты резцовые зубы нижней челюсти.

Эти женщины умело плетут корзины, основным материалом для которых служат листья куполообразной или думской пальмы. У меня есть циновка их производства, которая сплетена так аккуратно и плотно, с таким вкусом подобранными цветами, что ее легко можно принять за работу европейца. Она овальная, около восемнадцати дюймов в диаметре. Центр - темно-красный, окруженный чередующимися кольцами красного и черного цветов, которые очень эффектно смотрятся на бледно-желтом фоне циновки.

Пища племени шир состоит в основном из семян лотоса, причем обычно используется белый вид. Перед самым созреванием семян их собирают в стручок, похожий на артишок и содержащий огромное количество маленьких зернышек, похожих на мак как по размеру, так и по вкусу. Когда стручки собраны, их скучивают и нанизывают на тростник длиной около

четырех футов. Затем их относят в деревню, сушат на солнце и хранят для еды. Плоды пальмы дум также измельчают и используют в качестве муки.

В верховьях Белого Нила преобладает один очень странный тип питания. У людей большие стада крупного рогатого скота, и они не только живут на молоке, но и ежемесячно пускают им кровь и готовят из нее муку и еду.

БАРИ.

Между 4° и 8° северной широты и долготой. 31° 33' в.д. есть несколько племен, настолько своеобразных, что они заслуживают краткого упоминания, прежде чем мы перейдем на запад, в страну негров. Первое из них - племя бари, расположенное на восточном берегу Нила.

Это воинственное и опасное племя, хорошо вооруженное и умеющее пользоваться своим оружием, так что путешественник, желающий безопасно пройти через их земли, должен быть в состоянии показать вооруженный фронт. Когда капитаны Спейк и Грант проходили через их страну, зонтик был случайно оставлен, и несколько человек послали за ним. Однако бари выстроились в боевой порядок, очевидно, понимая, что без своих вождей их можно смело запугивать, так что зонтик был оставлен на милость вождя бари.

Благодаря своему положению на Ниле, они делают большой бизнес на торговле рабами, поскольку до Гондокоро, столицы страны бари, пароходы могут подниматься по реке. Поэтому каждая партия чужеземцев - и в основном это правда - принимается за экспедицию работорговцев, и вызывает страх у одной части населения, в то время как другая ее обхаживает. Ссорящийся нрав бари часто приводил их к столкновениям с торговцами, но, как можно предположить, превосходное вооружение и дисциплина последних обеспечили им такое превосходство, что бари уже не доставляют столько хлопот, как раньше. Тем не менее, они всегда начеку, и если путник даже присядет под деревом, они потребуют плату за тень.

Когда сэр С. Бейкер находился в Гондокоро, на него смотрели как на шпиона и противника работорговли, и поэтому он подвергался гораздо большему риску быть убитым, чем среди признанных диких племен внутренних районов. А поскольку работорговцы еще больше усложнили дело, угнав скот у одного племени, на который они покупали рабов у другого, путешествие через страну бари было крайне опасным, а возможно, и вовсе невозможным.

Однажды они организовали регулярное нападение на отряд, расположившись по обе стороны скалистого ущелья, через которое проходила дорога, и непрерывно выпуская отравленные стрелы. К счастью, впереди в ущелье были замечены туземцы в алой боевой раскраске, и они приготовились к отражению нападения. Они бегали по скалам, как обезьяны, время от времени останавливаясь, чтобы выпустить отравленную стрелу, а затем бежали дальше, готовые к новому выстрелу. Они проявили немало храбрости, подойдя на расстояние пятидесяти-шестидесяти ярдов к вооруженному эскорту, несмотря на свое огнестрельное оружие, которое они, казалось, справедливо презирали, поскольку люди, носившие его, не имели понятия о прицеливании и, если они направляли мушкет куда-нибудь в сторону врага и стреляли, считали, что сделали все, что требовалось.

Однако барийцы оказались столь же плохими лучниками, и ни одна стрела не возымела действия. Многие из них отклонялись от своей линии ветвями деревьев и гроздьями бамбука, а те, что летели прямо, легко избегались из-за слабости и жесткости лука, который мог лишь слабо и медленно их метать. Стычка закончилась тем, что, хотя предводитель экспедиции и не счел нужным стрелять по столь незначительному противнику, один из бари был каким-то образом ранен в тело, вероятно, пулей, направленной в кого-то другого, и несколько человек, как полагали, были ранены. Затем они бросились бежать.

Во время похода бари все еще вились вокруг каравана, а ночью полностью окружили его, причем их очертания были совершенно невидимы, если только дозорный не ложился на землю и не ухитрялся разглядеть их очертания над горизонтом. Они даже были достаточно дерзки, чтобы подкрасться к лагерю и пускать в него стрелы наугад, надеясь поразить кого-нибудь; но этот способ нападения был эффективно пресечен залпом картечи, который убил одного из самых смелых. Когда на следующее утро его тело нашли в тридцати ярдах от лагеря, лук был в его руке, а рядом лежал запас отравленных стрел. Впоследствии в лагере были найдены четыре его стрелы, и их хитроумные колючие наконечники, заряженные смертельным ядом, показали, что смерть бывшего владельца была вполне заслуженной.

Путешественникам повезло, что бари - такие жалкие лучники, ведь стрелы, попав в человека, наверняка убьют его. Яд, которым они пропитаны, не обладает той быстротой действия, которая отличает яд босжесмена, но он не менее грозен, хотя и менее быстр. Действие яда заключается в уничтожении жизни окружающей плоти, так что конечность, пронзенная одной из стрел, подвергается медленному умерщвлению, и таким образом рана приводит к смерти, которая гораздо мучительнее, потому что гораздо медленнее, чем та, которую вызывают яд-трава, сок эуфорбии или яд змеи.

Как бы ни были неприятны эти бари в своем обычном состоянии, их можно обучить, превратив в хороших и верных слуг, и они являются отличным материалом для солдат. Однажды, когда большой отряд мади напал на группу торговцев, убил знаменосца и едва не унес сам штандарт, на помощь пришел молодой бари, выстрелил из пистолета в человека, уносившего штандарт, выхватил его у него и благополучно отнес своему хозяину.

Один из этих барийских парней, барабанщик по имени Арноут, спас жизнь своему хозяину с помощью хитрости. Пока тот перезаряжал ружье, на него напали несколько туземцев, тогда молодой Арноут подбежал и, будучи без оружия, наставил на врага свою барабанную палочку. Подумав, что это какой-то новый вид огнестрельного оружия, нападавшие разбежались, оставив Арнаута хозяином поля.

Внешний вид бари весьма примечателен. Головы у них круглые и пулевидные, с низким лбом, сильно развитыми за ушами и на затылке, так что общее строение головы не может не радовать и является хорошим показателем характера людей. Когда они бреют голову, формирование черепа легко заметить. Это высокий, хорошо сложенный и упитанный народ, что составляет большой контраст с кытчами и некоторыми другими племенами; и хотя они носят мало одежды, им удается тратить много времени на личное украшение. Мужчины бреют всю голову, за исключением небольшого клочка волос на макушке, который сохраняется как крепление для нескольких перьев из петушиного хвоста. Когда они отправляются на войну и даже в своих деревнях, они натирают себя чем-то вроде вермилиона, смешанного с жиром, и покрывают этим пигментом все свое лицо. Мужчины никогда не выходят из строя без своего оружия, которое состоит из лука, стрел и копья.

Лук достигает шести футов в длину и выглядит очень грозным оружием, но он настолько жесткий и неэластичный, что, как уже говорилось, не может с большой силой выталкивать

тяжелые стрелы. Стрелы жестоко колючие, а приклад древка раздвинут так, чтобы в нем можно было прорезать широкую выемку. Такой расширенный приклад встречается в стрелах по всей Африке; сейчас передо мной лежит занзибарский колчан, полный стрел, любезно подаренный Дж. А. Вудом, эсквайром, R.N. Эти стрелы сделаны с удивительной аккуратностью, но их внешний вид портит ширина приклада. Как туземцы могут использовать эти стрелы, не разрубив левую руку прикладом, просто удивительно; а поскольку он должен ударяться о тетиву и отклонять стрелу от намеченного курса, это объясняет жалкую стрельбу туземцев из лука.

Кроме оружия, бари всегда носит с собой табурет, закидывая его за спину. Когда он стоит, у него странная манера держаться, которая напоминает аиста, фламинго и других длинноклювых птиц. Одна нога стоит на земле, а другая прижата к ноге чуть ниже колена, и человек опирается на нее, упираясь прикладом копья в землю. Как правило, лук, стрелы и трубка заправлены между ног, пока владелец стоит.

Женщины бреют всю голову, а в качестве одежды носят небольшой фартук около шести дюймов в квадрате, иногда сделанный из нанизанных друг на друга бусин, а иногда из железных колец, соединенных между собой, как цепная почта. Эти последние фартуки очень ценятся. Они также украшают себя, нанося огромное количество полукруглых шрамов на тело, от груди до талии, так что на небольшом расстоянии они выглядят так, как будто носят кирасу из чешуи. Они так же, как и их мужья, любят мазаться киноварью и жиром, и эффект этого пигмента на шрамах усиливает сходство с чешуйчатыми доспехами.

Дома построены аккуратно. Каждая семья живет на значительном пространстве, окруженном живой изгородью из эуфорбии, а вся внутренняя часть выровнена и тщательно выложена чем-то вроде цемента, состоящего из древесной стружки, коровьего навоза и глины. Эта смесь быстро высыхает на солнце и превращается в подобие асфальта, так что ее легко подметать. Полы в хижинах настилают из того же материала, и как они сами, так и ограда содержатся в тщательной чистоте. Усадьба (см. гравюру) состоит из нескольких хижин, в зависимости от размера семьи; рядом с ними располагаются амбары, которые аккуратно возвышаются на столбах.

Как и во многих других частях Африки, крыша круглой хижины выступает на некоторое расстояние за пределы низких стен, образуя своего рода тенистую веранду. Дверь хижины имеет высоту не более двух футов. Такая форма хижины напоминает путешественнику дома бечуанов, а другой обычай почти полностью совпадает с тем, который практикуется среди дамаров. Если читатель обратится к странице 302, он увидит изображение гробницы дамаров. Бари хоронят своих покойников в ограде дома, и таким же образом закрепляют в земле столб и привязывают к нему рога и черепа быков. Чтобы показать, что это могила бари, к верхушке шеста прикрепляют хохолок из петушиных перьев, в подражание тому, что покойный когда-то носил на голове.

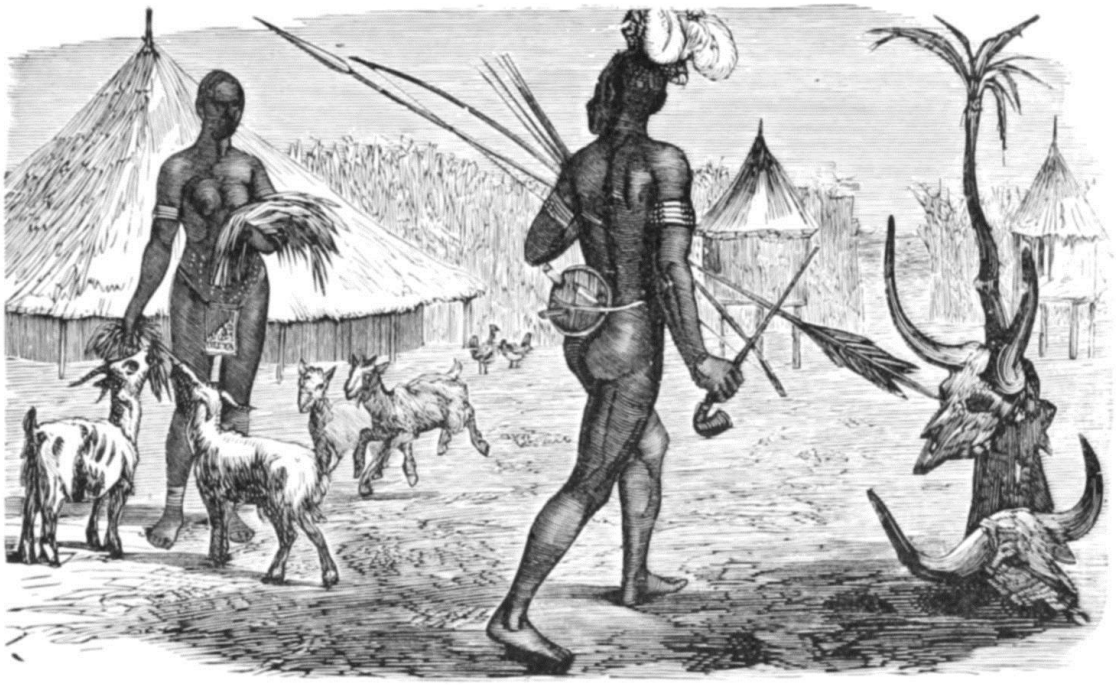
ДЖИББА.

Продолжая двигаться на север и немного отклоняясь к востоку, мы приходим к большому и грозному племени под названием джибба. Их территория расположена примерно на 7° северной широты и 34° восточной долготы и занимает. 34° восточной долготы, и занимает

большой участок страны, почти омываемый рекой Собат, одним из многочисленных притоков Нила.

Джибба - смелое и воинственное племя. Они не негры, но и не чернокожие, их цвет кожи - темно-коричневый. Они высокого роста и, за исключением цвета кожи, очень похожи на шиллуков, которые будут описаны ниже. Считалось, что они могут быть ответвлением этого племени, но они возмущенно отрицают свое родство как с шиллуками, так и с любым другим племенем; и даже держатся в стороне от воинственных динкасов, с которыми многие низшие племена только рады заявить о своем родстве.

Эти люди - по сути своей воины, и у них самый замечательный набор оружия. Конечно, они владеют копьями, и счастлив тот, у кого есть оружие с железной головкой. Железа в стране Джибба мало, и поэтому многие воины вынуждены довольствоваться тем, что прикрепляют к древку копья острые рога антилоп, пока им не удастся раздобыть желанный железный наконечник. Когда джиббский воин становится обладателем столь ценного оружия, он очень бережно относится к нему, сохраняя края острыми, как бритва, и покрывая наконечник ножнами из шкуры. Ножны прикреплены к древку ремешком, чтобы не было опасности потерять их, и они никогда не снимаются, кроме тех случаев, когда копье должно быть использовано. У них также есть булавы и топоры разных форм. Самая распространенная булава сделана из темного, твердого и тяжелого дерева и отличается грибовидной формой головки. Эта форма особо упоминается, потому что она излюбленная в Центральной Африке, а у племени дор расширяется до того, что становится похожей на большой гриб с плоской шляпкой и острыми краями. Наиболее характерная форма топора напоминает боевой топор средневековья, который был одинаково приспособлен для нанесения ударов или колющих ударов.



(1.) УСАДЬБА БАРИ. (См. с. 464.)

(2.) ПОХОРОННЫЙ ТАНЕЦ. (См. с. 459.)

Если читатель обратится к с. 449, он увидит под заголовком "Браслеты" два предмета, которые служат двойной цели - украшения и оружия. Как видно из их формы, они носятся на запястье, так что их владелец никогда не бывает полностью безоружным. Джиббский мастер берет тонкую пластину железа, заостряет края и прорезает вдоль них ряд глубоких насечек; затем он сворачивает ее в продольном направлении, чтобы получилась половина цилиндра, и, наконец, сгибает ее в форме браслета. Когда его надевают на запястье, два конца сжимают или сбивают вместе, чтобы браслет прочно держался на своем месте.

Другое, гораздо более грозное оружие, рис. 2, представляет собой браслет, сделанный из плоской пластины железа шириной около полутора дюймов. Внутри он очень толстый, не менее четверти дюйма, и постепенно утончается к краю, который остается очень острым. Чтобы не поранить владельца, по краю проходят ножны из прочной кожи, которые держатся за счет собственной эластичности, так что их можно в мгновение ока снять и так же быстро заменить. Когда воин сходится с противником, он срывает кожаные ножны и, бросившись на него, наносит острым краем удар по лицу или, обхватив левой рукой, рассекает его обнаженное тело почти на куски быстрыми ударами этого страшного оружия.

Хорошо вооруженный воин Джиббы также носит с собой дубинку, сделанную точно по такому же принципу. Она примерно такого же размера, как обычная ракетка, и почти такой же формы, за исключением того, что сплющенная часть не такая правильная. Действительно, если бы у обычной клюшки для гольфа была головка, которую можно было бы сплющить до длины около фута и ширины семь или восемь дюймов, то она почти в точности напоминала бы "ассайю", как называют эту клюшку. Острие оружия остается очень острым и

защищено ножнами из шкуры, точно такими же, как у ножа-браслета. Новозеландцы раньше использовали топор-клюшку похожей конструкции, хотя и гораздо большего размера.

На иллюстрации на странице 449, озаглавленной "Замки для скальпов", показано еще одно доказательство воинственного характера племени джибба. Когда воин Джибба убивает врага в бою, он отрубает ему голову и забирает ее с собой домой; затем он разрезает несколько кожаных шнурков, удаляет все волосы с головы врага и передает их оба другу, который берет на себя обязанность украсить победителя доказательствами доблести.

Сначала стринги сплетаются в шестнадцать или семнадцать лент, часть одной из которых показана на рис. 2. Один конец ленты прочно вплетается в затылок, причем так, чтобы по мере роста волос крепление становилось все более надежным. Затем волосы мертвеца скрепляют в подобие войлока толщиной около четверти дюйма и крепко пришивают к нижней стороне кожаных лент. После этого воин Джиббы гордо шествует вперед, ощущая себя мужчиной на все сто процентов и наслаждаясь завистью и восхищением тех, кому еще не посчастливилось заполучить столь почетный трофей.

Всякий раз, когда он убивает другого врага, он увеличивает длину, но не ширину этого необычного украшения; а когда он лишает убитого всех его украшений, он может купить каури, чтобы подчеркнуть красоту своего скальпа, прикрепляя их рядами вдоль кожаных лент. У именитых воинов этот трофей иногда бывает непомерно длинным. Я видел один, привезенный мистером Петериком, который был настолько длинным, что, когда человек обычного роста надевал его на голову, конец волочился по земле. Он был так густо покрыт каури, что кожаные ленты и волосы не были видны, пока его не подняли, и гордый владелец также растянул каури по макушке головы почти до глаз спереди и над ушами по обе стороны. Вес этого украшения был огромен, и удивительно, что гордость могла побудить человека подвергнуть себя такому дискомфорту. Знаменитый жемчужный костюм принца Эстерхази, должно быть, был крайне неудобен, но тогда его надевали только по особым случаям, в то время как воин Джиббы не может избавиться от своего почетного, но тяжелого украшения.

Наличие такого украшения говорит о том, что джибба любят украшения. Одеты они умеренно, в платья из козьих шкур, волосатой стороной наружу. Платье перекидывается через левое плечо, оставляя правую руку свободной, а затем обхватывает талию, спускаясь до середины бедра. На верхней руке носят браслеты из слоновой кости хорошей работы, вокруг талии повязывают тяжелые пояса из коровьего ореха, а лодыжки и талию украшают кольца из полированного железа.

НУЭХР.

Теперь мы переходим к еще одному из тех замечательных племен, которые населяют Центральную Африку.

Примерно на 9° северной широты и 25° восточной долготы расположено большое племя нуэр. 25° восточной долготы находится большой район, населенный племенем, называемым нуэр или нуаэр. Вопреки обыкновению, это племя владеет землями по обе стороны Нила, который посреди их территории превращается в озеро. Нуэры - прекрасная раса дикарей, и выглядят они очень похоже на дикарей. Мужчины высоки, сильны и хорошо сложены, но

черты их лица приближаются к негритянскому типу, они тяжелее и грубее, чем у ранее упомянутых племен. Женщины выглядят не так хорошо, как мужчины, и довольно неуклюже сложены.

Ни один из полов не утруждает себя одеждой. Мужчины вообще не носят никакой одежды; женщины тоже, пока не выйдут замуж, повязывают вокруг талии бахрому из травы; некоторые из более богатых женщин могут использовать кожаную бахрому, которой они очень гордятся. Их украшения, кажется, не служат никакой другой цели, кроме как как можно больше изуродовать их носителей. Начиная с головы, мужчины окрашивают свои шерстяные волосы в пыльно-красный цвет смесью, основную часть которой составляет пепел. Затем они берут что-то вроде глины для трубок и густо залепляют ею волосы на затылке, придавая им форму конуса, причем форма украшения варьируется в зависимости от каприза человека. С помощью этого глиняного головного убора волосы отбрасываются назад с лица, выражение которого не улучшают горизонтальные линии, вытатуированные поперек него.

Головной убор удивительной красоты был привезен из этого племени мистером Петериком и сейчас находится в коллекции полковника Лейна Фокса. Он белый, в подражание белой глине, которой обычно украшают голову, и сделан из цилиндрических бусин, имеющих форму кусочков табачной трубки. Эти бусины, или рожки, как их, наверное, следует называть, нанизаны на нитку и скреплены между собой весьма изобретательным способом. Необычным моментом в этом головном уборе является точное сходство с солдатской каской Древнего Египта, а также со шлемами, которые сейчас используются в Индии и других частях света. (См. "Шлем", стр. 449.)

Естественный глянцевый черный цвет кожи, который так радует глаз, полностью уничтожен покрытием из древесной золы, которое придает поверхности некий сероватый вид. На верхней руке они обычно носят большой браслет из слоновой кости, а на шее - тяжелые мотки бус. Запястья украшены медными кольцами и другими украшениями, а на правом запястье они носят железное кольцо с выступающими лезвиями, очень похожее на то, которое носят латуки.

Джоктиан, вождь племени нуэр, был спрошен сэром С. Бейкером, для чего используется это оружие, и в качестве ответа он просто указал на руки и спину своей жены, которые были покрыты шрамами, полученными от этого примитивного укротителя жен. Он, казалось, гордился этими отметинами и, очевидно, считал их лишь наглядным доказательством того, что его жена должным образом подчиняется своему мужу. Как и у остальных членов племени, у него на шее висел небольшой мешочек, в котором хранились кусочки дерева, бусины и всякие мелочи. Он просил все, что видел, и, когда ему давали что-нибудь небольшое, сразу же отправлял это в сумку.

Но если отбросить эти две черты - жестокость и жадность, - Джоктиан, похоже, был вполне приятным дикарем и уходил в восторге от полученных подарков, а не ворчал, что не может получить больше, как это обычно бывает у дикарских вождей. Было довольно странно, что, хотя он был так очарован бусами и браслетами, он отказался принять нож, сказав, что он ему бесполезен. В руках у него была огромная трубка, вмещавшая почти четверть фунта табака. У каждого нуэрца есть такая трубка, которую он всегда носит с собой, и, если запас табака иссякает, он зажигает кусочек древесного угля, кладет его в трубку и вдыхает пар, который вырывается из насыщенной табаком чаши.

Женщины украшены не так сильно, как мужчины, вероятно, потому, что представители сильного пола предпочитают сами использовать украшения. На небольшом расстоянии все женщины выглядят так, будто курят сигареты. Этот странный вид вызван странным

украшением, которое они носят на верхней губе. Они берут кусок железной проволоки длиной около четырех дюймов и покрывают его мелкими бусинами. Затем в верхней губе проделывают отверстие и вставляют украшение так, чтобы оно выступало вперед и скорее вверх.

Нуэры очень любят бусы и с удовольствием обменивают на них предметы питания. Один вид бусин, размером и формой напоминающий голубиное яйцо, очень ценится у них; когда мистер Петерик путешествовал по их стране, он купил быка за восемь таких бусин. Вождь поднялся на борт лодки и, как обычно, стал спрашивать обо всем, что видел. Среди прочих странностей его внимание привлекли башмаки мистера Петерика, которые, поскольку они почти износились, были подарены ему. Конечно, они были ему слишком малы, и попытки надеть их были очень забавны. После многочисленных неудач он решил отнести их домой, где, как ему показалось , он сможет надеть их, хорошенько смазав ноги.

Когда вождь вошел в хижину и увидел чудеса цивилизованной жизни, он был потрясен новым величием и опустился на одно колено, чтобы отдать приветствие, полагающееся великому вождю. "Взяв мою правую руку и развернув ладонь, он спокойно плюнул в нее, а затем, глядя мне в лицо, намеренно повторил этот процесс. Пораженный дерзостью этого человека, я первым делом хотел сбить его с ног, но, поскольку черты его лица выражали только доброту, я выплеснул свой гнев, ответив на комплимент со всем возможным интересом. Его восторг показался мне чрезмерным, и, вернувшись на свое место, он выразил уверенность, что я, должно быть, великий вождь. Аналогичные приветствия последовали с каждым из его сопровождающих, и дружба была установлена". Это странное приветствие распространено во многих племенах, окружающих Нуэр; но в некоторых, например у кытчей, приветствующий лишь делает вид, что плюет в руку своего друга, а на самом деле этого не делает.

ДИНКА.

Еще южнее племени нуэров мы попадаем в необычный район, простирающийся по обе стороны Нила. Эту страну населяют два племени, оба воинственные, оба смертельно враждуют друг с другом и оба любят совершать неожиданные набеги на территорию врага. Племя, обитающее на левом или западном берегу, называется шиллук, а племя, занимающее восточный берег, - динка или денка. Сначала мы возьмем динка.

В их облике больше от негров, чем в племени, которое только что было описано. Они включают в себя множество мелких подплемен, все из которых говорят на одном языке или, по крайней мере, на его диалекте. Не вдаваясь в мельчайшие подробности относительно особенностей каждого подразделения, мы просто возьмем основные характеристики великого и грозного племени динка. О том, что они чрезвычайно воинственны, уже говорилось. Действительно, если бы они не были такими, их давно бы истребили; ведь из-за непрекращающихся набегов шиллуков и багарасов с запада и различных арабских племен с севера и востока они не смогли бы удержаться на плаву, если бы не были храбрыми людьми и не были обучены владению оружием.

Боевой дух распространяется даже на женщин, и однажды он очень пригодился сэру Сэмюэлю Бейкеру во время его путешествия. Внезапно возникла опасная ссора, и несколько арабов напали на белых вождей, причем одни были вооружены мечами, а другие - копьями.

Один из них оказался позади старосты сэра Сэмюэля и собирался нанести удар копьем. С группой исследователей оказалась женщина динка по имени Зенеб, которая, увидев *эмейта*, выхватила тяжелую рукоять топора, бросилась в самую гущу схватки, ударом по голове сбила араба с ног и мгновенно вырвала копье из его руки, пока он был оглушен неожиданным ударом. Эта своевременная помощь стала переломным моментом в стычке, и через минуту-другую арабы были побеждены и обезоружены. После этого Зенеб с удовольствием разбил копья побежденных арабов и сварил из их осколков кофе.

Основным оружием динкасов является копье, но они также используют дубины различных форм. По форме они сильно напоминают полинезийцам некоторые булавы, и их легко можно принять за такое оружие. Дубина используется для двойной цели. Ее держат в левой руке и используют как щит, которым можно отклонить удар копья противника, а когда враг ранен, дубина готова к операции по выбиванию его мозгов.

Как бы ни были воинственны динка, они не так активно агрессивны, как их соседи шиллуки, и никогда не выходят на берега Нила, если их не вынуждает к этому засуха. Они занимаются сельским хозяйством и содержат огромные стада крупного рогатого скота, и именно из-за своего скота они иногда вынуждены приближаться к берегу реки и подвергать себя нападениям своих извечных врагов, шиллуков и багарасов, которые не только угоняют их скот, но и уводят женщин и детей. Багары - отличные наездники, они переплывают реку на своих конях, положив одну руку на четвереньки животного и плывя рядом. Они также прекрасные охотники на слонов: преследуют свою могучую дичь верхом, вооруженные только копьем, спрыгивают с лошади, наносят ей смертельную рану и снова садятся на коней, прежде чем слон успеет повернуться.

Одежда обоих полов достаточно проста. Мужчины носят кусок кожи, прикрепленный к поясу, но он висит сзади, а не впереди, за исключением торжественных случаев, когда его аккуратно подносят спереди. Разумеется, носят бусы, количество которых зависит от средств их обладателя. Замужние женщины носят маленькие передники, а девушки и дети - вообще ничего, за исключением бус и других украшений. Как и женщины племени нуэра, женщины динка прокалывают верхнюю губу и помещают в нее небольшую палочку, покрытую бисером. Женщины совсем некрасивы, все их достоинства полностью нейтрализуются привычкой брить голову. Девушкам очень нравится украшение, которое представляет собой ряд полых железных конусов, диаметром около полудюйма в нижней части и сужающихся кверху. В верхней части просверлено отверстие, чтобы конусы можно было нанизывать на кожаный шнурок. Они очень разные по длине: те, что спереди, имеют длину около четырех дюймов, а те, что сзади, едва достигают двух дюймов. При ходьбе девушки этот пояс издает приятное позвякивание, которым обладательница очень гордится. Такое украшение очень ценится, и, поскольку оно почти не поддается разрушению, его передают от матери к ребенку, и вряд ли найдется девица динка, у которой его нет.

Занятия динка в мирное время в основном сводятся к охоте и уходу за скотом. Сельское хозяйство презирается и возлагается на женщин, в результате чего способности почвы никогда не получают должного развития. Действительно, они обрабатывают лишь небольшие участки земли возле своих хижин и выращивают там маис, просо, тыквы, ямс, орехи, хлопок, капсикум и другие подобные растения. Они редко едят мясо своего скота, за исключением случаев, когда корова умирает естественной смертью, в этом случае устраивается большой пир: для обеспечения себя мясом они почти полностью полагаются на свое умение охотиться. Богатые живут в основном за счет молока своего скота, а если молока у них больше, чем они могут потребить, они обменивают его у других племен на зерно. Они ловкие рыбаки, а те, кто не очень обеспечен, привыкли часто бродить по берегам

рек или озер, пытаясь убить бегемота, а в это время питаться рыбой. У них есть гениальный способ перевозить рыбу на расстояние, заворачивая ее в толстую глину, а поскольку это покрытие можно сделать воздухонепроницаемым, рыба может храниться несколько дней даже в такой жаркой стране.

Если сельское хозяйство не уделяется должного внимания, то, естественно, в стране периодически случаются большие бедствия: огромное количество людей вынуждены тратить все свое время на поиски зерна и ягод. Иногда они нанимаются в слуги и ухаживают за стадами, а в плохие годы нередко находят в кустарнике тела мужчин, женщин и детей, умерших от голода в стране, которая способна обеспечить их всем необходимым и роскошью.

В одной из ветвей племени динка мистер Петерик пробыл некоторое время, и у него была хорошая возможность изучить их нравы. Его первый прием не был многообещающим, поскольку вождь намеревался силой отобрать все бусы, принесенные для покупки слоновой кости, и угрожал уничтожить всю партию, если это скромное намерение не будет немедленно приведено в исполнение. Однако выстрел из ружья и его последствия на расстоянии так напугали вождя, что он с радостью перешел на более смиренный тон. Следующая уловка заключалась в том, чтобы распугать всех носильщиков, чтобы товары не могли быть вывезены из страны, и прекратить подачу воды и провизии, чтобы заставить мистера Петерика и его партию покинуть округ. Вождь прямо заявил, что, поскольку они не могут вывезти свои товары из его страны, лучшим планом будет сдать их сразу и продолжить свой путь.

До этих событий жизнь того же путешественника была поставлена под угрозу из-за союза шести племен динка против него, которые вбили себе в голову, что единственная цель белого человека, пришедшего на их территорию, - уничтожить работорговлю и навлечь на себя врагов белых. Это произошло, когда он находился среди племени дор, с некоторыми из которых динкасы уже успели поссориться. Поэтому он очень сильно огородил свой лагерь и, возведя под каждым углом что-то вроде бастиона, сделал его такой грозной крепостью, что динкасы побоялись на него нападать. Они простояли здесь шесть недель, и наконец мистер Петерик решил нанести смелый удар и переломить ситуацию. Зная, как высоко они ценят скот, он решил, что если ему удастся увести одно из их стад, то они образумятся. Он отправил отряд своих людей, которые захватили шестьсот голов крупного рогатого скота, а также бесчисленное количество овец и коз. Как и следовало ожидать, динкасцы, которые действительно ценят свой скот гораздо больше, чем человеческую жизнь, были в ужасе и пришли смиренно просить о мире. Мир был заключен, и скот был передан вождю племени дор, чтобы обеспечить его деревню продовольствием. Однако динкасы продолжали проявлять недобросовестность, постоянно задерживаясь на линии похода мистера Петерика, а однажды одно из подплемен, называемое Аджак, имело наглость открыто напасть на них. Конечно, они были сразу же отбиты, потеряв несколько человек убитыми и ранеными; но из-за этих повторных нападений пришлось остановиться на ночь в каком-то скотном дворе и проделать в стенах дыры для мушкетов.

Среди племени динка велась значительная торговля бусами и бивнями, которые в конце концов стали довольно ловкими торговцами. Мистер Петерик приводит забавный рассказ об одном из их рынков: "После пятнадцати дней утомительного следования мы пристали к нескольким деревням динка, расположенным на южном берегу, где нам удалось выторговать

у туземцев множество бивней, которые приняли нас с распростертыми объятиями в надежде, что мы защитим их в случае необходимости от нападения нуэров.

"Я отправился на берег, чтобы встретить их, в сопровождении переводчика, человека с мешком различных бус и полудюжины вооруженных людей для защиты от предательства, что, учитывая, что негры были вооружены дубинками и копьями, было необходимой мерой предосторожности. Я и мой переводчик сели напротив владельца бивня, который упорно продолжал сидеть на своем месте, отказывая нам в осмотре. Положив на землю шкуру, мы разложили на ней различные бусы, коровьи раковины и медные браслеты. Красота этих изделий вызвала яркие знаки одобрения: продавец и прохожие ухмылялись и потирали животы обеими руками. Затем между продавцом и его друзьями произошла консультация по поводу относительных достоинств бус, которая вылилась в следующий диалог: - "Продавец.

"*Продавец*: "Ах! Ваши бусы прекрасны, но невеста (бивень), которую я предлагаю, прекрасна: как и вы, она белая и высокая, и достойна большой цены".

"*Я*.- "Воистину, красота невесты неоспорима; но, насколько я могу судить, она треснута, в то время как мои бусы совершенны".

Вендор.- "Бусы, которые вы предлагаете, действительно прекрасны, но я думаю, что они, должно быть, были собраны до того, как созрели".

"*Я*.- "О, нет! Они были собраны, когда созрели, и их цвет свойственен им, и вы увидите, что они будут носиться так же хорошо, как лучшие красные; они прибыли из другой страны".

Продавец: "Что ж, позвольте мне взять еще несколько штук".

"Его просьба была удовлетворена, он поднялся с бивня и бросился на бусы, жадно собирая их; в то же время владение бивнем оспаривали полдюжины негров, которые, заявив, что помогали нести его на плечах, потребовали вознаграждения. Когда это было выполнено путем пожертвования каждому, под тем же предлогом выступила другая группа людей, и бивень был схвачен моими людьми за один край, в то время как они держали другой, и в прекрасном настроении боролись за его обладание: наконец, чтобы прервать дело, я бросил в толпу горсть бус, в результате чего бивень был немедленно брошен, и они бросились за ним в погоню. Тем временем покупка была унесена и надежно закреплена на борту".

Когда мистер Петерик проезжал через ту же страну в 1856 году, племя аяков решило, что им лучше заключить мир со столь грозным гостем, и, соответственно, вождь Аноин попросил его остановиться на ночь в одной из их деревень и заключил договор о дружбе. Как только был разбит лагерь и расставлены дозорные, несколько молодых девушек - некоторые из них были очень красивы для африканцев - прибыли с молоком и мукой и были обрадованы бусами, которые они добавили к своему одеянию; оно состояло из бусин, нанизанных на шею, талию и лодыжки. Воодушевленные приемом, к ним присоединились другие, и они принялись за работу, перемалывая кукурузу и варя кашу, как будто всю жизнь принадлежали к экспедиции.

Вдруг вдалеке послышался свист, и едва он затих, как все женщины исчезли, а на смену веселой болтовне, наполнявшей все вокруг, пришла мертвая тишина. Через некоторое время в темноте послышался незнакомый голос, просивший разрешения подойти, и, получив уверенный ответ, Аноин и его брат вышли на свет сторожевых костров, а за ними - несколько мужчин, ведущих вола. Они были полностью вооружены, но их одежда состояла лишь из куска леопардовой шкуры, перекинутого через плечо Аноина в знак ранга. Аноин носил медные браслеты, в то время как браслеты его спутников были железными. И он, и его

брат носили шапки из белого бисера, плотно пришитого к мягкой шкуре. Бусины были нанизаны на хлопчатобумажные нити, которые они пряли сами с помощью мотыги и веретена, а иголкой служил шип.

Усевшись, Аноин начал речь, предлагая мир и преподнося быка в качестве доказательства искренности. Животное было принято, и менее чем через час от быка остались лишь белые и отполированные кости, разбросанные по земле. Затем собралось несколько мелких вождей, и все они приветствовали мистера Петерика по обычному, хотя и малоприятному обычаю - плюнули ему в лицо, а затем приступили к делу.

Сначала вожди динка положили свои копья и дубинки в центре круга, а затем мистер Петерик положил на них свое ружье и пистолеты. Затем вождь несколько раз перешагнул через кучу и поклялся, что ни он, ни кто-либо из его племени никогда не будет использовать это оружие против белого человека, и пожелал, чтобы, если клятва будет нарушена, он первым погиб от оружия обиженной стороны. Мистер Петерик сам прошел через ту же церемонию, и обильное возлияние пивом и трубками скрепило союз.

ШИЛЛОКИ.

Ровно на противоположном берегу Белого Нила обитает великое племя шиллук, с которым динка постоянно враждуют. Шиллуки - высокие и прекрасно сложенные люди, очень близкие к неграм, чернокожие, с шерстяными волосами. Плоский нос и огромные губы настоящего негра, однако, отсутствуют, и лишь в некоторых случаях наблюдается приближение к этому строению.

Мужчины Шиллук очень любят украшения, хотя одежда не считается необходимой. Их украшения похожи на те, что уже были описаны, и состоят в основном из железных браслетов, ножных браслетов и ожерелий из бусин. У них также есть одно довольно необычное украшение. Это огромное кольцо из слоновой кости, которое носят выше локтя правой руки. Оно вогнуто внутрь и настолько велико, что используется как карман для хранения мелких предметов. Голову украшают небольшие шапочки из черных страусовых плюмажей, а многие из них украшены кругом из раковин каури в середине. Их оружие - булавы и копья, причем последние очень длинные, а вокруг приклада накручена железная проволока, чтобы уравновесить голову. Они также носят замечательный щит, похожий на лук, который уже упоминался.

Женщины не носят никакой одежды до замужества, а затем надевают пару кусков выделанной шкуры, один спереди, другой сзади. Эти шкуры доходят почти до лодыжек и украшены по нижнему краю железными кольцами и колокольчиками. Головы обриты, а в ушах по краям проделано множество отверстий, из которых свисают маленькие гроздья бус.

Деревни шиллуков построены очень регулярно, и на самом деле они настолько регулярны, что выглядят чопорно и официально. Дома сделаны из тростника, высокие, почти одинаковой высоты, расположены близко друг к другу ровными рядами или улицами, и при взгляде издалека сэр С. Бейкер сравнивает их с рядами пуговичных грибов.

Шиллуки - довольно развитый народ: воинственный, пастушеский, земледельческий, рыболовный, с четко определенным правительством. Они не только ведут непрерывную вражду со своими могущественными соседями, динкасами, но и пользуются разливом Нила, чтобы спустить на воду свои каноэ, тихо спуститься по реке и напасть на арабское население на обоих берегах. Они настолько смелы, что несколько раз спускались по реке почти до половины пути к Хартуму, прятали свои каноэ в камышах и переправлялись через страну к Сеннаару или Голубому Нилу. Заставая жителей врасплох, они уводили в рабство множество женщин и детей, уводили большие стада скота, снова высаживались и благополучно возвращались домой с добычей. В конце концов, египетское правительство было вынуждено вмешаться и разместить войска между Белым и Голубым Нилом. Помимо каноэ, шиллуки делают весьма изобретательные суда, представляющие собой нечто среднее между плотом и каноэ.

В этой части Африки растет дерево под названием амбач, или амбадж (*Anemone mirabilis*). Это дерево растет довольно прямо, постепенно сужаясь от земли к верхушке. Оно никогда не вырастает до больших размеров, а его древесина почти такая же легкая, как пробка. Чтобы сделать плот, шиллук срезает достаточное количество деревьев амбаджа, кладет их рядом и крепко привязывает друг к другу. Затем сужающиеся концы стягиваются шнурами и также крепко скрепляются, и в результате получается необычайно эффективный и плавучий плот, легко управляемый благодаря своей форме и настолько легкий, что человек может нести его на плечах. Когда эти плоты достают из воды, их ставят вертикально на основания, а два или три плота опирают друг на друга, как солдаты опускают руки. Один из таких плотов, девять футов в длину и всего четыре фута в ширину на корме, может нести двух человек.

Шиллуки очень ловко управляют своими плотами, которые они приводят в движение с помощью маленьких весел; и даже маленьких мальчиков можно увидеть плывущими на плоту, ничуть не боясь кишащих крокодилов, но всегда имея при себе копье, которым можно отогнать ужасных рептилий, если они попытаются напасть.

Когда мистер Петерик проезжал через эту страну, смелые шиллуки основали небольшую колонию на восточном, или динском, берегу реки из-за хороших пастбищ. Как только динка ушли в глубь страны, шиллуки переправились на другой берег, построили несколько тростниковых хижин, обнесли их забором, а затем перегнали свой скот. У них было много застав в глубине страны, и как только стало известно о появлении врага, шиллуки сели на плоты и переправились на свой берег реки, а скот, повинуясь известному призыву, нырнул в воду и последовал за каноэ и плотами своих хозяев. Как ни странно, крокодилы в таких обстоятельствах не вмешиваются в дела скота.

С помощью своих плотов шиллуки большую часть времени занимаются рыбной ловлей. Они не используют ни сети, ни крючки, а применяют более спортивное копье. Это оружие длиной около десяти футов с колючим железным наконечником, свободно воткнутым в конец древка, и соединенным слабым шнуром. Как только рыба поражена, древко отсоединяется от головки и, будучи сделанным из легкого дерева, всплывает на поверхность, и так "играет" с рыбой, пока она не обессилеет и не будет вытащена на берег с помощью палки с крючком. Шиллуки часто ловят рыбу наугад, пробираясь через реку против течения и ударяя копьями направо и налево в воду.

В народе, конечно же, практикуется полигамия. Мистер Петерик приводит очень забавное описание беседы с вождем и его семьей.

"В одной из этих деревень, Госа, с целью наладить торговлю шкурами или, по возможности, слоновой костью, я завел знакомство с ее вождем Дудом, который вместе с несколькими

старейшинами деревни вошел в мою лодку, на берегу которой собрались все мужчины, женщины и дети деревни. Вождь, мужчина старше среднего возраста, поразил меня своими умными замечаниями и поведением, столь же прямым, сколь и величественным, превосходящим походку его спутников. Несколько подарков в виде бус были жадно схвачены его сопровождающими, но он принял их как должное; и, передав приказ одному из своих людей, безделица, которую я ему дал, была возвращена встречным подарком в виде овцы. Уходя, я попросил его прийти до восхода солнца в сопровождении только его сыновей, и тогда я сделаю ему и им подходящие подарки.

"Задолго до назначенного времени Дуд и толпа мужчин и стриптизеров с их неотъемлемым сопровождением - дубинами и копьями - на берегу разбудили меня от дремоты; и когда я появился на палубе, ко мне бросились с криками "Бендж! Бендж!" (вождь), за которыми последовали бесчисленные приветствия. Как только эти крики стихли, Дуд, с трудом освободив свой рот от кисета табака размером с небольшой апельсин, сел рядом со мной.

"Первым моим замечанием было удивление по поводу количества его последователей, поскольку я не ожидал увидеть никого, кроме его сыновей. О, все в порядке: вы еще не знаете моей семьи; но, благодаря вашим любезным обещаниям, я послал в скотопрогоны за мальчиками"; и с гордостью отца он сказал: "Это мои боевые сыновья, которые много раз помогали мне в борьбе с динка, чей скот позволил им заключить свадьбу".

"Несмотря на слабое знание негритянских семей, я все же был не мало удивлен, узнав, что его доблестное потомство насчитывает сорок взрослых мужчин и крепких парней. "Да, - сказал он, - я не хотел брать с собой девочек и мальчиков, так как это выглядело бы, как будто я хочу навязать вам свою щедрость".

"Что? Больше маленьких мальчиков и девочек! Сколько их может быть, и сколько у вас жен?

"Ну, я развелся со многими женами; они стареют, вы знаете; и теперь у меня только десять и пять". Но когда он начал считать своих детей, то вынужден был прибегнуть к тростнику и, разломав его на мелкие кусочки, сказал: "Я не обращаю внимания на младенцев, потому что они часто умирают, вы знаете; женщины так глупы в отношении детей, что я никогда не забочусь о них, пока они не способны заложить ловушку".

"Как и все негры, не умея считать больше десяти, он называл столько же имен, которые отмечал, положив на палубу перед собой кусок тростника; такой же знак обозначал еще десять, и так далее, пока он не назвал и не отметил число своих детей. В общей сложности, за исключением, как он объяснил, младенцев и детей, не способных защитить себя, было пятьдесят три мальчика и двадцать девочек - семьдесят три!

"После такого объяснения я не мог больше удерживаться от подарков хозяину на берегу; и, довольный моими пожертвованиями, он пригласил меня в свой дом, где я отведал мериссы и жареной птицы, в которой, вместо жира, были оставлены внутренности. Выразив желание увидеть своих жен, он охотно провел меня из хижины в хижину, где моя кожа, волосы и одежда подверглись самому тщательному осмотру. Каждая жена располагалась в отдельной хижине, и, раздав полные карманы бус женщинам-вождям и их молодым семьям, в чьей благосклонности я оказался, я покинул все еще крепкого деревенского вождя".

Система управления у шиллуков достаточно проста. У них есть султан или высший офицер, которого называют "Мек" и который обладает и осуществляет почти безответственные полномочия. Мек, похоже, хорошо понимает пословицу о том, что "фамильярность порождает презрение", и держится в стороне от своих подданных, редко выходя за пределы

своей усадьбы. Он даже не обращается к своим подданным напрямую, а заставляет их общаться с ним через посредство чиновника. Любой, кто приближается к нему, должен делать это на коленях, и никто не может ни стоять прямо, ни носить оружие в его присутствии. Он твердо и сурово вершит правосудие и особенно карает убийства и воровство среди своих подданных: виновного приговаривают к смерти, а его семью продают в рабство.

Однако кражи и убийства, совершенные против других племен, считаются заслуженными, и, когда мародеры возвращаются, мек забирает себе треть награбленного. Он также имеет право на бивни всех слонов, убитых ими, и ожидает подарка от каждого торговца, который проходит через его территорию. Мек не позволяет чужакам селиться на территории шиллуков, но разрешает им жить в Каке, большом городе на крайнем севере. Здесь живет много арабов-торговцев, которые наживаются на обмене бус, колокольчиков для скота и других предметов на скот, рабов и слоновую кость. Торговля последним товаром полностью ведется меком, который обладает монополией на него и максимально использует свою привилегию. Торговля в Кака ни в коем случае не является свободной, поскольку Мекк не только забирает всю слоновую кость , но и его чиновники следят за происходящим на рынке и осуществляют надзор за каждой сделкой.

Вероятно, из-за присутствия чужаков Мек не живет в Каке, а устраивает свою резиденцию в деревне примерно в десяти милях вверх по реке.

В моей коллекции есть любопытный музыкальный инструмент, который мы можем назвать флейтой, вместо лучшего слова. Он сделан из какого-то твердого дерева и грубо обтянут спиральным ремнем из железа и кожи. Через него также продето железное кольцо, через которое проходит кожаный ремешок, с помощью которого ее носят. Верхнее отверстие очень маленькое, и звук, издаваемый инструментом, имеет плаксивый и тоскливый характер. Внутри флейты находится странное приспособление, которое можно назвать чистильщиком. Он состоит из страусиного пера с коротко обрезанными лопастями, а чтобы сделать его достаточно длинным, чтобы дотянуться до дна флейты, его удлиняют деревянной ручкой, к концу которой прикреплен пучок волос из коровьего хвоста, в качестве украшения. Длина флейты составляет более восемнадцати дюймов, а из-за большого количества железа вес больше, чем можно было бы предположить.

ГЛАВА XLV.
ПЛЕМЕНА ИШОГО, АШАНГО И ОБОНГО.

ЗАПАДНАЯ АФРИКА - ПЛЕМЯ ИШОГО И ЕГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ - ОДЕЖДА И ВНЕШНИЙ ВИД ЛЮДЕЙ - НЕОБЫЧНЫЙ ГОЛОВНОЙ УБОР ЖЕНЩИН - ИХ МАСТЕРСТВО В ТКАЧЕСТВЕ - УАНДЖАС, ИЛИ ТУЗЕМНЫЕ ФАБРИКИ - ТКАЦКИЙ СТАНОК И ЧЕЛНОК - АРХИТЕКТУРА ИШОГО - ЛЮБОПЫТНЫЕ ДВЕРИ - ДЕРЕВЕНСКОЕ ДЕРЕВО - М'ПАЗА ИЛИ ЦЕРЕМОНИЯ БЛИЗНЕЦОВ - ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ИШОГО - ПЛЕМЯ АШАНГО - ХАРАКТЕР ЛЮДЕЙ - НЕСЧАСТЛИВЫЙ ВЫСТРЕЛ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ - ВОЕННЫЕ ЦЕРЕМОНИИ - ХРАМ, ХРАМ, ИЛИ ДОМ М'БУИТИ, И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ, СОВЕРШАЕМЫЕ В НЕМ - СУЕВЕРИЯ АШАНГО - КЕНДО, ИЛИ КОЛОКОЛ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ - ПРИЕМ ГОСТЕЙ - ПЛЕМЯ ОБОНГО, ИЛИ БУШМЕНЫ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ - ИХ НЕВЫСОКИЙ И НИЗКОРОСЛЫЙ ВИД - ДОБРОТА АШАНГО ПО

ОТНОШЕНИЮ К НИМ - РЫНОК ОБОНГО - ДОМАШНИЕ ОБЫЧАИ И ПОХОРОННЫЕ ЦЕРЕМОНИИ.

Мы приближаемся к некоторым негритянским племенам и увидим их в нормальном состоянии, пока их обычаи и образ жизни не изменились под влиянием европейцев.

Немного ниже экватора, между 10° и 12° восточной долготы, находится район, населенный ишого, очень многочисленным и примечательным племенем. Ишого живут на довольно узкой территории, которая простирается по диагонали на юго-запад, параллельно реке Рембо-Н'гуяй, но отделена от нее целым рядом холмов.

Ишого - прекрасная раса людей, чернокожих, с шерстяными волосами, но не отличающихся крайним негритянским развитием, характерным для аборигенов западного побережья. Они украшают себя довольно необычным образом. Представители обоих полов добавляют румяный оттенок к своему родному черному цвету, натирая себя красным порошком, полученным путем соскабливания двух кусков бруса, а также уродуют себя, удаляя два средних зуба верхней челюсти.

Как и другие шерстяные расы, ишого очень гордятся своей головой и уменьшают и без того скудный запас волос, которым их снабдила природа. Ресницы и брови у них не в моде, их тщательно стирают, а волосы на голове одеваются в самом необычном стиле. Мужчины выбривают круг вокруг головы, оставляя лишь круглый участок на макушке. Она разделяется на три части, каждая из которых заплетается в косичку, похожую на лапсердак, сходящуюся к концу и завершающуюся крупной бусиной или, возможно, кусочком полированной проволоки. Из-за медленного роста волос ишого не могут завершить свой головной убор в течение нескольких лет.

Женщины начинают с изготовления своеобразного каркаса из травяной ткани и закрепляют его на голове, сверху или сзади, в зависимости от их вкуса. Затем они вставляют в него шерстяные волосы и, когда эта часть процесса завершена, сбривают все волосы, которые не нужны для этой цели. Когда головной убор завершен, он находится на расстоянии восьми или десяти дюймов от головы, и, следовательно, проходит не один год, прежде чем это странное украшение достигает совершенства. На самом деле, полный головной убор никогда не встречается на людях моложе пяти-двадцати лет.

Шиньон", если можно так выразиться о головном уборе, состоит из четырех проборов: один спереди, один сзади и по одному с каждой стороны. Конечно, это сложное украшение не может быть уложено самостоятельно, и, как правило, его доверяют профессионалам - в каждом городе несколько женщин делают парикмахерское дело своим постоянным бизнесом. После укладки голову не трогают несколько месяцев, затем конструкцию разбирают на части и тщательно восстанавливают, вплетая в нее свежие волосы. Снятие и восстановление одной из таких башен - очень долгая и утомительная операция, занимающая целый день.

Среди ишого распространены четыре способа устройства башни, если ее можно так назвать. Обычный план - поднять ее перпендикулярно от макушки головы, так что на расстоянии это выглядит так, как будто женщина несет на голове цилиндрическую корзину. Иногда, когда основание башни располагается на полпути между макушкой и шеей, направление получается диагональным, а когда волосы на затылке сохраняются, башня выступает назад и горизонтально. Это обычная мода; но некоторые женщины носят в

дополнение к башне пучок волос, который остается на каждой стороне головы и собирается в шар чуть выше уха.

Одежда ишого - это "травяная ткань" их собственного производства. Они славятся мягкой и плотной текстурой этой ткани, которая, однако, сделана не из травы, а из кутикулы молодых пальмовых листьев, ловко содранной пальцами. М. дю Шайю приводит следующий рассказ о ткачах: - "Проходя по главной улице, мы увидели, что в этом районе есть и другие.

"Если пройтись по главной улице Мокенги, то можно увидеть несколько уанджа, или домов без стен, в каждом из которых стоят четыре или пять ткацких станков, а перед ними сидят ткачи и ткут ткань. В центре уанджи горит дровяной костер, и ткачи, проходя мимо, обязательно увидят, как они курят свои трубки и болтают друг с другом, продолжая свою работу. Все ткачи - мужчины, и именно они сшивают "бонго" вместе, чтобы сделать из них "денгуи" или халаты. Стежки не очень плотные, нитки не очень тонкие, но работа очень аккуратная и регулярная, а иглы собственного производства. Бонго очень часто бывают полосатыми, а иногда даже в клетку. Это делается путем окрашивания некоторых нитей основы или основы и мотка в различные простые цвета. Все красители изготавливаются из отваров различных пород дерева, за исключением черного, когда используется железная руда. В этой части Африки бонго используются в качестве денег".

Два слова в этом отрывке нуждаются в пояснении. Ткацкий станок ишого устроен следующим образом: к крыше ткацкой хижины горизонтально подвешивается деревянный брус длиной около двух футов, через который пропускаются нити, составляющие основу, а другие их концы крепятся к соответствующему брусу внизу, который плотно фиксируется парой вилообразных палок, воткнутых в землю. Чередующиеся нити основы разделяются двумя небольшими стержнями, концы которых держат в пальцах левой руки, перекрещивающих их поочередно, а моток переплетается с помощью мечевидного челнока, который также служит для его сбивания и регулярной укладки.

Вследствие такой формы ткацкого станка можно ткать куски ткани только ограниченной длины, и, поскольку эти ткани используются в качестве валюты, все они делаются одинаковой длины. Каждый из этих кусков называется "бонго", а когда два сшиваются вместе, они становятся "денгуи".

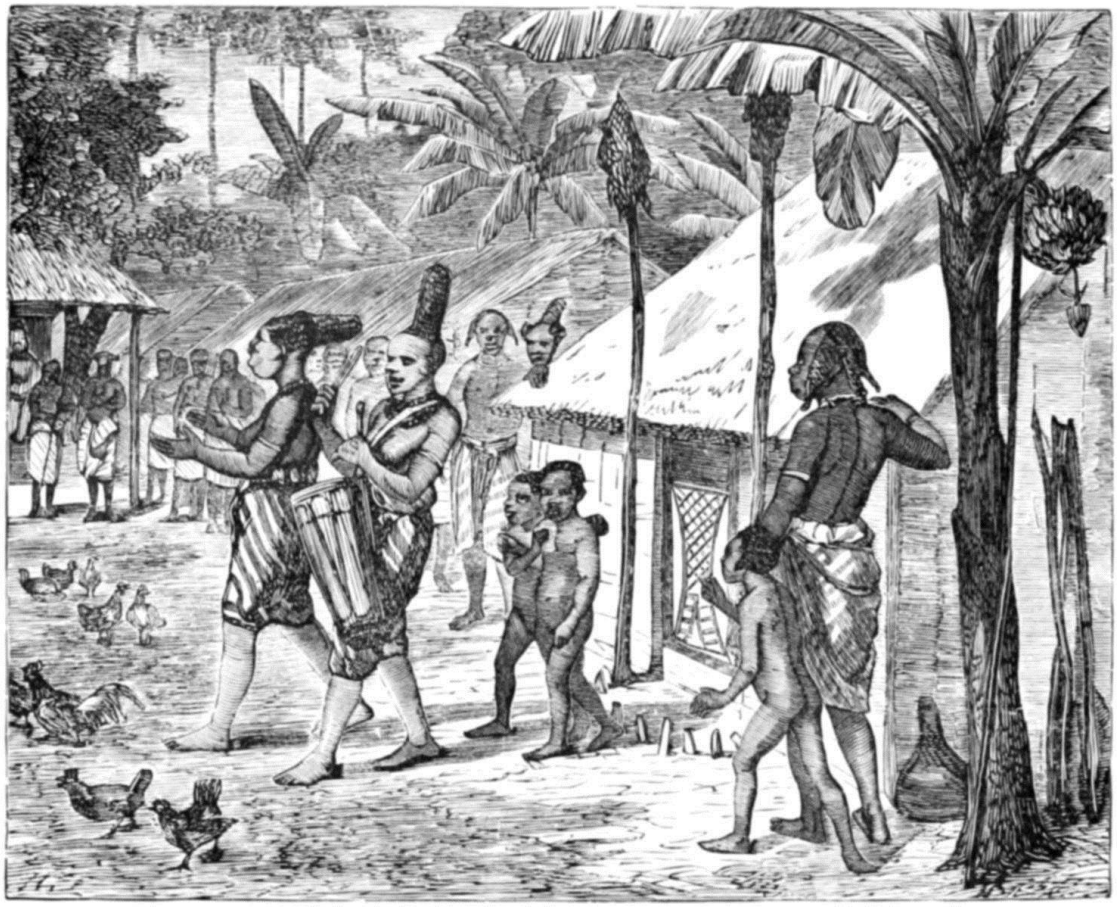
Женщинам разрешается носить только два таких куска ткани, причем размер носительницы не учитывается. Один из них вешается с каждой стороны, а края соединяются впереди и сзади, так что крупная и толстая женщина выглядит очень нелепо, поскольку куски ткани слишком коротки, чтобы правильно сойтись.

Ишого редко ходят вооруженными, и хотя у них есть копья, луки и стрелы, они не носят их с собой, кроме случаев, когда это действительно необходимо. Однако по этикету они должны брать с собой мечи, когда отправляются в гости в другую деревню. Это тихий и мирный народ, и хотя у них под рукой есть средства для опьянения, они отличаются трезвостью, в чем представляют собой приятный контраст со своими шумными, ссорящимися и несдержанными соседями, племенем апоно.

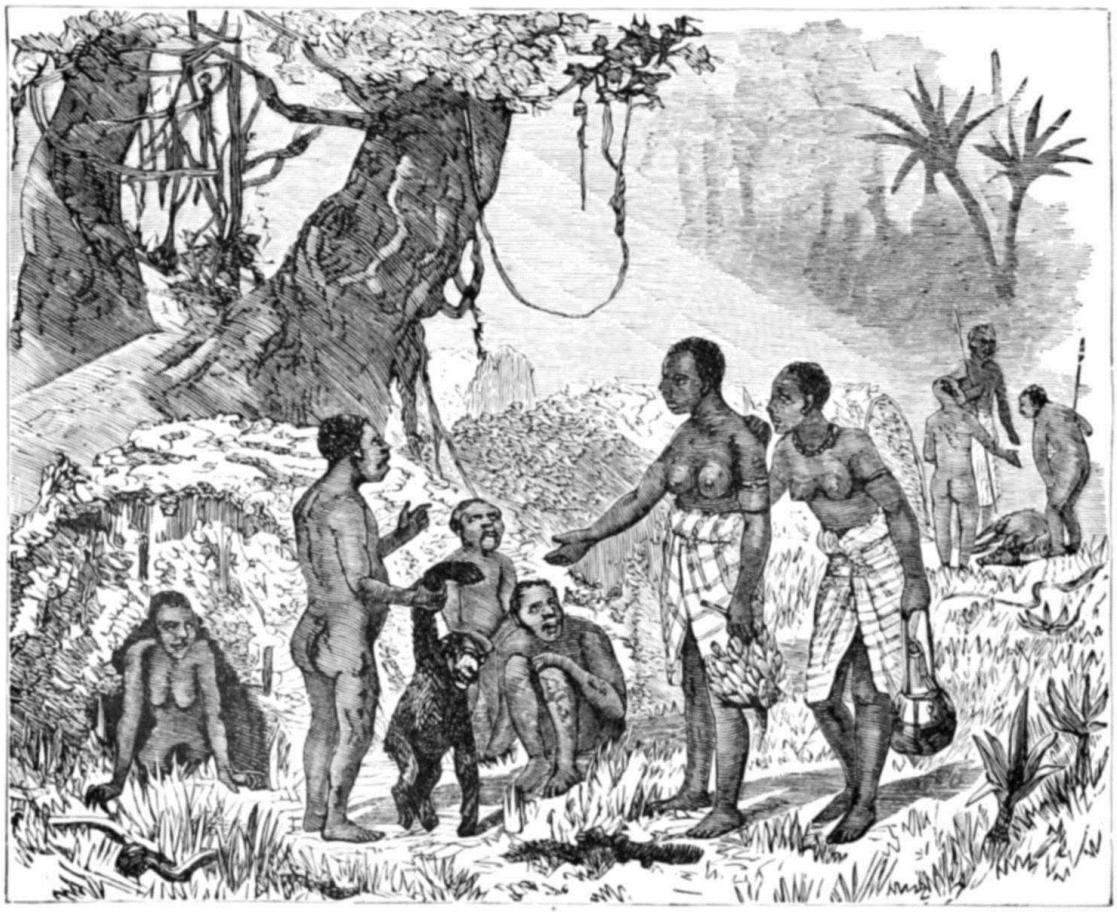
Деревни племени ишого часто очень большие, в них насчитывается двести и более хижин. Каждая хижина в среднем имеет двадцать два фута в длину и десять или двенадцать футов в ширину и разделена перегородками на три отсека. Глинобитные хижины имеют высоту не более пяти футов, а верхняя часть крыши находится на высоте около девяти футов от земли. Двери расположены в центре центрального отсека, они очень маленькие, всего чуть больше двух футов с половиной в высоту, и не висят на петлях, а поворачиваются посередине на паре

шарниров, один сверху, другой снизу. Возможно, причина столь скромных размеров кроется в том, что у туземцев нет пил, и единственный способ сделать дверь - это срубить ствол дерева, распилить его на куски нужной длины и кропотливо обтесать древесину с каждой стороны. Двери украшены различными приспособлениями, на них нанесены сложные и даже изящные узоры красным, черным, белым и т. д. В большинстве домов внешняя поверхность стен покрыта корой деревьев.

Мебель в этих хижинах едва ли соответствует совершенству архитектуры. С крыши свисает множество калабашей, в которых хранится вода, пальмовое вино и масло, а также множество хлопчатобумажных мешков и сосудов для приготовления пищи. В хорошо обставленной хижине также есть несколько тарелок и блюд, сделанных либо из тростника, либо из кожуры растения под названием "астанг", разделенных на полоски, а против них хранятся пучки пальмовых волокон, из которых плетут бонго. Табак также хранится в хижине, полностью завернутый в листья.



(1.) ЦЕРЕМОНИЯ М'ПАЗА.
(См. стр. 479.)



(2.) РЫНОК ОБОНГО.
(См. с. 482.)

Обычная форма деревни - одна улица, очень длинная, а иногда и очень широкая. Улица одной деревни была шириной в сотню ярдов и ухожена так аккуратно, что на ней не было видно ни единой травинки, - факт действительно примечательный, если вспомнить, с какой скоростью растет растительность в этой стране. В каждой деревне есть по крайней мере один "дом пира", а во многих - несколько. Палавер-хаус" - это скорее сарай, чем дом, и состоит он в основном из крыши и столбов, которые ее поддерживают. В этом доме мужчины ежедневно собираются, чтобы покурить, провести судебные заседания, принять незнакомцев и предаться бесконечным сплетням, пережиток которых до сих пор сохранился в ирландских "дискуссиях".

Здесь также есть храм, или дом М'буити, в котором проводится своего рода религиозная служба и где всегда находится большой деревянный идол, которого жители очень почитают. О том, что происходит в этом здании, мы сейчас расскажем.

В центре каждой деревни ишого и ашанго растет одно большое дерево, принадлежащее к роду Ficus. Когда место для деревни только закладывается, саженец этого дерева сажают, связывая с ним процветание будущей деревни. Если дерево будет жить и процветать, то и новая деревня будет процветать; если же оно погибнет, то место оставляют и выбирают новое. Некоторые деревни отличаются тем, что две головы гориллы, мужская и женская, прикреплены к столбам под священным деревом, а М. дю Шайю впоследствии узнал, что в корнях того же дерева зарыты определенные амулеты.

Среди ишогов существует весьма примечательный обычай, связанный с рождением близнецов. Во многих частях света близнецов уничтожают сразу же после рождения, но в этой стране им разрешают жить, хотя и с ограничениями, которые гораздо строже отражаются на матери, чем на ее потомстве. У ишого есть смутное представление о том, что ни одна женщина не должна рожать больше одного ребенка за раз и что природа желает исправить ошибку, убивая одного из детей, прежде чем он сможет позаботиться о себе. После этого - то *есть* когда детям исполняется шесть лет - баланс рождений и смертей выравнивается, и больше никаких мер предосторожности принимать не нужно.

Поэтому, как только рождаются близнецы, дом помечают каким-либо образом, чтобы отличить их. В одном случае, о котором упоминает М. дю Шайю, с каждой стороны двери были установлены два длинных шеста, над входом повесили кусок ткани, а прямо перед порогом в землю вбили ряд белых колышков. Эти знаки призваны предостеречь чужаков от проникновения в хижину, поскольку, если кто-то, кроме детей и их родителей, сделает это, провинившегося схватят и продадут в рабство. Самим близнецам не разрешается играть с другими детьми, и даже самой утварью и горшками для приготовления пищи в хижине пользоваться нельзя.

Вследствие этого любопытного закона женщины не боятся ничего, кроме бездетности, так сильно, как рождения близнецов, и ничто так не раздражает женщину ишого, как слова о том, что у нее обязательно будут близнецы. Пожалуй, самым раздражающим ограничением является то, которое запрещает женщине разговаривать. Ей разрешается ходить в лес за дровами и выполнять необходимые домашние дела, поскольку в противном случае она и ее дети будут голодать. Но ей строго запрещено говорить хоть слово с кем-либо, кто не принадлежит к ее собственной семье, - этот запрет раздражает любого человека, но тем более в Африке, где постоянные разговоры - почти одно из жизненных требований.

По истечении шестого года происходит церемония, в ходе которой все участники освобождаются от своего долгого заточения и могут войти в общество своих товарищей. На рассвете на улице раздается объявление, и две женщины, а именно мать и подруга, становятся у дверей хижины, предварительно выбелив ноги и лица. Затем они медленно маршируют по деревне, бьют в барабан в такт шагу и поют соответствующую песню. Затем начинаются общие танцы и пиршество, которые продолжаются всю ночь, а после окончания церемонии все ограничения снимаются. Этот обряд называется "М'паза", слово, которое одновременно означает и близнецов, и церемонию, в ходе которой они и их мать освобождаются из заточения. Он проиллюстрирован на 478-й странице.

Как и в других частях Африки, туземцы имеют обыкновение танцевать, бить в барабаны и петь всю ночь, отчасти из-за прохлады, а отчасти потому, что они ужасно суеверны и считают, что злые духи могут причинить им вред под покровом ночи, если их не отпугнут костры и шум.

Один из этих танцев называется M'muirri, из-за громкого гулкого звука, издаваемого их губами. Это, собственно, военный танец, и исполняется он только мужчинами. Они выстраиваются в линию, наступают и отступают одновременно, отбивая такт, бьют себя в грудь, кричат и издают реверберирующий звук, о котором уже говорилось. Горло у них, видимо, медное, а легкие - кожаные, и жители деревни Ишого поддерживают этот ужасный рев всю ночь, не прекращая ни на минуту, а те, кто на данный момент устал петь и не имеет барабана, вносят свою лепту в общий шум, хлопая двумя кусками дерева друг о друга.

При всех своих недостатках ишого - приятные люди, и М. дю Шайю, который жил с ними и сопровождал ишого в своей экспедиции, говорит, что они самые мягкие и добросердечные негры, которых он когда-либо встречал. После его отступления из страны Ашанго, о котором

будет сказано далее, ишого приняли его с еще большим, чем обычно, гостеприимством, организовали его путешествие на запад, и все население деревень вышло из своих домов и сопровождало его на небольшом расстоянии по пути.

АШАНГО.

К востоку от ишогов живет народ, называемый ашанго. Они говорят на диалекте, отличном от ишого, и называют себя другой расой, но их нравы и обычаи настолько схожи с ишого, что достаточно лишь кратко рассказать о них.

Страна Ашанго была пределом второй экспедиции М. дю Шайю, которая внезапно завершилась печальным происшествием. Люди с подозрением отнеслись к его мотивам и преследовали его в лагере, поэтому в качестве предупреждения было сделано несколько выстрелов в воздух. К несчастью, одно из ружей было разряжено до того, как его подняли, и пуля попала несчастному в голову, мгновенно убив его. Вся деревня вскочила на ноги, зазвучали военные барабаны, и воины с колючими копьями, луками и отравленными стрелами толпились на месте.

На мгновение наступило затишье: переводчик, чьей рукой был сделан неудачный выстрел, объяснил, что это был несчастный случай и что в качестве компенсации следует заплатить двадцать человек. Были принесены бусы и ткань, и один из старост только что согласился с предложением, как раздался громкий плач, и из хижины выбежала женщина, объявившая, что любимая жена дружественного старосты была убита той же роковой пулей, которая, разбросав мозги мужчины, прошла сквозь тонкие стены хижины и убила находившуюся внутри бедную женщину.

После такого заявления все надежды на мир рухнули; муж, естественно, возжаждал мести, и под ливнем стрел, одна из которых попала в переводчика, а другая едва не отсекла палец мсье дю Шайю, отступили, как могли, воздерживаясь от стрельбы, но в конце концов были вынуждены открыть огонь в целях самозащиты. Чтобы бежать как можно быстрее, носильщики были вынуждены выбрасывать инструменты, образцы естественной истории и фотографии, так что труд многих месяцев был потерян, и почти ничего, кроме дневника, не удалось спасти. Каждая деревня, в которую они пришли, высылала против них своих воинов. Месье дю Шайю был опасно ранен в бок, и в конце концов ему пришлось выбросить свою лучшую, но самую тяжелую винтовку. Только после гибели нескольких человек ашанго поняли, что им приходится сражаться с врагом, который им более чем по зубам, и в конце концов отказались от преследования.

Однако факт ранения пришлось скрыть, так как некоторые племена считали, что их белый гость неуязвим для копий и стрел, и было очень важно, чтобы такое мнение распространялось. О нем ходили самые разные дикие слухи: одни говорили, что стрелы ашанго отскакивали от его тела, не причиняя ему вреда, подобно тому как шотландцы верили, что пули, как град, отскакивали от тела Клаверхауса; другие же усовершенствовали эту историю и утверждали, что он превратился в леопарда, гориллу или слона, в зависимости от обстоятельств, и в этом странном облике напал на врагов и прогнал их.

Ашанго одеваются даже лучше, чем ишого, носят денгуи значительных размеров и даже одевают своих детей, что является весьма необычным обстоятельством для Центральной

Африки. Женщины носят волосы-башни, как у ишого, но, похоже, не тратят на них столько усилий. Кажется, они ведут вполне счастливую жизнь и во многих вещах имеют свой собственный путь.

Воины ашанго хорошо вооружены: у них есть мечи, копья и отравленные стрелы. Наконечники копий и стрел, а также мечи они делают не сами, а с помощью племен шимба и ашанги, которые, похоже, являются признанными кузнецами в этой части страны. Меч носит с собой почти каждый ашанго, и когда покупается или продается одно из этих оружий, сделка всегда совершается в частном порядке.

Перед тем как ашанго отправляются на войну, они проводят своего рода магическую церемонию, которая называется "Приготовление военного блюда". Вызывается колдун-знахарь, который готовит в огромном котле некую кашу из всевозможных трав и фетишей. Никому, кроме воинов, не разрешается смотреть на приготовление, и, когда каша будет сварена, каждый воин съедает свою порцию. Ничего не оставляют, а после того, как все съедят, остатками натирают тело, пока не доведут себя до необходимого уровня энтузиазма, после чего выбегают и сразу же идут в атаку.

С едой связан ряд незначительных церемоний; одна из них заключается в том, что женщинам не разрешается есть козье мясо или птицу; вероятная причина, по словам М. дю Шайю, в том, что мужчины сами хотят есть эти продукты.

В стране ашанго, как и среди ишогов, храм, или хижина идола, является одним из самых заметных зданий. Обычно люди не любят, когда чужаки заходят в их храмы , но в одной деревне ему удалось войти в храм, или дом М'буити, и увидеть странное поклонение, которое там проводилось.

"Этот идол хранился в конце длинной, узкой и низкой хижины, сорок или пятьдесят футов в длину и десять футов в ширину, и был выкрашен в красный, белый и черный цвета. Когда я вошел в хижину, она была полна людей ашанго, выстроившихся по порядку с каждой стороны, с зажженными факелами, воткнутыми в землю перед ними. Среди них выделялись двое мужчин м'буити, или, как их можно назвать, жрецов, одетых в ткани из растительного волокна, шкуры которых были гротескно раскрашены в разные цвета: одна сторона лица красная, другая белая, а посередине груди - широкая желтая полоса; контур глаз также был замазан краской. Эти краски изготавливаются путем варки различных пород дерева и смешивания отвара с глиной.

"Остальные ашанго также были разрисованы и вымазаны различными красками, и при свете своих факелов они походили на отряд дьяволов, собравшихся в нижних областях для совершения какого-то дьявольского обряда; вокруг их ног были повязаны белые листья из сердцевины пальмы; некоторые носили перья, у других за ушами были листья, скрученные в виде рогов, и у всех в руках был пучок пальмовых листьев.

"Вскоре после того, как я вошел, начались обряды: все мужчины опустились на корточки и завели оглушительную дикую песню. Возле идола находился оркестр инструментальных исполнителей, состоявший из трех барабанщиков с двумя барабанными палочками каждый, одного арфиста и исполнителя на палочке, которая не касалась земли, а опиралась на две другие палочки, отчего шум становился еще более звонким. Два человека из племени м'буити в это время причудливо танцевали в центре храма, придавая своим телам

всевозможные странные формы. Каждый раз, когда м'буити открывали рот, чтобы заговорить, наступала мертвая тишина.

"По мере продолжения церемонии толпа поднималась и окружала танцующих, удваивая при этом громкость своих песен, и, после того как это продолжалось некоторое время, возвращалась на свои прежние места. Так повторялось несколько раз. Мне показалось, что это было что-то вроде деревенского праздника.

"Надо сказать, что люди м'буити были присланы издалека, чтобы выступить по этому случаю, и все это напоминало грубое театральное представление. Люди м'буити, как и знахари, - важные персоны среди этих внутренних племен; некоторые из них пользуются большей репутацией, чем другие, но в целом те, кто живет дальше всех, пользуются большим уважением. В конце концов, утомившись от шума и не видя ни смысла, ни изменений в представлениях, я вернулся в свою хижину в половине десятого".

Будучи крайне суеверными, ашанго обычно считали, что их белый гость - не человек, а дух, раз он может творить такие чудеса. У него была музыкальная шкатулка, и он завел ее, к великому ужасу людей. Их благоговение усилилось после того, как он оставил шкатулку на месте и ушел в лес. Еще более ужасным было то, что инструмент продолжал играть, а рядом с ним никого не было, и толпа людей стояла вокруг в мертвой тишине - очень убедительное доказательство их благоговейного состояния. Аккордеон произвел еще больший фурор, и никто, кроме вождя, не осмелился произнести ни звука. Даже он был очень напуган и продолжал бить в свой "кендо", или волшебный служебный колокольчик, и призывать на помощь духов предков.

Этот вождь был очень набожным человеком. У него был свой маленький храм, или оратория, и каждое утро и вечер он приходил туда, закрывался, бил в свой колокол и вызывал духов, а ночью всегда зажигал огонь, прежде чем бить в колокол.

Кендо" - очень примечательный должностной знак. Он имеет форму колокола, но длинная железная ручка согнута в форме крюка, так что "кендо" можно носить на плече. К ней прикреплен мех леопарда, что значительно смягчает звук, и весь инструмент образует эмблему, которая пользуется таким же уважением, как скипетр у нас. Когда вождь идет по дороге, он звонит в колокольчик, который возвещает о его присутствии звуком, похожим на звук обычного овечьего или коровьего колокольчика.

Когда М. дю Шайю оказался среди ашанго, в страну почти не проникали предметы цивилизованного производства. До них дошла универсальная бусина, а также несколько украшений из латуни. Однако среди них иногда встречался предмет, на который можно было рассчитывать в последнюю очередь. Это была обычная черная пивная бутылка из Англии. Эти бутылки проникли почти так же далеко, как бусы, и очень ценятся вождями, для которых нет более ценного предмета, чем черная бутылка, которую они пристегивают к поясу и в которой хранят свое подорожное вино. Калабаши, конечно, лучше подходят для этих целей, так как они менее хрупкие, но черная бутылка - это большая амбиция вождя. В основном жены поступают так, как им нравится; но если жена случайно разобьет бутылку, она совершает преступление, за которое не полагается помилования.

У ашанго странный обычай приема гостей. Когда они хотят оказать ему особую честь, они встречают его с блюдами своей красной краски, которой он должен вымазаться. Если незнакомец подходит к дому, и хозяин просит его покраситься, он очень рад, а если пигмент не будет предложен, он в гневе уйдет.

ОБОНГО, ИЛИ БУШМЕНЫ ИЗ СТРАНЫ АШАНГО.

Где-то вблизи экваториальной линии, между долготами 11° и 12° восточной долготы, живут бушмены страны ашанго. 11° и 12° восточной долготы, живет племя карликовых негров, называемых обонго, которые, похоже, относятся к самым низким представителям человеческой расы, не только по росту, но и по уровню цивилизации.

У обонго нет оседлого места жительства, их дома - это просто хижины из веток, построенные так незначительно, что к ним не может быть приложено никаких домашних интересов. Они состоят из ветвей, воткнутых в землю, и настолько незначительны, что целая деревня обонго может сменить место жительства, едва предупредив об этом. Главная причина оставления хижин, похоже, сводится к одному слову "паразиты", которыми хижины кишат настолько, что еще долго после того, как их покинули, никто не может войти в них, не будучи облепленным роями этих отвратительных маленьких насекомых. Хижины сделаны из зеленых веток, а отверстие, служащее дверью, закрывается веткой поменьше. Они разбросаны без всякого порядка на открытом пространстве между деревьями.

Сходство между обонго и боджесманами Южной Африки действительно удивительно. Как и они, обонго невысокие, хотя и не плохо сложенные, гораздо светлее своих соседей и имеют короткие волосы, растущие клочьями, в то время как ашанго высокие, темные и имеют довольно длинные кустистые волосы.

Цвет лица у них бледно-желто-коричневый, лоб узкий, а скулы высокие. Средний рост составляет около четырех футов семи дюймов, согласно измерениям М. дю Шайю, хотя он нашел одну женщину, которая считалась очень высокой, и ее рост составлял пять футов и четверть дюйма. Мужчины примечательны тем, что их грудь и ноги покрыты волосами, которые растут в пучках, как на голове.

Такой миниатюрный рост объясняется не столько малым размером всей фигуры, сколько короткостью ног, которые, в отличие от ног африканских рас в целом, очень коротки в пропорции к размеру тела. Таким образом, вместо того чтобы выглядеть как обычные, но хорошо сложенные люди, увиденные через уменьшающееся стекло, как это происходит с боджесманами на юге Африки, они имеют карликовый и низкорослый вид, который, в сочетании с волосатыми конечностями мужчин, придает им странный и эльфийский вид.

Одежда обонго - если у них вообще есть какая-либо одежда, что случается редко, - состоит исключительно из старых и изношенных денгуи, которые им дарят ашанго. Ашанго очень добры к этим жалким маленьким существам и поощряют их селиться рядом с деревнями, чтобы можно было наладить своеобразное движение. Какими бы униженными ни казались эти маленькие существа, они умелые ловцы и добывают огромное количество дичи, которую продают ашанго за подорожник, железные горшки для приготовления пищи и другие орудия труда. (См. иллюстрацию № 2 на с. 478.) Однажды М. дю Шайю видел дюжину женщин ашанго, которые шли к хижинам обонго, неся на головах подорожник, который они собирались обменять на дичь. Мужчины еще не вернулись с охоты, но, увидев, что женщины обонго страдают от голода и вынуждены питаться весьма непривлекательными на вид орехами, они оставили почти все подорожники и ушли без дичи.

Леса, в которых они живут, настолько напичканы ловушками, что чужак не смеет пройти по ним, чтобы не угодить в яму, построенную для ловли леопарда, кабана или антилопы, или не попасть ногами в капкан, поставленный для обезьян. Среди деревьев нет ни одной тропинки, на которой не было бы одной-двух ловушек, а за пределами тропинки ловушки для обезьян настолько многочисленны, что даже при дневном свете их трудно избежать. Будучи бродячей расой, обонго никогда не возделывают землю, а добывают пищу из дичи, которую добывают, а также из кореньев, ягод и орехов, которые находят в лесу. Животную пищу они жаждут с поразительной страстью, и обещание козьей плоти подкупает обонго, когда даже бусы не могут его тронуть.

Происхождение обонго - загадка, и никто не знает, являются ли они коренными жителями этой земли или пришли издалека. Вероятно, они были исконными жителями, а ашанго, будучи более многочисленной и сильной расой, постепенно овладели плодородными землями, чьи возможности были растрачены кочевниками и неработающими обонго.

Странно, что они сохранили свою индивидуальность на протяжении столь долгого периода, в этом явлении они представляют собой любопытное сходство с цыганами Европы, которые веками были среди нас, хотя и не из нас. Обонго никогда не женятся вне своего племени, а поскольку они живут небольшими общинами по десять-двенадцать хижин, очевидно, что выбор брака у них невелик. Действительно, ашанго говорят, что родственные узы полностью игнорируются, и что обонго разрешают браки между братьями и сестрами. Этим обстоятельством, возможно, объясняется их карликовый рост.

Это робкий народ, и когда М. дю Шайю посетил их, он едва смог разглядеть их, так как все они бросились в лес, как только увидели незнакомца. С величайшим трудом ему удалось перехватить нескольких женщин и детей и, подарив им бусы и пообещав мясо, примирить некоторых из них и склонить к доверию к своим товарищам. Одна маленькая старушка по имени Мисунда, которая сначала была очень застенчивой, стала совсем уверенной в себе и начала смеяться над мужчинами за то, что они убегают. Она сказала, что они такие же робкие, как белка, которая кричала "Кве, кве" и пищала, подражая животному, в то же время скручивая свое странное маленькое тело во всевозможные смешные конвульсии, призванные изобразить ужас ее испуганных товарищей.

Когда обонго умирает, тело обычно относят к дуплистому дереву в лесу и опускают в дупло, которое затем заполняют доверху землей, листьями и ветками. Иногда, однако, они используют более тщательный способ погребения. Они относят тело к какому-нибудь ручью, русло которого было предварительно отведено. В русле ручья выкапывают глубокую могилу, кладут в нее тело и тщательно накрывают. После этого ручей возвращается в свое русло, так что все следы могилы вскоре исчезают. Этот замечательный обычай не свойственен обонго, он существовал в разных частях света с древнейших времен.

ГЛАВА XLVI.
ПЛЕМЕНА АПОНО И АПИНГИ.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПЛЕМЕНИ АПОНО - ИХ ЖИВОЙ ХАРАКТЕР - ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ - ТАНЕЦ ВЕЛИКАНОВ - ОРУЖИЕ - АРХИТЕКТУРА АПОНО - РЕЛИГИЯ И СУЕВЕРИЯ - БОЛЕЗНЬ, СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ - ЛЕГЕНДА АПОНО - ПЛЕМЯ АПИНГИ - ИХ ОБЩИЙ ВИД И МАНЕРА ОДЕВАТЬСЯ - МАСТЕРСТВО ТКАЧЕСТВА - ЛОВКОСТЬ ЛОДОЧНИКОВ - СЦЕНА НА РЕМБО -

ЛЮБОПЫТНОЕ БРАЧНОЕ УСТРОЙСТВО - РАБСТВО У АПИНГИ - ОХОТНИЧИЙ ТАЛИСМАН ИЗ ЛЕОПАРДА - ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ.

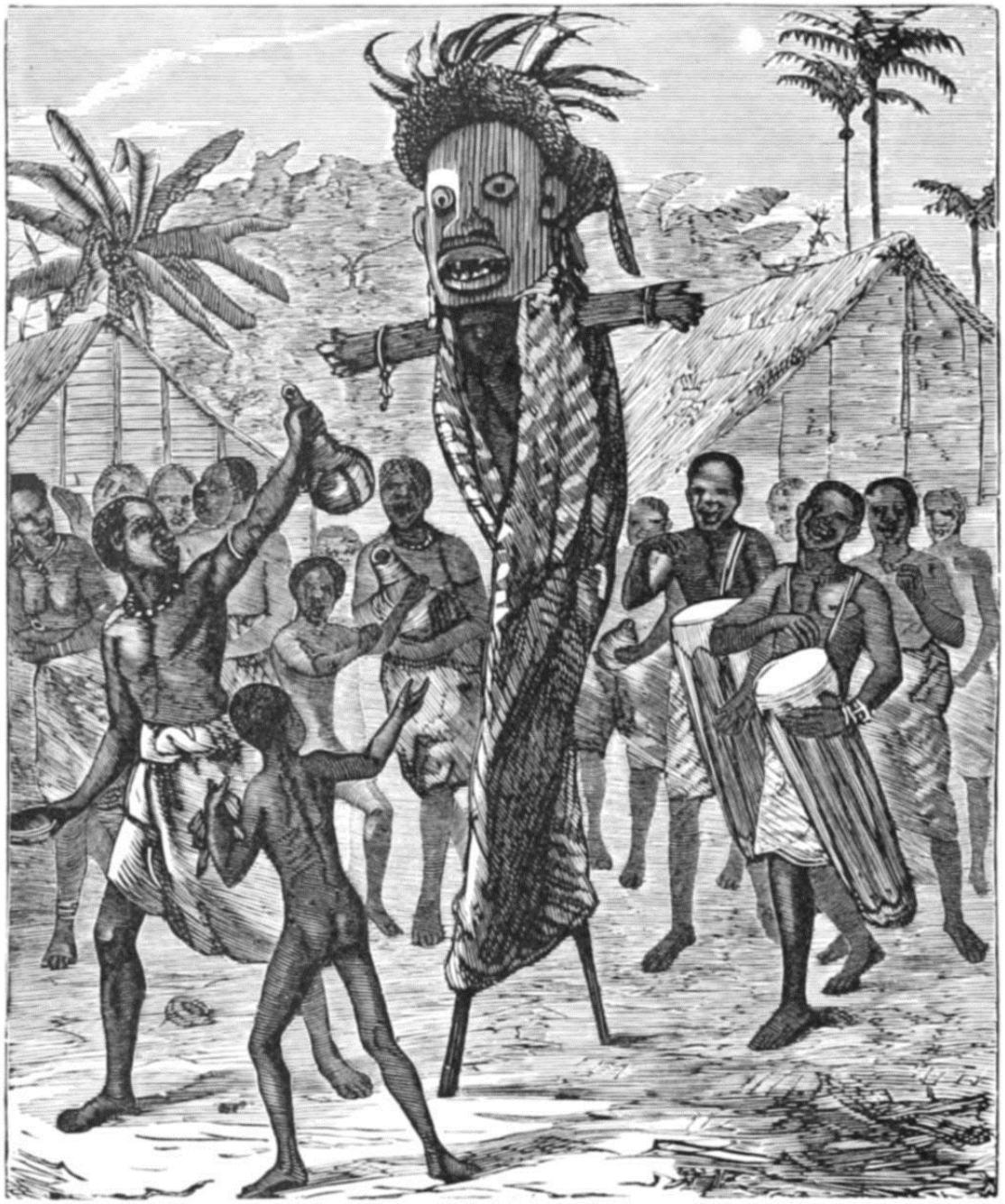
Продвигаясь к западному побережью Африки, мы приходим к племени апоно, которое обитает в районе чуть ниже экватора и между долготами. 11° и 12° восточной долготы.

Они - веселая раса, и доводят до крайности африканский обычай бить в барабаны, танцевать и петь на протяжении всей ночи. Разумеется, основную часть ночных развлечений составляет выпивка, а в качестве жидкости используется пальмовое вино, которое в огромных количествах производится во многих районах тропической Африки. Возможно, врожденная доброта жителей Апоно никогда не проявлялась с большей пользой, чем в одном случае, когда месье дю Шайю решил прекратить веселье, стоившее ему отдыха по ночам и услуг опьяневших носильщиков днем. Он поступил очень просто: вошел в хижину, где проходило пиршество, опрокинул сосуды с пальмовым вином и выгнал из хижины вождей и их сопровождающих. Они, конечно, были раздосадованы потерей такого количества хорошего спиртного, но довольствовались лишь ворчанием, а затем подчинились приказу.

Апоносы оказались очень честными людьми, в соответствии с африканскими представлениями о честности, и, по рассказам М. дю Шайю, не крали его имущество и всегда принимали участие в многочисленных разборках с разными вождями. Внешне они не очень приятны, но не столько из-за уродства черт, сколько из-за обычая уродовать себя искусственно. Прежде всего, они выбивают два средних зуба верхней челюсти, а все остальные обтачивают напильником до остроконечных. Татуировка распространена в значительной степени, особенно среди женщин, которые имеют привычку выводить на лбу небольшие приподнятые шрамы, иногда расположенные в форме ромба и находящиеся между глазами. Несколько отметин нанесено на щеки, несколько - на грудь и живот.

Одежда апоносов похожа на одежду племени ишого и сделана из травяной ткани. Мужчины носят денгуи или мантии, состоящие из нескольких травяных тканей, сшитых вместе, в то время как женщины ограничиваются двумя, по одной из которых прикреплены с каждой стороны, а сзади и спереди они должны сходиться, если это возможно. Пока женщины молоды, платья вполне достаточно, но когда они становятся старыми и толстыми, полотнища, которые всегда одинакового размера, не могут сойтись на несколько дюймов. Однако платье, о котором идет речь, санкционировано обычаем, и апоносы им вполне довольны.

Пальмовое вино, о котором только что шла речь, апоносы готовят очень просто. Когда плоды почти созрели, туземцы взбираются на деревья и подвешивают под плодами полые тыквы, чтобы получить драгоценный ликер. Они так любят этот напиток, что даже ранним утром их можно увидеть взобравшимися на деревья и пьющими из подвешенных калабашей. В этот сезон апоно постоянно находятся в состоянии алкогольного опьянения и, как следствие, склонны к ссорам и лени, готовы обидеться на любую мелочь, реальную или мнимую, и пренебрегают обязанностями, которые в другое время года они всегда готовы выполнить.



(1.) ТАНЕЦ ВЕЛИКАНОВ.
(См. стр. 487.)

(2.) СЦЕНА РЫБАЛКИ.
(См. с. 492.)

К счастью для себя, сезон пальмового вина длится всего несколько месяцев, а в остальное время апоносы вынуждены быть трезвыми. Пока он длится, страна очень неприятна для чужака: звуки барабана, танцы и песни не прекращаются ни днем, ни ночью, а люди настолько раздражительны и ссорятся, что не проходит и дня без драки, которая часто оставляет после себя значительные шрамы.

Один из их танцев очень своеобразен и называется "Окуя", или "Танец великана". Читатель найдет его иллюстрацию на предыдущей странице.

Этот любопытный танец исполняется человеком, который играет роль великана и поднимается на необходимую высоту с помощью ходулей. Затем он надевает на себя плетеную раму, по форме напоминающую тело человека, и одевается, как один из туземцев, в большие травяные полотнища. Платье доходит до земли, чтобы скрыть ходули, и, несмотря на этот недостаток, артист ходит и танцует так, как будто использует свои неокрепшие ноги. Конечно же, он носит маску, и эта маска в основном белого цвета. У нее большие толстые губы, а рот частично открыт, показывая щель, в которой когда-то находились верхние резцы. Головной убор очень похож на женский чепец 1864 или 1865 года. Материал, из которого он сделан, - обезьянья кожа, а украшен он перьями.

Апоно не выделяются как воины, их оружие очень грозно на вид, но очень неэффективно на практике. У каждого апоно есть свой лук и стрелы. Первый представляет собой жесткий, громоздкий вид оружия. Он согнут почти полукругом, тетива находится на расстоянии почти двух футов от центра лука. Тетива сделана из растительного волокна. Стрелы хитроумно снабжены треугольными железными головками, каждая из которых прикреплена к полой шейке, через которую свободно проходит древко. Головка отравлена, и когда она проникает в плоть, то остается неподвижной в ране, а древко падает на землю, как и в случае с уже описанными стрелами босжесманов.

Их копья также довольно неуклюжи и слишком тяжелы для метания. Однако в ближнем бою они весьма грозны. Самое желанное оружие в племени апоно - это меч или, скорее, скимитар с деревянной рукояткой и смело изогнутым лезвием. Честолюбивый молодой апоно никогда не будет счастлив, пока не получит один из этих скимитаров, и такое оружие, вместе с красивой шапочкой и хорошо сделанным "денгуи", придаст мужчине самый выдающийся вид среди его товарищей. Хотя чаще всего встречается изогнутая форма, некоторые из этих мечей прямые, и делают их не они сами, а абомбо и ильяви, которые живут к востоку от них. Клинок этого оружия достигает четырех футов в длину, а рукоять по форме напоминает коробку для игры в кости, через нее проходит "танг" клинка, который зажимается на конце эфеса. От этих же племен они получают свои наковальни, которые слишком велики для их ресурсов; их единственные плавильные горшки едва ли способны вместить более пинты железной руды. Щиты апоно круглые и сделаны из корзин.

Деревни апоно хорошо и аккуратно построены. Одна из них, принадлежащая Нчиенгайну, главному вождю племени апоно, была измерена М. дю Шайю, и оказалось, что она состоит из одной длинной улицы, почти четыреста пятьдесят ярдов в длину и восемнадцать ярдов в ширину. Все дома отделены друг от друга промежутком, и перед каждым домом есть небольшая веранда, на которой жители сидят, курят свои трубки, едят и беседуют с соседями. Материалом для домов служит в основном бамбук и полоски из листьев пальм, а средняя высота хижины составляет около семи футов.

Одна из деревень под названием Мокаба, заслуживающая названия города, была устроена несколько иначе. Дома расположены в три параллельных ряда, образуя одну широкую главную улицу посередине и узкие улочки по обеим сторонам. Дома расположены полыми квадратами, каждый из которых принадлежит одной семье. Как только мужчина женится на новой жене, он строит для нее отдельный дом, и все эти новые дома выстраиваются в форме четырехугольника, а пустое пространство засаживается пальмами, которые являются собственностью старосты каждой группы и переходят после его смерти к наследнику. Эти пальмы являются ценным имуществом и особенно ценятся как материал для пальмового вина, которое племя апоно пьет в таком большом количестве.

Суеверия распространены среди апоно, как и среди других упомянутых племен, и сохраняют одну неизменную черту - вечный страх перед злом. Когда их посетил М. дю Шайю, они ужасно боялись такого чудовища, как белый человек, и сразу же пришли к выводу, что любой, кто не похож на них самих, должен быть злым и сверхъестественным.

С некоторым трудом удалось убедить вождя Нчиенгаина разрешить путешественникам пройти через его территорию; и даже после того, как разрешение было получено, было решено послать человека, который был бы личным другом вождя и мог бы успокоить страх, с которым он воспринимал приближение гостей. Основания для опасений, конечно, были, ведь по несчастливой случайности во время путешествия М. дю Шайю по стране прокатилась оспа, и вполне естественно, что люди решили, что белый чужестранец связан с этой болезнью.

Когда, наконец, путешественник вошел в деревню апоно, там царило всеобщее смятение: мужчины бежали со всех ног, а женщины бежали в свои хижины, сжимая в объятиях детей и крича от ужаса. Деревня, по сути, опустела, несмотря на пример вождя, который, хотя и был напуган не меньше всех своих подданных, помнил об ответственности своего поста и стоял перед домом, чтобы принять гостя. Чтобы максимально нейтрализовать воздействие колдовства белого человека, он повесил на шею, тело и конечности все фетиши, которыми владел, и, кроме того, покрыл свое тело таинственными линиями из алумбийского мела.

Укрепленный таким образом, он стоял перед своей хижиной в сопровождении двух мужчин, которые отважно решили принять участие вместе со своим вождем в его опасном приключении.

Сначала Нчиенгайн был слишком напуган, чтобы смотреть на своего гостя, но вскоре он решился сделать это и принять несколько подарков. Впоследствии, когда он преодолел страх, с которым относился к белому человеку, он поступил по примеру всех африканских вождей, *то есть* нашел всевозможные оправдания тому, что не снабдил своих гостей проводниками и носильщиками; истинная цель состояла в том, чтобы удержать в своих руках чудесного белого человека, который обладал такими неисчерпаемыми сокровищами и мог сделать его самым богатым и самым могущественным вождем в стране.

Идолы племени апоно ужасно уродливы. Когда М. дю Шайю был в стране апоно, он, естественно, захотел привезти домой образец туземного идола и после некоторых хлопот уговорил Нчиенгаина подарить ему этот образец. Вождь с готовностью послал свою жену в храм за идолом, который щедро преподнес гостю. Это было деревянное изображение, настолько большое, что женщина с трудом могла его нести, и такого характера, что его невозможно было бы выставить в Европе.

Эти люди, похоже, обладают недюжинными изобретательскими способностями, если судить по странной легенде, рассказанной одним из них. Согласно этой легенде, в прежние времена жил великий вождь по имени Реджиона, отец прекрасной девушки по имени Арондо. Он очень любил эту дочь и не позволял никому жениться на ней, если тот не обещал, что, если его дочь умрет раньше своего мужа, он умрет вместе с ней и будет похоронен в одной могиле. Вследствие такого заявления никто не осмеливался просить руки Арондо, и она оставалась незамужней несколько лет.

Наконец появился поклонник в лице человека по имени Акенда Мбани. Это имя означает "тот, кто никогда не ходит дважды в одно и то же место"; он взял его в силу закона или повеления своего отца, согласно которому он никогда не должен ходить дважды в одно и то же место. Он женился на Арондо и, будучи сильным охотником, приносил домой много дичи; но если ему случалось убить вместе двух крупных животных, таких как антилопы или кабаны, он приносил домой одного, а второго заставлял принести своего тестя, мотивируя это тем, что он не может дважды ходить в одно и то же место.

Через несколько лет Арондо заболела головной болью, которая становилась все сильнее и сильнее, пока она не умерла, и, согласно договоренности, Акенда Мбани умер вместе с ней. Как только она умерла, ее отец приказал приготовить большую могилу для мужа и жены. В могилу положили кровать супружеской пары, на которой лежали их тела; их сопровождал раб, убитый, чтобы ждать их в стране духов, и много богатства в виде слоновой кости, тарелок, циновок и украшений. Акенда Мбани также получил свой меч, копье и охотничью сумку. Затем могилу засыпали, а на нее насыпали кучу песка.

Увидев эти приготовления, деревенский оратор Агамбуаи не одобрил их и сказал Реджионе, что гиены разгрызут кучу песка и пожрут тела его дочери и ее мужа. Тогда Реджиона приказал сделать могилу такой глубины, чтобы гиены не смогли добраться до тел. Соответственно, песок убрали, а тела Акенды Мбани и его жены усадили на табуреты, пока углубляли могилу. Когда она стала достаточно глубокой, люди заменили кровать и опустили в могилу раба и Арондо. Затем они положили рядом с ней Акенду Мбани, но тот внезапно ожил и отказался занять свое место в могиле во второй раз, сославшись на то, что он никогда не ложится дважды в одно и то же место. Реджиона был очень зол на это, но признал справедливость оправдания и утешился тем, что отрубил голову Агамбуаи.

АПИНГИ.

Продвигаясь на запад к побережью, мы приходим к племени апинги. Эти люди населяют довольно обширную территорию, протянувшуюся вдоль западной стороны гряды холмов, отделяющей их от ишого.

Апинги не отличаются красотой. Их кожа черная, с явным оттенком желтого, но такая легкость оттенка, вероятно, объясняется гористой местностью, в которой они живут. Они носят обычную травяную ткань вокруг талии, а женщины ограничиваются двумя квадратами, каждый из которых двадцать четыре дюйма в длину и восемнадцать в ширину, как это принято во всей Западной Африке. Однако они смотрят на одежду не так, как мы, и поэтому скудость их нарядов не имеет для них никакого значения.

Странным образом это проявилось в поведении главной жены Ремандже, вождя апинги. Вместе с мужем она пришла в гости к месье дю Шайю, который подарил ей кусок хлопчатобумажной ткани светлого цвета. Она была в восторге от подарка и, к ужасу хозяина, принялась раздеваться донага, чтобы надеть новое одеяние. Но когда она отложила в сторону травяной подъюбник, какой-то предмет привлек ее внимание, и она стала рассматривать его, забыв о своем платье, болтала и смотрела по сторонам некоторое время, пока не вспомнила о своем хлопковом халате, который она не спеша надела.

Эта женщина была довольно симпатичной, но, как правило, женщины апинги очень некрасивы и не улучшают свою красоту обычаем подпиливать зубы и покрывать себя татуировками. Эта практика характерна для обоих полов, но женщины любят один узор, благодаря которому они выглядят так, как будто носят брекеты: широкая полоса татуированных линий проходит через каждое плечо и сходится в форме буквы V на груди. От точки V на животе проводятся другие линии в изогнутой форме, и аналогичная серия проходит по спине. Чем больше этих линий может показать женщина, тем лучше она одета.

Все вышеупомянутые травяные ткани ткутся мужчинами, которые могут делать их как однотонными, так и цветными. Для апинги квадрат первого вида - это день работы, а цветная ткань требует от двух до трех дней труда. Но апинги, как и другие дикари, очень медлительный работник и не представляет себе той целеустремленности, с которой европеец занимается своим ежедневным трудом. Время для него - ничто, и сколько времени уходит на изготовление травяной ткани - один или два дня - для него совершенно безразлично. Он и не мечтает приступить к работе без трубки и всегда держит рядом с собой друзей, чтобы облегчить труд за ткацким станком общением. Обычно под выступающими карнизами домов устанавливают несколько ткацких станков, чтобы ткачихи могли сколько угодно разговаривать друг с другом.

Апинги славятся как ткачи, и считается, что они производят лучшие ткани в стране. Они так ценятся, что продаются даже на побережье и часто используются в качестве москитных занавесок. Мужчины обычно носят халат из восьми или девяти квадратов. Главной целью изготовления этих тканей является бартер, а не личное пользование: апинги считают, что их татуировки вполне достаточно для одежды для всех социальных целей. Действительно, они открыто говорят, что татуировка - это их способ одеваться, и что это так же разумно, как покрывать тело и конечности множеством нелепых одеяний, которые не могут иметь никакой

цели, кроме сковывания движений. Иногда апинги носят ткань через одно плечо, но это используется как знак богатства, а не как одежда.

Как и большинство племен, живущих на берегах рек, апинги, населяющие район, омываемый рекой Рембо, - ловкие лодочники и отличные пловцы. Последнее достижение является необходимостью, поскольку каноэ обычно очень маленькие и хрупкие, плоскодонные, и их легко опрокинуть. Они почти не черпают воду, что необходимо из-за мощного потока Рембо, который течет так быстро, что даже эти опытные гребцы едва ли могут пройти больше трех-четырех миль в час против течения.

Когда М. дю Шайю поднимался вверх по Рембо, с ним произошел несчастный случай, показавший силу течения. Старуха переправляла свою лодку на веслах через реку, но легкий барк снесло течением, и он столкнулся с лодкой дю Шайю, так что обе лодки перевернулись. Что касается старухи, у которой в лодке был пучок подорожников, то она не думала ни о чем, кроме своих плодов, и поплыла вниз по течению с воплями: "Где мои подорожники? Отдайте мне мои подорожники!" Вскоре она поймала свое каноэ, вытащила его на берег, вылила воду и снова поплыла, не переставая причитать о потерянном пучке подорожников.

Среди апинги существует любопытный брачный закон, который случайно обнаружил мсье дю Шайю. Молодой человек, только что женившийся на самой красивой женщине в стране, демонстрировал все признаки бедности, даже его платье из травяной ткани было потрепанным и изношенным. Когда его спросили о причине его потрепанного вида, он указал на свою молодую жену и сказал, что она совсем его разорила. При дальнейшем допросе выяснилось, что у апинги, если мужчина влюблялся в жену соседа и она отвечала ему взаимностью, любовник мог выкупить ее у мужа, который обязан был продать ее за ту же цену, что заплатил за нее первоначально. В данном случае за признанную красавицу страны была заплачена такая большая сумма, что любовник был вынужден расстаться со всем своим имуществом, прежде чем смог заполучить ее.

Как это часто бывает в Африке, хозяева очень хорошо относятся к рабам. Если с рабом обращаются жестоко, он может в любой момент сбежать, воспользовавшись любопытным и самым гуманным законом. Он находит возможность ускользнуть и отправляется в другую деревню, где выбирает себе нового хозяина. Для этого он "бьет бонго", *то есть* возлагает руки на голову и говорит: "Отец, я хочу служить тебе. Я выбираю тебя своим хозяином и никогда не вернусь к своему старому хозяину". От такого предложения нельзя отказаться, как нельзя и вернуть беглого раба, если только он не вернется в деревню, которую покинул.

Апинги очень любят пальмовое вино и, как и другие соседние племена, подвешивают калабаши на деревьях, чтобы получать сок. Будучи также довольно эгоистичными, они чаще всего приходят к своим пальмам ранним утром, опустошают калабаши в сосуд, а затем уходят в лес и пьют вино в одиночестве, чтобы их не увидел какой-нибудь знакомый и не попросил долю.

Гостеприимство, безусловно, является одной из добродетелей племени апинги. Когда М. дю Шайю посетил их, вождь Ремандж преподнес ему еду, состоящую из птицы, маниока, подорожника и *молодого раба*. Последний предмет был подарен в соответствии с обычным представлением негров о том, что белые люди - каннибалы и покупают чернокожих для того, чтобы съесть их. "Убейте его для вечерней трапезы, - сказал гостеприимный вождь, - он нежный и толстый, а вы, должно быть, голодны". И так глубоко засела в его сознании идея

каннибализма, что ничто не могло заставить этого действительно достойного джентльмена понять, что мужчины могут быть нужны как рабочая сила, а не как предмет питания.

Однако был приготовлен очень вкусный обед (*за вычетом* раба), и когда его подали, Ремандж явился и попробовал каждое блюдо, поставленное перед гостями. Он даже выпил немного воды, когда ее разливали, - этот обычай соблюдается во всем племени: жены пробуют еду, которую ставят перед мужьями, а мужчины - ту, что предлагают гостям. Удивительно видеть, насколько древней и универсальной является должность "дегустатора", и как обычай, который до сих пор сохранился при европейских дворах как часть государственного церемониала, активно действует среди диких племен Западной Африки.

Религиозная или, скорее, суеверная система апинги мало чем отличается от той, что мы видели в других районах, и, похоже, состоит в основном из веры в фетиши и различные талисманы. Например, когда мсье дю Шайю сказал Ремандж, что хотел бы поохотиться на леопарда, вождь послал за колдуном, или "уганга", который знал талисман, позволяющий убить любое количество леопардов без опасности для себя. Колдун пришел и провел свои церемонии, заметив, что белый человек может смеяться сколько угодно, но на следующий день он убедится, что его амулет (monda) принесет леопарда.

На следующее утро он отправился в лес, а во второй половине дня вернулся с прекрасным леопардом, которого он убил. Он запросил за шкуру такую непомерную цену, что в покупке ему было отказано, и шкура была использована по своему прямому назначению - для изготовления фетишистских поясов для воинов. Полоска кожи разрезается от головы до хвоста, а затем зачаровывается угангой, чьи заклинания настолько сильны, что ни пуля, ни стрела, ни копье не могут ранить того, кто носит этот пояс. Разумеется, такой пояс стоит очень дорого, что объясняет нежелание колдуна расставаться с кожей.

Как принято во многих частях света, когда рождаются близнецы, одного из них убивают, поскольку бытует мнение, что, если оставить обоих в живых, мать умрет. Известен лишь один случай, когда близнецам, мальчикам семи лет, позволили выжить, и, поскольку их мать не умерла, ее почитали как очень замечательную женщину.

Видя сокровища, которые привез их белый гость, апинги не могли отделаться от мысли, что он сам их сделал, вернее, создал, и что он может по одному только своему слову изготовить неограниченное количество одних и тех же предметов. Однажды состоялся большой совет, на который пришли около тридцати вождей с Ремандж во главе и обратились со скромной просьбой, чтобы белый человек сделал кучу бус высотой с самое высокое дерево, а также оружие, порох, ткани, медные котелки и медные прутья. Ничто не могло убедить их в том, что такой подвиг невозможен, и отказ совершить ожидаемое чудо стал тяжелым разочарованием для вождей апинги, пришедших издалека, каждый из которых привел с собой большую группу последователей. Среди них был даже вождь ашанго, который пришел из своей страны, расположенной более чем в ста милях к востоку, и привел с собой сильный отряд людей, чтобы унести свою долю товара.

Эта сцена, по-видимому, произвела большое впечатление на туземцев, так как, когда Ремандж и его сын умерли, а это случилось вскоре после того, как Дю Шайю покинул страну, люди твердо верили, что последний убил его из-за своей дружбы к нему, желая, чтобы они были спутниками в стране духов, которая, по их мнению, была обычным местом обитания белых людей.

Их погребальные обычаи довольно любопытны и совсем не приятны. Тело оставляют в доме, где умер больной, и позволяют ему оставаться там до тех пор, пока оно может держаться.

Наконец, приходит ближайший родственник умершего и уносит тело на своих плечах в удобное место на небольшом расстоянии от деревни. Могилу не копают, но труп кладут на землю, рядом кладут несколько кусочков слоновой кости или несколько личных украшений, и похоронная церемония завершается.

ГЛАВА XLVII.
БАКАЛАИ.

РАЙОНЫ, НАСЕЛЕННЫЕ БАКАЛАЙ - ИХ БРОДЯЧИЕ И НЕУСТРОЕННЫЕ ПРИВЫЧКИ - МАСТЕРСТВО ОХОТЫ - РАЦИОН И СПОСОБ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПИЩИ - РЫБНОЕ БЛЮДО - ЧИСТОПЛОТНОСТЬ БАКАЛАЙ - ЗАПРЕЩЕННЫЕ ВИДЫ МЯСА - ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С БОЛЬНЫМИ И СУЕВЕРИЯ БАКАЛАЙ - ИХ ИДОЛЫ - ЖЕНЩИНЫ И ИХ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ - ВТОРЖЕНИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ - "КИН" НАД МЕРТВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ.

Крупное и важное племя бакалай населяет значительную территорию между экватором и 2° ю.ш. и долготой от 10° до 13° в.д. Земля, на которой они живут, арендуется не только ими самими, но они занимают в ней столько места, что ее вполне можно назвать их именем. Они обладают особой способностью к колонизации и распространили свои поселения во всех направлениях, некоторые из них находятся близко к западному побережью, а другие - далеко к востоку от Ашанго. Конечно, их привычки различаются в зависимости от типа страны, в которой они находятся, но в любой ситуации они смелы и предприимчивы, и никогда не перестают быть хозяевами в округе.

Один клан или ветвь этого племени, однако, отказался от этих бродячих привычек и обосновался в месте, называемом Обинджи, по имени вождя клана. Удобно расположенный в месте слияния рек Оненга и Офубоа, Обинджи занимает выгодное положение для торговли и, заключив союз с великим вождем Квенгуэса, ведет процветающую торговлю, особым товаром которой является черное дерево. Заключая с ними союз, Квенгуэса проявил мудрость, настояв на том, чтобы они поддерживали мир со всеми своими соседями, и это действительно было его политикой на протяжении всей жизни.

Когда Ду Чайлу проходил по реке Рембо, Кенгуэса обратился к носильщикам, перевозившим груз, и дал им прекрасный совет, который, если бы они только последовали ему, уберег бы их от многих последующих ссор и несчастий. Он посоветовал им никогда не подбирать гроздья подорожника или орехи, которые могут лежать на дороге, потому что их кладут только в качестве приманки. Также, если им предлагали поймать и убить коз или птиц или сорвать фрукты, они должны были отказываться, говоря, что долг хозяина - обеспечить гостей едой, а не заставлять их добывать ее самостоятельно. Им особо предписывалось не входить в другие дома, кроме тех, что отведены им, не садиться на чужие места и не подходить к женщинам.

Город Обинджи ясно показал характер его жителей. Связанные договором с Кенгуэсой хранить мир, они все же были готовы к вторжениям враждебных племен. Обычно дома строят из бамбука, но у Обинджи были обычные стены, сделанные из широких полос коры, прочно прикрепленных к бамбуковым стойкам. Когда дом сделан только из бамбука, его обитателей видно почти так же хорошо, как если бы они были птицами в клетках, и, следовательно, враг может стрелять в них между прутьями. Однако в Обинджи дома не только защищены стенами из коры, но и разделены на две комнаты, причем во внутренней комнате спит семья. Они

настолько подозрительны, что никогда не расстилают диван на одном и том же месте две ночи подряд.

Их главной целью, по-видимому, является владение реками, с помощью которых они могут пересекать страну, совершать набеги или основывать новые поселения в любом перспективном месте. Так, вдоль всей великой реки Рембо встречаются районы, населенные бакалаями, и каждое из поселений обязательно является родоначальником других колоний на обоих берегах. Более того, они ведут странный кочевой образ жизни: оседают на некоторое время, а затем внезапно разбивают свою деревню, забирают все переносные запасы, которые могут унести, бросают все остальное и оседают, как саранча, на новом месте. Причин у этой любопытной привычки несколько, но в основе всех лежит суеверие, как мы увидим, когда перейдем к этой части темы.

Цвет лица у бакалайцев смуглый, но не черный, и, как правило, они довольно высокого роста и хорошо сложены. Они носят обычную травяную ткань до тех пор, пока не могут приобрести американские или европейские товары, но если им удается купить кусок хлопчатобумажной ткани, они носят ее до тех пор, пока она будет висеть вместе. О стирке они, похоже, не имеют ни малейшего представления, и против лохмотьев они не возражают. Бакалайцы также не моются. Те, кто живет на берегу реки, плавают как утки, и, поскольку их водные прогулки часто заканчиваются опрокидыванием, они вынуждены мыться в потоке. Но мытье в смысле омовения никогда не совершается ими, а те, кто живет в глубине страны и не имеет реки, никогда не познают ощущения воды на своих жирных телах.

Из-за своих кочевых привычек они имеют очень мало личного имущества, сосредоточив все свои богатства в одном предмете - жене. Бакалай отправляется на охоту, в которой он весьма искусен, и продает бивни, шкуры и рога за европейские товары. Как только он приобретет это богатство, он отправляется покупать на него новую жену, и не очень-то следит за ее возрастом, чтобы она была молодой. Девушку часто выдают замуж еще в детстве, и в этом случае она живет с родителями до достижения брачного возраста, который в этой стране наступает очень рано.

Вследствие этого детей с нетерпением ждут и радостно приветствуют, когда они появляются на свет. Как правило, африканские женщины не являются плодовитыми матерями, поэтому жена, имеющая нескольких детей, высоко ценится как производитель ценного имущества и с большим отрывом ведет дела своего мужа и его других жен. Представления о кровосмешении очень любопытны у бакалайцев. Мужчина не женится на жене, принадлежащей к той же деревне или клану, что и он сам, и все же, если мужчина умирает, его сын берет его жен как само собой разумеющееся, а если у него нет достаточно взрослого сына, они переходят к его брату. Рабы также составляют часть имущества бакалая, и их держат не столько для того, чтобы они выполняли работу своего хозяина, которая и так невелика, сколько в качестве живого скота, чтобы продать его обычным работорговцам при удобном случае.

Основной пищей бакалайцев является маниок или маниока, которую готовят таким образом, чтобы она переходила в кислое состояние брожения и становилась кислой, но в остальном не имеющей вкуса кашей. Главное преимущество такого способа приготовления заключается в том, что она хранится от шести недель до двух месяцев, и по истечении этого срока становится не более противной, чем в сравнительно свежем виде. У них также есть необычайно неприятный продукт питания, называемый маслом нжави. Его делают из семян нджави, одного из крупных лесных деревьев страны, и готовят, сначала вываривая семена, затем раздавливая их на доске и, наконец, выжимая масло в руке. Много масла уходит

впустую в результате этого примитивного процесса, а то, что получается, очень неприятно для европейского вкуса, по вкусу напоминает пережженное сало. Оно используется главным образом для приготовления овощей, а также для волос: его смешивают с пахучим порошком и обильно намазывают на шерстяную голову. В основном этим маслом помазывают кожу, что очень необходимо для тех, кто в таком климате не носит никакой одежды. Иногда для этой же цели используют пальмовое масло, но оно слишком дорого, чтобы использовать его повсеместно. Даже туземцы не могут выдержать очень долгого курса этого маниока, и, когда они обречены питаться только растительной пищей в течение нескольких недель, у них возникает настоящая тяга к мясу, и они готовы на все, чтобы его добыть.

Эта тяга к животной пище иногда становится почти болезнью. Она известна под названием "гуамба" и поражает как белых, так и чернокожих мужчин. Сам Квенгуэса периодически подвергался ей, и его действительно находили плачущим от агонии гуамбы, что кажется абсурдным и глупым тем, кто никогда не подвергался подобному недугу. Страдающие от этого недуга превращаются в диких зверей при виде мяса, которое они пожирают с жадностью, которую страшно наблюдать. Даже М. дю Шайю, со всеми его ружьями и другими средствами уничтожения дичи, иногда страдал от гуамбы, которую он описывает как "настоящую и страшную пытку".

Бакалаи не думают разводить своих коз и кур для пропитания, их бродячий образ жизни не позволяет им заниматься ни земледелием, ни скотоводством, и поэтому они вынуждены искать пропитание для животных в рыболовстве и охоте. Первое из этих занятий в основном осуществляется в сухой сезон, когда воды реки отступают, и на равнинах остаются водоемы. К этим водоемам бакалай идут в большом количестве, в работе принимают участие мужчины, женщины и дети. Каждому дается горшок или миска, с помощью которых они вычерпывают воду, пока рыба не останется биться в грязи. Тогда вся партия бросается туда, вылавливает рыбу и уносит ее домой, где большая часть съедается на месте, а большая часть сушится в дыму и откладывается на будущее. (См. иллюстрацию на с. 486.)

Дикари, какими бы они ни были, бакалайцы очень чистоплотны в приготовлении пищи, о чем рассказывает М. дю Шайю. "Бакалаи готовили еду перед тем, как отправиться в путешествие. Удивительно видеть, с какой аккуратностью эти дикари готовят еду. Я наблюдал, как несколько женщин занимались варкой подорожника, который является хлебом всего этого региона. Одна из них разводила яркий огонь между двумя камнями. Другие очистили подорожник, затем тщательно вымыли его - как это сделал бы чистый белый повар - и, разрезав на несколько частей, положили в глиняный горшок. Затем его наполняли водой, накрывали листьями, поверх которых клали банановую кожуру, и ставили горшок на камни вариться. Мяса они не ели, а вместо него жарили несколько молотых орехов; вареные же подорожники они ели с большим количеством кайенского перца". Из этого последнего обстоятельства следует, что бакалайцы не разделяют суеверного представления о красном перце, о котором недавно упоминалось.

При всей этой чистоплотности в приготовлении пищи, они настолько любят животную пищу, что будут есть ее, когда она почти развалится на куски от разложения. И, несмотря на их любовь к ней, едва ли найдется хоть один вид мяса, который не был бы запрещен для той или иной семьи, или, во всяком случае, для какого-то одного человека. Например, когда один из членов партии подстрелил дикого быка (*Bos brachiceros*), их главный вождь или король отказался прикоснуться к мясу, заявив, что оно "roonda", или запрещено для него и его семьи, потому что много поколений назад женщина из его семьи родила теленка. Другой семье было запрещено есть плоть крокодила по тем же причинам. Бакалайцы настолько осторожны в этом вопросе, что даже их любовь к мясу падает перед страхом перед "рондой",

и человек скорее умрет от голода, чем съест запретную пищу. Конечно, такое положение вещей крайне неудобно. Родственные запреты иудаизма и магометанства достаточно тяжелы, особенно для путешественников, которые не могут рассчитывать на большой выбор еды. Но поскольку в последних случаях запрещенные продукты неизменно одни и те же, проблем с комиссариатом почти не возникает.

Среди бакалайцев, однако, если путешественнику доведется нанимать партию из двадцати человек, он может обнаружить, что у каждого есть какая-то "рунда", которая не позволит ему присоединиться к своим товарищам за трапезой. Одному, например, нельзя есть обезьянью плоть, другому запрещено есть свинину, третьему - прикасаться к бегемоту или другому животному. Закон "ронда" настолько строг, что человек часто отказывается есть все, что было приготовлено в котелке, в котором когда-то хранилась запрещенная пища.

Это естественным образом приводит нас к другим суевериям, в которых бакалайцы, похоже, либо особенно богаты, либо выдали больше своей религиозной системы, чем чужаки обычно могут узнать от дикарей. В их религии, если можно так назвать просто набор несочетаемых суеверий, как правило, много несоответствий. Прежде всего, нет ничего, чего они боялись бы так сильно, как смерти, которая, по их мнению, является концом всей жизни; и в то же время они почти так же боятся призраков и духов, которые, по их мнению, обитают в лесах после наступления темноты.

Этот страх смерти - одно из главных побуждений, побуждающих их менять место жительства. Если в деревне кто-то умирает, считается, что смерть завладела этим местом, и жители сразу же покидают его и селятся в другом месте. Распространенность этой идеи является причиной большой жестокости по отношению к больным и немощным, которых безжалостно изгоняют из деревень, чтобы они не умерли и не принесли смерть в это место.

М. дю Шайю приводит очень яркую иллюстрацию этой практики. "Я дважды видел стариков, изгнанных таким образом, и не мог убедить никого дать утешение и приют этим бездомным несчастным. Однажды старик, бедный и голый, худой как смерть и едва способный ходить, ковылял в деревню Бакалаи, где я остановился. Увидев меня, бедный старик подошел попросить немного табака - их самого заветного утешения. Я спросил его, куда он идет.

"Не знаю".

"Откуда вы?

"Он назвал деревню в нескольких милях отсюда.

"У вас там нет друзей?

"Ни одного.

"Ни сына, ни дочери, ни брата, ни сестры?

"Ни одного".

""Вы больны?

"Они прогнали меня за это".

"Что ты будешь делать?

"Умру!

"Несколько женщин подошли к нему, дали воды и немного еды, но мужчины увидели смерть в его глазах. Они прогнали его. Он шел печально, словно зная и смиряясь со своей участью. Через несколько дней после этого его бедное худое тело нашли в лесу. Его беды закончились".

Это и есть "благородный дикарь", чьи безыскусные добродетели так часто восхваляются теми, кто никогда не видел его, а тем более не жил с ним.

Ужас, который испытывают при малейшем подозрении в колдовстве, часто приводит к кровавым и жестоким действиям. Любой человек, умерший естественной смертью или убитый насильственным путем, считается заколдованным, и первая цель его друзей - найти колдуна. В одной из бакалайских деревень был маленький мальчик десяти лет, которого обвинили в колдовстве. В этой стране достаточно простого обвинения в преступлении, которое невозможно опровергнуть, и жители деревни бросились на бедного мальчика и изрезали его на куски своими ножами. Они были совершенно безумны от ярости и не остывали несколько часов после этого.

Распространенность этого суеверия стала печальным испытанием для месье дю Шайю, когда он заболел лихорадкой. Он прекрасно понимал, что его черные друзья решат, что он околдован, и в случае его смерти непременно набросятся на какого-нибудь неудачливого негодяя и предадут его жестокой смерти как колдуна. И действительно, пока он болел, один из его людей подхватил идею колдовства и по ночам ходил по деревне, угрожая убить колдуна, околдовавшего его хозяина.

Идолопоклонство здесь, как и в большинстве языческих стран, осуществляется с помощью танцев, барабанного боя и пения, причем ни песни, ни танцы не отличаются пристойностью. Один из главных идолов Бакалаи хранился у Мбанго, главы клана. Изображение сделано из дерева и представляет собой гротескную женскую фигуру, почти в натуральную величину. Глаза у нее медные, ноги перепончатые, как у оленя, одна щека желтая, другая красная, а на шее висит ожерелье из зубов леопарда. Она очень могущественный идол, говорит по большим поводам и время от времени выражает одобрение кивком головы. Также она ест мясо, когда его ей предлагают, и, когда она демонстрирует любой из этих признаков власти, ее выносят на середину улицы, чтобы все люди могли собраться и полюбоваться на деревянное божество.

Помимо обычного поклонения идолу, женщины проводят собственные религиозные обряды, которые странным образом напоминают читателю древние мистерии, описанные разными классическими авторами. На одной из таких церемоний М. дю Шайю стал зрителем довольно неожиданным образом.

"Однажды женщины начали своеобразное поклонение Нжамбаю, который, похоже, является их добрым духом: примечательно, что все кланы бакалай и все женщины племен, с которыми я встречался во время своих путешествий, поклоняются или почитают духа с таким же именем. Вблизи морского берега его произносят как Ньембай, но, очевидно, это одно и то же имя.

"Это поклонение женщин - своего рода таинство, ни один мужчина не допускается на церемонии, которые проводятся в доме, очень тщательно закрытом. Этот дом был покрыт сухими пальмовыми и банановыми листьями, и в нем не было даже двери, выходящей на улицу. Чтобы все было закрыто, его поставили напротив двух других домов, и вход был через один из них. Кенгеза и Мбанго предупредили меня, чтобы я не приближался к этому месту, так как им не разрешалось даже взглянуть на него. Все женщины деревни раскрасили свои

лица и тела, били в барабаны, маршировали по городу и время от времени входили в дом идола, где танцевали всю ночь и производили более возмутительный шум, чем даже мужчины до этого. Они также преподнесли богине несколько антилоп, а на четвертый день все, кроме нескольких, ушли в лес, чтобы спеть Нджамбаи.

"Я заметил, что полдюжины осталось, и утром они вошли в дом Нджамбаи, где остались в полном молчании. Теперь мое любопытство, сильно возбужденное желанием узнать, что происходит на этом тайном богослужении, наконец-то одолело меня. Я решил посмотреть. Пройдя несколько раз вверх и вниз по улице мимо дома, чтобы отвести подозрения, я, наконец, неожиданно отодвинул листья и просунул голову сквозь стену. На мгновение я ничего не смог различить в темноте. Затем я увидел трех совершенно голых старых ведьм, сидящих на глиняном полу, с огромным свертком григри, который они, казалось, молча обожали.

"Увидев меня, они подняли страшный яростный вой и бросились звать своих товарищей из кустов; через несколько минут те прибежали, плача и причитая, бросились ко мне с гневными жестами и угрожали мне за нанесенный мною ущерб. Я быстро добрался до своего дома и, схватив в одну руку ружье, а в другую - револьвер, сказал им, что застрелю первого, кто войдет в мою дверь. Дом окружили более трехсот разъяренных женщин, каждая из которых выкрикивала в мой адрес проклятия, но вид моего револьвера заставил их отступить. Вскоре они удалились в дом Нджамбаи, а оттуда прислали депутацию из мужчин, которые должны были сообщить мне, что я должен заплатить за то, что натворил.

"Я категорически отказался это сделать, сказав Кенгуэзе и Мбанго, что я здесь чужак и должен поступать, как мне заблагорассудится, поскольку их правила для меня, белого человека и не верящего в их идолов, ничто. По правде говоря, если бы я хоть раз поплатился за такой проступок, для меня закончились бы все путешествия, поскольку я часто нарушал их абсурдные правила, сам того не зная, и единственным выходом было объявить себя безответственным.

"Однако женщины не сдавались и угрожали местью не только мне, но и всем мужчинам города; а так как я решительно отказывался платить что-либо, то, к моему большому удивлению, Мбанго и его подданные-мужчины решили, что они сами принесут из своего имущества такую жертву, какую требовали от меня женщины. Мбанго выделил десять саженей туземной ткани, и мужчины один за другим стали класть на землю свои приношения: тарелки, ножи, кружки, бусы, циновки и разные другие предметы. Мбанго снова подошел и спросил, не хочу ли и я что-нибудь пожертвовать, но я отказался. На самом деле я не смел создавать такой прецедент. Поэтому, когда все дали, что могли, вся сумма была отнесена возмущенным женщинам, на что Мбанго сказал, что я его и его людей гость, и что они не могут просить меня платить в таком деле, поэтому они сами заплатили требуемое. Этим женщины были удовлетворены, и на этом ссора закончилась. Разумеется, я не мог больше исследовать их тайны. Праздник Нджамбаи длится около двух недель. Мне удалось узнать очень мало о духе, которого они называют этим именем. Их собственные представления весьма туманны. Они знают только, что он защищает женщин от их врагов-мужчин, мстит за обиды и служит им различными способами, если они ему угодят".

Суеверия, связанные со смертью, распространяются даже на те случаи, когда человек был убит случайно. Однажды мужчину застрелили во время купания, после чего все племя впало в панику, решив, что на деревню напали ведьмы, и тут же покинуло ее. Отправившись в более благоприятное место, они остановились на ночь в другой деревне, а на закате все разошлись по своим хижинам и начали скорбные песнопения, которыми они отмечают

потерю друзей. Женщины громко причитали, заливаясь песней-плачем, удивительно похожей на "кин" ирландских крестьян: - "Ты никогда не заговоришь с нами.

"Ты больше никогда не заговоришь с нами!

"Мы больше не увидим твоего лица!

"Ты больше никогда не будешь ходить с нами!

"Ты больше никогда не будешь решать за нас наши споры!"

И так далее, *ad libitum*. На самом деле жизнь бакалайцев, которая могла бы быть такой радостной и свободной от забот, весьма омрачена суеверными страхами, которые преследуют их со всех сторон.

ГЛАВА XLVIII.
АШИРА.

ВНЕШНИЙ ВИД И ОДЕЖДА ТУЗЕМЦЕВ - СУПРУЖЕСКИЕ РАСПРИ - ПРИРОДНАЯ ХИТРОСТЬ АШИРА - РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ ДОБЫВАНИЯ ПИЩИ - ТУЗЕМНЫЕ ПЛАНТАЦИИ - "КОМБО", ИЛИ ПРИВЕТСТВИЕ ВОЖДЯ - АРХИТЕКТУРА АШИРА - ТУЗЕМНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО - РАБСТВО У АШИРА - МЕДИЦИНА И ХИРУРГИЯ - "ГЕРОИЧЕСКОЕ" ЛЕЧЕНИЕ - СУЕВЕРИЯ - СПОСОБЫ ЛОВЛИ ДИЧИ - СУД НАД ОБВИНЯЕМЫМ - ИСПЫТАНИЕ КОЛЬЦОМ - ПРОЩАНИЕ АШИРА - ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ - СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ ОЛЕНДЫ.

Следующее по порядку племя - ашира. Эти люди не столь кочевники в своих привычках, как бакалай, и поэтому более сосредоточены в одной местности. Они, конечно, склонны покидать деревню по какому-то важному поводу, но никогда не уходят на большие расстояния и не склонны к бегству, как бакалайцы. Аширы - необычайно красивая раса людей. Цвет их кожи обычно черный, но отдельные представители, особенно высокого ранга, имеют сравнительно светлый оттенок, скорее темный, теплый бронзовый, чем черный. Черты лица аширов довольно хороши.

Одежда туземцев имеет свои отличительные черты. Мужчины и замужние женщины носят халаты из травяной ткани, а первые любят покрывать голову аккуратной шапочкой из травы. Они уделяют этому предмету одежды такое большое внимание, что лучший способ умилостивить ашира - подарить ему одну из алых шерстяных шапочек, которые так любят рыбаки и яхтсмены нашей страны. Ничто не ценится им так высоко, как эта простая вещь, и даже сам король не посчитает жертву слишком большой, если сможет получить одну из таких шапочек.

Мужчины также носят с собой небольшую травяную сумку, которую они перекидывают через одно плечо и которая украшена множеством подвесных веревочек или ремешков. Она выполняет функцию кармана и поэтому очень полезна в тех случаях, когда одежда имеет столь ограниченный характер. Представители обоих полов носят ожерелья, браслеты и браслеты, сделанные из толстых медных прутьев, а также проявляют некоторый художественный вкус в узорах, которыми они расписывают свои одеяния.

Самое странное в аширской моде то, что женщины не носят никакой одежды, пока не выйдут замуж. Конечно, они повязывают вокруг талии небольшой пояс из травяной ткани, но он

предназначен только для украшения, а не для одежды. Как обычно бывает в подобных случаях, весь туалет сводится к укладке волос и раскрашиванию тела. Шерстяные волосы выщипываются шпажкой, хорошо натираются маслом и глиной и укладываются так, чтобы они напоминали шапку-петушок, высоко поднимающуюся на макушке и сходящуюся к острию впереди и сзади. В основном волосы удерживаются в таком положении с помощью нескольких маленьких палочек или листьев, которые продеваются сквозь них и служат каркасом, на который они опираются. Аширы практикуют подпиливание зубов, хотя очень немногие из них доводят эту практику до такой степени, что зубы становятся острыми.

Среди западноафриканцев к женщинам относятся не так плохо, как на юге, и даже считают их почти равными мужчинам. Они могут владеть собственным имуществом и прекрасно понимают, какое значение придает им такое положение. Маиоло, один из вождей, имел самую нелепую ссору со своей любимой женой, молодой женщиной двадцати лет от роду, отличавшейся светлым цветом кожи и ореховыми глазами. Она умудрилась потерять или растратить часть его табака, и он пригрозил наказать ее, отобрав трубку, которая в этих племенах принадлежит в равной степени мужу и жене. Она ответила, что он не может этого сделать, потому что стебель подорожника для трубки был срезан с одного из ее собственных деревьев, и если он поссорится с ней, она отберет этот стебель и не позволит ему срезать другой с деревьев подорожника , которые принадлежат ей, а не ему. Ссора вскоре была улажена, но тот факт, что она вообще имела место, показывает, какое положение занимают женщины в домашних делах.

Как это часто бывает с дикарями, ашира демонстрирует странную смесь характеров. Хотя он и невежественен, но обладает большой природной хитростью. Ни один человек не может лгать с таким невинным лицом, как "благородный дикарь", и никто не способен лучше позаботиться о своих собственных интересах. Аширские носильщики постоянно досаждали Дю Шайю, вынашивая различные коварные планы по увеличению зарплаты. Представители одного клана отказывались работать в компании с представителями другого и, по принципу профсоюзов, единодушно выходили на работу, если к грузу допускался человек, принадлежащий к другому клану.

Оставив таким образом путешественника со всеми его посылками в лесу, они решили потребовать более высокую зарплату, прежде чем соглашаться снова поступить на службу. Во время перебранки, возникшей в связи с этим требованием, обнаружился любопытный дипломатический ход. Старики выступили на его стороне, заявили, что требования молодых людей непомерны, и помогли ему отбить их, потребовав для себя более высокую зарплату в качестве процента за их достойное поведение. Когда дело было улажено и с мужчинами расплатились, молодые люди снова принялись за работу, заявив, что несправедливо, чтобы старики, которым не нужно нести бремя, получали более высокую зарплату, чем они сами, и потребовав, чтобы всем платили одинаково. В ходе расследования выяснилось, что это была глубоко продуманная схема, спланированная обеими сторонами с целью добиться повышения зарплаты для всех.

Эти люди могут быть одновременно бесчестными и благородными, жестокосердными и добрыми, непослушными и верными. Когда несколько аширских носильщиков сопровождали Дю Шайю в его путешествии, они позорно ограбили его, по несчастливому стечению обстоятельств украв именно те предметы, которые не могли им пригодиться и потеря которых была бы просто непоправима. То, что они украдут его провизию, было вполне ожидаемо, но зачем им понадобилось лишать его фокусировочных очков и черных шторок камеры, было не так понятно. Хитрость аширов была столь же поразительна, как и их бесчестность. Во всех деревнях знали все обстоятельства. Они знали, кто воры, что было

украдено и где спрятано имущество, но тайна хранилась так хорошо, что даже ребенок не подавал ни малейшего намека, который мог бы привести к обнаружению украденного.

Когда же во время путешествия они оказались в полуголодном состоянии из-за привычки негров брать с собой провизию только на два-три дня, мужчинам случилось убить пару обезьян и предложить их обоих вождю, которого они так безжалостно грабили. Даже когда он отказался взять их себе, они настояли на том, чтобы он оставил себе львиную долю, и были так приятны и любезны, как будто никаких разногласий не существовало.

Однако на следующий день эти импульсивные и нерассуждающие существа снова изменили свое поведение. Они решили поверить, или сказать, что поверили, что экспедиция может пострадать, и попытались получить свое жалованье заранее, чтобы сбежать с ним. Когда эта весьма прозрачная уловка была раскрыта, они открыто заявили о своем намерении бежать и пригрозили сделать это даже без жалованья. К счастью, страшное имя Квенгуэса подействовало на них, и, поскольку им было сказано, что этот вождь непременно начнет войну с аширами, если они посмеют оставить белого путешественника, которого он им поручил, они вернулись к своей ноше. В течение дня прибыли припасы, и все снова стало мирным.

Причина, по которой туземцы не любят брать с собой много еды, заключается в том, что подорожники, составляющие обычный рацион, очень тяжелы, и мужчины предпочитают довериться шансу натолкнуться на деревню, чем утруждать себя лишним грузом. Однако есть орехи кула и мпегаи, которыми туземцы обычно питаются во время путешествий в ореховый сезон.

Кула - исключительно полезный орех. Он растет на дереве в таком изобилии, что когда орехи созревают, вся крона дерева кула кажется единой массой плодов. Он круглый, размером с вишню, а скорлупа настолько твердая, что ее приходится разбивать между двумя камнями. Тридцать таких орехов считаются достаточными для еды даже для коренного африканца, и, как правило, деревья настолько обильны, что туземцы не беспокоятся о том, чтобы носить с собой еду в сезон орехов. Месье дю Шайю, однако, особенно не повезло, так как он умудрился пропустить деревья кула во время своего путешествия, и поэтому вся партия терпела большие лишения.

Дикие свиньи знают цену орехам кула не хуже туземцев и в сезон становятся довольно толстыми и упитанными.

Орех мпегаи круглый, как и кула, но ядро трехлопастное. В нем так много масла, что его превращают в лепешки, просто растолкая ядро, складывая пасту в листья и коптя их на дровяном огне. В таком виде он может храниться довольно долго, и обычно его едят с перцем и солью, если их можно достать. Ни кула, ни мпегаи не культивируются нерадивыми туземцами.

Примерно в десяти милях от места жительства Оленды находилась деревня, принадлежавшая вождю по имени Ангоука и примечательная тем, что в ней выращивали подорожник. На одной плантации росло около тридцати тысяч деревьев , расположенных на расстоянии около пяти футов друг от друга. Каждое дерево давало пять или шесть побегов, но культиваторы срезали все, кроме двух или трех самых лучших, в соответствии с истинными принципами арбористики. В среднем на каждом дереве вырастало по тридцать фунтов плодов, и туземцам удавалось поддерживать довольно постоянное снабжение, высаживая несколько сортов этого дерева: одни приносили плоды через шесть месяцев

после посадки, другие - через десять, а третьи - только через восемнадцать месяцев, причем последние были самыми лучшими и плодородными.

При описании путешествий некоторых путешественников часто упоминаются носильщики и их грузы. Ноши переносятся довольно своеобразно. У мужчин есть продолговатая корзина, называемая "отайтай", которая сделана из тростника, сплетенного плотно по дну и свободно по бокам. Эластичность боковых сторон позволяет приспосабливать ее к различным по размеру грузам, так как их можно стянуть вместе, если груз небольшой, или расширить, чтобы вместить большую ношу. К отайтай прикреплены три широких ремня из камыша, один из которых проходит через каждое плечо носильщика, а другой - через его лоб.

Некоторые из церемоний, используемых аширами, очень любопытны. У каждого вождя есть своеобразное приветствие, называемое "комбо", с которым он обращается к каждому важному человеку, которого встречает впервые. Например, когда М. дю Шайю встретился с Олендой, главным вождем одного из подплемен ашира, произошла необычная сцена. Подождав некоторое время, он услышал звон "кандо" или священного колокола, который является эмблемой королевской власти в этой стране и звучит только в торжественных случаях.

Вскоре появился старый вождь - человек почтенного вида и очень старый. Его шерстяные волосы были совершенно белыми, тело согнулось от возраста почти вдвое, а на лице было множество морщин. Чтобы подчеркнуть красоту своего лица, он покрыл одну его сторону красными, а другую - белыми полосами. Он был так стар, что его сопровождали многие его дети, все старые, белоголовые и морщинистые люди. Туземцы относились к нему с большим уважением, считая, что он обладает мощным фетишем против смерти.

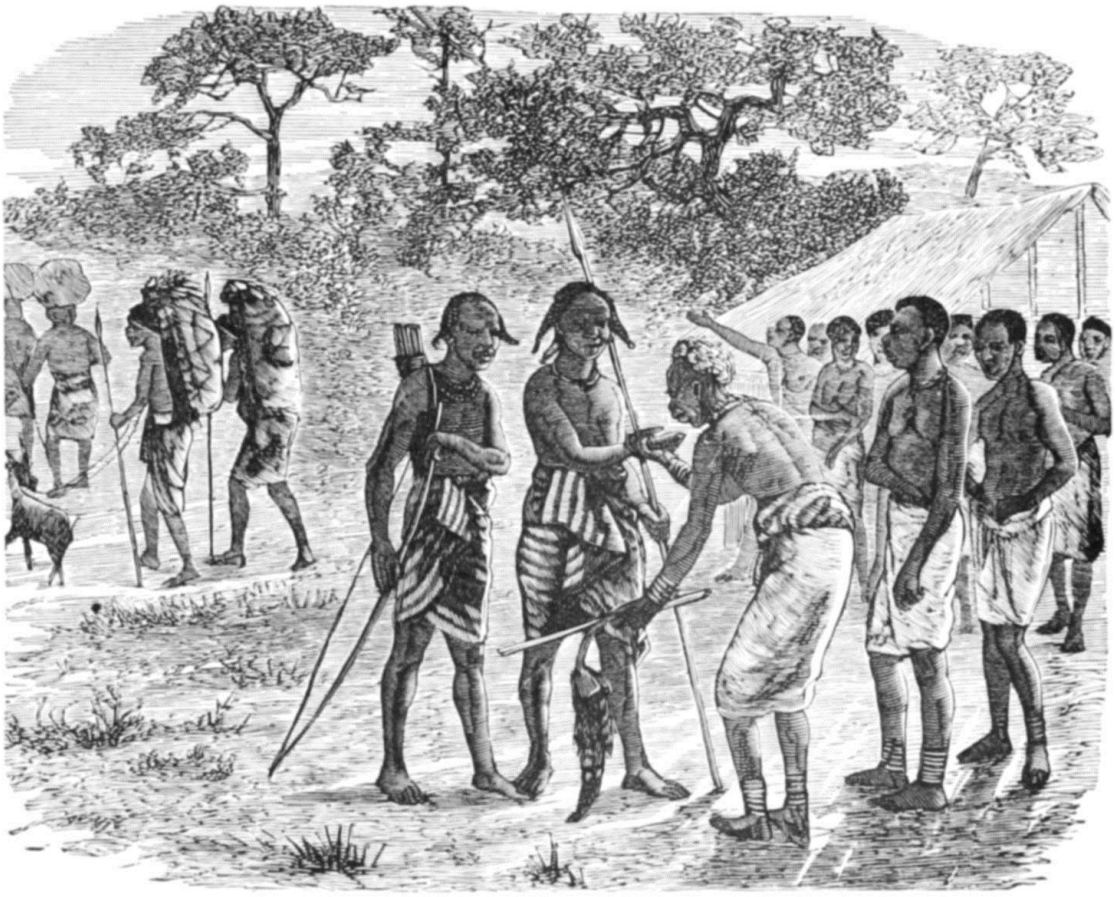
Как только он пришел в себя от вида одетого человека с прямыми волосами, немигающими глазами и белым лицом, он начал произносить речь, которая в переводе звучала следующим образом: "У меня нет кишок. Я как река Овенга: Меня нельзя разрезать на две части. Но также я подобен рекам Ниембай и Овенга, которые соединяются вместе. Так и мое тело едино, и ничто не может его разделить". Это обращение вызвало недоумение, поскольку из него нельзя было извлечь никакого смысла, но переводчик объяснил, что это всего лишь комбо, и смысл не является его обязательным компонентом.

Согласно этикету страны, после того как Оленда произнес приветствие, он предложил свои подарки, состоящие из трех коз, двадцати птиц, двадцати гроздьев подорожника, нескольких корзин молотых орехов, немного сахарного тростника и двух рабов. Отказ от последних был для ашира удивительным явлением. Этот способ приветствия прекрасно представлен на гравюре на следующей странице.

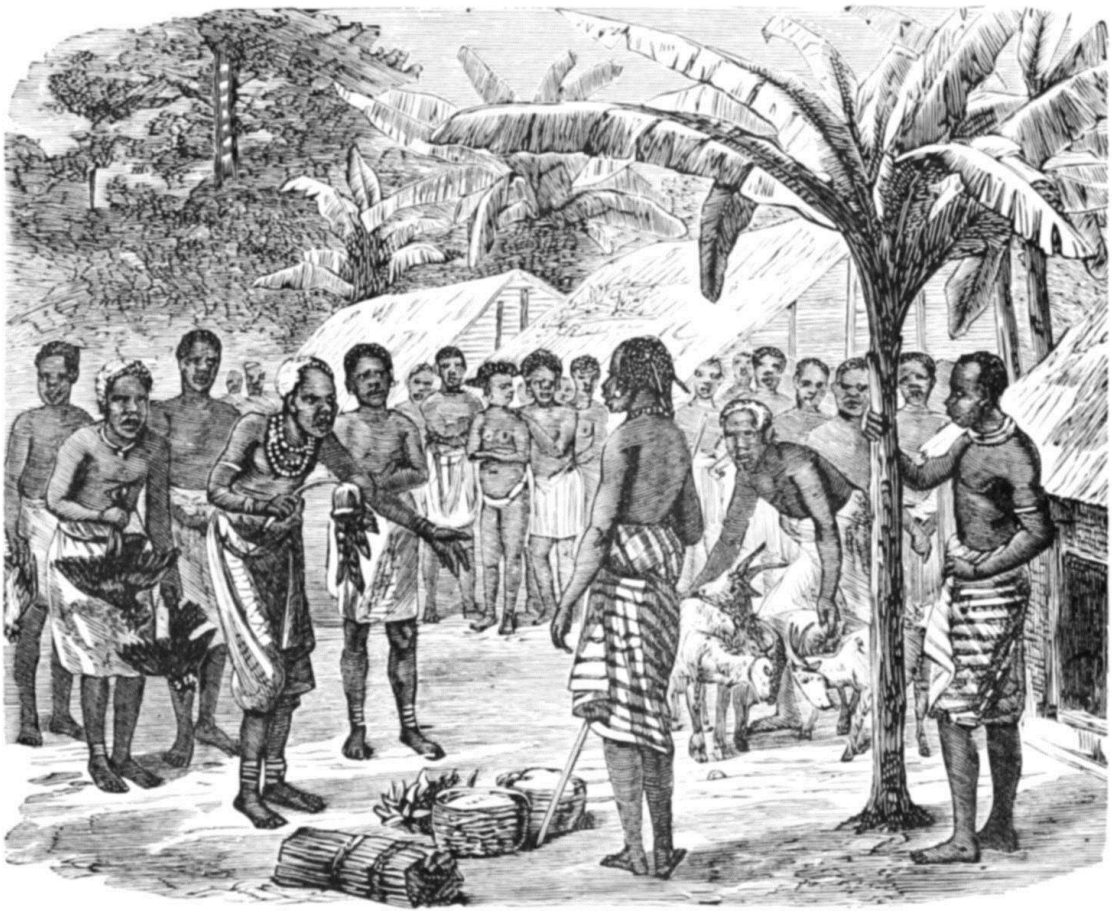
Деревни ашира отличаются необыкновенной аккуратностью и чистотой, что весьма примечательно, учитывая склонность к переездам после смерти жителя. В основном они состоят из одной длинной улицы, дома построены из коры, а земля расчищена как сзади домов, так и спереди, - едва ли не единственный пример такого подхода в этой части Африки. Тропинки неизменно ведут из одной деревни в другую.

Ашира - довольно трудолюбивое племя, они обрабатывают землю вокруг своих деревень, выращивая табак, подорожник, ямс, сахарный тростник и другие растения с большим успехом. Листья табака, сорванные и высушенные, сплетаются в подобие плоской веревки, а затем плотно сворачиваются, так что значительное количество табака вмещается в очень маленькое пространство.

Конечно же, они пьют пальмовое вино, и, поскольку способ получения этого всеми любимого напитка довольно своеобразен, мы вкратце расскажем о нем. Туземец, взяв с собой пустой калабаш или два, и что-то вроде шнека, взбирается на дерево с помощью обруча, сделанного из гибких ползучих растений; обвязав обруч вокруг дерева, он садится на него так, чтобы его спина была прижата к обручу, а ноги - к дереву. Последовательно перебирая "зацепами", он поднимается на дерево, как в старину трубочист поднимался по широким дымоходам, которые теперь вытеснены узкими, выметенными машиной трубами, поднимая обруч при каждом перехвате и поднимаясь на дерево с удивительной быстротой. Достигнув вершины, он достает шнек из маленькой сумки, которая висит у него на шее, и проделывает глубокое отверстие, чуть ниже кроны пальмы. Затем отрывает лист, сворачивает его в трубочку и вставляет один конец в отверстие, а калабаш подвешивает чуть ниже другого конца. В течение ночи сок свободно стекает в калабаш, и за одну ночь можно получить несколько кварт. Утром его удаляют и ставят свежий калабаш. Даже в свежем виде сок - очень приятный напиток, но после двадцатичетырехчасового стояния он бродит и становится чрезвычайно пьянящим, причем процесс брожения обычно ускоряется добавлением остатков предыдущего дня варки. Постепенно количество сока уменьшается, и когда туземец думает, что дерево больше не будет давать сок, он затыкает отверстие глиной, чтобы насекомые не построили в нем гнезда и не погубили ценное дерево. В среднем сок выделяется в течение трех недель, и если дерево передерживать дольше этого срока, оно может погибнуть.



(1.) ПРОЩАНИЕ С АШИРОЙ.
(См. стр. 502.)



(2.) ПРИВЕТСТВИЕ ОЛЕНДЫ ВОЖДЮ ИШОГО.
(См. стр. 498.)

Кроме табака, аширы выращивают растение под названием лиамба, *то есть каннабис*, или индийская конопля, либо тот же вид, из которого делают знаменитый на Востоке хашиш, либо очень близкий к нему. Они всегда выбирают богатую и влажную почву на солнечной стороне холма, поскольку для достижения совершенства растению необходимы и тепло, и влага. Туземцы, кажется, предпочитают лиамбу даже табаку; но есть некоторые сомнения, не были ли оба эти растения завезены: табак из Америки, а лиамба из Азии или, что более вероятно, из северо-западной Африки. Дю Шайю утверждает, что аширы и апинги - единственные племена, которые его выращивают. Его воздействие на курильщиков ужасно: они становятся на время безумными, в бешенстве бросаются в лес, ссорятся, кричат и, наконец, падают в конвульсиях. Постоянное безумие часто является результатом чрезмерного увлечения этой необычной роскошью.

Вышеупомянутый путешественник встретил среди аширов идиота. Вопреки обычному развитию идиотизма среди африканцев, этот человек был жизнерадостным и веселым, прыгал вокруг со всевозможными странными выходками и пел радостные песни. Остальные жители очень любили его и относились к нему хорошо и с неким благоговением, как к чему-то непостижимому. С идиотами тупого типа обращаются сурово, и обычный способ избавиться от них - продать их в рабство и таким образом навязать покупателю, прежде чем он узнает о качестве своей сделки.

Рабство существует среди ашира, как и среди других племен, но оно носит настолько гуманный характер, что имеет мало общего с системой рабства в общепринятом понимании

этого слова. Оленда, например, имел огромное количество рабов и содержал их в отдельных поселениях, каждое из которых состояло из двух или трех сотен, причем в каждом таком поселении был свой вождь, сам являвшийся рабом. Одним из таких рабовладельческих вождей был Ашанго, благородный мужчина, имевший несколько жен и множество детей. Он осуществлял вполне патриархальную власть над подвластными ему людьми, и ни он, ни рабы, похоже, не считали свое положение унизительным, называя себя детьми Оленды.

Эта деревня была на редкость опрятной, а дома построены лучше, чем у аширов в целом. Жители расчистили большой участок земли и засадили его платанами, сахарным тростником и земляными орехами, которые прекрасно процветали и имели самый живописный вид на фоне диких красот окружающего леса. Большинство из этих семей рабов достались Оленде по наследству, и многие из них никогда не знали другой жизни.

Среди племен, живущих вдоль Рембо, практикуются и медицина, и хирургия, причем весьма своеобразным образом. Самое странное, что туземцы всегда стараются заполучить врача из другого племени, так что пациент из племени ашанго получает врача из племени бакалай, и *наоборот*. Африканский пророк не пользуется особым почетом в своей стране, но чем дальше он уходит, тем больше его уважают. Злые духи, не поддавшиеся всем изгнаниям доморощенных пророков, непременно дрогнут перед большей силой колдуна, живущего на расстоянии; а тот же человек, который потерпел неудачу дома, наверняка добьется успеха за границей.

У местных жителей есть одна большая панацея от всех видов заболеваний, которая используется и при люмбаго, и при проказе. Она заключается в том, что больное место скарифицируют ножом, делают множество легких надрезов, а затем втирают в него смесь толченого стручкового перца и сока лайма. Агония, вызванная этой операцией, ужасна, и даже тупые нервы африканца с трудом выдерживают боль. Если туземец заболевает дизентерией, то это же средство применяют внутрь, и пациент иногда выпивает по половине стакана за дозу. Их вера в капсикум имеет под собой некоторые основания, ведь он действительно полезен в климате Западной Африки, и если путешественник чувствует лихорадку, он может облегчить состояние, приняв с пищей большое количество красного перца. Иногда, когда болезнь не поддается соку лайма и перцу, приходится прибегать к более сильным средствам. М. дю Шайю наблюдал любопытный пример того, как женщина-практик применяла свое искусство на Майоло, о ссоре которого с женой уже говорилось.

Пациент сидел на земле, перед ним была натянута шкура гетры, а женщина разминала его тело руками, бормоча заклинания низким голосом. Закончив эти манипуляции, она взяла кусок алумбийского мела и провела широкую полосу по середине груди и вдоль каждой руки. Затем она разжевала некоторое количество корней и семян и обрызгала ими тело, направляя самые сильные удары на пораженные участки. Наконец, она взяла пучок сушеных трав, скрутила их в подобие факела, зажгла его и приложила пламя к различным частям тела и конечностей, начиная с ног и заканчивая головой. Когда факел догорел, она приложила раскаленный конец к телу пациента и на этом закончила свою операцию. Майоло сидел совершенно неподвижно, с любопытством наблюдая за происходящим, и лишь слегка поморщился, когда пламя опалило его кожу. Африканцы очень верят в действенность огня и, похоже, считают, что после его применения он эффективно предотвращает рецидив болезни.

Поклонение Ашире - это идолопоклонство самого худшего свойства. Один из их онгаров, или идолов, по имени Экономка, был куплен Дю Шайю. Конечно, он был ужасно уродлив, изображал женскую фигуру и хранился в доме вождя для защиты имущества. Туземцы

ужасно боялись ее, и, пока домоправительница была на своем месте, хозяин мог оставлять свои вещи в полной безопасности, зная, что ни один туземец не посмеет их тронуть.

Умелые охотники, они никогда не пускаются в погоню, не подготовив себя различными чарами. Они вешают на себя всевозможные странные фетиши и режут тыльную сторону ладоней на удачу, так как вытекающая кровь, по их представлениям, обладает чудесной эффективностью. Если в порезы втереть немного порошка серы, сила талисмана удваивается, и тот, кто подготовился таким образом, никогда не промахивается при стрельбе. Покраска лица в красный цвет также очень помогает на охоте; и в результате этих странных верований партия туземцев, только что отправившаяся в погоню, имеет самый нелепый вид.

Вдоль реки Рембо есть несколько священных мест, на которых туземцы считают себя обязанными приземляться и танцевать в честь духа. В одном месте проводится церемония, аналогичная "пересечению линии" на наших судах. Когда кто-либо впервые проходит мимо этого места, он обязан сойти на берег, пропеть песню в честь местного божества, сорвать ветку с дерева и посадить ее в грязь. Когда Дю Шайю проезжал мимо этого места, его попросили следовать обычному обычаю, но он отказался, сославшись на неверие в многобожие. Как обычно, туземцы признали его доводы. Он был великим белым человеком, а богатым и мудрым белым людям достаточно одного Бога. Но чернокожие люди были бедны и невежественны, а потому хотели иметь много богов, которые бы о них заботились.

Многие суеверия связаны с деревьями. Есть одно великолепное дерево под названием "олуми", возможно, самый крупный вид, который можно встретить в Западной Африке. Считается, что кора олуми обладает множеством целебных свойств, а если человек перед отправлением в торговую экспедицию вымоется отваром коры, он обязательно заключит выгодную сделку. Поэтому деревья олуми (а их довольно мало) постоянно повреждаются туземцами, которые срывают со ствола большие куски коры для приготовления этого волшебного отвара.

Среди ашира используется довольно примечательное испытание - примечательное потому, что оно в точности повторяет испытания Средневековья.

Бакалайское каноэ было повреждено, и маленький мальчик, сын Аквилая, знаменитого бакалайского колдуна, сказал, что повреждения нанес один из людей Кенгуэсы. Разумеется, тот отверг обвинение и призвал к испытанию, а поскольку дело касалось бакалайцев, по обычаю был вызван аширский волшебник. Он сказал, что "единственный способ заставить правду проявиться - это испытание кольцом, сваренным в масле". Тогда собрались люди Бакалая и Гумби (т. *е.* Каммы), и испытание было немедленно проведено.

"Врач Ашира положил на землю три маленькие заготовки из бруса, концы которых были вместе, затем навалил между ними несколько кусочков поменьше, пока все они не оказались высотой в три куска. На дерево поставили туземный горшок, наполовину наполненный пальмовым маслом, и подожгли его. Когда оно ярко разгорелось, в горшок бросили латунное кольцо из руки доктора. Доктор стоял рядом с маленькой вазочкой, наполненной травой, смоченной водой, в которую он время от времени бросал несколько кусочков. Это заставляло масло разгораться с новой силой. Наконец все сгорело, и теперь начался суд. Обвинитель, маленький мальчик, должен был достать кольцо из горшка. Он колебался, но отец подтолкнул его. Народ закричал: "Посмотрим, лжет он или говорит правду". Наконец он просунул руку, схватил раскаленное кольцо, но быстро выронил его, сильно обжег пальцы. При этом раздались крики: "Он солгал! Он солгал!", и гумбийца признали невиновным".

Читатель помнит, что когда Дю Шайю посетил Аширу, его принял удивительный старый вождь Оленда, чье приветствие носило столь необычный характер. Не менее любопытным был и способ, которым он отпустил своих гостей. Собрав вокруг себя своих старых и беловолосых сыновей, Оленда обратился к путешественникам, пожелав им успеха и произнеся нечто вроде благословения. Затем он взял немного сахарного тростника, откусил от него кусочек мякоти, разжевал его и выплюнул небольшую порцию в руку каждого из путешественников, пробормотав при этом несколько слов о том, что он надеется, что все дела пойдут у них хорошо и будут сладкими, как дыхание, которое он дунул на их руки. Читатель найдет иллюстрацию этого "Прощания" на странице 499.

В преклонном возрасте он прожил еще несколько лет, пока не заболел оспой, как и многие другие его родственники и люди. Обстоятельства его смерти и погребения были очень характерны для этого народа.

Сначала умерла главная жена Оленды, а затем болезнь с ужасающей быстротой распространилась по округе: все жены вождя были заражены, а Мпото, его племянник и наследник, умер после очень короткой болезни. Затем болезнь настигла и самого Оленду. День за днем доносился жалобный голос бедного старика, воспевавшего скорбь по поводу моровой язвы, уничтожившей его род, а однажды утром он пожаловался на жар и жажду - верные признаки болезни. На третий день после этого Оленда умер, предварительно увещевая людей, что в случае его смерти они не должны считать белого человека ответственным за его смерть. Увещевания были необходимы, так как они уже начали обвинять его в том, что он занес к ним оспу.

От его тела избавились обычным для аширов способом. Его вынесли на открытое место за пределами деревни, одели в его лучшие одежды и усадили на землю, окружив различными предметами имущества: сундуками, тарелками, кувшинами, кухонной утварью, трубками и табаком. Рядом с ним разводили костер, который горел в течение нескольких недель. Когда тело несли к месту погребения, люди разразились дикими пронзительными криками, обращаясь к покойному и спрашивая его, почему он покинул свой народ. Вокруг него лежали кости многих других вождей, ушедших в мир духов; а поскольку ашира не хоронят своих мертвецов, а просто оставляют их на поверхности земли, можно представить, что место представляло собой весьма мрачную картину.

В течение нескольких дней после смерти Оленды люди утверждали, что видели, как их покойный вождь ходит среди них, и говорили, что он не покинул их полностью, но будет охранять и наблюдать за ними, а также время от времени возвращаться, чтобы посмотреть, как идут дела.

ГЛАВА XLIX.
КАММА, ИЛИ КОММИ.

РЕКА ФЕРНАН ВАЗ, ИЛИ РЕМБО - КОРОЛЬ КЕНГУЭСА И ЕГО ВЛАДЕНИЯ - ВНЕШНИЙ ВИД КАММЫ - ХАРАКТЕР НАРОДА, ПРИМЕРОМ КОТОРОГО ЯВЛЯЕТСЯ ЕГО КОРОЛЬ - "ПАЛАВЕР" И ЕГО ДИСЦИПЛИНА - ЧЕСТНОСТЬ КАММЫ - ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ И ЗАКОН ВОЗМЕЗДИЯ - КОДЕКС ЭТИКЕТА - ДОСТОИНСТВО КАММЫ - ТАНЦЫ СРЕДИ КАММЫ - ТАНЕЦ ГОРИЛЛЫ - СУЕВЕРИЯ, ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ - ХРАМЫ КЕНГУЭСЫ - ЕГО ОПАСНАЯ ПРОГУЛКА - ДОБРЫЕ И ЗЛЫЕ ДУХИ - ДУХОВИДЕЦ, ИЛИ ВАМПИР - УЖАСЫ

СУЕВЕРИЯ - ПОСВЯЩЕНИЕ В СВЯЩЕННЫЕ ТАЙНЫ - ЭКЗОРЦИЗМ - САМООБМАНЩИК - БОГИНЯ РАБОВ - ИСПЫТАНИЕ МБУНДУ - УЖАСНАЯ СЦЕНА - БОЛЕЗНЬ, СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ - РАСПОРЯЖЕНИЕ МЕРТВЫМИ - ПРЕКРАЩЕНИЕ ТРАУРА - ВОДНЫЙ ОБЫЧАЙ.

Если читатель посмотрит на западное побережье Африки, чуть ниже экватора, он увидит большую и важную реку под названием Фернан-Ваз. Эта река огибает побережье на некотором расстоянии и очень широка, но, поворачивая на восток, она внезапно сужает свое русло и известна под названием Рембо. Весь район, через который протекает Рембо, вплоть до долготы. 10° восточной долготы, населен великим племенем камма или комми, которое, очевидно, является еще одной группой того же семейства, что и все племена вдоль Рембо.

Это племя разбито на множество подплемен или кланов, и каждый из этих кланов управляется вождем, который признает себя вассалом одного великого вождя или короля по имени Кенгуэса. Этот человек любил называть себя королем Рембо, под чем мы должны понимать не то, что он был королем всех племен, населяющих его берега, а то, что он имел власть над рекой и мог препятствовать или поощрять движение по своему усмотрению. А поскольку Рембо - это великая магистраль в Центральную Африку, его положение было очень важным.

И все же, хотя он не был абсолютным королем этих племен, некоторые из них признавали его главенство и уважали его, а уважение, как хорошо сказано в "Этене", подразумевает право уважаемого человека забирать имущество тех, кто его уважает. Следовательно, Квенгуэса имел право - и пользовался им - на жену любого Бакалая или Ашира, и даже вожди этих племен считали себя польщенными, предоставляя своих жен в распоряжение столь выдающегося человека. И уж точно он претендовал на власть над самой рекой и ее течением. Бакалай покорились ему ради союза со столь могущественным вождем и обнаружили, что он отнюдь не склонен довольствоваться лишь именем суверена. Однажды, проезжая вдоль Рембо, он обнаружил, что Бакалай поссорился с соседним племенем и построил забор через реку, оставив лишь небольшую брешь, которую можно было легко оборонять. Подойдя к этому препятствию, Кенгуэса очень рассердился, призвал топоры, и через минуту-другую забор был разрушен, а проход через реку освобожден. Бакалаи стояли на берегу в большом количестве и, хотя были хорошо вооружены, не осмеливались вмешиваться.

Способ правления, преобладающий во всех этих племенах, можно назвать патриархальным. Каждое племя делится на несколько подплемен или кланов, каждый из которых проживает в отдельном населенном пункте, который обычно называется по имени вождя или патриарха. Этого человека всегда почитают, потому что он обязательно стар и богат, а возраст и богатство очень почитаются в этой части света. Однако их власть крайне ограничена, и они скорее главные советники своего клана, чем самодержцы. Здесь нет настоящей монархии, как, например, в племенах кафиров, хотя самого главного вождя иногда приветствуют титулом короля. Однако эта честь пуста, так как другие вожди и не думают подчиняться тому, кого они считают лишь *primus inter pares*.

Камма - прекрасная раса людей, и, как и ашира, они не совсем черные, а сильно отличаются по цвету кожи, некоторые из них имеют явный оливковый или шоколадный оттенок. Черты их лица также не похожи на черты истинного негра, а лицо короля Кенгуэзы напоминает скорее лицо североамериканского индейца, чем африканца. Характер камма хорошо иллюстрирует их вождь Квенгуэса. Он демонстрировал необыкновенную смесь благородства, подлости,

доброты, жестокости, эгоизма и щедрости, что хорошо видно по визитам М. дю Шайю и М. У. Рида - первый отзывался о нем гораздо более высоко, чем второй.

Как и другие дикарские вожди, Кенгуэса не мог смириться с тем, что белые гости покидают его. Он открыто мешал мистеру Риду, и из рассказа М. дю Шайю следует, что, притворяясь, будто нанимает носильщиков для путешествия в Бакалай, он на самом деле создавал все препятствия на пути. Владения белого человека слишком ценны для чернокожего вождя, чтобы сдавать их в спешке, и Квенгуэса слишком хорошо знал свои интересы, чтобы позволить столь выгодным гостям покинуть его землю, пока он мог задержать их на ней.

Однажды мистеру Риду удалось ускользнуть, несмотря на уверения короля, что он будет сопровождать своего "дорогого друга", и его постоянные отговорки. Он отплыл на веслах на некоторое расстояние, как вдруг "мои люди остановились и посмотрели друг на друга с озабоченными лицами. Лениво приподнявшись, я оглянулся назад и увидел на большом расстоянии большую черную точку и что-то поднимающееся и опускающееся, как полоска света в солнечном свете. Мужчины приложили руки к ушам: Я прислушался и услышал слабую ноту, которую время от времени доносил до нас ветер.

"Что это, Мафук?

"Король, господин".

"О, он идет, да?" - сказал я, смеясь. Ну, он легко может нас поймать, раз он так близко. *Кабби!*" (*т.е.* "Весло!").

"Мои стюарды тревожно улыбнулись и ничего мне не ответили.

"Мужчины погрузили весла в воду, и на этом все закончилось. Каждый слушал, наклонив голову, словно пытаясь уловить слова или мелодию. Я снова огляделся. Я увидел, что это было большое каноэ, управляемое примерно двадцатью мужчинами, с чем-то вроде соломенного домика на корме. Песня все еще продолжалась, и теперь ее было хорошо слышно. Мои люди бросили весла и начали возбужденно переговариваться друг с другом.

"В чем дело?" - спросил я с досадой.

"Пот струился по лбу Мафука. Он знал, чего ему следует опасаться, если не знал я.

"*Это военная песня*!

"Каноэ, низкое и темное, черное от людей, весла подбрасывали белую воду в воздух. Оно пронеслось мимо нас, обогнуло нас и приблизилось к нам. Тогда поднялась буря гневных голосов, и голос Квенгуэсы возвысился над остальными.

"Что он говорит, Мафук?

"Говорит, что мы должны вернуться".

И они были вынуждены вернуться, потому что как раз в этот момент проскочила другая военная лодка, и вся группа была взята в плен, а Квенгуэса обнял своего "дорогого друга" и был весьма оживлен и весел из-за того, что ему удалось его захватить. Однако этот человек, суеверный и боявшийся прежде всего оспы, этого бича диких народов, взял в свою хижину любимого маленького раба, заболевшего оспой, положил мальчика на циновку рядом со своей кроватью и настаивал на уходе за ним в течение всей болезни.

Впоследствии, когда оспа охватила всю страну и почти опустошила ее, горе Кенгуэсы было велико и неискренне. Жены, рабы и родственники были унесены страшной чумой; город Гумби, где он жил, опустел, и бедный старый вождь был вынужден собрать немногих оставшихся в живых членов своего клана и основать новое поселение на противоположном берегу реки. В его причитаниях была вся возвышенность глубокой скорби, и он сидел, напевая свою монодию над мертвыми, как Кэтлин описывает вождя североамериканского племени, когда его племя погибло от той же страшной болезни.

Ни один недуг не вызывает у дикарей такого ужаса, как оспа. Почти не чувствительный к телесной боли, переносящий самые страшные раны со спокойным самообладанием и удивительно живучий, он мгновенно поддается болезни; и недуг, которому белый человек сопротивляется и в конце концов избавляется от него, в девяти случаях из десяти оказывается смертельным для черного. Однако за себя Квенгуэса не опасался, и единственной его жалостью были сожаления о своих друзьях. "Бакалаи", - говорил он, - "все ушли; люди Рембо ушли; мой любимый Монбу (его главный раб) ушел; я остался один в мире".

Несмотря на множество варварских обычаев племени камма, у них есть кодекс строго регламентированного этикета. Например, если король проводит совет, он занимает место на возвышенном троне и держит в руке деревянный посох. После того как он высказался, он передает посох тому, кто будет говорить следующим, а тот, в свою очередь, своему преемнику. На таких собраниях соблюдается строжайший порядок, и никто не думает прерывать оратора, пока тот владеет посохом.

Право слова в совете есть не у каждого. Это привилегия очень немногих людей, называемых советниками, или макагами, и только им король вручает посох, дающий право говорить. Они очень ревностно относятся к этой чести, и все же она была предоставлена двум белым людям, один из которых был месье дю Шайю, а другой - капитан Лоулин из Нью-Йорка. Последний произвел настоящую революцию в своем округе, отменив многочисленные препятствия для торговли, назначив суровые наказания ссорящимся вождям, которые совершали военные нападения на своих соседей, и установив строгий кодекс уголовных законов.

Такие меры, как обладание посохом оратора, совершенно необходимы для надлежащего регулирования бесчисленных "палаверов", или туземных парламентов, которые постоянно проводятся по самым разным вопросам. Если один торговец обгоняет другого и его вовремя обнаруживают, устраивается павер; аналогичная церемония проводится, если торговец заранее платит за товар и не получает его. Беглые жены - самый благодатный источник для пирушек, и, если вина обвиняемой доказана, наказание очень сурово. Как правило, жене-правонарушительнице отрезают нос и уши, аналогичному наказанию подвергается и мужчина, с которым ее нашли; но последний имеет право заменить это наказание штрафом - как правило, в размере раба. Убийство - частый повод для раздоров, и весьма примечательно, что туземцы не проводят различия между случайным убийством и умышленным. Смерть не обязательно является наказанием за убийство, но, как правило, смертная казнь заменяется крупным штрафом.

Если поймать преступника не удается, пострадавший муж прибегает к необычному способу заглаживания вины. Он выходит на улицу и убивает первого встречного, заявляя, что сделал это потому, что кто-то сбежал с его женой. После этого отправление правосудия выходит из-под его контроля. Родственники убитого теперь обязаны разобраться в ссоре, что они и

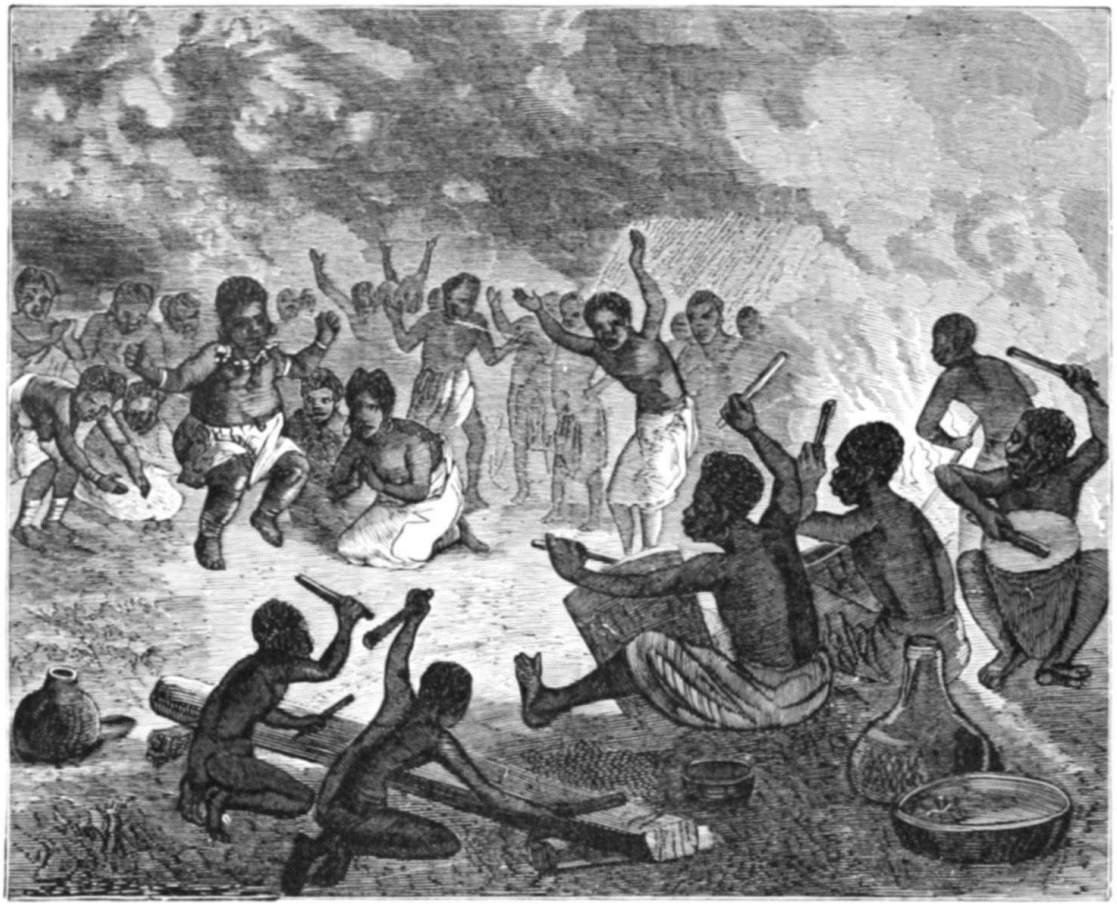
делают, убивая не убийцу, а кого-то из другой деревни. Его друзья мстят третьей деревне, и так вражда переходит из одной деревни в другую, пока вся округа не оказывается в оружии. Ворота забаррикадированы, никто не осмеливается выйти на улицу в одиночку или без оружия, и наконец в одном несчастном клане убивают человека, который не может найти возможности отомстить. Тогда вождь клана устраивает пирушку и выдвигает свои претензии к человеку, сбежавшему с женой. Затем вождь клана преступника платит штраф, дело улаживается, и мир восстанавливается.

Однако слишком часто, когда жена неверна или кажется неверной, муж вступает с ней в сговор, чтобы вымогать деньги у неосмотрительного молодого человека. Она затевает флирт с подходящей жертвой и назначает встречу в месте, где скрывается муж. Как только пара добирается до назначенного места, выходит муж и грозится устроить скандал, если штраф не будет уплачен немедленно. Молодой человек прекрасно понимает, чем обернется для него эта пакость, и, соответственно, делает все возможное и платит штраф. Эта система настолько укоренилась, что даже самые могущественные вожди, как известно, покупали красивых жен с явной целью использовать их в качестве ловушек, чтобы заманивать в них молодых людей.

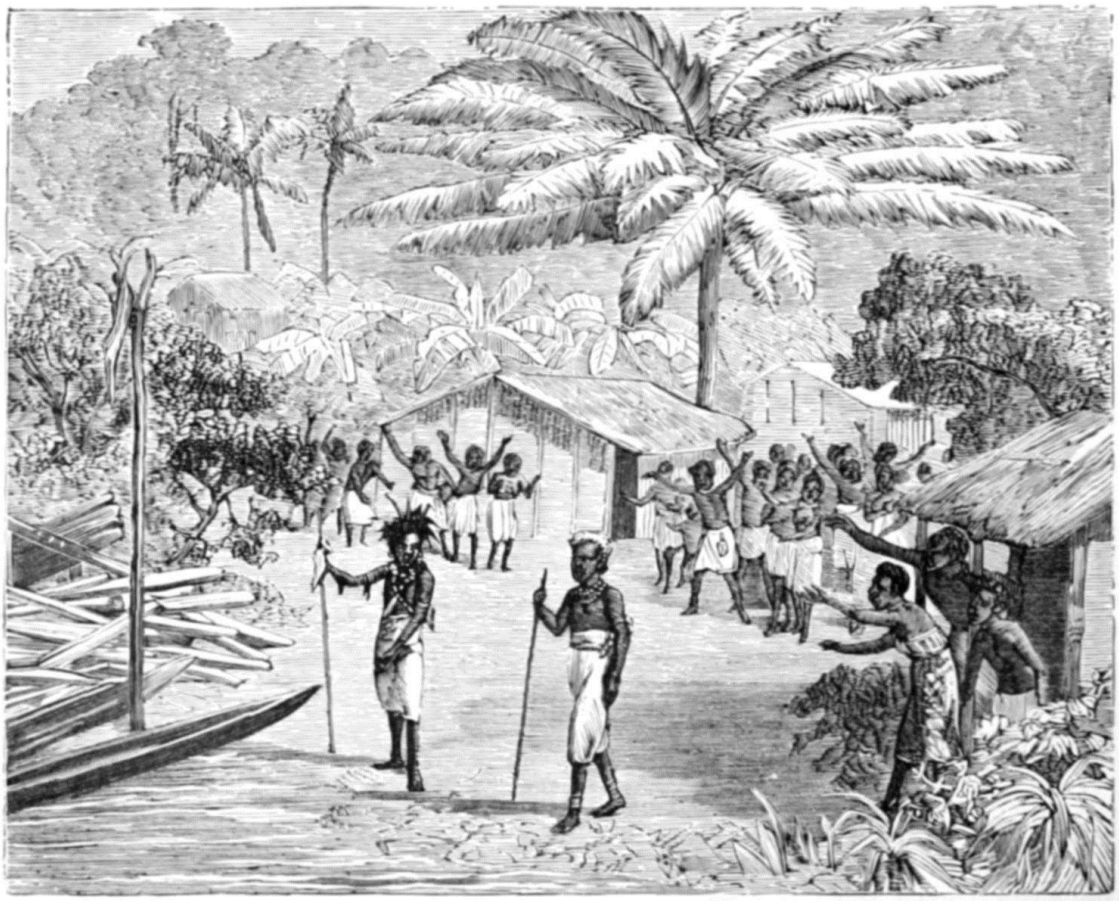
Поскольку время для камма не имеет ни малейшего значения, и они скорее рады, чем нет, когда могут найти себе какое-нибудь развлечение, то иногда на пустяковое дело уходит целая неделя. Все эти пиры проходят в простых зданиях, возведенных для этой цели. Эти сооружения представляют собой не более чем навесы, состоящие из крыши, поддерживаемой на столбах, и открытые со всех сторон. Король восседает в центре на возвышенном троне, сделанном из травы и покрытом шкурами леопарда в знак его ранга, а все остальные вынуждены либо стоять, либо сидеть на земле.

Когда уговоры бесполезны и ссора не может закончиться ничем, кроме войны, обе стороны пытаются напугать врага отвратительностью своего внешнего вида. Они прекрасно понимают, что не выдержат нападения, и, зная, что враг не более одарен храбростью, чем они сами, стараются внушить ужас своим грозным видом. Они красят свои лица в белый цвет, который является военным цветом, и иногда добавляют полосы и полоски красной краски. Белая краска, или мел, готовится в их домах грегри или идолов и считается очень сильным талисманом. Они также вешают на свое тело различные фетиши, а затем отправляются в путь на своих каноэ, крича, размахивая оружием и пытаясь запугать своих противников, но очень внимательно следя за тем, чтобы не приближаться к лодкам врага ближе чем на двести ярдов.

Камма, похоже, более принципиальный народ, чем ашира. Когда дю Шайю побеспокоили забастовки среди аширских носильщиков, его люди из племени камма поддержали его и не согласились с его планом послать их вперед с частью товаров. Они опасались, что его могут отравить среди ашира, и настаивали на том, чтобы оставить часть своей партии с вождем.



(1.) ТАНЕЦ КАММА.
(См. стр. 509.)



(2.) ПРОГУЛКА КЕНГУЭСЫ.
(См. с. 511.)

Читатель может вспомнить, что старый вождь Оленда пользовался большим уважением у своего народа. Среди племен Экваториальной Африки возраст вызывает большое почтение: на старого человека смотрят как на близкого родственника духов, в чью землю он вскоре должен войти. Вопреки обычаям Юга, молодые никогда не входят в присутствие старика или женщины, не склонившись низко и не проявив подлинной школьной вежливости. Когда они садятся, то всегда на почтительном расстоянии; а если у них просят трубку или воду, они подают ее на одном колене, обращаясь к мужчине "отец", а к женщине - "мама". Кроме того, этикету противоречит, если молодой человек сообщает плохие новости старому. Даже мертвые тела стариков почитаются, а кости и черепа хранятся в маленьких храмах, сделанных специально для них. Обычно их обмазывают мелом, который, как считается, обладает различными достоинствами, и этим мелом родственники умершего помечают свои тела, когда собираются заняться каким-либо важным делом. Череп также используется в практических целях. Если торговец приходит за покупками, он всегда гостеприимно принимает его, но при этом имеет определенную цель. Перед тем как приготовить пир, он идет в дом фетиша и выскребает из черепа немного порошка. Он смешивает его с едой и таким образом угощает своего гостя. Предполагается, что дух мертвеца вселяется в тело человека, съевшего часть черепа, и внушает ему, что он должен заключать выгодные сделки с хозяином - иными словами, быть обманутым.

Когда незнакомец впервые попадает в деревню камма, его удивляет количество коробок, которые он видит. Дело в том, что среди камма коробки традиционно считаются символом собственности, и соседи считают, что они наполнены ценностями. Поэтому каждый человек племени камма стремится собрать как можно больше сундуков, оставляя возможность заполнить их на будущее. Когда белые гости вручили Квенгуэзе свои подарки, старый вождь был поражен не только количеством ящиков, но и их содержимым, и выразил свою благодарность соответствующим образом.

Танцы камма имеют много общего с танцами других племен, но у них есть одна или две свои особенности. Толстый старый вождь, или король, как обычно называют их правителей - хотя, кстати, термин "патриарх" был бы гораздо более уместен - устроил грандиозный ужин в честь своего белого гостя. Шум - один из главных элементов удовольствия негра, как и в случае с ребенком. Негр, по сути, самый настоящий ребенок во многих вещах и всегда остается ребенком. В этот раз "группа" отличилась тем, что шумела непропорционально громко для своей численности.

Выстроился ряд барабанщиков, каждый из которых бил в свой шумный инструмент с такой энергией, что барабанщики сменяли друг друга, а самые крепкие и сильные выбивались из сил меньше чем за час. Кроме того, несколько мальчиков били палками по полым кускам дерева, и, как будто барабанщики и колотушки не производили достаточного шума, музыканты повесили на шесты ряд медных чайников и били по ним палками, как по барабанам. Добавьте к этому крики и вопли возбужденных танцоров, и шум можно будет оценить достаточно хорошо. Художник зарисовал этот необычный танец на предыдущей странице.

Было выпито огромное количество пальмового вина, в результате чего все танцоры и музыканты, включая самого короля, находились в различных стадиях опьянения. Что касается короля, то, будучи более опьяненным, чем его подданные, он должен был показать свое мастерство в танце, поэтому прыгал и скакал по земле с большой ловкостью для такого тяжелого человека, а его жены склонялись к его ногам, когда он танцевал, хлопали в ладоши в такт музыке и относились к нему с глубочайшим почтением.

Что касается самого танца, то чем меньше о нем говорят, тем лучше. Он настолько нескромен, насколько его может сделать необузданный дикарский темперамент, разгоряченный крепким напитком и звуком барабана, который, кажется, возбуждает людей почти до безумия. Песни, которыми они сопровождают танец, имеют схожую природу и хуже худших образцов языческого порока, о которых повествуют классические сатирики.

Есть, однако, один танец, в котором нескромный элемент отсутствует. Он называется "Танец гориллы" и исполняется как средство умилостивления божеств перед началом охоты на горилл: ведь это часть великой страны горилл, в которой только и водится эта огромная и сильная обезьяна, которая в последнее время привлекает к себе так много внимания. Рассказ об охоте на горилл будет дан, когда мы перейдем к племени фан, а сейчас мы довольствуемся танцем горилл, который видел мистер У. Рид. Он предпринял несколько безуспешных попыток убить гориллу и уже начал отчаиваться в успехе, хотя это место было известным прибежищем этих животных.

"Однажды утром Этия, главный охотник деревни, пришел и сказал мне, что слышал крик нжины (*то есть* гориллы) недалеко от одной из соседних плантаций. Он сказал, что на следующий день нам обязательно удастся его убить, а ночью он и его друзья будут праздновать танец горилл.

"Этот Этиа был рабом мчаги. Его кожа, по выражению Ошупиа, напоминала кожу старого аллигатора - вся роговая и морщинистая; его левая рука была искалечена зубами гориллы; его лицо было до абсурда отвратительным и все же напоминало мне что-то, что я уже видел раньше. Долго ломая голову, я наконец вспомнил, что это была маска, которую мистер Райдер носил в образе Калибана в "Принцессе" и на которую так похожа Этия. В тот вечер я мог представить его не столько человеком, сколько чудовищем.

"В доме, отведенном для рабов, три старика с гротескно разрисованными мелом лицами играли на барабанах, гулком полене и однострунной арфе. Под них танцевала Этия, подражая непристойным движениям гориллы. Затем раздался звон железного колокола, призвавшего злого духа Омбуири, и хриплый хрип смешался с другими звуками. Танцоры с криками выбегали на арену и взмывали в воздух. Затем наступала пауза, нарушаемая лишь слабым медленным звоном арфы, потом бил барабан, и палочки звонко ударяли по бревну.

"В другом танце Калибан принимал различные позы, свойственные обезьянам. То он *сидел* на земле, расставив ноги, опираясь локтями на колени, опустив голову, и на лице его было пустое выражение зверя; иногда он складывал руки на лбу. Вдруг он поднимал голову с оттопыренными ушами и горящими глазами, а громкие аплодисменты доказывали, насколько это было естественно. В хоре все танцоры принимали подобные позы, а Этия, взобравшись по-обезьяньи на шест, поддерживающий крышу, возвышался над всеми.

"В третьем танце он имитировал гориллу, на которую напали и убили. Человек, неподражаемо игравший охотника, изображал ужас и нерешительность, прежде чем нажать на курок своего воображаемого ружья. Калибан, как горилла, бросился *на четвереньки* и замертво упал к ногам мужчины, пытавшегося схватить его одной рукой.

"Вы можете быть уверены, что ничто, кроме встречи с гориллой в ее диком состоянии, не могло бы вызвать у меня такого интереса или дать мне столь верную подсказку о реальных повадках животного. Ибо здесь не могло быть никакого обмана. Это было не развлечение, устроенное для моей пользы, а религиозный праздник, устроенный накануне предприятия".

Этот танец подводит нас к религии, или, скорее, суеверию, народа камма. Суеверие имеет свою положительную, гротескную и темную сторону, и вряд ли найдется народ, у которого эти три фазы выражены сильнее.

К положительной стороне относится, конечно, ценность суеверия как замены истинной религии - чувство, о котором дикарь никогда не имеет ни малейшего представления, и которое почти невозможно заставить его понять. Он часто очень доброжелательно относится к своему учителю, с удивительной готовностью подхватывает фразы, которые слышит, регулирует свою внешнюю жизнь в соответствии с полученными наставлениями; но очень, очень редко случается, чтобы какое-либо реальное убеждение коснулось его сердца; и, как только непосредственное влияние учителя исчезает, он возвращается к своему старому образу жизни. Мистер Рид приводит довольно яркий пример такой тенденции. Он встретил негритянку, направлявшуюся в церковь в сопровождении красивой маленькой девочки.

Обращаясь к ребенку, он спросил, является ли она дочерью этой женщины. Мать ответила утвердительно и на том же дыхании предложила продать ее. Такова была природа негритянки. В этот момент колокольчик остановился, и ее образование дало о себе знать. "Хей-гх!" - закричала она, - "вы не слышали, как остановился колокол? Я пошла. *После церкви* мы поболтаем, дашь мне много тире (*то есть* подарков), потом мы выпьем рому, потом ты возьмешь его (то *есть* девушку); вот и поболтаем".

Суеверия, таким образом, занимают место личной религии, и, несмотря на ужасающие эксцессы, в которые они вводят дикарей, они, во всяком случае, сохраняют перед ними идею духовного мира и внушают им, что существуют существа выше и больше, чем они сами. О том, что их суеверия, какими бы низменными и грубыми они ни были, все же способны внушить туземному разуму чувство почитания, свидетельствует крайнее нежелание этих людей произносить имя, которым они обозначают Великого Духа. Конечно, их представление о Боге очень несовершенно, но все же его достаточно, чтобы внушить им такой трепет, что их едва ли можно побудить произнести священное имя. Мистеру Риду довелось услышать его лишь дважды. Один раз, когда они попали в опасную бурю, мужчины вскинули руки и произнесли святое имя, словно это был какой-то великий талисман; а в другой раз, когда одного из мужчин неожиданно спросили, как туземцы называют Бога, он указал вверх и низким голосом произнес слово "Нджамби".

Церемонии, проводимые в полнолуние, неоднократно упоминались в ходе настоящей работы. Дю Шайю приводит рассказ об одной из таких церемоний в исполнении камма, который полезен тем, что показывает точную цель церемонии.

Однажды Кенгуэса сообщил, что он болен и что люди должны обратиться к Илого, духу луны, и спросить его, не заколдован ли он и как его вылечить. Соответственно, незадолго до полнолуния перед домом Квенгуэсы собралась толпа женщин, сопровождаемая барабанами и обычными шумными аксессуарами негритянского праздника. Они образовали полый круг и запели песни в честь Илого, хлопая в ладоши в унисон с ударами барабанов.

В центре круга сидела женщина, неподвижно глядя на луну и ожидая вдохновения. Две женщины безуспешно пытались встать в эту позу, но третья вскоре начала дрожать, ее

конечности судорожно заработали, затем закостенели, и наконец она бесчувственно упала на землю. Тогда песнопение Илого зазвучало с удвоенной энергией, певцы повторяли одни и те же слова снова и снова течение получаса, пока к распростертой женщине не стали возвращаться признаки чувствительности. Когда ее спросили, она сказала, что видела Илого и что он сказал ей, что король не околдован, но что его можно вылечить средством, приготовленным из определенного растения. Она выглядела совершенно потрясенной, и не только ее слушатели, но и она сама поверили в истинность ее странного заявления.

Как видно, Кенгуэса был почти так же суеверен, как и его подданные. Он никогда не вставал с места без своего любимого фетиша - маленького уродливого деревянного изображения, украшенного рядом из четырех священных коровьих вишен, прикрепленных к его животу. Эти каури не являются коренными жителями Западной Африки и, похоже, были привезены с восточного побережья континента. Когда бы он ни ел или пил, фетиш всегда составлял ему компанию, а перед едой он приветствовал его, проводя четырьмя священными каури над губами. Перед тем как выпить, он всегда выливал несколько капель на ноги изображения в качестве возлияния.

В путешествиях он любил брать с собой одного из своих знахарей, который мог отгонять дождь, дуя в свой волшебный рог. Доктор был настолько уверен в своих силах, что однажды не разрешил починить ветхую хижину, в которой они остановились на ночь. Случилось так, что посреди ночи разразился сильный ливень, который промочил всю компанию. Доктор, однако, ничуть не расстроился и сказал, что если бы он не дудел в рожок, дождь был бы гораздо сильнее. И все же его природная сила духа иногда давала о себе знать, и в один примечательный случай, когда оспа уничтожила множество людей, а оставшиеся в живых взывали о мести колдунам, напустившим на них болезнь, Квенгуэса запретил больше убивать. По его словам, оспа - это ветер, посланный Нджамби (произносится как Н'ямье), который и так уже убил достаточно людей.

Как и у большинства туземных вождей, у Квенгуэзы было свое суеверие. В его родном городе Гумби (или Нгумби, как его иногда пишут) была очень удобная и сухая тропа, ведущая от домов к реке. Однако Квенгеза никогда не пользовался этой тропинкой, а всегда высаживался или садился на отвратительный илистый берег, по которому нужно было бежать как можно быстрее, чтобы не утонуть в реке. Причина заключалась в том, что, когда он взошел на трон, ему сказали, что враг поселил на этом пути злого духа и что он умрет, если пойдет по нему. Этот дух был настолько силен, что было предпринято несколько безуспешных попыток прогнать его, и в конце концов Кенгуэса был вынужден послать за известным бакалайским волшебником по имени Аквилай. Это был тот самый человек, который упоминался на странице 502 как отец мальчика, прошедшего испытание раскаленным кольцом.

"Люди собрались в большом количестве под огромным *ангаром* или крытым помещением, в котором я был принят, и там зажгли костры, вокруг которых они сидели..... Около десяти часов, когда наступила кромешная тьма, доктор приступил к работе, спев несколько хвастливых песен о своей власти над ведьмами. Это послужило сигналом к тому, чтобы все люди собрались в своих домах и у своих костров под ангаром. Затем все костры были тщательно потушены, все огни потушены, и еще примерно через час во всем городе не было ни одного огонька, кроме моего. Я предупредил, что белые люди освобождаются от установленного в таких случаях правила, и это было разрешено. Повсюду царили кромешная тьма и полная тишина. Среди нескольких тысяч человек, собравшихся во мраке, не было слышно ни одного голоса, даже шепота.

"Наконец любопытную тишину нарушил доктор, который, стоя в центре города, начал что-то громко лепетать, смысла чего я не мог разобрать. Время от времени люди отвечали ему хором. Это продолжалось в течение часа и было действительно одной из самых странных сцен, в которых я когда-либо принимал участие. Голос знахаря звучал в тишине, а когда сквозь темноту доносились ответы множества голосов, это действительно напоминало серьезную, старомодную сцену заклинания.

"Наконец, уже за полночь, я услышал приближение доктора. На нем были колокольчики, которыми он звенел при ходьбе. Он заходил отдельно в каждую семью в городе и спрашивал, принадлежит ли им ведьма, преграждающая королевскую дорогу. Конечно же, все отвечали "нет". Тогда он стал бегать вверх и вниз по заколдованной улице, громко призывая ведьму уйти. Вскоре он вернулся и объявил, что больше не видит *анимбу* и что, несомненно, она ушла и больше никогда не вернется. Тогда все люди выбежали на улицу и закричали: "Уходи! Уходи! И никогда больше не возвращайся, чтобы причинить вред нашему королю". Затем зажгли костры и сели есть. После этого все костры снова погасли, и все люди пели дикие песни до четырех часов. Затем снова зажгли костры. На восходе солнца все жители собрались, чтобы сопровождать своего короля по страшной улице к воде.

"Я знал, что Кенгуэса был храбрым охотником и воином. Он также был умен во многих вещах, в которых его народ был очень глуп. Но бедный старый король теперь ужасно боялся. Его уверяли, что ведьма ушла, но он, очевидно, считал, что идет почти на верную смерть. Он бы отказался идти, если бы это было возможно. Он колебался, но в конце концов решил смириться со своей участью и мужественно прошел до реки и обратно под одобрительные возгласы своих верных подданных". Эту победу над суеверным страхом художник изобразил на 508-й странице.

На всей территории нашей страны существует множество подобных запретных суеверий. Например, когда женщина собирается стать матерью, и ей, и ее мужу запрещается встречаться с гориллой, так как все туземцы твердо уверены, что в этом случае ожидаемый ребенок будет детенышем гориллы, а не человеческим младенцем. Пить воду Рембо также запрещено, потому что тела казненных за колдовство разрубают и бросают в нее, и туземцы считают, что если они выпьют эту воду, то против своей воли станут колдунами. Однако, чтобы показать несостоятельность суеверий, существует обряд, о котором мы сейчас расскажем, и в котором главным действием является дегустация воды.

В Рембо есть остров, которого туземцы боятся больше всего. Он густо порос деревьями, и люди свято верят, что посреди этого острова живет огромный крокодил, покрытый медной чешуей. Этот крокодил - чародей, и от его заклинаний каждый, кто высаживается на остров, либо внезапно умирает, либо сходит с ума и бродит по нему, пока не умрет. Дю Шайю, конечно же, высадился и обошел остров в разных направлениях. Люди остолбенели от изумления, но даже факт его благополучного возвращения ничего не изменил в их вере, потому что он был белым, а великий чародей не имеет власти над белыми людьми.

Что касается фетишей, то их бесчисленное множество. Особенно много погодных фетишей, но, в отличие от амулетов южной Африки, они используются для защиты от дождя, а не для его получения. Один фетиш доставил нашему путешественнику немало хлопот. Он купил у мелкого вождя по имени Раболо небольшую заброшенную деревню и построил там новый дом. Дом был закончен, кроме веранды, но строители отказались работать дальше, так как наткнулись на большой фетиш здоровья, который Раболо поставил здесь, когда деревня только была построена. Они категорически отказались трогать его до прихода Раболо, и даже после его разрешения очень переживали из-за кажущегося осквернения.

Фетиш был хорошим примером таких предметов. В песках были зарыты два черепа - человека и шимпанзе, которые пользовались большой популярностью среди камма. Они были зарыты у подножия двух столбов, которые служили входом в деревню. Затем последовала посуда и битое стекло, потом еще несколько черепов шимпанзе, а пара деревянных идолов составила компанию составным частям амулета. Возле столбов был посажен священный вьюнок, который он покрыл своими ветвями, и туземцы верят, что пока вьюнок жив, до тех пор и фетиш сохраняет свою силу. Раболо очень гордился своим фетишем здоровья, ведь с тех пор, как он был установлен, в деревне никто не умирал. Но поскольку в деревне никогда не было больше пятнадцати жителей, низкий уровень смертности легко объясним.

Судя по их собственным рассказам, Камма, должно быть, очень неприятная страна. Она переполнена духами, но злых гораздо больше, чем добрых, и, согласно обычаю невежественных народов, камма больше всего почитают первых, потому что они могут причинить больше всего вреда.

В качестве примеров этих духов будут упомянуты три. Первый - добрый дух по имени Мбуири, который путешествует по стране и время от времени наведывается в деревни. Он взял под свою защиту город Аниамбия, который также имеет привилегию быть охраняемым злым духом равной силы, так что жители наслаждаются спокойствием, которое не часто можно встретить в стране Камма. Есть только один недостаток в спокойствии этого места, и это дух безумной женщины, которая при жизни жила за пределами деревни и продолжает возделывать свою плантацию, хотя и является духом. Она сохранила неприязнь к людям, и если ей удается застать мужчину одного, она хватает его и избивает до смерти.

Злой дух, охраняющий Аниамбиа, - очень злобное и озорное существо по имени Абамбу, которое живет в основном в местах захоронений и устраивает себе постель из скелетов. Чтобы умилостивить Абамбу, ему ежедневно делают подношения, состоящие исключительно из еды. Иногда камма готовят еду и раскладывают ее в укромных местах в лесу, где Абамбу обязательно ее найдет; а иногда они умилостивляют его подношениями подорожника, сахарного тростника и орехов. Молитва сопровождает подношение, и, как правило, она составлена в универсальной форме просьбы к духу-покровителю помочь Камме и уничтожить враждебные племена. Любопытно, что, когда свободный человек делает подношение Абамбу, он заворачивает его в листья, а рабы обязаны класть его на голую землю.

Фетишистские дома принадлежат Мбуири и Абамбу и расположены близко друг к другу. Это маленькие хижины, около шести футов в высоту и шести в ширину. В них нет никаких изображений, только огонь, который всегда горит, и сундук, на котором лежат священный мел и красные перья попугая.

В доме Абамбу обычно готовят постель, на которой он может отдохнуть, когда устанет ходить по деревне; и поскольку знахарь следит за тем, чтобы никто, кроме него самого, не открывал дверь хижины, жители деревни проходят мимо в благоговейном молчании, не зная, не спит ли в этот момент страшный Абамбу. Время от времени к нему обращаются публично, суть речей сводится к тому, что все вполне здоровы и совершенно счастливы, и надеются, что он не причинит им вреда.

Однако злой дух, которого больше всего боятся в этом племени, - это Овенгуа или вампир. Очень удивительно, что венгерское и сербское суеверие о вампире существует среди дикарей Западной Африки, а между тем оно во всех подробностях процветает на берегах Рембо.

Овенгуа не поклоняются, считается, что он не имеет власти над болезнями и не влияет на ход жизни человека. Он просто разрушительный демон, капризный и жестокий, убивающий без причины и беспрестанно блуждающий по лесам в поисках жертв. Днем он прячется в темных пещерах, чтобы путники не боялись его, а ночью выходит, принимает человеческий облик и забивает до смерти всех, кого встретит. Иногда, когда овенгуа наталкивается на тело вооруженных людей, они оказывают ему сопротивление и убивают тело, в котором он поселился.

Когда овенгуа убит таким образом, завоеватели разводят костер и сжигают тело, особенно следя за тем, чтобы не осталось ни одной кости, так как из костей делаются новые овенгуа. У туземцев есть любопытное представление о том, что если человек умирает от колдовства, то его тело разлагается до тех пор, пока кости не освободятся от плоти. Как только это происходит, они выходят из могилы одна за другой, выстраиваются в одну линию, а затем постепенно превращаются в нового Овенгуа. Некоторые места пользуются особым страхом как излюбленные места обитания этого ужасного демона, и ни взятки, ни угрозы, ни уговоры не могут побудить камму приблизиться к ним после наступления ночи. Вполне вероятно, что коварные и мстительные люди могут воспользоваться верой в вампира и, зародив антипатию к кому-либо, подкараулить и вероломно убить его, а затем свалить вину на Овенгуа.

Распространенность этого суеверия, возможно, объясняет большую часть жестокости, проявляемой к тем, кто подозревается в колдовстве: страх перед колдовством настолько непреодолим, что преодолевает все чувства гуманности и даже ожесточает сердце родителя против ребенка. Малейшее проявление неверия в такое обвинение сразу же побудит перепуганную толпу включить в обвинение обе стороны, и в результате, когда кого-либо подозревают в колдовстве, никто так громко и яростно не осуждает обвиняемого, как те, кто должен быть его естественным защитником.

Мистер К. Рид в своей книге "Дикари Африки" приводит пример жестокости, которую внушает ужас.

Мелкий вождь был болен в течение некоторого времени, и женщина была осуждена, по ее собственному признанию, за то, что околдовала его. Правда, признание было вырвано поркой, но этот факт ничего не изменил в сознании туземцев, которые также заставили ее обвинить своего сына, мальчика всего семи лет, в соучастии в преступлении. Это было сделано для того, чтобы он не вырос и не отомстил убийцам за смерть своей матери.

"Ребенок лежал на земле посреди них, на его руке виднелся след от тяжелой раны, а запястья были связаны куском ткани. Я никогда не забуду лицо этого ребенка. На нем было выражение стойкой выдержки, которая является одной из традиционных характеристик дикаря. Пока я там находился, один из мужчин держал перед его глазами топор - таково было представление этого грубияна о юморе. Ребенок смотрел на него, не выказывая ни искры эмоций. Некоторые, столь же бесстрашные перед смертью, проявили бы презрение, гнев или разыграли бы любопытство; но он был совершенным стоиком. Его глаза на мгновение вспыхнули при первом упоминании его имени, но лишь на мгновение. Он проявил такое же безразличие, когда услышал мольбу о своей жизни, как и тогда, когда за некоторое время до этого над ним насмехались, требуя его смерти".

Оба были убиты. Мать отправили в море на каноэ, зарубили топором, а затем выбросили за борт. Несчастного мальчика сожгли заживо, а к его ногам привязали мешочки с порохом, который, по словам одного из зрителей, "заставил его прыгать, как собаку". Когда его спросили, почему бедному мальчику была уготована такая жестокая смерть, в то время как мать подверглась сравнительно безболезненной смерти от топора, мужчина был поражен,

что кто-то должен проводить столь тонкое различие. По его мнению, смерть была смертью, как бы ее ни причиняли, и, поскольку корчи истязаемого ребенка забавляли зрителей, он не понимал, почему они должны лишать себя этого удовольствия.

"Это хорошо объясняет жестокость негра: это жестокость мальчика, который крутит петушиный хвост на булавке; это жестокость невежества. Крутящийся петушок и мальчик, прыгающий как собака, - смехотворные зрелища для тех, кто не обладает чувством сострадания. Как бесполезно обращаться к таким людям с логикой разума, религии и человечности! Подобные суеверия могут быть подавлены только законами, такими же безжалостными, как и они сами".

Тот же автор приводит еще один любопытный пример отсутствия чувств. Иногда сын, который по-настоящему любит свою мать, думает, что она стареет, становится все более немощной и не может ему помочь. Тогда он убивает ее, думая, что она будет более полезна него в виде духа, чем в телесном облике, и, прежде чем отправить ее в мир иной, поручает ей передать послания его друзьям и родственникам, которые умерли. Камма не считают, что после смерти они отрезаны даже от осязаемого общения с друзьями. "Умершие люди, - говорит один из мужчин, - когда им надоедает оставаться в кустах (*т.е.* на месте захоронения), приходят за тем, кто им нравится. И один призрак скажет: "Я устал жить в кустах; пожалуйста, постройте для меня маленький домик в городе, недалеко от вашего дома". Он велит мужчине танцевать и петь; и тогда мужчины по ночам зовут множество женщин, чтобы те танцевали и пели".

В соответствии с его просьбой люди строят миниатюрную хижину для неугомонного духа, затем идут на могилу и делают идола. Затем они берут бамбуковый каркас, на котором тело несли в кусты и который всегда оставляют на месте, кладут на него немного пыли из могилы и несут в хижину, дверь которой закрывают белой тканью.

Среди камма, как и среди многих диких племен, существует церемония посвящения в определенные тайны, через которую должны пройти все, прежде чем их признают мужчинами и женщинами. Эти церемонии хранятся в глубокой тайне от непосвященных, но мистеру Риду удалось получить от одного из своих людей некоторую информацию по этому вопросу.

При представлении новичка его отводят в дом фетишей, раздевают, подвергают жестокой порке, а затем обмазывают козьим навозом, причем церемония сопровождается музыкой. Затем его подводят к ширме, из-за которой доносится странный и нечленораздельный звук, предположительно издаваемый духом по имени Укук. Однако, по-видимому, существует молчаливое понимание того, что дух должен присутствовать только в заместительном смысле, поскольку чернокожий информатор не только сказал, что звук издает фетишист, но и показал инструмент, с помощью которого он его издает. Это был своего рода свисток, сделанный из выдолбленного мангрового дерева и закрытый с одного конца кусочком крыла летучей мыши.

В течение пяти дней после посвящения носят фартук, сделанный из сухих пальмовых листьев. Эти церемонии не ограничиваются определенным временем года, но, похоже, проводятся всякий раз, когда несколько кандидатов готовы к посвящению. Мистер Рид несколько раз видел парней в мистическом фартуке, но не знал его значения, пока Монгиломба не выдал секреты ложи. Этот же человек сообщил некоторые сведения о посвящении женщин. Однако он был очень немногословен в этом вопросе, отчасти, возможно, потому, что женщины хранили свой секрет в тайне, а отчасти потому, что боялся,

как бы они не узнали, что он выступил в роли шпиона, и не отомстили за оскорбленные обряды, устроив погром и избив его.

Некоторые из церемоний не скрываются очень тщательно, их проводят под открытым небом. Музыку берут в руки пожилые женщины, называемые нжемби, которые начинают работу с того, что идут в лес и расчищают место. Затем они возвращаются в деревню и строят священную хижину, в которую не разрешается входить мужчинам. Послушницу, или Игонджи, ведут на расчищенное место - кстати, это должно быть место, которое она никогда раньше не посещала, - и там она занимает место у костра, за которым внимательно следит председательствующий Нгемби, и никогда не позволяет ему погаснуть. В течение двух дней и ночей Нгемби сидит у огня, подкармливая его палочками и непрерывно повторяя: "Огонь никогда не погаснет". На третий день послушника натирают черным, белым и красным мелом и ведут в священную хижину, где совершаются неизвестные церемонии, мужчины окружают ее и бьют в барабаны, а находящийся внутри послушник непрерывно отвечает им криком: "Оканда! йо! йо! йо! йо!", который, как замечает мистер Рид, напоминает "Эвоэ!" древних вакхантов.

Дух Укук появляется на свет только в таких случаях. В остальное время он живет глубоко под поверхностью земли в своей темной пещере, которую как нельзя лучше имитирует священная хижина, густо покрытая листьями, так что ни один луч света не может проникнуть внутрь. Когда он входит в хижину, то дует в волшебный свисток, и, услышав звук, все посвященные уходят в дом. Поскольку этих духов так боятся, вполне естественно, что туземцы стараются изгнать их из каждого места, где они поселились.

Для некоторых духов излюбленным местом является тело человека, который таким образом заболевает и умирает, если дух не будет изгнан из него. Камма верят, что злые духи не выносят шума, особенно ударов в барабаны, поэтому по призыву фетишиста они собираются вокруг больного, бьют в барабаны и чайники у его головы, поют, танцуют и кричат изо всех сил. Этот шум продолжается до тех пор, пока пациент не умрет, как и следовало ожидать, или не поправится, несмотря на шум. Люди, помогающие в операции, делают это с особой энергией, поскольку по странному стечению обстоятельств именно то, что вызывает отвращение у злого духа, - танцы, пение, битье в барабан и вообще шум - как раз и доставляет ему удовольствие, а значит, их обязанности и наклонности счастливо совпадают.

Иногда демон поселяется в деревне, и тогда приходится проделать огромную работу, прежде чем его удается уговорить выйти на улицу. Фетишиста привозят издалека - чем дальше, тем лучше - и сразу же приступают к работе. Первым делом он раскрашивает и украшает себя, причем делает это так, чтобы выглядеть как можно более демонически. Один из таких людей, по имени Дамагондай, которого видел Дю Шайю, превратил себя в ужасный объект. Художник изобразил это странное существо на 517-й странице. Его лицо было выбелено мелом, с каждой стороны рта был нарисован красный круг, полоса того же цвета окружала каждый глаз, а другая проходила ото лба до кончика носа. От плеч до запястий была нарисована белая полоса, а одна рука была полностью выбелена. На голове у него был высокий плюмаж из черных перьев, на теле висели полоски из шкуры леопарда и разнообразные амулеты, а к шее была подвешена маленькая шкатулка, в которой он держал несколько знакомых духов. Его талию опоясывала цепочка маленьких колокольчиков.

Эта жуткая фигура сидела на табурете перед другой шкатулкой, наполненной чарами, а на шкатулке стояло волшебное зеркало. Если бы маг был привезен из внутренних районов страны, подальше от реки, по которой проходит все движение, он не мог бы обладать таким предметом, как зеркало, и вместо него использовал бы чашу с водой. Возле зеркала лежал

священный рог, наполненный порошком для фетиша, и погремушка со змеиными костями. Рядом с ним стоял его помощник, который двумя палками колотил по доске.

После того как заклинания продолжались некоторое время, волшебник приказал назвать имена всех жителей деревни и, выкрикивая каждое имя, смотрелся в зеркало. Однако в конце концов он решил, что злой дух не живет ни в ком из жителей, а поселился в деревне, которую он хочет видеть сам, и что он очень рассердится, если кто-нибудь попытается разделить его с ним.

Дю Шайю понял, что это коварное нападение на него, ведь он только что построил в деревне несколько удобных домов. На следующее утро жители начали покидать это место. Они унесли свое имущество, снесли дома, и к вечеру в деревне не осталось ни одного жителя, кроме белого человека и двух его помощников, которые были в большом ужасе и хотели последовать за остальными. Даже вождь был вынужден уйти и, принеся много извинений своему гостю, построил новый дом за пределами опустевшей деревни. Не желая расставаться с домами, которые стоили столько времени и хлопот, Дю Шайю пытался уговорить туземцев восстановить хижины, но даже табак не смог преодолеть их страх перед злым духом. Однако в конце концов некоторые смельчаки попробовали провести эксперимент, и постепенно на месте разрушенной деревни возникла новая.

Тот самый маг, который проводил вышеупомянутую церемонию, был отъявленным мошенником и, похоже, сумел обмануть как себя, так и своих соплеменников. Он до абсурда боялся темноты и с наступлением ночи всегда начинал пугаться, причитая и проклиная всех колдунов, ведьм и злых духов, причитая, что кто-то пытается его околдовать, и в конце концов доводил себя до такого возбуждения, что жителям деревни приходилось выходить из своих хижин и начинать танцевать и петь.

Возможно, этот самообман был невольным, но Дамагондай сознательно обманывал людей в своих целях. В своем двойном качестве - вождя и фетишиста - он распоряжался деревенскими идолами. У него был свой идол, очень сильный, с медными глазами и высунутым языком в виде меча. Глазами она видела грядущие события, а языком предсказывала будущее и разрубала на куски врагов народа Дамагондай. М. дю Шайю хотел приобрести эту идолицу, но ее владелец отказался продавать ее. Однако он намекнул, что за хорошую цену можно купить богиню рабов. Соответственно, сделка была заключена, идол был вынесен из хижины, упакован и унесен покупателем, пока рабы были на работе. Дамагондай долго думал, что ответить рабам, когда они вернутся домой и обнаружат, что их идол пуст, но в конце концов решил сказать им, что видел, как богиня покинула свой дом и ушла в лес. Идол, о котором шла речь, был нелепым на вид предметом, чем-то похожим на компромисс между одной из фигурок из "Ноева ковчега" и голландской деревянной куклой.

Как бы ни были разнообразны все эти суеверия, есть одна точка, в которой они сходятся, а именно - страшное испытание мбунду, которому подвергаются все, кого обвиняют в колдовстве. Мбаунду - дерево, принадлежащее к той же группе, что и стрихнин, и родственное не менее знаменитой "виноградной лозе", из которой индейцы макоуши готовят яд вурали. Из корня мбунду готовят напиток, который обладает как опьяняющим, так и ядовитым свойством и используется в двух целях, одна из которых - испытание, а другая - средство для гадания.

Знахари в значительной степени объясняют свою значимость способностью пить мбунду без вреда для здоровья; находясь в состоянии опьянения, они произносят более или менее бессвязные фразы, которые воспринимаются как откровения конкретного духа, с которым консультируются. Приготовление отравленного напитка происходит следующим образом:

определенное количество корня измельчают и кладут в миску вместе с пинтой воды. Через минуту или около того происходит легкое брожение, и вода наполняется маленькими пузырьками, как в шампанском или других игристых винах. Когда это утихнет, вода приобретет бледный красноватый оттенок, и приготовление будет завершено. Вкус у него очень горький.

Эффекты mboundou сильно различаются у разных людей. Был один старый закоренелый колдун по имени Оланга, который пользовался большим уважением среди своего народа за то, что мог пить мбунду в больших количествах и без какого-либо постоянного эффекта. Вполне вероятно, что у него могло быть противоядие, и он готовился к этому заранее, или же его телосложение было исключительно крепким, и он мог безнаказанно принять дозу, которая убила бы более слабого человека. Оланга постоянно пил мбунду, используя ее главным образом как средство для гадания. Если, например, человек заболевал, его друзья отправлялись к Оланге и просили его выпить мбаунду и узнать, не был ли человек заколдован. На иллюстрации № 2 на следующей странице изображена такая сцена. Как только он выпил яд, мужчины уселись вокруг него, били палками по земле и выкрикивали формулу

"Если он колдун, пусть его убьет мунду.

"Если нет, пусть мбаунду уйдет".

Примерно через пять минут проявились симптомы опьянения. Старик начал пошатываться, его речь стала густой, глаза налились кровью, конечности конвульсивно тряслись, и он начал говорить бессвязно. Настало время задавать ему вопросы, и, соответственно, было задано несколько вопросов, на некоторые из которых он ответил: но вскоре он слишком сильно опьянел, чтобы понять, а тем более ответить на заданные ему вопросы. Тогда наступил сон, и менее чем через полчаса Оланга начал приходить в себя.

Однако на большинство людей он оказывает другое, смертельное воздействие, и М. дю Шайю упоминает, что видел, как люди падали замертво в течение пяти минут после употребления mboundou, кровь вытекала изо рта, глаз и носа.

Очень редко кому, кроме профессионального знахаря, удается избежать смерти после употребления мбунду. В основном отсутствуют специфические симптомы, свидетельствующие о выведении яда из организма, и в этом случае зрители ускоряют работу смерти своими ножами. Иногда пьющие выздоравливают от действия яда, но с окончательно подорванной конституцией; а в некоторых случаях им удается избежать смерти вообще. Дю Шайю был свидетелем такого случая. Трех молодых людей, обвиненных в колдовстве, приговорили, как обычно, выпить мбунду. Они выпили его и смело стояли на своем, окруженные кричащей толпой, вооруженной топорами, копьями и ножами, готовые обрушиться на несчастных жертв, если те покажут, что выпитый напиток окажется смертельным. Однако им удалось удержаться на ногах, пока действие яда не прошло, и их признали невиновными. По обычаю, знахарь, приготовивший дратву, завершал церемонию, сам принимая чашу, и, находясь в стадии опьянения, радовал сердца людей, говоря, что волшебники не принадлежат к их деревне, а пришли издалека.

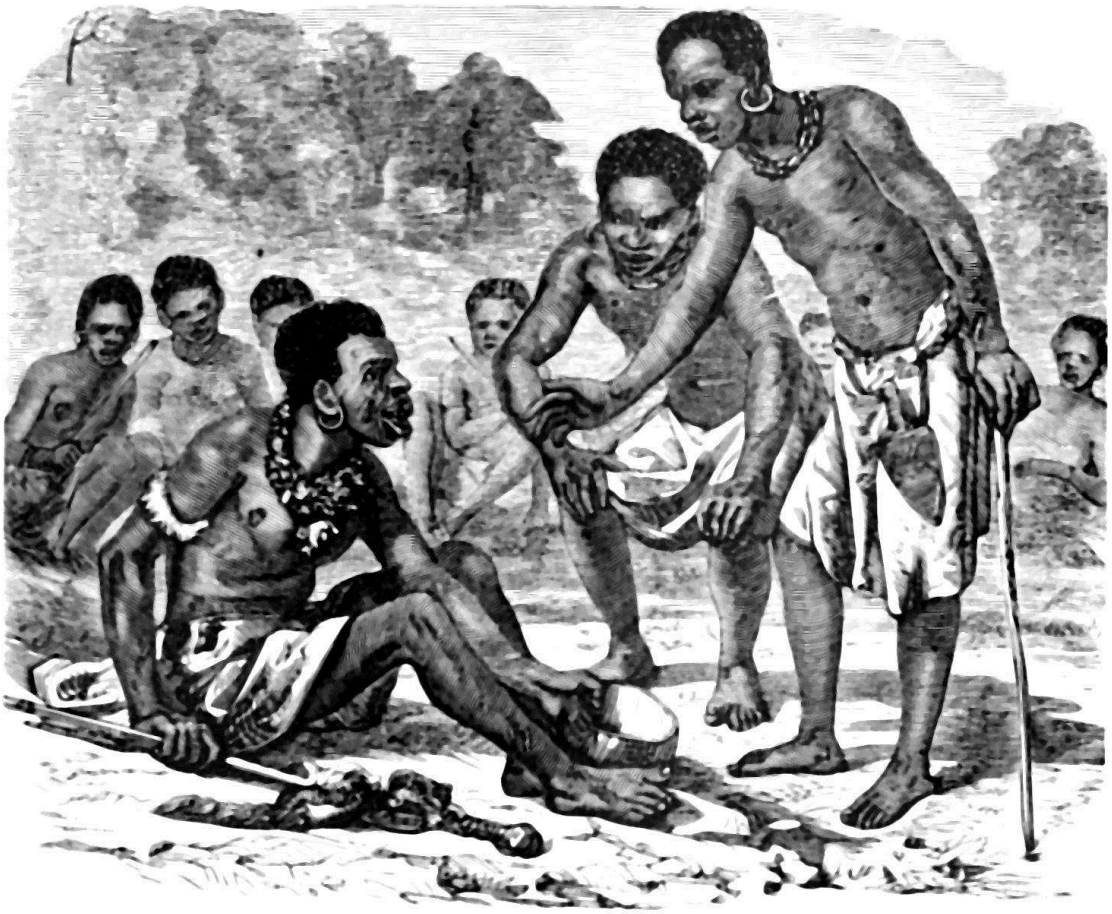
Очевидно, что те, кто готовит mboundou, могут сделать напиток сильнее или слабее, в зависимости от своего каприза, и действительно, говорят, что, когда кто-либо из тех, кого лично недолюбливают, должен выпить яд, это всегда оказывается смертельным. Обвиняемым не разрешается следить за тем, чтобы яд был приготовлен правильно, но им разрешается прислать для этого двух друзей.

Однажды Дю Шайю стал свидетелем ужасной сцены. Умер вождь по имени Мпомо, и люди были в неистовстве по этому поводу. Они не могли поверить, что молодой и сильный мужчина может быть охвачен болезнью и умереть, если только его не околдовали, и тогда издалека привезли могущественного доктора и принялись за работу. В течение двух дней врач совершал ряд обрядов, подобных тем, что описаны на странице 515, чтобы изгнать злых духов, и наконец объявил, что собирается назвать имена волшебников. Дальнейшее следует излагать словами самого рассказчика: "Наконец, на третье утро он объявил, что собирается назвать волшебников.

"Наконец, на третье утро, когда возбуждение людей достигло своего апогея - когда стар и млад, мужчины и женщины, неистовствовали от желания отомстить колдунам, - доктор собрал их вокруг себя в центре города и начал свое последнее заклинание, которое должно было раскрыть имена колдунов-убийц.

"Все мужчины и мальчики были вооружены: одни - копьями, другие - мечами, третьи - ружьями и топорами; на каждом лице читалась решимость отомстить тем, на кого укажут как на преступников. Весь город был охвачен неописуемой яростью и ужасной жаждой человеческой крови. Впервые в Гумби я обнаружил, что мой голос не имеет авторитета. Меня даже не выслушали. То, что я говорил, проходило мимо, как будто никто и не говорил. В качестве последней угрозы, когда я увидел, что началось разбирательство, я сказал, что заставлю Квенгуэсу наказать их за убийства, которые они совершили в его отсутствие. Но, увы, здесь они меня перехитрили. В день смерти Мпомоса они тайно послали к Кенгуэсе спросить, можно ли им убить ведьм. Он, бедняга, сам больной и всегда боявшийся силы колдунов, да еще без меня, чтобы посоветовать ему, сразу же послал весточку, чтобы я убил их всех без пощады. Так что они чуть не рассмеялись мне в лицо.

(1.) ИЗГНАНИЕ ДЕМОНА.
(См. с. 515.)



(2.) ОЛАНГА ПЬЕТ МБУНДУ.
(См. с. 516.)

"Убедившись, что все мои старания тщетны и что дело кровопролития будет доведено до ужасного конца, я решил, по крайней мере, посмотреть, как все будет происходить. По движению доктора люди сразу же затихли. Это внезапное молчание длилось около минуты, когда раздался громкий, резкий голос доктора: "Есть очень черная женщина, которая живет в доме", - и он полностью описал его, указав местоположение, - "она околдовала Мпомо". Едва он закончил, как толпа, ревя и крича, словно множество отвратительных зверей, бросилась к указанному месту. Они схватили бедную девушку по имени Окандага, сестру моего хорошего друга и проводника Адумы. Размахивая оружием над ее головой, они понесли ее к воде. Там ее быстро связали веревками, а затем все снова бросились к врачу.

"Когда бедная Окандага проходила мимо в руках своих убийц, она увидела меня, хотя я думал, что скрылся из виду. Я отвернулся и молился, чтобы она меня не увидела. Я не мог ей помочь. Но вскоре я услышал ее крик: "Чалли, Чалли, не дай мне умереть!

"Это был момент ужасной агонии для меня. На минуту у меня возникло желание броситься в толпу и попытаться спасти бедную жертву. Но это не принесло бы ни малейшей пользы; люди были слишком неистовы и безумны, чтобы даже заметить мое присутствие. Я бы только пожертвовал своей жизнью, не оказав ей помощи. Поэтому я отвернулся в угол за деревом и, признаюсь, пролил горькие слезы от своего бессилия.

"Вскоре в толпе снова воцарилась тишина. И тут над городом снова раздался суровый голос дьявольского доктора. Он показался мне похожим на хриплое карканье ворона, несущего смерть. В одном доме живет старуха, - описывая его, - она заколдовала Мпомо".

"И снова толпа бросилась бежать. На этот раз они схватили племянницу короля Квенгуэсы, благородную сердцем и довольно величественную старуху. Когда они столпились вокруг нее с горящими глазами и угрозами смерти, она гордо поднялась с земли, непоколебимо посмотрела им в лицо и, приказав убрать руки, сказала: "Я выпью мбаунду; но горе моим обвинителям, если я не умру". Затем ее тоже повели к реке, но уже без оков. Она покорилась всем, не проронив ни слезинки, ни ропота о пощаде.

И снова, в третий раз, страшная тишина опустилась на город, и раздался голос доктора: "Есть одна женщина с шестью детьми. Она живет на плантации в сторону восходящего солнца. Она тоже околдовала Мпомо". Снова раздался яростный крик, и через несколько минут к реке привели одну из рабынь Квенгуэсы - хорошую и уважаемую женщину, которую я тоже знал.

"Вместе с толпой подошел доктор. Громким голосом он перечислил преступления, в которых обвинялись эти женщины. Первая из них, Окандага, по его словам, за несколько недель до этого попросила у Мпомо немного соли, поскольку он был ее родственником. Соли было мало, и он отказал ей. Тогда она наговорила ему неприятных слов и с помощью колдовства лишила его жизни.

"Затем обвинили племянницу Квенгуэсы. Она была бесплодна, а у Мпомо были дети. Она завидовала ему. Поэтому она околдовала его.

"Рабыня Кенгуэсы попросила у Мпомо зазеркалье. Он отказал ей. Поэтому она убила его колдовством".

"По мере прочтения каждого обвинения люди разражались проклятиями. Даже родственники несчастных жертв были вынуждены присоединиться к ним. Каждый соперничал в проклятиях со своим соседом, опасаясь, как бы его не постигла та же участь, что и его самого.

"Затем жертв посадили в большое каноэ, в котором находились палачи, врач и еще несколько человек, все вооруженные. Затем там-тамы были избиты, и соответствующие лица приготовили мбунду. Куаби, старший брат Мпомо, держал отравленную чашу. При виде его бедный Окандага снова заплакал, и даже племянница Квенгуэсы побледнела - ведь даже лицо негра в такие моменты имеет бледность, которая весьма ощутима. Три других каноэ окружали то, в котором находились жертвы. Все они были заполнены вооруженными людьми. Затем кружку с мбунду передали старой рабыне, затем королевской племяннице, а последним - Окандаге. Пока они пили, толпа кричала: "Если это ведьмы, пусть мбаунду убьет их; если они невиновны, пусть мбаунду выйдет".

"Это была самая захватывающая сцена в моей жизни. Хотя ужас почти заморозил мою кровь, мои глаза были прикованы к этому зрелищу. Наступила мертвая тишина. Внезапно рабыня упала. Не успела она коснуться дна лодки, как ее голова была отрублена дюжиной грубых мечей.

"Следом упала племянница Кенгуэсы. В одно мгновение ей отрубили голову, и кровь окрасила воды реки. Тем временем бедная Окандага пошатывалась, боролась и плакала, тщетно сопротивляясь действию яда в организме. Наконец она тоже упала, и в одно мгновение ей отрубили голову. Затем все пришло в замешательство. Началась почти

беспорядочная рубка, и в невероятно короткий промежуток времени тела были разрезаны на мелкие кусочки, которые бросили в реку.

"Когда это было сделано, толпа разошлась по домам, и весь остаток дня в городе царила тишина. Некоторые из этих грубых людей чувствовали, что их число в уже почти истребленном племени становится все меньше, и страх смерти наполнял их сердца. Вечером бедный Адума тайно пришел ко мне в дом, чтобы разгрузить свое скорбное сердце. Он тоже был вынужден принять участие в этой ужасной сцене. Он даже не осмелился присоединиться к проклятиям, сыпавшимся на его бедную сестру. Он не посмел публично оплакивать ту, кого считали столь великой преступницей".

Церемонии, сопровождающие смерть членов племени камма, поистине удивительны. Как только конец мужчины становится очевидным, его родственники начинают оплакивать его, а главная жена, бросившись на кровать и обхватив руками фигуру умирающего мужа, изливает свои причитания, сопровождаемые слезами и криками жителей деревни, собравшихся вокруг дома. Остальные жены по очереди возглавляют причитания, а после его смерти оплакивают его самым жалким образом. Эти жалкие причитания отчасти вызваны настоящей скорбью, но несомненно, что они также вызваны страхом перед тем, что любую, кто не присоединится к трауру, обвинят в том, что она околдовала мужа до смерти.

В течение нескольких дней они сидят на земле, покрытые пеплом, головы их обриты, а одежда изорвана в лохмотья; когда тело больше не может находиться в этом месте, родственники относят его на кладбище, которое обычно находится на некотором расстоянии вниз по реке. Например, кладбище Гумби находилось почти в пятидесяти милях от этого места. Могилу не копают, но тело кладут на землю и окружают различными ценностями, которые принадлежали покойнику при жизни. Трупы вождей или старост помещают в грубые ящики, но трупы простых людей никак не защищают.

Траур продолжается не менее года, а если покойник занимал высокое положение, то иногда и два года, в течение которых все племя носит свою худшую одежду и старается быть очень грязным, а вдовы сохраняют бритую голову и пепел и остаются в полном уединении. По истечении назначенного времени проводится церемония под названием Бола-ивога, во время которой траур прекращается, и люди возвращаются к своей обычной одежде.

Одну из таких церемоний видел Дю Шайю. Покойный был довольно богатым человеком, оставив после себя семь жен, дом, плантацию, рабов и прочее имущество, которое, согласно обычаю, унаследовал его старший брат, на которого возлагалась обязанность устроить праздник. За несколько дней до этого были проведены большие приготовления: в деревню привезли большое количество пальмового вина, заготовили несколько каноэ сушеной рыбы, приготовили всю лучшую одежду в деревне, собрали все барабаны, чайники и все, что могло издавать шум при ударах.

В радостное утро вдовы начинают церемонию с того, что съедают волшебную кашу, приготовленную знахарем, после чего официально освобождаются от своего вдовства. Затем они сбрасывают с себя порванную и испачканную одежду, смывают пепел, которым так долго были покрыты их тела, и облачаются в свои лучшие одежды, покрывая запястья и лодыжки железными и медными украшениями.

Пока они украшают свои лица, остальные люди располагаются небольшими группами перед домами, и каждой группе дается огромный кувшин пальмового вина. По сигналу начинается пьянка, которая продолжается без перерыва около двадцати четырех часов, в течение которых с неистовой энергией продолжаются танцы, пение и битье в барабаны. На

следующее утро наступает заключительная церемония. Большая толпа мужчин, вооруженных топорами, окружает дом, в котором раньше жил покойный, и по сигналу наследника сразу же бросается на него, и через несколько минут от него остается лишь груда осколков. Их складывают в кучу и сжигают, а когда пламя угасает, церемония заканчивается, и наследник считается вступившим во владение имуществом.

Есть один или два разных обычая народа камма, которые заслуживают краткого упоминания. Они, похоже, довольно ссорятся между собой, а когда вступают в драку, используют самую грозную дубину. Это оружие сделано из тяжелого и твердого дерева и имеет почти семь футов в длину. Толстый конец глубоко зазубрен, и удар "тонго", как его называют, может размозжить череп европейцу. Однако коренной африканец выдерживает сильные удары без особого вреда для здоровья; и хотя каждый тонго будет покрыт кровью и шерстью, кажется, что сражающиеся не получили серьезных травм.

Во время боя они осыпают своих противников всеми оскорбительными эпитетами, которые только могут придумать: "У твоего вождя нога слона", - кричит один; "Хо! У его старшего брата шея дикого быка", - кричит второй; "Хо! У тебя нет еды в твоей деревне", - кричит третий; и, по словам рассказчика, слова, похоже, действительно наносят больше вреда, чем удары.

Когда каноэ отправляется в дальний путь, проводится любопытная церемония. Каждый мужчина опускает весло в воду, шлепает им по поверхности, поднимает в воздух и позволяет одной капле воды попасть себе в рот. После бурного пения, криков и шуток они садятся за работу и продолжают упорно грести в течение нескольких часов. Когда вождь расстается с гостем, он берет руки своего друга в свои, дует в них и торжественно вызывает духов предков, призывая их позаботиться об уходящем госте.

ГЛАВА L.
ШЕКИАНИ И МПОНГВЕ.

МЕСТНОСТЬ ШЕКИАНИ - ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ - УМЕНИЕ ОХОТИТЬСЯ - АРХИТЕКТУРА ШЕКИАНИ - ЛЕЧЕНИЕ - ТУЗЕМНЫЕ КОЛДУНЫ - СУДЬБА ВОЛШЕБНИКА - ЖЕРТВА СУЕВЕРИЯ - ЛЕЧЕНИЕ ОДЕРЖИМЫХ - МЕСТНОСТЬ МПОНГВЕ - ТУЗЕМНЫЕ МОДЫ - ТРАУР МПОНГВЕ - ЗНАНИЕ ЯЗЫКОВ - УДАЧЛИВЫЙ ТОРГОВЕЦ И ЕГО СВЯЗИ - СМЕРТЬ МОНАРХА И ИЗБРАНИЕ НОВОГО КОРОЛЯ - КОРОНАЦИЯ МПОНГВЕ - СТАРЫЙ КОРОЛЬ ГЛАСС И ЕГО ХАРАКТЕР - ЕГО БОЛЕЗНЬ, СМЕРТЬ, ПОГРЕБЕНИЕ И ПРЕЕМНИК.

На западном побережье Африки, между реками Муни и Габун, на значительном пространстве разбросаны многочисленные деревни племени шекиани или чекиани. Шекиани делятся на многочисленные подплемена, которые говорят на одном языке, но называют себя разными именами, например мбондемо, мбуша, мбичо и т. д. Каждое из этих меньших племен снова подразделяется на кланы или семьи, каждая из которых имеет своего главу.

Форма правления очень проста и едва ли заслуживает такого названия, ведь хотя вожди различных племен часто называются королями, их титулы - лишь пустые почести, а их власть признается лишь частично даже главами кланов. Короли, действительно, мало чем отличаются от своих так называемых подданных: дома у них одинаковые, а образ жизни мало

чем отличается. Тем не менее, их уважают как советников, и в случае затруднений несколько слов одного из них часто разрешают спор, грозящий стать опасным.

Благодаря близости к побережью шекиани являются крупными торговцами и, в результате контакта с белым человеком, представляют собой любопытную смесь дикости и цивилизации, причем последняя видоизменяется различными забавными способами. Возьмем, к примеру, способ обращения с огнестрельным оружием у шекиан. Когда они отправляются на охоту на слона ради его бивней, то всегда вооружаются торговыми ружьями, за которые платят семь шиллингов и шесть пенсов. Качество этого оружия можно легко представить, и просто удивительно, как бирмингемский производитель умудряется за такую небольшую сумму изготовить ружье, которое заслуживает этого названия.

Конечно, оно сделано в соответствии с представлениями туземцев, а потому очень большое и тяжелое, и негр с презрением отвергает маленькое и легкое оружие, которое могло бы стоить тридцать или сорок фунтов. Кроме того, пружина замка обладает огромной силой, а молоток и сковорода - пропорциональными размерами. Конечно, при всей некачественности материала, оружие действительно представляет собой замечательную вещь, и при правильном обращении способно сослужить хорошую службу. Но негр никогда не обращается с оружием аккуратно. Когда он взводит мушкет, то откидывает молоток рывком, который мог бы сломать хрупкий замок; когда он хочет отнести домой убитую дичь, то подвешивает ее к дулу и перекидывает через плечо, а когда едет, то позволяет ей биться о деревья, нисколько не заботясь о прямоте ствола.

Но больше всего он отличается при заряжании оружия. Сначала он насыпает в ствол произвольное количество пороха и набрасывает на него пучок сухой травы. На траву ложатся несколько пуль или кусочков железа, затем еще трава. Затем снова порох, трава и железо, как и прежде; и только после этого негр льстит себе, что зарядил свой мушкет. То, что при таком способе заряжания ружье должно разорваться, неудивительно, и вообще удивительно, что из него можно стрелять, не разлетаясь на куски. Но негр настаивает на том, чтобы иметь большое ружье, с большим запасом пороха и дроби, и ему нет никакого дела до оружия, если оно не выстрелит с грохотом, как маленькая пушка, и не будет иметь отдачи, которая почти вывихивает плечо.

Шекиани среднего размера, не очень темного цвета, а по характеру склонны к ссорам, вспыльчивы, мстительны и совершенно не заботятся о том, чтобы причинить смерть или боль. Из-за своих неустроенных привычек они плохие земледельцы, оставляя все заботы о земле женщинам. Их способ создания плантации очень прост. Выбрав подходящее место, они начинают расчищать его по очень примитивной схеме. Мужчины взбираются на деревья на высоту примерно десяти или двенадцати футов, как раз там, где сужается ствол, поддерживая себя гибкой лозой, обмотанной вокруг дерева и их талии. Затем они рубят древесину и ловко соскальзывают на землю как раз в тот момент, когда верхняя часть дерева падает. Затем стволы и ветки собираются вместе до окончания сухого сезона, когда вся эта масса поджигается, а на очищенной от деревьев и хвороста земле женщины сажают маниок, подорожник и маис.

Их деревни построены по одному образцу. Дома длиной около двенадцати или пятнадцати футов и шириной восемь или десять, они расположены в два ряда, образуя длинную улицу. В домах нет окон и только одна дверь, которая открывается на улицу. Ночью открытые концы улицы забаррикадированы, и видно, что каждая деревня таким образом превращается в крепость, почти неприступную для нападения туземных воинов. Чтобы усилить прочность своей позиции, они располагают свои деревни на гребнях холмов и, по возможности, строят

их среди терновых зарослей, чтобы в случае нападения враг подвергался их ударам, прокладывая себе путь через терновник. Когда такой естественной защиты нет, они довольствуются тем, что загораживают подходы срезанными ветками терновника.

Дома строят из так называемых бамбуковых жердей, которые втыкают в землю и скрепляют между собой веревками из лозы. Внутри они разделены как минимум на две квартиры, одна из которых является комнатой для еды, а другая - для сна. Каждая жена шекиани имеет отдельную квартиру с собственной дверью, так что количество жен можно определить по числу дверей, выходящих из гостиной. Несмотря на то, что их дома сделаны с определенной тщательностью, шекиани постоянно покидают свои деревни под каким-нибудь абсурдным предлогом, обычно суеверного характера, и во время своих путешествий к другому месту они разбивают временные лагеря в лесу, их грубые хижины состоят из четырех палок, воткнутых в землю, связанных вместе сверху, а затем покрытых листьями.

Уже упоминалось, что шекиани легкомысленно относятся к пыткам. Однажды М. дю Шайю гостил у одного из так называемых шекианских "королей" по имени Нджамбаи; он услышал ужасные крики, и ему спокойно сказали, что король всего лишь наказывает одну из своих жен. Он побежал на место и обнаружил там женщину, привязанную за талию к крепкому колу, а за ноги - к кольям поменьше. Вокруг ее шеи, талии, запястий и лодыжек были привязаны шнуры, которые медленно скручивали палками, разрезая плоть и причиняя самые страшные мучения. Король был весьма недоволен тем, что его забавы прервали, но, когда его гость пригрозил, что немедленно уйдет, если женщина не будет освобождена, он преподнес жертву в дар ее заступнику. Шнуры были так туго завязаны и перекручены, что их невозможно было развязать, а когда их разрезали, оказалось, что они глубоко вошли в плоть.

Тот же путешественник рассказывает о жестоком обращении шекиани с несчастным человеком, которого обвинили в колдовстве. Это был старик, принадлежавший к племени мбуша, и предполагалось, что он околдовал человека, который недавно умер.

"Однажды я случайно услышал, что некий человек был задержан по обвинению в причинении смерти одному из главных людей деревни. Я пошел к Дайоко и спросил его об этом. Он сказал, что да, этот человек должен быть убит; что он был известным волшебником и причинил много зла. Тогда я попросил показать мне это ужасное существо. Меня привели в грубую хижину, внутри которой сидел старый, дряхлый человек с белой как снег шерстью, морщинистым лицом, сгорбленной фигурой и сморщенными конечностями. Его руки были связаны за спиной, а ноги помещены в грубое подобие колодок. Это и был великий волшебник. Несколько ленивых негров караулили его и время от времени оскорбляли нецензурными эпитетами и ударами, на которые бедный старый негодяй реагировал молча. Очевидно, он был в преклонном возрасте.

"Я спросил его, нет ли у него друзей, родственников, сына, дочери или жены, которые могли бы позаботиться о нем. Он печально ответил: "Никого".

"Вот в чем был секрет его преследования. Они устали заботиться о беспомощном старике, который прожил слишком долго, и обвинение в колдовстве со стороны гри-гри было удобным предлогом, чтобы убрать его с дороги. Я сразу понял, что пытаться спасти его бесполезно. Однако я отправился к Дайоко и обсудил с ним это дело. Я попытался объяснить нелепость обвинения безобидного старика в сверхъестественных способностях, сказал ему, что Бог не допускает существования ведьм, и, наконец, сделал предложение купить старого негодяя, предложив отдать за него несколько фунтов табака, одну-две шубы и несколько очков - на эти деньги я мог бы купить трудоспособного раба.

"Дайоко ответил, что, со своей стороны, он был бы рад спасти его, но это должны решить люди; что они сильно возбуждены против него; но что он, чтобы доставить мне удовольствие, постарается сохранить ему жизнь. Всю последующую ночь я слышал пение по всему городу и большой шум. Очевидно, они готовились к убийству. Даже эти дикари не могут убивать хладнокровно, они сначала доводят себя до исступления, а потом бросаются совершать кровавое деяние.

"Рано утром люди собрались вместе, и среди них был человек-фетиш - адский негодяй, который стоял у истоков убийства. Его налитые кровью глаза сверкали в диком возбуждении, когда он ходил от человека к человеку, собирая голоса, чтобы решить, должен ли старик умереть. В руках у него был пучок трав, которым он трижды осыпал тех, с кем разговаривал. В это время на вершине высокого дерева расположился человек, который время от времени громко кричал: "*Джоку! Джоку!*", при этом яростно тряся дерево. *Джоку*" - это *дьявол* у мбуша, и задача этого человека заключалась в том, чтобы отогнать злого духа и предупредить фетишиста о его приближении.

"Наконец состоялось печальное голосование. Было объявлено, что старик - злейший волшебник; что он уже убил несколько человек; что он намерен убить еще многих; и что он должен умереть. Никто не сказал мне, как его убьют, и предложили отложить казнь до моего отъезда, чему я, по правде говоря, был несказанно рад. Вся эта сцена сильно взволновала меня, и я хотел, чтобы ее не доводили до конца. Уставший, с больным сердцем, я прилег на кровать около полудня, чтобы отдохнуть и немного прийти в себя. Через некоторое время я увидел, как мимо моего окна, словно вспышка, пронесся человек, а за ним - целая орава молчаливых, но разъяренных людей. Они бежали к реке. Через некоторое время я услышал несколько резких, пронзительных криков, как у человека в агонии, а затем все стихло, как смерть.

"Я встал, догадываясь, что эти негодяи убили бедного старика, и, повернувшись к реке, увидел возвращающуюся толпу, каждый из которой был вооружен топором, ножом, тесаком или копьем, и это оружие, а также их собственные руки, руки и тела были забрызганы кровью их жертвы. В ярости они привязали бедного волшебника к бревну у берега реки, а затем намеренно изрубили его на множество кусков. См. иллюстрацию на 526-й странице. В завершение они раскроили ему череп и разбросали мозги по воде. Затем они вернулись, и, глядя на их поведение, можно было подумать, что страна только что избавилась от великого проклятия. К ночи мужчины, чьи лица в течение двух дней внушали мне отвращение и ужас, настолько кровожадными и злобными они были, снова стали кроткими, как ягнята, и веселыми, словно никогда не слышали о трагедии ведьм".

Однажды, стреляя в лесу, Дю Шайю наткнулся на зрелище, которое повергло его в ужас. Это было тело молодой женщины с хорошими и приятными чертами лица, привязанное к дереву и оставленное там. Все тело и конечности были покрыты ранами, в которые мучители втирали красный перец, убивая бедняжку в страшной агонии.

Среди прочих унизительных суеверий шекиани верят, что мужчины и женщины могут превращаться в определенных животных. Так, например, рассказывают, что один мужчина внезапно превратился в большую гориллу, когда шел по деревне. После этого заколдованное животное преследовало окрестности и творило большие беды, убивая мужчин и унося женщин в лес. Люди часто охотились за ним, но так и не смогли поймать. Эта история очень популярна, и ее рассказывают во всех частях страны, где обитает горилла.

У шекиани есть еще одно странное поверье, связанное с превращением человека в животное. Через семь дней после рождения ребенка соседские девушки собираются в доме

и всю ночь поют и танцуют. Они верят, что на седьмой день в женщину, которая ждала мать, вселится злой дух, который превратит ее в сову и заставит сосать кровь ребенка. Злые духи, однако, не выносят ни вида, ни звука человеческого веселья, поэтому девушки услужливо затевают танец, чтобы отвадить духа и одновременно развлечься самим. Поскольку в большой деревне рождается много детей, девушки стараются обеспечить множество танцев в течение года.

Иногда злой дух овладевает человеком и становится настолько сильным, что его невозможно прогнать обычным пением и танцами. Борьба между экзорцистами и демоном настолько яростна, что одержимый падает на землю, пускает пену изо рта и бьется в таких сильных конвульсиях, что никто не может его удержать. Фактически, все симптомы соответствуют тем, которые более прозаичный белый человек приписывает эпилепсии.

Такой случай предоставляет хорошую возможность для знахаря, который приходит на помощь пациенту в сопровождении своего помощника. Посреди улицы строится хижина, в которой живут врач и пациент. В течение недели или десяти дней проводится высокий праздник, и днем и ночью в хижине не прекращаются танцы и песни , не обходящиеся без крепких напитков. Каждый считает делом чести помочь в уничтожении ведьмы, и, соответственно, каждый, кто может есть, наедается до отвала; каждый, у кого есть барабан, приносит его и бьет в него, а те, у кого нет музыкальных инструментов, могут кричать и петь до хрипоты. Иногда происходит естественный результат такого действа: несчастный пациент совершенно лишается рассудка от непрекращающегося и оглушительного грохота и убегает в лес как законченный маньяк.

МПОНГВЕ.

На реке Габун живет известное негритянское племя мпонгве.

Возможно, благодаря постоянному смешению с торговцами они ближе к цивилизации, чем описанные выше племена, и отличаются особой утонченностью манер, внешнего вида и языка. Они очень любят одеваться, а женщины, в частности, отличаются вниманием к туалету. Они носят очень мало одежды, их темная, похожая на бархат кожа почти не требует покрытия и прекрасно подходит для того, чтобы подчеркнуть украшения, которыми они обильно украшают себя.

Их головы тщательно уложены, шерстяные волосы распушены по подобию подушки и пропитаны пальмовым маслом, чтобы они держались. Искусственные волосы также добавляют, когда не хватает первоначального запаса, и аккуратно накладывают их в виде розочек на уши. На волосы наносится ароматная кора, а завершает образ большая заколка из слоновой кости, кости или черного дерева.

Когда мужья умирают, вдовы обязаны пожертвовать этим заветным украшением и ходить с обритой головой - обычай, который распространяется и на другой пол во время траура. В этой стране траур подразумевается добавлением определенных предметов к обычной одежде, но среди мпонгве все обстоит с точностью до наоборот. Когда женщина в трауре, она бреет голову и носит как можно меньше одежды, а когда мужчина в трауре, он не только бреет голову, но и отказывается от всего костюма до окончания обычного периода.

Женщины носят на лодыжках огромные медные кольца, сделанные из лестничных прутьев, и многие из них настолько обременены этими украшениями, что их грациозная походка превращается в ковыляние, а если они случайно упадут в воду, то утонут под тяжестью своих медных браслетов.

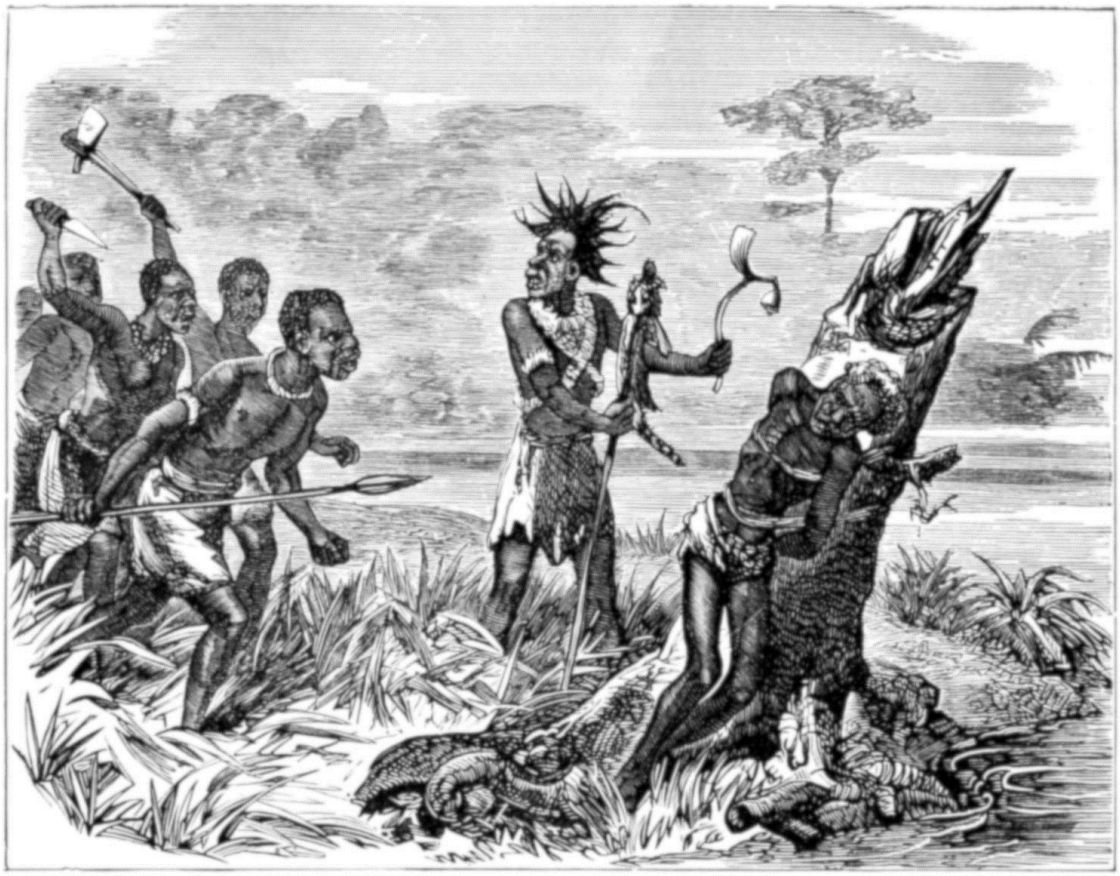
Мпонгве - умная раса, обладающая удивительной способностью к языкам и мошенничеству. Некоторые из них могут говорить на нескольких местных диалектах, хорошо владеют английским, французским, испанским и португальским языками, используя свои достижения для обмана обеих сторон, для которых они переводят. Они очень ловки в спорах, особенно в тех, которые в народе называют "специальными доводами", и с поразительным хладнокровием и изобретательностью докажут, что черное - это белое, не говоря уже о синем или красном.

Однако, как бы ни были они умны, в своем городе они могут быть обмануты своими же людьми - если, конечно, можно сказать, что обмануты те, кто сознательно идет в расставленную для них ловушку. Они спускаются на побережье, навязываются какому-нибудь неосторожному торговцу со своим беглым и правдоподобным языком, уговаривают его дать товар в кредит, а затем ускользают в свои деревни, радуясь собственной находчивости. Однако, как только они достигают своих домов, грабители становятся грабителями. Действительно, как хорошо заметил мистер У. Рид, "есть много отличных бизнесменов, которые в частной жизни слабы, тщеславны, экстравагантны и, кажется, оставили свои мозги позади себя". Таковы Мпонгве, племя торговых путешественников, людей, которые охотятся за невежеством в буше, а в городе их пожирает лесть".

Как только успешный торговец возвращается в свою деревню, его обступают все его друзья и родственники, которые видят в нем рудник богатства, доля которого принадлежит им всем. Они поют ему дифирамбы, устраивают танцы в его честь, восхваляют его щедрость, едят и пьют за его счет и не покидают его до тех пор, пока не будет съеден последний подорожник и выпита последняя капля рома. У него не хватает духу противостоять лести, которую на него обрушивают, и он считает себя обязанным вознаградить своих хвалебных гостей подарками. В результате через неделю или две он становится таким же бедным, как и в начале экспедиции, и вынужден отправляться на заработки, чтобы заработать побольше денег, которых его точно так же лишат по возвращении.

Эти пиры не слишком привлекательны для европейского вкуса, поскольку мпонгве не имеют понятия о жарком, а варят всю пищу в глиняных сосудах. Они не придираются к различным предметам рациона, а едят плоть почти любого животного, птицы или рептилии, которую могут убить.

Управление среди мпонгве во многом такое же, как и у других племен Западной Экваториальной Африки. Различные подплемена или кланы мпонгве управляются своими вождями, а главный вождь округа носит титул короля. Как известно, достоинство имеет как недостатки, так и привилегии, а среди мпонгве оно приносит как боль, так и удовольствие. Когда человек по праву становится королем, он может делать все, что ему заблагорассудится, и ему почти никогда не препятствуют во всем, что он может пожелать. Но процесс коронации был не слишком приятным и совершенно не походил на пышную церемонию, с которой так хорошо знакомы цивилизованные люди.



(1.) СУДЬБА ВОЛШЕБНИКА.
(См. с. 523.)

(2.) КОРОНАЦИЯ.
(См. с. 527.)

Нового короля тайно выбирают на торжественном конклаве, и никто, даже избранный король, не знает, на кого пал жребий. На седьмой день после похорон умершего государя провозглашается имя нового короля, и весь народ в ярости бросается на него. Они кричат и вопят на него; они осыпают его всеми словами, которыми так богат их язык; они оскорбляют его самым грубым образом.

Один человек подбегает к нему и кричит: "Ты еще не мой король!", сопровождая эти слова звуковым ударом по уху. Другой швыряет ему в лицо горсть грязи, сопровождая это теми же словами, еще один становится сзади и наносит сильный удар, а третий бьет по лицу. В течение некоторого времени беднягу толкают и бьют, пока его жизнь не кажется бесполезной, а вокруг толпятся разочарованные подданные, которым не удалось добраться до своего будущего монарха и которые вынуждены довольствоваться тем, что забрасывают его палками и камнями через головы своих более удачливых товарищей и издеваются над ним, его родителями, его братьями, сестрами и всеми его родственниками на протяжении нескольких поколений. Эта часть церемонии коронации проиллюстрирована на предыдущей странице.

Внезапно шум прекращается, и избранный король, весь в синяках, грязных брызгах, кровоточащий и измученный, вводится в дом своего предшественника, где и усаживается. Поведение людей меняется, и на смену неистовому насилию приходит молчаливое уважение. Вожди племени встают и говорят: "Теперь мы признаем тебя своим царем; мы слушаем тебя и повинуемся тебе". Народ повторяет за ними эти слова, и тогда приносят корону и королевские одежды. Корона - это всегда старая шелковая шляпа, которая по какой-то гротескной случайности стала знаком королевской власти в Западной Африке. Государственные одежды состоят из красного халата, если только не удается раздобыть халат священника, и, облаченный в это великолепное одеяние, новый король предстает перед своими подданными и принимает их почести.

После этого следует целая неделя поздравлений и празднеств, к концу которой король очень нуждается в отдыхе: постоянно прибывают чужестранцы с больших расстояний, и все они настаивают на том, чтобы их представили новому королю. Только после завершения этих обрядов королю разрешается покинуть дом.

Месье дю Шайю был свидетелем только что описанной замечательной церемонии коронации преемника старого короля Гласса, который, по весьма причудливому замечанию, "держался за жизнь с решительным упорством, которое почти позволяло обмануть смерть". Он был неприятным старым язычником, но в последние дни жизни стал очень набожным - в соответствии со своей модой. Его идол всегда был свежевыкрашен и богато украшен; его фетиш был самым ухоженным фетишем в Африке, и каждые несколько дней какой-нибудь великий врач спускался из внутренних помещений и получал большое вознаграждение за то, что консультировал старого короля. Он боялся колдовства; думал, что все хотят сбить его с пути, околдовав; а в этой стране врач не пытается вылечить вашу болезнь; его дело - не подпускать ведьм".

Самое странное, что все люди считали *его* могущественным волшебником и в равной степени боялись и уставали от него. Он был королем слишком долго для их представлений, и

они, конечно, желали ему скорейшей смерти. Но когда он заболел и должен был умереть, обычный этикет был соблюден: все ходили, как будто погруженные в глубочайшую скорбь, хотя искренне ненавидели его и так боялись его сверхъестественных способностей, что едва ли кто-нибудь из местных осмеливался пройти мимо его хижины ночью, и никакая взятка меньше, чем кувшин рома, не побуждала никого войти в дом. Наконец он умер, и тогда все погрузились в траур: женщины рыдали и лили слезы с удивительной лакримальной способностью, которая отличает африканских женщин: они могут обильно лить слезы и в то же время смеяться.

На второй день после смерти старого короля Гласса похоронили, но точного места его погребения не знал никто, кроме нескольких старых советников, на которых легла эта обязанность. В качестве памятника на шесте был подвешен кусок алой ткани. Все знали, что он лишь обозначает место, где король Гласс *не* был похоронен. Шесть дней продолжался траур, по истечении которых состоялась коронация, и вождь Нджогони стал новым королем Глассом.

Способ погребения зависит от ранга покойного. Тело вождя тщательно погребают, как и тело короля, причем усыпальница последнего, как уже говорилось, хранится в глубокой тайне. Возле могилы кладут определенную утварь, принадлежащую покойнику: табурет или кувшин обозначают могилу мужчины, а калабаш - женщины. С телами рабов обращаются менее церемониально: их просто приносят на место погребения, бросают и оставляют умирать, без почестей в виде могилы или сопровождающего символа.

Как и другие обитатели речных берегов, мпонгве - замечательные лодочники и проявляют большую изобретательность в изготовлении каноэ. Дерево, из которого их делают, растет только в глубине страны, и иногда, когда требуется большое судно, подходящее дерево можно найти только в восьми или десяти милях от берега. Если изготовителю каноэ удается найти дерево в двух-трех милях от воды, он считает себя счастливчиком; но, поскольку деревья для изготовления каноэ постоянно вырубаются, очевидно, что мпонгве постоянно загоняют все дальше вглубь острова.

Когда мпонгве селится на дереве, из которого, по его мнению, получится хорошее каноэ, он переселяет туда всю свою семью и строит новую усадьбу для себя, своих жен, детей и рабов. Иногда он экономит свой труд и разбивает лагерь рядом с тремя или четырьмя деревьями каноэ, из которых он намерен сделать суда, прежде чем вернется в свою деревню. Когда деревья срублены и обрезаны до нужной длины - шестьдесят футов, - их изобретательно выдолбляют с помощью огня, за которым тщательно следят и направляют, пока внутренняя часть не сгорит. Затем внешняя часть дерева обрезается с помощью туземного ножа, и каноэ готово. Умный человек, имеющий такую семью, сделает несколько таких каноэ за один сухой сезон.

Следующее и самое важное дело - доставить каноэ к воде. Для этого нужно прорубить проход в дереве и с трудом толкать каноэ на роликах. В некоторых случаях, когда дерево каноэ находится ближе к морю, чем к реке, изготовитель доставляет его прямо на берег, спускает на воду, а затем на веслах доставляет к реке.

ГЛАВА LI.
ФАНЫ.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПЛЕМЕНИ - ИХ ЦВЕТ И ОБЩИЙ ВИД - КОРОЛЬ ВЕЕРОВ - УРОДЛИВАЯ КОРОЛЕВА - СМЕШАННЫЙ ХАРАКТЕР - ГОСТЕПРИИМСТВО И ЛЮБОПЫТСТВО - СВИРЕПЫЙ И ВОИНСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР - ИХ ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПОХОДЫ НА ЗАПАД - БОЕВЫЕ НОЖИ, ТОПОРЫ, И КОПЬЯ - МАСТЕРСТВО РАБОТЫ С ЖЕЛЕЗОМ - ВЕЕРНЫЙ АРБАЛЕТ И ЕГО УМЕНЬШЕННЫЕ СТРЕЛЫ - БОЕВЫЕ ЩИТЫ И ИХ ЦЕННОСТЬ - ОХОТА НА СЛОНОВ - ПРОВОЛОЧНАЯ СЕТЬ И ЛОВУШКА ДЛЯ КОПЬЯ - ВЕЕРНАЯ КУЛИНАРИЯ И ДИЕТА В ЦЕЛОМ - СТУПКИ И ГОРШКИ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПИЩИ - ГЛИНЯНЫЕ ТРУБЫ-ЧАШИ - ТЯГА К МЯСУ - СУДЬБА ОВЕЦ.

Замечательное племя, о котором сейчас пойдет речь, обитает на участке земли чуть выше экватора и в самых восточных известных пределах реки Габун. Их самоназвание - ба-фань, *то есть* люди-фань, а на побережье они известны как пасуэны.

О том, что это действительно необычный народ, можно судить по краткому описанию, которое было дано о них, а именно: раса джентльменов-каннибалов. Их происхождение неизвестно; но, насколько можно судить по различным источникам, они пришли с северо-востока, их смелая и воинственная натура победила более слабые и робкие племена, которые изначально владели этой землей и которые, насколько можно судить, были, по-видимому, родственны любопытной карликовой расе, описанной на странице 482.

Их нельзя назвать неграми, поскольку они не черные, а кофейного цвета; они не обладают ни огромными губами, ни вытянутым черепом, ни выступающими челюстями, которые так заметны у настоящего негра. У многих можно заметить удивительную форму черепа: лоб имеет коническую форму. Их фигуры обычно невелики, а верхняя челюсть чаще всего выступает за нижнюю, придавая лицу странное выражение.

Мужчины одеты достаточно просто, их главный костюм - кусок берестяной ткани или, в случае если носитель должен быть очень высокого ранга, шкура тигра-кота, хвостом вниз. К своим естественным волосам они добавляют что-то вроде косы, точно такой же, как у британских моряков во времена Нельсона, делая косу частично из собственных волос, а частично из буксира и других волокон. Она заплетается очень крепко и обычно украшается бусинами, каури и другими орнаментами. Борода собирается в два хохолка, которые скручиваются, как веревки, и сохраняют форму благодаря обильному смазыванию.

Король фанов, по имени Ндиай, отличался хорошим вкусом в одежде. Его коса разделялась на конце на два острия, каждое из которых оканчивалось медными кольцами, а на макушке головы было надето множество белых бус. Все его тело было выкрашено в красный цвет, а также покрыто смелыми татуировками. Вокруг талии он обернул небольшой кусок берестяной ткани, перед которым висел хохолок из шкуры леопарда, обозначавший его царскую власть. Все волосы, которые не были собраны в косу, были завязаны в маленькие веревочки, которые хорошо выделялись на голове и заканчивались бусинами или маленькими колечками. На лодыжках у него висели медные кольца, которые при ходьбе издавали звон, а голову украшали красные перья турако. Его зубы были обточены до остроты и выкрашены в черный цвет, а тело увешано множеством талисманов и амулетов.

Женщины носят еще меньше костюмов, чем мужчины. Незамужние девушки вообще ничего не носят, и, даже выйдя замуж, они обходятся легким фартуком . На голове они обычно носят какое-нибудь украшение, а жена Ндиаяи, которая, как замечает Дю Шайю, была самой

уродливой женщиной, которую он когда-либо видел, носила шапочку, покрытую белыми ракушками, и сделала татуировку, которой было покрыто все ее тело, вместо одежды. Она, конечно, носила так называемое платье, но это была лишь маленькая полоска красной фанской ткани шириной около четырех дюймов. В мочки ее ушей были продеты два огромных медных кольца, которые очень некрасиво тянулись вниз, а на лодыжках красовались железные кольца огромного веса. Это были ее самые драгоценные украшения, ведь железо для фанов ценилось даже больше, чем золото для нас. Видимо, от постоянного воздействия кожа ее была грубой, как кора дерева.

Большинство замужних женщин носят пояс из коры шириной около четырех дюймов, который проходит через одно плечо и под другим. Это не предмет одежды, а лишь своего рода колыбель. Ребенок сидит на этом поясе, так что его вес в основном поддерживается им, и его можно перекладывать с боку на бок, просто перекинув пояс с одной руки на другую. Женщины, как правило, меньше ростом, чем мужчины, и совсем не красивы, а вся претензия на красоту уничтожается их отвратительной практикой красить тело в красный цвет и подпиливать зубы до остроты.

Судя по рассказам тех, кто с ними общался, фаны представляют собой странную мешанину характеров. Они практикуют открытый и явный каннибализм - обычай, который настолько отвратителен для цивилизованных чувств, насколько это можно себе представить. Они свирепы, воинственны и безжалостны в бою, сражаются из одной лишь любви к нему, и их рука направлена против любого человека. Однако в частной жизни они гостеприимны, вежливы и нежны, не боятся незнакомцев и в меру любопытны, как кошки. И Дю Шайю, и мистер Рид согласны в этих вопросах, а последний приводит забавный рассказ о своем знакомстве с фанской деревней. Ранее на реке Габун ему бросил вызов один из фанов, запретивший проход лодки, но, получив в качестве вознаграждения за свои услуги проводника медный прут в день, "ужасно улыбнулся жуткой улыбкой", показав свои оскаленные зубы, и согласился провести партию до следующей деревни. Он сдержал свое слово, как мужчина, и привел лодку в деревню, где наш автор впервые познакомился с племенем.

"Я рассматривал этих людей с интересом путешественника, а они приветствовали меня с энтузиазмом толпы. Дом вождя, к которому меня привели, был окружен толпой каннибалов в четыре человеческих роста, и то немногое количество света, которое местная архитектура позволяет проникать через дверь, было перехвачено головами и перьями попугаев. В то же время каждый человек говорил так, словно у него было два голоса. Ошупу дал мне небольшую передышку, объяснив им, что это привычка животного выходить на воздух и ходить взад-вперед по единственной улице деревни. Уже привыкший к подобным вещам, я вышел на закате и сел перед дверью. Ошупу, сидя на корточках рядом со мной и играя на музыкальном инструменте, придавал происходящему вид театрального представления.

"И это научило меня тому, как часто актер может ответить на открытое веселье дома лукавым смехом в рукаве. Редко кому посчастливится увидеть на сцене что-то столь смехотворное, как гротескные гримасы смеющейся публики. Но если бы Хогарт мог видеть моих каннибалов! Вот двое мужчин, положив руки друг другу на плечи, смотрели на меня в немом удивлении, их глаза были похожи на блюдца, а рты - на открытые могилы. Вот пожилая женщина, опустившаяся на колени, сложив руки на груди, как игрок в крикет; мужчина тащил свою испуганную жену, чтобы она посмотрела на меня, а ребенок горько плакал, отводя глаза. Когда поклонники уняли свое любопытство и немного рассеялись, я поднялся, чтобы насладиться вечерним променадом. Все смотрели на меня со все возрастающим

удивлением. То, что человек ходит взад-вперед без какой-либо цели, ленивый негр понять не может, и, возможно, это кажется ему скорее действиями зверя, чем человека.

"Вскоре им удалось побороть свою робость. Я заметил, как две или три девушки перешептываются между собой и смотрят на меня. Вскоре я почувствовал любопытный палец на своем пальто и услышал звук удаляющихся босых ног. Я оставался в том же положении. Тогда одна из них, более смелая, чем остальные, подошла ко мне и заговорила со мной, улыбаясь. Я принял настолько любезное выражение лица, насколько позволяла природа, и прикоснулся к ушам, чтобы показать, что не понимаю. На это они очень рассмеялись, как будто я сказал что-то хорошее, а двое других стали приближаться ко мне, как кошки. Одна девушка взяла мою руку между своими и робко погладила ее; другие, подняв на меня свои прекрасные черные глаза и улыбаясь, показывая зубы, которые не были прорезаны и были белыми, как снег, потребовали разрешения прикоснуться к этой руке, которая казалась им такой странной. И тогда все они потрогали мои щеки и прямые волосы и посмотрели на меня как на прирученного вундеркинда, посланного им богами; и все это время они болтали, милые, как будто я мог их понять.

"Теперь началась грандиозная дискуссия; сначала трогали мою кожу, потом плащ, и все тщательно сравнивали. В конце концов один из них случайно откинул мой плащ, и, увидев мое запястье, они вскрикнули и дружно захлопали в ладоши. Они спорили о том, из того ли материала, из которого сделан мой плащ , сделана моя кожа, и случайность разрешила эту загадку.

"Вскоре меня окружили женщины и дети, желающие потрогать мои руки и заглянуть под манжеты, что я переносил с примерным терпением. Не прошло и получаса, как я оказался в деревне фанов, и эти слабые сосуды забыли, что плакали от ужаса, когда впервые увидели меня; и я также забыл, что эти дружелюбные ярикосы будут тушить меня в пальмовом масле и подавать своим престарелым сыновьям, если им прикажут, с такой же неохотой, как английские повара жарят треску, снимают кожу с угрей или варят омаров в красной агонии".

Фаны - свирепый и воинственный народ, и с помощью оружия они проложили себе путь в страны, далеко отстоящие от их собственной, где бы она ни находилась. Ни одно племя не смогло противостоять им, и даже крупные и могущественные племена бакалай и шекиани вынуждены были уступать захватчикам деревню за деревней, так что в некоторых районах все эти племена удивительным образом перемешались; и все они воюют друг с другом. Однако фаны с лихвой противостоят двум другим, даже если бы они объединили свои силы, чего им не позволяет сделать их недальновидная ревность; и постепенно Бакалаи и Шекиани исчезают, а фаны занимают их место. Они даже проникли в страну мпонгве, так что с востока они неуклонно продвигаются к морскому побережью.

Прогресс, достигнутый фанами, был поразительно быстрым. До 1847 года они были известны лишь традиционно приморским племенам как раса воинственных каннибалов; несколько деревень было найдено в горном районе, откуда берут начало верховья реки Габун. Теперь они ушли на запад, пока не оказались в нескольких милях от морского побережья, и их то и дело можно увидеть среди поселений торговцев.

Каждый фан становится воином, когда достигает зрелого возраста, и систематически вооружается поистине грозным оружием. Их главное наступательное оружие - огромный боевой нож, который иногда достигает трех футов в длину и семи дюймов в ширину.

Несколько форм этих ножей показаны на иллюстрации на странице 558. Общая форма очень похожа на ножи, используемые в других частях Западной Африки. Тот, что находится в левой

руке (рис. 1), можно назвать почти мечом, настолько он велик и тяжел. Используя его, воин-фан предпочитает острие острию, и держит его заточенным специально для этой цели. Другая форма ножа показана на рис. 2. Он не имеет острия и используется как режущий инструмент. Многие из них имеют также нож меньшего размера, который они используют для разделки мяса и других бытовых целей, оставляя большие ножи исключительно для боя.

Все эти ножи очень острые и хранятся в ножнах, таких, как показано на рисунке. Ножны чаще всего состоят из двух плоских кусков дерева, слегка выдолбленных, чтобы в них помещалось лезвие, и обтянутых шкурой какого-нибудь вида. Змеиная кожа - излюбленное покрытие для ножен, а многие ножны покрыты человеческой кожей, содранной с тела убитого врага. Две половинки ножен скрепляются полосками сыромятной шкуры, которые довольно прочно удерживают их на своих местах.

Топоры разных видов также используются фанами. Один из них удивительно похож на боевой нож Неам-Нам, как показано на странице 437, и используется точно так же, а именно как ракета. Его головка плоская и заостренная, а прямо над рукояткой находится острый выступ, такой же, как на ноже Неам-Нам. Когда воин-фан направляет свой топор в голову врага, он умеет метнуть его так, чтобы острие ударило вниз, и таким образом наносит удар, достаточно сильный, чтобы сокрушить даже твердый череп местного африканца.

Используются также копья, их древко длиной около шести или семи футов и определенной толщины. Они используются для уколов, а не для метания, а их наконечники имеют различную форму. В музее Антропологического общества есть очень хорошая группа таких копий, демонстрирующая основные формы наконечников. Эти копья, а также щит, который их сопровождает, были привезены в Англию М. дю Шайю, которому мы обязаны большей частью наших знаний об этом замечательном племени. Некоторые наконечники копий совершенно просты и имеют форму листьев, в то время как другие выполнены в довольно причудливой манере. У одного, например, несколько больших и плоских колючек, расположенных прямо под головкой, у другого - всего одна пара колючек, а третье выглядит как нож-меч, вставленный в конец древка и превращенный таким образом в копье.

Все оружие содержится в наилучшем порядке, его владельцы всегда готовы к бою, и оно ценится пропорционально выполненной им работе: воины почти суеверно относятся к ножу, которым был убит человек. Все оружие они делают сами, и качество стали действительно удивительно. Железную руду они получают с поверхности земли, где в некоторых местах она залегает в изобилии. Для того чтобы выплавить ее, они рубят огромное количество дерева и сооружают большую кучу, укладывая на нее некоторое количество раздробленной на куски руды. Затем сверху накидывают еще дров, и все это поджигается. Постоянно добавляют свежие порции дров, пока железо не будет полностью выплавлено из руды. Конечно, при таком грубом методе теряется значительный процент металла, но это не имеет большого значения.

Следующее дело - сделать чугун ковким, что делается путем серии ударов и ударов молотом, в результате чего получается замечательно закаленная сталь. Для их целей такая сталь гораздо предпочтительнее той, что производится в Англии; и когда фанат хочет сделать особенно хороший нож или наконечник копья, он скорее сам выплавит и закалит чугун, чем воспользуется лучшей сталью, которую может произвести Шеффилд.

Мехи, которые они используют, сделаны по тому же принципу, что и те, что уже неоднократно упоминались. Они состоят из двух коротких полых цилиндров, к верхнему концу которых привязан свободный кусок мягкой шкуры. К каждой шкуре прикреплена деревянная ручка. От нижних частей цилиндров отходит деревянная труба, и обе трубы сходятся в железную

трубку. Конец этой трубы помещают в огонь, и меховщик, попеременно поднимая и опуская рукоятки, подает в огонь постоянный поток воздуха.

Их наковальни и молоты одинаково просты; и все же, используя такие грубые материалы, они умудряются, благодаря терпеливой работе, создавать восхитительные образцы кузнечного дела. Все их лучшее оружие украшено замысловатыми узорами, выгравированными на лезвиях, и, поскольку время для них не имеет значения, они тратят многие месяцы на обработку и доводку одного лезвия топора. Узоры выполняются с помощью небольшого долота и молотка. Некоторые из их более грубых ножей предназначены не как оружие войны, а просто как инструменты, с помощью которых они могут рубить деревья и кустарник, мешающие им, когда они хотят расчистить место для сельского хозяйства. Теперь понятно, почему железо является столь ценным товаром у фанов и почему пара тяжелых браслетов из этого драгоценного металла так ценится женщинами.

У фанов есть одно очень необычное оружие. Пожалуй, нет такой части света, где бы мы меньше ожидали встретить арбалет, чем среди племени каннибалов в верховьях Габуна. Однако там арбалет регулярно используется в качестве орудия войны, и это самое грозное оружие, дающее его обладателям ужасное преимущество перед врагами. Изобретательность, проявленная при изготовлении этого оружия, очень велика, и все же нельзя не удивляться странной смеси умности и глупости, которую демонстрирует его конструкция. Лук очень прочный, и когда воин хочет согнуть его, он садится на землю, ставит ногу на лук и таким образом имеет обе руки на свободе, с помощью которых он может втянуть шнур в выемку, которая удерживает его до тех пор, пока он не будет отпущен спусковым крючком. Длина древка составляет около пяти футов, и на значительном протяжении оно раздвоено. Маленькая палочка, вставленная между расщепленными частями, является спусковым крючком, и использовать ее можно следующим образом.

Чуть ниже выемки, удерживающей струну, находится круглое отверстие, через которое пропущен короткий штифт. Другой конец колышка, сделанный из очень твердого дерева, закреплен в нижней половине раздвоенного вала и свободно проходит через отверстие. Когда две половины вала разделены курком, колышек продевается в отверстие и позволяет шнуру оставаться в выемке. Но как только курок снимается, две половинки сближаются, и шпенек проталкивается через отверстие, выбивая шнур из паза. У меня в коллекции есть китайский арбалет, тетива которого отпускается точно по такому же принципу.

Конечно, о точном прицеливании не может быть и речи, поскольку спусковой штырь так плотно зажат между двумя половинками древка, что его невозможно вытащить без такого большого усилия, что любое прицеливание будет фактически сорвано. Но при использовании этого оружия прицеливание не имеет большого значения, так как лук используется только на очень коротких дистанциях: пятнадцать ярдов - это самое большое расстояние, на которое фэн стремится выпустить стрелу. Сами стрелы не рассчитаны на дальние расстояния, поскольку представляют собой всего лишь маленькие полоски дерева длиной в фут или около того и диаметром около шестой части дюйма. Своим ужасом они обязаны не остроте и не скорости полета, а яду, которым пропитаны их наконечники. Они настолько легкие, что их нельзя просто положить на желобок древка, чтобы их не сдуло ветром. Поэтому их закрепляют на месте с помощью маленького кусочка резинки, которой лучник всегда заботится о том, чтобы иметь под рукой запас. Из-за своего маленького размера они не видны до тех пор, пока не израсходуют свою силу, и именно этому обстоятельству они во многом обязаны своей мощью. У них нет перьев, и, похоже, не требуется особой заботы об их наконечниках, которые, хотя и заострены, но не так остры, как у крошечных стрел, используемых даяками Борнео или макоуши Эссекибо.

Яд, которым пропитаны их наконечники, добывается из сока какого-то неизвестного в настоящее время растения, и прежде чем оружие будет признано достаточно пропитанным, на него наносится два или три слоя. Похоже, что фаны не знают никакого противоядия от этого яда, а если и знают, то держат его в глубоком секрете. Читатель может вспомнить аналогичный случай у босжесманов, касающийся противоядия от яда-травы.

Кроме этих стрел, они используют и другие, длиной около двух футов, с железными наконечниками, когда отправляются на поиски крупной дичи; но в военных действиях маленькая стрела достаточно прочна, чтобы пробить кожу человека , и поэтому ее предпочитают более крупным и громоздким дротикам.

Единственным оборонительным оружием является щит, который изготавливается из шкуры слона. Он немного отличается по форме, но обычно имеет продолговатую форму, около трех футов в длину и двух с половиной в ширину, так что закрывает все жизненно важные части тела. Кусок шкуры, используемый для щита, срезается с плеч слона, где, как и в случае с пахидермами в целом, кожа наиболее толстая и прочная. Ни одно копье не может пробить этот щит, топор не может прорубить в нем путь, ракетный нож едва пробивает его, а арбалетные стрелы безвредно отскакивают от его поверхности. Даже пуля проскочит мимо, если ударит в щит наискосок. Такой щит очень ценен, ведь из шкуры слона можно сделать не более одного-двух щитов, а убийство слона - дело, требующее много времени, терпения, смелости и изобретательности. Кроме того, слон должен быть старым, а поскольку старые слоны, по преданиям, свирепы и хитры, охота на них очень опасна.

Как и у других дикарей, у фана нет понятия "спорт". Он обязательно "охотится на горшки" и считает, что это самая глупая вещь в мире - дать дичи шанс на спасение. Когда он идет на охоту, он намерен убить животное, и его нисколько не волнует, какими средствами он воспользуется. Манера охоты на слонов чрезвычайно изобретательна.

Как только они обнаруживают кормящегося слона, фанаты выбирают место на небольшом расстоянии, где обезьяньи лианы и другие ползучие растения наиболее пышно свисают с ветвей. Бесшумно отрывая их, они переплетают их между стволами деревьев, чтобы создать прочный, похожий на сеть барьер, который достаточно эластичен, чтобы уступить порыву слона, и достаточно прочен, чтобы задержать и опутать его. Кроме того, Фаны хорошо знают, что слон боится всего, что похоже на забор, и, как уже было сказано, может находиться в плену в вольере, в котором не удержишь и теленка.

Когда строительство барьера завершено, фанаты, вооружившись копьями, окружают слона и криками и воплями гонят его в сторону барьера. Как только он наталкивается на нее, его охватывает ужас, и вместо того, чтобы напрячь свою гигантскую силу и преодолеть препятствие, он в смутном ужасе борется, в то время как его враги толпятся вокруг него, нанося рану за раной своими широко расставленными копьями. Напрасно он бьется о скрученные лианы, напрасно пытается стянуть их своим хоботом, и так же напрасно он пытается растоптать их ногами. Упругие веревки не поддаются его усилиям, а тем временем со всех сторон на него сыплются смертельные снаряды. Некоторые охотники пролезают сквозь кустарник и ранят его снизу, другие забираются на деревья и бросают копья из-под сучьев, а самые смелые нападают на него открыто, убегая, если он делает выпад, и возвращаясь, как только он остановится, сгрудившись вокруг него, как мухи вокруг туши.

Такой способ преследования не лишен опасности: людей часто убивает слон, который нападает неожиданно, сбивает их с ног ударом хобота, а затем топчет ногами. Иногда несчастный охотник, на которого нападает животное, теряет рассудок, бежит к виноградной преграде и попадает в те самые сети, которые он помогал плести. Лазанье по деревьям -

обычное средство для преследуемого охотника; а поскольку фаны могут бегать по деревьям почти так же легко, как обезьяны, они оказываются в большей безопасности среди ветвей, чем если бы они просто пытались увернуться от животного, огибая стволы деревьев.

Фаны также используют ловушку для слонов, которая по принципу действия идентична той, что применяется для убийства бегемотов, а именно: утяжеленное копье подвешивается к ветке, под которой должен пройти слон, и отсоединяется с помощью веревки, привязанной к спусковому крючку. В охоте на слонов туземцам помогает характер животного. Подозрительный и хитрый слон не желает покидать место, где он находит пищу, которая ему больше всего нравится; в связи с этой особенностью, когда бы слон ни был обнаружен, фаны уверены, что он останется на том же месте в течение нескольких дней, и принимают соответствующие меры.

Когда они убивают слона, то используют почти всю огромную тушу, вынимая бивни на продажу, используя кожу со спины для щитов и съедая всю плоть. Для европейского вкуса мясо слона неприятно, отчасти из-за его специфического вкуса, а отчасти из-за того, что кулинария коренных африканцев не самого лучшего качества. М. дю Шайю отзывается о нем в весьма пренебрежительных выражениях. "Мясо слона, которое, похоже, очень любят фаны и которое они готовят и коптят в течение трех дней, - самое жесткое и неприятное мясо, которое я когда-либо пробовал. Я не могу объяснить его вкус, потому что у нас нет плоти, похожей по вкусу, но оно кажется полным мускульных волокон или хряща; и когда его варили два дня, по двенадцать часов каждый день, оно все еще оставалось жестким. Вкус не неприятный, но, хотя я и пытался в разное время приучить себя к нему, я обнаружил только, что мое отвращение становится все сильнее".

Подчиняется ли мясо слона тем же кулинарным законам, что и мясо быка, еще предстоит выяснить; но если это так, то повар, *варивший* мясо в течение двадцати четырех часов, похоже, гениально придумал план, который сделает самую лучшую говядину жесткой, жилистой, безвкусной и почти несъедобной. Если бы она варилась в течение шести часов, результат мог бы быть другим; но варить мясо двадцать четыре часа, чтобы сделать его нежным, так же нелепо, как варить яйцо в течение того же времени, чтобы сделать его мягким.

Что касается их рациона в целом, то фаны не заслуживают очень высокого кулинарного ранга. У них много материала, но очень слабое представление о его использовании. Большую часть их растительной пищи составляет маниок, который особенно ценен из-за легкости его выращивания: часть стебля, небрежно положенная в землю, дает за один сезон два-три больших корня. Листья также отваривают и употребляют в пищу. Тыквы разных видов широко культивируются, и даже семена становятся съедобными. М. дю Шайю говорит, что во время тыквенного сезона деревни покрываются семенами, которые раскладывают для просушки, а когда они высохнут, их упаковывают в листья и подвешивают в дыму над камином, чтобы уберечься от нападения насекомого, которое их повреждает.

Когда семена собираются есть, их сначала отваривают, а затем снимают кожуру. Затем семена кладут в ступку вместе с небольшим количеством сладкого масла и толкут в мягкую, тягучую массу, которую затем варят на огне либо в глиняном горшке, либо в листе подорожника. Это очень вкусное блюдо, и некоторые предпочитают его самой тыкве.

Ступки ничуть не похожи на европейские: это длинные, узкие корыта, два фута в длину, два или три дюйма в глубину и семь или восемь в ширину. В каждой семье есть один или два таких небольших орудия, но всегда есть несколько огромных ступок для общего пользования

деревни, которые используются для толчения маниока. Когда семя растолчено в пасту, из него формируют лепешки, которые могут храниться некоторое время.

Горшки для приготовления пищи сделаны из глины и вылеплены с удивительной точностью, поскольку фаны не имеют представления о гончарном круге, даже в его простейших формах. Горшки для приготовления пищи круглые и плоские, по форме напоминают молочные кастрюли. Они также делают дневные бутылки для воды вполне классической формы, а сосуды для пальмового вина изготавливаются из того же материала. Эти кувшины для вина по форме напоминают древние амфоры. Глина лепится вручную, тщательно высушивается на солнце, а затем обжигается в огне. Снаружи они украшены узорами, подобными тем, что изображены на ножах и топорах.

Фаны также делают чаши своих трубок из той же глины, но стебли всегда формируют из дерева. Более богатые из них делают свои трубки полностью из железа и предпочитают их, несмотря на вес и кажущееся неудобство, любым другим. Они также делают очень изобретательные бутылки для воды из тростника и, чтобы сделать их водонепроницаемыми, обмазывают их внутри и снаружи растительной камедью. Эту камедь сначала размягчают в огне и накладывают на сосуд, как смолу. Она имеет очень неприятный привкус, пока не выветрится, поэтому перед использованием ее несколько недель держат под водой.

Как и некоторые другие дикие племена, фаны испытывают тягу к мясу, которая иногда становится настолько сильной, что заслуживает названия болезни. Слон дает достаточно мяса, чтобы заглушить эту болезнь на значительное время, и поэтому они очень любят плоть этого животного. Но большой роскошью для фанатов является мясо овцы, животное, которое они едва ли когда-либо смогут достать. Мистер У. Рид в своей книге "Дикари Африки" дает очень забавное описание сенсации, произведенной среди лодочников-фанатов:...

"Перед тем как покинуть деревню, я нанял еще одного человека, и таким образом у меня получилась команда из восьми человек. Я также купил гладкошерстную овцу, и на это бедное животное, пока оно лежало, прикованное к носу, было брошено множество голодных взглядов. Когда оно блеяло, вся команда разражалась громким плотоядным оскалом. Бушмены могут иногда полакомиться куском жилистой оленины, отрубом копченого слона, вареной обезьяной или жареной змеей, но овца - настоящая домашняя овца! Животное, которое долгое время считалось гордостью их деревни, бельмом на глазу их более бедных соседей, которое они привыкли называть "братом" и которому они даровали все привилегии сограждан!

"То, что судьба послала им белого и богатого выходца с моря, чтобы сделать этот деликатес доступным для них, было слишком сильным и неожиданным для их слабых умов. Они были не в себе; они не могли как следует грести; их души (которые, несомненно, находятся в желудках, где бы мы ни находились) были беспокойны и трепетали по отношению к этой овце, как (мне приходится придумывать метафоры) игла перед тем, как она упирается в свою звезду.

"Когда путешествуешь в компании каннибалов, не стоит позволять им слишком сильно проголодаться. В середине дня я отдал приказ убить овец. Раздался вопль триумфа, широкий нож, испачканный в крови, долгая борьба; затем вспыхнули три костра, на них поставили три глиняных горшка и наполнили их кровоточащими конечностями убитых. В подобных случаях негр на несколько мгновений обретает энергию и быстроту европейца. Я также не стал бы жаловаться на ненужную задержку в подготовке к столу, который представлял собой красную глину, покрытую травой. Баранина, слегка подогретая, была быстро съедена.

"После этого они пожелали улечься среди осколков пиршества и насладиться сладким пищеварительным отдыхом. Но тут поднялся белый человек и применил ту силу, с которой подавляют низших животных. Его взгляд и тон привлекли их к работе, хотя они и не понимали его слов".

ГЛАВА LII.
Фанаты - Завершение.

КАННИБАЛИЗМ И ЕГО РАЗВИТИЕ У ФАНОВ - ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТУЗЕМЦЕВ НА ЭТУ ТЕМУ - ОБМЕН ТЕЛАМИ МЕЖДУ ДЕРЕВНЯМИ - НАПАДЕНИЕ НА ГОРОД И ОГРАБЛЕНИЕ МОГИЛ - БРАЧНЫЕ ОБЫЧАИ - ТОРГ ЗА ЖЕНУ - МЕДНЫЕ "НЕПТУНЫ" - БРАЧНЫЙ ПИР - РЕЛИГИЯ ФАНОВ ПОКЛОННИКОВ - ДОМА ИДОЛОВ - ЛЮБОВЬ К АМУЛЕТАМ - ТАНЕЦ В ЧЕСТЬ НОВОЛУНИЯ - ИГРА НА ГАНДЖЕ - СЛОНЫ, ПОЙМАННЫЕ ФЕТИШЕМ - ВЕРОЯТНЫЙ ХАРАКТЕР "ФЕТИША", О КОТОРОМ ИДЕТ РЕЧЬ - ГОРИЛЛА И ЕЕ ПОВАДКИ - ОХОТА ПОКЛОННИКОВ НА ГОРИЛЛ - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧЕРЕПА.

Предшествующая история естественным образом подводит нас к главной характеристике фанов, а именно к их каннибализму.

Некоторые племена, где практикуется этот обычай, очень стыдятся его и могут быть вынуждены признать его только путем осторожных перекрестных расспросов. Однако фаны ничуть не стыдятся этого и говорят об этом совершенно свободно - по крайней мере, до тех пор, пока не увидят, что их собеседник шокирован их признанием. Вероятно, именно поэтому миссионеры столкнулись с определенными трудностями при получении информации на эту тему. Их информаторы признавали, что человеческую плоть едят в их племени, но не в их деревне. Затем, как только они прибыли в деревню, в которой, по их словам, существовал каннибализм, жители заявили, что путешественников неправильно информировали. Конечно, в их племени ели человеческую плоть, но никто в их деревне этого не делал. Но если они хотят увидеть каннибализм, то должны вернуться в деревню, из которой только что пришли, и там они найдут его в полной силе.

Зная эту особенность, мистер У. Рид не задавал никаких вопросов на эту тему, пока не прошел все места, ранее посещаемые белыми людьми, а затем расспросил старого и очень вежливого каннибала. Его ответы были достаточно просты. Конечно, все они ели мужчин. Он и сам ел мужчин. Мужская плоть была очень вкусной, она была "как обезьяна, вся жирная". В основном он ел военнопленных, но некоторые из его друзей ели тела казненных волшебников, которых он очень боялся, считая, что они могут ему не понравиться.

Он не допускал, что ел своих собственных родственников, когда они умирали, хотя такое утверждение было сделано и до сих пор не опровергнуто. Некоторые путешественники говорят, что фаны не едят людей из своей деревни, а живут на условиях бартера с соседними деревнями, дружелюбно обмениваясь своими мертвецами для кулинарных целей. Ошебас, другое племя каннибалов в той же стране, поддерживает дружеские отношения с фанами и обменивается с ними телами умерших. Тела рабов также продаются для приготовления пищи, причем довольно дешево: один мертвый раб стоит в среднем один небольшой слоновий бивень.

Упомянутый выше дружелюбный фан придерживался, как и многие его темные соотечественники, убеждения, что все белые люди - каннибалы. "Это, - сказал один из рабов Бакалаи, впервые увидев белого человека, - люди, которые нас едят!" Он спросил мистера Рида, зачем белые люди отправляются в Африку за неграми, если они могут съесть столько белых людей, сколько захотят, в своей собственной стране. Его собеседник, предвидя возможное будущее, сдержанно ответил, что они вынуждены так поступать*, потому что плоть белых людей - смертельный яд*, и этот ответ вполне удовлетворил достойного каннибала.

Незадолго до появления месье дю Шайю среди фанатов произошел странный и дикий случай. Уже упоминалось, что фаны уже несколько лет прокладывают себе путь на запад, составляя часть огромного потока человеческой жизни, который непрерывно льется через великую горную стену, отделяющую Центральную Африку от прибрежных племен. Пройдя через различные районы и покорив их жителей, они наткнулись на деревню мпонгве и, согласно своему обыкновению, напали на нее. Мпонгве оказались совершенно неспособны противостоять этим воинственным и свирепым захватчикам и вскоре бежали из своих домов, оставив их в руках врага. Читатель может найти иллюстрацию этой сцены на следующей странице.

Фаны сразу же занялись своим любимым делом - грабежом, грабя все хижины, какие только могли найти, а когда обчистили все дома, вторглись в места захоронений и раскопали тела вождей ради украшений, оружия и инструментов, которые были похоронены вместе с ними.

Они наполнили два каноэ своими похищенными сокровищами, когда наткнулись на могилу, в которой лежало недавно погребенное тело. Его сразу же извлекли и, отнеся в удобное место под мангровыми деревьями, разожгли костер и приготовили тело в тех самых горшках, которые нашли в одной могиле с ним. Читатель помнит, что племя мпонгве хоронит вместе с телами своих главных мужчин те предметы, которыми они владели при жизни, и поэтому могила вождя - это идеальная сокровищница.

Все тела, однако, не пожираются: короли и великие вожди хоронятся вместе с их лучшей одеждой и самыми ценными украшениями.

Брачные обычаи фанов заслуживают краткого упоминания. Читатель может помнить, что, как правило, коренная африканская раса не отличается плодовитостью - во всяком случае, в своей собственной стране, хотя, будучи ввезенными в другие страны в качестве рабов, африканцы имеют большие семьи. Дети очень желанны в туземных племенах, поскольку они увеличивают достоинство родителя, а отсутствие детей - одна из причин повсеместного многоженства, и, как правило, у мужчины больше жен, чем детей. Однако фаны представляют собой замечательное исключение из этого правила, вероятно, по той причине, что они не женятся до тех пор, пока их жены не достигнут женского состояния. Они, конечно, обручают своих детей женского пола в очень раннем возрасте, часто сразу после их рождения, но фактический брак не происходит, пока ребенок не станет женщиной, а тем временем обрученная девушка остается со своими родителями, и ей не разрешается та неограниченная свобода действий, которая преобладает среди многих африканских племен.

Такое раннее обручение является необходимостью, поскольку цена, которую требуют за жену, очень высока, и мужчине приходится долго работать, прежде чем он сможет собрать достаточно имущества для покупки. Теперь, когда фаны прочно обосновались в торговых районах страны, "товары торговцев" - единственные предметы, которые отец примет в обмен на свою дочь; а поскольку эти товары можно купить только за слоновую кость, жениху-фану

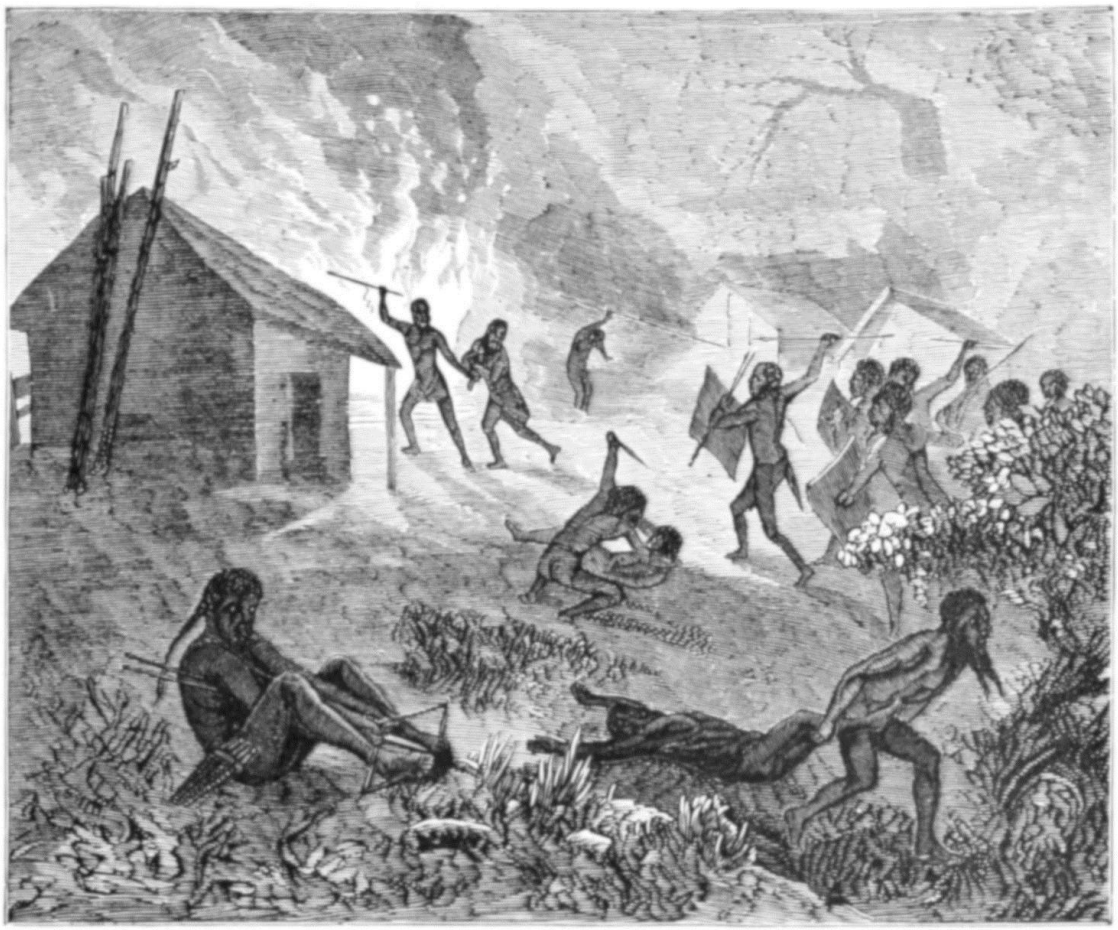
приходится убивать огромное количество слонов, прежде чем он сможет получить свою жену.

Торг за жену часто представляет собой очень забавную сцену (см. иллюстрацию на следующей странице), особенно если отец был достаточно уверен в красоте своей дочери, чтобы не выдавать ее замуж в детстве, а выставить на аукцион, когда она уже будет достаточно взрослой, чтобы выйти замуж. Сумрачный жених одевается в свои лучшие одежды и поджидает отца, чтобы начать переговоры.

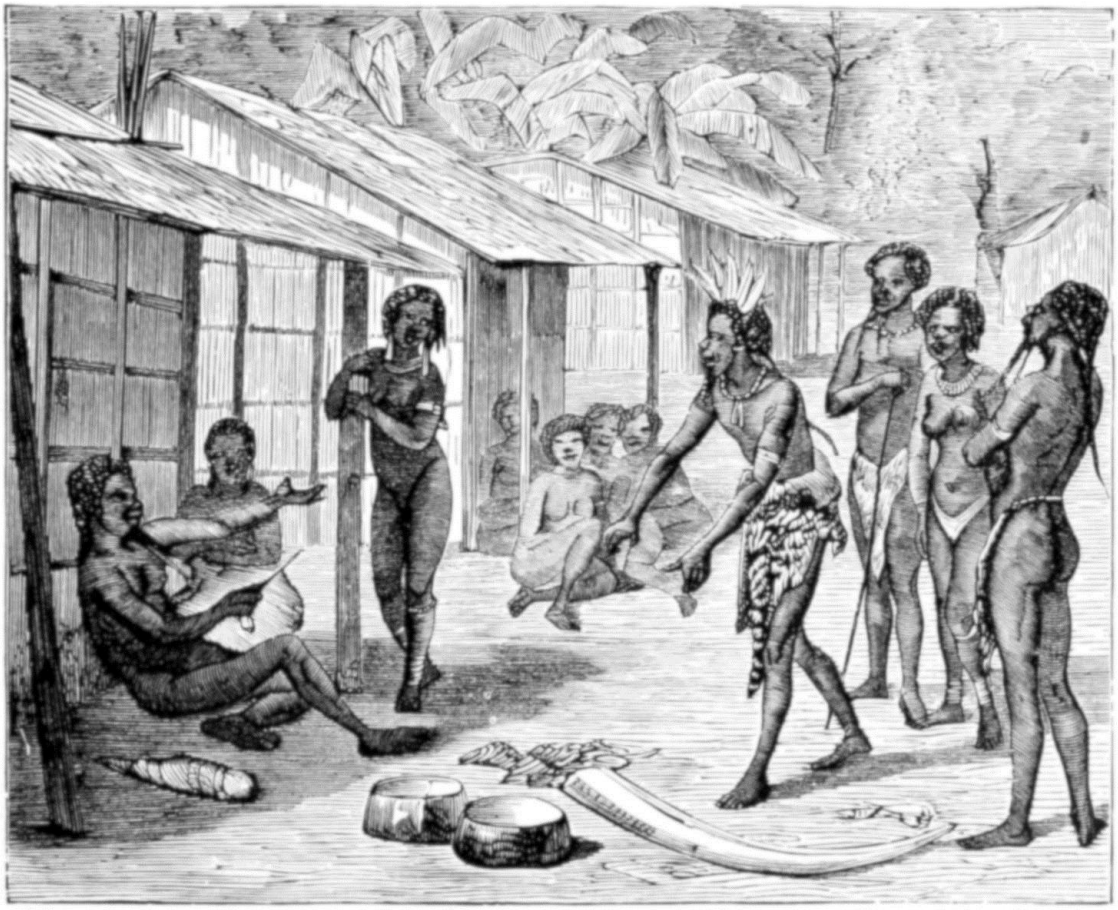
Его дело, конечно, обесценить красоту девушки, представить, что, хотя она может быть очень хорошенькой в возрасте одиннадцати или двенадцати лет, она потеряет свою привлекательность, когда станет зрелой женщиной четырнадцати или пятнадцати лет. Отец же, напротив, превозносит ценность своей дочери, пренебрежительно отзывается о женихе как о человеке, совершенно не достойном его внимания, и тут же назначает за нее такую цену, которую не смог бы заплатить самый богатый воин. Медные и латунные кастрюли, технически называемые "нептунами", являются главными предметами бартера среди фанов, которые, однако, не используют их для приготовления пищи, предпочитая для этого свои собственные глиняные горшки, а просто как удобный способ переноски определенного веса драгоценного металла. Медные браслеты и нарукавники также очень ценятся, как и белые бусы, а в последние годы незаменимыми стали отвратительные "торговые пистолеты". Наконец, после многочисленных споров с обеих сторон, дело улаживается, и цена девушки согласовывается. Часть обычно выплачивается в качестве залога, а оставшуюся часть жених обещает выплатить, когда придет за своей женой.

Как только день свадьбы назначен, жених и его друзья начинают готовиться к грандиозному пиру, на котором им предстоит развлекать огромное количество гостей. Некоторые из них отправляются на охоту на слонов, коптят и сушат плоть, сохраняют бивни для продажи. Другие готовят большое количество маниокового хлеба и подорожников, третьи находят себе занятие по душе - варят большое количество пальмового вина. Охотники также привлекаются для поддержания запасов мяса.

Когда день назначен, все жители деревни собираются, и невесту передают мужу, который уже заплатил за нее цену. Оба, разумеется, одеты во все самое лучшее. Невеста, как и положено незамужним женщинам, надевает только красную краску и столько украшений, сколько ей удается раздобыть. Ее волосы украшены огромным количеством белых бус, а запястья и лодыжки скрыты под обилием медных и латунных колец. Жених смазывает свое тело маслом, пока его кожа не заблестит как зеркало, чернит и полирует свои хорошо вычищенные зубы, украшает голову хохолком из ярких перьев и повязывает вокруг талии самую красивую кожу, которая у него есть.



(1.) НАПАДЕНИЕ НА ДЕРЕВНЮ МПОНГВЕ.
(См. стр. 536.)



(2.) ТОРГ ЗА ЖЕНУ.
(См. с. 536.)

Затем начинается сцена безудержного веселья. Гости, иногда в количестве нескольких сотен человек, продолжают пиршество три или четыре дня подряд, едят слоновью плоть, пьют пальмовое вино и танцуют, пока силы природы не истощатся, а затем спят час или два с той счастливой легкостью, которая отличает коренных африканцев. Проснувшись от короткого сна, они начинают пиршество заново, и после первых нескольких часов почти никто из гостей не трезв, да и не ожидалось, что он будет трезвым. Однако в конце концов все вино выпивается, и тогда гости возвращаются в состояние невольной трезвости.

Теперь мы переходим к религии и суевериям племени фан. Насколько у них есть реальное поклонение, настолько они идолопоклонники. В каждой деревне есть огромный идол, специально предназначенный для служения семье или клану, из которых состоят жители деревни, и в определенное время вся семья собирается вместе в доме или храме идола, а затем совершает свои акты поклонения, которые состоят главным образом из танцев и пения. Вокруг каждого из храмов размещено множество черепов диких животных, среди которых горилла занимает самое заметное место. Такие места считаются очень священными, и никто не осмелится снять ни один из черепов - такое осквернение считается смертным преступлением.

Как и многие другие дикарские племена, они очень небрежно относятся к человеческой жизни и совершают множество смертных преступлений, самым распространенным из которых является колдовство. Может показаться странным, что люди, привычно поедающие

тела своих собратьев, должны испытывать какие-либо суеверные чувства, но среди фанов страх перед колдовством почти так же велик, как и среди некоторых уже упомянутых племен.

Колдовство, однако, не всегда карается смертью, иногда преступника продают в рабство: в последние годы корабли "эмигрантов" принимали на борт много фанов. Как видно, фаны всегда используют своих преступников. Тех, кто осужден за кражу или другое обычное преступление, казнят, а их тела съедают. Но предполагается, что волшебники обладают некими чарами, которые делают их тела после смерти такими же вредными, какими они были при жизни преступников, и поэтому они продают преступника за "товар торговцев".

Ни один фанат не мечтает обойтись без целого набора амулетов, каждый из которых должен защитить его от какой-то особой опасности. Самый ценный - тот, что призван защищать владельца в бою, и его можно встретить на лице каждого фанского воина, который может себе это позволить. Он очень прост и представляет собой железную цепь со звеньями длиной в полтора дюйма и шириной в дюйм. Ее вешают через левое плечо и под правую руку, и считается, что она очень эффективна. Возможно, такая цепь в то или иное время превращала острие оружия, и, как следствие, нелогичные туземцы решили, что железные цепи являются эффективными консервантами на войне.

Следующим по ценности идет небольшой мешочек, который вешают на шею и который является заметным украшением среди мужчин. Это тоже боевой фетиш, сделанный из шкуры какого-нибудь редкого животного. В него кладут кусочки высушенной кожи, перья редких птиц, высушенные кончики хвостов обезьян, высушенные кишки некоторых животных, ракушки и кусочки костей. Каждый предмет должен быть снят с какого-то редкого животного и специально освящен знахарем. Воины часто так обвешаны этими и подобными фетишами, что они гремят при каждом шаге, к большому удовольствию владельца, и даже дети положительно обвешаны фетишными украшениями.

Читатель помнит, что во всех описанных племенах существует обычай праздновать какую-либо религиозную церемонию, когда впервые появляется новая луна. Этот обычай встречается и у фанов. Он был наглядно описан мистером В. Ридом следующим образом: - "Новая луна начала всходить.

"Новая луна начала всходить. Когда она была высоко в небе, мне посчастливилось стать свидетелем религиозного танца в ее честь. Там было два музыканта, один из которых владел инструментом под названием *ганджа*, устроенным по принципу гармоники; кусок твердого дерева били палками, а ноты выходили из калабашей разного размера, закрепленных внизу. Этот инструмент встречается повсеместно в Западной Африке. В Сенегамбии он называется *балонда*, в Анголе - *маримба*. Фребель также описывает его как используемый индейцами Центральной Америки, где, что еще более любопытно, он известен под тем же названием - *маримба*. Другой барабан стоял на пьедестале, а его кожа была сделана из уха слона. Тупой стук этого барабана, в который били руками, и резкий стук ганджи созывали танцоров.

"Они пришли с пением из леса. Их танец был безвкусен, их песня - торжественное беззвучное пение; они вращались по кругу, сцепив руки, как мы молимся, с глазами, устремленными на луну, а иногда их руки дико вздергивались к ней. Юноша, игравший на барабане, принял величественную позу. Когда я смотрел на него - на его откинутую назад голову, на его глаза, на его фантастический головной убор, на его обнаженную, прекрасно вылепленную фигуру, - я впервые увидел красоту в дикаре.

"Мерность сменилась, и две женщины, покрытые зелеными листьями и шкурами диких зверей, пустились в пляс, где исполнили *па-де-де*, которое заставило бы впасть в отчаяние

даже премьер-танцовщицу. Свои замысловатые шаги они сопровождали чудесными движениями тела и получали от зрителей небольшие подарки в виде белых бус.

"Мне всегда казалось, что это особое распоряжение природы, чтобы женщины, которые так легко устают от подъема по лестнице или от прогулки в церковь, были способны танцевать в течение какого-то времени; но никогда я не видел, чтобы женская выносливость была равна этой. Никогда я не отдыхал хуже. Всю ночь эти тоскливые оглушительные звуки прогоняли сон, а на следующее утро этих двух очарованных женщин все еще можно было увидеть в небольшом, но избранном кругу постоянных поклонников, извивающихся в своих извилистых (и теперь уже несколько пахучих) формах с неослабевающим пылом".

Форма маримбы или ганджа, используемая среди фанов, имеет в основном семь нот, а тыквы имеют по одному отверстию, закрытому куском паутины, как уже рассказывалось о барабанах Центральной Африки. Фанская ханджа прикреплена к небольшой раме; когда исполнитель собирается играть на инструменте, он садится, кладет раму на колени, так что ханджа оказывается подвешенной между ними, и затем бьет по клавишам двумя короткими палочками. Одна из этих палочек сделана из твердого дерева, а конец другой покрыт каким-то мягким материалом, чтобы заглушить звук. У фанов действительно есть музыкальный слух, и они владеют некоторыми красивыми, хотя и грубовато построенными партиями.

Конечно же, у фанов есть барабаны. Любимая форма кажется европейцам довольно неудобной. Он состоит из деревянного цилиндра слегка конической формы, около четырех футов в длину и всего десять дюймов в диаметре на широком конце, а на другом - едва ли семь дюймов. На большой конец плотно натянута кожа, и когда исполнитель играет на нем, он стоит с согнутыми коленями, держа барабан между ними, и яростно бьет по голове двумя деревянными палочками.

Вернемся к вере фанов в чары.

Уже упоминалось, что фаны в основном охотятся на слона, загоняя его в искусственно созданный из лиан барьер и убивая, когда он пытается вырваться из запутанных и переплетенных лиан. У них есть и другой, наиболее изобретательный план, который, однако, едва ли является их собственным изобретением, но частично заимствован у племен, через которые они прошли в своем продвижении на запад. Этот план называется Nghal, так называется загон, в который заманивают животных. Когда мистер Рид находился в стране племени мпонгве, в которую, как помнится, пробрались фаны, охотники узнали, что в определенном участке леса часто встречаются три слона. Честно заплатив мпонгве за разрешение охотиться в их угодьях, они отправились в путь и построили вокруг открытого участка земли загон, слегка сделанный, состоящий из столбов и перил. Вокруг нгала располагались хижины охотников-фанатов. Когда мистер Рид прибыл туда, ему сказали, что три слона находятся внутри нгала и спят под деревом, и, конечно, они там были, один из них - прекрасный старый самец с большой парой бивней. Если бы он захотел, то мог бы пройти через ограду, не тратя времени на то, чтобы изменить свой шаг, но он был здесь, вместе со своими товарищами, без малейшей мысли о побеге. Охотники были настолько уверены в безопасности своей могучей добычи, что даже не позаботились о том, чтобы закрыть отверстия, через которые животные проникли в нгал. Они не спешили убивать слонов. Им нравилось смотреть на них, когда они передвигались по нгалу, не обращая внимания на постоянную суету вокруг и, конечно же, не беспокоясь о ней. Слоны должны были оставаться там до новолуния, которое должно было наступить через две недели, а затем их убивали в честь этого праздника.

В результате расспросов выяснилось, что загон был построен не вокруг слонов, как можно было предположить. Нет, он был построен на некотором расстоянии от места, где слоны кормились. "Знахари сделали фетиш, чтобы они вошли. Они вошли. Знахари сделали для них фетиш, чтобы они остались. И они остались. Когда их убивали, делали фетиш, чтобы они не злились". Через две недели наступало новолуние, и тогда слонов убивали. До этого времени вырубали все кустарники и легкую траву, укрепляли ограду и переплетали ее ветвями. Слонов убивали копьями, арбалетами и ружьями".

Туземцы, однако, не позволили белому гостю войти в нгал, как он того хотел, и отказались от всех его взяток в виде бус и других предметов, дорогих душе фана. Они опасались, что присутствие белого человека может разрушить фетиш, а вид белого лица напугает слонов настолько, что они пренебрегут всеми наложенными на них чарами и в ужасе бросятся на хрупкую преграду, удерживающую их в плену.

Что касается способа, с помощью которого слонов побуждали войти в загон, то на этот вопрос не было дано иного ответа, кроме того, который уже был дан. В Индии загон представляет собой огромную и сложную ловушку с отверстием шириной около мили, в которую постепенно загоняют слонов и которая закрывается за ними по мере их продвижения ко все меньшим и меньшим тюрьмам. В Африке все, что было сделано, - это построили вольер, оставили отверстие , достаточно большое, чтобы в него мог войти слон, сделали фетиш для слонов, и они вошли.

Вся эта история - сплошная загадка. Мистер Рид, который откровенно признается, что если бы он своими глазами не видел нгал и его до сих пор открытую дверь, то отказался бы верить во всю эту историю, считает, что "фетиш", о котором идет речь, состоит из трех частей. Он предполагает, что первым фетишем был препарат какого-то растения, на которое у слонов такая же мания, как у кошек на валериану, а у голубей на соль, и думает, что их могли заманить в нгал с помощью этой травы. Затем, после того как их побудили войти в загон, он говорит, что их удерживали от приближения к ограде с помощью неприятных для них препаратов, и что "фетиш", который не позволял им злиться, когда их убивали, был просто своего рода опиатом, который им подбрасывали. Известная привередливость слона может натолкнуть некоторых читателей на мысль, что последнее предположение довольно неправдоподобно. Но известно также, что в некоторых частях Африки слонов обычно одурманивают отравленной пищей, а индийский одомашненный слон готов почти на все ради сладостей, в состав которых входит одурманивающая конопля.

То, что слонам не дают подойти к ограде с помощью отвратительного препарата, кажется вероятным на основании одного фетишизма, свидетелем которого стал мистер Рид. В определенное время дня знахарь обходил ограду, пел меланхоличным голосом и мазал столбы и перила темно-коричневой жидкостью. Было признано, что это фетиш, с помощью которого слонов заставляли оставаться в загоне, и весьма вероятно, что он обладал каким-то запахом, который вызывал отвращение у остро пахнущих животных и удерживал их от его воздействия.

Мистер Рид также предполагает, что этот способ ловли слонов может быть пережитком тех времен, когда африканских слонов брали живыми и обучали их служить человеку, как это делается сейчас в Индии и на Цейлоне. То, что знания о дрессировке слонов были утеряны, неудивительно, учитывая междоусобную вражду, царящую среди африканских племен и не позволяющую им развивать искусство мира. Но то, что их ловили и дрессировали даже в старые классические времена, хорошо известно; и, судя по всему, африканские слоны ничуть не уступали своим индийским сородичам в проницательности и послушании. Однако

сегодня нет ни одной части Африки, где бы туземцы не имели хотя бы малейшего представления о том, что такие чудовищные животные могут быть подвластны человеку, и даже в Абиссинии вид слонов, выступающих в роли тягловой силы и ноши, вызывает у туземцев полунедоверчивый трепет.

Когда фанатам удается убить слона, они проходят через любопытную церемонию, которая носит отчасти религиозный характер. До завершения этого обряда к мясу не прикасаются. Вся охотничья группа собирается вокруг павшего слона и танцует вокруг его тела. Затем приходит знахарь, отрезает кусок мяса от одной из задних ног и кладет его в корзину - корзин столько, сколько убитых слонов. Затем мясо варится под руководством знахаря и того, кто убил слона, после чего его уносят в лес и приносят в жертву идолу. Конечно, идол должен съесть его, и есть вероятность, что он сделает это через своего представителя, знахаря. Перед тем как отнести корзины в лес, охотники танцуют вокруг них, как танцевали вокруг слона, и умоляют идола быть либеральным по отношению к ним и дать им много слонов, чтобы они могли дать ему много мяса.

После того как духи умилостивлены, с костей слона снимают плоть, нарезают ее кусочками, развешивают на ветках и коптят до тех пор, пока она не высохнет, и тогда ее можно хранить в течение длительного времени.

Читатель может вспомнить, что одним из главных украшений храма идолов является череп гориллы, и этот же предмет используется несколькими племенами для аналогичной цели. Дело в том, что все аборигены тех районов, где горилла еще сохранилась, ужасно боятся этого животного и испытывают к нему то глубокое уважение, которое в сознании дикаря является результатом страха, и только страха. Дикарь никогда не уважает ничего, чего не боится, и то глубокое уважение, которое многие племена, даже свирепые, воинственные и хорошо вооруженные фаны, испытывают к горилле, показывает, что это действительно животное, которого следует бояться.

По поводу гориллы было столько споров, а история этой гигантской обезьяны так неразрывно переплетена с этой частью Южной Африки, что настоящая работа была бы несовершенной без краткого упоминания о ней. В вышеупомянутом споре были приняты две противоположные точки зрения: одна - что горилла была признанным королем леса, вытесняя всех других диких животных и даже нападая на слона и прогоняя его. Человека она не боится, подстерегает его и нападает при каждом удобном случае, являясь страшным противником даже в честном бою, а поединок между человеком и зверем - это бой *на выживание*, в котором один или другой должен погибнуть.

Те, кто придерживался противоположной точки зрения, осуждали все эти истории как "басни старых жен, годные лишь для того, чтобы быть убранными на книжные полки вашей бабушки" - я цитирую точные слова - говоря, что горилла, будучи обезьяной, обязательно является робким и замкнутым животным, боится человека и убегает , когда видит его. Вряд ли стоит упоминать, что М. дю Шайю ответственен за многие утверждения, содержащиеся в первой из этих теорий - некоторые из них, однако, по общему признанию, были получены со слуха, и что некоторые другие были распространены в Европе задолго до того, как дю Шайю опубликовал свою известную работу.

Истина, похоже, лежит между этими утверждениями, и вполне очевидно, что горилла - свирепый и дикий зверь, когда на нее нападают, но что она не станет из кожи вон лезть, чтобы напасть на человека, и, более того, всегда будет избегать его, если сможет. О том, что она способна быть свирепым и решительным врагом, свидетельствует тот факт, что у одного из проводников мистера В. Рида, охотника Этиа, левая рука была искалечена укусом

гориллы; а мистер Уилсон упоминает, что видел человека, который потерял почти всю икру одной ноги подобным образом, и он сказал, что его вполне могли разорвать на части, если бы его не спасли его товарищи. Как бы ни были грозны челюсти и зубы гориллы, когда ей удается схватить человека, ее удара не стоит бояться так сильно, как удара леопарда, поскольку он делается довольно неторопливо и позволяет проворному туземцу отпрыгнуть в сторону и избежать его.

Из-за общего для всего обезьяньего племени строения горилла привычно ходит на четвереньках и совершенно не способна стоять прямо, как человек. Она может принять частично прямое положение, но с согнутыми коленями, согнутым телом и изогнутыми ступнями, и не так твердо стоит на ногах, как танцующий медведь. Даже когда он стоит на ногах, тяжелое тело настолько плохо держится на слабых ногах, что животное вынуждено балансировать, раскачивая в воздухе большими руками, подобно тому, как канатный танцор балансирует на шесте.

Вследствие такого строения конечностей следы, оставляемые животным, очень любопытны: длинные и мощные руки используются как костыли, а короткие слабые задние ноги раскачиваются между ними. Похоже, что каждой группой или семьей горилл управляет старый самец, который управляет ими так же, как бык управляет своими товарищами и детьми.

Туземцы говорят, что горилла не только ходит, но и передвигается на четвереньках, хотя и поднимается на задние лапы, чтобы осмотреть своих врагов. Однажды Этия разыграла для мистера У. Рида сцену, в которой он получил рану, искалечившую его руку. Приказав мистеру Риду держать пистолет, как будто собираясь стрелять, он бросился вперед на четвереньках, схватил одной рукой левое запястье, подтащил его ко рту, заставил поверить, что укусит, а затем на четвереньках бросился наутек. И, судя по тому, с каким умом этот отвратительный, но вежливый охотник подражал другим животным, было очевидно, что его история правдива.

Что касается домов, которые, как говорят, строит горилла, то в этой истории есть доля правды. Домами их вряд ли можно назвать, так как они не имеют сторон, а в их строительстве горилла демонстрирует архитектурные способности, значительно уступающие многим животным. Домик бобра - это дворец по сравнению с жилищем гориллы. В лесах, где обитает горилла, можно найти множество заброшенных жилищ, которые очень похожи на гнезда цапель в довольно большом масштабе. Они состоят из палок, сорванных с деревьев и положенных на раскидистую часть горизонтальной ветки так, чтобы получилась грубая платформа. Это гнездо, если его можно так назвать, занимает самка, а со временем его разделяет и ее потомство. Самцы спят на большом дереве.

Застенчивая и скрытная в своих привычках, горилла удаляется от человеческих жилищ и любит затаиться в самых мрачных уголках леса, где она находит свою любимую пищу и где она свободна от вторжения человека. Что касается неукротимого характера гориллы в сравнении с шимпанзе, то мистер Рид упоминает, что видел молодых особей обоих животных, содержащихся в прирученном состоянии, и оба они одинаково нежны.

Теперь мы переходим к утверждению, что, когда горилла готовится к нападению, он бьет себя в грудь, пока она не зазвучит как большой барабан, издавая громкий рокочущий звук, который можно услышать через лес на расстоянии трех миль. Как такой звук может быть произведен таким образом, понять нелегко, и мистер Рид, тщательно расспросив нескольких охотников на горилл, не смог найти ни одного из них, кто когда-либо слышал этот звук или, более того, когда-либо слышал о нем. Они сказали, что у гориллы был барабан, и, когда их

попросили показать его, отвели собеседника к большому дуплистому дереву и заявили, что горилла схватила руками два соседних дерева и, раскачиваясь на дуплистом стволе, била в него ногами с такой "силой", что рокочущий звук был слышен на большом расстоянии.

Этиа проиллюстрировал практику гориллы, раскачав себя на дереве подобным образом, но не смог произвести звук. Тем не менее он придерживался своего утверждения, и, поскольку последовательность сильных ударов по пустому стволу производит нечто вроде рокота, вполне вероятно, что его утверждение было в основном верным.

Теперь, когда туземцы обзавелись огнестрельным оружием, они не боятся горилл так сильно, как раньше. Тем не менее, даже с такой мощной помощью охота на горилл не лишена опасностей, и, как мы уже видели, известно немало случаев, когда человек был тяжело ранен гориллой, хотя мистеру Риду не удалось узнать ни об одном случае, когда животное убило бы кого-нибудь из нападавших.

Когда туземные охотники преследуют гориллу, имея огнестрельное оружие, они вынуждены стрелять с очень близкого расстояния, отчасти потому, что густота тех участков леса, где обитает горилла, не позволяет им видеть животное на расстоянии более десяти или двенадцати ярдов, а отчасти потому, что необходимо убить с первого выстрела животное, которое, будучи только раненым, нападает на своих врагов и яростно использует грозное оружие, которым оно одарено. Любой, кто видел череп взрослой гориллы и обратил внимание на огромные челюстные кости, огромные зубы и высокие костные гребни на голове, которые служат для крепления мышц, может легко понять страшную силу укуса гориллы. Зубы, а не лапы, являются главным, если не единственным оружием, которое использует животное; и хотя они даны ему для того, чтобы он мог выкусывать кору деревьев, которыми он в основном питается, они могут быть использованы с таким же большим эффектом в бою.

Так, охотник-негр, который никогда не был хорошим стрелком и чье ружье настолько велико и тяжело, что о правильном прицеливании не может быть и речи, позволяет горилле приблизиться на три-четыре ярда, прежде чем выстрелить. Иногда животное оказывается слишком быстрым для него, и тогда он позволяет ему схватить конец ствола в руки и подтащить его к пасти, а затем стреляет как раз в тот момент, когда огромные челюсти заключают дуло между зубами. Захват объекта нападения в руки и подтягивание его ко рту, похоже, является у гориллы, как и у других представителей обезьяньего племени, обычным способом борьбы. Охотник должен быть очень осторожен, чтобы выстрелить в нужный момент, так как гигантская сила гориллы позволяет ей очень быстро расправиться с торговым ружьем, если ей случится вырвать оружие из рук владельца. Один французский офицер рассказал мистеру Риду, что видел одно из таких ружей, которое было схвачено гориллой, которая скрутила и согнула ствол "*как бумагу*".

Тот же путешественник, который, конечно, не склонен преувеличивать размеры или силу гориллы, был сильно поражен видом одной из них, которая была недавно убита. "Однажды Монгиламбу пришел и сказал мне, что на продажу выставлена свежеубитая горилла. Я спустился на пляж и увидел ее лежащей в небольшом каноэ, которое она почти заполнила. Это был самец, причем очень крупный. Сохранившийся экземпляр не может дать вам представления о том, что это за животное на самом деле: его кожа еще не огрубела, а кровь едва успела засохнуть на ранах. Отвратительное лицо, огромная грудь, массивные руки и, прежде всего, руки, похожие на человеческие, произвели на меня такое впечатление, какого

я никак не ожидал испытать. Но ничто не бывает совершенным. Огромное туловище превратилось в пару ног, тонких, согнутых, дряблых и дряхлых, как у старухи".

Такое впечатление на цивилизованного человека производит мертвое тело гориллы, лежащее в каноэ, и туземцев можно оправдать тем, что они испытывают суеверный трепет перед ним, когда оно свободно бродит по лесу, и считают, что его череп - подходящее украшение для храма их главного идола.

Для туземных охотников, не имеющих огнестрельного оружия, погоня за этим животным - занятие, сопряженное с реальными трудностями и опасностями. Они вынуждены искать его в глубинах его собственных убежищ и сближаться с ним. (См. иллюстрацию на стр. 457). Основным оружием обязательно является копье, так как стрела, даже отравленная, не убивает сразу, а горилла только от боли в ране нападает на того, кто ее нанес. Страх перед этим животным усиливает и уже упоминавшееся суеверие, согласно которому человек иногда превращается в гориллу, становясь при этом своего рода сильванским демоном, которого невозможно убить - во всяком случае, чернокожему человеку - и который одержим жаждой убийства каждого встречного человека.

За любой особо крупной гориллой непременно закрепится репутация превращенного человека, а поскольку рост взрослого самца иногда достигает пяти футов шести дюймов, есть некоторые основания полагать, что в этой чудовищной обезьяне скрыта некая сверхъестественная сила.

После тщательного исследования мистер Рид пришел к выводу, что, за исключением размеров, между гориллой и шимпанзе нет существенной разницы: оба животных обычно ходят на четвереньках, оба строят небольшие дома или платформы на деревьях, оба меняют свое жилище в поисках пищи и чтобы избежать соседства с человеком, и оба, не будучи стадными, иногда собираются вместе в значительном количестве.

ГЛАВА LIII.
КРУМЕН И ФАНТИ.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ КРУМЕНОВ - ИХ ПРЕКРАСНОЕ РАЗВИТИЕ И УДИВИТЕЛЬНАЯ ВЫНОСЛИВОСТЬ - ИХ УМЕНИЕ ПЛАВАТЬ НА ЛОДКАХ - ЦВЕТ КРУМЕНОВ - ИХ ОЧЕНЬ ПРОСТАЯ ОДЕЖДА - ДВОЙНАЯ НОМЕНКЛАТУРА - ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ - ПРАВИТЕЛЬСТВО КРУМЕНОВ - ИХ ЖИВОЙ И ВЕСЕЛЫЙ ХАРАКТЕР - ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ КРУМЕНОВ - ЗАРАБАТЫВАНИЕ ЖЕН - РЕЛИГИЯ КРУМЕНОВ - БОЖЕСТВО "СУФИН" - ПОХОРОНЫ КРУМЕНОВ - ЗЕРНОВОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ - ПЛЕМЯ ФАНТИ - ИХ ИСКОННАЯ ПРАЗДНОСТЬ - ЛОДКИ ФАНТИ И ИХ УПРАВЛЕНИЕ - КРА-.БОЛЕЗНЬ КРА - ДИКАЯ ЛЕГЕНДА - ОДЕЖДА ФАНТИ - ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ ГОСУДАРСТВЕ.

Вдоль Зернового побережья Западной Африки живет раса людей, которая слишком часто предстает перед глазами европейцев, чтобы ее можно было не упоминать в этой работе. Они в некоторой степени утратили привычки своей первоначальной дикарской жизни, но они так хорошо иллюстрируют особый негритянский характер, что им необходимо посвятить небольшое место.

Название Кру, или Кроо, а иногда Кэрью, или Крю - так разнообразна орфография туземных имен - является изменением гребского слова "Kráo". Племя обитает в районе,

расположенном примерно в двадцати пяти или тридцати милях от побережья и простирающемся на значительное, но неопределенное расстояние вглубь страны. В него постепенно влилось множество более мелких племен, и, поскольку они переняли язык, нравы и обычаи, а также название "крао", мы будем рассматривать их всех под одним и тем же названием.

В "Странствиях Ф. Р. Г. С." есть любопытный рассказ о происхождении слова гребо, одного из поглощенных племен. Согласно их собственному преданию, изначально они обитали во внутренних районах страны, и, обнаружив, что их район слишком густо заселен, большая часть из них решила эмигрировать на запад и тайно готовилась к отплытию, хотя большинство было против. Поскольку они отправились в путь в спешке, несколько каноэ были разбиты, но остальным удалось переплыть волны. Поэтому тех, кто потерпел крушение и остался позади, назвали "вайбо", или потерпевшие крушение, а остальные получили имя Гребо, от серых обезьян по кличке Гре.

Крумены - прекрасная раса, представляющая собой большой контраст с обычными стройными и почти женоподобными дикарями внутренних районов. Они чрезвычайно сильны и способны проплыть на веслах около сорока миль за раз, не чувствуя ни малейшей усталости по окончании своих трудов. Они являются признанными моряками побережья и стали необходимы торговцам и даже правительственным судам, поскольку могут выдерживать большой объем работы и не подвержены влиянию климата, как белые моряки.

Круман записывается в моряки, как только становится сам себе хозяином, и довольствуется тем, что начинает жизнь "мальчиком", чтобы закончить ее "мужчиной", то *есть* нанимается на работу, чтобы получить товары, которые позволят ему купить жену, и за несколько плаваний увеличивает число своих жен, а следовательно, и уважение, которым пользуются его соотечественники.

Он великолепно управляет каноэ, причем управляет своей миниатюрной лодкой с мастерством, которое нужно увидеть, чтобы оценить. Он гонит ее сквозь прибой с бесстрашной скоростью, и ему нет дела до бурлящей воды вокруг. "Круман, - пишет мистер Рид, - сидит в ней на коленях и выгребает воду одной из ног. Иногда он гребет руками: иногда, опустив ногу в воду, он крутит каноэ на полной скорости, как конькобежец на "внешнем краю". Если каноэ опрокидывается, как того иногда требуют законы равновесия, он переворачивает его, вынимает тюк из калабаша, плавая при этом, и снова скользит по воде, его кожа блестит, как у тюленя".

Эти необычные маленькие каноэ заострены с каждого конца и имеют форму полумесяца, так что они выступают из воды носом и кормой. Они очень узкие и сделаны из одного ствола дерева, обычно хлопкового дерева или разновидности тополя. Внутренняя часть сначала выдолблена огнем, затем обстругана клещами, а ребра предотвращены от разрушения четырьмя или пятью поперечными палками. Они очень массивны, а поскольку древесина очень легкая, то не тонут, даже если их наполнить водой. Они настолько малы, что на небольшом расстоянии их не видно, и кажется, что обитатели ступают по воде.

Любопытно наблюдать, как целая флотилия этих каноэ направляется к кораблю. Стоит английскому кораблю бросить якорь, как на него налетает целый рой этих каноэ, а их чернокожие обитатели распевают песни во весь голос и кричат: "Батео! Батео! В путь! Бар-гри!" и другие подобные возгласы, когда они мчатся друг за другом к судну. Ни одному европейцу не удавалось управлять этими хрупкими каноэ, и обычно, попав в них, лодка переворачивается и выбрасывает неосторожного искателя приключений в море.

Внешний вид этих людей графически описан в "F. R. G. S.". "Представьте себе голову Сократа или Силена на теле Антиноя или Аполлона Бельведерского. Более великолепного развития мускулов, такой совершенной симметрии в балансе грации и силы мои глаза еще не встречали. Но лица! За исключением тех случаев, когда они озарены улыбкой и добрым настроением - выражение лица африканца заключается во всем - ничто не может быть более непривлекательным. Плоский нос, высокие скулы, желтые глаза, мелкие белые зубы, заостренные, как у акулы, морда, выпяченная, как у собаки-обезьяны, - все это вместе взятое создает необычайное уродство.

К этому добавляется еще и знак племени - синяя линия надрезов шириной в полдюйма, идущая ото лба до кончика носа, в некоторых случаях она проходит по обеим губам до подбородка, отчего их называют "синекожими", а на каждом виске, чуть выше скуловых костей, - широкая стрела или клин, направленный к лицу и тоже синий. Отметины делаются ножом - небольшие надрезы, в которые втирается маслянистая шелуха эвкалипта. Их тела подобным образом украшены звездами, европейскими эмблемами, такими как якоря и т.д., особенно широкими двойными линиями по груди и другим частям.

"Черты их лица отчетливо африканские, без примеси арабских; конъюнктива коричневая, желтая или матовая - хамитская особенность; некоторые рисуют белые овалы вокруг орбит, похожие на очки, создавая эффект лупы. Иногда это делается во время болезни, и людей натирают различными светлыми и темными порошками. Кожа очень темная, часто лампово-черная; у других она насыщенного коричневого или бронзового оттенка, но светлокожего человека обычно называют Томом Кофе.

"Волосы, короткие и вьющиеся, они носят в косах, похожих на черепную коробку Будды, и бреются, когда скорбят по родственникам. Любимая "фаш" (*то есть* мода) - выскребать параллелограмм за головой, от затылка до мозжечка; другие украшены в том пейзажном или партерном стиле, который нравится более диким африканцам. Задняя часть черепа часто удивительно плоская, и я видел много голов пирамидальной формы, узких и заостренных к вершине. Борода редко бывает густой и длинной; усы удалены, а ворс, как и волосы, часто растет клочьями. Татуировка часто описывается. Кажется, в этом процессе есть что-то привлекательное - английский моряк редко может устоять перед соблазном.

"Они также обрезают, обтачивают и удаляют зубы. Большинство мужчин вырезают перевернутую букву V между двумя средними резцами верхней челюсти; другие рисуют один или два центральных нижних резца; третьи, особенно мужчины из Сент-Эндрюса, обкалывают или заостряют резцы, как вахиао и некоторые племена Центральной Африки".

"Одонтология имеет свои тайны. Стоматологи, кажется, или скорее кажется, придерживаются теории, что разрушение эмали влечет за собой потерю зуба; крумены точат свои резцы ножом или грубым куском обручного железа и обнаруживают, что заточка, вместо того чтобы вызывать кариес, действует как консервант, облегчая процесс ланиации. Точно так же есть физиологи, которые объясняют сохранность зубов негра тем, что он не пьет ничего горячее, чем тепло крови. Это простая эмпирика. Арабы глотают кофе почти кипящим, а восточноафриканцы поглощают агали, или кашу, когда температура может ошпарить руку. При этом у обеих этих рас жемчужные зубы, за исключением тех случаев, когда они жуют известь или табак".

Туземная одежда мужчин достаточно проста и состоит из розово-белой или сине-белой клетчатой ткани вокруг талии и разнообразных украшений, сделанных из кожи, металла, стекла или слоновой кости. Последнее вещество в основном добывают в Габуне или

Камеруне, и носят его в виде больших наручных колец, которые медленно вырезают ножом и полируют, протягивая мокрый шнур вперед-назад. У некоторых моряков Крумена на нарукавниках выгравированы их имена (*то есть* морские названия), а некоторые из них носят на груди латунную пластину с выгравированным на ней именем. Конечно, некоторые из их украшений являются амулетами или фетишами.

Женщины представляют собой неприятный контраст с мужчинами: они невысокого роста, их пропорции нескладны, а черты лица отталкивающие. Их стиль одежды, представляющий собой всего лишь сильно утянутый подъюбник, демонстрирует почти всю фигуру и позволяет зрителю составить очень точное мнение об их внешности. Конечно, , основную часть работы выполняют женщины, и этот обычай, несомненно, влияет на замедление и ухудшение формы.

У всех краменов есть два имени: одно - то, которым их называют на родном языке, другое - то, которым они известны своим работодателям. Очень жаль, что этих прекрасных парней унижают нелепые английские имена, которые им дают. Их собственные имена - *например,* Кофа, Наку, Тия и т. д. - достаточно легко произносятся, и было бы гораздо лучше использовать их, а не "называть их не по именам", согласно отечественной фразе. Вот имена пяти человек, которые согласились отвезти мистера Рида в Габун: Дымный Джек, Сухой Тост, Таракан, Горшок с пивом и, из всех имен в мире для голого негра, Флоренс Найтингейл.

Они всегда требуют рис - это для них необходимость, и пока они получают свои полторы пинты риса в день, они могут работать неограниченно. Они варят рис для себя в своей примитивной, но эффективной манере и кормят себя так, как кормят индеек, захватывая большие горсти риса, сжимая их в шарики и умудряясь каким-то загадочным образом проглотить их целиком, не подавившись. Когда они поступают на военно-морскую службу, то считают себя состоявшимися людьми, получая не только рис, но и вместо других пайков обильную одежду и высокое жалованье, так что, сойдя на берег, они становятся богачами и получают свое звание. Конечно, их обманывают все их родственники, которые слетаются к ним и ожидают пиршества в течение нескольких дней, но все же матрос Круман может купить себе жену или двух и сразу же стать "мужчиной". По его собственному выражению, он "ниггер для корабля, король для страны". Обычный срок контракта - один год, и вряд ли можно убедить крумена заключить контракт более чем на три года, настолько они привязаны к "моей стране".

Их правительство простое. Они делятся на четыре класса, или касты, - старейшины, настоящие воины, воины на испытательном сроке и жрецы; последний термин включает собственно жрецов, экзорцистов и лекарей. Они строго республиканские, и никому не разрешается накапливать или, во всяком случае, демонстрировать богатство, намного превышающее среднее состояние его товарищей. Если хотя бы один из старейшин сделает это, устраивается пирушка, и его имущество снижается до должного уровня. Англоязычные крумены описывают это как наказание за "излишнюю наглость". На самом деле имущество хранится по акционерному принципу, так что слово "содружество" вполне применимо к их способу правления.

Смертная казнь применяется редко, разве что в случаях колдовства или убийства, причем примечательно, что в последнем случае не делается различия между случайным непредумышленным убийством и убийством со "*злым умыслом*". Здесь широко распространено испытание ядом, который готовится из "сасвуда" дерева гидден; и

существует полезное правило, согласно которому, если обвиняемый выдерживает испытание, обвинитель должен выпить его в свою очередь.

То, что они отъявленные лжецы, закоренелые воры и не имеют ни малейшего представления о морали, означает лишь то, что они дикари, и те, кому приходится иметь с ними дело, вполне могут справиться, если только будут помнить об этих особенностях. Если они узнают, что едут в какое-то место, которое им не нравится - возможно, из-за какой-то личной вражды, потому что они боятся человека, чьи домашние отношения они нарушили, - они придут с угрюмыми лицами к своему хозяину и расскажут ему самую поразительную ложь об этом.

При этом они веселые, жизнерадостные ребята, в полной мере обладающие негритянской любовью к пению, барабанам и танцам. Любая работа, которую они выполняют, сопровождается песней, а опытный путешественник, которого везет Крумен, всегда берет с собой какой-нибудь барабан, зная, что с его помощью можно выиграть четверть времени, затраченного на дорогу. Даже после тяжелого дня они приходят к своему хозяину, просят разрешения "поиграть" и продолжают петь и танцевать до полуночи. При таких обстоятельствах путешественник не преминет дать им разрешение, но при условии, что они уберутся подальше от посторонних глаз. Даже их обычные разговоры так похожи на крики, что их всегда приходится размещать в пристройках, а когда они возбуждаются от своей музыки, их шум становится невыносимым.

Они очень любят опьяняющие жидкости, причем ничуть не заботятся о качестве, лишь бы опьяняющее свойство было налицо.

Уже упоминалось, что они отъявленные воры, и ни в чем их воровской талант не проявляется так ярко, как в спиртных напитках. Они даже превосходят британских моряков в изобретательности, которую они проявляют при обнаружении и краже спиртных напитков, и вряд ли найдется хоть один риск, на который они не пойдут, чтобы заполучить их. Вопреки привычке большинства дикарей, они очень чувствительны к боли, и порка, которую едва ли почувствовал бы мальчик из Буша, вызовет крик боли у крумана. Они боятся кнута почти так же сильно, как смерти, и все же отважатся на ужасы порки, чтобы добраться до рома или бренди.

Против их неугомонной хитрости не существует никаких мер предосторожности, и неосторожный путешественник часто удивляется, когда ему становится плохо и он хочет выпить бренди в качестве лекарства, но не находит ни капли, а между тем, всей видимости, его ящик со спиртом был у него на глазах, как и те негодяи, которые ухитрились его украсть. Даже такой опытный путешественник, как капитан Бертон, человек, знающий характер негров лучше, чем любой европеец, говорит, что ему так и не довелось выпить свою последнюю бутылку коньяка - ее всегда опустошал его Крумен.

Всевозможные продукты исчезают таким же загадочным образом: они душат коз и готовят их так, чтобы они выглядели так, будто их укусили ядовитые змеи; что касается птиц, то они исчезают так, будто добровольно влетели в глотку грабителей. Все блестящее и полированное обязательно будет украдено, а из-за склонности краменов к воровству труднее всего в мире безопасно провезти математические инструменты через Западную Африку.

Даже когда они крадут предметы, которые не могут съесть, очень трудно обнаружить место, где спрятан пропавший предмет, а поскольку партия краменов всегда делится добычей, они заинтересованы в сохранении своего бизнеса в тайне. Единственным способом получения

информации является жестокая порка, и даже в этом случае часто случается, что хитрые негодяи переправили свою добычу кому-то из своих людей или провезли ее контрабандой на борту какого-нибудь судна.

Теперь мы переходим к бытовым привычкам краменов, которые сводятся к браку, религии, смерти и погребению.

Эти люди, как уже было замечено, являются благоразумной расой и обладают неафриканской способностью заглядывать в будущее. Именно эта способность заставляет их так усердно работать ради своих жен: когда у мужчины нет жены, он должен работать только на себя; когда у него есть жена, она снимает с него часть работы; а когда он женится на дюжине или около того, они могут содержать его в безделье до конца его дней.

Итак, когда молодой человек наскреб достаточно имущества, чтобы купить жену, он идет к отцу девушки, показывает товар и заключает сделку. Если она принимается, он женится на ней по очень простой схеме: вся церемония сводится к тому, что отец получает товар и передает девушку. Он остается с ней в доме ее отца на неделю или две, а затем отправляется в очередное путешествие, чтобы заработать достаточно денег для покупки второй. Таким же образом он приобретает третью и четвертую, а затем обустраивает собственное жилище, где у каждой жены есть своя маленькая хижина.

Сколько бы жен ни было у крумана, первая занимает главное место и управляет всем хозяйством. Как и в большинстве стран, где практикуется полигамия, женщины не возражают против того, чтобы разделить привязанность мужа. Напротив, главная жена, как правило, уговаривает мужа пополнить ряды, ведь каждая дополнительная жена - это, по сути, дополнительная служанка, которая снимает с ее плеч значительную часть работы. А неполноценная жена всегда предпочтет быть двенадцатой или тринадцатой женой богатого мужчины, чем одинокой женой бедняка, на которого ей придется работать как рабыне.

Хотя женщины полностью подчиняются своим мужьям, в их руках есть средство, если с ними очень плохо обращаются. Они убегают в свою семью, и тогда начинается большой скандал. В случае разлуки дети, хотя и любят свою мать больше, чем отца, считаются его собственностью и должны идти с ним.

Их религия очень примитивна, и, несмотря на то, что крумены уже столько лет соприкасаются с цивилизацией, и их усердно учат миссионеры, они не поменяли свои старые суеверия на новую религию. О том, что они верят в действенность амулетов и талисманов, уже говорилось, и поэтому очевидно, что они должны верить в сверхъестественные существа, на которых, как предполагается, влияют эти талисманы. Что же касается поклонения, то о нем известно очень мало, вероятно, потому, что оно практически не практикуется. Однажды, когда судно потерпело крушение, один из круманов всю ночь простоял на берегу моря с лицом, обращенным на запад, размахивая правой рукой и непрерывно воя до рассвета. Остальные смотрели на него, но не пытались присоединиться к нему.

Есть одна религиозная церемония, которая проходит в удивительной пещере, называемой благозвучным именем Большая Дьявольская пещера. Она представляет собой углубление в огромной скале, имеющее в конце меньшую и внутреннюю пещеру, в которой обитает демон. Очевидно, испытывая неприязнь к наименованию объекта своих суеверий, из-за которой верующие в фей называли их "добрыми людьми", а современные норвежцы говорили о медведе, как о "нарушителе спокойствия" или "том, кто в шубе", крумены благоразумно обозначают этого демона как "Саффин", *то есть* Нечто.

Отправляясь на поклонение, они кладут во внутреннюю пещеру четки, табак, провизию и ром, которые тут же убирает таинственный Саффин, призванный все это поглотить. В обмен на щедрость своих почитателей Саффин отвечает на любые вопросы на любом языке. Крумены так же твердо верят в существование и сверхъестественный характер Саффина, как вавилоняне во времена Даниила верили, что Белл ежедневно поглощал "двенадцать больших мер муки, сорок овец и шесть сосудов вина", которые ему приносили в жертву. И в качестве убедительного доказательства опасности недоверия они с трепетом указывают на дерево, стоящее возле устья Большой Дьявольской пещеры, которое раньше было Круманом, выразившим свое неверие в Саффина, и сразу же превратилось в дерево, о котором идет речь.

Они клянутся, обмакивая палец в соль, указывая им на небо и землю, как бы призывая силы того и другого, а затем кладут кончик пальца в рот, как бы призывая оскорбленные силы отомстить за лжесвидетельство тому, кто принял соль. Учитывая волчью прожорливость круменов, которая присуща им в равной степени с другими дикарями, они проявляют большое самообладание, подчиняясь народному суеверию, запрещающему им есть сердца скота или пить его кровь.

Умершего крумана хоронят со многими церемониями, и, в частности, перед его домом разводят огонь, чтобы его дух мог согреться, пока он готовится оценить новую жизнь, в которую он родился. С той же целью возле могилы ставят еду. Если человек хороший, он может вести скот, который был принесен в жертву на его похоронах, и таким образом проложить себе путь в страну духов, в которой он займет место в соответствии с количеством скота, который он привел с собой. Иногда он может вселяться в тела детей и таким образом вновь появляться на земле. Но если он плохой человек, и особенно если он волшебник - *то есть* тот, кто без разрешения практикует искусства, которые возносят обычных практиков к богатству и почету, - его состояние после смерти очень ужасно, и он вынужден вечно скитаться по мрачным болотам и топям.

Любопытно, что у краменов есть представление о переходном или чистилищном состоянии. Рай краменов называется Квига Оран*, то есть* Город призраков, и прежде чем попасть в него, человек должен провести определенное время в промежуточном пространстве, называемом Мену или Менуке.

Здесь уместно заметить, что Зерновой берег, на котором в основном живут крумены, получил свое название не от кукурузы, ячменя или других злаков. Речь идет о хорошо известном кардамоне, или райском зерне, которое используется в качестве лекарства на всей территории Западной Африки и применяется как средство от различных болезней. Он высоко ценится как тонизирующее средство после усталости: когда человек полностью измотан долгим дневным маршем, ничто так не освежает его, как горсть кардамонов в свежем виде, сочная и отчасти кислая мякоть которых очень приятно контрастирует с ароматным теплом семян. Кардамон используется как внутренне, так и наружно. Его едят как желудочное средство, а также часто делают припарки и прикладывают к любой части тела, которая страдает от боли. Например, считается, что головная боль лечится семенами кардамона, растолченными и смешанными с водой в пасту; и даже во время приступов лихорадки порошок кардамона применяется как тонизирующее средство.

ФАНТИ.

Район Западной Африки, который сейчас известен под общим названием Золотой берег, Ашанти или Ашанти, занимают два племени, которые всегда находятся в состоянии смертельной вражды друг с другом. Междоусобные распри - одно из многих проклятий, тормозящих прогресс Африки, а в данном случае распри настолько яростны и упорны, что даже в наши дни, хотя два великих племени, фанти и ашанти, воюют снова и снова, и последние явно побеждают и овладевают землей, первые все еще остаются большим и сильным племенем и, несмотря на так называемое истребление, во многом доказали свою жизнеспособность.

Географически племя фанти отделено от своих грозных соседей рекой Боссумпеа, и если кто-то из племени пересекает эту границу, это объявляется открытым актом войны. К несчастью, Англия умудрилась ввязаться в эту войну и, как на зло, выступила на стороне племени фанти, а значит, разделила с ними поражение.

Не удивительно, что фанти были так полностью покорены, ведь мистер Дункан, путешественник, хорошо знавший их, назвал их самыми грязными и ленивыми из всех африканцев, которых он видел. Сто из них работали под надзором англичанина, и даже при таком побуждении они делали не больше, чем бригада из пятнадцати английских рабочих. Если их постоянно не побуждать к работе, они будут лежать и греться на солнце; и даже если нанять местного надсмотрщика, он будет так же плох, как и остальные его соотечественники.

Даже ту работу, которую они делают, они выполняют в своей собственной глупой манере. Например, собирая камень для строительства, они идут, по двадцать человек в бригаде, целую милю до каменоломни и возвращаются обратно, каждый с одним камнем весом в восемь или девять фунтов на голове. Любую ношу они несут на голове. Когда-то их снабдили тачками, но они клали по одному камню в каждую тачку, а потом ставили тачки себе на голову. Причина, по которой они так ленивы, достаточно очевидна. Они могут хорошо жить на пенни в день, и единственной целью их работы является добыча рома, табака и хлопчатобумажных тканей. Поэтому жена должна зарабатывать на самое необходимое, а муж зарабатывает и потребляет предметы роскоши.

Племя фанти - хорошие каноисты, но их лодки гораздо больше и тяжелее тех, что используют крамены. Их длина составляет от тридцати до сорока футов, а для защиты от воды они снабжены досками. Форма весла обычно напоминает трефовый туз на конце рукоятки; но когда каноэ приходится проводить по гладкой и глубокой воде, лопасти весел делают длинными и листовидными, чтобы они хорошо держались на воде. Лодочники фанти - большие мастера по доставке пассажиров с кораблей на берег. Ожидая у борта корабля, пока сильное море поднимает и опускает их коленчатые каноэ, как пробки, они выбирают подходящий момент, стаскивают встревоженного пассажира с трапа, за который он цеплялся, сажают его в лодку и с криками ликования отправляются на берег. Из-за прибоя высадка пассажиров на берег требует не меньшей осторожности, чем их высадка из лодки. Они слоняются по окраинам прибойных ветвей, пока те вьются, крутятся и разлетаются на куски в белых брызгах, и, как только одна большая волна обрушивается на берег, они гребут на гребне следующей волны, а перед тем как она разобьется, выпрыгивают из лодки, хорошо обгоняют ее по берегу, а затем просят табаку.

Мужчины - довольно симпатичные ребята, высокие и хорошо сложенные, но, к сожалению, подвержены многим кожным заболеваниям, среди которых наибольший страх вызывает ужасная кра-кра. Эта ужасная болезнь, которую иногда пишут, как и произносят, craw-craw,

представляет собой разновидность проказы, которая охватывает все тело и делает его поверхность самой отвратительной на вид. К сожалению, она очень заразна, и даже белые люди подвергаются ей, просто положив руку на место, на котором отдыхал негр, страдающий кра-кра. Иногда вся команда корабля заболевает кра-кра, которая передается даже козам и другим животным, для которых она часто оказывается смертельной.

У туземцев есть любопытная легенда о происхождении этой ужасной болезни. Первый человек по имени Райчоу однажды пришел со своим сыном к большой яме в земле, из которой всю ночь вырывался огонь. Они услышали, что с ними разговаривают люди, но не могли различить их лиц. Тогда Райчоу послал своего сына в яму, и на дне он встретил короля огненной ямы, который вызвал его на состязание в метании копья, причем ставкой была его жизнь. Он выиграл состязание, и царь огня был так доволен его мастерством, что велел юноше просить все, что ему понравится, прежде чем он будет возвращен на верхний воздух. Выбранным благом стало средство от всех болезней, которые он мог назвать. Юноша перечислил все недуги, которые мог вспомнить, и получил лекарство от каждого. Когда он собирался уходить, царь огня сказал: "Ты забыл об одной болезни. Это кра-кра, и от *нее* ты умрешь".

Цвет их кожи скорее темно-шоколадный, чем черный, у них довольно хорошо сформированный нос, а угол лица лучше, чем у настоящего негра. Их одежда - это просто пара хлопчатобумажных тканей, одна из которых скручена вокруг талии, а другая накинута на плечи. Однако это едва ли можно считать одеждой, и рассматривать ее следует примерно так же, как европеец рассматривает свою шляпу, *то есть* как вещь, которую можно носить вне дома. Как и шляпа, она снимается всякий раз, когда фанти встречает начальника; это любопытное приветствие встречается и на некоторых островах Южного моря.

В молодости женщины уродливы лицом и красивы формой, в старости они отвратительны и тем, и другим. Несмотря на исламизм, с которым они постоянно соприкасаются и который сумел сделать их самыми цивилизованными из западноафриканских племен, женщины настолько далеки от того, чтобы закрывать лицо, что их наряд начинается на талии и заканчивается на коленях. К сожалению, единственную красоту, которой они обладают, - красоту формы - они портят уродливым приспособлением под названием "кэнки", *то есть* довольно большим продолговатым мешком из бязи, набитым в форму подушки, а затем привязанным лентами к спине носительницы, так что верхний край и два угла выступают вверх очень нелепым образом. На самом деле это лишь небольшое преувеличение предмета одежды, который в свое время был моден во всей Европе, и который, на художественный взгляд, имел тот же недостаток - портил хорошую фигуру и не скрывал плохую. Замужние женщины имеют некоторое оправдание для его ношения, так как говорят, что он служит прекрасной подушкой для ребенка, на которой он может сидеть; но молодые девушки, которые также носят его, не имеют такого оправдания и могут только ссылаться на моду дня.

Вокруг талии всегда висит нитка бус, стеклянных или глиняных, если носительница бедна, и золотых, если богата. Это поддерживает "шим", своего рода нижний подъюбник, если можно так выразиться, который представляет собой просто полоску бязи шириной в дюйм или около того, один конец которой прикреплен к поясу из бус спереди, а другой - сзади. Все они носят множество украшений обычного вида*:* ожерелья, браслеты, нарукавники, браслеты и даже кольца на пальцах ног.

Волосы замужних женщин уложены довольно своеобразно. Хотя они хрустящие и вьющиеся, но вырастают до девяти-десяти сантиметров в длину, и их распушивают и расчесывают с большим мастерством и терпением. Вокруг корней волос выбривается четко очерченная

линия, а оставшиеся локоны, предварительно напитанные жиром и вычесанные на максимальную длину, подравниваются вверх в высокий гребень. Если волосы слишком коротки или скудны для достижения нужного эффекта, часть дополнительных волос скручивают в подушечку и подкладывают под настоящие локоны. Этот гребень поддерживается большим гребнем, воткнутым в затылок, и, хотя форма волосяных хохолков значительно отличается, он всегда присутствует и всегда делается как можно более крупным.

У фанти есть свои особые суеверия, которые до сих пор не искоренены.

В соответствии со своим суеверным культом, они устраивают в течение года множество священных дней, во время которых поднимают такой шум, что европеец едва ли может жить в городе. Помимо жутких ревов и воплей, которые, кажется, не могут издавать негры, они дуют в рога и длинные деревянные трубы, звук которых, по описаниям, напоминает рев быка, и идут процессией, окружая своими рогами и трубами самый шумный инструмент из всех, а именно кин-каси, или большой барабан. Он около четырех футов в длину и одного в ширину, и для игры на нем требуется два человека: один несет его, по негритянской моде, на голове, а другой идет позади и бьет в него без малейшей оглядки на время, с единственной целью - произвести как можно больше шума.

Их фетиши бесчисленны, и вряд ли можно пройтись где-нибудь, не увидев фетиш или два. Для фетиша годится все, что угодно, но самый любимый предмет - пучок тряпок, связанных вместе, как детская тряпичная кукла. Его кладут в каком-нибудь общественном месте, и так велико благоговение, с которым относятся к подобным предметам, что иногда он остается на одном месте в течение нескольких недель. Иногда вместо тряпичной куклы ставят маленькое глиняное изображение, призванное изображать человека.

В "Странствиях Ф. Р. Г. С." дается следующее краткое описание религиозной системы: "Религиозные представления фанти, как обычно в Африке, расплывчаты и неясны. У каждого человека есть свой Саман - буквально скелет или гоблин - или личный фетиш, идол, тряпка, птица, перья, пучок травы, кусочек стекла и так далее; этому он оказывает наибольшее почтение, потому что это ближе всего к нему.

Босор - воображаемые существа, вероятно, призрачного происхождения, которых миссионеры называют "духами". Абонсам - злобное существо, обитающее в верхних областях. Сасабонсам - друг ведьм и волшебников, ненавидит священников и миссионеров, обитает на огромных шелково-хлопковых деревьях в самых мрачных лесах; это чудовищное существо, человеческой формы, красного цвета и с длинными волосами. Читатель не сможет не отметить сходство Сасабонсама с восточноиндийским ракшасом, злобным призраком брамина, коричневого цвета, обитающим на дереве пипул.

"Ньянкупон, или Ньяве, - верховное божество, но это слово также означает видимую твердь или небо, показывая, что здесь не было попытки отделить идеальное от материального. Это существо, обитающее в Ньянкупонфи, или Ньянкупонкроо, слишком далеко от земли, чтобы беспокоиться о человеческих делах, которые возложены на Босор. Однако так считают образованные люди, которые, несомненно, почерпнули что-то из европейских систем, а вульгарные ассоциируют его с небом, дождем и громом.

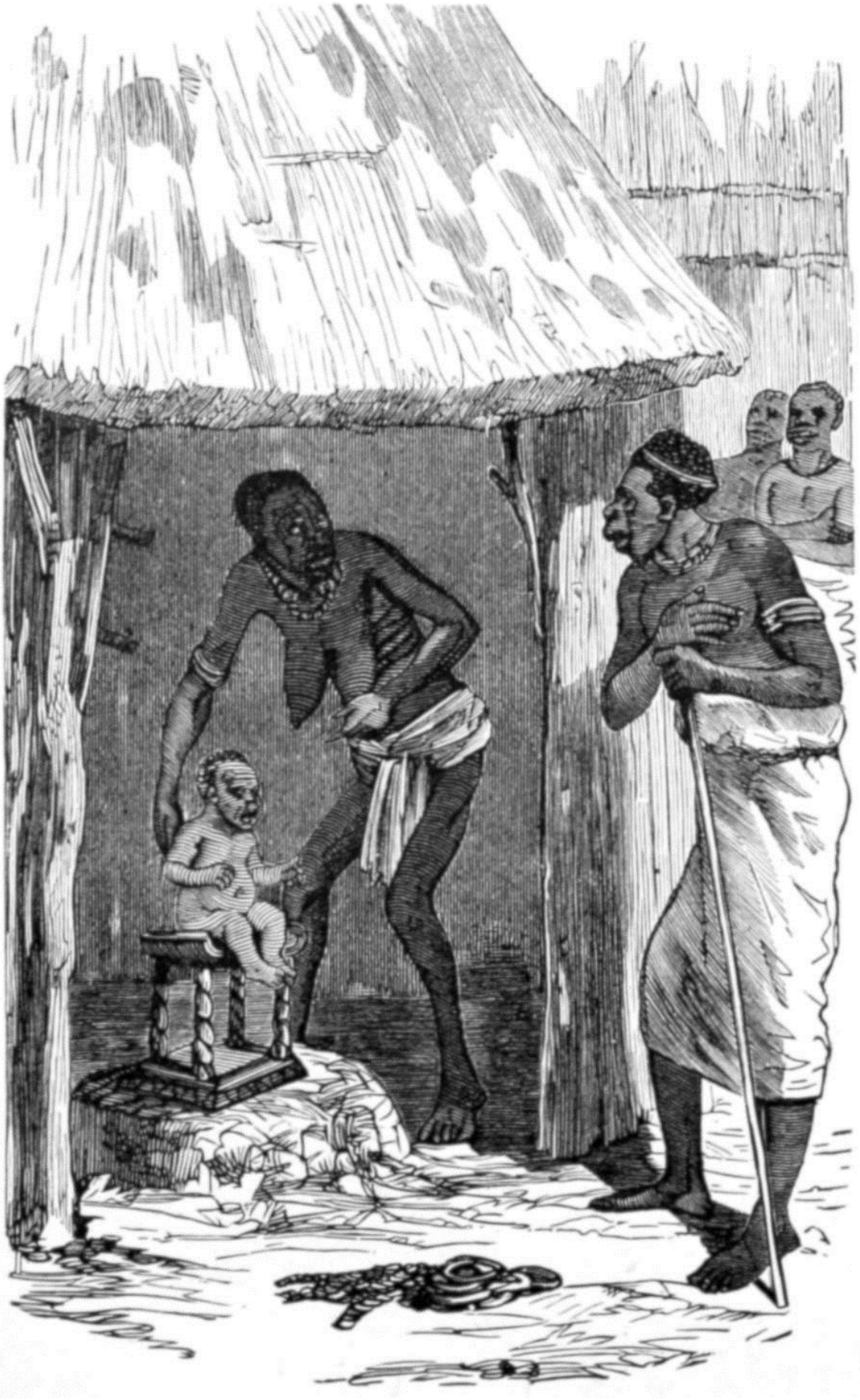
"Кра", которое словари переводят как "господин", - это англизированное okro, или ocroe, означающее любимого раба-мужчину, предназначенного для принесения в жертву вместе с умершим хозяином; а "sun-sum", дух, означает тень, *умбру* человека. У фантисов есть регулярные дни отдыха: вторник для рыбаков, пятница для бушменов, крестьян и так далее".

Очень мало сомнений в том, что предположение автора верно и что некоторые из этих идей были заимствованы из европейских источников.

Обряд обрезания практикуется среди фантисов, но, похоже, не является всеобщим, и для церемонии всегда выбирается священное место. В Аккре для этой цели используется скала, выступающая из моря.

Погребение проходит с обычным сопровождением профессиональных скорбящих, а в честь усопшего устраивается погребальный пир. По этому случаю в жертву приносят барана, а плечевую кость кладут на могилу, где она остается в течение длительного времени. Иногда путешественники замечали труп, помещенный на платформу и просто накрытый тканью. Это тела людей, которые умерли, не заплатив долги, и, согласно законам фанти, они так и останутся лежать, поскольку никто не осмелится их похоронить. По их законам, человек, похоронивший другого, наследует его имущество, а также наследует его долги и несет за них юридическую ответственность. А поскольку в Западной Африке законная процентная ставка намного превышает самые смелые мечты европейских ростовщиков - скажем, пятьдесят процентов годовых, или за месяц, или за день, в зависимости от обстоятельств, - хоронить незащищенный труп сопряжено с риском, на который никто не любит идти.

Одно из самых странных суеверий - вера в ребенка, который существует от начала мира. Он никогда не ест и не пьет и пребывает в младенческом состоянии с тех пор, как появился мир и он сам. Как ни абсурдна эта идея, в чудесное дитя твердо верят даже люди, получившие хорошее образование и утверждающие, что действительно видели его. Мистер Дункан, которому мы обязаны рассказом о нем, решил увидеть его и был так быстр в своих движениях, что привел в замешательство его кормилицу и остановил ее приготовления к его визиту.



(1.) ПЕРВОРОДНЫЙ РЕБЕНОК.
(См. с. 553.)

(2.) ФЕТИШИ - МУЖСКОЙ И ЖЕНСКИЙ.
(См. с. 562, 565.)

"Когда меня снова задержали, я потерял терпение и решил войти в жилище. Мои африканские друзья и толпа, собравшаяся со всех концов города, предупреждали меня о гибели, которая непременно постигнет меня, если я осмелюсь войти без разрешения. Но я показал им свой двуствольный пистолет как свой фетиш и пробился сквозь толпу.

"Войдя через очень узкую дверь или ворота в круг диаметром около двадцати ярдов, огороженный по кругу тыном и покрытый снаружи длинной травой (так что внутри ничего не было видно), первым и единственным, что я увидел, была старуха, которую, если бы не ее размеры и пол, я бы принял за таинственное существо, обитающее здесь со времен сотворения мира. Она, безусловно, была самым отвратительным и мерзким существом, которое я когда-либо видел. На ней не было никаких покровов, за исключением небольшого куска грязной ткани вокруг чресл. Ее кожа была сильно измята и очень грязная, а на костях почти не было плоти. Ее груди свисали до половины тела, и по всему было видно, что она сильно постарела. Эта древняя женщина была предполагаемой кормилицей бессмертного ребенка. Дом бога и главное действующее лицо этого странного суеверия изображены на предыдущей странице.

"Когда я вошел во двор, старуха-фетиш шагнула передо мной, делая самые отвратительные жесты, какие только можно было наблюдать, и попыталась выгнать меня, чтобы я не мог войти в дом бога, но, несмотря на все ее движения, я оттолкнул ее и пробился в дом. Внешне он представлял собой конус, или огнетушитель, стоящий в центре ограды. Он был сложен из длинных жердей, расположенных треугольником, и крыт длинной травой. Внутри я обнаружил глиняную скамью в виде стула. Жильца на ней не было, и старуха сделала вид, что с помощью своей магии заставила его исчезнуть".

Разумеется, план, которого придерживалась старуха-фетишистка, заключался в том, чтобы одалживать ребенка всякий раз, когда кто-нибудь из следствия желал получить интервью, и раскрашивать его цветными мелками, чтобы его невозможно было узнать. Она разыграла бы тот же трюк с мистером Дунканом, и, судя по неоднократным препятствиям на пути его визита, очевидно, пыталась выиграть время, чтобы тайно одолжить ребенка.

На похоронах фанти туземцы преуспевают в шуме - единственном занятии, в котором они, кажется, проявляют наименьший интерес. Как только умирает какой-нибудь знатный человек, все его родственники и друзья собираются перед его хижиной, пьют, курят, кричат, поют и непрерывно стреляют из ружей. Один из родственников приносит в жертву перед хижиной собаку, хотя цель жертвоприношения, кажется, не совсем ясна. Кольца, браслеты и другие безделушки хоронят вместе с телом, и, поскольку эти украшения часто из чистого золота, стоимость захороненных драгоценностей очень велика. Конечно, могилы иногда вскрывают и грабят, если труп принадлежит богатому человеку.

Один находчивый Фанти сумел очень ловко обогатиться. Одну из его сестер некоторое время хоронили со всеми ее украшениями, а поскольку средняя стоимость безделушек обеспеченной женщины составляет около сорока или пятидесяти фунтов, любящий брат решил, что те, кто хоронил его сестру, совершили неоправданное расточительство. Через некоторое время умерла его мать, и он распорядился похоронить ее в одной могиле с сестрой. Гениальная часть сделки заключалась в том, что мужчина объявил, что это противоречит сыновнему долгу - похоронить дочь на дне могилы, на почетном месте, а мать положить над ней. Дочь, соответственно, выкопали, чтобы дать место матери, а когда ее снова положили в могилу, все ее безделушки так или иначе исчезли.

Танцы племени фанти довольно абсурдны. Два танцора стоят друг напротив друга и поочередно бьют по земле каждой ногой. Удары становятся все быстрее и быстрее, пока не сменяются прыжками, и при каждом прыжке руки выбрасываются пальцами вверх, так что четыре ладони встречаются с резким ударом. Пара продолжает танцевать до тех пор, пока им не удается нанести удар по рукам, после чего они уходят, а их место занимает другая пара.

ГЛАВА LIV.
АШАНТИ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОБЩИЙ ВИД АШАНТИ - КАПИТАН АШАНТИ И ЕГО ФОРМА - ЗОЛОТОЙ БЕРЕГ - ПРОМЫВКА ЗОЛОТА - ГИРИ "ТИЛИКИССИ" - ХИТРОУМНЫЕ МОШЕННИЧЕСТВА - КАБОСЕРЫ, ИЛИ ВЕЛЬМОЖИ АШАНТИ - ПОРТРЕТ КОННОГО КАБОЦЕРА - КОНСКАЯ АМУНИЦИЯ - ЗАКОН КОРОЛЕВСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ - ОГРАНИЧЕНИЯ НА БРАК - ОБЫЧАИ ЯМСА И АДАИ - ФЕТИШИ БАРАБАНА И ТРУБЫ - РЕЛИГИОЗНАЯ СИСТЕМА АШАНТИ -

ПОКЛОНЕНИЕ ЗЕМЛЕ И НЕБУ - ФЕТИШИ - ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА - "КЛА", ИЛИ ЗНАКОМЫЙ ДУХ.

Откуда появилось племя ашанти, точно не известно, но вполне вероятно, что раньше они обитали в глубине континента и продвигались на запад, как обычно делают эти племена. Их традиции гласят, что около ста пятидесяти лет назад ашанти вместе с несколькими другими племенами были постепенно вытеснены со своих земель все более активными последователями ислама, а когда они достигли земли, полной золота, то набрались храбрости, смело выступили за свободу и в конце концов добились своей независимости.

В это время народ был разделен на значительное количество государств - от сорока до пятидесяти, согласно одному историку. Прогнав своих угнетателей, они стали ссориться между собой и так же яростно бороться за первенство, как раньше за свободу, и в конце концов племя ашанти покорило остальные и объединило государство в королевство.

По внешнему виду ашанти очень похожи на фанти, хотя, возможно, не так крепко сложены. Однако они так же хорошо выглядят, а женщины, по словам г-на Боудича, красивее, чем у фанти. Как правило, высшие классы отличаются чистоплотностью, но низшие так же грязны, как и большинство диких африканцев.

В качестве примера замечательного стиля костюма, которому предаются ашанти, приведем описание капитана армии. На голове у него огромный двойной плюмаж из орлиных перьев, над которым возвышается нечто вроде шлема из рогов барана, позолоченного по спирали, и подвязанного под подбородком ремешком, покрытым каури. Его лук перекинут через спину, колчан с маленькими отравленными стрелами висит на запястье, а в другой руке он держит посох из слоновой кости, вырезанный в виде спирали. Его грудь покрыта огромным количеством маленьких кожаных мешочков, позолоченных и раскрашенных в светлые цвета, в основном алые, а с рук свисает множество конских хвостов. Большие сапоги из красной шкуры покрывают его ноги до середины бедра и прикреплены к поясу железными цепями.

Этот пояс представляет собой очень любопытное изделие из кожи. Один из таких предметов находится в моей коллекции и снабжен следующими орудиями. Сначала идет маленький кинжал-нож с лезвием около четырех дюймов длиной, рядом с ним - маленькое круглое зеркало размером с заводную головку, заключенное в двойной футляр, подобный тому, что сейчас используется для призматических компасов. Затем идет бритва, необычайно примитивный на вид образец столового прибора, закрепленный в рукоятке, которая представляет собой не более чем кусок палки с прорезью в ней. Далее следует кожаный мешочек площадью около четырех дюймов и глубиной в один дюйм, внутри выстланный грубым холстом, а снаружи украшенный маленькими круглыми отверстиями, пробитыми в коже и расположенными в виде простого узора. И наконец, бритвенный станок, очень остроумное приспособление, состоящее из трубки, наполненной наждачным порошком и вставленной в ножны так, чтобы порошок прилипал к ней. Все эти предметы защищены кожаными ножнами, окрашенными в разные цвета, и подвешены на коротких ремешках к поясу.

Страну, где сейчас живут племена ашанти, в народе называют Золотым побережьем, из-за богатства, с которым драгоценный металл рассыпан по его поверхности. Он встречается почти полностью в виде пыли и добывается очень грубым и несовершенным способом промывки. Главными промывальщицами золота являются женщины, которые приступают к своей работе, вооружившись мотыгой, калабашем в форме тазика и несколькими перьями. Мотыгой они выгребают песок из русла какого-нибудь ручья и кладут его в калабаш. Затем

добавляют немного воды и, делая своеобразное вращательное движение рукой, взбалтывают воду и песок, заставляя их постепенно перелетать через верхнюю часть чаши.

При ловком выполнении этого движения вода и легкий песок вылетают из чаши, а золотая пыль под действием собственного веса опускается на дно, и таким образом отделяется и помещается в перья. Для работы с калабашем требуется немалое мастерство, и одна женщина найдет изрядный запас золота там, где другая будет работать целый день и не найдет ни крупицы металла.

Конечно, при таком грубом методе работы количество полученного золота очень мало пропорционально затраченному на его добычу труду; и если бы туземцы только знали, как использовать ртуть, они получили бы в три или четыре раза больше золота, чем сейчас. Перья, наполненные золотой пылью, обычно прикрепляют к волосам, и считается, что они не только украшают волосы, но и являются драгоценными. Лучшее время для промывки золота - после сильных дождей, когда усилившийся поток воды приносит с собой свежие запасы песка из верхних районов. Как причудливо заметил один из старых путешественников: "Дождь идет редко, но каждый ливень для них - золотой дождь, потому что с силой падающая с гор вода приносит с них золото".

Хороший золотопромывальщик в течение года соберет столько пыли, что хватит на покупку двух рабов. Средняя цена раба - десять "минкали", каждый минкали стоит около 12 фунтов стерлингов. 6 с.; а в товарах он оценивается в один мушкет, восемнадцать ружейных кремней, двадцать зарядов пороха, один тесак и сорок восемь листьев табака. Читатель может судить, какого качества должны быть мушкет и тесак. Золото взвешивают с помощью хорошо знакомых красных и черных семян, называемых в Западной Африке "тиликисси", и у каждого покупателя всегда есть свои весы и свои гири. Как и следовало ожидать, и продавец, и покупатель стараются обмануть друг друга. Золотоискатель смешивает с настоящей золотой пылью некачественный песок, изготовленный путем расплавления меди и серебра или растирания медных опилок и порошка красного коралла. Если нужно было имитировать более крупные куски золота, обычно делали маленькие самородки из меди и окружали их просто оболочкой из золота. Это, конечно, была самая опасная подделка из всех трех, потому что золотое покрытие не поддавалось проверке, и обман не обнаруживался, пока самородок не разрезали на две части - довольно утомительный процесс, когда на продажу выставлялось огромное количество изделий.

Что касается покупателей, то у них чаще всего что-то не так с весами, а что касается грузиков, то они вымачивали семена тиликисси в топленом масле, чтобы сделать их тяжелее, и иногда делали фиктивные тиликисси из камешков, аккуратно отшлифованных и окрашенных.

Несмотря на все недостатки, количество золота, которое ежегодно находят в стране Ашанти, очень велико, и оно используется более богатыми туземцами в варварском изобилии. Они не знают искусства и мало о нем заботятся. Обычный способ изготовления браслетов или нарукавников таков. Кузнец плавит золото в маленьком тигле из красной глины, а затем прочерчивает в песке небольшую бороздку, в которую укладывает золото, чтобы получился грубый и неровный брусок или палка из металла. Когда он остынет, его обстукивают молотком по бокам, чтобы придать им квадратную форму, а затем скручивают в спираль, которая, кажется, инстинктивно накладывает отпечаток на золотых дел мастеров всех эпох и стран.

Воротники, серьги и другие украшения делаются таким простым способом, и жена вождя вряд ли могла бы считать себя одетой, если бы у нее не было золотых украшений стоимостью

около восьмидесяти фунтов. Великие вельможи, или кабосеры, носят в государственных случаях браслеты такого веса, что вынуждены опираться руками на головы маленьких мальчиков-рабов, которые стоят перед ними.

Кабосеры - очень важные персоны, и, по сути, они были на грани того, чтобы стать для королевства Ашанти тем, чем были бароны для английского королевства во времена Иоанна. Действительно, они постепенно становились настолько могущественными и многочисленными, что на протяжении многих лет король Ашанти неуклонно проводил политику подавления и, когда один из Кабосеров умирал, отказывался признавать его преемника. Результатом этой мудрой политики стало то, что кабосеров сейчас сравнительно мало, и даже если бы они все объединились против короля, он смог бы легко их подавить.

Зонтик - отличительный знак кабосеров, которые в наши дни демонстрируют странную смесь изначальной дикости и частично приобретенной цивилизации. В присутствии короля кабосиры имеют большую привилегию сидеть на табуретах. Более того, "эти люди, - говорит мистер У. Рид, - окружены своей свитой, как феодалы древности; их одежды из дорогого иностранного шелка распутываются и ткутся заново в сложные узоры, перекидываются через плечо, как римская тога, оставляя правую руку обнаженной; шелковый филер окружает виски; Мавританские амулеты, заключенные в маленькие футляры из золота и серебра, подвешенные на груди, ожерелья из бусин "аггри", особого камня, найденного в стране и напоминающего "глейн-ндир" древних британцев; куски золота, свисающие с запястий; красивые девушки, стоящие позади и держащие в руках серебряные тазы."

Иллюстрация на странице 564 изображает кабосера во главе его дикой армии и хорошо показывает странную смесь варварства и культуры, которая отличает это, а также другие западноафриканские племена. По его посадке видно, что он не очень хороший наездник, и, действительно, кабосеров чаще всего удерживают на лошадях двое мужчин, по одному с каждой стороны. Когда мистер Дункан посетил Западную Африку и сел на лошадь, чтобы показать королю, как ездят и сражаются английские драгуны, двое из его помощников подбежали к нему и обхватили его руками. Не без труда ему удалось заставить их понять, что англичане ездят без такой помощи. Одежда кабосера состоит из декоративного тюрбана, куртки и набедренной повязки, в основном белого цвета, причем так, что середина тела остается голой. На ногах он носит замечательную разновидность шпор: часть, отвечающая гребню, плоская, квадратная и довольно глубоко зазубренная. Она используется для нанесения ударов по лошади острыми углами, а не легкими колющими движениями, как это делают английские жокеи, используя свои шпоры. Гребни, если использовать аналогичный термин, проходят через прорезь в овальном куске кожи, который помогает закрепить шпору на пятке. Пара этих любопытных шпор находится в моей коллекции и была подарена доктором Р. Ирвином, R. N.

Его оружие состоит из копья, лука и стрел - последние в основном отравлены и снабжены неприятными на вид колючками, проникающими на несколько дюймов ниже головы. Лошадь почти скрыта своей амуницией, которая удивительно похожа на рыцарскую, только вместо блестящих эмблем, которыми были покрыты чехлы, на них наложены фразы из Корана, разбросанные по всей ткани. Наголовник лошади сделан из кожи и, следуя обычной африканской моде, разрезан на огромное количество ремешков.

Одно из таких наголенников и шляпа всадника находятся в моей коллекции. Они оба сделаны из кожи, очень тщательно и искусно обработанной. Шапка или шлем покрыты плоскими четырехугольными украшениями, также сделанными из кожи, сложенной и выбитой, пока она не стала почти такой же твердой, как дерево, и от каждого из них отходят

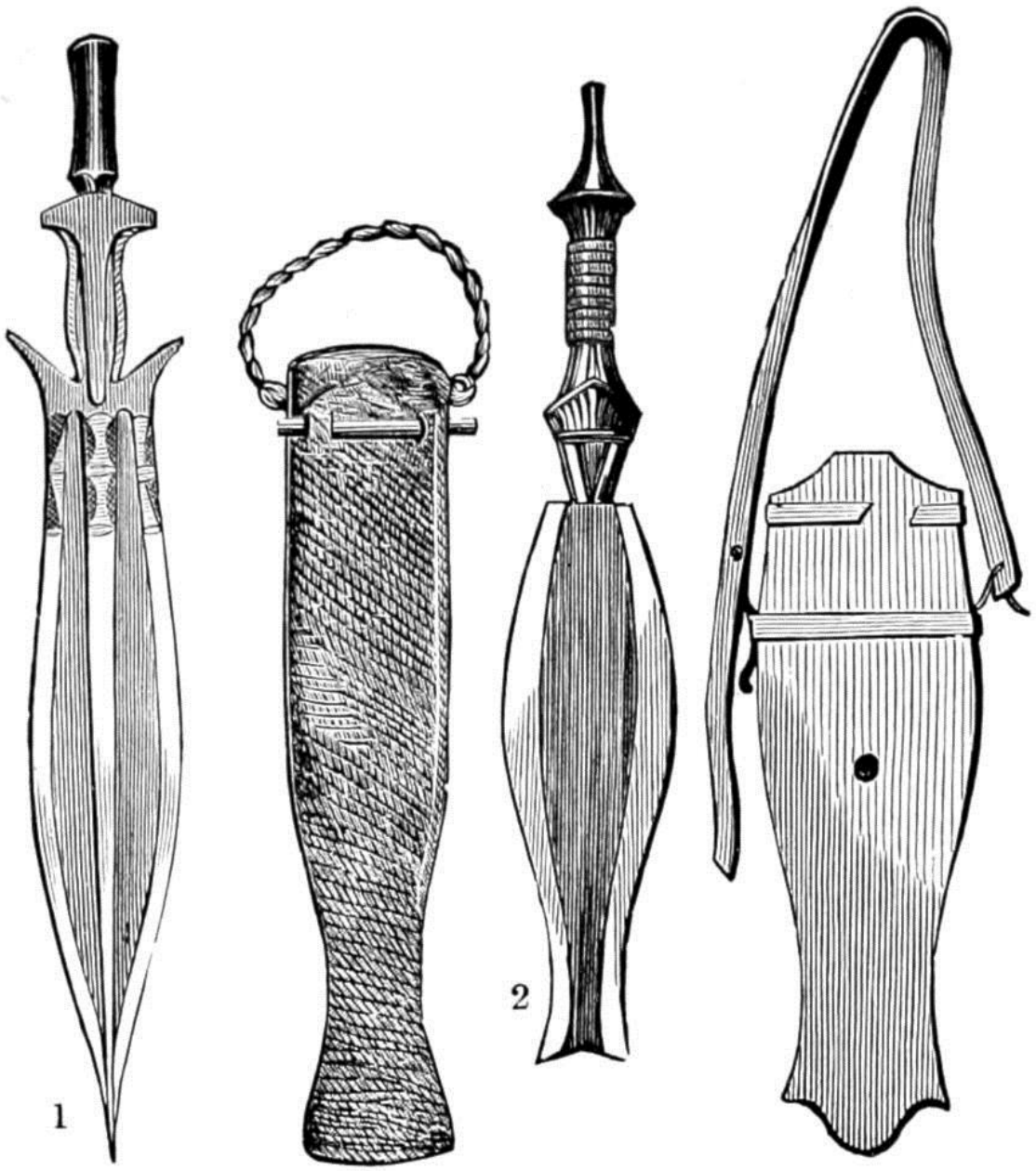
шесть или семь кожаных ремешков, так что, когда шапка надета на голову, ремешки спускаются до самого рта и служат завесой. Налобный обруч лошади представляет собой сложнейшее изделие: кожа вытиснена смелыми и довольно художественными узорами и украшена тремя круглыми кожаными украшениями, на которых красным, черным и белым цветом аккуратно вышит узор в виде звезды. С него свисают пять кисточек из кожаных шнурков, которые, вероятно, служат для отпугивания мух.

Простые солдаты, как можно видеть, лишены униформы и почти совсем не носят одежды. Они носят несколько ножей и кинжалов, прикрепленных к ожерелью, и носят любое оружие, которое им удается раздобыть - ружья, если это возможно, а при отсутствии огнестрельного оружия - луки и копья. Двое из старшин видят, как они дуют в свои огромные трубы, которые представляют собой просто слоновьи бивни, выдолбленные и отполированные, а иногда украшенные различными узорами. В них дуют сбоку, как и в целом в африканские духовые инструменты.

В Ашанти, как и в других частях Африки, королевское наследство никогда не передается по прямой линии, а переходит к брату или племяннику умершего монарха, причем племянник является сыном сестры короля, а не его брата. Причина такого порядка заключается в том, что люди уверены, что в жилах их будущего короля течет королевская кровь, в то время как, по их представлениям, никто не может быть уверен, что сын королевы также является сыном короля, а поскольку жены короля никогда не бывают королевской крови, они могут иметь простого плебея, претендующего на трон. Поэтому всегда выбирают сына сестры короля; любопытно, что сестра не обязательно должна быть замужем, если отец ее ребенка силен, красив и занимает сносное положение в жизни.

В Ашанти король ограничен в количестве своих жен. Но, поскольку запрет фиксирует магическое число три тысячи триста тридцать три, ему не на что жаловаться в отношении строгости закона. Конечно, за исключением немногих избранных, эти жены практически служанки и выполняют всю работу на полях и в домах.

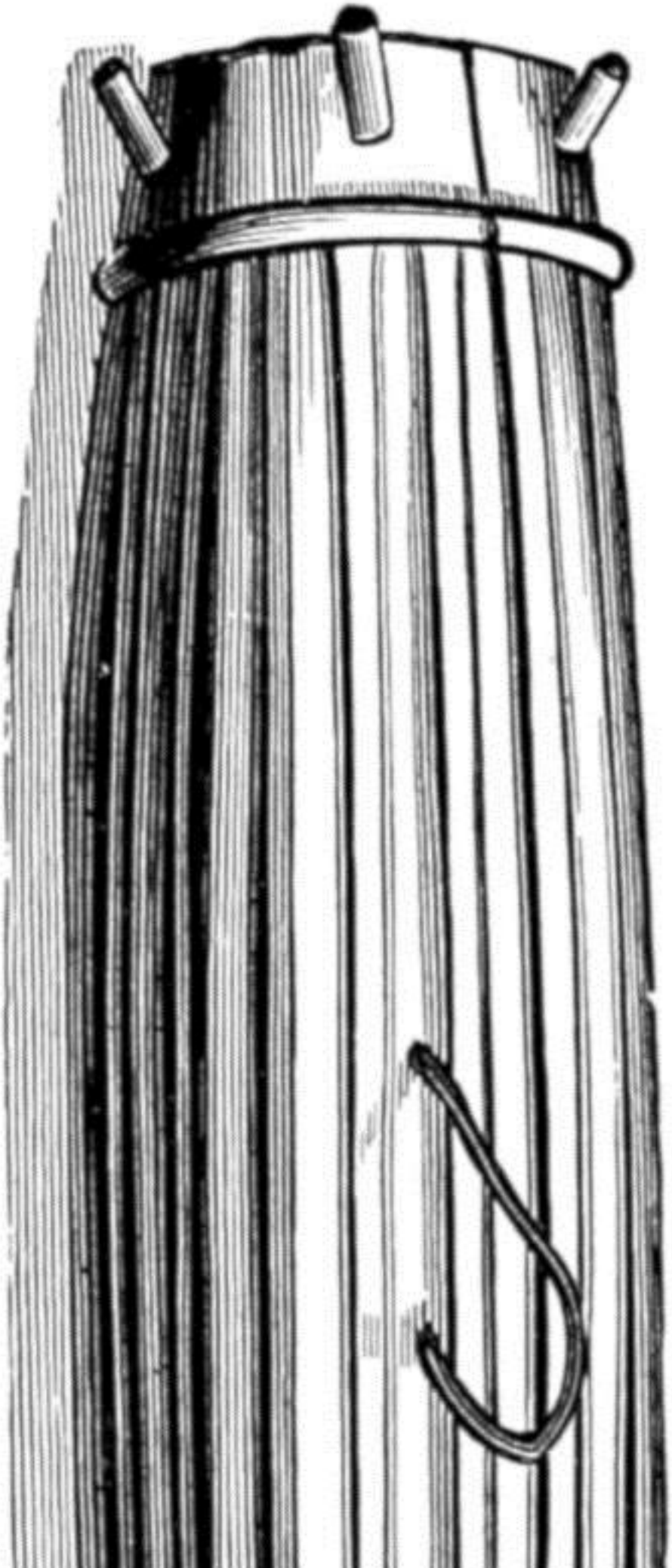
У туземцев есть своя легенда о золоте. Они говорят, что когда Великий Дух впервые создал человека, он сделал одного чернокожего и одного белого и дал им на выбор два подарка. Один из них содержал все сокровища тропиков - плодовитые деревья, плодородную почву, теплое солнце и калабаш с золотой пылью. Другой подарок представлял собой простое количество белой бумаги, чернил и ручек. Первый подарок, разумеется, означал материальные преимущества, а второй - знания. Чернокожий выбрал первое, как наиболее очевидное, а белый - второе. Отсюда и превосходство белых над черными.



ВОЕННЫЕ НОЖИ. (См. стр. 531.)

ФЕТИШ-ТРУБА И БАРАБАН.
(См. с. 559.)

ТРУБЫ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ.
(См. с. 577.)
На правой трубе изображена распятая фигура.



ВОЕННЫЙ БАРАБАН.
(См. с. 572.)

Уступая белому человеку все преимущества, которые он получает благодаря своей мудрости, они очень ревниво относятся к своим собственным преимуществам и возмущаются всеми попытками иностранцев разрабатывать их шахты, если их можно назвать шахтами, где почти не требуется никакой подземной работы. Они скорее допустят, чтобы драгоценный металл пропал зря, чем позволят белому человеку добыть его. Что касается мулатов, то они испытывают к ним самое сильное презрение, ведь это "бело-черный человек, серебро и медь, а не золото".

Уже упоминалось, что больше внимания будет уделено Дахоме, чем Ашанти, и что в тех случаях, когда нравы и обычаи являются общими для обоих королевств, они будут описаны в связи с последним. В обоих королевствах, например, мы находим ужасные "обычаи", или жертвоприношения человеческой жизни, и в Ашанти их можно свести к двум, а именно: Ям и Адай.

Первый, который является более значительным из двух, происходит в начале сентября, когда созревает ямс. Перед тем как ямс разрешается использовать для общего потребления, празднуется "Обычай", *то есть* в жертву приносится несколько человеческих существ с различными обрядами и церемониями. На Адайском обычае, который проходит каждые три недели, приносятся меньшие жертвы, и уничтожение человеческой жизни ужасно. Жертвоприношения сопровождаются ужасной музыкой, которая во всех странах, где были разрешены человеческие жертвоприношения, была их аккомпанементом.

На странице 558 изображены фетиш-барабан и труба, хранящиеся в моей коллекции, - два инструмента, которые используются в качестве аккомпанемента при человеческих жертвоприношениях. Барабан вырезан с огромным упорством из цельного куска дерева и в целом представляет собой необычайное сходство с двуглавым или двухголовым геммой гностиков. Внимательный читатель заметит, с какой удивительной изобретательностью голова человека сочетается с головой птицы, причем последняя находится в подчинении у первой, но при этом обладает смелой и отчетливой индивидуальностью.

Из верхней части объединенных голов поднимается сам барабан, выдолбленный из того же блока дерева. Пергаментная головка барабана крепится к инструменту с помощью нескольких деревянных колышков, и вполне вероятно, что тепла меридионального солнца было вполне достаточно, чтобы подтягивать головку барабана всякий раз, когда она расслаблялась. Разумеется, план затягивания с помощью подвижной головки не известен в Западной Африке, и даже если бы он был известен, его бы не практиковали. Туземцы никогда не изменяют обычаи. Они заменяют его другим или отменяют, но дух реформирования никогда не существовал в сознании негров.

На боковой стороне барабана можно увидеть отверстие для воздуха, которое обычно встречается в африканских барабанах и которое закрывается куском паутины, когда инструмент используется. Иногда барабаны достигают огромных размеров: для этого выдолблен целый ствол дерева. Кожа, из которой изготавливается головка, чаще всего принадлежит антилопе, но когда ашанти хочет, чтобы барабан был очень мощным для борьбы со странными фетишами, он делает головку из змеиной или крокодиловой кожи.

Первый материал занимает важное место во втором инструменте - фетиш-трубе. Как и во все африканские трубы, в нее дуют, как во флейту, сбоку, а не с конца, как в европейскую трубу. Она сделана из бивня слона, тщательно выдолблена и снабжена любопытным устройством, очень похожим на вибратор в современной фисгармонии или аккордеоне. Поскольку инструмент подвергся довольно грубому обращению, а слоновая кость местами потрескалась, извлечь из него звук невозможно; в лучшем случае ноты были очень незначительными, поскольку их заглушала змеиная кожа. Речь идет о коже удава или питона, которая является очень сильным фетишем у всех африканцев, среди которых живет удав, и она покрывает почти весь инструмент.

Самый странный и жуткий вид трубе придает ужасный трофей, который к ней привязан. Это верхняя челюсть человека, очевидно, негра, по особенностям развития: челюсть прогнатическая, а выступающие зубы расположены в самом лучшем порядке. Уже само существование этих жертвоприношений говорит о том, что религиозная система ашанти должна быть очень низкого уровня. Они не являются полными атеистами, как некоторые из уже упомянутых племен; но нельзя сказать, что они даже поднялись до деизма, и едва ли до идолопоклонства, их представления о Верховном Божестве крайне расплывчаты и смешаны с множеством суеверных представлений о демонах, как добрых, так и злых, которым они дают имя Водси, и которые, безусловно, поглощают большую часть их поклонений и все их почитание, причем последнее качество является у них простым порождением страха.

Их имя Бога - "Ньонмо", очевидно, модификация Ньямье, титула, который дают Верховному Духу камма и другие племена Рембо. Но Ньонмо также означает небо, или дождь, или гром, вероятно, потому, что они исходят с неба, а гром они объясняют фразой, что Ньонмо стучит. Как небо почитается как одно божество, так и земля считается другим, хотя и более низким божеством, которому поклоняются под именем "Сикпойс".

Что касается Водси, то они, по-видимому, делятся на различные ранги. Например, земля, воздух и море - это Водси, которые осуществляют свое влияние на всех людей; в то время как другие Водси, которые видны в форме деревьев или рек, имеют ограниченную власть над городами, районами или отдельными людьми.

Обрывки тряпок, когти леопардов, священные цепи, особые бусы, кусочки кости, птичьи клювы и т. д., которые носят вонце, или фетишисты, имеют довольно любопытное применение, которое хорошо объясняется в "F.R.G.S.": "У западноафриканцев, как и у их собратьев на Востоке, есть злые призраки и преследующие *ux evastra*, которые сами по себе работают в положении демонов. Их различные обряды направлены на то, чтобы отвратить вред, который могут причинить им их пепо или мулунго, и, возможно, переложить его на своих врагов. Когда наступает критический момент, человек-фетиш призывает призрака выйти из одержимого и называет предмет - коготь леопарда, особые бусы или тряпку с тела больного, прибитую к тому, что европейцы называют "дьявольским деревом", - в котором, если носить его на себе, будет обитать призрак. Технически это называется Kehi, или Keti, *то есть* стул или табурет. Слово "фетиш", кстати, представляет собой искажение португальского Fei-tiço, *то есть* колдовство, или чары".

Их верования в отношении Кра, или Кла, или души человека, очень своеобразны. Они верят, что Kla существует до тела, и что она передается от одного человека к другому. Так, если ребенок умирает, считается, что следующим будет тот же самый ребенок, который родится снова в этом мире; и они настолько глубоко верят в это, что когда женщина узнает, что скоро станет матерью, она идет к фетишисту и просит его спросить у Кла ее будущего ребенка о его происхождении и предполагаемой карьере. Но у Кла есть и другое назначение:

предполагается, что он в некотором роде отличен от человека и, подобно демону Сократа, дает ему советы, являясь своего рода маленьким Водси, способным принимать подношения. Кла также двойственна - мужская и женская; первая побуждает человека к злу, а вторая - к добру.

ГЛАВА LV.
ДАХОМ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАПАДНОГО АФРИКАНЦА - МЕСТНОСТЬ ДАХОМЕ - ПЯТЬ РАЙОНОВ - ДАХОМАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА - "РАЗМАШИСТЫЕ" ДОМА - ГРИФ И ЕГО ПИЩА - ЛЕГБА - ПОКЛОНЕНИЕ ЗМЕЯМ В ДАХОМЕ - НАКАЗАНИЕ УБИЙЦЫ ЗМЕЙ - ПРИДВОРНЫЙ ЭТИКЕТ - ПУТЕШЕСТВИЕ ЗНАТНОГО ЧЕЛОВЕКА В СТОЛИЦУ - АФРИКАНСКИЙ ГАМАК - ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА ДАХОМЕ - ЦЕРЕМОНИИ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ - КАНА, ИЛИ КАНАНИНА, "СТОЛИЦА СТРАНЫ" - КРАСОТА ПЕЙЗАЖЕЙ - ОЙОТЫ И ОБЫЧАИ ГОЗО - ПРИБЛИЖЕНИЕ К КАНЕ - ЖУТКОЕ УКРАШЕНИЕ - "КОЛОКОЛ ИДЕТ" - АМАЗОНКИ - ИХ СВИРЕПОСТЬ И ОТВАГА - ИХ ВОЕННЫЕ ТРОФЕИ И ОРУЖИЕ - ОБЗОР АМАЗОНОК - ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЙСК.

Есть один очень примечательный момент, касающийся настоящего негра из Западной Африки, а именно то, как он использовал свой контакт с цивилизацией. Можно было бы предположить, что он поднялся бы по социальной шкале благодаря частому общению с людьми более мудрыми и могущественными, чем он сам, и которые, если, возможно, они и не были намного лучше с моральной точки зрения, не могли быть хуже. Но он не сделал ничего подобного и, вместо того чтобы отказаться от своих старых варварских обычаев, только увеличил их варварство за счет дополнительных средств, которые он получил от белого человека.

Обменяв лук и стрелы на ружье, а дубину на меч, он использовал свое лучшее оружие для увеличения своей разрушительной силы, а главным образом для борьбы и продажи в рабство тех, с кем он раньше боролся и кто уважал его до тех пор, пока оружие с обеих сторон было равным. И самое странное, что, даже рассматривая своих пленников как собственность - единственное оправдание дикой жестокости, с которой он совершает набеги на каждый город, который считает возможным завоевать, - он до сих пор не научился отменять страшный "обычай" человеческих жертвоприношений, хотя каждый убитый пленник или преступник - это для него смертельная потеря.

Теперь мы переходим к одному из самых странных королевств на земле, королевству Дахоме; королевству, основанному на крови и жестокости и просуществовавшему более двух столетий, несмотря на постоянно разыгрывающиеся ужасные сцены, которые подтолкнули бы к восстанию почти любой другой народ. Но страшные жертвоприношения, за которые так долго печально прославлялось имя Дахоме, - не просто плод фантазии деспотичного короля; они санкционированы и даже навязаны ему его народом - достойными подданными такого короля.

Он расположен в той части Африки, которую принято называть Невольничьим берегом, в отличие от Золотого, Слонового и Зернового берегов, и его берега омываются водами Бенинской бухты. Только Дахоме из четырех великих рабовладельческих королевств - Ашанти, Йомба, Бенин и Дахоме - сохранило свое могущество, и, на взгляд опытного наблюдателя, даже Дахоме, пережившее этих трех, вскоре последует за ними.

На его побережье находятся два знаменитых порта - Лагос и Уайда, через которые так долго переправляли на корабли рабов, захваченных во внутренних районах страны. Лагос, однако, уже уступлен Англии и, при лучшем управлении, возможно, станет одним из великих портов, в котором можно вести законную торговлю, и который станет одним из благословений, а не проклятий Западной Африки.

Уайда, один из городов, через которые путешественник непременно проезжает, направляясь в глубь Дахоме, заслуживает мимолетного упоминания. Капитан Бертон, от которого мы получили большую часть наших знаний об этой странной стране, утверждает, что само название является ошибкой. Во-первых, мы приписали его не к тому месту, а во-вторых, дали ему самое испорченное название. Место, которое мы называем Вайда, известно людям как Гре-хве (Дом плантаторов), в то время как настоящий Хве-дах - так должно писаться это слово - по праву принадлежит маленькому королевству, столицей которого был Сави.

Первоначально порт принадлежал королю Сави и был полностью отдан на откуп пиратству, но затем перешел в руки Агаджа, короля Дахоме, который легко нашел повод для нападения на столь ценное место, дававшее ему прямую связь из внутренних районов с морем, без вмешательства посредников, которые берут большой процент со всех товаров, проходящих через их район. С 1725 года, когда город перешел в руки дахоманов, он быстро увеличился в размерах и приобрел важное значение. Сейчас он представляет собой необыкновенную смесь местных и привозных мастеров, и мы постараемся бросить беглый взгляд на первых.

Местность разделена на пять районов, каждый из которых управляется своим кабоцером; примечательно, что в наши дни кабоцер не обязательно должен быть туземцем. Должность кабоцера Согладжи, или английского квартала, была предложена капитану Бертону, которого, однако, не смогли склонить принять ее даже зонтик ранга, равного голубой ленте нашей собственной системы.

На въезде в каждый город находится Де-сум, или Таможня, а рядом с ней - множество маленьких фетишей, в которых торговец должен воздать благодарность умилостивляющим его демонам. Улицы образованы стенами ограждений и задниками домов, а поскольку дахоманская архитектура регулируется законом, получается очень однородный эффект. Стены выложены из грязи, которую в народе называют "свиш", иногда смешанной с устричными раковинами для укрепления, и выстроены регулярными рядами, каждый толщиной около двух футов с половиной. По закону, высота стен не должна превышать четырех уровней.

Жаркое солнце вскоре выпекает грязь до консистенции мягкого кирпича, и, если бы не яростные дожди тропиков, она была бы очень прочной. Как бы то ни было, сезон дождей очень разрушителен для стен, и начало сухого сезона всегда занято местными архитекторами, которые занимаются устранением повреждений, нанесенных дождями. В грязи содержится небольшое количество соли, что увеличивает вероятность повреждений. На Золотом побережье туземцы изобретательно укрепляют стены, выращивая кактусы; но негры Дахоме пренебрегают этой мерой предосторожности и, следовательно, доставляют себе - как это обычно делают ленивые люди - огромное количество ненужных проблем. В домах нет окон, но крыши, сделанные из травы и листьев, закрепленных на легком каркасе, сделаны так, что их можно частично приподнять от стен, как "муху" палатки.

Несмотря на наличие локальных христианских миссий и постоянный контакт с исламизмом, в Вайде процветает система фетишизма. Человеческие жертвоприношения здесь не проводятся, все жертвы отправляются в столицу для казни. Но, по словам капитана Бертона, "даже на базаре многие хижины обвязаны зо-водуном - деревенской веревкой с мертвыми листьями, свисающими с нее на расстоянии двадцати футов" (зо-водун означает фетиш огня).

"После пожара этот фетиш-огонь-профилактика становится почти всеобщим. Напротив ворот дома мы снова находим Во-сиву, защищающего жильцов от вреда. Он имеет различные формы, особенно палку или шест, с пустым старым калабашем в качестве головы, а тело состоит из травы, соломы, пальмовых листьев, птичьих перьев, раковин ахатины. Эти люди, должно быть, легкомысленно относятся к влиянию, которое может даже в темноте принять такое чучело за человека.

"Почти возле каждой двери стоит Легба-гбау, или Легба-горшок, который европейцы обычно называют "блюдом дьявола". Это обычный глиняный черепок, целый или разбитый, и каждое утро и вечер его наполняют, как правило, женщины, вареной кукурузой и пальмовым маслом на благо индюшачьего канюка. Акрасу, стервятник, наряду со змеей, является самым счастливым животным в Дахоме. У него всегда в изобилии пища, как и у аистов, малиновок, ласточек, ворон, журавлей-адъютантов и других священных птиц в разных частях света. Путешественники злоупотребляют этой "непристойной птицей", забывая, что без нее города йоруба были бы непригодны для жизни..... Индюк, сидящий на самой верхней палке дерева калабаш, для неромантичных африканских туземцев то же самое, что гороховая птица для более привлекательных азиатов. Мне всегда казалось, что это самая подходящая эмблема и геральдический знак для обветшавшего Дахома".

Легба, или идол, для которого священна птица, - это отвратительное изображение, грубо вылепленное из глины и представленное в сидячем положении. Иногда голова Легбы деревянная, а глаза и зубы сделаны из коровьего ореха или выкрашены в белый цвет. В основном Легба - мужское божество, реже - женское, и главная цель изготовителя идола, по-видимому, состоит в том, чтобы у поклоняющегося не оставалось никаких сомнений на этот счет. Легба сидит в маленькой хижине, открытой по бокам; и поскольку никто не заботится о нем и не смеет вмешиваться, в стране полно этих странных маленьких храмов, внутри которых бог иногда виден в сносной сохранности, но в большинстве случаев превращается в кучу грязи и пыли. Некоторые из этих деревянных Легба можно увидеть на 552-й странице, но они специально выбраны из-за исключительной деликатности, проявленной резчиком.

(1.) КАБОСЕР И СОЛДАТЫ.
(См. с. 556.)

(2.) НАКАЗАНИЕ УБИЙЦЫ ЗМЕЙ.
(См. стр. 565.)

Змеи являются фетишем во всем Дахоме и охраняются самыми суровыми законами. Все змеи очень почитаемы, но есть одна особая, безобидная змея под названием "данхгбве", которая пользуется самым абсурдным почтением. Она умеренного размера, достигает пяти-шести футов в длину и довольно нежно окрашена в коричневый, желтый и белый цвета. Данхгбве приручают в домах фетишей, и если один из них заблудится, его бережно возвращает тот, кто его найдет, а перед тем, как прикоснуться к нему, падает на землю и покрывается пылью, как в присутствии короля. Раньше за убийство одной из этих змей полагалась смерть, но теперь она заменена наказанием, которое хотя и очень сурово, но не обязательно смертельно для страдальца. Оно представляет собой смесь ужасного и гротескного, что так характерно для этой страны. Мистер Дункан видел, как три человека подверглись этому наказанию. Три небольших домика были построены из сухих палок и крыты сухой травой. Виновные были поставлены перед домами человеком-фетишем, который произнес длинную речь перед зрителями и объяснил всю чудовищность преступления, в котором они были виновны.

Затем на плечи каждого преступника привязывали собаку, ребенка и двух птиц. На них вылили большое количество пальмового масла, а на головы водрузили корзины, в которых находились маленькие открытые калабаши, наполненные тем же материалом, так что при малейшем движении калабаши расшатывались, и масло растекалось по всей голове и телу. Затем их провели вокруг маленьких домиков и, наконец, заставили вползти в них, сняв с плеч собаку, ребенка и птицу и засунув их в дом вместе с ними. Когда двери закрываются,

собирается большая толпа с палками и комьями и окружает дом. Затем дома поджигают, сухой материал вспыхивает, как порох, и несчастные обитатели пробивают себе путь сквозь пылающие стены и крышу и бросаются к ближайшему ручью, за ними следует толпа, которая нещадно избивает и бьет их. Если им удастся добраться до воды, они будут в безопасности, а если они окажутся значимыми людьми, то им нечего бояться, так как их окружают друзья и не дают толпе прорваться к воде.

Вся процедура показана на иллюстрации на предыдущей странице.

Вдалеке виден один из преступников, которого ведут в его фетиш-дом, с корзиной калабашей на голове и животными, обвязанными вокруг шеи. Другой преступник крадется к дому, возле которого стоит фетишист, держа в руках мертвых змей, и на него страшно смотреть из-за краски, которой он покрыл свое лицо. На переднем плане - другой преступник, спешащий к воде, собирающийся окунуться в нее и погасить пламя, которое все еще играет в его пропитанных маслом волосах и почти сожгло всю его скудную одежду. Позади него виднеется пылающая хижина, а вокруг - зрители, которые наносят ему удары, в то время как его личные друзья сдерживают их и не дают пройти к воде.

Теперь мы покинем Вайду и направимся в столицу.

Когда высокопоставленный человек желает засвидетельствовать свое почтение королю, тот посылает нескольких своих офицеров, несущих, как эмблему своего ранга, акулий посох, *то есть* нечто вроде томагавка длиной около двух футов, вырезанного на конце в виде грубого подобия акулы; другое изображение той же рыбы сделано из серебряного доллара, оббитого и прибитого к концу рукоятки. Один из офицеров, вероятно, будет иметь палку со львом в качестве эмблемы доверия, оказанного ему; но для непрактичных глаз львы, вырезанные на палке, с равным успехом подойдут для акулы, и обе палки хорошо подойдут в качестве "крокодилов", так как формы животных чисто условны.

Путешествуют, как правило, в гамаках, сделанных из хлопчатобумажной ткани, но иногда из шелка: последние очень аляповаты. Средний размер гамака - девять футов на пять, а его концы привязаны к шесту длиной девять или десять футов. На шесте закреплен небольшой каркас, который поддерживает тент, защищающий от солнца. Жердь несут не на плечах, а на головах носильщиков, и из-за их неловкости и грубых движений неопытный путешественник может со значительной силой удариться головой о жердь. Носят его два человека, но для каждого гамака требуется семь человек, одни из которых выполняют роль связующего, а другие помогают переправить транспортное средство через неровный участок дороги. Каждый мужчина ожидает стакан рома утром и вечером, и, поскольку он способен доставить непопулярному хозяину массу неудобств, лучше уступить общему обычаю, тем более что ром стоит всего три пенса за пинту.

Находясь теперь в центре Дахоме, давайте посмотрим, что означает это название. Где-то около 1620 года нашей эры умер старый король и оставил трех сыновей. Старший принял королевство отца, а младший, Дако по имени (некоторые авторы называют его Такудона), отправился за границу искать свое состояние и поселился в местечке неподалеку от Агбоме. Постепенно Дако становился все более могущественным и постоянно вторгался в страну, принадлежавшую соседнему царю по имени Данх, *то есть* Змей, или Радуга. По мере того как число его последователей росло, Дако выпрашивал у Данха все новые и новые земли для них, пока наконец король не потерял терпение и не сказал настырному простецу: "Скоро ты будешь строить в моем животе". Дако подумал, что эта идея не так уж плоха, и, собрав достаточно воинов, напал на Данха, убил его, завладел его королевством и построил новый дворец над его трупом, тем самым буквально и сознательно исполнив предсказание,

сделанное в спешке и гневе его побежденным врагом. В честь своей победы завоеватель назвал это место Danh-ome, или Danh's-belly. Буква "н" в этом слове - носовой звук, неизвестный английскому слуху, и слово лучше произносить как Dah-ome, как дислинг.

Великое соседнее королевство Аллада дружило с Дахоме почти сто лет, потом они поссорились, подрались, и Дахоме снова одержало победу, так что Аллада позволила присоединить себя к Дахоме.

Немного дальше Аллады капитан Бертон впервые увидел знаменитых амазонок, или женщин-воинов, о которых мы еще расскажем, и здесь началась странная череда церемоний, слишком многочисленных, чтобы описывать их отдельно, которые сопровождали продвижение столь важного гостя в столицу. Мы лишь вкратце расскажем о них.

В каждой деревне, которую проезжали, исполнялся танец, свидетелями которого должны были стать путешественники. Все танцы были совершенно одинаковыми и состояли из извивов тела и притопывания ногами, вскоре они стали очень однообразными, но их приходилось терпеть. В местечке под названием Аквине на расчищенное пространство деревни под центральным деревом ворвались воины. Их было около восьмидесяти человек, и они расположились по четыре в глубину. Возглавляемые чем-то вроде флага и сопровождаемые неизбежным барабаном, они неслись на полной скорости, распевая во весь голос и исполняя различные ловкие трюки. Покружив вокруг дерева, все они падали на землю, взбивали руками пыль и обмахивали ею свои тела. Это королевское приветствие в Западной Африке, которое исполнялось в честь тростей короля, присланных его носильщиками в сопровождении главного украшения его двора - старого футляра для спиртного, покрытого белой тканью и носимого на голове мальчика. Из этого ящика доставали бутылки с водой, вином, джином и ромом, из каждой из которых гости должны были выпить по три раза, согласно этикету.

После завершения этой церемонии эскорт, как оказалось, состоящий из этих мужчин, проследовал в столицу, танцуя и капризничая на протяжении всего пути. После нескольких остановок партия прибыла в столицу страны - Кану. "Это явно Дахоме, и здесь путешественник ожидает увидеть сцены варварского великолепия, о которых читал весь мир. И здесь есть своя красота; один французский путешественник сравнил ее с прекраснейшими деревнями честного Прованса, а мистеру Дункану она показалась "огромной площадкой для развлечений, не похожей на некоторые части Большого парка в Виндзоре".

"После непроницаемых, но мрачных лесов, зарослей травы и угрюмых болот на тропе глаз радуется этим открытым плато; Их соблазнительный вид усиливают разбросанные по склонам плантации зелени лука-порея, фон гигантского леса, затмевающего ближайшие пальмы, усадьбы, утопающие в земледелии, и огромные, как вид, калабаши и хлопковые деревья, укрощающие знойным летом свои подданные, а зимой собирающие дожди, которые иначе оголили бы только что зарытые семена. Не обделена и животная жизнь. Канюк, коршун и пустельга парят в вышине; самые яркие мухоловки порхают в нижних слоях; маленькая серая белка проворно карабкается в свой высокий дом; а прекрасная крупная шпорцевая птица поднимается с плантаций маиса и маниоки".

Как обычно бывает с африканскими названиями, слово "Кана" почти каждый путешественник и каждый писатель, пишущий на эту тему, произносил по-разному. Некоторые называют его Канна, или Канна, или Карна, в то время как другие пишут его как Кальмина, что, очевидно, является разновидностью слова Кана-мина, а "мина" является

добавлением. Всех жителей между Малым Попо и Акуа называют мина. Однако мы будем в полной безопасности, если на протяжении всего нашего рассказа о Западной Африке будем придерживаться орфографии капитана Бертона. Кана была захвачена в 1818 году королем Гозо, которому понравилось это место, и он сделал его своей столицей, как Брайтон был столицей Англии во времена регентства. Он изгнал свирепых и воинственных ойосов (произносится как ав-явс) и в честь столь важной победы учредил ежегодный "обычай", *то есть* человеческое жертвоприношение, во время которого жертвы одеваются как побежденные ойосы.

Это называется обычаем Гозо, и, хотя подробности точно неизвестны, его общий смысл можно определить по следующим фактам. Один путешественник, посетивший Кану в 1863 году, увидел одиннадцать платформ на столбах высотой около сорока футов. На каждой платформе лежало мертвое тело мужчины в вертикальном положении, хорошо одетого в крестьянском стиле, а в руке он держал калабаш с маслом, зерном или другим продуктом земли. Один из них был поставлен так, словно вел овцу.

Когда мистер Дункан посетил Кану, или Кананину, как он ее называет, он увидел реликвии этого "обычая". Стены этого места, очень обширные, были покрыты человеческими черепами, расположенными на расстоянии около тридцати футов друг от друга, а на столбе лежало тело мужчины в вертикальном положении, держащего обеими руками корзину на голове. Чуть дальше лежали тела двух других мужчин, подвешенных за ноги к своеобразной виселице высотой около двадцати футов. Они провисели в таком положении около двух месяцев и были едва различимы как человеческие существа, и, по сути, должны были представлять собой столь же отталкивающий вид, как тела, подвешенные в цепях, или головы на Темпл-Бар. Еще два тела были повешены подобным образом на рыночной площади, и мистеру Дункану сообщили, что это были преступники, казненные за интриги с женами короля.

В Кане можно увидеть первый намек на присутствие королевской власти. Здесь протекает небольшой ручей, который снабжает Кану водой. На рассвете женщин-рабынь дворца освобождают из оцепенения, в котором их держат ночью, и отправляют за водой для дворца. Это не боевые женщины или амазонки, как их обычно называют, а рабыни амазонок, причем у каждой из этих женщин есть по крайней мере одна рабыня, а у некоторых - до пятидесяти.

Однако сам факт, что они слуги амазонок, которые являются слугами короля, наделяет их неким достоинством, которое они не замедлили подтвердить. Ни одному мужчине не позволено смотреть на них, а тем более обращаться к ним, и поэтому, когда женщины идут за водой, их возглавляет одна из них с грубым колокольчиком, подвешенным к шее. Увидев вдалеке мужчину, предводительница энергично трясет колокольчик и кричит: "Ган-джа", *то есть* "колокольчик идет". Как только звон колокольчика или крик достигает ушей случайно оказавшихся на дороге мужчин, они тут же бегут к ближайшей тропинке, которых предусмотрительно сделано несколько, ведущей в лес, поворачиваются спиной и терпеливо ждут, пока не пройдет длинная шеренга женщин. Эта спешка мужчин направо и налево, прячущих лица в кустах и тормозах, замечательно изображена на 569-й странице.

Им нужно было бежать как можно быстрее, ведь если хотя бы один из горшков с водой случайно разобьется, ближайшего мужчину неизбежно обвинят в том, что он напугал женщину, которая его несла, и почти наверняка продадут в рабство вместе с женой и семьей.

Как и следовало ожидать, служители дворца очень гордятся этой привилегией, и чем они уродливее, старше и ниже, тем настойчивее звонят в колокольчик и произносят страшный крик "Ган-джа". Самое странное, что даже самые низкие рабы-мужчины, работающие во

дворце, пользуются той же привилегией и настаивают на том, чтобы занять дорогу и загнать всех остальных путешественников на объездные пути. "Это, - говорит капитан Бертон, - одна из самых больших неприятностей в Дахоме. Она продолжается весь день. В некоторых местах, например около дворца, полмили в час - это полная скорость, и уступать дорогу этим грузным животным, купленным, возможно, за несколько пенсов, мягко говоря, не очень прилично".

Город Кана сам по себе имеет мало элементов красоты, какими бы живописными ни были окружающие пейзажи. Он занимает около трех миль территории и состоит, в первую очередь, из дворца, а во вторую - из множества разбросанных вокруг него домов, расположенных вплотную к резиденции короля и становящихся все более и более разбросанными пропорционально их удаленности от нее. Капитан Бертон оценивает население в 4 000 человек. Дома построены из красной песчаной глины.

Стены дворца, которые имеют большую протяженность, окружены веселым украшением в виде человеческих черепов, которые расположены на вершине с интервалом в тридцать футов или около того, и поражают, как бы, ключевой нотой к дахоманскому характеру. Ни в одном месте мира человеческая жизнь не приносится в жертву с такой расточительностью и показностью.

В большинстве стран после казни преступника тело разрешают похоронить или, в крайнем случае, бросают на растерзание зверям и птицам. В Дахоме череп жертвы очищают и используют как украшение какого-нибудь здания или как атрибут суда и его окрестностей. Поэтому единственным предметом, который бросается в глаза путешественнику, является человеческий череп. Стены окаймлены черепами, черепа навалены в блюдах перед королем, черепа прикреплены к верхушкам шестов, черепа используются в качестве голов знамен, черепа привязаны к танцовщицам, и все храмы, или дома дзю-дзюцу, почти полностью построены из человеческих черепов. Как они появились в таком изобилии, мы сейчас увидим.

Как ни ужасна и отталкивающа эта система, мы должны помнить, что даже в Англии, в эпоху, когда искусство и литература были в высшем почете, четвертованные тела людей, казненных за государственную измену, выставлялись на воротах главных городов, а в самом центре столицы их головы выставлялись на всеобщее обозрение вплоть до сравнительно недавнего времени. Эта практика, хотя и не носила столь массового характера, как "обычай" Дахоме, все же была идентична ему по духу.

Поскольку амазонки, или женщины-воины, уже упоминались, мы кратко опишем их здесь. Это знаменитое воинство состоит полностью из женщин, как офицеров, так и рядовых. Они занимают высокое положение при дворе и, как уже говорилось, имеют такое значение, что каждая амазонка владеет по крайней мере одной рабыней. В своей стране они называются двумя именами - Ахо-си, *то есть* жены короля, и Ми-но*, то есть* наши матери; первое имя дается им по принципу *lucus a non lucendo*, потому что им не разрешается быть женами любого мужчины, а второе используется как условный титул уважения. Настоящие жены короля не носят оружия, и хотя он иногда увлекается одной из своих воительниц, она не может занимать положение обычной жены.

Примерно треть амазонок замужем, но остальные - незамужние девы. Разумеется, для поддержания работоспособности такого организма необходимо соблюдать строгое безбрачие, и для этого предпринимаются особые усилия. Во-первых, за ними ведется

строжайший надзор, а во-вторых, прибегают к силе суеверия. У одних из дворцовых ворот, называемых значительно Агбодеве, *то есть* Ворота Открытия, установлен мощный фетиш, который следит за поведением амазонок и неизменно обнаруживает солдата, нарушившего самый важный из военных законов. Амазонки так боятся этого фетиша, что в случае проступка одной из них готовы признаться в своей вине и назвать имя своего партнера по преступлению, даже зная, что его ждет жестокая смерть, а она будет жестоко наказана и, возможно, казнена своими сослуживцами. Кроме того, среди амазонок царит мощный *esprit de corps*, которые любят хвастаться тем, что они не женщины, а мужчины.

Да и выглядят они, как правило, более мужественно, чем воины-мужчины: высокие, мускулистые, обладающие непоколебимой отвагой и беспощадной жестокостью. Чтобы помочь читателю составить более четкое представление об этом мужественном и грозном воинстве, на следующей странице приведены два портрета в полный рост. Кровожадные и дикие, как и дагомейцы, амазонки лидируют в обоих качествах, казалось бы, мстя за лишения, на которые они обречены. Девы-солдатки - это женщины, отобранные королем из семей своих подданных, которых он может выбрать, когда они достигнут брачного возраста; а замужние солдатки - это женщины, уличенные в неверности и призванные на службу вместо казни, или жены, которые слишком развратны по отношению к своим мужьям, и поэтому их соответствующим образом призывают в армию, где их боевые наклонности могут найти более законное применение.

Чтобы усилить их кровожадный дух и вызвать чувство подражания, тем, кто убил врага, разрешается выставлять символ своей доблести. Они снимают скальп и сохраняют его для демонстрации на всех смотрах и торжественных мероприятиях. Есть у них и еще один знак отличия, эквивалентный английскому Кресту Виктории, а именно - раковина каури, прикрепленная к прикладу мушкета. После окончания битвы победившая амазонка смазывает часть приклада кровью павшего врага, а перед тем как она высохнет, наносит еще один слой. Так делается до тех пор, пока не образуется густая, мягкая паста, в которую вдавливают каури. Затем мушкет выкладывают на солнце, и после полного высыхания гильза прочно приклеивается к оружию.

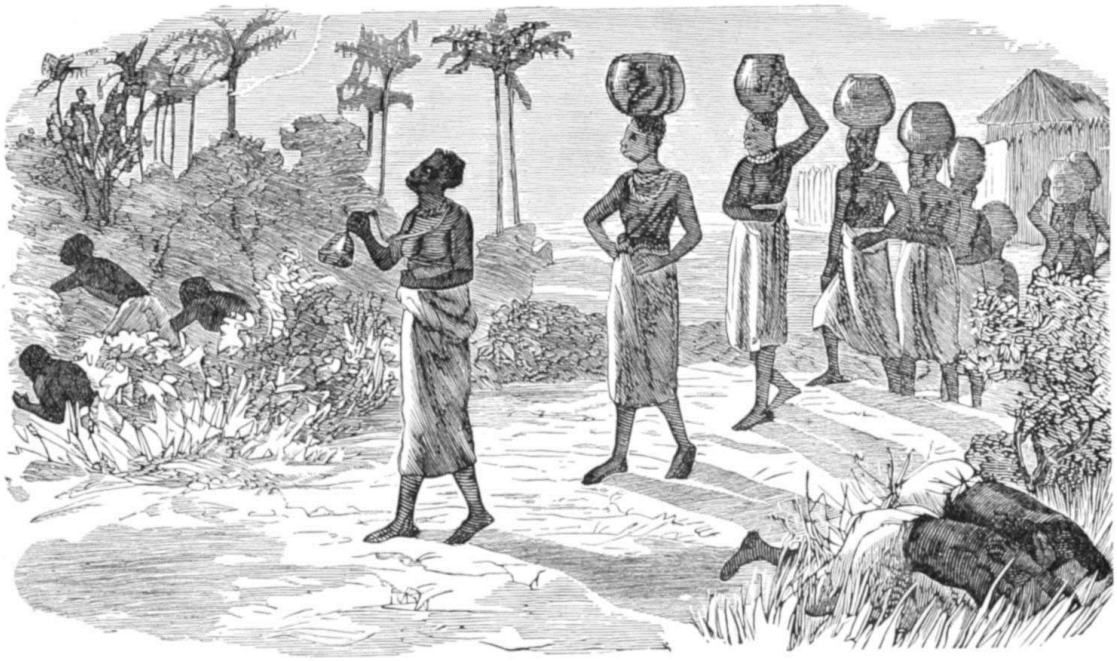
Обладание этим трофеем очень желанно для амазонок, и после битвы те, кто не убил врага своей рукой, сходят с ума от зависти, когда видят, как их более удачливые сестры берут в руки заветное украшение. За каждого убитого полагается по одной каури, а у некоторых самых смелых и свирепых амазонок приклады мушкетов полностью покрыты каури, расположенными в виде кругов, звезд и других подобных узоров.

Одежда амазонок несколько различается в зависимости от занимаемой ими должности. Обычная форма - сине-белая туника из туземной ткани, но без рукавов, чтобы дать полную свободу рукам. Под ней находится что-то вроде рубашки или килта, доходящего ниже колен, а под рубашкой солдат носит пару коротких льняных штанов. Вокруг талии опоясывается пояс для боеприпасов, который сделан точно по тому же принципу, что и бандольер в Средние века. Он состоит из тридцати полых деревянных цилиндров, продетых в кожаный пояс, каждый из которых содержит один заряд пороха. Заряжая свое оружие, амазонки просто высыпают порох в ствол и вгоняют в него пулю, не утруждая себя введением какого-либо пыжа, так что сила пороха тратится впустую, а направление пули весьма неопределенно. Частично из-за большого отклонения от курса, вызванного небрежным заряжанием и плохо подогнанными шариками, а частично из-за некачественного пороха, заряды вдвое больше, чем требовалось бы европейскому солдату".

Капитан Бертон справедливо называет существование такой армии несмешанным злом и утверждает, что это одна из причин, которая однажды приведет к тому, что королевство Дахоме будет стерто с лица земли. "Целью дахоманских войн и вторжений всегда было опустошение и разрушение, а не возвеличивание.

"Как гласит история, правители всегда следовали примеру Агаджи, второго основателя королевства; они стремились к завоеваниям и наведению ужаса, а не к накоплению и консолидации. Поэтому при увеличении территории происходило сокращение населения, что для народов является самым верным путем к гибели. В наши дни войны свелись лишь к охоте на рабов, о чем нелишне напомнить.

"Войско воинов, которое, как предполагается, насчитывает 2500 человек, должно представлять собой 7500 детей; растраты на воспроизводство и необходимые жертвы "службы" в столь обезлюдевшем регионе столь же пагубны для политического тела, как пропорциональная потеря крови - для личного. Таким образом, земля пустынна, а сырье для всей промышленности, человек, повсюду отсутствует."



(1.) "ЗВОНОК ПРИХОДИТ".
(См. с. 567.)

(2.) ДАХОМАНСКИЕ АМАЗОНКИ.
(См. с. 568.)

Свирепые, жестокие, неумолимые, лишенные по суровым законам всех социальных связей, женщины-воины Дахоме - единственные настоящие бойцы, мужчины-солдаты сравнительно слабы и бесполезны. Вооружены они плохо и беспорядочно: у некоторых есть ружья, но большинство вооружены только луком и стрелами, мечами или дубинками. Однако все они, будь то мужчины или женщины, снабжены веревками для связывания пленников - охота на рабов, по сути, является истинной целью дахоманской войны. Глубоко зная характер негров, капитан Бертон давно предсказал, что королевство Дахоме находится на закате, и что "ослабленное традиционной политикой, постоянными кровавыми сценами и произвольными мерами своего короля, деморализованное экспортной работорговлей, тесной связью с

европейцами и частыми неудачами, эта группа черных спартанцев быстро приходит в упадок".

Он также предсказал, что постоянная война короля с Абеокутой была политической ошибкой и что эгба в конечном итоге окажутся завоевателями. Насколько верными были эти высказывания, доказали события последних нескольких лет. Король Гелеле совершил свое угрожающее нападение на Абеокуту и был безнадежно разбит. Несмотря на безрассудную храбрость амазонок, которые сражались, как бешеные собаки, и которым помогали три медных шестифунтовых полевых орудия, его атака провалилась, и войска были отброшены, потеряв огромное количество пленных, а число убитых исчислялось тысячей.

Насколько безрассудно могут сражаться эти амазонки, можно судить по их выступлениям на смотре. В этой части страны простые укрепления сделаны из кустов акации, которые снабжены шипами большой длины и остроты, и являются действительно грозными препятствиями. На смотре, свидетелем которого был мистер Дункан и который прекрасно проиллюстрирован читателю на 576-й странице, из этих колючек были построены образцовые крепости, которые были сложены в стены толщиной около шестидесяти или семидесяти футов и высотой восемь футов. Можно представить, что преодолеть такие валы было бы непросто даже европейским солдатам, чьи ноги защищены сапогами на толстой подошве, а для босоногих воинов они должны быть просто неприступными. Внутри крепостей были построены прочные загоны высотой в семь футов, в которых было заперто огромное количество рабов-мужчин и женщин, принадлежавших королю.

Смотр начался с того, что амазонки выстроились с оружием на плечах примерно в двухстах футах перед сильным фортом и стали ждать команды. Как только оно прозвучало, они бросились вперед, уперлись в прочный забор, словно колючки были бессильны против их босых ног, перемахнули через него, снесли ограду и с триумфом вернулись к царю, ведя за собой захваченных рабов и демонстрируя скальпы воительниц, павших в предыдущих битвах, но условно считавшихся погибшими в нынешней. Нападение было столь стремительным и яростным, что не прошло и минуты после того, как прозвучал приказ и женщины вернулись с пленницами.

Организация амазонской армии столь же своеобразна, как и ее существование. Полк делится на три батальона: центральный и два крыла. Центральный батальон, или батальон фанти, чем-то напоминает нашу гвардию, а его члены отличаются тем, что носят на голове узкую белую косынку, на которой нашиты синие крокодилы. Этот орнамент был пожалован им королем, поскольку один из них однажды убил крокодила. В знак вежливости король обычно присваивает своим высоким гостям почетное звание командира батальона Фанти, но это звание не дает ему права даже приказать корпусу выступить на смотр.

Гренадеры представлены ротой мушкетеров, которые отбираются по размеру и силе, за каждым следует раб, несущий амуницию. Равными им по рангу являются снайперы, или рота "Уверенных в убийстве", карабинеры и рота штыков.

Женщины, обладающие наиболее признанной храбростью, собраны в роту слонов, их специальное занятие - охота на слонов ради их бивней, которую они выполняют с большим мужеством и успехом, часто сваливая слона одним залпом из своего несовершенного оружия.

Самые молодые, красивые, активные и опрятно одетые - лучники. Оружие у них очень скудное, обычно это лук и маленькие стрелы, а также небольшой нож. В самом деле, они больше предназначены для демонстрации, чем для использования, и носят униформу, более

скудную, чем в регулярной армии, а также отличаются браслетом из слоновой кости на левой руке и татуировкой, доходящей до колена. Их специально обучают танцам, а в полевых условиях они выполняют функции посыльных и выносят убитых и раненых. Их официальный титул - го-хен-то*, то есть* носительницы колчанов.

Большинство амазонок, конечно же, являются линейными солдатами, и если бы они только немного разбирались в военных маневрах, и их можно было бы научить правильно заряжать оружие, а также правильно целиться, то они бы утроили свою реальную силу. Однако капитан Бертон сравнивает их маневры со стадом овец, и у них так мало знаний о слаженных действиях, что они рассыпались бы перед зарядом самых плохих войск в Европе.

И наконец, бритвенные женщины. Эта диковинная структура предназначена для наведения ужаса на врага, солдаты вооружены большой бритвой, которая выглядит так, как будто была сделана для клоуна в пантомиме. Длина лезвия составляет около двух футов, рукоятка, разумеется, несколько больше, а при открытии лезвие удерживается от закрытия пружиной, расположенной сзади. Ее используют для обезглавливания преступников, но как оружие она почти бесполезна и с такой же вероятностью может ранить того, кто ее держит, как и того, против кого она направлена. Бритва была изобретена братом покойного короля Гезо. На 558-й странице приведена иллюстрация одного из боевых барабанов амазонок. Он был взят у убитых воинов во время нападения на Абеокуту.

ГЛАВА LVI.
Дахоме - продолжение.

КОРОЛЬ-ДУБЛЕР - "ОБЫЧАИ" ДАХОМЕ - ПОЯВЛЕНИЕ КОРОЛЯ ГЕЛЕЛЕ - ЭТИКЕТ ПРИ ДВОРЕ - КОРОЛЬ ПЬЕТ - ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КАЛАБАШИ - ПРОДВИЖЕНИЕ КОРОЛЯ - КОРОЛЕВСКАЯ ПРОЦЕССИЯ - ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ОБЫЧАЕВ - ЖЕРТВЕННЫЙ САРАЙ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ - КОРОЛЕВСКИЙ ПАВИЛЬОН - ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ - ВТОРОЙ ДЕНЬ ОБЫЧАЕВ - ТКАНЬ "СПОСОБНАЯ НА ВСЕ" - ТРЕТИЙ ДЕНЬ - ПОИСК КОРОВЬИХ ГРИБОВ, И ПРОЦЕССИЯ ГОРБУНОВ - ФЕТИШИ - БЕСЕДА С ЖЕРТВАМИ - ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ И ЕГО ЗЛАЯ НОЧЬ - ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ЧИСЛО ЖЕРТВ И СПОСОБ ИХ КАЗНИ - ЦЕЛЬ И СМЫСЛ ОБЫЧАЕВ - ПИСЬМО МЕРТВОМУ И ПОСТСКРИПТУМ - КАЗНЬ В АГБОМЕ - ПЬЮЩИЙ КРОВЬ.

Прежде чем перейти к страшным "обычаям" Дахоме, мы должны вкратце рассказать о примечательном моменте в государственном устройстве Дахоме. Как и в Японии, в Дахоме два короля, но вместо того, чтобы быть временным и духовным, как в Японии, они - король города и король буша, каждый со своим троном, своим государством, своим двором, своей армией, своими офицерами и своими обычаями. Когда капитан Бертон посетил Дахоме, королем города был Гелеле, сын Гезо, а королем буша - Аддо-кпоре.

Король кустарника управляет всеми фермерами, регулирует обработку земли и торговлю, а король города правит городами, ведет войны и управляет работорговлей. Поэтому последний так часто общается с торговцами, что первого почти никогда не видят, кроме тех, кто приезжает в страну с этой целью. У него есть дворец в местечке примерно в шести милях от столицы, но здание было сделано только из жердей и циновок, когда его посетил капитан Бертон, и вряд ли будет сделано из более прочных материалов, так как его не собирались строить из "свиша" до тех пор, пока не будет взята Абеокута.

Теперь мы приступим к краткому, насколько это соответствует истине, описанию обычаев обоих королей, причем наши авторитеты ограничиваются двумя - мистером Дунканом и капитаном Бертоном, последний внес много важных исправлений в утверждения первого и других путешественников. Поэтому во всем описании будет использоваться настоящее время.

Гелеле - прекрасный человек с королевской внешностью. Он выше шести футов ростом, худой, широкоплечий, активный и сильный. Его волосы почти все сбриты, за исключением двух кокард, которые используются в качестве крепления для бус и других побрякушек из меди и серебра. В отличие от обычной формы, у него твердый и хорошо выраженный подбородок, довольно хороший лоб, и, несмотря на жестокий и кровожадный характер, у него очень приятная улыбка. Он носит очень длинные ногти, и говорят, хотя это утверждение весьма сомнительно, что под когтями у него хранится сильный яд, который он подливает в питье любому из своих каботажников, случайно обидевшему его. Его лицо сильно изрыто оспой, и он носит знак своей расы, а именно три перпендикулярных шрама на лбу чуть выше носа. Это последние остатки очень болезненного способа нанесения татуировок, при котором щеки буквально вырезали, а лоскуты плоти выворачивали и заставляли заживать в таком положении.

Он не такой черный, как его отец, его кожа приближается к медному цвету, и вполне вероятно, что его мать была либо рабыней с севера Махи, либо мулаткой из Вайды.

В обычных случаях он одевается очень просто: его нательная одежда из белого материала с зеленой каймой, а короткие кальсоны - из пурпурного шелка. Он носит мало украшений, пять или шесть железных браслетов, опоясывающих его руки, используются скорее как защитная броня, чем как украшение.

Тем не менее, хотя он одет гораздо проще, чем любой из его каботажников, он очень пунктуален в отношении этикета и соблюдает малейшие традиции с точностью, достойной двора Людовика XIV. Хотя он сидит на простой глиняной скамье и курит неуклюжую и очень простую трубку, все его придворные ждут его с таким почтением, что кажется, будто он скорее полубог, чем человек. Если от жары, от которой его максимально укрывает королевский зонтик, на его лоб попадает несколько капель, их деликатно вытирает одна из его жен тонкой тканью; если табак оказывается слишком крепким, перед королевскими губами ставят медную или даже золотую плевательницу. Если он чихнет, вся собравшаяся компания разразится криками благословений. Главная церемония происходит, когда он пьет. Как только он подносит кубок к губам, две его жены расстилают перед ним белое полотно, а другие держат несколько аляповатых зонтиков, чтобы скрыть его от посторонних глаз. Все, у кого есть оружие, стреляют из него, те, у кого есть колокольчики, бьют в них, трясут погремушками, а все придворные пригибаются к земле, хлопая в ладоши. Что касается простолюдинов, то они поворачиваются спиной, если сидят, а если стоят, то танцуют, как медведи, гребут руками, словно лапами, и кричат "Пу-у-у-у" во весь голос.

Если от него передают послание, то это делается самым кружным образом. Сначала он передает послание Дакро, женщине при дворе. Она передает его Меу, а Меу передает его Мингану, а Минган доставляет его адресату. Когда послание отправляется королю, порядок меняется на противоположный, и, поскольку каждый офицер должен говорить с начальником, используется приветствие, аккуратно выстроенное в соответствии с рангом. Когда послание наконец достигает Дакро, она опускается на четвереньки и шепотом передает его в королевские уши. Память туземцев настолько цепкая к мелочам, что послание проходит этот извилистый путь без потери или перестановки слов.

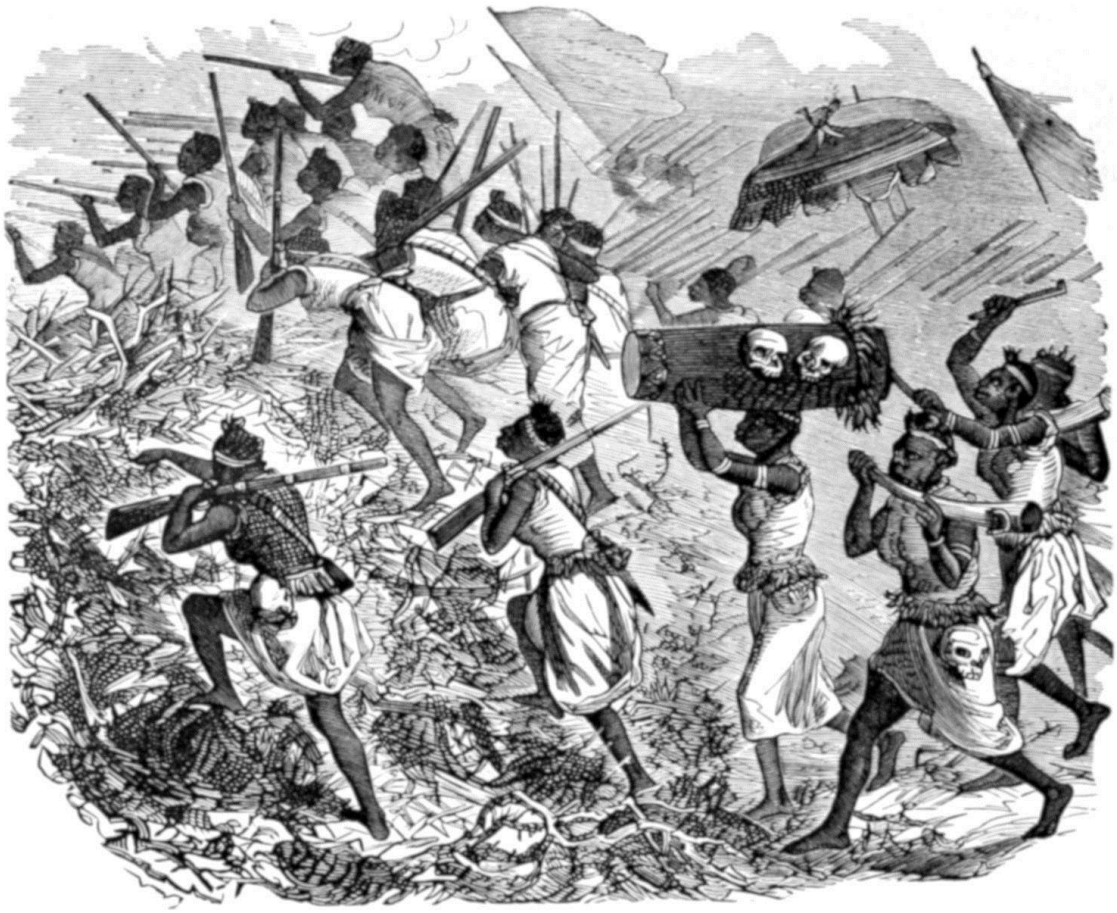
Когда любой человек, независимо от его ранга, предстает перед королем, он проходит через церемонию, называемую "итте д'ай", или лежание на земле. Он ложится на лицо и руками разгребает пыль по всему лицу. Он также целует землю, а когда поднимается, старается, чтобы на его огромных губах было как можно больше пыли. Лицо, руки, конечности и одежда одинаково покрыты пылью, и количество почтения измеряется количеством пыли. Никто не подходит к королю прямо: он должен ползти на четвереньках, шаркать коленями или извиваться, как змея.

Везде, где Гелеле устраивает свой суд, перед ним ставят три больших калабаша, в каждом из которых хранится череп убитого им могущественного вождя. Выставление этих черепов считается знаком чести их покойных владельцев, а не знаком насмешки или позора, как принято считать. Один из них отбелен и отполирован, как слоновая кость, и установлен на небольшом корабле из латуни. Причина такого любопытного расположения заключается в том, что когда Гезо умер, вождь отправил насмешливое послание Гелеле, сказав, что море высохло, и люди увидели конец Дахоме. В ответ Гелеле вторгся на его территорию, убил его и установил его череп на корабле в знак того, что воды осталось достаточно для плавания судна.

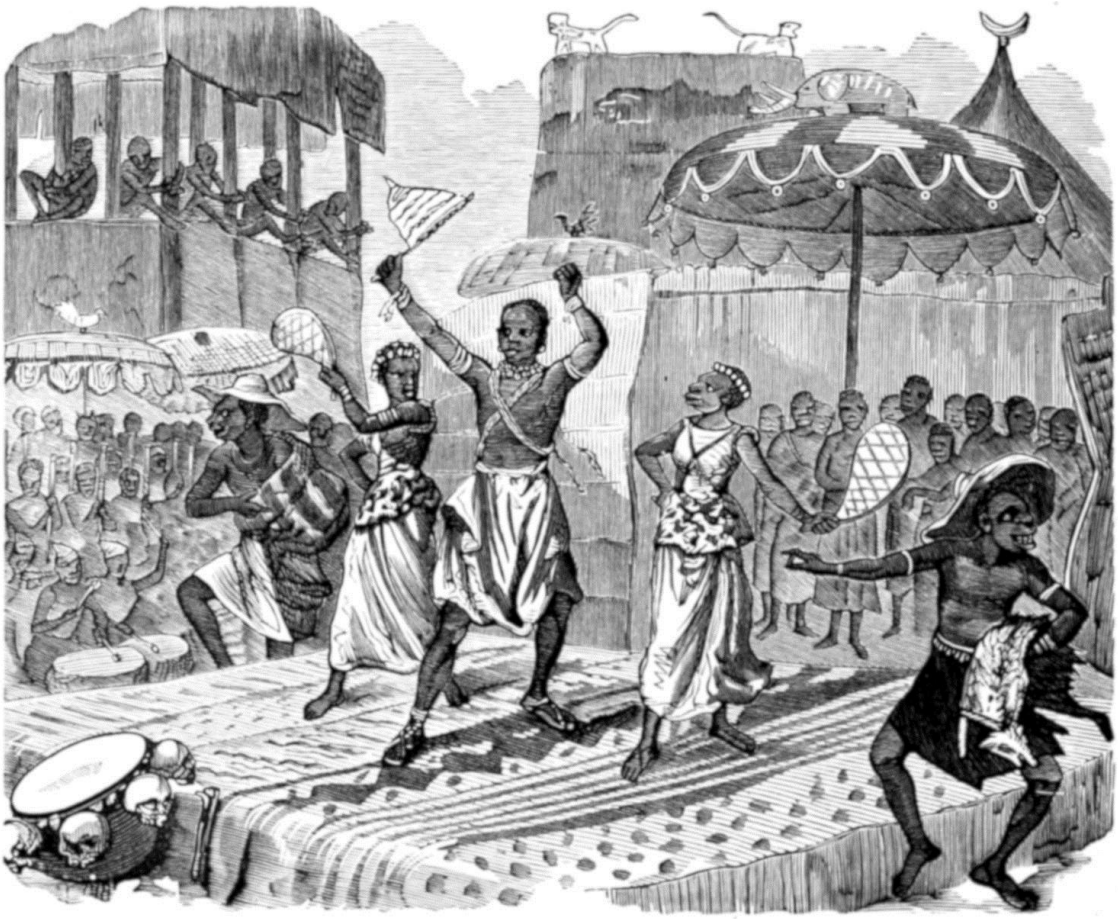
Второй череп закреплен латунью так, что образует чашу для питья. Это было сделано потому, что владелец вероломно поступил с Гелеле, вместо того чтобы помочь ему. В знак того, что он должен был "дать воды другу в беде" - метафорический способ выражения сочувствия - Гелеле и его придворные теперь пьют воду из его черепа. Третьим был череп вождя, который участвовал в этом предательстве, и его череп был соответствующим образом закреплен латунной фурнитурой, изображающей обычную деревенскую ловушку, чтобы показать, что он устроил ловушку и сам в нее попал. Все эти черепа были без нижней челюсти, которая является самым желанным украшением для зонтиков и рукояток мечей. Как ни печально, но похититель, как обычно у негров, пренебрегающий причинением боли, отрывает челюсть, пока жертва еще жива: одной рукой он рассекает обе щеки, а другой отрывает челюсть.

Тот же самый поминутный и гротескный этикет сопровождает короля, когда он отправляется в Агбоме, настоящую столицу, чтобы отпраздновать обычай Со-Син, и невозможно читать рассказы обо всем происходящем, не поражаясь изобретательности, с которой негр поставил на службу варварству все европейское, что попалось ему под руку, неизменно умудряясь при этом сделать обряды смехотворными, а не впечатляющими.

Сначала шла длинная вереница вождей, отличавшихся флагами и зонтиками, и, пройдя один раз вокруг большого пространства или площади, они пересекали ее и образовывали линию зонтиков напротив ворот. Затем появилась сама королевская процессия, которую возглавляли скирмишеры во главе с человеком, несущим одно из знамен с черепом на макушке. За ними шли около пятисот мушкетеров, а позади них - двое мужчин с большими кожаными щитами, выкрашенными в белый цвет и украшенными черным узором. Эти щиты очень ценятся как остатки тех старых времен, когда щиты использовались в военных действиях. Их сопровождала гвардия высоких негров в медных шлемах и черных конских хвостах.



(1.) ОБЗОР АМАЗОНОК.
(См. стр. 571.)



(2.) КОРОЛЕВСКИЙ ТАНЕЦ.
(См. с. 577.)

Далее следовал кафо, или эмблема королевской власти, а именно железный фетиш, заключенный в белый льняной чехол, увенчанный белым плюмажем; после кафо ехал король под сенью четырех белых зонтиков, укрытый от солнца тремя зонтиками - желтым, пурпурным и синевато-красным. Они развевались над ним так, что служили веерами.

За королем несли большой фетиш-топор, за которым следовала "группа" - шумное сборище исполнителей на барабанах, трещотках, трубах, цимбалах и подобных инструментах. На гравюре на 558-й странице представлены два образца труб из слоновой кости с различными странными приспособлениями, искусно вырезанными. На правой трубе изображена распятая фигура. Следом шла толпа рабов, нагруженных стульями, корзинами с каури, бутылками и другими подобными предметами, а сзади несли пару бело-голубых зонтиков и оборванный флаг.

Шесть раз короля возили по пространству, во время двух кругов его везли в неказистом колесном транспортном средстве, а на третьем круге - в карете и со всем необходимым - на плечах его сопровождающих. Четвертый и пятый круги были проделаны *в кресле для ванн*, а шестой - в том же транспортном средстве, что и раньше. Затем король удалился на противоположную сторону пространства, и появились амазонки, которые выскочили в пространство тремя компаниями, а за ними последовали уже описанные компании фанти. Эти молодые женщины продемонстрировали свою ловкость в танце, а за ними следовал калабаш, украшенный черепами, и несколько флагов в сопровождении двенадцати женщин-бритв.

К этому времени король переместился в гамак из желтого шелка, подвешенный к черному шесту, украшенному серебряными акулами - эта рыба является королевской эмблемой - и оканчивающемуся латунью на каждом конце. Двенадцать женщин несли гамак, а остальные, как и прежде, укрывали его тенью и веером. Закончив эти предварительные приготовления, все удалялись отдыхать до следующего дня, который должен был стать первым из обычаев Со-Син, или "привязывания лошади".

Первый объект, который бросается в глаза наблюдателю, - это большой сарай длиной около ста футов, шириной сорок и высотой шестьдесят, имеющий с одного конца двухэтажную башню и весь покрытый красной тканью. В то время, о котором идет речь, в сарае сидело двадцать жертв, которые должны были быть принесены в жертву. Все они сидели на табуретах и были крепко привязаны к столбам многочисленными веревками. Никакой лишней боли не причинялось: их кормили четыре раза в день, ослабляли на ночь, чтобы они могли спать, и приставили к ним слуг, которые отгоняли мух. Одеты они были в подобие костюма Сан-Бенито, а именно в белую бязевую рубашку, перевязанную красной лентой, с малиновой нашивкой на левой груди. На голове красовалась высокая остроконечная белая шапочка с синей лентой, намотанной на нее по спирали. Несмотря на предстоящую участь, жертвы не выглядели несчастными и смотрели на происходящее с явным любопытством.

Далее последовал обряд, от которого церемония получила свое название. Вождь лошадей приходил с несколькими последователями, забирал всех лошадей у их владельцев и привязывал их к сараю, откуда их можно было освободить только заплатив коровьи вишни.

Другой сарай был построен специально для короля и содержал примерно такое же количество жертв. Вскоре пришел Гелеле и направился в свой сарай, где занял свое место, неподалеку от места, на котором была установлена небольшая палатка с мощами старого короля и предполагалось, что в ней временно обитает его призрак. После нескольких ничего не значащих церемоний Гелеле выступил с речью, заявив, что его предки построили лишь грубые и неказистые сараи Со-Син, но Гезо усовершенствовал их, когда "делал обычаи" для своего предшественника. Но он, Гелеле, намерен последовать примеру своего отца и сделать для него то, что, как он надеется, сделает для него сын. Эту речь он сам сопровождал игрой на барабане, а после ее окончания проявлял свою активность в танцах, которым помогали его любимые жены и профессиональный шут. Опираясь на посох, украшенный человеческим черепом, он повернулся к маленькому шатру и в впечатляющем молчании поклонился призраку своего отца (см. гравюру на предыдущей странице).

Следующим делом была раздача наград и присвоение званий, самым ярким примером чего стал человек, которого из простого капитана возвели в кабосиры; новоиспеченный дворянин барахтался на земле и в знак благодарности покрывал пылью себя и всю свою новую одежду. Танцы и барабанный бой продолжались до тех пор, пока не наступила ночь, и первый день не закончился.

Во второй день не было ничего достойного внимания, кроме обряда, который дал ему название "День смены одежды". У короля есть кусок лоскутного полотна, примерно шестьсот ярдов в длину и десять в ширину, который называется "Нун-це-пасе-то", *то есть* "Способный на все". Это одеяние король должен надеть сразу же после взятия Абеокуты, и, судя по всему, ему придется ждать очень долго, прежде чем он его наденет. Его разворачивают и держат перед королем, который проходит по всей его длине с обеих сторон под одобрительные возгласы своего народа, а затем направляется в свой сарай, где ему предстоит пройти обряд смены одежды. Этот обряд заключался в том, что он несколько раз переодевался перед народом и танцевал в каждом новом платье, заканчивая фетиш-

военным нарядом, *то есть* коротким нижним халатом, и темно-синей тканью, усыпанной чарами и амулетами, испачканной кровью и окантованной коровьими ягодами.

Третий день таможни мало чем интересен, это обычные шествия и речи, повторяющиеся снова и снова до изнеможения. Самой примечательной особенностью является бросание коровьих орехов. Король разбрасывает нитки коровьих орехов среди людей, которые борются за них на совершенно равных условиях, причем и самый низкий крестьянин, и самый высокий дворянин считают себя обязанными в равной степени участвовать в схватке. Оружие не используется, но выколоть глаза или откусить куски конечностей считается вполне законным, и едва ли найдется схватка, которая не закончится увечьем на всю жизнь, а в некоторых случаях один или два незадачливых человека остаются лежать на земле мертвыми. На них не обращают внимания, поскольку по приятной фикции закона считается, что они умерли почетной смертью, защищая своего короля.

Наконец, появилась процессия горбунов, которые, как рассказывает капитан Бертон, распространены в Западной Африке и собираются во дворце в отряды обоих полов. Главный из них орудовал грозным кнутом и, обладая руками огромной длины и мускулистой силой, легко прокладывал путь своим последователям сквозь плотную толпу. На головах главных горбунов были закреплены семь мощных фетишей. Это были очень сильные фетиши, поскольку они имели привычку разгуливать по городу после наступления ночи.

Их описывают следующим образом: "Первый - синий карлик в сером паке, со шляпой на голове. Второй - синяя женщина с выпирающей грудью. Третий - красный карлик с белыми глазами, одетый в красно-коричневую *шапочку*. Четвертый - маленькая чернокожая мать и ребенок в синей набедренной повязке, с корзиной или калабашем на голове. Пятый - то же самое, но поменьше. Шестая - пигмей, похожий на бабуина, с красным лицом под черной черепной коробкой, с боевой дубинкой в правой руке и пистолетом в левой; седьмая очень напоминала последнюю, но была черной, с белым фартуком сзади. Они были вырезаны так же, как лица, вырезанные на верхушке палки деревенскими мужланами в Англии".

Затем король навестил жертв, вступил в беседу с некоторыми из них и подарил им двадцать "голов" каури. На просьбу капитана Бертона проявить милосердие, он развязал почти половину из них, поставил перед ним на руки и колени, а затем отпустил их.

Четвертый день таможни традиционно называется Днем потери лошадей, что связано с церемонией, которая теперь упразднена, хотя название сохранилось. Снова танцы, снова процессии, снова хвастовство, что Абеокута должна быть разрушена, а могила отца Гелеле должна быть хорошо обставлена черепами Эгба. Те же самые маленькие фетиши, о которых уже говорилось, были снова изготовлены, и за ними последовало любопытное *па-де-сель* в исполнении "Со". Со - это имитация демона, "маска в виде бычьего лица натурального размера, выкрашенная в черный цвет, со сверкающими глазами и глазницами. Рога были увешаны красными и белыми тряпичными полосками, а под ними было платье из бамбукового волокна, покрывавшее ноги и окаймленное на концах. Он танцевал, наклонив голову на одну сторону, и раскачивался на месте к большому удовольствию людей".

Все действо завершилось длинной процессией рабов, несущих в руках корзины с каури. "Это была обычная африканская беспечность - 100 000 за 20 фунтов".

Вечером четвертого дня наступает страшная Злая ночь, в которую король идет в торжественной процессии на рыночную площадь, где главный палач собственной рукой предает смерти тех жертв, которые были зарезервированы. Точный характер процесса неизвестен, поскольку никому не разрешается покидать свои дома, кроме короля и его

свиты; и любого, кто достаточно глуп, чтобы нарушить этот закон, сразу же уносят, чтобы пополнить список жертв. Говорят, что король обращается к мужчинам, поручая им передать послания своему умершему отцу, рассказывая, что его память чтут и что к нему прислали новых слуг, и своей рукой наносит первый удар, а остальных убивает штатный палач.

Тела казненных теперь устанавливали на столбе или подвешивали за пятки и выставляли на всеобщее обозрение, как это делалось в Англии, когда вора сначала казнили, а потом подвешивали в цепях.

Число этих жертв сильно преувеличено. В ежегодных таможенных отчетах фигурирует цифра от шестидесяти до восьмидесяти. Около тридцати из этих жертв - мужчины, и они страдают от руки главного палача или его помощников; но хорошо известно, что в стенах дворца предаются смерти и многие женщины, а палачами выступают кровожадные амазонки. Способ казни весьма примечателен. После того как король поговорит с жертвами и продиктует им свои послания, палачи обрушиваются на них и забивают до смерти своими официальными булавами. Эти орудия - всего лишь деревянные дубинки, снабженные с одной стороны головы железными набалдашниками. Некоторые, однако, утверждают, что жертв обезглавливают; вполне вероятно, что используются оба способа.

Что касается часто рассказываемых историй о многих тысячах человеческих жертв, которые ежегодно убивают, и о каноэ, которое король гребет в траншее, наполненной человеческой кровью, то это не более чем преувеличения, придуманные торговцами с целью отпугнуть англичан от страны. Даже на Великих таможнях, которые следуют за кончиной короля, число жертв не превышает пятисот человек.

Естественно, мы можем задаться вопросом, в чем смысл таможни, или Со-Син. Эта церемония - принятый способ оказать честь покойному королю, отправив к нему сопровождающих, соответствующих его рангу. Сразу после погребения, во время Большой таможни, к умершему королю отправляется около пятисот сопровождающих, как мужчин, так и женщин, и в дальнейшем его поезд пополняется теми, кого убивают на регулярных ежегодных таможнях.

Помимо таможни, едва ли найдется день, когда не происходят казни аналогичного характера. Все, что делает король, должно быть доложено его отцу человеком, которому сначала поручают это сообщение, а затем убивают. Каким бы пустяковым ни был повод - если его навестит белый человек, если ему сделают новый барабан или даже если он переедет из одного дома в другой, - к отцу посылают гонца. А если после казни король обнаружит, что забыл о чем-то, отправляется еще один гонец, как постскриптум к письму.

Все это ужасное уничтожение человеческих жизней, которое, по оценкам Бертона, составляет в среднем пятьсот в год в обычные годы и тысячу в год Великой таможни, достаточно плохо, но не так плохо, как его рисуют. Жертвами становятся не простые подданные короля, выбранные в жертву кровожадному капризу, как принято считать. Это либо преступники, либо военнопленные, и, вместо того чтобы быть казненными на месте, они хранятся на таможне, и с ними обращаются настолько хорошо, насколько это соответствует их безопасному содержанию.

Действительно, учитывая цель, для которой они предназначены, было бы плохой политикой для дахоманского короля вести себя жестоко по отношению к своим жертвам. Они предназначены в качестве посланников к его отцу, о котором они впоследствии должны

ждать, и было бы крайне невежливо со стороны нынешнего царя посылать к отцу гонца, который был бы плохо настроен по отношению к нему самому, и который мог бы, таким образом, исказить его послание или доставить дурной отчет мертвому государю.

Как правило, жертвы, о которых идет речь, вполне веселы и довольны и настолько не похожи на наши представления об обреченных людях, насколько это вообще можно себе представить. Прежде всего, они по своей природе безразличны к человеческой жизни, их собственные жизни и жизни других людей одинаково недооценены; и, зная, что их жизнь потеряна, они принимают это положение без бесполезного ропота. Способ смерти также не столь мучителен, как кажется на первый взгляд, ибо король, руководствуясь тем чувством жалости, которое заставляло римлян одурманивать усыпляющим напитком чувства приговоренных к кресту, чаще всего за час до казни вливает в жертву бутылку или около того рома, так что они по большей части теряют сознание, когда их убивают.

Однако это гуманное облегчение страданий распространяется только на тех, кто умирает на таможне, и не распространяется на тех, кто погибает от рук палача как посланники умершего короля. О том, как проходят эти казни, можно судить по следующему рассказу мистера Дункана о сцене в Дахоме.

"Церемонии этого дня почти повторяли вчерашние, пока не наступило время (за час до захода солнца), когда четырех предателей привели на площадь для казни. Они прошли через толпу, собравшуюся вокруг, по-видимому, мало обеспокоенную, как и зрители, которые выглядели более веселыми, чем до появления заключенных, как будто их радовала перспектива смены представления. Заключенные прошли мимо меня в медленном темпе, поэтому у меня была хорошая возможность внимательно наблюдать за ними, особенно потому, что каждый человек оставался на коленях, за исключением меня и охранника, сопровождавшего заключенных.

"Все они были молодыми мужчинами среднего роста и, похоже, принадлежали к одной семье или, по крайней мере, к одному племени макеев, которые выглядят гораздо лучше, чем жители побережья. Каждому мужчине заткнули рот коротким куском дерева с небольшой полоской белого хлопка, обвязанной вокруг каждого конца палки и пропущенной вокруг шеста. Это делалось для того, чтобы они не могли говорить. Их выстроили в ряд, поставив на колени перед королем.

"Затем главный ган-ган давал четыре удара в гонг, как один-два и один-два; верхняя часть ган-гана была меньше нижней, и таким образом звуки получались разными, подобно тому, как в Англии общественные часы бьют по четвертям. После четырех ударов человек из банды обращался к преступникам с речью о чудовищности их преступления и справедливости приговора. Во время этой затянувшейся речи с небольшими интервалами раздавались удары ганг-ганга, что придавало сцене некую ужасающую торжественность. После этого мужчин внезапно отвели на некоторое расстояние от его величества, который в этот раз отказался наблюдать за казнью. Затем мужчинам приказали встать на колени в линию на расстоянии около девяти футов друг от друга, руки были связаны перед телом, а локти держали сзади двое мужчин, при этом тело преступника наклонялось вперед.

"Бедный старый Майхо, который является отличным человеком, был настоящим палачом. Он протянул мне нож или крюк, но я снова отказался от этой чести; тогда старик одним ударом по затылку отделил голову от тела первого преступника, за исключением небольшого участка кожи, который был отделен, пропустив нож под ним. К сожалению, второй человек был страшно изувечен, так как бедняга в момент удара поднял голову, нож ударил в косом направлении и нанес только большую рану; следующий удар пришелся по затылку, когда

мозг выпятился. Бедняга яростно сопротивлялся. Третий удар пришелся по плечам, показав страшную рану. Следующий удар пришелся по шее, который повторился еще дважды. Офицер, поддерживавший преступника, потерял контроль над собой из-за крови, хлынувшей из сосудов на всех, кто находился рядом. Бедный старый Майхо, теперь уже совсем парализованный, ухватился за голову и, повернув ее несколько раз вокруг оси, отделил от все еще бьющегося в конвульсиях туловища. Во время последней части этой отвратительной операции голова представляла собой ужасное зрелище: искаженные черты лица и полностью вывернутые глазные яблоки придавали ей ужасный вид.

"Следующий человек, бедняга, с частично закрытыми глазами и головой, опущенной вперед, почти до самой земли, все это время оставался в напряжении; он бросал неполный взгляд на голову, которая теперь находилась рядом с ним, и на ствол, протащенный мимо него, из которого, как фонтан, все еще хлестала кровь. Майхо отказался от новой попытки, и вместо него выступил другой человек, который одним ударом разделил кости позвоночника, но не полностью отделил голову от тела. Все было закончено так же, как и в первом случае. Однако четвертому преступнику повезло меньше: его голова отделилась только после трех ударов. После этого тело несколько раз перевернулось, и кровь хлынула мне на лицо и одежду.

"Самой отвратительной частью этой мерзкой и отвратительной казни было то, что на ней присутствовал плохо выглядевший негодяй, который, подобно многочисленным стервятникам, стоял с маленьким калабашем в руке, готовый поймать кровь каждого человека, которую он жадно пожирал, прежде чем она успевала хоть на минуту вытечь из вен. Старый негодяй имел наглость подлить в кровь немного рома и попросить меня выпить: в этот момент я мог бы с легким сердцем пустить ему пулю в голову".

"Перед казнью жертву снабжают чистой белой тканью, чтобы обвязать вокруг поясницы. После обезглавливания тело немедленно оттаскивают за пятки к большой яме на значительном расстоянии от города, бросают в нее и тут же пожирают волки и стервятники, которые здесь настолько прожорливы, что чуть не лишат вас пропитания".

Капитан Бертон говорит, что никогда не видел этой отвратительной части жертвенной церемонии, и утверждает, что в Дахоме есть только один подход к каннибализму. Это связано с поклонением богу грома и описано на странице 586.

ГЛАВА LVII.
Дахоме - Завершение.

ВЕЛИКИЕ ОБЫЧАИ ДАХОМЕ - ПРАЗДНУЮТСЯ РАЗ В ЖИЗНИ - "МЫ ГОЛОДНЫ" - ЖЕРТВЕННАЯ КОРЗИНА - БАШНЯ ГЕЛЕЛЕ - ОГНЕННЫЙ ТЕЛЕГРАФ И ЕГО ДЕТАЛИ - ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ОБЫЧАЕВ - УСТАЛЫЕ ОРАТОРЫ - ВСЕОБЩИЙ РАЗГРОМ - ЗАВЕРШЕНИЕ ЦЕРЕМОНИИ - БРАКИ ДАХОМЕ - РЕЛИГИЯ ДАХОМЕ - МНОГОБОЖИЕ, И РАЗЛИЧНЫЕ РАНГИ БОЖЕСТВ - ПОКЛОНЕНИЕ БОГУ ГРОМА - ЦЕРЕМОНИЯ ПОКЛОНЕНИЯ ГОЛОВЕ - ЖРЕЦЫ ИЛИ ФЕТИШИСТЫ - ЖЕНЩИНЫ-ФЕТИШИСТЫ - ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУХОВНОМ МИРЕ - ДОЗНАНИЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ - ПОГРЕБЕНИЕ - СМЕРТЬ КОРОЛЯ - ОБЫЧАЙ ОКРОПЛЕНИЯ ВОДОЙ - РЕЗЮМЕ КАПИТАНА БЕРТОНА О ХАРАКТЕРЕ ДАХОМАНОВ.

Теперь мы переходим к великим обычаям Дахоме, которые проводятся только раз в жизни монарха. Эта страшная церемония, или, скорее, серия церемоний, проводится в честь умершего короля, а обязанность по ее выполнению возлагается на его преемника. Каждый король старается превзойти своего предшественника, принося в жертву большее количество жертв или изобретая какой-то новый способ совершения жертвоприношения. Вследствие этой привычки способ проведения Великого обычая настолько изменчив, что полное его описание повлекло бы за собой рассказ о том, как его проводил каждый последующий царь.

Уже говорилось, что жертвы тщательно приберегаются для этой цели, а День обычаев - единственное общее время исполнения в году; и поэтому, если новый король обнаруживает, что у него нет достаточного количества жертв, чтобы почтить память своего отца и хотя бы сравняться с теми, кого принес в жертву его отец, когда вступил на престол, он должен подождать, пока необходимое количество не будет набрано.

Обычный способ сделать это - вступить в войну с каким-нибудь племенем, с которым у него вражда; и по этой причине, помимо прочего, Гезо и Гелеле совершили ряд нападений, в которых Абеокута сначала одержала победу, но затем была отбита, как уже было рассказано. Именно по этой причине амазонок учат так яростно бросаться на грозные терновые стены, которыми укреплены города, а пленников, которых они берут, чаще всего отдают королю, чтобы они были готовы к следующему обычаю.

В день Великого обычая король появляется на помосте, украшенном, по представлениям дахоманов, самым роскошным образом, полотнищами, на которых грубо нарисованы фигуры различных животных. Вокруг него стоят его любимые жены и главные офицеры, каждый из которых отличается большим зонтом. Внизу - огромная и бурлящая толпа негров обоих полов, диких от возбуждения и рома и оглашающих воздух криками, приветствующими своего государя. В знак признания их преданности он бросает им "головы" каури, нитки бус, рулоны ткани и тому подобные ценности, за которые они дерутся, карабкаются и рвут друг друга, как множество диких зверей - и действительно, на данный момент они так же свирепы и безжалостны, как самые дикие звери, какие только есть на земле.

После раздачи этих образцов королевской милости крики и вопли начинают обретать форму и постепенно превращаются в восхваления короля и призывы к его щедрости. "Мы голодны, о царь", - кричат они. "Накорми нас, о король, ибо мы голодны!" - и это зловещее требование повторяется с нарастающей яростью, пока огромная толпа не доводит себя до дикой ярости, которую не может успокоить ничто, кроме крови. А крови у них в избытке. Жертв выводят вперед, каждому затыкают рот, чтобы он не мог взывать к королю о пощаде, в этом случае его нужно немедленно освободить, и крепко привязывают к корзинам, так что они не могут пошевелить ни головой, ни рукой, ни ногой. При виде жертв вопли толпы внизу удваиваются, и воздух оглашается криками: "Мы голодны! Накорми нас, о король".

Вскоре оглушительные крики стихают, и король поднимается и своей рукой или ногой сталкивает одну из жертв с помоста в толпу внизу. Беспомощный несчастный падает в протянутые руки жаждущей толпы, корзина разрывается на части сотней рук, и за более короткое время, чем требуется для написания этого предложения, человек оказывается разорванным на части, а вокруг каждой части еще трепещущего тела масса разъяренных негров дерутся, как множество голодных собак за кость.

Гелеле, следуя привычкам своих предков, усовершенствовал эту практику и, вместо того чтобы просто сталкивать жертв с помоста, построил круглую башню высотой около тридцати футов, украшенную в той же гротескной манере, что и помост, и приказал сбрасывать жертвы

с вершины этой башни. Если королевство Дахоме просуществует достаточно долго, чтобы у Гелеле появился преемник, в Великий обычай, вероятно, будет введена какая-нибудь новая вариация.

После того как Гелеле закончил бросать дары, к башне направилась странная процессия - процессия крови. Сначала шли несколько мужчин, каждый из которых нес шест, к концу которого был привязан живой петух; за ними следовала еще одна вереница мужчин, каждый из которых нес на голове живого козла, привязанного в гибкой корзине, так что бедные животные не могли пошевелить ни одной конечностью. Следом шел бык, которого несли несколько негров; и, наконец, человеческие жертвы, каждая из которых была привязана в корзине и которую, как и козлов, несли горизонтально на голове мужчины.

На вершину башни поднялись трое мужчин, которые последовательно принимали жертвы, когда их передавали им. Чуть ниже башни оставалось открытое пространство, в котором лежал деревянный блок, на краю ямы, в которой находились палачи. Сначала с вершины башни сбрасывали птиц, все еще привязанных к столбам; казалось, что каждое существо, приносимое в жертву, должно быть привязано каким-то необычным образом. Как только они касались земли, их хватали, тащили к колодке и отрубали им головы, чтобы кровь выливалась в яму. За птицами сбрасывали коз, за козами - быка, и, наконец, та же участь постигла несчастных мужчин. Смешанная кровь этих жертв оставалась в яме, которую оставляли незакрытой на всю ночь, а рядом с ней стоял окровавленный блок.

На иллюстрации на следующей странице изображена последняя черта этой ужасной сцены. Справа - король, сидящий под своим королевским зонтом, украшенным леопардом, эмблемой королевской власти, а вокруг него - его жены и вельможи. В центре возвышается покрытая тканью башня, с которой только что сбросили человеческую жертву, а другую несут навстречу своей судьбе. Внизу один из палачей стоит у колодки, а перед башней сгрудилась толпа разъяренных дикарей.

Чуть ниже короля виден оркестр, самым выдающимся инструментом которого является большой барабан, который несет на голове человек и в который бьет барабанщик, стоящий позади него, а позади оркестра вывешено одно из королевских знамен, охраняемое телом вооруженных амазонок. Впереди стоят несколько фетишистов, их головы украшает конический колпак, тела причудливо разрисованы, а в руках - неизбежный череп. Слева виден дом, в котором, как предполагается, обитает дух умершего короля.

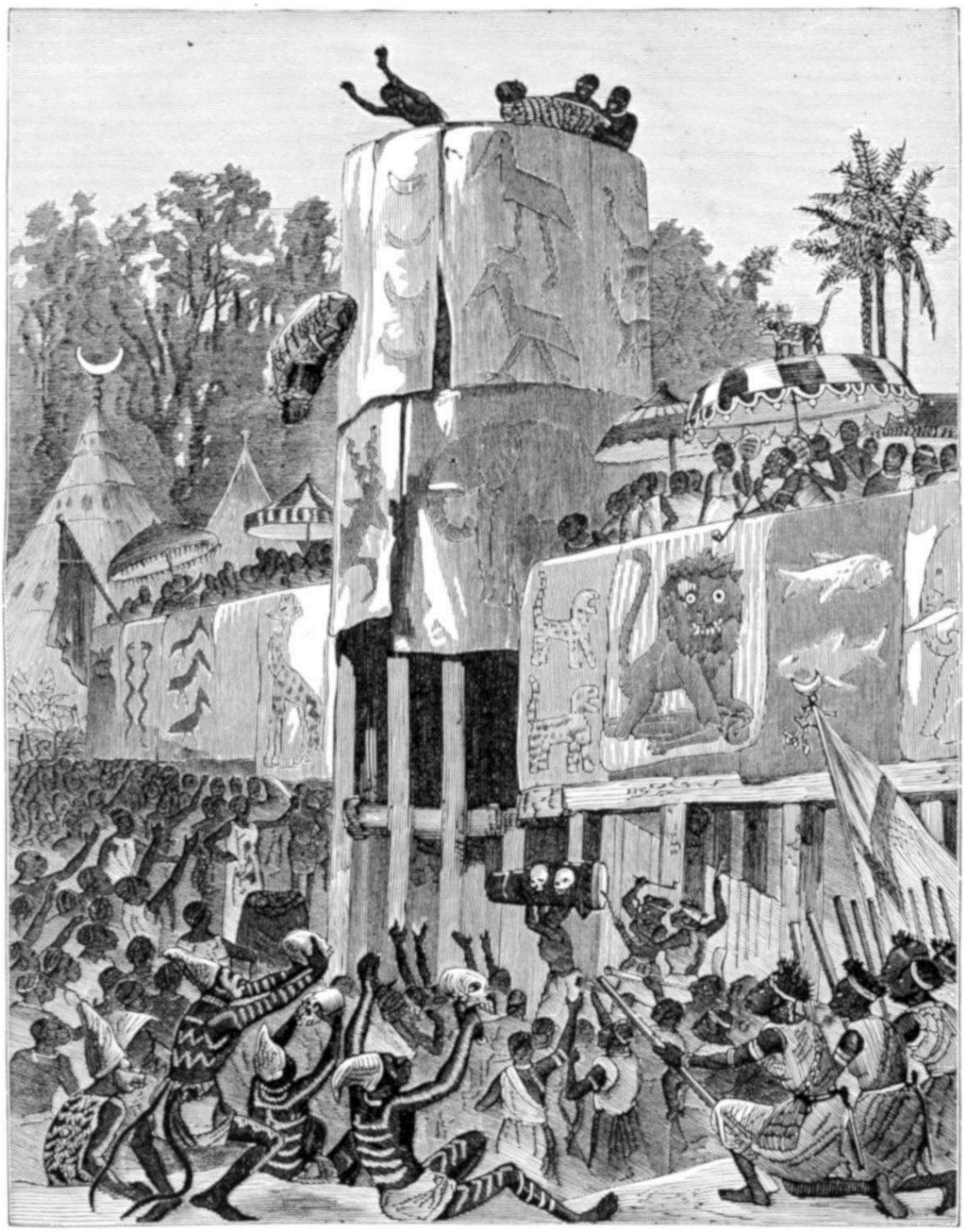
Последний день таможни празднуется довольно своеобразно.

На всем пути от Агбоме до Уайды выстраивается шеренга солдат, вооруженных ружьями. Эти солдаты располагаются на небольшом расстоянии друг от друга, и их обязанность - передавать огонь по всему пути от столицы до порта и обратно. Это более позднее изобретение, а раньше предполагалось передавать небольшой подарок из рук в руки, начиная с Уайды и доставляя его во дворец. Другая линия мушкетеров протянулась от дома Комаси до пригорода на расстоянии около мили.

Способ их расстановки весьма любопытен. С интервалом в триста ярдов или около того построены маленькие хижины из травы, в каждой из которых живут два солдата. Несмотря на то что хижины построены не очень добротно, в них можно заметить некоторые признаки декоративности: у каждой хижины односкатная крыша, веранда, поддерживаемая фонарными столбами, а боковые стены украшены ромбовидным узором из бамбука и кустарника-фетиша, который, как предполагается, отгоняет молнии. Каждый конец фронтона

украшает пучок травы, и те хижины, которые расположены ближе всего к дворцу, всегда наиболее украшены.

Перед каждой хижиной на вилообразных палках горизонтально закреплены мушкеты, принадлежащие солдатам. Они уже заряжены, и двое из них работают, чтобы не пропустить выстрел. На линии, ведущей к Уайде, таких хижин около девятисот, и, по расчетам, время, затрачиваемое на разведение огня, должно составлять около получаса.



ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ В КОРЗИНЕ.
(См. стр. 582.)

Когда капитан Бертон присутствовал на этой церемонии в 1863 году, Гелеле еще не был конфирмован в Алладе и, соответственно, по королевскому этикету не имел права жить в доме, построенном из чего-либо лучшего, чем колья и циновки. Следовательно, его офицеры должны были следовать его примеру, поскольку было бы равносильно измене, если бы подданный предположил жить в "шикарном" доме, когда его монарх обитает только в циновках.

Однако в данном случае король попытался искупить варварским убранством убогий материал своего "дворца". Ворота Агваджаи вели в продолговатый двор из циновок, усыпанный толстыми листьями маленьких фиговых деревьев яркого зеленого цвета и разделенный на две части обычной линией бамбука. В нижней части южной половины находился королевский павильон, чем-то напоминающий шакмиану в Бенгалии, с открытым крылом с каждой стороны.

"Наклонная крыша центральной части, предназначенной для короля, была из золотого и озерного дамаста, под двумя широкими полосами красного и зеленого атласа; крылья, все из шелка и бархата, были горизонтально опоясаны красным, бело-зеленым, пурпурным и желтым, красным и зеленым последовательно сверху, и, где начинались язычки, хромово-желтым. Повесы, свободно игравшие на ветру, были примечательны главным образом гротескными фигурами людей и зверей, вырезанными из цветной ткани и пришитыми к подкладке".

У внутренних входов стояло несколько маленьких столиков, над каждым из которых возвышался огромный зонт: три украшенных фигурками и четыре белых. Они предназначались для женщин, которые были одеты в свои нарядные одежды, великолепные манто из красного, розового и цветистого шелка и атласа. Напротив короля стояли пять потрепанных белых зонтиков, прикрывавших одиннадцать небольших столов, а за столами - небольшая толпа чиновников и капитанов, одетых в костюмы, несколько похожие на женские.

Справа от трона сидел придворный дурак, действительно очень важный человек, его глаза были окружены кольцами белого мела, а плечи покрывала старая мантия из красного бархата. Хотя он не имел достаточного ранга, чтобы пользоваться зонтиком, от солнца его укрывал кусок циновки, поднятый на шестах. Рядом с ним стояла модель каноэ.

Прямо у входов горизонтально были привязаны восемь мушкетов, каждый из которых опирался на две вильчатые палки, как уже было описано, а за каждым мушкетом стояла амазонка, которой он принадлежал.

Заставив гостей ждать не менее двух часов - такая задержка соответствует королевскому этикету, - король соизволил появиться. На этот раз он был одет очень роскошно и весьма неоднородно. На нем была туника из желтого шелка, усыпанная мелкими алыми цветочками, большая черная фетровая испанская шляпа, или сомбреро, богато расшитая золотой тесьмой, а через левое плечо на правый бок перекинут широкий пояс из золота и жемчуга (вероятно, имитация). На шее у него висело большое распятие, а в левой руке он держал часовые часы. Перед ним стоял старый шаткий стол на металлических ножках, покрытый красным бархатом, а на нем лежали серебряная кружка, четки, несколько кусочков тарелки и серебряные нарукавники. Заняв свое место, он пустил в ход серебряную кружку, выпив вместе со всеми гостями, причем его собственное лицо, по обычаю, было скрыто льняной тканью, пока он пил.

После того как были произнесены обычные комплименты, в час дня поднялась женщина и дала команду - "А-де-о". Это слово переводится как "Адиос", то есть "прощай". При этих словах два мушкета перед королем были разряжены, и стрельбу подхватила линия Джегбе. За три минуты стрельба обогнула Джегбе и вернулась во дворец . В 2 часа пополудни еще один "А-де-о" начал линию стрельбы в Уайду, время возвращения которой было рассчитано и отмечено грубым приемом - выкладыванием на землю коровьих ягод и плетением ткани на станке, причем предполагалось, что количество выложенных нитей указывает на определенную продолжительность времени.

Как только начинался обстрел, два чиновника подходили к королю и начинали ораторскую речь, которую они обязаны были произносить до тех пор, пока обстрел не прекращался. Под ужасный шум пяти герольдов, провозглашающих королевские титулы, и шута, раздувающего свои погремушки, они начали свою речь, но были огорчены неправильным расчетом или неумением вести стрельбу. Вместо того чтобы занять полчаса, она не закончилась и за полтора часа, а бедные ораторы так изнывали от жары и витавшей вокруг пыли, что к концу времени почти задыхались и с трудом вырывали из пересохшего горла короткие фразы с большими интервалами. "Для этого есть палка", - замечает капитан Бертон.

Палку, действительно, дают очень свободно, и ей одинаково подвержены как высшие, так и низшие. Однажды некоторые из главных придворных не явились в назначенное время. Король счел такое поведение узурпацией королевской прерогативы заставлять всех остальных ждать, в то время как они совершенно точно заставили его ждать их. Поэтому, как только они появились, он приказал амазонкам взять свои бамбуки и выгнать их со двора, что они и исполнили с быстротой и энергией. Однако избитые служители, похоже, не обиделись на такое обращение, а сидели у ворот в безропотной покорности.

Проведя несколько дней в этих пирах, речах и хвастовстве, король приступил к последнему акту таможни. Заняв свое место за покрытым бархатом столом, он наполнил свой бокал ромом и вместе с гостями выпил за здоровье призрака своего отца, которого, кстати, видели купающимся в море, и получил двух рабов, принесенных в жертву, чтобы сообщить ему, что сын рад его визиту. После нескольких ничего не значащих церемоний он вылил на землю немного рома и, разбив свой бокал вдребезги о стол, встал и вышел из шатра. Его сопровождающие последовали его примеру и разбили в пух и прах все, включая столы; этим поступком, вероятно, объясняется весьма убогое и шаткое состояние королевской мебели. Этим всеобщим разгромом таможня и закончилась, к большому облегчению посетителей.

Браки у дахомцев представляют собой странное соединение простоты и сложности. Жених начинает свое дело с того, что отправляет пару друзей к отцу предполагаемой невесты и снабжает их вдвойне действенным аргументом в виде двух бутылок рома. Если отец одобряет предложение, он любезно выпивает ром, а пустые бутылки отсылает обратно - в знак того, что принимает предложение, и как деликатный намек на то, что ему хотелось бы еще немного рома. Счастливый человек понимает намек, наполняет бутылки, отправляет их отцу вместе с подарком для молодой леди, и больше ничего не требуется, кроме как назвать сумму оплаты, которую требуют за девушку. Сукно - главный предмет бартера, и человек иногда два или три года занимается тем, что добывает его в достаточном количестве.

Наконец день - всегда воскресенье - назначен, и посыльные жениха присылают еще бутылки рома, которые с триумфом доставляют невесту в ее будущий дом, за которой следуют все ее родные и друзья. Затем начинается всеобщее пиршество, на котором считается делом чести съесть как можно больше, и только после полуночи невеста окончательно передается своему мужу. После окончания пира жених удаляется в свой дом и садится на свое место.

Несколько фетишисток вводят невесту за запястья и в торжественной обстановке представляют ее, приговаривая, чтобы они оба вели себя хорошо друг с другом, но рекомендуя ему хорошенько выпороть ее, если она ему не понравится. Затем следуют еще два-три часа пьянства, и около трех-четырех часов ночи фетишистки удаляются. М. женщины-фетишистки уходят, и брак считается заключенным.

На следующее утро муж посылает родителям девушки еще рома и несколько голов каури в знак того, что он доволен, а через неделю невеста возвращается в дом своего отца, где остается на день или два, готовя, однако, еду для мужа и отправляя ее ему. В день ее возвращения домой устраивается еще один пир, после чего она переходит в полусвободное состояние, которое является нормальным состоянием жены на большей части территории дикой Африки.

Теперь мы переходим к религии дахоме, которая, как можно понять из предыдущего повествования, имеет очень низкий характер и была кратко охарактеризована капитаном Бертоном в следующем предложении: "Африканцы, как правило, поклоняются всему, кроме Творца". Поскольку контакт дахомцев с белыми людьми и мусульманами, вероятно, привил туземцам чуждые идеи, выяснить точную природу их религии нелегко, но ниже приводится краткое изложение результатов исследования капитана Бертона.

Он утверждает, что причина, по которой туземцы не поклоняются Творцу, заключается в том, что, хотя они и признают факт существования верховного Божества, они считают Его слишком великим и высоким, чтобы беспокоиться о делах человечества, и поэтому они не утруждают себя поклонениями, которые, по их мнению, будут бесплодными. Поэтому их преданность, как бы она ни была, расходуется на множество второстепенных божеств, связанных с какими-то материальными объектами.

Сначала у нас есть главные божества, которые делятся на отдельные классы. Самый важный из них - бог-змея, у которого тысяча змеиных жен и который представлен уже упоминавшимся Данхгбве. Далее по порядку следуют боги деревьев, из которых шелково-хлопковый (*Бомбакс*) является самым могущественным и имеет такое же количество жен, как и Данхгбве. Однако у него есть соперник в лице Ордеала, или ядовитого дерева.

Последняя из этих групп - море. Это божество представлено в Уайде очень великим жрецом, который считается королем и имеет пятьсот жен в силу своего представительства. В установленное время он посещает берег, чтобы выразить свое почтение и бросить в волны свои подношения - бусы, коровьи орехи, ткани и другие ценности. Время от времени король присылает из столицы человеческую жертву. Он делает жертву кабосиром, дает ему государственную форму и зонтик, соответствующие его недолговечному званию, укладывает в роскошный гамак и с великой помпой отправляет в Уайду. Как только он прибывает туда, священник вынимает его из гамака, пересаживает в каноэ, отвозит в море и бросает в воду, где его тут же пожирают ожидающие акулы.

В последнее время появилась четвертая группа высших божеств под названием боги грома. С поклонением этому божеству связано единственное приближение к каннибализму, которое, как известно, существует в Дахоме. Когда человека убивает молния, погребение не является законным, поэтому тело кладут на платформу и разделывают женщины, которые держат куски плоти во рту и делают вид, что едят их, обращаясь к пассажирам: "Мы продаем вам мясо, прекрасное мясо; приходите и покупайте!"

После этих групп высших божеств следует множество низших богов, слишком многочисленных, чтобы их упоминать. Однако один из них слишком любопытен, чтобы о нем забывать. Это собственная голова человека, которая в Дахоме считается очень мощным фетишем. Гравюра на 595-й странице иллюстрирует это странное поклонение, которое выглядит следующим образом:...

"Главный поклоняющийся, приготовив птицу, орехи кола, ром и воду, моется, одевается в чистый белый баф и садится на чистую циновку. Старуха, обмакнув *средний* палец в воду, последовательно прикасается ко лбу, затылку, середине груди, иногда ко всем суставам. Затем она разламывает колу на естественные части, бросает их, как кости, выбирает счастливый кусочек, который заставляет жевать постороннего человека, и его слюной ретуширует те части, о которых говорилось ранее.

"Затем птицу убивают, потянув за туловище, причем шею держат между большим и первым пальцем ноги; те же *действия производят* с головой и, наконец, с вареной и измельченной плотью, прежде чем ее съедят. В это время присутствующие пьют ром и воду".

Фетишисты, или жрецы, выбираются по причине своего рода экстатического припадка, который настигает их и заставляет в конце концов упасть на землю без чувств. Один из старших жрецов дожидается возвращения чувств, а затем рассказывает неофиту, какой именно фетиш к нему пришел. После этого его уводят в колледж, или фетишную часть города, где он постигает тайны своего призвания и в течение нескольких лет обучается эзотерическому языку жрецов, который никто, кроме них самих, не понимает. Если по окончании послушничества он возвращается в свой прежний дом, то говорит только на этом священном языке и считает делом чести не произносить ни одной фразы, понятной кому-либо из домочадцев.

Когда человек однажды принят в ряды фетишистов, ему обеспечено пропитание, будь он одним из "постоянных", у которых нет другого призвания и которые живут исключительно за счет подарков, получаемых от тех, кто их консультирует, или же он сохраняет какое-то светское ремесло и выступает в роли фетишиста только тогда, когда на него обрушивается приступ. Они отличаются друг от друга различными способами одежды, например, сбривают половину бороды, носят коровьи хвосты или носят любимый знак фетишиста, а именно пояс из коровьих вишен, нанизанных одна на другую, причем каждая пара отделена одним черным семенем.

Женщины-фетишистки значительно превосходят мужчин, почти четвертая часть принадлежит к этому ордену. Часто они обречены на эту карьеру еще до рождения, и их выдают замуж за фетиша еще до того, как они увидят свет. Они также берут себе человеческих супругов, но, судя по всему, жизнь мужа не самая приятная на свете. Женщины проводят утро, ходя по улицам и выпрашивая коровьи вишни. После обеда она вместе с сестрами отправляется в дом фетиша и надевает официальное платье. Затем вся компания выходит на площадь, где барабанит, поет, танцует и бьется в приступах неистового экстаза. Это длится несколько часов, после чего женщины надевают свои обычные костюмы и расходятся по домам.

Нападать на фетишиста, пока фетиш находится на нем, запрещено законом, поэтому женщинам всегда удается оградить себя от гнева мужа припадком фетиша, когда он сердится и угрожает палкой.

Что касается положения человеческой души в следующем мире, то, по их мнению, человек занимает среди духов то же положение, которое он занимал среди людей; так что человек,

который умирает королем, остается им навечно, в то время как тот, кто после смерти становится рабом, никогда не сможет стать свободным человеком, а должен быть собственностью какого-нибудь богатого призрака или другого.

Посещение мира духов - одно из главных занятий фетишистов, которые всегда готовы отправиться в путешествие, если им заплатят за труды. К ним часто обращаются за помощью, ведь дахоману, который чувствует себя плохо или не в духе, всегда кажется, что его умершие родственники зовут его к себе, и он не желает выполнять эту просьбу. Поэтому он идет к своему любимому фетишисту и дает ему доллар, чтобы тот спустился в мир духов и представил друзьям свои оправдания. Фетишист накрывается своей тканью, ложится и впадает в транс, а когда приходит в себя, подробно рассказывает о разговоре, который состоялся между ним и друзьями его клиента. Иногда он приносит редкую бусину или другой предмет в качестве доказательства того, что он действительно передал послание и получил ответ. Вся эта процедура до странности напоминает церемонии, проводимые знахарями или анжекоками среди эскимосов.

Странно, что в стране, где человеческая жизнь приносится в жертву так свободно, после каждой смерти проводится своего рода дознание. Причина этого обычая довольно любопытна. Король оставляет за собой право жизни и смерти над своими подданными, и любой, кто убивает другого, считается узурпировавшим королевскую привилегию.

Как только наступает смерть, извещение об этом посылается соответствующим чиновникам, называемым геви, которые приходят и осматривают тело, получая в качестве платы полторы головы коровьего мяса. Когда они удостоверяются, что смерть была естественной, родственники начинают траур, во время которого нельзя ни есть, ни мыться, но можно петь сколько угодно и пить столько рома, сколько удастся достать. Готовится гроб, размер которого зависит от ранга покойного; труп одевают в лучшее одеяние, украшают , а в гроб кладут смену одежды, чтобы надеть ее, когда покойный достигнет страны духов. Очень бедные люди не могут приобрести гроб, и в таких случаях считается, что достаточно обернуть его циновкой.

Могила выкапывается довольно своеобразно: с одной стороны выкапывается пещера, гроб сначала опускают, а затем боком заталкивают в пещеру, чтобы земля сверху не была потревожена. После того как могила заполнена, землю разравнивают водой. Над могилой человека, находящегося в хорошем положении, ставят железный сосуд, в который наливают воду или кровь, чтобы напоить усопшего. Раньше богатый человек имел обыкновение хоронить вместе с собой рабов, но в последние годы только двум вождям короля разрешается принести в жертву одного раба после смерти, так как считается, что в следующем мире им не нужно столько прислуги, как если бы они были королями Дахоме в этом.

Как только царь умирает, его жены и все женщины дворца начинают крушить все, что попадается им на пути, в точности как это было описано в заключительной сцене Таможни; и когда они сломали всю мебель во дворце, они начинают обращать свою разрушительную ярость друг на друга, так что после смерти Агагоро было подсчитано, что несколько сотен женщин погибли в стенах дворца только в этой борьбе, а жертвы, принесенные на последующих Таможнях, были дополнительными жертвами. Кровожадная ярость вскоре выходит за пределы дворца, и капитан Бертон, который так много сделал для опровержения преувеличенных рассказов о кровопролитии дахоманов, получивших столь широкое распространение, признает, что, как бы хорошо ни приняли белого чужеземца в Агбоме, его

жизнь была бы в очень большой опасности, если бы он остался в столице после смерти короля.

Даже с окончанием таможни кровавые сцены не заканчиваются. Далее следует "окропление водой", *то есть* могилы королей должны быть окроплены "водой" - дахоманским эвфемизмом, обозначающим кровь. В последние годы количество человеческих жертв, приносимых в жертву на каждой могиле, сократилось до двух, а необходимое количество "воды" поставляется различными животными.

Перед каждой гробницей король встает на четвереньки в сопровождении своих вождей и военачальников, а женщина-жрец, которая должна быть королевского происхождения, произносит длинную речь, обращаясь к духу умершего правителя, прося его помочь своему потомку и даровать успех и процветание его королевству. Затем на каждую могилу возливают ром и чистую воду, а затем жертвенную "воду", которая вытекает из горла людей, быков, козлов, голубей и других жертв. В качестве подношений также приносят орехи кола и другие виды пищи.

Затем мясо животных варится вместе с овощами, и устраивается пиршество, причем табурет умершего правителя ставится на стол как эмблема его присутствия. Все дахоманские цари похоронены в стенах дворца, над каждой могилой возведен дом. Во время окропления водой, или обычая "син-куин", король идет в каждый дом отдельно и спит в нем пять или шесть ночей, чтобы вступить в общение с духами своих предшественников.

Читатель помнит, что короли, которые раньше правили Дахоме, как предполагается, до сих пор занимают королевское положение в мире духов, и распространенность этого обычая показывает, что вера в мертвых достаточно сильна, чтобы оказывать мощное влияние на живых.

Теперь мы очень кратко рассмотрели дахоманцев в мире, на войне, в религии, в смерти и в погребении. Он не очень приятный субъект, и, хотя площадь, отведенная ему, слишком мала, чтобы дать больше, чем набросок его истории, она была бы более ограниченной, если бы не тот факт, что дахоман - прекрасный тип истинного негра Западной Африки, и что несколько подробное описание его позволит нам отбросить многие другие негритянские племена, лишь мимоходом заметив их.

Кроме того, поскольку королевство Дахоме быстро разрушается, а все странные нравы и обычаи, которые были упомянуты, скоро останутся в истории, необходимо было уделить им больше места, чем в противном случае. Общий характер дахоманов был так кратко охарактеризован капитаном Бертоном, что наша история Дахоме не может иметь лучшего завершения, чем слова столь компетентного авторитета.

"Современные дахомцы - это беспородная порода, причем плохая. Они критские лжецы, *кретины* в учебе, трусливые, а потому жестокие и кровожадные; азартные игроки, а потому мошенники; жестокие, шумные, буйные, нелюдимые и непослушные; "дипса-кусачие" твари, считающие своим долгом перед богами быть пьяными; льстивое, самодовольное стадо варваров, стремящееся унизить всех, с кем имеет дело; по сути, раса рабов - верминов с душой за штуку.

Они гордятся тем, что не пристрастились, подобно попосам, к "темному и грязному преступлению яда", а все дело в том, что до сих пор им удавалось все переносить с помощью высокой и жестокой руки. У них смуглая кожа, а у смуглых - ксантовый темперамент, они среднего роста, небольшого роста и очень легкого телосложения. Среди них мои крумены

выглядели как англичане. Во всех борцовских схватках мои крумены валили носильщиков гамаков на головы, а однажды, во время своеобразной драки, шестеро из них, опираясь на кулаки и палки, противостояли двадцати дахоманам.

"Они проворны, хорошо ходят и танцуют, но мало весят. Их одежда - годо, или набедренная повязка, нун-пве (нижняя одежда) или тфон-чокото (пара коротких кальсон), и ову-чион, или нательная одежда, двенадцать футов в длину на четыре-шесть в ширину, носимая как римская тога, от которой она, возможно, и произошла.

"Женщины принадлежат к хастини, или слоновому ордену, темные, простые, мужественные, сравнительно крупные, сильные и квадратного телосложения. Они жнут и сеют на поле, и могут похвастаться трудолюбием, если не другими качествами.

"Они татуируют кожу, особенно живот, узорами альт-рельефа; их одежда - зона из бус, поддерживающая повязку под до-оо, или скудной набедренной повязкой, которой достаточно для бедных и молодых девушек. Высшие классы добавляют ага-у, или верхнюю одежду, длиной в две сажени, продетую под мышками и покрывающую все от груди до лодыжек. Ни один из полов не носит ни рубашки, ни обуви, ни чулок".

ГЛАВА LVIII.
ЭГБА.

ПЛЕМЯ ЭГБА - ЧЕРНЫЙ ЕПИСКОП - ОБЩИЙ ВИД ЭГБА - ИХ ПЛЕМЕННОЙ ЗНАК - ТАТУИРОВКА БРИЧИ ИЛИ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ - ЗНАЧЕНИЕ УКРАШЕНИЙ - СПОСОБ ПРИВЕТСТВИЯ - АРХИТЕКТУРА ЭГБА - РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА - АБЕОКУТА И ЕЕ УКРЕПЛЕНИЯ - ВРАЖДА МЕЖДУ ЭГБА И ДАХОМАНАМИ - РАЗЛИЧНЫЕ СТЫЧКИ И СРАЖЕНИЯ, И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ - ГРАНДИОЗНОЕ НАПАДЕНИЕ НА АБЕОКУТУ - ОТПОР ДАХОМАНСКОЙ АРМИИ - РЕЛИГИЯ ЭГБА - СИСТЕМА ОГБОНИ - РАЗЛИЧНЫЕ СУЕВЕРИЯ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ БОЖЕСТВА - ЭГУГУН И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ - АЛАКЕ, ИЛИ КОРОЛЬ ЭГБА - ПРИЕМ ПРИ ДВОРЕ - ВНЕШНИЙ ВИД СОПРОВОЖДАЮЩИХ ЛИЦ.

От Дахоме мы естественным образом переходим к его могущественному и ныне победоносному врагу - племени эгба, которое, пожалуй, заслужило право считаться нацией и, несомненно, имеет не меньше прав на это звание, чем Дахоме.

Эгба имеют своеобразную претензию на наше внимание. Несколько лет назад мальчик из племени эгба по имени Аджай (*то есть* "борющийся за жизнь") принял христианство и после долгих лет испытаний был рукоположен в дьяконы и священники Англиканской церкви. Благодаря своему телосложению он мог работать там, где белого человека свалила бы болезнь; а благодаря своему происхождению он мог понять особенности темперамента своих собратьев-негров лучше, чем любой белый человек. Его влияние постепенно распространялось, и он пользовался огромным уважением во всей Западной Африке. В конце концов его влияние было признано настолько основательно, что его посвятили в епископы, и теперь негр Аджай известен как преподобный Сэмюэл Кроутер, доктор философии, лорд-епископ Нигера.

Что касается внешности, то эгба - прекрасная раса людей, цвет кожи которых варьируется в зависимости от местности, где они проживают. Например, кожа эгба-до, или низших эгба, медно-черная, а кожа вождей, как правило, светлее, чем у простого народа. Даже волосы вождей светлее, чем у простого народа, и иногда приобретают явно песочный оттенок.

Мужчины, находящиеся в расцвете сил, отличаются чрезвычайной красотой форм и крайней уродливостью черт, а женщина, как это часто бывает в нецивилизованной Африке, по симметрии форм значительно уступает мужчине, и там, где можно увидеть одну хорошо развитую женщину, можно найти двадцать особей противоположного пола.

Каким бы ни был точный цвет кожи эгба, она источает тот особый и неописуемый запах, который так характерен для негритянских рас; и хотя легкая одежда, жизнь под открытым небом и использование грубого мыла из пальмового масла не позволяют этому запаху достичь своей полной силы, он все же ощутим. Губы, конечно, большие и сосисочные, нижняя часть лица выступает, а подбородок отступает почти до невероятной степени, что почти лишает лицо человеческого характера. Волосы короткие, хрустящие, часто растут маленькими перчиковыми локонами, которые уже упоминались в связи с расой босджесманов на юге Африки. Мужчины укладывают эти скудные волосы тысячей различных способов, выбривая их в виде узоров и создавая тем самым эффект, который для глаза европейца выглядит неотразимо смехотворным. Женщины умудряются выбривать волосы по всей длине и разделять их на гребни, идущие по макушке ото лба до затылка, сохраняя чистый пробор между каждым гребнем, из-за чего голова выглядит так, будто покрыта половинками черной дыни. Кожа простых людей жесткая и грубая, настолько грубая, что капитан Бертон сравнивает ее с шагренью и говорит, что рука раба очень похожа на ногу птицы.

Что касается одежды эгба, то, когда она не загрязнена псевдоцивилизацией, ее так же легко описать, как и достать. У бедняка нет ничего, кроме куска ткани вокруг талии, в то время как человек в более благоприятных условиях добавляет пару коротких льняных штанов или кальсон, называемых "шого", а богатый человек носит и набедренную повязку, и кальсоны, и добавляет к ним большую ткань, изящно обернутую вокруг талии, и еще одну, накинутую на плечи, как шотландский плед. Ткани окрашиваются производителями, обычный цвет - синий, а узоры - в основном полосы меньшей или большей ширины.

У женщин, как правило, короткий и скудный подъюбник, поверх которого накинута большая ткань, простирающаяся от талии вниз, и третья, накинутая на плечи в виде шали. Мужчины и женщины, заботящиеся о своей одежде, красят руки и ноги красным деревом. Раньше эта воинственная раса вооружалась луками и стрелами, которые теперь почти полностью вытеснены "торговым оружием". Даже сейчас каждый мужчина носит в руке универсальную дубину или набалдашник-керри, который у эгба модифицировался в простую крючковатую палку, обвязанную железной проволокой для увеличения прочности и веса и утыканную тяжелыми гвоздями по выпуклой стороне. Оружие подобного рода используется в Дахоме для забивания преступников до смерти.

В соответствии с дикарскими представлениями о красоте, эти люди обильно татуируют себя, покрывая свое тело отметинами, которые, должно быть, когда-то были получены в результате очень болезненных операций, и которые, благодаря своему разнообразию, приводят в недоумение наблюдателей, не имеющих времени, чтобы тщательно изучить их и классифицировать их обладателя.

По словам капитана Бертона, "узоры на коже были самыми разнообразными, от маленького укола до огромной раны и больших бугорков, похожих на фурункулы. На них были

изображены различные фигуры - черепахи, аллигаторы и любимая ящерица; звезды, концентрические круги, ромбы, правильные линии, рубцы, струйки крови, мраморные или пуговичные бугорки плоти и возвышающиеся шрамы, напоминающие ожоги, которые открывают для введения фетишистских лекарств и для изгнания злых влияний".

"В этой стране каждое племя, подплемя и даже семья имеют свой герб, бесконечное разнообразие которых можно сравнить с линиями и ординарами европейской геральдики. Для подробного объяснения всех знаков не хватит и целого тома. У семьи Огубонна, например, на каждой щеке есть три маленьких квадрата синей татуировки, сочетающиеся с тремя вырезами Эгба.

"Главные из них таковы: отличительный знак эгба - решетка из трех надрезов, или умножение трех, на каждой щеке. У свободнорожденных женщин есть одна, две или три рельефные линии, нитевидные шрамы, идущие от запястья вверх по тыльной стороне руки и вниз по спинной области, как длинные ожерелья. Они называют их "Привлеки моего мужа".

Йорубы рисуют перпендикулярные метки от висков до уровня подбородка, с небольшими боковыми разрезами, едва заметными, потому что они скоро заживают". Эфоны из Каканды носят синюю повязку, иногда сильно развитую, от скул до уха. Такпы из Нупе делают один длинный разрез от верхней части ноздри, направляясь к уху. В Иджаше, стране, лежащей к востоку от собственно Йоруба, татуировка представляет собой длинный параллелограмм из семи перпендикулярных и пяти поперечных линий".

Самая любопытная татуировка - у бричи (*т. е.* джентльмена), или старшего сына и наследника. Ему не разрешается выполнять никакую рутинную работу, и после смерти отца он наследует всех рабов, жен и детей. Прежде чем бричи достигнет совершеннолетия, ему делают разрез на лбу, кожу стягивают и укладывают поперек бровей так, чтобы получился гребень из жесткой, узловатой плоти от одного виска до другого. Суровость операции настолько велика, что даже негр часто умирает от ее последствий; но когда он выживает, то вызывает восхищение: неприглядный гребень рассматривается как доказательство его будущего богатства и фактической силы телосложения.

Африканский ум настолько тонко чувствует детали, что даже украшения, которые носят африканцы, имеют определенное значение, хорошо понятное тем, кто их использует. Металлические кольца носят на ногах, лодыжках, руках, запястьях, пальцах рук и ног; вокруг шеи и на теле висят нитки бус и другие украшения. Каждое из этих украшений обозначает конкретное божество, которому носитель считает нужным поклоняться; и хотя число этих божеств очень велико, изобретательность негра оказалась достаточной для того, чтобы изобразить их с помощью различных украшений, которые он носит.

Такая же мелочность проявляется и в обычных делах жизни; даже в обычном способе произнесения приветствия туземцы придумали огромное количество мелочей. Например, было бы верхом дурного тона приветствовать сидящего человека, как если бы он стоял, второго - как если бы он шел, третьего - как если бы он возвращался с прогулки. Если он находится на работе, необходима другая форма обращения, и еще одна, если он устал. Капитан Бертон упоминает не менее пятнадцати форм личного приветствия, так что читатель может легко представить, насколько сложным является этот язык для незнакомого человека.

Причем формы приветствия различаются так же сильно, как и слова. Если нижестоящий встречается с вышестоящим, сын - с матерью, младший брат - со старшим и так далее, то

совершается сложная церемония. Любую ношу, которую можно нести, кладут на землю, а несущий сначала встает на четвереньки, затем ложится плашмя в пыль, растирая землю лбом и каждой щекой поочередно. Далее следует поцелуй земли, после чего каждая рука проходит по противоположной руке. Пыль снова целуется, и только после этого приветствующий поднимается на ноги.

Это приветствие выполняется только один раз в день одному и тому же человеку; но поскольку почти каждый человек знает всех, кого встречает, и поскольку один из них неизбежно должен быть ниже другого, в течение дня приходится выполнять огромное количество приветствий. Если сложить время, затраченное на различные приветствия, то можно подсчитать, что каждый эгба тратит не менее часа на то, чтобы оказать или получить почтение. Иногда встречаются двое почти равных мужчин, и в этом случае оба садятся на корточки и щелкают пальцами в соответствии с этикетом Западной Африки.

Архитектура племени эгба в основном сводится к "размашистым" стенам и соломенным крышам. В одном доме занято огромное количество рабочих - или, скорее, бездельников, - и разделение труда доведено до крайней степени. Действительно, как причудливо замечает капитан Бертон, эгба настолько разделяют труд, что остаток незаметен.

Некоторые из них копают глину, образуя таким образом глубокие ямы, которые они никогда не стремятся засыпать снова и которые становятся вместилищем всевозможных нечистот и отбросов. В этой влажной стране в них быстро набирается вода, и иногда труп раба или ребенка бросают в ближайшую яму, чтобы не тратить время на погребение. Легко представить, что такие ямы вносят свою лепту в атмосферу страны, способствующую распространению лихорадки.

Другая бригада разминает глину и скатывает ее в шары; третья несет их, по одному шару, строителям. Другая бригада придает глиняным шарикам квадратную форму, необходимую для архитектурных целей, а пятая передает глину шестым, которые, собственно, и являются архитекторами. Седьмая бригада занимается заготовкой пальмовых листьев и соломы, а те, кто крепит их на крыше, составляют восьмую бригаду. Кроме них, есть еще главный архитектор, который с помощью отвеса и уровня выпрямляет и выравнивает стены широкой деревянной лопатой и следит за тем, чтобы они были идеально вертикальными.

Требуется три последовательных слоя глины, каждый из которых должен просохнуть в течение нескольких дней, прежде чем будет добавлен следующий. Строители всегда успевают, по возможности, закончить возведение стен к ноябрю, чтобы сухой декабрьский харматтан укрепил мягкую глину и сделал ее твердой, как бетон. Это единственная причина, по которой эгба одобряют харматтан: его холодное, пыльное дыхание очень вредно для конституции местных жителей.

Можно было бы подумать, что такое продуманное разделение труда приведет к умножению рабочей силы, как это происходит в Европе. Так и было бы, если бы негр работал, как европеец, но он никогда этого не делал и не будет делать, если только его не принудит к этому хозяин европейского происхождения. Он делит труд на части только для того, чтобы избавить себя, а не для того, чтобы увеличить количество работы, которую он может сделать за определенное время.

Столица эгба и родственных им подплемен называется Абеокута - название, которое уже стало несколько привычным для английского слуха благодаря попыткам внедрить христианство, цивилизацию и производство среди языческой, дикой и праздной расы негров. Название города Абеокута можно дословно перевести как "Подводный камень", и

такое название было дано этому месту в связи со скалой или камнем, вокруг которого оно построено. Лучшее описание Абеокуты, которое до сих пор было дано, принадлежит капитану Бертону, из трудов которого можно почерпнуть следующие сведения.

Сам город окружен концентрическими линиями укреплений, крайние из которых имеют около двадцати миль в окружности. Эти стены сделаны из затвердевшего ила, имеют высоту около пяти или шести футов и не имеют амбразур для пушек, что является упущением, не имеющим большого значения, поскольку в них почти нет пушек, и если бы они выстрелили, то защитники оказались бы в гораздо большей опасности, чем атакующие силы.

Совершенно не зная первых принципов фортификации, эгба не потрудились выстроить бастионы или принять какие-либо средства для обеспечения флангового огня, и они так свободно использовали циновки, жерди и сухие листья внутри укрепления, что туша или ракета подожгли бы все это место; и если бы атакующие силы воспользовались направлением ветра, они могли бы легко изгнать защитников только дымом и пламенем своих собственных горящих домов. Кроме того, стена из такого хрупкого материала и так тонко сложена, что один мешок пороха, подвешенный к ней и выпущенный, проделает брешь, в которую пролезет колонна солдат со своими полевыми орудиями. Вокруг внутренней и главной стены проходит ров около пяти футов в ширину, частично влажный, частично сухой и такой незначительной глубины, что его можно было бы заполнить несколькими фашинами или даже дюжиной трупов.

Эти оборонительные сооружения, до смешного неэффективные, если бы их атаковали европейские солдаты, являются очень грозными препятствиями для дахоманов и ибаданов, против набегов которых они в основном и построены. Как правило, негр испытывает большой ужас перед атакой на стену, и, как было доказано в ходе реального конфликта, дахоманцы не смогли произвести никакого впечатления на эти грубые укрепления.

Настоящая сила города, однако, находится внутри, и принадлежит скале или "камню", который дал название Абеокуте. Внутри стены разбиты на гранитные выступы, пещеры и лесные заросли, которые образуют естественные укрепления, бесконечно превосходящие те, что были созданы неумелыми руками туземного инженера. Действительно, выбор места, похоже, был единственным моментом, в котором эгба проявили наименьшую осведомленность о военном искусстве. Способ ведения боевых действий будет описан далее.

Сам город занимает около четырех миль в длину и двух в ширину, а въезд в него осуществляется через пять больших ворот, у каждых из которых стоит стражник, следящий за теми, кто проходит через его ворота, и взимающий пошлину с каждого пассажира. Улицы Абеокуты узкие, извилистые и запутанные - такой способ строительства существенно помогает сдерживать продвижение врага, которому удалось миновать внешние стены. Здесь есть несколько небольших рыночных площадок, одна из которых больше остальных и называется "Шек-пон", *то есть* "Сделай холостякам хорошо", потому что каждый пятый день, когда проводятся рынки, там собирается большое количество людей, и холостые мужчины могут найти множество людей, которые наполнят их трубы, принесут им питье и приготовят еду.

"Таковы мои первые впечатления от Абеокуты. Улицы такие же узкие и неровные, как в Лагосе, пересекаются под каждым параллельным углом, а когда они широкие и тенистые, мы

можем быть уверены, что на них были или будут рынки, которые можно найти даже под карнизами "дворца". Солнце, стервятник и свинья - единственные падальщики.

"Дома построены из закаленной грязи - высушенный на солнце кирпич Тута и Нупе, о котором здесь ничего не известно - покрыты маленькими летающими крышами из соломы, которые горят с образцовой быстротой. На каждом углу есть "кобби" - высокий, острый фронтон, отбрасывающий сильный дождь. Форма здания - мрачный полый квадрат, совершенно не похожий на круглые хижины круменов и кафиров. Она напоминает утум арабов, от которого, распространяясь на Усарагу и Уньявьембе в центральной межтропической Африке, происходит "Тембе" и который через "Патио" в Испании попал в далекий Голуэй.

"Здесь есть суды внутри судов для различных подразделений полигамной семьи, и здесь же пасут овец и коз. Полы едят поодиночке; каждая жена - "вольная торговка", поэтому единства здесь не больше, чем в женском монастыре. В каждом внутреннем дворике обычно есть центральное сооружение, предназначенное для хранения вещей. В эти центральные дворы ведут различные двери шириной около четырех футов, открывающиеся через веранду или пьяццу, где, поскольку дымоходы неизвестны, разводится огонь, и где обитательницы спят на циновках, расстеленных под пьяццей, или в комнатах, в зависимости от их фантазии. Приготовление пищи также происходит под открытым небом, о чем свидетельствуют грубые глиняные горшки, разбросанные по поверхности.

"Комнаты, которых в доме насчитывается от десяти до двадцати, не имеют окон и специально сделаны темными, чтобы не пропускать солнечные блики; они варьируются от десяти до пятнадцати футов в длину и от семи до восьми в ширину. Мебель простая - грубые койки и остовы, глиняные горшки и грубые тарелки, мешки из травы для ткани и коровьего молока, и почти всегда оружие, особенно старый мушкет и кожаный чехол для боеприпасов. Число жителей может варьироваться от десяти до пятисот, а в самых больших - и того больше. Как правило, есть только одна большая внешняя дверь, над которой висят чары".

Военная мощь Абеокуты была проверена реальными боевыми действиями и оказалась вполне достаточной для отражения туземных войск. Обычно африканская драка состоит из огромного количества шума, сопровождаемого очень малым количеством резни, но во время различных нападений Дахоме на Абеокуту чувства обеих сторон, похоже, были настолько возбуждены, что резня с обеих сторон была действительно значительной.

Дело в том, что каждая из сторон имела давнюю обиду на другую и намеревалась ее удовлетворить. Гезо, отец короля Гелеле, потерпел позорное поражение под Абеокутой и даже лишился своего табурета, эмблемы суверенитета. Горя желанием отомстить, дахомцы подружились с жителями Ишогги, небольшого городка в пятнадцати милях к юго-западу от Абеокуты, которые посоветовали своим гостям, какие ворота лучше всего атаковать, в какое время суток нападение будет наиболее успешным, и где можно перейти реку вброд.

Доверившись этим советчикам, они перешли реку вброд, который оказался настолько плохим, что они промочили все свои боеприпасы. Они предприняли атаку в середине дня, когда им сказали, что все будут спать или работать в садах, расположенных на значительном расстоянии от города. А когда они подошли к стенам города, то обнаружили, что защитники все начеку и готовы оказать им теплый прием. Наконец, они атаковали ворота, которые были недавно укреплены, в то время как другие, на противоположной стороне города, были очень слабыми и могли быть легко взяты. Поэтому им пришлось вернуться в свою страну, поклявшись отомстить своим вероломным союзникам.

После смерти Гезо Гелеле взял на себя эту вражду и, успокоив подозрения тем, что постоянно объявлял войну эгбам и неизменно оставался дома, на десятый год подкрепил свою угрозу стремительным нападением на Ишоггу, захватил большое количество пленных и убил тех, кого не смог удобно увести.

Окрыленный успехом, он решил собрать большие силы и напасть на саму столицу. В марте 1851 года около пятнадцати или шестнадцати тысяч дахоманских воинов выступили против Абеокуты, завязался ожесточенный бой, в результате которого дахоманы были вынуждены отступить, оставив позади себя около двух тысяч убитых, раненых и пленных. Как и следовало ожидать, амазонки, будучи самыми яростными бойцами, пострадали больше всех, в то время как потери эгбанской стороны были сравнительно незначительными. Через десять лет после этого еще одна экспедиция выступила против Абеокуты, но так и не дошла до нее: в рядах воинов вспыхнула оспа, и они в ужасе разбежались по домам.

Последняя атака стала роковой для амбиций Дахомана. Эгбасцы, ожидая врага, подготовились к его приему и пробили в своих стенах туннели, чтобы неожиданно напасть на противника. Когда появилась дагоманская армия, все эгбанские воины были на своих постах, женщинам было велено нести еду и питье солдатам, а некоторые из них схватили мечи и настаивали на службе у стен. Зарисовка этого последнего боя приведена на следующей странице.

Как только захватчики приблизились, была предпринята мощная атака, но, поскольку дахоманы шли дальше, не открывая ответного огня, эгбасцы снова бросились назад и присоединились к своим товарищам на стенах. Вскоре выстрелила дахоманская пушка, которая от отдачи разошлась в стороны, чтобы быть бесполезной, и за ее выстрелом последовал стремительный бросок на стены. Если бы дагомейцы думали только о том, чтобы пробить брешь или хотя бы засыпать крошечный ров, у них, возможно, был бы шанс на успех, но как бы то ни было, у них его не было. Воины, особенно амазонки, некоторое время галантно сражались, и, если бы индивидуальная доблесть могла взять город, они бы это сделали. Но ими плохо командовали, офицеры пали духом, и хотя солдаты взбирались на стены, пробирались по туннелям и храбро сражались под дулами вражеских пушек, они отдали приказ об отступлении.

Как раз в это время большой отряд эгба, незаметно проделавший широкий круг, обрушился на них с тыла и довершил разгром. Все бежали без порядка, кроме дивизии, которой командовал сам Гелеле, и которая отступила, демонстрируя дисциплину, поворачиваясь и стреляя в своих противников, когда их слишком тесно прижимали, и действительно показывая, что они могли бы сделать, если бы их офицеры знали свое дело.

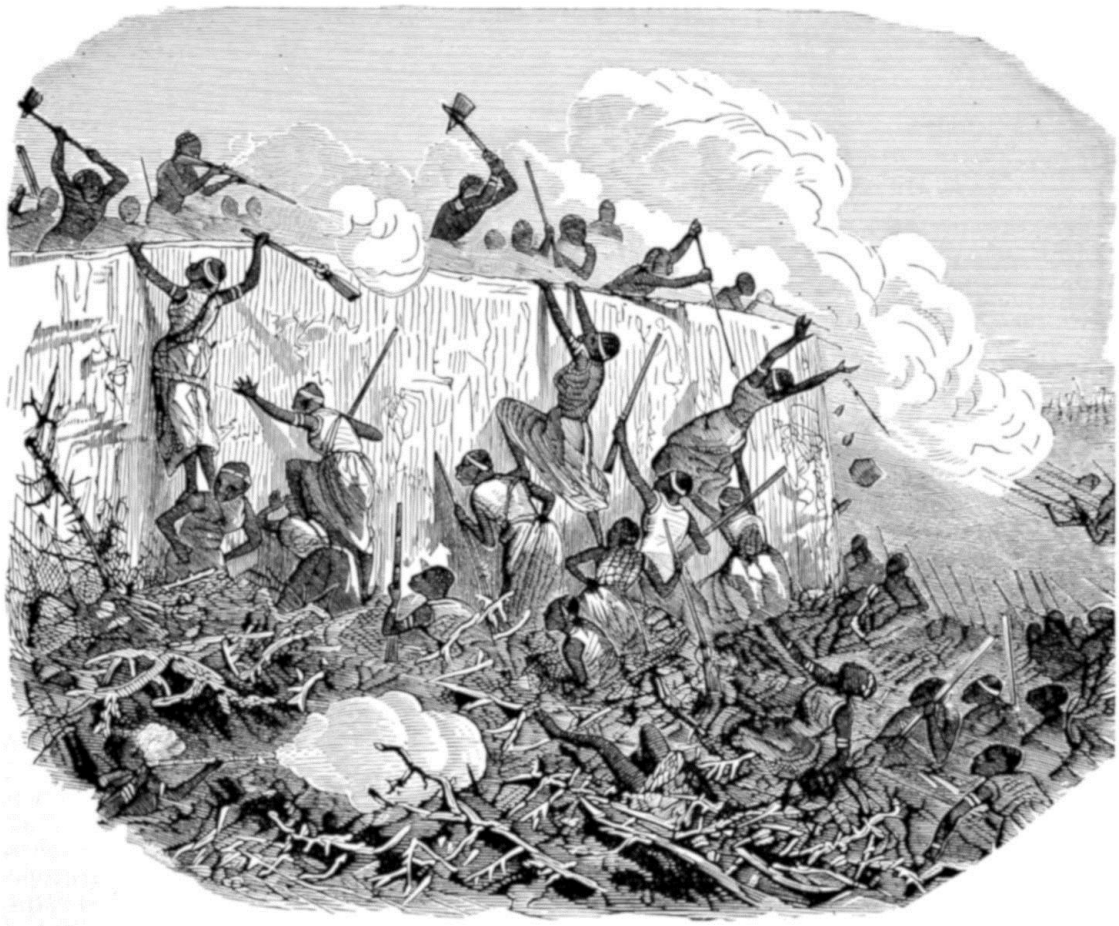
Дахомцы потеряли все, что взяли с собой: медные пушки, большое количество новых мушкетов и другое оружие попало в руки врага. Кроме того, сам король был вынужден оставить несколько своих жен и дочерей, коня, драгоценные сандалии с золотыми крестами, гардероб, повозки, которыми он так гордился, провизию, сокровища из кораллов и бархата. По подсчетам, в этой катастрофической битве погибло около четырех или пяти тысяч дахомцев, а в плен попало около пятнадцати сотен человек; эгбасы потеряли всего сорок человек убитыми и около ста ранеными. Верные своей дикой природе, эгбасцы разрубали трупы убитых на части, и даже женщины, проходившие мимо тела дахомского солдата, резали его ножом или забрасывали камнями.

Считалось, что абеокуты сравнительно безвинны в пролитии крови, но теперь известно, что в этом отношении между тремя великими народами Западной Африки действительно мало различий, разве что в Абеокуте уничтожение человеческих жизней происходит реже, чем в

Агбоме, и, возможно, что эгбасы более сдержанны в этом вопросе, чем ашанти или дахоманы. Даже в самой Абеокуте, которая, как предполагается, находится под влиянием христианства, ежегодно совершается человеческое жертвоприношение, и та же церемония проводится в других частях королевства. Как и в Агбоме, человеческая жертва приносится с намерением предложить мертвым то, что наиболее ценно для живых. Жертву обогащают каури, поят ромом, пока она не опьянеет, а затем, после того как ее наделяют всевозможными посланиями к духам мертвых, торжественно обезглавливают. Жертвы приносятся в жертву, когда умирают великие люди, и предполагается, что они будут отправлены к умершему в качестве его сопровождающих в мире духов.

Что касается религии и суеверий эгба, то они настолько схожи с религией и суевериями других западных африканцев, что нет необходимости упоминать о них. Остается только описать замечательную систему под названием "Огбони". Огбони - это общество огромной силы, которое сравнивают, но ошибочно, с масонством. Любой, кто знаком с ведущими принципами масонства и изучал психическое состояние Эгбас или любого другого западноафриканского племени, должен увидеть, что такая параллель до смешного неверна. В масонстве есть два ведущих принципа, один из которых - единство Творца, а второй - содружество людей. Поскольку эгба верят в бесчисленных богов и крайне заинтересованы в рабстве, очевидно, что они не могли изобрести систему, диаметрально противоположную обоим этим принципам.

(1.) ПОКЛОНЕНИЕ ГОЛОВЕ.
(См. стр. 587.)



(2.) НАПАДЕНИЕ НА АБЕОКУТУ.
(См. с. 594.)

Система Огбони отчасти политическая, а отчасти религиозная. В него может вступить голый мальчик десяти лет, при условии, что он свободнорожденный эгба и с хорошей репутацией. Братство распространяется по всей стране, занимаемой эгба, и в каждой деревне есть хижина или ложа, предназначенная специально для нужд общества. Форма этой хижины несколько отличается, но общие черты у всех одинаковы. "Это длинное низкое здание, отличающееся только отсутствием шезлонгов, перед которым находится глубокая и тенистая веранда с многоугольными глиняными столбами и единственной дверью, тщательно закрытой. Панели украшены железными альт-рельефами ультра-египетской формы; змеи, ястребиные головы, вооруженные всадники в полный рост, сидящие на лошадях в профиль: все окрашено в красный, черный и желтый цвета. Храмы Обаталы украшены аналогичным образом.

Двери имеют отдельные панели, на которых изображены леопард, рыба, змея и сухопутная черепаха". Мистер Бивен отмечает, что на одной из резьб была изображена женская фигура с одной рукой и одной ногой, вероятно, наполовину Обатала, или женский принцип природы, а чудовище отличалось тем, что у него была копна очень длинных волос с шаром или глобусом на конце.

"Один джентльмен, которому довелось наблюдать за домиком Огбони со шпиля церкви Аке, описал его как пустотелое здание с тремя дворами, из которых самый внутренний, с одной

дверью, был предназначен для старейшин, святая святых, как Кадаста Кадастан у абиссинцев. Он считает, что дворы предназначены для разных степеней.

"Чужеземец, однако, должен быть осторожен в том, во что он верит относительно этих тайн. Преподобный У. Бивен утверждает, что посвящаемых заставляют встать на колени и выпить смесь крови и воды из отверстия в земле. Эгба отрицают это. Более того, они обвиняют мистера Бивена в попытке выведать их секреты с целью публикации. Поскольку все обязуются быть предельно сдержанными, а раскрытие любой тайны, если таковая существует, было бы смертельно опасным, мы вряд ли будем обеспокоены излишней информацией".

Разнообразные суеверия эгба очень разнообразны. Как и дахомцы, они делят свои божества на различные классы, подобно главным и второстепенным богам древних, и, как и они, иногда обожествляют умершего правителя, причисляя его к второстепенным богам. Туземное слово, обозначающее великого бога, - Овиша, титул, который прилагается к особым именам этих божеств. Так, Овиша Кла, или Великий Овиша, является главным из них. Его священная эмблема или символ - корабль, и именно он создал первого человека.

Следующий по порядку - Шанго, который, очевидно, является примером апофеоза, поскольку обладает атрибутами Вулкана, Геркулеса, Тубала Каина и Юпитера Тонанса, и, как говорят, у него есть медный дворец и десять тысяч лошадей. Он управляет молнией и огнем, и если гром ударяет в дом, его жрец бросается в хижину, чтобы найти оружие, которое бросил Шанго, а за ним следует буйная толпа, которая эффективно грабит жилище. Капитан Бертон видел один из так называемых камней Шанго, который был не чем иным, как куском белого кварца, конечно же, помещенным в хижину жрецом.

Его символ - маленькая деревянная летучая мышь, а его поклонники носят с собой кожаный мешок, потому что Шанго любил хищные войны. Если надвигается война, его жрец берет шестнадцать коровьих вишен и подбрасывает их в воздух; считается, что те, которые падают отверстием вниз, предвещают войну, а те, которые открываются вверх, означают мир. Последний из великой тройки - Ипа, скорее абстрактное, чем объективное божество. Ему поклоняется избранное общество под названием "Отцы тайн", в которое не могут быть посвящены только мужчины. Его главный жрец живет на горе в нескольких днях пути от Абеокуты, а рядом с его жилищем растет священная пальма с шестнадцатью ветвями, которые образуются из орехов, посаженных шестнадцатью основателями империи. Второй жрец в Абеокуте называется Королем канавки.

Эмблема Ипы - пальмовый орех с четырьмя отверстиями, и эти орехи используются в гаданиях, принцип которых чем-то напоминает способ бросания жребия с помощью коровьего яйца. Интересен рассказ капитана Бертона о том, как это происходило. "Он отсчитал шестнадцать орехов, очистил их от пыли и положил в миску на земле, наполненную наполовину сваренным ямсом, измельченным и залитым каким-то кислым растительным настоем.

"Затем вызывали его аколита, маленького мальчика, и заставляли его сесть на корточки возле чаши, опираясь телом на внешний край ступней, которые были повернуты внутрь, и взять у фетишиста две или три косточки, семена и скорлупки, одни из которых приносят пользу, другие - дурные предзнаменования. Приподняв их, он упирался руками в колени. Адепт перебрасывал орехи из одной руки в другую, сохраняя некоторые в левой, и, манипулируя ими, опускал другие в чашу. Затем он опускался, проводил указательным и средним пальцами по ямсу, осматривал орехи и время от времени обращался к предметам в руке мальчика".

Жрецы Ипы известны по ожерельям из ниток бус, скрученных вместе, с десятью крупными белыми и зелеными бусинами на некотором расстоянии друг от друга.

Есть еще Овиша детей, один из которых носят с собой женщины, родившие близнецов, когда один из них умирает или погибает. Это деревянное маленькое изображение высотой около семи или восьми дюймов, вырезанное в грубом подобии человеческой фигуры. Почти все эти изображения сделаны несколькими людьми в Лагосе, которые берут за каждое около трех шиллингов. Наряду со всеми этими божествами, которые можно отнести к классу благодетельных, есть и злые божества, которым поклоняются в качестве умилостивления.

Далее следуют получеловеческие божества, которые служат корректорами общественной морали. Два главных из этих божеств - Эгугун и Оро. Предполагается, что первый является своего рода вампиром, мертвым телом, временно восставшим из могилы, и играет ту же *роль*, что и Мумбо Джамбо в другой части Западной Африки. Эгугун появляется в деревнях и очень пугает женщин, которые либо действительно верят в то, что он настоящий оживший труп, либо утверждают, что верят в это, боясь общественного мнения. Взрослые мужчины и даже свободнорожденные мальчики знают все об Эгугуне, как и положено, когда божество олицетворяет любой, кто может позаимствовать у фетишиста необходимую одежду. Капитан Бартон однажды встретил Эгугуна на улице. Лицо демона было скрыто плетеной сетью, надетой как маска, а на голове был капюшон, покрытый пунцовыми и грязно-белыми нитями, которые свисали до пояса и смешивались с такими же нитями, прикрепленными к его платью. На груди он носил очень мощный фетиш - копеечное зеркало, а на ногах у него были большие башмаки, поскольку Эгугун считается безногим божеством.

У другого божества, Оро, более широкий круг обязанностей, его дело - следить за общественной моралью. В основном он остается в лесу и лишь изредка появляется на публике. У Оро очень сильный голос, возникающий, по сути, из тонкого кусочка дерева длиной около фута, который крепко привязан к палке и при правильном обращении издает рокочущий звук.

Предполагается, что он неизвестен женщинам, которым не разрешается выходить из дома, когда слышен голос Оро. Поэтому около семи или восьми часов вечера, когда раздается хорошо известный рокочущий крик Оро, женщины убегают в свои дома, а взрослые мужчины выходят на улицы, и там сразу же начинается сильное волнение. Танцы и кувыркания, шествия и произнесение речей продолжаются с огромной энергией, а домики Огбони заполнены почитателями, всем не терпится поскорее заговорить, и каждый высказывает свое мнение, каким бы абсурдным оно ни было.

Провинившихся объявляют и наказывают, а в некоторых случаях дел так много, что город на целый день отдается Оро. В таких случаях женщины проводят очень неприятное время: часы их заключения обычно проходят в ссорах друг с другом. Чтобы сделать голос Оро еще более ужасным, роль демона исполняют несколько посвященных, которые уходят в лес в разных направлениях и, издавая свои деревянные призывы, одновременно внушают мысль, что Оро вездесущ.

Оро действительно действует как цензор общественной морали, и совершенно очевидно, что его сопровождают вооруженные последователи, которые осуществляют своего рода грубое и экстемпорализованное правосудие, подобное тому, которое осуществляли "Регуляторы" в Америке около пятидесяти или шестидесяти лет назад. В кустах были найдены тела преступников, которым дух перерезал горло и переломал ноги.

Вождь, или король, эгбасов известен под именем Алаке, которое является передаваемым титулом, как фараон или Сезар, а вся система правления - это своего рода феодальная монархия, не похожая на ту, что была в Англии во времена Иоанна. Алаке не царствует, как король Дахоме или Ашанти, перед которым преклоняются и покорно валяются в пыли все высшие чины королевства. Он подчиняется ряду советников и офицеров, а также своеобразному парламенту под названием Бале, который состоит из старост или вождей различных городов. Читатель может вспомнить, что король Ашанти обнаружил, что ему грозит опасность пострадать от подобной комбинации, и он принял благоразумную меру, ограничив их число, пока у него была власть. Алаке никогда этого не делал, и в результате те, кто номинально и индивидуально являются его слугами, практически и коллективно являются его хозяевами.

В любом важном вопросе приходится советоваться с ложей Огбони, так что личная жизнь алаке Эгбаса далеко не так приятна, как у короля Дахоме.

Окекуну, алаке в то время, когда капитан Бертон жил в Абеокуте, был недобрым, мелочным и хитрым старым правителем. По-своему он любил державу и с удовольствием демонстрировал свою так называемую власть в истинно африканской манере, проявляя в равной степени пышность и безвкусицу.

Если он отправляется с визитом, то обязательно под огромным розовым шелковым зонтом, в конце пестрой процессии. Во главе несут священную эмблему королевской власти - деревянный табурет, покрытый грубой красной саржей, который окружен множеством вождей, уделяющих ему самое пристальное внимание. За ним следует длинная вереница оборванных мечников, а последним идет Алаке, одетый в рубашку из гвинейской птицы - пятнистую вещь, представляющую определенную ценность, и большой халат из красного бархата, под которым он с трудом передвигается. На нем штаны из хорошего пурпурного бархата с полосой золотой мишуры, а на ногах - огромные башмаки, отороченные обезьяньей кожей. На голове у него что-то вроде фески из малинового бархата, эффект которой портит множество синих бусин, развешанных бахромой вокруг макушки. На шее висит шнурок из красных коралловых бусин, а на каждом запястье намотан двойной браслет из того же материала. Вид на него и его двор можно найти на 605-й странице.

Принимая гостей, он демонстрирует свое величие, заставляя их ждать время, соразмерное их рангу, но, если они имеют большое значение, он облегчает утомительное время, посылая им ром и джин, оба самого плохого качества; а если они исключительно высокого ранга, он посылает бутылку ликеров, *то есть* спиртных напитков из вина и воды, хорошо подслащенных и ароматизированных несколькими каплями эфирного масла.

Для незнакомца это место представляет собой убогий и безобразный вид, и, как замечает капитан Бертон, оно так же недостойно Абеокуты, как Сент-Джеймс - Лондона. Это разваливающийся дом, длинный и ветхий, с несколькими дворами. Вдоль одной стороны внутреннего двора идет веранда, край которой находится на высоте около четырех футов от земли и поддерживается огромными глиняными столбами. Пять шестиугольных колонн делят веранду на отсеки, в центре которых находится личная комната алаке, закрытая занавесом. Веранда, или преддверие, заполнена великими людьми Абеокуты, и, по словам Бертона, это самые отвратительные на вид люди, которых только можно себе представить; и хотя он видел такое разнообразие лиц, как никто другой, он говорит, что никогда не видел таких отвратительных голов и лиц в других местах.

"Их черепа были вдавлены спереди и выступали сзади, как орехи какао; отсутствие бород, отвратительные морщины, избороздившие внешний пергамент, и холодная, неумолимая

жестокость их физиономий в покое наводили на мысль о евнухах-мучителях, ранее столь распространенных в Азии. Возникала уверенность, что за жалостью или милосердием можно было бы обратиться и к раненому мандрилу. Зверства, свидетелями которых были эти древние, и страсть, которую они приобрели к ужасам, должны были наложить на их брови начертание зверя".

Хотя собрание состояло из самых богатых людей Эгбаса, ни на одном из них не было заметно ни малейшего признака великолепия или богатства: вся одежда самых могущественных из них стоила меньше шести пенсов. По сути, они не осмеливаются демонстрировать богатство, зная, что в случае чего оно будет конфисковано.

Что касается самого Алаке, то его внешность была не намного привлекательнее, чем у его подданных. Окекуну был крупным, мускулистым и неуклюжим мужчиной почти семидесяти лет, а его частично обритая голова не добавляла ему красоты. Кроме того, он лишился всех верхних зубов, кроме клыков, так что его верхняя губа погрузилась в неприятную впадину. Нижние зубы быстро разрушались из-за его привычки принимать нюхательный табак по негритянской моде, помещая его между нижней губой и зубами, и из-за этой щели кончик его языка очень неприятно высовывался. Он лишился одного глаза от удара камнем и, принимая полукоматозное выражение лица, был не слишком приятен на вид и, конечно, не очень царственен в образе.

Король должен быть выбран из одного из четырех племен, а нынешний король и его предшественник принадлежали к племени аке.

ГЛАВА LIX.
БОННИ.

ОСНОВНАЯ ТОРГОВЛЯ БОННИ - КОРОЛЬ ПЕППЕЛЬ И ЕГО ИСТОРИЯ - ОБМАНУТЫЕ ЭМИГРАНТЫ - М-Р. БЕСЕДА РИДА С ПЕППЕЛЕМ - АРХИТЕКТУРА БОННИ - ДОМА ДЖУ-ДЖУ, ЧАСТНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ - КАННИБАЛИЗМ В БОННИ - КАЗНЬ ДЖУ-ДЖУ - ПОЧЕМУ ПАЛАЧ НЕ СЪЕЛ ГОЛОВУ - ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ БОННИЙСКОГО ДЖЕНТЛЬМЕНА - ОДЕЖДА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН - СУЕВЕРИЯ - МУМБО-ДЖАМБО И ЕГО КОНТОРА - ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО ОТ КУРНОСОГО МУЖА - УЖАСНЫЙ ГРЕГРИ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТ - ЛЮДИ ГРЕГРИ ИЛИ МАГИ - ХИТРОУМНЫЙ СПОСОБ ПЛЕТЕНИЯ ИХ ЗАКЛИНАНИЙ - ПОБЕГ САМОЗВАНЦА.

Пройдя немного на юг вдоль западного побережья, мы приезжаем к знаменитой реке Бонни, бывшей в прошлом великим рабовладельческим складом Западной Африки, а теперь являющейся центром торговли пальмовым маслом. К сожалению, в торговле пальмовым маслом столько же мошенничества, сколько в торговле золотом и слоновой костью; два последних вида масла закупоривают, а первое смешивают с песком, так что его приходится кипятить, прежде чем отправить с побережья.

Бонни знаком английскому слуху благодаря желто-черному вождю, который с удовольствием называл себя королем и был хорошо известен в Англии как Пеппер, король Бонни. Его имя варьируется как Pepper, Pimento или Peppel. Он происходит от Обулло, вождя племени ибо (или эбо), который поселился со своими рабами на реке Бонни и которому наследовали его сын и внук, каждый из которых носил имя Пеппер.

Будучи склонен к ссорам, нынешний король застрелил жену, потому что она ему не понравилась, убил вождя по имени Манилла Пеппел, потому что тот был ревнив, и разрушал торговлю на реке своими постоянными войнами с калабарами. Поэтому по просьбе всех местных вождей и торговцев его сместили, а на его место поставили племянника Дапхе. Дафе, однако, вскоре умер - отравился, как полагают, по наущению Пеппеля; после этого правительство было передано четырем регентам, а Пименто перевезли в Вознесение, место, которое он впоследствии любил называть своей Святой Еленой. Однако он показал себя умным дикарем и, благодаря настойчивости, добился того, что его увезли в Англию, куда он прибыл в 1857 году.

Обладая в полной мере подражательными способностями негра, он с удивительной легкостью перенял английские обычаи, отказавшись, по словам капитана Бертона, от своего любимого блюда из мальчишеских пальм и выпив шампанского и хереса вместо торгового рома. Вскоре он стал религиозным, крестился и стал трезвенником, завоевав тем самым доброе расположение большого числа людей. Он попросил двадцать тысяч фунтов стерлингов на создание миссионерской станции и фактически убедил нескольких англичан, ничего не знавших об Африке и природной лживости африканских дикарей, сопровождать его в качестве свиты, обещая им великолепное жалованье и высокое положение при дворе.

Никто из тех, кто знаком с характером негров, не удивится, узнав, что когда король и его свита прибыли в Бонни, они оказались обманутыми и разоренными. Они обнаружили, что "дворец" - это собрание лачуг внутри глинобитной стены; что сам Бонни - не более чем множество хижин в глинобитной квартире; что лучшая улица была бесконечно более грязной, чем худшая улица в самом плохом районе Лондона. Что касается личной жизни короля, то чем меньше о ней говорить, тем лучше.

Их здоровье быстро пошатнулось под влиянием лишений, которые они терпели, и ужасных запахов реки Бонни, которые настолько тошнотворны, что даже закаленный путешественник капитан Бертон был вынужден затыкать свои опытные ноздри камфорным хлопком, когда его гребли вверх по реке в межень. Что касается королевского жалованья и апартаментов во дворце, то они оказались такими же мнимыми, как и сам дворец и придворные чины; король подарил каждому из чиновников пару ямса в качестве эквивалента жалованья и жилья.

Насколько подлинными были цивилизация, христианство и трезвенничество Пеппеля, можно представить из беседы, которую мистер В. Рид провел с ним после его возвращения: "Вместе с доктором я отправился на берег, чтобы навестить Пеппеля, знаменитого короля Бонни..... В одной из лачуг сидел монарх, и сцена была хорошо приспособлена для муз его поэта-лауреата. У африканцев есть вкус к посуде, во многом напоминающий вкус последнего поколения к старому фарфору, и пристрастие к собачьему мясу, которое разводят специально для стола и выставляют на продажу на общественном рынке.

"И вот сидел Пеппел, так долго проживший в Англии; за его спиной - груда посуды с ивовыми узорами, перед ним - калабаш с собачьим рагу и соусом павера. С этими дикарями всегда так. Инстинкты, унаследованные от предков, всегда торжествуют над чуждым разумом. Их интеллект имеет *слизистую оболочку*, как и кожа. Как только они возвращаются в свою страну, они снимают с себя всю свою цивилизацию и одежду и позволяют телу и разуму обнажиться. Как и большинство негров, Пеппел имеет желтый цвет лица, такой же светлый, как у мулатов. Черты его лица выражают ум, но низкий и хитрый. В каждом его слове и взгляде проявляется та привычка к подозрительности, которая свойственна полуцивилизованным натурам".

Пеппел, хотя и вернулся в Бонни, не имеет реальной власти даже в своих ограниченных владениях, из которых он не смеет выходить. Тем не менее, с хладнокровной наглостью настоящего дикаря он предложил учредить консула в Лондоне с жалованьем в 500 фунтов *стерлингов*, указав в качестве причины, что он всегда разрешал английским консулам посещать его владения в заливе Бенин.

Архитектура страны Бонни не отличается особой изысканностью: дома состоят из свиса и плетня, поддерживаемых столбами. Полы и стены сделаны из грязи, которую можно достать в любом количестве, а общий вид домов можно сравнить с африканизированными швейцарскими: крыши очень высокие, а фронтоны очень острые. Обычные дома состоят из трех комнат, кухни, гостиной и комнаты джу-джу или часовни; но в домах богатых людей много комнат и переходов. Здесь нет дымоходов, и, поскольку при разжигании огня дверь приходится держать открытой, порог делают высотой не менее восемнадцати дюймов, чтобы предотвратить проникновение чужих зверей. По этикету не принято переступать порог, когда хозяин дома сидит внутри, иначе он заболеет, решив, что его околдовали.

Комната или часовня джу-джу является необходимым дополнением к каждому дому бонни, и в ней находится фетиш, или джу-джу, который является хранителем дома и соответствует Ларам и Пенатам древних. Негр старается использовать комнату джу-джу, превращая ее в хранилище своего самого ценного имущества, например, коровьих ягод или рома, зная, что никто не тронет его в таком священном месте. Что касается самого дзю-дзюцу, то для этой цели подходит все, что угодно, и англичанин иногда с трудом сохраняет серьезность, когда видит страницу журнала *Punch*, колышек для игры в криббидж, коробку для таблеток или пару скоб, выполняющих роль домашнего бога заведения.

Большой дом дзю-дзюцу в этом месте - самое отвратительное на вид сооружение, хорошо описанное капитаном Бертоном. Он построен из свисающего дерева и представляет собой продолговатый дом без крыши длиной сорок или пятьдесят футов. В конце его находится нечто вроде алтаря, защищенного от дождя небольшой крышей. Под крышей прибиты ряды человеческих черепов, раскрашенных в разные цвета, а один из них выделяется большой черной бородой, которая, несомненно, является грубой копией бороды, которую носил человек, которому она изначально принадлежала. Между ними - ряды козьих черепов, разрисованных красным и белым, другие черепа разбросаны по полу, а третьи нанизаны на палки. Под алтарем находится круглое отверстие с приподнятым глиняным ободком, в которое поступает кровь жертв вместе со священными возлияниями. В этом доме дзю-дзю хоронят тела царей.

Этот дом хорошо иллюстрирует характер народа - расы, которая получает положительное удовольствие от вида крови, причинения и свидетельства боли. По всей стране путешественник наталкивается на сцены крови, боли и страданий. Вряд ли найдется деревня, где он не встретит животных, привязанных в какой-нибудь мучительной позе и оставленных умирать. Козы и птицы в основном привязаны к столбам головами вниз, а кровь - любимый цвет для раскрашивания лиц мужчин. Даже детей пленных, взятых на войне - а речь идет в основном о неожиданном нападении на неподготовленную деревню - подвешивают за середину к мачтам каноэ, а родителей оставляют для жертвоприношения и съедения.

Это последнее утверждение вызвало много недоверия, и, конечно, когда их допрашивали, негры Бонни категорически отрицали это обвинение. Тем не менее, факт не вызывает сомнений, поскольку европейцы были свидетелями акта каннибализма. Например, старый король Пеппель, отец пименто, жизнь которого была кратко описана, устроил большой

банкет в честь победы, которую он одержал над Калабаром и в которой Амакри, король этого района, был взят в плен. На банкет были приглашены европейские торговцы, которые были приняты очень радушно. Однако они пришли в ужас, увидев главное блюдо, которое поставили перед Пеппелем. Это было кровоточащее сердце Амакри, теплое и бьющееся, когда оно было вырвано из тела. Пеппель поглотил сердце с величайшим рвением, воскликнув при этом: "Вот так я служу своим врагам".

Совсем недавно доктор Хатчинсон стал свидетелем сцены каннибализма. Он слышал, что нечто подобное замышлялось, но об этом умалчивалось. В назначенное утро он сам приплыл на гребле к берегу на некотором расстоянии от дома джу-джу, возле которого спрятался, и стал ждать результата. Об остальном приключении следует рассказать его собственными словами.

"Я не знаю, какие ощущения испытывают люди вокруг Ньюгейта, ожидающие казни в самом сердце великого города Лондона; Но я знаю, что на берегу африканской реки, в серой утренней мгле, когда царила та гнетущая тишина, которая призвана производить самые мрачные впечатления, когда вокруг витали густые испарения и дурные запахи, возникающие от разлагающихся мангровых зарослей и других причин малярии, тяжесть атмосферы, угнетавшая дух, среди сообщества каннибалов, *но* я знаю, что, хотя и находился под защитой военного корабля, в этот раз я испытывал смешанное чувство напряженности, тревоги, ужаса и неопределенного страха, не могу сказать чего, и молю Бога, чтобы мне никогда больше не выпала такая участь".

"Наступил день, и почти одновременно с ним выглянуло солнце. Глядя сквозь щель в стене на пространство между моим укрытием и домом дзю-дзюцу, я не заметил никаких изменений по сравнению с тем, что было накануне вечером. Ни уключины, ни топора, ни виселицы, ни веревки - никаких приготовлений, ничего, что указывало бы на смерть, кроме черепов на столбах дома дзю-дзюцу, которые, казалось, смотрели на меня с выражением одновременно странным и безразличным. В жуткой тишине этого места было бы приятно услышать что-нибудь из того, что я читал о подготовке к казни в Ливерпуле или Лондоне: стук молотка, напоминающий о забивании гвоздей в эшафот, яму или гроб, толпу, собравшуюся вокруг места казни перед рассветом, и торжественный звон колокола, отбивающего очередную душу в вечность. Все выглядело так, словно ничего сверх обыденности повседневной жизни не происходило.

"Может быть, меня неправильно информировали, что церемония перенесена на другое время или будет проводиться в другом месте? Нет, отдаленный ропот говорливых голосов слышался все ближе и ближе, пока, пройдя мимо углового дома слева, я не увидел группу негров - беспорядочную толпу всех возрастов и полов, сгрудившихся вместе, среди которых не было видно ни одного человека, которого я мог бы особенно выделить как палача или преступника. Но над их болтовней раздался звук лязгающей цепи, заставивший вздрогнуть.

"Они остановились посреди площади напротив дома Джу-джу и замолчали. Один властный голос произнес одно слово, и они опустились на траву, образовав круг вокруг двух фигур, стоящих прямо в центре - палача и человека, которого собирались убить. Первый отличался лишь черной черепной коробкой, которую он носил, и обычным тесаком, который он держал в руке. У второго были цепи на шее, запястьях и лодыжках. *В нем* не было ни малейшего признака страха или трусости - *ни малейшего* осознания того, что его ждет страшная участь, - даже на лице не было видно того упорства, которое, как говорят, проявляют некоторые люди, которым предстоит бесславная смерть. Если бы не то, что он стоял прямо, вряд ли можно было бы сказать, что он жив. Среди зрителей тоже царило молчаливое бесстрастие,

которое поражало. Ни слова, ни жеста, ни взгляда сочувствия, которые могли бы заставить меня поверить, что я смотрю на существ, в которых есть хоть капля человечности. (См. иллюстрацию на с. 619.)

"Когда мясник дзю-дзюцу отступил назад и отмерил расстояние, чтобы сделать эффектный выпад в сторону шеи своей жертвы, мужчина не пошевелил ни единым мускулом, а стоял, словно в бессознательном состоянии, пока...

"Руби! Первый удар повалил его на землю. Шум, с которым вертушка бьет по мясу, знаком большинству людей. Других звуков здесь не было - ни от человека, ни шепота, ни ропота от тех, кто сидел рядом! Я едва не закричал от душевной муки, и звук этого первого удара будет преследовать меня до самой смерти. Как мне хотелось, чтобы кто-нибудь заговорил или закричал, чтобы уничтожить впечатление от этого страшного хрипа и еще более ужасной тишины, которая последовала за ним!

"Снова подняли оружие, чтобы продолжить обезглавливание, - еще один удар, когда человек лежал распростертый, и тут тишину нарушил какой-то звук! Но, о Отец милосердия, какого рода был этот звук - бульканье и вздох, сопровождавшие предсмертные судороги поверженного человека!

"Оружие снова было поднято, и я увидел, как кровь с ужасом стекает по лезвию на руку мясника, и там, под ярким Божьим солнцем, она была видна всему воинству небесному. Толпа не проронила ни слова. Еще рубили и рубили, и голову, отделенную от тела, палач джу-джу положил в калабаш, который унесла одна из его женщин, чтобы сварить. Затем он повторил еще одно кабалистическое слово, а может быть, то же самое, что и в первый раз, и все сидящие поднялись, а он ушел.

"Из толпы раздался вопль, напомнивший мне о компании тигров , которые столпились вокруг тела мертвеца; среди шума голосов раздались звуки режущих и рубящих предметов, и я начал сомневаться, что, будь я на другом берегу реки Стикс, я бы увидел то, на что смотрю здесь через маленькую щель в стене моего укрытия: толпа человеческих стервятников, злорадствующих над безголовым трупом убитого брата-негра; мальчики и девочки, идущие прочь от толпы, держа в руках куски кровоточащей плоти, в то время как капающая жизненная жидкость отмечала их путь; и одна женщина, вырывающаяся из рук другой - обе они возвышали голос в крике - часть тела того несчастного, в котором еще четверть часа назад бушевало дыхание жизни.

"В конце концов все тело было разделено, и от него не осталось ничего, кроме крови. Кишки забрали, чтобы отдать их игуане - опекуну Бонни-мена. Но кровь все еще оставалась там, в сверкающих лужах, хотя постепенно рассеивающаяся толпа обращала на нее не больше внимания, чем если бы это была такая же обычная вещь в этом городе, как небесная роса в других местах. На месте было несколько собак, которые пожирали осколки. Пришли два человека, чтобы посыпать место песком, и не было никакого перерыва в привычных звуках молотков кузнецов, только что начавших работать в бочках, или в ежедневной работе по поднятию пуансонов с пальмовым маслом на борт кораблей".

Проходя мимо дома дзю-дзюцу, доктор Хатчинсон увидел реликвии этого жертвоприношения. Они состояли из крупных костей туловища и конечностей, которые, очевидно, были приготовлены, и с них была съедена каждая частица плоти. Голова, как уже говорилось, является привилегией палача. Спустя несколько месяцев после этого доктор Хатчинсон встретил того же палача, который, как говорят, за несколько дней до этого снова

воспользовался своим служебным положением и съел голову своей жертвы. Когда его упрекнули в совершении столь ужасного поступка, он ответил, что не ел голову - его повар испортил ее, не положив в нее достаточно перца.

Вся жизнь бонни-мена, да и всех многочисленных племен, населяющих окрестности Нигера и живущих вдоль него, соответствует упомянутым выше чертам. Конечно, всю настоящую работу выполняют женщины, а рабочий день мужчины обычно занят тем, что он рано утром поднимается на борт какого-нибудь торгового судна, пререкается с агентом и заключает выгодные сделки. Он просит все, что видит, исходя из принципа, что даже если ему откажут, он будет не хуже, чем раньше: старается завтракать как можно чаще за счет корабля, а около середины дня отправляется домой, чтобы отдохнуть после усталости дня.

Что касается его одежды, то она состоит из ткани, в выборе которой он очень привередлив. Платок складывается по диагонали и пропускается через петлю на поясе ножа, чтобы прикрепить его к правому боку, и это, вместе с несколькими нитками бус и колец, завершает его костюм. Его шерстяные волосы расчесывают самым грубым гребнем, который только можно себе представить, сделанным из нескольких деревянных шпажек, скрепленных между собой и расходящихся в стороны, а кожу полируют пальмовым маслом.

Рабочий день женщин - настоящий факт: он начинается со стирки одежды в ручье и состоит из изготовления сетей, шляп, лесок и циновок, а также походов на рынок. Это любимицы, и их жизнь сравнительно легка; остальные же, на которых их деспотичный хозяин не удостаивает и взгляда ласки, - просто его рабыни, и им приходится черпать воду, рубить дрова, ловить и вялить рыбу.

Одежда женщин не отличается от одежды противоположного пола, главное отличие в том, что их модная краска синяя, а не красная. Раскраску наносит друг, обычно тот, кто регулярно практикует искусство раскрашивания человеческого тела в узоры. Шашки, подобные тем, что когда-то были так распространены на дверях публичных домов, очень популярны, как и волнистые полосы, начинающиеся с линий едва ли толще волоска и разрастающиеся до полудюйма и более в ширину. Также широко используются арабские узоры, изгибы и завитки.

В значительной части Западной Африки, населенной неграми, обитает получеловеческий демон, который пользуется всеобщим уважением, по крайней мере, у женской половины общества. Его зовут Мумбо Джамбо, и его власть поддерживают мужчины, а женщинам остается только подчиняться ему.

На ветке дерева у входа в каждый город висит платье, сделанное из кусочков коры, грубо сшитых вместе. Это самая простая одежда, не более чем мешок из коры, с отверстием сверху для головы и по одному с каждой стороны для рук. Рядом с ним висит такая же простая маска, сделанная из пустой тыквы, с двумя круглыми отверстиями для глаз и украшенная хохолком из перьев. Чтобы сделать ее еще более фантастически отвратительной, маску раскрашивают алой краской, так что она очень похожа на лицо клоуна в пантомиме.

Ночью люди, как обычно, собираются, чтобы петь и танцевать, как вдруг в лесу раздается слабый далекий вой. Это крик Мумбо Джамбо, и все женщины ужасно пугаются, хотя и вынуждены притворяться, что они в восторге. Крики раздаются все ближе и ближе, и наконец в шумном кругу появляется сам Мумбо Джамбо в сопровождении нескольких сопровождающих, вооруженных палками и одетых в одежду, которая хранится для его использования, с жезлом в руке. Его громко приветствуют, и вокруг него с восторгом звучат песни и танцы. Вдруг Мумбо Джамбо подходит к одной из женщин и дотрагивается до нее

своим жезлом. Его сопровождающие тут же хватают несчастную, срывают с нее всю одежду, тащат к столбу, который всегда держат для таких случаев, привязывают к нему и подвергают страшному избиению. Никто не осмеливается пожалеть ее. Мужчины вряд ли это сделают, а женщины все смеются и издеваются над своей страдающей спутницей, указывая на нее и насмехаясь над ее криками: отчасти потому, что боятся, что в противном случае их могут выбрать в качестве следующей жертвы, а отчасти потому, что, как дикари, которыми они являются в душе, они испытывают ликование при виде того, как кто-то подвергается наказанию, которого они избежали. (См. гравюру.)

Проступок, за который пострадала женщина, прекрасно известен всем зрителям, и никому не лучше, чем самой страдалице. Дело в том, что дома она вела себя плохо, ссорилась, по всей вероятности, с подругами-женами, и не поддавалась на увещевания мужа. Поэтому при ближайшем удобном случае либо сам муж, либо человек, которого он проинструктировал, вызывает Мумбо Джамбо и назначает наказание, которое в равной степени служит и исправлением непокорной жены, и предупреждением для других, что им лучше не следовать ее примеру.

Мумбо Джамбо не всегда появляется на этих ночных праздниках, поскольку мужчины знают, что он внушает больший трепет, если его приберегают для тех случаев, когда муж испробовал все возможные средства, чтобы сохранить мир в доме, но обнаружил, что его ничем не подкрепленный авторитет больше не уважают. Читатель помнит, что демона похожего характера можно встретить в Дахоме.

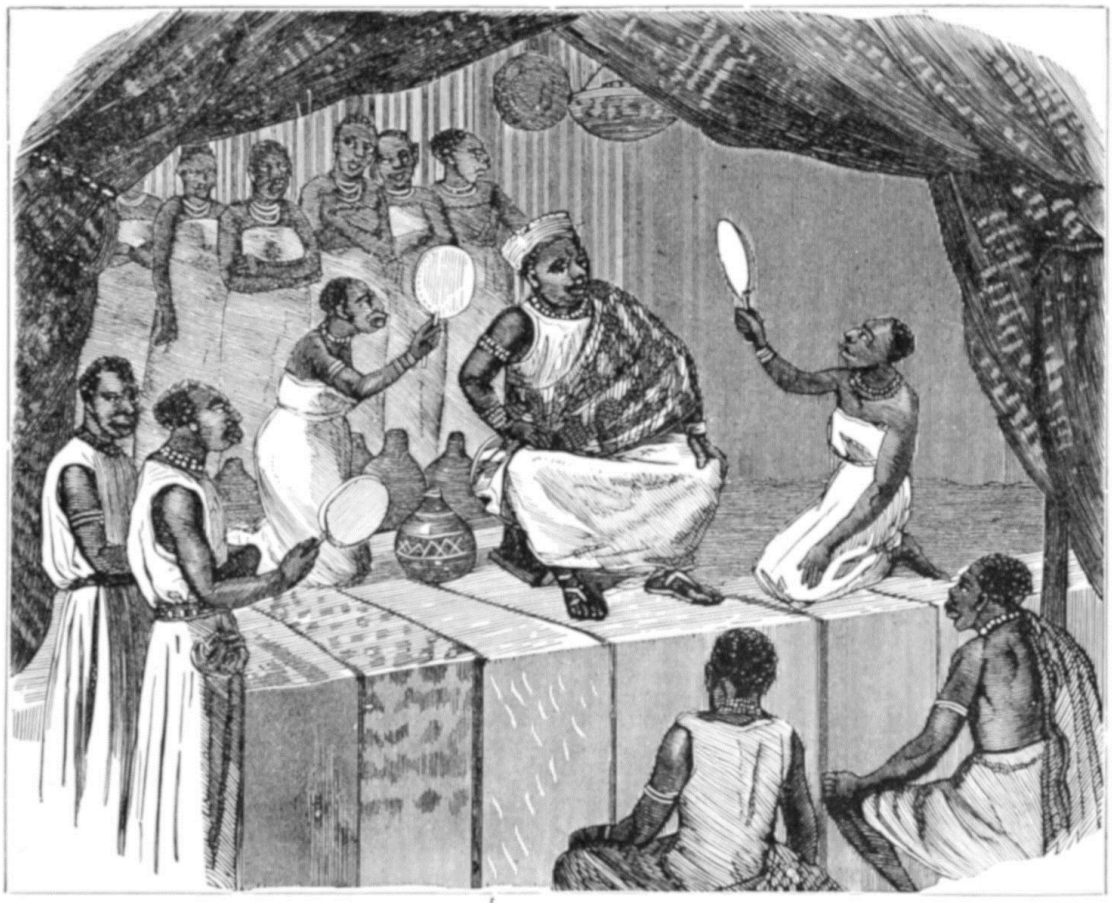
Хотелось бы, чтобы все суеверия этой страны были столь же безобидны, как суеверие Мумбо Джамбо, в которое никто не верит, хотя все притворяются, что верят, и которое, во всяком случае, оказывает некоторое влияние на мир в доме. Некоторые из них, однако, очень ужасны и сопряжены с таким количеством человеческих страданий, что от их исполнения отказался бы любой, кроме дикаря. Узнать природу этих суеверий очень сложно, поскольку негры всегда стараются скрыть их от европейцев, особенно если они связаны с пролитием крови. Однако один поразительный случай все же был рассказан. Один из городов подвергся опасности нападения со стороны могущественного племени, обитавшего по соседству, и король был настолько встревожен, что послал за магами и посоветовался с ними о наилучшем способе отразить врага.

Тогда народ собрали перед главными воротами и вырыли в земле две ямы, расположенные близко друг к другу. Начались песни и танцы, как обычно, пока вдруг главный маг не указал на девушку, стоявшую среди зрителей. Ее тут же схватили и просунули по ноге в каждую яму, которую затем засыпали землей так, что она не могла пошевелиться. По приказу мага несколько человек принесли комья мокрой глины, которые выстроили вокруг ее тела в виде столба, тщательно разминая их по мере продвижения и постепенно покрывая ее глиной. В конце концов глиной покрыли даже голову, и бедная жертва суеверия вскоре перестала дышать. Этот глиняный столб с телом девушки внутри простоял несколько лет перед воротами, и враждебные племена были так напуганы столь мощным фетишем, или грегри, что не осмелились осуществить свой план нападения.

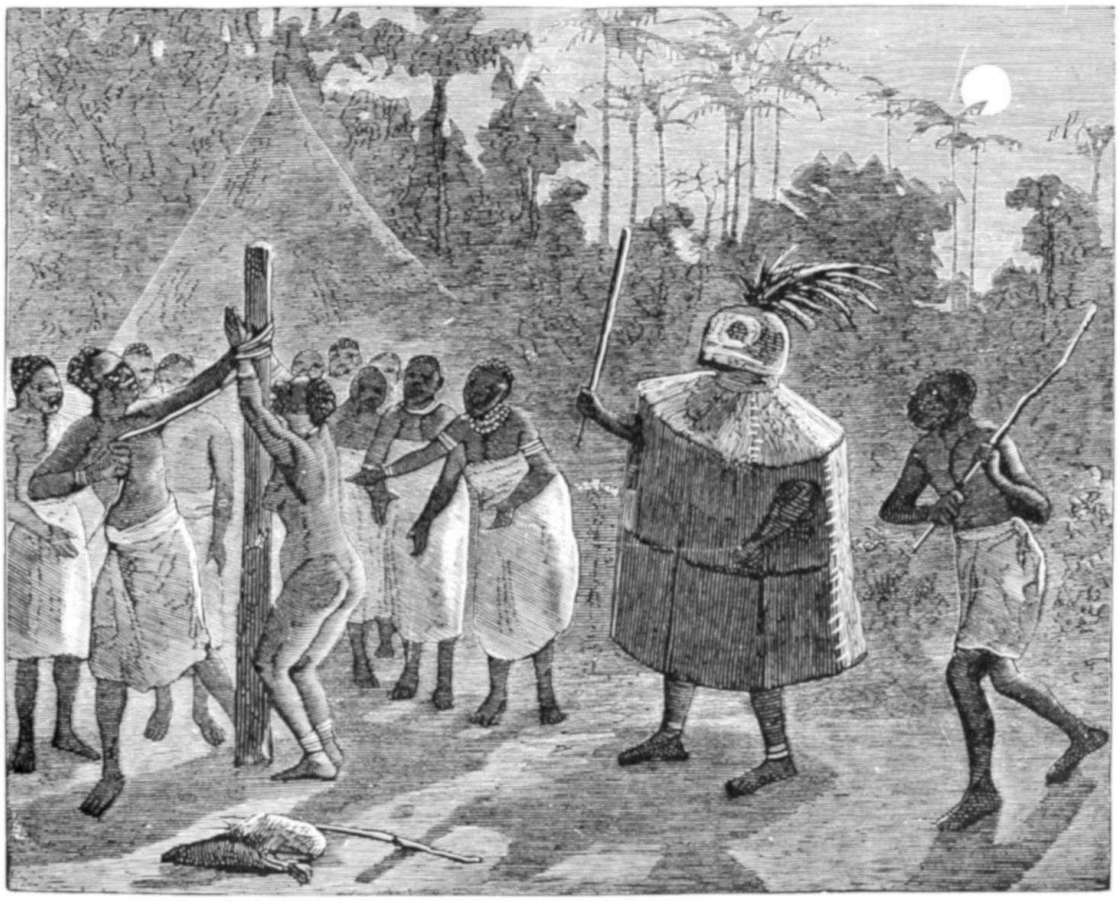
Туземцы возводят эти грегри по любому удобному случаю и таким образом отгораживаются от всех возможных бедствий; а поскольку за такие обереги они готовы свободно платить, фетишисты, естественно, не хотят отказывать им в просьбе и тем самым прерывать выгодную торговлю. Конечно, они понимают, что их клиенты во многих случаях будут страдать от того самого бедствия, которого они пытались избежать, и придут с горькими жалобами. Поэтому они заботятся о том, чтобы навязать получателю какое-нибудь условие, через лазейку, через

которую он сможет сбежать. В одном из таких случаев мужчина купил фетиш против лихорадки, которая, однако, охватила его и едва не убила. Условием, наложенным на него, было воздержание от козьей плоти, и он знал, что выполнил это условие. Но фетишиста не смутила подобная жалоба, и он окончательно расстроил своего разгневанного клиента, заявив, что, когда его пациент ужинал в другом городе, его личный враг, знавший об условиях, на которых дается грегри, подлил ему в миску немного бульона из козьей плоти и тем самым разрушил чары.

Абсолютная вера в грегри - еще одно неизменное условие. В один из штормовых дней группе туземцев нужно было переправиться через реку, и они попросили грегри от несчастных случаев. Они благополучно переправились, но при переправе лодка развалилась, и некоторые из них утонули. Оставшиеся в живых отправились к изготовителю грига и стали упрекать его за несчастный случай. Он терпеливо выслушал их, а затем сообщил, что причиной несчастья стало недоверие рулевого, который пытался прощупать реку веслом, чтобы выяснить, не находятся ли они на мелководье. Это действие свидетельствовало о недоверии, и таким образом сила заклинания была разрушена. Хитрый парень видел несчастный случай и, убедившись, что рулевой утонул, смело заявил об этом, зная, что люди были слишком напуганы, чтобы внимательно наблюдать за происходящим, и что обвиняемый не сможет опровергнуть это заявление.



(1.) СУД АЛАКЕ.
(См. с. 599.)



(2.) МУМБО-ДЖАМБО.
(См. с. 604.)

ГЛАВА LX.
МАНДИНГО.

ЯЗЫК И ВНЕШНИЙ ВИД МАНДИНГО - ИХ РЕЛИГИЯ - ВЕРА В АМУЛЕТЫ - ПЕСНЯ МАНДИНГО - БРАК И СОСТОЯНИЕ ЖЕНЩИН - ТУЗЕМНАЯ КУЛИНАРИЯ - КОРОЛЬ МАНДИНГО - ВЛИЯНИЕ МАГОМЕТАНСТВА.

Прежде чем двинуться через континент в сторону Абиссинии, мы должны кратко рассказать о народе мандинго, населяющем очень большую часть страны, через которую протекают Сенегал и Гамбия. Они заслуживают внимания хотя бы потому, что их язык более распространен, чем любой другой, на котором говорят в этой части Африки, и что любой путешественник, желающий по возможности обойтись без местных переводчиков, которые не могут переводить дословно, если бы хотели, и не могут, если бы могли, вынужден изучать этот язык, прежде чем отправиться в путь через страну. К счастью, это необычайно мелодичный язык, почти такой же мягкий, как итальянский, почти все слова заканчиваются на гласную.

Внешне мандинго высоки и хорошо сложены, у них шерстяные волосы, но нет кожи и огромных губ, как у настоящих негров. "Структура языка, - говорит г-н М'Брейр, который специально изучал его, - полностью восточная. В некоторых грамматических формах он

напоминает древнееврейский и сирийский языки; его наиболее характерный звук относится к малайской семье; его метод допроса похож на китайский, а по составу некоторых глаголов он напоминает персидский. Несколько религиозных терминов были заимствованы из арабского, а некоторые предметы иностранного производства называются своими европейскими именами".

Как правило, религией мандинго является магометанство, измененное в соответствии с особенностями народа, но они все еще сохраняют достаточно оригинального негритянского характера, чтобы иметь сильную веру в грегри, которые делаются для них марабутами, или святыми людьми, и почти неизменно состоят из фраз Корана, зашитых в маленькие кожаные футляры, красиво дубленные и украшенные узорами. Магометанство положило конец шумным песням и танцам, которые делают ночь отвратительной; но, тем не менее, мандинго умудряются потакать своему пристрастию к религиозному шуму по ночам. Вместо того чтобы петь нецензурные песни, они поют или интонируют Коран, выкрикивая священные фразы во весь голос и убивая сон так же эффективно, как если бы они были все еще непросветленными идолопоклонниками, поющими дифирамбы в честь луны. Некоторые церемонии в честь луны еще сохранились, но они совершенно безобидны. Когда она появляется, они приветствуют ее, плюя на ладони и размахивая ими вокруг головы. Затмения они объясняют тем, что где-то на небе живет большая кошка, которая ставит свою лапу между луной и землей.

Они очень строгие магометане, марабуты всегда призывают их к молитве за час до восхода солнца, что, согласно теологической астрономии, является временем, в которое солнце восходит в Мекке. Магометанство многое сделало для мандинго. Оно заменило идолопоклонство монотеизмом и полностью отменило человеческие жертвоприношения. Оно не искоренило врожденный негритянский характер мандинго; но оно значительно подняло их по шкале человечности. Он не излечил их от лжи и воровства - ни один из этих пороков, кстати, не присущ только идолопоклонникам; но он привел их в отвращение к системе продажи детей, которая так укоренилась в обычном негре, и магометанин Мандинго даже не продаст раба, если на него нет справедливых жалоб.

Рамадан, или магометанский пост, строго соблюдается мандинго, и не малым доказательством силы их религиозной системы является то, что она заставляет негра воздерживаться от всего, что ему нравится.

Главный обряд магометанства, конечно, практикуется мандинго, которые умудрились привить к нему одно из своих собственных суеверий, а именно, что если мальчик остается необрезанным, его проглатывает демон-перипатетик, который носит его девять дней в своем животе. В эту легенду религиозно верят, и никто еще не отважился проверить ее на практике.

Четырнадцать лет - обычный возраст для проведения этой церемонии, целые компании парней принимают ее одновременно и отправляются в назначенное место в сопровождении своих друзей и родственников, которые танцуют и поют песни по дороге, ни один из них не отличается особой деликатностью. Здесь снова проявляется старая негритянская натура, доказывая истинность аксиомы о том, что природа, изгнанная вилами, всегда возвращается. После церемонии они проводят месяц в промежуточном состоянии существования. Они уже расстались с отрочеством, но еще не стали мужчинами. Поэтому до истечения месяца они имеют неограниченную свободу действий, но по истечении этого срока становятся мужчинами и приравниваются к своим отцам. Даже девушки проходят церемонию, несколько похожую на ту, что совершают жены марабутов.

Как естественное следствие этой религии, представляющей собой смесь магометанства с фетишизмом, марабуты занимают такое же возвышенное положение, как и фетишисты у идолопоклонников, и являются самыми важными людьми в общине. Они одеваются не иначе, чем миряне, но отличаются цветом своих шапочек, которые имеют какой-нибудь яркий оттенок, например красный, синий или желтый. В их руках находится все образование: некоторые из них являются странствующими учителями, а другие основывают регулярные школы. Другие же совмещают в себе профессии музыкантов и торговцев, и все они зарабатывают на жизнь продажей амулетов, которые являются ничем иным, как магометанскими грегами. Спрос на эти амулеты настолько велик, что богатый человек иногда полностью заключен в кожаный кирасу, состоящую не из чего иного, как из амулетов, зашитых в аккуратные кожаные футляры.

Одна из песен мандинго, переведенная мистером В. Ридом, ясно показывает, какого мнения придерживаются эти люди. "Если ты умеешь писать по-марабутски (*то есть* по-арабски, а не по-мандинго), ты станешь одним из учеников Бога. Если ты знаешь марабут, ты - величайший в своей семье. Вы поддерживаете их. Если они совершат проступок, именно ты защитишь их".

Еще одна пословица выражает бесполезность греков. "Тубабы пошли против Галама. Царь Маиил сказал одной женщине: "Возьми своего ребенка, положи его в ступку и растолки в пыль. Из его пыли я сделаю человека, который спасет наш город". Женщина растолкла своего ребенка в пыль. Из пыли появился мужчина, *но тубабы забрали Майеля*". Тубабы" - это французы, а поговорка, очевидно, относится к изготовлению грегри, схожего по характеру с тем, что упоминалось на странице 604.

Тем не менее, их врожденная вера в силу грегри слишком сильна, чтобы ее можно было полностью искоренить; и если один из их главных мужчин умирает, они держат его смерть в тайне и хоронят его тело в укромном месте, думая, что если враг сможет завладеть его костью, он сделает из нее грегри, с помощью которого сможет узурпировать королевство для себя.

Браки торжественно заключаются марабутом в мечети со странной смесью местных и заимствованных церемоний. Рядом с марабутом сестра жениха играет самую важную роль на церемонии и в будущем хозяйстве; дарит предмет одежды, который заменяет нам обручальное кольцо и который в этой стране считался бы довольно зловещим, - а именно пару брюк, - и, если от брака родится ребенок, имеет привилегию дать ему имя. Полигамия, конечно, является правилом, и у каждой женщины есть свой дом. Поэтому, когда девушка выходит замуж, она остается с родителями до тех пор, пока не будет построен ее собственный дом, и тогда ее провожают к нему в большом состоянии ее молодые подруги, которые поют траурную песню, сожалея о потере своей спутницы.

У женщин есть все основания быть довольными своей участью. Они не являются униженными рабынями, как замужние женщины во многих частях Африки, и, если уж на то пошло, имеют преимущество перед своими мужьями. "Это самые тираничные жены в Африке", - пишет мистер Рид. "Они знают, как заставить своих мужей преклонить колени перед их чарами и как поставить на них свои маленькие ножки. Когда им угрожают разводом, они проливают слезы, а если мужчина отказывается от своей жены, они *массово* нападают на него - *они* ненавидят, но защищают друг друга".

"Они приходят к этому несчастному мужу, который никогда не чувствовал и не наслаждался спокойствием в своем доме, и говорят: "Почему ты плохо обращаешься со своей женой? Женщина беспомощна, у мужчины есть все. Пойди, отзови ее и, чтобы успокоить ее

справедливый гнев, сделай ей добрый подарок". Муж молится о прощении, и, когда его мольбы принимают форму быка или раба, она соглашается вернуться".

Мандинго питаются в основном рисом и молоком, но когда они богаты, то позволяют себе много роскоши. Тот же автор, который только что был процитирован, приводит подробности развлечения, приготовленного полукровками-мандинго. Сначала были устрицы , сорванные с веток деревьев, к которым они прикреплялись во время половодья и оставались висеть, когда половодье спадало. Затем были подошвы, карп и кефаль - все очень плохое, но очень хорошо приготовленное. "Затем последовали котлеты из газели *à la papillote*; две маленькие обезьянки, которых подали скрещенными ногами и с печеночным соусом на тосте; тушеная игуана, которой очень восхищались; блюдо жареных крокодильих яиц; несколько ломтиков копченого слона (из внутренностей), к которым никто из нас не мог притронуться; несколько приятных тарелок жареной саранчи, сухопутных крабов (предварительно откормленных) и других ракообразных; грудь русалки, или ламантина, - главный *бонн-буш* трапезы; несколько вареных аллигаторов, по вкусу напоминавших свинину и треску, с добавлением мускусного аромата; и несколько стейков бегемота - *pommes de terre*.

"Мы могли бы получить лучший десерт в Ковент-Гардене, где можно увидеть яркую сторону тропиков без лишних хлопот и затрат на путешествие. Но у нас были ананасы, апельсины, жареные подорожники, серебряные бананы, папаус (который, если сделать из него пирог с гвоздикой, можно принять за яблоки) и множество фруктов с длинными туземными названиями, диковинными формами и очень неприятными вкусами. Знаменитая "капуста", или самая верхняя почка пальмы, также была частью трапезы, и, как говорят, это самый вкусный овощ в мире. Когда ее тушат *в соусе бланш*, она не сравнится ни с одним овощем, растущим на земле. Это, должно быть, амброзия богов".

Мандинго, не принявшие магометанство, значительно уступают своим соотечественникам, отказавшимся от фетишизма. Мистер Рид рассказывает смехотворную историю о туземном "короле", который был еще грязнее любого из своих подданных и, если возможно, еще уродливее, его лицо было лишено интеллекта и совершенно грубо; он произносил длинные речи на языке мандинго, которые, как обычно бывает в таких речах, были просто требованиями всего, что он видел, и вел себя так созвучно своей внешности, что вызывал всеобщее отвращение, и очень свободно делались замечания о недостатках того, что он полностью находится в состоянии дикаря и никогда не смешивался с высшими существами.

Наконец утомительное дело переводчика подошло к концу, и осталось только определить количество орехов кола, которые нужно было преподнести в качестве подарка за дружбу - обычная церемония в этой стране. Было подарено шесть, и король произнес длинную речь, которая оказалась просьбой о добавке. "Ну что ж, мы не можем отказать этому грязному негодяю, - сказал гость, - дайте ему еще четыре, тогда будет десять".

"*Пусть будет двадцать*", - нетерпеливо воскликнул король, забыв, что его *роль* заключалась в том, чтобы казаться незнающим английский язык. Он прожил несколько лет в Сьерра-Леоне и мог говорить по-английски не хуже любого другого, когда ему вздумается, и выслушал все замечания по поводу своей необычной внешности, не подавая виду, что понимает хоть одно сказанное слово.

Одно из старых суеверий, которое до сих пор противостоит наступлению магометанства, относится к одному из островов на Верхней реке. На этом острове есть гора, а на горе живет дух, который обладает неприятной способностью причинять людям такие страдания, что они не могут сидеть до конца своих дней. Поэтому, проходя мимо холма, необходимо раздеться до пояса, повернуться спиной к горе и молить духа сжалиться над своими жертвами и

сохранить им привилегию сидеть. Каждый вынужден пройти эту церемонию, но, к счастью, дух не возражает, если ее совершает заместитель, и поэтому все путешественники, будь то мужчины или женщины, платят туземцам своего пола, чтобы те исполнили за них этот интересный обряд. Однако, как и в случае с известным этикетом пересечения линии, эту церемонию нужно проводить только при первом прохождении холма, поскольку дух удовлетворен данью своей власти.

Всеобщее суеверие относительно способности человека превращаться в зверя до сих пор царит среди мандинго, и весьма сомнительно, что даже последователи Мухаммеда полностью освободились от этой старой веры. Крокодил - животное, форму которого чаще всего принимают мандинго, и однажды человек, укушенный крокодилом и едва спасшийся, не только сказал, что рептилия была метаморфозой человека, но даже назвал имя того, кого, как он знал, обидел за несколько дней до происшествия.

ГЛАВА LXI.
БУБЕ И КОНГО.

НАСТОЯЩЕЕ НАЗВАНИЕ БУБЕ - ИХ ОГРАНИЧЕННЫЙ АРЕАЛ - ВНЕШНИЙ ВИД И МАНЕРЫ ПОВЕДЕНИЯ - ПАСТА ТОЛА - ПРИЧИНЫ НАГОТЫ - АРХИТЕКТУРА БУБЕ - ОБЩИЙ ХАРАКТЕР БУБЕ - СВАДЬБА В ФЕРНАНДО-ПО - КОНГО - ЕГО ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ - ЛЮБОПЫТНОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ - РЕЛИГИЯ КОНГО - ЧИТОМЕ И ЕГО ВЛАСТЬ - ЕГО СМЕРТЬ, И ЗАКОН О ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИИ - НГОМБО И ЕГО СПОСОБ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ - ИСПЫТАНИЕ - ЦЕРЕМОНИЯ КОРОНАЦИИ КОРОЛЯ - КОРОЛЕВСКИЕ ОДЕЖДЫ - ЖЕНЩИНЫ КОНГО - РАННЯЯ ИСТОРИЯ СТРАНЫ - ЖЕНЩИНА-МОНАРХ - СУДЬБА ТЕМБАНДУМБЫ.

Племя бубе (которое, к сожалению, произносится как "сиськи") - действительно интересное, и, если бы не стремительно уменьшающаяся площадь, его можно было бы описать подробно. Настоящее название племени - Адиза, но, поскольку они имеют привычку обращаться к другим как Бубе, *то есть* Человек, этот термин закрепился за ними.

Бубе населяют Фернандо-По, и, хотя некоторые из них считают себя аборигенами острова, они, очевидно, пришли с материка. Однако они не испытывают особой гордости за свое автохтонное происхождение и, если их спрашивают, совершенно спокойно отвечают, что произошли от своих родителей.

Бубе населяют только одну зону в Фернандо-По. Морской воздух для них слишком мягкий и теплый, к тому же есть опасность быть унесенными работорговцами. На высоте более трех тысяч футов над морем они не могут существовать не потому, что климат слишком холодный, а потому, что пальмы и платаны, на которых они живут, там не процветают. За исключением тех, кто попал под влияние миссионеров, бубе не носят никакой одежды, кроме плотно прилегающих плащей из пальмового масла или, по торжественным случаям, из пасты тола, *то есть* пальмового масла, растертого и смешанного с листьями травы тола. Эта паста обладает сильным и очень своеобразным запахом, и первым признаком близости деревни бубе обычно является запах пасты тола, разносимый ветром.

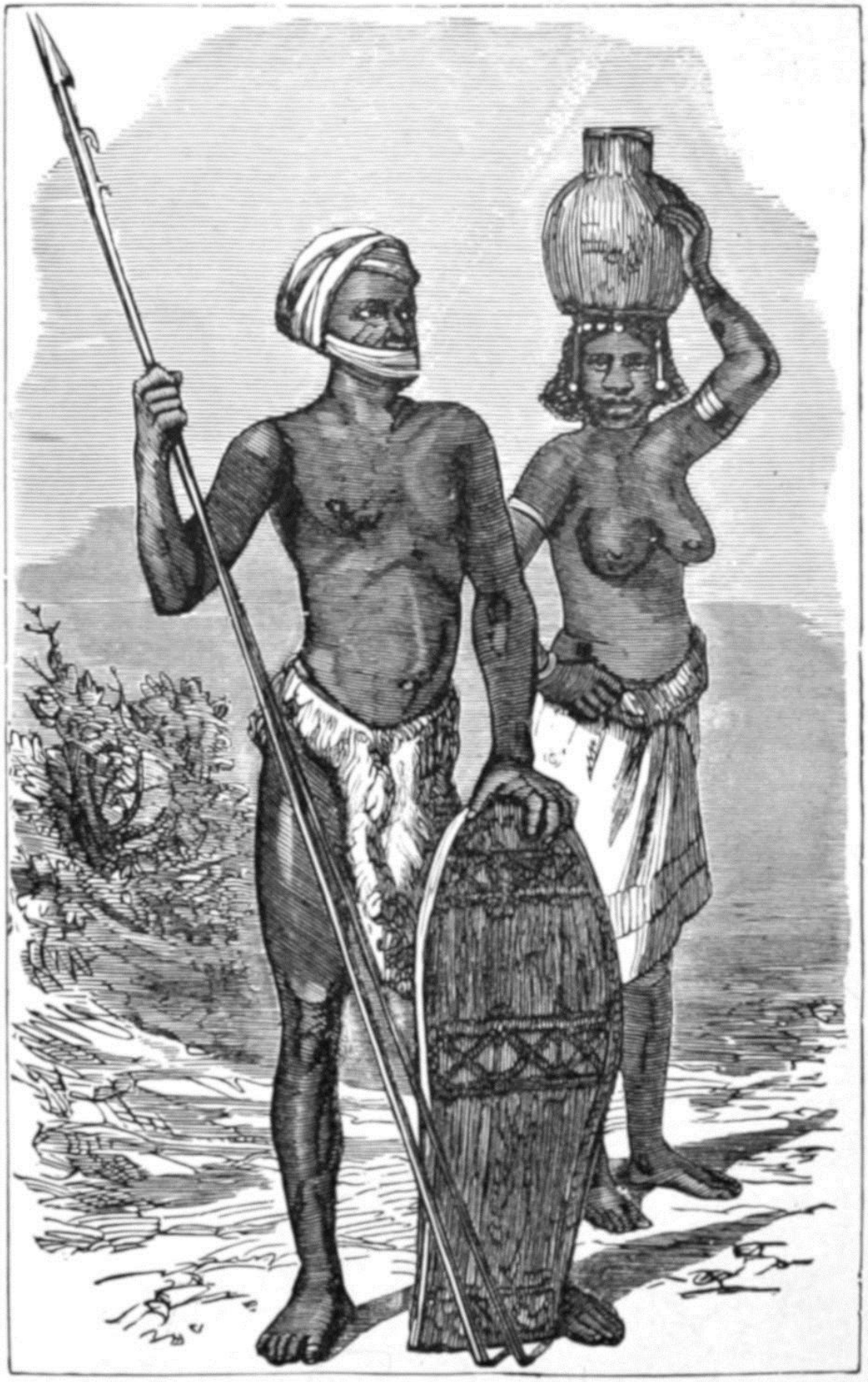
Мужчины носят большие плоские шляпы из плетеной ткани, покрытые обезьяньей кожей, и используют их главным образом для защиты от древесной змеи. Женщины одеты точно так же, но без шляпы: возможно, их мужья считают, что змеи не могут причинить вреда

женщинам. Шляпа крепится к голове шпажками из кости обезьяньей ноги, а сами волосы обильно смазываются и украшаются желтой охрой, причем делается это так, что кажется, будто они усыпаны маленькими позолоченными горошинами. Вокруг верхней части руки повязан кусок веревки, на которой держится нож для мужчины и трубка для женщины. Одежда для них - сущее наказание, и капитан Бертон замечает, что даже на высоте десяти тысяч футов над морем он предлагал бубе одеяла, но они их не взяли, хотя тепло костра показалось им приемлемым.

У них есть легенда, которая объясняет их наготу. Много лет назад маг из племени м'понгве сделал фетиш на своем огромном боевом копье и убил многих из них, так что они обратились в бегство. Тогда они издали закон, согласно которому бубе не должны носить никакой одежды, пока не покорят м'понгве, и этот закон они соблюдают до сих пор.

Если брать дикарей, то бубе - удивительно хороший экземпляр. Он очень трудолюбив, разбивает поля ямса и фермы на некотором расстоянии от своего дома, чтобы домашние животные не забредали в него, и является лучшим производителем пальмового вина в Западной Африке. Он не хочет ни сам быть рабом, ни держать рабов, предпочитая работать на себя, а после тяжелой работы на ферме отправляется в лес, чтобы пострелять в обезьян или белок. Он хороший атлет, а со своим огромным посохом обращается так ловко, что представляет собой очень грозного противника. Он замечательный лингвист, с удивительной готовностью осваивает языки, и он абсолютно честен. "На его улице можно смело сдавать на хранение ром и табак, и он выплатит свой долг так же уверенно, как Банк Англии." Это свидетельство капитана Бертона, которого, конечно, нельзя обвинить в том, что он рисует коренного африканца в слишком ярких красках.

(1.) БРАК БУБЕ.
(См. стр. 613.)



(2.) МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА КАНЕМБУ.
(См. с. 627.)

Однако он никогда никому не доверяет. Он будет вести себя с вами очень благородно, но никогда не скажет вам своего имени. Если вы преподносите ему подарки, он принимает их, но с подозрением: "Timet Danaos et dona ferentes". Если вы неожиданно войдете в его деревню, он окажется вооруженным, и, "если вы любите собирать словари, пусть бог речи направит вас". Дело в том, что его так обманули и обокрали, что он теперь подозревает всех людей одинаково и не доверяет даже своим землякам из соседней деревни.

К жене он относится довольно хорошо, но у него есть странная серия наказаний по возрастающей. Если он уличит ее в неверности, то вскипятит горшок с маслом, отрежет преступнице левую руку и окунет обрубок в масло, чтобы зажило кровотечение. За второе преступление она лишается правой руки, а за третье - головы, и в этом случае кипящее масло не требуется. Отчасти из-за этого закона, а отчасти из-за своего уродства, которое, как говорят, является предзнаменованием, женщины демонстрируют лучшую нравственность, чем большинство их африканских сестер.

Доктор Хатчинсон, проживший некоторое время в Фернандо-По, не слишком благоприятно отзывается о бубе, считая, что двадцать или тридцать тысяч представителей их племени являются самым большим препятствием на пути к цивилизации. Кроме того, он утверждает, что, хотя баптистские миссионеры упорно работали среди них в течение семнадцати лет, им не удалось христианизировать или цивилизовать, или даже очеловечить ни одного бубе.

Они не являются интеллектуальной расой и, похоже, не знают и не заботятся о делении времени: новолуние и начало сухого сезона отмечают их месячную и годовую эпохи. Последний начинается в ноябре, и в течение двух месяцев бубе устраивают фестиваль под названием Лобо, на котором обычно празднуют браки. Доктору Хатчинсону удалось стать свидетелем бракосочетания бубе, и он написал об этом очень забавный рассказ. Читатель может ознакомиться с иллюстрациями на предыдущей странице. Невеста была дочерью короля. "Когда мы вошли в город, то первым объектом нашего внимания стала кухня Его Величества. Здесь несколько мертвых "ипа" (дикобразов) и "лича" (газелей) были готовы к смешиванию с пальмовым маслом, а на шампурах корчилось несколько личинок, вероятно, для придания блюдам пикантности. Они называются "инчаи", их добывают из пальмовых деревьев, и на первый взгляд напоминают личинок Бробдигнаги. Вместо того чтобы ждать, пока фернандийский сойер проявит искусство в приготовлении этих компонентов, я поздравил себя с тем, что мои бутерброды с ветчиной и бутылка с бренди и водой надежно спрятаны в портмане, который один из краменов нес на спине, и сел на свой походный табурет под благодарной тенью пальмы, чтобы немного отдохнуть.

"За маленькой хижиной, принадлежавшей матери будущей невесты, я вскоре узнал счастливого жениха, совершавшего свой туалет из рук сестры своей будущей жены. Обвязав его тело, ноги и руки множеством тшиббу (*то есть* маленькими кусочками раковины ахатектона, которые служат валютой в Фернандо-По), помазальщица (с короткой черной трубкой во рту) принялась намазывать его пастой тола. Казалось, он не очень-то радовался предвкушению приближающегося счастья, но то и дело обращал угрюмый взгляд на почкообразный кусок коричневого крашеного ямса, который держал в руке и на выпуклой стороне которого было закреплено красное перо попугая. Это, как мне сообщили, называется "нтшеба" и считается защитой от дурного влияния в течение важного дня.

"Две заколки, похожие на шпажки, с головками из красных и белых стеклянных бусин, прикрепляли его шляпу (которая представляла собой не что иное, как диск из бамбуковой косички) к волосам на голове; и когда его туалет был завершен, он и одна из невест, так же искусно одетая, как и он сам, набросились на поставленное перед ними блюдо из тушеной

плоти и пальмового масла с такой жадностью, как будто не пробовали пищи целую неделю. Обсуждая эту еду, они следовали примитивному обычаю "пальцы перед вилкой", лишь время от времени отдыхая, чтобы глотнуть пальмового вина из стоявшего рядом калабаша или вытереть руки о салфетки из листьев какао - процесс, который, мягко говоря, ничего не добавил к счету прачки в конце недели.

"Но невеста! Вот и она! Ее ведут ее собственная мать и мать ее будущего мужа, каждая из которых держит ее за руку, за ними следуют две "непис" (профессиональные певицы) и полдюжины подружек невесты. Ни одна фотография не могла передать ее внешний вид. Обремененная кольцами, венками и обхватами "чиббу", тола-поматум придавала ей вид эксгумированной мумии, за исключением лица, которое было полностью белым - не от избытка скромности (и здесь я могу добавить, что от негров всегда ожидают синего румянца), а от того, что оно было намазано белой пастой, символизирующей чистоту.

"Как только она оказывалась за пределами тына, ее свадебный наряд переходил к делу, и все тело покрывалось белым слоем. Затем на нее накидывали вуаль из ниток раковин чиббу, полностью закрывавшую лицо и простиравшуюся от макушки головы до подбородка, а также с каждой стороны от уха до уха; поверх этого надевали огромный шлем из воловьей кожи; И любой, в ком есть хоть искра сострадания, не мог не пожалеть это бедное создание, стоящее больше часа под палящим солнцем с таким грузом на плечах, в то время как непеи восхваляли ее в эпифаламе extempore, а жених завершал свои украшения в другом месте.

"Далее последовал долгий напев - музыкальные люди назвали бы его воем - главного непея. Он был примерно такой же длины, как "Чеви Чейз", и воспевал красоты и многочисленные достоинства невесты, среди которых, как ни странно, упоминался восхитительный запах, исходивший от нее. При каждой паузе в песнопении зрители хором подхватывали: "Хи! Хи! Джи! Эх!", а когда все закончилось, церемония продолжилась.

"Кандидаты на брак заняли свои места бок о бок под открытым небом, напротив маленького домика, из которого избранная невеста была выведена двумя матерями и где, как мне сообщили, она находилась в тесном заключении в течение пятнадцати месяцев до этого, началась церемония. Мамы были священниками - институт естественной простоты, чье домашнее происхождение никто не посмеет оспаривать. В таких случаях матерей-епископов пророчески называют "боована", что по-фернандийски означает "бабушка".

"Пять подружек невесты выстроились рядом с невестой-постулатом, каждая по очереди, на несколько дюймов ниже другой, крайняя - совсем младенец, и у всех на голове пучки попугайских перьев, а в правой руке - палочка. Мать стояла позади "счастливой пары" и складывала руку каждого вокруг тела другого - неписи все время напевали, так что мой переводчик едва мог уловить слова, которыми они были формально спаяны. Мать жениха завязывала вокруг обеих рук шнурок тшиббу, одновременно нашептывая ему совет заботиться об этом нежном ягненке, хотя до этого у него было полдюжины жен. Затем веревку развязали. Ее снова завязывала мать невесты, которая шептала дочери на ухо о ее обязанности заниматься хозяйством мужа, возделывать ямс и маниоку и о том, что она должна быть ему верна. Утверждение их обещания выполнить эти условия осуществлялось путем передачи кубка с пальмовым вином от матери к сыну (жениху), от него к невесте, от нее к матери, каждый делал глоток по кругу.

"Затем начинались беспорядочные танцы и песнопения; И вся эта сцена - паста тола, нанесенная на лица некоторых так густо, что можно было подумать, что с ее помощью к ним хотят что-то прикрепить - висящие хвосты мускусных кошек и обезьян - дисковые шляпы и перья попугаев - ветви дикого папоротника и нитки раковин чиббу, прикрепленные,

возможно, в качестве носовых украшений к лицам дам - белые, красные и желтые пятна, нарисованные под глазами, белые и красные и желтые пятна под глазами, на плечах и во всех местах, где они могли бы стать объектами притяжения - *весь этот ансамбль*, контрастирующий с высокими *бомбаксами*, прекрасными пальмами, какао-орехами и другими великолепными тропическими деревьями вокруг, представлял картину, редко наблюдаемую европейцем и способную вызвать самые разнообразные размышления."

Наконец, вся компания - паста тола теперь трескалась с их тел - направилась к дому жениха, причем старые жены шли перед невестой, пока не достигли двери, а затем позволили ей идти впереди них. Затем новоиспеченные супруги вставали у дверей дома лицом к зрителям, обнимая друг друга, как и прежде. Затем один из его детей подарил невесте огромный ямс, выкрашенный в коричневый цвет, другие закрепили на ее плечах погоны чиббу, муж надел на ее пальцы четыре кольца, и церемония завершилась второй лекцией матери жениха, по окончании которой доктор Хатчинсон, как он довольно причудливо говорит, "оставил счастливую пару наслаждаться их тола-муном".

КОНГО

Пройдя на юг по западному побережью, мы попадаем в знаменитое королевство Конго.

В наши дни оно настолько изъезжено купцами из разных стран и миссионерами различных сект, что уже не представляет собой единообразного облика прежних монархических времен, о которых мы вкратце расскажем. Читатель должен понимать, что источники, из которых взята информация, не являются полностью надежными, но, поскольку у нас нет других, мы должны максимально использовать наши сведения и по собственному усмотрению выбирать те части, которые наиболее достойны доверия. Нижеследующее изложение взято в основном из конспекта мистера Рида.

Древняя конституция королевства Конго во многом напоминала конституцию Ашанти или Дахоме, а именно: деспотическая монархия, управляемая советниками, король и совет были взаимно ревнивы, и каждый старался превзойти другого. Когда королевство Конго было впервые создано, королевские доходы были в таком же состоянии, как и гражданские списки покойного императора России - все принадлежало королю, и он брал столько, сколько хотел. Однако в более поздние времена доходы контролировались советом, который помогал не только распоряжаться ими, но и определял способ их сбора. Большая часть доходов зависела от ежегодной дани низших вождей, но поскольку в тяжелые времена, особенно во время затяжной войны, этой дани не хватало для покрытия расходов, король и совет придумывали различные объекты налогообложения.

Самым продуктивным, пожалуй, является налог на кровати, которые оцениваются в зависимости от их ширины, каждый пролет обходится в годовой платеж раба. Поскольку обычный человек не может комфортно спать на кровати шириной менее четырех пролетов, совершенно очевидно, что налог должен быть очень продуктивным, если бы он не был настолько деспотичным, чтобы вызвать восстание. Однако туземцы, похоже, спокойно смирились с этим, и богатый негр гордится тем, что у него очень широкая кровать, как вещественное доказательство его значимости.

Как и в более цивилизованных странах, война является главным источником налогов, король вынужден содержать большую постоянную армию и поддерживать ее в хорошем настроении постоянными милостями, ведь большая постоянная армия подобна огню - полезный слуга, но ужасный хозяин. Армия разделена на полки, каждый из которых действует под непосредственным командованием вождя, в округе которого он живет, и вооружена самым разнообразным оружием, какое только можно достать. В наше время больше всего ценится торговое оружие, но местные мечи, луки и стрелы, копья и ножи по-прежнему составляют основу их снаряжения. Что касается униформы, то они не имеют о ней никакого представления и даже не различают людей разных полков, как это делают кафиры на юге Африки.

Древняя религия негров Конго - это просто политеизм, который у них выродился в фетишизм. Существует одна монотеистическая секта, но они мало чего добились своей религией, которая на самом деле является просто отрицанием многих божеств, без малейшего понимания того, кому они поклоняются - божества, которому они приписывают самые худшие пороки, способные унизить человеческую природу.

Фетишисты, или жрецы, здесь так же важны, как марабуты у мандинго, и главный из них, носящий имя Читоме, едва ли менее почитаем, чем король, который вынужден искать благосклонности этого духовного властителя, в то время как простой народ смотрит на него едва ли меньше, чем на бога. Он содержится за счет своего рода десятины, состоящей из первых плодов урожая, которые приносятся ему с большой церемонией, и подносятся с торжественными песнопениями. Конго полностью уверены, что если они не соберут первые плоды урожая одного года, то следующий год будет неурожайным.

В его доме постоянно горит священный огонь, а угли, которые, как считается, обладают огромными целебными свойствами, продаются им по высокой цене, так что даже его огонь является для него постоянным источником дохода. Он полностью подчиняет себе мелких жрецов и время от времени устраивает среди них совещания, чтобы разрешить постоянно возникающие споры. Как только он покидает свой дом, мужья и жены всего королевства обязаны разойтись под страхом смерти. В случае неповиновения наказывается только мужчина, и известны случаи, когда жены, не любившие своих мужей, обвиняли их в нарушении этого странного закона и таким образом получали двойную выгоду: освобождались от мужчины, который им не нравился, и создавали себе религиозную репутацию на легких условиях.

На самом деле у читоме все по-своему, за одним исключением. Он настолько свят, что не может умереть естественной смертью, ведь если бы он это сделал, вселенная тут же распалась бы. Поэтому, как только его настигает опасная болезнь, избранный Читоме приходит к нему домой и спасает вселенную, выбив ему мозги дубинкой или задушив веревкой, если ему так больше нравится. То, что его собственная смерть должна быть такого же характера, никак не влияет на нового Читоме, который, в соответствии с негритянским характером, думает только о настоящем времени и, если его беспокоит зло, которое произойдет в будущем, не беспокоится даже о следующем дне.

Рядом с Читоме идет Нгомбо, священник, отличающийся особой походкой. Его достоинство было бы ущемлено, если бы он ходил как простые смертные или даже как низшие священники, поэтому он всегда ходит на руках, подняв ноги вверх, и тем самым внушает трепет мирянам. Некоторые из жрецов - заклинатели дождя, которые выполняют свои обязанности, сооружая небольшие курганы из земли и совершая над ними обряд фетиша. Из центра каждого зачарованного кургана поднимается странное насекомое, которое взлетает

в небо и приносит столько дождя, сколько заплатили люди. Эти жрецы регулярно посвящаются в сан, но есть и те, кто рождается для этого, например, карлики, горбуны и альбиносы, которых очень почитают как особо благосклонных людей, посвященных в жрецы самой природой.

У жрецов, как обычно, есть система испытаний, самым распространенным из которых является выпивание чаши с ядом, а самым редким - испытание раскаленным железом, которое прикладывается к коже обвиняемого и жжет его, если он виновен. Нет сомнений, что колдуны знакомы с каким-то препаратом, который делает кожу устойчивой к кратковременному прикладыванию раскаленного железа, и что они предварительно наносят его на обвиняемого, который заплатит за это.

Читоме имеет привилегию проводить коронацию короля. Новый правитель направляется в дом Читоме в сопровождении множества своих будущих подданных, которые издавали пронзительные крики, когда он шел. Достигнув священного дома, он преклоняет колени перед дверью и просит Читоме быть милостивым к нему. Читоме изнутри рычит категорический отказ. Несмотря на неоднократные отказы, король вновь обращается с мольбой, перечисляя все подарки, которые он принес Читоме, - а подарки, между прочим, легко сделать, так как он будет вымогать равную сумму у своих подданных, как только утвердится на престоле.

Наконец дверь хижины открывается, и выходит Читоме в своем белом одеянии, с головой, покрытой перьями, и блестящим зеркалом на груди. Король ложится на колени перед домом, а Читоме льет на него воду, рассыпает пыль и ставит на него свои ноги. Затем он ложится плашмя на распростертого монарха и в таком положении получает от него обещание впредь уважать его власть. После этого король провозглашается королем и удаляется, чтобы умыться и переодеться.

Вскоре он выходит из дворца в сопровождении своих священников и вельмож, великолепный во всей храбрости своего нового звания, весь покрытый сверкающими украшениями из металла, стекла и камня, так что глаз едва может выдержать лучи, вспыхивающие со всех сторон, когда он движется в лучах солнца. Затем он садится в кресло и произносит речь, обращаясь к народу. Закончив ее, он встает, а все люди приседают к земле, простирает над ними руки и делает определенные жесты, которые считаются королевским благословением. (См. гравюру № 2 на следующей странице.) Длинная череда банкетов и пиршеств завершает процесс.

В наши дни король и великие люди Конго уродуют себя европейской одеждой: шелковыми куртками, бархатными туфлями, дамасскими плащами и широкополыми шляпами. Но в прежние времена они одевались в туземные наряды. Простая туника из очень тонкой травяной ткани, оставлявшая обнаженной правую руку, закрывала верхнюю часть тела, вокруг талии повязывался подобие петитка из такого же материала, но окрашенного в черный цвет, а к поясу пристегивался фартук или "споран" из шкуры леопарда, который висел спереди. На голове они носили что-то вроде капюшона, а иногда предпочитали квадратный красно-желтый колпак. Сандалии из пальмового дерева были особой привилегией короля и знати, простые люди были вынуждены ходить босиком.

Жены в Конго живут в достатке, если не считать того, что их жестоко избивают тяжелой плетью из кожи гиппопотама. Женщины не обижаются на такое обращение, и действительно, если женщину время от времени не пороть, она считает, что муж пренебрегает ею, и обижается соответственно. Король имеет право взять в жены любую

женщину, будь она замужем или нет, и, когда она отправляется в королевский гарем, ее супруг подвергается суровому наказанию.

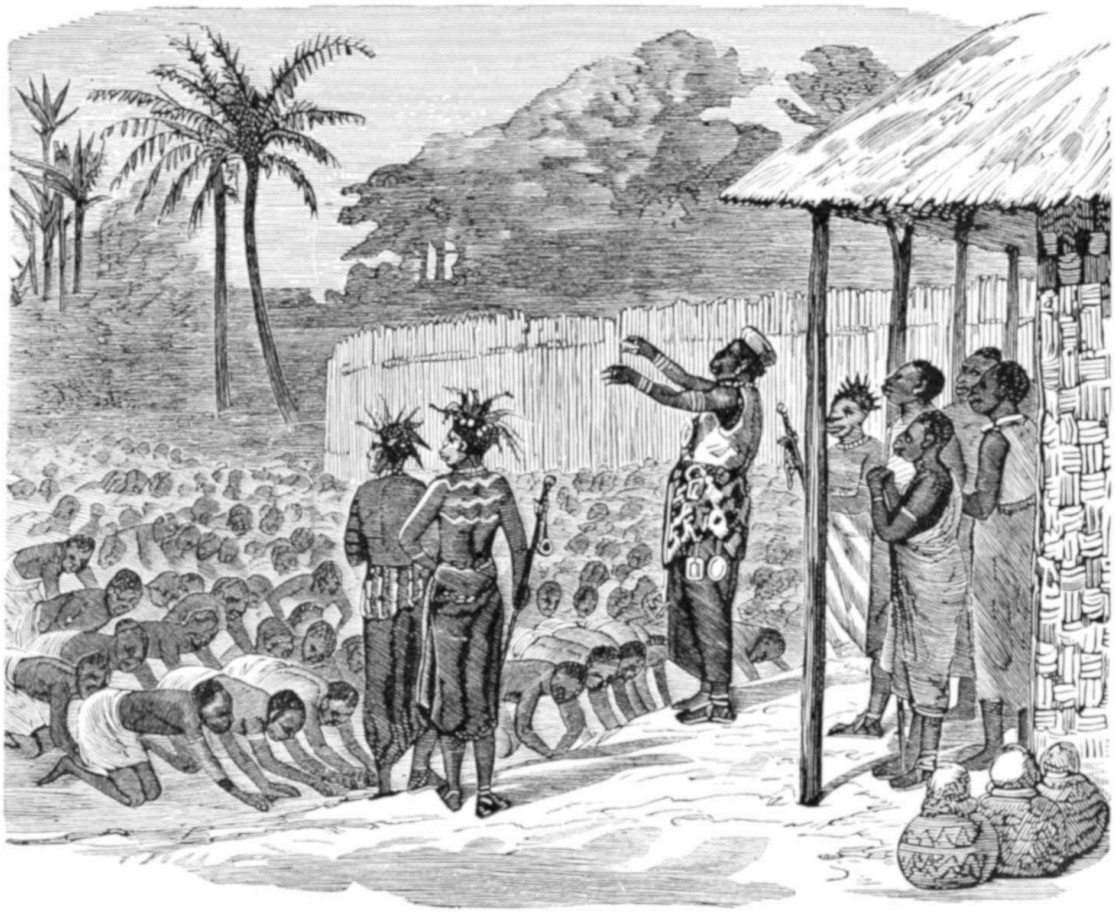
Жители Конго - вероятно, из-за изнуряющего климата - очень ленивая и вялая раса: женщины выполняют всю работу, а мужчины лежат в тени, курят трубки и пьют пальмовое вино, которое они делают очень хорошо, хотя и не так хорошо, как племя бубе из Фернандо-По. Их дома - это всего лишь простейшие хижины; несколько столбов с крышей и ветки, сплетенные между ними в виде плетенки, - вот и все, что нужно конголезцу для дома. Его одежда так же проста, как и его жилище: кусок туземной ткани, повязанный вокруг середины, - это все, о чем он заботится; так что просторные одежды и красивые меха, которые носил король, должно быть, оказывали очень сильное влияние на почти голое население.

Согласно традиционной истории, Конго в давние времена было одним из великих африканских королевств. Дважды оно возвышалось, и оба раза благодаря энергии женщины, которая, несмотря на низкое мнение о женщинах, сумела взойти на трон.

Где-то около 1520 года - в такой истории невозможно добиться точности дат - великий вождь по имени Зимбо пронесся по очень большой части Африки, захватывая каждую страну, в которую попадал, и устанавливая в ней свое господство. Среди прочих королевств он захватил Конго и сделал его своим данником. В конце концов он стал настолько могущественным, что его армия превысила его территорию, и он имел дерзость послать дивизию разорять Абиссинию и Мозамбик. Дивизия благополучно достигла восточного моря, но затем армия встретила португальцев, которые разгромили ее с большими потерями. Посланцы донесли эту весть до Зимбо, который встал во главе оставшихся войск, пошел против португальцев, разбил их, убил их генерала и увел множество пленных, черепами которых вымостил землю перед своим домом.

Со временем он умер, и королевство разделилось, по африканской моде, на несколько независимых провинций, каждой из которых управлял один из предводителей бесполезной армии. У одного из этих вождей была дочь по имени Тембандумба, которая вместе с матерью управляла провинцией после смерти отца. Эти женщины всегда сопровождали войска на войне, и Тембандумба была настолько свирепа и кровожадна, даже будучи девочкой, что мать отдала ей командование половиной войска, естественным следствием чего стало то, что она взяла на себя командование всем войском, свергла мать и стала королевой.

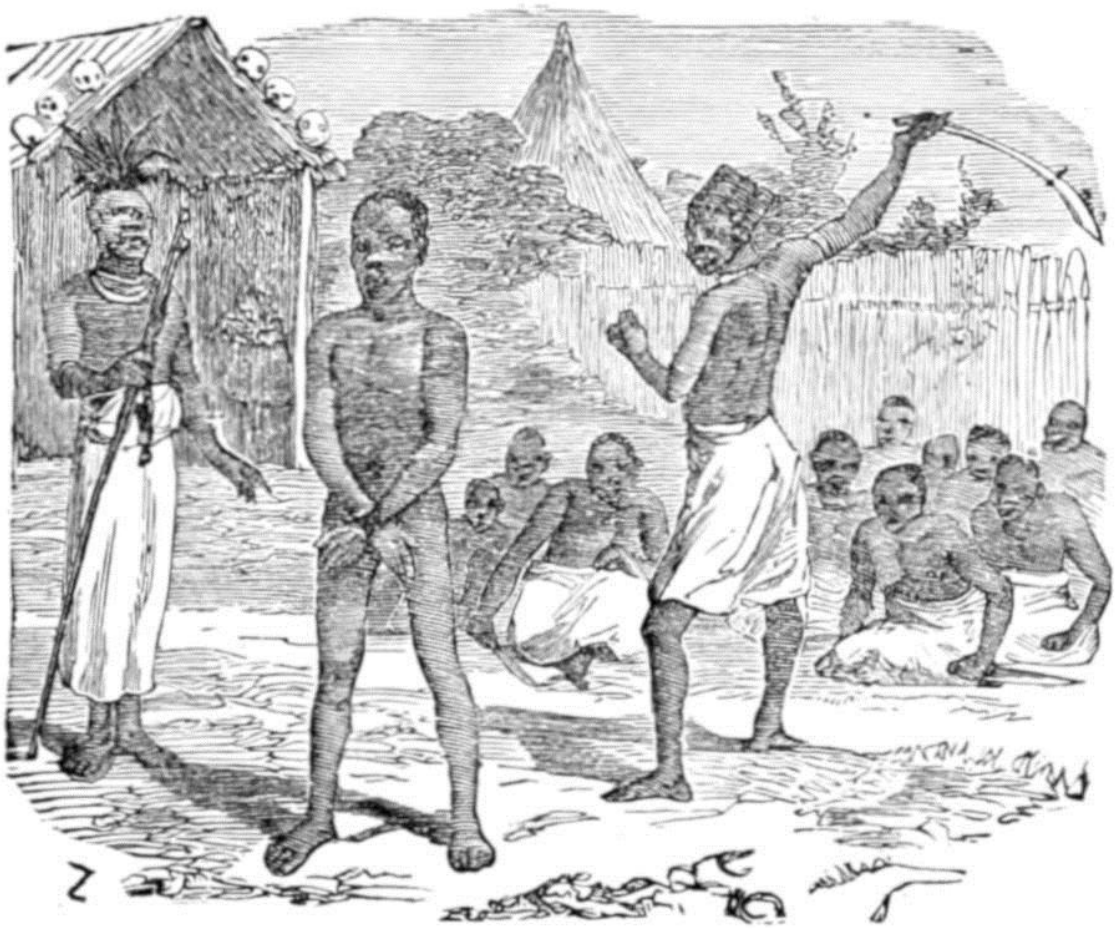
(1.) ДЕНЬ ОМОВЕНИЯ.
(См. стр. 648.)



(2.) КОРОНАЦИЯ КОНГО.
(См. с. 616.)

Ее главной целью было основать народ амазонок. Она разрешила разврат до самого предела, но браки были полностью запрещены, и, как только женщины уставали от своих спутников-мужчин, последних убивали и съедали, а их место занимали военнопленные. Всех детей мужского пола убивали, и она уже почти достигла цели своих устремлений, когда ее отравил молодой человек, в которого она неистово влюбилась и от которого неосмотрительно приняла чашу вина на банкете.

Примечательно, что примерно через сто лет после смерти Тембандумбы королевство захватила другая женщина-воин. Ее звали Синга, и она получила власть, едва ли меньшую, чем у ее предшественницы. Однако она была мудрой в своем поколении и, сразившись с португальцами и потерпев от них поражение, заключила покорный мир и сохранила свое королевство в безопасности.



КАЗНЬ ДЖУ-ДЖУ.
(*См. стр. 602.*)

ГЛАВА LXII.
БОРНУ.

ПОЛОЖЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА БОРНУ - ВНЕШНИЙ ВИД ЖИТЕЛЕЙ - СПОСОБ УКЛАДКИ ВОЛОС - ПРИЕМ У СУЛТАНА - ПРИДВОРНАЯ ОДЕЖДА - ШЕЙХ БОРНУ - ЕГО ДВОРЕЦ И СЛУГИ - ЕГО БЛАГОРОДНЫЙ И ЭНЕРГИЧНЫЙ ХАРАКТЕР - ПРИЕМ ГВАРДЕЙЦЕВ - ИХ ОРУЖИЕ И ДИСЦИПЛИНА - ПЕХОТА КАНЕМБУ - ПРАВОСУДИЕ ШЕЙХА - ЕГО ПОЛИТИКА И ТАКТ -

ИЗВЕСТНАЯ СПОСОБНОСТЬ К ЧАРАМ - ЕГО РЕВНОСТЬ К РЕЛИГИИ - СТРАШНОЕ НАКАЗАНИЕ - АРХИТЕКТУРА БОРНУ - ЛЮБОПЫТНЫЕ СПОСОБЫ ЛОВЛИ РЫБЫ И ОХОТЫ - ПРИВЫЧКИ И ОБЫЧАИ КАНЕМБУ.

На западной стороне озера Чад, между 10° и 15° северной широты и 12° и 18° восточной долготы, расположено большое королевство Борну, которое охватывает значительное число племен и имеет достаточную важность, чтобы заслужить внимание. В Борну насчитывается около двенадцати или тринадцати крупных городов, и в стране говорят по меньшей мере на десяти различных диалектах, некоторые из которых возникли благодаря присутствию шуа, которые сами говорят почти на чистом арабском языке.

Чистый народ Борну, или Кановри, как они себя называют, не отличается красотой: у них крупные, плоские и довольно невыразительные лица, с плоскими носами и большими ртами. Губы, однако, не такие, как у негров, а лоб высокий, что свидетельствует о большем количестве интеллекта, чем полагается настоящему негру.

Как правило, борнуэзы - небогатый народ, и одеты они весьма скромно: сами носят что-то вроде рубашки цвета индиго, а если они достаточно обеспечены, то две или даже три таких одежды, в зависимости от их средств. Голову тщательно бреют, а лучшие слои населения носят шапку темно-синего цвета, алые шапки полагаются султану и его двору. Когда они ходят, то всегда несут тяжелую палку с огромным набалдашником на верхушке, похожую на батон барабанщика, и маршируют в манере этого важного чиновника.

Женщины примечательны тем, как они укладывают волосы. Они делят волосы на три продольных валика, толстых в середине и уменьшающихся к концам. Один из этих валиков проходит по макушке головы, остальные лежат над ушами, три точки соединяются на лбу и прочно удерживаются на своих местах густой повязкой из пчелиного воска и индиго. Другие концы валиков очень тонко заплетают, а затем закручивают, как завитые перья хвоста селезня.

Иногда волосы немного изменяют, используя пять валиков вместо трех. Женщины так любят индиго, что красят им брови, руки, ступни и ноги, используя румяную хну для ладоней и ногтей на пальцах рук и ног, а черную сурьму - для ресниц. Бусы, браслеты и другие украшения носят в изобилии, в основном из рога или латуни. Серебро и слоновая кость украшают женщин высокого ранга. Платье состоит в основном из синей, белой или полосатой простыни, называемой *тооркади*, которая оборачивается вокруг тела под мышками и опускается до колен. Это обычный костюм, но если женщина хорошо обеспечена, она добавляет второй тооркади, который носит как мантилью, на голове и плечах.

Как и другие африканские племена, хотя они и принадлежат к магометанской религии, они широко используют татуировку. Двадцать надрезов делаются на каждой стороне лица, сходясь в углах рта, от угла нижней челюсти и скул, а один надрез проходит по центру лба. Шесть надрезов делают на каждой руке, еще шесть - на бедрах и столько же - на ногах, четыре - на каждой груди и девять - на каждой стороне чуть выше тазобедренной кости. Все это делается еще в младенчестве, и бедняжки испытывают страшные мучения не только от боли в ранах, но и от бесчисленных мух, которые садятся на сто три пореза, которыми отмечено их тело.

Борнуэзы управляются, по крайней мере номинально, главным вождем или султаном, который проводит свой суд с самыми причудливыми церемониями. Когда путешественники Денхем и Клаппертон отправились засвидетельствовать ему свое почтение, накануне

вечером их посетил один из королевских камергеров, который демонстрировал огромный посох, похожий на батон барабанщика, носил восемь или десять рубашек, чтобы показать свое богатство, а на голове у него был тюрбан огромных размеров. По его приказу для белых гостей поставили шатер, а вокруг него натянули льняную ширму, которая в два счета защищала от солнца и людей и пропускала воздух. Для их трапезы был прислан королевский банкет, состоящий из семидесяти или восьмидесяти блюд, каждое из которых было достаточно большим, чтобы хватило на шесть человек, и, чтобы белым не понравилась туземная кухня, султан, проявив большую предусмотрительность, прислал также несколько живых птиц, которых они могли приготовить сами.

На следующее утро, вскоре после рассвета, их позвали к султану, который сидел в своеобразной клетке, словно дикий зверь. Никому не разрешалось приближаться к нему на значительное расстояние, и по придворному этикету каждый человек проезжал верхом на лошади мимо клетки, а затем садился и преклонял колено перед султаном. Самая странная часть церемонии заключается в том, что как только придворный совершает поклоны, он садится на землю *спиной* к своему монарху. Около трехсот придворных занимают таким образом свои места, и ничто не может быть более смехотворным, чем их внешний вид: их тела были одутловаты от сменяющих друг друга одеяний, головы покрыты тюрбанами самых нелепых размеров, а их тонкие ноги, виднеющиеся под объемными одеждами, показывали, что размеры головы и тела были просто искусственными.

На самом деле, все это притворство, султан - главный притворщик, а остальные - подражатели своему государю. Султан не имеет реальной власти, истинная власть находится в руках шейха, который командует армией. Те, кто служит при дворе Борну, по древнему этикету обязаны иметь очень большие головы и животы, а поскольку такие дары природы встречаются нечасто, искусственное увеличение обеих областей считается достаточным соблюдением обычая. Поэтому придворные набивают себя ватой до такой степени, что, когда они садятся на лошадь, их животы кажутся выступающими над попоной седла, а восемь или десять рубашек, которые они надевают одна на другую, помогают преувеличить очертания и превратить человеческое тело в бесформенный комок.

Их головы покрыты огромными складками льна или муслина разных цветов, но преобладает белый; а те, кто наиболее тщательно следит за своей одеждой, складывают свои огромные тюрбаны так, чтобы их головы казались однобокими и как можно меньше походили на свою первоначальную форму. Кроме всех этих халатов, рубашек и подкладок, они носят огромное количество амулетов, которые складывают в красные кожаные мешочки и развешивают по всему телу. Султана всегда сопровождают его трубачи, которые издают жуткие звуки на длинных деревянных трубах, называемых фрум-фрумами, а также карлики и другие гротескные фавориты.

На войне, как и в мире, султан номинально является командующим, а на самом деле - просто ничтожество. Он сопровождает шейха, но никогда не отдает приказов и даже не носит оружия - считается, что активно сражаться ниже его достоинства. Один из султанов лишился жизни из-за этого правила. Согласно обычаю, он сопровождал шейха в войне против великого врага Борну, султана Бегарми, и, вопреки обычному результату таких сражений, бой закончился против него, и он был вынужден спасаться бегством. К несчастью для него, хотя он от природы был пригоден для королевской власти, будучи крупнотелым и обладая огромным весом, его лошадь не могла нести его достаточно быстро. Он бежал в Ангалу, один из своих главных городов, и если бы он мог войти в него, то был бы в безопасности. Но его огромный вес так расстроил лошадь, что животное внезапно остановилось у ворот, и его невозможно было побудить к движению.

Султан, верный принципу *noblesse oblige*, сразу же принял положение. Он сошел с коня, закутал лицо в шаль, которой была покрыта его голова, сел под дерево и умер, как подобало его рангу. Двенадцать его приближенных отказались покинуть своего господина и благородно разделили его смерть.

Вокруг султана стоят его неизбежные музыканты, непрерывно дующие в свои фрум-фрумы или трубы, длина которых иногда достигает десяти или двенадцати футов, а впереди идет его прапорщик, несущий свой штандарт, который представляет собой длинный шест, обвешанный по верху полосками цветной кожи и шелка. По обе стороны от него идут два офицера с огромными копьями, которыми они, как предполагается, защищают своего монарха. Однако это такая же фикция, как и остальные действия; во-первых, копьеносцы так толсты, а их оружие так громоздко, что они не могут выполнить ни малейшей задачи, и, чтобы сделать копья еще более безвредными, их покрывают чарами от головы до острия.

Уже упоминалось, что реальная власть в Борну принадлежит не султану, а шейху. Этот правитель оказался человеком простых привычек, но окруженным состоянием, равным султанскому, хотя и отличающимся по степени. Одетый в простой синий халат и шалевый тюрбан, он предпочитал спокойно сидеть в маленькой и темной комнате в сопровождении двух своих любимых негров, вооруженных пистолетами, и со скобой пистолетов, лежащей на ковре перед ним.

Но подходы к этой комнате строго охранялись. У ворот стояли часовые, которые перехватывали желающих войти и не позволяли им подняться по лестнице, ведущей в апартаменты шейха, пока они не убедятся в этом. На вершине лестницы стояли негры-охранники, вооруженные копьями, которые они скрещивали перед посетителем и снова допрашивали его. Затем проходы, ведущие в покои шейха, были усеяны рядами сидящих на корточках слуг, которые стаскивали с посетителей туфли и постоянно мешали им идти, хватая за лодыжки, чтобы те не нарушили этикет, идя слишком быстро. Если бы не теснота в переходах, гости несколько раз упали бы на лицо от усердия этих придворных.

Наконец их впустили, и они обнаружили, что этот грозный властитель - необычайно тихий и непритязательный человек, хорошо относящийся к путешественникам и очень благодарный им за двуствольное ружье и пистолеты, которые они ему подарили. В ответ он щедро кормил их, посылая рыбу на верблюдах и другие продукты в таком же количестве.

В соответствии с его воинственным нравом разговор шел в основном о военных делах, особенно о том, как лучше атаковать города, обнесенные стенами. Рассказ о прорыве батарей произвел на него большое впечатление, а демонстрация пары ракет утвердила его в уважении к мудрости англичан. Будучи человеком вдумчивым, он попросил выпустить несколько ракет, поскольку в городе было несколько враждебных шуа. Ракеты были выпущены, и они возымели желаемый эффект, напугав не только шуа, но и всех жителей города, выведя их из себя, и даже крепкие нервы самого шейха были сильно расшатаны.

Шейх был очень дисциплинированным человеком и управлял своей дикой кавалерией с необыкновенным мастерством, о чем свидетельствует рассказ майора Денхэма. "Наши рассказы о состоянии страны были настолько противоречивы, что нельзя было составить никакого мнения о реальном состоянии и численности ее жителей. Нам говорили, что солдаты шейха - это несколько оборванных негров, вооруженных копьями, которые живут за счет грабежей черных каффиров, которыми он был окружен и которых он смог покорить с

помощью нескольких арабов, состоящих у него на службе; и, опять же, нас уверяли, что его войска не только многочисленны, но и в определенной степени регулярно обучены. Степень доверия к этим сообщениям была почти уравновешена на весах вероятности, и мы продвигались к городу Коука в интереснейшем состоянии неуверенности, найдем ли мы его вождя во главе тысяч людей или будем приняты им под деревом в окружении нескольких голых рабов.

"Однако эти сомнения быстро развеялись. Я проехал небольшое расстояние перед Бу-Халумом с его отрядом арабов, верхом и в лучших одеждах, и из-за густоты деревьев потерял их из виду. Полагая, что дорогу нельзя перепутать, я поскакал дальше и, подъехав к месту, менее густо засаженному деревьями, с удивлением увидел перед собой корпус из нескольких тысяч кавалеристов, выстроившихся в линию и вытянувшихся вправо и влево, насколько хватало глаз. Посадив лошадь, я ожидал прибытия своего отряда под тенью широко раскинувшейся акации. Войско Борну стояло совершенно спокойно, без шума и смятения, и только несколько всадников, которые двигались впереди, давая указания, были единственными, кто выбивался из строя.

"При появлении арабов люди шейха подняли крик, разорвавший воздух; из их грубых музыкальных инструментов раздался такой же громкий звук, и они двинулись навстречу Бу-Халуму и его арабам. В их движениях чувствовался такт и управление, что меня поразило. Три отдельных отряда из центра каждого фланга стремительно неслись к нам, находясь в нескольких футах от голов наших лошадей, не сбавляя скорости до момента остановки, в то время как весь отряд двигался вперед.

Эти отряды были посажены на небольших, но очень совершенных лошадей, которые останавливались и поворачивались с предельной скоростью с величайшей точностью и мастерством, потрясая копьями над головой и восклицая: "Благословение, благословение! Сыны своей страны! Сыны своей страны!" и быстро возвращались в переднюю часть корпуса, чтобы повторить атаку. Пока все это происходило, они сомкнули свои правый и левый фланги и окружили маленькое тело арабов так полно, что комплимент, сделанный им в знак приветствия, выглядел как выражение презрения к их слабости.

"Я был совершенно уверен, что это было сделано заранее; мы все были так тесно прижаты друг к другу, что почти задыхались, и находились в некоторой опасности от тесноты лошадей и столкновения копий. Двигаться дальше было невозможно, и мы остановились. Наш вождь был в ярости, но все было без толку: ему отвечали только крики "Добро пожаловать!" и неприятный стук копий над нашими головами, выражавший те же чувства.

"Однако это раздражение было недолгим. Барка Гана, первый генерал шейха, негр благородного вида, одетый в фигурный шелковый халат и верхом на прекрасной лошади Мандара, появился, и после небольшой задержки тыл был очищен от тех, кто наседал на нас, и мы двинулись вперед, хотя и очень медленно, из-за частых препятствий, создаваемых на нашем пути этими дикими воинами.

"Негры шейха, как их называли, то есть чернокожие вожди и генералы, возведенные в это звание за храбрость, были одеты в почтовые плащи, состоящие из железных цепей, которые охватывали их от горла до колен, разделяясь сзади и заходя с каждой стороны на лошадь. Некоторые из них носили шлемы, или, скорее, черепные крышки, из того же металла, с подбородком, достаточно прочные, чтобы отразить удар копья. Головы их лошадей также защищали пластины из железа, латуни и серебра, оставляя достаточно места для глаз животного".

В моей коллекции есть одно из замечательных копий, которые носили эти всадники. Общая длина его составляет почти шесть футов, из которых длинное, тонкое, похожее на лист лезвие занимает двадцать дюймов. Диаметр древка в самой толстой части составляет пять восьмых дюйма, но уменьшается к головке и прикладу. Материалом для древка служит твердая темная древесина, которая хорошо поддается полировке и имеет насыщенный коричневый цвет. Головка крепится к древку с помощью довольно длинного раструба, а на прикладе имеется нечто вроде железного шипа, также снабженного раструбом, так что длина деревянной части копья составляет всего тридцать два дюйма. Это легкое, хорошо сбалансированное и, судя по всему, удобное оружие.

Кроме этого оружия, есть еще несколько других, как наступательных, так и оборонительных. Вожди носят действительно хорошо сформированный кирасу, сделанную из железных пластин, с оригинальным дополнением в виде своеобразного стального воротника, прикрепленного к задней части кирасы и защищающего затылок. Кираса состоит из пяти стальных пластин, уложенных горизонтально и приклепанных друг к другу, и стольких же пластин, прикрепленных к ним перпендикулярно и образующих заднюю часть и плечевые ремни. С одной стороны она открывается, чтобы ее можно было надевать и снимать, а две половины скреплены петлями и звеньями, которые заменяют ремни и пряжки.

Лошади вождя также отличаются количеством доспехов, которыми они защищены: железный налобник закрывает весь лоб и доходит до ноздрей.

На луке седла висит боевой топор, по форме напоминающий те топоры, с которыми мы так хорошо знакомы в Южной и Центральной Африке, но отличающийся от них тем, что железная цепь пропущена через отверстие в той части головки, которая проходит через набалдашник на конце рукояти, а другой конец цепи прикреплен к кольцу, которое свободно скользит вверх и вниз по рукояти. Такое расположение позволяет воину закрепить и заменить головку топора, если она будет выбита из рукояти в пылу сражения. Длинный обоюдоострый кинжал, по форме почти в точности повторяющий наконечник копья, крепится к левой руке с помощью ремешка и носится рукоятью вниз.

Пехота носит с собой, наряду с другим оружием, железный топор, по форме напоминающий серп и очень похожий на оружие, которое, как уже упоминалось, используется племенами Неам-Нам и Фан. Он называется "хунга-мунга" и используется для метания в отступающего врага. Пехота состоит в основном из негров Канембу. Это высокая, мускулистая раса, которая, будучи к тому же мужественной, вполне заслужила то уважение, в котором ее держат хозяева. В отличие от всадников, они почти полностью обнажены, их единственной одеждой является довольно причудливый пояс, или "шпорран" из козьей шкуры, с волосами, все еще остающимися на коже, и несколько полосок ткани, называемых "губками", повязанных вокруг головы и поднесенных к носу. Эти губки являются валютой страны, так что солдат носит свое богатство на голове.

Их основное оружие - копье и щит. Первое - очень страшное оружие, семь футов или около того в длину, вооруженное множеством крюкообразных колючек. Щит изготавливается из древесины фого, дерева, растущего на мелководье озера Чад, которое настолько легкое, что, хотя щит достаточно велик, чтобы защитить все тело и верхнюю часть ног, он весит всего несколько фунтов. Куски дерева, из которых он изготовлен, скреплены полосками сырой бычьей шкуры, на которых в качестве украшения оставлен волос, и которые, выполнив свою функцию, проходят по внешнему краю щита в виде вандыка. Щит имеет слегка выпуклую форму. Кроме копья и щита, воин канембу чаще всего носит на левой руке кинжал, подобный уже описанному, но не столь аккуратно сделанный. О канембу будет рассказано далее.

По меньшей мере девять тысяч этих чернокожих солдат находятся под командованием шейха и разделены на полки численностью в тысячу или около того. Можно представить, что это действительно грозные войска, особенно под командованием такого вождя, который, как видно из описания смотра майора Денхэма, ввел строгую дисциплину и грубую тактику. Шейх приказал вывести солдат Канембу и галопом поскакал к ним на своем любимом коне в сопровождении четырех султанов, находившихся под его командованием. Его подчиненные были нарядно украшены алыми бернусами, отделанными золотыми кружевами, а сам он сохранял обычную простоту одежды: его халаты были белыми, а тюрбан украшала кашемировая шаль. Как только он дал сигнал, канембу подняли оглушительный крик и начали свои маневры, причем их офицеры отличались тем, что носили темно-синий халат и тюрбан.

"Приблизившись к месту, где расположился шейх, они ускорили шаг и, несколько минут ударяя копьями о щиты, что произвело чрезвычайно грандиозный и ошеломляющий эффект, отошли к внешней стороне круга, где снова построились и стали ждать своих товарищей, которые сменили их в том же порядке. Судя по всему, между этими солдатами и шейхом существовала большая привязанность. Он пустил свою лошадь вперед, в середину некоторых племен, когда они подъезжали, и заговорил с ними, в то время как мужчины толпились вокруг него, целуя его ноги и стремена его седла. Это было очень приятное зрелище. Казалось, он чувствовал, насколько его нынешнее возвышение было обусловлено их усилиями, а они проявляли преданность и привязанность, заслуживающие самого большого доверия.

"Признаюсь, я был сильно разочарован тем, что не увидел участия этих войск в бою, хотя это с лихвой компенсировалось воспоминаниями о бойне, которую удалось предотвратить благодаря этому разочарованию".

Кажется довольно любопытным, что этот вождь, столь воинственный во всех своих помыслах, взял с собой на поле боя женщин, особенно когда ему пришлось сражаться с ужасными лучниками Мунга, чьи отравленные стрелы несут верную смерть всем, кто ими ранен. И все же, когда бы он ни выходил на поле боя, его сопровождали три его любимые жены, которые были посажены на обученных лошадей, каждую из которых вел мальчик, а все их фигуры и лица были так закутаны в широкие одежды, что человеческий облик едва можно было различить. Султан, как и подобает его высокому положению, берет с собой неограниченное количество жен в сопровождении небольшого двора дворцовых служащих. Девять, однако, - это обычное число, выделенное султану, и около сотни некомбатантов, чтобы ждать их.

Армия, как бы хорошо она ни была организована, не проявляет признаков дисциплины до тех пор, пока не приблизится к врагу; войска маршируют как им вздумается и умиляют дорогу песнями и сказками. Но как только они приближаются к опасной территории, шейх дает команду, и все становятся на свои места, превращаясь в стойкие и хорошо дисциплинированные войска.

Место шейха - не самое опасное, ведь помимо ответственности за командование и практической заботы о громоздкой персоне султана, он является объектом, на который нацеливаются все враги, прекрасно понимая, что если им удастся убить шейха, победа им обеспечена. Этот шейх полностью игнорировал все представления о личной опасности и был самой заметной фигурой в армии. Он марширует впереди своих солдат, а перед ним несут пять флагов - два зеленых, два полосатых и один красный, на которых золотыми буквами написаны выдержки из Корана. За ним едет его любимый помощник, несущий щит, почтовый плащ и шлем своего господина, а рядом с ним - носитель его барабана, который

считается почти равноценным ему самому по стоимости. Бегармцы говорят об этом шейхе, что нападать на него бесполезно, потому что он обладает способностью становиться невидимым; и что однажды, когда они разбили его армию и преследовали самого шейха, они не смогли увидеть ни его, ни его барабан, хотя инструмент непрерывно звучал.

Прежде чем перейти к другой части этой темы, мы закончим наш рассказ об этом шейхе. Его звали Аламин Бен Мохаммед эль Канеми, и, судя по портрету майора Денхэма, он был человеком выдающимся, его смелые черты лица выражали энергичный характер даже под складками тюрбана и тобе, в которые он обычно закутывался. Будучи фактическим правителем королевства, он вершил правосудие, а также вел войну, причем делал это с суровой беспристрастностью.

Однажды, когда раб преступил закон и был приговорен к смерти, его хозяин обратился к шейху с просьбой не применять высшую меру наказания, заявив, что, поскольку раб является его собственностью, реальное наказание ляжет на него, который даже не подозревал о преступлении своего раба. Шейх признал правоту доводов, но сказал, что нельзя ожидать, что государственное правосудие уступит частным интересам. Поэтому он приказал казнить провинившегося, но заплатил хозяину цену из собственного кошелька.

Не менее рассудительным он был и в обеспечении своей власти. Его любимым офицером был Барка Гана, о котором мы уже упоминали. Эль Канеми питал к этому человеку особую симпатию и поручил ему управление шестью округами, а также обогатил его количеством рабов, лошадей и другим ценным имуществом. Случилось так, что однажды Эль Канеми прислал ему лошадь, которую по неосторожности пообещал другому человеку и от которой, соответственно, Барка Гана должен был отказаться. Разгневанный таким поступком, он отослал обратно шейху всех подаренных ему животных, сказав, что в будущем будет ездить на своих собственных.

Эль Канеми был не тем человеком, который мог бы безнаказанно выслушать такое дерзкое послание. Он послал за Барка Ганой, снял него на месте всю его роскошную одежду, заменил кожаный пояс раба на его одеяния и приказал продать его в рабство тиббузам. Смирившись, опозоренный генерал признал справедливость приговора и лишь попросил, чтобы неудовольствие его господина не коснулось его жен и детей. На следующий день, когда Барка Гана собирались увести в Тиббус, негры-телохранители, которые, похоже, уважали своего генерала за храбрость, несмотря на его надменные и несколько властные манеры, явились к шейху и умоляли его помиловать их командира. Как раз в этот момент опозоренный вождь предстал перед своим оскорбленным хозяином, чтобы попрощаться с тиббу, которым он был продан.

Эль Канеми был совершенно потрясен этим зрелищем, опустился на свой ковер, заплакал, как ребенок, позволил Барка Гане обнять его колени и даровал свое вольное прощение. "Вечером было большое и всеобщее ликование. Били бубны, канембу кричали и били по щитам; все говорило о радости, и Барка Гана, в новых одеждах и богатой бернузе, объехал лагерь, за ним следовали все вожди армии".

Даже в войне Эль Канеми позволял политике и такту преодолевать национальное чувство мести. Например, грозное племя мунга, о котором мы сейчас расскажем, оказалось очень беспокойным, и шейх пригрозил истребить его - угрозу, которую он, конечно, мог бы выполнить, хотя и с большими потерями для жизни. Однако он не собирался выполнять эту угрозу, а попытался, используя их страхи и интересы, примирить их и сделать своими союзниками, а не врагами. Он не только напугал их своими великолепными войсками, но и поразил своими писательскими способностями, три ночи подряд переписывая огромное

количество очаровательных предложений. Неграмотные мунгасы сочли такое действие доказательством сверхъестественной силы и уступили его мудрости то, что не уступили бы его реальной силе. Они говорили, что бесполезно бороться с человеком, обладающим такой страшной силой. Ночь за ночью, пока он писал эти мощные слова, их стрелы затуплялись в колчанах. Их копья разлетались на куски, а оружие выносилось из хижин, так что некоторые из вождей совсем заболели от ужаса, и все согласились, что лучше сразу заключить мир. До их ушей также донеслось выступление майора Денхэма с ракетами, и это еще больше усилило всеобщее смятение.

Он довел свое рвение к религии до крайнего фанатизма, возомнив себя блюстителем общественной морали и наказывая проступки самыми суровыми карами. Особенно суров он был к женщинам, за которыми бдительно следил с помощью своих шпионов. Однажды две молодые девушки семнадцати лет были признаны виновными и приговорены к повешению. Были сделаны большие внушения. Любовник одной из девушек, который ранее предлагал жениться на ней, пригрозил убить любого, кто накинет веревку ей на шею, и всеобщее волнение охватило все вокруг. Шейх долгое время оставался неумолим, но в конце концов усугубил ситуацию, приказав публично обрить им головы на рынке - позор, который едва ли можно вынести, чем смерть.

В другой раз провинившиеся преувеличили свое преступление, совершив его во время поста Рамадан. Мужчину приговорили к четыремстам полосам, а женщину - к половине этого числа. Наказание последовало незамедлительно. С женщины сняли украшения и все одежды, кроме ткани, одетых вокруг середины, и обрили ей голову. Затем ее подвешивали за ткань и приводили в исполнение наказание.

С ее партнером обращались гораздо хуже. Кнут был страшным оружием, сделанным из кожи гиппопотама и имеющим металлический набалдашник на конце. Каждый удар наносился по спине, так что плеть закручивалась вокруг тела, и тяжелый набалдашник со страшной силой обрушивался на грудь и живот. Не успели нанести и половины ударов, как изо рта обильно потекла кровь, а через некоторое время после того, как преступника повалили, он был мертв. Как ни странно, он признал справедливость приговора, поцеловал оружие, присоединился к исповеданию веры, которое было произнесено перед началом наказания, и ни разу не издал ни единого крика.

Свирепый на войне и, как мы видели, дикий фанатик в религии, шейх был не чужд и более мягких чувств. Майор Денхем показал ему диковинную музыкальную табакерку, сладость которой заворожила его. Он сидел, положив голову на руки, как во сне, а когда кто-то из его придворных заговаривал, он наносил ему жестокий удар за то, что тот прерывал сладкие звуки.

Наказанием за воровство обычно служила жестокая порка и крупный штраф. Но в случае первого проступка молодого преступника закапывали в землю по плечи, а голову и шею обмазывали медом. Рои мух, селившиеся на голове несчастного, делали его существование жалким в течение всего времени, пока он был похоронен, и никто из тех, кто однажды подвергся такому наказанию, не рискнул бы подвергнуться ему снова, даже если бы оно не наносило постоянного вреда, как плеть. Обезглавливание также является наказанием для магометан, в то время как "кафиров" либо закалывают, либо распинают, иногда они живут в мучениях по несколько дней.

К рабам борнуэс относятся с большой добротой и считают их почти членами семьи своего хозяина, их положение очень похоже на положение рабов или слуг, как их называют, в патриархальные века. Значительная часть маркетинга осуществляется женщинами-

рабынями, которые выводят на рынок целые вереницы волов, нагруженных товарами или коровьим мясом, и ведут дело с идеальной честностью. Кстати, рынок, на котором эти женщины покупают и продают, - действительно удивительное место. Он регулируется самым строгим образом и разделен на районы, в каждом из которых продаются разные товары. Им управляет шейх, который регулирует все цены и получает небольшую комиссию в полпроцента с каждой покупки, превышающей четыре доллара. Ему помогают дилалы, или маклеры, которые ставят свою личную метку на каждой посылке.

Все место заполнено рядами киосков, в которых можно найти все, что только может пожелать борнуэсец, и одно из главных удобств этого места заключается в том, что посылку никогда не нужно осматривать, чтобы выяснить, не было ли совершено какое-либо мошенничество. Если посылка, вскрытая дома, оказывается бракованной, покупатель отправляет ее обратно в дилалу, которая обязательно найдет продавца и заставит его забрать посылку и вернуть деньги. В качестве примера странных вещей, которые продаются на этом рынке, майор Денхам упоминает, что ему предложили молодого льва. Он был совершенно ручным, его водили на веревке вокруг шеи, и он ходил среди людей, не проявляя никакой свирепости. Прирученные львы, похоже, вошли в моду в Борну, поскольку шейх впоследствии прислал майору Денхаму другого льва, такого же прирученного.

Архитектура Борнуэ превосходит архитектуру Дахоме. "Города, - пишет майор Денхам, - как правило, большие и хорошо построены: их стены имеют тридцать пять и сорок футов в высоту и почти двадцать футов в толщину. У них четыре входа, с тремя воротами на каждом, сделанными из прочных досок толщиной восемь или десять дюймов и скрепленных между собой тяжелыми железными хомутами. Дома состоят из нескольких дворов между четырьмя стенами, из которых выходят квартиры для рабов, затем проход и внутренний двор, ведущий в жилища разных жен, каждая из которых имеет квадратное пространство, обнесенное стенами, и красивую соломенную хижину. Оттуда также поднимаются по широкой лестнице в пять или шесть ступеней, ведущей в апартаменты хозяина, которые состоят из двух зданий, похожих на башни или башенки, с террасой сообщения между ними, выходящей на улицу, с кастеллированным окном. Стены сделаны из красноватой глины, гладкой, как камень, а крыши с большим вкусом обнесены изнутри ветвями, а снаружи - травой, известной в Бомбее под названием *лидтер*.

"Рога газели и антилопы служат заменой гвоздям или колышкам. Их закрепляют в разных частях стен, и на них вешают колчаны, луки, копья и щиты вождя. Знатный человек иногда имеет четыре таких террасы и восемь башен, образующих лицо его особняка или владения, а все апартаменты его женщин находятся в пространстве под ними. Лошадям и другим животным обычно предоставляют загон возле одного из внутренних дворов, образующих вход".

Такие дома принадлежат только богачам, а дома бедняков гораздо проще: они строятся из соломы, тростника или циновок, причем последние - самый любимый материал.

Как это часто бывает в полигамной Африке, у каждой жены есть свой особый дом, или, скорее, хижина, которая обычно называется "кузи", *то есть* построена полностью из палок и соломы. Жены обязаны быть очень скромными в присутствии своих мужей, к которым они всегда подходят на коленях, и им не разрешается разговаривать ни с кем из мужского пола, кроме как стоя на коленях и с покрытыми головой и лицом. Замужество в Борну происходит позже, чем во многих других частях Африки: девушки почти никогда не выходят замуж до полных пятнадцати лет, а в основном они на год или два старше.

Свадьбы проходят торжественно и шумно. Невеста садится на спину вола и едет к дому жениха в сопровождении матери и друзей, а за ней следуют другие волы, несущие ее приданое, которое в основном состоит из тооркади и других одеяний. Все ее друзья-мужчины на лошадях и мчатся к ней на полном скаку, что является общепринятым приветствием в таких случаях. Жених в это время шествует по улицам с кричащей толпой за ним или сидит в своем доме с такой же кричащей толпой перед ним, выкрикивая громкие поздравления, дудя в рожки, бьют в барабаны и, в общем, дают волю своей африканской природе.

В этой стране у людей есть весьма изобретательный метод борьбы с последствиями ливней, которые налетают внезапно, выливают воду, словно из ведра, а затем проходят. Из-за высокой температуры дождь быстро испаряется, так что даже после одного из таких ливней, хотя поверхность земли на время превращается в болото, пересеченное речушками с бегущей водой, песчаная почва остается совершенно сухой на глубине двух футов или около того.

Как только борнуйцы замечают приближение такой бури, они снимают с себя всю одежду, выкапывают в земле ямки, закапывают одежду и тщательно укрывают ее. Дождь льет и просто купает их обнаженные тела, а как только буря проходит, они снова открывают яму, и надевают сухую одежду. Когда они готовят место для ночного отдыха, то принимают аналогичные меры предосторожности, выкапывая глубокие ямы, пока не доберутся до сухого песка, на котором и устраивают свои постели.

КАНЕМБУ.

Если читатель обратится к иллюстрации на странице 612, то увидит, что рядом с воином канембу стоит его жена. Женщины, как и их мужья, смуглые и хорошо сложены. Они оживлены и бодры в своих манерах и, кажется, всегда готовы посмеяться. Их одежда почти такая же ограниченная, как и у мужей, но они с большим старанием заплетают волосы в многочисленные прядки, которые доходят до шеи. Голову обычно украшает плоский кусочек олова или серебра, свисающий с волос. Этот обычай распространен по всему королевству, и, действительно, основной способ определить, к какому племени принадлежит женщина, - это обратить внимание на цвет и узор ее скудного платья. У большинства женщин канембу на каждой стороне лица висит по нитке медных бус или серебряных колец. В последнем случае на лбу у них чаще всего висит плоский круглый кусочек серебра.

Архитектура канембу очень похожа на архитектуру каффиров южной Африки, а хижины больше напоминают хижины бечуанов, чем зулусов, коса или понда. По внешнему виду их сравнивают со стогами сена, а сделаны они из тростника. Каждый дом находится в аккуратном загоне из того же тростника, внутри которого обычно содержатся коза или две, корова и несколько птиц. Хижина разделена на две части, одна из которых предназначена для хозяина, а другая - для женщин. Его кровать держится на деревянном каркасе и покрыта шкурами диких животных. Окон нет, а место двери занимает циновка.

В этой стране они питаются в основном рыбой, которую добывают из великого озера Чад весьма изобретательным способом. Рыбак берет две большие тыквы и соединяет их крепким бамбуком, достаточно длинным, чтобы его тело легко проходило между ними. Затем он берет

свои сети, к верхней части которых прикреплены поплавки из тростника, а к нижнему краю прикреплены простые грузила из песка, завязанные в кожаные мешочки.

Он запускает тыквы и при этом садится на бамбук так, чтобы одна тыква находилась перед ним, а другая - позади. Закинув сети, он обходит их кругом, разбрызгивая воду, чтобы загнать рыбу в ячеи. Когда он считает, что в сеть попало достаточно рыбы, он осторожно подтягивает ее одной рукой, а в другой держит короткую дубинку, которой убивает каждую рыбу, когда ее голова поднимается над водой. Затем мертвую рыбу отсоединяют от сети и бросают в одну из тыкв; когда они наполняются настолько, что не могут больше вмещать воду, рыбак гребет к берегу, высаживает свой груз и отправляется за новой порцией. У него нет никаких весел, кроме рук, но они являются эффективным инструментом и приводят его в движение так быстро, как он того пожелает.

Женщины очень изобретательно ловят рыбу, образуя своеобразные сети. Тридцать или сорок человек за один раз заходят в воду по грудь. Затем они выстраиваются в одну шеренгу и постепенно продвигаются к илистому берегу, который очень постепенно понижается, ударяя по воде так, чтобы создать как можно больше помех. Испуганные рыбы отступают перед этой грозной линией и, наконец, оказываются в воде, настолько мелкой, что их можно вычерпать руками и выбросить на берег.

Рыба готовится очень просто. Разжигается костер, и когда он разгорается как следует, каждой рыбе в горло втыкается палка. Другой конец палки втыкается в землю рядом с костром, и через некоторое время вокруг костра образуется круг из рыб, которые опускают головы вниз, а хвосты поднимают в воздух, как будто ныряют. Их можно легко накрутить на палки, хвост служит отличным рычагом, и за очень короткое время они основательно прожариваются.

Канембу ловят крупных животных в ловушки, называемые "блаки". Эти блаки сделаны с большим трудом и изобретательностью, и часто используются для защиты городов от туариков и других захватчиков, а также для ловли диких животных. Ямы очень глубокие, а на дне закреплены шесть или семь перпендикулярных кольев с заостренными концами, закаленными частичным обугливанием. Они настолько грозны, что в одну из них упала лошадь туарика и его всадник, и оба были найдены мертвыми, пронзенными кольями.

ГЛАВА LXIII.
ШУА, ТИББУ, ТУАРИКИ, БЕГАРМИ И МУСГУЭ.

ПЛЕМЯ ШУА - ИХ МАСТЕРСТВО В ВЕРХОВОЙ ЕЗДЕ - БУЙВОЛ ШУА.ОХОТА - ПОГОНЯ ЗА СЛОНОМ - СЛЕДЫ АРАБСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ - ТАНЦЫ ШУА - ВНЕШНИЙ ВИД И ОДЕЖДА ЖЕНЩИН - ПЛЕМЯ ТИББУ - ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ - ОДЕЖДА И ВНЕШНИЙ ВИД ОБОИХ ПОЛОВ - ИХ МАСТЕРСТВО ВЛАДЕНИЯ КОПЬЕМ - ТАНЦЫ ТИББУ - ИХ ГОРОДА-УБЕЖИЩА - ТУАРИКИ - ИХ ВОРОВСКОЙ ХАРАКТЕР И ГРУБЫЕ МАНЕРЫ - ПЕНИЕ ТУАРИКОВ - БЕГАРМЫ - МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ НАРОДА - СУЛТАН И ЕГО СВИТА - ЛЮБОПЫТНАЯ АРХИТЕКТУРА - КОСТЮМ И ОРУЖИЕ УЛАН - БОРЦЫ, БОКСЕРЫ И ТАНЦОРЫ - ПЛЕМЯ МУСГУ - ВНЕШНИЙ ВИД ЖЕНЩИН - УКРАШЕНИЕ ДЛЯ ГУБ - ВОЖДЬ МУСГУ И СОПРОВОЖДАЮЩИЕ - КАТАСТРОФИЧЕСКАЯ БИТВА.

Одно из самых важных племен, окружающих озеро Тчад, - племя шуа, которое, как и канембу, было поглощено королевством Борнуан. Их главная ценность - солдатская натура, а поскольку они великолепные наездники, то составляют большую часть кавалерии. Арабы по происхождению, они сохраняют арабский язык и говорят на нем почти в чистом виде, лишь примешивая к нему некоторые слова и фразы борнуанского происхождения. Они представляют собой сильный контраст с чистокровными борнуанцами, которые миролюбивы, тихи, медлительны и добродушны. Они до абсурда робки и, за исключением преследования уже побежденного врага, бесполезны в поле, убегая при малейшем признаке опасности.

Шуа, напротив, смелы, активны, энергичны и отважны, значительную часть своей жизни проводят верхом на лошади, и это такие восхитительные конники, что человек и лошадь выглядят как одно животное. Они могучие охотники, не ограничивающиеся рытьем ям и ловлей упавших в них животных, а смело преследующие свирепых и опасных буйволов и убивающие их одним лишь копьем.

Охотник шуа доезжает до болотистых мест, где любят поваляться бизоны, и выгоняет животных на твердую землю. Затем он выбирает одно из них и преследует его, забираясь с боку и прижимаясь к нему вплотную. Его лошадь обучена бежать бок о бок с буйволом, и тогда всадник стоит, как циркач, на двух животных, одной ногой на спине лошади, а другой - на спине буйвола.

Затем он пронзает копьем плечи буйвола в самое сердце и, если у него есть время, закрепляет еще одно копье. Затем он садится на свою лошадь, которая скачет прочь от раненого животного, чтобы избежать удара рогом, который буйвол может нанести, почувствовав боль от раны. Как правило, раненый буйвол может пробежать лишь очень короткое расстояние, и, как только он зашатается, смелый охотник сходит с лошади и наносит последний удар. Иногда плохо обученная лошадь слишком рвется вперед и так сильно нажимает, что поворот головы буйвола наносит ему тяжелую рану; но старая и опытная лошадь знает об опасности не хуже своего всадника и просто держится достаточно далеко сзади, чтобы избежать удара.

Шуа преследуют слона похожим образом, но, поскольку животное так огромно, двадцать или тридцать охотников обычно объединяют свои силы, один всегда едет впереди, чтобы привлечь внимание разъяренного животного, а остальные следуют за ним и наносят ряд ран, под которыми оно вскоре замирает. Иногда, когда слон очень активен и дик, один из охотников сходит с места и пытается сжать животное, или даже проползает под ним и вонзает свои копья в его живот.

Можно легко представить, что из таких охотников получаются хорошие солдаты, и шейх Борнуана был полностью оправдан, формируя из них столь многочисленный контингент своей армии.

Постоянная практика охоты на диких буйволов делает их смелыми и успешными скотоводами. Они отличные погонщики и умеют заставить целые стада полудикого скота беспрекословно подчиняться им. Ни в чем так не проявляется их мастерство, как в том, что они заставляют скот переходить реки, несмотря на инстинктивный страх перед крокодилами, которые кишат в воде. Один погонщик, вернее, вожак, входит в воду первым, таща за собой быка за веревку, привязанную к кольцу через нос. Как только робкий скот видит, что один из них решился войти в воду, его легко побудить последовать его примеру, и целые стада волов и отары овец переправляются таким образом в безопасности, а шум и брызги, которые они

производят, отпугивают крокодилов. Даже женщины помогают перегонять скот, и нередко роль вожака берет на себя женщина.

Как и следовало ожидать, шуа обладают огромным количеством скота, и майор Денхэм подсчитал, что у этого племени не менее шестидесяти тысяч волов, овец и коз, а также множество лошадей. Шуа, действительно, являются главными коневодами Судана.

Верные своему происхождению, шуа сохранили многие арабские черты. Они не строят домов, а живут в палатках, или скорее передвижных хижинах, состоящих из простого каркаса из палок, покрытых либо кожей, либо камышовыми циновками. Однако они в значительной степени утратили кочевой характер арабов, вероятно, потому, что плодородная почва позволяет их стадам постоянно оставаться на одном и том же месте. Они ставят свои палатки по кругу, каждый такой круг представляет собой город и имеет два отверстия или входа для скота.

Даже губернатор или султан самого большого поселения не живет в доме. Помещение одного из таких правителей, которое посетил доктор Оудни, состояло из большой четырехугольной постройки из циновок, подвешенных на столбах, внутри которой находилось множество маленьких хижин, или скорее палаток, со стенами из того же материала, но с соломенными крышами, и по форме напоминало соломенные ульи. Дверной проем, или отверстие, каждой палатки всегда располагается на западе, потому что дождь всегда идет с востока. Мебель в палатках так же проста, как и их архитектура, и состоит из грубой кровати, нескольких циновок, нескольких тыкв и глиняных кувшинов. Жилище высокопоставленного человека отличается скорлупой страусиного яйца.

Они не только не строят собственных домов, но и никогда не заселяют те, что построили другие, и, хотя они преодолели множество районов, они никогда не заселяли и не завоевывали городов. К окружающим негритянским народам они относятся с величайшим презрением, и все же, со странной непоследовательностью, они всегда подчиняются одному из народов, который они презирают. Вероятно, по этой причине, если они не имеют хорошей службы, они не заботятся о том, чтобы сражаться даже на службе у того народа, которому они служат; и хотя они идут вперед, когда грабеж кажется им досягаемым, они всегда склонны отступать от битвы, когда кажется, что она может пойти против них.

Их развлечения состоят в основном из танцев, один из которых очень своеобразен и исполняется исключительно женщинами. Они продвигаются вперед парами и бросаются в различные позы, сопровождаемые дикой и грубой музыкой оркестра. Внезапно они поворачиваются друг к другу спиной, наклоняются и бьют друг друга задом, стремясь расстроить противника. "Ту, которая сохраняет равновесие и разрушает равновесие соперницы, встречают одобрительными возгласами и выводят с ринга две матроны, закрывая лицо руками. Иногда они сходятся с такой силой, что лопается пояс из бус, который все знатные женщины носят вокруг своего тела чуть выше бедер, и бусы летят во все стороны. Некоторые из этих поясов имеют ширину двенадцать или шестнадцать дюймов и стоят пятнадцать или двадцать долларов.

"Ловкость, однако, часто используется в этих состязаниях с большим успехом, чем сила, и хорошо поставленный финт, выполненный в момент ожидаемого сотрясения, даже когда вес металла был бы очень неравным, часто приводит к тому, что более весомый падает на землю, а другой спокойно сидит на том месте, куда он с большим искусством и ловкостью уронил себя". Шуа особенно счастливы в этих финтах, которые практиковались разными способами: либо внезапно переступая на одну сторону, либо ложась".

Молодые девушки любят прыгать с длинной веревкой, как это практикуется в Европе. Они демонстрируют очень большую ловкость, которой не мешает наличие какой-либо одежды. Майор Денхэм однажды наткнулся на компанию девушек, развлекающихся подобным образом и получающих такое удовольствие от этого вида спорта, что ничто, кроме страха потерять достоинство, не помешало ему присоединиться к ним.

Манеры шуа приятны и мягки. Они гостеприимный народ и свободно отдают молоко, на котором почти полностью живут, как это всегда бывает с пастушеским племенем. Майор Денхам, похоже, был особенно очарован манерами шуа, которые он описывает как необычайно интересные и выразительные. Даже когда девушки приносят гостям молоко, они делают это с некоторой пунктуальностью: каждая садится рядом с чашей и произносит небольшую церемониальную речь, закутав голову в мантию, которую затем снимает, чтобы вести более свободную беседу.

Женщины шуа отличаются своей красотой. У них светло-русый медный цвет кожи, прекрасные открытые лица, аквилинные носы и большие глаза - все это очень примечательно среди негритянских племен, которые их окружают. Женщины особенно хороши собой и напоминают цыганок. Их платье (см. гравюру на стр. 631) состоит из двух оберток, одна из которых обхватывает талию, а другая накидывается на плечи. Последнюю носят по-разному: иногда как шаль, иногда завязывают под мышками, чтобы оставить оба плеча голыми, а иногда перекидывают через одно плечо и подкладывают под другое. На ногах они носят диковинные туфли без каблуков, но поднимающиеся по бокам стопы выше щиколоток. Их волосы уложены довольно любопытным образом: они заплетены в бесчисленное множество маленьких локонов, которые сначала плотно прижаты к голове, а затем внезапно расходятся.

Как бы ни были красивы женщины шуа, их красота вызывает презрение у негритянских племен, среди которых они живут, и которые, естественно, считают, что толстые губы, плоские носы и черная кожа - это единственная настоящая красота мужчины или женщины.

ТИББО.

К шуа, по всей вероятности, примыкают тиббу.

Это небольшая и активная раса, восхитительные наездники, всегда вскакивающие на лошадь одним прыжком, помогая себе древком копья, которое используется как прыжковый шест. Седла у них деревянные, скрепленные ремешками из воловьей шкуры и оставленные открытыми посередине, чтобы не колоть спину лошади. Они хорошо набиты верблюжьей шерстью и достаточно удобны, когда всадник к ним привыкнет. Как подпруга, так и стремена сделаны из плетеной кожи, а сами стремена настолько малы, что на них помещается всего четыре пальца. По сути, седло Тиббу почти полностью повторяет патагонское.

Мужчины очень некрасивы, но женщины вполне симпатичны, а те, кто живет в деревне, лучше сложены и более активны, чем те, кто живет в городах. Цвет кожи медный, носы плоские, а рот очень большой, хотя и без толстых губ, как у негров.

Их одежда представляет собой довольно большую суданскую обертку, сложенную вокруг тела и завязанную на левом плече так, что правая сторона остается голой. Однако она расположена таким образом, что является не только изящным, но и очень деликатным нарядом. Через голову накинута меньшая обертка, которую по желанию натягивают на лицо или откидывают назад. Волосы уложены в треугольные лоскуты, которые спадают по обе стороны лица; на шее у них ожерелья из янтаря, который они очень ценят, а в носу - кусочки красного коралла. Они неизменно носят с собой что-нибудь в качестве солнцезащитного средства: пучок страусиных перьев, пучок длинной травы или даже веточку листьев.

Как ни уродливы эти люди, они чрезвычайно тщеславны в отношении своей внешности; однажды, когда майор Денхэм одолжил одному из вождей тиббу небольшое зазеркалье, тот провел несколько часов за созерцанием своих черт, то и дело разражаясь громкими возгласами радости по поводу собственной красоты, а иногда и подпрыгивая в воздух от восторга.

Они стараются сделать свои некрасивые от природы лица еще менее привлекательными благодаря своей закоренелой привычке принимать нюхательный табак, который они берут как ртом, так и ноздрями, причем последние становятся чрезвычайно расширенными из-за их привычки заталкивать табак в голову пальцами. Их рот также расширен из-за их обычая помещать некоторое количество нюхательного табака между губами и деснами.

Одежда тиббу обычно состоит из одной тобе, или рубашки. Тесная одежда только стесняет их, так как в ней скапливается песок, который сильно раздражает кожу и вызывает почти нестерпимые язвы. У них, однако, есть способ облегчить боль от таких язв: они смазывают их жиром, и этим всегда занимаются женщины. Единственный предмет одежды, по поводу которого они, кажется, беспокоятся, - это тюрбан, который носят высоко на голове, а концы подкладывают под подбородок и поперек лица, чтобы скрыть все, кроме носа, глаз и части лба. Тюрбан окрашивается в темно-синий цвет индиго и украшается огромным количеством амулетов, зашитых в маленькие кожаные футляры.

Их лошади, хотя и небольшие, очень красивы и достаточно сильны, чтобы нести легких и активных мужчин, которые на них ездят. Они содержатся в прекрасном состоянии и питаются почти исключительно верблюжьим молоком, которое они принимают как в свежем виде, так и в виде сгустка. Такая диета им очень подходит, и животные находятся в отличном состоянии.

Тиббу очень боятся арабов, которые нещадно грабят их при первой же возможности. Они лучше своих врагов наездники и лучше управляются с лошадьми, но у них нет огнестрельного оружия, на которое они смотрят с абсолютным ужасом. Майор Денхэм замечает, что "пять или шесть из них будут ходить вокруг дерева, где араб на минуту положил ружье, на цыпочках, словно боясь его потревожить; разговаривать друг с другом шепотом, как будто ружье может понять их восклицания; и, смею сказать, молить его не причинять им вреда так же горячо, как когда-либо Человек Пятница молился мушкету Робинзона Крузо".

(1.) ЖЕНЩИНЫ ШУА.
(См. с. 630.)

(2.) ТУАРИКИ И ТИБУ.
(См. с. 631.)

Хотя у них нет оружия, они более грозные воины, чем кажется на первый взгляд, и бросают копье со смертоносным прицелом и удивительной силой. Бросая копье, они не поднимают руку выше плеча, а когда оно покидает руку, то пальцами придают ему такой поворот, что оно вращается, как винтовочная пуля. Древко упругое, и, когда лезвие ударяется о землю, оно сгибается почти вдвое. Один молодой человек метнул свое копье на восемьдесят ярдов; а поскольку каждый мужчина носит с собой два таких копья, можно представить, что даже арабы со всем своим огнестрельным оружием не более чем соперники тиббу. Они также носят странный меч-ракету, который уже упоминался. Воины носят луки и стрелы, а также два кинжала, один длиной около восемнадцати дюймов, засунутый в пояс, а другой - всего

шесть дюймов в длину, прикрепленный к руке кольцом. Тиббо метафорически называют длинный кинжал ружьем, а короткий - пистолетом.

Танцы женщин тиббу ничуть не похожи на танцы шуа. Танцы являются у них одним из способов приветствия почетного гостя; и когда к ним приближается высокопоставленный мужчина, женщины встречают его танцами и песнями, как дочь Иефтиха встречала своего отца-победителя, а женщины Израиля - Давида после того, как он убил Голиафа.

Эти танцы не похожи на медленные, скользящие движения, с которыми мы обычно ассоциируем восточные танцы. Женщины проявляют огромную активность и порхают в удивительной манере. Они начинают с покачивания головой, руками и телом из стороны в сторону, но постепенно доводят себя до сильного возбуждения, прыгая в воздухе, скрежеща зубами, размахивая руками и, кажется, находясь в совершенном безумии.

Некоторые из поселений Тиббу, или деревень, хитроумно расположены на вершинах скал с почти перпендикулярными сторонами. Положение неудобное, но оно помогает отбиться от нападений туариков, которые совершают набеги на несчастных тиббу, сметают весь скот и другое имущество, которое могут найти, и уводят жителей для продажи в рабство, не щадя ни возраста, ни пола. Поэтому, как только тиббу предупреждают о приближении врагов, они укрываются на вершине скалы, унося с собой все свое имущество, приставляют лестницы, по которым поднимаются, и бросают скот на растерзание захватчикам.

Отчасти по этой причине, а отчасти из-за природной небрежности тиббу почти не следят за своей внешностью, и даже их султан, выйдя на встречу с майором Денхамом, хотя и надел в честь своих гостей новую алую бернузу, надел ее поверх грязной клетчатой рубашки; а его шапочка и тюрбан, которые якобы были белыми, были почти такими же черными, как волосы владельца.

Можно было бы подумать, что постоянные страдания, которым они подвергаются от рук туариков, научат тиббу доброте к своим собратьям, но нет народа, более безрассудного в причинении боли. Работорговцы Тиббу печально известны своим полным безразличием к страданиям пленников, которых они везут на рынок, даже если они теряют многих из них из-за своего бессердечного пренебрежения. Они часто отправляются в путь, имея при себе лишь четверть необходимого количества провизии или воды, а затем ведут своих невольников через обширные пустыни, где те падают от истощения и остаются умирать. Скелеты рабов устилают всю дорогу. Проезжая по ней, путник иногда слышит, как ноги его лошади хрустят среди высохших и хрупких костей мертвецов. Даже вокруг колодцев лежат сотни скелетов - останки тех, кто добрался до воды, но был слишком истощен, чтобы оживить ее. В этом жарком климате кожа умершего человека высыхает и сморщивается под солнцем, как рог, и во многих случаях сохраняются черты лица. Не обращая внимания на денежные потери, которые они понесли, люди, сопровождавшие майора Денхэма, только смеялись, узнавая лица сморщенных скелетов, и били их прикладами своего оружия, смеясь при этом и подшучивая над их нынешней стоимостью на рынке.

Тиббу, судя по их маленькой и активной фигуре, хорошие путешественники, и их нанимают в качестве курьеров для доставки сообщений из Борну в Мурзук - задача, за которую не возьмется никто, кроме тиббу. Посылают двоих, но путешествие настолько опасно, что они не надеются, что оба вернутся в целости и сохранности. Их сажают на самых быстрых дромадеров и снабжают пересохшей кукурузой, маленьким медным тазиком, деревянной миской, немного сушеного мяса и две шкуры воды. Они не только подвергаются обычным опасностям путешествия, таким как горячие ветры, песчаные бури и возможность погибнуть от жажды, но и подвергаются большому риску быть убитыми арабскими разбойниками,

которые не осмеливаются напасть на караван, но рады возможности ограбить беззащитных путешественников.

Такие случаи происходят часто, и в результате тиббу и арабы находятся в вечной вражде, каждый убивает врага при каждом удобном случае, считая каждого убитого очком на своей стороне.

ТУАРИКИ.

Прежде чем покинуть тиббу, мы должны сказать несколько слов об их врагах - туариках. Это, безусловно, нация воров, которые никогда не работают сами и добывают себе пропитание грабежом тех, кто трудится. Они даже не сажают и не сеют, а все их образование заключается в искусстве грабежа, в управлении дромадерами и обращении с копьем. Они живут в палатках, чем-то напоминающих палатки обычных арабов-бедуинов, и, подобно нашим цыганам, испытывают глубочайшее презрение ко всем, кто настолько унизился, чтобы жить в домах и собираться в городах. На гравюре № 2 на странице 631 художник проиллюстрировал характерные черты туариков и тиббу.

Как и цыгане, туарики имеют свой собственный язык, в который они лишь изредка вставляют арабские слова, и свой письменный алфавит, в котором несколько букв в точности повторяют некоторые римские знаки, хотя и не выражают тех же звуков, например H, S и W. Есть также греческие Θ и Λ и еврейское ב, а несколько букв состоят из точек, сгруппированных различным образом. Эти буквы пишутся либо справа налево, как арабские, либо *наоборот*, как европейские языки, либо перпендикулярно, как китайские; в их стране почти на каждом большом камне выгравированы иероглифы туариков. Однако у них нет литературы, и они утверждают, что на их языке не существует ни одной книги. По звучанию язык туариков грубоват, но выразителен и, похоже, способен на силу.

В своих манерах туарики серьезны и степенны, и перед тем, как Денхем и Клаппертон посетили их, гид тщательно прочел им лекцию о правильном поведении: поведение капитана Клаппертона было сочтено слишком веселым и шутливым, чтобы соответствовать серьезным туарикам. Это относится только к мужчинам, женщины же очень жизнерадостны и забавны. Они очень любят петь, объединяясь для этого в небольшие группы, и продолжают свои песни до полуночи. Мужчины, однако, никогда не поют, считая песню по сути женским развлечением, и, вероятно, по той же причине их никогда не слышно, чтобы они декламировали стихи, как большинство восточных людей. Женщины носят обычное полосатое сине-белое платье, а в ушах у них чаще всего серьги из ракушек. Жены оцениваются в шесть верблюдов каждая; и то ли из-за их ценности, то ли из врожденной вежливости, мужчины относятся к своим женам с уважением и позволяют им свободу манер, которая означает признание равенства.

О грабежах туариков уже упоминалось, когда речь шла о тиббу, на которых, по-видимому, и падает основная тяжесть их нападений. То, что они уводят весь скот и даже самих тиббу в рабство, - это постоянная и обоснованная обида. Но даже постоянный страх перед этими нападениями, похоже, не так сильно злит тиббу, как набеги туариков на их соляной рынок. В стране Тиббу есть несколько больших солончаков, которые чрезвычайно ценны для их

владельцев: соль - ходовой товар, за нее дают высокую цену, а сама она используется как своего рода валюта; цилиндр крупной коричневой соли весом в одиннадцать фунтов стоит четыре-пять долларов. Очищенная соль, которую они получают в прекрасно прозрачном и белом состоянии, складывается в корзины и приносит соответственно высокую цену.

Не желая брать на себя труд добывать соль, туарики обеспечивают себя и свой рынок за счет грабежа тиббу, и за один сезон эти грабители унесли двадцать тысяч мешков соли, продав большую часть на рынке Судана. Тиббу были особенно разгневаны этим поступком. Плохо, что их имущество украли, но еще хуже было отнести оставшуюся соль на рынок, а потом обнаружить, что цена на нее упала из-за того, что туарики заполнили рынок двадцатью тысячами мешков, которые они украли и которые они могли позволить себе продавать по очень низкой цене.

Среди этих людей медицина и хирургия неизбежно находятся на очень низком уровне: шампунь и прижигание - главные средства почти от всех болезней. Одному мужчине, страдавшему от увеличенной селезенки, посоветовали сделать операцию; его уложили на спину и крепко держали пять или шесть помощников. На огне нагрели утюг и выжгли три пятна на боку, под ребрами. Каждое пятно было размером с шестипенсовик.

Затем утюг заменили на другой, и, пока он нагревался, помощники били его в бок большими пальцами, спрашивая, не больно ли ему; поскольку их твердые пальцы сшибали его плоть, он был вынужден признать, что больно. Так были сделаны еще четыре шрама, рядом с остальными. Затем ему обожгли лицо, три больших шрама выжгли возле позвоночника, а чтобы излечение было окончательным, сделали большой ожог на шее, чуть выше ключицы. Бедняга переносил пытку с большим терпением, а когда операция закончилась, он выпил стакан воды и продолжил, как обычно, работу с верблюдами.

БЕГАРМИС.

Теперь мы переходим к любопытному королевству Бегарми, между которым и Борну идет вечная война. Война была древним обычаем в 1824 году, когда Денхам и Клаппертон посетили эту страну, и много лет спустя, когда доктор Барт путешествовал по этому району, она продолжалась так же ожесточенно, как и прежде. Действительно, если бы они могли, каждое королевство истребило бы другое, и даже в таком виде огромные человеческие потери происходят в результате непрерывных сражений, в которых не дается ни одной четверти, за исключением тех пленниц, которые должны быть отобраны для гарема. Поэтому жен борнуанского султана охраняют евнухи из Бегарми, а жен бегармского султана - евнухи из Борнуэ.

Даже борнуанский шейх поддался господствующему обычаю и содержал тридцать этих несчастных особ. Майор Денхэм увидел около дюжины из них вскоре после их приема и, очевидно, выразил жалость своим лицом. Вождь, увидев это, воскликнул: "Почему, христианин, что все это значит? Они всего лишь бегармы! собаки! Кафиры! Враги! Их надо было живьем разрубить на четыре части, а теперь они будут пить кофе, есть сахар и жить во дворце всю свою жизнь".

Когда доктор Барт посетил Бегарми, султан отсутствовал во время одной из своих военных экспедиций, и прошло некоторое время, прежде чем ему разрешили отправиться в Массену, столицу страны. Наконец он сделал это и получил возможность увидеть, как султан возвращается после своей экспедиции, в которой он одержал победу. Первым ехал вице-губернатор в окружении своих всадников, за ним - другой офицер, за спиной которого несли длинное копье особой формы, связанное каким-то образом с их религией. За ним ехал главнокомандующий, а затем и сам султан, верхом на сером коне, в желтой бернузе, укрытый от солнца двумя зонтиками, зеленым и желтым, которые держали над ним рабы. Его постоянно охлаждали шесть рабов с длинными веерами из страусовых перьев, правые руки которых были облачены в железные доспехи; вокруг него ехали несколько главных вождей.

Затем шел боевой верблюд, несущий боевые барабаны, в которые энергично бил барабанщик. Далее следовала длинная вереница жен султана, одетых в черное; затем багаж, а потом солдаты. Во главе триумфальной процессии идут пленники, которых ведут в гарем, где они подвергаются оскорблениям со стороны его обитательниц. Самых красивых из них отбирают для службы в гареме, а остальных предают смерти.

В этом случае побеждал бегармский султан, но в одном сражении, свидетелем которого был майор Денхам, победили борнуанцы: шейх так искусно расставил свое немногочисленное огнестрельное оружие, что бегармцы, численностью около пяти тысяч человек, в замешательстве отступили назад, и их тут же атаковали конные борнуанцы, которые готовы сражаться, когда кажется, что враг убегает. Резня была огромной, учитывая количество сражающихся. Из двухсот бегармских вождей, вышедших на поле боя, только один, как говорят, спасся, семь сыновей султана были убиты вместе с семнадцатью сотнями воинов, а еще многие были убиты после окончания битвы. Они также потеряли около пятисот лошадей и около двухсот женщин, которые, по странному обычаю этой страны, следовали за своими господами в бой.

В большей части страны, как и в Логгуне, дома построены весьма любопытным образом: они состоят из ячеек в ячейках, как гнездо из домиков. Эта диковинная архитектура призвана уберечь от мух, которые в некоторые времена года кишат в таком количестве, что даже жители не смеют выйти из дома в течение нескольких часов в день. Майор Денхам не поверил в эту историю, пока она не была подтверждена внешним видом одного из его людей, который неосторожно рискнул выйти на открытый воздух и вернулся с распухшими глазами и головой, да еще и укушенный так, что пролежал три дня.

Бегармы, хотя и находятся в постоянной войне с борнуэзами, похожи на них в столь многих отношениях, что подробное описание не требуется, и мы лишь вскользь упомянем о некоторых их особенностях.

Раз уж мы упомянули о постоянной войне, в которой они участвуют, уделим несколько слов замечательной кавалерии, составляющей главную силу бегармской армии. Эти люди имеют весьма примечательный вид, в чем можно убедиться, взглянув на иллюстрацию № 1 на странице 638. Они носят очень любопытное копье с двойной головкой, чем-то напоминающее вилы с уплощенными зубцами.

Однако самым примечательным моментом является броня, которой защищен бегармский улан. Она сделана из стеганой ткани или хлопка и почти полностью идентична стеганым доспехам, которые носят китайцы и которые стали причиной несчастной гибели стольких солдат из-за того, что хлопок загорелся от вспышек их собственных мушкетов. Все тело и конечности всадника покрыты этим доспехом, а на голове у него шлем из того же материала, и его лошадь защищена так же, как и он сам. Хотя хлопчатобумажная стеганка бесполезна

против огнестрельного оружия, она защищает от стрел и, следовательно, полезна для защиты солдата от отравленного оружия его врагов.

Поскольку эти доспехи, хотя и легкие, но очень громоздкие, их редко надевают, кроме как в реальном бою или когда генерал осматривает свои войска; и можно сомневаться, не является ли они таким препятствием как для лошади, так и для солдата, что войска были бы более эффективны без них. Возможно, уверенность, которую он внушает, в конце концов, и есть его главное назначение. Эти люди всегда используются в качестве тяжелых лошадей, чтобы защищать фургон и охранять тыл армии, лучники располагаются прямо за ними и стреляют при каждом удобном случае. Седло такое же неудобное, как и доспехи, оно поднимается и спереди, и сзади на такую высоту, что солдат едва ли сможет упасть на землю, даже если его убьют. Спереди оно образует нечто вроде маленького столика, на который солдат может опереться рукой, держащей уздечку, которая может устать, удерживая поводья и поднимая рукав стеганого плаща.

Бегарми можно считать почти неграми: кожа у них черная, а лица в значительной степени напоминают плоские и толстые лица негров. Это сильные и активные мужчины, и султаны других стран гордятся своими обученными бегармскими борцами, которых выбирают за их гигантский рост и хорошо развитую мускулатуру.

Когда два атлета соревнуются, это не детская игра: побежденный иногда погибает на месте, а часто остается искалеченным на всю жизнь. Их хозяева страдают мономанией на этот счет и подстрекают борцов громкими криками, обещая большие награды победителю и угрожая суровым наказанием побежденному. Главная цель борцов - поймать противника за бедра, поднять его с ног и повалить на землю. Хозяину нет никакого дела до однажды побежденного борца, и человек, за которого утром хозяин отказался бы от пары сотен долларов, вечером может быть продан за пятидесятую часть этой суммы.

С этими боями схожи боксерские поединки, в которых негры из Хауссы считаются лучшими из всех, кого можно найти. Оживленный рассказ об одном из таких матчей приводит майор Денхам

"Наслышавшись о боксерах из Хауссы, я очень хотел увидеть их выступление. Поэтому вчера вечером я послал одного из своих слуг предложить 2 000 уидов за утренний поединок. Поскольку смерть одного из участников почти наверняка наступит еще до окончания боя, я категорически запретил драться всерьез; ведь было бы позорно, как для меня, так и для моей страны, нанимать людей убивать друг друга ради удовлетворения праздного любопытства.

"Примерно через полчаса после того, как "масудубу" ушли, прибыли боксеры в сопровождении двух барабанов и целой толпы мясников, которые здесь составляют "фантазию". Вскоре образовался ринг, и церемониймейстер бросил пыль на зрителей, чтобы заставить их отойти. Барабанщики вышли на ринг и начали громко барабанить. За ними вышел один из боксеров, совершенно голый, за исключением кожи вокруг середины. Он встал в позу, как бы для противостояния противнику, и напряг мускулы, как бы проверяя, все ли сухожилия в полной силе для предстоящего боя; затем, время от времени подходя к краю ринга и выставляя правую руку перед зрителями, он сказал: "Я гиена", "Я лев", "Я могу убить всех, кто мне противостоит". Зрители, перед которыми он предстал, положили руки ему на плечо, повторяя: "Да будет благословение Божье над тобой", "Ты - гиена", "Ты - лев". Затем он передавал кольцо другому, который демонстрировал его таким же образом.

"Затем правую руку и кисть драчунов обвязывали узкой деревенской тканью, начиная со сгиба вокруг среднего пальца; после этого руку сжимали большим пальцем между указательным и средним пальцами, и ткань проходила в несколько оборотов вокруг кулака, запястья и предплечья.

"После того как около двадцати человек по отдельности приняли позы неповиновения и обратились к зрителям, их стали выводить вперед парами. Если они оказывались друзьями, то дважды прикладывали друг к другу левую грудь и восклицали: "Мы львы", "Мы друзья". После этого один покидал кольцо, а вперед выводили другого. Если двое не признавали друг друга друзьями, то немедленно начинался сет-то.

"Заняв свои места, два драчуна сначала стояли на некотором расстоянии друг от друга, парируя удары открытой левой рукой и, при удобном случае, нанося удары правой. Обычно они целились в ямку живота и под ребра. Когда они сближались, один захватывал голову другого под мышку и бил по ней кулаком, одновременно нанося удар коленом между бедер противника. Говорят, что в таком положении, с головой "в канцелярии", они иногда пытались выколоть или выковырять один из глаз. Когда они вырываются, то не преминут нанести размашистый удар пяткой под ребра, а иногда и под левое ухо. Именно эти удары так часто оказываются смертельными.

"Бойцов неоднократно разнимали по моему приказу, так как они начинали терять самообладание. При виде этого зрелища девушки оставляли свои кувшины у колодцев, рыночные торговцы бросали свои корзины, и все сбегались посмотреть на бой. Вся площадь перед моим домом была заполнена до отказа. После того как шесть пар провели несколько раундов, я, к их большому удовлетворению, назначил им обещанную награду, и толпа спокойно разошлась".

(1.) БЕГАРМСКИЕ УЛАНЫ.
(См. стр. 635.)

(2.) ВОЖДЬ МУСГУ.
(См. с. 639.)

Женщины бегарми - хорошие танцовщицы, их движения нежны и грациозны. Они много используют свои руки, иногда скрещивая их на груди, иногда сжимая их вместе, а иногда просто прижимая кончики пальцев к пальцам противоположной руки. Танцуя, они поют на низких и пронзительных тонах, раскачивая тело вперед-назад и наклоняя голову из стороны в сторону, а в конце мягко опускаются на землю и закрывают лицо.

МУСГУ.

Почти, если не совсем, равные бегарми по росту и силе - племя мусгу, населяющее район Мандара. Благодаря своим прекрасным пропорциям рабы мусгу очень ценятся окружающими народами и используются в различных сферах. Султаны и великие вожди любят привлекать своих рабов-мусгу в качестве борцов, и по интересности поединки между двумя бегарми соседствуют с поединками между бегарми и борцами-мусгу.

Женщины-рабыни пропорционально сильны, но их никогда не покупают феззанские торговцы, потому что им не хватает красоты черт лица в той же степени, что и мускульной силы. Лица у них крупные и некрасивые, а на нижней губе принято носить серебряное украшение. Это украшение размером примерно с шиллинг, и носят его точно по моде "пелеле", которая уже была описана и изображена. Чтобы освободить место для этого уродливого приспособления, женщины выбивают два средних зуба нижней челюсти, и со временем губа оттягивается вниз вставленным металлом и приобретает очень ужасный и отталкивающий вид. Их волосы уложены так же, как у женщин борну, *то есть* одна большая коса или валик ото лба до затылка, и еще две с каждой стороны.

Они очень надежны, и им поручают трудоемкие задания, от которых более слабые рабы отказались бы. Они выполняют всю сельскохозяйственную работу: копают землю, сажают семена и уносят урожай домой. Они также выполняют обязанности сторожей, как ночью, так и днем, и не проходит и года, чтобы один или два из этих терпеливых существ не были унесены львами, которые подкрадываются к ним под укрытием кукурузы, а затем набрасываются на них.

Мужчины не менее уродливы. Одежду носят только вожди, да и те редко облачаются во что-то большее, чем козлиная или леопардовая шкура, накинутая на плечи так, чтобы голова животного приходилась на грудь владельца. Их головы покрыты довольно странными на вид шапками, а волосы, выбивающиеся из-под шапок, густые и щетинистые. На руках они носят большие кольца из кости или слоновой кости, а на шее висят трофеи их доблести - ожерелья из нанизанных зубов убитых врагов. Они красят свое тело в красный цвет и такого же цвета зубы, поэтому выглядят необычайно дикими и необузданными. Они передвигаются на небольших, но сильных и активных лошадях, которые ездят без седла и почти без уздечки: небольшой кусок веревки привязывается вокруг морды животного.

Их оружие состоит в основном из копья и ракетных ножей, подобных тем, что уже были описаны. Низшие мужчины, хотя они верхом и носят то же оружие, что и вожди, не носят

никакой одежды, кроме кожаного пояса вокруг талии, и такое же легкое одеяние носят женщины. Несмотря на то, что они сами могут попасть в рабство, они являются большими работорговцами; когда они платят дань султану Мандары или хотят сделать мирную жертву, большая ее часть состоит из рабов, как мужчин, так и женщин.

На иллюстрации № 2, стр. 638, изображен вождь племени мусгу, идущий на битву. Это один из самых великих вождей, о чем свидетельствует тот факт, что вместо кожи он носит тобе. В правой руке он держит копье, а в левой - пару ракетных ножей. Позади него едут его воины, голые мужчины на голых лошадях. На заднем плане видна группа женщин, занимающихся купанием в воде, с которой они хорошо знакомы, и их не удерживает от этого никакая боязнь намочить одежду. Рядом с ними находится одна из курганных гробниц, под которой похоронен умерший вождь - мусгуэ почти единственное африканское племя, воздвигающее такие памятники.

Чуть дальше виднеются хижины, а рядом с ними - два замечательных амбара, покрытые выступающими украшениями и в большинстве своем так хорошо заполненные, что мародеры стремятся разграбить амбары почти так же, как и украсть людей. На ветвях деревьев висит множество травы, которую развесили сушиться на солнце и использовать как сено для лошадей.

Когда майор Денхэм был рядом с территорией мусгу, ему сказали, что эти странные и дикие на вид люди - христиане. Он сказал, что они не могут быть таковыми, потому что только что выпросили у него тушу лошади, которая умерла ночью, и в это время были заняты ее поеданием. Однако мужчина остался при своем мнении, заявив, что, хотя он точно никогда не слышал, чтобы христиане ели конину, они едят свиную плоть, и это бесконечно отвратительнее.

Эти люди невольно стали причиной больших потерь для Борнуэса и Мандараса. Арабы, сопровождавшие Денхэма и Клаппертона из Триполи, очень хотели, прежде чем вернуться домой, совершить набег и привезти несколько рабов-мусгу. Шейх Борну решил, что это хорошая возможность применить огнестрельное оружие арабов против воинственных и неуступчивых феллатов, и отправил их вместе с тремя тысячами своих солдат.

Как и ожидалось, когда они достигли Мандары, султан не позволил им напасть на Мусгу, который он рассматривал как свой особый заповедник рабов, но добавил несколько своих собственных войск к войскам шейха Борнуана и отправил их захватить столько феллатов, сколько они пожелают, оказав им честь лично сопровождать экспедицию. Очевидно, что и султан, и шейх не только не любили, но и боялись арабов и были не прочь обратить в свою пользу страшное оружие, которое они носили и с помощью которого делали себя такими властными и неприятными.

Когда они достигли первого феллатского города и напали на него, то обнаружили, что он сильно защищен *chevaux de frise* из заостренных кольев высотой в шесть футов, за которыми расположились их лучники, осыпавшие захватчиков ливнями отравленных стрел. После упорной борьбы арабы одолели заграждение и преследовали феллатов, поднявшись на холм. Здесь их встретили еще больше стрел, поднесенных лучникам женщинами, и камни, скатившиеся с холма. Если бы воины Борну и Мандара рванули вперед, то захватили бы весь город, но они благоразумно держались в стороне от отравленных стрел. Видя их трусость, феллаты перешли в наступление, после чего воины Борну и Мандара бросились бежать, возглавляемые султаном, который должен был претендовать на город, если бы арабы его

взяли. Весь отряд был разгромлен с большими потерями, вождь борну - поистине храбрый человек - был убит отравленной стрелой, а майор Денхам был тяжело ранен, лишился всей одежды и едва спас свою жизнь.

ГЛАВА LXIV.
АБИССИНИЯ.

АБИССИНИЯ, СТРАНА ЗАГАДОК - ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ - КОРОЛЕВСТВО ПРЕСТЕРА ДЖОНА - ТРИ АБИССИНСКИХ ОКРУГА ИЛИ КОРОЛЕВСТВА - ОБЩИЙ ВИД АБИССИНЦЕВ - ОДЕЖДА МУЖЧИН - КАМЕНОЛОМНЯ И БРЮКИ - ЛОЖАСЬ СПАТЬ - ДИНО И ЕГО МОДА - МУЖСКИЕ УКРАШЕНИЯ - КАК ПЛАТЯТ ЮВЕЛИРУ - ОРУЖИЕ АБИССИНЦЕВ - МЕЧ ИЛИ ШОТЕЛЬ, И ЕГО НЕОБЫЧНАЯ ФОРМА И ПРИМЕНЕНИЕ - КОПЬЕ И СПОСОБ ДЕРЖАТЬ ЕГО В ПОРЯДКЕ - ЩИТ И ЕГО УКРАШЕНИЯ - ВНЕШНИЙ ВИД КОННОГО ВОЖДЯ - ФЕХТОВАНИЕ - АБИССИНЕЦ КАК СОЛДАТ - ОДЕЖДА И ВНЕШНИЙ ВИД ЖЕНЩИН - ИХ УКРАШЕНИЯ - ТАТУИРОВКА - СПОСОБЫ УКЛАДКИ ВОЛОС - АБИССИНСКАЯ ПОДУШКА.

Абиссиния - один из самых удивительных народов на земле. Долгое время она была страной тайн, в которой единорог и лев вели свои смертельные схватки, в которой драконы хлопали по воздуху своими чешуйчатыми крыльями, в которой горы были золотыми, а русла рек вымощены алмазами, и, что самое удивительное, в которой священник и царь Престер Джон держал свой двор, христианский Соломон средневековья.

В этой последней сказке была доля правды, что в Абиссинии существовала христианская церковь - церковь чрезвычайно древняя, которая сохранилась до наших дней, самым замечательным образом приспособившись к расовым особенностям народа. Если не принимать во внимание интерес, который вызвал в Абиссинии успешный поход британских войск на военную столицу, Абиссиния заслуживает описания в этом томе. На первый взгляд может показаться, что христианской стране не место в работе, не имеющей ничего общего с цивилизацией; но, продолжая изложение, мы обнаружим, что христианство в Абиссинии почти ничего не сделало для цивилизации народа, как мы понимаем это слово, и, вместо того чтобы искоренить дикарские обычаи людей, странным образом существовало рядом с ними, если можно использовать такой термин.

Моя цель на следующих страницах - дать краткое описание нецивилизованных нравов и обычаев абиссинцев, а также кратко рассказать о той особой системе христианства, которая смогла просуществовать почти пятнадцать сотен лет и при этом оставить народ в едва ли лучшем моральном состоянии, чем если бы он никогда не слышал имени Христа.

Как и многие другие крупные сообщества, великая абиссинская нация состоит из нескольких элементов, отличающихся друг от друга так же сильно, как шотландцы, ирландцы, валлийцы и другие смешанные расы, которые вместе образуют английскую нацию. В Абиссинии, однако, эти различные элементы не слились воедино так сильно, как в этом королевстве, и каждое княжество является независимым, имея своего правителя и свои законы.

То, что такое положение вещей вредит интересам королевства, очевидно для всех изучающих историю, и мы видим, что каждый великий правитель пытался объединить их под одним началом. Однако особый характер африканцев силен в этих людях, и как только убирается сильная рука, державшая их вместе, они разлетаются в разные стороны и вновь

обретают свою индивидуальность. К абиссинскому королевству вполне можно применить знакомую эпиграмму о "слиянии антагонистических атомов".

Их родное название "Хабаш", от которого произошло наше слово "Абиссиния", означает "смесь" и очень подходит к ним. Среди множества смесей, составляющих абиссинскую нацию, туземцы считают значительным еврейский элемент. Они говорят, что Савская земля из Писания была Абиссинией и что их царица отправилась в гости к Соломону с явной целью внести кровь столь выдающегося государя в царскую преемственность Абиссинии. Она дождалась, пока родит сына, и через него последующие цари Абиссинии считают себя прямыми потомками Соломона. Правдива ли эта история или нет, но она полностью соответствует весьма распущенной морали абиссинских женщин. Когда царица вернулась в свою страну, за ней последовало несколько евреев, и говорят, что во время разрушения Храма и плена огромное количество беглецов последовали за своими соотечественниками и нашли убежище в Абиссинии.

Множество греков и португальцев в разное время поселились в Абиссинии и, подобно евреям-иммигрантам, влились в эту страну, так что туземное название Хабаш вполне заслуженно.

Три района или подцарства больше всего претендуют на звание Абиссинии и населены христианами того особого рода, о котором только что шла речь. Первая из них - страна Тигре (произносится как Тиграй), получившая свое название как провинция от небольшого района, которому принадлежит это название. Она простирается до Красного моря на востоке и до реки Таккази на западе, и имеет довольно неопределенный ареал между 15° и 12° северной широты. Она отделена от Нубии рядом независимых племен, а некоторые из галласов и других племен находятся на ее северной границе.

К западу от Таккази находится второе царство или провинция, называемая Амхара, в центре которой расположен город Гондар; и третье - Шооа, которое лежит югу от Тигре и Амхары и, как ни странно, отделено от них галласами и другими племенами.

Из этих трех районов Тигре, кажется, лучше всего характеризует абиссинцев, и поэтому большая часть этого рассказа будет посвящена тигреанцам. Среди этих людей значительное время жил мистер Мэнсфилд Паркинс, и ему мы обязаны большей частью нашей информации об этом замечательном народе.

Как правило, абиссинцы отличаются умеренным ростом, скорее ниже, чем выше среднего английского. Мистер Паркинс видел одного или двух мужчин, достигших роста в шесть футов два дюйма, но отмечает, что такие примеры встречаются крайне редко.

Как это часто бывает с африканцами, цвет лица очень изменчив: иногда он очень бледный медно-коричневый, а иногда почти такой же темный, как у негров. Эту вариацию, которая часто является следствием местности, мистер Паркинс объясняет смешением рас. Поскольку, кроме того, браки в Абиссинии заключаются в самой свободной форме, то, несмотря на христианство, часто можно увидеть мужчину с несколькими детьми от разных жен, не похожих друг на друга по цвету лица; брат и сестра, например, совершенно непохожи: один невысокий и черный, как негр, а другой высокий и светлый, как европеец.

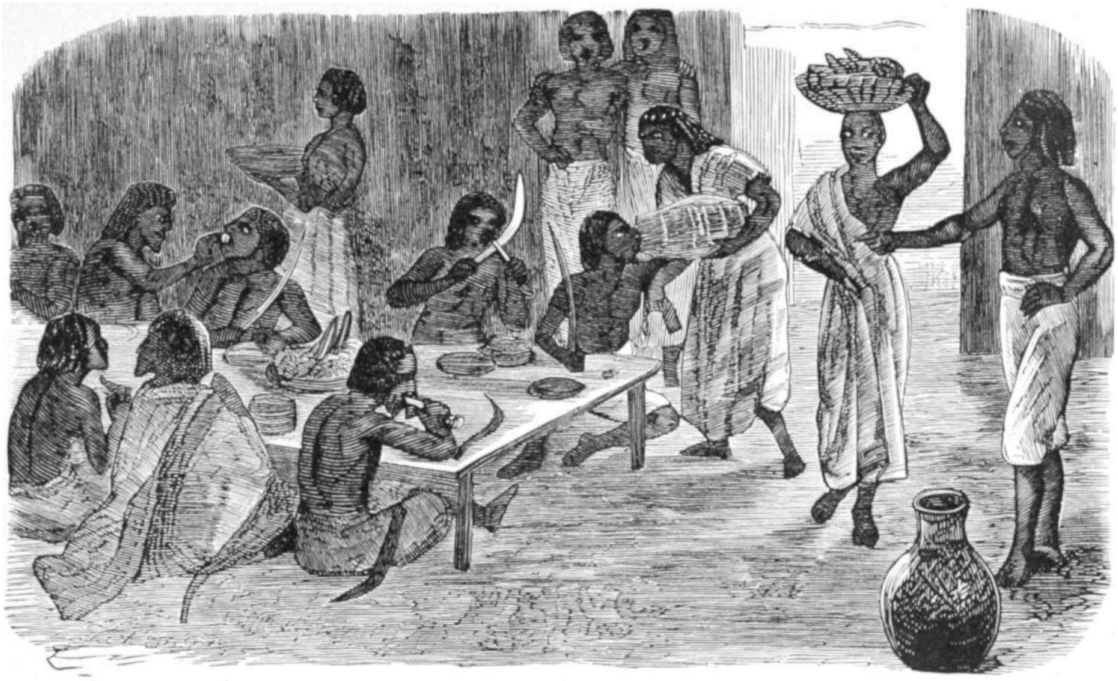
Негритянский элемент, похоже, проявляется главным образом в цвете, особенность негритянской формы была почти стерта в результате постоянного смешения с другими расами. Время от времени проявляется негритянское сложение ног, но даже такие признаки встречаются довольно редко.

Женщины высшего класса отличаются красотой не только черт лица, но и форм, а также обладают необычайно маленькими и красивыми руками и ногами, которые в полной мере демонстрирует их стиль одежды. Черты их лица почти европейского типа, а глаза чрезвычайно большие и красивые - настолько большие, что точный рисунок показался бы преувеличением для непривычных к ним людей. Говорят, что единственные женщины, которых можно сравнить с абиссинками, - это французские полукровки с острова Маврикий. Гравюра № 2 на следующей странице даст хорошее представление о чертах и общем облике абиссинцев.

Начиная с верхней части, мы видим вид головы женщины в профиль, чтобы показать, как тщательно заплетены и уложены волосы. Далее следует вид головы спереди, показывающий, как выглядят волосы, когда их расчесывают перед плетением. На третьем рисунке представлен вид головы и бюста знатной дамы. Это сделано для того, чтобы показать другой способ укладки волос, а также сложную татуировку, которой женщины любят украшать каждый дюйм тела и конечностей от шеи до кончиков пальцев рук и ног.

Ниже представлены портреты двух мужчин. Один, священник, покрыл свою бритую голову белым тюрбаном - признаком священства у абиссинцев, среди которых миряне не носят никаких головных уборов, кроме хорошо украшенных и намазанных локонов. Второй портрет - это профильный вид мужчины, дающий хорошее представление о выражении лица. Читатель вряд ли поверит, что абиссинцы были приведены определенной школой филантропов в качестве примера интеллектуальных способностей *негров*.

Рядом с внешностью абиссинцев стоит их одежда. Немного варьируясь в разных частях страны и изменяясь в некоторых деталях в зависимости от моды дня, одежда абиссинцев в основном одинакова по всему королевству. Основными предметами одежды являются штаны и большая мантия или "карьер".



(1.) ЗВАНЫЙ УЖИН.
(См. стр. 656.)

(2.) ГОЛОВЫ АБИССИНЦЕВ.
(См. с. 642.)

Брюки из мягкого хлопка, двух видов: одни спускаются на три дюйма ниже колена, а другие заканчиваются на таком же расстоянии над ним. Брюки очень узкие, и абиссинский денди носит их с такой плотной посадкой, что надеть их - почти час работы.

Вокруг талии закручивается поясок или ремень шириной около одного ярда. Он тоже из хлопка и варьируется по длине в зависимости от тонкости материала. Обычный пояс имеет длину около пятнадцати ярдов, но очень тонкий, содержащий такое же количество материала, будет иметь длину от пятидесяти до шестидесяти ярдов. Обычная длина пояса абиссинского джентльмена - от тридцати до сорока ярдов. Его надевают, держа конец одной рукой сбоку, а другой расправляя его руками, в то время как владелец поворачивается туда-сюда и таким образом заматывает себя в пояс, как это делали наши офицеры, когда носили длинные шелковые пояса вокруг талии.

Эти пояса не только полезны для сохранения здоровья, но и служат защитной броней в стране, где все мужчины вооружены, и где они склонны к ужасным ссорам, как только их

возбуждает выпивка. Даже во время войны пояс часто защищает владельца от удара, который он лишь частично защитил своим щитом.

Как и штаны и пояс, мантия или "каменоломня" сделана из хлопка, очень тонкого и мягкого. Она сделана довольно любопытным образом. Обычная каменоломня состоит из трех кусков хлопчатобумажной ткани, каждый длиной пятнадцать футов и шириной три, с красной полосой на каждом конце шириной около пяти или шести дюймов. Их складывают вместе довольно любопытным и сложным способом. "Сначала берется один кусок и аккуратно складывается вдвое, так чтобы красные полосы на каждом конце точно сошлись. Затем берется второй кусок, также складывается, но изнанкой наружу, и одна его половина кладется под, а другая - поверх первого куска, так что четыре красные полосы теперь сходятся вместе. Один край этой четверной ткани сшивают сверху вниз, а последний кусок отворачивают, так что они вместе образуют одну двойную ткань в две ширины. Третий кусок добавляется аналогичным образом, и все это образует "каменоломню", которая, чтобы никто из читателей не запутался в вышеприведенном описании, представляет собой белую двойную ткань с красной каймой только внизу". Длина готовой каменоломни составляет семь футов шесть дюймов, а ширина - девять футов. Каменоломни редко моют чаще одного раза в год, а из-за обилия жира, используемого в абиссинском туалете, они становятся ужасно грязными. Туземцы, однако, скорее восхищаются этим видом. Абиссинский денди презирает чистый карьер и стирает свою мантию не чаще, чем модная дама отбеливает кусок старого кружева.

Есть разные сорта кварри, лучший из них сделан из настолько тонкого материала, что требуется шесть кусков, и сложен он в четыре раза вдвое. Цветная полоска по краю - это красный, желтый и синий шелк, аккуратно сшитый вместе. Его носят в разных вариантах, самый обычный напоминает тот, в котором горцы носят свой плед, чтобы оставить правую руку свободной.

Каменоломня является спальным костюмом абиссинцев, которые снимают штаны и так полностью закутываются в мантии, что закрывают ими все тело, конечности и голову. Устраиваясь на ночь, они умудряются снять штаны и даже пояса, ничуть не обнажая себя: если вспомнить, что первый предмет одежды чрезвычайно тесен, а второй - непомерно длинен, то остается только удивляться, что этот подвиг был совершен так ловко.

Женатые люди упаковывают себя подобным образом, но парами, их мантии служат прикрытием для двоих. Очень любопытно наблюдать, как они справляются с этой, казалось бы, невыполнимой задачей. Они садятся бок о бок, мужчина по правую руку от женщины, и подкладывают под себя короткий конец каменоломни. Длинный конец перекидывают через голову, и под его прикрытием снимают одежду. Каменоломня плотно обматывается вокруг пары, и они готовы к отдыху.

Такая большая мантия, конечно, неудобна в ветреный день, а в бою стала бы смертельной обузой. В первом случае она прикрепляется к телу коротким, похожим на накидку одеянием, называемым "дино" или "лемд", а на войне добыча откладывается в сторону, и дино заменяет ее. Дино - часто очень сложная одежда, сделанная из ткани, бархата или, чаще всего, из шкуры какого-нибудь животного, разрезанная особым образом, чтобы оставить восемь полос, свисающих с нижнего края в виде бахромы.

Больше всего ценятся шкуры льва и черного леопарда, которые надевают в торжественные дни только вожди и очень великие воины. Они подшиты алой тканью и снабжены множеством амулетов, которые располагаются перед грудью. Дино из шкуры черногривого льва часто оценивается в восемь-десять фунтов, в то время как обычный стоит едва ли

десятую часть этой суммы. Очень любима кожа нерожденного теленка, которая приобретает мягкий блеск, как у бархата, и, соответственно, носить ее могут только те денди, которые достаточно богаты, чтобы купить ее, или убить корову ради этой кожи. Обычная телячья шкура вызывает презрение, и ее может носить только человек самого низкого сословия. Абиссинцы держат особую породу овец ради их шерсти, длина которой иногда превышает два фута.

Овцы ведут очень искусственный образ жизни, день и ночь лежат на кушетках, их кормят мясом и молоком, а шерсть регулярно моют и расчесывают, как будто они дамские собачки. В результате такого обращения у них получаются прекрасные шерстинки, которые стоят от двадцати до тридцати шиллингов каждая, но их мясо совершенно бесполезно для употребления в пищу, так как его очень мало, а качество отвратительное. Руно обычно окрашивают в черный цвет, который является модным в Абиссинии.

Шкура гиены или собаки никогда не используется для одежды, а туземцы испытывают суеверный страх перед рыжим шакалом, считая, что если их ранят, когда они носят дино из шкуры шакала, то один из волосков может попасть в рану и оказаться смертельным для страдальца. Шкура леопарда никогда не носится обычными абиссинцами, ее используют исключительно галласы и шуа, а также определенная группа дервишей, называемых Закхари.

В отличие от большинства африканских народов, мужчины носят мало украшений, а те, что есть, почти всегда свидетельствуют о доблести. Амулеты можно найти почти на каждом мужчине, а многие из них носят целые вереницы этих священных предметов, перекинутых через плечи и опускающихся до колен. Большинство абиссинцев носят с собой пинцет для извлечения шипов из ступней и ног, а самые богатые из них помещают пинцет в богато украшенный серебряный футляр, который подвешивают к рукояти меча.

Если на абиссинце видят серебряную цепочку, значит, он убил слона, а тех, кто отличился в бою, узнают по своеобразному серебряному браслету, который тянется от запястья почти до локтя. Он открывается в продольном направлении с помощью петель и застегивается на застежку. Это украшение называется "битоа" и часто бывает очень изящно выгравировано и украшено позолоченными узорами. К серебряным мастерам, изготавливающим эти и подобные изделия, относятся довольно странно. Их считают рабами, им не разрешают покидать страну, но при этом относятся к ним с большой добротой, за исключением оплаты их труда.

В результате серебряных дел мастер, обнаружив, что ему придется очень долго ждать своих денег, а возможно, и вовсе их не получить, вынужден расплачиваться сам, присваивая себе часть золота и серебра, которые ему дают для изготовления браслета, и заменяя их таким же количеством менее драгоценного металла. Мистер Паркинс упоминает, что ему доводилось получать серебро, равное тридцати блесткам, а использовать в работе не более восьми. Многие из этих браслетов украшены маленькими колокольчиками из серебра по краям, которые звенят и звенят при движении владельца. Подобные колокольчики прикреплены к своеобразным серебряным коронам, которые носят очень великие люди, и вместе с серебряными цепочками, к которым они прикреплены, висят над ушами и шеей владельца.

Что касается оружия абиссинцев, то оно состоит в основном из меча, копья и щита. В более поздние времена появилось огнестрельное оружие, но, поскольку в данной работе речь идет только о нецивилизованной части человечества, это оружие не будет включено в арсенал абиссинцев.

Меч, или "шотель", - оружие очень странной формы. Лезвие почти прямое на протяжении примерно двух футов, а затем резко поворачивается, как серп, но с более угловатым изгибом. Острие находится с внутренней стороны, и эта своеобразная форма предназначена для нанесения ударов вниз по щиту противника. Чтобы придать удару вес, клинок к острию гораздо шире и тяжелее, чем у рукояти. Как будто такая форма клинка не делает меч достаточно слабым, эфес сконструирован таким образом, что препятствует любой игре запястья. Рукоять сделана из пирамидального куска носорожьего рога шириной пять дюймов с одного конца и три - с другого. Для придания рукояти нужной формы ее вырезают полукруглыми кусками по бокам, оставляя четыре острых угла в прежнем виде. При захвате меча один из четырех углов должен проходить под запястьем, так что если позволить оружию свободно играть, как при обычном фехтовании, то острие будет вбито в запястье.

Как и коренные жители южной Африки, абиссинцы предпочитают мягкое железо закаленной стали: первое можно выпрямить при сгибании, а вторая склонна к заеданию. Меч всегда висит на правой стороне, чтобы не мешать щиту, особенно когда, как в путешествии, он раскачивается вперед-назад при движении левой руки.

Ножны меча сделаны из кожи или красного сафьяна и украшены множеством серебряных пластин. На конце ножен находится металлический шар, называемый "ломита". Это любопытное украшение в основном из серебра, а по размеру почти как бильярдный шар. Ремень меча выполнен из того же материала, что и ножны.

Длина копья - от шести до семи футов, а головка квадратная, как у щуки. Четыре стороны в основном рифленые, так что головка оружия напоминает четырехугольный штык. Это копье используется и как копье, и как копьё, и хороший солдат может поразить им человека на расстоянии тридцати-сорока ярдов. Кавалерия всегда носит с собой два копья, одно из которых бросает, а другое держит для использования в качестве копья. У них довольно любопытный способ использования копья: они нацеливают его на противника, как будто собираются бросить, но только позволяют древку проскользнуть через руку и ловят его за приклад.

Древко копья сделано очень аккуратно, и на него потрачено много усилий . Их делают из совсем молодых деревьев, которые очищают от коры с помощью огня, а затем выпрямляют и сушат. Эта операция требует очень умелого манипулятора, поскольку, если дерево слишком сильно высушить, оно становится хрупким и трескается; если нагревать его неравномерно, оно никогда не останется прямым; а если высушить недостаточно, оно деформируется при любой перемене погоды. Когда древко выпрямлено, его смазывают жиром и подвешивают над огнем на несколько месяцев, пока оно не приобретет нужный красновато-желтый оттенок.

Когда копье не используется, оно хранится в ножнах, к верхней части которых прикреплена петля, с помощью которой его можно подвесить к концу коровьего рога, который в абиссинских домах служит колышком и имеет достаточную длину, чтобы копье висело прямо, не касаясь стены.

Абиссинский щит сделан из шкуры буйвола и достаточно прочен, чтобы выдержать любой удар мечом и отбросить копье, если оно попадет в него косо. Однако если хорошее копье ударит в щит точно, оно пронзит его. Чтобы сохранить необходимую косость, щит делают похожим на сегмент сферы и с выступающим боссом в центре. Щит почти всегда украшен, наиболее ценными украшениями являются грива, хвост и лапа льва, расположенные различными способами в зависимости от вкуса владельца. К некоторым щитам прикрепляется шкура обезьяны гереза, которая, благодаря смелому контрасту длинных

струйчато-черных и снежно-белых волос, производит поразительный и художественный эффект. Однако ее всегда сбрасывают, когда туземец убивает льва.

Щиты вождей всегда почти сплошь покрыты серебряными пластинами и боссами, и эта мода имитирует латунь у более бедных солдат. Однако если у простого солдата хороший щит, он не станет скрывать его красоту латунными пластинами. Вождя отличает не только щит, украшенный серебром, но и ножны для меча, покрытые серебром. На голове он носит серебряный передник, называемый "акодамир", с которого свисают серебряные цепочки, а в волосы за передником воткнуто белое перо. Если человек отличается храбростью, он также носит дино из львиной шкуры.

По краю щита пробито несколько отверстий, через которые пропущен шнурок, подвешивающий его к стене, когда он не используется. Каждый день, когда щит висит на стене, хозяин снимает его и переставляет ремешок из одного отверстия в другое, чтобы щит не деформировался и не потерял своей ценной округлости. Щит должен качаться, не касаясь стены.

Для хорошего фехтовальщика щит будет обузой, а не средством защиты. Из-за необходимости держать щит левой рукой меч становится малопригодным в качестве наступательного оружия: владелец не решается нанести удар, чтобы не подставить себя под ответный удар. В то время как тот, кто, подобно Фиц-Джеймсу, находит свой "клинок и мечом, и щитом", очень легкомысленно относится к доблести абиссинского воина. Мистер Паркинс говорит по этому поводу, что любой обычный фехтовальщик без щита может легко победить лучшего абиссинца, вооруженного мечом и щитом. Лучший способ сразиться с абиссинским воином - сделать выпад в его сторону. Поднимается тяжелый щит, который, конечно, защищает голову, но не позволяет владельцу увидеть, что противник делает разящий удар по ногам. Если 5 или 6 подсечек не увенчались успехом, сделайте еще один подсекающий удар в голову, а затем нанесите настоящий удар. Предвидя такой удар, абиссинец опускает щит, чтобы защитить ноги, и в этот момент получает острием меча по незащищенной макушке.

Хотя абиссинский солдат хорошо вооружен, выглядит очень свирепым и имеет склочный нрав, он не отличается храбростью и предпочитает хвастовство сражению. Кажется, он никогда не вступает в бой с мыслью просто убить или уничтожить врага, а всегда ищет трофеи для себя. Как и многие другие народы, а в прежние времена и израильтяне, абиссинец калечит павшего врага и уносит часть его тела в качестве трофея, который он может выставить перед своим вождем и на котором он может заработать репутацию доблестного человека на всю оставшуюся жизнь.

Абиссинцы так ценят этот дикарский трофей, что, подобно тому как американские индейцы притворяются мертвыми и соглашаются на потерю своих скальпов, не подавая ни малейших признаков жизни, раненые в бою мужчины подвергаются еще более жестокому изувечиванию и выживают после этого. Известны случаи, когда абиссинец даже убивал товарища, чтобы заполучить этот ценный трофей, когда ему не удавалось, либо по несчастью, либо из-за недостатка мужества, убить врага.

Теперь мы переходим к женщинам и их одежде.

Молодые девушки одеваются самым простым образом, а именно: кусок хлопчатобумажной ткани, обернутый вокруг талии и спускающийся до колен. Если девушка достаточно богата, чтобы позволить себе большую обертку, она поднимает один ее конец вверх и перекидывает через левое плечо. В Тигре девушки предпочитают черную козью шкуру, украшенную

коровьими вишнями. Замужняя женщина носит нечто вроде свободной рубашки и мантию, или каменоломню, похожую на ту, что носят мужчины, но из более тонких материалов. Если у нее есть мул, она надевает штаны, которые очень полные в талии и постепенно уменьшаются к лодыжкам, где они облегают их, как кожа.

Что касается украшений, то они настолько многочисленны, что не поддаются описанию. Самым дешевым и при этом самым ценным является татуировка, которая наносится с изобилием, достойным новозеландца. "Тигреанские дамы, - пишет г-н Паркинс, , - татуируют себя; хотя, поскольку этот способ украшения лица не распространен, за исключением жителей столицы и людей, которые провели там некоторое время, я должен судить, что это мода, завезенная из Амхары".

"Мужчины редко наносят более одного украшения на верхнюю часть руки, около плеча, в то время как женщины покрывают почти все тело звездами, линиями и крестами, часто довольно со вкусом расположенными. Я могу с уверенностью сказать, что почти все их лицо, потому что они украшают шею, плечи, грудь и руки, вплоть до пальцев, которые украшены линиями, имитирующими кольца, почти до самых ногтей. Стопы, лодыжки и икры ног украшены аналогичным образом, и даже десны у одних полностью синие, а у других - полосатые, попеременно синие и естественного розового цвета.

"Увидев некоторые из их рисунков, можно было бы похвалить их за некоторое мастерство в обращении с карандашом; но на самом деле их система нанесения узора чисто механическая. Я украсил одну руку; художником была довольно слепая старуха; ее инструменты состояли из маленького горшочка с какой-то чернильной краской, сделанной, как она мне сказала, из обугленных трав, большого самодельного железного штыря, примерно в одну четвертую дюйма, на конце которого была тонкая шлифовка, кусочка или двух полого тростника и куска соломы. Два последних предмета заменяли ей карандаши.

"Круги она делала, окуная конец куска тростника нужного размера в чернение и делая отпечаток на коже; в то время как конец соломы, согнутый до нужной длины и также почерневший, отмечал все линии, квадраты, ромбы и т.д., которые должны были быть одинаковой длины. Завершив таким образом свой замысел, она работала над ним с помощью булавки, которую вкапывала до тех пор, пока тонкая часть не входила внутрь, поддерживая достаточный запас чернения и проходя по одному и тому же месту несколько раз, чтобы обеспечить регулярность и единство линий. У некоторых людей первый эффект такой татуировки вызывает значительную лихорадку из-за раздражения, вызванного проколами, особенно у дам, из-за обширности поверхности, которая таким образом становится болезненной. Чтобы снять это раздражение, они обычно вынуждены оставаться в течение нескольких дней в чехле из растительной материи, который накладывается на них в виде своеобразной зеленой припарки. На месте татуировки образуется струп, который не следует сдирать, а нужно дать ему отпасть самому. Когда он исчезает, операция завершается, и следы остаются неизгладимыми; более того, абиссинцы утверждают, что они могут быть обнаружены на костях человека даже после того, как смерть избавит их от плотного покрова".

Женщины также носят огромное количество серебряных украшений: несколько цепочек на шее, три пары серебряных или позолоченных браслетов, множество маленьких серебряных украшений, подвешенных, как колокольчики, к лодыжкам, поверх которых - ряд браслетов из того же металла. У богатой женщины также есть большой плоский серебряный футляр, содержащий талисманы и украшенный колокольчиками из того же металла, подвешенными

на четырех серебряных цепочках; волосы украшает большая серебряная заколка, искусно сделанная и снабженная множеством подвесных украшений.

На иллюстрации № 1, 617-я страница, показан костюм абиссинской леди и разница в одежде между ней и ее служанками. Последние, которые, конечно же, являются ее рабами - никакое другое представление о рабстве не приходит абиссинцу в голову, - стирают одежду в ручье, готовясь к празднику святого Иоанна, единственному дню в году, когда абиссинцы беспокоят их - чтобы помыть одежду или себя. Другие рабы несут кувшины с водой на спине, а не на голове, а на переднем плане стоит их госпожа, отдающая распоряжения. Читатель обратит внимание на то, как изящно надета мантия, и на шнурок с кожаными амулетами, который висит у нее на боку.

Что касается волос, то они уложены особым образом. Они собраны во множество косичек, начинающихся на самой макушке головы и опускающихся до шеи. У обоих полов волосы заплетены таким образом, но мужчины носят свои косы по-разному. Согласно строгому абиссинскому этикету, который сильно поблек в последние годы, юноша, ничем не отличившийся, должен носить волосы не заплетенными. Как только он убил человека в бою, он бреет голову, за исключением одной косички, и на каждую следующую жертву добавляется новая косичка. Когда он убивает пятого, ему разрешается носить все волосы в локонах.

Такой способ укладки волос занимает огромное количество времени, но время не имеет ценности для абиссинца, который тратит несколько часов на свою голову раз в две недели или около того. Косички удерживаются на своих местах с помощью своеобразного приспособления из вареных хлопковых семян и обильно пропитываются маслом. В абиссинских туалетах потребляется огромное количество этого последнего продукта, и считается признаком моды класть большой кусок масла на макушку головы перед выходом утром, чтобы оно растаяло от солнечного тепла и растеклось по волосам. Конечно, оно капает с концов длинных локонов на шею и одежду владельца, но такие пятна считаются признаком богатства. Иногда она стекает по лицу и попадает в глаза, так что в жаркую погоду угол каменоломни часто используется для вытирания стекающего масла.

Чтобы сохранить укладку волос в течение ночи, вместо подушки они используют что-то вроде короткого костыля, очень похожего на обычный скребок с закругленным верхом.

ГЛАВА LXV.
АБИССИНИЯ-Продолжение.

ПРАВИТЕЛЬСТВО АБИССИНИИ - ИМПЕРАТОР И ЕГО РОДОСЛОВНАЯ - ТРИ ОКРУГА И ИХ ПРАВИТЕЛИ - МЕЛКИЕ ВОЖДИ И ИХ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ - КОРОЛЬ ТЕОДОР - КРАТКИЙ ОЧЕРК ЕГО ЖИЗНИ - КАРЬЕРА ОТ РЯДОВОГО ДО ПРЕСТОЛА - ЕГО ПОПЫТКИ РЕФОРМ - ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ - СОВРЕМЕННЫЙ СОЛОМОН - СПОСОБЫ НАКАЗАНИЯ - ЖЕНСКАЯ ИГРА - АБИССИНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО - СУД ПО ПАРИ - ССОРЯЩИЙСЯ ХАРАКТЕР АБИССИНЦЕВ - ИХ ТЩЕСЛАВИЕ И ХВАСТОВСТВО - ЗАКОН О ДОЛГАХ - ГОСТЕПРИИМСТВО И ЕГО ОБЯЗАННОСТИ - КУЛИНАРИЯ И СПОСОБЫ ПИТАНИЯ - ПИРШЕСТВО ИЗ СЫРОЙ ПЛОТИ - ПЕРЕЧНЫЙ СОУС - ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ШОТЕЛА - СВАДЕБНЫЙ ПИР - АБИССИНСКОЕ ПИЩЕВАРЕНИЕ.

Правление абиссинцев неоднократно менялось, но в основном оно сводится к своего рода разделенной монархии.

Есть император, верховный король, или негуст, который должен быть прямым потомком Соломона и царицы Савской, и который должен быть коронован первосвященником или абуной, церковным деятелем, который очень близко соответствует греческому патриарху. В основном царь имеет лишь номинальную власть над свирепыми и непокорными вождями провинций, и, что вполне вероятно, самый свирепый, самый умный и самый беспринципный вождь обычно ухитряется управлять царем так, как ему заблагорассудится. Если король достаточно силен, чтобы придерживаться собственного мнения, вожди становятся недовольными и постепенно впадают в состояние хронического бунта, как это было в последние годы жизни Теодора.

В каждом из больших округов есть свой раса, вождь или князь, в зависимости от того, какой титул можно использовать, и его власть абсолютна в своей провинции. Раса назначает под своим началом несколько великих вождей, которые носят титул деджасматч (обычно сокращаемый в деджатч), соответствующий в некоторой степени нашему герцогскому рангу. При этих великих вождях находятся меньшие офицеры, и каждый из них назначается по удару большого церемониального барабана и провозглашению герольдов. Назначенные таким образом люди имеют привилегию бить в барабаны перед собой в походе или в бою, а их звание "addy negarie", или люди чести, дает такую же практическую власть, как и звание деджасматча, не хватает только титула.

Не лишним будет упомянуть, что покойный король Теодор носил титул деджазмача до того, как сам стал королем Эфиопии; а поскольку история этого замечательного человека дает некоторое представление об абиссинском способе правления, будет дан очень краткий очерк его продвижения к трону.

Соединив вместе различные появившиеся истории и отбросив их многочисленные расхождения, мы приходим к следующему ряду событий.

Кассай, так его звали до того, как он сменил имя на Теодорус, был сыном очень маленького вождя по имени Хайлу Веледа Георгис, единственным отличием которого, похоже, было его предполагаемое происхождение от царицы Савской - традиция, которой Кассай впоследствии воспользовался. Когда он умер, его небольшое имущество было захвачено его родственниками, и его вдова была вынуждена содержать себя за счет продажи "коссо", популярного средства от ленточного червя, существа, которое необычайно распространено в этой стране. Кассай, тогда еще мальчик, укрылся в монастыре, где, возможно, и оставался бы до сих пор, если бы деджасматч, ставший по их обычаю мятежником, не напал на монастырь, не сжег хижины, из которых он состоял, и не убил населявших его мальчиков, отомстив за их родителей. Кассаи, однако, избежал расправы и бежал к могущественному и воинственному родственнику, деджасмачу Куфу, у которого он научился обращаться с оружием и познал все, что было известно о военном искусстве.

Однако его дядя умер, и два его сына немедленно вступили в борьбу за наследство; и пока они ссорились, другой могущественный деджасматч, увидев удобный случай, внезапно обрушился на них и стал хозяином лучшей и самой плодородной части района.

Снова лишившись дома, Кассаи сумел собрать группу последователей, которых мы не очень ошибаемся, называя разбойниками, и в течение нескольких лет вел скитальческую жизнь, удивительно напоминающую жизнь Давида в его ранние годы. Постепенно его отряд увеличивался, пока некоторые мелкие вожди не присоединились к нему со своими

последователями, и он стал настолько важным человеком, что известная Вайсоро Меннен, хитрая и честолюбивая мать Рас Али, обнаружив, что его нельзя победить в поле, отдала ему в жены дочь Раса. Однако она оказалась ему верной женой и не захотела иметь ничего общего с замыслами своей бабушки. В конце концов Кассай и Вайсоро Меннен пришли к открытому разрыву и устроили битву, в которой первый одержал победу и захватил и госпожу, и ее прекрасную провинцию Дембею. Последнюю он оставил себе, а первую отпустил на свободу.

Тогда Рас Али попытался избавиться от беспокойного зятя, отдав Дембею Берру Гошу, могущественному деджазмачу, который, соответственно, вторгся в этот округ и вытеснил оттуда Кассая. Это произошло в 1850 году. Однако менее чем через два года Кассай реорганизовал армию, напал на лагерь Берру Гошу, застрелил его собственной рукой и вернул себе провинцию. Полагая, что дело принимает серьезный оборот, Рас Али лично выступил в поход против Кассаи, который покорил его, увел в безопасное место среди галласов и завладел всей Амхарой.

Получив этот великолепный приз, он отправился к Рас Оуби, принцу Тигре, и потребовал дань. Оуби отказался, повел свою армию против Кассаи и потерял и провинцию, и свободу. Завоеватель держал его в тюрьме до 1860 года, когда его первая жена умерла, и он женился на дочери Оуби, которую освободил и сделал своим вассалом.

Став практически хозяином всей страны, он послал за Абба Саламой, тогдашним абуной или патриархом, и короновал себя титулом Теодоруса, царя царей Эфиопии. Это событие произошло в 1855 году; и с тех пор и до самой смерти Теодор сохранял свое главенство, своим поразительным личным авторитетом сдерживая яростных и мятежных духов, которыми он был окружен. Как он на самом деле старался сделать все возможное для своей страны, мы все знаем. Полубезумный по натуре, он обладал многими достоинствами и, если бы лучше знал свою эпоху, до сих пор был бы на троне, правителем довольного, а не мятежного народа. Но он слишком сильно опередил свой век. Он видел необходимость реформ и нетерпеливо пытался навязать их народу, вместо того чтобы мягко проложить к ним путь. Последовали неизбежные результаты, и разум Теодора в конце концов сдал под заботами империи и постоянными неудачами его многочисленных планов. Но до последнего он не терял ни уверенности в себе, ни великолепного мужества, и, хотя душевное равновесие его было нарушено, и он чередовал акты необыкновенной доброты и дикой жестокости, он сражался до последнего, и только когда его покинули солдаты, он умер от собственной руки у входа в свою крепость.

Он ясно видел, что единственный способ создать консолидированное королевство - это сломить власть великих вождей или принцев. Для этого он просто заковал их в цепи, пока они не уступили свои исполнительные полномочия и не стали довольствоваться властью генералов, а не безответственных правителей. Он также хотел покончить с обычаем, по которому каждый мужчина был вооруженным солдатом, и заменить разношерстную орду вооруженных людей, заполнявшую страну, платной постоянной армией. Он стремился развивать сельское хозяйство и, по его собственным словам, не только превратить мечи в жатвенные крючья - что, кстати, очень легко сделать абиссинским мечом, - но и сделать пашущего вола более ценным, чем боевой конь. Он был глубоко привязан к своей собственной ветви церкви и открыто говорил, что его миссия - изгнать исламизм из своей страны, и по этой причине он воюет с галласами, которые, как и шуа и другие племена, исповедуют религию Мухаммеда. Для этого он намеревался совершить поход и сровнять с землей Мекку и Медину, два священных города ислама, и даже планировал поход на сам Иерусалим.

Однако самой сложной задачей для него было подавление безнравственности, царящей во всей Абиссинии, которая, по словам мистера Паркинса, оказывает любопытное влияние на нравы народа. Ни мужчины, ни женщины, похоже, не представляют себе, что безнравственность может вызывать хоть малейший стыд, и, как следствие, и в словах, и в манерах они совершенно благопристойны. Справиться со столь укоренившимся пороком кажется невыполнимой задачей, и так оно и оказалось. Он подал пример своему народу, взяв только одну жену, а когда она умерла, у него было много сомнений по поводу законности взятия другой, и он сделал это только после консультации с европейскими друзьями и тщательного изучения Библии. Однако он не мог продолжать борьбу с природой и в последние годы жизни прибег к старому обычаю гарема.

(1.) ФЕОДОР И ЛЬВЫ.
(См. стр. 653.)

(2.) ПЛЕАДЕРЫ.
(См. с. 654.)

Поскольку читатель, вероятно, хотел бы увидеть, каким человеком был этот Теодор, я привожу на странице 652 его портрет, сделанный с зарисовки, сделанной в то время, когда он наслаждался прекрасным здоровьем тела и ума, и когда он был безответственным правителем своей страны, не зная никого выше себя, и его ум был полон планов завоевания других земель и реформ в своей собственной. Портрет был сделан М. Лежаном примерно за десять лет до смерти Теодоруса; и, несмотря на потерю волос, которые он носил короткими в последние годы жизни, и на разрушения, которые время, беспокойство и неправильное рвение внесли в его черты, лицо по сути то же самое, что и у мертвеца, лежавшего в воротах Магдалы в роковую Страстную пятницу 1868 года.

Зная характер людей, над которыми он царствовал, Феодор широко использовал внешние аксессуары для того, чтобы внушить им трепет, такие как великолепные одеяния и оружие, украшенное драгоценными металлами. Среди наиболее ценных аксессуаров были четыре прирученных льва, которых он очень любил. Эти животные путешествовали вместе с ним и даже жили в одной конюшне с лошадьми, их никогда не держали на цепи и не закрывали в клетках, а позволяли гулять совершенно свободно. Они были такими же ручными и послушными, как собаки, и М. Лежан утверждает, что единственным возражением против них была излишняя демонстративная привязанность их манер. Они, как и кошки, любили, чтобы их замечали и обращали на них внимание, и были склонны к неприятной назойливости в выпрашивании ласки.

Однако они были несколько раздражительны, когда путешествовали по горным хребтам: холодная погода этих возвышенных мест делала их неуютными и раздражительными. Стремясь произвести впечатление на подданных своей значимостью, в чем он весьма преуспел, Теодор имел обыкновение брать с собой львов, когда давал аудиенции. Прилагаемый портрет сделан по эскизу Льва Абиссинии, сидящего в зале аудиенций и окруженного живыми эмблемами титула, который он носил и который он увековечил в своей королевской печати.

Правосудие отправляется различными способами, иногда по воле вождя, а иногда с помощью своего рода суда или совета старейшин. Первый процесс, как правило, носит весьма упрощенный характер и основан на старом Моисеевом принципе "око за око" и "зуб за зуб". Если, например, один человек убивает другого и преступник обнаруживается, Рас приказывает ближайшему родственнику убийцы убить его точно так же, как он убил свою жертву. Один очень странный случай был расследован Оуби, расом или принцем Тигре.

Два маленьких мальчика, старший восьми, а младший пяти лет, гуляли вместе, когда увидели дерево, усыпанное плодами. С некоторым трудом старший забрался на дерево и, стоя на ветке, сорвал плод и бросил его своему маленькому товарищу, который стоял внизу. По какой-то случайности он упал с дерева на голову своего товарища по играм и убил его на месте. Родители несчастного ребенка настояли на том, чтобы убивший его мальчик был привлечен к суду за убийство, и после долгих совещаний его признали виновным. Затем Рас Оуби вынес приговор. Виновный должен был встать под веткой, точно на том месте, где стоял бедный мальчик. Старший брат должен был забраться на дерево и падать на голову другого мальчика, пока не убьет его.

Воровство обычно наказывается поркой, причем плеть - самое грозное оружие, сделанное из шкуры и называемое из-за своей длины и веса "жирафом". Вора иногда выводят на рыночную площадь, раздевают до пояса и ведут за собой двое мужчин, а третий наносит ужасающую серию ударов кнутом-жирафом. После каждого удара преступник вынужден восклицать: "Все, кто видит меня таким образом, набирайтесь опыта на моем примере".

Многие другие преступления, такие как святотатство, бунт и тому подобное, наказываются потерей руки или ноги, а иногда и обеих. Лишенный члена ампутируется очень неуклюжим способом, маленьким изогнутым ножом, так что неосторожный или неумелый палач может причинить страшные страдания. Виновный обычно дает плату палачу, который затем насаживает нож на как можно более острую кромку и говорит страдальцу, как расположить руку и развести пальцы, чтобы сухожилия растянулись и сустав легко разошелся. Один человек, приговоренный к потере левой руки, перенес операцию, не шелохнувшись, а когда рука была отрублена, взял ее правой и бросил в лицо председательствующему вождю, воскликнув, что у него все еще есть рука, чтобы метнуть копье. С тем же спокойствием он окунал кровоточащий обрубок в кипящее масло, которое обычно используется в качестве кровоостанавливающего средства. Иногда, однако, использование горячего масла запрещено, и страдальца оставляют истекать кровью до смерти.

Абиссинцы, однако, так же мало чувствительны к боли, как и большинство африканских племен, и с легкостью переносят травмы, которые убили бы европейца. У молодых людей есть любопытная забава, которая хорошо иллюстрирует их нечувствительность к боли. "Когда компания молодых людей сидит вместе, присутствующие дамы приносят кусочки косточек стеблей проса, нарезанные длиной около дюйма и толщиной с большой палец человека, или, что еще лучше , кусочки старой тряпки, плотно свернутые, чтобы получилась

лепешка таких же размеров. Все это каждая дама раскладывает в узоры на вытянутой руке того, кого она выберет, и зажигает их верхушки.

"Единственная заслуга мужчины - позволить им полностью сгореть, не двигая рукой, чтобы они не упали, и не показывая ни словом, ни взглядом, ни жестом ни малейшего признака боли. Напротив, он должен продолжать приятную беседу, как будто ничего не происходит. Женщина-оператор обычно раздувает огонь, чтобы поддержать его, а материал, будь то кусок луба или тряпка, имеет очень пористую природу и горит медленно, как зола, поэтому действие огня ощущается на коже задолго до того, как он достигнет ее. По сути, это операция, схожая с моксой в европейской хирургии. Когда гранулы полностью сгорят, женщина грубо потирает рукой прижженные участки, чтобы удалить ожог. На меднокожих людях шрамы, когда они хорошо заживают, приобретают полированную черную поверхность, которая очень красиво контрастирует с окружающей кожей".

Суды правосудия, о которых шла речь, состоят из старейшин; нередко в качестве судьи выступает глава района. Когда два человека вступают в спор и передают его в суд, за тяжущимися приходит офицер и связывает угол их каменоломен. Держа их за узел, он ведет их к магистрату, где каждый волен отстаивать свою правоту. С момента завязывания узла ни одному из них не разрешается говорить, под страхом большого штрафа, пока они не предстанут перед магистратом; когда же начинается судебное разбирательство (см. гравюру № 2, с. 652), первым имеет право говорить истец, затем ответчик. Ни одному из них не разрешается перебивать другого под страхом штрафа; но, сочувствуя слабости человеческой натуры, не говорящий может ворчать, если хочет, когда противник делает какое-либо заявление, которое ему неприятно.

Самой странной частью процесса является обычай заключать пари, или, скорее, платить неустойку, на результат расследования. Истец, например, предлагает поставить одного, двух или более мулов, и ответчик считает себя обязанным принять вызов, хотя иногда может изменить сумму ставки. Когда дело решается, проигравший выплачивает сумму, но не победителю, а начальнику, который решает дело. Мул", кстати, не обязательно означает животное, но это слово условно используется для обозначения определенной суммы денег, так что "мул" означает десять долларов, так же как среди английских спортсменов "пони" означает 25 фунтов.

Эта практика распространена до такой степени, что мистер Паркинс видел, как десять мулов были поставлены на кон за небольшое количество кукурузы стоимостью всего два или три шиллинга. Цель "пари", по-видимому, заключается в том, что предложение обязывает противоположную сторону выполнить судебное решение, и когда оно предложено, вождь заставляет проигравшего платить под страхом посажения в цепи.

Из предыдущих наблюдений видно, что абиссинцы - довольно ссористый народ. Это происходит главным образом из-за их тщеславия, которое чрезвычайно велико и достигает своей высшей точки, когда мозг возбуждается, а язык развязывается от выпивки. Именно эта национальная черта побудила короля Теодора возомнить себя равным любому монарху на земле и вообразить, что он может успешно справиться с могуществом Англии.

Мистер Мэнсфилд Паркинс дает очень забавный рассказ об этом национальном недостатке.

"Тщеславие - один из главных грехов абиссинцев, и именно в этой слабости, проявляющейся под воздействием спиртного, кроется причина большинства их ссор. Я помню, как не раз слышал замечание, подобное следующему, сделанное одним из двух мужчин, которые, будучи "моими дорогими друзьями", решили сидеть за столом рядом друг с другом: "Ты очень

хороший парень и мой очень дорогой друг, но (икота) ты и вполовину не такой храбрый и красивый, как я! Дорогой друг" отрицает этот факт тоном, свидетельствующим не о дружбе, и заявляет, что его мнение прямо противоположно. Стороны разгораются в споре; слова, как обычно бывает, когда люди находятся в таком состоянии, разбрасываются без всякой меры и часто без особого смысла; следуют оскорбления, затем удары; и если окружающие находятся в таком же состоянии, как и они сами, и не разнимают их немедленно, то часто случается, что достаются мечи.

"Опасные раны или смерть являются следствием этого; или, что бывает нередко, другие члены партии, встав на сторону ссорящихся, возможно, с мыслью уладить дело, побуждаются присоединиться к ссоре, которая в конце концов переходит в общую драку". Я не раз замечал, как эта черта тщеславия по-разному проявляется у пьяных абиссинцев. Я всегда находил, что лучший способ заставить человека замолчать, когда он находится в таком состоянии, - это заметить ему, что великому человеку не подобает вести себя подобным образом, что люди высокого ранга достойны и сдержанны в своих манерах и разговоре. И таким образом я не раз успешно спорил с собственными слугами, льстя им, пока они были навеселе, а затем расплачиваясь с ними пятифутовым мужским бамбуком, когда они снова трезвели.

"Я помню одного парня, который был в привилегированном положении, потому что он попросил у меня разрешения пойти на вечеринку и напиться. Вернувшись вечером домой, он, пошатываясь, вошел в мою комнату в столь достойной манере, как только мог, и, усевшись рядом со мной на кушетку, обнял меня со слезами на глазах, сделал мне тысячу признаний в привязанности и расположении, предлагая служить мне всем, чем только сможет, но ни единым выражением не показав, что считает меня не иначе как дорогим другом, и то довольно покровительственно, хотя тот же самый человек имел привычку каждый вечер мыть мне ноги и целовать их после этого, и, если был трезв, не думал о том, чтобы сесть в моем присутствии даже на землю, а не то чтобы перепрыгнуть через луну.

"Со своими сослуживцами он тоже вел себя подобным образом; хотя он знал их всех, их характеры и должности, он обращался к ним как к своим слугам, приказывая им и порицая их за различные проступки, которые они, несомненно, совершили и которые таким образом стали мне известны. В сущности, во всем он в совершенстве воспроизводил манеры и язык великого человека; и так часто я видел подобную мимикрию, что это навело меня на мысль, что главное умственное занятие самого низкого человека в стране - строить воздушные замки и упражняться в том, как бы он поступил и что бы он сказал, если бы был великим человеком".

Закон о долгах очень суров. Должника бросают в тюрьму и приковывают к стене за запястье. Кольцо, охватывающее запястье, представляет собой широкий обруч или браслет из железа, который раздвигается достаточно далеко, чтобы в него могла войти рука, а затем скрепляется молотком достаточно плотно, чтобы руку нельзя было вытащить. Через некоторое время, если сумма не выплачивается, браслет забивают еще туже; и так кредитор продолжает затягивать железо, пока оно не будет вбито в плоть, не будет остановлено движение крови, и рука не будет окончательно уничтожена дебилизацией.

Если кредитором за неуплаченную дань выступает правительство, к должнику выставляется рота солдат, и он обязан кормить их лучшим, под страхом жестокого обращения. Конечно, такой способ принуждения к уплате часто имеет обратный эффект, и, когда в округе объявляется большой налог, люди *массово* бегут из деревень. В этом случае староста

деревни несет ответственность за всю сумму и иногда вынужден спасаться бегством с тем количеством имущества, которое ему удается унести.

При правильном обращении абиссинцы - гостеприимный народ. Некоторые путешественники берут с собой солдата и требуют еды и ночлега. Их, конечно, дают из страха, но без радушия. Правильный способ заключается в том, что когда путник приходит в деревню, он садится под деревом и ждет. Вскоре вокруг него собираются жители деревни, расспрашивают его и делают замечания по поводу его внешности с совершенной откровенностью. После того как он пройдет через это испытание, кто-нибудь обязательно пригласит его к себе домой, а если он окажется человеком знатным, то один из главных людей обязательно станет его хозяином.

Когда мистер Паркинс жил в Абиссинии, он всегда следовал этому плану. Однажды староста пригласил его в свой дом и очень гостеприимно угостил, извинившись за отсутствие лучшей еды тем, что недавно его обязали платить дань за нескольких сбежавших людей, и поэтому он сильно поиздержался в мире. Оказалось, что шестнадцать домовладельцев сбежали, чтобы избежать налога, и несчастному пришлось заплатить всю сумму, которая заставила его продать лошадь, мула и почти всех своих плужных волов, и даже когда он принимал гостей, его терзал страх, что к нему не приставят солдат.

Вопрос о гостеприимстве, естественно, приводит нас к тому, как готовят и едят в Абиссинии, о чем рассказывают так много странных историй. Мы все слышали о рассказе Брюса о поедании сырого мяса, отрезанного от конечностей живого быка, и о буре насмешек, которую вызвал этот рассказ. Посмотрим, насколько его слова подтверждаются фактами.

В Абиссинии "посох жизни" готовят примерно так же, как и в других частях Африки: зерно размалывают между двумя камнями, а затем делают из него очень тонкую пасту, по консистенции напоминающую кашу. Эту пасту оставляют в банке на день и ночь, чтобы она стала кислой, а затем отправляют в печь. Это очень любопытная вещь, представляющая собой плиту из фаянса, в которой сделано вогнутое углубление, и снабженная небольшой крышкой из того же материала. Под печью, или "магого", как ее называют, разводят огонь, и когда он разгорается, пекарь, который всегда является женщиной, приступает к работе.

Сначала она натирает углубление маслянистым семенем, чтобы хлеб не прилипал к нему, а затем тыквенным половником берет из кувшина немного тонкого теста. В тыкву помещается ровно столько, чтобы получилась одна буханка или, скорее, лепешка. Быстрым движением женщина распределяет тесто по всему углублению, а затем накрывает крышкой. Через две-три минуты ее снимают, и хлеб отделяется одним плоским круглым куском шириной около восемнадцати дюймов и толщиной около восьмой части дюйма. Этот хлеб, называемый "тефф", - обычный рацион абиссинца. Он очень кислый, очень мягкий и очень пористый, и чтобы оценить его по достоинству, нужно обладать опытным вкусом. Есть несколько других видов хлеба, но больше всего ценится тефф.

Что касается мясного рациона абиссинцев, то его можно условно разделить на вареное и невареное мясо. Вареное мясо обычно готовится из наименее ценных частей животного. Его режут на маленькие кусочки и тушат в кастрюле вместе с другими ингредиентами, большим количеством масла и таким количеством стручков стручкового перца, что вся каша приобретает светло-красный цвет, и капля ее оставляет красное пятно на любой одежде, на которую она может случайно упасть. Эта паста называется "диллих" и готовится путем измельчения стручков стручкового перца и такого же количества лука, к которым добавляют имбирь, соль, черный перец и другие травы, по вкусу готовящего. Более бедные слои

населения, которые не могут позволить себе мясо, все же могут приготовить пасту диллих и живут почти полностью на теффе, сгущенном молоке и диллихе.

Но главным лакомством для абиссинского эпикурейца является "брундо", или сырое мясо, в отношении которого он так же привередлив, как европейский *бонвиван* в отношении своих соусов и рагу. Ни один абиссинец не станет есть животное, у которого в верхней челюсти есть резцы, и, подобно евреям, они отвергают даже верблюда, потому что у него нет копыт.

Согласно рассказу Брюса, когда собирается званый обед, к дверям дома приводят корову, связывают ее, бросают на землю и выливают несколько капель ее крови, чтобы соблюсти букву Моисеева закона. Затем мясники отрезают от бедного животного большие куски мяса, стараясь избегать жизненно важных частей и крупных сосудов и стараясь удалить плоть без особого вытекания крови.

Еще теплую плоть заносят в дом, где мужчины нарезают ее на полоски и передают женщинам, которые сидят рядом с ними. Женщины режут ее на небольшие квадратики, кладут на хлеб "тефф", обильно приправляют пастой диллих, скатывают в шарики и заталкивают их в рот своему спутнику, который ест, пока не насытится, а затем в ответ делает еще пару таких же шариков и кладет их в рот женщинам. После этого медовуха и тедж потребляются в таком же количестве, как и мясо, и, по словам Брюса, завершение праздника сопровождается сценой самой отвратительной разнузданности" (см. с. 643).

Эти утверждения вызывают много споров, но нет никаких сомнений в том, что в основном рассказ Брюса был правдивым. Многие факты, о которых он писал, впоследствии были подтверждены, а изменения, которым подверглась Абиссиния, объясняют несущественные вариации. Более поздние путешественники, например, не были свидетелями такой сцены, о которой повествует Брюс, но это не причина, почему она не должна была произойти. Самая важная ее часть, а именно поедание сырой плоти, была неоднократно подтверждена, особенно Мэнсфилдом Паркинсом, который так долго жил с абиссинцами, одевался как они, питался как они и во многих отношениях приспособился к их образу жизни.

Он обнаружил, что мясо всегда, по возможности, едят в сыром виде, только низшие сорта становятся пригодными для употребления в пищу с помощью кулинарии. Его описание способа питания полностью совпадает с описанием Брюса. Мясо всегда приносят еще теплым и трепещущим, так как в холодном виде оно становится жестким и жилистым. Каждому гостю подают много теффа и неизменный перечный соус. Пальцы заменяют вилку, а меч, или шотель, - нож. Держа бурундо в левой руке, он берет в свой вместительный рот столько, сколько тот может вместить, а затем ловким движением меча вверх отрезает кусок мяса, при этом умудряясь не отрезать себе нос. Он чередует куски мяса с теффом и диллихом, а когда заканчивает, обильно подкрепляется напитками.

Такая пища кажется неописуемо отвратительной и очень непригодной для нации, гордящейся своим христианством. Многие люди, правда, говорили, что никто не *может* есть сырое мясо, кроме тех, кто вынужден голодать, и тем самым дискредитировали все рассказы об этой практике.

Возможно, мои читатели помнят, что после возвращения Брюса один джентльмен в присутствии путешественника очень смеялся над этим рассказом, считая всю историю выдумкой на том основании, что есть сырое мясо невозможно. Брюс ничего не сказал, но тихо вышел из комнаты, а вскоре вернулся с куском говядины, свернутым и поперченным по абиссинской моде, и предоставил своему изумленному противнику выбор: съесть мясо или

сразиться с ним на месте. Поскольку Брюс обладал гигантской силой и ростом, да к тому же был искусным фехтовальщиком, мясо было съедено, что и подтвердилось.

Мистер Паркинс, который, будучи в Абиссинии, очень мудро поступал так, как поступают абиссинцы, обнаружил, что вскоре привык к вкусу сырого мяса и научился предпочитать одну часть животного другой. Он обнаружил, что очень хорошую имитацию устриц можно сделать, мелко нарезав овечью печень и приправив ее перцем, уксусом и небольшим количеством соли, при условии, что во время еды потребитель закрывает глаза. Он даже научился ценить блюдо под названием чогера, которое кажется верхом мерзости. Оно состоит из печени и желудка, мелко порубленных, смешанных с небольшим количеством полупереваренной травы, находящейся в желудке, приправленных содержимым желчного пузыря, обильно приправленных перцем, солью и луком, и съеденных без варки.

Пищеварение абиссинца удивительно, и почти соперничает с пищеварением щуки, которая переваривает половину рыбы в желудке, в то время как другая половина торчит из ее пасти. За день он побывает на любом количестве пиршеств и на каждом из них нагуляет прекрасный свежий аппетит, съедая за один прием пищи столько, что хватило бы на семь или восемь голодных англичан. Однажды мистер Паркинс накормил завтраком четырнадцать гостей, полагая, что, поскольку в тот же день они были заняты на трех или четырех других пирах, они, возможно, съедят совсем немного.

Однако, следуя старым гостеприимным обычаям, он убил корову и двух жирных овец, поставил много галлонов медовухи и бесконечное количество "теффа". К его удивлению, все эти огромные запасы исчезли, как он говорит, "как дым" перед его гостями, которые не оставили ни крошки для своих слуг. После этого пиршества вся компания отправилась в другой дом, где с ними обошлись столь же либерально, и в течение дня они провели четыре или пять таких банкетов.

Абиссинцы очень придирчиво относятся к части животного, из которой вырезается брундо, и имеют огромное количество названий для обозначения различных качеств мяса. Наиболее ценной частью является горб плеча, первый кусок которого всегда отдается человеку самого высокого ранга. Поэтому, когда встречаются несколько мужчин почти одинакового ранга, некоторое время ведется вежливый спор, в ходе которого каждый предлагает почетный кусок своему соседу.

В одном из случаев это нарушение этикета привело к фатальным последствиям. На встрече присутствовали несколько вождей амхара и один тигреец. Последний, чтобы утвердить превосходство своей провинции, выхватил меч и первым нанес удар, после чего ему тут же бросили вызов два амхарских воина. Он принял вызов, сразился с ними обоими, убил их обоих и тем самым подтвердил правильность выбранного им курса.

Чтобы оценить количество съеденного абиссинцем при первой же возможности, его нужно увидеть. Посмотрите, например, рассказ мистера Паркинса о пиршестве на абиссинской свадьбе: - "Гости-абиссинцы были в полном составе.

"Абиссинские гости сидели на корточках вокруг столов длинными рядами, питались так, словно их жизнь зависела от количества еды, которую они могли съесть, и запивали это потоками напитков. Я никогда бы не поверил, что люди способны съесть столько еды, и, конечно, если читатель захочет увидеть любопытную выставку по кормлению, ему достаточно будет съездить в Абиссинию и побывать на свадебном пиру.

Представьте себе две или три сотни полуголых мужчин и женщин в одной комнате, которые едят и пьют так, как я описал в предыдущей главе, но с той разницей, что частная вечеринка хорошо упорядочена и организована, в то время как общественная "тусовка" представляет собой сцену самого ужасного беспорядка. Здесь все приличия потеряны из виду, и вы видите, как официанты, каждый с огромным куском сырой говядины в руках, неистово мечутся туда-сюда в своем желании удовлетворить прожорливые аппетиты гостей, которые, как только он оказывается в пределах их досягаемости, хватают мясо и своими длинными кривыми мечами отрубают кусок или полосу, в зависимости от обстоятельств, в своем стремлении не упустить свою долю.

"Об одном человеке рассказывали, что он съел "таллак" и "тамаш" из сырой говядины (каждый весом от четырех до пяти фунтов) и семь лепешек хлеба, а также выпил двадцать шесть пинт пива и "теджа". Из того, что я видел, я могу поверить во многое, но это выглядит довольно "натянуто".

Нам, представителям секты франков, принесли нашу долю "брундо"; но поскольку наш заботливый хозяин сообщил нам, что во внутренних апартаментах нас ожидает ужин, приготовленный его собственными руками в турецком стиле, мы просто, для формальности, попробовали предложенные лакомства, а затем передали их слугам, которые, стоя позади нас, были готовы унести их с собой. Серебряных дел мастер Майкл перед тем, как прийти на пир, судя по всему, возносил довольно обильные возлияния какому-то богу, так как был значительно возвышен, и, желая покрасоваться, начал есть на абиссинский манер, не останавливаясь, пока не прорезал себе большую рану в носу".

Руки всегда тщательно моют как до, так и после еды. Перед самым окончанием пиршества слуги подходят с корзинами к гостям, каждый из которых кладет в корзину свою порцию еды. Что касается маленьких мальчиков, то они ползают под столами и среди ног гостей и всегда готовы к любым осколкам, которые могут быть случайно обронены или намеренно переданы им.

Пиво, или "тедж", и медовуха, о которых уже говорилось, - любимые напитки абиссинцев. Первое очень густое и похожее на кашу, и для европейца очень отвратительно. Вторая, однако, довольно вкусная, и ее бережно хранят в больших кувшинах. Горлышко каждого кувшина закрыто куском хлопчатобумажной ткани, плотно натянутой на него. Она не снимается, когда медовуха выливается, и служит ситечком.

ГЛАВА LXVI.
АБИССИНИЯ - Завершена.

РОЖДЕНИЕ, ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ АБИССИНЦЕВ - ЦЕРЕМОНИИ ПРИ РОЖДЕНИИ - ОБРЕЗАНИЕ И КРЕЩЕНИЕ - ЗАБОТА О ТОЧНОЙ ДАТЕ КАЖДОГО ОБРЯДА - БРАК, ГРАЖДАНСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ, И ИХ РАЗЛИЧНЫЕ ХАРАКТЕРЫ - ГРАЖДАНСКИЙ БРАК И СОПУТСТВУЮЩИЕ ЕМУ ЦЕРЕМОНИИ - СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ - ФОРМА МОГИЛЫ - НАЕМНЫЕ СКОРБЯЩИЕ - ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ ПОМИНОВЕНИЕ УМЕРШИХ - ПОДНЯТИЕ ХАЙ-ХО - РЕЛИГИЯ АБИССИНЦЕВ - ПОСТ И ПИРШЕСТВО, ДОВЕДЕННЫЕ ДО КРАЙНОСТИ - ДЕНЬ СВ. JOHN'S DAY AND THE ANNUAL WASHING - ДРУЖЕСКИЕ СТЫЧКИ - АБИССИНСКИЕ ЦЕРКВИ - СВЯТИЛИЩЕ И КОВЧЕГ - КОВЧЕГ В БОЮ - НЕВЕЖЕСТВО СВЯЩЕНСТВА - БИБЛИЯ КАК ЗАПЕЧАТАННАЯ КНИГА ДЛЯ СВЯЩЕННИКОВ И МИРЯН - ЖИЗНЬ СВЯТОГО - СУЕВЕРИЕ - ПРЕВРАЩЕНИЕ - БУДА

И ТИГРИТИЯ - ПРИМЕРЫ, УВИДЕННЫЕ МИСТЕРОМ. ПАРКИНС - АБИССИНСКАЯ АРХИТЕКТУРА.

Теперь мы бегло рассмотрим жизнь абиссинца от его рождения до похорон.

Как только ожидается рождение ребенка, все мужчины покидают дом, поскольку, находясь под одной крышей, они будут считаться оскверненными, и в течение сорока дней им не разрешат войти в церковь. Женщины сразу же берут на себя заботу о новорожденном, моют и надушивают его, а также лепят его маленькие черты лица, чтобы сделать их красивыми. Если это мальчик, его держат у окна, пока воин не внесет в комнату копье и не воткнет его в рот ребенка; предполагается, что эта церемония придаст ему храбрости. Затем на глазах у ребенка перерезают горло птице, и женщины произносят радостные крики - двенадцать раз для мальчика и три раза для девочки. Затем они с бешеной скоростью выбегают из дома и пытаются поймать мужчин. Если им это удается, они тащат пленников за собой и заставляют их выкупить себя кувшином медовухи или другим подобным подарком.

Далее следуют религиозные обряды, и не менее любопытным моментом в религиозной системе абиссинцев является то, что они сохранили еврейский обряд, к которому добавили христианское крещение. Через восемь дней после рождения ребенка обрезают, через двадцать дней священники входят в дом и совершают очистительную службу, которая восстанавливает его для общего использования, а через сорок дней происходит крещение, если ребенок мальчик, и через восемьдесят дней, если девочка. Затем на шею ребенка надевают плетеный шнур из красного, синего и белого шелка в знак крещения, который потом меняют на синий шнур или "спичку", которую носят все христианские абиссинцы. Существует любопытный закон, согласно которому, если один из спонсоров умирает, не оставив потомства, его крестник становится наследником его имущества.

Священники очень щепетильно относятся к дате крещения. Они верят, что Адам и Ева обрели дух жизни только после сорока и восьмидесяти дней творения. Если отец ошибется с датой, он будет приговорен к годичному посту, а священник понесет аналогичное наказание, если случайно назначит неправильный день.

Что касается браков, то абиссинцы справляются с ними очень легко. Сразу после обручения, которое чаще всего происходит в раннем возрасте, паре не разрешается видеться друг с другом, хотя до этого они могли пользоваться самой большой свободой. В Тигре эта практика соблюдается настолько строго, что невеста никогда не покидает дом своего отца до свадьбы, считая, что если она это сделает, то будет укушена змеей.

Непосредственно перед днем свадьбы из кольев и тростника строится "дасс", или шатер, для приема свадебной компании, в котором готовится брачный пир. Для некоторых почетных гостей отводятся специальные места , но любой может свободно войти и поесть на свое усмотрение. В таких случаях всегда случается сцена большой суматохи: толпа людей, которых уже накормили, пытается добиться повторного приема, в то время как другая толпа голодных претендентов борется и протискивается к входу. Порядок в некоторой степени поддерживается несколькими молодыми людьми, которые добровольно предоставляют свои услуги, и им разрешается исполнять свои обязанности так, как они считают нужным, нанося удары по толпе, и никто не отвечает на их удары. Как только одна партия гостей съедает столько, сколько от нее можно ожидать, привратники выпроваживают их силой и впускают новую партию.

После пира невесту вносят на спине мужчины и укладывают, как мешок с углями, на табурет. В то время как жених в сопровождении своих друзей и музыки направляется к дому в сопровождении своих друзей, в доме звучат музыка и танцы. Когда он прибывает, происходит бракосочетание - скорее гражданская, чем религиозная церемония, - с обращением к брачующимся обращается священник , если он присутствует, если нет - старейшина, и собственно церемония завершается.

У аркеев есть ряд любопытных обязанностей, среди которых обычай собирать подарки для новобрачных, выпрашивая их с песнями и битьем в барабаны перед домами. Если им ничего не дают, они берут все, что пожелают; а после свадьбы грабежи становятся бесчисленными, поскольку аркеи являются привилегированными лицами в течение всего срока их полномочий. Им даже разрешается лжесвидетельствовать - преступление, которое вызывает глубочайшее отвращение у всех абиссинских христиан. Если человек, у которого что-то украли, предлагает подарок в качестве выкупа, аркеи обязаны отдать украденное; но если они взяли птицу или другие съестные припасы, возврат невозможен: аркеи заботятся о том, чтобы их сразу же приготовили и съели.

Такие браки, будучи всего лишь гражданскими церемониями, расторгаются так же легко, как и заключаются, малейший предлог с любой стороны считается достаточным для разрыва. Если есть дети, отец забирает мальчиков, а мать - девочек, и каждый из них, вероятно, почти сразу же женится снова.

Вследствие такого простого устройства часто случается, что в одной семье двое детей могут быть от одной матери, двое - от другой, а еще один или два - от третьей; и почти неизменно дети одного отца от разных матерей сердечно ненавидят друг друга, в то время как дети одной матери от разных отцов живут вместе в дружбе.

Помимо гражданских браков, которые на самом деле не являются браками вообще, существуют церковные браки, которые считаются нерасторжимыми. Однако они заключаются крайне редко, разве что между людьми, которые уже состояли в гражданском браке и после многолетнего опыта убедились, что лучше им не найти. Поэтому они идут в церковь, венчаются у священника и вместе принимают причастие.

Когда абиссинец умирает, похороны проходят в течение очень короткого времени, по возможности в тот же день. О смерти сообщают родственники с крыши дома и гонцы в соседние деревни, а могилу сразу же выкапывают добровольцы. В Абиссинии нет профессиональных гробокопателей, но, поскольку погребение мертвых считается делом благородным, помощь всегда найдется. Тело кладут на кушетку и несут к могиле, повторяя по пути всю Псалтирь. Во время следования тела к церкви делается шесть остановок, на каждой из которых над ним возжигается ладан и читаются некоторые фрагменты Священного Писания, а точнее, проговариваются, как только можно повторить слова. Чтобы сэкономить время, каждому присутствующему священнику или писцу отводится определенная часть, и они читают все сразу, так что скорбящие не могут уловить ни слова. Впрочем, они сами так шумят, что не беспокоятся о том, чтобы услышать Писание.

Носильщики трупа управляются так, что седьмой привал делают у церковных ворот. Здесь, экономя время, читают еще часть Писания, а тело заворачивают в ткань из пальмовых листьев, символизирующую пальмовые ветви, брошенные перед Господом во время Его триумфального въезда в Иерусалим. Когда могила готова, священник спускается в нее и совершает каждение, после чего тело опускают и засыпают землей.

В связи с быстротой, с которой погребение следует за смертью, траурные церемонии откладываются на три дня, чтобы дать время собраться скорбящим и сделать соответствующие приготовления.

В этот день скорбящие отправляются к месту возле церкви, где ставится кушетка с грубой фигурой человека, который, как предполагается, изображает покойного. Отношения появляются с обритыми головами, как у священников, а у тигрейцев они трут лоб и виски краями своих одеяний, пока не сдирают кожу и не образуются язвы, которые часто заживают в течение многих недель. В большинстве случаев повреждения настолько велики, что когда кожа обновляется, она становится чернее, чем все остальное тело, и остается такой на всю жизнь, придавая лицу весьма необычное выражение. Амхары не используют такой способ выражения своего горя.

Затем каждый из скорбящих выступает вперед и произносит своего рода панегирик покойному, причем обычно произносит свои панегирики в виде грубых стихов. Если же родственники не окажутся хорошими поэтами, на похоронах присутствует целый ряд профессиональных скорбящих, некоторые из которых наняты, но большее число приходит лишь в надежде получить гонорар и принять участие в погребальном банкете, завершающем процедуру. По словам мистера Паркинса, эти люди подробно описывают историю покойника, его поступки, характер и даже имущество, причем очень подробно, например: "О Габрон, сын Вельды Мусы, внук Итта Гарра Рафаэля, и т. д. и т. п.; всадник на гнедом коне с белыми ногами и на сером муле; владелец дамасской пушки и носитель щита, окованного серебром, почему ты покинул нас?" и т. д., с поразительной готовностью вдаваясь во все подробности жизни и деяний покойного. В конце каждого куплета все присутствующие вступают в хор рыдающих причитаний, приспособленных к скорбному напеву: "Муи! ваи! ваи! ваи! ваи! ваи! ваи! ваи! ваи!" и т. д., который имеет довольно пронзительное звучание, особенно когда, как это обычно бывает, к нему присоединяется несколько мягких женских голосов.

"Амбильта" и "кундан" идут в ногу с ними, и это не мало усиливает эффект. Так продолжается до тех пор, пока не прибудут все ожидаемые друзья и не выпьют все, что можно, а около полудня вся компания удаляется в дом, где убивают корову и запасаются провизией для тех, кто приехал издалека. Все, кроме коровы, обычно предоставляют соседи, так как считается, что скорбящие настолько переполнены горем, что не могут заниматься такими приготовлениями".

Упомянутая выше "амбильта" - это музыкальный инструмент, состоящий из шести труб, причем у каждого исполнителя одна труба, а у каждой трубы - только одна нота. Кундан мелахат" состоит из четырех длинных тростниковых трубок, каждая из которых имеет колокольчик и тростниковый мундштук, как у кларнета. На них играют последовательно, как на амбильте, и они издают очень резкие и неприятные ноты. Оба инструмента обычно сопровождаются небольшим барабаном. Хотя непосредственные похоронные церемонии заканчиваются этим праздником, они не являются полностью завершенными. Действительно, в течение всего года в течение сорока дней регулярно совершаются заупокойные мессы, а на восьмидесятый день - еще одна. Второй и более масштабный праздник похорон, называемый "тескар", проводится через шесть месяцев после погребения и иногда длится несколько дней.

На этот праздник приходят все бедняки, которые требуют для себя права получить помощь раньше всех обычных гостей. Они рассаживаются в "дасе" и произносят громкие молитвы, пока не подойдет чиновник и не постучит палкой по голове каждого. Получивший такой

сигнал протягивает руки и получает в них порцию мяса, завернутого в хлеб "тефф". Когда все угостились, они держат еду под ртом и очень громко произносят "Хай... о!", причем последний слог затягивается до тех пор, пока у них не заканчивается дыхание.

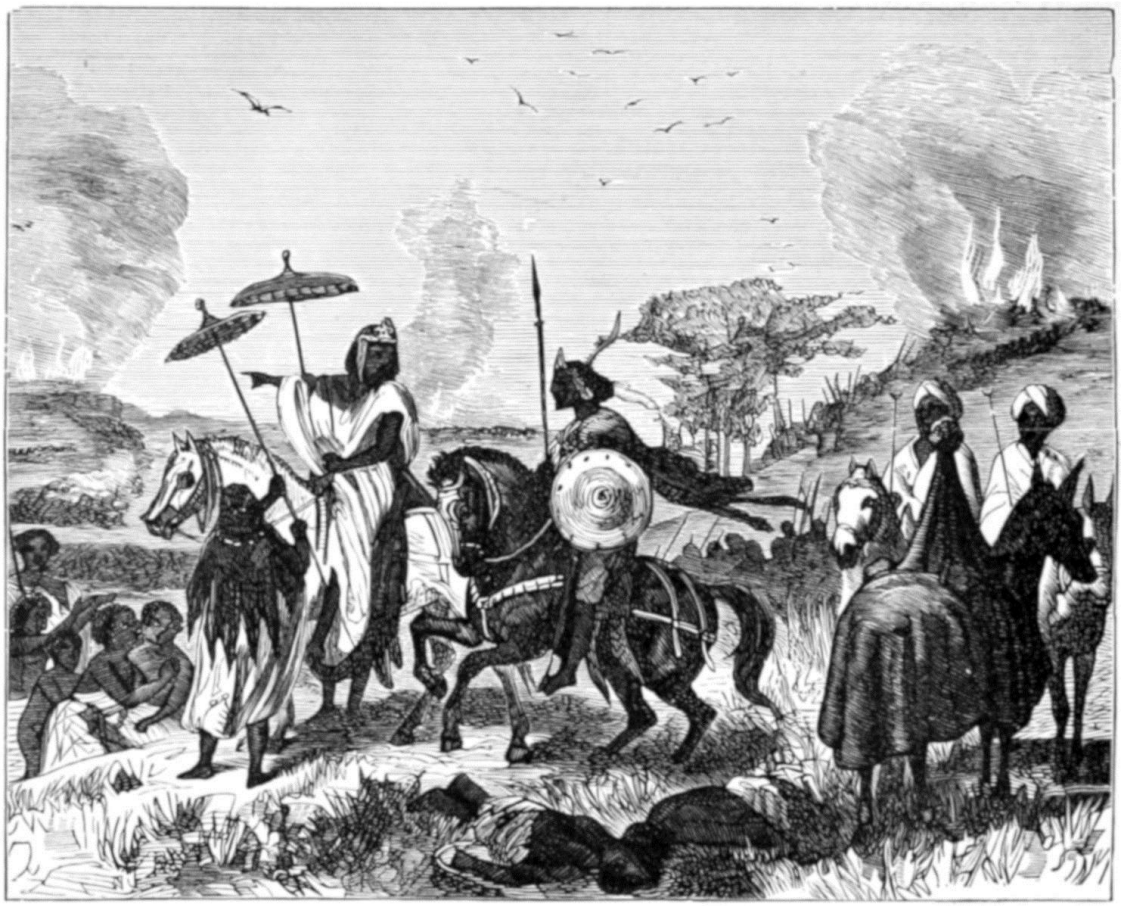
"Это "Хай... о!" считается своего рода благословением, и мало кто осмелится его пропустить. Такое опущение было бы воспринято как сведение на нет злословия бедняков и вызвало бы величайшее презрение. Если бы такой человек поссорился, его оппонент обязательно сказал бы ему: "Ах! Ты тот человек, который не сделал "хай... ой!" для своего брата".

На следующий день собираются жрецы и люди высшего ранга, и с каждым днем ранг гостей уменьшается, пока седьмой день не будет презрительно отдан женщинам. Через полгода после тескара устраивается еще один пир, но уже более масштабный, и в каждую годовщину похорон жрецам посылается угощение.

Теперь мы, естественно, переходим к религии абиссинцев.

Это разновидность христианства, которая заключается главным образом в посте, так что жизнь абиссинца колеблется между чередованием суровых постов и неумеренного обжорства. Посты абиссинской церкви занимают почти две трети года, а их продолжительность измеряется длиной тени. Один пост, например, должен соблюдаться до тех пор, пока длина тени человека не достигнет девяти с половиной футов, другой - девяти футов, третий - десяти футов. И эти посты - настоящие, никакой пищи не принимается до положенного времени, и никакие модификации, такие как рыба и т. д., не могут смягчить их строгость. В Страстную пятницу и следующую за ней субботу духовенство и все, кто имеет хоть какие-то претензии к религии, постятся сорок восемь часов; а всего, включая среды и пятницы, в году насчитывается двести шестьдесят дней поста. Во время долгих постов, таких как Великий пост, который длится пятьдесят пять дней, людям разрешается есть по утрам в субботу и воскресенье, но даже в этом случае мясо в любом виде строго запрещено.

Как только удлиняющаяся тень возвещает об окончании поста, начинается пиршество, и в сезон Богоявления вся ночь проходит в череде еды, питья, пения, танцев и молитв, причем каждое из них считается в равной степени религиозным долгом. Затем проводится игра, очень похожая на наш "хоккей", в которую играют все жители, причем жители одного района соревнуются с жителями другого, подобно тому, как раньше проводился футбольный матч между севером и югом Эшберна в масленичный вторник.



(1.) ПОЛЕ БИТВЫ.
(См. с. 663.)

(2.) ИНТЕРЬЕР АБИССИНСКОГО ДОМА.
(См. с. 667.)

День святого Иоанна - великий праздник у абиссинцев, и он имеет такое преимущество перед другими, что все люди не только моются сами, но и моют свою одежду. Это единственный день, когда абиссинцы применяют воду наружно, за исключением мытья рук до и после еды, а также ног перед путешествием. На самом деле, они считают, что мытье тела - это языческая и совершенно нехристианская практика, которую должны практиковать только магометане и подобные им презренные существа.

Между днем святого Иоанна и праздником Маскаля, или Креста, молодые люди обоих полов ведут непрерывную перепалку. Вечером все они выходят из своих домов, мальчики - с пучками крапивы, а девочки - с тыквами, наполненными всякой гадостью. Встретившись, они обрушивают друг на друга залпы оскорблений, язык которых не самый деликатный в мире, а затем переходят к активным действиям: девушки швыряют содержимое тыкв в парней, а те в ответ бьют девушек крапивой по обнаженным плечам.

День, в который происходят самые большие церемонии, - это праздник Маскаля. Накануне Маскаля все ходят с факелами, сначала пронося их над домами и заглядывая в каждую щель, как евреи в поисках закваски, а затем выходят на воздух. Последующая пьеса в основном превращается в драку, которая напоминает мистеру Паркинсу ссоры между городом и мантией в колледже, начинающиеся точно так же, *то есть* с озорных мальчишек. Сначала они начинают оскорблять друг друга, а затем и драться. Затем один из мужчин, видя, что с его сыном обращаются довольно грубо, вытаскивает его из драки и бьет своего противника ногой. Отец последнего приходит на помощь своему сыну, в борьбу вступают друзья каждой из сторон, и происходит всеобщая драка. В основном эти состязания безобидны, но, если участники слишком много пили, они склонны прибегать к оружию и наносить смертельные раны.

Ночью вожди разводят большие костры из дерева на самых высоких холмах возле городов и поджигают их перед рассветом. Затем быков и овец трижды водят вокруг костров, закалывают и оставляют на съедение хищным птицам и зверям. Это явно языческий обычай: и расположение алтаря, и способ жертвоприношения явно указывают на огнепоклонников. Поэтому, когда люди просыпаются утром после усталости и распущенности ночи, они обнаруживают, что вся страна освещена этими кострами.

Затем они идут к своим вождям, и все воины хвастаются перед ними своей доблестью, одни описывают подвиги, которые они совершили перед врагом, а другие предсказывают подвиги, которые они собираются совершить, когда им доведется встретить врага. В это время чаще всего преподносят подарки, и пиршества проходят как обычно; каждый вождь, каким бы мелким он ни был, забивает столько коров, сколько может себе позволить, и почти каждый домохозяин убивает хотя бы одну корову.

Церкви Абиссинии ничуть не похожи на те сооружения, с которыми мы обычно связываем название "церковь": они маленькие, низкие, с плоской крышей и, по сути, очень напоминают старую иудейскую скинию, превращенную в постоянное здание. Некоторые из современных церквей имеют продолговатую или квадратную форму, но настоящие древние абиссинские здания круглые и в точности напоминают обычные дома, разве что гораздо больше. Они разделены на три отсека концентрическими стенами. Пространство между первой и второй

стеной - это место, где стоят миряне, и только священники имеют привилегию входить в святое место внутри второй стены.

В самом центре находится небольшое помещение, иногда квадратное, иногда круглое. Это самое святое место, в котором находится ковчег, почитаемый абиссинцами почти так же, как древний ковчег почитался евреями. Ковчег - это просто деревянный ящик, во многих церквях очень древний, и внутри него находится Декалог. Над ковчегом - балдахин из шелка или ситца, а вокруг него - огромное количество шелковых и хлопчатобумажных тряпок. Они даже полагают, что оригинальный ковчег евреев хранится в скале-храме в Абиссинии.

Абиссинцы также следуют старому еврейскому обычаю брать с собой в бой свою святыню.

На иллюстрации на странице 662, изображающей битву между абиссинцами и галласами, изображен король, затененный своими зонтиками, отдающий приказы конному вождю, чей украшенный щит и серебряный корональ обозначают его ранг. Вдали видны горящие деревни, а справа идет атака на одну из возвышенных крепостей, в которых так любят укрепляться галласы. На переднем плане видны несколько мертвых галласов, а перед королем стоят несколько павших пленников, молящих о пощаде. В правом углу иллюстрации виден конический объект на спине мула. Это одна из их святынь, которая сопровождает их, как ковчег сопровождает израильтян в битве. В святилище чаще всего хранится либо Библия, либо мощи какого-нибудь любимого святого, а покрывало мула всегда из алой ткани. Два священника в белых одеждах и тюрбанах охраняют мула.

Стены церкви украшены самыми грубыми картинами, на которые смотрят с величайшим благоговением, хотя по исполнению они не лучше, чем работа шестилетнего ребенка. Их сюжеты - это, как правило, Распятие и условные портреты святых, причем святой Георгий, пожалуй, самый любимый и имеет самые многочисленные изображения.

Священство, как можно предположить, не является образцом ни благочестия, ни письма. Некоторые из них, но далеко не все, умеют читать; и даже из тех, кто владеет этим навыком, очень немногие стараются понять прочитанное, а лишь попугайски тараторят слова, не производя ни малейшего впечатления на мозг.

По образованию учителей можно судить об образовании обучаемых; на самом деле ни один абиссинец не умеет читать. Покойный король Теодор был блестящим исключением из этого общего правила; но следует помнить, что он провел несколько лет в монастыре и пользовался теми же образовательными привилегиями, что и те, кто был предназначен для священства. Таким образом, Библия является закрытой книгой для всех мирян и значительной части священников, а жития святых и различные письменные прелести, которые они так свободно покупают, ценятся абиссинцами гораздо выше самого священного тома.

Кроме того, писцы, которые являются самыми образованными людьми в стране, зарабатывают себе на жизнь, переписывая Библию, жития святых и сочиняя амулеты, поэтому в их интересах держать народ в невежестве, даже если миряне проявят хоть какое-то желание думать самостоятельно. Однако размышления для них - слишком хлопотное занятие, и они охотно оставляют все религиозные вопросы в руках духовенства. Каждый занимается своим делом, говорят они, - воины сражаются, священники молятся.

Что касается житий святых, то они представляют собой сборник самых чудесных историй, часто смехотворных и нелепых, в основном кощунственных в соответствии с нашими

представлениями об этом предмете, но иногда очень поэтичных и даже трогательно возвышенных. Есть одна история о святом Габро Мемфусе Куддосе, *то есть* рабе Святого Духа, которая умудряется включать в себя все эти элементы. Он родился святым, встал и повторил троекратное обращение через три дня после своего рождения и был настолько святым, что всю жизнь не принимал никакой пищи. Однажды он упал в пропасть глубиной в триста футов, и когда ангелы расправили под ним крылья, он отказался от их помощи, изложив свои причины так подробно, что падение, должно быть, было очень медленным. Очевидные богохульные фрагменты его жизни я опускаю и перехожу к ее концу.

Он продолжал жить так бессовестно долго, что в конце концов за ним лично прислали ангела смерти. Святой, однако, отказался от приглашения и логично рассудил, что, поскольку он не ел и не пил, его тело не принадлежит земле, поэтому не может быть возвращено на землю и что в целом любое изменение должно быть к худшему. Все предыдущие святые приходили и пытались переубедить его, и в конце концов он был вынужден умереть. Но тогда возникли большие разногласия по поводу назначения его тела. Воздух, конечно, не мог принять его; а поскольку святой никогда не ел, не пил и не пользовался огнем, ни одна из стихий не могла принять его тело; и вот он был снова возвращен в него и, еще живой, вознесен на небо. Тот, кто читал Талмуд, наверняка помнит похожую легенду, которая, несомненно, является источником вышеупомянутой истории.

Если это образец, причем очень мягкий, религии абиссинцев, мы можем легко представить себе, какими должны быть их суеверия. Они носят истинно африканский характер и сохранились с неизменной силой, несмотря на систему христианства, которая так долго существовала в Абиссинии.

Люди полностью верят в силу перевоплощения. Существует некий демон, называемый Буда, который обладает этой силой и считается особым демоном кузнецов. В Абиссинии профессия кузнеца передается по наследству и считается позорной, а все кузнецы считаются колдунами. Эта идея, очевидно, ушла корнями в глубокую древность, когда умение плавить, ковать и сваривать железо считалось слишком удивительным, чтобы им могли обладать обычные люди.

Мистер Паркинс приводит несколько примеров такой веры в превращения. Например, он знал о двух маленьких девочках, которые пошли в лес за дровами и вернулись в сильном испуге. Они встретили кузнеца и стали высмеивать его за волшебника, прося в доказательство своей силы превратить себя в гиену. Тот поверил им на слово, развязал угол своего халата, достал немного пепла и посыпал им свои плечи. Тотчас же его голова превратилась в голову гиены, шерсть рассыпалась по телу, и, прежде чем они успели оправиться от парализовавшего их ужаса, гиена, теперь уже полноценная, ухмыльнулась и рассмеялась, а затем рысью скрылась в соседнем кустарнике.

Другая история любопытно напоминает некоторые из сказок-трансформеров "Арабских ночей". Два брата Буда зарабатывали на жизнь своими способностями к перевоплощению. Один из них превращался в лошадь, мула или другое ценное животное, а затем продавался своему брату. Посреди ночи превращенный человек принимал человеческий облик и шел домой к своему брату. Так продолжалось некоторое время, но в конце концов никто не стал покупать у них животных, поскольку они не держали никакого запаса. Никто не знал, где они берут животных, которых продают, и, кроме того, никому не нравилось покупать животных, которые имели обыкновение всегда сбегать раньше, чем через двадцать четыре часа. Наконец один человек решил разгадать эту тайну. Один из братьев Буда выставил на

продажу необыкновенно красивую лошадь. Мужчина купил ее и, как только вывел животное за город, вонзил копье в его сердце и убил на месте.

Затем он бросился к продавцу и стал громко сетовать на свою поспешность, из-за которой он убил столь великолепное животное. Буда сумел скрыть свое волнение, пока не добрался до дома, а затем начал обычные причитания по умершему, растирая кожу на висках и громко причитая. Когда его допросили, он сказал, что оплакивает смерть своего брата, который был ограблен и убит галласами, у которых он покупал лошадей на продажу.

Похоже, что Буды также могут превращать других людей в животных, даже без их согласия. Умерла женщина, и сразу после похорон кузнец пришел к священнику, отвечавшему за кладбище, и подкупил его, чтобы тот отдал только что погребенный труп. Это было сделано, и все соседи отметили, что кузнец приобрел замечательного осла, на котором всегда ездил верхом. У этого животного была одна особенность: оно всегда стремилось забежать в дом, где жила покойница, и всякий раз, когда встречало кого-нибудь из молодых людей, громко блеяло и бежало к ним.

Старший сын, будучи очень умным юношей, вдруг заявил, что животное, о котором идет речь, должно быть, его мать, и настоял на том, чтобы привести осла и его всадника в хижину. Здесь животное чувствовало себя как дома, и кузнеца обвинили в том, что он Буда и превратил тело женщины в осла. Сначала он отнекивался, но в конце концов, с помощью угроз и обещаний, признался, что действительно совершил это превращение. Женщина не умерла, а лишь находилась в трансе, в который он ее ввел, и ее можно было вернуть в прежний облик. Пообещав прощение, он начал свои заклинания, и тут осел постепенно сбросил мохнатую шубу и принял человеческий облик. Превращение было почти завершено, когда один из сыновей в порыве ярости вонзил свое копье в кузнеца и остановил превращение, так что с тех пор у женщины была одна человеческая нога и одно копыто осла. Многие люди рассказывали Паркинсу, что действительно видели копыто, о котором идет речь.

Буда проявляет свою силу в различных формах, одной из которых является своего рода одержимость, когда пораженный человек, как бы полудемонически, совершает подвиги, совершенно невозможные для человеческого тела в нормальном состоянии. Мужчины и женщины в равной степени подвержены безумию Буды, хотя женщины, естественно, более подвержены его приступам, чем мужчины, обычно объясняя это тем, что они отвергли любовь какого-то Буды или другого. Главная цель Буды - наложить на страдальцев заклятие, которое заставит их прийти на его зов. Поэтому он принимает облик гиены, зовет жертв ночью, и, если их не связать и не следить за ними, они вынуждены идти к гиене, а затем их пожирают.

Замечательный пример этой болезни Буда наблюдал за мистером Паркинсом с величайшей осторожностью. Заболевшая была служанкой Рохабайта. Жалобы начались с томления и головной боли, а затем перешли в обычный приступ истерики, сопровождаемый сильной болью.

"Именно на этом этапе другие слуги начали подозревать, что она находится под воздействием буды. Через некоторое время она затихла и постепенно погрузилась в состояние вялости, доходящее до бесчувствия. То ли от отличной актерской игры и большой стойкости, то ли от настоящего отсутствия чувств, но различные эксперименты, которые проводились над ней, казалось, имели не больше эффекта, чем они имели бы на гипнотизера-сомнамбулу. Мы неоднократно щипали ее, но, как мы ни старались, она не пошевелила ни одним мускулом лица и не выразила ни малейшего чувства. Я держал у нее

под носом бутылку с крепким солевым раствором и затыкал ей рот; не добившись никакого эффекта, я намочил в нем тряпку и вложил ей в ноздри, но, хотя я готов поспорить на любую сумму, что она никогда не видела, не нюхала и не слышала о таком препарате, как жидкий аммиак, он подействовал на нее не больше, чем розовая вода.

"Она крепко сжимала большие пальцы в руках, как будто для того, чтобы их не было видно. Когда я заметил это одному из прохожих, он сказал мне, что большие пальцы - это особая привилегия Буды и что он не позволит никому взять их. Поэтому несколько человек попытались разжать ее руки и взять их; но она сопротивлялась, как мне показалось, с удивительной для девушки силой и кусала их за пальцы, пока в нескольких случаях не пустила кровь. Я, в числе прочих, предпринял попытку, и, хотя я получил укус или два за свои страдания, но либо дьявол очень уважал меня как англичанина и доброго христианина, либо она уважала меня как своего хозяина, потому что укусы были притворными и показались мне скорее поцелуями, чем чем-то еще, по сравнению с теми ужасными ранами, которые она нанесла остальным участникам вечеринки.

"У меня была цепочка декоративных амулетов, которые я обычно носил, и на них было много амулетов от разных болезней; но я прекрасно понимал, что ни одного от Буды среди них не было. Тем не менее, надеясь таким образом разоблачить обманщицу, я утверждал, что среди них есть очень знаменитая, и положил весь шнурок ей на лицо, ожидая, что она притворится, что почувствовала эффект, и будет действовать соответственно; но, к моему удивлению и разочарованию, она осталась совершенно неподвижной. Несколько человек обошли деревню в поисках талисмана, но нашли только один. Когда его приложили к ее рту, она мгновенно вскочила, укусила и разорвала его, но потом рассмеялась и сказала, что он слабый и не будет *его* раздражать.

"Я использую здесь мужской род, потому что, хотя пациентка была женщиной, предполагается, что Буда говорит через своего медиума; и какого бы пола они ни были, страдальцы или, скорее, духи, когда говорят о себе, неизменно используют этот род. Я обливал ее ведрами воды, но не мог вызвать у нее ни взвизга, ни вздоха - эффекта, который обычно производит вода, внезапно обрушившаяся на человека.

"Ночью она не могла заснуть, становилась все более беспокойной и несколько раз заговаривала. Она даже заметила своим естественным тоном, что она не больна, не подвергается нападению Буды, а просто хочет вернуться в Адун. Она сказала это так естественно, что я был совершенно выбит из колеи и сказал ей, что, конечно, она может ехать, но должна подождать до утра. Другие люди заулыбались и шепнули мне, что это всего лишь уловка Буды, чтобы заманить ее в лес, а потом съесть".

По одному из тех любопытных совпадений, которые иногда случаются, гиена, которая, согласно народным представлениям, была преображенной Будой, слышала улюлюканье и смех вблизи деревни в течение всей ночи, и это был единственный раз, когда мистер Паркинс видел это животное за все время своего пребывания в Рохабаите. В связи с присутствием животного молодую женщину крепко связали, а у дверей хижины поставили часовых. Всякий раз, когда гиена звала, женщина стонала и вставала, а однажды, после того как она просидела в тишине почти час, а внутренний часовой уснул, гиена приблизилась к хижине, и женщина поднялась, *без уз*, на четвереньках подползла к двери и частично успела ее открыть, когда один из часовых поднял шум, и она вернулась на свое место. Таким образом ее держали под строжайшим надзором три дня, в течение которых она не ела и не пила, отказываясь даже от маленького кусочка хлеба, когда проглатывала его, а на третий вечер пошла на поправку и постепенно пришла в себя.

Если это было самозванство, как замечает мистер Паркинс, то трудно найти мотив. У нее почти не было работы, и удивительно, что могло заставить ее добровольно предпочесть трехдневное заточение, щипки, веревки, холодную воду и другие жестокие методы лечения, не говоря уже о самом суровом из всех наказаний для абиссинца - полном воздержании от еды и питья.

По словам людей, эти чары накладывает Буда, который узнал крестильное имя пострадавшего. Оно всегда скрыто, и абиссинцы известны только по своеобразному прозвищу, которое дает им мать, когда они выходят из церкви. Однако когда буда узнает крестильное имя, он берет соломинку, сгибает ее в круг, произносит над ней заклинания и кладет под камень. Когда соломинка сгибается, начинается болезнь, а если она ломается, жертва умирает.

Чары определенного рода оказывают сильное воздействие на Буда. Однажды бедная слабая девушка лежала без чувств, и мистер Паркинс бесполезно пытался произвести эффект, применяя ложные чары. Внезапно женщина забилась в жестоких конвульсиях, крича и борясь так, что четверо крепких мужчин едва могли ее удержать. В этот момент во внешний двор вошел солдат амхара, и она закричала: "Оставьте меня одну, я буду говорить". Этот человек, как оказалось, услышал, что пациентка больна будой, и принес с собой амулет известной силы.

После долгих угроз амулетом, сопровождавшихся яростью и неистовством одержимого, Буда пообещал выйти, если ему дадут еды. Примечательно, кстати, что Буда всегда мужского пола и, независимо от того, мужчина одержимый или женщина, всегда использует мужской род в речи. Остальное следует рассказать словами самого мистера Паркинса: "Принесли тазик.

"Принесли тазик, в который набрали всякой грязи, какую только можно было найти (от птиц, собак и т. д.), и смешали с небольшим количеством воды и пепла. Я сам взял таз, спрятал его так, чтобы она не видела, как я его поставил, и накрыл его несколькими камнями, которые были навалены в углу. Тогда Буде сказали, что ужин готов, и женщина встала и пошла по двору на четвереньках, обдавая всех с обеих сторон запахом псины, пока, пройдя во двор, где стоял таз, не подошла к нему и, вытащив его из того места, где он был спрятан, с величайшей жадностью поглотила его отвратительное содержимое. После этого Буда, как полагается, покинула ее, и она упала на землю, как бы теряя сознание. Из этого состояния она вышла через несколько дней".

Несколько похожий вид одержимости называется Тигритией. В этом случае пациент впадает в некое истощение без видимых причин и, наконец, сидит несколько дней без еды и речи. Музыка - единственное средство исцеления пациента, который затем поднимается с кушетки, на которой он лежал, не имея сил сесть, и танцует с самыми сильными движениями, продолжая упражняться с энергией и упорством, которые утомили бы самого сильного человека с идеальным здоровьем. Это знак того, что демон может быть изгнан; когда музыка прекращается, пациент падает на землю, а затем начинает говорить (всегда в лице демона), требуя всевозможных украшений - иногда, даже если это бедная женщина, она просит бархатные одеяния и оружие вождя, украшенное серебром. Их нельзя достать без особых затрат, но, наконец, они достаются, когда танцы возобновляются, и, после нескольких приступов припадка, пациент снимает все одолженные украшения и бежит со всей скоростью, пока демон внезапно не уйдет, а одержимый не потеряет всю мнимую силу, которая его оживляла, и не упадет на землю в обмороке. Демон уходит, а вернуться ему

мешает стрельба из ружей и стража с мечами, которая окружает распростертого на земле стонущего пациента.

Архитектура абиссинцев проста, но характерна. Дома различаются по форме в зависимости от достатка их владельца: у простолюдинов это просто круглые хижины, а у богатых - квадратные и с плоской крышей.

Дом богатого человека представляет собой довольно сложное архитектурное сооружение. Он стоит в ограде, как индийский комплекс, а главные ворота закрыты и с двух сторон окружены домиком привратника, в котором спят привратник и другие слуги. Внутри ограды обычно находится несколько небольших хижин из соломы для приема чужестранцев или слуг. Примерно четвертая часть комплекса разделена стеной, и в ней находятся кухня, кладовые и т. д. В конце, напротив ворот, находится аддераш, или комната для приема гостей, квадратная или продолговатая, часто значительных размеров. Крыша плоская, но если комната слишком велика, чтобы ее можно было пересечь балками, крышу покрывают только по углам обычным способом, чтобы в центре оставалось восьмиугольное отверстие. Вокруг проема возводится деревянная стена высотой около четырех или пяти футов, и тогда не возникает трудностей с покрытием крыши.

Аддераш разделен на три комнаты, самая большая из которых - приемная. В конце находится конюшня, лошади и мулы проходят в нее через приемную. Медеб, или спальня (если ее можно так назвать), - это всего лишь часть квартиры шириной около восьми футов, отделенная перегородкой; если хозяин дома - женатый человек, вход в медеб закрывается занавеской. Эта квартира получила свое название от медеба, или дивана, который представляет собой часть пола, приподнятую на фут или около того над остальным, около пяти футов в ширину и простирающуюся по всей длине комнаты. Напротив медеба находится небольшой альков, в котором стоит кушетка хозяина дома. Эта кушетка, или "арат", представляет собой прочный деревянный каркас, поперек которого натянута сеть из сырых шкур, шириной в дюйм или два. Они сжимаются при высыхании и образуют довольно упругую постель.

В теплую погоду арат выставляется за дверь и накрывается лишь небольшой матерчатой крышей. Одну из таких кроватей под открытым небом можно увидеть на иллюстрации № 2 на странице 662.

Дверь в приемную застилают травой, как в старину полы во дворцах устилали камышом. Всякий раз, когда входит посетитель, его устилают свежей травой, чтобы сделать для него чистое место, но никому не приходит в голову убрать то, что уже успело обесцветиться. Таким образом, из-за постоянного мытья рук водой, проливания пива и медовухи, а также грязи, которая налипает на ноги лошадей, когда они идут в конюшню и обратно, пол в доме становится ничем иным, как перебродившей навозной кучей. Наконец, когда даже абиссинский нос не может больше терпеть, комнату убирают и оставляют пустой на день или два, чтобы избавить ее от нестерпимого запаха, который все еще держится в ней.

Вокруг стен приемного зала на колышках прикреплены коровьи рога, на которых висят копья, щиты, конская амуниция, рога для питья и прочее имущество владельца.

В кладовых стоят огромные глиняные кувшины, горлышки которых доходят почти до крыши дома, хотя их основания утоплены в землю на ярд или около того. Абиссинцы высоко ценят эти кувшины, так как они являются свидетельством богатства.

Что касается двух других провинций, Шоа и Амхара, то между ними и Тигре так мало различий, что нет необходимости занимать ими место. Практически они образуют одно королевство, как Англия, Уэльс, Шотландия и Ирландия, и среди них существует очень сильная провинциальная ревность, аналогичная той, что до сих пор преобладает среди необразованных членов нашего собственного Соединенного Королевства. Даже мистер Паркинс не смог устоять перед этим чувством и стал ярым поклонником Тигре, считая амхаров свирепыми и властными хамами и презирая Шоа в целом.

Однако провинция Шоа отнюдь не является презренной, о чем можно судить по следующему описанию большого ежегодного пира, который дается королем или принцем на Пасху. Этот гостеприимный банкет проходит с поистине королевским размахом и продолжается целую неделю, чтобы каждый свободный человек, который может приехать в столицу, имел возможность принять в нем участие.

Банкетный зал представляет собой очень большую и возвышенную палату, с одной стороны которой находится занавешенный альков, в котором восседает принц. На полу ежедневно расстилается свежая трава, а по всему периметру комнаты расставлены столы, представляющие собой низкие круглые плетеные изделия. Только в таких домах столы одинаковы по форме и размеру. За столами и вдоль стены стоят телохранители князя, вооруженные щитами и мечом, очень похожим на древнеримское оружие. В ожидании стоят войска слуг, которые перед началом пира приносят хлеб и раскладывают его на столах. Иногда на каждого гостя приходится до тридцати буханок, причем самый тонкий хлеб всегда находится наверху, а самый грубый - внизу.

Цель такого расположения - соответствовать разным рангам гостей. Те, кто выше по рангу, приходят первыми и едят самый лучший хлеб, используя хлеб второго сорта в качестве салфеток. Когда они заканчивают, входят гости следующего ранга, едят хлеб второго сорта, вытирают пальцы о хлеб третьего сорта, и так до тех пор, пока все не будет съедено.

Вокруг комнаты развешаны ряды щитов, львиных шкур и почетных мантий, которыми князь награждает своих подданных, а над ними расстелен широкий ковер, на котором изображены львы, верблюды, лошади и другие животные.

Все готово, гости собираются, а принц занимает свое место в алькове, где и дает аудиенцию. Профессиональные музыканты оживляют сцену своими инструментами, а профессиональные танцовщицы помогают им. Тем временем гости едят так быстро, как только могут: слуги носят мясо от одного гостя к другому, делают маленькие аккуратные колбаски из мяса, хлеба и перца, которые ловко засовывают в рот гостям. Как и в более цивилизованных странах, всегда лучше умилостивить слуг, потому что они могут отдать лучшие части мяса тем, кто им нравится, и оставить хрящи и самые жесткие части для тех, кто им неприятен.

Более вежливые гости, умерив свой аппетит с помощью двух-трех фунтов мяса, груды хлеба и галлона или около того медовухи, делают такие же приправленные шарики и кладут их в рот своим соседям. Делается это с такой быстротой, что человек, успевший понравиться соседям справа и слева, едва не захлебывается от поспешности, с которой этикет предписывает ему отправлять приправленные специями блюда.

После этой предварительной части пиршества, в которой в основном используется вареная баранина, служащая провокацией к последующему настоящему банкету, слуги приносят сырое мясо, еще не остывшее от жизни, и отрезанное от коровы, которую зарезали у дверей, пока ели баранину и хлеб.

Даритель пира сидит в своем алькове, а под ним - вооруженные стражники. Гости сидят за плетеными столами, с национальной ловкостью орудуя своими кривыми мечами, а слуги ждут гостей, разнося огромные куски сырой говядины. Жидкости, кстати, пьют из рогов, которые всегда подают женщины. В центре - музыканты, играющие на диковинных скрипках и арфах Шоа, а чуть дальше - танцоры.

Что касается других племен, которые живут в Абиссинии или в ее окрестностях, то о них достаточно сказать всего несколько слов.

Есть одно любопытное и очень дикое племя, известное под названием бареа. Это врожденные мародеры, совершающие свои набеги с удивительной быстротой и ловкостью. Они так ловко скрываются, что даже на открытой равнине, где нет ни малейшего укрытия, умудряются расположиться так, чтобы обмануть глаз, не искушенный в их искусстве.

Однажды мистер Паркинс проезжал через район, где бушевал один из пожаров, и был поражен восклицанием своего проводника о том, что в поле зрения находятся бареа, указав при этом на мертвое дерево, стоявшее на возвышенности на расстоянии нескольких сотен ярдов и черно обуглившееся от прошлогодних пожаров. Я увидел только обугленный пень и несколько почерневших бревен или камней, лежащих у его подножия". Охотник заявил, что ни дерева, ни камней здесь не было, когда он проходил мимо в прошлый раз, и что это просто голые бареа, которые расположились в этом месте, чтобы наблюдать за нами, несомненно, увидев нас некоторое время назад и подготовившись.

"Я с трудом верил, что они могут оставаться такими неподвижными, и решил немного разведать обстановку. Остальные члены группы посоветовали мне продолжать спокойно идти по дороге, так как было возможно, что из-за нашего грозного вида мы пройдем незамеченными; но я был так уверен в его ошибке, что, велев остальным идти медленно, как будто ничего не случилось, я опустился в длинную траву и стал преследовать их. Выстрел из моей винтовки с большого расстояния (я не рискнул подойти слишком близко) подействовал на дерево и камни так же стремительно, как скрипка Орфея, но с обратным эффектом, так как дерево исчезло, а камни и бревна, вместо того чтобы бежать за мной, побежали в противоположном направлении.

"Я никогда в жизни не был так удивлен, потому что обман был настолько полным, что даже в момент выстрела я мог бы заявить, что объекты передо мной были растительными или минеральными - любыми, кроме животных. Дело было в том, что хитрые негодяи, изображавшие камни, лежали плашмя, а их маленькие круглые щиты были поставлены перед ними как ширма".

(1.) ТАНЕЦ БУЙВОЛА.
(См. стр. 671.)

(2.) ЛАГЕРЬ БЕДУИНОВ.
(См. с. 682.)

Некоторые дикие племена Индии действуют подобным образом. Известна история об офицере, который во время похода был настолько обманут, что некоторое время стоял рядом с одним из этих метаморфов и наконец повесил свой шлем на выступающий сук. Это была не более чем нога мрачного дикаря, который стоял на голове, а его конечности причудливо расположились в виде ветвей старого пня, иллюзию усиливали наконечники копий, которые выполняли роль мелких веток. Этот знак уверенности оказался слишком сильным для серьезности дикаря, который разразился воплем хохота, перевернулся через голову и исчез в джунглях, а шлем все еще был прикреплен к его ноге.

Эти ловкие и, вместе с тем, забавные мародеры - настоящая бельмо на глазу абиссинцев, которые никогда не знают, когда бареа могут их не настигнуть. Во многих отношениях они напоминают воинственные племена краснокожих индейцев, хотя, безусловно, превосходят их по размерам и силе. Они будут следовать за путешествующей группой несколько дней, не подавая признаков своего присутствия и разговаривая друг с другом исключительно знаками, которых у них обширный словарный запас. Но они никогда не покажутся, пока не придет время нанести давно обдуманный удар, тогда они совершат нападение, а затем исчезнут так же таинственно, как и появились. Однажды около двух сотен бареа пришли на ночь на окраину деревни и затаились там в ожидании. Рано утром двое главных мужчин деревни, один из которых славился своим величественным и несколько напыщенным поведением, вышли прогуляться к своим хлопковым полям и оказались в окружении бареа, которые схватили их и унесли, чтобы продать в рабство арабам, которые, вероятно, снова продадут их туркам.

Когда бареа разбивают лагерь вокруг деревни, они согреваются на ночь с помощью хитроумного плана: каждый мужчина выкапывает яму в земле, разводит в ней небольшой костер и садится на корточки, укутавшись в свою ткань, чтобы сохранить тепло и чтобы огонь не был виден.

ГАЛЛАС.

Вокруг значительной части Абиссинии живут различные племена свирепых и воинственных галласов.

Галлы - прекрасная и даже красивая раса, чрезвычайно разнообразная по оттенку кожи, как можно предположить, исходя из очень большой территории, заселенной их племенами. Более того, они значительно смешались с собственно абиссинцами и часто используются ими в качестве рабов. Женщин-рабынь галла часто держат в семьях абиссинцев, в результате чего появляется смешанное потомство, которое имеет черты обоих родителей. Это в значительной степени происходит в Шоа, где элемент галла очень заметен среди населения. Однако, как правило, они гораздо темнее абиссинцев, и это обстоятельство побудило г-на Джонстона вывести их название от слова "калла", или черный. Их язык - диалект языка амхара, но он, как и их кожа, варьируется в зависимости от конкретного места проживания племени.

В чертах лица галласов нет ничего от негров, таких как длина черепа, суженный (но не покатый) лоб, полное развитие губ и челюстей. Волосы похожи на волосы абиссинцев и укладываются по-разному. Иногда их складывают в длинные узкие косы, свисающие почти до плеч, а в других случаях они распущены в пучки. Самый необычный способ укладки волос - собрать их в три части, одна из которых занимает макушку, а другая пересекает каждый висок. Разделенные локоны расчесываются и распушиваются до максимально возможной степени, в результате чего вся голова приобретает комичный вид, и ее сравнивают с трефовым тузом.

Молодые женщины смелы и красивы, но в старости они выглядят совсем не так, как обычно. Три старухи, посетившие мистера Джонстона и, очевидно, выполнявшие роль шпионок, отличались уродством. Они носили волосы в обычных многочисленных косах, которые соединяли нитками, чтобы получился сплошной занавес, и очень обильно смазывали маслом. На них было что-то вроде мягкого кожаного панталона, а на ногах - простые сандалии из бычьей шкуры, которые крепились к ступне с помощью отворота, проходящего через большой палец, и ремешка, перекинутого через носок. Они пришли якобы продавать табак и веревки. Последние они изготавливали даже во время торга: пучок пеньки прикрепляли к поясу спереди, а веревки, как только они скручивались, наматывали на талию.

Галлы - воинственная раса, гораздо более мужественная, чем абиссинцы, которые больше любят испаряться, чем сражаться. Когда они возвращаются домой после победы, то празднуют диковинный и жестокий танец, который называется "Танец буйвола". Голову и шкуру буйвола кладут на землю, и мужчины собираются вокруг нее, вооруженные, как на войну, копьями и кривыми мечами. Затем они энергично танцуют вокруг шкуры буйвола, высоко подпрыгивая в воздух, нанося удары мечами, вонзая копья и выполняя все маневры по убийству животного. Женщины принимают активное участие в танце. Он изображен на гравюре № 1 на предыдущей странице.

ДАНКАЛЛИ И СОМАУЛИ.

Далее следуют племена данкалли и сомаули, каждое из которых подразделяется на ряд более мелких племен и имеет некоторые черты, свойственные им самим, и другие, общие с абиссинцами. Мистер Джонстон отмечает, что у него нет сомнений в том, что, хотя сейчас это разные народы, они происходят от общего происхождения.

Сомаули - воинственный народ, и вместо копий и щитов, которые являются почти универсальным оружием в этой части Африки, они носят легкие луки и большие колчаны, которые висят под левой рукой на широком ремне, перекинутом через то же плечо. Лук, хотя и легкий, но очень прочный, и по форме напоминает классический лук или лук Купидона. Благодаря такой форме при выпуске стрелы тетива быстро набегает на рукоятку, и если лучник неопытен, то его большой палец получает сильный удар.

Колчан сделан из опорожненной тыквы, горлышко которой закрывается крышкой, подобной той, что изображена на нескольких африканских колчанах, упомянутых в этой работе. Он содержит около дюжины стрел длиной около фута, сделанных из полого тростника. Каждая

вооружена головкой из голубой стали, по форме напоминающей туз пик, а ее шейка удлинена в шип длиной около полутора дюймов; она не прикреплена к стреле, а свободно болтается, и когда ее нужно использовать, шип просто вставляется в неоперенный конец полого древка. Конечно, когда оружие поражает цель, древко отваливается, а головка, которая отравлена, остается в ране и вскоре приводит к смерти.

Вместо меча они носят с собой нож с лезвием около восьми дюймов в длину, а рукоятка представляет собой просто кусок дерева, закругленный и слегка углубленный для более крепкого захвата.

Одежда мужчин состоит из "фота", или поясной одежды, и халата, называемого "сарри". Различаясь в использовании, эти ткани имеют совершенно одинаковую форму и размер, *то есть* около одиннадцати футов в длину. Фотах дважды обматывается вокруг талии, конец заправляется сзади, и все одеяние надежно фиксируется широким поясом, на котором держится нож. Сарри носят на манер халата, вокруг тела, и человек со вкусом располагает его так, чтобы показать две широкие полосы синего или алого цвета на конце.

Женщины также носят фотах, поверх которого, когда выходят за дверь, надевают длинную голубую юбку без рукавов, очень открытую спереди. В доме она откладывается, и там носят только фотах. Способ укладки волос в сплошную вуаль уже упоминался, и мистеру Джонстону посчастливилось стать свидетелем процесса укладки "этой запутанной массы, которая напомнила мне волосы Самсона, переплетенные с полотном ткацкого станка". Госпожа, чьи волосы должны были быть обработаны, сидела на камне во дворе под одним из наших окон, а позади нее, на коленях, стояла крепкая девушка-рабыня, которая держала в обеих руках длинный деревянный гребень, похожий на вилы, с четырьмя очень сильными зубцами, которые она протаскивала через шерстяные, жирные и черные волосы своей госпожи с силой конюха, завивающего конский хвост".

О том, к какому именно подплемени принадлежат люди, свидетельствуют различные насечки, вырезанные осколком обсидиана и складывающиеся в узоры, которые иногда распространяются на всю спину и грудь.

ГЛАВА LXVII.
НУБИЙЦЫ И ХАМРАНСКИЕ АРАБЫ.

ОТТЕНОК КОЖИ НУБИЙЦЕВ - ОДЕЖДА И ОРУЖИЕ МУЖЧИН - СВОЕОБРАЗНЫЙ МЕЧ И ЩИТ - ОДЕЖДА ЖЕНЩИН - РАХАТ, ИЛИ ПЕРЕДНИК ИЗ РЕМЕШКОВ - АМУЛЕТЫ - НУБИЙСКАЯ АРХИТЕКТУРА - ХАМРАНСКИЕ АРАБЫ - ОРУЖИЕ МУЖЧИН - УХОД ЗА ОРУЖИЕМ - ОХОТА НА СЛОНОВ - ВОСХИТИТЕЛЬНОЕ МАСТЕРСТВО НАЕЗДНИКОВ - ЛОВЛЯ БАБУИНОВ - ОХОТА НА ЛЬВА - ЛОВЛЯ БУЙВОЛА ЗА ХВОСТ - ГАРПУН НА БЕГЕМОТА.

Поскольку, несмотря на постоянный контакт с цивилизацией, вызванный их расположением на берегу Нила, нубийцы сохранили свой древний стиль одежды и многое из своих древних манер, они заслуживают места в этой работе.

По цвету кожи нубийцы в основном черные, некоторые из них имеют довольно струйчатый оттенок, в то время как другие гораздо светлее. Однако даже у самых черных нубийцев цвет кожи не такой, как у тропических негров, а отличается определенной прозрачностью, которая в лучах солнца придает конечностям янтарный оттенок. Помимо того, что нубийцы -

прекрасная и хорошо сложенная раса, они обладают приятными чертами лица, единственным недостатком которых является то, что нижняя часть лица несколько выступает вперед.

В детстве мальчики не носят никакой одежды, но когда они становятся взрослыми, то надевают короткие штаны, рубашку и что-то вроде большого шарфа, который перекидывается через левое плечо и подвязывается поясом вокруг талии. Будучи магометанами, они сбривают волосы, кроме одного локона на макушке, и покрывают голую голову белой хлопчатобумажной шапочкой.

Нубийские мужчины в основном ходят вооруженными в соответствии со своими способностями. Обычное оружие - меч, кинжал, копье и щит. Меч по форме напоминает абиссинский, но изгиб не такой резкий. Однако общий стиль оружия и форма рукояти указывают на общее происхождение. У некоторых нубийцев любимым оружием является прямой меч, как у арабов Хамрана, о котором будет рассказано на одной из следующих страниц.

Возможно, из-за возможности путешествовать по Нилу в южную часть Центральной Африки, они носят кинжал, прикрепленный к левой руке чуть выше локтя, как и некоторые племена, живущие у истоков Нила. Этот кинжал короткий и кривой, он хранится в красных кожаных ножнах и, поскольку находится на руке, прикрыт одеждой. Копье представляет собой обычное деревянное древко с железным наконечником, и в нем нет ничего особенно достойного внимания.

А вот щит примечателен своей конструкцией. Обычно его делают из шкуры бегемота или крокодиловой кожи, и его легко узнать по выступающему боссу в центре. Шкура натянута на деревянный каркас, а босс сделан из отдельного куска кожи. Нубийцы очень высоко ценят эти щиты, и поэтому приобрести их крайне сложно.

Женщины одеты в обычной африканской манере. Девочки не носят ничего, кроме маленького фартука из кожаных нитей, называемого рахат. Этот фартук шириной около девяти дюймов или фута, а глубиной, возможно, шесть или семь, и по общему виду напоминает фартук каффирской девушки. Вместо того чтобы быть вырезанным из одного куска кожи, каждый ремешок представляет собой отдельную полоску шкуры, едва ли толще нитки, и завязывается узлом посередине на ремешке, который проходит вокруг талии. Фартук окрашен в кирпично-красный цвет и после длительного использования становится настолько пропитанным касторовым маслом, которым эти примитивные красавицы пользуются вместо одежды, что запах становится невыносимым. Путешественники часто покупают их у нубийских девушек, которые, как правило, охотно продают их; но покупатели обязаны повесить свои покупки на верхушку мачты в течение месяца или около того, прежде чем их можно будет взять в каюту. Один из таких фартуков в моей коллекции до сих пор имеет знакомый запах касторового масла, хотя прошло уже много лет с тех пор, как он был куплен у нубийской девушки.

Конечно, они носят столько украшений, сколько могут достать; и некоторые из них, передающиеся из поколения в поколение, имеют большую ценность. Немногие характеристики более поразительны для наблюдательного путешественника, чем тот факт, что нубийская девушка, все платье которой может стоить три пенса, и которая действительно не может позволить себе носить какую-либо одежду, если она стоит шесть пенсов, все же будет носить на шее, запястьях, лодыжках и в ушах количество золота, достаточное для покупки красивого снаряжения.

Примечательно, что эти фартуки всегда становятся более узкими с левой стороны. Дочери богатых родителей, хотя и не носят никакой одежды, кроме передника, все же стараются удовлетворить инстинктивную любовь к одежде, покрывая кожаные шнурки бисером, белыми ракушками и кусочками серебра, накрученными вокруг них. Когда девушки выходят замуж, они сохраняют передник, но надевают поверх него свободное одеяние, которое перекидывается через одно плечо и свисает до колен.

Украшения, которыми они обильно декорируют свое лицо, выполнены из различных материалов, в зависимости от достатка женщины, которой они принадлежат. У богатых они из золота и серебра, а у бедных - из рога буйвола, латуни и других подобных материалов. Металлические амулеты имеют форму полумесяца и открыты с одной стороны, чтобы их можно было зажимать на руке или снимать, в зависимости от желания владельца.

Волосы уложены таким образом, что напоминают путешественнику древнеегипетскую женщину. Они черные, довольно длинные и перевиты сотнями маленьких и прямых локонов, на кончиках которых обычно имеются маленькие бугорки из желтой глины, которые на расстоянии выглядят так, будто это маленькие комочки золота. В локоны вплетены всевозможные амулеты, и все это настолько пропитано касторовым маслом, что опытный путешественник, желающий поговорить с нубийской женщиной, старается держаться с наветренной стороны и не приближаться к ней ближе, чем это абсолютно необходимо. Как правило, нубийские женщины не такие темные, как мужчины, а приближаются почти к кофейному оттенку.

"Две прекрасные молодые нубийские женщины посетили меня в моей лодке, с волосами в маленьких косичках, отделанных комочками желтой глины, обожженными, как золотые бирки, мягкой кожей цвета глубокой бронзы, а губы и глаза подходили для Ирис и Атора. Их одежда и украшения были такими же, как на гробницах, и я был склонен спросить их, сколько тысяч лет им было". (Леди Дафф Гордон "Письма из Египта").

Тот же автор хорошо отмечает, что вся страна представляет собой палимпсест, в котором Библия написана поверх Геродота, а Коран - поверх Библии. В городах наиболее заметен Коран, в стране - Геродот.

Одна из этих изящных нубийских девушек изображена на фронтисписе к этому тому.

Амулеты, о которых только что говорилось, носят и мужчины, и женщины, они зашиты в футляры из красной кожи, как у борнуанцев. Важной составляющей их эффективности является то, что их содержимое не должно быть известно, и если футляр будет открыт, амулет потеряет свою силу. Мужчины часто носят их в большом количестве, повязывая на руку выше локтя.

Дома, в которых живут нубийцы, вернее, спят, очень просты по конструкции. Живя среди развалин дворцов, нубийцы так и не научились строить ничего лучше глинобитной хижины. Эти хижины имеют ту же форму, что и старые египетские здания, представляя собой квадратные башни, большие у основания и уменьшающиеся к вершине, которая имеет квадратную форму и в лучших домах отвечает роли террасы. Крыша покрыта пальмовыми ветвями, и каждый хороший дом имеет своего рода двор, окруженный стенами, в котором женщины могут заниматься своими различными делами, укрывшись от солнца.

Зернохранилища можно увидеть возле каждой деревни, они представляют собой неглубокие ямы, утопленные в землю и покрытые чем-то вроде белой штукатурки. В деревнях также есть

навес для приема чужаков, а в каждом доме - кувшин со свежей водой, всегда готовый к употреблению.

К счастью для себя, нубийцы гордятся и любят свою страну; и хотя арабы презирают их до такой степени, что нубиец при любой возможности старается выдать себя за араба, они постоянно хвастаются многочисленными достоинствами земли, которую они таким образом отвергают.

Как долго нубийцы смогут владеть этой землей, сомнительно. Турок, "под чьей ногой не растет трава", делает все возможное, чтобы обезлюдить страну. Мужчин выдавливают в солдаты: за один призыв в армию их набралось до тридцати процентов, и их постоянно захватывают для принудительного труда - то *есть* для жизни, которая несколько хуже, чем у рабов на плантациях. Поэтому, как только их охватывает тревога, они покидают свои деревни и бегут в глубь страны, бросая свои посевы и позволяя им скорее погибнуть, чем служить под ненавистным правлением турка. Малейшее сопротивление или проявление сопротивления карается смертью, и несколько путешественников рассказывали о случаях хладнокровной жестокости, которые кажутся почти слишком ужасными , чтобы их рассказывать, но которые воспринимались как обычное явление. Налогообложение также доведено до просто разорительной степени, и естественный результат быстро наступает, а именно обезлюдение земель и постепенное сокращение числа налогоплательщиков.

АРАБЫ ХАМРАНА.

Краткое описание всех племен, населяющих обширную область, называемую Аравией, было бы задачей, далеко выходящей за рамки данной работы. Некоторые из них очень далеко продвинулись в цивилизации, в то время как другие сохранили, с некоторыми изменениями, свой первозданный и почти дикарский образ жизни. Поэтому я выберу эти последние племена в качестве примеров арабской жизни и кратко опишу один или два наиболее характерных примера.

К югу от Кассалы живет замечательное племя арабов, известное как хамраны, которые славятся по всей стране своим мастерством в охоте. Они обладают хорошо очерченными чертами лица и другими характеристиками арабской расы, и их можно отличить только по стилю ношения волос. Они позволяют волосам отрастать до большой длины, разделяют их посередине и тщательно укладывают в длинные локоны. Каждый мужчина всегда носит с собой два единственных вида оружия, о которых он заботится, а именно меч и щит. Последний не отличается большими размерами, имеет круглую форму и около двух футов в диаметре, с выступом в центре, очень похожим на уже описанный нубийский щит. Он сделан из кожи гиппопотама и, будучи предназначенным для использования, а не для демонстрации, никогда не украшался.

Что касается меча, то он является главным другом жизни араба Хамрана, и он смотрит на него с неким рыцарским уважением. Он прямой, обоюдоострый, снабжен крестообразной рукоятью, как у древних крестоносцев, у которых, по-видимому, и была заимствована эта мода. Клинки - европейского производства, а арабы прекрасно разбираются в стали и ценят хороший клинок превыше всего. Они сохраняют оба края буквально такими же острыми, как у бритв, и доказывают это бритьем. Когда араб из Хамрана путешествует и останавливается, первое, что он делает, усевшись, - достает меч и внимательно осматривает оба острия. Затем

он точит оружие о свой кожаный щит, и когда он может сбрить волосы на своей руке обоими краями, он осторожно возвращает клинок в ножны.

Длина клинка - три фута, а рукоять - около шести дюймов, так что оружие очень увесистое, и сильный удар острой кромкой разрубит человека надвое. Однако в одиночном бою он не пригоден, поскольку, хотя его вес и делает удачный удар смертельным, он не позволяет вернуть меч после неудачного удара. Сэр С. Бейкер, которому мы обязаны рассказом об этом замечательном племени, говорит, что хамранский араб со своим мечом и щитом был бы на волосок от смерти обычного фехтовальщика. Он может рубить и резать с удивительной энергией, но не знает, как использовать острие или парировать, так что, если ему в голову будет нанесен удар, он инстинктивно поднимет щит и подставит все свое тело под острие меча своего противника.

Ножны, в которых носят меч, очень изобретательно сделаны из двух полосок мягкого и упругого дерева, слегка выдолбленных для приема клинка и обтянутых кожей. Нелепые металлические ножны, которые до сих пор используются в нашей армии, были бы презираемы арабом, который знает толк в остром острие своего оружия. На ножнах закреплены два выступающих куска кожи. Когда араб находится на марше, он кладет меч на поммель седла и продевает ногу между этими кожаными выступами, чтобы меч оставался на своем месте и не прыгал и не бился о бока лошади.

Вооруженные только мечом, эти могучие охотники нападают на любую дичь и с одинаковым хладнокровием сражаются со слоном, носорогом, жирафом, львом или антилопой. Их действия почти всегда одинаковы. Они выбирают конкретное животное и ударом меча перерезают сухожилие связывающей ноги, делая несчастного зверя беспомощным.

Когда они преследуют слона, то поступают следующим образом. Охотники на слонов, или, как они себя называют, агагеры, превращают свои мечи в двуручное оружие, обматывая тонкий шнур очень плотно вокруг клинка, примерно на девять дюймов от рукоятки. Защищенную часть клинка держат в правой руке, а эфес - в левой.

В погоню за слоном обычно отправляются два охотника. Выбрав быка с самыми большими бивнями, они отделяют его от собратьев и раздражают, пока он не набросится на них. Один из нападающих берет на себя эту обязанность и привлекает внимание слона к себе. Раздраженное животное делает свой яростный выпад и на полной скорости несется за аггегером, который тщательно подстраивает свой темп под темп слона, так что тот все время думает, что догонит его, и забывает, что у него есть спутник.

Тем временем другой аггагер подъезжает к слону вплотную, выхватывает меч, спрыгивает на землю, скачет рядом со слоном, наносит один сильный удар по лодыжке задней ноги и снова садится на коня. Как только слон ставит раненую ногу на землю, сустав вывихивается, и нога выворачивается, как старый башмак. Животное становится беспомощным, и, пока его внимание все еще занято преследующим его агрессором, мечник переходит на другую сторону, рассекает лодыжку оставшейся ноги и останавливает животное на месте. Меч тщательно вытирается, затачивается и возвращается в ножны, а раненый слон опускается на землю и через некоторое время умирает от потери крови. Таким образом, один человек убивает слона двумя ударами меча.

Очевидно, что такая охота требует самого совершенного владения лошадью, и, соответственно, выяснилось, что арабы Хамрана - одни из лучших наездников в мире. Кажется, что ими и их конями движет единый дух, и они сидят так, словно лошадь и всадник -

одно животное. В своих путешествиях по Абиссинии сэр С. Бейкер очень наглядно описывает их манеру езды.

"Едва мы сели на лошадей и начали движение, как обезьяноподобная ловкость наших аггеров проявилась в различных выходках, которые больше подходили для представления в цирке, чем для партии стойких и опытных охотников, желающих сохранить силы своих лошадей для трудного путешествия".

"Абу-До сидел на прекрасной серой абиссинской лошади, Сулейман ехал на грубом и низкорослом животном, а маленький Джали, любимец всей компании, скакал на серой кобыле ростом не более четырнадцати ладоней, которая в точности соответствовала своему наезднику по огню, духу и скорости. Никогда не было более совершенной картины дикого арабского скакуна, чем Джали на своей кобыле. Едва он оказался в седле, как кобыла полетела по рыхлой черепице, образовавшей сухое русло реки, разбрасывая в воздухе округлые камешки от своих кремнистых копыт, а ее всадник в порыве восторга бросился ей почти под брюхо на полном скаку и подбирал с земли камни, которые бросал и снова ловил, когда они спускались.

"Никогда не было более совершенных кентавров, чем эти арабы Хамрана; лошадь и человек казались одним животным, причем животным самой эластичной природы, которое могло извиваться и поворачиваться с гибкостью змеи; факт их раздельного существования доказывался тем, что всадник спрыгивал на землю с вытянутым мечом, когда лошадь неслась полным галопом по неровной и трудной местности, и, схватившись за гриву, снова взбирался в седло с ловкостью обезьяны, ни разу не сбавив скорости.

"Факт пребывания на лошади внезапно изменил характер этих арабов; из спокойных и гордых они превратились в самые дикие примеры самых диких учеников Нимрода; возбужденные энтузиазмом, они потрясали обнаженными клинками, пока сталь не задрожала в их руках, и мчались прочь, через скалы, через колючий кустарник, через овраги, вверх и вниз по крутым склонам, участвуя в имитации охоты и совершая различные действия, которые, как предполагается, происходят при нападении разъяренного слона".

Эта способность подбирать предметы с земли очень помогает охотникам. Если, например, они наткнутся на стадо овец, каждый мужчина промчится через него, спрыгнет с седла, подберет ягненка и ускачет с ним. Они могут поймать даже гораздо более активную добычу, чем ягненок или ребенок. Однажды во время путешествия они наткнулись на большой отряд бабуинов, которые собирали арабик с мимозы. "Не желает ли госпожа отведать бабуина?" - спросил Джали, самый маленький и возбудимый из всех.

Трое охотников бросились в погоню за бабуинами и, несмотря на неровную землю, вскоре оказались среди них. Соскочив с седла, двое из аггагеров выхватили у матери по молодому бабуину, посадили его на шею лошади и ускакали с ним. Как ни странно, пленник не пытался ни убежать, ни даже укусить, но судорожно вцепился в гриву лошади, крича от страха. Как только они остановились, охотники сорвали с деревьев кору мимозы, связали бабуинов и тяжелыми кнутами устроили бедным зверям жестокую порку. Это должно было заставить их смириться и не давать кусаться. Однако во время следующего привала, когда павианы были привязаны к деревьям, один из них умудрился задушить себя, пытаясь вырваться, а другой прокусил свои путы и незаметно удрал.

Для такой работы охотник должен быть способен остановить свою лошадь в мгновение ока, и, соответственно, сук должен быть очень жестким. Седло - очень неуклюжая вещь,

сделанная из дерева и без набивки, а стремена достаточно велики, чтобы вместить большой палец ноги.

Носорог доставляет охотникам гораздо больше хлопот, чем слон. Он гораздо быстрее, активнее и быстрее поворачивается, крутясь как на шарнире, и сбивает с толку охотников, пытающихся ухватить его за заднюю ногу. В отличие от слона, он может передвигаться на трех ногах, так что одна рана не выводит его из строя. Тем не менее арабы Хамрана всегда убивают носорога, когда могут это сделать, ведь из его шкуры можно сделать семь щитов, каждый из которых стоит два доллара, а рог продается абиссинцам как материал для рукоятей мечей, причем лучший рог стоит два доллара за фунт.

Охота на львов - не самое любимое занятие у хамранов, поскольку в случае успеха они получают мало, и редко выходят из поединка, не получив серьезных повреждений. Они всегда стараются перерезать животное через поясницу, так как удар в это место мгновенно выводит его из строя и не дает ему прыгнуть. Иногда лев прыгает на крупе лошади, и тогда наносится удар обоюдоострым мечом в спину, чаще всего со смертельным исходом.

На буйвола, свирепого и активного, они охотятся с мечом. Ничто, пожалуй, не показывает великолепное мастерство наездников и смелость хамранов лучше, чем сцена, свидетелем которой был сэр С. Бейкер.

Большое стадо буйволов было замечено и мгновенно атаковано охотниками, и пока буйволы и охотники смешивались в одну массу, неудержимый маленький Джали внезапно наклонился вперед и схватил за хвост прекрасного молодого буйвола, высотой около двенадцати ладоней. Двое других охотников спрыгнули с лошадей, сорвали с себя ремни, и им удалось взять животное живым. Это был большой куш, так как в Кассале его можно было продать за немалую сумму. Поскольку рост Джали составлял всего пять футов три дюйма, а телосложение было очень маленьким, такой подвиг, как захват и пленение такого мощного животного, как бык буйвол, был поистине удивительным.

Пешие буйволы так же активны, как и верховые. Однажды трое из них, в том числе и Джали, были так увлечены погоней за раненым слоном, что соскочили с лошадей и погнались за животным пешком. Слон был вне себя от ярости, но, казалось, инстинктивно понимал, что враги хотят за ним увязаться, и всегда вовремя поворачивался, чтобы помешать им. Активные, как обезьяны, агагеры сумели спастись от обвинений слона, несмотря на глубокий песок, который мешал им, но никак не влиял на слона. Раз за разом он оказывался в ярде или около того от одного из охотников, когда двое других спасали его, набрасываясь с двух сторон и отвлекая таким образом его внимание.

На бегемота они охотятся так же успешно, как и на слона, и являются такими же могучими охотниками в воде, как и на суше. В этой погоне они меняют меч и щит на гарпун и копье. Первое оружие сделано по тому же принципу, что и то, которое уже было описано при рассмотрении охотников на бегемотов в южной части Центральной Африки, но оно гораздо легче. Древко представляет собой крепкий бамбук длиной около десяти футов, а головка - кусок мягкой стали длиной около фута, остро заостренный с одного конца и имеющий одну крепкую колючку. Один конец веревки длиной около двадцати футов крепко привязан к голове, а к другому концу прикреплен поплавок из очень легкого дерева под названием амбач, которое также используется для изготовления каноэ и плотов.

Когда охотник видит бегемота и собирается напасть на него, он надевает свой охотничий костюм, *то есть* застегивает кожаный пояс вокруг талии, и снимает всю одежду. Затем он закрепляет железную головку на бамбуковом древке, обматывает веревку вокруг последнего

и смело входит в воду, держа гарпун в правой руке, а поплавок амбача - в левой. Как только он приближается к своей жертве на расстояние выстрела, гарпун бросают, и охотник старается найти место, в котором разъяренное животное не сможет его достать. Раненый бегемот мечется, сначала в реке, потом на берегу, потом снова в реке, постоянно волоча за собой веревку и поплавок, тем самым ослабляя себя и позволяя врагам выследить его. Рано или поздно им удается схватить конец, подтащить животное к берегу, а затем ударами копий умертвить его.

Часто, когда бегемота привозят на берег, он с открытым ртом бросается на своих мучителей. Некоторые из них достают его копьями, а другие, не вооруженные, смело ждут его наступления и бросают горсти песка ему в глаза. Песок, кажется, причиняет больше боли и раздражения, чем копья, и животное никогда не выдерживает его, а отступает к воде, чтобы вымыть песок из глаз. Тем временем оружие за оружием вонзается в его тело, пока, наконец, потеря крови не начинает сказываться на нем, и постепенно оно расстается с жизнью.

Сэр С. Бейкер дает наиболее оживленное описание одной из этих странных охот.

Один из старых охотников Хамрана по имени Абу До - сокращенный вариант очень длинного ряда имен - прославился как охотник на говарти, или гиппопотамов. Этот прекрасный старик, которому было около семидесяти лет, был одним из лучших образцов человечности. Несмотря на солидный возраст, его высокая фигура, шесть футов два дюйма ростом, была такой же прямой, как в ранней юности, седые локоны густыми завитками свисали на плечи, а бронзовые черты лица напоминали античную статую. Презрев все обременения одежды, он переступал с камня на камень так же легко, как коза, и, обливаясь водой, с копьем в руке, выглядел настоящим Нептуном. Охотники наткнулись на стадо гиппопотамов в бассейне, но обнаружили, что они слишком бодры, чтобы на них можно было безопасно напасть.

"Примерно в полумиле ниже этого места, когда мы перебирались по скалам через ущелье, образовавшее мощный порог, я заметил в небольшом бассейне, чуть ниже порога, огромную голову бегемота, прижавшуюся к перпендикулярной скале, образующей стену реки, на высоте около шести футов над поверхностью. Я указал на бегемота старому Абу До, который его не видел.

"Сразу же исчезла серьезность старого араба, и проявилась энергия охотника, когда он приказал нам оставаться, а сам проворно скрылся за густой завесой кустов примерно в ста пятидесяти ярдах ниже того места, где бегемот бессознательно грелся, подняв над поверхностью свою уродливую голову. Прыгнув в стремительный поток, охотник-ветеран был отнесен на некоторое расстояние вниз по течению, но, преодолев мощное течение, он высадился на скалы на противоположном берегу и, отойдя на некоторое расстояние от реки, быстро направился к месту, под которым лежал бегемот . У меня был прекрасный вид на эту сцену, так как я лежал, спрятавшись, точно напротив бегемота, который исчез под водой.

"Абу-До незаметно подошел к выступу скалы, под которым он ожидал увидеть голову животного; его длинная сухожильная рука была поднята, гарпун был готов к удару, когда он осторожно продвигался вперед. Наконец он достиг края перпендикулярной скалы, бегемот исчез, но старый араб, не выказав удивления, остался стоять на остром выступе, не меняя позы.

"Ни одна бронзовая фигура не могла бы быть более строгой, чем фигура старого речного короля: он стоял на скале, выставив вперед левую ногу, держа гарпун в правой руке над головой, а левой придерживая свободные витки веревки, прикрепленной к буйку засады.

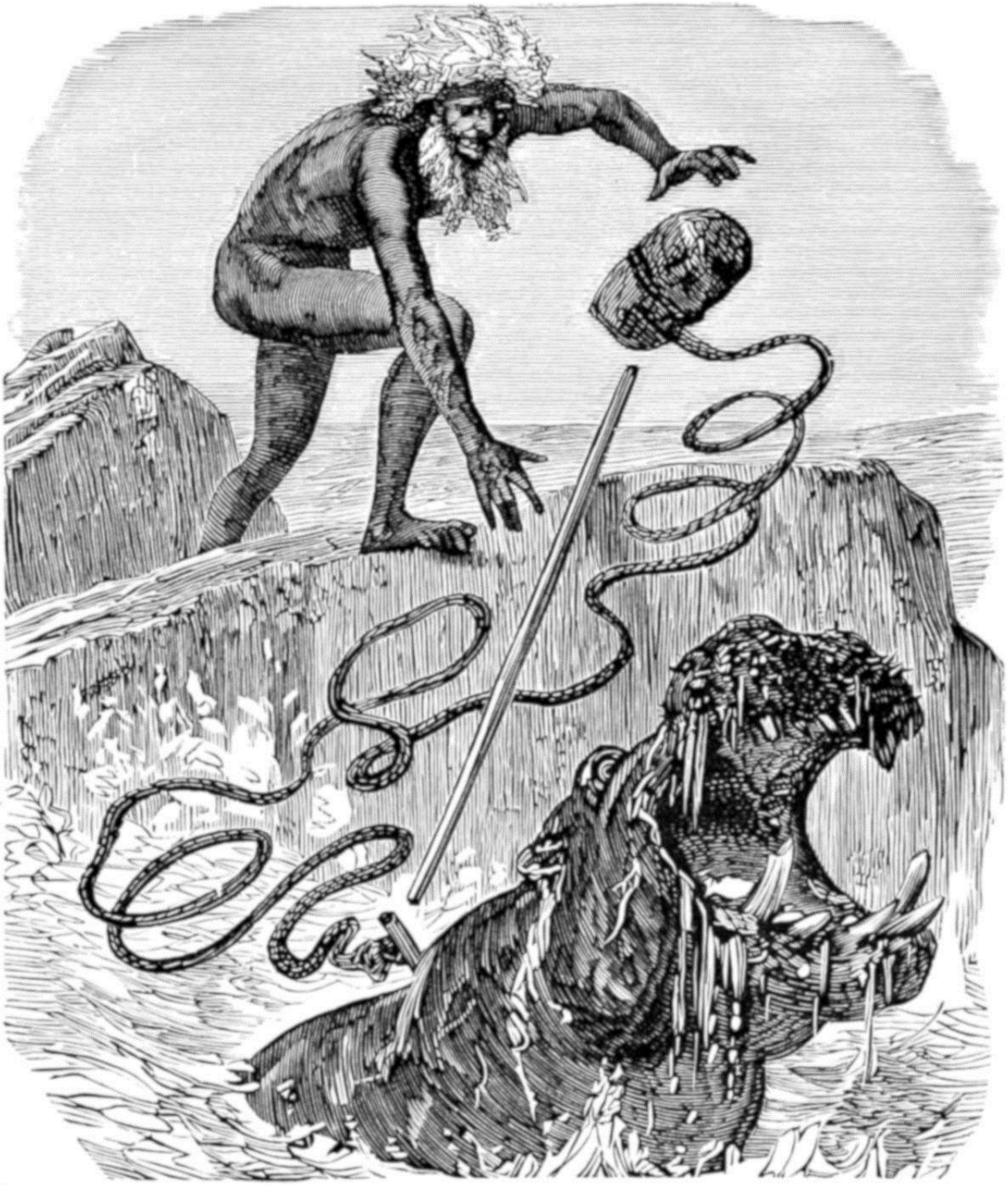
Около трех минут он стоял как статуя, пристально вглядываясь в прозрачную и глубокую воду под ногами.

"Я с нетерпением ждал появления бегемота; поверхность воды была по-прежнему бесплодна, как вдруг правая рука статуи опустилась, как молния, и гарпун с быстротой стрелы вонзился в бассейн перпендикулярно. Какой речной зверь откликнулся на призыв? Через мгновение показалась огромная пара раскрытых челюстей, а за ними - уродливая голова и фигура разъяренного бегемота, который, наполовину выскочив из воды, взбил реку в пену и, презрев укрытие глубокого бассейна, устремился прямо вверх по бурным порогам. (С необычайной силой он преодолел нисходящий поток; закрепившись на пороге глубиной около пяти футов, он прокладывал себе путь в разбитых волнах, разбрасывая во все стороны брызги, и, выбравшись на более широкое мелководье, мчался по воде с плавучим поплавком, скачущим за ним по поверхности, пока не высадился из реки, не понесся полным галопом по сухому галечному дну и в конце концов не исчез в колючих джунглях набука".

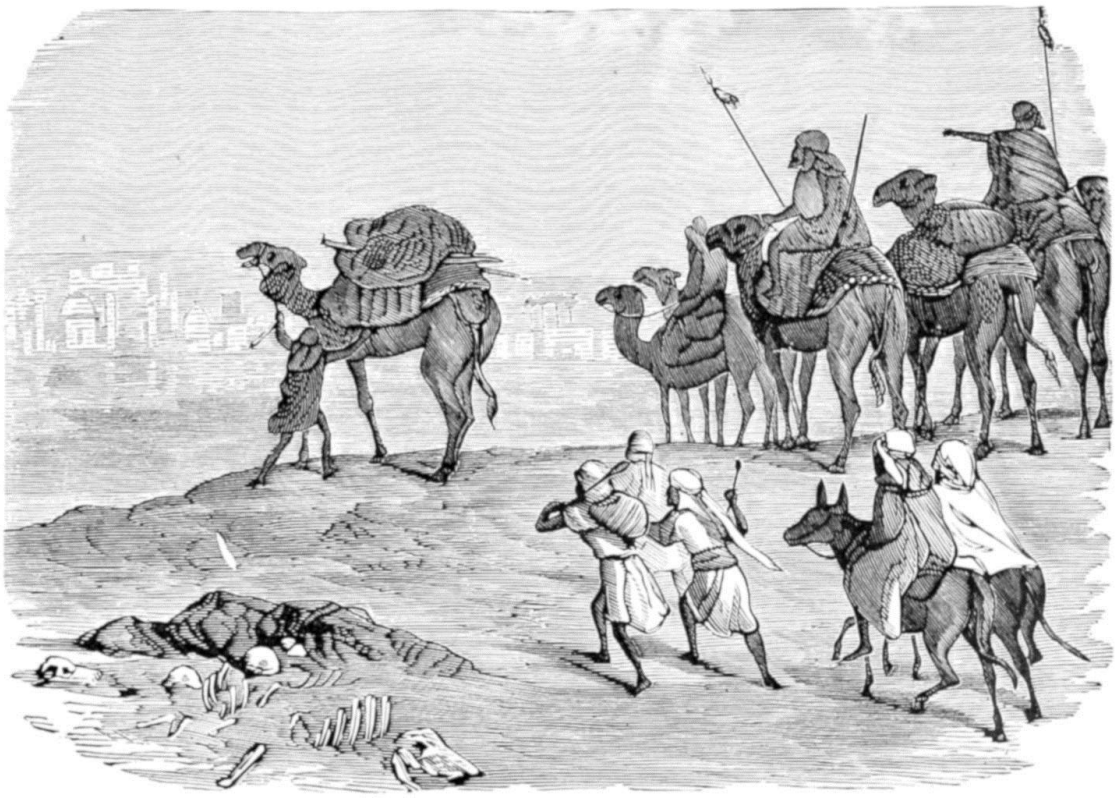
Во время одного из таких полетов бегемот решил, что поплавок в амбатче - это враг, который наносит ему ущерб, и яростно атаковал его. Воспользовавшись тем, что он был занят, двое охотников переплыли реку, неся с собой очень длинную и прочную веревку, и, держа по одному концу на каждом берегу и "подметая", как говорят моряки, они вскоре поймали поплавок в центр веревки и вытащили его на берег. Бегемот бросился наутек, и ослабленный линь был немедленно намотан на камень, а двое охотников закрепили в животном дополнительные гарпуны; и хотя он сделал шесть выпадов в сторону своих врагов, перекусил одну из веревок и раздавил древко копья между зубами, как соломинку, выносливые охотники одержали верх, и его смерть была лишь вопросом времени.

Бегемот - почти такой же большой трофей, как и носорог, поскольку он дает почти неограниченный запас пищи, а его шкура чрезвычайно ценна: ее разрезают на полосы шириной в два дюйма, которые используются для изготовления корбаша, или кнута из шкуры, столь распространенного по всей Африке.

В воде крокодил - еще более опасный противник, чем бегемот, и все же хамраны нападают на него с гарпунами, смело заходя в воду и заботясь о крокодилах не больше, чем о многочисленных лягушках.



(1.) ОХОТА НА БЕГЕМОТА.
(См. стр. 678.)



(2.) ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И МИРАЖ.
(См. с. 689.)

ГЛАВА LXVIII.
БЕДУИНЫ, ХАССАНИЙЕ И МАЛАГАСИЙЦЫ.

ЗНАЧЕНИЕ НАЗВАНИЯ - ОБЩИЙ ВИД БЕДУИНОВ - ИХ РАЗБОЙНИЧИЙ ХАРАКТЕР - ГОСТЕПРИИМСТВО И ЕГО ОБЯЗАННОСТИ - ЖИЗНЬ СРЕДИ БЕДУИНОВ - ЖЕНЩИНЫ БЕДУИНОВ - ПРОСТОЙ СПОСОБ ПРАВЛЕНИЯ - ПОСТОЯННЫЕ МЕЖДОУСОБИЦЫ - СПОСОБ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПИЩИ - ФИНИК И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ - ХАССАНИЙЕ - ОБЩИЙ ВИД - ИХ ДЕРЕВНИ - СТРАННЫЕ БРАЧНЫЕ ОБЫЧАИ - ТАНЕЦ ХАССАНИЙЕ - СУЕВЕРИЯ АРАБОВ - ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ - ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИРАЖЕ - ЧЕРНИЛЬНОЕ ЗЕРКАЛО - МАЛАГАСИЙЦЫ И ИХ ПЛЕМЕНА - ПЕРВЫЙ ПОЕДАТЕЛЬ ГОВЯДИНЫ - ПЛЕМЯ ХОВА - МАЛАГАСИЙЦЫ - ПЕРВЫЙ МАЛАГАСИЙСКИЙ ТАНЕЦ - МАЛАГАСИЙСКИЙ ТАНЕЦ.ЕДА - ПЛЕМЯ ХОВА - АРХИТЕКТУРА - ДЕРЕВО ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ - ОБРАЩЕНИЕ С РАБАМИ - ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕЛИГИИ - ПЛЕМЯ КУЗНЕЦОВ.

Из всех многочисленных племен, обозначаемых общим названием "араб", типичными являются те, которые так хорошо известны под именем бедуинов или бедауинов. Первый вариант написания этого слова является более привычным, и поэтому мы будем использовать именно его. Название очень подходящее: оно происходит от арабского слова, означающего пустыню, и означает, таким образом, "человек пустыни". Бедуины действительно являются людьми пустыни. Истинные измаильтяне, их рука направлена против каждого человека, а рука каждого человека - против них самих. Они не строят домов, не возделывают земли, не занимаются торговлей; они кочевники и хищники, полагающиеся

в основном на молоко своих верблюдов и рассматривающие своих лошадей и дромадеров как средство, позволяющее им грабить с большей безопасностью.

Как язвительно замечает мистер Палгрейв, рассказывая о характере бедуинов: "Бедуин не сражается ни за свой дом, у него его нет; ни за свою страну, которая находится где угодно; ни за свою честь, он никогда о ней не слышал; ни за свою религию, она ему безразлична. Его единственная цель в войне - временное занятие какого-нибудь жалкого пастбища или использование солоноватого колодца; возможно, желание заполучить лошадь или верблюда такого человека в свое владение".

Внешне бедуины представляют собой прекрасные образцы человеческой расы. Они высоки, статны, с хорошо очерченными чертами лица, а их ноги и руки славятся своей красотой. Их поведение на публике серьезное и надменное, и каждый мужчина ходит так, словно он монарх мира. В то время как другие арабские племена утратили свои характерные манеры в результате контакта с цивилизацией, одни только бедуины сохранили их, и даже когда они посещают города, которые так ненавидят, их можно сразу отличить по поведению. Леди Дафф-Гордон была очень поражена этим. "Видеть, как бедави и его жена прогуливаются по улицам Каира, просто великолепно. Положив руку ему на плечо и едва прикрыв свое надменное лицо, она смотрит сверху вниз на египтянку в вуали, которая несет тяжелую ношу и идет позади своего господина и повелителя".

Одежда бедуинов достаточно проста. Мужчины носят нечто вроде туники или рубашки, покрытой большой толстой мантией, называемой хаик. Другая ткань накидывается на голову и падает по обе стороны лица, чтобы защитить его от солнца, и удерживается на своем месте шнуром из верблюжьей шерсти, который несколько раз наматывается на брови. Что касается женщин, то они носят голубую рубашку, сильно открытую в области груди, и не заботятся о другой одежде.

Будучи хищной расой, бедуины всегда вооружены, их главное оружие - копье, которое имеет огромную длину и зачастую настолько тяжелое, что для его владения требуется не только сильная, но и тренированная рука. В настоящее время те, кто может позволить себе огнестрельное оружие, носят ружья с такой длиной ствола, что кажется, что они были сделаны в подражание древкам копий. Это оружие очень низкого качества, и бедуин никогда не бывает хорошим стрелком: его неуклюжее оружие долго заряжается, а владелец долго целится, и целится очень плохо.

Вследствие разбойничьего характера бедуинов никто не рискнет пройти через их районы, не будучи хорошо вооруженным или не защищенным достаточным эскортом. В настоящее время европейцы могут путешествовать в относительной безопасности, поскольку у них есть способ сражаться, когда на них нападают, и обычно попадать в цель, когда они стреляют, так что даже бродячие бедуины прониклись уважением к этим непонятным существам и скорее примут их как гостей, чем будут сражаться с ними как с врагами.

Однако если им попадается одинокий путник, они набрасываются на него и отнимают все, даже одежду. При этом они не проявляют жестокости, разве что угрожающим жестом копья заставляют поспешить. Они редко сопровождают грабеж убийством и, как известно, принимают ограбленного ими путника в свою палатку, кормят его, дают ему старую одежду взамен новой, которую они у него отобрали, оставляют его на всю ночь и отправляют в путь, даже не забывая сопровождать его на некоторое расстояние, чтобы он не сбился с дороги. Грабитель не испытывает к человеку никакой вражды, он просто смотрит на него как на провидение, оказавшееся на его пути, и в этом качестве скорее уважает его, чем в другом.

Читатель помнит, что бедуин отводит человека в свою палатку *уже после того, как* ограбил его. Если бы он начал с того, что позволил путнику войти в свою палатку и принять пищу, он не смог бы ограбить своего гостя после этого. В сознании арабов существует рыцарское чувство, что личность гостя священна; и если бы самый свирепый бедуин принял человека под сенью своего шатра, он был бы обязан защищать его, как собственного сына. Это чувство настолько распространено, что известны случаи, когда незнакомый араб укрывался в палатке и получал защиту, хотя хозяин обнаруживал, что его гость убил одного из его ближайших родственников.

Единственным жилищем бедуинов являются их палатки. Эти палатки, на которые было потрачено столько поэзии, настолько непоэтичны, насколько это вообще возможно. Любой человек может сделать бедуинскую палатку за пять минут. Достаточно взять несколько палок длиной около пяти футов, воткнуть один конец в землю, накинуть на них кусок черной и очень грязной мешковины, приколоть края к земле, и вот палатка готова. Высота палатки в середине составляет всего четыре фута, поэтому никто не может стоять в ней прямо, и только в середине можно сидеть прямо. Но поскольку палатка не рассматривается так, как мы рассматриваем дом, а используется только как удобное укрытие, в котором арабы могут спать, высота не имеет значения. На гравюре № 2 на странице 670 изображен "лагерь бедуинов".

Эти низкие темные палатки почти всегда располагаются в форме полукруга, отверстиями на восток, а между каждым шалашом оставлено достаточно места для прохода верблюдов и лошадей. Территория, заключенная между сторонами полумесяца, предназначена для детей, где они могут развлекаться, оставаясь под присмотром матери. Когда шатры новые, они чаще всего имеют широкие полосы шириной в два-три фута, но грубое использование, которому они подвергаются, вскоре уничтожает цвет.

Таковы палатки обычных бедуинов. Шейх, или вождь каждого клана, имеет большую и лучшую палатку, которая разделена на отсеки занавесками, расположенными таким образом, что снаружи остается несколько комнат, а в центре - одна или несколько. Те, что снаружи, предназначены для мужчин, а те, что внутри, - для женщин, принадлежащих к семье шейха. При этом достигается определенное уединение, которое, однако, доступно только для глаз, но не для слуха: перегородки - не более чем занавески, а арабы все говорят громкими голосами - крикливая нация, как описал их один французский путешественник.

Мебель соответствует жилищу и состоит всего лишь из пары циновок и нескольких горшков. Некоторые богачи гордятся тем, что у них есть медные ступки, в которых они толкут кофе, и каждое утро слышится музыкальный звон кофеварки. Даже мужчины снисходят до приготовления кофе, а самого шейха можно увидеть утром за работой: он толчет ягоды и радуется и музыкальному звуку пестика, и ароматному запаху свежеобжаренного кофе.

Воспитанный под открытым небом, единственным укрытием для которого служит рваная мешковина палатки, истинный бедуин не может вынести иной жизни. В стенах города он так же жалок, как волк в капкане. Его глаза, привыкшие к бескрайним просторам пустыни, страдают от стен, за которыми он не может видеть. Улицы угнетают его, а в атмосфере комнаты он едва может дышать. И он, и его верблюд одинаково не в своей тарелке среди цивилизованных людей, и они с нетерпением ждут того счастливого момента, когда снова смогут вдохнуть свободный воздух пустыни.

Жизнь среди бедуинов не слишком приятна для европейца, и это отнюдь не то райское существование, о котором нас часто заставляют думать. Это, безусловно, свободная жизнь в своем роде, обладающая тем особым очарованием, которое испытывают все

цивилизованные существа, когда им впервые разрешают делать то, что им нравится. Но у нее есть и свои недостатки, не последний из которых заключается в том, что каждый человек одинаково свободен; и если более сильный мужчина решит заявить о своей свободе, ограбив путешественника, он будет иметь на это полное право.

Арабские служанки, которые так живописно выглядят на картинах, не так уж приятны в реальности. Грязь, дурные запахи, кричащие голоса и отвратительные манеры не видны на картине, но в реальности действуют на все органы чувств. Даже в юности бедуинские девушки не так красивы, как принято считать. Они высоки, хорошо сложены и грациозны, но им не хватает той мягкости и нежности, которую мы, естественно, связываем с женской природой. Они любят делать себе татуировки и покрывают свои руки и подбородки синими узорами, такими как звезды или арабески. Некоторые из них делают татуировку на груди почти до талии. Уголки глаз иногда украшаются этим дешевым и нестираемым орнаментом. Они очень любят украшения, особенно кольца в ушах, которые едва ли могут быть слишком большими для них.

В отличие от более цивилизованных магометан, они мало заботятся о том, чтобы закрывать лицо, и, в сущности, ведут почти такую же свободную жизнь, как и мужчины. Даже женские апартаменты в шатре днем открыты для доступа воздуха, и любой желающий может свободно заглянуть в них.

Женская красота у арабов различается так же сильно, как и у других народов. Мистер Пэлгрейв остроумно замечает, что если бы кто-нибудь мог изобрести прибор для измерения красоты - калометр, как он его называет, - то бедуины были бы "представлены нулем или, самое большее, 1°. Градус выше обозначал бы женский пол Неджеда; над ними возвышаются женщины Шомера, которых, в свою очередь, превосходят женщины Джоуфа. Пятый или шестой градус символизирует представительниц прекрасного пола Хасы; седьмой - Катар; и, наконец, при резком подъеме на десять градусов, семнадцатый или восемнадцатый градус обозначает выдающихся красавиц Омана.

"Арабские поэты иногда томятся по очаровательницам Хеджаза; я не видел никого, кто бы очаровал *меня*, но тогда я только обходил эту провинцию стороной. Все свидетельствуют об отсутствии женской красоты в Ямене; и я сильно сомневаюсь, что мулаткам и смуглянкам из Хадрамута есть чем похвастаться. Но в Хасе путешественнику, прибывшему из Неджеда, бросается в глаза явное улучшение в этом важном вопросе, и он еще больше обрадуется, обнаружив, что его калипсоки гораздо более разговорчивы и имеют гораздо больше общего, чем те, которых он оставил позади себя в Седейсе и Аареде".

Распространено мнение, что арабские манеры похожи на манеры турка - благородные, вежливые и величественные. На самом деле все обстоит совсем иначе. Хотя, как и американский индеец, араб имеет гордую и величественную походку, и достаточно хорошо знает, как при случае принять царственно-безразличный вид, он по натуре живой и разговорчивый, не очень заботясь о том, о чем говорит; и любит петь арабские песни в той любопытной смеси высокого кричащего фальцета и гортанных интонаций, которые он с удовольствием считает вокальной музыкой.

Да и общие манеры отнюдь не отличаются достоинством, даже когда бедуины хотят оказать гостю особую честь. Мистер Пэлгрейв провел среди них много времени и нарисовал яркую картину жизни в бедуинском лагере. Ее нельзя назвать неблагоприятной: обитатели лагеря

названы "аджавидами", или джентльменами, хотя автор довольно язвительно замечает, что если они и джентльмены, то ему очень интересно, каковы они, чернокожие.

"Вождь, его семья (за исключением женщин), приближенные и еще около двадцати человек, молодых и старых, мальчиков и мужчин, подошли и, любезно поприветствовав нас по-бедуински, уселись полукругом перед нами. Каждый мужчина держал в руке короткую кривую палку для вождения верблюдов, чтобы жестикулировать при разговоре или играть с ней в перерывах между беседами; в то время как младшие члены общества, менее разговорчивые, вежливо проводили свой досуг, глядя на нас или вылавливая из песка сухие крупинки грязи и подбрасывая их.

"Но как мне описать их разговор, их вопросы и ответы, их манеры и шутки? "Разумный человек в этом городе подобен человеку, привязанному в хлеву среди мулов", - услышал я однажды от респектабельного незнакомца в сирийском городе Хомс, известном своей полной тупостью. Но среди бедуинов в пустыне, где нет преимуществ хлева, гость скорее напоминает человека посреди поля среди непривязанных мулов, резвящихся и бьющих пятками во все стороны вокруг него.

"Здесь вы можете увидеть человеческую природу на самой низкой стадии, или почти на самой. Один растянулся на песке, другой чертит концом своей палки бессмысленные линии, третий ухмыляется, четвертый задает бесцельные или дерзкие вопросы или отпускает шутки, рассчитанные на остроумие, но на самом деле лишь грубые до крайности. Тем временем мальчишки бесцеремонно вырываются вперед и перебивают старших (их старейшин, я затрудняюсь сказать) без малейшего уважения или почтения".

"И все же во всем этом нет ни намерения нагрубить, ни желания досадить - совсем наоборот. Они искренне хотят сделать себя приятными для новых гостей, расположить их к себе, а может, и оказать им посильную услугу, только не знают, как именно это сделать. Если они и нарушают все законы приличия или вежливости, то лишь по незнанию, а не *по злому умыслу*. И, среди бесцельности совершенно некультурного ума, они иногда проявляют признаки значительного такта и проницательности; а сквозь все непостоянство, свойственное человеку, привыкшему ни к моральным, ни к физическим ограничениям, проглядывает основа мужественного и великодушного характера, какой редко встречается, например, у персов.

"Их недостатки присущи их состоянию, их искупительные качества - их собственные - они унаследованы от одной из самых благородных рас земли, от арабов, населяющих земли и имеющих организованные правительства. Действительно, много путешествуя и довольно близко познакомившись со многими расами, африканской, азиатской и европейской, я вряд ли склонен отдать предпочтение какой-либо из них перед настоящими несмешанными кланами Центральной и Восточной Африки. Эти народы идентичны по крови и языку с мириадами жителей пустыни, но как неизмеримо уступают им! Разница между варварским горцем и английским джентльменом из "Роб Роя" или "Уэверли" едва ли менее разительна".

Сходство между цыганом и бедуином слишком очевидно, чтобы о нем упоминать, и автор этого отрывка обратил внимание на необыкновенное сходство между бедуином и горцем, описанное Скоттом. Однако в "Легенде о Монтрозе" есть отрывок, который стоит процитировать в этом месте, настолько странно близка параллель. Он происходит в сцене, когда раненый Мак-Иг умирает в тюрьме и дает последние наставления своему внуку. "Храни незапятнанной свободу, которую я оставляю тебе как право первородства. Не меняй ее ни на богатую одежду, ни на каменную крышу, ни на крытую доску, ни на пуховую кушетку. Сын Тумана, будь свободен, как твои предки. Не владей землей - не получай закона - не бери

платы за работу - не давай жалованья - не строй хижин - не закрывай пастбищ - не сеял зерна..... Отряхни пыль с ног твоих на жилища людей, объединившихся для мира или войны". Перенесите сцену из Шотландии в Аравию, и более подходящих слов нельзя было бы вложить в уста умирающего вождя бедуинов.

С персонажами, столь нетерпеливыми к контролю, очевидно, что не может быть правительства, достойного этого названия. Как и Сын Тумана, они не признают ни одного повелителя, и нет никого, кто носил бы титул короля бедуинов даже по вежливости. Каждый клан управляется своим шейхом, а иногда несколько кланов объединяются на время рейда под руководством старшего или самого главного шейха и остаются единым целым на некоторое время. Но его правление длится лишь до тех пор, пока остальные решают ему подчиняться, и вместо того, чтобы быть государем или даже главнокомандующим, он является лишь *primus inter pares*.

Сами кланы очень разнообразны по численности, но, как правило, каждый клан состоит из одной семьи, собранной вместе по патриархальной системе. Если кто-то из мужчин превосходит своих собратьев, он непременно собирает группу последователей, со временем отделяется от семьи и основывает свой собственный клан.

Вследствие такой непокорной природы война, как мы ее понимаем, невозможна, просто потому, что невозможно поддерживать дисциплину. Если, например, несколько кланов объединятся под руководством одного из них, то, если кто-то из шейхов недоволен командиром, он уйдет вместе со своими людьми и, возможно, присоединится к другому, который ему больше по душе.

Хотя война неизвестна, бедуины живут в состоянии хронической вражды: никто не знает, не может ли его лагерь подвергнуться нападению со стороны другого клана, у него отнимут все его имущество, включая одежду, если он покорится, и, вполне вероятно, перережут горло, если он будет сопротивляться. Никому не приходит в голову предупреждать о нападении или сражаться с равным количеством людей. Если они не имеют значительного превосходства в численности, то придумывают тайные планы нападения, чтобы застать жертву врасплох, и тот, кто наиболее изобретателен в планировании таких набегов и наиболее активен и смел в их осуществлении, обязательно станет человеком, который достигнет определенного положения в своем клане и закончит тем, что основал свой собственный. Единственная цель такого набега - приобретение имущества, и даже красивая лошадь или удивительно быстрый дромадер могут привести к разорению целого клана.

Живя в пустыне и кочуя только от одного плодородного места к другому, они не могут рассчитывать на то, что будут очень щепетильны в отношении провизии или обладать большим мастерством в кулинарии. Самая большая роскошь для них - пиршество на вареной баранине, и весь процесс приготовления и подачи почти до смешного прост. Тушу барана разделывают и бросают в кастрюлю вместе с достаточным количеством воды. Затем кастрюлю ставят на огонь, и со временем она закипает. Когда, по нашим представлениям, оно готово примерно на две трети, голодные бедуины не могут больше ждать; все это переливается в большую деревянную миску, и гости собираются вокруг нее. Руки погружаются в миску, обжигающее и полусырое мясо быстро разрывается на куски, и через пять минут не остается ничего, кроме чисто вымытых костей. Овощи не добавляются, приправы не требуются. Затем воду передают по кругу в другой миске или ведре, делают глубокий глоток, и пиршество окончено.

Хлеб бедуинов так же прост, как и его приготовление. Пекарь насыпает несколько горстей муки на круглый кусок кожи, льет на него немного воды и замешивает тесто. Другой человек

тем временем разводит огонь, и как только он разгорается, тесто раскатывается в тонкую круглую лепешку толщиной около одного дюйма и диаметром шесть дюймов. Ее кладут на огонь и засыпают углями, а после переворачивают один или два раза и сметают пепел, снимают с огня, разламывают и едят в таком виде - "полуразмятую, полусырую, полужареную и обожженную со всех сторон". Если бы его не ели горячим, он стал бы настолько жестким и кожистым, что даже бедуин не смог бы его съесть. На самом деле, он очень похож на грубый и готовый хлеб австралийских пастухов, который так хорошо известен под названием "дампер". Преимущество этого вида хлеба в том, что его можно легко приготовить в путешествии, а в особых случаях погонщик верблюдов может даже испечь свой хлеб, сидя на спине своего дромадера.

Финик, однако, является главным ресурсом бедуина, и только на этом фрукте он может существовать долгое время, даже несмотря на многочисленные трудности, которые ему приходится преодолевать в путешествии по пустыне. В Англии мы не знаем, что такое финик на самом деле, и не можем понять, насколько сочным является этот фрукт до того, как его высушили и сохранили. В последнем состоянии он очень греет европейца и даже немного туземца, в то время как в свежем виде он не обладает такими дурными качествами. В нем содержится удивительное количество питательных веществ, и в свежем виде он не вызывает приторности, как это всегда бывает при сушке.

Вследствие этого питательного свойства плодов финиковое дерево не только ценится, но и абсолютно почитается. Араб обращается к нему как к своей матери и относится к нему с таким же почтением, как если бы оно действительно было его родителем. Одно финиковое дерево является ценным имуществом среди всех арабских племен, и, хотя истинные бедуины не имеют ни одного, они почитают его так же, как и их более степенные собратья. Срубить финиковые деревья врага считается последней крайностью жестокости, а посадить их на новом участке - знак мира и процветания.

Финик употребляют в пищу различными способами. Обычно его предпочитают есть свежим, наполненным собственным сладким соком, но, поскольку он не может храниться в свежем виде очень долго, его сушат, спрессовывают и хранят так для будущего использования. Когда сушеные финики составляют часть пиршества, плоды подают в большой деревянной миске, в центре которой стоит чашка с растопленным маслом. Каждый гость выбирает финики по отдельности из общей массы и слегка окунает каждый в масло, прежде чем съесть.

Существует множество сортов фиников, и лучшие из них, растущие в Касиме, очень ценятся и в значительной степени импортируются в непроизводящие части Аравии. В Касиме финиковая пальма культивируется в больших масштабах и, вероятно, обязана своим особым достоинствам постоянному присутствию воды на глубине шести или семи футов под поверхностью земли. Сезон созревания соответствует нашей осени, продолжаясь во второй половине августа и начале сентября.

Некоторые знатоки, однако, предпочитают финик Халас. Он растет только в Хасе и полностью оправдывает свое название, означающее квинтэссенцию. Он меньше, чем финик Касим, полупрозрачный и насыщенного янтарного цвета. Продажа именно этого финика приносит Хасе большой доход, плоды экспортируются вплоть до Бомбея и Занзибара.

О религии истинный бедуин не имеет ни малейшего представления. Номинально он является магометанином и с идеальной точностью повторяет некоторые формулы. Он произносит свои бисмиллахи, машаллахи и прочие благочестивые слова не хуже любого другого, но он не имеет ни малейшего представления о том, кто такой Аллах, и это его не волнует.

Насколько удалось выяснить мистеру Пэлгрейву, их единственное представление об Аллахе - это представление об очень великом шейхе, который будет иметь над ними примерно такую же власть в следующем мире, как и их собственный шейх в этой сфере. Иными словами, они считают, что после смерти они будут столь же независимы, как и до нее, и что они будут признавать верность этому великому шейху столько, сколько захотят, и не более.

Как и все люди, не знающие религии, они суеверны в меру своего невежества. Сами глубоко неграмотные, они с величайшим почтением относятся к книжной грамоте, и любой, кто умеет читать книги, вызывает уважение, а к тому, кто умеет не только читать, но и писать, относятся с любопытной смесью восхищения, зависти и страха. Последнее чувство вызывается его предполагаемой способностью писать сапиэс, или чары, которые в основном состоят из фраз из Корана и, как предполагается, обладают всеми мыслимыми достоинствами.

Прежде чем оставить арабов-бедуинов, необходимо сказать несколько слов об арабе и его лошади. Много рассказывают о любви, которая существует между животным и его хозяином, о внимании, которое уделяется любимой кобыле, о том, как она и ее жеребенок живут в палатке вместе с детьми и дружат с ними. Конечно, иногда так и бывает, но не всегда. То, что их воспитывают в тесном контакте, достаточно верно, и что животное таким образом приобретает интеллект, которым оно никогда не смогло бы обладать при менее общительном обращении. Но араб испытывает к своему скакуну не больше настоящей привязанности, чем многие английские джентльмены к своей любимой лошади, и, если его разозлить, он способен обращаться с животным с поспешной жестокостью.

ХАССАНИЙЕ.

Мы подошли к группе арабов под названием хассанийе, которые населяют большой участок земли к югу от Хартума. Они бледнее тех, о ком мы уже рассказывали, с явным желтым оттенком кожи. Они небольшого роста, высокие и прямолинейные. Мужчины разделяют волосы посередине, заплетают их в длинные косы и закрепляют их на затылке, так что они имеют скорее женственный вид.

Деревни хассанийе представляют собой скопления небольших хижин, круглых по форме, с коническими крышами, с отверстием в центре для дымохода. Стены сделаны из палок и тростника, а крыши - из соломы, и на небольшом расстоянии хижины больше похожи на палатки, чем на дома. Каждая хижина окружена изгородью из колючек.

Как и у других арабских племен, дом шейха намного больше и лучше, чем у простолюдинов, и разделен на несколько покоев. Иногда внутри ставится нечто вроде второй хижины, сложенной из мелкой желтой травы, и в ней живут женщины. Иногда шейх ставит палатку, покрытую тканью из верблюжьей шерсти, и одна из них, которую видел мистер Байярд Тейлор, была тридцати футов в длину и содержала две внутренние камеры. Стены были покрыты шкурами, тыквами и другими подобными предметами; в главной палате стояла большая кровать или ангареп, а матерчатая крыша была украшена большим количеством раковин каури, нашитых на нее в виде крестов, звезд и других узоров.

У этого народа есть несколько очень странных обычаев, среди которых есть один, присущий только ему, хотя аналогичный обычай преобладает в одной или двух частях света. Женщина,

выходя замуж, не сливается полностью с мужем, а оставляет за собой четвертую часть жизни. Поэтому каждый четвертый день она освобождается от брачного обета, и, если ей случается увлечься каким-либо мужчиной, благосклонный любовник может жить с ней четыре с половиной часа, в течение которых муж не имеет права входить в хижину. За этим любопытным исключением хассанийские женщины не столь безнравственны, как женщины многих стран мира. Когда через страну проезжает путешественник, они обязаны выполнить обряд гостеприимства, выделив ему дом на время визита и одолжив жену на тот же срок. Мистер Тейлор предполагает, что если бы хассанийе также одолжили ему семью с детьми, то их щедрость была бы полной.

Когда их владения посещает незнакомец высокого ранга, они исполняют любопытный танец приветствия. Мистер Байярд Тейлор хорошо описал один из таких танцев, свидетелем которого он стал во время своего путешествия в Хартум. Он завоевал сердца людей, подарив им горсть табака и четыре пенса медью. "Через некоторое время я получил сообщение, что женщины деревни придут исполнить танец приветствия, если я им разрешу. Поскольку ветер дул против нас, а матросы еще не закончили снимать шкуры с овец, я расстелил свой ковер на песке в тени группы мимоз и стал ждать их прибытия.

"Вскоре мы услышали пронзительное пение и хлопанье в ладоши в размеренном ритме и различили процессию, медленно продвигающуюся сквозь деревья. Они шли по двое, всего около тридцати человек, распевая пронзительный хор, который больше походил на плач, чем на приветствие.

"Оказавшись передо мной, они выстроились полукругом, лицом ко мне, и, продолжая хлопать в ладоши в такт песне, та, что стояла в центре, вышла вперед, выпятив грудь почти вровень с лицом, которое было откинуто назад, и медленным волнообразным движением продвигалась вперед, пока не достигла края моего ковра. Затем быстрым рывком она изменила изгиб своего тела, запрокинув голову вперед и вниз, так что множество ее длинных черных волос, блестящих от масла, коснулось моей шапочки. Это было сделано в знак приветствия; я склонил голову в тот же момент, и она вернулась на свое место в строю.

"После паузы хор возобновился, и вперед вышел другой, и так последовательно, пока все не отсалютовали мне, - церемония, занявшая целый час. Почти все они были молоды, от четырнадцати до двадцати лет, и некоторые из них были поразительно красивы. У них был темно-оливковый цвет лица, правильные черты, зубы жемчужной белизны и черные, блестящие глаза. Грубый хлопковый халат, перекинутый через одно плечо, оставлял свободными руки, шею и грудь, которые были изысканно вылеплены. Их босые ноги и лодыжки были такими же стройными, как у Венеры Клеоменской".

Все женщины последовательно участвовали в этом диковинном танце, и самой красивой и грациозной из них была жена шейха, молодая женщина, которой едва исполнилось двадцать лет, с чертами лица, которые мистер Тейлор сравнивает с чертами Клеопатры Гвидо: широкий круглый лоб, полный овал лица и царственная осанка - все это усиливает сходство. Ее волосы были заплетены не менее чем в пятьдесят косичек и густо намазаны маслом, а на голове красовалась диадема из белых бусин. Она с величественной грацией двигалась по линии, и гости были так очарованы ее способом исполнения диковинного приветствия, что она повторила его несколько раз, чтобы они могли насладиться.

В танце участвовали и мужчины, причем один из них, великолепный образец чистейшей арабской крови, обладал столь совершенной формой и двигался в танце с такой полной и абсолютной грацией, что даже отвлек внимание путешественника от женщин.

Теперь мы переходим к некоторым нравам и обычаям арабов, которые не ограничиваются отдельными племенами, а характерны для арабской природы. Некоторые из них примечательны тем, что сохранились на протяжении многих веков, противостояли влиянию сравнительно новой религии и посягательствам постепенно развивающейся цивилизации.

Как и следовало ожидать, их суеверия претерпели незначительные изменения, и самый образованный и цивилизованный араб признает их силу в своем сердце так же, как и невежественный и полудикий араб, который никогда не видел книг и не входил в дом. Он не признается открыто, что верит в эти суеверия, но он верит в них очень твердо и выдает свою веру тысячью способов. Как бы ни был он образован, в нем живет вера в действенность письменных чар; и если он случайно увидит у другого человека клочок бумаги, испещренный непонятными ему символами, он будет испытывать беспокойство, как только загадочные письмена придут ему на ум. Если же такой клочок бумаги попадает к нему в руки, он бережно хранит его и старается скрыть от других.

Вследствие этого широко распространенного суеверия путешественники благополучно проходили большие пространства страны, встречаясь с различными племенами арабов, враждующих друг с другом, в истинно арабской манере, и все же умудрялись умилостивить их простым процессом написания пары предложений на любом языке на клочке бумаги. Одна из любимых форм "сапиес", как называют эти письменные чары, представляет собой любопытную смесь медицины и литературы. Человек, который болен или хочет, чтобы амулет предотвратил его болезнь, приносит писателю сапье гладкую доску, перо и чернила. На доске пишут сапье, а счастливый обладатель забирает ее домой, смывает все остатки надписи, а затем пьет почерневшую воду.

Даже в наши дни все арабские племена полностью и безоговорочно верят в джиннов, ефрейторов, упырей и других сверхчеловеческих существ, которые составляют главный элемент "Арабских ночей". Эта вера передается по наследству, и никакое воспитание не может вытравить ее из них. Они не выставляют это убеждение напоказ, не пытаются его скрыть, а принимают существование этих существ как общепризнанный факт, который никто и не думает оспаривать.

По их представлениям, в каждом колодце живет свой дух, чаще всего эфрит или полузлой гений, каждая старая башня населена ими, и едва ли найдется дом, в котором не обитает хотя бы один дух. Многие арабы говорят, что видели и разговаривали с эфритами, и рассказывают о весьма любопытных приключениях. Как правило, эфрит достаточно безобиден, если его оставить в покое, но иногда он становится настолько беспокойным, что приходится прибегать к сильным мерам. Что делали для изгнания эфритов до открытия огнестрельного оружия, неизвестно, но в наши дни, когда эфрита можно увидеть, его можно уничтожить пулей, как если бы он был человеком.

Мистер Лейн рассказывает любопытнейшую историю о такой встрече. Она настолько интересна и так хорошо рассказана, что ничто, кроме нашей весьма ограниченной площади, не мешает ее вставить. Суть ее, однако, такова: - Одна европейская дама присматривала за человеком.

Одна европейская дама присматривала себе дом в Каире и наконец нашла очень красивый, с большим садом, за очень низкую арендную плату - едва ли больше 12 фунтов в год. Она

сняла дом, и это ее вполне устроило, хотя и не произвело должного эффекта на служанок: все они покинули его при первой же возможности. Наконец причина выяснилась. В доме обитал эфрит, который жил в основном в ванной, а по ночам ходил по дому, стучал в двери, бился о стены и устраивал такой вечный беспорядок, что распугал одного жильца за другим и оставил дом при себе. Семья слышала эти звуки, но приписала их празднику, который уже некоторое время продолжался в соседнем доме.

Несмотря на смену слуг, шумы продолжались и скорее усиливались, чем ослабевали. "Очень часто в дверь комнаты, в которой мы сидели, поздно вечером, за два-три часа до полуночи, яростно стучали через короткие промежутки времени. В другое время казалось, что что-то очень тяжелое упало на мостовую, недалеко от окон той же комнаты или соседней; а так как эти комнаты находились на верху дома, мы сначала подумали, что соседи бросили камни или другие предметы, но после упомянутого шума мы ничего не нашли снаружи. Обычные звуки продолжались в течение большей части ночи и, как правило, сменялись тяжелым топаньем, похожим на ходьбу человека в больших сабо, сменявшимся стуком в двери многих квартир и в большие кувшины с водой, поставленные в углублениях на галереях".

Во время поста Рамадан в доме не было шума, так как предполагается, что эфриты в это время находятся в заточении, но как только пост закончился, они возобновились с еще большей силой. Через некоторое время эфрит стал показываться, и новый привратник был очень удивлен, услышав и увидев фигуру, которая по ночам ходила по галерее . Он умолял разрешить ему выстрелить в нее, и наконец ему разрешили это сделать при условии, что он будет использовать только холостой патрон. Однако мужчина не только вставил шарики в пистолет, но и зарядил его двумя пулями и двойным зарядом пороха. Около полуночи в доме раздался выстрел из пистолета, за которым последовал голос привратника, воскликнувшего: "Вот он лежит, проклятый!", сопровождаемый звуками, как будто раненое существо боролось и задыхалось.

Мужчина продолжал звать своих слуг подняться, и хозяин дома сразу же прибежал на место. Привратник рассказал, что эфрит появился в своем обычном облике - высокая белая фигура, и когда его попросили выйти из дома, он отказался это сделать. Тогда он, как обычно, прошел по коридору, когда мужчина выстрелил в него и сбил с ног. "Вот, - сказал он, - останки". Сказав это, он подобрал под тем местом, где пули вошли в стену, небольшую массу чего-то, похожего на обожженную кожу, продырявленную огнем в нескольких местах и сгоревшую до тла. Похоже, именно такие реликвии всегда остаются после уничтожения эфрита. После этого дом не тревожили.

Читатель заметит любопытное сходство с историями об эфритах в "Арабских ночах", особенно с историей Второго календаря, в которой эфрит и сражавшаяся с ним принцесса оба превратились в пепел. Идея о том, что колодцы населены эфритами, также неоднократно встречается в этих чудесных сказках.

Еще одну любопытную историю об эфритах рассказал мистеру Тейлору араб определенного ранга. Однажды ночью он прогуливался недалеко от Каира и увидел рядом с собой осла. Животное, похоже, было без хозяина, и, поскольку он был довольно усталым, он сел на него и с удовольствием поехал дальше. Однако через некоторое время он с удивлением обнаружил, что осел стал больше, чем был, когда он сел на него, и не успел он сделать это открытие, как животное быстро увеличилось в размерах и через несколько минут стало таким же большим, как верблюд. Конечно, он ужасно испугался, но вспомнил, что замаскированного эфрита можно обнаружить, ранив его острым предметом. Поэтому он осторожно достал свой кинжал и уже собирался вонзить его в спину животного. Однако

эфрит был слишком умен для него и, как только увидел кинжал, внезапно уменьшился до прежних размеров, сбросил с себя всадника и исчез с хохотом и восклицанием: "О, ты хочешь покататься, да?".

Согласно арабским верованиям, дух человека должен провести на земле определенное время, и естественная смерть - знак достижения этого срока. Если же человек будет убит насильственной смертью, его дух будет преследовать то место, где было похоронено его тело, и останется там до тех пор, пока не закончится срок его пребывания на земле. Тот же араб рассказал мистеру Тейлору, что на протяжении многих лет, когда он проезжал ночью над местом, где Наполеон разбил мамлюков, до него доносился шум битвы, крики солдат, вопли раненых и стоны умирающих. Сначала звуки были громкими, как от множества людей, но год за годом они постепенно уменьшались, так как время земного пребывания истекало, и в момент, когда он рассказывал эту историю, их было слышно совсем немного.

Среди некоторых племен существует довольно странное суеверие. Один путешественник был поражен красотой головного убора молодой девушки и захотел его купить. Девушка была готова продать его за умеренную цену, но ее отец запретил продажу, сославшись на то, что из головного убора можно сделать амулет, который заставит девушку прилететь к владельцу, в какой бы части света он ни находился.

Неудивительно, что, насытившись этими идеями, многие чудеса природы кажутся им сверхъестественного происхождения. Главным из них является такое необычное явление, как мираж, при котором место, находящееся далеко за горизонтом, внезапно становится видимым и кажется близким. Даже в нашей стране мы встречали примеры миража, хотя и не в столь яркой форме, как это часто бывает на песчаных равнинах Аравии. Вода - излюбленный объект миража, и путешественник, проезжая по раскаленным равнинам, видит перед собой бурлящую реку или огромное озеро, пальмы, извивающиеся по его краю и отражающиеся на его поверхности, и мелкие волны, подгоняемые ветром. Звери, как и люди, видят это, и едва ли можно удержать измученных жаждой верблюдов от того, чтобы не броситься к кажущейся воде.

Арабы называют мираж "Водой джиннов" и верят, что это иллюзия, вызванная джиннами - нашими старыми знакомыми джиннами из "Арабских ночей". Очень яркий рассказ об этом феномене приводится в книге Сент-Джона "Египет и Нубия": "Я ехал в машине, и мне казалось, что я не знаю, что делать.

"Я ехал в задумчивости, когда, случайно подняв голову, мне показалось, что я вижу вдали на горизонте темную полосу. Что это могло быть? Мой спутник, обладавший очень острым зрением, ехал впереди меня и, внезапно воскликнув, остановил свой дромадер и посмотрел в том же направлении. Я подозвал его и спросил, что он думает о той полосе и может ли он что-нибудь отчетливо различить в ней. Он ответил, что там сразу же появилась вода; он увидел движение волн, высокие пальмы и другие деревья, которые наклонялись вверх и вниз, как будто их подбрасывал сильный ветер. Араб был рядом со мной, его лицо было скрыто бурнусом; я привлек его внимание и указал на объект нашего расследования. Машаллах!" - воскликнул старик с таким лицом , словно увидел привидение, и изо всех сил уставился на пустыню.

"Все остальные арабы проявили не меньшее волнение, а наш переводчик сказал нам, что то, что мы видели, - это злой дух пустыни, который сбивает путников с пути, заманивая их все дальше и дальше в сердце пустыни, постоянно отступая перед ними, когда они преследовали его, и не исчезая окончательно, пока его заблуждающиеся жертвы безвозвратно не теряли себя в бескрайних песках. Значит, это и был мираж. Мой спутник

поскакал к нему галопом, и мы последовали за ним, хотя арабы пытались нам помешать, и все это время я мог своими глазами разглядеть это странное явление. Как сообщил мой друг, это была широкая полоса воды, по берегам которой росли свежие зеленые деревья, но на самом деле перед нами не было ничего, кроме высушенного желтого песка. Это явление вызвало у всех нас очень неприятные чувства, и все же мы поздравляли себя с тем, что хоть раз увидели чудо пустыни.

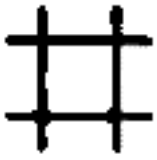
Это явление действительно заслуживает того названия, которое дали ему арабы, - "гоблин пустыни"; злой дух, который сбивает странника с безопасного пути и насмехается над ним, показывая то, что его разгоряченный мозг рисует в сияющих красках. Откуда же взялась эта иллюзия, поначалу вызывающая тревогу - можно даже сказать, ужас - даже у тех, кто приписывает ее существование естественным причинам? На месте, где на сотни миль простираются голые пески, где нет ни дерева, ни кустарника, ни следа воды, перед нами вдруг появились группы высоких деревьев, гордо опоясывающих бегущий поток, на волнах которого плясали солнечные лучи. Холмы, покрытые приятной зеленью, то поднимались перед нами, то исчезали; среди деревьев, чьи высокие стволы колыхались на ветру, как тростник, виднелись маленькие домики и города с высокими стенами и валами.

"Сколько мы ни скакали по направлению к видению, мы ни на шаг не приближались к нему; казалось, все вокруг отступало шаг за шагом вместе с нашим продвижением. Мы остановились и долго созерцали волшебную сцену, пока все неприятное в ее странности не перестало на нас действовать. Никогда я не видел такого яркого пейзажа, как этот, никогда вода не была такой яркой, а деревья - такими нежно-зелеными, высокими и величественными. Все здесь казалось гораздо более очаровательным, чем в реальном мире; и мы так сильно ощущали это притяжение, что, хотя нас не побуждала жажда искать воду там, где ее не было, мы все же охотно последовали бы за призраком дальше и дальше; и таким образом мы могли хорошо понять, как отчаявшийся странник, который с горящими глазами думает, что видит воду и человеческие жилища, будет до последнего задыхаться, чтобы достичь их, пока его не постигнет страшная, одинокая гибель". Эта необычная иллюзия и ее воздействие на путешественников хорошо проиллюстрированы художником на 679-й странице.

"Мы медленно вернулись к нашим арабам, которые не двигались с места, где мы их оставили. Оглянувшись еще раз в пустыню, мы увидели, что явление постепенно становится все слабее, пока, наконец, не растаяло в тусклой земле, не похожей на тонкий туман, стелющийся по полю (Hochländer). Вероятно, именно это явление, которое можно наблюдать как в Хадрамауте и Йемене, так и в пустынях Египта, породило басню о Саде Ирема, описанную в рассказе о призрачном верблюде в "Сказках Рамадхана"".

Я не могу расстаться с арабскими суевериями, не упомянув об одном из них, имеющем очень большую древность и широко распространившемся по всему миру. Я имею в виду знаменитое чернильное зеркало арабских магов, в котором они видят глазами другого человека события будущего и формы людей, находящихся на большом расстоянии.

Зеркало делается следующим образом: маг вызывает очень маленького мальчика, недостаточно взрослого, по их представлениям, чтобы быть запятнанным грехом, и заставляет его сесть на землю. Маг садится напротив него, держит раскрытую правую руку мальчика в своей, и после повторения молитв и сжигания ладана рисует на ладони квадрат с

крестом - так  - пишет кабалистические слова во всех углах, а в центр наливает примерно ложку чернил. Далее следуют молитвы и суффумигации, после чего мальчику предлагают внимательно всмотреться в чернила. Если он действительно чист и подходит для магического искусства, он увидит ряд фигур, всегда начинающихся с человека, подметающего землю, и заканчивающихся лагерем с палаткой султана и флагом в центре. Они исчезают, и зеркало остается чистым для любой фигуры, которую можно вызвать.

Все участники, похоже, безоговорочно верят в происходящее; и хотя несколько мальчиков подряд могут не увидеть ничего, кроме отражения собственного лица, неудачу списывают на их плохой моральный облик, и пробуют других, пока не найдется тот, кто обладает необходимым зрением. Любопытно, что сам фокусник никогда не претендует на это внутреннее зрение, так как грехи, которые он совершил, являются эффективным препятствием. Образованные европейцы часто становились свидетелями этой любопытной церемонии и рассказывали о ней по-разному. У одних она закончилась полным провалом, мальчик явно пытался обмануть и придумывал, в зависимости от своих способностей, сцены, которые должны были быть представлены в зеркале. С другими это было столь же необычным успехом, европейские сцены и люди были точно описаны мальчиком, хотя была предпринята большая осторожность, чтобы не дать никакой подсказки ни фокуснику, ни мальчику.

МАДАГАСКАР.

Мы завершаем рассказ об африканских племенах кратким описанием некоторых из них, населяющих остров Мадагаскар. За свои сведения я обязан главным образом известной работе Эллиса, а также ценному докладу, прочитанному лейтенантом Оливером, Р. А., перед Антропологическим обществом Лондона 3 марта 1868 года.

Название Мадагаскара - полностью европейское изобретение, туземное название этого большого острова - Носиндамбо, *то есть* остров диких свиней. Жители острова известны под общим названием малагасийцы и делятся на несколько племен. Эти племена отличаются друг от друга цветом кожи, манерой одеваться и другими особенностями, и могут быть условно разделены по цвету кожи на светлые и темные племена, каждое из которых состоит из четырех человек и имеет почти все оттенки кожи, от светло-оливкового у ховасов до черного у южных племен. По данным Эллиса, все население составляет всего три миллиона человек, в то время как лейтенант Оливер, который приводит приблизительную численность каждого племени, оценивает их в пять миллионов.

Происхождение малагасийцев довольно туманно, и, несмотря на столь близкое соседство с африканским континентом, они почти не имеют ничего общего с африканскими расами. Общепринятая гипотеза гласит, что они имеют малайское происхождение: их предков, по всей вероятности, вынесло в море на каноэ, и в итоге они высадились на острове. То, что они не африканского происхождения, доказывается несколькими аргументами, хотя у них есть

много привычек, присущих океаническим расам. Например, хотя они так близки к Африке, они никогда не принимали кожаных платьев, которые обычно встречаются у диких рас континента, но, напротив, используют кору гибискуса, выбитую точно по моде полинезийцев.

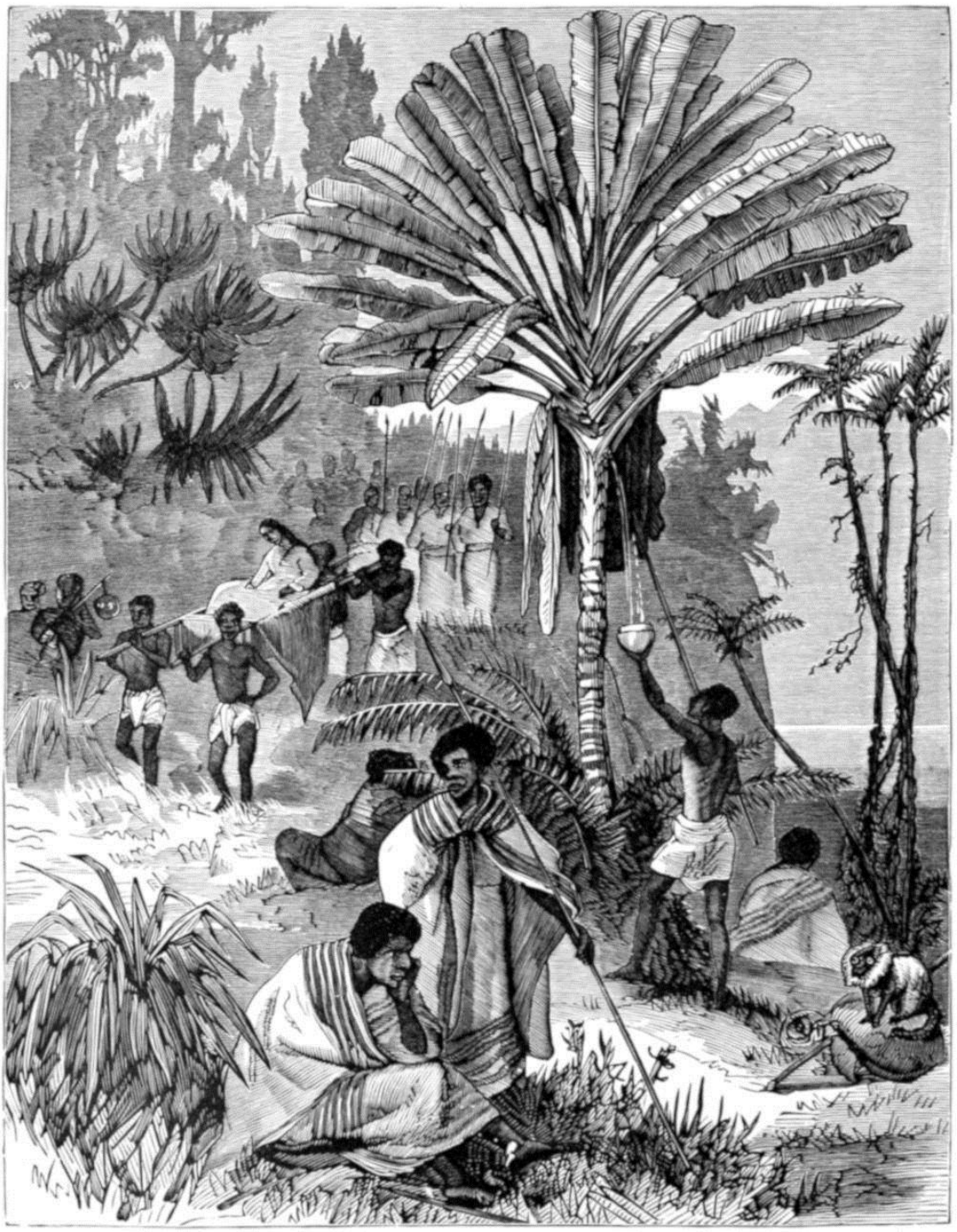
"Очевидно, - пишет лейтенант Оливер, - что малагасийцы никогда не выходили из первоначального состояния цивилизации, поскольку в стране не обнаружено никаких реликтов первобытной цивилизации. Тем не менее, малагасийцы, похоже, значительно продвинулись в искусстве строительства домов и создания сложных укреплений, которые они сами модифицировали в соответствии со своим наступательным и оборонительным оружием, еще до того, как стало известно о каких-либо сношениях с цивилизованными людьми. Они одомашнили волов и свиней, добились успехов в выращивании риса, ямса и т.д.; но благодаря ли их собственному интеллекту или внешнему примеру, мы не можем сказать".

Что касается одомашнивания крупного рогатого скота, то они сами относят его к очень недавнему времени и даже утверждают, что употребление говядины было случайно обнаружено в прошлом веке. Вождь по имени Рабиби руководил посадкой риса, когда заметил, что один из его людей отличается повышенной силой и тучностью, и расспросил его на эту тему. Тот рассказал, что некоторое время назад ему довелось убить быка, и у него возникло любопытство приготовить немного мяса. Обнаружив, что оно удивительно вкусное, он продолжил убивать и есть, и таким образом улучшил свое состояние. Рабиби очень мудро попробовал эксперимент на себе и, обнаружив, что он удался, зарезал быка и устроил пир для своих товарищей. Общее впечатление было настолько благоприятным, что он отдал приказ о строительстве складок, в которых можно было бы собирать скот, и еще больше расширил рацион туземцев за счет мяса дикого борова. Первоначальные складки, построенные по его приказу, сохранились до сих пор.

Главными среди малагасийцев являются представители племени хова, которые постепенно заняли значительную часть острова и теперь фактически являются его хозяевами. Они имеют самый светлый цвет кожи из всех племен, и в их облике больше от испанского, чем от негритянского. Волосы черные, длинные и обильные, носят их по разным модам. Мужчины обычно стригут волосы довольно коротко и укладывают их на лбу и висках в соответствии со стилем, который был распространен во времена регентства. Женщины много времени уделяют своим волосам, иногда распуская их до тех пор, пока они не напоминают зрителям расу Фиджи, а иногда заплетая их в бесконечное множество косичек и завязывая их в маленькие узлы или пучки по всей голове.

В их одежде есть что-то от абиссинского типа. Бедняки не носят ничего, кроме ткани, обернутой вокруг поясницы, в то время как более состоятельные носят рубашку, покрытую мантией, называемой ламба. Этот предмет одежды располагается так же разнообразно, как тобе у абиссинцев. Хова отличаются тем, что их ламба окантована каймой из пяти широких полос. Их дома, о которых уже упоминалось, строятся исключительно из растительных материалов. Стены формируются путем вбивания в землю рядов столбов на неравном расстоянии друг от друга и заполнения промежутков прочными стеблями "дерева путешественников". Длина каждого стебля составляет около десяти футов, а крепятся они плоскими рейками. Крыша крыта широкими листьями того же дерева, крепко привязанными к очень крутым стропилам. Карнизы выступают далеко за пределы стен, образуя вокруг дома веранду, под которой стоят скамейки. Пол покрыт своеобразной доской из дерева путешественников. Кору сдирают и отбивают, чтобы получились доски длиной около

двадцати футов и шириной пятнадцать дюймов. Эти доски укладывают на пол, и, хотя они не прибиты гвоздями, они прочно держатся на своих местах.



ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАДАГАСКАРУ.
(См. стр. 693.)

Это дерево путешественников - одно из самых полезных растений на Мадагаскаре. Это разновидность пальмы, и ее широкие листья, помимо того, что служат основой для стен

домов, обеспечивают обильный запас пресной воды. Вода находится в углублении, образованном тем, как основание стебля листьев охватывает ствол, из которого они растут, а жидкость получают, протыкая стебель копьем. Из каждого листа получается целая кварта воды, и она настолько чистая, что туземцы скорее пройдут небольшое расстояние до дерева путешественника, чем будут снабжать себя водой из ручья у своих ног.

Малагасийцы немного разбираются в музыкальных звуках и изобрели несколько инструментов, которые значительно превосходят инструменты африканских племен. Один из лучших - скрипка. На ней играют столь же грубым смычком, и хотя звуки, которые она издает, не особенно гармоничны для английского слуха, они ничуть не уступают тем, что издают струнные инструменты Китая, Японии или Турции.

Рабство существует среди малагасийцев, но оно не очень суровое и, возможно, благодаря усилиям миссионеров будет полностью искоренено. Рабы выполняют всю тяжелую работу, которая на самом деле не очень тяжелая, и, поскольку они уделяют много времени всему, что делают, их труд показался бы очень легким обычному английскому рабочему. Черпание воды - пожалуй, самая тяжелая работа, которой занимаются рабыни, но, в конце концов, это не такая уж и тяжелая работа. Они черпают воду с помощью коровьих рогов, привязанных к веревкам, и наливают ее в хитроумные ведра, сделанные из бамбука. Самая тяжелая работа, которую выполняют мужчины, - быть носильщиками гамака или подстилки своего хозяина, а поскольку дороги часто пролегают через нерасчищенные леса, очень неровные и каменистые, это очень утомительная работа. Эти повозки очень удобны, они покрыты крышей, защищающей их обитателя от солнца. Они довольно громоздки, и иногда к каждому литеру прикрепляется до двадцати или тридцати человек, одни несут шесты на плечах, другие тащат их на веревках, а всем процессом руководит начальник. Гравюра на предыдущей странице иллюстрирует способ передвижения по Мадагаскару.

За последние несколько лет христианство достигло замечательных успехов среди малагасийцев, хотя поначалу миссионеров изгоняли, а новообращенных туземцев предавали смерти с помощью страшных пыток. Старые суеверия, однако, все еще сохраняются, но они носят более безобидный характер, чем обычно бывает с суевериями людей, которые только начинают выходить из состояния дикости. Все рептилии, особенно змеи, почитаются с большим почтением. Ядовиты ли змеи, точно не установлено, хотя местные жители отрицают, что на острове водятся ядовитые змеи. Как бы то ни было, они никогда не убивают змей, и даже если большая змея заходит к ним в дом, они просто проводят ее палками через дверной проем и говорят, чтобы она уходила.

Похоже, что у них нет идолов, хотя мистер Эллис нашел некоторые предметы, которым поклонялись. Это были просто "куски дерева высотой около девяти футов, не квадратные и гладкие у основания, а расходящиеся на две или три ветви на высоте около пяти футов от земли и постепенно сужающиеся к острию". Рядом с ними находился большой базальтовый камень высотой около пяти футов, имеющий естественную призматическую форму, а рядом с ним - другой камень, гладкий и округлый, размером с голову человека. Туземцы говорили, что на один камень льют кровь, а на другом сжигают жир, но они очень не любили говорить на эту тему и, скорее всего, не говорили правды.

Некоторые из их бытовых суеверий - если можно так выразиться - довольно любопытны. Мистер Эллис заметил, что в некоторых случаях на лбу ставилось пятно белой краски, а вокруг глаза рисовался белый круг. Однажды утром он обнаружил, что эти знаки украшают почти всех его носителей. Поинтересовавшись причиной такого украшения, он выяснил, что это амулет, призванный предотвратить последствия дурных снов. Однако, поскольку

накануне вечером они обильно ели говядину, причина дурных снов явно была скорее материальной, чем духовной.

С их суеверными представлениями отчасти связано существование отдельного сословия - занакамбони. Они являются наследственными кузнецами и освобождены от принудительного труда, за исключением своей линии, так что, как пишет лейтенант Оливер, они сделают лопату, но не могут быть принуждены к ее использованию. Они имеют право переносить умерших королей в могилу и возводить над ними памятники. Они очень горды и ведут себя высокомерно с другими кланами, отказываясь общаться с ними, есть вместе с ними или даже одалживать им любую вещь, которая может быть осквернена прикосновением плебейских рук. Поскольку они не снисходят даже до обычного труда своих соотечественников и считают, что даже построить дом - это унижение, они очень бедны; поскольку они отказываются общаться с другими, они очень невежественны, но утешают себя за свою неполноценность в богатстве и образованности тем, что постоянно говорят о своем огромном превосходстве в звании.

ГЛАВА LXIX.
АВСТРАЛИЯ.

КОРЕННЫЕ АВСТРАЛИЙЦЫ - ОБЩЕЕ СТРОЕНИЕ ГОЛОВЫ И ЧЕРТЫ ЛИЦА - ИХ СРЕДНИЙ РОСТ И ФОРМА - ЖЕНЩИНЫ И ИХ ВНЕШНИЙ ВИД - ХАРАКТЕР ТУЗЕМЦЕВ - ИХ ВОРОВСКИЕ НАКЛОННОСТИ - ИХ ХИТРОСТЬ, И СПОСОБНОСТЬ К ДИССИМУЛЯЦИИ - ПАРА ЛОВКИХ ВОРОВ - "ДОБРЫЙ ТУЗЕМЕЦ" - УМНАЯ СТАРУХА - СТИМУЛЫ К ГРАБЕЖУ - ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ ВИД СТАРУХ - ОТТАЛКИВАЮЩАЯ ТЕМА ДЛЯ ХУДОЖНИКА - МОЛОДЫЕ ЖЕНЩИНЫ ТОГО ЖЕ ПЛЕМЕНИ - ИХ СТРАННАЯ ОДЕЖДА - КРУГЛЫЙ ПЛАЩ ИЗ ЦИНОВКИ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ - ТУЗЕМНАЯ КОРЗИНА - ВЕРОЛОМНЫЙ ХАРАКТЕР ТУЗЕМЦЕВ - МИСТЕР БЕЙНС. РАССКАЗ БЕЙНСА - ПОДВЕСНОЕ КАНОЭ СЕВЕРНОЙ АВСТРАЛИИ И ЕГО ВЕРОЯТНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ - ТРУБКА И СПОСОБ КУРЕНИЯ - МЛЕКОПИТАЮЩИЕ АВСТРАЛИИ И ИХ СУМЧАТЫЙ ХАРАКТЕР - ПУТАНИЦА В НОМЕНКЛАТУРЕ - ВЛИЯНИЕ ЖИВОТНЫХ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОБИТАТЕЛЕЙ СТРАНЫ - ПЕРВИЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРУЖИЯ.

Следуя принципу последовательного изучения наименее цивилизованных рас, мы, естественно, переходим к большому континенту Австралии и прилегающим к нему островам.

Эта удивительная страна занимает как бы изолированное положение на земле, благодаря любопытному контрасту, который царит между ней и всеми знакомыми нам землями. Как видно из карты, она расположена чуть ниже экватора и простирается на сорок градусов к югу, поэтому на ее северной оконечности царит тропическая жара, а на юге - такой же холодный климат, как у нас. Но, пожалуй, нет ни одной страны, где температура была бы так изменчива, как в Австралии, и есть один случай, когда термометр зафиксировал изменение температуры на пятьдесят градусов за двадцать пять минут. Такая резкая перемена обусловлена ветрами, которые, если дуют с моря, прохладные, а если дуют в сторону побережья, то, пройдя над раскаленными песчаными отвалами внутренних районов, повышают температуру необычайным образом, о чем уже говорилось. Тем не менее, климат, хоть и переменчивый, но приятный; и колонисты, посещающие Англию, почти всегда ворчат на сырой климат родной страны и мечтают вернуться в Австралию. Животные и растительные продукты этой страны удивительно не похожи на продукты других стран, но, поскольку у нас еще будет повод описать их на следующих страницах, сейчас мы не будем о них упоминать, а сразу перейдем к человеческим обитателям Австралии.

Рассказать об аборигенах Австралии с точностью до системы крайне сложно, если не сказать невозможно. Как бы ни различались племена, с которыми мы знакомы, во многих мелких деталях, все они сходятся в общих характеристиках, и, независимо от того, откуда взят туземец - с севера или с юга огромного австралийского континента, - есть сходство привычек и черт, которые сразу же указывают на то, что он австралиец.

Поэтому мы будем придерживаться следующего плана: дадим общий очерк о туземцах вместе с описанием тех привычек, в которых они сходятся, а затем пройдемся по всей Австралии, которую открыли нам путешественники, и вкратце упомянем о наиболее интересных нравах и обычаях, существующих у нескольких племен.

По цвету австралийцы совершенно черные, такие же темные, как негры, но в лице нет ничего от негритянского характера. Лоб не покатый, как у негров; и хотя нос широкий, рот большой, а губы толстые, в нем нет того выступа челюсти, который делает лицо чистого негра таким отталкивающим. Глаза маленькие, темные и, будучи глубоко запавшими, придают бровям тяжелый, нависающий вид. Волосы ни в коем случае не плотные и не шерстяные, как у негров, а обильные, довольно длинные и склонны к завиванию, в основном волнистые, а иногда даже принимающие форму колец. По текстуре она очень грубая и жесткая, но не может быть названа шерстью.

Борода и усы очень густые и полные, и мужчины гордятся этими украшениями, иногда закручивая бороду в диковинные формы. Действительно, как правило, это волосатая раса. Сейчас передо мной лежит большая коллекция фотографий коренных австралийцев, на многих из которых мужчины отличаются густотой бороды, а лица некоторых из них так сильно заросли бородой, что едва ли можно различить нос среди массы волос, покрывающих щеки почти до самых глаз. Некоторые из старших мужчин отличаются развитым волосяным покровом, который покрывает всю грудь и руки густым ворсом и выглядит так, как будто они одеты в плотно прилегающую меховую одежду. Иллюстрация № 1 на 698-й странице дает хорошее представление о чертах австралийца. Она в точности скопирована с фотографических портретов; и хотя субъекты изуродовали себя, надев европейскую одежду, а женщина фактически расчесала волосы, общий рисунок черт лица хорошо сохранился.

По росту австралиец примерно равен среднему англичанину - скажем, пять футов восемь дюймов, хотя встречаются люди гораздо ниже и выше этого роста. Телосложение австралийских дикарей хорошее, а конечности хорошо развиты. Существует несколько известных рисунков австралийцев, которые были широко распространены из-за их гротескности, и которые были приняты за обычный вид этого любопытного народа, и они дали представление, что коренной австралиец отличается очень большой головой, очень маленьким телом и очень длинными и укороченными конечностями; фактически, он является для европейца тем же, чем обезьяна-паук является для бабуина.

Однако такие рисунки взяты лишь из исключительных случаев и не дают представления о реальных очертаниях австралийца. В самом деле, мистер Пикеринг, объехавший большую часть мира в поисках антропологических знаний, в очень резких выражениях пишет о прекрасных формах, которые можно увидеть у этих туземцев. "Общая форма, хотя иногда и неполноценная, в среднем кажется лучше, чем у негров, и я не обнаружил излишней стройности конечностей, которую обычно приписывают австралийцам. Как ни странно, я назвал бы австралийца лучшим образцом человеческих пропорций, с которым я когда-либо встречался, - в развитии мускулатуры он сочетает идеальную симметрию, активность и силу, а его голова могла бы сравниться с античным бюстом философа".

Те из моих читателей, кому довелось увидеть австралийцев, приехавших в Англию в качестве игроков в крикет и спортсменов в целом, наверняка обратили внимание на изящные формы, которыми отличались некоторые из них, в то время как все они обладали большим изяществом конечностей.

Неблагоприятное воздействие европейской одежды на представителей темных рас было хорошо видно на примере этих мужчин, которые, казалось, преобразились, когда отложили свою обычную одежду ради костюма, который, насколько это возможно, представлял собой легкую и воздушную одежду коренного австралийца. В серой одежде или в костюме игрока в крикет в них не было ничего примечательного, и на самом деле они казались совершенно обычными людьми. Но вместе с одеждой они сбросили с себя и обыденный облик, и, одетые только в обтягивающие "флиски", выкрашенные как можно ближе к цвету их черных шкур, с куском меха, обернутым вокруг поясницы, и чем-то вроде меховой шапки на голове, они шли гордым, упругим шагом, который странно контрастировал с их прежней походкой.

Можно сказать, что эта перемена в поведении была естественным результатом снятия тяжелой одежды и предоставления свободы конечностям. Но это было не так, поскольку несколько профессиональных английских спортсменов соревновались с австралийцами и, когда им нужно было бежать или прыгать, надевали обычное легкое одеяние профессионального акробата. Однако в них самих такого улучшения не произошло, и, если уж на то пошло, они выглядели лучше в своей обычной одежде.

Женщины, как правило, значительно уступают мужчинам во внешности. Даже в молодости, хотя они и обладают симметричными формами, их общий вид не так приятен, как у юной африканки, а когда женщина стареет, она становится, если это возможно, еще более отвратительной и похожей на карга, чем африканка. Отчасти это ухудшение может быть связано с крайне тяжелой жизнью, которую ведут женщины, или "джины", - в этом слове, кстати, буква *"г"* произносится жестко, как в слове "giddy". То, что им приходится выполнять всю тяжелую работу и нести все тяжести, включая детей, пока их мужья сидят или спят, или, если они в походе, не несут ничего более тяжелого, чем оружие, вполне ожидаемо, поскольку это повсеместная практика среди туземцев. Но не столько тяжелая работа, сколько лишения сказываются на женщине, к которой относятся с тем же презрительным пренебрежением, с каким дикарь относится к своей собаке, и, пока ее муж, отец или брат пирует приготовленной ею дичью, она считает себя счастливой, если время от времени ей подбрасывают почти очищенную кость или кусок паленого мяса.

Как и большинство дикарей, австралийские аборигены - ловкие и смелые воры, проявляющие при осуществлении своих замыслов такую изощренность, которая сделала бы честь самому опытному профессиональному вору Лондона или Парижа. В своей интересной работе под названием "Жизнь и сцены дикарей" мистер Г. Ф. Ангас рассказал несколько анекдотов, касающихся этой склонности.

"Выйдя из бухты Риволи, мы столкнулись с двумя очень смелыми туземцами, единственными, кто осмелился приблизиться к нашему лагерю; оба были в обнаженном виде. Один из этих парней был совершенным гибким джокером; он танцевал и кружился, как будто был наполнен зыбучим серебром. Мы посадили их на лошадей, с которых они постоянно спрыгивали, и они ехали с нами весь день.

"Когда мы расположились лагерем на старом месте отдыха, недалеко от озера Хауден, они знаками попросили разрешения остаться у наших костров, что мы им и разрешили, а на ужин дали им голову и отходы овцы, которую только что убили и повесили на дерево рядом с палатками. Они очень удивились, увидев нашу разнообразную посуду и предметы

кулинарии. Эти ловкие джентльмены оказались настолько скромными и воспитанными, что не притронулись ни к одному предмету пищи, не испросив предварительно разрешения знаками; они настолько завоевали наше доверие, что один из них был украшен оловянной тарелкой, подвешенной на веревочке к шее, на которой было написано: "Добрый туземец".

"Ночью нас разбудил необычный лай собак. Сначала предположили, что дикие собаки "гонят" овец; но когда шум усилился, сержант-майор развернул свой коврик из опоссума и огляделся в поисках своей шляпы, чтобы пойти и выяснить причину беспорядков. К своему удивлению, он обнаружил, что его шляпа исчезла. Шляпы его спутника, который лежал рядом с ним у костра, тоже нигде не было; бросив взгляд на то место, где на дереве висела овца, он в одно мгновение увидел, что наши радужные надежды на завтрашнюю трапезу рухнули, так как овца тоже исчезла. Весь лагерь взбудоражился, когда выяснилось, что вилки, ложки, содержимое губернаторской столовой, панники и другие предметы тоже пропали, и что два наших удивительно послушных туземца покинули нас под покровом ночи.

"Был проведен военный совет. Черный Джимми заявил, что бесполезно идти по их следам до утра и что, судя по характеру местности, они, несомненно, ушли в болота и ходят по воде, так что преследование бесполезно. Мы были полностью обмануты этими хитрыми и ловкими парнями, которые, вероятно, держали в засаде среди окрестных болот большую партию своих коллег, готовых помочь унести украденное имущество. Мстить было бесполезно, и мы довольствовались тем, что до рассвета произносили проклятия и комментировали наглость и хитрость мошенников".

Еще один случай кражи - в данном случае в одиночку - произошел незадолго до только что описанного ограбления. Когда исследовательская группа находилась на марше, они столкнулись с туземцами, которые готовили себе еду.

"При нашем приближении они разбежались по спуску и спрятались среди камышей; но одна старуха, не сумев убежать так же быстро, как остальные, сочтя бегство бесполезным, начала очень громко и быстро болтать, указывая на свой слепой глаз и на свои худые и исхудалые руки, как на объект для сочувствия. Ей дали демпфер, и она в ужасе продолжала быстро жевать его, не проглатывая, пока почти не задохнулась; вдруг она схватила платок Гисборна и вырвалась. Энергичным прыжком она плюхнулась в грязь и тростник, а затем уползла в болото и присоединилась к своим диким спутникам, которым, несомненно, поведала о своих приключениях в ту ночь за блюдом жареных головастиков".

Блюдо из жареных головастиков, о котором шла речь, - большая роскошь среди этого несчастного племени, и, когда исследовательская группа проследовала к месту, где люди готовили пищу, оказалось, что они занимались тем, что жарили на костре блюдо из водяных жуков.

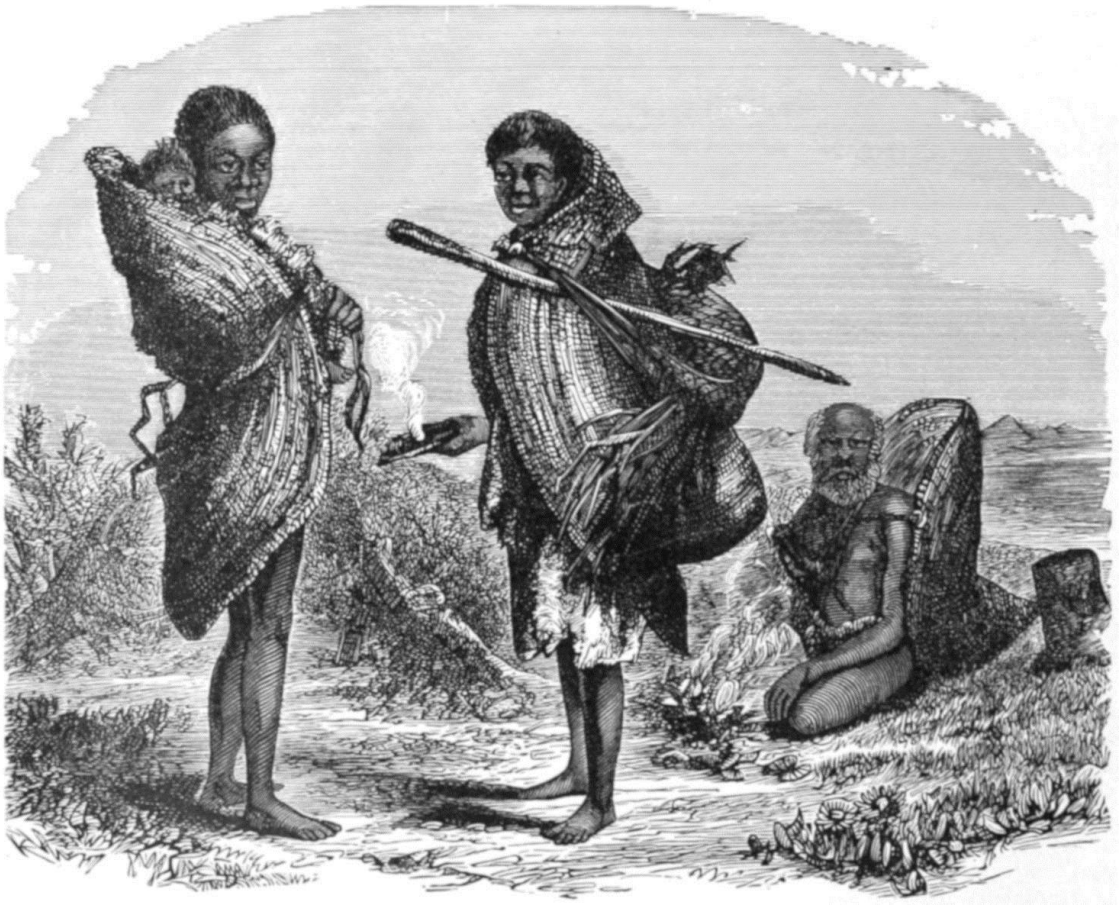
Невозможно не восхититься мастерством этих соболиных воров в похищении желанного имущества, и, оправдывая их, следует помнить, что украденные вещи представляли для негров неоценимую ценность. Еда и украшения желанны для чернокожего так же, как богатство и титулы для белого человека, и оба эти предмета были наготове. Искушение, которому подвергались эти бедные люди, кажется нам очень незначительным, но мы должны оценивать его не с нашей, а с их точки зрения.

Странные гости, так внезапно появившиеся среди них, обладали в изобилии самыми дорогими для них вещами. Здесь была целая овца, которая позволила им наслаждаться величайшей роскошью, о которой они могли составить хоть какое-то представление, - есть мясо досыта; здесь же находились блестящие предметы, которые можно было носить как

украшения, и они навсегда закрепили бы за ними звание в глазах их товарищей. Счастливый обладатель ложки, вилки или оловянной тарелки, которую можно было повесить на шею и держать в начищенном виде, возвышался над своими товарищами, как только что вознесенный человек среди нас, и не следовало ожидать, что такая возможность, которую больше никогда нельзя было искать, будет упущена. Соблазн для них был таким же, как для нас титул и состояние, и есть много цивилизованных людей, которые, соблазнившись такой приманкой, поступили хуже дикарей-австралийцев.

Упоминается изможденный вид старухи, которая так изобретательно украла платок, - любовь к изысканным вещам преодолела страх перед белым человеком, несмотря на ее возраст и отвратительный вид, который только усугубился бы от любой попытки украсить себя. Невозможно представить, до каких глубин уродства опускается австралийская женщина после того, как она вышла из расцвета своей жизни. Как мы видели, африканская старуха необычайно отвратительна, но по сравнению с ее престарелой сестрой из Австралии она вполне проходима.

(1.) АВСТРАЛИЙСКИЕ МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА.
(См. стр. 695.)



(2.) ЖЕНЩИНЫ И СТАРИК ИЗ НИЖНЕГО МУРРЕЯ И ОЗЕР.
(См. с. 699.)

Старая австралийская женщина, конечно, не обладает выступающими челюстями, огромным ртом и губами, похожими на сосиски, как у африканцев, но она демонстрирует тип отвращения, свойственный только ей. Ее лицо похоже на кусок черного пергамента, плотно натянутый на череп, а неухоженные волосы, похожие на шевелюру, придают чертам гротескный элемент, который делает их еще более отталкивающими. Грудь доходит до талии, плоская, вздернутая и раскачивающаяся при каждом движении; ее тело настолько уменьшилось, что каждое ребро выделяется, а кожа глубоко втянута между ними, а конечности сморщились, став похожими на палки, локти и колени выступают, как сучки на сплетенной ветке.

Каждый последующий год усугубляет отвратительный вид этих несчастных существ, потому что слабость с годами делает их все менее и менее полезными; и, соответственно, ими пренебрегают, с ними плохо обращаются, их презрительно отталкивают те, кто моложе и сильнее их, в свою очередь терпя те беды, которые в молодости они по неосторожности причинили тем, кто был старше и слабее.

Среди эскизов мистера Ангаса есть один, на котором изображена очень старая женщина из племени Порт-Фейри. Они построили свои грубые хижины, или миам-миамы, под эвкалиптовыми деревьями и очень отвратили исследователей своим отвратительным видом и запущенным состоянием. Особенно выделялась одна старуха, которая ярко демонстрировала все те черты, которые только что были описаны; она была настолько отвратительной, грязной и отталкивающей, что больше походила на одну из демонических

форм, которые так любил рисовать Калло, чем на настоящее человеческое существо. Действительно, ее вид был настолько отвратителен, что одному из участников стало так плохо, как будто он принял противорвотное.

Не желая шокировать читателей портретом этого жалкого существа, я представил на предыдущей странице двух более молодых самок того же племени.

Примечательной особенностью этого и еще одного-двух племен той же местности и окрестностей является круглая циновка, которую они повязывают на спину и которую носят оба пола. Циновка сделана из тростника, скрученного в веревку, намотанного на нее и скрепленного вместе, подобно тому, как в наши дни делают мишени для лучников. Волокна, которыми скрепляются тростниковые веревки, получают из пережеванных корней камыша. Туземное название этой циновки - *paingkoont*. Одна из женщин предстает в своем обычном домашнем наряде, *то есть* в paingkoont и со своим ребенком, на тело которого она накинула кусок шкуры кенгуру. Циновка - очень хорошая колыбель для ребенка, который, проснувшись и настроившись на оживление, закидывает голову на циновку и осматривает перспективу, но, встревожившись, сползает вниз и прячется, как кролик, скрывающийся в своей норе. Старуха, чей портрет не разглашается, была одета в паинконт и не носила никаких других одеяний, так что вся отвратительность ее облика была открыта для обозрения.

Женщина, стоящая напротив, только отправляется в путь. Она одета лучше, чем ее спутница: помимо паинконта у нее есть грубое подобие нижнего белья. На спине у нее висит сеть, в которую она кладет корни, которые должна выкопать из земли, а через конец, которым она ее завязывает, она несет палку для копания, или катта, которая служит ей лопатой. В руке у нее неизменный спутник путешествия - палка для костра, тлеющая среди сухой травы между двумя кусками коры и всегда готовая разгореться, если покрутить ее вокруг головы.

Позади них сидит старик, также одетый в плащ-циновку и держащий на боку одну из красиво сконструированных туземных корзин. Эти корзины, как и циновки, сделаны из зеленого камыша или тростника и плетутся женщинами. Одна из таких корзин изображена на гравюре на 722-й странице. Читатель, несомненно, заметит, что способ плетения почти идентичен тому, который используют туземцы Южной Африки: камыши скручиваются и наматываются друг на друга и крепко связываются между собой через короткие промежутки прочными волокнистыми нитями. Они довольно разнообразны по форме: некоторые, предназначенные для самостоятельного использования, имеют плоское дно, а другие, которые всегда подвешены на веревке, заканчиваются острием.

Как и другие дикие расы, австралийцы склонны к вероломству по отношению к белому человеку, если считают, что могут сделать это безнаказанно. Такое поведение не всегда является следствием свирепости или жестокости, хотя австралиец порой может быть таким же свирепым и жестоким, как любой дикарь. Часто это результат страха: чернокожие с трепетом относятся к белому чужаку и его смертоносному оружию и используют всю свою местную хитрость, чтобы как можно скорее лишить его несправедливых преимуществ.

Не зная цели путешествия и с младенчества привыкнув считать определенные районы собственностью определенных племен, а любого человека, вторгшегося в чужой район, врагом, вполне естественно, что, когда они видят, особенно впервые, человека другого цвета кожи, чем , путешествующего по стране, такие чужаки обязательно должны быть врагами, пришедшими с целью применить против аборигенов оружие, которым они владеют. Опять же, чувство корысти имеет много общего с вероломством.

Добавьте к их представлениям о враждебном характере чужаков еще и корыстолюбие, которое должно возбуждаться при виде того, как ценное имущество, привезенное в их страну теми, кого они считают врагами, попадает в их руки, и нет причин удивляться тому, что они лишают жизни и имущества чужаков и таким образом получают ценные военные трофеи, одновременно избавляя свою страну от чужих и сильных врагов и достигая одним махом такого количества богатства, которое они не могли надеяться получить трудами всей жизни.

Эта черта их характера хорошо показана мистером Т. Бейнсом в письме, которое он любезно разрешил мне перенести на эти страницы. Он был одним из участников исследовательской экспедиции, которая также взялась перевезти несколько овец и лошадей. "Пробираясь по внутреннему проходу вдоль побережья, мы столкнулись с несколькими каноэ, некоторые из них были очень грубой конструкции, по сути, просто бревна, способные нести пару человек, которые, возможно, в ужасе от направленных на них телескопов, не приближались к нам.

"Другие отличались большими размерами и мощью: это были большие полые бревна, очень прямые и узкие, с обеих сторон опирающиеся на другие бревна, заостренные на концах и служащие опорами, аккуратно прикрепленные колышками, вбитыми в них через каркас из бамбука. Другие представляли собой строго двойные каноэ: два узких судна соединялись бамбуковой платформой так, чтобы лежать параллельно друг другу на небольшом расстоянии.

"На них работали экипажи от шести до двенадцати человек, а то и больше, все довольно симпатичные парни, совершенно голые, с шокированными головами, покрытыми шерстью, и скудными бородами. Их украшали шрамы и рельефные цикадки, со вкусом вырезанные на плече и в других местах. Они были вооружены длинными копьями, одни из которых были с древком, другие - с костяным наконечником и имели от одного до четырех остриев. Кроме того, у них были луки и стрелы, а также диковинные весла, на которых были колючки и острия, чтобы их можно было использовать как копья. Когда это оружие бросали в рыбу, его владелец всегда погружался в воду вслед за своим оружием, чтобы подстраховать рыбу в момент удара.

"Их прибытие вызвало различные эмоции среди нашей партии. Один джентльмен испортил свой револьвер, поспешно пытаясь зарядить его, а маленькая девочка, так и не испугавшись их, выменяла у них почти все, что было в их каноэ. Как раз в тот момент, когда они отчалили от нас, маленьких дочерей капитана купали в ванне на грот-люке, и, естественно, они выскочили из ванны и побежали на корму, мокрые и блестящие в солнечном свете, чтобы спрятаться от странных черных парней, которые тянулись, чтобы посмотреть через наши низкие фальшборты на маленьких обнаженных белых девочек.

"Мы купили копья, луки, стрелы, черепаховую скорлупу и т. д. для шляп, носовых платков и других вещей; их очень заинтересовал белый младенец, которого по их просьбе держали, чтобы они могли на него посмотреть".

До этого момента мы находим туземцев мягкими и примирительными, но, продолжив письмо, обнаруживаем неожиданную перемену в их поведении.

"Здесь мы столкнулись с капризностью туземцев. Мы встретили около дюжины на берегу и попытались всеми дружескими знаками склонить их к соглашению с нами. Мы показали им, что у нас нет оружия, но наши попытки были бесполезны. Они выстроились в боевой порядок, нанизав свои длинные копья на метательные палки, шестеро стояли впереди, а остальные поддерживали их сзади. Поскольку дольше разговаривать было небезопасно, мы сели на лошадей и снова попытались дать им понять, что хотим остаться в дружеских

отношениях. Все было бесполезно, и единственное, что мы могли сделать, - это поскакать прямо на них. Они бежали, как антилопы, и скрылись в густом кустарнике, где мы не могли их преследовать. Б... хотел застрелить одного из них, но я не позволил.

"Перспектива убить и съесть наших лошадей казалась им большим соблазном. В течение двух-трех недель они постоянно воевали с нашими жеребцами в моем лагере в Депо-Крик, и мне приходилось ежедневно патрулировать страну вместе с Би, чтобы не дать им обстрелять лошадей".

"О характере австралийских каноэ говорят по-разному: одни называют их добродушными и миролюбивыми, другие утверждают, что они вероломны и дики. И те и другие говорят правду, основываясь на собственном опыте. Один художник, который обычно высаживался на берег с корабля военного флота, когда корабль был уже на подходе, нашел их достаточно миролюбивыми, а бедный мистер Стрендж, натуралист, был убит на одном из островов.

"Пока мы находились на борту наших судов, они были вполне дружелюбны; и даже во время 750-мильного плавания моей лодки, когда дул попутный ветер и судно хорошо управлялось, мы находили встреченные группы достаточно вежливыми. Но когда мы оказались на беспомощной мели у входа в Карпентарийский залив, а туземцы приняли нас за безоружных выживших с какого-то судна, потерпевшего крушение в Торресовом проливе, мы подверглись преднамеренному и вероломному нападению.

"Мы почти час наблюдали за приготовлениями в телескоп и воздерживались от того, чтобы дать им хоть малейшее основание заподозрить, что мы смотрим на них иначе, чем как на друзей. Как только они решили, что мы в их власти, они начали бросать в нас копья, и я пустил винтовочную пулю в плечо тому, кто бросился на нас, чтобы показать ему, как опасно вмешиваться в предполагаемые беспомощные лодки, но больше не стрелял. Раненого отвел на берег один из его товарищей, и больше к нам не приставали".

"Эти люди очень капризны. У них есть хитрость и сильные страсти людей, но по разуму они всего лишь дети. Жизнь для них не священна, и, когда в них пробуждается жажда крови, они упиваются жестокостью".

Эти австралийские каноэ с прикрепленными к ним аутригерами указывают на полинезийское происхождение, как и луки и стрелы, которые будут подробно описаны на одной из следующих страниц. Любопытны табачные трубки, используемые в этой части Австралии. Одна из форм представляет собой полую трубку толщиной с человеческую руку, загнутую на концах и имеющую одно отверстие внизу, в которое вставляется стержень трубки, и другое отверстие вверху, через которое втягивается дым. Они используют трубку довольно необычно. Когда партия желает покурить, главный мужчина зажигает трубку, прикладывает рот к отверстию и непрерывно вдыхает, пока внутренняя часть полого стебля не заполнится дымом. Затем чаша вынимается, а отверстие закрывается пробкой, которая хранится наготове. Первый курильщик закрывает большим пальцем отверстие, через которое он вдыхал дым, и передает трубку своему соседу, который прикладывает губы к отверстию, наполняет дымом свои легкие, а затем передает трубку следующему человеку. Таким образом, табак сохраняется как можно дольше, а из минимального количества материала получается как можно больше удовольствия. На внешней стороне стебля обычно вырезают простые узоры, которые встречаются почти на всех австралийских орудиях и инструментах.

Прежде чем перейти к описанию характера и привычек туземцев, мы бросим взгляд на страну, которую они населяют, и на особенности, которые способствовали формированию этого характера.

Это очень странная страна, настолько же странная для нас, насколько Англия была бы странной для дикаря-австралийца. Ее растительный и животный мир весьма примечателен и настолько странен, что когда первые мореплаватели привозили отчеты о своих путешествиях, им не верили, а когда они выставляли образцы флоры и фауны, их обвиняли в том, что они изготовили их с целью обмана.

Прежде всего, все млекопитающие, за единственным исключением, - сумчатые, или беззубые. Единственное исключение - динго, или туземная собака, животное, несколько напоминающее шакала, но в целом более симпатичное. Является ли она аборигенной или просто разновидностью собаки, измененной долгим проживанием в стране, довольно сомнительно, хотя лучшие зоологи склоняются к последнему мнению и утверждают, что только сумчатый вид является аборигенным для этой странной страны. Конечно, читателю должно быть известно, что детеныш сумчатого животного рождается в очень раннем возрасте и достигает своего полного развития в дополнительном мешочке, прикрепленном к матери, в который открываются соски.

Наиболее характерное для Австралии животное - кенгуру. Известно около сорока видов этого необычного вида, размер которых варьируется от роста человека до размера мыши. Некоторые из них известны как кенгуру, другие - как кенгуровые крысы, но тип у всех один и тот же. Как следует из их формы, они созданы для прыжков по земле, их огромные длинные ноги и массивное развитие задних конечностей придают им необходимую силу, а длинные хвосты служат для балансировки в воздухе.

Почти все так называемые "крысы" Австралии принадлежат к племени кенгуру, хотя некоторые из них являются представителями других семейств сумчатых. Здесь я могу упомянуть, что номенклатура колонистов вызвала большое недоумение и труд у начинающих зоологов. В некоторых книгах им говорят, что динго - единственное австралийское животное, которое не является сумчатым или эдентатом, а в книгах о путешествиях они читают о медведе, обезьяне, барсуке, волке, кошке, белке, кроте и так далее. Дело в том, что с естественной свободой дикции, свойственной колонистам во всем мире, иммигранты перенесли в свою новую страну номенклатуру старой. К огромной беде искателей индексов, едва ли найдется часть света, населенная нашими колонистами, где бы не множились Лондон, Оксфорд, Бостон и пятьдесят других мест. Первую большую реку, которую они встречают, они обязательно называют Темзой, и поэтому следует ожидать, что естественная история должна пострадать так же, как и география.

Так, если в ходе этого рассказа об Австралии читатель наткнется на цитату из какого-нибудь путешественника, в которой упоминается обезьяна или медведь, он должен помнить, что так называемые "обезьяна" и "медведь" идентичны, и что животное, о котором идет речь, не является ни тем, ни другим, а сумчатым, известным аборигенам под именем коала, и, чтобы добавить путаницы в названиях, некоторые путешественники называют его ленивцем.

Так называемый "барсук" - это вомбат, которого, вероятно, называют барсуком, потому что он живет в норах, которые вырывает в земле. Австралийский "волк" - еще одно сумчатое, относящееся к отряду дасюров, а "кошка" принадлежит к той же группе. Белки" - все сумчатые, и по праву называются фалангистами, и именно к этой группе действительно относится коала. Что касается "ежа", то это колючий муравьед или ехидна, а "крот" - знаменитый утконос или орниторхинхус.

За редким исключением этих животных нелегко поймать: многие из них ведут ночной образ жизни и прячутся в норах или дуплах деревьев, пока ночные тени не скроют их передвижения; другие же настолько пугливы, активны и бдительны, что приходится испробовать все хитрости охотника, прежде чем их удастся поймать. То же самое можно сказать и о птицах, главная из которых, эму, почти такая же большая, как страус, и очень ценится туземцами в качестве пищи. Поэтому очевидно, что существование этих своеобразных животных должно оказывать сильное влияние на характер туземцев и делать их более активными, настороженными и зоркими, чем те существа, на которых они живут.

Обладая, как и он сам, самым близким знакомством с каждым растением, которое может дать ему пищу, и даже зная, где добыть обильный запас еды и воды в стране, где европеец не смог бы найти ни крупицы чего-либо съедобного, ни капли влаги на сухом и пересохшем пространстве, австралийский туземец делает главную ставку на животную пищу и почти полностью обеспечивает себя существами, которых он убивает. Его аппетит весьма неразборчив, и хотя он предпочитает плоть кенгуру и голубя, он сожрет любого зверя, птицу, рептилию или рыбу, а также съест значительное количество насекомых. Таким образом, жизнь австралийского дикаря - это, по сути, война, но не против своих собратьев, а против низших животных, и, как читатель увидит в ходе последующих страниц, основной целью его оружия является охота, а война - лишь второстепенное применение, на которое оно направлено.

ГЛАВА LXX.
АВСТРАЛИЯ - продолжение.

НРАВЫ И ОБЫЧАИ ТУЗЕМЦЕВ - ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ СЕВЕРНОЙ АВСТРАЛИИ - СПОСОБ УКЛАДКИ ВОЛОС - "ДИББИ-ДИББИ" - ТАТУИРОВКА И ЦИКАТИРОВКА - РИСУНОК ШРАМОВ - ЗНАЧЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ РИСУНКОВ - ПЫШНОСТЬ И ТЩЕСЛАВИЕ - НОСОВАЯ КОСТЬ - ОЖЕРЕЛЬЯ - ПОЯС И КИСТОЧКА - ТАТУИРОВКИ И ШРАМЫ У ЖЕНЩИН - ЧЕРЕПАХОВЫЙ ШРАМ - ВЫСОКИЕ ПЛЕЧИ АВСТРАЛИЙЦЕВ - БЕЗРАЗЛИЧИЕ К ОДЕЖДЕ - ИХ МЕХОВЫЕ МАНТИИ, И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ - МАНТИЯ ИЗ МОРСКОЙ ТРАВЫ - ПИЩА АВСТРАЛИЙЦЕВ - РАСТИТЕЛЬНАЯ ПИЩА - СПОСОБ ДОБЫЧИ КОРНЕЙ - БИЮ - РАСТЕНИЕ НАРДУ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ - ЭКСПЕДИЦИЯ "БЕРК И УИЛЛС" - КОРЕНЬ КАМЫША, ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПИЩУ И ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ВЕРЕВОК - ПОДЗЕМНЫЕ ЗАПАСЫ ВОДЫ - МОЛЛЮСКИ, И СПОСОБ ИХ СБОРА - ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА ДЛЯ ЖЕНЩИН - НЫРЯНИЕ С ПЛОТА - ОТДЫХ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ДОМОЙ - ПРИГОТОВЛЕНИЕ МОЛЛЮСКОВ И РАКООБРАЗНЫХ - ЛОВЛЯ РЫБЫ ЛЕСКОЙ, СЕТЬЮ И КОПЬЕМ - ПИЩА ДЛЯ НАСЕКОМЫХ - ЛОВЦЫ ПЧЕЛ - ДРЕВЕСНЫЕ И ЗЕМЛЯНЫЕ ЛИЧИНКИ, И СПОСОБ ИХ ЛОВЛИ - ПИЛЕЯ - ДЮГОНЬ - ЕГО МЕСТА ОБИТАНИЯ, И СПОСОБЫ ЕГО ДОБЫЧИ И ПРИГОТОВЛЕНИЯ - ЛОВЛЯ И ПРИГОТОВЛЕНИЕ ЗЕЛЕНОЙ ЧЕРЕПАХИ - ЛЮБОПЫТНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЫБЫ-СОСУНА - ПРИРУЧЕНИЕ ЧЕРЕПАХИ - ЯСТРЕБИНАЯ ЧЕРЕПАХА И СПОСОБЫ ЕЕ ЛОВЛИ - ЧЕРЕПАХОВОЕ МАСЛО И СУШЕНАЯ ПЛОТЬ - ПРОДАЖА ЧЕРЕПАХОВОЙ СКОРЛУПЫ - ДВЕ ФОРМЫ АВСТРАЛИЙСКИХ ПЕЧЕЙ - ПРИГОТОВЛЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ЗМЕЙ - ЛОВЛЯ ЗМЕИ ЖИВЬЕМ - ПЛАЩ И ЩИТ - ДЮГОНЬ И ЕГО ЛОВЛЯ - МАЛЕНЬКАЯ ЖИВУЧЕСТЬ ЖИЗНИ - ПИКАНТНЫЙ ПИР.

Теперь мы перейдем к рассмотрению различных нравов и обычаев австралийцев, не разделяя их на произвольные и колеблющиеся различия племен, но описывая, насколько это соответствует справедливости, наиболее интересные из их привычек и упоминая о тех

случаях, когда какой-либо конкретный обычай кажется присущим только одному племени или району.

На иллюстрации № 1 на странице 707 мы видим хороший пример уроженца Северо-Западной Австралии. Зарисовка была любезно сделана мистером Т. Бейнсом. Мужчина изображен в профиль, чтобы показать своеобразные очертания лица, в котором, как может заметить читатель, нет ничего от негритянского характера; отличительными чертами являются сильно выдающийся нос, полная борода и длинные волосы, завязанные в узел. Мужчина носит на поясе провизию на день, а именно змею и одну из маленьких кенгуровых крыс, и, имея их, он не знает забот, хотя, конечно, предпочел бы более крупную дичь.

Вокруг его шеи можно увидеть шнурок. Она поддерживает украшение, которое висит у него на груди. Это украшение, которое на дублирующем австралийском языке называется "дибби-дибби", имеет несколько форм, и в моей коллекции есть два прекрасных экземпляра, сделанных из раковины жемчужной устрицы. Обычный дибби-дибби имеет веерообразную форму и не сильно отклоняется от первоначальных очертаний раковины. Однако есть один вид дибби-дибби, который очень ценится и имеет форму полумесяца. Экземпляр, находящийся в моем распоряжении, почти такой же большой, как сырная тарелка, и, должно быть, был вырезан из огромной раковины, поскольку экономия, будь то материала или времени, не была понятна этим дикарям. Из-за формы раковины она слегка выпуклая, и ее носили вогнутой стороной к телу.

Не удовлетворившись естественной гладкой полировкой перламутра, туземцы украсили дибби-дибби простым, но достаточно эффектным узором. По краю зачерпнутого края он просверлил два параллельных ряда маленьких и неглубоких отверстий на расстоянии около полудюйма друг от друга, а по обе стороны от каждого ряда провел узкую линию. От внешней линии он провел серию гребешковых узоров, выполненных аналогичным образом; и, как ни прост этот узор, его эффект действительно замечателен. Мужчина, очевидно, начал более сложный узор на широкой поверхности раковины, но его разум, кажется, не дал ему покоя, и он отказался от него. Шнур, на котором она подвешена вокруг шеи, имеет ширину почти в дюйм и сделан из веревки и ротанга, сплетенных вместе.

На плече мужчины можно заметить несколько рельефных пятен. Это шрамы от ран, которыми австралийцы имеют привычку украшать свое тело и которые они иногда носят в большом изобилии. Эти знаки делаются путем глубоких разрезов кожи и заполнения ран глиной и другими веществами, так что когда рана заживает, образуется приподнятый шрам. Эти шрамы выполняются в виде узоров, которые частично различаются по вкусу человека, а частично означают район, к которому принадлежит татуированный. Например, шрамы, как показано на рисунке, - это знак северного австралийца; и хотя у него может быть множество других шрамов на теле и конечностях, эти всегда будут красоваться на его плече как отличительный знак его племени.

На моих фотографиях, где изображены туземцы из разных частей континента, эти шрамы очень заметны, и нет ни одного человека, который бы не имел их. У одних они идут продольно по верхней части руки, у других - попеременно продольные и поперечные. Иногда они появляются на груди, а один старик, отличавшийся большим количеством волос, покрывавших его грудь и руки, расположил их в виде веера, распространяющегося от центра тела к рукам. Очевидно, он потратил много времени на это украшение и испытывал сильную боль, так как шрамы, хотя и не такие большие, как во многих других случаях, очень многочисленны; мужчина украсил свои руки и плечи маленькими шрамами того же характера, расположенными ровными линиями.

В некоторых районах Австралии шрамы имеют гораздо более грозный вид, представляя собой длинные и тяжелые гребни. Один вождь, который очень гордился своими украшениями, - а он вполне мог гордиться, учитывая, что их обладание едва не стоило ему жизни, - был полностью покрыт от шеи до колен шрамами шириной не менее дюйма, расположенными вплотную друг к другу и покрывающими все тело. Передняя часть груди и живота была украшена двумя рядами этих шрамов, каждый из которых был изогнут и тянулся от боков к центру тела, где они сходились. Мужчина так гордился этим украшением, что ничто не могло побудить его надеть какую-либо одежду, и он расхаживал в своем величии, не надевая ничего, кроме своего оружия. Фотография этого человека имеет очень необычный вид: свет, падающий на полированные гребни шрамов, создает эффект, будто он облачен в костюм из каких-то странных доспехов.

Для придания красоты своему лицу они имеют привычку прокалывать носовую перегородку и просовывать в нее кусок кости или палки, причем первый предпочитают из-за его белизны. Почти невозможно описать гротескный вид австралийского денди, тело которого покрыто шрамами, а лицо пересекает широкий кусок кости длиной около шести дюймов, делающий его широкий от природы нос шире и как бы разрезающий лицо пополам. Отверстие, через которое продевается это украшение, проделывается, когда ребенку исполняется две недели.

Что касается других украшений, то они состоят из обычных ожерелий, браслетов и браслетов, которые характерны для диких племен во всех частях света. Некоторые из этих ожерелий, хранящихся в моей коллекции, очень красивы, и в их изготовлении проявляется определенное мастерство. Одно сделано из кусков желтого тростника толщиной с перо и длиной почти в дюйм, нанизанных попеременно с алым тростником; другое - полностью из того же тростника, а третье, на мой взгляд, самое красивое, хотя и не самое яркое из них. На первый взгляд кажется, что оно полностью сделано из тростника, о котором уже говорилось, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что оно состоит из антенн омаров, нарезанных на короткие отрезки и нанизанных друг на друга. К ожерелью прикреплен небольшой перламутровый дибби-дибби длиной четыре дюйма и шириной один дюйм, а куски антенн омара расположены так, что более тонкие части антенн, взятые с конечностей, находятся рядом с дибби-дибби и висят на груди, в то время как более крупные и толстые части, взятые с основания антенн, находятся на шее. Туземная корзина, в которой хранились эти ожерелья, более чем наполовину заполнена яркими цветными семенами разных оттенков, которые, очевидно, предназначались для изготовления ожерелий.

Мужчины часто носят кушаки из тонко скрученных человеческих волос, и туземец, изображенный на гравюре № 1 на странице 707, носит один из таких кушаков. Иногда, как в данном случае, спереди к поясу подвешивается небольшая кисточка из волос фалангиста или "белки-летяги", как ее ошибочно называют, но не в качестве прикрытия, а в качестве украшения.

Шрамы так высоко ценятся, что женщины носят их почти так же обильно, как и мужчины. На моих фотографиях есть портреты многих женщин всех возрастов, ни одна из которых не обходится без шрамов. Они носят их не так крупно, как мужчины, но, похоже, более тщательно следят за регулярностью узора.

Если взять серию из трех женщин, то у первой из них три пореза на плече, показывающие ее северную добычу, и ряд небольших горизонтальных и параллельных шрамов вдоль передней части тела от грудной кости вниз. У второй, в дополнение к порезам на плече, есть несколько рядов шрамов, тянущихся от груди до ключиц, вместе с центральной линией, как уже было описано, и несколько таких же рядов порезов на ребрах и боках. Третья женщина, девушка

лет четырнадцати или около того, очень тщательно подошла к расположению шрамов, которые спускаются ровными и параллельными рядами от груди вниз, а затем расходятся веером в шесть рядов от груди вверх до ключиц.

Мистер М'Гилливрей, сопровождавший *корабль "Гремучая змея"* во время плавания, пишет следующее об украшениях на шрамах и их использовании: "Островитяне Торресова пролива отличаются большим сложным овальным шрамом, лишь слегка приподнятым и аккуратным по форме. Этот шрам, который, как мне сказали, имеет какое-то отношение к черепахе, занимает правое плечо и иногда повторяется на левом. (См. гравюру в подножии страницы 722.) На мысе Йорк, однако, цикадки были настолько разнообразны, что я не смог связать какой-либо конкретный стиль с отдельным племенем. В то же время нечто похожее на единообразие было замечено у катчиалаигас, почти все из которых имели, помимо роговой отметины на груди, два или три длинных поперечных шрама на груди, которых не было у других племен.

"У остальных народов разнообразие знаков было таким, что справедливо было бы считать, что они регулируются скорее индивидуальным капризом, чем каким-либо фиксированным обычаем. У многих на груди был простой двурогий знак, а иногда мы видели на них неуклюжую имитацию сложного плечевого знака островитян".

Как ни хороши формы этих женщин, у них есть один недостаток - высокое и квадратное плечо, которое так сильно умаляет женскую красоту и которое одинаково заметно у ребенка шести лет, девочки тринадцати-четырнадцати лет и старухи. Мужчины также демонстрируют те же недостатки.

Читатель наверняка обратил внимание на то, как изысканно иногда укладывают волосы австралийские дикари. Стиль прически зависит от местности, а зачастую и от времени - мода царит среди австралийцев так же абсолютно и так же капризна, как и среди нас. Иногда волосы закручивают в длинные и узкие колечки, а если у дикаря не хватает волос для такой прически, он сразу же делает парик в подражание ей. Время от времени голову бреют, за исключением поперечного гребня волос, а иногда туземцы берут за правило втирать в голову красную охру и черепаховый жир, пока они не пропитаются этим составом, а затем скручивают волосы в маленькие пряди.

Мужчины этой части Австралии никогда не носят никакой одежды, да и женщины зачастую равнодушны к нарядам. Однако на мысе Йорк они чаще всего носят подобие подъюбника, состоящего из пучка длинной травы или расщепленных листьев пандануса, подвешенных спереди к поясу. В торжественных случаях, особенно во время танцев, они надевают поверх него второй подъюбник, чаще всего из листьев, концы которого сплетаются в подобие пояса. Материалом для него обычно служит лист пандануса, но, каким бы ни был материал, способ его плетения и общая форма одинаковы у всех племен Торресова пролива. Из этого полезного листа женщины также делают грубые паруса для своих каноэ, которые служат двойной цели - паруса и покрывала, под которыми туземцы могут спать в сырую погоду.

У женщин довольно любопытный способ носить одно из своих украшений. Это очень длинный пояс, состоящий из множества прядей плетеного или скрученного волокна и продеваемый вокруг тела таким образом, что он перекрещивается на груди, как ныне упраздненные солдатские перекрестные ремни. Он затягивается довольно туго, и, возможно, может быть полезен для поддержки груди. Ни в одном случае одежда не служит для сокрытия какой-либо части тела, а лишь защищает от непогоды или служит украшением. Даже если одежда носится, она имеет очень незначительный характер, за одним или двумя

исключениями. Этими исключениями являются меховые плащи, в которые иногда облачаются женщины, и замечательная одежда, которая будет описана ниже.

Меховые накидки почти повсеместно изготавливаются из шкуры опоссума, и, поскольку животное небольшое, для изготовления одного халата их сшивается большое количество. Способ изготовления в точности похож на тот, что был описан при рассмотрении кароса племен кафиров: шкуры вырезаются нужной формы, укладываются рядом и кропотливо сшиваются нитками, сделанными из сухожилий хвоста кенгуру, или часто нитками, выдернутыми из хвостов тех самых существ, которые служат основой для шкуры.

Иногда для этой же цели используется кусок шкуры кенгуру, но ни в том, ни в другом случае он не выполняет функции одежды в соответствии с нашими представлениями. Плащ очень мал по сравнению с размерами женщин, и его носят, перекинув через спину и завязав поперек груди парой шнурков, так что вся передняя часть тела остается непокрытой. Если речь идет о шкуре кенгуру, ее перекидывают через одно плечо и позволяют ей падать как угодно, единственная цель - чтобы она закрывала большую часть спины и одно плечо. Иногда мужчина надевает меховой плащ, но, похоже, ему совершенно безразлично, как он висит на его теле: иногда он накидывает его на плечи, иногда опускает до талии и собирает на пояснице, а иногда, особенно при ходьбе, держит два угла вместе левой рукой перед грудью, в то время как правая рука держит его связку оружия.

Мистер Ангас упоминает один случай необычайно совершенной одежды, используемой среди австралийцев, - единственной одежды, которая действительно заслуживает такого названия. Это большой плащ из зостеры, или морской травы, - растения, которое примечательно тем, что является единственным настоящим цветущим растением, растущим в море. У него очень длинные, похожие на траву лопасти, и он растет огромными пластами, которые в чистом море выглядят как роскошные сенокосы перед косьбой.

Волокно зостеры длинное и удивительно прочное, и действительно, волокно настолько хорошее, а растение настолько обильное, что использование, на которое оно сейчас идет, например, для упаковки и набивки, намного ниже его возможностей, и его следует использовать для целей, для которых необходимо длинное и прочное волокно. Некоторое время назад, когда поставки ветоши для бумаги, казалось бы, должны были прекратиться, была предпринята попытка заменить ветошь зостерой, и, хотя этот эксперимент не был вполне удачным, в нем, во всяком случае, были элементы успеха.

Из этой длинной травы австралийские аборигены иногда делают большой плащ, который закрывает все тело. Он делается путем укладки волокон рядом друг с другом и скрепления их между собой через равные промежутки, подобно тому, как известная новозеландская мантия делается из форемии. Стремясь избежать неприятностей, туземец скрепляет только достаточное количество, чтобы покрыть свое тело до колен, а свободные концы зостеры оставляет в виде длинной бахромы, которая окаймляет мантию по всему периметру и действительно имеет очень изящный эффект.

На иллюстрации № 2 на следующей странице изображена одна из этих любопытных мантий, которая была набросана на теле владельца. Поскольку изготовление такой мантии сопряжено с большими трудностями, а австралийский туземец испытывает полную ненависть к труду дикарей, таких плащей можно увидеть очень мало. В самом деле, ничто, кроме довольно продолжительного ненастного сезона, не побудит австралийца взяться за изготовление одежды, которую он будет использовать лишь в течение сравнительно короткого периода времени и которую довольно хлопотно носить с собой, когда она не нужна.

Теперь перейдем к питанию туземцев. Как уже говорилось, они едят практически все, но есть определенные виды пищи, которые они предпочитают и о которых мы расскажем особо.

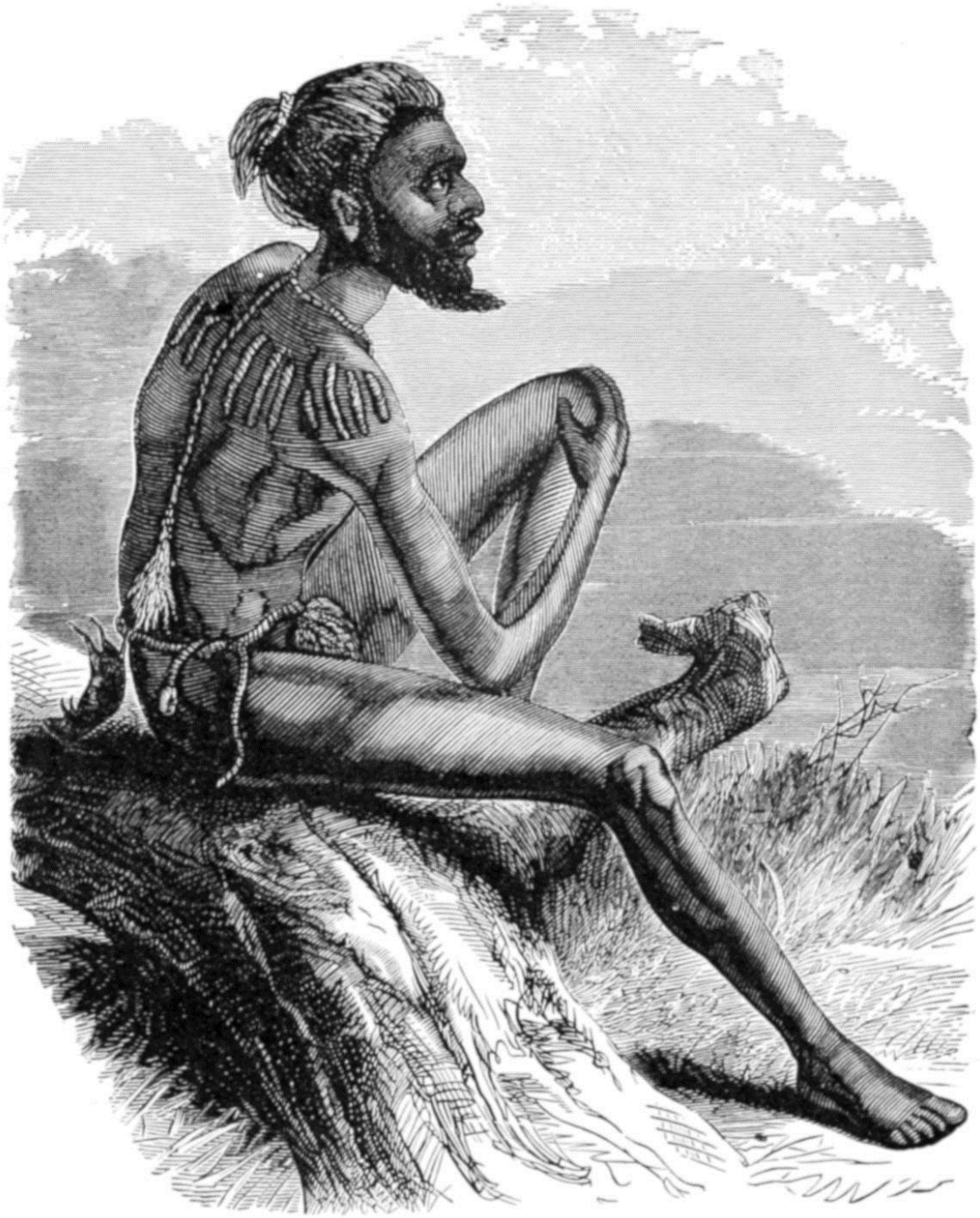
Что касается растительной пищи, то есть несколько видов ямса, который выращивают более цивилизованные племена - самое близкое приближение к труду, в котором их можно обвинить. Почти исключительно на островах выращивают ямс, и мистер М'Гилливрей утверждает, что на материке он ни разу не видел попытки расчистить землю под сад. Однако на островах туземцам удается выращивать урожай ямса.

Когда они хотят расчистить участок земли, то устилают его ветками, которым дают засохнуть; как только они основательно высохнут, их поджигают, и таким образом пространство легко очищается от растительности. Затем землю взрыхляют палкой, заостренной на острие и закаленной огнем; ямс разрезают и сажают, а рядом с каждой ямкой в землю втыкают палку, чтобы она служила опорой для растения, когда оно вырастет. Туземцы сажают растения перед самым сезоном дождей. Они никогда не заботятся о том, чтобы построить забор вокруг простого огорода, и не следят за ростом урожая, зная, что дожди, которые обязательно пойдут, доведут его до совершенства.

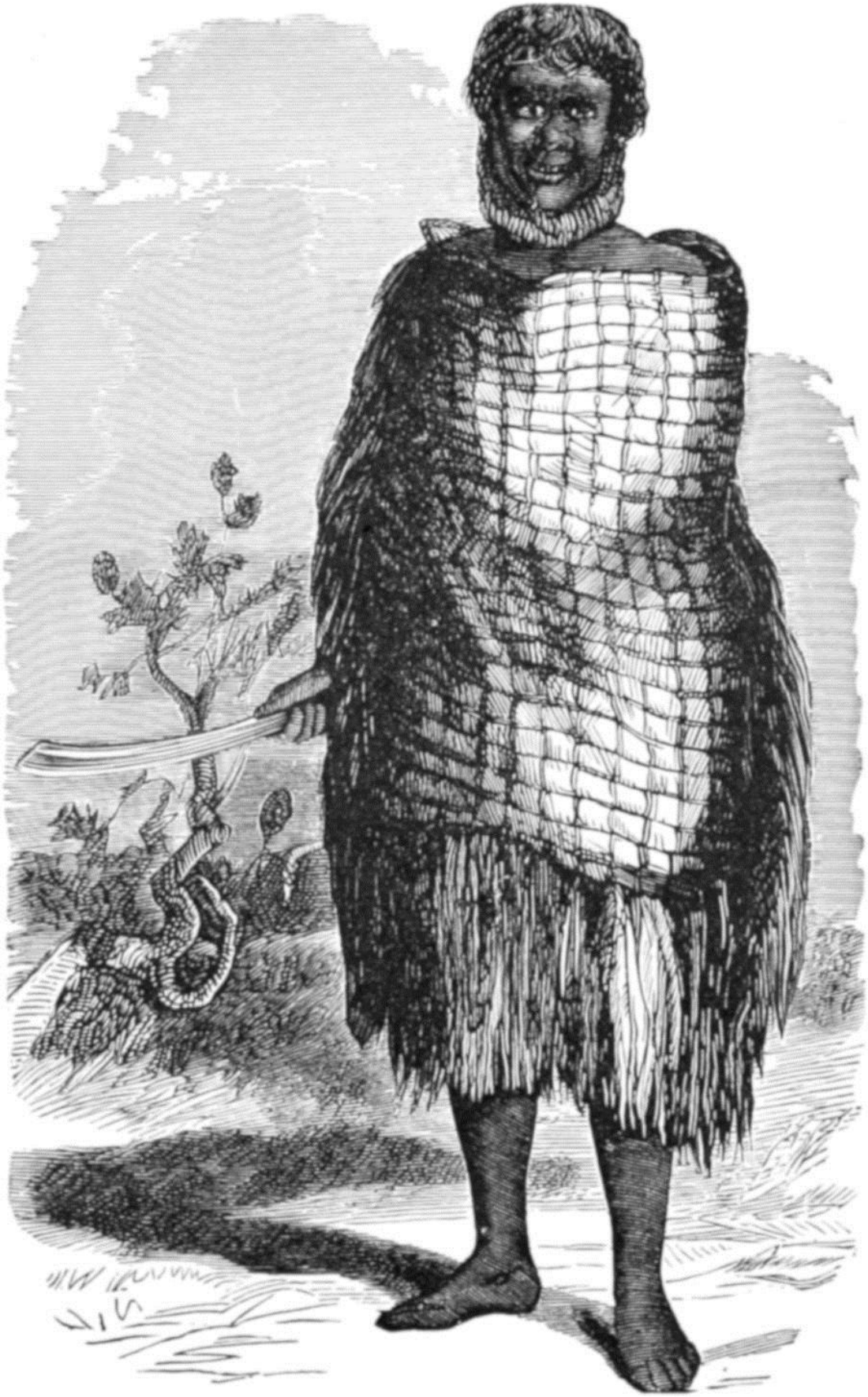
Кроме того, туземцы питаются множеством растительных продуктов. Один из них, который широко используется, называется "бию". Его делают из молодых и нежных побегов мангрового дерева. Ростки длиной три-четыре дюйма кладут на раскаленные камни и обкладывают корой, мокрыми листьями и песком. После тщательного тушения их бьют между двумя камнями, а мякоть отделяют от волокон. После этого получается склизкая серая паста, и, хотя ее много едят, туземцы, похоже, не любят ее и прибегают к ней только по необходимости. Однако им удается улучшить ее вкус, добавляя большое количество дикого ямса и других растительных продуктов.

Пожалуй, самая знаменитая дикая еда австралийцев - нарду, которая стала так хорошо знакома британскому читателю со времен важной экспедиции Берка и Уиллса. Нарду - это плод криптогамного растения, которое растет в больших количествах, но является довольно местным. Плоды размером с горошину очищаются для использования путем растирания в небольших деревянных корытцах. Затем его размалывают в пасту и делают лепешки, похожие на овсянку.

Растение нарду относится к папоротникам, и те из моих читателей, кто разбирается в ботанике, найдут его в роде Marsilea. Как и многие другие папоротники, это растение имеет странный вид, состоящий из вертикальных и тонких стеблей высотой около двенадцати дюймов, каждый из которых имеет на кончике небольшой четырехгранный завиток, очень похожий на цветок. Плод, или спорокарп, нарду - это та часть, которую употребляют в пищу; он отличается способностью впитывать воду и увеличивать свой размер. Действительно, когда плод вымачивают в воде, он в течение одного часа разбухает до двухсот раз больше своего прежнего размера.



(1.) ОХОТНИК И ЕГО ПРОВИЗИЯ НА ДЕНЬ.
(См. стр. 704.)



(2.) ПЛАЩ ИЗ МОРСКОЙ ТРАВЫ.
(См. стр. 706.)

Нарду полезен сам по себе, а в смеси с более питательной пищей является ценным элементом рациона. Однако сама по себе она не обладает ни малейшей питательной силой, и хотя она растягивает желудок и тем самым избавляет от грызущего чувства голода, она не придает сил организму. Даже если его едят с рыбой, пользы от него мало, и для придания ему должной питательной силы требуется либо жир, либо сахар. С удивительной яркостью духа, которую мистеру Уиллсу удавалось сохранять, даже испытывая тяжелейшие лишения и чувствуя, что постепенно умирает, он дает в своем дневнике удивительно точную картину последствий долгой жизни на непитательной субстанции. Ему нравилась нарду, он потреблял ее в больших количествах, но постепенно истощался, оставив в дневнике запись о том, что "голодание на нарду ни в коем случае не неприятно, если не считать слабости, которую испытываешь, и полной неспособности прийти в себя; что касается аппетита, то он доставляет величайшее удовольствие".

Смерть этого прекрасного молодого человека - еще одно доказательство того, в каком невыгодном положении оказывается чужак, пересекающий новую землю. На пути следования путешественников жили многие туземные племена, которые, зная ресурсы страны, могли прокормить себя, в то время как белые путешественники, похоже, умерли от голода посреди изобилия.

Главной растительной пищей, однако, является корень камыша, который для австралийцев, живущих вблизи рек, является жизненной силой. Поскольку добывать его очень неприятно, это занятие поручают женщинам, которым приходится пробираться среди тростника и наполовину зарываться в грязь, добывая корень.

Его готовят обычным австралийским способом. Насыпается куча известняка и раскаляется на огне. Затем корни укладываются на раскаленные камни и покрываются слоем того же материала. Для получения пара на верхний слой камней кладут кучу мокрой травы, а сверху насыпают кучу песка.

Поскольку корень, как бы хорошо он ни был приготовлен, очень волокнистый, туземцы не глотают его, а, разжевав и вынув все мягкие части, выбрасывают волокна, подобно тому как моряк выбрасывает выдохшийся фунт; огромное количество этих маленьких шариков волокна можно найти возле каждого лагеря. Это же волокно превращается в бечевку и используется при изготовлении рыболовных лесок и сетей.

Необыкновенное знание растительной жизни, которым обладают туземцы, никогда не проявлялось с большей силой, чем в их умении добывать воду. В пустынном месте, где нет никаких признаков воды и где даже голубя не видно, чтобы он махал крыльями в воздухе, указывая на далекую воду, к которой он летит, туземец сумеет обеспечить себя и водой, и пищей.

Он высматривает эвкалипты или эвкалиптовые деревья, которые видны с очень большого расстояния, и направляется к ним. Выбрав место в трех-четырех ярдах от ствола, катта раскапывает землю, чтобы обнажить корни, вырывает их из земли и приступает к их заготовке. Разрезав их на куски длиной около фута, он кладет их вертикально в берестяной сосуд, который австралиец чаще всего носит с собой, и терпеливо ждет. Вскоре из нижних концов корней сочится несколько капель воды, а еще через некоторое время вода выливается свободно, так что жидкость поступает в изобилии.

Если у туземца сильно пересохло, он берет один из кусочков корня, расщепляет его вдоль и жует, обнаруживая, что он дает столько же сока, сколько арбуз. Для получения воды всегда выбирают самые молодые и свежие деревья, а также самые мягкие на вид корни. После того как из них вытечет вся вода, их очищают от кожуры, толкут между двумя камнями, а затем обжаривают; таким образом, эвкалипт служит и пищей, и питьем.

Однако, как уже говорилось, туземцы в основном полагаются на животную пищу, и рыба, моллюски, ракообразные, рептилии и насекомые составляют очень значительную часть их рациона. Сбор раковин-рыб - обязанность женщин, главным образом потому, что это очень тяжелая работа, требующая большой сноровки. На всем огромном континенте эта обязанность возложена на женщин; и в заливе Карпентария, на крайнем севере, и на острове Земля Ван Демена, на крайнем юге, преобладает один и тот же обычай. Во время путешествия Лабиллардьера в поисках Лаперуза путешественники наткнулись на группу туземцев Земли Ван Демена, когда женщины собирали рыбу-ракушку, и автор дает хорошее описание трудов, которым подвергались эти бедные создания: "Около полудня мы увидели, как они готовят раковины.

"Около полудня мы увидели, как они готовятся к трапезе. До этого мы имели лишь слабое представление о том, сколько усилий прилагают женщины, чтобы добыть пищу, необходимую для существования их семей. Они взяли каждая по корзине, за ними последовали их дочери, которые сделали то же самое. Встав на выступающие в море скалы, они погрузились с них на дно в поисках раковин-рыб. Когда они пробыли на дне некоторое время, нам стало очень тревожно за них; ведь там, где они ныряли, были водоросли большой длины, среди которых мы заметили *фукус пириферус*, и мы опасались, что они могли запутаться в них, чтобы не иметь возможности подняться на поверхность.

"Однако в конце концов они появились и убедили нас, что способны оставаться под водой вдвое дольше, чем наши самые умелые ныряльщики . Им хватало одного мгновения, чтобы сделать вдох, а затем они снова ныряли. Так они делали несколько раз, пока их корзины не стали почти полными. У большинства из них был небольшой кусочек дерева, вырезанный в форме лопаточки, и с его помощью они отделяли из-под камней на большой глубине очень крупные морские уши. Возможно, они выбрали самого большого, так как все, кого они принесли, были огромного размера.

"Увидев больших омаров, которые они держали в своих корзинах, мы испугались, что они, должно быть, сильно ранили этих бедных женщин своими огромными клешнями; но вскоре мы обнаружили, что они позаботились о том, чтобы убить их сразу же, как только поймали. Они выходили из воды только для того, чтобы принести своим мужьям плоды своего труда, и часто почти сразу же возвращались к нырянию, пока не добывали достаточно еды для своих семей. Иногда они задерживались, чтобы согреться, повернувшись лицом к костру, на котором жарилась рыба, а позади них горели другие маленькие костры, чтобы они могли согреться со всех сторон сразу.

"Казалось, они не хотели терять ни минуты времени, потому что, пока они грелись, они занимались жаркой рыбы, часть которой они клали на угли с величайшей осторожностью, хотя они мало заботились об омарах, которых бросали в огонь где попало; когда они были готовы, они делили клешни между мужчинами и детьми, оставляя для себя тело, которое они иногда съедали, прежде чем вернуться в воду.

"Нам было очень больно видеть этих бедных женщин, обреченных на столь тяжкий труд; в то же время они подвергались опасности быть съеденными акулами или запутаться в водорослях, поднимающихся со дна моря. Мы часто уговаривали их мужей принять хоть

какое-то участие в их труде, но всегда тщетно. Они постоянно сидели у костра, лакомились лучшими кусочками и ели запеченный фукус, или корни папоротника. Иногда они принимались ломать сучья деревьев на короткие кусочки, чтобы накормить огонь, выбирая самые сухие.

"По тому, как они их ломали, мы поняли, что их черепа должны быть очень твердыми; ведь, взявшись рукой за палки с каждого конца, они ломали их над головой, как мы ломаем их о колено, пока они не ломались. Их головы, постоянно обнаженные и часто подвергающиеся воздействию любой погоды в этих высоких широтах, приобретают способность противостоять таким усилиям: кроме того, их волосы образуют подушку, которая уменьшает давление и делает его гораздо менее болезненным на вершине головы, чем на любой другой части тела. Однако немногие из женщин могли бы сделать столько же, поскольку у одних волосы были подстрижены довольно коротко, и они носили веревку несколько раз вокруг головы; у других была только простая корона из волос. То же самое мы заметили у нескольких детей, но ни у одного из мужчин. У них спина, грудь, плечи и руки были покрыты пушистыми волосами".

Иногда группа женщин отправляется в плавание на плоту, сделанном из слоев тростника, подталкивая себя с помощью очень длинных шестов. Прибыв на ложе мидий, они остаются там почти весь день, ныряя с плота, с сетями на шее, и, пробыв под водой значительное время, всплывают с тяжелым грузом мидий в сетях.

Они даже умудряются готовить на этом хрупком плоту. На тростнике они делают кучу мокрого песка, кладут на нее несколько камней и разводят на них костер, как на берегу. Пробыв на плоту до тех пор, пока не наберут большой запас мидий, они выбираются на берег, и, скорее всего, им придется потратить несколько часов на приготовление мидий для мужчин. Мидии обычно едят с корнем камыша.

Есть разновидность раков, которая водится в илистых топях рек и озер. Их также ловят женщины, которые нащупывают их в грязи ногами и крепко держат, пока не удастся схватить рукой. Как только существа взяты, им разжимают когти, чтобы они не кусались, а затем жарят, пока они еще живы, на углях костра. Головастики - любимое блюдо австралийцев, которые жарят их на траве.

Обычный лимпет, мидия и другие моллюски в значительной степени съедаются аборигенами, которые вычерпывают их с помощью небольших раковин, как это делают мальчики на наших побережьях - план очень эффективный, что я могу подтвердить на личном опыте. Иногда они готовят моллюсков, просто бросая их на угли, но, как правило, едят их в сыром виде, как мы едим устриц.

Рыбу они ловят различными способами. Обычный способ - крючок и леска, первый из которых гениально вырезан из панциря ястребиной черепахи. Два таких крючка сейчас передо мной, и они вызывают чувство удивления, как можно заставить рыбу взять в рот такие предметы. Он плоский, очень неуклюже сделан, и на нем нет колючки, а острие сильно загнуто внутрь, чтобы рыба не соскользнула с крючка. Фактически вся форма крючка почти полностью идентична крючку, который встречается во всей Полинезии и доходит до Новой Зеландии.

Крючок крепится к длинной и прочной леске, сделанной путем пережевывания тростника, разделения его на волокна и наматывания их на бедра. Затем две такие нити скручиваются вместе, и леска готова. Мой собственный образец лески примерно такой же толщины, как лески, используемые на наших побережьях, и очень длинный, с крючком на обоих концах.

Крючок прикреплен к леске очень прочной, но довольно неуклюжей обмоткой. Иногда леску делают из обрезков ротанговых волокон.

Другой способ ловли - сетью. Для управления ею требуется не менее двух человек. Сеть имеет много футов в длину и около четырех футов в ширину. Она удерживается в растянутом состоянии с помощью нескольких палок, расположенных на расстоянии ярда или около того друг от друга, после чего ее можно свернуть в цилиндрический пакет и отнести к воде. Один человек берет конец сети, разматывает ее и с помощью своего товарища опускает в воду. Как только нижний край сети коснется дна, мужчины отправляются вплавь к берегу, увлекая за собой оба конца сети и всю рыбу, оказавшуюся в зоне ее действия. Как только они приближаются к берегу, они выводят оба конца сети на сушу, закрепляют их там и могут поднять и выбросить на берег всю рыбу, которая оказалась в сети. Некоторые из более активных рыб спасаются, перепрыгивая через верхний край сети, а некоторые, любящие грязь и хитрые, пробираются под нижний край; но рыбы всегда достаточно, чтобы вознаградить туземцев за их труд.

Как и леска, сеть делается из пережеванного тростника, а труд по пережевыванию и скручиванию веревки принадлежит исключительно женщинам.

Третий способ ловли заключается в использовании определенных ловушек или корзин, хитроумно сплетенных из ротанга и сделанных таким образом, что рыба легко проникает в них, но ни в коем случае не может выбраться обратно. Иногда рыбу ловят копьем на мелководье: туземец заходит в воду и с безошибочной точностью поражает рыбу копьем. Даже дети принимают участие в этой забаве, и, хотя они вооружены лишь короткой палкой, заостренной с одного конца, им удается поймать свою рыбу. Этой же палкой они выкапывают моллюсков из грязи и вытаскивают ракообразных из нор; считается, что, когда они умеют это делать, они могут сами себя обслуживать, и родители больше не беспокоятся о том, чтобы их накормить.

Они не более прихотливы в приготовлении рыбы, чем ракообразных или моллюсков, но просто бросают ее на огонь, поворачивают один или два раза палкой, и когда она прогревается насквозь и обгорает снаружи, они вынимают ее из огня, соскабливают обгоревшую чешую и едят без дальнейших церемоний.

Насекомые широко распространены среди австралийцев. Как и следовало ожидать, они очень ценят мед и проявляют большую изобретательность в его добыче. Когда туземец видит пчелу на цветах и хочет найти мед, он идет к ближайшему водоему, выбирает место, где берег обрывается очень постепенно, ложится на лицо, набирает в рот воды и терпеливо ждет прилета пчелы. Эти насекомые, как известно всем, кто их держит, нуждаются в большом количестве влаги, и охотник за пчелами рассчитывает, что этот факт обеспечит ему желанный мед. Через некоторое время пчела обязательно прилетит попить, и охотник, услышав приближение насекомого, остается на месте и почти не дышит, так боится его потревожить. Наконец она приземляется, и туземец мгновенно выдувает на нее воду изо рта, на мгновение оглушая ее. Прежде чем она успевает прийти в себя, он хватает ее и с помощью маленькой резинки прикрепляет к ней пух, добытый с одного из деревьев.

Как только насекомое освобождается, оно улетает в сторону своего гнезда, а белый хохолок служит двойной цели - делает его более заметным и замедляет полет. Охотник устремляется за ним на полной скорости, бегая и прыгая удивительным образом, не сводя глаз с насекомого-проводника и не замечая препятствий. (См. иллюстрацию № 1 на 716-й стр.) Иногда на его пути оказывается упавшее дерево, и если он может, то перепрыгивает через него; но при любом риске он должен преодолеть препятствие без промедления, и поэтому он

бросается на него с безрассудной активностью. Если он преодолеет его - хорошо, но если, как это часто случается, он упадет, он не сводит глаз с пчелы и, вскочив на ноги, возобновляет погоню. Даже если он на мгновение теряет ее из виду, он мчится дальше в том же направлении, зная, что пчела всегда летит к своему дому по прямой линии; и когда он приближается к ней, сердитое жужжание затрудненного насекомого вскоре сообщает ему, что он вернул потерянное место.

Читатель увидит, что этот способ выслеживания пчелы до ее дома значительно уступает американским охотникам за пчелами и является скорее делом ног, чем головы. Австралийский пчеловод ждет, пока пчела случайно не прилетит на то место, где он лежит; американский пчеловод приманивает насекомое привлекательной ловушкой и побуждает его прилететь на выбранное им место. Затем австралийский пчеловод бежит только за одной пчелой, в то время как американский пчеловод экономит силы, используя двух пчел, и бережет свои ноги.

Он кладет мед на плоскую деревянную плиту, нарисовав вокруг нее круг белой краской. Пчела садится на мед и, наполнив свою порцию, проползает сквозь белую краску и отправляется в обратный путь. Охотник следует по "пчелиной линии", проложенной насекомым, и отмечает ее, забивая или "поджигая" несколько деревьев. Затем он переносит свою медовую ловушку на место, расположенное под углом к его прежней точке, и повторяет процесс. Ему не нужно мчаться за летящей пчелой, рискуя нанести себе более или менее серьезные повреждения; он просто следует по линиям, которые проложили две пчелы, и, закрепившись в точке, где они встречаются, неторопливо идет к гнезду.

Найдя гнездо, австралиец не теряет времени и поднимается к нему, будь то расщелина в скале или, как это обычно бывает, отверстие в дереве. Это последнее место очень нравится пчелам, а также многим дендроидным млекопитающим, которых в Австралии очень много. Внезапные и сильные ураганы, бушующие в этой части света, срывают ветви деревьев и бросают их на землю. В последующие сезоны дождей влага задерживается в сломанной ветке и постепенно загнивает, а древесина мгновенно наполняется личинками жуков, мотыльков, мух и других насекомых, питающихся гниющей древесиной. Таким образом, за несколько лет дупло расширяется, пока не зароется в само дерево, а иногда спускается почти от верхушки до основания, образуя восхитительное место для пчел.

Взяв с собой топор, корзину и некоторое количество сухой травы или листьев, туземец поднимается, поджигает траву и под прикрытием дыма рубит дерево, пока не доберется до гребней, которые он кладет в корзину, с которой спускается вниз. Если он слишком беден, чтобы иметь даже корзину, он делает ее сам, срезая кору дерева; а если гнездо очень большое, друзья снизу дают ему несколько сосудов, и он передает их вниз так быстро, как они наполняются.

Возможно, кто-то из моих читателей заметит, что мед нельзя по праву считать пищей насекомых и что его следовало бы отнести к растительным продуктам. Однако австралиец не довольствуется извлечением меда из гребня, а ест его именно в том виде, в котором он принесен из гнезда. Поскольку пчелы не вынуждены, как английские пчеловоды, хранить свои медовые ячейки отдельно от тех, в которых хранятся клады и "пчелиный хлеб", в каждом гребне без разбора содержатся пчелиный хлеб, молодые пчелиные ростки и мед, и австралиец с одинаковым удовольствием ест все три продукта.

Еще один вид насекомых - личинки, обитающие на стволах деревьев, которые местные жители очень любят. Они обладают удивительной способностью обнаруживать присутствие

этого личинки и выкручивать ее из норы с помощью странного маленького инструмента, состоящего из крючка, прикрепленного к концу тонкой веточки. Этот инструмент носится в волосах так, чтобы выступать над ухом, подобно канцелярской ручке, и долгое время озадачивал путешественников, которые считали его всего лишь украшением и не могли понять его весьма своеобразную форму.

Личинка - это гусеница мотылька, который близкородственен козлиной моли в нашей стране и имеет ту же привычку зарываться в древесину живых деревьев. Крючковатый инструмент, который используется для вытаскивания гусениц из их нор, называется "пилея" и применяется также для вылавливания жуков, личинок и других насекомых из их нор в земле. Когда пилея используется для извлечения личинок из земли, землю сначала разрыхляют деревянным совком, похожим на выдолбленный ковшик. Затем пилея привязывается к концу веточки полигонума достаточной длины, и таким образом ее можно вводить в отверстия.

Пожалуй, самый знаменитый из разнообразных насекомых, которыми с удовольствием лакомятся австралийцы, - это мотылек бугонг, как популярно, но ошибочно называют это насекомое. Вместо того чтобы принадлежать к племени мотыльков, оно является одной из бабочек и относится к изящному семейству Heliconidæ. Его научное название - *Euplœa hamata*. Бугорок примечателен тем, что его тело, вместо того чтобы быть стройным, как у большинства бабочек, очень крепкое и содержит поразительное количество маслянистого вещества. Окрас насекомого темно-коричневый, с двумя черными пятнами на верхних крыльях. Это небольшое насекомое, размером всего полтора дюйма в поперечнике крыльев.

Оно водится в районе Нового Южного Уэльса и обитает в горной гряде, которую насекомое называет Бугонгскими горами. Австралийцы едят бабочек бугонг так же, как саранчу во многих частях света, и за то короткое время, что насекомое появляется на свет, неумеренно пируют, становясь довольно толстыми. Мистер Г. Беннетт приводит следующий рассказ: - "Проехав по нижним хребтам, мы увидели саранчу.

"Проехав по нижним хребтам, мы оказались на небольшом расстоянии над основанием горы Бугонг, привязали лошадей и поднялись пешком по крутой и изрезанной тропе, которая привела нас на первую вершину горы: в этом месте, которое туземцы называют Гинандери, наше внимание привлекли огромные массы гранитной скалы, нагроможденные одна на другую и расположенные на краю лесистого обрыва. Отсюда открывался обширный и романтический вид на далекую, поросшую лесом, горную страну.

"Это было первое место, где на гладких сторонах или в расщелинах гранитных глыб в таком невероятном количестве скапливались мотыльки-бугорки; но из-за того, что здесь недавно побывали негры, мы нашли лишь несколько оставшихся насекомых. В одной из частей этой группы гранитных скал находились два бассейна, очевидно, выдолбленные естественным образом в твердом камне и наполненные прохладной и чистой водой, поэтому, разведя костер, мы выпили по чашке чая, прежде чем возобновить дальнейшее восхождение. Дальше подъем был более постепенным, но неприятным из-за большого количества валяющихся камней и веток деревьев; вокруг было разбросано несколько заброшенных хижин туземцев из коры (которые они временно возвели, пока занимались сбором и заготовкой бугонга). Кустарники и растения были многочисленны по мере нашего продвижения, но, за редким исключением, не отличались от тех, что можно увидеть в других частях колонии.

"Возле небольшого липидного ручья вид *Lycopodium* рос так густо, что образовывал ковер, по которому мы могли ходить. Лесные деревья возвышались на такую большую высоту, что перспектива ожидаемой нами страны была затруднена. Наконец мы добрались до еще одной своеобразной группы гранитных скал огромной массы и различных форм; это место, как и предыдущее, является местом скопления мотыльков-бугонгов и называется туземцами "Варрогонг". Остатки недавних костров свидетельствовали о том, что аборигены совсем недавно покинули это место и перебрались на другое, схожее по характеру, расположенное на несколько миль дальше.

"Наши туземные проводники хотели, чтобы мы продолжили путь и присоединились к племени, но день уже настолько продвинулся, что мы сочли более целесообразным вернуться, потому что было сомнительно, поскольку негры уходят с места, как только очистят его от насекомых, найдем ли мы их в следующей группе, или они удалятся в другие, еще более отдаленные.

"Из результатов моих наблюдений следует, что насекомые встречаются в таком количестве только на этих изолированных и своеобразных массах гранита, так как на других одиночных гранитных скалах, так обильно разбросанных по хребту, я не заметил ни одной моли, ни даже останков одной. Почему они обитают только в этих местах или с какой целью собираются вместе - не менее любопытный, чем интересный предмет исследования. Для чего они собираются вместе - для эмиграции или по какой-либо другой причине - наши современные знания не могут дать удовлетворительного ответа.

"Мотыльки-бугорки, как я уже отмечал, собираются на поверхностях, а также в расщелинах гранитных масс в невероятных количествах. Чтобы добыть их с большей пользой, туземцы разводят под этими камнями, около которых они собираются, костры и душат их дымом, одновременно сметая их часто в бушели за раз. Собрав большое количество, они приступают к их подготовке, которая осуществляется следующим образом.

"На земле расчищается круглое пространство, размером пропорциональное количеству насекомых, которых нужно подготовить; на нем зажигается огонь и горит до тех пор, пока земля не будет сочтена достаточно нагретой; тогда огонь убирается, а пепел очищается, мотыльки помещаются на нагретую землю и перемешиваются, пока с них не будут удалены пух и крылья; Затем их кладут на куски коры и *просеивают*, чтобы отделить пыль и крылья, смешанные с телами; затем их едят или кладут в деревянный сосуд, называемый "walbum" или "calibum", и толкут куском дерева в массу или лепешки, напоминающие комочки жира, и сравнимые по цвету и консистенции с тестом, приготовленным из размазанной пшеницы, смешанной с жиром.

"Тела мотыльков крупные и наполнены желтоватым маслом, напоминающим по вкусу сладкий орех. Эти массы (которыми "нетбулы" или "талабаты" туземных племен нагружаются в сезон пиршества на бугонге) хранятся не более недели, и редко даже дольше; но путем копчения их удается сохранить на гораздо более длительный срок. Когда туземные племена впервые прибегают к этой диете, у них начинается сильная рвота и другие изнурительные последствия, но через несколько дней они привыкают к ней, а затем процветают и толстеют на ней.

Эти насекомые так ценятся аборигенами, что они собираются со всех концов страны, чтобы собрать их в этих горах". Не только местные негры прибегают к бугонгу, но и вороны собираются с той же целью. Негры (то есть вороны и аборигены) не сходятся во мнениях относительно своих долей: так что решает тот, кто сильнее; когда вороны (которых туземцы называют "арабул") залетают в углубления скал, чтобы полакомиться насекомыми, туземцы

стоят у входа и убивают их, когда они вылетают; они же, разжиревшие от питания богатым бугонгом, служат им отличной пищей. Пернатые негры или арабулы так жаждут этой пищи, что нападают на нее, даже когда ее готовят туземцы; но поскольку аборигены никогда не считают увеличение количества пищи несчастьем, они подстерегают арабулов с палочками или дубинками, убивают их в большом количестве и используют в пищу".

Рептилии составляют очень значительную часть рациона австралийца, и он проявляет не меньшее мастерство в их ловле и приготовлении. Черепаха особенно любима им не только из-за ее размеров и количества мяса, которое она дает, но и из-за масла, которое из нее получают.

На побережье Австралии водится несколько видов черепах, самые полезные из которых - обычная зеленая черепаха и ястребиная. Их ловят либо в воде, либо наблюдая за ними, когда они приплывают к берегу, чтобы отложить яйца, а затем переворачивают их на спину, прежде чем они успеют добраться до моря. Однако лишь немногие из них выходят на берег, а большее их количество попадает в воду. Вдоль берега туземцы регулярно выстраивают сторожевые башни или каирны из камней и костей черепах, дюгоней и других существ. Когда дозорный видит черепаху, дрейфующую вместе с приливом, он подает сигнал тревоги, и лодка отправляется за ней. Каноэ подходит сзади и гребет очень осторожно, чтобы рептилия его не услышала. Как только они приближаются к ней, главный охотник, который держит в руке один конец небольшой, но прочной веревки, прыгает на спину черепахи и цепляется обеими руками за ее плечи. Испуганная рептилия бросается бежать, но прежде чем она успевает далеко уйти, охотнику удается расстроить ее, и пока она борется, он продевает петлю веревки через один из ее ластов. После этого существо становится сравнительно беспомощным, и его буксируют на берег на каноэ.

В некоторых районах черепаху добывают с помощью гарпуна, который по принципу действия идентичен тому, что используют охотники на бегемотов в Африке. Это длинное древко, на конце которого свободно насажена подвижная головка. К головке прикреплена веревка, а к другому концу веревки - буй. Как только рептилия поражена, древко отсоединяется и подхватывается метателем, а поплавок служит указателем местонахождения черепахи и позволяет охотникам буксировать ее к берегу.

Один из туземцев по имени Джи'фом рассказал г-ну М'Гилливрею, что иногда они ловят черепах с помощью реморы, или рыбы-сосуна. Одну из этих рыб, вокруг хвоста которой заранее привязана леска, держат в сосуде с водой на борту лодки, и, когда видят маленькую черепаху, ремору опускают в море. Инстинктивно она направляется к черепахе и так прочно прикрепляется к ее спине, что рыбаки подтягивают их к борту лодки и поднимают внутрь. Таким образом можно поймать только маленьких черепах, но есть один вид, который никогда не достигает больших размеров, и его обычно ловят этим любопытным способом.

Ястребиная черепаха - слишком опасный противник, чтобы гоняться за ней в воде. Острые чешуйки, выступающие из ее боков, глубоко врезаются в руки любого, кто пытается ее повернуть; и даже зеленая черепаха со своим сравнительно тупым панцирем, как известно, наносила тяжелые раны на ноге человека, который цеплялся за ее спину. Поэтому туземец довольствуется тем, что наблюдает за ней на берегу, и с помощью длинных прочных шестов, которые он вводит рычагом под ее тело, переворачивает ее без опасности для себя.

Когда австралийцам удается превратить черепаху, они очень радуются, ведь, по представлениям туземцев, апогей человеческого счастья заключается в том, чтобы наедаться до отвала, пока пирующие не могут ни стоять, ни сидеть. Можно видеть, как они катаются по земле в агонии от непомерного растяжения желудка, но, как только боль

стихает, они возобновляют пиршество. В основном они собираются вокруг черепахи, грубо готовят ее и пожирают на месте; но в Торресовом проливе они более предусмотрительны и сушат плоть, чтобы обеспечить себя едой во время плавания. Они нарезают мясо тонкими ломтиками, варят их, а затем сушат на солнце.

В процессе варки на поверхность поднимается значительное количество масла, которое снимается и хранится в сосудах, сделанных из бамбука и черепашьих пузырей. Однако повару приходится проявлять определенную бдительность, поскольку туземцы так любят масло, что, если за ними не следить, они будут снимать его и пить, пока оно находится в почти кипящем состоянии. Варка и последующая сушка делают мякоть очень твердой, так что она хранится несколько недель, но ее нельзя употреблять в пищу без повторной варки.

Панцирь ястребиной черепахи вдвойне ценен для туземцев, которые оставляют немного для изготовления крючков, а остальное продают грузоотправителям или торговцам, которые привозят его в Европу, где он превращается в "черепаховый панцирь", с которым мы так хорошо знакомы. В моей коллекции есть прекрасный экземпляр одной из этих чешуек черепахового панциря, купленный у туземцев. Он около одиннадцати дюймов в длину и семи в ширину, на одном конце у него есть отверстие, за которое они связывают чешуйки вместе. На нем видны шрамы от восьми больших раковин лимпетов, что свидетельствует о необычном внешнем виде животного, которое оно должно было представлять при жизни.

Приготовление черепахи - гораздо более важный процесс, чем варка рыбы, и для ее правильного приготовления требуется своеобразная печь. В принципе, печь похожа на ту, что используется во многих частях света, и которая уже описывалась при описании того, как охотники Южной Африки готовят ногу слона. Однако вместо того, чтобы копать яму и жечь в ней дрова, австралиец берет несколько камней, каждый размером с мужской кулак, и кладет их в огонь. Когда они нагреются, их укладывают вплотную друг к другу и кладут на них мясо. На мясо укладывается второй слой раскаленных камней, а вокруг этой примитивной печи сооружается ободок или насыпь из кустов чайного дерева, засыпанных песком или землей. Затем на камни обильно насыпают траву и листья, которые удерживаются на своих местах круговым валом. Таким образом, пар удерживается, и мясо готовится очень эффективно.

В некоторых районах страны, однако, используется более сложная печь. Она состоит из ямы диаметром около трех футов и глубиной два фута, и нагревается следующим образом: ее заполняют до шести дюймов от верха круглыми и твердыми камнями, похожими на те, что уже были описаны, и на них разводят огонь и поддерживают его в течение некоторого времени. Когда считается, что камни достаточно нагрелись, угли сметают, а еду просто кладут на камни и оставляют до полного приготовления.

Подобные печи встречаются на обширных территориях, и мистер М'Гилливрей видел их по всему побережью Торресова пролива и вплоть до мыса Сэнди на восточной стороне.

(1.) ОХОТА НА ПЧЕЛ.
(См. с. 711.)

(2.) ПРИГОТОВЛЕНИЕ ЗМЕИ.
(См. с. 717.)

Хотя идея поедания змей настолько отвратительна для наших представлений, что многие люди не могут есть угрей, потому что они похожи на змей, австралийцы знают лучше и считают змею одним из величайших деликатесов, которые производит земля. И, конечно, нет никаких причин, по которым мы должны отвергать змею как отвратительную, в то время как черепаху и многих других черепах мы считаем деликатесом, независимо от того, животная это пища или растительная. Австралиец знает, что в хорошей змее должно быть много жира и она должна быть хорошо ароматизирована, и ему всегда легко, пока он может ее поймать.

Процесс приготовления (см. стр. 716) точно такой же, как и при приготовлении рыбы, только с большей тщательностью, что соответствует превосходному характеру пищи. Разведя огонь, туземец садится перед ним на корточки и ждет, пока пламя и дым частично угаснут, а затем осторожно наматывает змею на угли, поворачивая и отворачивая ее, пока вся чешуя не опалится настолько, что ее можно будет оттереть. Затем он оставляет змею, пока она не будет приготовлена в соответствии с его представлениями, и ест ее осознанно, как и подобает такому лакомству, выбирая лучшие части для себя и, если он в хорошем настроении, бросая остальное своим женам.

Охота на змей ведется довольно любопытным образом. Убивать змею сразу, если только она не нужна для немедленного употребления в пищу, было бы крайне глупо, так как она стала бы непригодной для еды еще до того, как прошла ночь. Поэтому умелый охотник берет ее живой, и это ему удается весьма изобретательно.

Настигнув одну из ядовитых змей, он отрезает ей путь к отступлению и копьем или вилообразной палкой раздражает ее одной рукой, а в другой держит узкий деревянный щит. Повторными ударами он побуждает пресмыкающееся напасть на него и ловко принимает удар на щит, отбрасывая змею назад внезапным ударом. Раз за разом змея возобновляет атаку, и так же часто ее сбивают; наконец, она уступает в бою и лежит на земле совершенно избитая. Тогда охотник нажимает своей вилообразной палкой на шею рептилии, крепко хватает ее и держит, пока на нее накидывают сеть и надежно привязывают к копью. Затем его уносят и оставляют для пира на следующий день.

Иногда вместо щита используется плащ из шкуры опоссума, и змее позволяют укусить его.

Ковровая змея, которая иногда достигает в длину десяти или двенадцати футов, - любимая дичь австралийских туземцев, поскольку ее крупные размеры обеспечивают его обильным мясом, а также жиром, от которого в восторге его душа. Эта змея чаще всего живет в норах у подножия диковинных травянистых деревьев, которые мы увидим в нескольких экземплярах на следующих страницах, и во многих местах ее так много, что едва ли найдется травянистое дерево без своей змеи.

Поскольку прощупывать каждую нору подряд было бы пустой тратой времени, туземцы легко определяют обитаемые норы, намазывая землю вокруг них белой глиной, смешанной с водой, которая мягкая, как шпаклевка. На следующий день по виду глины они легко определяют, когда змея вошла или вышла из своей норы, и сразу же приступают к тому, чтобы побудить рептилию покинуть свое убежище. Для этого они кладут на ствол дерева, расположенного непосредственно над норой, приманку, которая, по мнению туземцев, является медом, и терпеливо ждут, часто в течение многих часов, пока змея не привлечется приманкой и не заберется на дерево. Как только она окажется за пределами норы, ее путь к отступлению пресекается, и результат последующей схватки не вызывает сомнений. Вилообразное копье, которое используют туземцы, называется бо-бо.

Все племена, живущие вдоль восточного побережья, и особенно те, что населяют северную часть страны, имеют привычку ловить дюгоней. Это животное очень любит зеленую, ветвистую морскую водоросль и выходит на берег, чтобы полакомиться ею. Туземцы постоянно следят за ним, и, как только дюгонь замечен, каноэ отправляется за ним.

Каждое каноэ снабжено веслами и гарпунером, который вооружен оружием, очень похожим на то, что используют ловцы черепах, за исключением того, что не требуется буй. Он состоит из древка длиной около двенадцати или пятнадцати футов, легкого с одного конца и тяжелого с другого. На тяжелом конце сделано отверстие, в которое свободно вставляется костяной наконечник копья длиной около четырех дюймов, покрытый колючками. Один конец крепкой и длинной веревки привязывается к этому наконечнику, а другой - к каноэ.

Как только гарпунер оказывается на расстоянии удара, он выпрыгивает из лодки в воду, одновременно нанося удар своим оружием, чтобы добавить к удару силу собственного веса. Отсоединив древко, он возвращается в каноэ, оставляя дюгоня привязанным к нему за веревку. Раненое животное ныряет и пытается пробиться к морю. Как ни странно, хотя дюгонь - крупное животное, часто восьми футов в длину, и очень громоздкое в пропорции к своей длине, он редко требует второго удара, но поднимается на поверхность и умирает через несколько минут от раны, нанесенной таким, казалось бы, незначительным оружием, как кусок кости, вонзившийся в его тело на три дюйма. После смерти его буксируют на берег и перекатывают на ровное место, где сразу же готовятся к приготовлению и употреблению в пищу.

Те, кто знаком с зоологией, знают, что дюгонь устроен по примеру кита и покрыт сначала жесткой кожей, а затем слоем ворвани над мышцами. Такое строение, кстати, делает еще более удивительной его гибель от ранения гарпуном. Туземцы всегда разделывают ее одним и тем же способом. Хвост нарезается так же, как мы разделываем говядину, а тело - тонкими ломтиками до самых ребер, причем в каждом ломтике - своя пропорция мяса, ворвани и кожи. Ворвань ценится выше, чем любая другая часть животного, хотя даже жесткая кожа может стать довольно вкусной при тщательном приготовлении.

Из всех австралийских животных кенгуру пользуется наибольшей популярностью, как из-за превосходного качества мяса, так и из-за количества, которое можно получить от одного кенгуру. Вряд ли стоит напоминать читателю, что для австралийцев, как и для других дикарей, количество важнее качества. Взрослый кенгуру "бума", стоящий прямо, в своей обычной оборонительной позе, достигает почти шести футов в высоту и имеет весьма значительный вес. А когда австралиец убивает кенгуру, он совершает подвиги обжорства, которым в остальном мире вряд ли можно найти параллель, и уж тем более превосходящую. Дайте австралийцу кенгуру, и он будет есть до тех пор, пока не умрет от сытости; и он будет продолжать есть, с небольшими перерывами на отдых, пока не съест всего кенгуру.

Как и другие дикие существа, будь то люди или другие, он способен переносить лишение пищи в удивительной степени; и его терпеливое перенесение голода, когда пищу невозможно достать, превосходит только его обжорство, когда ее много. Этой любопытной способности чередовать обжорство и голодание способствует врожденная лень австралийского дикаря и его полное пренебрежение к будущему. Животное, которое должно служить ему и его семье в течение недели, съедается за несколько часов; и пока он не чувствует боли абсолютного голода, ничто не может заставить его покинуть свой грубый диван и отправиться на охоту. Но когда он все же решается на охоту, в нем проявляется бульдожье упорство, которое не позволяет ему отказаться от погони, пока он не добьется успеха в добыче дичи.

ГЛАВА LXXI.
АВСТРАЛИЯ - продолжение.

ОРУЖИЕ АВСТРАЛИЙЦЕВ, ЕГО ФОРМЫ И ПРИМЕНЕНИЕ - ДУБИНА ИЛИ ВАДДИ, И ЕЕ РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ - ПРИМЕНЕНИЕ ВАДДИ - ДОМАШНЯЯ ПАНАЦЕЯ - АВСТРАЛИЙСКАЯ ДУЭЛЬ - ТОЛСТЫЕ ЧЕРЕПА ТУЗЕМЦЕВ - ЛЮБОВЬ ТУЗЕМЦА К СВОЕМУ ВАДДИ - ЧЕРНЫЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ СИЛЫ - РАКЕТНЫЙ ВАДДИ - КАТТА, ИЛИ ПАЛКА ДЛЯ КОПАНИЯ, И ЕЕ РАЗНООБРАЗНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ - КАК АВСТРАЛИЕЦ РОЕТ ЯМУ - КАМЕННЫЙ ТОМАГАВК И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ - ПОДЪЕМ НА ДЕРЕВЬЯ - КАК АВСТРАЛИЕЦ УЗНАЕТ, НАХОДИТСЯ ЛИ ЖИВОТНОЕ НА ДЕРЕВЕ - ВЫКУРИВАНИЕ ДОБЫЧИ - ЖВАЧКА ЧЕРНОГО МАЛЬЧИКА - ТРАВЯНОЕ ДЕРЕВО АВСТРАЛИИ - АВСТРАЛИЙСКАЯ ПИЛА.

Поскольку на следующих страницах придется упомянуть обо всех видах оружия австралийцев, мы воспользуемся возможностью описать их сразу, не утруждая себя уточнением местности, в которой встречается каждая модификация.

Начнем с дубины, самого простого из всех видов оружия. Несколько примеров булав можно увидеть на иллюстрации под названием "Австралийские булавы" на 722-й странице. Все рисунки срисованы с реальных образцов, некоторые из них принадлежат моей собственной коллекции, некоторые срисованы с образцов, хранящихся в Британском музее, а другие взяты из прекрасной коллекции полковника Лейна Фокса.

Самая простая форма австралийской дубинки - та, что известна под названием "вадди" и является любимым оружием австралийского дикаря, который, кажется, никогда не бывает счастлив без вадди в руках, какое бы другое оружие ему ни довелось носить. Один из этих вадди можно увидеть на рис. 4, а другой - на рис. 5. Последний экземпляр находится в моей собственной коллекции и представляет собой очень хороший пример настоящего австралийского пыжа. Он сделан из прочной и тяжелой древесины эвкалиптового дерева, и это действительно очень эффективное оружие, хорошо сбалансированное и носящее следы долгого использования. Длина - два фута восемь дюймов, и, как видно из иллюстрации, он заточен на острие, так что в ближнем бою его можно использовать как для колющих, так и для ударных ударов. Весит он ровно двадцать одну унцию.

Четыре глубоких желобка проходят вдоль палочки, от острия до места захвата, и, по-видимому, предназначены для того, чтобы ударом можно было как рассечь кожу, так и нанести синяк. Кроме этих желобков, есть множество резьбы, которую туземец, очевидно, счел декоративной. На двух сторонах узор представляет собой просто двуглавую букву T, как показано на рисунке, а на двух других сторонах узор разнообразен. В каждом случае верхняя фигура - двойная T; но на одной стороне сначала изображена T, затем крест с изогнутыми руками, затем T, а потом узор, похожий на ключ, с бантиком на каждом конце. Четвертая сторона явно незакончена, на ней только два узора; второй, очевидно, попытка имитировать букву B, показывает, что создатель был знаком с цивилизацией.

С этой палочкой туземец вооружен лучше, чем большинство мужчин самым острым мечом, который когда-либо был выкован, и с ее помощью он наносит удары и колет с удивительной быстротой, кажется, что в бою им движет неконтролируемая ярость. Он может использовать его как ракету со смертельным эффектом; а если, как это обычно бывает, у него в руках несколько таких пыжей, он быстро бросает один или два из них и, пока противник еще

пытается уклониться от летящего оружия, бросается на врага и атакует его пыжом, который он приберег для рукопашного боя.

Вадди - австралийская панацея от домашних проблем, и если одна из жен осмелится иметь собственное мнение или еще как-то обидеть своего сумрачного господина, удар по голове всегда готовым вадди сразу же разрешит спор, оставив ее без чувств на земле. Иногда мужчина бьет обидчика по конечности и ломает ее; но он не делает этого, если только не слишком зол, чтобы понять, что, сломав рабыне руку или ногу, он на какое-то время лишает себя ее услуг.

У австралийского человека чести вадди занимает место, которое когда-то занимал пистолет в Англии и Соединенных Штатах, и является оружием, с помощью которого решаются споры. Если два австралийца с хорошей репутацией ссорятся, один из них вызывает другого на единоборство, посылая ему насмешливое сообщение о том, что ему лучше захватить с собой свой самый крепкий вадди, чтобы разбить его о голову претендента.

Толщина черепа - упрек в некоторых частях света - у австралийцев является предметом большой гордости, и вряд ли один австралиец может оскорбить другого более пренебрежительными словами, чем сравнение его черепа с яичной скорлупой эму. Я осмотрел несколько черепов австралийских аборигенов и был сильно удивлен двумя моментами: во-первых, удивительной толщиной и твердостью кости, которая, кажется, способна выдержать практически любой удар, который может нанести обычное оружие; во-вторых, количеством травм, которые может выдержать австралийский череп. Из-за толщины черепа австралиец использует свою голову в странных целях, одной из самых странных из которых является его обычай ломать палки о голову, а не ломать их через колено.

В положенное время на площадке появляются бойцы, каждый из которых несет свой самый крепкий и тяжелый котелок, а рядом с ним - его друзья. После обычных жестикуляций и оскорблений, которые всегда предшествуют дуэли между дикарями, мужчины приступают к работе.

Тот, кому брошен вызов, берет свой котелок и выходит на середину пространства, оставленного зрителями. Его противник сталкивается с ним, но без оружия, и, низко наклонившись, положив руки на колени, предлагает противнику свою голову. Противник исполняет короткий танец восторга перед ударом, который он собирается нанести, а затем, тщательно прицелившись, поднимает свою палку высоко в воздух и обрушивает ее со всей силой на голову своего врага.

Этот удар свалил бы и обычного быка, но череп австралийца сделан из более прочного материала, чем череп обычного быка, поэтому мужчина поднимается, потирает голову и протягивает руку своему ближайшему другу, который отдает ему палочку, которую тот собирается использовать в свою очередь. Теперь претендент делает свой ход, чтобы опуститься, а тот в свою очередь делает все возможное, чтобы разбить череп антагониста. Каждый, однако, знает по долгому опыту самую твердую часть своего черепа и заботится о том, чтобы представить ее для удара противника. Так они продолжают обмениваться ударами, пока один из них не упадет на землю, и тогда победа решает остаться за его антагонистом.

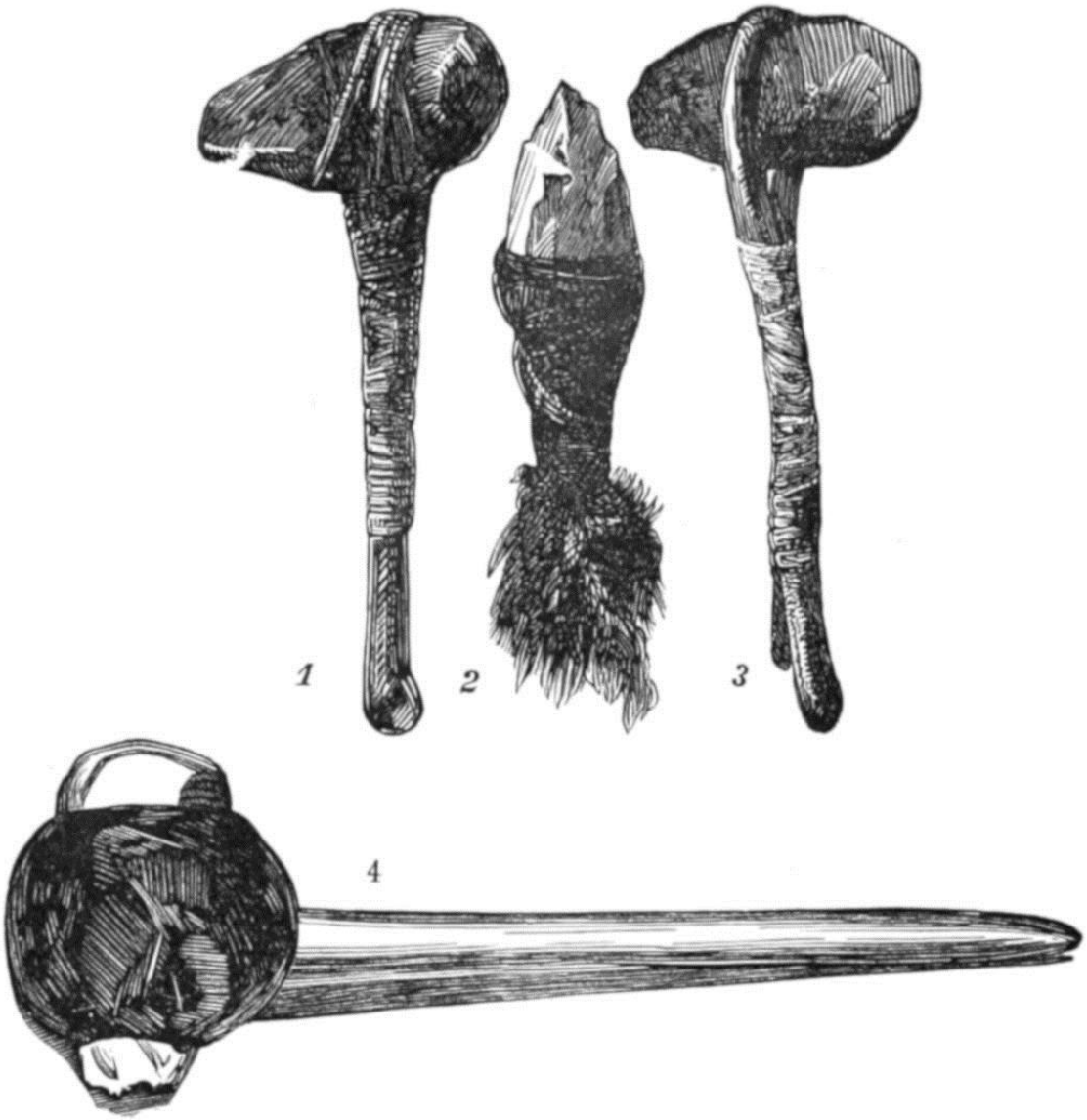
Вследствие постоянных травм, которым подвергается голова австралийца, череп воина после смерти имеет самый необычный вид: он покрыт вмятинами, переломами и всевозможными повреждениями, любое из которых немедленно убило бы европейца, но, похоже, причинило австралийцу лишь временные неудобства.

Австралиец так любит свою пачку, что даже в цивилизованной жизни его невозможно заставить с ней расстаться. Некоторые из моих читателей, возможно, знают, что большое количество невольников сейчас числится в полиции и оказывает неоценимую услугу обществу, особенно в борьбе с бесчинствами своих собратьев-негров, которых они преследуют с неумолимой силой, что кажется довольно удивительным тем, кто не знает о необычной антипатии, неизменно существующей между дикими и прирученными животными, будь то человек или кто-то другой. На самом деле австралийский туземец-полицейский для колониста - то же, что "Тотти" в Южной Африке для голландских и английских колонистов, что гоорка или сикх в Индии для английской армии, и что прирученный слон на Цейлоне или в Индии для охотника.

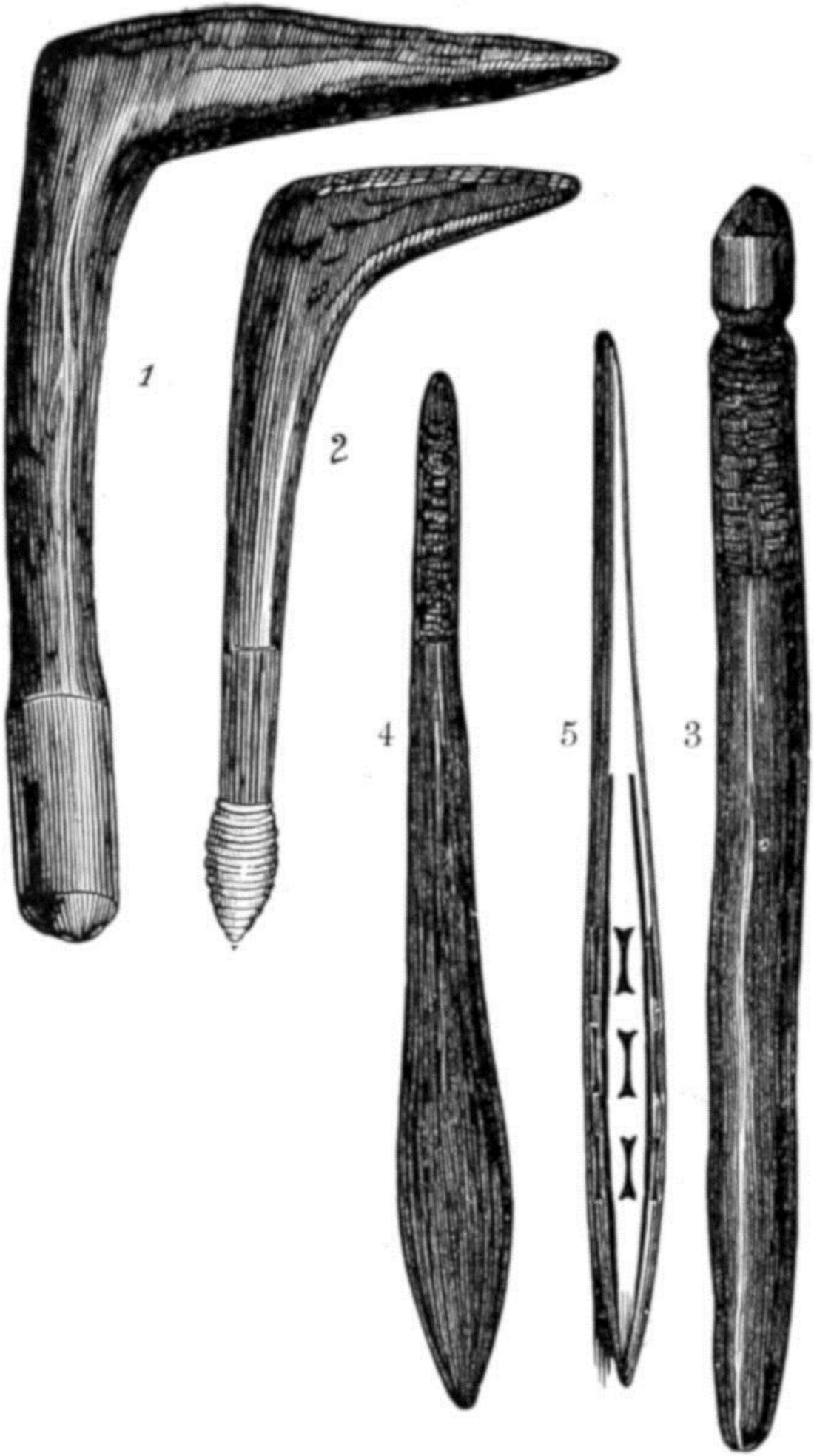
Эти энергичные "черные парни" вооружены обычным для европейцев оружием и прекрасно знакомы с его применением. Но нет ни одного из них, кто считал бы себя должным образом вооруженным, если у него нет вадди; и, когда он входит в буш в поисках туземных разбойников, он откладывает всю свою одежду, кроме шапки, обозначающей его должность, несет с собой ружье, застегивает патронташ на голой талии и берет вадди как оружие, без которого даже ружье покажется ему недостаточным оружием.

Эта форма вадди (рис. 4), хотя она часто используется в качестве ракеты, не является той, которую туземцы предпочитают для этой цели. Его метательный вадди, или "вадна", гораздо короче и тяжелее, и очень напоминает короткую ракетную дубинку, которую так эффективно используют полинезийцы. Две другие формы вадди показаны на рис. 3 и 5, последняя из которых известна под названием "пикканинни вадди", потому что она, как правило, меньше и легче остальных и может использоваться ребенком.

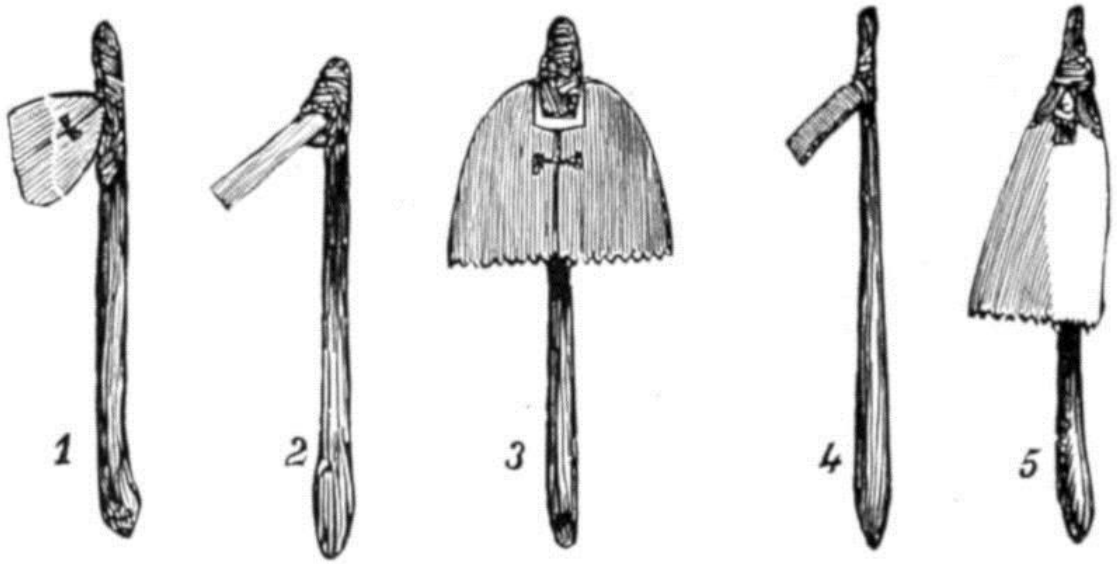
Булавы № 1 и № 2 также являются булавами, но выполнены в другой форме и используются по-другому. Если читатель обратится к описанию абиссинского изогнутого меча, или шотела, то увидит, что в целом он очень похож на эту булаву, а длинная заостренная головка каждого из них одинаково полезна для нанесения нисходящих ударов по щиту. Это оружие не только используется в бою, но и применяется в туземных танцах для отбивания такта повторяющимися ударами по щиту.



ТОМАХАВКИ.
(См. стр. 723.)


1
2
4
5
3

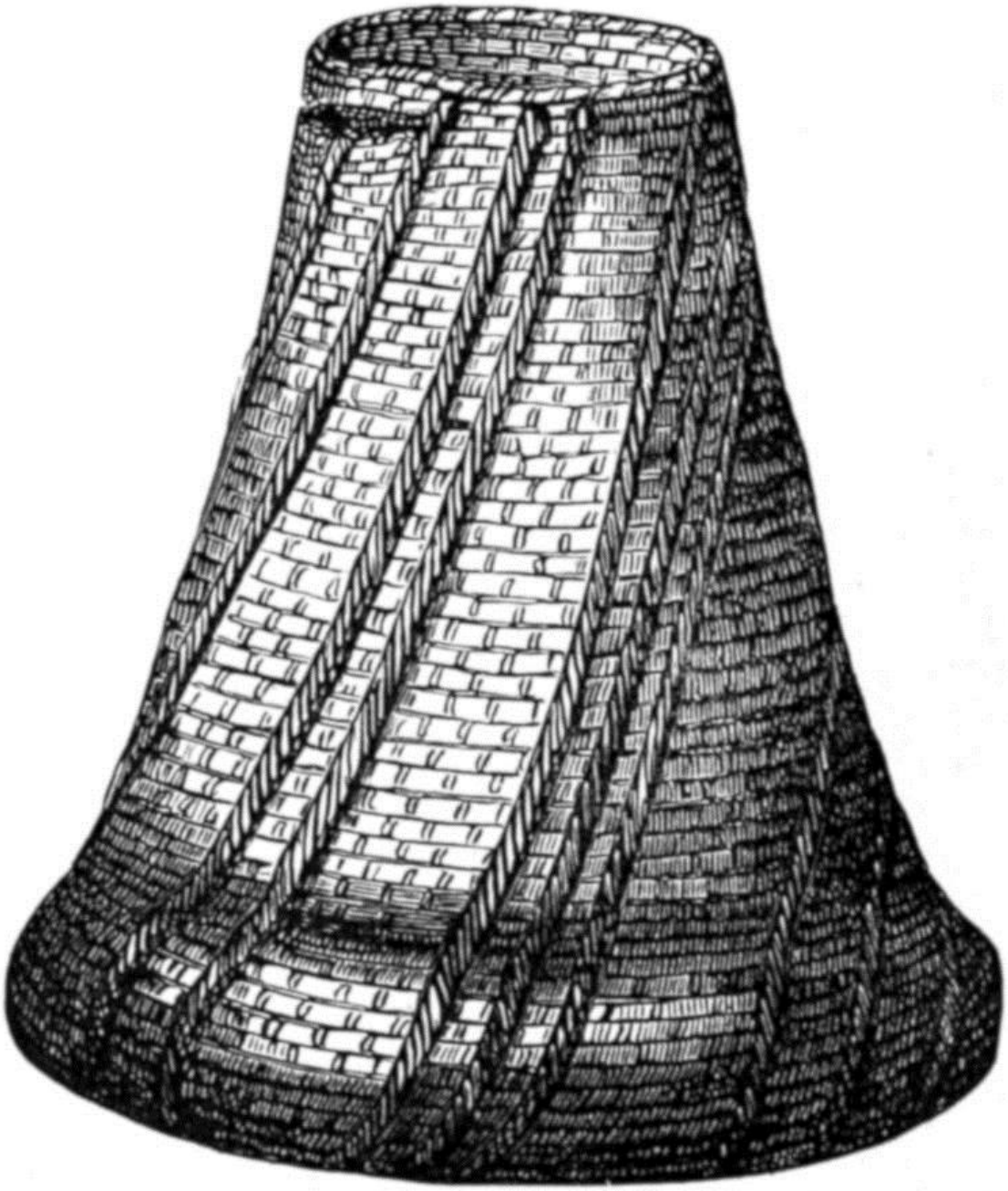
АВСТРАЛИЙСКИЕ ДУБИНЫ.
(См. с. 719.)



ТАТУИРОВОЧНЫЕ РЕЗЦЫ.
(См. стр. 801.)

АВСТРАЛИЙСКАЯ ПИЛА.
(См. стр. 726.)

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПРОЛИВА ТОРРЕС.
(См. стр. 705.)



КОРЗИНА.
(См. с. 699.)

Читатель заметит, что у многих из этих булав концы рукояток заострены. Это сделано отчасти для того, чтобы повысить их эффективность в качестве наступательного оружия, а отчасти для другой цели. Как и в случае с воинами "Илиады", оба бойца время от времени отдыхают, давая друг другу время отдышаться, прежде чем возобновить бой. Во время таких перерывов австралийские бойцы садятся на корточки, разгребают землю рукояткой булавы и растирают руки пыльной землей, чтобы оружие не выскользнуло из рук.

Эта дубина сделана очень изобретательно: мастер использует какую-нибудь сплетенную ветку и вырезает ее так, чтобы текстура дерева повторяла изгиб или, скорее, угол головки, что значительно увеличивает ее прочность. Дубина почти такой же формы, вырезанная под

углом из ветки, используется в Новой Каледонии, и, если бы не превосходство в мастерстве, ее можно было бы легко принять за угловатую дубину австралийцев.

Эта форма дубинки имеет довольно широкий ареал распространения, а среди племен, населяющих берега залива Энкаунтер, называется марпангье.

Во многих районах Австралии у туземцев есть любопытное оружие, очень напоминающее меч. Оно от трех до четырех футов в длину, плоское, около трех дюймов в ширину, а его внешний край несколько заострен. Изготовленное из плотной древесины эвкалиптового дерева, оно очень тяжелое в соотношении с его размерами, и в умелых руках представляет собой самое грозное оружие.

Австралийские женщины носят с собой инструмент, который иногда принимают за копье, а иногда за дубину, но в руках женщины он не является ни тем, ни другим, хотя мужчина иногда использует его для обеих целей. Это просто палка разной длины, заостренная с одного конца, а острие закалено огнем. Туземцы называют ее "катта", а в народе она известна под соответствующим названием "палка для копания".

С помощью этой палки туземцы умудряются вскапывать землю самым удивительным образом, и английский "навигатор" с его киркой, лопатой и тачкой был бы немало удивлен работой, которую выполняет голый негр, не имеющий никаких инструментов, кроме заостренной палки. Пусть, к примеру, перед таким "штурманом" поставят задачу выкопать ехидну из норы, и он обнаружит, что его способности к копанию не могут сравниться с возможностями животного, которое прокладывает себе путь в земле быстрее, чем это может сделать штурман. Чтобы погрузиться в землю на шесть футов, белый человек должен был сделать воронкообразную яму очень большого размера, чтобы в ней можно было работать и давать кирке и лопате свободу действий, когда он выбрасывает землю.

Чернокожий, напротив, не будет испытывать подобных трудностей, он знает, как проделать яму, не утруждая себя выкапыванием фута ненужной земли. Для этого он обращается с каттой точно так же, как босяк с палкой для копания, *то есть* держит ее перпендикулярно, втыкает закаленное острие в землю, а разрыхленную землю выбрасывает руками.

Выкапывая одного из норок, черный охотник просовывает в нору длинную и гибкую палку, вытаскивает ее, измеряет по земле место, находящееся точно над концом норы, заменяет палку и копает дальше. К тому времени, когда он до нее доберется, животное продолжит копать и еще больше углубит свою нору. Тогда палку засовывают в удлинившуюся нору и снова копают, и так повторяется до тех пор, пока уставшее животное не перестанет копать и его не поймают. Катта также выполняет роль оружия, и опытная рука может очень эффективно им орудовать, нанося удары или нанося толчки.

Теперь мы переходим к любопытному инструменту, который часто считают оружием, но который, несмотря на то, что очень хорошо подходит для этой цели, редко используется для нее. Это томагавк, или молот, как его обычно называют. Три разновидности томагавка приведены на иллюстрации "Томагавки" на 722-й странице. Во всех них режущая часть сделана из камня, а рукоятка - из дерева, причем головка и рукоятка соединяются несколькими разными способами, в соответствии с модой местности, в которой изготовлен инструмент. Самый простой план - тот, что показан на рис. 1. В этом инструменте для головки выбран кусок камня удобной формы, а рукоятка сделана из гибкой палки, согнутой над ней, и оба конца крепко скреплены, как английский кузнец делает ручки для своих кулаков и холодных долот. Это оружие было изготовлено в Новом Южном Уэльсе.

На рис. 3 показан томагавк более сложной конструкции. Здесь каменная головка прикреплена к древку с помощью веревки, которая намотана на него таким образом, что в точности напоминает веревку, используемую новозеландцами или диаками для той же цели. Однако томагавк, изображенный на рис. 4, является лучшим примером этого инструмента и взят с образца, хранящегося в Британском музее. Рукоятка и головка по форме очень похожи на те, что изображены на рис. 3, но крепление гораздо более сложное.

Прежде всего, головка крепится к рукоятке с помощью шнурков из сухожилий, которые тянутся из хвоста кенгуру и всегда находятся наготове у австралийского дикаря. Сухожилия замачивают в горячей воде и толкут между двумя камнями, чтобы разделить их на волокна, и, пока они еще влажные и достаточно эластичные, наматывают на камень и рукоятку. Конечно, когда они высыхают, они сжимаются с большой силой и связывают головку и рукоятку вместе гораздо надежнее, чем это можно сделать с помощью любого другого материала. Даже сырая шкура не держится так прочно, как сухожилие.

Когда сукно совершенно высохнет, туземец берет немного особого вещества, называемого воском "черный мальчик", и разминает его на головке и конце рукоятки, чтобы крепко скрепить все вместе.

На рис. 2 показан еще один инструмент, в котором сочетание камня и растения используется другим способом. Лезвие образовано из куска кварца длиной с ладонь человека, который был обломан в форме наконечника копья. Рукоятка, вместо того чтобы быть куском дерева, представляет собой просто несколько волокон, собранных в пучок. Основание каменного наконечника вставлялось в свободные концы волокон, а затем все это крепко связывалось веревкой из тростника. Это своего рода кинжал; другая форма того же инструмента изготавливается путем простого затачивания палки длиной около восемнадцати дюймов и закаливания заостренного конца в огне. По сути, это миниатюрный катта, но применяемый для других целей.

Эти топоры и кинжалы были упомянуты вместе, потому что они используются для одной и той же цели, а именно для лазания по деревьям.

Активный, как обезьяна, австралийский туземец может забраться на любое растущее дерево. Если они умеренного размера, он взбирается на них, не цепляясь за ствол ногами и руками (способ, который обычно используется в Англии) и который в народе называют "роением". Вместо того чтобы обхватить ствол дерева ногами и руками до упора, он упирается в него подошвами ног спереди, прижимает к нему руки с обеих сторон и таким образом взбирается на дерево с быстротой белки. Этому способу подъема теперь обучают во всех хороших гимназиях Англии, и он намного превосходит старый способ, который имеет недостаток в медлительности, к которому добавляется уверенность в том, что можно повредить одежду.

Те, кто видел, как наши акробаты выполняют трюк под названием *La Perche*, в котором один человек балансирует на вершине шеста, или необычные вариации этого трюка, выполняемые японскими жонглерами, которые балансируют на подошвах шестов и лестниц, будут знакомы с тем, как один из исполнителей бежит вверх по шесту, на котором балансирует его товарищ. Именно таким способом австралиец взбирается на дерево умеренных размеров, а когда он оказывается среди ветвей, то преодолевает их с полной уверенностью и быстротой.

Деревьев, на которые человек может забраться подобным образом, в австралийских лесах, однако, довольно мало, и, кроме того, побудительных мотивов забираться на них

сравнительно немного: дупла, в которых пчелы вьют гнезда, а звери устраивают свои дневные жилища, всегда находятся в ветвях или стволе какого-нибудь старого и разваливающегося дерева. Некоторые из этих деревьев настолько велики, что их стволы представляют собой настоящие деревянные башни, за которые невозможно ухватиться руками, однако туземцы взбираются на них так же быстро, как на маленькие деревья.

Благодаря постоянной практике австралиец никогда не проходит мимо дерева, не бросив взгляд на кору, и уже по одному этому взгляду он понимает, нужно ли ему на него забираться. Различные дендробионты, особенно так называемые опоссумы, не могут взобраться на дерево, не оставив на коре следов своих когтей. Нет ни одного старого дерева, кора которого не была бы покрыта царапинами, но зоркий и опытный глаз туземца может в мгновение ока отличить восходящие и нисходящие следы животного, а также определить дату, когда они были сделаны.

Разницу между следами восходящего и нисходящего животного достаточно легко заметить, если однажды обратить на нее внимание. Когда животное взбирается на дерево, следы его когтей представляют собой не более чем небольшие отверстия с легкой царапиной над каждым из них, напоминающие обычные "слезы" геральдики. Но когда животное спускается, оно делает это с помощью серии скольжений и захватов, так что когти оставляют после себя длинные царапины. Почти все дендроидные животные, за исключением обезьян, оставляют подобные следы, и охотник на медведей в Северной Америке и охотник на опоссумов в Австралии ориентируются по ним.

Если местный охотник видит восходящий след более поздней давности, чем другие царапины, он знает, что где-то на дереве лежит его предполагаемая добыча. Соответственно, он валит на землю все, что может ему помешать, и, подойдя к стволу дерева, начинает наносить топором серию рубящих ударов. Эти удары наносятся парами, и для англичанина они представляют собой скорее смешную реминисценцию двойного удара почтальона. Каждым из этих двойных ударов он прорубает в дереве небольшое отверстие, причем умудряется прорубать их попеременно справа и слева и с интервалом в два фута или около того.

Прорубив эти выемки так высоко, как он может дотянуться, он помещает большой палец левой ноги в самое нижнее отверстие, обхватывает дерево левой рукой и ударяет головкой томагавка в дерево так высоко, как он может дотянуться. Используя томагавк как ручку, с помощью которой он может подтянуться, он засовывает носок правой ноги во второе отверстие, а затем получает возможность переместить носок левой ноги в третье отверстие. Здесь он ждет некоторое время, крепко держась обеими ногами и левой рукой, пока прорубает новые зарубки; продолжая этот процесс, он вскоре достигает вершины дерева.

Достигнув первой ветки, он внимательно осматривается, чтобы найти место, куда направлены царапины, и, ориентируясь только на них, вскоре обнаруживает нору, в которой спряталось животное. Он проверяет размеры дупла, постукивая топором по стволу, и, если оно оказывается умеренной глубины, приступает к работе, чтобы разрубить дерево и обезопасить обитателя.

Если же дупло окажется глубоким, придется прибегнуть к другому способу. Спустившись с дерева по тем же выемкам, по которым он на него забирался, он берет из своей связки вещей огниво, *то есть* некое подобие дерева, которое поддерживает тлеющий огонь, подобно ивовому "хворосту", столь любимому школьниками. Завернув палочку в пучок сухой травы и листьев, он поднимается на дерево и, добравшись до входа в нору, вертит пучок вокруг головы, пока огонь не охватит всю массу, а трава не вспыхнет.

Как только она хорошо разгорится, он заталкивает часть горящего материала в нору, чтобы тот упал на закрытое животное и пробудил его от тяжелого сна, в котором оно проводит дневные часы. Остаток факела он также держит у входа в нору и направляет в нее дым. Если бы он не разбудил животное горящими листьями, то мог бы задушить его во сне. Это может показаться очень маловероятным, но на самом деле это вполне вероятно. Я знаю кошку, которую заживо запекли в духовке, но она так и не очнулась ото сна, что было видно по тому, в каком положении ее нашли, свернувшись калачиком, положив подбородок на лапы и обмотав хвост вокруг тела. Однако сон домашней кошки, которая может спать сколько угодно днем и ночью, не так глубок, как тот, что окутывает чувства дикого животного, которое всю ночь находится за границей и вся структура которого рассчитана на ночной образ жизни.

Вырубание отверстий и продевание в них пальцев ног теоретически кажется довольно утомительным занятием, но на практике все оказывается совсем наоборот: туземец поднимается почти так же быстро, как если бы он взбирался по лестнице. Поскольку большие деревья способны вместить животных, которыми питаются австралийцы, вряд ли найдется хоть одно, на котором не было бы нескольких серий зарубок, обозначающих след туземца. Как ни странно, австралийские охотники не пользуются зарубками, сделанными другими людьми, а каждый раз, когда хочет взобраться на дерево, прорубает для себя новую серию отверстий.

Иногда человек видит на дереве след животного или признак пчелиного гнезда, когда у него нет под рукой топора. В этом случае он все равно может взобраться на дерево, так как может воспользоваться уже описанным кинжалом, пробивая отверстия в коре и подтягиваясь точно так же, как если бы у него был томагавк, с той лишь разницей, что отверстия меньше, а работа труднее.

Когда охотник обнаружил вход в нору, поимка обитателя - просто вопрос времени, поскольку жар и дым обязательно заставят его подняться в воздух, где он окажется в двойном положении: наполовину задохнется от дыма и ослепнет от пламени и дневного света, к которому его глаза не привыкли. Удар томагавком по голове или удар кинжалом лишает его чувств, и он падает на землю, а удачливый охотник обходит дерево на случай, если в нем может прятаться еще какое-нибудь животное.

Умение туземцев лазить по деревьям используется и для другой цели, помимо охоты на пчел и животных. Всем известная капустная пальма вырастает до очень большой высоты и, как и другие пальмы, никогда не растет прямо, а всегда имеет изгиб ствола. На манер пальм она разрастается чередой почек от верхушки, и эта почка, которую в народе называют "капустой", является излюбленным продуктом питания. Ее называют принцем овощей, а один восторженный путешественник утверждает, что она, должно быть, была амброзией олимпийских богов. Удаление бутона приводит к гибели дерева, и по этой причине овощ запрещен в цивилизованных регионах под страхом крупного штрафа. Однако дикарь, не имеющий ни малейшего представления о заботе о завтрашнем дне, а тем более о будущих годах, срывает бутон, где бы он его ни встретил, не заботясь о гибели полезного дерева. Он поднимается с помощью маленького деревянного кинжала, или варпу, или использует томагавк. Кварцевый кинжал, который был показан на предыдущей иллюстрации, не используется для лазания по деревьям, если только владелец не может достать томагавк или варпу. Его главное назначение - оружие, а еще он может использоваться как нож, с помощью которого дикарь может изувечить упавшего врага, как это будет описано, когда мы перейдем к рассмотрению военных действий в Австралии.

Камедь "черного мальчика", которая играет столь важную роль в производстве австралийского оружия и орудий труда, получают из травянистого дерева, которое в народе называют "черным мальчиком", потому что на расстоянии его легко принять за туземца с копьем и плащом. В своей стране он очень прочный, но когда его привозят в Англию, он становится хрупким и отламывается от оружия по частям, как и аналогичный препарат, называемый камедью "куруманни", который делают туземцы Гвианы. Она совершенно черная, а после высыхания становится очень твердой.

Травянистое дерево - одно из характерных растений Австралии, отличающееся странной индивидуальностью этой диковинной страны. Ствол цилиндрический, похожий на пальму, а огромный хохолок длинных листьев начинается с верхушки и свисает во все стороны, как гигантский пух перьев. Цветок выстреливает вверх прямо из центра, а длинный стебель после высушивания становится таким твердым, жестким и легким, что из него делают древко для копья.

В моей коллекции есть австралийская пила (иллюстрация на стр. 722), в изготовлении которой немалую роль сыграла жвачка чернокожих мальчиков. Никто не примет ее за пилу, если не знаком с этим инструментом, и действительно, она больше похожа на грубый кинжал, чем на пилу. Она сделана из куска дерева, обычно вырезанного из ветки эвкалиптового дерева, и в самой толстой части имеет толщину примерно с палец человека, после чего постепенно сужается к острию. Средняя длина пилы составляет четырнадцать дюймов, хотя я видел их длиной почти в два фута.

Вдоль более толстого конца прорезан паз, предназначенный для приема зубьев пилы. Эти зубья делаются из щепок кварца или обсидиана, причем последний предпочтительнее; некоторые мастера, соприкоснувшиеся с цивилизацией, стали использовать осколки стеклянных бутылок. Отбирается несколько плоских и остроугольных сколов как можно более одинакового размера, в среднем размером с шиллинг. Туземцы вставляют их в паз острыми краями вверх. Затем разогревают и наносят на них некоторое количество черного воска, обволакивая им всю древесину пилы, а также зубья на половину их глубины, чтобы они прочно держались на своих местах. Когда каменная крошка укладывается таким образом, чтобы между ней оставались небольшие промежутки, они заполняются этим полезным цементом.

Для австралийской работы этот простой инструмент, кажется, вполне справляется со своей задачей. Конечно, он работает очень медленно, и к нему нельзя прикладывать большую силу, чтобы не сломать зубья или не выкрутить цемент. Использование этой пилы влечет за собой большие затраты материала, времени и труда; но поскольку первые две из этих статей не представляют для туземцев ни малейшей ценности, а третья - самая легкая из возможных, инструмент достаточно хорошо справляется со своей задачей. В этой стране нечасто можно встретить идеальный образец этой пилы, так как чернобурый воск отслаивается и позволяет зубьям выпадать из своего места. Даже на моем собственном экземпляре, за которым тщательно ухаживали, воск отслаивается то тут, то там, а в инструментах, которые неаккуратно разбили, почти ни один зуб не остался на своем месте. Благодаря заостренному концу рукоятки пилу можно использовать как кинжал и, подобно варпу, взбираться на деревья.

ГЛАВА LXXII.
АВСТРАЛИЯ-Продолжение.

АВСТРАЛИЙСКОЕ КОПЬЕ И ЕГО МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ФОРМЫ - МЕТАТЕЛЬНОЕ КОПЬЕ ИЛИ КОПЬЕ - ГРУППА АВСТРАЛИЙСКИХ КОПИЙ - ЛЕГКОСТЬ ДРЕВКА - МНОГОКОНЕЧНОЕ РЫБЬЕ КОПЬЕ - ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ ОБКАЛЫВАНИЯ ОСТРИЯ КОСТЬЮ, И ПРИКРЕПЛЯТЬ ИХ К ДРЕВКУ - УПРУГОСТЬ ОСТРИЯ - ДВОЙНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В КАЧЕСТВЕ ВЕСЛА И КОПЬЯ - ИСКУСНО СДЕЛАННОЕ ОРУЖИЕ - КОПЬЯ С КРЕМНЕВЫМ НАКОНЕЧНИКОМ - ПРЕВОСХОДСТВО АВСТРАЛИЙЦА КАК МЕТАТЕЛЯ СНАРЯДОВ - БУЛАВА, КАМЕНЬ И "КЕНГУРУ-КРЫСА" - ПАЛКА ДЛЯ МЕТАНИЯ, МИДЛА, ИЛИ ВУММЕРА - ПРИНЦИП ЕЕ КОНСТРУКЦИИ - СПОСОБЫ ТРЕПЕТАНИЯ КОПЬЯ - РАССТОЯНИЕ, НА КОТОРОЕ ЕГО МОЖНО МЕТНУТЬ - БРОСОК СНИЗУ - ТОЧНОСТЬ ПРИЦЕЛИВАНИЯ - ПРОНЗАНИЕ КЕНГУРУ - ЛУК И СТРЕЛЫ - ПРОЧНОСТЬ ЛУКА - РОТАНГОВАЯ ТЕТИВА И ХИТРОУМНЫЙ УЗЕЛ - ТЩАТЕЛЬНОЕ ИЗГОТОВЛЕНИЕ СТРЕЛ - ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОРУЖИЯ - БУМЕРАНГ И ЕГО РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ - СПОСОБ МЕТАНИЯ ОРУЖИЯ - ЕГО ВЕРОЯТНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ - КОНСТРУКЦИЯ БУМЕРАНГА - АВСТРАЛИЙСКИЙ ЩИТ, ЕГО ФОРМЫ И ПРИМЕНЕНИЕ - ДЕРЕВЯННЫЕ И БЕРЕСТЯНЫЕ ЩИТЫ.

Теперь мы перейдем к рассмотрению различных форм копий, которые используют коренные австралийцы.

Обычное оружие невелико и едва ли превышает по диаметру ассагай из Южной Африки. Однако оно значительно длиннее, обычная длина составляет от девяти до одиннадцати футов. Как правило, копье изготавливается очень грубо, и создателя, похоже, мало волнует, будет ли древко идеально прямым, чтобы оружие было хорошо сбалансировано. В моей коллекции есть несколько образцов австралийских копий, одно из которых (очевидно, любимое оружие, поскольку на нем видны следы долгого использования) дважды согнуто, причем второй изгиб противодействует первому и делает оружие достаточно прямым.

Приклад австралийского копья, как и южноафриканского ассагая, очень маленький, древко постепенно сужается от головки, которая размером с палец, к прикладу, где оно едва ли толще карандаша художника. Это одно из распространенных копий, которое просто заточено на конце, а в древке вырезано несколько небольших колючек. Однако у меня есть образцы, в которых присутствуют почти все разновидности материала, размеров и структуры, которые только можно найти в Австралии.

Некоторые из них сделаны по тому же принципу, что и только что описанные, но отличаются от них наличием отдельной головки, сделанной из твердой и тяжелой древесины. Она глубоко прорезана колючками, так что оружие получается более грозным, чем то, которое сделано просто из цельного куска дерева. Наконечник одного из таких копий показан на рис. 7 в иллюстрации "Наконечники копий" на стр. 731.

Некоторые копья совершенно просты, это просто длинные палки, заостренные на большом конце. Однако они очень тщательно выскоблены, и, похоже, на них было потрачено больше усилий, чем на копья с более замысловатыми головками. Длина этих копий составляет около восьми футов.

Есть и другие копья с разным количеством головок и разных размеров. Самая распространенная форма многоглавых копий имеет либо три, либо четыре острия; но во всех остальных отношениях, кроме количества, головки копий устроены одинаково. Одно из таких копий, которое сейчас находится передо мной, имеет древко около девяти футов в длину и

более дюйма в диаметре в самой толстой части, которая, как обычно у австралийских копий, находится чуть ниже головки. Древесина, из которой оно сделано, очень легкая и пористая, но именно это качество, к сожалению, сделало ее настолько приемлемой для жуков-птилин, что они сильно повредили ее и сделали настолько хрупкой, что при очень легком ударе она ломается. Так, стержень одного из них был разломан на три части маленьким ребенком, который споткнулся о него, спускаясь по лестнице.

Четыре острия, составляющие головку, вырезаны из эвкалиптового дерева, древесина которого тверда и прочна, и может быть обрезана до очень острого острия без опасности слома. Длина каждого из них составляет двадцать дюймов, они самые большие посередине, слегка сужаются к одному концу, чтобы их можно было закрепить на древке, а другой конец соскоблить до тонкого острия.

При осмотре я обнаружил, что на большом конце древка прорезаны четыре паза, в каждый из которых помещен конец одного из остриев, временно закрепленный черной резинкой. Затем между остриями были вставлены клинообразные колышки, чтобы они правильно расходились друг от друга, и, когда они приняли нужное положение, их крепко связали шнуром. Затем на шнур наносился слой черной жвачки, чтобы все крепко держалось вместе.

Вот так выглядит способ надевания очков, конец одного из которых можно увидеть на рис. 3 на иллюстрации. Мой собственный образец, однако, сделан лучше, чем тот, с которого был сделан эскиз. Читатель заметит, что к острию прикреплена колючка, которая фиксируется на месте с помощью веревки. В моем образце колючка сделана из куска кости длиной примерно с шампур и остро заострена с обоих концов. В примере, показанном на иллюстрации, колючка просто выступает сбоку от острия, в то время как в моем образце кость выполняет функции и острия, и колючки. Чтобы она могла принять правильное направление, верхняя часть деревянного острия скошена, а кусок кости прикреплен к нему посередине, так что один конец становится острием оружия, а другой выполняет функцию колючки. Желая посмотреть, как это делается, я отрезал часть крепления одного из четырех остриев и был поражен изобретательностью, проявленной изготовителем при креплении кости к острию, чтобы оно выполняло свою двойную функцию. Все колючки направлены внутрь, так что, когда туземец наносит удар по рыбе, скользкая добыча попадает между колючками и удерживается там так же, как угорь между зубцами копья. Упругость четырех длинных остриев заставляет их расходиться, когда они натыкаются на спину рыбы, и плотно сжиматься на ней, так что острия колючек крепко вдавливаются в ее бока.

Это копье также служит туземцу вместо весла, и с его помощью он с умеренной скоростью направляет свою хрупкую кору. Как ему удается стоять прямо на таком хрупком судне, грести, поражать рыбу и, наконец, тащить сопротивляющуюся добычу на борт - просто чудо. Последний подвиг - самый удивительный, так как рыба часто бывает значительных размеров, и одного лишь воздействия ее веса на конец десятифутового копья, а также яростной борьбы, которую ведет раненая рыба, кажется достаточно, чтобы расшатать гораздо более устойчивое судно.

И все же туземцы умудряются проходить час за часом без происшествий, а в одной из их крошечных лодок, которые, кажется, едва ли достаточно велики, чтобы вместить одного европейца, даже если он привык к узкому ялику с аутригерами или сравнительно современному каноэ, двое мужчин будут чувствовать себя вполне комфортно, ловя и таская рыбу и даже готовя ее на огне, разведенном на импровизированном очаге из мокрого песка и камней в середине каноэ.

Ночь - излюбленное время для ловли рыбы, и тогда зрелище нескольких туземцев, занятых водной погоней, представляется весьма живописным. Они несут с собой факелы, с помощью которых видят дно воды, а также ослепляют рыбу; эффект от постоянно движущихся факелов, меняющихся бликов на покрытой рябью воде и темных фигур, движущихся вокруг, одни ищут рыбу, другие наносят удары, третьи борются с пойманной добычей, в равной степени живописен и захватывающ. Факелы, которые они используют, сделаны из легко воспламеняющейся коры, и вся сцена почти в точности похожа на ту, что можно наблюдать при "поджигании воды" в Северной Америке или, если быть более близким к дому, "лейстеринге" в Шотландии.

Днем они не могут пользоваться факелом, а поскольку малейший ветерок вызывает рябь на поверхности воды, что не позволяет им увидеть рыбу, у них есть хитроумный план: лечь плашмя поперек каноэ, верхняя часть головы и глаза погружены в воду, а рука держит копье, готовая к удару. Глаза находятся под рябью, и они видят достаточно отчетливо.

Я часто прибегал к этому плану, когда хотел понаблюдать за поведением подводных животных. Это очень эффективно, хотя через некоторое время поза становится довольно утомительной, а те, кто не настолько гимнасты, чтобы быть независимыми в отношении положения головы и пятки, склонны обнаружить, что у них кружится голова от прилива крови к голове.

Другое копье, также использовавшееся для ловли рыбы и имевшее замысловатую головку, показано на рис. 8. В этом копье одно острие железное, а два других - костяные. Оружие примечательно тем, что древко выступает среди остриев, а также особым способом скрепления различных частей. Этот экземпляр происходит из реки Нижний Мюррей.

В моей коллекции есть оружие, привезенное с мыса Йорк. Это рыболовное копье, и на первый взгляд оно очень похоже на то, которое только что было описано. Однако оно имеет более сложный характер и заслуживает отдельного описания. Оно имеет семь футов в длину и очень тонкое, самая толстая часть древка не превышает полдюйма в диаметре. У него четыре острия, два из которых железные и без колючек, железное толщиной с воронье перо и длиной не более трех дюймов. Два костяных острия сделаны из плоской хвостовой кости одного из скатов, и, будучи расположенными острием вперед, каждое из них имеет двойной ряд колючек, направленных назад, по одной вдоль каждого края.

На рис. 6 той же иллюстрации показана очень грозная разновидность метательного копья. Вдоль каждой стороны головки туземный воин прорезал желобок и воткнул в него несколько щепок из кремня или кварца, закрепленных на своих местах резинкой черного мальчика, как это было описано в случае с пилой. Однако работа этого образца гораздо грубее, чем у пилы: кусочки кремня не одинакового размера и не так тщательно подогнаны. Действительно, создается впечатление, что изготовитель пилы отложил в сторону фрагменты кремня, которые он отбраковал для инструмента, и впоследствии использовал их для изготовления наконечника копья. Одно из таких орудий в моей коллекции вооружено только с одной стороны головки, вдоль которой расположены четыре куска обсидиана с очень зазубренными краями, удерживаемые на своих местах толстым слоем черной камеди, доходящим до самого острия копья.

На рис. 4 и 5 той же иллюстрации изображены два наконечника копий, напоминающие кремневое оружие, которое в последнее время так часто находят в разных частях света и которое принадлежало давно вымершим расам людей. Наконечники копий размером почти с мужскую руку сделаны из кремня, тщательно обтесанного до нужной формы. Они плоские,

и изготовитель достаточно хорошо знал расщепление, чтобы придать каждой стороне острый и достаточно равномерный край. Обратите внимание, что рис. 5 гораздо темнее рис. 4. Это различие не случайно, но очень хорошо выражает разнообразие оттенков используемого материала: некоторые наконечники копий бледно-коричневые, а некоторые почти черные. Оружие, по сути, представляет собой не что иное, как удлинение кинжала, изображенного на рис. 2, "томагавки", на стр. 722.

Если читатель посмотрит на рис. 1 и 2 иллюстрации, то увидит, что здесь две головки примерно одинаковой конструкции, за исключением того, что одна из них одинарная, а другая двойная. Эти копья были привезены из Порт-Эссингтона.

Образцы каждого вида находятся в моей коллекции. Они очень велики: одно из них более тринадцати футов в длину, а другое немного не дотягивает до этого показателя. В диаметре они толщиной с мужское запястье; и, каким бы легким ни было дерево, из которого они сделаны, они очень тяжелы и, должно быть, сильно уступают по эффективности легким метательным копьям, которые уже были описаны. Разумеется, такое оружие предназначено для использования в качестве пики, а не ракеты. Кроме этих, у меня есть еще одно копье с тремя головками и почти тех же размеров, что и два других.

В каждом случае головка и древко сделаны из разного материала, один из которых легкий и пористый, а другой твердый, плотный и тяжелый. Вместо того чтобы быть скрепленными вместе с той аккуратностью, которая характерна для более легкого оружия, головка и древко соединены переплетом из толстой веревки, аккуратно, но грубо обмотанной вокруг оружия, и не покрыты покрытием из чернобурки, которое придает такой аккуратный вид меньшему оружию. В трехконечном копье изготовитель проявил изобретательность, украсив оружие краской: наконечники остриев окрашены в красный цвет, а остальная часть головы - в белый, в то время как ремешок также окрашен в красный цвет.

В своем диком состоянии австралийский туземец никогда не любит оставаться без копья в руке, и, как и следовало ожидать от человека, чье пропитание почти полностью обусловлено его умением пользоваться оружием, он является самым искусным метателем копья. Действительно, как метатель снарядов австралиец вообще не имеет конкурентов. Не считая бумеранга, о котором мы сейчас расскажем, австралиец может метать копье как рукой, так и с помощью "палки для метания", может метко бросать свою короткую дубинку, и даже если он лишен этих снарядов, он обладает необыкновенной способностью метать камни. Много раз, еще до того, как был известен характер туземцев, вооруженный солдат погибал от рук совершенно безоружного австралийца. Тот стрелял в туземца, который, уклоняясь, мешал врагу прицелиться, а затем был просто разрублен на куски дождем камней, подхваченных и брошенных с силой и точностью, которые нужно видеть, чтобы поверить. Когда первый австралийский первооткрыватель вернулся домой, никто не поверил, что можно бросить какое-либо оружие, а затем вернуться к тому, кто бросил, и даже сегодня трудно заставить некоторых поверить в способность австралийцев метать камни. Бросить один камень с идеальной точностью не так просто, как кажется, но австралиец бросает один за другим с такой быстротой, что кажется, будто они вылетают из какой-то машины; при этом он бросает их, прыгая из стороны в сторону, чтобы снаряды с разных сторон сходились на несчастном объекте его прицеливания.

Чтобы достичь удивительного мастерства, которым они обладают в уклонении, а также в метании копий, необходимо, чтобы они постоянно тренировались с детства. Поэтому они любят в притворные драки, вооружившись щитом, палкой для метания и копьем, причем

последнее оружие не имеет головы, а его конец затуплен, расщеплен и соскоблен на нити, а кустистые нити затем вывернуты обратно, пока не образуют мягкую волокнистую подушечку. Даже с такой защитой оружие не вызывает презрения: если ударить им по одному из бойцов, оно непременно свалит его с ног, а если ударить по ребрам, то он задохнется. Это имитационное копье носит название "матамудлу" и изготавливается различных размеров в зависимости от возраста и возможностей того, кто его использует.

Есть один снаряд, который, как мне кажется, так же характерен для Австралии, как и бумеранг, хотя он не так широко распространен и не так часто используется на войне или на охоте. В народе его называют "кенгуру-крыса" из-за его особой прыгучести, и он может быть знаком тем из моих читателей, кто видел австралийских игроков в крикет, приезжавших в Англию весной 1808 года. Кенгуру-крыса" - это кусок твердого дерева в форме двойного конуса с длинной гибкой ручкой, выступающей из одного из остриев. Длина рукоятки - около ярда, толщина - как у карандаша художника, и на небольшом расстоянии оружие выглядит как огромный головастик с сильно вытянутым хвостом. В Австралии туземцы делают хвост из гибкой ветки, но те, кто имеет доступ к ресурсам цивилизации, выяснили, что китовая кость - лучшее вещество для хвоста, которое можно найти.

Когда туземец бросает кенгуру-крысу, он берет ее за конец хвоста и раскачивает взад-вперед, так что она сгибается вдвое, а в конце делает рывок рукой и отпускает ее в полет. Она проносится по воздуху с резким и угрожающим шипением, похожим на звук винтовочного выстрела, и достигает наибольшей высоты - около семи-восьми футов от земли. Едва коснувшись земли, он подпрыгивает и совершает ряд прыжков, каждый из которых меньше предыдущего, пока наконец не останавливается. Фактически, он проносится над землей точно так же, как плоский камень проносится над водой, когда мальчики играют в "уток и селезней". Расстояние, на которое можно бросить этот инструмент, действительно поразительно. Я видел, как австралиец стоял на одной из сторон Кеннингтонского овала и бросал "кенгуру-крысу" через весь овал. Многое зависит от того, под каким углом он сначала опустится на землю. Если бросить его слишком высоко, он сделает один-два высоких прыжка, но не преодолеет большого расстояния; если же бросить его слишком низко, он покатится по земле и вскоре будет поднят вверх из-за чрезмерного трения. При правильном броске он выглядит как живое животное, скачущее по земле, и те, кто привык путешествовать по этой стране, говорят, что его движения удивительно похожи на длинные прыжки кенгуру-крысы, убегающей в тревоге, с длинным хвостом, волочащимся за ней в качестве баланса.

Несколько похожая по форме ракета используется на Фиджи, но фиджийское орудие имеет жесткое древко, и его приводят в движение, прикладывая конец указательного пальца к прикладу и бросая его под руку. Он используется только в игре, в которой участники пытаются отправить его по земле как можно дальше.

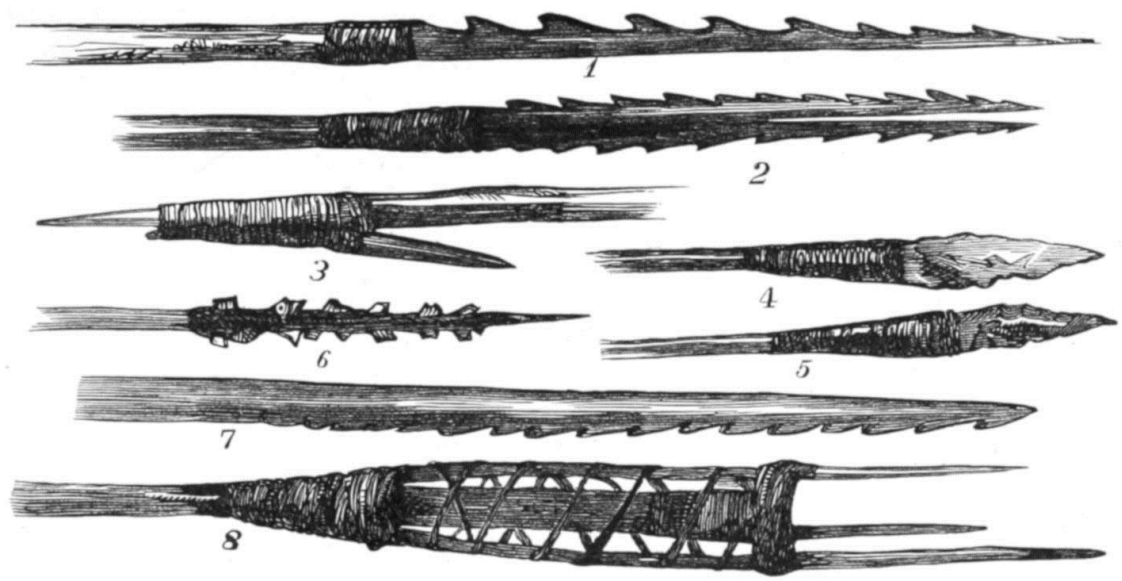
Вернемся к нашим копьям. Австралийцы редко осмеливаются метать копье вручную: туземцы всегда предпочитают использовать любопытное приспособление, которое аборигены называют "вуммера" или "мидла", а колонисты - "метательной палкой". Теория метательной палки достаточно проста, но практика очень сложна и требует длительного обучения, прежде чем ей можно будет научиться с уверенностью.

Принцип действия этого орудия похож на принцип действия пращи, и метательная палка - это, по сути, праща, сделанная из дерева вместо шнура, а копье занимает место камня. Метательная палка настолько прочно ассоциируется с копьем, что туземец так же быстро подумает о том, чтобы пойти на без своего копья, как и без инструмента, с помощью которого

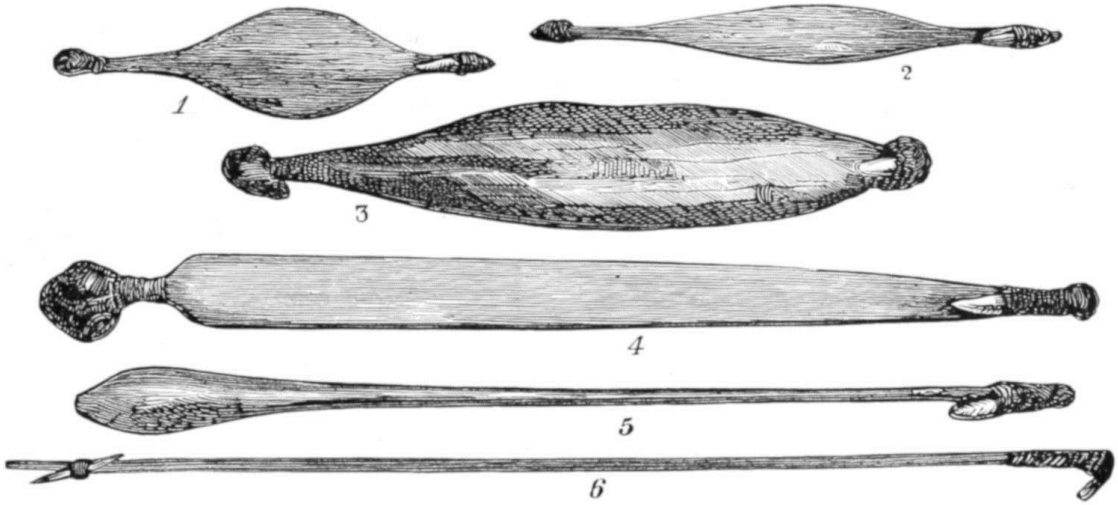
он его бросает. В разных местностях этот инструмент принимает разные формы, хотя принцип его устройства везде одинаков. На иллюстрации под названием "Метательные палки" на странице 731 читатель может увидеть все разнообразие форм, которые принимает метательная палка. Изучив рисунки, он увидит, что она состоит из палки разной длины и ширины, но всегда с колючим выступом на одном конце. Прежде чем описать, как используется этот инструмент, я кратко расскажу о его конструкции и различных формах, которые он принимает.

Прежде всего, он всегда более или менее уплощен; иногда, как на рис. 3, почти листовидный, а иногда, как на рис. 6, совсем узкий, и на протяжении большей части своей длины представляет собой не более чем сплющенную палку. Она всегда сделана из твердой и упругой древесины, и во многих случаях она достаточно большая и тяжелая, чтобы быть пригодной для использования в качестве дубинки на близкой дистанции. Действительно, один очень хороший экземпляр в моей коллекции, привезенный с реки Лебедь, был помечен, когда попал ко мне, как индейская дубина. Эта форма палки для метания показана на рис. 3.

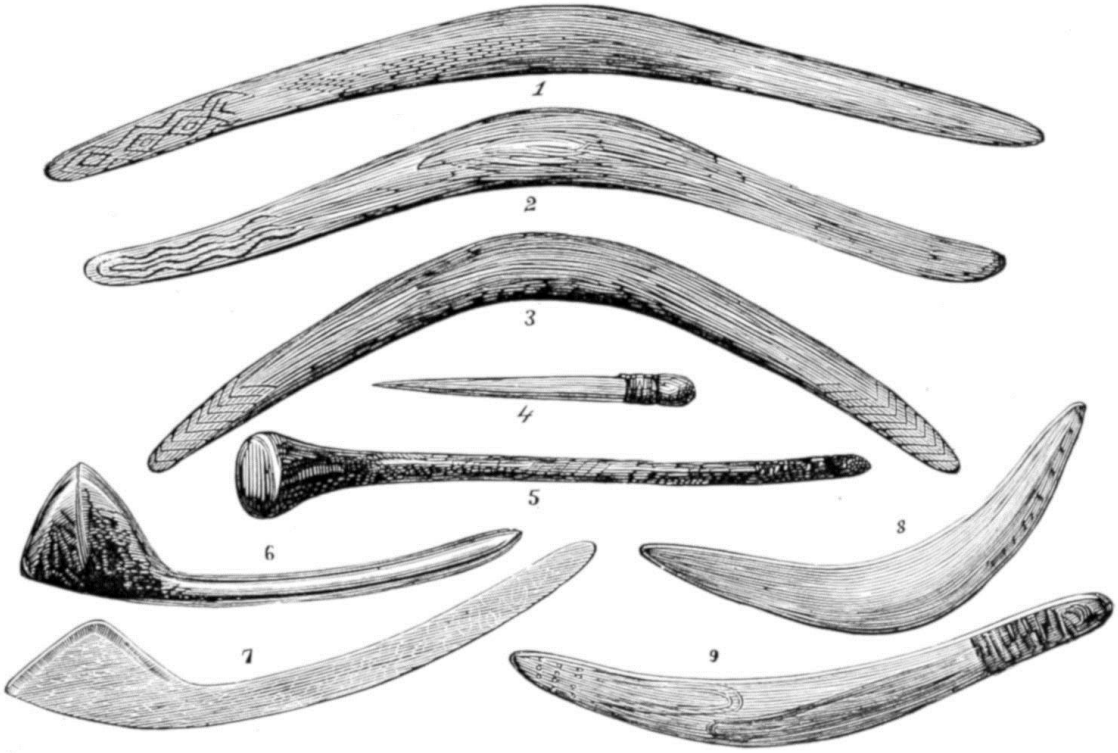
Длина этого конкретного экземпляра составляет чуть меньше двух футов, а ширина в самой широкой части - четыре дюйма с половиной. В центре толщина составляет одну шестую дюйма, постепенно уменьшаясь к краям, которые примерно такие же острые, как у уже упомянутого деревянного меча. К концу, однако, он становится толще, а в месте установки колышка - таким же толстым, как в середине. Такое оружие было бы очень грозным, если бы его использовали в качестве дубины - впрочем, не менее грозным, чем известный "мерай" из Новой Зеландии.



НАКОНЕЧНИКИ АВСТРАЛИЙСКИХ КОПИЙ.
(См. с. 727.)



МЕТАТЕЛЬНЫЕ ПАЛОЧКИ.
(См. стр. 730.)



БУМЕРАНГИ.
(См. с. 737.)

То, что он использовался для этой цели, видно по перелому, который явно был вызван сильным ударом. Древесина расщеплена с одной стороны рукоятки на половину длины оружия, и поэтому оно на некоторое время пришло в негодность. Однако рачительный хозяин сумел сгладить трещину, причем сделал это необычайно изобретательно. Он аккуратно соединил сломанные поверхности, а затем скрепил их уже упоминавшимися сухожилиями из хвоста кенгуру. Сухожилия плоские и защищены толстым слоем черной камеди. Возможно, читателю известно, что при завязывании узлов из кетгута концы закрепляются путем опаливания, в результате чего они разбухают, превращаясь в круглые

бугорки. Сухожилие обладает тем же свойством, и туземец закрепил концы точно так же, как это сделал бы английский мастер.

Древесина - жесткая, твердая, волнисто-зернистая, как эвкалипт. То ли в результате длительной обработки жирными туземцами, то ли по другим причинам, я не знаю, но я не могу заставить приклеить к нему этикетку. К каждому экземпляру в моей коллекции прикреплен каталожный номер, и хотя я пытался прикрепить этикетку с помощью пасты, жвачки и клея, ни один из них не держится, и через несколько дней этикетка отваливается сама собой. Этот экземпляр был срезан с дерева, которое подверглось нападению какого-то насекомого-бурозубки, в результате чего в нем образовалось небольшое отверстие, которое имеет очень любопытный вид. Отверстие выглядит точно так же, как у нашего известного насекомого, большого *сирекса*.

Рукоятка своеобразной формы полностью изготовлена из черной эвкалипта, и, за исключением тенденции к деформации дерева, она так же прочна, как и в тот день, когда ее впервые сделали. Штырь, который вставляется в приклад копья, в данном случае сделан из дерева, но во многих метательных палках он сделан из кости. На рис. 1 и 2 представлены примеры этой сплюснутой формы мидлы, которые были взяты с образцов, найденных в Южной Австралии. На рис. 4 и 5 показаны примеры метательных палок из Порт-Эссингтона, одна из которых, рис. 4, отличается рукояткой особой формы. Рукоятка на рис. 5 кажется очень неудобной и, похоже, была сделана специально для того, чтобы туземец не мог крепко держать оружие. Рис. 6 - пример квинслендской палки для метания, которая, как легко заметить, может использоваться как дубина, если ее перевернуть, а конец штыря использовать в качестве рукоятки.

В Северной Австралии используется еще одна форма палки для метания, пример которой можно увидеть на рис. 6. Она на целый фут длиннее той, что пришла с Муррея, и представляет собой одну из "сплющенных палок", о которых вскользь упоминалось. У нее есть деревянный шип для острия копья и самая замечательная рукоять. Два куска дынной скорлупы были вырезаны в виде довольно длинных овалов и закреплены по диагонали на конце оружия, по одному с каждой стороны. Для крепления этих кусков была обильно использована черноплодная смола, которой заполнено все внутреннее пространство между раковинами. Через раковины проходит диагональная перевязь из сухожилия, покрытого той же камедью, а рукоять на протяжении пяти дюймов прочно обмотана тем же материалом.

Теперь мы рассмотрим, как туземец бросает копье.

Держа палку за рукоятку так, чтобы другой конец выступал над плечом, он берет копье в левую руку, вставляет небольшое углубление в его задней части в колышек мидла, а затем удерживает его на месте, пропуская указательный палец правой руки через древко. Как видно, при таком способе рычаг значительно увеличивается, а сила руки возрастает более чем в два раза.

Иногда, особенно во время охоты, туземец бросает копье без лишних проблем, но когда он вступает в схватку, то проходит через ряд представлений, которые кажутся европейцу довольно смешными, хотя и призваны навести ужас на туземного врага. Копье сильно дергают, чтобы оно дрожало, как африканский ассагай, и, сильно вибрируя, бросают. Дрожать копье может двумя способами: первый - простым движением правой руки, второй - захватив древко в левую руку и сильно тряся его, пока приклад упирается в штырь палки для метания. В любом случае сам факт дрожания копья действует на австралийского воина так же, как и на африканского. Жужжащий звук вибрирующего оружия приводит его в неистовое

возбуждение, и, угрожая врагу дрожащим копьем, воин танцует, прыгает и кричит, словно безумный - и действительно, на мгновение он становится буйнопомешанным.

Расстояние, на которое может быть брошено копье, просто удивительно, а его вид, когда оно проносится по воздуху, необычайно красив. Кажется, что оно скорее выпущено из огромного лука или наделено врожденными способностями к полету, чем брошено из человеческой руки, поскольку оно совершает свой возвышенный полет, извиваясь в воздухе, как тонкая черная змея. Когда он покидает палку для метания, раздается легкий лязг, который для опытного уха говорит о его истории так же ясно, как угрожающий лязг тетивы лука.

Для меня не столько прекрасна дальность полета, сколько точность, с которой можно прицелиться. Достаточно длинная палка для метания дает такой мощный рычаг, что дальность полета не так уж и поражает. Но то, что точность прицеливания должна быть достигнута так же, как и длина полета, действительно удивительно. Я видел, как туземцы, участвуя в шуточном бою, стояли на расстоянии восьмидесяти или девяноста ярдов и метали свои копья с такой уверенностью, что в четырех случаях из шести противник был вынужден двигаться, чтобы избежать копья.

Помимо мощного и высокого броска, они умеют внезапно подбрасывать копье под руку, так что оно проносится над землей, а когда касается земли, то сопровождается серией рикошетов, которые должны особенно смущать новичка в этом виде войны.

Сила копья никогда не проявлялась лучше, чем в погоне за кенгуру. Когда туземец видит, что одно из этих животных кормится, он отходит на небольшое расстояние, где оно его не видит, собирает несколько веток с листьями и связывает их вместе так, чтобы получился заслон. Затем он берет свои копья, палку для метания и палочку и отправляется в погоню за кенгуру. Пользуясь любым укрытием, он бесшумно скользит вперед, всегда стараясь приближаться к животному против ветра, чтобы оно не смогло уловить его присутствие ноздрями, и старательно избегая засохших листьев, сухих веток и других природных объектов, которые своим шелестом и треском предупреждают животное о приближении опасности.

Пока это возможно, охотник держится под укрытием естественного покрова, но когда это невозможно, он встает на свою лиственную ширму и полагается на нее, чтобы приблизиться на расстояние выстрела. Прежде чем покинуть деревья или кусты, за которыми он прятался, он берет копье, прикрепляет его к палке для метания, поднимает руку с готовым копьем и не двигает ею, пока не доставит копье. Держа левой рукой перед собой лиственную ширму и располагая второе копье и другое оружие, которое нельзя спрятать, так, чтобы оно выглядело как мертвые ветки, растущие из куста, он осторожно скользит к кенгуру, всегда продвигаясь вперед, когда тот опускается, чтобы поесть, и тихо приседая за ширмой, когда он поднимается, по примеру кенгуру, и осматривает окружающую местность.

Наконец он подходит на близкое расстояние и с безошибочной точностью поражает ничего не подозревающего кенгуру. Иногда он настигает нескольких животных, и в этом случае второе копье быстро закрепляется на мидлахе и бросается в летящих животных, а если он подошел на достаточно близкое расстояние, то с уверенностью бросает короткую ракетную дубинку. Бросив все имеющиеся в наличии ракеты, он приступает к добиванию раненых животных своей палочкой.

На иллюстрации № 1 на 739-й странице хорошо показано действие метательной палки, а также изображены две сцены охоты. На переднем плане - охотник, которому удалось подобраться к кенгуру довольно близко, подкравшись к ним за тенью деревьев, и который как раз наводит копье для смертельного броска. Читатель обратит внимание на любопытное

костяное украшение, проходящее через носовую перегородку и придающее лицу столь любопытный характер. На заднем плане - другой охотник, вынужденный прибегнуть к помощи ветвистой ширмы, за которой он прячется, как солдат в "Макбете", в то время как ничего не подозревающие кенгуру спокойно кормятся в пределах досягаемости. Один из них забил тревогу и сидит прямо, чтобы осмотреться, как это делает белка, кормящаяся на земле.

Теперь читатель увидит абсолютную необходимость точного прицеливания для метателя - достижение, которое для меня является практической загадкой. Я могу метнуть копье на значительное расстояние с помощью палки для метания, но прицелиться - совсем другое дело, копье, кажется, летит своим собственным курсом без малейшей связи с желаниями метателя. Тем не менее австралиец настолько хороший стрелок, что может метко стрелять в человека на расстоянии восьмидесяти или девяноста ярдов, учитывая ветер и с удивительной точностью рассчитывая кривую, описываемую копьем; а на коротком расстоянии его глаз и рука одинаково верны, и он заколол кенгуру на расстоянии двадцати или тридцати ярдов так же точно, как это мог бы сделать опытный стрелок.

В некоторых частях Австралии туземцы используют лук и стрелы, но, похоже, такое оружие есть только у жителей крайнего севера. В моей коллекции есть образцы лука и стрел, привезенные с мыса Йорк, которые по своему устройству являются поистине восхитительным оружием и могли бы составить заслугу лучников Полинезии. Лук длиной более шести футов сделан из самца, *то есть* твердого бамбука. Он очень жесткий, и для его правильного сгибания требуется не только сильная, но и тренированная рука.

Как и древко копья, этот лук сильно подвержен поеданию червями. Мой собственный экземпляр настолько изъеден этими крошечными буравчиками, что, когда он прибыл, на землю, где бы ни был установлен лук, высыпалась небольшая кучка желтого порошка, а если по нему резко ударить, из него вылетало облачко того же порошка. К счастью, та же рыхлость текстуры, которая позволила жуку устроить такой хаос, послужила и проводником отравленного спирта, который я впрыснул в отверстия; теперь опустошения прекратились, и ни одно самое прожорливое насекомое не может прикоснуться к оружию. Струна сделана очень просто: это всего лишь кусок ротанга, расщепленный до нужной толщины. Пожалуй, самой изобретательной частью этого лука является способ изготовления петли. Не зная простого, но эффективного узла для тетивы, который так хорошо известен нашим лучникам и который не подходит для жесткого и грубого ротанга, туземец изобрел узел, который не менее эффективен, и управляется по тому же принципу, делая несколько оборотов, когда шнур огибает себя чуть ниже петли. Чтобы придать ротангу необходимую гибкость, его бьют, чтобы разделить на волокна и разрушить твердую, кремнистую оболочку, которая его окружает, а затем эти волокна скручивают в некое подобие грубого шнура, который на конце защищают обмоткой из того же материала, чтобы он не распутался.

Стрелы подходят к луку. Они различны по длине, но все гораздо длиннее тех, которые привыкли использовать английские стрелки, и, вместо того чтобы быть длиной в "полотняный ярд", самая короткая имеет длину три фута семь дюймов, а самая длинная - четыре фута восемь дюймов от острия до острия. Они не имеют ни малейших признаков оперения, у них нет нока, поэтому туземный лучник вынужден держать стрелу на тетиве большим и средним пальцами и не может натягивать лук передним и средним пальцами, как это делают все хорошие английские лучники с тех пор, как лук стал известен.

Древко стрелы сделано из тростника, и все они снабжены длинными шипами из какого-то темного и тяжелого дерева, что позволяет им лететь правильно. Некоторые наконечники

представляют собой простые округлые шипы, но другие искусно закованы в колючки. У одного, например, один ряд из шести колючек, каждая длиной в дюйм, у другого - одна двойная колючка, как у английской "широкой стрелы". У другого вместо колючек - гладкая луковица, постепенно заканчивающаяся колосом и не служащая никакой цели, кроме, пожалуй, декоративной. У другого две такие луковицы; а еще один, самый длинный из всех, имеет небольшую луковицу, а затем попытку резьбы. Узор самый простой, но это единственный элемент резьбы на всем оружии. Эта же стрела примечательна тем, что острие на протяжении примерно двух дюймов покрыто каким-то лаком, похожим на красный сургуч, а полоса из того же материала опоясывает головку примерно на шесть дюймов ближе к древку. Моряк, который привез оружие, сказал мне, что этот красный лак - яд, но я очень сомневаюсь, что это не что иное, как украшение.

Конец тростника, в который вставляется головка, защищен обмоткой из ротангового волокна, покрытой чем-то вроде темного лака, который, однако, не является черной камедью, столь обильно используемой при изготовлении других видов оружия. В одном случае место обмотки заняла косичка длиной около дюйма, так красиво сплетенная из внешней стороны ротанга, нарезанного на плоские полоски шириной не более обычной бечевки, что это выдает полинезийское происхождение оружия и подтверждает мою уверенность в том, что лук и стрелы не являются коренными жителями Австралии, а были завезены только с Новой Гвинеи и не попали вглубь страны. Аборигены Северной Австралии также, очевидно, многое позаимствовали из Полинезии, как мы увидим в ходе этого повествования.

Длина лука обычно составляет около шести футов, хотя один из имеющихся в моем распоряжении луков несколько длиннее. Из-за размеров лука и стрел его полное снаряжение очень весомо, и вместе с другим оружием, которое австралиец считает своим долгом носить с собой, оно должно быть нелегким бременем для воина.

Свирепость в лице очень характерна для этой расы, и, как мы увидим, когда перейдем к каноэ и их обитателям, эти люди очень хитры: мягки и покладисты, когда считают себя побежденными, наглы и грозны, когда воображают себя выше, и вполне способны на убийство, если думают, что могут сделать это безнаказанно. Единственный способ обращения с этими людьми - это безопасный способ обращения со всеми дикарями: никогда не доверяйте им и никогда не обманывайте их.

Теперь мы переходим к самому замечательному из всех видов оружия - бумерангу. Это, по сути, национальное оружие Австралии, которое распространено по всей западной части страны. Насколько известно, оно присуще только Австралии, и, хотя в других частях света встречаются любопытные ракеты, нет ни одной, которая могла бы сравниться с бумерангом.

На одном из старых египетских памятников изображена фигура ловца птиц в каноэ. Ему помогает кошка, которую он научил ловить для него добычу, и, когда птицы вылетают из камышей, среди которых он толкает свое каноэ, он бросает в них изогнутый снаряд, который некоторые считают бумерангом. Однако я не вижу ни малейших оснований для такого предположения.

В настоящее время ни в одной части Африки не найдено оружия, хоть сколько-нибудь похожего на бумеранг, и, насколько мне известно, нет ни одного примера, когда действительно эффективное оружие полностью исчезло бы с целого континента. Гарпун, которым древние египтяне убивали гиппопотама, используется и в наши дни без малейших изменений; сеть для ловли рыбы применяется точно так же; копье и щит египетской пехоты были идентичны по форме копью и щиту воина Канембу, портрет которого можно увидеть на

странице 612; Лук и стрелы до сих пор сохранились; и даже плеть, которой египетские мастера били своих еврейских слуг, - это "хурбаш", которым современный нубиец бьет своего раба.

По всей вероятности, изогнутое оружие, которое ловец птиц держит в руке и которое он собирается бросить, - это не более чем короткая дубинка, аналог каффирского набалдашника, не обладающая возвращающей силой. Несколько различаясь в некоторых деталях, бумеранг, где бы он ни был изготовлен, идентичен по принципу . Это плоский изогнутый кусок дерева, различные примеры которого можно увидеть на иллюстрации на 731-й странице; ни его форма, ни материал не дают ни малейшего представления о его чудесной силе.

Материал, из которого изготовлен бумеранг (или бомеренг, как иногда называют это слово), почти всегда из эвкалиптового дерева, тяжелого, твердого и прочного, способного выдержать довольно сильный удар и не сломаться. Сверху он слегка выпуклый, снизу - плоский, толщина его всегда наибольшая в середине, а к краям, которые в меру острые, особенно внешний край, он выщерблен. Он используется как ракета, и это одно из самых странных орудий, которые когда-либо были изобретены.

В старых сказках, с которыми мы более или менее знакомы, одним из странных подарков, которые преподносит фея герою, часто является оружие, обладающее удивительной силой. Так появились острый меч, который рассекал все, на что был нацелен, и почтовый плащ, который не могло пробить никакое оружие. Жаль, кстати, что меч и плащ, похоже, никогда не испытывали друг против друга. Затем стрелы (в более современных сказках переделанные в пули), которые всегда попадали в цель, и так далее. А в одной из самых высоких сказок мы читаем о стрелах, которые всегда возвращались к лучнику по собственной воле.

В Австралии, однако, существует ракета, которую можно бросить на значительное расстояние, и которая всегда возвращается к метателю. Благодаря своеобразному способу метания оружие кружит в воздухе, а затем описывает круговой курс, падая рядом или позади того, кто его бросил. Способ метания очень прост в теории и очень сложен на практике. Оружие берут за рукоятку, на которой обычно нанесено несколько поперечных насечек, чтобы обеспечить надежную фиксацию, и держат плоской стороной вниз. Затем быстрым и резким броском бумеранг бросают, одновременно отводя руку назад, чтобы оружие вращалось с огромной скоростью. Бильярдист поймет суть этого движения, если ему сказать, что оно происходит по тому же принципу, что и удар "винт-бак" в бильярде. Оружие должно быть брошено с большой силой, иначе оно не сможет совершать свои эволюции должным образом.

Если читатель захочет попрактиковаться в метании бумеранга, позвольте порекомендовать ему, прежде всего, приобрести настоящее оружие, а не английскую имитацию, какие обычно продаются в магазинах игрушек. Затем он должен пойти один на большое поле, где земля достаточно мягкая и нет больших камней, и встать лицом к ветру. Схватив его, как описано, он должен наметить взглядом точку на земле на расстоянии сорока ярдов или около того и метнуть в нее бумеранг. Если он бросит его правильно, то сначала будет казаться, что оружие ударится о землю; но вместо этого оно отлетит под большим или меньшим углом, в зависимости от обстоятельств, и поднимется высоко в воздух, кружась вокруг с постепенно уменьшающейся силой, пока не упадет на землю. Если приложить достаточную силу, бумеранг упадет в восьми или десяти ярдах позади метателя.

Необходимо, чтобы метатель был один или, по крайней мере, чтобы с ним был только инструктор, когда он практикует это искусство, так как в неопытных руках бумеранг будет

принимать всевозможные странные курсы, и, по всей вероятности, отклонится от своей линии и ударит кого-нибудь из зрителей; а сила, с которой бумеранг может ударить, почти невероятна. Я видел собаку, убитую на месте: ее тело было почти разрублено надвое бумерангом при падении; а однажды я видел, как латунная шпора начисто отбила пятку неосторожному зрителю, который перебежал дорогу оружию.

Необходимо, чтобы он выбрал не только просторное, но и мягкое поле, так как бумеранг обладает особым умением выбирать самые твердые места для падения, и если он найдет большой камень, то обязательно ударится о него и тем самым разобьет себя на куски. А если на пути есть деревья, он попадет среди сучьев, возможно, разобьется, наверняка повредит себя и, скорее всего, застрянет среди ветвей. Ученик должен бросать также против ветра, поскольку, если бумеранг брошен по ветру, он не думает возвращаться, а плывет дальше, как будто и не собирался останавливаться, и обязательно достигнет большого расстояния, прежде чем упадет.

Почти тридцать лет назад я потерял бумеранг именно по этой ошибке. В компании нескольких моих школьных товарищей я бросал это оружие для их развлечения, когда один из них выхватил его, развернулся и со всей силы швырнул по направлению ветра. Расстояние, на которое улетело оружие, я боюсь упоминать, чтобы не поверить. Местность в этом районе состоит из чередующихся холмов и долин, и мы видели, как бумеранг пересек две долины и, наконец, исчез в роще лип, окаймляющих церковный двор.

Тщетно мы искали это оружие, и нашли его только через четыре года, когда водопроводчик, посланный ремонтировать крышу церкви, обнаружил его торчащим в проводах. Значит, он сначала преодолел такое огромное расстояние, затем прорезал листву липы и, наконец, имел достаточно силы, чтобы вонзиться в свинцовую крышу церкви. Бумеранг упал вниз, наполовину развалившись и вырвавшись из своей правильной формы от удара.

Если читатель захочет узнать, как используется это оружие, ему стоит посмотреть, как его бросает туземец. Поза человека, бросающего бумеранг, необычайно грациозна. Держа в левой руке три или четыре предмета, правой он выхватывает один наугад, в то время как его взгляд прикован к объекту, который он хочет поразить, или к месту, куда должно попасть оружие. Побалансировав мгновение в руке с бумерангом, он вдруг делает шаг или два вперед и быстрым, резким, почти гневным ударом запускает оружие в воздух.

Если он захочет вернуть бумеранг обратно, у него есть два способа броска. В первом случае он подбрасывает его высоко в воздух, где тот взлетает на огромную высоту, кружась при этом со смелым, энергичным взмахом, который напоминает наблюдателю грандиозный полет орла или канюка. Он летит дальше, пока не достигнет места позади метателя, когда вся жизнь, кажется, внезапно угасает в нем; он рушится, так сказать, как птица, подстреленная на крыло, переворачивается и падает на землю.

Есть и другой способ метания возвращающегося бумеранга, еще более примечательный. Метатель, вместо того чтобы целиться высоко в воздух, намечает на земле точку примерно в тридцати или сорока ярдах и бросает в нее бумеранг. Оружие ударяется о землю и, вместо того чтобы разбиться вдребезги, как можно было бы предположить по силе удара, поднимается с земли, подобно Антею, как будто обретая новые силы от соприкосновения с землей. Он взлетает вверх, как будто его выстрелили из катапульты, и, заняв сравнительно небольшую высоту, совершает самые любопытные эволюции, вращаясь так быстро, что выглядит как полупрозрачный диск с непрозрачным центром, и направляя свой курс в неустойчивой манере, что очень настораживает тех, кто к этому не привык. Я видел, как он совершал все свои маневры в семи-восьми футах от земли, шипел в воздухе со странным

угрожающим звуком, а когда наконец опускался на землю, прыгал по ней, словно живое существо.

Теперь мы рассмотрим различные формы бумерангов, как показано на иллюстрации на 731-й странице. Некоторые образцы взяты из Британского музея, некоторые - из коллекции полковника Лейна Фокса, некоторые - из моей собственной, а остальные нарисованы мистером Ангасом с образцов, полученных в стране. Я собрал их вместе, чтобы читатель мог увидеть, как бумеранг постепенно модифицировался из булавы.

На рис. 4 изображена короткая заостренная палка, которая может служить либо миниатюрной дубинкой, либо кинжалом, либо инструментом для подъема на деревья. Чуть ниже находится булава или вадди с округлой головкой, а на рис. 6 головка развита в острие и довольно уплощена. Если читатель обратится к рис. 6 и 7, то увидит две булавы, которые примечательны тем, что у них не только набалдашник, но и вся рукоять уплощена, а изгиб головки продлен до рукояти.

Переход от этой булавы к бумерангу достаточно прост, и, действительно, у нас есть пример (рис. 1) оружия, которое выглядит как обычный бумеранг, но на самом деле является булавой и используется для рукопашного боя.

Эти рисунки довольно четко показывают прогрессивную структуру бумеранга. Сплюснутые булавы, вероятно, были сделаны из-за необходимости: туземец не смог найти подходящий кусок дерева и взял лучшее, что смог достать. Если бы одну из таких булав в нужный момент метнули в какой-нибудь объект, то превосходство, которое придавала ей эта плоскость как снаряду, было бы очевидным, как и изогнутый курс, по которому она летела по воздуху. Туземец, всегда быстро подмечающий все, что может увеличить силу его оружия, непременно заметит эту последнюю особенность и поймет, к чему ее можно применить. Поэтому он пробовал различные формы приплюснутых снарядов, пока, наконец, не дошел до настоящего бумеранга.

Самое странное в бумеранге то, что его изгиб не является равномерным, и, по сути, едва ли найдется два экземпляра с точно таким же изгибом. У одних кривая настолько резкая, что почти заслуживает названия угла, пример которого см. на рис. 8; у других, как на рис. 9, кривая очень слабая; у третьих, как на рис. 2, есть тенденция к двойной кривой, и в Британском музее есть образец, на котором двойная кривая очень ярко выражена. Однако лучшей и типичной формой бумеранга является та, что показана на рис. 3. Представленный на нем экземпляр был сделан на берегу реки Дарлинг.

Туземцы могут делать с бумерангом практически все, что угодно, а круговой путь, который он проделывает, становится его самой полезной характеристикой. Многие охотники жалели, что не обладают бесценным оружием - ружьем, которое стреляет за угол, и именно такое оружие австралиец находит в своем бумеранге. Если, например, он увидит кенгуру в таком положении, что не сможет подойти на расстояние удара копьем, не показав себя и не встревожив животное, или скажет, что от прямой атаки его укрывает ствол дерева, он подкрадется как можно ближе, не потревожив животное, а затем бросит свой бумеранг так, чтобы он обогнул дерево и поразил животное, на которое нацелен.

То, что такая точность достигается с помощью столь любопытного оружия, кажется довольно удивительным, но те из моих читателей, кто привык играть в кегли, вспомнят огромную силу, которую дает им "перекос", или утяжеленная сторона кегли, и смелые изгибы, которые они могут заставить снаряд выполнить, когда хотят отправить кеглю вокруг ряда препятствий, которые стоят на ее пути. Бумеранг используется как своего рода аэральная чаша,

преимущество которой заключается в том, что опытный метатель может по своему усмотрению изменять угол наклона и заставлять оружие описывать практически любую кривую по своему усмотрению.

Говорят даже, что в случае возникновения препятствий, мешающих бумерангу обогнуть дерево, туземец способен бросить его так, чтобы он ударился о землю перед деревом, а затем, благодаря силе броска, перепрыгнул через верхушки ветвей и опустился на объект, в который он был брошен.

На странице 739 изображена сцена на реке Муррей, где туземцы нарисованы так, как они выглядят, когда ловят хохлатого баклана, который водится там в огромном количестве. Они ловят этих птиц различными способами, иногда забираясь ночью на деревья, на которых они гнездятся, и хватая их, получая, кстати, сильные укусы на голых конечностях и теле. Кроме того, они очень изобретательно сажают палки на дно реки, чтобы они выступали над поверхностью и служили удобными местами отдыха для птиц. Уставшие от ныряния бакланы непременно садятся на них, а когда они дремлют, переваривая рыбную пищу, туземец осторожно подплывает, внезапно ловит их за крылья и утаскивает под воду. При этом он всегда сразу же ломает птице шею.

Они настолько искусны в воде, что когда пеликаны, ничего не подозревая, плавают на поверхности, туземцы бесшумно приближаются, ныряют под них, хватают птиц за ноги, рывком утаскивают их под воду и ломают крылья и ноги так быстро, что у несчастных птиц не остается шансов на спасение.

Иногда, как показано на рисунке, туземцы используют свои бумеранги и дубинки, сбивают птиц с веток, на которых они сидят, и забирают их, пока те еще не оправились от оглушающего удара оружия. При приближении к бакланам и другим водным птицам у туземцев есть весьма изобретательный план маскировки. Он собирает пучок сорняков, повязывает его на голову и бесшумно опускается в воду, держа все тело погруженным и позволяя видеть только искусственный покров. Птица, привыкшая видеть плавающие по воде пучки сорняков, не обращает внимания на столь знакомый предмет и тем самым позволяет замаскированному человеку приблизиться к ней на расстояние легкой досягаемости.

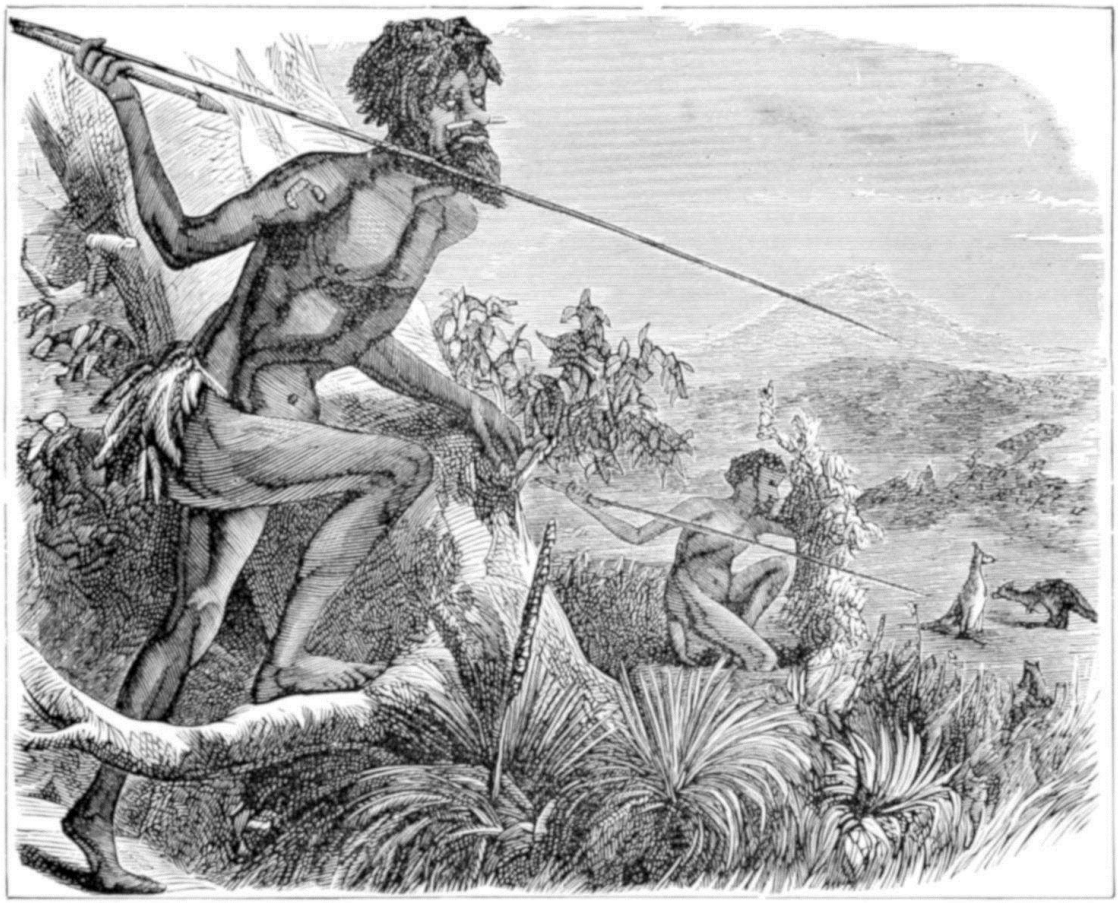
Вернемся к бумерангу. Читатель, вероятно, догадывается, что изготовление столь замечательного орудия - дело непростое. Различные точки, составляющие совершенство бумеранга, настолько легки, что вряд ли найдется европеец, способный их разглядеть, тем более что форма, размер и вес оружия сильно отличаются в зависимости от местности, в которой оно было изготовлено. Туземец, занятый изготовлением бумеранга, часто проводит над ним много дней, не только из-за очень несовершенных инструментов, которыми он владеет, но и из-за той тщательности, которая требуется при изготовлении хорошего оружия.

День за днем его можно видеть с бумерангом в руке, он медленно и осторожно работает над ним, становясь все более и более внимательным по мере приближения к завершению. Когда он выровнял кривую и почти сплющил ее до нужной толщины, он едва ли сделает три или четыре удара, не уравновесив оружие в руке, внимательно оглядывая края и делая движения, как будто собирается бросить его. Последние несколько щепок, кажется, оказывают удивительное влияние на силу оружия, и к ним туземец относится с особой щепетильностью.

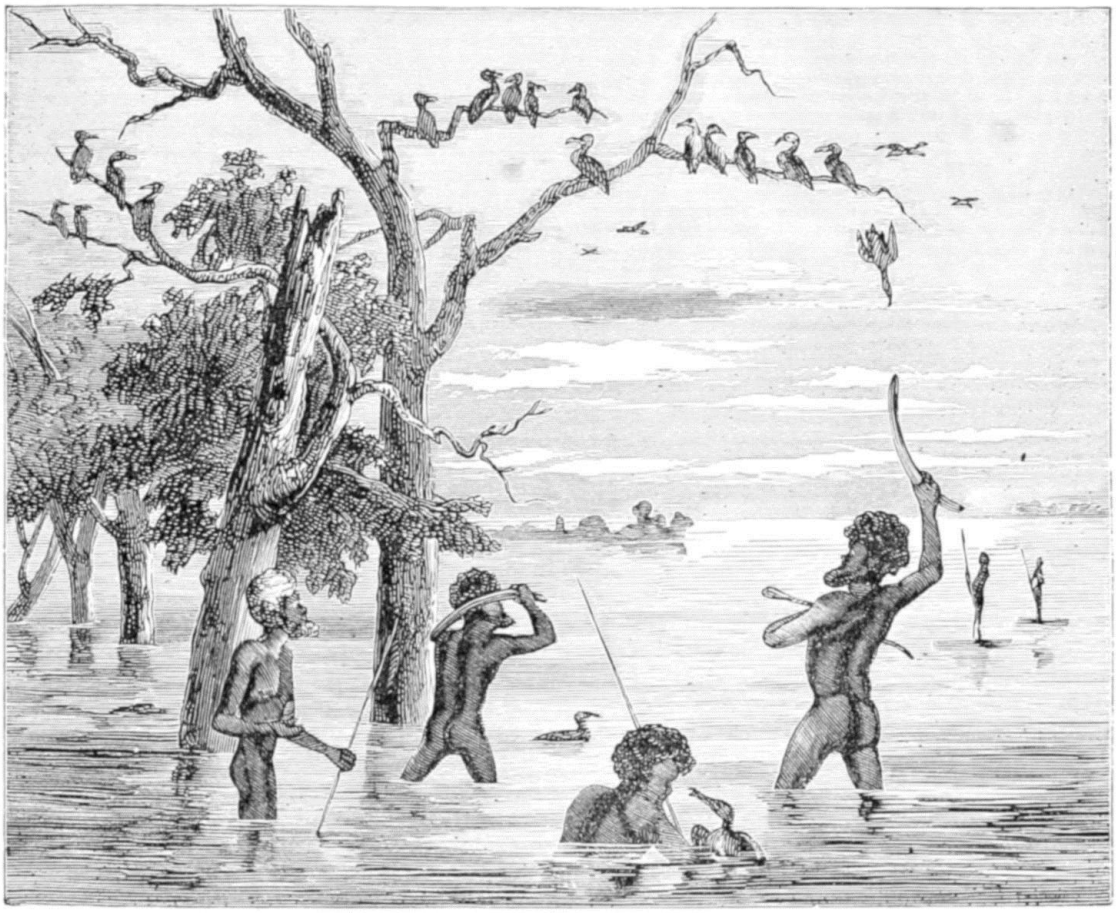
Однако при всей этой тщательности оружие получается очень грубым, и следы от кремневого топора остаются даже без попытки их сгладить. У хорошо использованного бумеранга выступающие края канавок, сделанных различными надрезами и сколами,

становятся совершенно полированными от трения, а утопленная часть остается шероховатой. В одном прекрасном экземпляре, находящемся в моем распоряжении, производитель использовал эти канавки в своих интересах. Помимо маркировки конца рукояти путем нанесения на нее крестообразных насечек, как уже было описано, он заполнил канавки красной охрой, которую так любят австралийцы, и на протяжении примерно восьми дюймов остатки красной краски видны почти в каждой канавке.

Изготовление бумеранга - настолько тонкая операция, что некоторые люди, пусть и туземцы, не могут сделать действительно хорошее оружие, в то время как другие славятся своим мастерством и могут избавиться от своего оружия так же быстро, как и делают его. Один из туземных "королей" был известным мастером по изготовлению бумерангов, и его оружие было широко распространено среди туземцев, которые знали его работу, как художник знает прикосновение знаменитого живописца. Этому мастерству и сравнительному богатству, которое оно ему приносило, король был обязан основной частью своей власти.



(1.) КОПЬЕ КЕНГУРУ.
(См. стр. 734.)



(2.) ЛОВИТЬ БАКЛАНА.
(См. с. 738.)

Достаточное представление о размерах и весе бумеранга можно получить по измерениям только что упомянутого оружия. Его длина составляет два фута девять дюймов при измерении кривой, и два фута шесть дюймов от кончика до кончика. Ширина составляет ровно два дюйма, сужаясь только на кончиках, а вес - ровно одиннадцать унций. Это, кстати, военный бумеранг, и по форме он похож на тот, что изображен в разделе "Бумеранги" на странице 731, рис. 3. Другой экземпляр, примерно такого же веса, имеет форму, как на рис. 8. Его длина составляет два фута пять дюймов по изгибу, два фута один дюйм от кончика до кончика, а ширина - три дюйма в середине, постепенно уменьшаясь к кончикам.

Для того чтобы отбиваться от этих разнообразных снарядов, туземцы вооружены щитом, который очень сильно различается по форме и размерам, а в некоторых местах настолько не похож на щит и явно не подходит для защиты тела, что когда незнакомцы приходят посмотреть мою коллекцию, мне часто бывает очень трудно убедить их в том, что такие странные на вид предметы могут быть щитами. Поскольку щиты отличаются большим разнообразием, я собрал несколько примеров, которые, как мне кажется, отражают все формы щитов, используемых в Австралии. Два из них взяты из моей собственной коллекции, несколько - из коллекции полковника Лейна Фокса, другие взяты из образцов, хранящихся в Британском музее, а остальные были зарисованы мистером Ангасом во время его путешествий по Австралии.

В целом щит очень массивный и тяжелый, в некоторых случаях он больше похож на дубину, которой можно сбить человека с ног, чем на щит, которым можно спастись от удара, а некоторые из них имеют острые края, как будто для нанесения увечий.

Если читатель посмотрит на ряд щитов на странице 742, он увидит, что на рис. 2 и 3 представлены два вида одного и того же щита. Это одна из самых распространенных форм оружия, которое встречается на значительной части территории Западной Австралии. Он вырезан из цельного куска вечно полезного эвкалиптового дерева и, как следствие, очень твердый и тяжелый. Как видно из иллюстрации, форма щита несколько треугольная: лицевая сторона, образующая переднюю часть оружия, слегка закруглена, а рукоять образована путем прорезания края, на котором сходятся две другие стороны. Рукоятка очень маленькая, ею вряд ли мог бы пользоваться обычный европеец, хотя она достаточно широка для маленькой и нежной руки австралийского аборигена. У меня самого рука небольшая, но все же слишком большая, чтобы удобно держать австралийский щит.

Читатель увидит, что при таком способе формирования рукояти запястье имеет большую свободу действий и может поворачивать щит из стороны в сторону при малейшем движении руки. Этот прием очень полезен, особенно когда инструмент используется для защиты от копья или дубины - оружия, которое нужно просто отвести в сторону, чтобы направить его в сторону от тела.

Один из таких щитов, хранящихся в моей коллекции, является прекрасным образцом этого инструмента, и его размеры помогут читателю сориентироваться в обычной форме, размере и весе австралийского щита. Его длина составляет ровно два фута семь дюймов, а ширина - пять дюймов в середине, то есть в самой широкой части. Ширина отверстия, в которое просовывается рука, составляет три дюйма и три восьмых, а вес щита - более трех фунтов.

Такой большой вес щита необходим для того, чтобы он мог выдержать удар бумеранга, силу которого можно оценить по его весу, одиннадцать унций, умноженному на силу, с которой он бросается. Это страшное оружие нельзя просто отвести в сторону, как копье или вадди, и часто кажется, что оно получает дополнительный импульс от удара о какой-либо предмет, в чем читатель может убедиться, обратившись к странице 737, где описан способ метания бумеранга. Бумеранг необходимо остановить, а не просто парировать, более того, если его не остановить должным образом, он закручивается вокруг щита и одним из своих вращающихся концов наносит рану неосторожному воину.

Даже если его встретить щитом и остановить, он может сломаться, а две половинки сойдутся на теле. Сами фрагменты бумеранга, кажется, способны нанести почти такие же повреждения, как и все оружие; в одной из стычек, к которым так пристрастились туземцы, видели человека, упавшего на землю с телом, полностью рассеченным сломанным бумерангом.

Поэтому именно в отбивании бумеранга проявляется главное мастерство австралийца. Когда он видит, что оружие движется по курсу, который приведет его к нему, он делает шаг вперед, чтобы встретить его; и, когда бумеранг ударяется о щит, он дает последнему быстрый поворот запястьем. Если этот маневр выполнен правильно, бумеранг разлетается на куски, а осколки отбиваются движением щита.

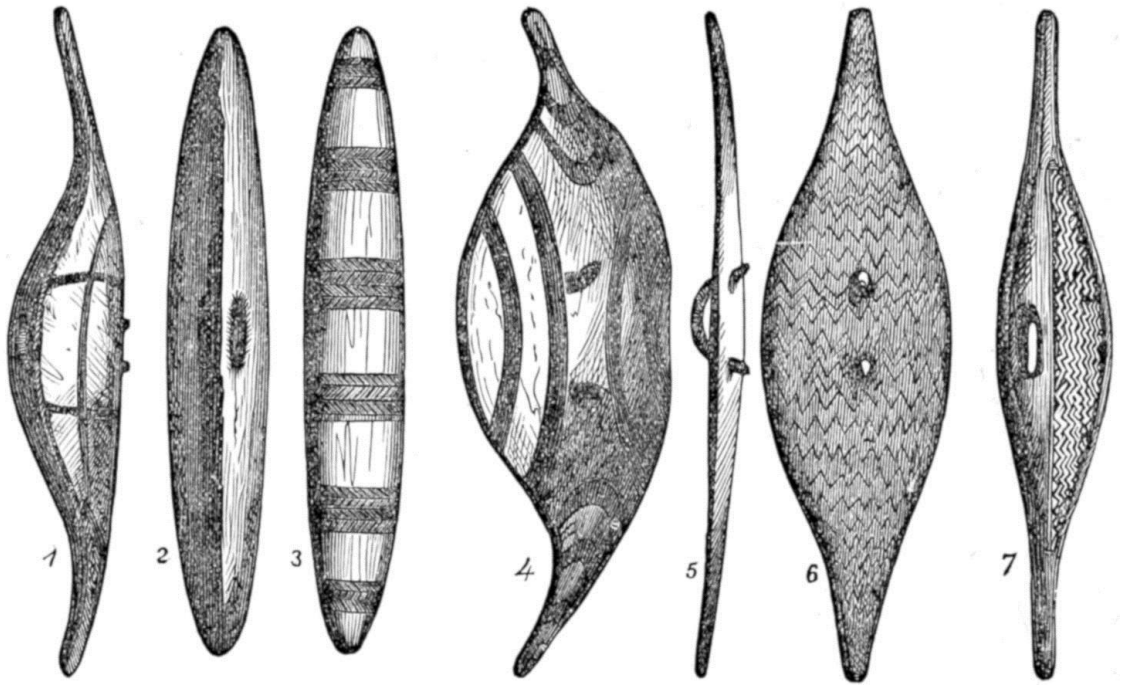
Возможно, кто-то из моих читателей помнит, что "Дик-а-Дик", очень популярный представитель австралийских крикетистов, приехавший в Англию в 1868 году, среди прочих демонстраций своей быстроты глаза и руки, позволял забрасывать себя крикетными мячами на расстоянии пятнадцати ярдов, не имея ничего, чтобы защитить себя, кроме щита и

леовала, или угловатой булавы, причем первый использовался для защиты тела, а второй - для защиты ног. Сила и точность, с которой опытный игрок в крикет может бросить мяч, знакомы всем англичанам, и было действительно удивительно видеть, как человек без одежды, но в облегающем эластичном платье, с куском дерева шириной в пять дюймов в левой руке и булавой в правой, спокойно выдерживал дождь крикетных мячей, сколько кому вздумается, и выходил из этого испытания невредимым.

Не менее удивительным в этом выступлении было хладнокровие, с которым он относился ко всему происходящему, и почти инстинктивное знание, которым он, казалось, обладал в отношении точного назначения каждого мяча. Если мяч летел прямо в его тело или голову, его встречал и блокировал щит; если он летел в ноги, клюшка отбивала его в сторону. Что же касается тех, которые точно не попадали в него, то он относился к ним с презрительным равнодушием, лишь слегка сдвигая голову на одну сторону, чтобы пропустить мяч, который, пролетая мимо, совершенно взъерошил ему волосы, или поднимая руку, чтобы мяч прошел между конечностью и телом, или, если мяч был направлен в дюйме от него, вообще не обращая на него внимания. Щит, который он использовал с таким мастерством, был того же типа, что и только что описанный, и, вероятно, был выбран потому, что его вес позволял блокировать мячи без того, чтобы рука, державшая его, чувствовала удар.

Судя по всему, туземцы тратят гораздо больше труда на изготовление щита, чем на бумеранг, однако истинная причина заключается в том, что большое количество украшений может повредить бумеранг, но не может оказать вредного воздействия на щит. Обратившись к иллюстрации, читатель увидит, что лицевая сторона щита покрыта орнаментом, который, будучи простым в принципе, тщательно проработан в деталях.

В моей коллекции есть экземпляр, который очень сильно орнаментирован на лицевой стороне, а боковые стороны и рукоятка совершенно просты. На нем имеется ряд линий, проведенных в поперечном направлении в виде полос, которых, однако, семь, а не пять. Каждая полоса состоит из трех зигзагообразных канавок, каждая из которых заполнена красной охрой. Пространство между ними заполнено двойным зигзагообразным узором, и эффект от всех этих линий, как ни просты они, совершенно художественный и последовательный.



ШИЛДС.

Этот узор, кстати, характерен для всех диких рас людей, где бы они ни встречались, и его можно увидеть на оружии, изготовленном древними расами, давно ушедшими в прошлое, среди племен кафиров Южной Африки, племен каннибалов Центральной Западной Африки, жителей различных островов Полинезии, дикарей крайнего севера и крайнего юга Америки и аборигенов большого континента Австралии.

На рис. 7 прилагаемой иллюстрации показан щит из цельного дерева, в котором треугольная форма очень любопытным образом переросла в четырехугольную. Рукоятка сделана так же, как и у прежнего щита, *то есть* путем прорезания двух граней треугольника, а передняя часть щита, вместо того чтобы быть довольно круглой, сплющена в острый край. Вряд ли можно представить себе какой-либо инструмент, менее похожий на щит, чем это любопытное оружие, которое, похоже, было сделано с явной целью представить врагу как можно меньшую поверхность.

Однако дело в том, что южноавстралийцу, использующему эти щиты, не нужно защищаться от стрел, от которых человек может защититься, только спрятав свое тело за укрытием, которое от них защищает: ему нужно защищаться только от копья и бумеранга, а иногда ракетной дубины, и все это оружие он может отклонить узким щитом, который был описан.

Один из таких щитов в моей коллекции имеет длину два фута семь дюймов, ширину - более шести дюймов, а толщину в середине - едва ли три дюйма. Его вес составляет всего два фунта. Такое оружие больше похоже на дубину, чем на щит, и, действительно, если держать его за один конец, его острый край можно было бы с большим эффектом использовать для удара по голове противника. Как и большинство австралийских щитов, он покрыт узором того же характера, что и уже упоминавшийся, и так тщательно выкрашен охрой, что приобрел цвет красноватого красного дерева, а настоящий оттенок древесины можно увидеть, только соскоблив часть окрашенной поверхности. Такой щит называется тамаранг, и он часто используется в танцах, во время которых по нему через равные промежутки времени ударяют палочкой.

В Британском музее хранится щит, который гораздо прочнее всех описанных. Изготовитель, очевидно, счел труд по раскалыванию дерева слишком тяжелым для себя, и, соответственно, использовал огонь, формируя свой щит путем попеременного обугливания и скобления. Рукоятка довольно любопытно сделана путем вырезания двух глубоких отверстий рядом в задней части щита, а кусок дерева между ними был закруглен в рукоятку. Как и в случае с большинством щитов, рукоять очень маленькая. Лицевая сторона щита гораздо шире, чем у всех предыдущих, и слегка закруглена. Она украшена резными бороздками, но грубое использование стерло большинство из них, и в целом орудие представляет собой грубое и неприглядное изделие, какое только можно себе представить, несмотря на труд, который был затрачен на его изготовление.

Теперь мы переходим к другому классу щитов, изготовленных из коры и носящих название мулабакка. Щиты вообще называются именем Хилеман. Некоторые из этих берестяных щитов имеют значительные размеры и настолько широки в середине, что, когда владелец приседает за ними, они защищают большую часть его тела. Поскольку сравнительно тонкий материал, из которого они состоят, не позволяет сделать рукоятку путем вырезания в самом щите, туземцам приходится делать рукоятку отдельно и прикреплять ее к щиту различными способами.

Самый распространенный способ крепления рукояти к щиту мулабакка показан на рис. 4 и 5 на стр. 742, где показаны фронтальный и профильный виды одного и того же щита. Другой мулабакка показан на рис. 6. Лицевые стороны всех щитов Мулабакка покрыты орнаментом, в основном по обычному зигзагообразному принципу, но некоторые имеют узор, в котором главным элементом являются кривые.

ГЛАВА LXXIII.
АВСТРАЛИЯ-Продолжение.

НАСТОЯЩАЯ ВОЙНА, НЕИЗВЕСТНАЯ АВСТРАЛИЙЦАМ - ВРАЖДА И ЕЕ ПРИЧИНЫ - ДИКИЙ ТУРНИР - МЕСТЬ ЗА СМЕРТЬ - ТРОФЕЙ ПОБЕДЫ - АВСТРАЛИЙСКАЯ ВЕНДЕТТА - ОГНЕННЫЕСИГНАЛЫ - СМЕРТЬ ТАРМИНИИ - ИСПЫТАНИЕ БОЕМ - КАННИБАЛИЗМ КАК ДОПОЛНЕНИЕ К ВОЙНЕ - ТАНЦЫ АБОРИГЕНОВ - ТАНЕЦ КУРИ И ЕГО СТРАННЫЕ АККОМПАНЕМЕНТЫ - ТАНЕЦ ПАЛТИ - ЗАВЕРШАЮЩАЯ ФИГУРА - ТАНЕЦ ПЛЕМЕНИ ПАРНКАЛЛА - ОБЫЧНЫЕ КОРРОББОРИ - ТАНЕЦ КЕНГУРУ - ТАСМАНСКИЙ ТАНЕЦ.

Упоминание об этих различных видах оружия, естественно, наводит нас на мысль о войне; а то, что они предназначены именно для этой цели, доказывает существование щитов. Наступательное оружие, такое как копье и дубина, может использоваться только для убийства дичи; щит же может применяться только для защиты тела от оружия противника.

Однако война, как мы понимаем это слово, неизвестна австралийцам. У них нет ни интеллекта, ни организации для этого, и поэтому мы имеем любопытный факт наличия опытных воинов, которые никогда не видели сражений. Ни одно племя не достаточно многочисленно, чтобы выступить на одной стороне в настоящем сражении; и даже если предположить, что оно обладает достаточной численностью, в нем нет духа дисциплины, с помощью которого можно было бы собрать, держать вместе или направлять силы, даже если бы они были собраны.

И все же, хотя настоящая война неизвестна, австралийские аборигены постоянно воюют, и почти каждое племя враждует со своим соседом. Причиной ссор у них почти всегда является обладание какой-либо территорией. По негласному соглашению различные племена обосновались в определенных районах, и, хотя они большие скитальцы, все же считают себя полноправными хозяевами своего района.

Однако чаще всего случается, что представители одного племени вторгаются в район другого, особенно если в нем водится много дичи. А иногда, когда племя отправляется в путешествие, другое племя поселяется в освободившемся районе, так что, когда законные владельцы земли возвращаются, обязательно возникает ссора. Дело обычно решается стычкой, которая имеет некоторое сходство с *поединком* древнего рыцарства и проводится по хорошо понятным правилам.

Обиженное племя посылает вызов обидчикам, при этом претендент имеет при себе пучок перьев эму, привязанный к навершию копья. На рассвете следующего утра воины готовятся к бою, раскрашивая свои тела в разные цвета, чтобы как можно больше походить на демонов и как можно меньше на людей, отбрасывая всю одежду и раскладывая свое оружие для боя.

Расположившись в боевом порядке на небольшом расстоянии друг от друга, противоположные стороны начинают поносить друг друга в совершенно гомерической манере, укоряя своих противников в трусости и неумении владеть оружием и хвастаясь великими делами, которые они собираются совершить. Когда, перемежая эти насмешки криками и воплями, танцуя с ноги на ногу, дрожа и острием копья и другими механическими способами возбуждая себя, они доводят себя до необходимого уровня ярости, они начинают метать копья, и бой становится общим. Как бы запутанно это ни выглядело, все же имеет определенный порядок. Каждый воин выбирает себе противника, так что бой, по сути, представляет собой серию поединков, а не битву, и все это имеет любопытное сходство с тем, как сражались в древние времена в Трое.

Как правило, бойцы стоят в довольно разрозненных рядах, или, как принято говорить, в широком перестрелочном порядке. Жесты, которыми они пытаются раздразнить своих противников, очень любопытны, а зачастую и гротескны; главная цель - побудить противника бросить первое копье. Иногда они стоят, широко расставив ноги и выпрямив колени, как показано на иллюстрациях к туземным танцам. Стоя так, они сообщают ногам своеобразное дрожащее движение и делают вид, что предлагают себя в качестве справедливого знака. Иногда они поворачиваются спиной к противнику и предлагают ему бросить в них мяч; или опускаются на руки и колени с той же целью.

Мистер М'Гилливрей заметил, что два копьеносца никогда не бросаются на одного и того же бойца: но даже при таком преимуществе мастерство воинов проверяется, и удивительно видеть, как, просто наклонив корпус, подняв ногу или руку, они избегают копья, которое в противном случае должно было бы их ранить. Пока идет бой, женщины и дети остаются в кустах, наблюдая за схваткой и издавая нечто вроде плаксивых песнопений, поднимающихся и опускающихся в регулярном каденции.

Иногда бой бывает очень кровавым, хотя общее правило таково: когда убит один человек, битва прекращается, и племя, к которому принадлежал погибший, считается побежденным. Можно подумать, что битва, ведущаяся по таким принципам, будет очень короткой; но австралийские воины так умело отбиваются от оружия своих противников, что часто сражаются довольно долго, прежде чем убить человека. Не стоит забывать и о том, что австралийские аборигены могут переносить, казалось бы, без особого вреда для себя, раны, которые сразу же убили бы европейца. В таких стычках, однако, проливается много крови,

даже если убит всего один человек, ведь колючие копья и остроконечные бумеранги наносят страшные раны и часто калечат раненого на всю жизнь.

По другим причинам, помимо борьбы за территорию, может возникнуть вражда между двумя племенами. Один из таких случаев очень любопытен. Женщину укусила змея, но, поскольку из раны не вытекала кровь, решили, что змея не ядовитая и опасности нет. Однако женщина умерла через несколько часов, и ее смерть послужила сигналом к отчаянной войне между двумя племенами. Казалось бы, между этими двумя событиями мало связи, но, согласно австралийским представлениям, вражда была вполне оправданной.

У аборигенов той части Австралии, где произошло это событие, есть любопытное представление о смерти. Если кто-то умирает без видимых причин, они считают, что причиной смерти является большая птица марралья, которая тайно прилетает к больному, хватает его за талию своими когтями и сжимает до смерти. Марралья - не настоящая птица, а магическая, это всегда человек, принадлежащий к враждебному племени, который принимает облик птицы и таким образом находит возможность нанести вред племени, с которым враждует. Решив, что змея, укусившая женщину, не ядовита, ее муж, конечно, не мог изменить своего мнения, и поэтому было решено, что один из представителей соседнего племени, с которым они враждовали, должен был превратиться в марралью и убить женщину. Следствием этого стал обычный вызов, а за ним последовала целая серия кровавых поединков.

Как и большинство диких народов, австралийцы калечат своих павших врагов. Однако вместо того, чтобы отрезать скальп или другой трофей, они вскрывают тело, вырывают жир около почек и натирают им свое тело. Этот обычай настолько распространен, что "брать жир" - распространенный парафраз для убийства врага; а когда два антагониста противостоят друг другу, каждый обязательно похвастается, что его антагонист обеспечит его жиром. Насколько можно узнать, у них есть идея, что такая практика наделяет победителя мужеством убитого в дополнение к его собственному; а поскольку репутация доблестного воина - единственное отличие, которого может добиться коренной австралиец, можно представить, что он очень хочет заручиться таким подспорьем для амбиций.

Не из умышленной жестокости, а из полного бездумья и пренебрежения к причинению боли, характерного для всех дикарей, воин-победитель не утруждает себя тем, чтобы дождаться смерти врага, прежде чем забрать свой странный военный трофей. Если человек окажется совсем без сил, австралийцу достаточно перевернуть его на спину, вскрыть тело уже описанным кварцевым ножом, вынуть желанный трофей и натирать им себя до тех пор, пока все тело и конечности не заблестят, как будто их отполировали. Нередко случалось так, что раненый человек подвергался подобной процедуре и был обречен видеть, как на его глазах украшается его победитель. Если не принимать во внимание все предыдущие травмы, такая рана неизбежно смертельна; однако известны случаи, когда человек жил более трех дней после ранения, настолько удивительно крепка австралийская конституция.

Иногда эта вражда распространяется очень широко и длится очень долго. До объявления войны враждующие племена воздерживаются от нападения друг на друга, но после объявления войны часто соблюдается величайшая секретность, и выше всего ценится тот воин, который сумеет убить своего врага, не подвергая себя опасности. Иногда в австралийцах прослеживается некое дикое рыцарство, смешанное с дикостью и отвращением. Замечательный случай проявления этих черт описывает мистер М'Гилливрей.

Один старик отправился в короткую экспедицию на своем каноэ, пока мужчины его племени занимались ловлей черепах. За ним наблюдала группа из враждебного племени, которая

последовала за ним и ударила его копьем. Оставив копья в теле, чтобы обозначить свою принадлежность, они вернулись на берег и развели большой костер в знак вызова. Увидев сигнал и зная, что столб густого дыма почти всегда означает вызов, мужчины оставили свою черепаху и, обнаружив, что старик пропал, начали его поиски. Как только они обнаружили тело, то зажгли еще один костер в знак принятия вызова, и в тот же вечер отправились в путь, чтобы нанести врагу ответный удар.

Вскоре они наткнулись на туземцев, принадлежавших к враждебному племени, но не участвовавших в убийстве, и им удалось убить всю партию, состоявшую из четырех мужчин, женщины и девочки. Они отрубили головы своим жертвам и вернулись с великим ликованием, крича и раздувая раковины конча, чтобы объявить о своей победе.

Головы затем готовили в печи, выковыривали глаза и съедали вместе со щеками. К этому ужасному пиршеству допускались только те, кто участвовал в войне. Когда все закончилось, победители начали танцы, в которых доводили себя до совершенного безумия, пиная черепа по земле и предаваясь всевозможным отвратительным выходкам. После этого черепа повесили на две поперечные палки рядом с лагерем и оставили их там без присмотра.

Огонь, кстати, очень часто используется для подачи сигналов, которые понятны на всем континенте. Большой костер, поднимающий вверх столб дыма, как уже говорилось, почти всегда является знаком неповиновения, и иногда его разжигают ежедневно, пока на него не ответят другим. Если человек хочет показать, что ему нужна помощь, он зажигает небольшой костер и, как только он выпустит небольшой столб дыма, внезапно гасит его, забрасывая землей. Так повторяется до тех пор, пока не придет необходимая помощь.

Несколько лет назад, когда характер и привычки туземцев не были известны так хорошо, как сейчас, многие поселенцы были убиты туземцами, просто благодаря их системе подачи сигналов огнем. Один или два туземца, как правило, старики или женщины, вызывая наименьшие подозрения и будучи совершенно безоружными, приближались к ферме или лагерю и слонялись там несколько дней, выпрашивая еду и готовя ее на собственных маленьких кострах.

Белые люди не подозревали, что каждый зажженный костер - это сигнал, который прекрасно понимают вооруженные люди, скрывающиеся под покровом леса, и что небольшие клубы дыма, которые время от времени появлялись вдали, были ответом на сигналы их вероломных гостей. Когда шпионы решили, что их хозяева убаюканы безопасностью, они подали боевой сигнал и обрушили на ничего не подозревающих белых всю свою силу.

Австралийцы - удивительно ловкие актеры. О том, как хорошо они умеют изображать честность и практиковать воровство, уже говорилось. Кроме того, они умеют казаться безоружными, но при этом иметь оружие наготове. Они выходят из кустарника с зелеными ветками в руках в знак мира, продвигаются на некоторое расстояние и демонстративно бросают копья и другое оружие. Затем они снова идут вперед, внешне безоружные, но каждый из них ведет копье по земле пальцами ног. Как только они оказываются на расстоянии удара копьем, они подхватывают свое оружие пальцами ног, которые почти так же гибки и полезны, как пальцы, бросают его, а затем отступают к тому месту, где приземлили свое оружие.

Австралийцы обладают цепкой памятью на раны и никогда не упускают случая отомстить. В 1849 году несколько человек из племени бадулега провели два месяца в дружеском визите к аборигенам Муралуга. Один из их хозяев женился на женщине из племени италега, и двое из братьев остались с ней. Бадулеги вспомнили, что за несколько лет до этого один из их

племени был оскорблен италегой. Поэтому они убили женщину и попытались убить ее братьев, но им удалось убить только одного из них. Они сразу же отправились к себе домой, взяв головы в качестве доказательства своей победы, и думали, что совершили великий и достойный похвалы поступок.

Похожий случай произошел среди некоторых племен Порт-Эссингтона. Уроженец Монобара был схвачен за воровство и заключен в тюрьму. Он попытался бежать, и при этом был застрелен часовым, стоявшим на посту. По закону его семья должна была отомстить белому человеку, но они не решились на такой шаг, а выбрали туземца, который был в хороших отношениях с белым человеком, и убили *его*. Друзья убитого тут же ответили убийством монобарца, и так вражда продолжалась. В каждом случае жертву убивали во время сна, несколько туземцев спокойно окружали и, пронзив его копьем, избивали своими палками в бесформенную массу.

Если причиной вражды становится необъяснимая смерть мужчины или женщины, то обязанность мести возлагается на самого грозного мужчину-воина семьи. В таких случаях он торжественно принимает этот пост, украшает себя красной боевой раскраской, выбирает лучшее оружие и публично обещает не возвращаться, пока не убьет мужчину из враждебного племени. Насколько упорно австралиец будет следовать своей кровавой цели, можно понять из анекдота, рассказанного мистером Ллойдом.

Однажды ночью он был разбужен яростным лаем своих собак. Взяв фонарь, он обнаружил лежащего на земле старого негра по имени Тармениа, покрытого ранами, нанесенными копьями, бумерангами и пыжами. Он рассказал свою историю на странном ломаном английском, на котором говорят туземцы. Суть истории сводилась к тому, что они с сыном жили в хижине, и сын отправился ловить птицу для отца, который был болен. Вскоре в хижину вошел "бунгилкарни-кули", *то есть* враг из другого племени, и потребовал: "Почему твой сын убил мою жену? Я убью его отца". После этого он вогнал копье в бок старика и стал избивать его до смерти, когда его потревожило возвращение сына. Молодой человек, необычайно сильный туземец, зная, что его отца непременно убьют, если он останется в хижине, пронес его более четырех миль до дома мистера Ллойда, положил его во дворе и оставил.

Рядом с домом сразу же построили хижину, в которой поселили Тармениа и ухаживали за ним. Он был очень благодарен, но на душе у него было неспокойно, и он просил, чтобы констебль во время своего ночного обхода заходил к нему в хижину, "потому что тот же бангилкарнийский крутой снова кончает, и на этот раз слишком сильно убивает его Тармениа". Тревога старика казалась довольно абсурдной, учитывая расположение хижины, но она была полностью оправдана. Примерно через три недели после того, как Тармениа был помещен в хижину, мистера Ллойда на рассвете разбудил слуга, сообщивший, что старый негр сгорел до смерти. Он, конечно, был мертв, и при осмотре тела были обнаружены две свежие раны: одна - от копья прямо над сердцем, а другая - глубокий разрез на пояснице, через который "бунгилкарни" разорвал военный трофей.

Иногда человеку, преступившему какой-либо туземный закон, приходится вести своего рода имитацию войны, но без преимущества иметь оружие. Мистер Ллойд приводит любопытный пример такого испытания.

"Единственный случай, когда я был свидетелем телесного наказания - очевидно, тоже по закону - был совершен над прекрасным стройным молодым негром, который, закончив утреннюю трапезу, с достоинством поднялся и, сбросив с плеч коврик, с могиканским стоицизмом проследовал к назначенному месту, лишенный щита, палки или других средств

защиты. Заняв свое место, он не произнес ни слова, не пошевелил ни одним мускулом своего изящного и хорошо сложенного лица, а со сложенными руками и вызывающей позой ожидал рокового испытания.

"Прошло всего несколько минут, когда двое одинаково проворных дикарей, каждый из которых был вооружен двумя копьями и бумерангом, величественной походкой приблизились к преступнику на расстояние шестидесяти ярдов. В жертву дикаря бросали одно оружие за другим с очевидной смертельной точностью, но его быстрый глаз и удивительная активность заставили их всех уклониться, за исключением последнего броска бумеранга, который, приняв необычное направление, отрезал от лопатки кусок плоти размером с коронку, как будто срезанный бритвой, и тем самым завершил дело".

lex talionis является частью австралийского традиционного права и иногда применяется в довольно смешных случаях. Молодой человек совершил какой-то легкий проступок и был жестоко избит двумя туземцами, которые сломали ему руку дубиной и раскроили голову рыбацким копьем. Произошло значительное замешательство, и в конце концов старейшины решили, что наказание намного превышает проступок, и, когда раненый поправится, двое нападавших должны предложить ему свои головы, чтобы он нанес им определенное количество ударов своей палкой".

В описании межплеменной вражды упоминалось, что мужчины, помогавшие убивать жертв возмездия, съедали глаза и щеки убитого. Это заставляет нас рассмотреть вопрос о каннибализме, поскольку одни путешественники утверждают, что австралийцы - каннибалы, а другие столь же решительно отрицают такую склонность.

То, что австралийцы едят человеческую плоть, - неоспоримый факт, но следует заметить, что этот акт часто имеет церемониальный характер, а не просто служит средством утоления голода или удовлетворения вкуса. Было установлено, что некоторые племена, живущие вдоль реки Муррей, убивали и ели детей, смешивая их плоть с плотью собаки. Однако это происходит только в периоды большой скудости; а то, что это событие было исключительным, а не обычным, видно из того факта, что один человек был отмечен как убивший своих детей ради еды. Понятно, что если бы каннибализм был обычаем, то такой человек не был бы достаточно заметным, чтобы о нем специально упоминать. У этих племен есть ужасный обычай убивать маленьких мальчиков ради их жира, которым они приманивают рыболовные крючки.

Другой пример каннибализма, описанный г-ном Ангасом, произошел в Новом Южном Уэльсе. Умер парень, и его тело забрали несколько молодых людей, которые приступили к следующим примечательным церемониям. Сначала они сняли кожу вместе с головой, свернули ее вокруг кола и высушили на огне. Пока это делалось, родители, издававшие громкие причитания, сняли мякоть с ног, приготовили и съели ее. Оставшаяся часть тела распределялась между друзьями умершего, которые уносили свои порции на остриях копий, а кожа и кости оставались у родителей и всегда носили с собой в кошельках.

Может показаться странным, что упоминание об оружии и способах ведения боя естественным образом приводит нас к танцам австралийцев. Однако так оно и есть, ведь в большинстве танцев австралийцев присутствует то или иное оружие. Первый из них - танец Кури, который был описан г-ну Ангасу другом, часто видевшим его, и проиллюстрирован на следующей странице. Этот танец исполняют коренные жители района Аделаиды. Похоже, что у него есть одна общая черта с европейским котильоном, а именно то, что его можно варьировать, укорачивать или удлинять в зависимости от каприза игроков; так что если

зритель увидит танец Кури в исполнении шести или семи раз, он никогда не увидит, чтобы движения повторялись в одном и том же порядке. В следующем отрывке описывается один танец Кури, и из него читатель может составить свое впечатление о его общем характере: -

"Но сначала необходимо представить и особенно описать действующих лиц. Исполнители были разделены на пять отдельных классов, большинство из которых составляли около двадцати пяти молодых людей, включая пять или шесть мальчиков, раскрашенных и украшенных следующим образом: в наготе, за исключением *юдны*, которая была сделана специально для этого случая, с пучками листьев жвачки, обвязанными вокруг ног чуть выше колена, которые, когда они топтались, издавали громкий переключающийся шум. В руках они держали *катту* или *вирри*, а некоторые - несколько листьев жвачки. Первые держали на расстоянии вытянутой руки и поочередно ударяли по ним ногами. Они были раскрашены, от плеч до бедер, пятью или шестью белыми полосами, поднимающимися от груди; их лица также были испещрены белыми перпендикулярными линиями, что придавало им самый отвратительный вид. Это были танцовщицы.

"Далее следовали две группы женщин, числом около пяти или шести, стоявших справа и слева от танцоров и выполнявших лишь роль запасных; они не были раскрашены, но держали в руках листья, которыми трясли, и во время всего представления отбивали такт ногами, но ни разу не двинулись с места.

"Далее следовали два замечательных персонажа, раскрашенные и украшенные так же, как и танцоры, но с добавлением *палиертатты* - необычного украшения из двух кусков палки, положенных крест-накрест и скрепленных *мангной*, в расправленном виде, имеющей на концах раскрытые перья, чтобы выгодно его подчеркнуть. Один из них держал палку *палиертатта* боком на голове, а другой, подобно волшебнику, продолжал размахивать ею перед собой, сообразуясь с движениями головы и ног.

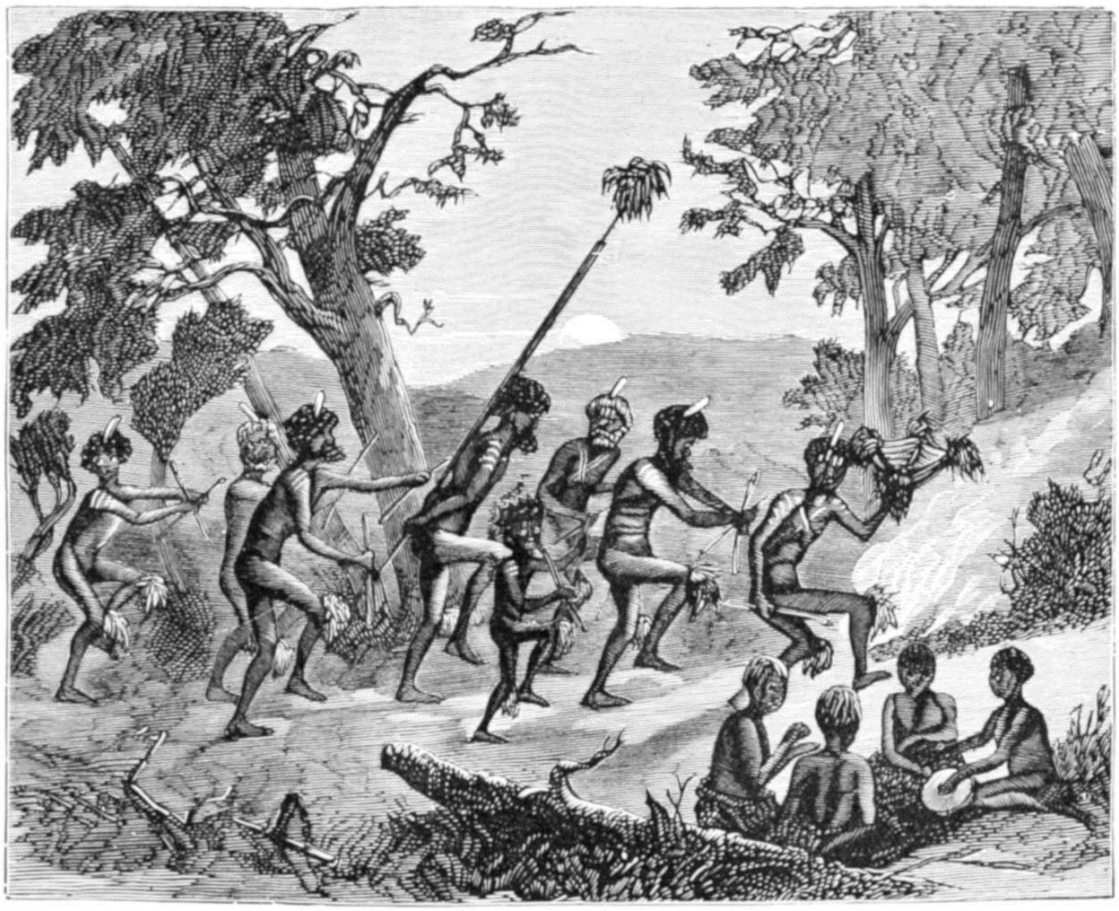
"Далее следовал исполнитель, отличавшийся длинным копьем, с навершия которого свисал пучок перьев, а по всему копью была намотана мангна; он держал *koonteroo* (копье и перья) обеими руками за спиной, но время от времени менял положение и размахивал им направо и налево над танцующими. И последними выступали певцы - двое пожилых мужчин в своих обычных одеяниях; их музыкальными инструментами были *катта* и *вирри*, на которых они умудрялись выбивать двойную ноту; их песня состояла из одного нестройного, гортанного тона.

"Ночь была мягкой; новая луна светила слабым светом, отбрасывая на землю глубокую тень, которая придавала мрачный вид окружающей сцене, что очень усиливало эффект приближающегося спектакля. Вдали, под эвкалиптовыми деревьями, виднелась черная масса, из которой время от времени доносились крики и вспышки пламени. Это были артисты, переодевающиеся для танца, и никто не приближался к ним, пока они были заняты.

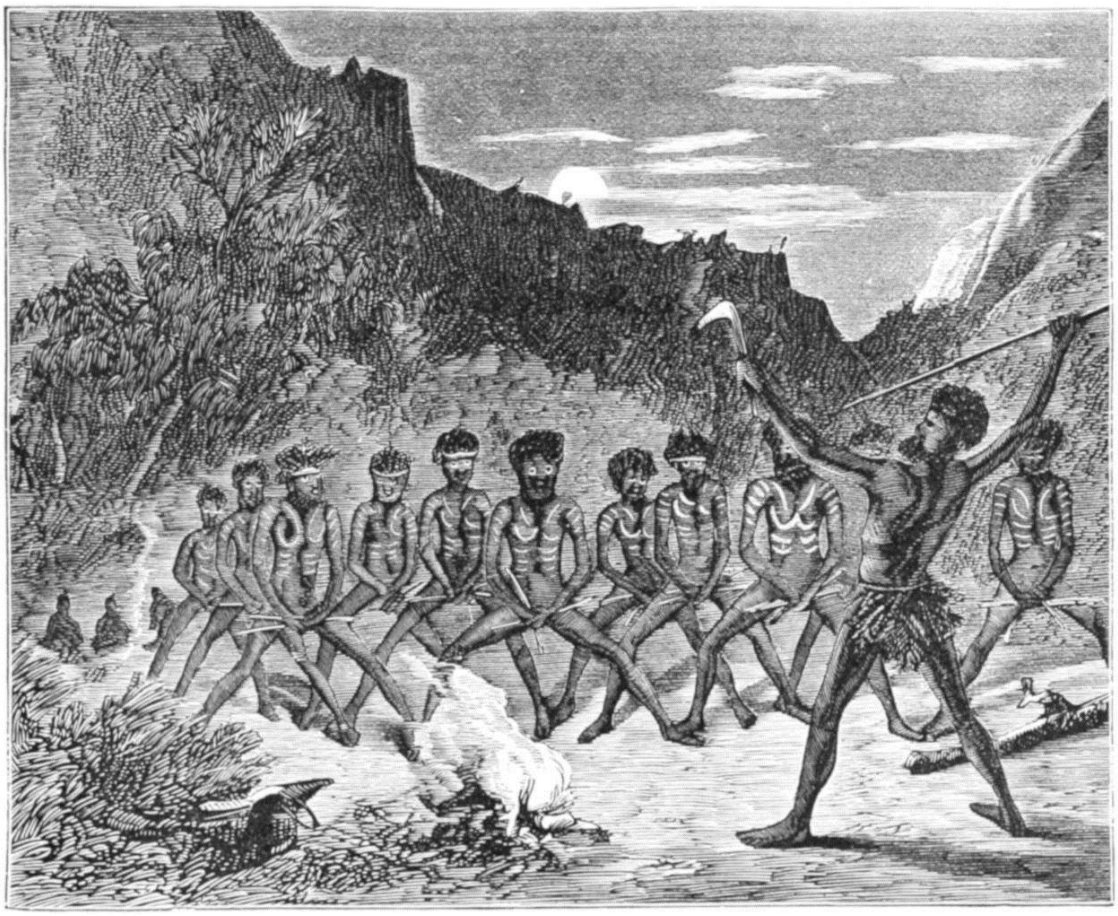
"Двое мужчин, плотно закутанных в шкуры опоссумов, бесшумно подошли к одному из *вурли*, где должен был исполняться кури, и начали расчищать место для певцов; сделав это, они вернулись к певцам, но вскоре вернулись, сели и начали играть особую резкую и монотонную мелодию, сопровождая ритм *каттой* и *вирри*, стуча ими друг о друга. Все туземцы разных *вурли* собрались вокруг певцов и уселись в форме лошадиной подковы, в два-три ряда.

"К этому времени танцоры компактным телом подошли на небольшое расстояние к зрителям; постояв несколько минут в полной тишине, они ответили певцам единым глубоким криком одновременно: Дважды это было сделано, а затем человек с *кунтеру* вышел, наклонившись

вперед, и начал регулярно отбивать такт; двое мужчин с *палиртаттами* последовали за ними, отбивая такт с большой регулярностью, остальные присоединились к ним: регулярный и чередующийся такт, взмахи *палиртатты* туда и сюда, громкий шум переключения листьев эвкалипта, образовали сцену, весьма характерную для австралийских туземцев. В таком виде они подошли к певцам, а зрители то и дело выкрикивали аплодисменты. Некоторое время они продолжали пританцовывать перед певцами, что производило восхитительный эффект и делало честь их танцевальным достижениям; затем один за другим они поворачивались, танцевали, возвращаясь к месту, с которого начали, и садились. Последними ушли *палиертатта* и *кунтеру*, и, когда эти три необычных существа прокладывали себе путь к остальным танцорам, они выглядели очень странно.



(1.) ТАНЕЦ КУРИ.
(См. стр. 748.)



(2.) ТАНЕЦ ПАЛТИ, ИЛИ КОРРОБОРИ.
(См. с. 752.)

"Пение продолжалось недолго, затем зажгли трубы, раздались крики аплодисментов, и последовал бурный разговор. Отдохнув около десяти минут, певцы снова начали петь; вскоре после этого танцоры собрались вместе и ответили на призыв особым криком, о котором уже говорилось, а затем повторили тот же подвиг с той разницей, что мужчины *палиртатта* шли сзади, вместо того чтобы вести за собой. Четыре раза эти части пьесы были исполнены с обычным эффектом; затем последовала заключительная часть, которая выглядела следующим образом: Потоптавшись перед певцами, человек с *кунтеру* приступил к роли, вызвавшей беспрерывные аплодисменты; наклонив голову и тело на одну сторону, заложив копье и перья за спину, стоя на левой ноге, он отбивал такт правой ногой, дергая телом и глазами и притопывая с величайшей точностью; он оставался в таком положении несколько минут, а затем внезапно повернулся, встал на правую ногу и проделал то же самое левой ногой.

"Тем временем двое мужчин с таинственным *палиертатта* продолжали размахивать своими инструментами, повторяя движения головой и ногами, и молчаливые бродяги одинаково хорошо исполняли свою роль. Теперь *коонтероо* внезапно остановился и, воткнув копье в землю, встал в позу за ним; двое танцоров вышли вперед, с удивительной регулярностью проделали тот же маневр, что и предыдущая партия, и затем дали последний удар, повернулись и схватили копье в позу заступа, и так далее со всеми остальными, пока каждый танцор не оказался у копья, образовав таким образом круглое тело.

"Теперь *палиертатта* выполняли те же движения с каждой стороны этого тела, сопровождаемые постоянным движением головы, ноги и руки, а затем проходили круг за кругом и, наконец, давали приходную печать, вставляли руку и хватались за копье: В то же время все опустились на колени и стали удаляться от певцов, издавая при этом какой-то хрюкающий звук, а их тела наклонялись и метались туда-сюда; когда они прошли около десяти или двенадцати ярдов, они остановились и, издав один длинный полухрюк или стон (по примеру красного кенгуру, как они говорят), рассеялись.

"В течение всего представления пение продолжалось в одном непрерывном ритме, а после последнего действия исполнителей дребезжащий аккомпанемент пения прекращался, напряжение постепенно стихало, и воздух наполнялся криками и аплодисментами".

У австралийцев существует множество других танцев. Например, танец лягушек. Исполнители раскрашивают себя в привычной гротескной манере, берут в руки *свирели*, бьют ими друг о друга, а затем приседают и прыгают друг за другом по кругу, имитируя движения лягушки. Есть еще танец эму, в котором все жесты сводятся к имитации охоты на эму, а человек, исполняющий роль птицы, подражает ее голосу.

В некоторых районах Австралии есть танец каноэ - одно из самых грациозных представлений.

В этом танце принимают участие как мужчины, так и женщины, раскрашивая свои тела белой и красной охрой, и каждый из них вооружен палкой, изображающей весло. Они начинают танец, располагаясь в две линии, но с палкой через спину и держа ее за руки, при этом они попеременно двигают ногами в такт песне, которой сопровождается танец. По сигналу все они выносят палки вперед и держат их, как весла, раскачиваясь в такт, как будто гребут на одном из своих легких каноэ.

Еще один танец, цель которого точно не известна, очень нравится туземцам маурунди. Мужчины, предварительно украсив свои тела полосками красной охры, встают в линию, а женщины собираются в группу и вместе отбивают такт. Танец заключается в одновременном притопывании левой ногой и потряхивании пальцами вытянутых рук. Этот танец называется педеку.

Есть довольно любопытный танец или движение, которым они часто завершают вечернее представление. Они сидят со скрещенными ногами вокруг костра, отбивая такт своими копьями и *виррисами*. Вдруг все они вытягивают руки, словно указывая на какой-то далекий предмет, испуганно закатывают глаза и заканчивают танец тем, что вскакивают на ноги с одновременным криком, который эхом разносится по лесу на многие мили".

В своей великолепной работе о Южной Австралии мистер Ангас описывает довольно любопытный танец, исполняемый племенем парнкалла, в котором принимают участие представители обоих полов. Каждый мужчина носит пояс из человеческих волос или меха опоссума, держа один конец в каждой руке и держа его туго натянутым. Существуют небольшие различия в способах исполнения этого танца, но обычно все мужчины садятся, а женщина занимает место в центре. Один из мужчин танцует до нее, прыгая из стороны в сторону и раскачивая руками в гармонии со своими движениями. Женщина начинает прыгать, когда ее партнер приближается, а затем они танцуют обратно, когда их место занимает новая пара.

Некоторые предполагают, что этот танец является религиозной церемонией, поскольку обычно он проводится в ясные лунные вечера. Однако иногда его исполняют и днем.

Самый распространенный туземный танец, или "короббори", известен под названием "Палти" и представлен на 749-й странице. Его всегда танцуют ночью, считая, что переменчивое пламя костра необходимо для того, чтобы показать всю его красоту.

Прежде чем начать танец, исполнители готовятся к нему, украшая свои тела в гротескном стиле белыми и алыми красками, которые ярко контрастируют с блестящей черной кожей. Излюбленный рисунок - скелет: каждое ребро обозначено широкой полосой белой краски, такая же полоса проходит по груди, вдоль ног и рук. Лицо раскрашивается аналогичным образом. Эффект, производимый этим странным рисунком, поражает воображение. Освещенные только светом костра, черные тела и конечности едва заметны на темном фоне, так что, когда исполнители проходят вперед и назад в движениях танца, они выглядят как несколько скелетов, наделенных жизнью с помощью магических сил.

Этот эффект усиливается любопытным дрожанием ног, которые твердо стоят на земле, но которым танцоры способны придавать быстрые вибрирующие движения от коленей вверх. *Виррисы*, или булавы, держат в руках, как показано на иллюстрации, и через определенные промежутки времени заносят их над головой и с силой ударяют друг о друга. Палти, как и танец Кури, исполняется вождем, который дает команду на различные движения. Некоторые танцоры увеличивают свой странный вид, делая филе из передних зубов кенгуру и повязывая его вокруг лба.

Раз в год туземцы некоторых районов устраивают очень грандиозный танец, который называется "коббонго корроббори", или великий таинственный танец. Этот танец исполняют аборигены дальних внутренних районов. Восхитительный рассказ об этом танце был опубликован в *"Иллюстрированных лондонских новостях*" от 3 октября 1863 года и приводится здесь. "Время, выбранное для этого великого события, - каждая двенадцатая луна, причем во время ее убывания. За несколько дней до этого несколько племен, чьи территории примыкают друг к другу, собираются в определенном месте, которое характеризуется огромным курганом земли, покрытым пеплом (известным среди белых жителей как "печь черного") и окруженным множеством "курауэй" или водных ям. Сюда они привозят кенгуру, опоссумов, эму и диких уток, а также большое количество дикого меда и травы, из семян которой они делают своеобразный хлеб.

"Вечером, когда празднуется "короббори", несколько стариков (по одному от каждого племени), которых туземцы называют "wammaroogo", что означает знахари или заклинатели, отправляются на вершину кургана, где, разведя огонь, обходят его, бормоча приговоры и бросая в него части старых амулетов, которые они носили на шее в течение последних двенадцати месяцев. Так продолжается около получаса, после чего они спускаются вниз, каждый из них несет палку для костра, которую он кладет на окраине лагеря и которая, как предполагается, предотвращает приближение злых духов. Как только все закончится, во время которого все соблюдают глубочайшую тишину, мужчины племени готовят свой туалет к "короббори", намазывая себя мелом, красной охрой и жиром.

Пока мужчины занимаются этим, представительницы слабого пола выстраиваются в длинную линию и принимают сидячее положение, накинув на ноги коврики из шкур опоссумов, а в каждой руке держат по маленькой палочке, называемой "нулла-нулла". Перед ними разжигают костер, за которым ухаживает один из старых заклинателей. Когда мужчины готовы, они рассаживаются со скрещенными ногами, как портные, и выстраиваются в шеренгу, противоположную от женщин, а один из знахарей занимает место на вершине кургана, чтобы наблюдать за восходом луны, который является сигналом к "рогобори". Теперь все спокойно; ничто не нарушает тишину, кроме редкого болтания женщины или

ребенка, но и оно через несколько минут затихает. Пламя костра бросает неяркий свет на батальонный фронт черной фаланги, и отвратительные лица, вымазанные краской и жиром, в такой момент выглядят ничуть не лучше.

Как только пожилой джентльмен, который занимался "лунной съемкой", объявляет о появлении этой планеты, которая, похоже, оказывает на действия этих людей такое же сильное влияние, как и на многих других, начинается "корроббори". Женщины бьют маленькими палочками друг о друга, повторяя слова, смысл которых в переводе может быть следующим.

"Кенгуру быстр, но еще быстрее Нгоюлломан;
Змея хитра, но хитрее Нгоюлломан" и т.д,

Каждая женщина использует имя своего мужа или любимца в племени. Мужчины поднимаются на ноги с криком, который разносится по лесу, и, потрясая копьями, бумерангами и т. д., начинают свой танец, бросаясь во все стороны, завывая, смеясь, ухмыляясь и распевая; и так продолжается до полного изнеможения, после чего они жарят и едят продукт погони, собранный для этого случая, а затем один за другим засыпают".

Читатель увидит, что эта великая мистерия "corrobboree" сочетает в себе несколько специфических движений, которые можно найти в различных танцах, которые уже были описаны.

Танец, несколько похожий по характеру, отмечался тасманийцами по случаю каждого полнолуния, как описывает мистер Г. Т. Ллойд. Различные племена собирались в каком-нибудь месте для отдыха; и пока женщины готовили огонь и отгораживали место для танца, мужчины уходили, чтобы украсить себя краской и прикрепить пучки кустистых веток к лодыжкам, запястьям и талии.

Когда женщины уселись в конце этого пространства, одна из старейших вышла вперед, назвала по имени одного из исполнителей, назвала его трусом и потребовала, чтобы он явился и ответил на ее вызов. Воин не заставил себя долго ждать и, ворвавшись в круг через костер, провозгласил свои смелые подвиги на войне и на охоте. В каждой паузе его поклонницы подхватывали его похвалы, восхваляя его деяния в своеобразном песнопении, которое они сопровождали самодельными барабанами, сделанными из свернутых шкур кенгуру.

Внезапно, по вдохновляющему аллегретто оркестра, тридцать или сорок мрачных дикарей один за другим врывались сквозь яростное пламя на священную арену, выглядя как настоящие демоны, специально прибывшие на *землю*, и, основательно измотав себя прыжками в подражание кенгуру вокруг и сквозь огонь, исчезали в одно мгновение. Их так же быстро сменили их прекрасные джины, которые по сигналу бельдамы *массово* поднялись и, расположившись вокруг свежего пламени в состоянии, не украшенном и неподдельном, как ввезенные в мир, изгибали свои руки, ноги и тела в положениях, которые могли бы посрамить первоклассных акробатов. Однако главной целью каждой из намазанных красавиц было перекричать свою соболиную сестру.

Этот танец, как и другие местные обычаи, вместе с аборигенами покинул остров, и теперь коренные тасманийцы практически вымерли. Передо мной фотография трех оставшихся в живых представителей этих племен, которые около шестидесяти лет назад насчитывали от шести до семи тысяч человек. То, что они так быстро вымерли под влиянием белого человека, объясняется тем, что их остров имеет весьма ограниченную площадь и что они совершенно не похожи на аборигенов континента. Они небольшого роста, мужчины в среднем всего пять футов три дюйма, и у них очень недоброе выражение лица: линия от носа до уголков рта очень глубокая и сильно изогнута, так что рот заключен в скобки. Волосы подстрижены очень плотно. Для этого используются два осколка кремня с острыми краями, а с тех пор, как в стране поселились европейцы, предпочтение отдается битому стеклу. Стрижка волос - очень утомительная церемония: за раз отрезается всего десять-двенадцать волосков, а на то, чтобы подстричь голову, пригодную для танцев, уходит до трех часов. Бритье осуществляется таким же образом.

Общие привычки аборигенов Тасмании совпадают с таковыми на континенте. Однако способ лазания по деревьям представляет собой любопытную смесь австралийского и полинезийского обычаев. Обнаружив на коре следы опоссума, туземец срывает кучу проволочной травы и быстро заплетает ее в трехжильную косу, которой обхватывает дерево и собственную талию. Одним ударом томагавка он делает небольшую выемку в коре, в которую просовывает большой палец ноги, приподнимается на нем и одновременно дергает травяную ленту вверх по стволу дерева. Таким образом делается выемка за выемкой, и туземец поднимается вверх с невероятной быстротой, причем выемки никогда не бывают менее чем в трех футах шести дюймах друг от друга.

Часто опоссум, встревоженный звуком томагавка, покидает свое гнездо и бежит по голому суку, выступающему горизонтально на высоте от восьмидесяти до ста футов над землей. Туземец идет по суку прямо и твердо, как если бы дерево было его родным домом, и стряхивает животное в окружение своих товарищей, собравшихся под деревом.

В диком состоянии туземцы никогда не носят никакой одежды. Они изготавливают плащи из шкур опоссумов и кенгуру, но только для защиты от холода. Они прекрасные охотники, и колонисты успешно использовали их для поиска заблудившихся овец или следов вора, который их украл. Малейшая царапина рассказывает о себе этим быстроглазым людям, которые сразу определяют время, когда был сделан отпечаток, и, увидев его, пускаются в путь быстрым шагом, чтобы непременно догнать беглеца.

Безвременный конец аборигенов Тасмании во многом объясняется поведением известного вождя по имени Москито. Он был уроженцем Сиднея и, будучи осужденным за несколько убийств, по ошибке был перевезен на Тасманию, где познакомился с племенем Ойстер-Бей. Будучи гораздо выше и сильнее туземцев, он был единогласно избран вождем и принял командование. Его правление было самым губительным для тасманийцев. Он управлял ими железным жезлом, наказывая за малейшее неповиновение ударом томагавка, ничуть не заботясь о том, убит виновный или нет. Он организовал серию грабежей имущества колонистов и особенно прославился своим мастерством в краже картофеля, научив своих последователей снимать его с грядок, перестилать землю так, чтобы она выглядела так, будто ее никогда не тревожили, и стирать все следы своих ног ветками.

Под влиянием такого вождя туземцы становились не только ворами, но и убийцами, так что жизнь колонистов постоянно находилась в опасности. Поэтому необходимо было принять с ними какие-то решительные меры; после нескольких безуспешных попыток туземцы наконец покорились, и все они, насчитывавшие тогда (1837 год) немногим более трехсот человек,

были переселены на остров Флиндера, где для них был построен ряд удобных каменных коттеджей, бесконечно превосходящих грубые хижины из сучьев или миам-миамы их собственной постройки. Их щедро снабжали едой, одеждой и другими предметами первой необходимости, а также предметами роскоши, и правительство даже назначило хирурга-резидента, который должен был обслуживать их в случае болезни. Однако все эти заботы оказались бесполезными. Контакт с цивилизацией принес свои обычные плоды, и в 1861 году коренных тасманийцев было всего тринадцать человек. Десять с тех пор умерли, и маловероятно, что трое, оставшиеся в живых в 1867 году, увековечат свой род.

Нельзя отрицать, что необычайно быстрый упадок тасманийцев отчасти был вызван поведением пастухов и других грубых и необразованных людей, служивших колонистам. Но белых преступников было сравнительно мало, и сами они были не в состоянии произвести такие перемены за столь короткий срок. В поисках истинной причины мы должны обратиться к странным, но неизменным законам прогрессии. Всякий раз, когда высшая раса занимает ту же территорию, что и низшая, последняя погибает, и, будь то в живой или неживой природе, новый мир всегда строится на руинах старого.

ГЛАВА LXXIV.
АВСТРАЛИЯ - Продолжение.
ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ.

БРАК - ПОКУПКА И ОБМЕН ЖЕНАМИ - ГРУБОЕ УХАЖИВАНИЕ - ОБРАЩЕНИЕ С ЖЕНАМИ - ЖЕСТОКИЙ МУЖ - СПАСЕНИЕ - ВЕРНАЯ СПУТНИЦА - АВСТРАЛИЙСКИЕ МАТЕРИ - ОБРАЩЕНИЕ С НОВОРОЖДЕННЫМИ - ПРАКТИКА ДЕТОУБИЙСТВА - МАТЬ И ЕЕ МЕРТВЫЙ РЕБЕНОК.

Теперь мы перейдем к домашней жизни коренных австралийцев, если, конечно, их образ жизни заслуживает такого названия, и начнем с брачных обычаев.

Обручение происходит в очень раннем возрасте, девушку часто обещают выдать замуж, когда она еще совсем ребенок, а ее будущий муж, возможно, старик с двумя или тремя женами и несколькими детьми. Разумеется, девушка выкупается у отца, цена варьируется в зависимости от средств мужа. Предметы европейского производства сейчас очень ценятся, и, как правило, нож, стеклянная бутылка или что-то подобное считается справедливой ценой за жену.

Часто практикуется обмен, так что молодой человек, у которого есть свободная сестра, ищет человека, у которого есть незамужняя дочь, и полюбовно обменивается с ним, так что мужчина, получивший сестер после смерти отца, так же уверен в соответствующем количестве жен, как если бы у него были средства, чтобы купить их.

Пока будущий муж не возьмет ее в жены, обрученная девушка живет с родителями, и в этот период за ней не следят с той строгостью, которую обычно проявляют к обрученным девушкам дикарей. Напротив, ей негласно разрешается иметь столько любовников, сколько она пожелает, при условии соблюдения обычной конспирации, и муж, когда женится на ней, не высказывает никаких претензий. Однако после свадьбы ситуация меняется, и, если бывший любовник попытается продолжить знакомство, муж отомстит, подвергнув обеих

сторон жесточайшему наказанию. Никаких церемоний по поводу брака не существует, девушку просто отводят в хижину мужа и отныне считают его женой.

В некоторых районах Австралии, когда молодой человек увлекается девушкой, он добивается ее довольно любопытным способом, который кажется очень странным способом проявления привязанности. Улучив момент, когда девушка отходит от своих друзей, он оглушает ее ударом по голове своей палкой, уносит ее и делает своей женой. Отец девушки, естественно, обижен потерей дочери и жалуется старейшинам. В результате почти всегда галантного преступника приговаривают к испытанию копьем и бумерангом. Оснащенный лишь узким щитом, он стоит неподвижно, пока обиженный отец и другие родственники бросают в него определенное количество копий и бумерангов. Он очень редко позволяет до себя дотронуться, но, когда оговоренное количество бросков сделано, считается, что он искупил свою вину, независимо от того, попал он или нет.

Многоженство, конечно, практикуется, но не в очень большой степени. Тем не менее, хотя мужчина никогда не может иметь более двух или трех жен одновременно, он часто женится на значительном количестве, либо выбрасывая их, когда они становятся слишком старыми для его вкуса, либо, возможно, убивая их в порыве гнева. Последний способ избавления от жены не является редкостью, и никто, кажется, не считает, что муж поступил жестоко. Действительно, настоящий туземец не сможет понять, как можно быть жестоким по отношению к жене, ведь он не признает за ней никакого права на доброе отношение. Она - такое же его имущество, как копье или хижина, и он не сочтет себя более жестоким, если забьет жену до смерти, чем если сломает одно или сожжет другое.

С тех пор как белые люди поселились в этой стране, туземцы научились считать их существами из другой сферы, очень могущественными, но, к сожалению, обладающими некоторыми необъяснимыми предрассудками. Поэтому, обнаружив, что сломать жене конечность дубиной, проткнуть ее копьем или любым другим способом выразить недовольство, шокирует предрассудки белых людей, они перестали упоминать о таких обычаях, хотя и не прекратили их.

Совсем недавно туземный слуга опоздал на прием к своему хозяину, и в ходе расспросов выяснилось, что он только что поссорился с одной из своих жен и проткнул ее копьем в тело. Получив упрек от хозяина, он со смехом отмахнулся от этого, заметив лишь, что у белых мужчин только одна жена, а у него две, и он не против потерять одну, пока не купит другую.

Рассматривая женщин как предмет собственности, мужчины, естественно, не испытывают к ним никакого доверия и никогда не позволяют себе ставить их в известность о своих планах. Если они собираются напасть на другое племя или организовать грабительскую экспедицию, то тщательно скрывают это от представительниц слабого пола, полагая, что такие низшие животные не умеют хранить секреты и могут выдать их объектам предполагаемого нападения.

Полное презрение, которое испытывают коренные австралийцы к своим женщинам, хорошо иллюстрируется приключением, которое произошло после танца, устроенного в пользу белых мужчин, при условии, что танцорам будет дано определенное количество бисквитов. Когда представление закончилось, печенье было неосмотрительно передано женщине для раздачи. Сразу же возникло недопонимание. Мужчины, хотя и не решались отобрать печенье силой, не соизволили попросить его у женщины, а потому посчитали, что обещанная плата им не положена. Некоторые из них, пробормотав недовольство, сбегали за копьями и метательными палками, и вокруг поднялась суматоха.

К счастью, чтобы развеселить туземцев, белые гости, не задумываясь о том, что нанесли им обиду, запустили несколько ракет, которые на некоторое время испугали людей, а затем загорелись голубым светом. Когда яркие лучи пронзили темную чащу леса, среди деревьев показались вооруженные люди, одни поодиночке, другие группами, но все они явно следили за передвижениями гостей, чье поведение их так сильно оскорбило. Дружелюбный туземец сразу же заметил опасность и поспешил к лодкам, сказав, что скоро будут метать копья.

Им можно было найти массу оправданий. Они подверглись одному из самых грубых оскорблений, которые только могли получить воины. Для них женщины были чуть ли не лучше собак, и, если у них была еда, воины сначала утоляли свой голод, а потом бросали женщинам оставшиеся кусочки. Поэтому назначение женщины - простого домашнего имущества - раздавать еду воинам было грубым, нестерпимым и, как они, естественно, считали, намеренным оскорблением. Это было равносильно тому, чтобы унизить их до уровня мужчин и воинов и сделать их даже менее значимыми, чем женщины. Неудивительно, что их гнев разгорелся, и остается только удивляться, что нападение не было предпринято немедленно. У австралийских воинов свои представления о рыцарстве, и они, подобно рыцарям древности, считают себя обязанными возмущаться малейшим поношением своей чести.

Мистер М'Гилливрей, рассказывающий этот анекдот, делает несколько замечаний, которые очень ценны, поскольку показывают ошибки, которые слишком часто совершаются при общении с дикарями, причем не только австралийскими, но и других стран.

"Я упомянул об этом происшествии, как ни банально оно может показаться, не без цели. Он служит иллюстрацией того, что нужно уважать известные обычаи австралийской расы даже в пустяковых, на первый взгляд, вопросах, по крайней мере, в начальный период общения с племенем, и показывает, как небольшая неосмотрительность руководителя нашей группы привела к тому, что самые дружеские намерения были неправильно поняты и могли привести к фатальным последствиям.

"Должен признаться, что я считал любой ущерб, нанесенный нашей стороне, вполне заслуженным. Более того, я убежден, что по крайней мере некоторые из столкновений, произошедших в Австралии между первыми европейскими гостями и аборигенами того или иного района, были вызваны обидой, нанесенной неосторожностью одного или нескольких участников и отомщенной другим, которые были невиновны".

Далее мистер М'Гилливрей упоминает известный случай ночного нападения на экспедицию мистера Лейххардта. Без видимых причин на лагерь было совершено жестокое нападение, в результате которого погиб мистер Гилберт. Причина нападения выяснилась лишь спустя долгое время, когда туземец, прикрепленный к экспедиции, в состоянии алкогольного опьянения рассказал о том, что он и его соплеменник грубо оскорбили туземную женщину.

И все же, несмотря на такое жестокое обращение, женщины часто демонстрируют глубину чувств привязанности, которая поднимает их гораздо выше жестоких дикарей, порабощающих их. Об одном замечательном примере такого чувства рассказывает мистер Беннетт. Она привязалась к беглому каторжнику, который стал разбойником, и позволила ему, благодаря ее промышленности и мужеству, продлить всегда ненадежную жизнь разбойника за обычные пределы.

Главные опасности, которые подстерегают этих разбойников, - необходимость добывать еду и бдительность, которую всегда несет полиция. Благодаря своей природной сноровке она снабжала его едой и, пока он лежал в укрытии, ловила рыбу, охотилась, копала коренья, а

потом готовила их для него. Ее родная быстрота зрения и слуха позволяла ей обнаруживать приближение полиции, и благодаря инстинктивной хитрости, которой одарены эти негры, она не раз сбивала преследователей со следа. Он был совершенно недостоин той привязанности, которой она его одаривала, и жестоко избивал ее, но, не обращая внимания на его жестокость, она не ослабевала в своих усилиях по его спасению; и однажды, когда он действительно занимался жестоким обращением с ней, полиция настигла его убежище и, должно быть, схватила бы его, если бы она снова не ввела их в заблуждение и не направила их в место, далекое от того, где он был спрятан. В конце концов, он слишком смело отважился выйти на улицу во время ее случайного отсутствия, был схвачен, предан суду и повешен. Но до последнего это верное создание никогда не покидало его, и даже когда он был заключен в тюрьму, она пыталась последовать за ним, но была возвращена своим племенем.

Когда туземная женщина собирается стать матерью, она удаляется в буш, иногда одна, но обычно в сопровождении подруги, и, благодаря крепкому телосложению этих женщин, редко остается в своем уединении дольше, чем на день или около того. Среди аборигенов Виктории церемония рождения ребенка довольно любопытна и забавно описана мистером Ллойдом: "Говоря об австралийских аборигенах, я не могу не описать весьма оригинальный *способ действий* местной *мудрой женщины*.

"Несчастная лообра (туземка) удалилась со своей мудрой женщиной в уединенную лощину, изобилующую светлым морским песком. Разжигался костер, и несчастная миам-миам быстро сооружала его. Затем наступал черед скромной трапезы, состоявшей из скупой порции мяса кенгуру или другого мяса, которое стоически подавал ее стоический кули (туземец), жарил и украшал усиками зеленого опиатного коровьего чертополоха или сочными корнями луковичного листа "мернонг".

"Соболиная служанка вскоре приступила к своим интересным обязанностям. Одна из первых - разжечь второй костер на подготовленном песке, тщательно очищенном от всех волокнистых корней, камешков и более грубых частиц. Горящие угли и опилки убирались оттуда, предварительно рассчитав время прибытия несчастного маленького негра. Когда миниатюрный представитель своего соболиного отца появлялся на свет, в раскаленном песке проделывали отверстие, и маленькое румяно-коричневое существо благополучно помещали туда, в состоянии совершенной наготы, и закапывали до самого подбородка, так тщательно укрывая, что любое нежелательное движение с его стороны становилось совершенно невозможным.

"Что касается младенческих излияний чувств, то *мудрые женщины*, похоже, были досконально осведомлены о всемирно известном методе борьбы с хныканьем и рвотными позывами неразумных младенцев. Они хорошо знали, что двухчасовое пребывание на песке пустыни, пусть и теплом, поможет охладить новоприбывшего и приучить его к послушанию. По истечении этого времени, получив столько знаний о земных проблемах, хорошо пропеченный подросток считался полностью готовым, после чего его представляли восхищенной маме-лубра".

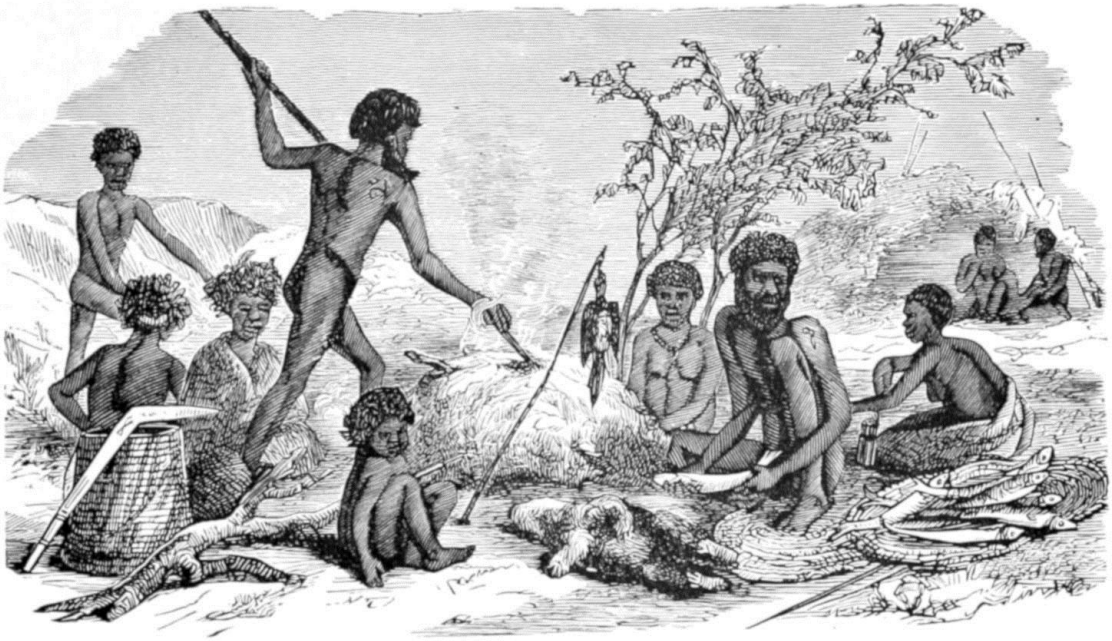
Следуя обычаю многих диких народов, австралийцы слишком часто уничтожают своих детей в младенчестве. Среди племен муралуг эта практика очень распространена. Уже упоминалось, что девушки до замужества живут очень необузданно, в результате чего у молодой женщины до замужества иногда рождается несколько детей. Как правило, этих детей сразу же убивают, если только отец не желает их сохранить. Однако такое случается редко, и обычно он отдает приказ "Márana teio", *то есть* бросьте его в яму, после чего

бедняжку сразу же закапывают заживо. Даже те дети, которые рождаются после брака, не всегда сохраняются. Во-первых, женщина вряд ли возьмет на себя ответственность за более чем трех детей, и многие дети женского пола уничтожаются там, где могли бы жить мужские.

Всех детей с какими-либо телесными дефектами обязательно убивают, и, как правило, полукастовым детям редко дают жить. Матери обычно стыдятся признаться в этих убийствах, но в одном случае неестественная родительница открыто призналась в содеянном, сказав, что младенец был похож на варагула, *то есть* на местную собаку или динго. На самом деле его отцом был моряк с огненно-рыжими волосами, и его потомство имело такой же румяный цвет лица. Конечно, из этого правила есть исключения, одно из которых можно найти в случае с бедной женщиной, которая была так верна своему товарищу по каторге. У нее был ребенок мужского пола, которого воспитывало племя, к которому она принадлежала, и они так любили его, что отказались от него, когда некоторые доброжелатели попытались завладеть им, чтобы воспитать его в цивилизации.

Если же ребенку позволяют жить, то австралийская мать очень ласкова, заботливо ухаживает за своим отпрыском и в своей дикой манере является таким любящим родителем, какого не найти ни в одной части света. Гравюра № 2 на следующей странице иллюстрирует эту преданность австралийских матерей своим детям.

Ни в чем эта привязанность не проявляется лучше, чем в случае смерти ребенка. Хотя в младенчестве она могла бы без угрызений совести отправить его в могилу, но, когда он умирает после того, как был вскормлен ею, она проявляет неизменную скорбь, демонстрирующую всю глубину привязанности, с которой она относилась к ребенку. Когда ребенок умирает, она заворачивает его во множество оберток, кладет в сетку-бул, или кошелек, и носит его с собой, как живого. Она не расстается с ним ни на минуту. Когда она ест, то предлагает пищу мертвому трупу, как если бы он был еще жив, а когда ложится спать, то кладет голову на кошелек, который служит ей подушкой. Разложение не оказывает на нее никакого влияния, и хотя тело становится настолько отвратительным, что никто не может к нему подойти, она, кажется, не осознает этого и не мечтает отказаться от страшной ноши. Со временем от тела не остается ничего, кроме костей, но и за ними ухаживают с той же любовью, и даже по прошествии многих лет мать, как известно, несет, в дополнение к остальному бремени, останки своего мертвого ребенка. Даже когда ребенку исполнится шесть-семь лет, она будет обращаться с ним точно так же и, неся эту ношу на спине, продолжит выполнять свои тяжелые домашние обязанности.



(1.) АВСТРАЛИЙСКИЙ ПРАЗДНИК.
(См. стр. 763.)

(2.) АВСТРАЛИЙСКИЕ МАТЕРИ.
(См. с. 758.)

ГЛАВА LXXV.
АВСТРАЛИЯ - *продолжение*.
ОТ ДЕТСТВА К МУЖЕСТВУ.

АВСТРАЛИЙСКИЕ ДЕТИ - ЦЕРЕМОНИИ, СОПУТСТВУЮЩИЕ СТАНОВЛЕНИЮ МУЖЧИНЫ - ПРИНЯТИЕ В РАНГ ОХОТНИКА - ЦЕРЕМОНИЯ КЕНГУРУ - КОРАДЖИ И ИХ ОБЯЗАННОСТИ - ВЫБИВАНИЕ ЗУБА - ИСПЫТАНИЕ НА ВЫНОСЛИВОСТЬ - ПРОВЕРКА РЕШИМОСТИ - МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ - ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПИР - ПОСВЯЩЕНИЕ В ПЛЕМЕНА МАУРУНДИ И ПАРНКАЛЛА - ВИТАРНА, И ЕГО СТРАШНЫЙ ЗВУК - ШЕПТУНЫ - ПРИНЯТИЕ ВТОРОЙ СТЕПЕНИ - ФАРТУК И ГОЛОВНАЯ СЕТКА - ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ ЦЕРЕМОНИЯ - ТЕРПЕНИЕ БОЛИ - ЧЕЛОВЕК НАУО - ИСТОРИЯ ГИ'ФОМ - СОЗДАНИЕ КОТАЙГИ ИЛИ БРАТСТВА.

Австралийские дети, пока они остаются детьми и находятся под властью своих матерей, - довольно забавные создания. Их нельзя назвать красивыми, отчасти из-за полного пренебрежения или, скорее, игнорирования личной чистоты, а отчасти из-за рациона, которым их кормят. Глаза у них мягкие, с полувопросительным, полудиким выражением, которое так отличает молодых дикарей. Но они никогда не моются, разве что случайно, их обильные черные волосы неопрятной массой разбросаны по голове, а животы выпирают точно так же, как у молодых африканских дикарей.

Со временем они теряют все эти черты. Из их глаз исчезает тоскливое выражение, а на смену ему приходит беспокойный, подозрительный взгляд дикаря. Они становятся ссорящимися, упрямыми, непокорными и, продемонстрировав эти качества для более высокого положения в жизни, становятся кандидатами на вступление в права и привилегии мужественности. Среди цивилизованных народов достижение совершеннолетия - достаточно простой процесс, заключающийся в ожидании, пока кандидат станет достаточно взрослым; но у многих диких народов, и особенно у австралийцев, процесс превращения в мужчину - это долгий, запутанный и необычайно болезненный ряд церемоний.

Эти обряды различаются в зависимости от местности, в которой они проводятся, но все они сходятся в одном - в причинении очень сильной боли посвящаемым и в испытании их выносливости к боли. Поскольку многие из этих обрядов почти идентичны в разных племенах, я не буду повторять ни один из них, а упомяну лишь те моменты, в которых церемонии отличаются друг от друга.

Один из этих обычаев, который, кажется, относится почти ко всем разновидностям жизни дикарей, а именно потеря некоторых зубов, процветает среди австралийцев. Способ удаления зубов достаточно прост. Люди, которые проводят церемонию, притворяются очень больными, падают в обморок и корчатся на земле, и с ними поступают по обычному методу лечения больных, *то есть* их друзья поднимают вой и крики, танцуют вокруг них и бьют их по спине, пока каждый больной не получит кусочек острой кости.

Эта церемония призвана дать посвященным власть над различными животными, поэтому проводится ряд соответствующих обрядов. Утром, после того как острые кости были таинственным образом получены, кораджи, или операторы, наряжают себя клочьями меха и другими украшениями, которые условно считаются изображением динго, или местной собаки. Деревянный меч, продетый в пояс, торчит над спиной и занимает место хвоста. Затем мальчиков заставляют сесть на землю, а кореджи бегают вокруг них на четвереньках, изображая таким образом собак и давая понять, что последующая церемония даст им власть над собаками. В знак этой власти каждый раз, когда они проходят мимо мальчиков, они бросают в них песок и пыль.

Здесь следует отметить, что австралийские аборигены - большие любители собак: собака для них то же, что свинья для жителей Сандвичевых островов. Вряд ли найдется парень, у которого не было бы хотя бы одной собаки, а у многих их несколько, которых они берут под свою опеку с самого раннего щенячьего возраста и которые сопровождают своих хозяев повсюду, куда бы те ни отправились. Помимо того, что эти собаки являются компаньонами, они полезны и по другой причине. Они служат защитой от голода, ведь когда человеку грозит голодная смерть, он обязательно спасается тем, что убивает и готовит свою верную собаку. Животное никогда не доставляло ему никаких хлопот. Оно добывает себе пропитание, как может, всегда следует за своим хозяином и всегда оказывается под рукой, когда нужно. Поэтому цель первой части церемонии - донести до ребят, что они не только должны владеть собакой, но и обладать ее прекрасными качествами.

Следующая часть церемонии призвана дать им власть над кенгуру.

Соответственно, на сцене появляется крепкий туземец, несущий на плечах грубое чучело кенгуру, сделанное из травы; за ним идет другой мужчина с охапкой хвороста. Мужчины двигаются размеренным шагом, в такт ударам дубин по щитам, которыми зрители сопровождают песни, которые они поют. По окончании танца мужчины кладут свои ноши к ногам юношей: травяное чучело означает кенгуру, а хворост принимается как знак его обитания.

Кораджи теперь берут на себя роль кенгуру, как раньше они олицетворяли собаку. Они делают длинные веревки из травы, имитирующие хвост кенгуру, и закрепляют их сзади на поясе. Затем они имитируют различные движения кенгуру: прыгают, кормятся, поднимаются на ноги и смотрят по сторонам, или ложатся на бок и чешутся, как это делают кенгуру, греясь на солнце. Во время этих представлений несколько мужчин играют роль охотников и следуют за ними с копьями, притворяясь, что подкрадываются к ним незамеченными и убивают их.

После еще нескольких церемоний мужчины ложатся на землю, а мальчиков водят над их распростертыми телами, причем мужчины стонут и корчатся, делая вид, что испытывают ужасные муки от контакта с непосвященными. Наконец мальчики выстраиваются в ряд, а напротив них встает главный кореджи, держа в руках щит и палочку, которыми он наносит серию регулярных ударов, причем вся партия направляет на него свои копья и при каждом третьем ударе задевает его щит.

Теперь операторы приступают к самому удалению зуба. Инициативы возлагаются на плечи сидящих на земле мужчин, после чего оператор свободно протыкает десну острой костью. Затем на зуб кладется один конец вуммера, или метательной палки, и камнем наносится резкий удар, который выбивает зуб, а часто и кусок десны, если лансинг не был проведен должным образом.

В другом племени посвящаемый садится напротив дерева. Затем к стволу дерева приставляется палка, другой конец которой упирается в зуб. Оператор внезапно толкает голову юноши вперед, и тогда, как само собой разумеющееся, зуб вырывается. Кровь вытекает на это место и, поскольку это признак мужественности, никогда не смывается.

Когда зуб окончательно удален, мальчика отводят на некоторое расстояние, а его друзья прижимают пораненную десну и одевают его в эмблемы, соответствующие его званию мужчины. Пояс из меха опоссума, или кумель, застегивается вокруг талии, и в него вставляется деревянный меч, которым он, как воин, должен теперь пользоваться. Вокруг лба повязывают повязку, в которую засовывают несколько листьев травы; левую руку закрывают ртом, и до конца дня ему не разрешается есть.

В некоторых районах страны к простому выпадению зуба добавляется еще одно любопытное событие. Воины стоят над парнем, призывая его к терпению и угрожая мгновенной смертью, если он вздрогнет, вскрикнет или проявит хоть малейшие признаки боли. Затем операторы намеренно наносят длинные порезы по всей спине и на плечах. Если он застонет или проявит какие-либо признаки страдания, операторы издают три длинных и пронзительных крика в знак того, что юноша недостоин быть воином. Вызывают женщин, и рецидивиста отдают им, чтобы впредь он был приравнен к женщинам и выполнял их рутинную и презираемую работу.

Даже пройдя через телесные испытания, он должен пройти испытание душевное. Существует некий таинственный кусок кристалла, которому приписываются различные магические силы, и который разрешается видеть только мужчинам, которые носят его в волосах, завязав в маленький мешочек. Об этом кристалле и о том, как его используют, мы расскажем, когда перейдем к рассмотрению медицины у австралийцев.

После того как юноша официально принят в ряды охотников, вокруг него формируется еще одно кольцо, чтобы проверить, соответствует ли его твердость духа выносливости тела. В руки искалеченного и истекающего кровью кандидата вкладывают таинственный кристалл. Как только он берет его, старики всеми силами пытаются убедить его отдать его снова. Если он окажется достаточно слабовольным, чтобы уступить, его отвергнут как воина; и только после того, как он успешно преодолеет все их угрозы и уговоры, его наконец примут в ряды мужчин.

По окончании церемонии женщины с пронзительным криком возвращаются в лагерь, а новопринятый мужчина следует за ними в сопровождении своих подруг, распевая радостную песню, называемую *коринда брайя*. Затем они расходятся к своим кострам, где устраивают большие пиршества и ликования (см. гравюру № 1, стр. 759), а завершают церемонии танцами, которыми так увлекаются австралийцы.

Как можно понять из рассказа об этих церемониях, юноша, попавший в общество охотников, думает о себе очень много и охотится на самую крупную дичь Австралии, а именно на эму и динго. Когда ему удается убить одно из этих существ, он делает трофей, который некоторое время носит с собой в качестве доказательства того, что он делает честь своей профессии. Этот трофей состоит из палки длиной около ярда, к одному концу которой привязан хвост первого убитого динго или огромный хохолок из перьев первого эму. Эти трофеи он демонстрирует повсюду и гордится ими так же, как английский мальчик своей первой кистью или первым фазаньим хвостом.

Среди туземцев маурунди, живущих на великой реке Муррей, практикуется другая церемония. Когда мальчикам исполняется шестнадцать лет и у них начинают расти борода и усы, которые становятся такими пышными в их последующей жизни, они спокойно готовятся к этому, посылая нескольких мужчин из дружественного племени, которых называют, по их должности, *"yupy"*, или "ощипыватели". Когда они прибывают, на отобранных парней внезапно набрасывается кто-то из их племени и ведет их к месту посвящения, которое обозначается двумя копьями, воткнутыми в землю, наклоненными друг к другу и украшенными пучками перьев эму. Затем их обмазывают красной охрой и жиром, а женщины собираются вокруг них, горько плачут и режут себе ноги раковинами мидий, пока не нанесут ужасные раны и не пустят обильную кровь. Посторонний человек мог бы подумать, что посвящают не парней, а женщин.

Мальчики лежат, прижав головы к копьям, в окружении своих встревоженных друзей, которые внимательно наблюдают за ними, чтобы убедиться, что они не вздрагивают от боли.

Теперь уиру наступают и выщипывают каждый волосок на их теле, тем самым причиняя долгую и раздражающую пытку. После того как они выдержат этот процесс, изготовляют зеленые ветки и прикрепляют их к телу парней, одну из которых надевают как фартук, а другие - под мышки. Затем в волосы вставляют два зуба кенгуру, и юноши, как их теперь называют, имеют право носить в волосах пучок перьев эму.

У другого племени есть любопытная вариация. Старик приносит посвящаемого на выбранное место и укладывает его на спину посреди пяти костров, каждый из которых состоит из трех кусков дерева, положенных друг на друга так, чтобы получился треугольник. На лицо кладут мешок из шкуры опоссума, и затем проводят различные операции.

Среди парнкалла и других западных племен существует не менее трех различных церемоний, прежде чем мальчиков признают мужчинами.

Первая церемония очень проста. Когда мальчикам исполняется двенадцать или пятнадцать лет, их уводят от женщин и завязывают им глаза. Затем операторы начинают во всю мощь своих легких выкрикивать слова "Херри, герри", размахивая при этом таинственным инструментом под названием *витарна*.

Этот загадочный инструмент представляет собой небольшой челнок из дерева, покрытый резным орнаментом и подвешенный за отверстие, прорезанное на одном конце, к струне из плетеного человеческого волоса. При быстром взмахе в воздухе он издает громкий гудящий или рокочущий звук. Витарна хранится у стариков племени и наделяется различными и несколько противоречивыми атрибутами. Считается, что ее звук отгоняет злых духов и в то же время очень вреден для женщин и детей, поэтому непосвященным не разрешается его слышать. Поэтому женщины ужасно боятся его и стараются удалить себя и своих детей так далеко от места инициации, чтобы их не мог настигнуть страшный звук.

Когда витарна должным образом взмахнула, и мальчики с завязанными глазами впервые услышали ее рокочущий звук, операторы выходят вперед и чернят лица мальчиков, приказывая им в то же время перестать пользоваться своими естественными голосами и не говорить выше шепота, пока их не освободят от рабства. Они остаются шептунами в течение нескольких месяцев, а когда вновь обретают голос, получают титул варрара.

В состоянии варрара они пребывают не менее двух, а иногда и трех лет, после чего проходят церемонию, напоминающую обрезание у евреев. Их волосы завязывают в пучок на макушке, не разрешают стричь и закрепляют сеткой.

Сетка, используемая для этой цели, сделана из сухожилий, выдернутых из хвостов кенгуру. Убив одно из этих животных, аборигены всегда оставляют сухожилия, тщательно высушивают их на солнце и хранят в резерве для многочисленных целей, для которых они используются. Сухожилия, взятые из ноги эму, высушиваются и подготавливаются таким же образом. Чтобы превратить сухожилие в нить, берут два волокна и наматывают их на бедро, как это делается с волокнами корня камыша. Таким образом прядут нить длиной в много ярдов, которую формируют в сеть с ячейками, сделанными точно по европейской моде. Иногда ее оставляют простой, но обычно окрашивают красной охрой или белой глиной, в зависимости от вкуса владельца. Эти сухожилия, кстати, ценятся белыми колонистами, которые используют их главным образом для плети, и говорят, что сухожилие более долговечно, чем любой другой материал.

Посвященные второй степени также отличаются тем, что носят колоколообразный фартук, сделанный из меха опоссума, сплетенного вместе, и называемый "маббирринг". Его носят до

третьей и последней церемонии. Молодые люди теперь носят имя Партнапы, и им разрешено жениться, хотя они еще не считаются принадлежащими к касте, если ее можно так назвать, воинов.

Даже сейчас юноши не испытывают достаточной боли, чтобы принять свой полный ранг, и со временем происходит церемония, в ходе которой они становятся, так сказать, другими существами и меняют не только внешность, но и имена. До этого времени они носят имена, данные им матерями в детстве, имена, которые всегда носят тривиальный характер и в основном являются числовыми. Например, если первый ребенок - мальчик, его называют Пери (*то есть* Примус); если девочка - Картаня (*то есть* Прима). Второй мальчик - Вари (или Секундус), вторая девочка - Варуяу, и так далее. Иногда имя берут от места, где родился ребенок, или от какого-то случайного обстоятельства, например, от появления птицы или насекомого, или от дождя. Но когда юноша становится мужчиной, он отбрасывает это детское имя и выбирает для себя другое, которое выделяет его как мужчину и воина. Процесс превращения юноши в мужчину замечательно описал мистер Г. Ф. Ангас: - "На третьей и последней церемонии юноша становится мужчиной.

"На третьей и последней церемонии молодых людей называют *Вильялканье*, когда происходят самые важные обряды. Для каждого человека выбирается покровитель, который ложится на спину на колени другого мужчины и окружен операторами, которые приказывают ему исполнять свои обязанности должным образом. Затем молодых людей уводят из лагеря и завязывают им глаза; женщины причитают и плачут, делая вид, что возражают против их ухода.

"Их отводят в укромное место, укладывают на живот и полностью накрывают шкурами кенгуру; с интервалом в три-пять минут мужчины издают самые жуткие вопли, какие только можно себе представить. Пролежав так некоторое время, парни поднимаются, и двое мужчин, все еще с завязанными глазами, бросают в них зеленые ветки, а остальные стоят полукругом вокруг, издавая шум своими *флюгерами* и голосами вместе взятыми, который настолько ужасен, что дикие собаки подхватывают этот жуткий хор своим воем. Вдруг один из участников бросает ветку, за ним следуют остальные, и получается помост из веток, на который укладывают парней. Затем спонсоры обращаются к своим кускам кварца и точат их, выбирая для каждого парня новое имя, которое сохраняется за ним на всю жизнь. Все эти имена заканчиваются либо на *alta*, либо на *ilti*, либо *на ulta*. До этого дня они носили имена мест своего рождения и т. д.; так всегда бывает у женщин, которые впоследствии никогда их не меняют. Теперь спонсоры вскрывают вены на своих руках и, подняв парней, открывают им рты и заставляют проглотить первое количество крови.

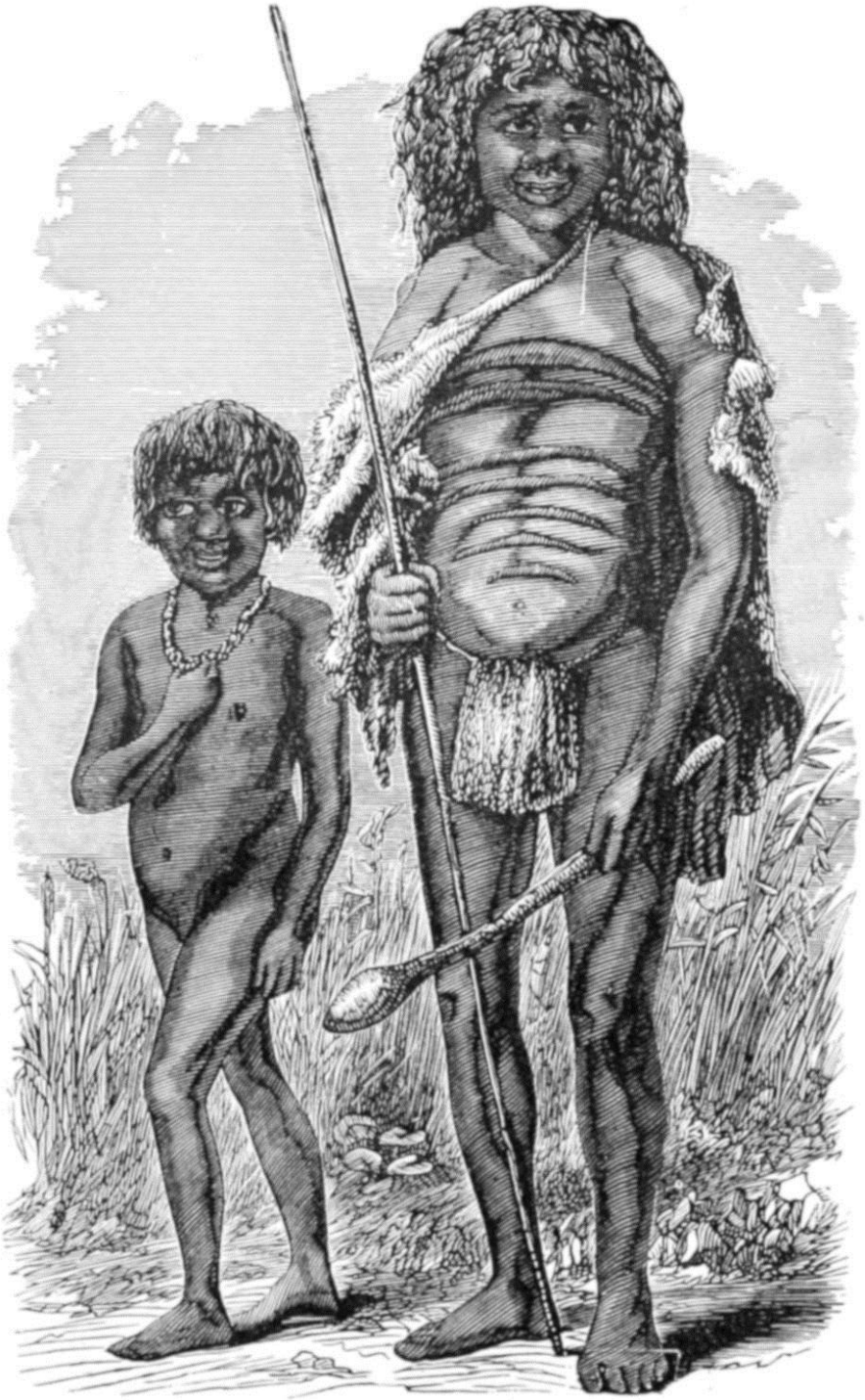
"Затем парней ставят на руки и колени, и кровь стекает по их спинам, образуя единую свернувшуюся массу; когда она становится достаточно плотной, один человек отмечает места для нанесения татуировки, удаляя кровь ногтем большого пальца. Теперь спонсор приступает к работе с кварцем, делая глубокий надрез на затылке, а затем прорезая широкие прорези от плеча до бедра с каждой стороны на расстоянии около дюйма друг от друга. Эти раны раздвигаются пальцами, насколько это возможно; мужчины все это время очень быстро повторяют низким голосом следующее заклинание: - "Каня, марра".

"Кани, марра, марра,
Кано, марра, марра,
Пилбирри, марра, марра".

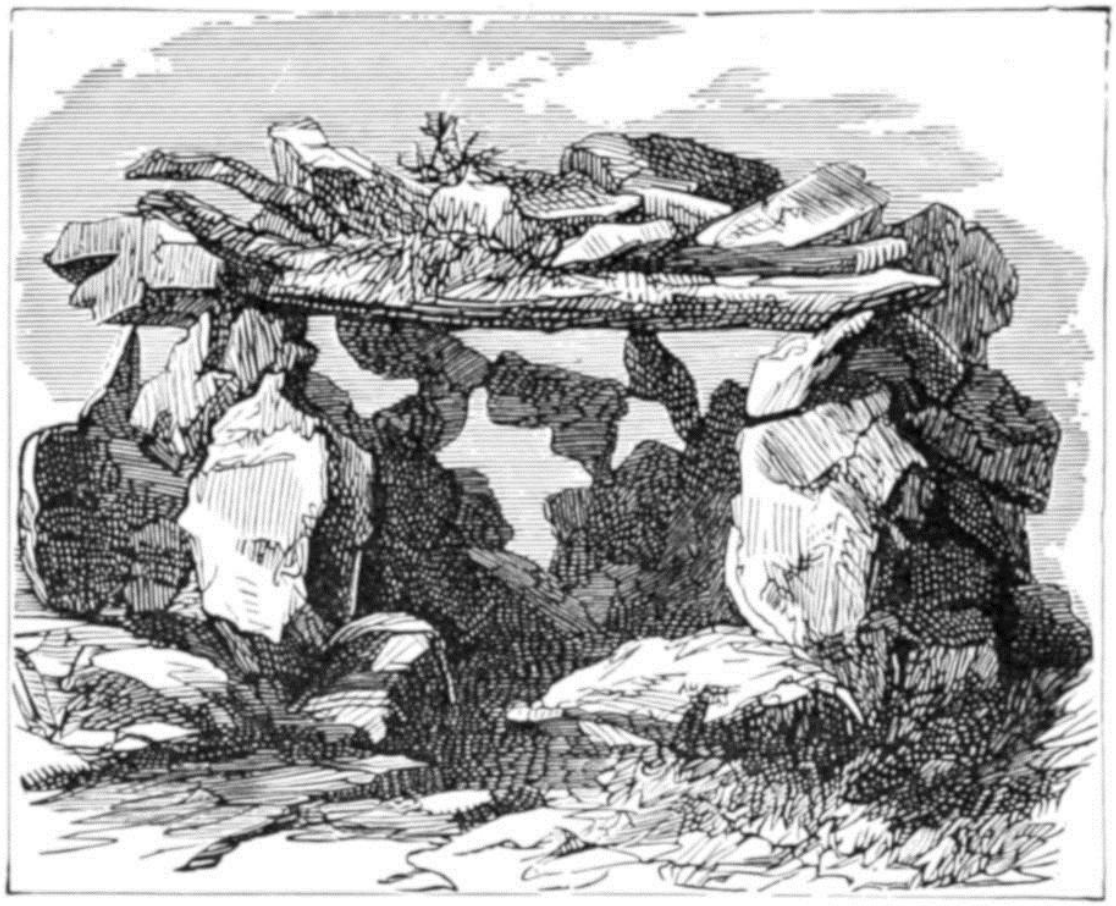
По окончании резки двое мужчин берут *витарны* и быстро вращают их вокруг головы, все время продвигаясь к юношам. Теперь вся толпа операторов собирается вокруг них, поет и бьет в свои *дудки*, и, когда они доходят до парней, каждый мужчина последовательно надевает шнурок *витарны* на шею каждому парню. Вокруг талии повязывают пучок зеленых листьев, поверх которого повязывают пояс из человеческих волос; вокруг каждой руки чуть выше локтя завязывают тугую веревку, а вокруг шеи - другую, которая спускается по спине и крепится к поясу из волос; лица и верхнюю часть тела до пояса чернят углем.

"Церемония завершается тем, что все мужчины группируются вокруг посвященных, снова приказывают им шептаться в течение нескольких месяцев и дают им свои советы относительно охоты, боя и презрения к боли. Все эти церемонии тщательно скрываются от глаз женщин и детей, которые, услышав звук *витарны*, прячут головы и демонстрируют все внешние признаки ужаса".

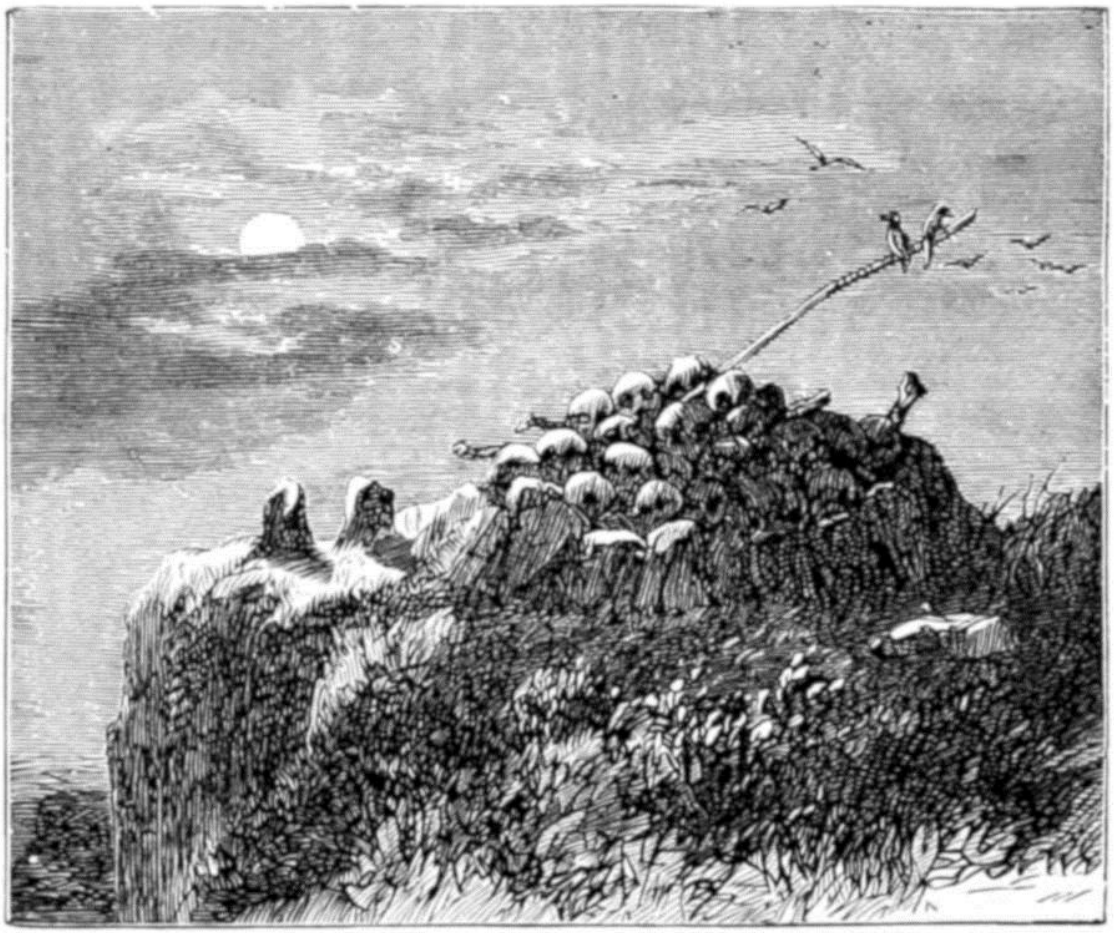
(1.) МИНТАЛЬТА, ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЛЕМЕНИ НАУО.
(См. стр. 764.)



(2.) Молодые мужчина и мальчик (Южная Австралия.)
(См. с. 771.)



(3.) МАЛЕНЬКАЯ КАМЕННАЯ ХИЖИНА ДЛЯ ЛЕЧЕНИЯ БОЛЕЗНЕЙ.
(См. с. 771.)



(4.) ГРОБНИЦА С ЧЕРЕПАМИ. (Кейп-Йорк.)
(См. с. 773.)

Иллюстрация № 1 на странице 765 приведена для того, чтобы показать любопытный вид, который иногда имеют люди, успешно прошедшие через различные испытания. Мужчину звали Минтальта, и он принадлежал к племени науо, которое живет недалеко от залива Коффинз. В руке он держит вадди, а в качестве фартука носит пучок перьев эму. На его груди видны смелые гребни, обозначающие его ранг как мужчины, а на руках - другие. Его борода собрана в длинный остроконечный хохолок и украшена на кончике маленьким пучком белых перьев какаду. В волосах он носит два любопытных украшения. Это не перьевые плюмажи, как кажется на иллюстрации, а просто тонкие палочки из белого дерева, обструганные так, чтобы стружка прилипала к одному концу. На самом деле они сделаны точно так же, как те маленькие деревянные метлы, которые иногда продают немецкие девушки на улицах, или, если использовать более привычное выражение, как вьющиеся ветвистые деревья в детских коробках с игрушками.

Многие из тех сведений о домашнем быте австралийцев, о которых мы уже рассказывали и еще будем рассказывать, были получены весьма любопытным способом. Осенью 1849 года несколько человек с корабля *"Гремучая змея"* отправились на охоту, где наткнулись на туземную женщину, или джина, одетую гораздо лучше, чем большинство туземных женщин, поскольку на ней был узкий передник из листьев. К их удивлению, предполагаемая джин обратилась к ним по-английски, сказав, что она белая женщина и просит их о помощи. Они немедленно снабдили ее одеждой и доставили на борт *"Гремучей змеи"*, где она и поведала свою печальную историю. Ее звали Томсон, и она была вдовой владельца небольшого судна.

Однажды, отправившись на поиски затонувшего судна, лоцман сбился с курса, поднялся штормовой ветер, и судно налетело на риф у восточного острова Принца Уэльского. Мужчины пытались выплыть на берег через прибой, но утонули, а женщину спасла группа туземцев, которая поднялась на борт судна после того, как шторм утих, и вытащила ее на берег.

Племя, в руки которого она попала, - коурарега, обитающее в Муралуге, на западе острова Принца Уэльского. Когда она сошла на берег, один из главных мужчин, который полностью придерживался популярной идеи, что белые люди - это призраки умерших туземцев, узнал в миссис Томсон свою дочь по имени Джи'фом, которая давно умерла. Он взял ее к себе домой как свою дочь, племя признало ее одной из себя и заставило стать женой одного из туземцев по имени Борото.

Почти пять лет она находилась в плену у негров, и, хотя она могла видеть многие английские корабли, проходящие в радиусе нескольких миль, за ней так внимательно следили, что побег был безнадежен. Наконец, когда дымовые сигналы сообщили племени о приближении другого судна, Джи'фом ловко подействовала на коварство аборигенов и уговорила их отвезти ее на материк, пообещав им достать много топоров, ножей, табака и других вещей, которые австралийский дикарь ценит превыше всего, и сказав, что она так долго жила с туземцами, что не может и думать о том, чтобы покинуть их. Когда она благополучно разместилась на корабле, к ней пришли многие ее друзья, принесли подарки в виде рыбы и черепах, но всегда ожидали эквивалента. Среди них был и Борото, который тщетно пытался уговорить ее вернуться. Когда она окончательно отказалась, он очень рассердился и в порыве гнева покинул корабль, заявив, что, если ему или кому-либо из его друзей удастся поймать ее на берегу, они снимут с нее голову и отнесут в Муралугу. Не испытывая ни малейших сомнений в том, что угроза будет исполнена, она никогда не осмеливалась выходить на берег в тех местах побережья, которые, как казалось, могли посетить Коурареги.

Будучи женщиной необразованной, она за время своего пребывания среди туземцев почти забыла, как выражаться на родном языке, и некоторое время смешивала слова и фразы коврарега с английскими в очень любопытной манере. От нее было получено огромное количество ценной информации, но когда ее вернули к цивилизации, она с необычайной быстротой забыла язык и обычаи дикарей, ее неподготовленный ум был не в состоянии понять взаимную связь идей и совершенно неспособен к обобщениям.

От нее она узнала любопытный, но страшный факт, что многие действительно неспровоцированные нападения на экипажи кораблей, когда они, ничего не подозревая, посещали берег, были спровоцированы белыми людьми, которые унизились до общения с туземными племенами и, в силу своих более высоких знаний, получили над ними превосходство. Один из них много лет прожил с племенем баду и, услышав о белой женщине среди коврарегов, посетил Муралугу и попытался склонить Джи'фома покинуть Борото и разделить его судьбу. Кто это был, неизвестно. Предполагается, что он беглый каторжник, который отбивает визиты английских кораблей, чтобы его не схватили и не отправили обратно в тюрьму. Благодаря его подстрекательствам народ баду стал настолько яростно враждовать со всеми белыми людьми, что любой европеец, посетивший эту часть страны, делал это под угрозой жизни.

Среди многих из этих племен существует обычай, характерный также для многих дикарей во всех частях света. Это обычай заключать "котайга", или братские отношения, с чужаками. Когда европейцы посещают их районы и ведут себя как подобает, туземцы обычно объединяются в узы товарищества с чужаками, каждый выбирает одного из них в качестве

своего котайги. Новые отношения рассматриваются как взаимная ответственность, и каждый обязан заботиться о благополучии другого.

Память туземцев удивительна, и, даже если корабль повторяет визит только через несколько лет, не успеет он прибыть, как туземцы уже кишат на борту и сразу же выбирают себе котайгу. Они приносят подарки гостям на борт, радостно провожают их на берег, несут за них сумки и рюкзаки, берут с собой на охоту, стрельбу и рыбалку, указывают на дичь, подбирают ее, куда бы она ни упала, и с радостью несут домой на плечах. Конечно, в обмен на свои добрые услуги они ждут печенья и табака, но зарплата у них очень дешевая, а услуги просто неоценимы. Спасение мистера М'Гилливрея и его группы от угрожающего нападения туземцев объясняется тем, что один из них, дружелюбный туземец, предупредивший его и проводивший его и его группу на лодках, был его котайгой и обязан был спасти его по чести.

Примечания переводчика

Если ниже не указаны изменения, язык, используемый в этой электронной книге, соответствует языку исходного документа, включая несоответствия, архаичные и необычные написания и дефисы, уничижительные и оскорбительные термины и т. д. Неанглийские имена, слова и фразы, в частности, не всегда пишутся правильно или последовательно. Фактические ошибки не исправлены.

Различия в формулировках между оглавлением и заголовками глав в тексте не были стандартизированы. То же самое относится к списку иллюстраций и подписям к иллюстрациям в тексте. Порядок иллюстраций в Оглавлении не всегда совпадает с порядком, в котором они представлены в книге. То, что в оглавлении выглядит как основные разделы, в тексте является частью названий глав. В оригинальной работе оглавление дается в каждом томе, список иллюстраций - в первом томе, а указатель - во втором; для удобства пользования все они включены в оба тома.

Различия в структуре и формулировках между оглавлением и заголовками глав в тексте сохранены. Поэтому автоматически сгенерированные оглавления могут отличаться от оригинальных. То же самое относится к списку иллюстраций и подписям к иллюстрациям в тексте. Порядок иллюстраций в списке иллюстраций не всегда совпадает с порядком, в котором они представлены в книге.

В зависимости от жесткого диска и программного обеспечения, используемого для чтения этого текста, и их настроек, не все элементы могут отображаться так, как задумано.

Список иллюстраций, 259, Фиджийский идол: в тексте и подписи к иллюстрациям указано, что это идол с Соломоновых островов. Борнский щит на странице 1129 не включен в список иллюстраций.

Стр. 136, portulacacia: вероятно, ошибка в protulacaria.

Стр. 148, на рис. 1 на стр. 103 изображена одна из этих ложек: предположительно, речь идет о (непронумерованной) нижней ложке на второй иллюстрации на этой странице.

Стр. 215, *vacht-een-bidgt*: (возможно, фонетическое английское) неправильное написание *wag-'n-bietjie* (африкаанс) или *wacht-een-beetje* (голландский); Bavians-tow: (возможно, фонетическое английское) неправильное написание Baviaans-touw.

Стр. 228, Scriptus tegetalis: возможно, ошибка в Scirpus tegetalis.

Стр. 245, fore-louper: возможно, фонетическое английское написание voorloper.

Стр. 265, Romelpot: ошибочное написание Rommelpot.

Стр. 353, "Очевидно, что они верят...": отсутствует закрывающая кавычка.

Стр. 366, Топор слона показан на рис. 1 ...: на иллюстрации нет цифры 1; предположительно, речь идет о топоре между цифрами 2 и 4.

Стр. 374, "Каждая деревня кишит детьми...": нет закрывающей кавычки.

Стр. 467, ...его оригинальный размер на рис. 2: на иллюстрации нет никаких номеров ссылок.

Стр. 648, ... когда абиссинцы мешают им мыть одежду или себя...: возможно, ошибка в значении ... когда абиссинцы мешают себе мыть одежду или себя... или подобном.

Стр. 660, "Это "Хай... о!" задумывается...: нет закрывающей кавычки.

Изменения

Иллюстрации и (единственная) сноска перенесены за пределы абзацев текста.

Несколько мелких очевидных ошибок форматирования, типографских и пунктуационных ошибок и опечаток были исправлены втихую. Удалены некоторые лишние повторяющиеся слова.

McGillivray, M'Gillivray и M'Gillivray были стандартизированы до M'Gillivray, M'Briar и M'Briar до M'Briar; Gi'ôm и Gi'om до Gi'ôm; *i.e.* и *i.e.* были стандартизированы до *i.e.*

Список иллюстраций, оглавление и указатель: Некоторые названия были стандартизированы, чтобы соответствовать написанию, используемому в основном тексте.

Стр. 60: ... со ссылкой на иллюстрацию на странице - ... заменено на ... со ссылкой на иллюстрацию на странице 63 ....

Стр. 103: Подпись под второй иллюстрацией: См. стр. 149 заменена на См. стр. 148.

Стр. 110: ... стряхнуть пыль ... заменено на ... стряхнуть пыль ...; после ... вставлена закрывающая кавычка. Я думал, началась гражданская война.

Страница 180: Открывающая одинарная кавычка вставлена перед ... ты хочешь обмануть меня...; открывающая двойная кавычка вставлена перед Имитированное видение пророка .....

Страница 181: Закрывающая одинарная кавычка вставлена после ... Теперь я вижу. Вот!

Стр. 195: ... дождь был вынужден провалиться заменено на ... дождь был вынужден провалиться.

Стр. 199: ... гравюра № 2, на стр. 189 ... заменена на ... гравюра № 2, на стр. 188 ....

Стр. 215: Haak-een-steek заменено на Haak-en-steek

Страница 216: Texus заменен на Taxus.

Стр. 251: Tarconanthus заменен на Tarchonanthus.

Стр. 276: Главная и хвостовая ... заменено на Грива и хвост ....

Стр. 320: ... нанятые Овоквангари ... заменено на ... нанятые Овоквангари ....

Стр. 327: ... удел женщин мокололо... заменено на ... удел женщин макололо ....

Стр. 342: ... как видно на стр. 000 ... заменено на ... как видно на стр. 343 ....

Страница 346: Туба Мороко заменена на Туба Мокоро.

Стр. 393: ... такие как "самбо", кольца, ... заменено на ... такие как "самбо" кольца, ...

Стр. 421: после ... вставлена закрывающая одиночная кавычка, и что вы тогда будете делать?

Стр. 430: ... гравюра на странице 000 ... заменена на ... гравюра на странице 431 ....

Стр. 435: открывающая одинарная кавычка вставлена перед ... но если ты сможешь поймать молнию ....

Страница 543: закрывающая двойная кавычка вставлена после ... и дряхлыми, как у старухи.

Стр. 599: закрывающая двойная кавычка удалена после ... и, конечно, не очень царственный вид.

Стр. 610: ... Балбеска, ... заменено на ... Booby) ....

Страница 612: A BUBË MARRIAGE заменено на A BUBÉ MARRIAGE.

Стр. 708: ...их чистят, колотят между двумя камнями, ... заменено на ...их чистят, колотят между двумя камнями, ...; ... Как, впрочем, и было сказано, ... изменено на .... Как, однако, было сказано, ...